

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ДОКОЛУМБОВА ЭПОХА — 70-е ГОДЫ
XIX ВЕКА

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ACADEMIA DE CIENCIAS DE LA URSS
INSTITUTO DE HISTORIA UNIVERSAL

HISTORIA DE AMERICA LATINA

CONSEJO DE REDACCIÓN

N. M. Lavrov
(redactor principal)

M. S. Alperovich

A. N. Glinkin

N. G. Ilyina

N. P. Kalmikov

E. A. Larin

S. A. Sosina

L. A. Ivkina
(secretaria científica)

EDITORIAL · NAUKA · MOSCÚ

1991

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ДОКОЛУМБОВА ЭПОХА – 70-е ГОДЫ
XIX ВЕКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. М. Лавров
(ответственный редактор)

М. С. Альперович

А. Н. Глинкин

Н. Г. Ильина

Н. П. Калмыков

Е. А. Ларин

С. А. Созина

Л. А. Ивкина

(ученый секретарь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА · МОСКВА

1991

ББК 63.3(0)
И89

Рецензенты:

академик Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ
доктор исторических наук Б. Т. РУДЕНКО

**История Латинской Америки. Доколумбова эпоха—
И89 70-е годы XIX века. — М.: Наука, 1991. — 520 с.**
ISBN 5-02-009027-1

Первый в советской историографии обобщающий труд, в котором комплексно исследуются проблемы стран Латинской Америки с доколумбовых времен. В книге вскрывается сущность испанского и португальского колониальных режимов, анализируются предпосылки войны за независимость 1810—1826 гг., образование и становление молодых суверенных государств Латинской Америки в 30—70-е годы XIX в. Для широкого круга читателей.

И $\frac{0503010000-276}{042(02)-90}$ -60-90

ББК 63.3(0)

ISBN 5-02-009027-1

© Коллектив авторов, 1991

ВВЕДЕНИЕ

Институт всеобщей истории Академии наук СССР приступил к подготовке и изданию многотомной «Истории Латинской Америки». Выход в свет первой книги приурочен к 500-летию открытия Америки — великого исторического события, когда лицом к лицу столкнулись два мира, две культуры — европейская и индейская. В советской исторической науке это первый опыт создания сводного академического труда, охватывающего историю всей Латинской Америки от первых следов жизнедеятельности человека в Западном полушарии до наших дней. Выпуская этот труд, Институт всеобщей истории реализует часть плана издания цикла национально-региональных историй («История Европы», «История США», серия «История стран Африки», создаваемая совместно с Институтом Африки АН СССР, и т. д.). Были и другие веские причины приняться за «Историю Латинской Америки». Во-первых, велика объективная потребность в таком труде — до сих пор советский читатель может пользоваться единственным изданием по истории всей Латинской Америки: книгой американского ученого А. Б. Томаса, написанной еще в первой половине 50-х годов XX столетия. Исторические очерки по новой и новейшей истории Латинской Америки, издававшиеся в разное время специально как учебные пособия для студентов, невелики по объему и посвящены в основном политической истории. Во-вторых, к сегодняшнему дню советская латиноамериканистика далеко продвинулась в изучении истории как отдельных стран (здесь в первую очередь заслуживают упоминания обобщающие труды по истории Мексики, Бразилии, Чили, Аргентины, Кубы, в 60—70-е годы выпущенные Институтом всеобщей истории АН СССР), так и отдельных важных проблем (цикл трудов Института Латинской Америки АН СССР по социальным структурам латиноамериканских стран, исследования по древней истории и современному положению американских индейцев, подготовленные специалистами из Института этнографии и Института археологии АН СССР). Опубликованы сотни монографических работ и тысячи статей по отдельным сюжетам истории латиноамериканских стран. Все это в совокупности создало основу для предпринятого нами обобщения.

К написанию этого труда привлечены ведущие латиноамериканисты Института всеобщей истории, Института Латинской Америки и других учреждений Академии наук СССР, специалисты, работающие в высшей школе, прежде всего в МГУ им. М. В. Ломоносова. Соединение усилий многих латиноамериканистов позволило предложить читателю комплексное исследование, воссоздающее картину экономического развития континента, социальных процессов там на протяжении столетий и содержащее описание и анализ событий гражданской истории, наиболее характерных достижений культуры. В «Истории Латинской Америки» выявлены как общие черты в историческом становлении латиноамериканских стран, так и особенности развития каждой из них.

Коллектив историков-латиноамериканистов стремился учесть важнейшие достижения отечественной и зарубежной науки последних лет. Вместе с тем не все новации нашли здесь поддержку, в ряде случаев, на наш взгляд, традиционные концепции выглядят более аргументированными. Предпринятая попытка создать обобщающий свод многовековой истории Латинской Америки, авторы отдавали себе отчет и в том, что многие сюжеты латиноамериканской истории разработаны недостаточно, по другим идут споры, поэтому решение отдельных научных проблем в труде лишь намечено.

Прежде всего о *предмете* исследования. Мы рассматриваем историю Латинской Америки как историю всех народов, населявших и населяющих территорию Американского континента к югу от Рио-Гранде. Авторы исходят из концепции латиноамериканской истории как единого целого, характеризующегося общностью культурно-этнических основ и исторических судеб и занимающего определенное место в современной картине мира. Эта общность возникла еще в древности, до встречи индейцев с европейцами и обрела большую устойчивость с XVI в., когда на всем пространстве от Мексиканского нагорья до Патагонии утвердились единые принципы государственности, однотипные производственные отношения (не исключавшие, конечно, многообразия форм этих отношений) и постепенно развивавшиеся хозяйственные связи.

Эти интегрирующие факторы латиноамериканской истории находились в то же время в сложном диалектическом взаимодействии с факторами дезинтегрирующими. К последним следует отнести различия в географических условиях проживания и экономической деятельности, в структурах формировавшихся этносов (удельный вес индейских элементов, находившихся к тому же на различных уровнях социально-экономического развития к моменту европейской колонизации; место рабства черных невольников; интенсивность иммиграционных потоков из Европы в XIX—начале XX в. и т. д.). Словом, в поле зрения исследователей оказывается вся совокупность векторов, составляющих единую линию исторического развития Латинской Америки.

Труд написан с марксистских методологических позиций. Теория смены общественно-экономических формаций — теоретическая канва при анализе исторического процесса и убедительный способ его объяснения. В то же время авторы отчетливо понимают, что формационные типы в Латинской Америке отличаются большим своеобразием, выделяющим их в ряду известных мировой истории аналогов.

Так, Новый Свет не знал классической формы рабовладения, полисной организации общества, характерной для античного Средиземноморья. Даже культуры городов-государств майя I тысячелетия н. э. скорее напоминали ранневосточные деспотии, чем полисное устройство. Империи древних индейцев в существенных чертах воспроизводили типы общественных отношений, характерных для так называемого азиатского способа производства, но об их способности к социально-экономической трансформации невозможно судить, поскольку процесс естественного развития неоднократно прерывался из-за разрушительных миграций и наконец был насильственно прекращен европейскими завоеваниями в XVI в.

Следующая формационная ступень — феодализм — самая сложная и дискуссионная тема в латиноамериканской истории. Феодально-абсолютистские монархии, каковыми в XVI—XVIII вв. являлись Испания и Португалия, стремились воспроизвести в своих колониях порядки, соответствовавшие социальным и политическим отношениям в метрополии. Но прямой перенос не состоялся. Начался сложный синтез институтов собственности

и власти из элементов, и сохранившихся от доколумбовых обществ, и привнесенных из Европы. К тому же оказалось, что во многих районах не хватает людей как основной производительной силы, и для получения необходимой массы прибавочного продукта пришлось прибегнуть к массовому использованию труда африканских рабов, что породило в ряде областей довольно мощный уклад плантационного рабства (в Бразилии и на островах Карибского бассейна он даже стал господствующим). Возникла сложная картина многоукладной экономической системы, механизм функционирования которой еще предстоит детально проанализировать науке.

Нелегко поддается анализу и процесс становления и развития следующей формации — капиталистической. Капитализм в Латинской Америке обладал определенной спецификой на всех фазах его развития — от первоначального накопления капитала вплоть до образования монополистического капитала.

Появление социализма в Латинской Америке также имеет свои особенности, связанные в первую очередь с ключевой ролью субъективного фактора революционного процесса на Кубе, а также особенностями международных отношений в то время, определявших в первую очередь противоборством двух общественно-экономических систем.

Создатели «Истории Латинской Америки» преследовали цель показать историю континента как *составную часть всемирной истории*. Эта цель реализовывалась двояко: во-первых, путем анализа действия универсальных законов исторического развития, в наиболее общей и законченной форме выявленных теорией смены общественно-экономических формаций; во-вторых, поиском реальных связей между различными элементами исторического процесса, явлениями истории как таковыми.

Само «открытие Америки», выражаясь языком традиционной историографии, или «встреча культур», как стали говорить в последнее время, знаменовало возникновение нового качества в истории человечества — действительное объединение ее частей в единое целое и активное взаимодействие этих частей.

Мы считаем возможным использовать оба понятия. Действительно, различия в уровнях социально-экономического развития не дают оснований к заключению о преимуществах тех или иных культур. Культура каждого народа самобытна и имеет непреходящую ценность. Поэтому мы разделяем позицию тех ученых, которые считают, что на рубеже XV и XVI столетий состоялась встреча двух цивилизаций, двух культур. Однако эта встреча носила характер столкновения, имевшего драматические последствия для коренных обитателей Америки. Роль субъекта исторического действия в этот момент пытались взять на себя европейцы, тогда как индейцам отводилась роль объекта (в экономическом плане — объекта эксплуатации, в социальном — подчинения иерархическим нормам феодального общества, в духовном — христианизации и включения в систему нравственных и эстетических ценностей завоевателей). Поэтому кажущаяся европоцентристской формула «открытие Америки» не может быть просто отброшена. Обе формулы, как две стороны медали, отражают основные аспекты важнейшего исторического процесса.

В самом деле. Захваты Испании и Португалии, а затем и других стран Европы в Америке коренным и драматическим образом изменили жизнь местного населения. Причем естественное развитие было нарушено на фазе существенных сдвигов в развитии индейских цивилизаций (ирригационные системы земледелия в Месоамерике, обработка металлов в Тауан-

тинсуйу, иероглифические «кодексы» майя и т. д.), обещавших ускорение в формировании более зрелых форм и структур классового общества, несмотря на разрушительные последствия межэтнических столкновений.

Необходимость хозяйственного освоения огромных пространств открытых земель, ожесточенное сопротивление индейцев и стремительное сокращение местного населения побудили конкистадоров и колониальные власти прибегнуть к массовому ввозу в Америку негров-рабов с Западного побережья Африки. Экспедиции за «живым товаром» нанесли непоправимый ущерб африканским культурам, надолго задержали и даже обратили вспять развитие ряда регионов Африки. Наконец, открытие Америки дало простор первоначальному накоплению капитала в Европе, пробило бреши в плотинах на пути развития капитализма в Старом Свете. Мощным побудительным стимулом при этом послужило золото и прочие драгоценные металлы, вывезенные из Америки в XVI—XVIII вв.

Европейцы с самого начала стремились строить свои отношения с индейцами на основе реализации модели «субъект—объект». Однако эта модель не реализовалась и не могла реализоваться в полной мере. С течением времени местная культура, местные традиции проявляли себя все заметнее в поведении и трудовой деятельности переселенцев. Шел процесс синтеза культур и наций, приведший к образованию новых этносов, роль которых в формировании общечеловеческой культуры росла век от века. Латинская Америка не только подарила миру бесценный список возделываемых растений, без которых немислимо представить рацион питания современного человека, но и обогатила мировую культуру высочайшими достижениями литературы и изобразительных искусств (достаточно вспомнить животворную поэтическую традицию от Хуаны Инес де ла Крус до Пабло Неруды, латиноамериканский роман XX в., живопись мексиканских муралистов и многое другое), науку — оригинальными концепциями экономического развития, революционную теорию — заново осмысленным опытом народных движений, международные отношения — миротворческими усилиями.

Включение Латинской Америки в контекст мировой истории в колониальный период шло в первую очередь через формирование международного капиталистического рынка. Латиноамериканский регион не только стал базой добычи драгоценных металлов, но и поставлял в больших количествах в Европу продукцию плантационного сельского хозяйства — в основном сахар. Латинская Америка, в свою очередь, являлась потребителем европейских товаров, обычно ввозимых контрабандным путем, а также идей и учений Старого Света. Латиноамериканская интеллигенция тяготела к европейской культурной традиции, преимущественно ее романо-католическому варианту. Распространение среди креольской верхушки идей и политических учений, вызревших в Старом Свете и в Северной Америке, в силу различия исторических условий производило порой совсем иной эффект. Так, идеи Просвещения, питавшие в Европе социальные устремления третьего сословия, за океаном послужили интеллектуальной и моральной основой формирования антиколониального сознания имущих слоев населения, в том числе и крупных земельных собственников. Таковы своеобразные проявления единого мирового процесса.

Война за независимость в Латинской Америке подчеркнула приобщенность народов этого континента к мировой истории. Она оказалась генетически связанной с революционными событиями в Европе, которые стали детонатором мощного освободительного движения в Новом Свете. В отдель-

ных чертах война за независимость приобретала характер буржуазной революции (торжествующий республиканизм, формирование институтов политической власти и основных законов по образцу передовых стран Европы и США, фритредерские тенденции и т. д.). Однако последовательного развития буржуазные тенденции не получили. Более того, республиканский образ правления не стал препятствием для установления авторитарных, диктаторских режимов и власти каудильо, высвобождение торговли от запретов и ограничений вызвало приток иностранных товаров, разорявший местную промышленность и ослаблявший позиции буржуазных элементов в латиноамериканских странах. В считанные годы сошла с политической арены плеяда блестящих мыслителей и революционеров, воодушевленных идеями Просвещения и социальных перемен: в Аргентине на смену Морено и Ривадавии приходит зловещая фигура Росаса; в Мексике борец с рабством Герреро уступил место беспринципному диктатору Санта Анне; Колумбия, потеряв Боливера и Сантандера, вступила в полосу гражданских войн, подогревавшихся честолюбивыми амбициями кандидатов в диктаторы. Похожая ситуация складывалась и в других странах. Даже в тех государствах, где проявился дух преобразований (Парагвай Франсии, Чили Портале-са, Венесуэла «либеральных каудильо»), он не смог парализовать консервативные олигархические силы, добивавшиеся почти повсеместно установления своего политического господства.

В Европе процесс становления буржуазного общества не был прямолинейным: на протяжении XIX в. не раз ввергались в революции многие страны континента. Даже Франции после Великой революции XVIII в. пришлось пережить еще три революционных потрясения. И в Латинской Америке наблюдалось несколько революционных волн. Однако не в этой схожести заключена основная связь латиноамериканской истории со всемирно-историческим процессом. Глубинная связь лежала в экономической сфере.

Латинская Америка втягивалась в процесс формирования мирового капиталистического рынка, в котором заранее оказались расписаны роли всех действующих лиц на многие десятилетия вперед. Еще в первой половине XIX в. латиноамериканские страны начали испытывать усилившееся экономическое и политическое давление Великобритании. А к концу века вслед за английскими капиталистами в Латинскую Америку устремились и финансовые круги других европейских стран, а также США.

На протяжении XX в. выработывалась модель, получившая в международной экономической литературе название *Север—Юг*, где латиноамериканские, так же как и азиатские и африканские, страны сформировали зону отсталости, базу сырья и трудовых ресурсов, рынка промышленных товаров, произведенных в развитых странах капитализма. Эта модель в основных чертах сформировалась к концу 20-х годов, когда экономический кризис 1929—1933 гг. показал, как крепко привязана Латинская Америка к мировой капиталистической системе.

Однако нельзя и упрощать роль западного капитала в судьбах Латинской Америки. Он действительно способствовал деформации экономики латиноамериканских стран, искал и находил поддержку со стороны консервативных сил, в то же время иностранный капитал нес с собой новые технологии, подключался к программам развития государств континента, вызывавшим здесь изменения социально-экономических структур. Развитие буржуазии и рабочего класса Латинской Америки способствовало дальнейшему сближению латиноамериканской и мировой истории в идейной и политической сферах.

Еще в XIX в. Латинская Америка сумела воспринять либеральные и социалистические (в том числе и в синдикалистской, и в анархистской одеждах) идеи. Великий Октябрь вызвал на континенте к жизни коммунистические идеи и организации. Формы столкновения сил прогресса и реакции, характерные для Европы 20—30-х годов, нашли отражение и в Латинской Америке: фашизм и борьба с ним на основе Народного фронта — феномен не только европейский, но и латиноамериканский. Вторая мировая война, создание Организации Объединенных Наций, движение неприсоединения и даже массовые демократические, в первую очередь молодежные, выступления конца 60-х—начала 70-х годов подчеркнули целостность исторического процесса, в котором Латинская Америка представляется органическим элементом. Наконец, победа Кубинской революции показала, что социализм — историческое явление, доступное и латиноамериканским народам.

Проблема идентификации истории Латинской Америки как части всемирно-исторического процесса оказалась не единственной теоретической проблемой, которую пришлось решать создателям этого труда.

Периодизация истории Латинской Америки до сих пор остается областью научных споров. Если вычленение таких крупных блоков, как Древнейшая и Древняя Америка, колониальная история и освободительная война, не вызывает разногласий большинства историков-латиноамериканистов различных школ и направлений (здесь дискуссионными остаются в основном вопросы внутренней разметки этих эпох), то периодизация последующей истории оказывается поливариантной.

Авторы настоящего труда, исходя из латиноамериканской истории как части всемирно-исторического процесса, ориентировались на периодизацию всемирной истории.

Первый период: от окончания войны за независимость (1826 г., для Бразилии — 1822 г.) до 70-х годов XIX в. Это — время становления национальных государств в Латинской Америке, созревания буржуазных отношений, составивших к концу этого периода если не ведущих, то по крайней мере наиболее динамичный, системообразующий уклад. Естественно, момент завершения этого периода для различных стран не одинаков: для Мексики — это окончание эпохи либеральных реформ (1876 г.), для Бразилии — свержение монархии (1889 г.), для группы Андских стран — Тихоокеанская война (1879—1883 гг.), последствия которой серьезно отразились на темпах их развития, и т. д.

Следующий период доходит до 1918 г. Для всемирной истории это время перехода капитализма в монополистическую стадию и борьбы империалистических государств за передел мира; он завершается первой мировой войной и революционным прорывом из нее и всей системы мирового капитализма — Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Для Латинской Америки это период резкого усиления экономической и политической зависимости от наиболее развитых стран Европы и США, революционных взрывов и демократических движений в ряде стран континента (наиболее характерны в этом отношении Мексиканская революция 1910—1917 годов, деятельность радикалов в Аргентине, батльистов в Уругвае, соратников Бальмаседы в Чили и т. д.), возникновения рабочего движения.

Затем идет период 1918—1939 (или 1945) гг. (вторая мировая война, как пограничное событие, может соединяться как с предшествующей, так и последующей эпохой), характеризующийся усилением революционного движения, образованием коммунистических и рабочих партий, включением

континента в сферу открытого столкновения сил фашистской реакции и демократии, началом процесса индустриализации.

Период 1939/1945—1959 гг. — время, когда страны Латинской Америки были заняты поисками моделей экономического и социально-политического развития по трем главным направлениям: модернизированные правоавторитарные режимы (Перес Хименес в Венесуэле, Рохас Пинилья в Колумбии), национал-реформистские варианты (Варгас в Бразилии, Перон в Аргентине, Фигерес Феррер в Коста-Рике) и революционно-демократические опыты (Гватемала, Боливия), увенчавшиеся победой Кубинской революции.

С 1959 г. начинается современный этап латиноамериканской истории, отмеченный возникновением нового качества — социалистических преобразований в одной из стран Западного полушария. Будучи важнейшей вехой для истории всего континента, Кубинская революция, конечно, не является обязательной точкой отсчета для национальных историй, а служит лишь условным ориентиром. Так, в Венесуэле перелом связан с восстанием 1958 г. и выбором национал-реформистского курса на длительный период; в истории Ямайки выделяется 1962 г. — год обретения независимости; дата основания Сандинистского фронта национального освобождения (1961 г.) может считаться рубежом в никарагуанской истории.

Большую сложность для исследователей истории Латинской Америки, объединившихся для написания этого труда, представляла *композиция* повествования. Известная целостность предмета или типологическая близость его частей в эпохи доколумбовой Америки, колониального режима и войны за независимость позволили широко использовать проблемно-синтетический подход, который, не исключая описания и детализации отдельных исторических явлений, делает упор на генерализацию линии развития, выявление наиболее характерных черт той или иной эпохи.

С возникновением национальных государств нарушается прежнее течение истории. Теперь оно приобретает поливариантность. Сущность процесса постигается через многообразие явлений, которые сами по себе составляют важнейшую цель исследования. Поэтому пришлось отказаться от непосредственного синтеза национальных историй, оставив решение такой задачи для монографических работ. В предлагаемой «Истории Латинской Америки» такой подход к истории экономики, общественной мысли, международных отношений и т. д. реализован лишь частично.

Вместе с тем авторы стремились на материале различных стран континента выявить их место в едином историческом процессе Латинской Америки. Внимательный читатель в очерке о любом государстве столкнется с такими темами, как развитие капиталистических отношений, борьба буржуазной демократии с олигархией, политическая и экономическая экспансия империализма на континенте, возникновение и развитие рабочего и современного демократического движения, многообразие форм революционного процесса и т. д.

Избранная последовательность изложения национальных историй определялась масштабом и значением событий в латиноамериканских странах при учете историко-географических факторов, позволяющих выявлять регионы и субрегионы. Несомненно, однако, что всякая регионализация приближительна и условна. Чили, например, может с равной степенью убедительности сопргататься с Перу и Боливией как соучастниками сложных международных споров, которыми насыщена история XIX в.; в то же время Чили может быть соотнесено по существенным экономическим и демографическим признакам с Аргентиной. Парагвай по природным условиям и историческим корням тяготеет к Аргентине и Уругваю, а индейский фактор

и экономическая обособленность в то же время сближают его с Боливией. Панама тяготеет и к Колумбии, и к Центральной Америке. Венесуэла принадлежит и к Андским странам, и к зоне Карибского бассейна. На разных этапах исторического развития указанные моменты действуют с неодинаковой интенсивностью и потому в разных книгах «История Латинской Америки» мы увидим разный порядок размещения исторического материала.

Поскольку этот труд создавался в СССР — стране, издавна имеющей добрые отношения с государствами Латинской Америки, а также в связи с хорошей разработанностью темы русско-латиноамериканских и советско-латиноамериканских связей, эти сюжеты нашли свое отражение в специальных главах. При этом авторы и редакционная коллегия отдают себе отчет в том, что названные связи объективно не могут выдвигаться как первостепенные в сравнении, скажем, с отношениями латиноамериканских стран с Испанией, Соединенными Штатами Америки или Великобританией.

Быть может, одна из самых больших трудностей для авторов «Истории Латинской Америки» заключалась в строгом отборе исторического материала из огромной массы источников, в ограничении сюжетов, по необходимости скупом освещении некоторых проблем. Таким образом, оказалось, что экономика и политические события даны в книге с большими подробностями, чем картина социально-демографических изменений или развитие общественной мысли и науки.

Стремясь к выявлению основных причинно-следственных связей, мы в то же время не забывали, что история — всегда продукт деятельности людей, причем не только масс, социальных групп, партий, но и отдельных личностей, игравших подчас трагические и героические роли. Поэтому авторы хотели в своем труде донести до читателя горячее дыхание истории, драматизм ее конфликтов: и горькую участь пленника испанцев индейского вождя Атуэя, заживо сожженного на костре за попытку защитить свою землю; и тревожную напряженность гуаякильского свидания, навсегда воздвигшего стену между двумя великими латиноамериканцами — Боливаром и Сан-Мартинем; и отчаяние бразильского президента Ж. Варгаса, ценой собственной жизни вдохнувшего новые силы в патриотическое движение в защиту национальной экономики; и радостное возбуждение Фиделя Кастро и его соратников в новогодние дни 1959 г. Сотни лиц пройдут перед читателем, напоминая ему, что в жизни наций, как и людей, бывают счастливые и горькие часы.

Предлагая советскому читателю этот труд, — а мы надеемся, что с ним познакомятся не только специалисты, но также студенты, школьники, все люди, интересующиеся историей, — авторский и редакторский коллектив рассматривает свою миссию как одно из проявлений нового политического мышления, открывающего широкие перспективы экономического, политического и культурного сотрудничества между народами. Укрепление контактов между СССР и латиноамериканскими странами, вместе выступающими за мир и социальный прогресс, создает дополнительные предпосылки для строительства человеческого сообщества, основанного на взаимном доверии и глубоком уважении к культурному и историческому наследию всех народов, населяющих нашу Землю.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО СОЗДАНИЯ
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На американской земле нет и, судя по данным археологии, не было человекообразных обезьян, и появление человека здесь, видимо, связано с миграционными процессами, причем наиболее вероятный их путь: Чукотка — Берингов пролив (возможно, Берингов перешеек) — Аляска¹. Становление и прогресс человеческого общества на Американском континенте в общих чертах шли теми же путями, что и в Старом Свете, представляя собой одно из проявлений всеобщих законов исторического развития в специфических конкретно-исторических формах.

По данным последних исследований, время обитания человека в Америке не превышает 40—50 тыс. лет. Это означает, что, переселившись на новый материк, палеоиндейские племена должны были вступить в противоборство с непокоренной и во многом враждебной природой, потратить на эту борьбу многие тысячелетия, прежде чем перейти к качественно более высокому этапу общественного развития. Это стало одной из важнейших причин того, что в целом древние народы американского региона отставали в своем историческом развитии от народов Азии, Африки и Европы². Однако ко времени открытия Америки Колумбом индейские народы в определенной мере ликвидировали это отставание, уверенно ступив на путь развития классовых обществ и государств.

Вторая особенность исторического бытия человека в Америке до открытия ее Колумбом состоит в том, что из-за отсутствия крупных тягловых животных здесь была одомашнена только лама, которая могла использоваться как вьючное животное, да и то в ограниченных масштабах. Вследствие этого древнее население Америки оказалось лишенным одной из существенных частей производительных сил, каким является тягловый скот, и Американский континент почти не знал (за исключением части Центрально-андской области) такого мощного фактора общественного прогресса, как первое великое общественное разделение труда — отделение скотоводства от земледелия.

Постепенное развитие производительных сил привело к качественному изменению существа эксплуатации древним человеком сил природы, к так называемой «неолитической революции», в результате которой главную роль начинает играть не присваивающее, а производящее хозяйство, что, как и в Старом Свете, было связано прежде всего со становлением земледелия. Новейшие данные показывают, что истоки «неолитической революции» как в Месоамерике³, так и в Андской области относятся самое позднее к VII

¹ См.: *Hrdlicka A.* Origin and Antiquity of the American Indian // Annual Report of the Smithsonian Institution. Wash., 1923; *Rive P.* Los orígenes del hombre americano. México; Buenos Aires, 1960.

² *Мочанов Ю. А.* Палеолит Северной Европы и начальный этап заселения Америки человеком / Берингская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. Хабаровск, 1973.

³ Географическая и культурно-историческая область на территории Мексики и Центральной Америки. Концепцию области предложил в 1943 г. немецкий ученый П. Кирхгоф. По его мнению, примерная северная граница области идет от устья р. Синалоа на юго-восток по Западной Сьерра-Мадре, пересекает Мексиканское нагорье, далее на восток до устья р. Пануке. На юг область распространяется до полуострова Никая в современной Коста-

тысячелетию до н. э. Окончательно же земледелие становится основой экономики в середине III тысячелетия до н. э. в районе Аякучо (Перу), на рубеже III—II тысячелетий до н. э. в Центральной Мексике (Теуакан), во второй половине II тысячелетия до н. э. на северо-востоке Мексики (ныне штат Тамаулипас), в конце II—начале I тысячелетия до н. э. на перуанском побережье⁴.

Необходимо отметить, что, когда древнейшее население континента стало переходить к земледелию, почти единственным злаком, который был одомашнен, оказался маис⁵. Но зато, по выражению Ф. Энгельса, маис был наилучшим из культурных злаков⁶.

Главным достоинством маиса является его высокая урожайность; возможность же сравнительно легко хранить маис длительное время дала человеку значительную независимость от капризов природы, освободила часть его сил и времени (ранее затрачиваемых почти исключительно на поиски и добывание пищи) для других целей: развития ремесла, торговли, духовной деятельности, о чем свидетельствует богатый археологический материал. Расширение производства маиса и других культур неизбежно должно было вести к появлению значительного по объему прибавочного продукта, в условиях чего становится вероятным зарождение имущественного, а затем и социального неравенства между людьми, появление классов и государства.

Логично всю историю цивилизаций и государств в Западном полушарии до 1492 г. делить на два больших этапа — древнейший и древний. Это вызвано как различной степенью интенсивности процессов классовообразования и зрелости государственного устройства, так и тем, что между указанными этапами лежит период (примерно VIII—XII вв. н. э.), в течение которого происходит падение всех первых государственных образований (древнейших); после же этого периода-рубежа начали формироваться (в редких случаях — возрождаться) государства и цивилизации, которые хотя и были современниками европейского Возрождения, тем не менее по характеру общественных отношений могут принадлежать только к древним⁷.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АНД

Чавин

Раньше других, примерно во второй половине II тысячелетия до н. э. складывается цивилизация Чавин, наиболее полно воплотившая в себе черты формативного периода⁸. Ее ареал — северо-западная часть современного Перу. Она уходит корнями в толщу веков и даже тысячелетий. Так, Дж. Берд обнаружил изображения кондоров и двухголовых змей, сходные с чавинскими, в искусстве культуры Уака-Приета (вторая половина III—начало II тысячелетия до н. э.). История существования этой цивилизации охва-

Рике. См.: *Kirchhoff P. Mesoamerica: Heritage of conquest. The ethnology of Middle America.* Glencoe, 1952.

⁴ *Башилов В. А. Появление культурных растений в древнейших земледельческих центрах Америки // Лат. Америка. 1980. № 5. С. 93—95; Он же. Темпы исторического прогресса в важнейших центрах «неолитической революции» Нового и Старого Света // Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985. С. 45—46.*

⁵ Другой злак — кинуга (разновидность проса) был окультурен лишь на довольно ограниченной территории.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 30.*

⁷ *Культура Перу. М., 1975.*

⁸ *Lumbreras L. G. Los orígenes de la civilización en el Perú. Lima, 1974. P. 68, 81.*

тывает огромный отрезок времени; ее упадок начинается лишь в IV в. до н. э. Влияние Чавина простирается на обширные территории северной и центральной части перуанской сьерры и коста⁹ Центральный памятник Чавина, носящий название Чавин-де-Уантар, находится в перуанской провинции Уари (департамент Анкаш). Пока еще нет точной датировки памятника, к тому же отдельные его части, видимо, относятся к различным периодам. Не исключено, что первоначально Чавин-де-Уантар представлял из себя скромное городище, но в период расцвета он, скорее всего, являлся крупным религиозным центром, на что указывают изображения священных животных (кошачьих, кондоров, змей) и наличие специальных мест культового назначения. В качестве основного строительного материала чавинцы использовали камень, в обработке которого (в том числе и художественной) они достигли большого мастерства. Вместе с тем именно в чавинском обществе впервые в Андской области довольно широкое применение в ремесленном производстве стали находить металлы, сначала золото, позднее серебро и медь. Бурный рост ремесла предопределил установление широких торговых связей с очень отдаленными районами¹⁰ Экономическое могущество Чавина, несомненно, еще больше укрепляло власть жрецов, стоявших во главе государства. Однако чавинская теократия в условиях территориальной и экономической экспансии — с одной стороны, усиления эксплуатации трудящихся масс, следовательно, и роста их недовольства — с другой, неизбежно должна была прибегать к решительной централизации власти, вследствие чего верховный правитель, жрец, мог все больше приобретать черты восточного деспота, а само чавинское общество — рабовладельческой деспотии, при которой сельская община превращалась в коллектив тружеников, подвергающийся эксплуатации со стороны рабовладельческого государства.

Власть над огромной территорией, экономическое могущество, высокий престиж Чавина как культового центра, наконец, все большее сосредоточение юридической, законодательной и судебной власти в руках верховного правителя благоприятствовали зарождению и укреплению концепции «мирового центра», каковым стал считаться Чавин¹¹

Присуществовав свыше полутысячелетия, пережив расцвет и упадок, чавинское общество окончательно распадается, и цивилизация Чавин угасает. Однако задолго до этого чавинская культура вступила в активный процесс взаимодействия с культурами народов, находящихся за ее пределами. Это был один из факторов, который не только поддерживал силы чавинского общества и предопределил его столь длительное существование, но и обеспечил активный переход элементов высокой чавинской цивилизации к другим этносам: здесь эти элементы сыграли своего рода роль катализатора общественного развития. Разумеется, влияние цивилизации Чавин оказалось эффективным лишь в тех районах, где производительные силы достигли относительно высокого уровня. Там оно будет затем ощущаться в течение столетий. Чавин оказал столь глубокое воздействие на развитие человеческого фактора в Центральных Андах, что перуанские ученые склонны видеть в Чавине «корень культуры Анд» и культуру — праматерь перуанской цивилизации¹².

⁹ Территорию Перу (и некоторых других государств) принято делить на районы: коста (Прибрежный район), Горный, или Центральный (сьерра), и Восточный, или сельва.

¹⁰ *Lumbreras L. G. Los origenes.* P. 73.

¹¹ *Ibid.* P. 76.

¹² *Buse H. Perú 10 000 años.* Lima, 1962. P. 23; *Tello J. C. Chavin, cultura matriz de la civilización peruana.* Lima, 1961.

Период после угасания цивилизации Чавин, охватывающий в среднем три-четыре века, перуанские историки именуют «эпохой региональной эмансипации», хотя речь идет не столько об освобождении местных культур от чавинского влияния, сколько о плодотворном взаимодействии между чавинскими и местными элементами. Указанное взаимодействие и подготовило качественно новый этап в древнейшей истории Андской области, именуемый «эпохой регионального расцвета», а также «классическим этапом» («этапом классических локальных культур») ¹³.

Паракас

Начиная с первых веков н. э. в Центральных Андах возникают новые цивилизации: Паракас, Наска, Мочика (позднее — ее прямой наследник Чиму), Тиауанако. Главные очаги цивилизации, известной сегодня под названием Паракас, располагались к югу от современной перуанской столицы. На ранних ступенях развития Паракаса особенно ощутимо сказывалось культурное влияние Чавина, но и позже сохраняются мотивы кошачьих (ягуара) и кондора в паракасском изобразительном искусстве. В отличие от Чавина данная цивилизация никогда не занимала большой территории.

Культура Паракаса достигла больших высот, особое восхищение вызывают паракасские ткани. Ни в одной части земного шара на столь ранней стадии общественного развития искусство ткачества не достигало такого совершенства. Ткани Паракаса привлекают внимание не только качеством, разнообразием и мастерской выработкой, но и обилием сюжетов и узоров. В них можно найти изображения рыб, змей, людей, обезьян, божеств, сложные геометрические орнаменты, а также таинственные сцены с участием большого числа существ, трудно идентифицируемых с реальными представителями животного мира. Видимо, эти изображения запечатлели переход от тотемических верований к «очеловеченным» культам, начавшийся еще в недрах родового общества. Отсюда такие сочетания, как рыба с лицом человека. По всей видимости, среди паракасцев начинала складываться концепция главного бога ¹⁴. Что же касается содержания сцен, то высказываются предположения, что они представляли собой разновидность пиктографического письма.

Другим достижением паракасской цивилизации был высокий уровень хирургии, широко применявшей средства антисептики и анестезии ¹⁵.

Совершенно очевидно, что достижения паракасских ремесленников и ученых, высокий уровень их специализации оказались возможны лишь на основе значительного развития земледелия. И действительно, в могильниках Паракаса были обнаружены остатки маиса, фасоли, арахиса. К этим плодам добавлялись обильные дары прибрежных вод Тихого океана.

Таким образом, как и в чавинском обществе, здесь сложились условия для появления прибавочного продукта, а затем и социальной дифференциации. В паракасских могильниках покоятся останки людей, разнящихся между собой в имущественном и социальном положении, хотя масштабы этих различий не были значительны.

¹³ Historia general de los peruanos. T. I. El Perú Antiguo. Lima, S. a. P. 94—95, 264 etc.

¹⁴ Calimberti Miranda C. A. Interpretación de los personajes mitológicos del Manto 5, del Fardo Funerario de Paracas 27, abierto en la Universidad Nacional del Cuzco // Revista del Museo e Instituto Arqueológico. Cuzco, 1967. Jun., N 21. P. 99.

¹⁵ Sallinas Garcia T. Historia del Perú. Lima, 1958. P. 26.

Хронологические рамки Паракаса пока не установлены. Одни исследователи определяют срок этой цивилизации в 600—700 лет, другие увеличивают его чуть ли не вдвое¹⁶.

Наска

Первая половина I тысячелетия н. э. является периодом становления цивилизации Наска, генетически восходящей к паракасской и вначале выступавшей лишь как одно из ее ответвлений, окончательно отпочковываясь от нее на стыке III и IV в. н. э. Сохранив в преобразованном виде многое из паракасского наследия, Наска дала в то же время замечательные образцы оригинального проявления культуры — полихромную керамику, необычайно разнообразную по стилю и содержанию; некоторые мотивы росписей (кошачьи хищники, двухголовые змеи) восходят к культуре Паракас.

Одной из загадок цивилизации Наска являются многочисленные полосы и фигуры, прочерченные на пустынных плато юга перуанского побережья. Содержание этой «наземной росписи» также многообразно: геометрические линии и орнаменты, изображения паука, рыбы, птицы. Отдельные линии достигают колоссальных размеров — до 8 км! Некоторые изображения обнаружены лишь с самолета, их функциональное назначение неясно. Высказано много догадок и гипотез, но до сих пор не выяснено, были ли они наземным календарем, носили ли ритуальный или военно-ритуальный характер, а может быть, являются «следами космических пришельцев»?

На рубеже I и II тысячелетий н. э. насканская цивилизация исчезает¹⁷.

Мочика

Хронологически цивилизация Наска почти полностью совпадает по времени становления и упадка с самой северной перуанской цивилизацией — Мочика (или Мучик), центром которой была долина Чикама. В конечном счете Мочика также восходит к Чавину, но между Мочика и Чавином лежит несколько веков, в течение которых на севере территории, ныне занимаемой Перу, существовали культуры Салинар и Куписнике. Через них-то (особенно последнюю) Мочика генетически и связана с Чавином.

Хозяйственной основой общества было орошаемое земледелие, причем в некоторых долинах крупные ирригационные системы возникли еще в домочиканскую эпоху. Масштабы этих систем были весьма значительны. Так, магистральные каналы в долине Виру составляли не менее 10 км в длину, несколько метров в ширину и глубину. Поля, разбитые на прямоугольные участки размером в 20 кв. м, получали воду из распределителя. Длина же канала в долине Чикама — 113 км¹⁸. Широко использовались удобрения (гуано с близлежащих островов). Мочикские земледельцы (помимо окультуренных ранее тыквы, кукурузы, перца, фасоли и др.) ввели в оборот новые овощи и фрукты: камоте, юку, чиримойю, гуанабано и др. Из животных разводились используемые в пищу ламы и морские свинки. Важное место в экономике мочиканцев принадлежало рыболовству, охоте (к примеру, на морских львов), сбору птичьих яиц.

¹⁶ См.: Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972 (таблица «Хронология древних цивилизаций Центральных Анд»); Valcárcel L. E. Etnohistoria del Perú Antiguo. Lima, 1964. P. 54.

¹⁷ Historia general de los peruanos... P. 334.

¹⁸ Березкин Ю. Е. Мочика. Л., 1983. С. 31; Historia general de los peruanos... P. 309.

Чавин-де-Уантар
Жертвенная чаша в виде
пумы (камень)

Фигурные сосуды мочика:
музыкант и гончар
(керамика)

Тиауанако.
Фигурка воина
(керамика)

Довольно далеко в мочиканском обществе зашел процесс отделения ремесла от земледелия. О развитии текстильного производства свидетельствует, в частности, изображение на одном мочиканском сосуде целой ткацкой мастерской. Чаше всего изготовлялись ткани из хлопка, реже из шерсти, иногда шерсть добавлялась в хлопчатобумажные ткани.

Одно из первых мест (если не первое) занимали мочика в сфере металлургии и металлообработки (золото, серебро, медь и сплавы этих металлов). Значительные успехи были достигнуты также в градостроительстве.

Спорным остается вопрос о письменности у мочика. Наличие определенных знаков на бобах, изображение сцен «чтения» (или счета) таких бобов на сосудах, свидетельствуют о возможности наличия у мочика какой-то

знаковой системы. Однако пока нет основания считать это письменностью, хотя уровень общественных отношений уже предопределял необходимость возникновения линейного средства фиксации человеческой речи. Наиболее выразительное проявление культуры мочика — это многообразная по форме, мастерски выполненная керамика в виде скульптурных портретов, целых человеческих фигур-сосудов, покрытых рисунками, порой настолько сложными и своеобразными, что вполне оправданны попытки некоторых ученых видеть в них одну из форм пиктографии. Этот богатейший изобразительный материал, а также некоторые иные данные позволяют судить о мочиканском обществе как о раннем государственном образовании, идущем по пути становления деспотии с высоким уровнем централизации и высокой степенью развития военного дела¹⁹.

Советский исследователь Ю. Е. Березкин, основываясь на иконографическом материале, выдвинул гипотезу о наличии в мочиканском обществе пяти социальных групп²⁰, что дает основание предполагать существование сословно-кастового строя — явления, присущего многим рабовладельческим деспотиям. Цивилизация Мочика исчезает примерно в VIII в. н. э., т. е. в то самое время, когда так называемая «экспансия Тиауанако» (точнее, его варианта — Уари) достигает северных районов Перу. Однако Мочика не исчезает бесследно. Несколько забегая вперед, можно отметить, что после сравнительно недолгого периода существования на месте бывшего мочиканского ареала новой культуры Томвала здесь возникла богатая цивилизация Чиму, во многом унаследовавшая элементы мочиканской культуры, в том числе и политической.

Тиауанако

Завершая краткий обзор древнейших государственных образований в области Центральных Анд, следует обратиться к проблемам, связанным с цивилизацией Тиауанако, которая (вместе с родственной культурой Уари) распространилась на огромной территории. Хотя ее памятники уже в эпоху инков стали предметом восхищения, изучения и даже попыток реставрации, вопрос о ее истоках долгое время оставался невыясненным и до сих пор гипотетичен. Лишь в 1931 г. американский ученый У. К. Беннет обнаружил в южной части бассейна озера Титикака на полуострове Тарако остатки культуры Чирипа, предшествующей Тиауанако или современной ее ранним этапам²¹. Позже следы этой культуры были обнаружены и в других местах²². Датировка этих находок, определенная радиоуглеродным методом, — середина—вторая половина I тысячелетия до н. э.²³ Однако некоторые исследователи определяют возраст одного из памятников культуры — предшественницы Тиауанако 1290±130 лет до н. э.²⁴ Следует указать, что нельзя воспринимать всерьез утверждение боливийского исследователя А. Познанского о зарождении культуры Тиауанако более

¹⁹ *Valcárcel L. E. Estirpe bélica // Idea. Lima, 1954. N° 19. P. 5.*

²⁰ *Березкин Ю. Е. Указ. соч. С. 126—139.*

²¹ *Bennett W. C. Excavations in Bolivia // American Museum of Natural History. N. Y., 1936. Vol. 35, pt 4.*

²² *Kidder A. Digging in the Titicaca Basin // University Museum Bulletin. Philadelphia, 1936. Vol. 20. P. 28.*

²³ *Ponce Sanginés C. Wankarani y Chiripa y su relación con Tiwanaku // Academia Nacional de Ciencias de Bolivia, publicación N° 25. La Paz, 1970. P. 33—34.*

²⁴ *Portugal Ortiz M. Investigaciones arqueológicas en el valle de Tiwanaku // Arqueología en Bolivia y Perú. La Paz (Bolivia), 1977. T. 2. P. 244.*

чем 10 тыс. лет назад и о ее влиянии не только на Южную, но и на Северную Америку, включая территорию, занимаемую ныне США²⁵.

Если в отношении этнической принадлежности творцов культур Чавин, Паракас, Наска трудно строить даже догадки, то этнолингвистический облик создателей Тиауанако выглядит значительно более определенным: многие исследователи полагают, что это были далекие предки современных индейцев аймара. Согласно другой точке зрения, протоаймара обитали в периферийных районах Боливийского плоскогорья, а создатели тиауанакской цивилизации были родственны населению юга горного Перу²⁶. Интересно отметить, что, хотя расстояние между центрами цивилизации Чавин и Тиауанако весьма значительно (более 1000 км по прямой), в памятниках тиауанакской культуры обнаруживаются элементы, сходные с чавинскими: двухголовая змея, кондор, кошачьи. Особенно бросается в глаза сходство между изображениями чавинского божества на «стеле Раймонди» и центрального персонажа барельефа на так называемых Воротах солнца. Как указывает выдающийся перуанский ученый Л. Э. Валькарсель, остается открытым вопрос о хронологической принадлежности обеих фигур²⁷.

Наиболее ярким памятником этой цивилизации является городище Тиауанако в Боливии, к югу от озера Титикака — место предполагаемого центра тиауанакской культуры. Здесь находятся руины величественных мегалитических сооружений, пирамид и храмов, а также гигантские каменные изваяния. Основной строительный материал, андезит, доставлялся сюда на плотах по озеру Титикака²⁸. Типичным проявлением этой культуры стала также керамика своеобразной формы и росписи.

Расцвет культуры приходится на вторую половину I тысячелетия н. э., когда влияние цивилизации собственно Тиауанако и родственной ей Уари распространяется на огромную территорию — от северо-запада Аргентины, Кочабамбы и Оруро (по современной топонимике) до северных районов Перу, охватывая при этом и перуанское побережье²⁹.

Среди широкого круга проблем, связанных с Тиауанако, все большую остроту приобретает вопрос об общественном строе. Советский ученый В. А. Башилов считает общество Тиауанако раннеклассовым, сложившимся как таковое в начальный период своей истории. Большинство же зарубежных ученых, главным образом североамериканских, либо вообще не касаются этой проблемы, либо отрицают наличие государства, наделяя основной очаг этой культуры лишь функциями религиозного центра³⁰.

Точка зрения многих боливийских исследователей существенно отличается от вышеприведенной. По их мнению, Тиауанако — это не только культура, но и обширное государство, «империя»³¹. Наиболее четко эту

²⁵ *Poznansky A. Tihuanacu: The Cradle of the American Man. N. Y., 1945. Vol. 1—2; La Paz, 1957. Vol. 3—4.*

²⁶ *Башилов В. А. Некоторые вопросы этнической истории Боливийского Альтиплано // Сов. этнография. 1966. № 5; Он же. Древние цивилизации. . . С. 201.*

²⁷ *Valcárcel L. E. Símbolos mágico-religiosos en la cultura andina // XXXI Congreso Internacional de Americanistas. México, 1958. Vol. 2. P. 168.*

²⁸ *Ponce Sanguinés C. Las andesitas de Tiwanaku. La Paz, 1968.*

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *См.: Башилов В. А. Древние цивилизации. . . С. 73; Hardoy Y. E. Ciudades precolombinas. Buenos Aires, 1964; Hagen V. M. von. The Desert Kingdoms of Perú. L., 1965; Bushnel G. H. S. Perú. L., 1960; Bennet W. C., Bird Y. S. Andean Culture History // Handbook Series. N. Y., 1969. N 15.*

³¹ *Fellmann Velarde J. Los imperios andinos. La Paz (Bolivia), 1961; Ponce Sanguinés C. Importancia de la Cuenca Paceña en el Periodo Precolombino. La Paz (Bolivia), 1967; Guzmán A. Breve historia de Bolivia. La Paz; Cochabamba, 1969.*

концепцию сформулировал Понсе Санхинес. В XIII в. н. э. вследствие внутренних противоречий, в частности отпадения периферийных владений от центра, тиауанакское общество приходит в глубокий упадок.

Помимо указанных выше цивилизаций (Чавин, Паракас, Наска, Мочика и Тиауанако), в области Центральных Анд имелись районы, население которых подходило к порогу родового общества, за которым следовала цивилизация. К ним могут быть отнесены создатели культуры Гальинасо, которые в середине I тысячелетия н. э. попали под власть соседнего государства Мочика.

В середине I тысячелетия н. э. в районе Центрального побережья складывается культура Лима, наследница более древней культуры Серро де Тринидад. Появление на этой территории храмов и пирамид, формирование центров городского типа (Пачакамак, Кахамаркилья) указывают на вероятность процессов образования классов и государств. Сходные процессы наблюдались также у носителей культуры Пукара (северо-западное побережье озера Титикака; начало I тысячелетия н. э.).

Гибель Тиауанако завершила эпоху древнейших цивилизаций в Центральных Андах. Все цивилизации и культуры развивались здесь во взаимодействии друг с другом, что дает латиноамериканским исследователям право говорить о древнейшей территории Центральных Анд как о единой культурно-исторической области.

Падению древнейших цивилизаций в данной области несомненно сопутствовали, а в некоторых случаях и содействовали какие-то миграционные процессы, поскольку наряду с зонами высоких культур и цивилизаций существовала, так сказать, «варварская периферия»: бассейн Амазонки, обширные районы сельвы. Их натиск на очаги высоких культур и цивилизаций был исторически неизбежен. Поэтому ситуация, возникшая после падения Тиауанако, включала в себя и такие факторы, как выход на историческую арену новых этнолингвистических групп.

Район, где некогда процветали цивилизации Наска и Паракас, оказался в руках новых пришельцев; местное население не было готово для организации им должного отпора. Оно было либо уничтожено, либо ассимилировано. Новые культуры — Чинча и Ика, существовавшие в этом районе вплоть до XVI в., возможно, были генетически связаны с культурой Лима.

Общество Мочика оказалось более стойким. Не случайно в мочикском изобразительном искусстве большое место занимала военная тематика. После тяжелых поражений, возможно даже полного распада мочикского государства, этнос, населявший его, все же сумел найти в себе силы, чтобы противостоять пришельцам (подвергшимся, вероятно, относительно быстрой ассимиляции) и в новых исторических условиях возродить свою собственную государственность и культуру. Это государство стало называться Чимор (археологическая культура Чиму). После падения Тиауанако оно распространилось на внушительную территорию — от района современного эквадорско-перуанского тихоокеанского пограничья до Лимы.

На обломках исконных земель Тиауанако возникла конфедерация индейцев колья (аймара), господствовавших над Боливийским плоскогорьем и некоторыми высокогорными долинами. Конфедерация индейцев чанка, которые в описываемую эпоху только что вышли на историческую арену, занимала сравнительно небольшой район в горном Перу. В то же время в долине Куско и на некоторых близлежащих землях сложились предпосылки для усиления племен кечуа, которым в последующий исторический период довелось сыграть решающую роль в становлении государства инков.

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА МЕСОАМЕРИКИ

Месоамерика — вторая обширная культурно-историческая область Западного полушария, которая, как и Центральные Анды, по темпам развития производительных сил, а вместе с тем и общественного развития в целом значительно опережала другие районы континента. Среди множества факторов, предопределивших этот феномен, важнейшим, как и в Центральных Андах, является переход к земледелию (в том числе орошаемому) на базе окультуривания ценнейшего злакового растения — маиса, а также фасоли, тыквы и др. •

Ольмеки

Как и в Центральных Андах, в Месоамерике насчитывается несколько древнейших цивилизаций, причем роль «праматери мексиканской культуры» справедливо отводится ольмекской цивилизации, самой древней в регионе³². Ученые по-разному оценивают время возникновения ольмекской культуры. Ю. В. Кнорозов относит его к середине I тысячелетия до н. э.³³ Французские ученые К. Ф. Боде и П. Беклен отодвигают эту дату в более древнюю эпоху почти на полтысячелетия³⁴. В начале 70-х годов в результате крупномасштабных археологических изысканий видного исследователя культуры ольмеков М. Д. Ко среди большинства ученых, занимающихся древней историей Америки, возобладали тенденция датировать эпоху ольмекской цивилизации 1200—400 гг. до н. э.³⁵

Судя по археологическим памятникам, основным (хотя и не единственным) ареалом расселения ольмеков было побережье Мексиканского залива. В развалинах древних поселений (например, в Трес-Сапотес) обнаружен материал, свидетельствующий о наличии у ольмеков цифровой системы, календаря и иероглифической письменности. Трудно судить не только об этнолингвистической принадлежности ольмеков, но и об их расово-семантических чертах. Гигантские базальтовые головы изображают круглоголовых людей с несколько приплюснутым носом, опущенными углами рта, толстыми губами. С другой стороны, на одной ольмекской каменной стеле изображены длинноносые бородатые фигуры. Однако пока что указанный материал не позволяет прийти к каким-либо выводам об этнолингвистическом составе ольмекского общества.

Можно только высказать предположение, что ольмекский племенной союз (в форме союза городов), перерастая в государство, подчинил себе различные этнические группы.

Интересно отметить определенное сходство между цивилизацией ольмеков и Чавином, притом не только в сфере материальной культуры (маис), но и духовной: стелы с изображением кошачьих (у ольмеков — ягуары). Вряд ли здесь имело место взаимодействие между культурами (хотя и оно не исключается, особенно в опосредованной форме); скорее всего, перед нами типичный пример конвергенции³⁶.

³² Coe M. D. *Sán Lorenzo and the Olmec civilization*. Wash., 1968. Термины *ольмеки*, *ольмекский* в данном случае условны, ибо заимствованы из сочинений, написанных после конквисты и повествующих о народе, который жил в этом районе в более позднюю эпоху.

³³ Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963. С. 4.

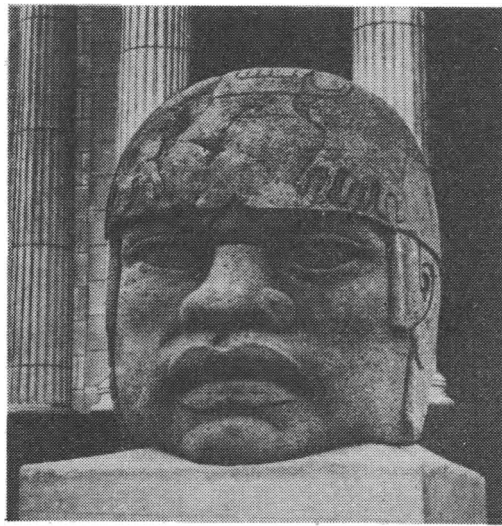
³⁴ Vaudez C. F., Bequelin P. *Archeología de los Naranjos, Hondúras*. México, 1973. P. 4.

³⁵ Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Месоамерики. М., 1972. С. 94.

³⁶ Отметим, что тема ягуара (пумы) была почти повсеместной в мифологии американских индейцев.

Расцвет ольмекской цивилизации приходится на XII—X вв. до н. э.

Разрушили ли ее новые этносы, принесенные на землю ольмексов миграционными потоками с севера, или племена, давно испытывавшие ольмекский гнет и в конце концов восставшие против своих жестоких господ, сказать трудно. Скорее всего, слились воедино и натиск «варваров», и восстания покоренного населения. Конфликт носил ожесточенный характер. На это указывают следы намеренных разрушений ольмекских памятников. Некоторые из них были разрушены еще в эпоху расцвета ольмекской культуры, что заставляет думать о большой роли внутренних противоречий в ольмекском обществе.

Ольмекская культура
Гигантская базальтовая голова

Ольмекское наследие оказало глубокое воздействие на другие, несколько позднее возникшие древнейшие мексиканские цивилизации, особенно на культуру майя.

Майя³⁷

Некоторые исследователи склонны считать, что цивилизация майя могла возникнуть непосредственно на основе ольмекской культуры и что ольмеки и майя до их переселения в более южные районы — один и тот же народ³⁸. Можно предположить также, что частичная миграция ольмексов на Юкатан началась задолго до фатальных для ольмекской цивилизации событий, и поэтому после поражения, пользуясь уже «проторенными» путями, ольмеки смогли отступить на юг в относительном порядке, что и позволило им в значительной степени сохранить многие элементы своей культуры (или знание о них) и возродить их в новом регионе обитания.

Древнейшую историю майя (если опустить легендарную эпоху, которая, по хронологии самих майя, начиналась в 5 041 736 г. до н. э.) можно подразделить на следующие эпохи: «ольмекскую» (IV в. до н. э.—I в. н. э.) и классическую (I—IX в. н. э.)³⁹. Большим подспорьем в установлении хронологии майя являются стелы с высеченными на них датами, хотя, по мнению американского ученого С. Морли, некоторые из этих дат не соответствуют времени изготовления и установки стел. Однако таких случаев всего только три⁴⁰.

Уже в первые века нашей эры появились первые города майя: Тикаль, Вашактун, Волантун и др. Примерно к V в. относится возникновение городов Пьедрас-Неграс, Паленке, Копан, Яшчилан. В отношении общест-

³⁷ В период становления майянистики этот этап развития майя обозначался термином «Древнее царство».

³⁸ См., например: Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. С. 8.

³⁹ Кнорозов Ю. В. Указ. соч. С. 633—635; Гуляев В. И. Древние майя. М., 1983.

⁴⁰ Morley S. G. La civilización maya. México; Buenos Aires, 1956. P. 56.

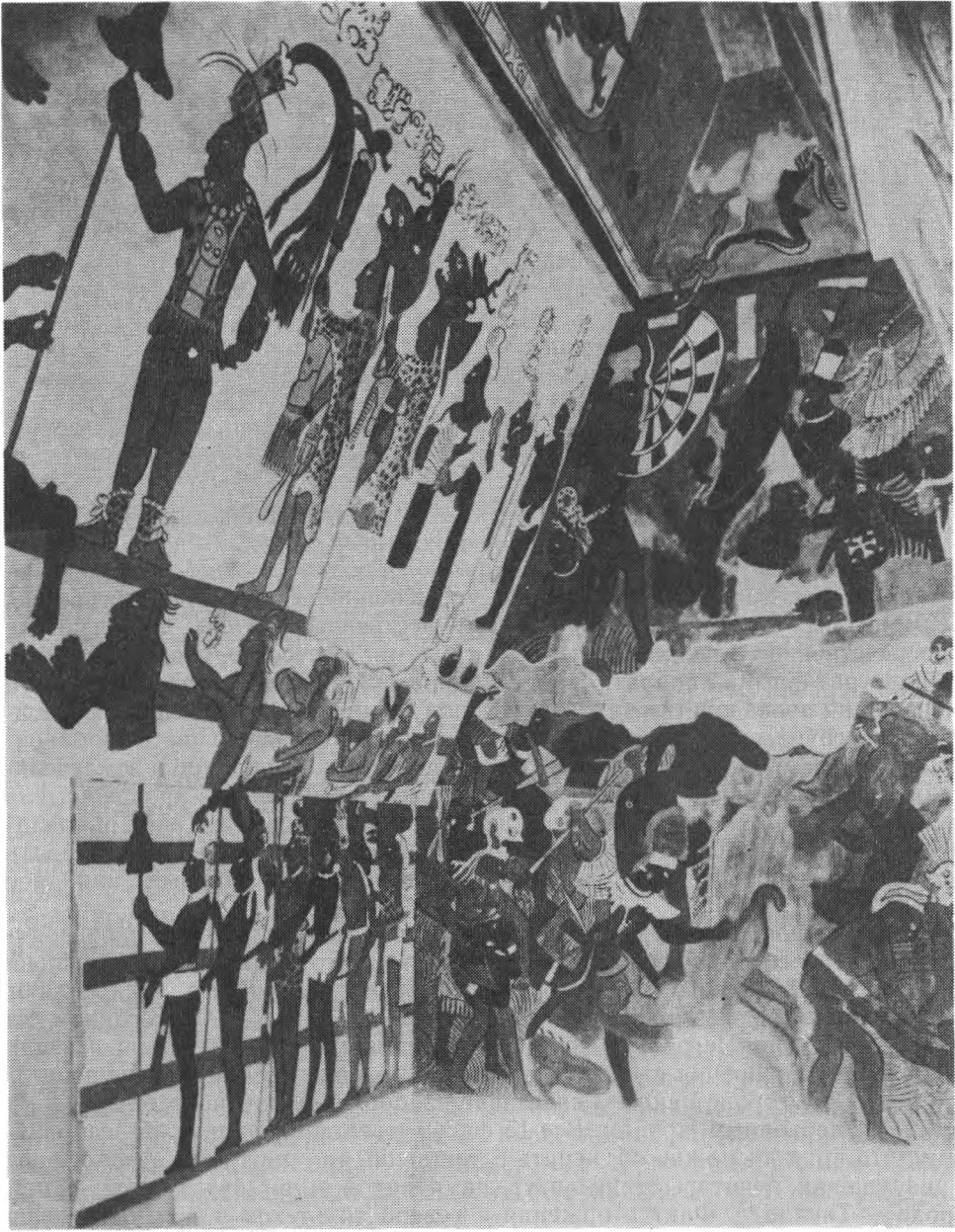

Паленке. Панорама центральной площади

венно-экономической функции и роли майяских городов нет единой точки зрения. Однако если часть (и даже, вероятно, весьма значительная) их населения продолжала заниматься сельским хозяйством, то это все же не дает основания не признавать их в качестве центров ремесла и обмена. Совершенно очевидно, что постройка и поддержание дворцов, храмов и обсерваторий, стадионов, изготовление стел, оружия — все это обусловило появление и несравнимо большего числа людей, оторванных от сельского хозяйства, и их более высокой и качественно иной специализации (например, каменотесов-профессионалов по обработке больших глыб камня), чем в «догородской» период.

Также совершенно ясно, что наличие многочисленной челяди, чиновников, жрецов, ремесленников-профессионалов создавало условия и для появления новых групп ремесленников и возникновения обмена хотя бы в пределах города и прилегающей к нему округи. Торговля у майя была развита столь

Бонампак. Фрагмент настенной росписи

широко, что испанский хронист Диего де Ланда даже считал ее занятием, «к которому они наиболее склонны»⁴¹.

Одновременно древнейшие города майя, возможно, представляли собой своеобразные небольшие рабовладельческие деспотии восточного типа, религиозные и политические центры, объединявшие значительное число сельскохозяйственных общин. Основной хозяйственной деятельностью населения было подсечно-огневое земледелие. Вместе с тем проводилась мелиорация заболоченных местностей. Из домашних животных майя, как и другие народы древнейшей Месоамерики, знали индеек и особую породу собак, которых употребляли в пищу; побочными занятиями являлись охота, рыболовство, пчеловодство.

Одним из самых важных достижений майя в сфере духовной культуры была иероглифическая письменность. Иероглификой покрывали каменные стелы, устанавливавшиеся через определенные промежутки времени, иероглификой были написаны многочисленные «книги» (манускрипты, сложенные гармошкой и закрепленные с помощью дощечек и ремешков). Решающий вклад в дело расшифровки иероглифической письменности майя внес советский ученый Ю. В. Кнорозов⁴².

Древнейшие города майя прекратили существование в IX—X вв. Население полностью или почти полностью покинуло их. Видимо, за этим кроется целый комплекс причин. В самом деле, подсечно-огневое земледелие майя не могло обеспечить постоянно увеличивавшееся население городов, среди которых к тому же стали расти общественные группы, не связанные непосредственно с сельскохозяйственным трудом: жречество, военачальники, административный аппарат, ремесленники. В условиях относительного уменьшения производства важнейших продуктов на душу населения господствующие группы майя присваивали все большую и большую часть прибавочного продукта. Можно предположить, что при этом эксплуатация земледельческих общин достигла таких размеров, что непосредственный производитель и члены его семьи не получали даже необходимого продукта. Такая рабовладельческая по своей сути эксплуатация неизбежно должна была вызвать растущее недовольство низов, способное вылиться в широкое народное движение.

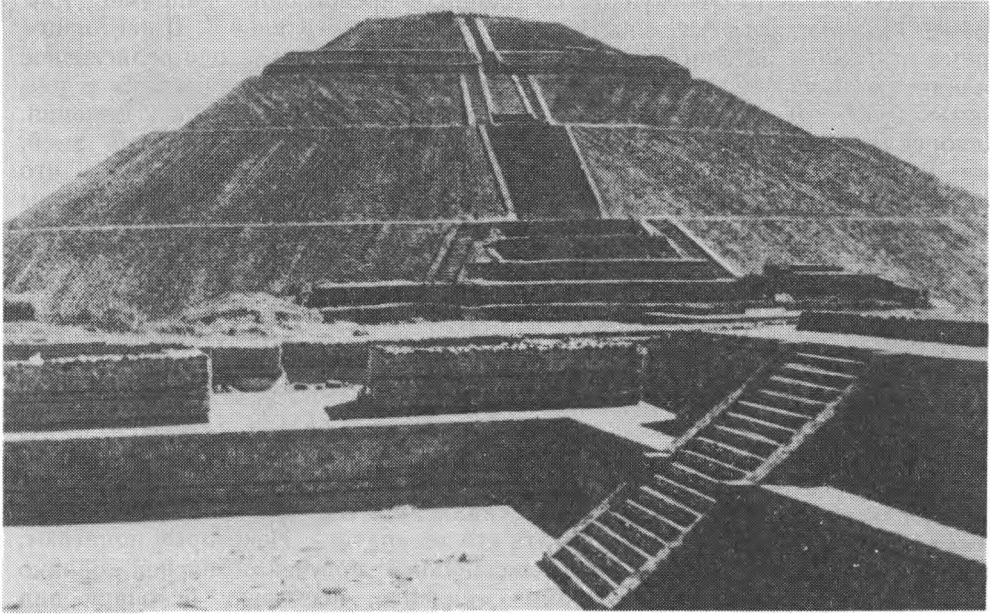
Своеобразной формой социального протеста мог быть исход производительного населения из древнейших городов после того, как была сокрушена мощь государственного аппарата. Археологические данные подкрепляют предположение о возможности таких массовых движений. В одном из городов (Пьедрас-Неграс) обнаружена платформа для заседания высших жрецов. Ее разрушения свидетельствуют об умышленном характере последних. В том же городе найдено настенное изображение жреческого собрания во главе с верховным жрецом. Все 15 фигур жрецов оказались обезглавленными, что вряд ли можно объяснить естественными причинами. Аналогичны и разрушения некоторых скульптур памятников и в другом древнейшем городе — Тикале⁴³. Факт вторжения с севера тольтеков и других этносов не противоречит изложенной выше концепции, а скорее дополняет ее. Не исключено, что именно дополнительные лишения, связанные с попытками

⁴¹ Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955. С. 144.

⁴² См.: Кнорозов Ю. В. Древняя письменность Центральной Америки // Сов. этнография. 1952. № 3; Он же. «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как исторический источник // Ланда де Д. Сообщение о делах в Юкатане; Он же. Письменность древних майя (опыт расшифровки) // Сов. этнография. 1955. № 1; Он же. Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963; и др.

⁴³ Галленкамп Ч. Майя, загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966. С. 133—134.

Теотиуакан. Пирамида Солнца

отражения нашествия тольтеков, или само их приближение, а может быть, и их призывы служили непосредственным толчком, поднявшим массы на восстание. Возможно, что тольтеки стремились перетянуть на свою сторону определенную часть местного населения. Так, на одном из дисков, найденных в так называемом «колодце жертв» в Чичен-Ице, изображено жертвоприношение, организованное тольтеками, в котором участвуют также и майя.

Теотиуакан

Название этой цивилизации происходит от наименования ее центра — города Теотиуакана, к которому и было долгое время приковано внимание ее исследователей. Позднее было доказано, что граница ее распространения намного шире территории города и его окрестностей. Проявления теотиуаканской культуры были обнаружены на всей территории долины Мехико, а также в прилегающих к ней частях штатов Идальго, Пуэбла, Морелос и Тласкала.

Создатели теотиуаканской цивилизации относились к языковой группе науа, в которую входило население и последующих обществ, процветавших в долине Мехико, а именно тольтеки и ацтеки.

Хронологические рамки цивилизации неясны и определяются многими исследователями по-разному. Зачатки ее формирования советский археолог В. И. Гуляев относит к рубежу III и IV вв. до н. э., основываясь не на конкретном археологическом материале, а на аналогии с другими древнейшими памятниками Центральной Америки; собственно же начало цивилизации он относит к периоду между началом нашей эры и ее 200—250 гг.

В годы расцвета Теотиуакан по площади превосходил, например, Рим времен империи, хотя и уступал ему по количеству жителей⁴⁴. В настоящее время от города остались лишь пирамиды, имевшие культово-религиозное назначение. Они поражают современного наблюдателя и размерами и точностью расчетов, и размахом замыслов, и тщательностью исполнения. Декоративный мотив, господствующий в Теотиуакане, — пернатый змей, символ Кецалькоатля, бога и культурного героя. Интересно отметить, что теотиуаканские пирамиды (за редким исключением) как бы надстроены над остатками небольших более древних сооружений.

Экономической основой существования теотиуаканского общества являлось орошаемое земледелие. Орошение осуществлялось, скорее всего, в виде строительства чинамп, т. е. насыпных островков (реже — полуостровков), среди озер и болот. Чинампы могли также создаваться в результате дренажных работ.

Высокая производительность труда на чинампах открывала возможность относительно быстрого накопления прибавочного продукта, а следовательно, и формирования классовых отношений.

Имеющийся на сегодняшний день материал не позволяет сделать четких выводов об общественном строе теотиуаканского государства. Большинство мексиканских ученых склонно считать его теократией. Некоторые полагают, что Теотиуакан был строго централизованной могучей империей, однако процесс централизации шел крайне медленно, поскольку основной вид орошения (чинампы) не знал единой системы каналов.

В VII—VIII вв. н. э. (по некоторым данным, в IV в.), в период своего процветания, теотиуаканская цивилизация была разрушена «варварами», вторгшимися с севера. Не исключено, что нашествие извне было поддержано восставшими городскими и сельскими низами.

В IX в. в Теотиуакане вновь восстанавливается общественная жизнь, государственная организация, но творцами всего этого были уже не сами теотиуаканцы, а новые группы племен науа — тольтеки, мигрировавшие в долину Мехико с севера.

Цивилизация тольтеков

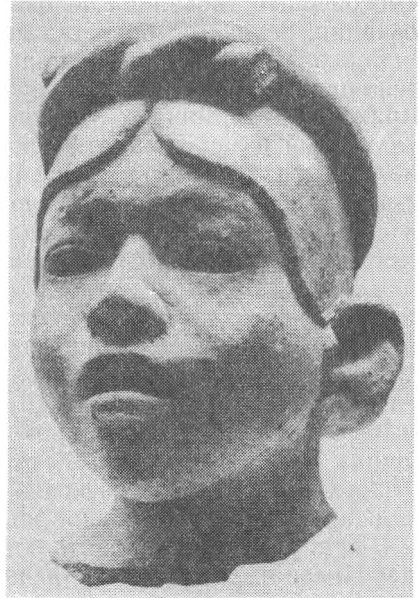
Несомненно, что среди древнейших развитых мексиканских цивилизаций тольтекская культура занимает особое место. В ее истории много неясного. Не уточнено окончательно, какие этнолингвистические группы следует понимать под термином «тольтеки». Сейчас принято считать, что так назывались различные племена, порой весьма далекие друг от друга по языку и происхождению. Но также очевидно, что в массе своей тольтеки принадлежали к лингвистической группе науа.

Восприняв во многом культуру предшественников, тольтеки построили новые города (Тула, или Толлан, Кукулькан и др.). Особенно большого расцвета Тула, ставшая тольтекской столицей, достигла в годы царствования Топильцина, который в честь мифического героя и бога назывался также Кецалькоатль (пернатая змея). Он правил в Туле, по разным данным, с 873 (925, 977) по 895 (947, 999) г. н. э. Топильцин—Кецалькоатль — личность незаурядная. Он решительно боролся против человеческих жертвоприношений, всячески старался утвердить принципы, которые впоследствии в мировой истории были квалифицированы как принципы гуманности,

⁴⁴ León-Portilla M. Antología: De Teotihuacan a los aztecas. Fuentes e interpretaciones históricas // Lecturas Universitarias. México, UNAM, 1972. N 11. P. 72.

Теотиуаканская культура.
Погребальная маска
(камень)

Тотонакская культура.
Головка девочки
(керамика)

Культура майя.
Сосуд с полихромной росписью
(керамика)

Тула.
Кариатида в виде воина

самосовершенствования человека, трудолюбия, верности и честности, познания, реализма, братства людей, надежды на лучшее⁴⁵.

Борьба Топильцина—Кецалькоатля и его сторонников за эти идеалы стала одним из основных факторов возникновения специфической концепции, выраженной термином «тольтекайотль», олицетворяющей собой высокий культурный и морально-этический уровень. Это был своеобразный этносоциально-психологический стереотип, широко распространившийся среди как самих тольтеков, так и некоторых соседних этносов. Народы, пришедшие на смену тольтекам в Мексиканскую долину, долго еще считали культуру тольтеков своеобразным эталоном, к которому следует стремиться, и сохраняли принципы «тольтекайотля». Велики были успехи тольтеков и в сфере материальной культуры. Значительных масштабов достигло земледелие (с использованием орошения), выводились новые сорта культурных растений. На высокий уровень поднялись некоторые отрасли ремесла, в частности ткачество. Жилые комплексы (до 50 соединенных между собой комнат) указывают на то, что основной ячейкой тольтекского общества оставалась община. С другой стороны, имеется достаточно веский археологический и графический (пиктографический) материал, убедительно свидетельствующий о наличии у тольтеков классов и государства.

В X в. крупные отряды тольтеков появляются на юге Мексики, в стране майя. Были ли это государственные вооруженные силы или отряды, посланные на юг каким-либо местным тольтекским правителем, сказать трудно. Некоторые авторы полагают, что сам Топильцин—Кецалькоатль, изгнанный из Тулы, возглавил переселение верных ему тольтеков, переделав свое имя на Кукулькан, что на языке майя также означает «пернатый змей». Скорее всего, тольтеки, двинувшиеся к югу, были группами мигрировавшего населения. Причина миграции окончательно не выяснена, но несомненно, что одной из них было движение с севера новых волн науатльских племен. Другие миграционные волны тольтеков были направлены на юго-восток современной Мексики.

Тотонакская цивилизация

Одной из наименее исследованных древнейших цивилизаций Месоамерики является тотонакская, основные центры которой находились на побережье Мексиканского залива и которая занимала довольно значительную территорию от р. Тухпан на севере до р. Папалопанна на юге. Тотонаки⁴⁶ испытывали постоянное давление со стороны других древнейших народов Месоамерики, и прежде всего жителей Теотиуакана. Проникновение последних на территорию тотонаков, видимо, встречало сильное сопротивление, о чем свидетельствует ряд укреплений, построенных теотиуаканцами⁴⁷.

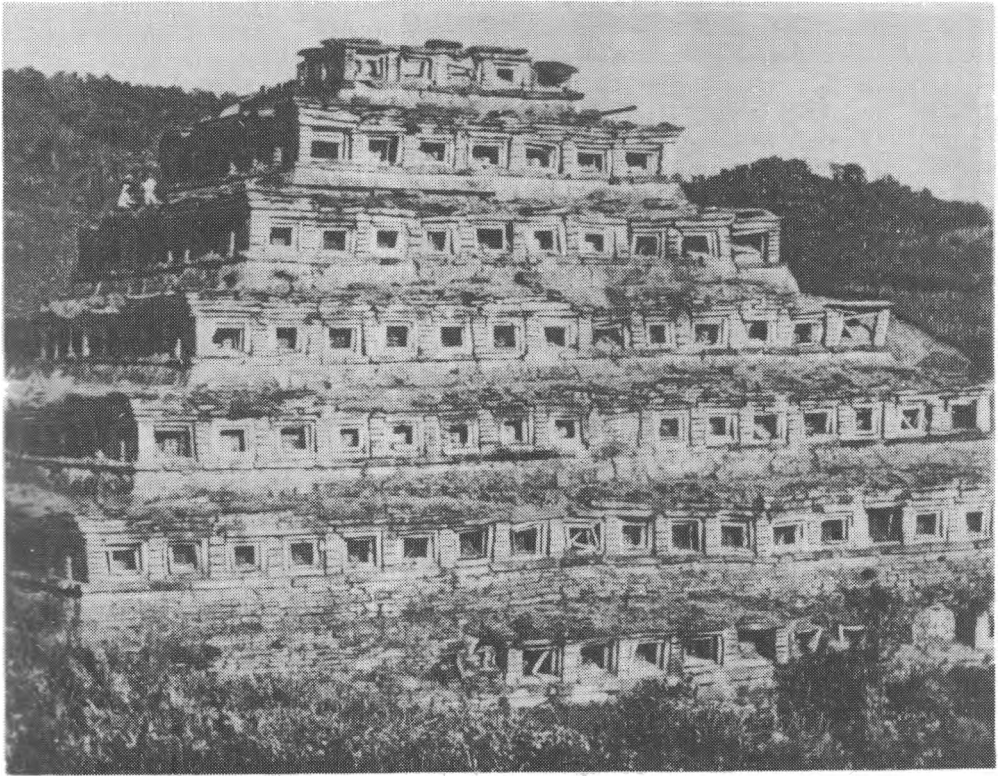
Важнейший памятник цивилизации тотонаков — пирамида в Тахине, который был, возможно, столицей тотонакского государства. Время его расцвета приходилось примерно на 600—900 гг.⁴⁸ Не исключено, что неко-

⁴⁵ Lopez Portillo J., Sodi D. Dias Infante: Quetzalcoatl. México, 1979. P. 223—225.

⁴⁶ Строго говоря, это наименование можно применять лишь условно. Тотонаки занимали указанный район к моменту появления испанцев. Пока нет оснований для безапелляционного утверждения, что население, проживавшее в этом районе за 600—900 лет до упомянутого события, также было тотонакским в этнолингвистическом отношении.

⁴⁷ Garcia Payón Y. Evolución histórica del Totonacapan. Miscelánea. Octógenario Dicata. México, 1958. T. I. P. 443—453. Употребляемый в работе Г. Пайона этноним «тольтеки» сменен нами на «теотиуаканцы» в свете последних данных, окончательно установивших грань между цивилизациями тольтеков и Теотиуакана.

⁴⁸ Checham N. A. History of México. L., 1970. P. 17.

Тахин. «Пирамида ниш»

торые из археологических памятников, рассматриваемых как теотиуаканские, на самом деле являются тотонакскими. И в то же время с цивилизацией тотонаков связано много оригинальных, типичных именно для этой культуры находок: смеющиеся головки из глины, высокохудожественные каменные скульптурные изображения. Да и сама пирамида в Тахине имеет характерные черты (например, ниши), которых нет у пирамид Теотиуакана.

Об общественном строе тотонаков можно только догадываться. Вероятно (как у майя и тольтеков), в тотонакском обществе уже имел место процесс классовообразования, причем основной социальной ячейкой была сельская община, подвергавшаяся растущей эксплуатации со стороны теократического государства.

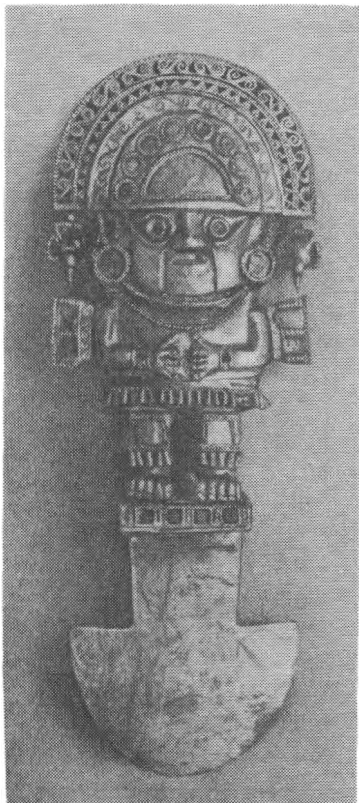
Причины, сходные с теми, которые обусловили падение древнейших городов майя, видимо, предопределили и угасание цивилизации их северных соседей — тотонаков в тот же самый исторический отрезок времени.

Сапотекская цивилизация

На территории, занимаемой ныне мексиканским штатом Оахака, неподалеку от Теуантепекского перешейка, отделяющего полуостров Юкатан от остальной Мексики, находился центр еще одной древнейшей месоамериканской цивилизации — сапотекской, ведущей свое начало примерно со II в. н. э.

Сапотекская культура.
Погребальная урна в виде фигуры божества
(керамика)

Туми, ритуальный топор инков
(золото)

Археологический материал, относящийся к этому времени и обнаруженный в крупнейшем сапотекском поселении, ныне именуемом Монте-Альбан, показывает, что последний являлся центром развитой культуры, испытывавшей, однако, значительное влияние двух соседних цивилизаций — тольтекской и майя⁴⁹. Вместе с тем у сапотеков имелось много оригинальных элементов культуры⁵⁰. В целом же степень взаимодействия сапотекской и других мексиканских цивилизаций все еще изучена недостаточно.

Сапотекская цивилизация и ее центр Монте-Альбан погибли в IX в. Причина гибели — нашествие с севера новых племен — миштеков.

* * *

Древнейшие государства Центральных Анд и Месоамерики знаменовали собой лишь начальный период становления государства и цивилизации в Западном полушарии. Это были всего лишь островки классового общества в море, в стихии первобытнообщинных отношений. Стихия часто захлесты-

⁴⁹ *Mendieta y Nuñez L. y otr. Los zapotecas: Monografía histórica, etnográfica y económica. México, 1949.*

⁵⁰ *Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации. . . С. 235—256.*

вала и поглощала эти островки даже тогда, когда они занимали значительные территории, поскольку уровень их возвышения над стихией был еще невысок; природные катаклизмы, внешнее нашествие, внутренние неурядицы могли оказаться достаточно действенными факторами для ликвидации или сильного сокращения размеров еще неустойчивого прибавочного продукта, а тем самым и для подрыва всей социально-классовой структуры в целом. Но и в такой исторически преходящей ситуации взаимодействующие между собой древнейшие цивилизации Центральных Анд, равно как и Месоамерики, дали миру образцы духовной и материальной культуры весьма высокой общественной значимости. Историческое значение древнейших американских цивилизаций состоит главным образом в том, что они подготовили почву для такого уровня производительных сил и производственных отношений, при котором процесс становления классового общества на Американском континенте на протяжении последующего, т. е. древнего, этапа приобрел необратимый характер.

ДРЕВНИЕ ГОСУДАРСТВА НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Тауантинсуйу — «Империя инков»

Выяснение генезиса инкской цивилизации, равно как и государства, упирается в целый ряд сложных вопросов, ответ на которые потребовал бы специального обширного многотомного исследования. Было бы, очевидно, ошибочным выводить цивилизацию инков непосредственно из культуры чанапата, процветавшей в районе города Куско в период IV в. до н. э. по IV в. н. э. Точно так же нельзя ее истоки видеть только в предшествующей цивилизации Тиауанако, хотя наследие последней сыграло определенную роль в становлении инкского общества. Не случайно первый инка Манко Капак и его жена Мама Оклю, согласно одному из мифов, отправились на поиски места для основания города, выполняя волю некоего могущественного человека из Тиауанако⁵¹. Однако имеются и другие мифы о первых инках, например о четырех братьях Айар, зафиксированные в различных хрониках⁵². По содержанию разные мифы о первых инках настолько отличаются друг от друга, что не вызывает сомнения их зарождение, во-первых, в среде разных этносов (или относительно самостоятельных частей одного и того же этноса) и, во-вторых, в разное время. В современной перуанской исторической науке все более утверждается мысль о том, что в долине Куско на протяжении тысячелетий этнический облик ее обитателей менялся несколько раз, что она многократно становилась районом эмиграционных, иммиграционных и ремиграционных процессов⁵³. В то же время, если судить по данным топонимики района Куско, часть которой, несомненно, доинкского происхождения, здесь еще до появления инков уже имелись племена кечуа⁵⁴. Иными словами, инкская культура и сам инкский этнос, становление которых

⁵¹ *Cieza de León P. de. El señorío de Incas Yupanquis y de sus grandes hechos y gobernación // Biblioteca Peruana. Lima, 1968. Т. 3. P. 33—34; Inca Garcilaso de la Vega. Comentarios reales de los incas. Lima, 1959. Т. 3. P. 99—105.*

⁵² *Inca Garcilaso de la Vega. Op. cit. P. 106—107; Montesinos D. F. de. Memorias antiguas historiales y políticas del Perú. Cuzco, 1967. P. 5—8; Betanzos Y. de. Suma y narración de los Incas // Biblioteca peruana. Т. 3. P. 210—214.*

⁵³ *Perez Armendaris V. Origen del Imperio de los Incas; Mito de los Hermanos Ayar // Revista del Museo e Instituto Arqueológico. Cuzco, 1967. Jun. N. 21.*

⁵⁴ *Angles Vargas V. Historia del Cuzco. Cuzco, 1979. P. 26—38.*

относится к XII—XIII вв., — это результат сложнейшего процесса взаимодействия культур различных этносов на протяжении периода, охватывающего свыше полутора тысячелетий.

Цивилизация инков — поистине панперуанская и даже общецентрально-андская, и не только потому, что она охватила огромную территорию⁵⁵ Центральных Анд (все горные районы Перу, Боливии, Эквадора, а также части Чили, Аргентины и Колумбии), но и главным образом потому, что по мере своего распространения она органически включала в себя все большее количество элементов предшествующих цивилизаций и культур, создавала условия для совершенствования, развития и широчайшего распространения многих из них, содействуя, таким образом, существенному повышению их общественной значимости.

Основой хозяйственной деятельности этого государства было земледелие. Главными сельскохозяйственными культурами были кукуруза и картофель. Наряду с ними выращивались киноа (разновидность проса), тыквы, бобы, хлопок, бананы, ананасы и многие другие культуры⁵⁶. Недостаток удобных плодородных земель дополнялся строительством террас по склонам гор и сложных оросительных систем. В некоторых районах страны, в частности в Кольясуйю (ныне горная часть Боливии), значительных размеров достигло скотоводство — разведение лам и альпаки в качестве вьючных животных, а также для получения мяса и шерсти. Впрочем, содержание этих животных в меньших масштабах практиковалось почти повсеместно.

В Тауантинсуйю уже имело место отделение ремесла от земледелия и скотоводства. Более того, инки практиковали переселение в столицу, Куско, искусных ремесленников из самых различных областей своего огромного государства⁵⁷. Особенно высокого уровня достигли керамика, ткачество, обработка, металлов, красильное производство. Индейские ткачи умели выделывать различные сорта тканей — от толстых и ворсистых, типа бархата, до легких, полупрозрачных, типа газовых.

Древнекечуанские металлурги выплавляли и обрабатывали золото, серебро, медь, олово, свинец, а также некоторые сплавы, в том числе бронзу; железо они знали лишь в виде гематита. Больших успехов достигла строительная техника. Для мореплавания использовались специальные, оборудованные парусами, большие плоты грузоподъемностью до нескольких тонн. Гончарное ремесло и керамика, унаследовавшие традиции древнейших цивилизаций, отличались большим богатством форм.

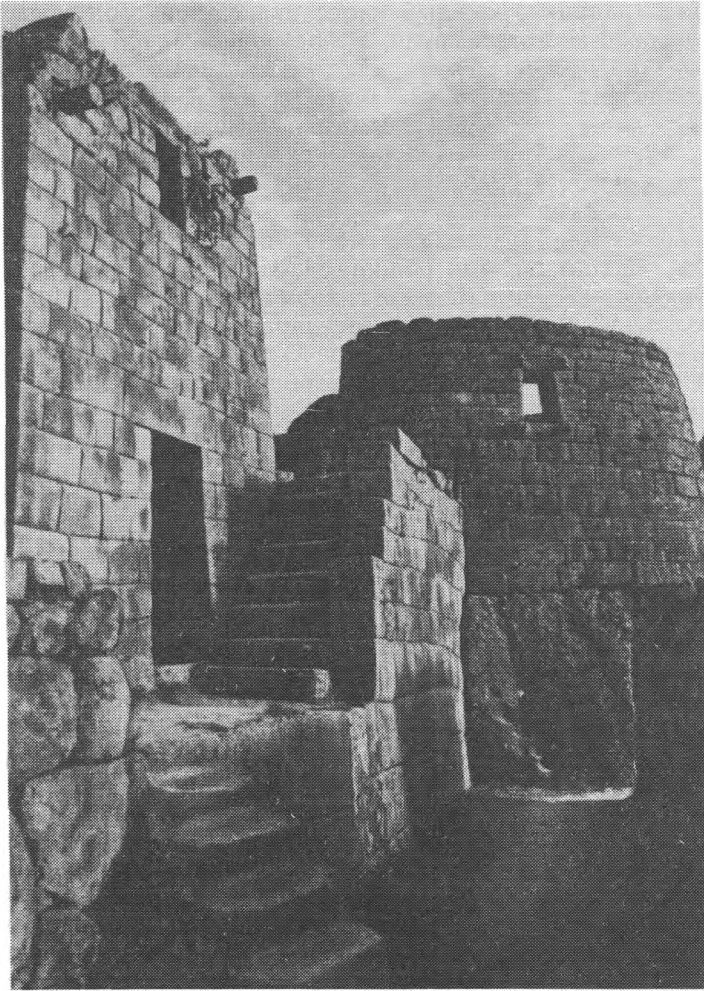
Высокий уровень хозяйственной деятельности в Тауантинсуйю определял довольно значительные размеры прибавочного продукта, что обеспечило расцвет высокой цивилизации. Мощные дороги, протянувшиеся на тысячи километров, величественные храмы, украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями, высокий уровень искусства мумифицирования, развитая медицина, «узелковое письмо» — кипу, обеспечивающее широкий поток информации, хорошо налаженная система почтовой службы и оповещения с помощью скороходов — «часки», прекрасно поставленная статистика, четкая система воспитания и образования, скрупулезно разработанная жанрово-тематическая система поэзии и драматургии — эти и многие другие проявления материальной и духовной культуры древних кечуа свидетельствуют о том, что рабовладельческий строй инков еще далеко не исчерпал

⁵⁵ Территория Тауантинсуйю составляла примерно 800 тыс. — 1 млн кв. км. См.: *Fellman Velarde J.* Los imperios andinos. La Paz, 1969. P. 153.

⁵⁶ *Garcilaso Insa de la Vega.* Op. cit. T. 3. P. 120—137.

⁵⁷ *Historia general de los peruanos.* P. 406.

Мачу Пикчу (фрагмент)

своих возможностей, а потому оставался пока прогрессивным и перспективным.

Однако рост прибавочного продукта предопределял не только расцвет культуры, но и глубину имущественного и общественного расслоения. К моменту появления на территории Тауантинсуйу европейцев оно существовало не только между отдельными индивидуумами, но и между целыми общественными группами, которые резко различались между собой в правовом и политическом отношении. Иными словами, речь идет о наличии в «империи инков» различных классов. Следует оговориться, что определение классовой структуры инкского общества осложняется тем, что, во-первых, государство Тауантинсуйу сложилось в результате покорения инками многочисленных племен и ряда государственных образований Центральных Анд, причем собственно инки составили верхушку господствующего класса, и, во-вторых, тем, что в обществе инков существовали многочисленные сос-

ловно-кастовые градации; каждый класс включал в себя представителей различных сословно-кастовых групп, а люди одной и той же группы могли принадлежать к разным классам.

Основной ячейкой Тауантисуйу была община. Общины различались между собой, среди них имелись и родовые, и сельские. Однако инкское законодательство, главным образом в целях фиска, нивелировало разницу между ними, и все они рассматривались как территориально-административные единицы.

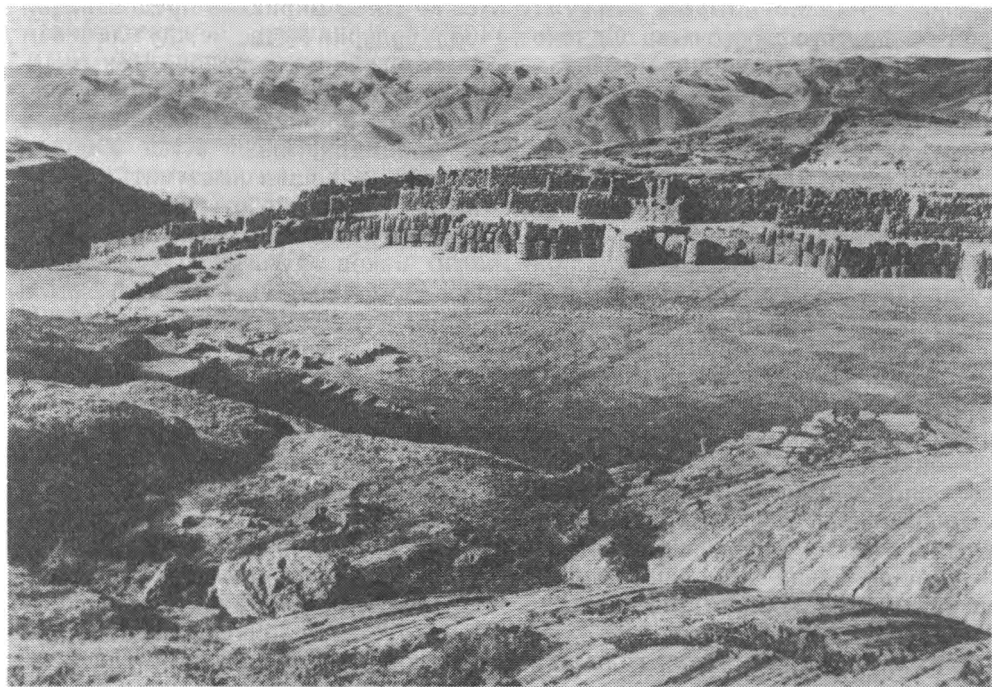
Инкское завоевание принесло с собой тяжелый гнет и эксплуатацию общин. Земля, обрабатываемая общинами, делилась на три поля: урожай с «поля инки» шел в государственные закрома и находился непосредственно в распоряжении рабовладельческого государства, урожай с «поля солнца» был собственностью многочисленного жречества; оставшаяся часть урожая с трудом покрывала потребности рядовых общинников, и, как можно судить по некоторым данным, ее размеры в ряде случаев не достигали нормы необходимого продукта. Практически общины превращались в порабощенные коллективы⁵⁸. Прогрессивный перуанский исследователь Густаво Валькарсель называет общинников «полурабами»⁵⁹, но наряду с ними в инкском государстве имелись и самые настоящие рабы — янакуны (или янаконы). Существовала особая категория рабынь-аклакуна («избранниц»). Хотя некоторые аклакуна относились к знати и предназначались исключительно для роли жриц Солнца, а также наложниц Верховного Инки и сановников, подавляющая часть «избранниц» была обречена на изнурительный труд от восхода до заката в качестве прядильщиц, ткачих, ковровщиц, прачек, уборщиц и т. п.

Неоднородной по своему составу была и другая довольно многочисленная группа населения, называемая «митмакуна», что в переводе на русский язык означает «переселенцы». Часть митмакуна были людьми из племен и местностей, пользовавшихся особым доверием инкской знати. Их переселяли во вновь завоеванные районы, наделяли землей и превращали таким образом в опору инкского господства. Такие митмакуна пользовались рядом привилегий по сравнению с основной массой общинников. Но были митмакуна и другой категории — люди из племен и местностей, недавно покоренных инками. Опасаясь выступлений против своей власти, инки разбивали покоренные племена на части и одну из частей переселяли в другую местность, отстоящую от родины порой на тысячи километров. Иногда такому насильственному переселению подвергались целые племена. Эта категория митмакуна не только не пользовалась никакими преимуществами, но даже имела меньше прав, чем рядовые общинники. Они жили под особо строгим надзором среди чужого, а часто и враждебного населения. На них особенно часто падали тяготы поборов и принудительного труда на строительстве храмов и дорог. Их часто «дарили» в качестве янакунов, впрочем, подобная судьба нередко постигала и рядовых общинников. Положение ремесленников в основном было таким же, как и общинников.

Среди господствующего класса также различалось несколько категорий. Низшим звеном правящей верхушки были кураки, т. е. местные вожди, признававшие власть инков-завоевателей. С одной стороны, опираясь на кураков, инки укрепляли свое господство, с другой — подчиняясь инкам,

⁵⁸ Подробнее об этом см.: *Зубрицкий Ю. А., Шаревская Б. И.* Кечуа // *Индейцы Америки*. М., 1956. С. 196—197; *Зубрицкий Ю. А.* Индейский вопрос в трудах Мариатеги // *Хосе Карлос Мариатеги*. М., 1966. С. 175—176; *Он же.* Инки-кечуа. М., 1975. С. 66—69; *Кузьмищев В. А.* У истоков общественной мысли Перу. М., 1979. С. 350—353.

⁵⁹ *Valcárcel G.* Perú, mural de un pueblo. Lima, 1965. P. 189.

Панорама инкской крепости Саксауаман

кураки могли рассчитывать на поддержку мощного инкского государственного аппарата в случае конфликта с основной массой общинников.

Инки, занимавшие более высокое общественное положение, нежели кураки, делились на две категории. Более низкая из них включала в себя так называемых «инков по привилегии», т. е. тех, кто в награду за свою верность собственно инкам получали право на особый прокол ушной раковины, а также право называться инками.

Вторая категория — инки по крови, по происхождению, считающие себя прямыми потомками легендарного первого инки Манко Капака и других инкских верховных правителей. Они занимали самые высокие должности в государстве: сановники, высшие военачальники, наместники областей и крупных районов, государственные инспекторы — тукуйрикуки, амауты — «мудрецы», руководители жречества и т. п.

На вершине социальной лестницы Тауантинсуйу стоял верховный правитель Сапа Инка — «Едиственный Инка», обладавший всеми чертами деспота⁶⁰, сын солнца, земной бог, концентрировавший в своих руках неограниченную законодательную и исполнительную власть, бесконтрольный вершитель судеб миллионов своих подданных.

Официальная инкская историческая традиция насчитывала 12 Единственных Инков, взошедших на царство до вторжения в страну испанцев.

Особое внимание привлекает правление Куси Юпанки, более известного под именем Инка Пачакутек (усеченное от «Пачакутичек» — «тот, кто перевертывает мироздание», т. е. реформатор, преобразователь). Юношей он

⁶⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 184.

был удален из столицы, поскольку его отец — Инка Виракоча предназначал трон для другого своего сына. Однако к 1438 г. соперничество между племенем инков и чанками, также претендовавшими на гегемонию в районе Центральных Анд, достигло наивысшей точки. Наступление чанков на этот раз было столь мощным, что Инка Виракоча, наследный принц, двор и столичный гарнизон бежали из Куско. Как гласит традиция, юный Куси Юпанки покинул место ссылки и, взяв оружие, в одиночку решил выступить против враждебных полчищ, рассчитывая не победить, а умереть, чтобы своей кровью хоть частично искупить позор, павший на инков. Слухи о благородном и смелом решении юноши заставили многих инков одуматься. В сражение Куси Юпанки вступил уже во главе отряда воинов. И хотя силы были неравны, инки дрались с огромным мужеством, так что в течение нескольких часов чанки не могли преодолеть их сопротивление. На помощь инкам устремились отряды из различных кечуанских племен и общин. Они шли непрерывным потоком, и чанки то тут, то там обнаруживали свежие силы противника и ощущали силу их ударов. Это подорвало моральный дух чанков и предопределило их полное поражение. Так в 1438 г. история рассудила спор между чанками и инками, окончательно закрепив за последними роль гегемона в социально-экономических, политических и культурно-идеологических процессах, протекавших в области Центральных Анд.

Одновременно был решен спор Куси Юпанки и его брата из-за инкского престола. Дальнейшая деятельность этого видного представителя инкской аристократии принесла ему имя и славу Пачакутека. Дело, конечно, не только в его личных качествах; годы его правления совпали с тем периодом, когда достигнутый уровень производительных сил объективно требовал новых, более эффективных форм обеспечения политического господства верхушки общества над массой трудового населения, а также более быстрого приращения территории и новых масс населения (в целях их эксплуатации) методом завоеваний.

Видимо, Пачакутек глубоко осознал эти исторические тенденции. Годы пребывания на троне (1438—1471) он посвятил укреплению молодого рабовладельческого государства, а тем самым ликвидации прежних демократических общественных устоев либо их подчинению крепнищим рабовладельческим отношениям. Размах его планов по преобразованию общества, масштабы и решительность, с которыми они претворялись в жизнь, поистине поражают воображение. Так, был переустроен Куско, быстро и беспорядочно разросшийся город, который после разгрома чанков и присоединения новых территорий ни видом своих зданий, ни расположением улиц не отвечал званию столицы великой державы. Пачакутек собрал группу талантливых архитекторов и художников и с их помощью разработал детальный план нового города. Затем по его приказу в точно назначенный день все население города переселилось в соседние деревни и города. Старый город был полностью сметен с лица земли. Через несколько лет на этом месте был воздвигнут новый город, «столица мира», украшенная храмами, площадями и дворцами, с прямыми улицами, с четырьмя главными воротами, дававшими начало дорогам на четыре стороны света. Жители возвратились в город.

Пачакутек окончательно утвердил административное деление страны, расчленив ее на четыре «части света», а их, в свою очередь, на более мелкие единицы на основе десятичной системы, вплоть до полудесятка. В результате сложилась всепроникающая и всеохватывающая система централизации и контроля, о сложности которой свидетельствует тот факт, что на каждые 10 тыс. семей приходилось 3333 должностных лица. Именно при нем начинают укрепляться монотеистические представления, что также

отражает процесс становления деспотической власти. Ряд мероприятий Пачакутека был направлен на консолидацию разнородного в этническом и лингвистическом отношении населения. Хотя и внешним, но весьма важным показателем глубины и степени преобразования общества, проведенного Пачакутеком, явился тот факт, что он дал даже новое название стране, которая стала называться Тауантинсуйу — «Четыре соединенных между собой страны света», в чем нетрудно увидеть идею универсальности, всемирности, свойственную в той или иной степени всем деспотиям.

Без большого риска ошибиться можно утверждать, что именно в годы правления Пачакутека и его сына (Инка Тупак Юпанки), правившего с 1471 по 1493 г., общинно-племенной союз кечуа, созданный и руководимый инками, превратился в типичное рабовладельческое государство, близкое по своим основным чертам к древнейшим государствам Ближнего и Среднего Востока.

Из внешнеполитических актов этого периода, помимо разгрома чанков, следует отметить покорение инками государства Чимор.

Консолидация классовых отношений, растущая рабовладельческая эксплуатация общин и других слоев трудового населения, все большая концентрация власти — процессы, присущие любой рабовладельческой деспотии, обратной стороной имели зарождение борьбы против эксплуатации и гнета, нередко выливавшейся в массовые вооруженные выступления. Одно из таких выступлений — восстание племени анти против господства инков, длившееся примерно десятилетие, — нашло отражение в народной кечуанской драме «Алу Ольянтай»⁶¹.

Наряду с подобными движениями, носившими характер выступлений покоренных общинников и знати против инков-завоевателей, сохранились глухие упоминания о стихийных вспышках народного гнева, имевших чисто классовый характер. Так, в одной из хроник встречается упоминание о том, что общинники, занятые на строительстве крепости, взбунтовались и убили руководителя работ «капитана и принца» Инку Уркона⁶².

Характеризуя государство инков как классовое эксплуататорское, как рабовладельческую деспотию, в которой имелись различные категории порабощенного населения, нельзя утверждать, что рабовладельческий уклад здесь победил окончательно. Сущность общества, возникшего в первой половине нашего тысячелетия в Центральных Андах, характеризуется тем, что наряду с рабовладельческим сосуществовал и продолжал сохранять сильные позиции первобытнообщинный уклад, хотя он и занимал уже подчиненное положение по отношению к первому⁶³.

Характер общественных отношений оказывал большое влияние на этнические судьбы населения Тауантинсуйу. На огромной территории при профилирующей роли цивилизации кечуа-земледельцев здесь шел процесс синтеза различных культур и складывания многочисленной древней кечуанской народности. Этот процесс имел прогрессивный характер, поскольку он был сопряжен с распространением более высокого уровня производительных сил и производственных отношений.

Тауантинсуйу — высшая точка классовых отношений и развития цивилизации доколумбовой Америки.

⁶¹ Ollantay. Cuzco, 1958.

⁶² См.: *Valcárcel G. Perú...* P. 188—189.

⁶³ Подробнее об общественном строе инков см.: *Зубрицкий Ю. А. Инки-кечуа.* С. 63—80.

Царство Чимор

После падения гегемонии Тиауанако-Уари на северо-западе Перу, примерно на территории, занимаемой в древнейший период государством Мочика, возникло новое государственное образование — царство Чимор (археологическая культура Чиму). С цивилизацией Мочика его связывала не только территория. Не случайно мочиканскую цивилизацию нередко называют Прото-чиму. Во многих отношениях чиморское общество не только стихийно возрождало и продолжало традиции и черты дотиуанакской культуры (и, возможно, общественно-политического устройства), но и сознательно копировало их. Традиции, зафиксированные в хрониках, увязывают возникновение нового государственного образования с появлением легендарного мореплавателя по имени Ньаймлап (вариант — Такайнамо), якобы обосновавшегося в речной долине Чимор (район города Трухильо), а по другим версиям — в долине Ламбаеке⁶⁴.

Потомки Ньаймлапа, укрепившись в долине Чимор, начали затем покорять соседние речные долины, создав крупное государственное объединение, границы которого простирались от южной части нынешнего Эквадора почти до местоположения современной перуанской столицы. Используя косвенные источники, перуанские ученые относят момент возникновения этого государства примерно к рубежу XII—XIV вв.⁶⁵ Его столицей был город Чан-Чан.

Хозяйственной основой царства Чимор было поливное земледелие. Воду брали из рек, текущих с гор к океану. Набор культур был весьма широк: маис, картофель, фасоль, тыквы, перец, кинуа и др. Разводили ламу, особенно в предгорьях и горной местности, в ограниченных размерах входившей в состав царства Чимор.

Широкое развитие получили ремесла: гончарное, обработка металлов, текстильное, а также строительная техника. Если в производстве керамических изделий чиморцы, достигнув значительных высот, все же не смогли превзойти мочика — своих предков и предшественников, то в области обработки металлов они оказались непревзойденными мастерами. Чиморским мастерам были известны методы плавки, холоднойковки, чеканки золота, серебра, меди. Кроме того, они изготавливали различные сплавы (в частности, бронзу), хорошо владели способами золочения и серебрения. Недаром позже мастеров по обработке металлов с территории Чимора инки в массовом масштабе переселяли в свою столицу Куско.

Специфическим видом ремесла, также достигшего высокого уровня, стало здесь изготовление одежды и украшений из перьев.

Среди исследователей нет единого мнения о характере религиозных верований чиморцев. Преобладает точка зрения, что при их несомненном политеизме главенствующее место все же занимал культ луны. Меньшее значение имели широко распространенные культы моря и птиц (в основном морских). Вероятно, наблюдалось и обожествление личности верховного правителя; металлические изображения его «предка» Ньаймлапа имеют черты божества.

О политическом строе и социальном устройстве царства Чимор мало данных. Поскольку страна представляла собой отдельные речные долины — оазисы, изолированные друг от друга значительными пространствами пустынной земли, задача их сплочения в единую государственную территорию требовала эффективных мер централизации. Одной из таких мер стало

⁶⁴ Historia general de los peruanos. . . P. 376.

⁶⁵ Ibid. P. 384.

строительство дорог, что позволяло быстро перебрасывать войска в целях подавления любого недовольства, а также содействовать развитию контактов между отдельными долинами.

Между тем экспансия инков привела к тому, что примерно к середине XV в. со стороны суши территория царства Чимор оказалась практически окружена владениями «сынов солнца». Схватка между двумя деспотиями стала неизбежной. Где-то между 1460 и 1480 г. после долгого и упорного сопротивления правители Чимора были вынуждены признать власть Верховного Инки. Последний чиморский царь Минчанка-ман был уведен инками в Куско, где и умер. Инки назначили нового правителя, и какое-то время сохранялась определенная автономия Чимора в составе инкской «империи».

Древние государственные образования майя

Историческое развитие в области Центральных Анд и Месоамерики шло не вполне синхронно, вторая несколько отстала от первой. Если к моменту появления испанцев вся Центральноандская область была включена в сферу исторических судеб одной цивилизации (инкской) и одного государства (Тауантинсуйу), то Месоамерика оказалась разделенной на две зоны (Центральная Мексика и Юкатан). В каждой из них государственно-объединительные процессы к моменту появления испанцев были далеки от завершения, притом на Юкатане (и прилегающих районах), т. е. среди майя, не выявилась тенденция, которую можно было бы считать окончательно возобладавшей, а потому — перспективной.

Как говорилось выше, одним из факторов, составивших в совокупности с другими причину падения древнейших государств-городов майя, было нашествие тольтеков. Однако пришельцы, видимо, не представляли собой однородную в этническом отношении массу, а часть из них, несомненно, относилась к языковой группе майя-киче. Роднило майя с тольтеками и то культурное наследие, которое было получено от ольмеков и которое в специфической форме жило в каждой из этих групп. Все это способствовало довольно быстрому слиянию пришельцев с местным населением и возникновению нового государственного образования.

В течение двух веков гегемония в этом объединении⁶⁶ принадлежала городу Чичен-Ица, который в конце XII в. подвергся разгрому. Однако победитель, правитель города Майяпана, не сумел объединить под своей властью другие города. Вплоть до конца XIII в. Юкатан был объят раздорами и междоусобными войнами, пока пришедшая к власти в Майяпане династия Кокомов не сумела наконец установить гегемонию на большей части территории майя. Однако в 1441 г. в результате восстания подчиненных городов и гражданской войны Майяпан был разрушен, а государство майя распалось на несколько отдельных городов-государств, между которыми продолжались войны и раздоры, сильно облегчившие впоследствии завоевание страны майя испанцами.

Общественно-экономическое устройство майя известно довольно хорошо. Иногда майя образно называют греками Америки, имея в виду относительно высокий уровень их искусства и науки, а также потому, что существование на Юкатане нескольких городов-государств наводило на мысль о древнегреческих полисах. Однако это сходство чисто внешнее. Общественное устройство майя заставляет вспомнить ранний Шумер, «номовский» додинастичес-

⁶⁶ В период становления майянистики к этому объединению применялось название «Новое царство».

кий Египет и т. д. Каждый город-государство майя представлял собой маленькую рабовладельческую деспотию. Во главе стоял правитель, царь, носивший титул Халач Виник, что означает «Великий человек». Эта должность была наследственной и, согласно традиции, переходила от отца к старшему сыну. Халач Виник сосредоточивал в своих руках неограниченную власть: законодательную, исполнительную (включая военную), судебную, религиозную. Его опорой был довольно сложный многочисленный чиновничий аппарат. Непосредственными представителями Халач Виника в селениях были наместники, именовавшиеся батабами. Батабам подчинялись ах-кулели, исполнители их указаний. Наконец, низшими должностными лицами, исполнявшими полицейские функции, были тупили. При дворе же непосредственными помощниками Халач Виника являлся верховный жрец государства, а также кальвак, ведавший вопросами поступления в казну дани.

Как и в древнейших государствах майя, в период, предшествующий испанскому завоеванию, в хозяйственной деятельности продолжало доминировать подсечно-огневое земледелие, хотя уже использовались гидравлические системы, строились террасы. Определенное значение сохраняли охота, рыболовство и пчеловодство.

Основной социальной ячейкой общества оставалась территориальная община. Обрабатываемая земля распределялась на участки семейного пользования, однако при их обработке сохранялся принцип общинной взаимопомощи, весьма сходный с широко известной кечуанской «минкой»⁶⁷. Однако наряду с землей общего пользования некоторые участки (прежде всего занятые под культуры, не связанные с подсечно-огневым земледелием) стали превращаться в личную собственность.

Несомненно, что община майя сильно отличалась от общины доклассового общества. Во-первых, к приходу испанцев уже далеко зашел процесс имущественной и социальной дифференциации (выделение жрецов, наследственных военных командиров и т. д.), во-вторых, в целом община майя была предметом эксплуатации со стороны рабовладельческого государства.

Помимо выплаты регулярных налогов правителям, поборов на содержание войска, «даров» жрецам и т. п., широко практиковался неоплаченный труд общинников на строительстве и ремонте храмов, дорог, а также на полях, принадлежащих знатым лицам. Того, кто пытался избежать выполнения повинностей, ожидало суровое наказание. Так, за неуплату налогов общинников часто приносили в жертву⁶⁸. Развитие рабовладельческих отношений шло как по линии порабощения общины, так и по линии увеличения количества рабов в руках частных лиц. Источники рабства были те же, что и в Старом Свете: войны, торговля, долговая кабала и осуждение за провинности. Рабов использовали в самых различных областях хозяйственной деятельности и для личных услуг, но особенно широко — в торговой сфере, в качестве носильщиков, гребцов и своего рода «бурлаков».

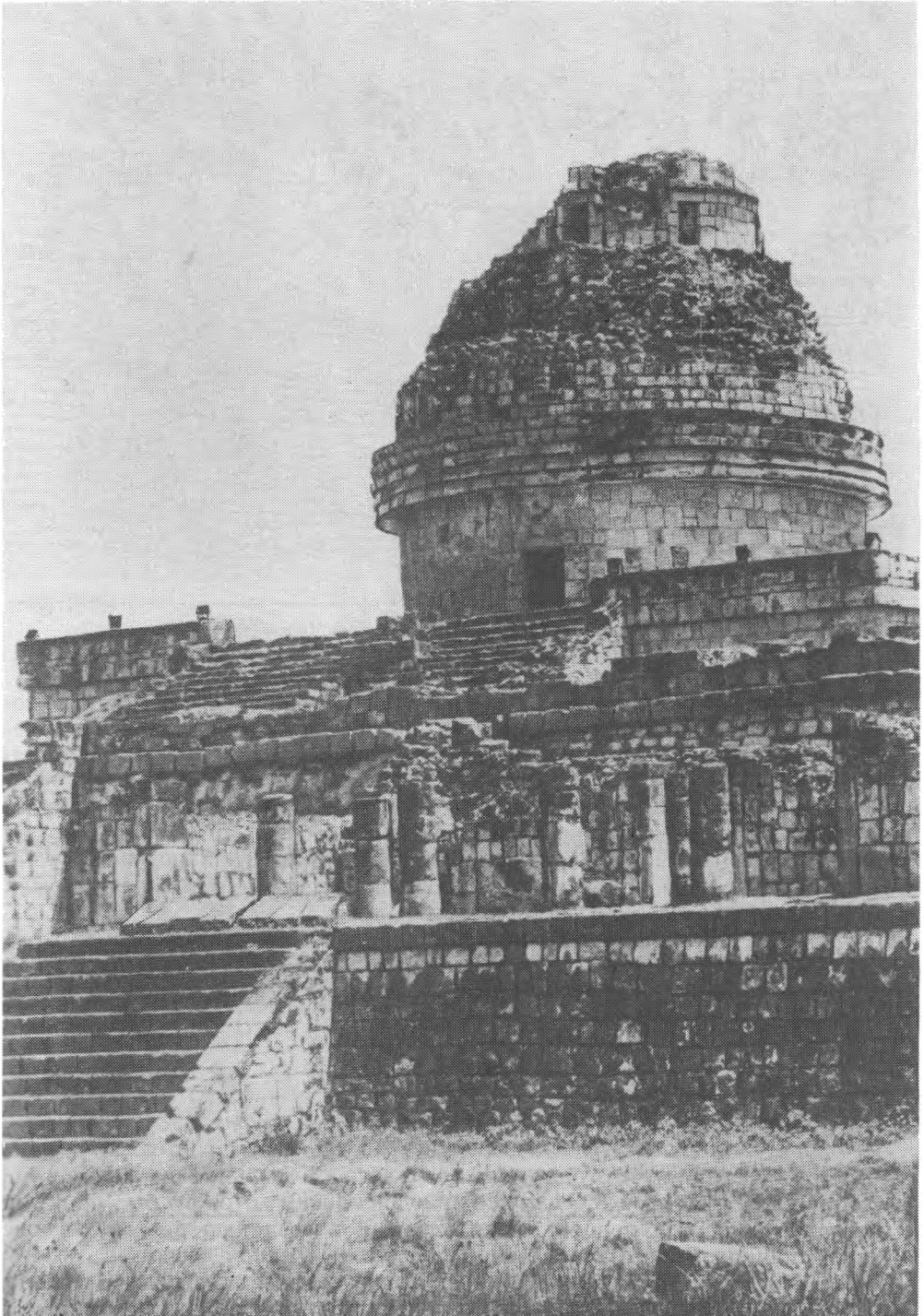
Длительные периоды политической раздробленности страны майя не позволили четко проявиться тенденции к монотеизму. Тем не менее бог неба Ицамна рассматривался жителями всех городов-государств как верховное божество. Наряду с этим в каждом городе из сложного пантеона многочисленных богов выделялся какой-либо один в качестве главного.

Развитие производительных сил и связанное с этим накопление положительных знаний несомненно создавали возможность появления некоторых материалистических концепций; сквозь плотную завесу религиозно-идеали-

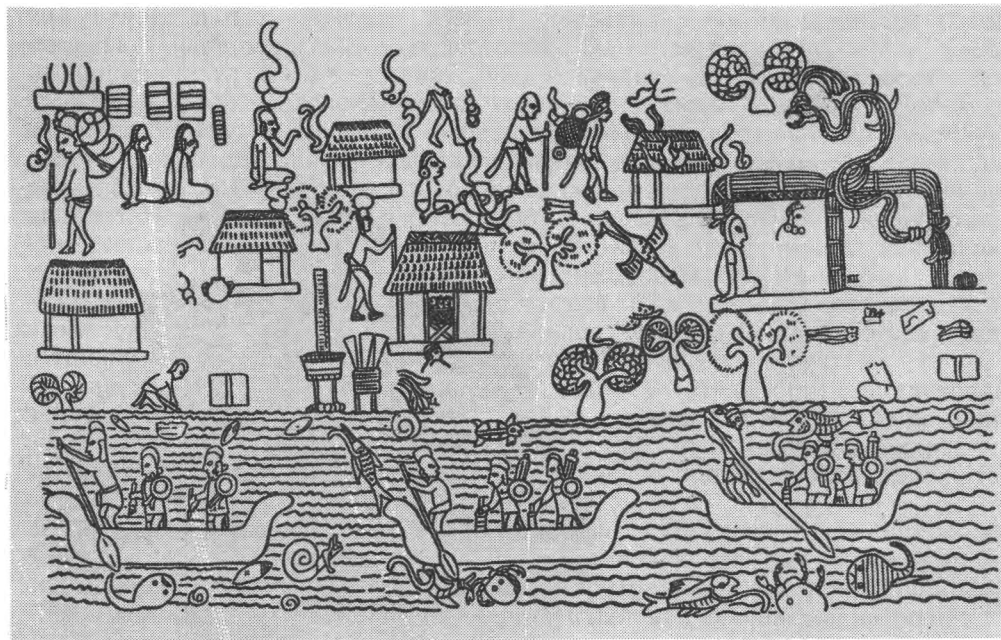
⁶⁷ Ланда Д. де. Указ. соч. С. 145.

⁶⁸ Там же. С. 39.

«Эль Караколь», обсерватория мая в Чичен-Ице

Фрагмент росписи Храма Воинов в Чичен-Ице

стических воззрений уже пробивалось рационалистическое и стихийно-материалистическое объяснение многих явлений. Однако в целом мировоззренческая система майя покоилась на религиозных понятиях и представлениях.

Одно из важнейших проявлений духовной культуры майя, процветавшее еще в доклассическую эпоху, иероглифическое письмо, широко использовалось вплоть до прихода испанцев. Значительны были познания майя в области географии, математики и особенно астрономии. Очевидны были также успехи майя в сфере исторической науки⁶⁹.

Строились специальные обсерватории; астрономы-жрецы могли заранее предсказывать солнечные и лунные затмения, а также вычислять период обращения ряда планет. Солнечный календарь майя был точнее современного европейского календаря⁷⁰.

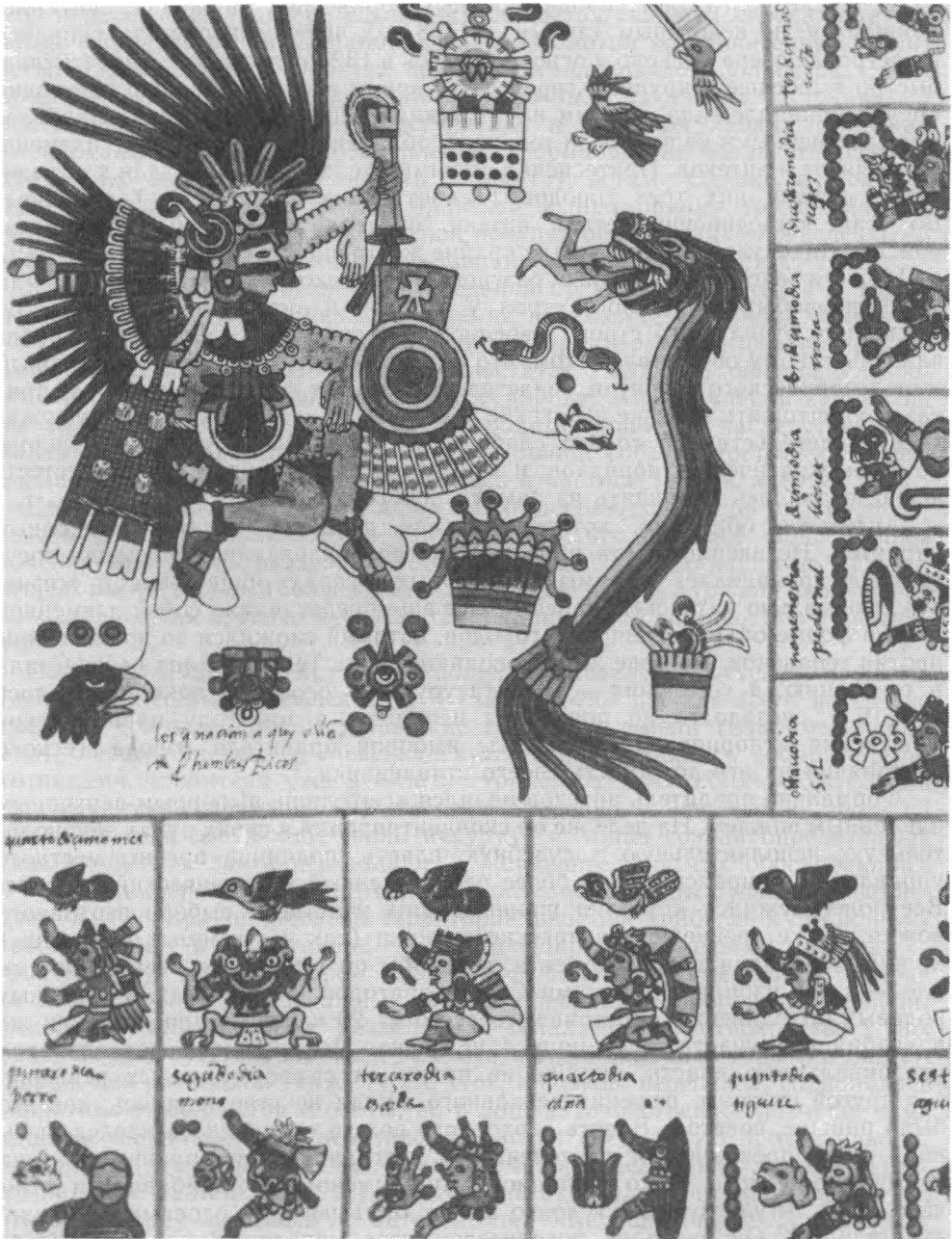
Царство ацтеков

Ацтекская государственность выделяется на фоне других древнеамериканских развитых обществ не только тем, что возникла относительно поздно, но прежде всего тем, что она знаменовала собой качественно новый этап в истории доколумбовой Месоамерики, содержанием которого был широкий и четко выраженный процесс, направленный к созданию в этом регионе сильной обширной централизованной рабовладельческой деспотии.

Переселение ацтеков в долину Мехико из далекой мифической страны Астлан представляло собой одну из позднейших миграционных волн племен

⁶⁹ Garza Mercedes de la. La conciencia histórica de los antiguos mayas. México, 1975.

⁷⁰ Подробнее о культуре майя см.: Кинжалов Р. В. Культура древних майя. Л., 1971.

науа. После долгих лет голода, военных поражений, унижений, скитаний, длившихся, по некоторым данным, с 1168 г.⁷¹, ацтеки наконец закрепились на островах озера Тескоко и основали здесь в 1325 г. поселение Теночтитлан, быстро выросшее в крупный город. В то время в долине Мехико гегемония прочно принадлежала другим науатльским этническим группам. Наиболее могущественными из них были тепанеки, облагавшие данью другие племена, в том числе и ацтеков. Притеснения, чинимые тепанеками, привели к объединению против них трех городов (Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана). Во главе объединения встали ацтеки, предводительствуемые верховным вождем Ицкоатлем. Война носила крайне жестокий характер, длилась с 1427 по 1433 г. и закончилась полным разгромом тепанеков. Она как бы завершила эпоху первобытнообщинного строя у ацтеков и знаменовала переход от последнего этапа этого строя — военной демократии — к классовому рабовладельческому обществу. О том, что ацтеки вступили в качественно новый этап исторического развития, свидетельствует и тот факт, что Ицкоатль приказал уничтожить древние ацтекские хроники. По-видимому, в них содержались свидетельства не только слабости и унижений ацтеков в прошлом, но и демократических порядков; и то и другое правящая верхушка, естественно, старалась вытравить из памяти простого люда.

Ацтекское общество, которое застали испанцы, носило переходный характер. Незавершенность процесса классовобразования и создания государства проявлялась в самых различных сферах общественной жизни. Так, формально ацтекское общество все еще представляло собой племенной союз в форме объединения трех городов, который сложился во время войны против тепанеков. На деле же руководящая роль Теночтитлана переросла в гегемонию, а гегемония — в диктатуру. Это особенно ярко проявилось в 1516 г., незадолго до появления испанцев; в том году царь ацтеков Монтесума игнорировал результаты выборов правителя города Тескоко и назначил на эту должность своего ставленника⁷².

Формально правитель ацтеков являлся всего лишь выборным верховным племенным вождем. На деле же он сконцентрировал в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть, подчинив органы местного управления, опираясь на все более разветвленный чиновнический аппарат. Все более сужался круг лиц, принимавших участие в выборе верховного вождя. Даже древнейшие ацтекские хроники (так называемые «кодексы») не зафиксировали такого момента, когда бы он выбирался всеми воинами племени. Он избирался членами Совета ораторов (т. е. вождями основных родовых объединений), состоявшего всего из 20 человек. Впоследствии же в «избрании» участвовало лишь 4 человека. Постепенно Совет ораторов утрачивал свою власть, он уже не принимал самостоятельных решений, а с другой стороны, решения верховного вождя не утверждались, как это было раньше, советом. Власть верховного вождя становилась наследственной, и он превращался постепенно в неограниченного правителя типа восточного деспота. К его традиционному наименованию прибавлялся величательный титул, который условно может быть передан словами «Великий властелин»⁷³. Он считался повелителем всех народов Земли. Малейшее неповиновение его воле или хотя бы словесные возражения наказывались смертью⁷⁴.

⁷¹ Вайян Дж. История ацтеков. М., 1949. С. 75.

⁷² Там же. С. 84.

⁷³ Miranda Basurto. La evolución de México. S. a., S. I. P. 138.

⁷⁴ Fray Juan de Torquemada. Monarquía indiana. México, 1975. P. 273; Codice Chimalpopoca. Anales de Cuautitlan y leyenda de los soles. México, 1975. P. 61—63.

О переходном характере ацтекского общества свидетельствовали также формы и степень развития рабовладения. Несмотря на значительное количество рабов, институт рабства не выкристаллизовался полностью. Дети рабов считались свободными, убийство раба было наказуемо. Источниками рабства были работорговля, преступления и долговая кабала (включая самопродажу в рабство). Военнопленные формально не могли становиться рабами; их надлежало приносить в жертву богам. Однако к моменту появления испанцев участилась практика использования труда пленных в храмовом хозяйстве, а также случаи покупки обладавших определенными способностями пленных для использования в личном хозяйстве⁷⁵.

Кальпулли («Большой дом») — родовая организация ацтеков — также претерпевала изменения, указывающие на переходное состояние общества. Это уже не столько родовая община, сколько территориально-административная единица, наличие которой свидетельствует о близком завершении процесса перехода от родового строя к государству. Среди членов кальпулли уже выделились простолюдины и благородные, причем с наследственными правами и обязанностями. Наряду с общинной собственностью на землю довольно быстрыми темпами развивалось и частное землевладение.

Незавершенность процесса образования основных классов рабовладельческого общества проявлялась также в том, что большое общественное значение приобрело разделение общества на сословно-кастовые группы, которых насчитывалось более десятка. Принадлежность к той или иной группе определялась как происхождением, так и занимаемой должностью и профессией.

Переходный характер ацтекского общества сказался и на степени процесса отделения ремесла от земледелия. В связи с этим прежде всего интересно отметить, что если предшествовавшие ацтекам племена (например, чичимеки), переселявшиеся в Мексиканскую долину, являлись собирателями-охотниками, то ацтеки уже в «эпоху странствования» (1168—1325) были земледельческим народом. Они оседали временно в каком-либо месте на период от года до 28 лет, сеяли кукурузу и, лишь создав определенный запас продуктов, двигались дальше⁷⁶. Неудивительно, что, обосновавшись на островах озера Тескоко, ацтеки добились значительных успехов в земледелии. Будучи крайне стеснены территориально, они прибегли к старинному известному еще в Теотиуакане способу расширения земельной площади — строительству чинамп. Строя чинампы в болотистой местности, ацтеки тем самым проводили дренажные работы, превращая заболоченные районы в многочисленные острова, разделенные каналами. Животноводство у них практически отсутствовало, если не считать выращивания собак (на пищу). Правда, они разводили также гусей, уток, индюков, перепелок; сохранялась и практика рыболовства и охоты, но в общем хозяйственное значение этих видов деятельности было невелико. Несмотря на высокую продуктивность земледелия (кукуруза, кабачки, тыква, помидоры, зеленый и красный перец, масляничные растения и т. д.), ремесло не отделилось от него полностью, хотя к приходу испанцев у ацтеков уже имелись многие ремесленные специальности — гончары, ткачи, оружейники, каменщики, металлурги, ювелиры, мастера по изготовлению одежды и украшений из птичьих перьев, плотники и т. д. Даже самые искусные ремесленники обязаны были обрабатывать закрепленные за ними участки. Если кто-либо из ремесленников

⁷⁵ Вайян Дж. Указ. соч. С. 93—94.

⁷⁶ Caso A. Instituciones indígenas precortesianas // Memorias del Instituto Nacional Indigenista. México, 1954. Vol. 6. P. 17.

не в состоянии был делать это своими силами или силами своей семьи, он нанимал кого-либо из членов своей же общины.

С 60-х годов все большее внимание исследователей привлекает духовная культура ацтеков, у которых наряду с преобладанием, как и у других древних народов, религиозно-идеалистических воззрений, довольно сильно были и тенденции стихийного материализма и рационалистического подхода ко многим явлениям. Так, некоторые мифы (о борьбе богов Кецалькоатля и Тескатлипоки; о рождении и гибели «Солнца», т. е. миров) олицетворяют в аллегорической форме борьбу четырех стихий: воды, земли, воздуха и огня⁷⁷ — тех самых, которые были хорошо известны на Древнем Востоке и оказали значительное влияние на выработку материалистических философских воззрений у древних греков.

Выдающимся представителем ацтекской культуры был правитель города Тескоко, полководец и мыслитель, инженер и государственный деятель, танцор и поэт Несаяуалькотл (1402—1472)⁷⁸.

Интересно отметить, что переходный характер ацтекского общества проявился даже в письменности, представлявшей собой сочетание пиктографии с иероглификой.

Постоянный процесс укрепления ацтекской государственности в форме рабовладельческой деспотии вел к усилению ее завоевательной функции. По существу, военно-территориальная экспансия ацтеков после войны с тепанеками продолжалась непрерывно, в результате чего владения ацтекского царства охватили огромный район Центральной Мексики и простирались от Мексиканского залива на востоке до Тихоокеанского побережья на западе. Под властью ацтеков оказались многие народы (уастеки, миштеки, чиапанеки, михе, цельтал и др.). Победенные обязаны были регулярно выплачивать дань продуктами, изделиями ремесла, а иногда и людьми для жертвоприношений.

Ацтекские купцы-разведчики, предвестники военной экспансии Теночтитлана, появились на границах страны майя и даже в некоторых майяских городах.

Некоторые крупные народы, такие, как тлашкаланцы, пурепеча (или тараски), обитавшие в непосредственной близости от ацтекской державы, сумели отстоять свою независимость, а затем (под предводительством испанцев) нанесли этой державе смертельный удар.

НОВЫЕ РАЙОНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Существование на протяжении длительного периода очагов цивилизации в Центральных Андах и в Месоамерике, непрерывный процесс непосредственного и опосредованного влияния культуры этих двух районов на другие группы древнеамериканского населения содействовали ускорению темпов роста производительных сил последнего, а тем самым — превращению всей западной (горной) части региона от Мексики на севере до Чили на юге (за исключением крайней оконечности) в почти сплошную зону процессов классовообразования и возникновения государственности — так называемую зону древних цивилизаций. В непосредственной близости от ацтекского царства сложился сильный племенной союз тарасков (пурепеча), укрепление государственности в котором шло по пути упрочения черт деспотии восточ-

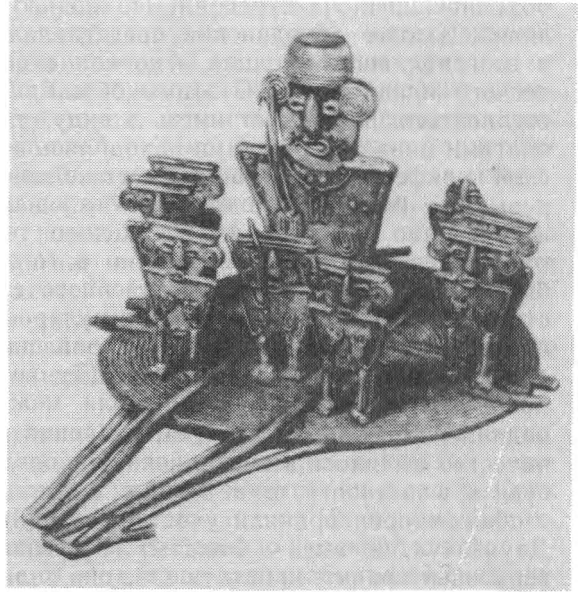
⁷⁷ Леон-Порталья М. Философия Narya. М., 1961. С. 130—131.

⁷⁸ Vigil J. M. Nezahualcōyotl, el rey poeta / Ed. de Andrea. México, 1957; León-Portilla M. Trece poetas del mundo azteca. México, 1975. P. 39—75.

Культура ацтеков.
Статуя бога Шочипилли
(керамика)

Культура муисков.
«Церемония Эльдорадо»
(золото)

ного типа, а также союз племен и общин тлашкаланцев, в общественной жизни которых большой удельный вес принадлежал торговым слоям населения, что и способствовало становлению тлашкаланской государственности в форме, известной в Европе как демократическая (Афины). Молодое царство Киту, на территории современного Эквадора, просуществовало сравнительно недолго: оно было завоевано инками и стало северной оконечностью Тауантинсуйу. На юге (современная территория Чили) в процессе отражения инкской экспансии сложился союз арауканских (мапуче) племен. Почти без изменения своих первоначальных форм, при полном равноправии входящих в союз племен, при очень медленном возрастании роли родо-племенной аристократии, при соблюдении многих первобытно-демократических норм и полном сохранении военно-демократического устройства государственность мапуче существовала затем в течение четырех веков, вплоть до 80-х годов XIX столетия.

Однако наибольшей интенсивности процесс становления новых государственных образований достиг у чибча-муисков в центральной части Боготинского плоскогорья. Исследования, проведенные с помощью радиоуглеродного метода, показывают, что уже в V в. этот район занимали чибча-муиски, переселившиеся сюда из Центральной Америки. О темпах и уровне развития производительных сил у этого этноса может свидетельствовать тот факт, что начиная с IX в. довольно широко стала развиваться металлургия, а именно — выплавка металлических изделий методом потерянной восковой модели⁷⁹. В XII—XIII вв., согласно хроникам, активно шло формирование политических

⁷⁹ Gómez D. Z. Historia extensa de Colombia. Vol. 1. Prehistoria; T. 2. Tribus indígenas y sitios arqueológicos. Bogotá, 1967. P. 446.

объединений чибча-муисков⁸⁰. По мнению советского исследователя С. А. Созиной, данные объединения представляли собой варварские государства, а возглавлявшие их лица — до конца еще не сложившийся тип деспотического правителя⁸¹. С этими общими характеристиками вполне можно согласиться, но следует иметь в виду, что царства чибча-муисков, будучи очагами цивилизации, сами находились под давлением со стороны «варварской периферии» — аравакских и особенно карибских племен. Их почти непрерывные (примерно с конца XV в.) нашествия ослабляли силы муисков и, очевидно, привели к сокращению территории созданных последними государственных образований, но в то же время эта внешняя опасность была мощным импульсом ускоренного становления и упрочения государства у чибча-муисков. Так, она стимулировала рост объединительных тенденций в этом районе. К моменту появления здесь европейцев два царства (среди пяти), а именно Дхунзахау (Тунха) и Факата (Богота), явно выделялись своей мощью и соперничали между собой, открыто претендуя на подчинение себе остальных объединений и друг друга. В 1490 г. это соперничество вылилось в ожесточенную войну, о масштабах которой позволяют судить, в частности, такие данные: в решающей битве возле деревни Чоконта с обеих сторон приняли участие более 100 тыс. воинов (50 тыс. — армия Дхунзахау, 60 тыс. — Факаты)⁸². Армиями командовали непосредственно верховные правители царств. Оба они пали на поле брани. И хотя верх взяли воины Факаты, смерть верховного правителя практически свела на нет их победу. Новое сильное обострение противоречий между двумя царствами произошло где-то во втором — начале третьего десятилетия XVI в. Оно также вылилось в военное столкновение. На этот раз победили воины Дхунзахау. Эта победа также не привела к поглощению одного царства другим. Тем не менее объединительные тенденции непрерывно усиливались, что диктовалось как внутренними факторами, так и внешней опасностью со стороны карибских и других племен. Дело шло к созданию единого и сильного муисского государства. Испанское вторжение прервало этот прогрессивный по своей сущности процесс.

Социальное устройство муисков отражало начальную стадию процесса классового образования. Родовая община — «ута» в одних местностях исчезла полностью, в других продолжала существовать в виде пережитков (иногда группа родственных семей) в составе сельской общины («сыбын»), составлявшей основную ячейку общества. Многообразные повинности общины в пользу государства уже позволяют рассматривать ее как эксплуатируемый коллектив. Трудно сказать, как далеко зашла эта эксплуатация, покрывались ли указанные повинности лишь за счет прибавочного продукта или же господствующие группы населения уже экспроприировали и часть (хотя бы совсем небольшую) необходимого продукта, что означало бы начало рабовладельческой эксплуатации. Во всяком случае, растущие масштабы внеэкономического принуждения в отношении общинников склоняют чашу весов в пользу последнего предположения. Многочисленные данные свидетельствуют также о расслоении самой общины⁸³.

Собственно рабы (главным образом из числа пленных) также имелись среди чибча-муисков, однако какой-либо заметной роли в производстве они не играли.

Больших масштабов среди чибча-муисков достигло ремесленное произ-

⁸⁰ Simon P. Noticias historiales de las conquistas de la Tierra Firme. Bogotá, 1953. T. 2. P. 145.

⁸¹ Созина С. А. Муиски — еще одна цивилизация Древней Америки. М., 1969. С. 117, 137.

⁸² Pozo Gauta J. Los Muiscas. Bogotá, 1978. P. 135.

⁸³ Подробнее см.: Созина С. А. Указ. соч. С. 94—113; Pozo Gauta J. Op. cit. P. 47—72.

водство, особенно ювелирное⁸⁴. Широко были развиты также гончарное дело, ткачество, оружейное дело, добыча соли (путем выпаривания), каменного угля, изумрудов. Однако говорить об отделении ремесла от земледелия можно лишь с большой осторожностью: освобождение ремесленников от сельскохозяйственного труда, а тем самым и консолидация ремесленников в особый социальный слой, видимо, были далеки от завершения. Столь же трудно сказать что-либо определенное о купцах, хотя и внутренний и особенно внешний обмен достигли большого развития.

Чибча-муиски — единственный народ Древней Америки, у которого появились небольшие золотые диски, выполнявшие (по мнению ряда исследователей) функции монет, денег⁸⁵. Однако бытует мнение, что речь в данном случае не идет о монетах в полном смысле слова, а золотые кружки представляли собой украшение, т. е. были не формой всеобщего эквивалента, но конкретной формой товара, непосредственно обменивавшегося на другой товар⁸⁶.

Значительную и влиятельную прослойку населения составляло жречество. Храмы, по свидетельству конкистадора-очевидца, имелись в каждом селении⁸⁷. Существовала сложная и строгая система подготовки жрецов. Срок обучения длился несколько лет, в некоторых случаях до 12. Жрецы составляли вполне сложившуюся касту общества, постепенно входившую в формировавшийся господствующий класс. В этот класс вливалась также традиционная родо-племенная аристократия, новая знать, занимавшая руководящие посты в различных звеньях стремительно растущего государственного аппарата, военные командиры, отдельные разбогатевшие земледельцы, ремесленники, торговцы и ростовщики.

Во главе государства стоял правитель, все более терявший черты верховного вождя племенного союза, все более обретавший черты неограниченного повелителя, концентрирующего в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть.

Нарождавшиеся вместе с государством нормы права, запечатленные в кодексе, приписываемом Немеке, правителю Факаты, четко фиксировали сложившееся в обществе неравенство, ограничивали права рядовых труженников и откровенно ограждали интересы привилегированной части населения⁸⁸.

Социальные сдвиги в обществе чибча-муисков нашли свое отражение в его духовной жизни, в частности в сфере религиозной мифологии. Так, бог Чибчакум («опора людей чибча») превратился в бога — покровителя простого народа, а бог и культурный герой Бочика стал рассматриваться как покровитель знати.

В целях возвеличивания царской власти в противовес наиболее древним мифам, согласно которым человеческий род порожден богиней Бачуэ, этот акт творения стал приписываться древним правителям Ираки и Рамирики, имевшим якобы те же титулы, которые впоследствии носили правители крупнейших царств, существовавших в XV—XVI вв.⁸⁹

⁸⁴ Подробнее см.: *Gómez D. L. Orfebrería indígena de Colombia. Bogotá, 1980; Гомес Д. Л. Золото Колумбии. М., 1982.*

⁸⁵ *Созина С. А. Указ. соч. С. 85—86.*

⁸⁶ *Wassen S. H. Algunos datos del comercio precolombino en Colombia // Revista colombiana de antropología. 1955. Vol. 4. P. 97—99.*

⁸⁷ *Epítome de la conquista del Nuevo Reino de Granada // Jiménez de Quesada. Bogotá, 1971. 4-ro trimestre. Vol. 4, N 16. P. 85.*

⁸⁸ *Simon P. Op. cit. T. 2. P. 300—301.*

⁸⁹ *Arango Cano J. Revaluación de las antiguas culturas aborígenes de Colombia. Bogotá, 1967. P. 35.*

Трудно сказать что-либо определенное о наличии или отсутствии у муисков письменности, хотя в условиях исторической ситуации, переживаемой этим этносом в XVI в., несомненно, уже стояла задача создания средств точной фиксации человеческой речи в линейной форме. Петроглифы, обнаруженные на территории, ранее входившей в состав царств чибча-муисков, представляют собой одну из разновидностей пиктографии. Одновременно высокая степень стилизации многих знаков, а также многочисленные случаи расположения некоторых из них в линию, возможно, являются отражением процесса зарождения иероглифики⁹⁰.

* * *

Как уже указывалось, история народов Америки в доколумбовый период развивалась по тому же руслу, по тем же всеобщим законам общественного развития, что и история всех других народов Земли. Однако, будучи конкретным проявлением единства и многообразия исторического процесса, она породила не только общие, но и специфические черты в сфере материальной и духовной культуры, которые смогли во многом обогатить общемировую культуру. Среди них можно упомянуть высокопродуктивные культурные растения (маис, картофель, томаты, подсолнух, какао и т. д.), достижения инкских металлургов и архитекторов, высокоэффективные лекарственные средства (хинин и бальзам), изумительные образцы искусства (ювелирные изделия многих народов, живопись Бонампака — майя), поэзию инков и ацтеков и многое другое.

Возникла объективная необходимость во взаимодействии, во взаимообогащении культур народов Старого и Нового Света, что должно было существенно ускорить поступательный, прогрессивный ход истории всей планеты. Нет сомнения, что оптимальным вариантом такого взаимодействия был бы обмен культурными ценностями в условиях мирных контактов. Однако сближению Старого и Нового Света не дано было осуществиться в мирной форме. Непреодолимым барьером на этом пути стали грабительские цели испанских и португальских колонизаторов. Разрушение индейских цивилизаций и культур существенно ограничивало возможность вклада древнеамериканских народов в мировую цивилизацию. Но и то немногое, что избежало уничтожения и разрушения, все же позволяет оценивать общественную значимость этого вклада крайне высоко. Достаточно сказать, что продовольственные ресурсы мира в результате распространения культурных растений, выведенных древними индейцами, возросли в два раза. Нельзя обойти молчанием и тот факт, что особенности общественного устройства и культуры инков дали пищу для монументального (созданного Инкой Гарсиласой де ла Вегой) труда, имевшего характер утопического сочинения и повлиявшего на возникновение в Европе великого течения утопического социализма — предшественника и одного из источников научного коммунизма.

Все это показывает, что история древнеамериканских народов отнюдь не была какой-то тупиковой ветвью исторического процесса. Многомиллионным массам коренного населения Древней Америки, как и другим народам Земли, без каких-либо ограничений принадлежит роль творцов мировой истории.

ЗАВОЕВАНИЕ АМЕРИКИ И ОБРАЗОВАНИЕ ИСПАНСКОЙ И ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАХВАТЫ ИСПАНИИ

Неравномерный характер социально-экономического развития отдельных стран и регионов земного шара — одна из закономерностей мировой истории. В различные исторические периоды разные народы становятся носителями передовой тенденции, выступая на авансцену истории¹. К рубежу средних веков и нового времени образовался огромный разрыв между уровнем и темпами социального прогресса на Европейском и Американском континентах. К концу XV в. в подавляющей части Америки все еще преобладали первобытнообщинные отношения и лишь в зоне цивилизаций сложились или складывались самобытные раннеклассовые государства, типологически сходные с культурами Древнего Востока III—II тысячелетий до н. э. В Европе же в это время активно развивался процесс разложения феодального строя и становления в его недрах капиталистического уклада, обозначившего начало принципиально нового этапа в истории человечества.

Объективно-исторический факт складывания капиталистических отношений выдвинул народы Европы на передний край истории, поставив их «во главе прогрессивного пути развития мирового исторического процесса»². По словам Ф. Энгельса, уже «в XV веке во всей Западной Европе феодальная система находилась... в полном упадке...»³. Повсеместно выростали крупные города, становившиеся промышленными и торговыми центрами. Высокого уровня достигли товарно-денежные отношения. «...Столь сильно развивавшаяся в XIV и XV вв. европейская промышленность и соответствовавшая ей торговля требовали больше средств обмена, чего Германия — великая страна серебра в 1450—1550 гг. — не могла доставить»⁴. Между тем всевозрастающий объем средств обмена, таких, как драгоценные металлы и камни, пряности и др., обеспечивало торговое дело со странами Юго-Восточной и Южной Азии, известными в средние века под общим названием Индий. Размах торговых операций и величина торгового капитала Европы той поры были весьма значительны⁵. Указанные процессы дали основание Ф. Энгельсу утверждать, что в XV в. «развилась в некотором роде мировая торговля...»⁶. Однако в результате завоеваний османских турок в Аравии и Малой Азии, захвативших в 1453 г. Константинополь, традиционные пути из Европы в азиатские Индия через Восточное Средиземноморье оказались отрезанными. Это чувствительно отразилось на экономике Западной Европы. Вот почему с середины XV в. были активизированы поиски

¹ Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 14, 24, 64.

² Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985. С. 202.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 409.

⁴ Там же. Т. 37. С. 415.

⁵ К примеру, капитал немецкого торгового дома Фуггеров в конце XV в. выражался в 15 т золота, прибыль от торговли с Калькуттой доходила в отдельные годы до 6 тыс. % с капитала. См.: Friede J. Los Welser en la conquista de Venezuela. Caracas, 1961. P. 77, 579.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 407.

нового морского пути в Азию вокруг западных берегов Африки, к исследованию которых португальские торговцы и моряки приступили уже с начала века.

Накопленный в ходе переломной эпохи Возрождения могучий общеевропейский социально-экономический, научно-технический и культурный потенциал открыл народам Европы путь к доколе неизвестным или мало исследованным континентам. Достижения в области космографии и картографии, морского судостроения и навигации, в частности усовершенствование компаса и астробуды, появление быстроходной каравеллы позволили европейским мореходам выйти на просторы Мирового океана. Эти технические достижения вкупе с порохом и огнестрельным оружием в то же время обеспечили народам Западной Европы значительное военно-техническое превосходство, которое незамедлительно было обращено на порабощение народов других континентов. Так было положено начало эпохе великих географических открытий, которая одновременно открыла и эпоху колониальной европейской экспансии в страны Америки, Африки и Азии.

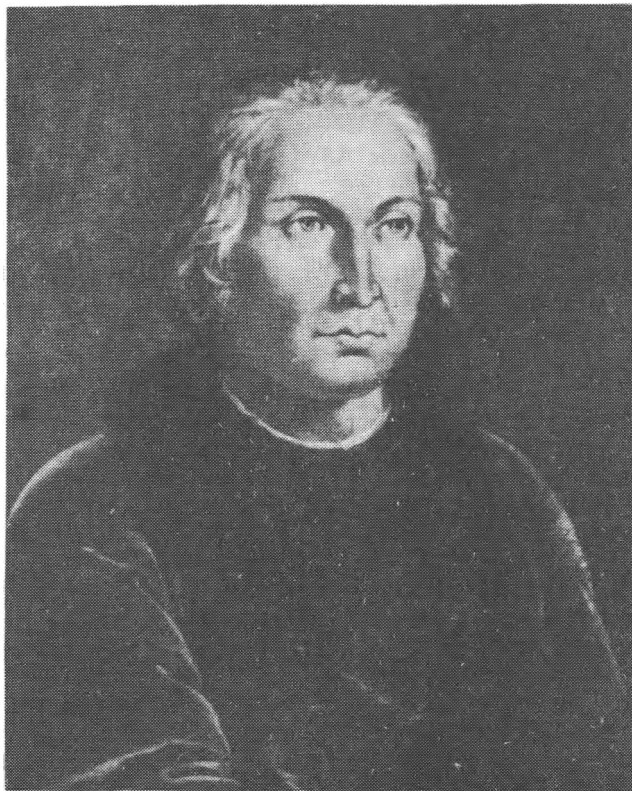
Как справедливо указывается в обобщающем труде «История литератур Латинской Америки», атлантическим странам — Испании и Португалии, ближе всех оказавшимся к новым перспективным морским коммуникациям, «выпала роль свершить то, что было подготовлено всем ходом развития европейского общества»⁷. Этому предшествовал ряд исключительно важных событий в политической истории Испании. С 1469 г. благодаря династическому браку между кастильской принцессой Изабеллой и наследником арагонской короны Фердинандом начался процесс консолидации двух крупных католических государств Иберийского полуострова, что создало, говоря словами К. Маркса «материальную основу испанской монархии»⁸. В январе 1492 г. после ожесточенных военных действий, продолжавшихся более десятилетия, соединенная армия Католических королей нанесла решительное поражение Гранадскому эмирату, последнему оплоту мусульманства. С падением Гранады завершилась реконкиста — отвоевание пиренейских земель, почти восемь столетий находившихся под мавританским владычеством. Покончив как с внешним фронтом, так и с феодальной раздробленностью внутри страны, испанская абсолютная монархия в преддверии XVI в. вышла на арену европейской и мировой политики. Закономерным результатом указанных процессов явилось обращение испанской короны к завоеванию новых земель.

К концу XV в. Испания переживала переломную эпоху. Разлагавшиеся феодальные отношения, развитие мануфактур и торгового капитала, укрепление союза испанских городов и в его лице складывавшейся буржуазии отражали медленно разворачивавшийся процесс первоначального накопления капитала, что во многом определило противоречивый, двойственный характер конкисты. В ней приняли участие различные противоборствующие социальные прослойки испанского народа. Их «тяга к далеким путешествиям и приключениям в поисках золота, хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, была, однако, уже по самой своей природе несовместима с феодализмом. . . К тому же мореплавание (с учетом необходимости преодоления огромной океанической преграды. — Авт.) было определено буржуазным промыслом. . .»⁹ Это нашло отражение и в пестром социальном составе заморских экспедиций, основную массу которых составляли многочисленные обедневшие мелко- и среднепоместные дворяне-идальго,

⁷ История литератур Латинской Америки (далее — ИЛЛА). М., 1985. Т. 1. С. 132.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 429.

⁹ Там же. Т. 21. С. 408—409.

Х. КОЛУМБ

представители городского сословия, чиновники разных рангов, а также разорившиеся ремесленники и страдавшие от безземелья крестьяне, наконец, люмпены, бродяги и преступники¹⁰. Однако организаторами экспедиций выступали, как правило, представители торгового и ростовщического капитала, земельной аристократии. Кузницей конкистадорской вольницы стали южные, самые бедные, провинции Испании — Андалусия и Эстремадура.

Все социальные и политические силы Испании были заинтересованы в новых источниках накопления и в ограблении заморских стран: королевская власть; католическая церковь и духовно-рыцарские ордена — надежная опора испанской короны; обнищавшее мелкопоместное дворянство, десятилетиями занимавшееся военным промыслом и составившее боевую силу заморских экспедиций; городская буржуазия, купцы и банкиры Малаги, Севильи и Кадиса; безземельные крестьяне, также искавшие за океаном быстрого личного обогащения.

Первые шаги на пути экспансии были предприняты испанцами еще в середине XIV в. на территории Северной Африки, в Алжире и Тунисе, а в XV в. на Канарских островах. Поистине поворотным пунктом, превратившим Испанию в крупнейшую колониальную державу мира, стали экспеди-

¹⁰ См., например: *Góngora M. Studies in the Colonial History of Spanish America*. Cambridge, 1975. P. 7—8.

ции великого мореплавателя генуэзца Христофора Колумба, финансируемые испанской короной, а также арагонским и севильским торговым капиталом. В процессе четырех трансатлантических плаваний Колумба и его соратников, братьев Пинсонов, Ниньо и др., в течение немногим более десятилетия, с 1492 по 1504 г., был открыт обширный островной мир Карибского бассейна: Большие и Малые Антильские острова, центральная часть Багамского архипелага, в том числе такие крупные острова, как Хуана — ныне Куба (1492 г.), Эспаньола — Гаити (1492 г.), Борикен — Пуэрто-Рико (1493 г.), Сант-Яго — Ямайка (1494 г.)¹¹. Были обследованы северные берега Южноамериканского континента, а также более 1500 км восточного побережья Центральной Америки.

Таким образом, Колумб, отправившись через Атлантический океан на поиски западного прохода в Азию, в действительности проложил путь к дотоле неизвестному для европейских народов, а потому новому для них огромному и плотно населенному континенту и тем самым совершил географическое и социально-культурное открытие всемирно-исторического значения. Необходимо подчеркнуть, что открытие Америки стало двусторонним актом, так как в результате его пришли в соприкосновение народы разных материков, в течение тысячелетий развивавшиеся изолированно друг от друга. Отныне они вступили в длительное и тесное историческое взаимодействие, что кардинально изменило ход и темпы не только последующей американской и европейской истории, но и всего мира в целом.

В письме испанскому двору от 15 февраля 1493 г. Колумб, убежденный в том, что открытые им земли составляет часть Азиатского материка, назвал их, как тогда было принято, Индиями. «За тридцать три дня, — писал он, — я прошел от Канарских островов к Индиям с флотилией. . . и там я открыл много островов и людей на них без счета. . .»¹² Впоследствии за всеми испанскими владениями в Западном полушарии в официальных документах закрепилось название *Западные Индии* в противовес известным со времен средневековья Индиям азиатским. Жителей нового материка с легкой руки Колумба стали называть индейцами. Однако почти одновременно появились и другие обозначения нового континента: Материковая земля, как чаще всего его называли в своих сочинениях испанские хронисты, или Новый Свет¹³. С 30-х годов XVI в. в географической литературе и картографии некоторых европейских стран за новооткрытым материком утвердилось название Америка¹⁴.

¹¹ 1-я экспедиция с 3 августа 1492 г. по 15 марта 1493 г. Первым, 12 октября 1492 г., был открыт небольшой остров в восточной цепи Багамского архипелага — Гуанахати, названный Колумбом Сан-Сальвадор (Уотлинг); 2-я экспедиция — с 25 сентября 1493 г. по 11 июня 1496 г.; 3-я экспедиция — с 30 мая 1498 по 25 февраля 1500 г.; 4-я экспедиция — с 9 мая 1502 по 7 февраля 1504 г. Подробнее см.: Путешествия Христофора Колумба: Дневники, письма, документы / Пер. с исп. и коммент. Я. М. Света. М., 1961; *Свет Я. М.* Колумб. М., 1973.

¹² *Colón C.* Textos y documentos completos. Madrid, 1984. P. 140; Путешествия Христофора Колумба. С. 66.

¹³ Впервые предложено флорентийским мореходом и космографом Америго Веспуччи в его письме от 1503 г. к Лоренцо Медичи: «Страны эти следует назвать Новым Светом. . .» См.: *Магидович И. П.* История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., 1965. С. 116; *Morison S. E.* The European Discovery of America. The Southern Voyages, 1492—1616. N. Y., 1974. P. 36.

¹⁴ В 1507 г. немецкий географ М. Вальдземюллер выпустил на латинском языке небольшую работу «Введение в космографию», где впервые опубликовал два письма Америго Веспуччи о его путешествиях вдоль бразильского побережья в 1499—1504 гг. Вальдземюллер предложил назвать новые земли «страной Америго, или Америкой». Эта работа, снискавшая широкую известность в Европе начала XVI в., сыграла роль «свидетельства о крещении» нового континента. См.: *Магидович И. П.* Указ. соч. С. 117.

Первые экспедиции Колумба вписали не только выдающиеся страницы в историю географических открытий, но и положили начало активной колониальной экспансии Испании в Новом Свете. Она осуществлялась в ходе конкисты — массированного завоевания американских народов и принадлежавших им земель испанскими и португальскими конкистадорами-завоевателями. Процесс завоевания продолжался в главных своих чертах с конца XV в. до 70-х годов XVI в. и распространился на наиболее плотно заселенные пространства Центральной, Южной и частично Северной Америки.

На начальном этапе конкисты, занявшем около четверти столетия (1492—1518), были обследованы, помимо Больших и Малых Антильских островов, Багамский архипелаг и полуостров Флорида (экспедиции Понсе де Леона и А. Аламиноса в 1513—1517 гг.), первое испанское владение в Северной Америке, а также обширные участки Атлантического побережья Центральной и Южной Америки — от Панамского перешейка и эстуариев Ориноко и Амазонки (экспедиции А. де Охеды и А. Веспуччи в 1499 г., В. Пинсона и Д. Лепе в 1499—1500 гг.) до общего устья рек Уругвай и Парана, названного впоследствии Рио-де-Ла-Платой — Серебряной рекой (экспедиция Х. Д. Солиса в 1515—1516 гг.).

Однако главный удар начавшейся колониальной экспансии принял на себя островной мир Карибского моря. Уже в 1495 г. братья Колумбы предприняли поход в целях подавления восставших против испанских завоевателей глубинных провинций острова Эспаньола. В 1496 г. на его южном берегу был основан город Санто-Доминго, старейшее испанское поселение в Америке, надолго ставшее форпостом завоевательных походов Испании.

Сын Колумба — Диего Колумб, назначенный в 1508 г. губернатором Эспаньолы, предпринял завоевание соседних крупных островов. Понсе де Леон, получивший от него звание капитана и губернатора, в 1509 г. взялся за покорение острова Пуэрто-Рико; в 1511 г. им был основан здесь город Сан-Хуан. В этом же году под предводительством Хуана де Эскивеля завоеватели высадились на берегах Ямайки. С 1510 г. знатный испанец, богатый землевладелец с Эспаньолы Диего Веласкес приступил к завоеванию плотно населенного острова Куба. К 1515 г. на востоке острова были заложены города Сантьяго, Баямо и Баракоа, в центральной части — Камагуэй и Санкти-Спиритус и на северном побережье — Гавана, будущая столица Кубы¹⁵.

На Антильских островах были опробованы основные методы колониальной политики испанской короны, распространенные впоследствии на материковую часть Америки. Местное индейское население первым испытало на себе все трагические последствия той вакханалии грабежей, насилий и убийств, которыми обернулось для него испанское завоевание, ознаменовавшее становление эпохи первоначального накопления.

Методы завоевательной политики сложились в Испании еще в процессе длительной борьбы с маврами и на первых порах были перенесены и на вновь открываемые земли. Взяв на себя роль вдохновителей и организаторов колониальной экспансии в государственном масштабе, пользуясь, по словам Маркса, «концентрированным и организованным общественным насилием»¹⁶,

карте Леонардо да Винчи от 1515 г. — новооткрытый материк, точнее его южная часть, был обозначен как Америка, а на карте известного фламандского картографа Г. Меркатора от 1538 г. название «Америка» было распространено и на северную его часть в известных тогда пределах.

¹⁵ *Le Riverend J. de. Historia económica de Cuba. La Habana. 1967. P. 34—36.*

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 75.*

Католические короли (Фердинанд и Изабелла) отдали ее конкретную реализацию на откуп частной инициативе. Центральным звеном политики завоевания, этого грандиозного военного и экономического предприятия, стала система контрактов или договоров (так называемая «капитуляция»). Испанская корона, испытывавшая острый дефицит финансовых средств, предоставляла конкистадорам право на организацию и техническое снаряжение экспедиций и на завоевание и заселение той или иной части новооткрытых земель. Издержки завоевателей правительство компенсировало предоставлением им многочисленных званий и почестей, которые фактически оплачивались на месте за счет прямого ограбления покоренных народов. Предводители экспедиций назначались в зависимости от социального статуса — «аделантадо» — наместниками или губернаторами завоеванных земель с широким кругом административных, судебных и военных полномочий, в том числе с правом заниматься торговыми операциями, возводить города, строить крепости и т. д.

Переключив все бремя расходов на завоевателей, бывших орудием колониальной экспансии, испанская корона в то же время стремилась поставить под жесткий контроль все их действия и обеспечить себе максимальную долю прибыли. Так, пятую долю всех доходов, знаменитую королевскую пятину, надлежало отчислять в королевскую казну, контроль за доходами вверялся королевским казначеям, назначавшимся в экспедиции. Торговые и морские сношения с новыми владениями, разработка недр, добыча золота, серебра, жемчуга, ценных пород леса были объявлены исключительно королевской монополией.

Завоевание Америки осуществлялось конкистадорами со шпагой в одной руке и с крестом — в другой. Колониальная экспансия в Новом Свете с самого начала проходила при самом активном участии испанской католической церкви, в том числе и представителей духовных орденов — францисканцев, доминиканцев, августинцев и др. В продолжение многовековой «священной войны» с маврами католическая церковь не только тесно сплотилась с испанской короной, но и стала ее всесильным орудием и крупнейшей феодальной силой Испании. В завоевании и духовном порабощении многомиллионного индейского населения Америки духовенство видело неиссякаемый источник увеличения своей экономической мощи и укрепления идеологического и политического влияния как в колониях, так и в метрополии. Как справедливо указывал советский историк И. Р. Григулевич, «католическая церковь была не только идейным вдохновителем и участником конкисты, не только ее хронистом и комментатором, но и главным ее защитником»¹⁷. Лишь немногие представители церкви, такие, как яркий деятель испанского и общеевропейского гуманизма монах-доминиканец Бартоломе де Лас Касас¹⁸, шли вразрез с официальной католической догмой и самоотверженно боролись и словом и делом против варварских форм колонизации.

Высадившись на Антильских островах, конкистадоры действовали, как средневековые пираты, предпринимая разбойничьи рейды за золотом, ценностями и рабами, которых считали своей военной добычей. Отмечая эту характерную деталь конкисты, К. Маркс писал в свое время: «Разбой и грабеж — единственная цель искателей приключений в Америке. . . Донесения Колумба характеризуют его самого как пирата. . . Работоторговля как базис!»¹⁹ И действительно, уже в 1494 г. Колумб в мемориале, направленном

¹⁷ Цит. по: Лас Касас Б. де. К истории завоевания Америки. М., 1966. С. 17.

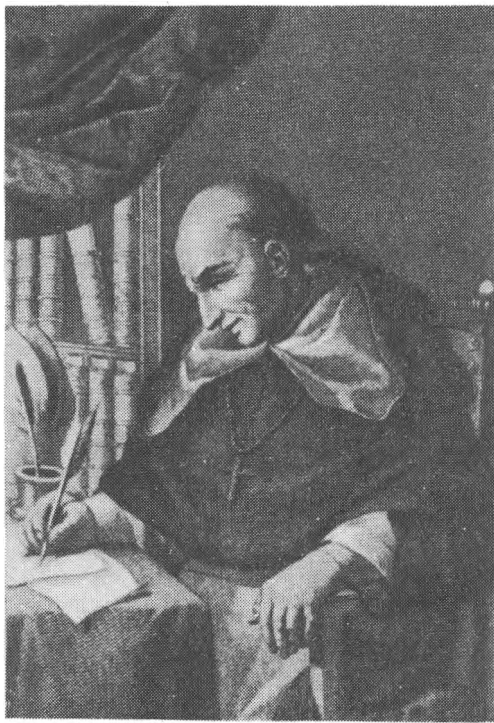
¹⁸ Подробнее о Лас Касасе см.: ИЛЛА. Т. 1. С. 174—195.

¹⁹ Архив Маркса и Энгельса. Т. 7. С. 100.

королевскому двору, предложил обращать в рабство «индейцев-язычников и людоедов-каннибалов» под лицемерным предлогом избавления их «от состояния бесчеловечности»²⁰.

О том, как выглядела система легализованного рабства, свидетельствует очевидец конкисты Лас Касас: индейцев продавали по цене не более 4 песо золотом и считали на штуки, как скот; ими оплачивались все виды деятельности, они составляли основную часть жалованья королевских чиновников и т. д. Против мирного коренного населения были развязаны жестокие военные действия: планомерно уничтожалась племенная знать, во время карательных походов поголовно вырезались целые селения, жителей травили собаками, подвергали пыткам²¹. В результате к концу 10-х годов XVI в. были подорваны основы традиционного социально-экономического уклада и культуры индейского населения. Вследствие массового уничтожения, угона

Б. де ЛАС КАСАС

в рабство, непосильного труда на полях и золотых приисках численность индейцев катастрофически сократилась²². Уже в 1501 г. на Эспаньоле появились первые партии рабов африканского происхождения из Гвинеи.

Между тем все новые волны завоевателей прибывали на опустошенные конкистой Антильские острова. В поисках новых земель они стремились проложить путь на Американский материк, восточные контуры которого уже были частично обследованы в продолжение двух первых десятилетий XVI в.

Опорной базой для дальнейшего продвижения экспансии на запад стала Куба. Две морские экспедиции 1517—1518 гг. под началом Ф. Кордовы и Х. де Грихальвы принесли обнадеживающие результаты: были обследованы побережье п-ва Юкатан, устье р. Табаско и западные берега Мексиканского залива. Завоеватели вплотную подошли к границам северного очага зоны цивилизаций, созданных земледельческими народами Мексики.

Испанский конкистадор Эрнандо Кортес, алькальд города Сантьяго с 15-летним опытом сражений на Антильских островах, открыл новый этап

²⁰ Путешествия Христофора Колумба. С. 348—349.

²¹ Лас Касас Б. де. История Индии. Л., 1968. С. 68—69, 76, 98, 106, 109, 164 и др.

²² Так, если в 1510 г. на Кубе индейцев насчитывалось более 100 тыс., то к середине XVI в. осталось лишь 5—6 тыс. человек (см.: Очерки истории Кубы. М., 1978. С. 25); за 5 лет испанского господства на Эспаньоле — 1495—1500 гг. — число индейцев сократилось вдвое (см.: Путешествие Христофора Колумба. С. 500); по сведениям П. Мартира, только с Багамских островов было вывезено более 40 тыс. индейцев на рудники Кубы и Эспаньолы, где они все и погибли (см.: Лас Касас Б. де История Индии. С. 112—113).

в истории колониальной экспансии. В апреле 1519 г. во главе флотилии в составе 11 кораблей он высадился на побережье Мексиканского залива в районе о-ва Улуа и оказался у восточных границ обширного ацтекского государства. Стоявшая во главе его Тройственная лига путем насилия объединила под своей эгидой конгломерат разноязычных народов Центральной Мексики, навязав им обременительную систему поборов, дани, принудительного труда. Воспользовавшись разногласиями в стане ацтеков, Э. Кортес заключил военный союз с рядом подвластных им племен (тотонаками, глашкальцами), стремившихся любой ценой вернуть былую независимость. Таким образом, завоеватели, умножив свои силы за счет индейских союзников, практически без боя преодолели подъем на труднодоступное Мексиканское нагорье и в начале ноября 1519 г. вошли в предместья Теночтитлана, главного политического и экономического центра ацтекского государства²³.

Перед лицом смертельной угрозы ацтеки сумели организовать сильное сопротивление. Испанцы, понеся тяжелые потери (более 800 человек убитыми) в памятную для них Ночь печали, 30 июня 1520 г., были вынуждены бежать из Теночтитлана. Однако несмотря на героические усилия индейцам не удалось добиться коренного перелома в войне с чужеземными завоевателями. Через год, в мае 1521 г., испанцы подвергли город изнурительной осаде, в которой приняли участие и около 300 тыс. индейцев — союзников завоевателей из Тескоко, Чолулы и Глашкалы²⁴. Лишенные пищи и воды, ослабленные эпидемией оспы, мужественные защитники Теночтитлана во главе с последним верховным правителем ацтеков Куаутемоком почти три месяца стойчески выдерживали осаду. Однако силы были неравны, и в августе 1521 г. город был вынужден сдаться испанцам²⁵. Натравливая одни индейские народы на другие, опираясь на помощь временных индейских союзников, используя свои военно-технические преимущества, испанские завоеватели во главе с Э. Кортесом нанесли ацтекскому государству поражение.

Покорив главного соперника, конкистадоры поодиночке расправились и с его бывшими вассалами. Поход Кортеса в 1523 г. на северо-восток Мексики завершился покорением уастеков, одновременно с этим Г. Сандоваль на юго-западе, в Оахаке, в ожесточенной борьбе привел к покорности сначала сапотексов, а затем и тарасков. Следом Х. Альварес и К. де Олид завоевали народы приморской тихоокеанской полосы Мексики. Пройдя Теуантепекский перешеек, П. Альварадо вторгся во владения высокоразвитых народов — киче, какчикелей и др. в горной Гватемале и в течение 1524—1528 гг. подчинил их. К 1525 г. испанцы закрепились и в Гондурасе, где встретились два потока завоевателей, двигавшихся как с севера, из Мексики, так и с юга, от Панамского перешейка (экспедиция Г. Эспиносы в 1516—1520 гг. и Х. Авилы в 1520—1523 гг. в Панаме, Коста-Рике и Никарагуа).

Первое десятилетие после высадки Кортеса в Мексике города-государства майя на Юкатане оказались вне непосредственной сферы конкисты, хотя завоеватели и подошли вплотную к их границам на западе и юге. Однако уже в 1527 г. на острове Косумель высадился Франсиско Монтехо, прибыв-

²³ Cortés H. Cartas y documentos. México, 1963. P. 47, 50, 57—58; Diaz de Castillo B. Historia verdadera de la conquista de la Nueva España. Barcelona, 1975. P. 233—245, 282.

²⁴ Sahagun B. de. Historia general de las Cosas de Nueva España. México, 1977. T. 4. P. 203, 209, 211.

²⁵ Prescott W. H. History of the Conquest of Mexico. L., 1925. P. 545—555; Cortés H. Op. cit. P. 189. Подробнее о завоевании ацтеков см.: Гуляев В. И. По следам конкистадоров. М., 1976. Гл. 5 и 6; Вайян Дж. История ацтеков. М., 1949. С. 169—190.

Э. КОРТЕС

Ф. ПИСАРРО

ший в Мексику из Испании во главе большой флотилии. При попытке продвинуться в глубь Юкатана он встретил решительное сопротивление индейцев майя и был вынужден временно отступить (в Мексику). Однако отдельные провинции на западе Юкатана, в частности управляющиеся династиями Чель и Печ, перешли на сторону испанцев. Завоевание юкатанских майя проходило в специфических условиях. К появлению европейцев они не были объединены в централизованное государство. Более десятка мелких обособленных образований во главе с местными династиями вели постоянную междоусобную войну и не выступили общим фронтом против завоевателей. Каждое из них испанцам приходилось завоевывать по отдельности и не один раз. Сопротивление майя вкупе с труднейшими топографическими и климатическими условиями Юкатана — причина того, что завоевание городов майя растянулось на два десятилетия.

В несколько этапов, в 1531—1533 гг. и в 1541—1546 гг., завоеватели постепенно проникли в глубинные районы Юкатана и покорили важнейшие города майя²⁶. Испанцами были основаны города — в 1542 г. Мериды, а в 1544 г. — Вальядолид. Решающую роль в окончательном разгроме городов майя на севере и востоке Юкатана сыграла междоусобная распря между двумя династиями северного Юкатана — Кокомов из Сотуты и Шиу из Мани. Предав общие интересы, верховный правитель Тутуль Шиу

²⁶ Индейцы майя, жившие в глубине Юкатана на берегах озера Петен-Ица с центром в г. Тайясале, сохраняли независимость вплоть до 1697 г. Подробнее о завоевании Юкатана см.: Гуляев В. И. Указ. соч. С. 105—127.

в 1542 г. перешел на сторону испанцев и предложил свои услуги в деле покорения еще не завоеванных областей. К 1546 г. основные центры юкатанских майя потеряли свою независимость, их великолепные дворцовые и храмовые комплексы были варварски разграблены, а на коренное население обрушились массовые избиения, казни, тяжелые поборы²⁷.

Во второй половине XVI в. одновременно с завоеванием Мексики и Центральной Америки, охватившим плотно населенные высокоразвитые районы, происходило и неуклонное продвижение завоевателей в глубь Южноамериканского континента. Здесь опорной базой в течение десятилетий оставался Панамский перешеек, восточную часть которого испанцы окрестили Золотой Кастилией. Из наиболее важных военных экспедиций, обеспечивавших завоевание южного очага зоны высоких цивилизаций, следует назвать: экспедицию В. Н. де Бальбоа, который в 1513 г. впервые пересек Панамский перешеек и вышел на берег так называемого Южного моря — Тихого океана; экспедицию П. де Авилы, основавшего в 1519 г. город Панаму на новооткрытом берегу, важнейший перевалочный пункт и базу продвижения на юг; затем экспедиции П. де Андагойя, обследовавшего в 1519—1522 гг. Тихоокеанское побережье вплоть до устья р. Сан-Хуан на территории современной Колумбии и собравшего у местных индейцев богатую информацию о многолюдной, богатой золотом стране Бирү, расположенной далеко к югу.

Проложить путь к неизвестной стране взялись испанские конкистадоры Франсиско Писарро и Диего де Альмагро, у каждого из которых за плечами более чем 20-летний опыт завоевательных операций на Антильских островах и в Золотой Кастилии. Заручившись финансовой поддержкой состоятельных жителей города Панамы, этот «союз денежного мешка и шпаги»²⁸ приступил к организации экспедиции. Однако ни в первом (1524 г.), ни во втором (1526 г.) плаваниях завоевателям не удалось добраться до Перу. Лишь в конце 1527 г. они пересекли экватор и достигли устья р. Гуаякиль, северной границы государства инков. Добытые в походе ламы, шерстяные ткани, золотая и серебряная утварь послужили веским доказательством реального существования высокоразвитой страны на южном континенте. Возвратившись в Испанию, Писарро в июле 1529 г. подписал с Карлом V договор на завоевание земель Новой Кастилии (так именовалось еще не завоеванное Перу)²⁹.

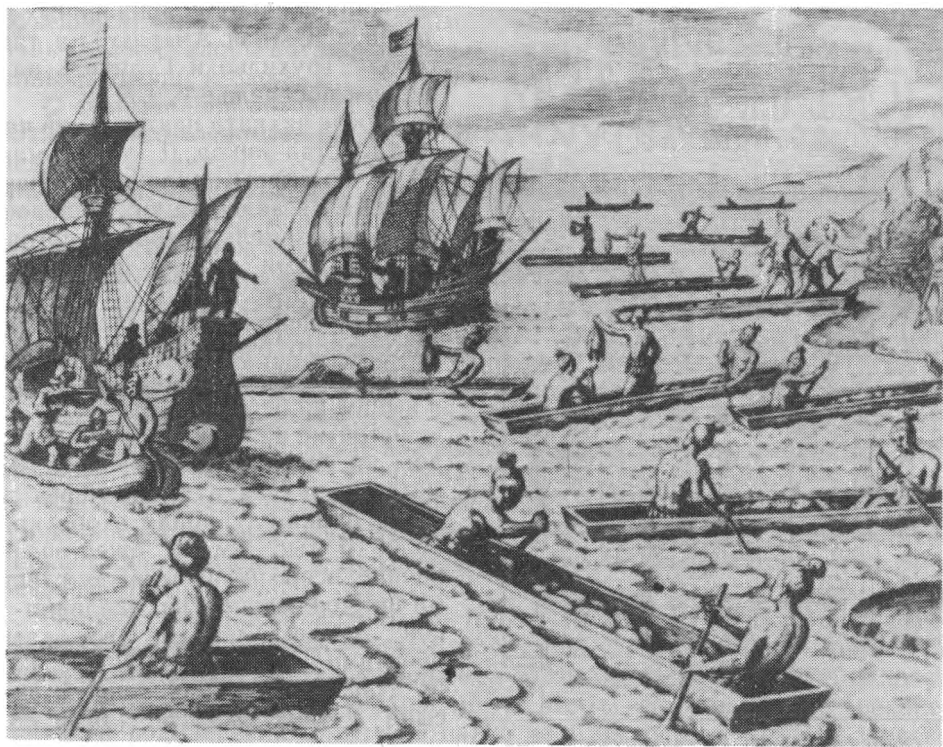
Получив от испанской короны пожизненные звания аделантадо, губернатора и генерал-капитана, а также дворянский титул и личный герб, в январе 1531 г. Писарро на трех бригантинах с отрядом в 183 человека отправился из города Панамы в решающее плавание к берегам Перу. К маю 1532 г. они достигли города Тумбеса и стали лагерем в его окрестностях в целях рекогносцировки.

Испанские конкистадоры появились на перуанской земле в разгар острейшего политического кризиса, в момент завершения ожесточенной междоусобной борьбы за высшую власть в государстве инков между верховным правителем (Сапа Инкой) Уаскарком и его сводным братом «узурпатором» Атауальпой, который в конечном счете одержал победу. Обескровленная многолетним военным и гражданским конфликтом, фактически лишенная стабильной верховной власти инкская аристократия оказалась чрезвычайно

²⁷ Portilla M. L. El Reverso de la Conquista. México, 1974. P. 65—70; см. также: Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955. С. 131—132.

²⁸ Магидович И. П. Указ. соч. С. 200.

²⁹ Prescott W. H. History of the Conquest of Peru. P. 145, 481—485; Morales Padron F. Teoria y leyes de la Conquista. Madrid, 1979. P. 233—240.

Индейцы встречают корабли испанцев
(гравюра Т. де Бри)

ослабленной перед угрозой чужеземного нашествия³⁰. Как опытный завоеватель, Писарро не замедлил воспользоваться обстановкой, благоприятной для нанесения решительного удара. В ноябре 1532 г. испанские завоеватели, преодолев трудный подъем в Кордильеры, появились в окрестностях Кахамарки, где в то время стояло лагерем войско инки Атауальпы. Под предлогом переговоров испанцы вероломно заманили Атауальпу в Кахамарку и организовали на центральной площади засаду; верховный инка был взят в плен, а сопровождавшая его свита расстреляна в упор из пушек и мушкетов или затоптана всадниками.

Через 10 месяцев, в июле 1533 г., Писарро казнил верховного правителя инков Атауальпу и развязал себе руки для дальнейших завоеваний³¹. В ноябре 1533 г. испанский отряд под началом Э. де Сото захватил древнюю столицу инков — священный город Куско и беспощадно разграбил его. Уже в 1535 г. для развития морских коммуникаций с Панамским перешейком испанцы заложили город Сьюдад-де-лос-Рейес в устье р. Римак (Лима —

³⁰ Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. Л., 1974. С. 636—638; Historia del Perú. Lima, 1980. Т. 4. Р. 11—12.

³¹ Historia del Perú. Т. 4. Р. 28. Собранный по приказу Атауальпы огромный выкуп — переплавленные испанцами золотые и серебряные изделия весили более 6 т — не принес ему свободы, обещанной Писарро. См.: Chapman W. The Golden Dream: Seekers of Eldorado. Indianapolis, 1967. Р. 36.

Обезглавливание Атауальпы испанцами
(по «Новой хронике Помы де Айялы»)

будущая столица колониальных владений в Южной Америке), а также города Трухильо и Гуаякиль на северном побережье³².

После захвата центральной части государства инков Д. де Альмагро, разделив сферы влияния с Писарро, устремился далее на юг, на завоевание новых земель, которые в договоре на его имя получили название Нового Толедо. В 1535—1537 гг. его отряд проделал огромный путь от высокогорного озера Титикака на юг, преодолел мощные чилийские Анды и вышел на берега р. Мауле. Однако, не встретив на пути ни крупных городов, ни месторождений золота, Альмагро вернулся в Куско через пустыню Атакаму, пройдя в оба конца более 5 тыс. км. В ожесточенной расправе, вспыхнувшей между главными претендентами на владения инков, Д. де Альмагро был казнен братьями Писарро (1538 г.), а сам Ф. Писарро пал, сраженный рукой сына Д. де Альмагро (1541 г.)³³.

Весть об открытии обширного процветающего государства инков послужила стимулом к дальнейшей активизации экспансии в глубь мало-

исследованного континента. К середине 30-х годов XVI в. относятся попытки проникнуть в Перу из приморской полосы нынешней Венесуэлы и Колумбии. В апреле 1536 г. из Санта-Марты (город основан в 1525 г.), близ устья р. Магдалены, вышла одна из самых крупных военных экспедиций (600 пехотинцев, 200 моряков, 70 всадников) с целью проникнуть в Перу, следуя против течения к истокам реки³⁴. Экспедицию возглавил выпускник Саламанкского университета Гонсало Хименес де Кесада, назначенный адельантадо и генерал-капитаном экспедиции. В течение первых 6 месяцев пути на берегах Магдалены, покрытых влажным тропическим лесом, погибло более двух третей экспедиции. В районе правого притока Магдалены — р. Опон испанцы изменили первоначальное направление, повернули на восток и, преодолев склоны Восточных Кордильер, вышли в январе 1537 г. на обширное плато Боготы (современная Колумбия).

Населявшие его высокоразвитые земледельческие племена чибча-муисков были объединены в небольшие государственные образования, оспаривавшие друг у друга власть на плато. Следуя опыту Кортеса в Мексике и Писарро в Перу, Кесада в течение 1537—1539 гг. поодиночке подчинил мелкие

³² Подробнее см.: Colección de libros y documentos referentes a la historia del Perú: T. 1—12. Lima, 1916—1919. T. 5; Jerez Fr. de. Las relaciones de la conquista del Perú; T. 6: Pizarro P. Descubrimiento y conquista; Porras Barrenechea R. Pizarro. Lima, 1978. P. 443—445, 458—461 etc.

³³ Prescott W. H. History of the Conquest of Peru. P. 308, 334.

³⁴ Friede J. Gonzalo Jiménez de Quesada. Bogotá, 1960. T. 1. P. 16.

объединения муисков. Завоеванные земли получили название Новой Гранады. Конкистадоры награбили на землях муисков более 1 т золотых и серебряных изделий и около 2 тыс. камней изумрудов³⁵.

О необычайной активности конкисты на втором ее этапе свидетельствует тот факт, что следом за Кесадой в стране муисков появились новые претенденты на их земли. Себастьян де Белалькасар, участник завоевания Перу и Эквадора, проник сюда из Кито, завоеванного им в 1533 г. В продолжение 1537 г. он покорил многочисленные племена долины р. Кауки и, заложив там города Попаян, Кали, Ансерму и др., в начале 1539 г. вышел в долину р. Магдалены, где и столкнулся с солдатами Кесады.

Одновременно с ним, но со стороны венесуэльских льяносов на плато Боготы поднялись остатки экспедиции во главе с немецким конкистадором Николасом Федерманом, агентом торгового дома Вельзеров. Богатейшие в Европе немецкие торговые дома Вельзеров и Фуггеров из Аугсбурга вместе с торговыми домами Генуи и Флоренции принимали активное участие в финансировании испанских завоевательных операций в Америке. В 1526 г. в Санто-Доминго была учреждена первая немецкая торговая фактория. В 1528 г. Вельзеры подписали с испанской короной договор на завоевание и разработку земных недр Венесуэлы. В 30—40-х годах XVI в. немецкие конкистадоры развили в Венесуэле активную деятельность: А. Альфингер основал города Коро и Маракайбо (1529—1532 гг.), Г. Зайсенхофер и Г. Хоэрмут обследовали долины рек Мета и Гуавьяре (1535—1538 гг.) и т. д. Разорив в 1535 г. приморскую полосу Венесуэлы, немецкий конкистадор Федерман углубился затем в тропическую сельву в поисках богатой золотом страны. В 1539 г., следуя верховьями р. Меты, его отряд после трехлетних скитаний поднялся на Боготское плато уже после того, как его завоевали солдаты Кесады. Попытки Вельзеров добиться у Испании признания своего приоритета над землями Новой Гранады закончились провалом. В 1556 г. Вельзеры отказались от притязаний на Новую Гранаду и потеряли право на свои владения в Венесуэле³⁶.

Столь же безуспешны оказались и попытки европейского «короля денег» Антона Фуггера «открыть, завоевать, заселить и укрепить», как гласили условия договора, подписанного с испанским королем, острова и материк от пролива Магеллана до владений Фр. Писарро на южной оконечности Нового Света. Дальность морских путей, сопротивление индейцев вынудили его в 1531 г. денонсировать соглашение.

Закрепившись в наиболее плотно населенных областях Южной Америки, испанские конкистадоры к середине XVI в. проникли и в периферийные районы, где встретили ожесточенное сопротивление индейских племен, в частности населявших Чили индейцев мапуче (араукан). Педро де Вальдивия в течение долгих 13 лет, начиная с 1540 г., пытался подчинить непокорных араукан. Несмотря на определенные успехи — основание городов Сантьяго (1541 г.), Вальпараисо (1544 г.), Консепсьона (1550 г.), испанцам удалось закрепиться только в северной части Чили. Арауканские племена, возглавленные замечательными вождями — Лаутаро и Кауполиканом, нанесли завоевателям ряд сокрушительных поражений. Вальдивия был взят ими в плен и казнен (1553 г.). Фактически испанцы оказались неспособны продвигаться южнее р. Био-Био, которая и после 1773 г., когда испанская корона

³⁵ Oviado F. Historia general y natural de las Indias. Asunción, 1944—1945. Т. 6. Р. 149. Подробнее см.: Созина С. А. На горизонте — Эльдorado: Из истории открытия и завоевания Колумбии. М., 1972. С. 76—77.

³⁶ См. подробнее: Friede J. Los Welser en la conquista de Venezuela. P. 431, 439, 487, 491.

была вынуждена признать независимость Араукании, — так и осталась пограничной рекой.

В 1541—1542 гг. участник завоевания Перу Ф. Орельяна во главе отряда из 45 солдат совершил переход по величайшей реке земного шара, названной им рекой Амазонк. Преодолев около 6 тыс. км от верховьев Амазонки до острова Маражо в ее устье, в сентябре 1542 г. он вышел в Атлантический океан. Испанская корона немедленно предъявила свои права на пройденные им земли.

Другим крупным эпизодом в истории испанских географических открытий стала экспедиция 1519—1522 гг. во главе с Ф. Магелланом, португальцем на службе испанского короля. В поисках «западного прохода» к островам Пряностей он обследовал устье Ла-Платы, открыл пролив, соединяющий Атлантический и Тихий океаны, впоследствии названный его именем, и дошел до Филиппинских островов, где и погиб. Единственному кораблю под началом Эль-Кано удалось вернуться в Испанию, обогнув Африку с юга. Так было завершено первое кругосветное путешествие, подтвердившее шарообразность Земли и уточнившее очертания Южноамериканского материка.

Активно происходило освоение бассейна крупных рек Южной Америки в районе Ла-Платы. В 1526 г. нижнее течение Параны и Парагвая обследовала экспедиция Себастьяна Кабота. В феврале 1536 г. знатный испанец Педро Мендоса во главе крупнейшей в истории испанской конкисты экспедиции из более чем 1500 человек высадился в заливе Ла-Платы и заложил в устье р. Параны город Буэнос-Айрес, который, однако, был вскоре разрушен индейцами (вторично основан в 1580 г.). Построенный годом позже город Асунсьон у впадения р. Пилькомайо в р. Парагвай на долгие годы стал центром испанской колонизации этого обширного края³⁷. Известный конкистадор А. Н. Кабеса де Вака, прошедший в 1528—1536 гг. от Флориды до Техаса в Северной Америке, был назначен Карлом V новым аделантадо Рио-де-Ла-Платы. В 1541—1542 гг. он проделал большой переход по юго-восточной части Бразильского нагорья, пересек р. Парану и выше к Асунсьону.

Воинственное индейское население труднопроходимой области Гран-Чако долгое время затрудняло проникновение испанцев во внутренние районы континента, богатые драгоценными металлами. Лишь в 1548 г. конкистадор Д. М. Ирала в поисках «серебряной горы» поднялся на высокогорье в районе озера Поопо, где задолго до него уже прочно обосновались испанские завоеватели, пришедшие сюда с тихоокеанских берегов, из Перу, под началом Гонсало Писарро. В 1538 г. капитан П. Ансурес основал город Ла-Плату (он же Чаркас, или Чукисака), а Г. де Вильярроэль в 1545 г. вблизи «серебряной горы» Потоси положил начало городу того же названия. В 1548 г. были заложены города Ла-Пас, близ озера Титикака, и Санта-Крус, на востоке обширного высокогорного плато, получившего в колониальный период название Верхнего Перу³⁸. Отсюда колонизационный поток устремился на юг, в Северную Аргентину, на земли свободолюбивых диагитов, где были основаны важные опорные центры испанской колонизации — города Тукуман (1565 г.), Кордова (1573 г.) и др. Здесь в центре Южноамериканского континента к середине XVI в. соединились, таким образом, два направления испанской экспансии, двигавшиеся навстречу друг другу с Тихоокеанского и Атлантического побережий.

³⁷ Groussac P. Mendoza y Garay. Buenos Aires, 1949—1950. Т. 1—2; Schmidel U. Historia y descubrimiento del Rio de la Plata y Paraguay. Buenos Aires, 1881.

³⁸ Подробнее о завоевании Верхнего Перу (Боливии) см.: Ayala Z. A. Historia general y de Bolivia. La Paz., 1963. Т. 2. P. 106—129.

Кастровиррейна, горнорудный центр в Перу
(по «Новой хронике» Помы де Айялы)

Второй, самый активный этап испанского завоевания, крайне напряженный по темпам и масштабу охваченной им территории, уложился в целом в половину века — с 1519 г. до 70-х годов XVI в. Он превратил Испанию в крупнейшую колониальную империю мира, владения которой простирались от верховьев р. Рио-Гранде в Северной Америке до р. Био-Био в Южной. Обладание столь обширными колониальными землями, в которых «никогда не заходило солнце», превратило испанскую монархию в могущественное государство. «... Это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдorado, рыцарских подвигов и всемирной монархии»³⁹.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 431.

Испанская экспансия охватила наиболее плотно населенные области Центральной и Южной Америки, включая всю зону древних цивилизаций с ее народами, создателями оригинальных систем земледелия и искусных ремесел. Именно эти народы — ацтеки и майя, муиски и кечуа, аймара и др. — приняли на себя всю тяжесть колониальной эксплуатации и стали производителями всех материальных благ Испанской империи. Обосновавшись в жизненно важных центрах поверженных индейских государств, испанская корона продолжила проникновение в периферийные районы Американского континента: на севере — в бассейны р. Колорадо и западных притоков Миссисипи, на юге — в Гран-Чако и Патагонию, а также на островной мир Тихого океана: в 1564—1565 гг. были завоеваны Соломоновы, а в 1565—1571 гг. Филиппинские острова. Испанская колониальная экспансия — этот огромный по масштабам и интенсивности процесс завоевания четвертой части суши — подходила к концу⁴⁰.

Перед Испанией со всей остротой вставали проблемы колонизации и освоения огромных природных и человеческих ресурсов Нового Света. Среди важнейших выступали задачи консолидации власти в завоеванных областях, принятия чрезвычайных мер для подавления многочисленных индейских восстаний, вспыхивавших повсеместно и представлявших реальную угрозу колониальному режиму.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ ПОРТУГАЛИИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ В XVI ВЕКЕ

Португальская морская экспансия сопровождалась острой конкурентной борьбой с Испанией. Истоки этого соперничества восходят еще к середине XIV в., когда развернулась борьба за контроль над северо-африканскими территориями и Канарскими островами. После взятия крепости Сеуты на южном берегу Гибралтара в 1415 г. португальская корона направила энергичные усилия на обследование и овладение западноафриканским побережьем. Стремительно нараставшая португальская экспансия привела к освоению обширного островного мира вдоль северной части Западной Африки: островов Мадейры в 1418—1425 гг., Азорских — в 1427—1432 гг., Зеленого Мыса — в 1458—1462 гг.⁴¹, а затем и обширных районов материковой Африки: Гвинеи — в 1446—1456 гг., Конго — в 1482 г. В 1488 г. знаменитый португальский мореплаватель Б. Диаш впервые обогнул южную оконечность Африки — мыс Доброй Надежды. Путь в Индию был открыт.

В стремлении закрепить вновь приобретенные колониальные владения португальское правительство в течение всего XV в. неоднократно обращалось к авторитету папской власти. Папскими пожалованиями 1434, 1436, 1455 и 1481 гг. за португальской короной было утверждено право владеть новооткрытыми землями⁴². Испано-португальское соперничество вновь обострилось после возвращения Х. Колумба из первой экспедиции (1492—1493), во время которой он открыл, по его словам, путь в Индию. Выходец из Испании папа Александр VI в мае—сентябре 1493 г. издал несколько булл, которыми безоговорочно признал неоспоримые права Испании на

⁴⁰ Указом «Умиротворение» от июля 1573 г., подписанным испанским королем Филиппом II, слово «завоевание», как одиозное, запрещалось впредь использовать при освоении новых земель.

⁴¹ Подробнее см.: *Diffie B. W., Winius G. D. Foundations of the Portuguese Empire, 1415—1580.* Minneapolis, 1977. P. 53—107.

⁴² *Ibid.* P. 65, 94.

земли, лежащие «в 100 лигах к западу от любого из островов, обычно именуемых Азорскими и Зеленого Мыса»⁴³. Португальская сторона немедленно оспорила испанское решение папы.

Настоятельная потребность разграничить сферы влияния соперничавших морских держав привела к подписанию 7 июня 1494 г. в испанском городе Тордесильясе специального соглашения между Испанией и Португалией. Согласно этому договору, новая демаркационная линия, так называемый «папский меридиан», была обозначена 370 лигами западнее островов Зеленого Мыса. Отныне все открытые как в прошлом, так и в обозримом будущем земли к востоку от «папского меридиана» принадлежали Португалии, а к западу — Испании⁴⁴. Так произошел первый в истории колониальный раздел мира на пороге крупнейших географических открытий, изменивших ход мировой истории⁴⁵.

В 1497—1499 гг. португальский мореплаватель Васко да Гама обогнул Африку и проложил путь — в отличие от Колумба — в настоящую Индию, тем самым успешно завершив продолжавшуюся почти столетие заокеанскую португальскую экспансию. Стремясь закрепить результаты путешествия Васко да Гамы, португальская корона поспешно организовала новую экспедицию в Индию.

9 марта 1500 г. мощная эскадра в составе 13 кораблей и около 1,5 тыс. участников под началом Педру Алвареша Кабрала вышла из Лиссабона в Атлантический океан. Однако господствующие вдоль западного побережья Африки сильные течения и ветры отклонили курс эскадры далеко на запад.

22 апреля 1500 г. португальская флотилия оказалась в виду неизвестного берега, которому было присвоено имя Земли Истинного, или Святого, Креста. Ни Кабрал, ни его спутники не предполагали, что открытая ими земля лежит на восточном берегу Южноамериканского материка, уже обследованного испанскими экспедициями Охеды, Пинсона и др. 2 мая флотилия Кабрала покинула американский берег. Затем она прошла мыс Доброй Надежды, прибыла в Индию в сентябре того же года и в июле 1501 г. вернулась в Лиссабон, побывав, таким образом, в продолжение одного плавания на берегах четырех континентов.

Первоначально португальское правительство рассматривало Землю Святого Креста как перевалочную базу для морских экспедиций, следовавших в Индию. Однако посланные для дальнейшей рекогносцировки португальские экспедиции с участием Америго Веспуччи (июнь—август 1501 г., 1503—1504 гг.) обследовали заливы Всех Святых и Риу-ди-Жанейру, принятый за устье мощной реки, и фактически доказали, что земля, обнаруженная Кабралом, является частью материка, открытого до него Колумбом⁴⁶.

Первые европейцы были поражены плотностью и многочисленностью индейского населения открытого Кабралом побережья⁴⁷. Находившиеся на различных ступенях первобытнообщинного строя многочисленные индейские

⁴³ Ibid. P. 172—173.

⁴⁴ A Documentary History of Brazil / Ed. Burns. E. B. N. Y., 1966. P. 15.

⁴⁵ Привязку «папского меридиана» к конкретной территории должна была произвести специальная комиссия из штурманов и астрономов обеих стран в течение ближайших 10 месяцев. Фактически этого не произошло. Оба государства оспаривали указанную границу вплоть до 1777 г., и она колебалась в разное время от 42°30' до 50° з. ш. См.: *Diffie B. W. Op. cit.* P. 174; *Hemming J. Red Gold: The Conquest of the Brazilian Indians, 1500—1760.* Cambridge, 1978. P. 528.

⁴⁶ *Marcondes de Souza T. O. Descobrimento do Brazil de acôrdo com a documentação histórico-cartografica e a náutica.* São Paulo, 1956. P. 348—354.

⁴⁷ Так, на острове Мараньян (Сан-Луис) было зафиксировано 27 деревень индейцев тупи с плотностью 1 тыс. человек на 100 кв. км. См.: *Hemming J. Op. cit.* P. 490.

племена — тупи-гуарани, карибы, араваки и др. занимались охотой, рыболовством и собирательством, а наиболее развитые из них — подсечно-огневым земледелием, вели кочевой или оседлый образ жизни. Характерной чертой межплеменных отношений были междоусобные войны, которые колонизаторы использовали для натравливания одних племен на другие.

На Земле Святого Креста португальцев поразили мощные тропические леса, протянувшиеся вдоль берега. Обнаруженная здесь разновидность красного сандалового дерева *пау-бразил*, сырье для красного красителя, ранее доставлявшегося с Востока, стала предметом оживленной торговли. Уже в 1502 г. разработка и добыча пау-бразил была объявлена королевской монополией и передана в ареиду⁴⁸. К середине XVI в. название этой ценной древесины было перенесено на название побережья, а впоследствии и на саму страну.

Бедные запасами золота и серебра, но плодородные земли оказались пригодными для разведения сахарного тростника. Уже в 1526 г. в окрестностях Пернамбуку была построена первая мельница по переработке сахарного тростника — энженьо. Уже в ранний период португальской колонизации были заложены начала сахарного производства, а вместе с ним на два-три столетия вперед фундамент всего колониального хозяйства Бразилии.

Вплоть до 1530 г. колонизация береговой полосы ограничивалась районами городов Риу-ди-Жанейру, Пернамбуку (Ресифи) и Баия (Салвадор). Это были небольшие торговые фактории, занимавшиеся заготовкой и транспортировкой пау-бразил.

В 1530 г. к берегам Бразилии подошла мощная флотилия во главе с Мартимом де Соузой. За два года экспедиция обследовала около 5 тыс. км бразильского побережья от современных городов Сан-Луис на севере до Риу-Гранди-ду-Сул на юге. В 1532 г. близ современного города Сантуса было заложено первое постоянное поселение Сан-Висенте, а затем Пиратининга, близ современного Сан-Паулу. Здесь на берег сошли 400 португальских колонистов с запасами различных семян, скотом, черными рабами⁴⁹. В 1531 г. для разведки «сертанов» — глубинных районов — были организованы и первые экспедиции, которые дошли до территории нынешнего штата Минас-Жерайс и до р. Параны.

Франция активно соперничала с Португалией за овладение бразильским побережьем, где с 20-х годов XVI в. появились первые французские фактории по контрабандной торговле пау-бразил. Французские пираты регулярно совершали набеги на португальские владения. Так, в 1531 г. ими на время был взят Пернамбуку, они также натравливали на португальских колонистов индейские племена. Более того, в 1555 г. группа французских гугенотов, бежавших от преследований из Франции, основала на островах залива Риу-ди-Жанейру колонию под названием Антарктическая Франция. В течение 12 лет колония успешно оборонялась от португальских колонизаторов. Однако с января 1567 г., после решительного штурма объединенными силами португальских колонистов и регулярных частей, прибывших из метрополии, Антарктическая Франция навсегда исчезла с бразильской карты⁵⁰.

К середине 60-х годов число португальских колонистов не превышало 3 тыс. человек. К этому времени определились два центра колонизации: Пернамбуку — Баия на севере и Сан-Паулу — Риу-ди-Жанейру на юге. Эти

⁴⁸ Слэзкин Л. Ю. Земля Святого Креста: Открытие и завоевание Бразилии. М., 1970. С. 54.

⁴⁹ Слэзкин Л. Ю. Указ. соч. С. 64.

⁵⁰ Подробнее см.: Там же. С. 116—150.

районы и стали впоследствии отправными точками дальнейшего освоения материковой Бразилии и бассейна Амазонки.

Появление на атлантических морских путях французских, а с середины XVI в. и английских пиратских кораблей, промышлявших грабежом испанских флотилий и контрабандной торговлей африканскими невольниками, не было случайностью. Размах испанской и португальской колониальной экспансии в Америке не мог оставить равнодушными бурно развивавшиеся страны Европы. Франция и Англия активно включились в обследование и завоевание вновь открытой гигантской части суши, начав с северных ее границ. Уже в 1504—1508 гг. французские рыбаки и моряки подошли к берегам Ньюфаундленда, в 1523—1524 гг. обследовали восточное побережье Северной Америки между 34° и 46° с. ш. В 1534 г. Ж. Картье открыл залив и бассейн р. Св. Лаврентия. Открытые земли под именем Новой Франции, или Канады, были объявлены владением французского короля.

В 1577—1580 гг. английский пират Фр. Дрейк бросил вызов испанской колониальной империи и повторил кругосветное плавание Магеллана. Его корабли успешно совершили обход испанских колониальных владений, проследовав на юг вдоль восточных берегов Южной Америки и поднявшись на север вдоль ее Тихоокеанского побережья вплоть до Калифорнии. В 1586 г. во главе мощного флота из 25 судов Дрейк разграбил ряд крупных испанских портов на Эспаньоле и в Новой Гранаде.

Расположенный на северо-востоке Южноамериканского континента обширный Гвианский массив, берега которого были открыты соратниками Колумба — А. де Охедой и В. Пинсоном в 1499 г., в течение всего XVI в. оставался не освоенным Испанией. Наиболее обследован был бассейн р. Ориноко и ее западных притоков экспедициями Диего де Ордаса в 1531 г., Алонсо де Эрреры в 1533—1534 гг., Лопе де Агирре в 1561 г. Именно сюда и устремились европейские конкуренты Испании. В 1595 г. английский пират У. Рэли, захватив испанский пост на о-ве Тринидад, проплыл по Ориноко к ее истокам и по возвращении выпустил подробное описание путешествия, получившее широкий резонанс в Европе⁵¹. В 1595—1598 гг. путь по Ориноко повторил голландец Кабелио, в 1602 г. этим же маршрутом по личному приказу французского короля проследовали корабли Р. М. де Монбарю. С XVII в. между указанными европейскими державами началось напряженное соперничество за овладение Гвианой и островами Вест-Индии. Таким образом, колониальная экспансия, начатая в Америке завоевательными походами Испании и Португалии, приобрела общеевропейский характер.

ЗАВОЕВАНИЕ АМЕРИКИ И СТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ

Значительный разрыв в уровне социально-экономического развития народов Нового и Старого Света предопределил неизбежность поражения американских народов и включение их в мировую колониальную систему. Таков объективно-исторический итог более чем тысячелетнего опережающего другие регионы хода развития передовых народов Европы. Признание этого факта не имеет ничего общего с идеей европоцентризма или фатализма, не вытекает оно и из расовой или культурной «неполноценности» американских народов, как утверждают старые и новые приверженцы колониализма и расизма. Об этом хорошо сказал Х. К. Мариатеги: «Во время конкисты индейская раса была побеждена техникой этой расы (европей-

⁵¹ Рэли У. Открытие Гвианы. М., 1962.

цев. — Авт.), значительно превосходящей технику индейцев. Порох, железо, кавалерия не были расовыми преимуществами. Это были технические преимущества»⁵². И действительно, значительное военно-техническое превосходство европейских завоевателей, имевших на вооружении различное огнестрельное и холодное оружие, стальные доспехи, быстроходные суда, кавалерию, передовую тактику боя и др., стало одним из решающих факторов поражения индейских народов. Одновременно сопротивление индейцев в момент их драматического противостояния европейской экспансии было резко ослаблено, а в отдельных случаях и сведено на нет слабостью центральной власти, рыхлостью политической структуры наиболее развитых государств ацтеков, майя, инков, представлявших конгломерат различных по языку и культуре народов, острой межплеменной и династической борьбой, отсутствием единства. Все эти и ряд других обстоятельств значительно ускорили процесс завоевания.

Завоевание и ограбление народов Американского и других материков как следствие великих географических открытий явились, по выражению К. Маркса, главными моментами эпохи первоначального накопления, история которого «вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня... Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»⁵³.

Процесс завоевания народов Древней Америки сопровождался самым беспощадным вандализмом, уничтожением цветущих городов, храмовых комплексов, памятников искусства и духовной культуры, гибелью в результате военных столкновений, непосильного труда и занесенных европейцами опустошительных болезней миллионов коренных жителей, разрушением самобытных, тысячелетиями складывавшихся социально-экономических структур. Имея в виду разрушительные последствия европейского завоевания, Ф. Энгельс писал, что оно «оборвало всякое дальнейшее самостоятельное их (древнеамериканских культур. — Авт.) развитие»⁵⁴.

Однако поступательный ход истории на американской земле продолжался, но в качественно новых исторических условиях. Подспудно среди хаоса разрушения, вызванного колониальной экспансией, в глубине переходных явлений⁵⁵ стали складываться элементы нового социально-экономического базиса.

Так, У. З. Фостер считал, что «завоевание Америки имело революционные последствия» для индейских народов, что «естественный ход развития индейского общества был резко нарушен и искусственно ускорен... насильственным внедрением европейской феодально-капиталистической системы»⁵⁶.

«Как бы ни было, — по словам Маркса, — прискорбно для наших личных чувств зрелище разрушения древнего мира»⁵⁷, колонизация европейцами Американского континента в конечном счете открыла перспективу более быстрого развития там производительных сил. Процесс втягивания индейских народов в более высокую формацию развивался в ходе активного много-

⁵² Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 47.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 727, 760.

⁵⁴ Там же. Т. 21. С. 31.

⁵⁵ См.: Петропавловский Р. В. Диалектика прогресса и ее проявление в нравственности. М., 1978. С. 153.

⁵⁶ Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1955. С. 65-66.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 136.

стороннего социально-экономического, расово-этнического и культурного взаимодействия и синтеза народов Америки, Европы, а затем Африки и Азии. Синтез осуществлялся в рамках испанской и португальской колониальной системы, обрушившей на покоренные народы тяжкое бремя колониальной эксплуатации.

Прогрессивное движение общества в антагонистических формациях носит диалектический, внутренне противоречивый характер. «Проказой цивилизации» назвали Маркс и Энгельс тяжелую, подчас страшную цену прогресса для угнетенных классов и народов. «Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии»⁵⁸.

Ограбление и порабощение населения внеевропейских материков, в том числе Америки, резко ускорило процесс складывания капитализма в переломных странах Европы, «создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента»⁵⁹.

Складывавшийся в этих условиях мировой капиталистический рынок и мировая торговля открыли в XVI в. новую историю капитала и одновременно озаглаивали становление всемирного разделения труда и мировой колониальной системы⁶⁰. Все эти факторы, в свою очередь, объективно способствовали ускорению хода мировой истории в целом.

⁵⁸ Там же. Т. 21. С. 155, 68—69.

⁵⁹ Там же. Т. 4. С. 425.

⁶⁰ См.; Чистозвонов А. Н. Указ. соч. С. 207.

ИСПАНСКАЯ АМЕРИКА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (XVI—XVIII ВЕКА)

Глава 3

УПРАВЛЕНИЕ КОЛОНИЯМИ

С первых же шагов колониальной экспансии испанская корона приступила к решению задач по управлению открываемыми землями в Западном полушарии. Конкиста и колонизация нового континента — два параллельно развивавшихся и взаимно дополнявших друг друга исторических процесса.

С 1503 г. в Севилье приступила к работе Торговая палата. Первоначально в ее ведение входили вопросы снаряжения экспедиций за океан, сбор таможенных пошлин, хранение и досмотр всех товаров, прибывших из Америки. В 1511 г. Торговая палата получила право гражданской и уголовной юрисдикции по всем делам, связанным с торговлей и мореплаванием в Западных Индиях¹.

¹ Schäfer E. El Consejo Real y Supremo de las Indias: T. 1—2. Sevilla, 1935—1947; T. I. P. 10, 12, 19.

Однако неуклонно расширявшийся процесс завоевания вынудил испанскую корону уже с 1511 г. передать группе советников ведение дел по заморским территориям. Важнейшей среди административных реформ, предпринятых в начале 20-х годов XVI в. императором Карлом V, стало учреждение 1 августа 1524 г. самостоятельного органа — Королевского верховного совета по делам Индий — со своим президентом, советниками и автономным судопроизводством. Образованная ранее Торговая палата была передана ему в подчинение. Первым президентом Совета по делам Индий стал влиятельный сановник Гарсиа де Лоайса, духовник Карла V, генерал ордена доминиканцев².

В течение двух столетий Совет по делам Индий ведал разработкой основных направлений колониальной политики Испании в законодательной, политической и экономической областях и был наделен широкими полномочиями: назначал должностных лиц всех рангов, как светских, так и духовных, контролировал деятельность колониальной бюрократии, как высшая апелляционная инстанция вершил суд и расправу над жителями колоний. Испанские монархи лично утверждали его решения.

По мере приращения колониальных владений в них вводилась централизованная административная система. Первым в 1535 г. было образовано вице-королевство Новая Испания со столицей в Мехико, возникшем на месте разрушенного завоевателями древнего Теночтитлана. До 80-х годов XVI в. Новая Испания включала в себя огромную территорию: Мексику (в ее современных границах), южные штаты будущей США, Центральную Америку (кроме Панама), Антильские острова и северное побережье Южной Америки до устья Амазонки, а с 1583 г. и далекие Филиппинские острова. Вице-королевство Перу со столицей в Лиме, образованное в 1542 г., включало все испанские колониальные владения в Южной Америке, кроме Венесуэлы, принадлежавшей до 1556 г. торговому дому Вельзеров, а также Панаму в Центральной Америке. При этом обширные пространства Гватемалы, Антильских островов, Новой Гранады (современные Колумбия и Эквадор) вошли в соответствующие вице-королевства на правах генерал-капитанств — более мелких административных владений, формально подчинявшихся вице-королю. Однако управлявшие им генерал-капитаны имели право самостоятельно сноситься с королевским двором. В отдаленных районах, населенных «незамирными» индейцами, образовывались губернаторства во главе с губернаторами, подчинявшимися вице-королям.

Самый ранний по времени появления институт в американских владениях — аудиенсия, «становой хребет административной и судебной системы в колониях»³. Этот орган колониального управления с широким кругом полномочий учреждался как в крупных городах, столицах вице-королевств, так и в центрах генерал-капитанств и губернаторств. Вместе с территорияей, подпадавшей под их юрисдикцию, аудиенсии образовывали самостоятельную единицу, совпадавшую с тем или иным генерал-капитанством. Так, например, самая древняя аудиенсия Санто-Доминго была установлена на острове Эспаньола в октябре 1511 г., следующая — в Мехико в ноябре 1527 г. Во

² Schüfer E. Op. cit. T. 1. P. 44; T. 2. P. 67; Sánchez-Bella I. La organización financiera de las Indias (Siglo XVI). Sevilla, 1968. P. 15. На первых порах Совет насчитывал 5 советников и 2 секретарей, в 1528 г. в нем учреждена должность канцлера, в 1571 г. должности главного хрониста и космографа. К концу XVII в. число советников увеличилось до 19, их возглавлял министр по делам Индий, бывший, в свою очередь, членом королевского правительства. С 1717 г. Совет выполнял лишь совещательные функции, окончательно ликвидирован в 1854 г.

³ Schüfer E. Op. cit. T. 1. P. 157.

второй половине XVI в. число аудиенсий быстро увеличилось, они были образованы в Лиме (1542 г.), в Сапта-Фе и Кито (1547 и 1563 гг.), в городе Ла-Плата (вице-королевство Перу, 1561 г.) и в Сантьяго (1565 г., Чили).

В конце XVI в. вице-королевство Новая Испания делилось на пять аудиенсий: Мехико, Гвадалахара, Гватемала, Санто-Доминго и Филиппины. При этом власть вице-короля распространялась непосредственно на первые две, над остальными в связи с их удаленностью он осуществлял лишь право верховной инспекции. И Гватемала, и Санто-Доминго фактически управлялись самостоятельно президентами аудиенсий, которые одновременно являлись генерал-капитанами или губернаторами своих владений, соединявшими в своих руках всю полноту власти. Таковы же были взаимоотношения вице-короля Перу с губернатором удаленной от него аудиенсии Чили.

В XVIII в. административное деление Испанской Америки в целях приспособления к новым внешне- и внутривнутриполитическим требованиям подверглось значительным изменениям: в 1739 г. из состава обширного вице-королевства Перу были выделены вице-королевство Новая Гранада (Колумбия, Эквадор, Венесуэла и Панама) и в 1776 г. вице-королевство Рио-де-Ла-Плата, куда вошли земли нынешних Аргентины, Боливии, Парагвая и Уругвая; впоследствии Венесуэла (1777 г.), а затем и Чили (1778 г.) были преобразованы в генерал-капитанства и перешли в прямое подчинение испанскому двору. В связи с переходом в 1795 г. вслед за западной и восточной части острова Санто-Доминго к Франции аудиенсия из Санто-Доминго была переведена на Кубу.

Вся система колониального управления была пронизана жесткой централизацией и бюрократизмом. Высшая власть в колониях вверялась вице-королям, наместникам испанского короля, правившим от его имени, располагавшим всей полнотой политической и экономической, законодательной и военной власти, включая и патронат над церковью подведомственной территории. При этом, однако, деятельность вице-королей и колониальной бюрократии подвергалась самому мелочному контролю со стороны королевского двора, что выражалось как в организации регулярных ревизий, так и в подробных отчетах, которые вице-короли систематически высылали в Совет по делам Индий⁴.

Вице-короли Луис де Веласко (1550—1564) и Франсиско де Толедо (1568—1580) были крупными представителями колониальной бюрократии в Новой Испании и Перу. Развернутая ими во второй половине XVI в. программа реформ содействовала консолидации основ колониального режима в Испанской Америке.

Главной задачей деятельности вице-королей испанская корона считала обеспечение королевской казны растущей долей колониальной прибыли, этого «жирного супа» испанских королей⁵.

Аудиенсия, будучи высшей судебной инстанцией в колониях, одновременно обладала совещательными функциями при вице-короле, члены ее замещали его во время долгого отсутствия или болезни, а также контролировали его финансовую деятельность. Предоставленное аудиенсии право прямо

⁴ К 1700 г. 11 аудиенсий ревизовались метрополией от 60 до 70 раз. *Konetzke R. América Latina: La época colonial. Madrid, 1971. P. 141.*

⁵ Так, вице-король Перу Ф. де Толедо за 12 лет правления передал в королевскую казну более 5 млн дукатов; Г. Уртадо де Мендоса (1588—1595) за 7 лет — около 10 млн дукатов, а вице-король Луис де Веласко за 8 лет правления (1598—1603) — около 11 млн дукатов. (*Sánchez-Bella I. Op. cit. P. 46—49*). См. подробнее: *Leviller R. Ordenanzas de don Fr. de Toledo. Madrid, 1929; Sarabia Viejo J. Don Luis de Velasco: virrey de Nueva España, 1550—1564. Sevilla, 1978.*

сноситься с Советом по делам Индий через голову вице-короля придавало ей независимый характер и превращало ее в канал жесткого контроля за деятельностью высшего колониального аппарата со стороны правительства. Члены аудиенсии — судьи-ойдорес (от 4 до 8 человек), казначеи, стряпчие, писцы, секретари, а с 1596 г. и протекторы, так называемые «покровители индейцев», — занимались разбором гражданских и уголовных дел, улаживали споры о земельных границах, регулировали взаимоотношения между колонистами и индейцами, ведали «святая святых» — сбором и хранением королевской казны и т. д.⁶

Для управления глубинными провинциями вице-король или генерал-капитан назначали старших алькальдов или коррехидоров из числа испанского дворянства и военной знати. Те, в свою очередь, возглавляли кабильдо органы городской власти в провинциях.

Многочисленные, постоянно растущие кадры колониальной бюрократии, так называемые «летрадос», готовились в испанских университетах. Эта привилегированная прослойка профессиональных юристов и правоведов задавала тон как в Совете по делам Индий, так и в колониальной администрации. Правая рука испанской короны в деле цементирования самих колониальных устоев — местная бюрократия присваивала изрядную долю колониальных доходов, выступив активным конкурентом метрополии в деле хищнической эксплуатации населения колоний.

Огромный размах градостроительства — одна из характерных черт колонизационной политики Испании в Америке. К 1513 г. только на Эспаньоле было заложено 17 поселений. В продолжение XVI в. в различных частях Испанской Америки: на развалинах поверженных индейских городов (Теночтитлан и Куско), в местах сосредоточения индейского населения (Кордова, Тукуман, Сантьяго и др.), на горных разработках (Потоси, Оруро, Сакатекас) и на важных морских коммуникациях (Веракрус, Гавана, Картахена, Лима и др.) — были заложены сотни новых городских поселений. Они становились опорными пунктами колонизации края, распространения христианства, административными, ремесленными и культурными центрами.

Согласно закону от 1497, 1529 и 1573 гг. корона безвозмездно наделяла испанских колонистов участками для возведения домов в пределах городской застройки (соларес); резервным фондом — вокруг города (эхидо) с расчетом на его последующий рост и для выпаса скота; коллективным собственником этих земель выступал городской совет — кабильдо. Выделялись также надель под сады и огороды (чакрас) в предместье, а на периферии большие участки (асьенды или эстансии) для разведения скота. Земли распределялись при условии их освоения в течение ближайших четырех-шести лет. Строго соблюдался сословно-классовый подход при распределении земли: знатные поселенцы получали для застройки участки, в 2 раза, а для обработки в 5 раз превышавшие наделы простых колонистов⁷. Так законодательно вводилась система по сути феодальной иерархии. Как правило, земельный фонд испанских городов образовывался за счет захвата угодий, принадлежавших окрестным индейским общинам, и обрабатывался за счет принудительного труда индейцев.

С 70-х годов XVI в. в колониях, так же как и в Испании, была введена широкая практика продажи (обычно пожизненно) должностей колониальной администрации и городского управления «дающему наибольшую цену»

⁶ Recopilación de Leyes de los Reynos de las Indias. Madrid, 1973. T. 1. P. 191—248.

⁷ Ots Capdequí J. M. España en América: El régimen de tierras en la época colonial. México, 1959. P. 51, 61; Konetzke R. Op. cit. P. 40—41.

в пользу королевской казны. В результате чего с XVII в. автономия молодых испанских городов была резко ограничена, а их управление было монополизировано состоятельной чиновной бюрократией и местной феодалной элитой, всецело поддерживавшими королевскую власть в ущерб интересам прослойки бедных испанских поселенцев и ремесленников⁸.

При осуществлении колониальной политики метрополия имела мощную опору в лице католической церкви. Исключительное право патроната над церковью в Новом Свете, заложенное уже в папских буллах 1493 г., а затем подтвержденное в 1501 и 1508 гг., рассматривалось испанской короной как одна из наиболее важных ее экономических и политических привилегий в Западном полушарии. Оно было даровано Ватиканом испанским королям за тот вклад, который они внесли в дело изгнания мавров с пиренейских земель в процессе Реконкисты. Королевский патронат обладал правом назначать представителей высшей и средней церковной иерархии, осуществлять контроль за их деятельностью, основывать церкви и монастыри, отчислять в свою пользу $\frac{1}{9}$ от всей суммы церковной десятины. Огромная армия священников, монахов, миссионеров не только духовно поработала индейское население, но и нещадно эксплуатировала его труд при строительстве храмов и монастырей, обработке угодий, добыче драгоценных металлов.

Как белос, так и черное духовенство пользовалось особой феодальной сословной привилегией - фуэро, освобождавшей их от гражданской и уголовной юрисдикции колониальных властей и предоставлявшей важные налоговые льготы.

На чем зиждилось экономическое могущество церкви? На взимании десятины, которую платило подавляющее число жителей колоний⁹, безвозмездном присвоении первых плодов земледелия и скотоводства, обременительных поборах за духовные требы, частных пожертвованиях, дарениях и завещаниях доходов с земель и имущества, наконец, на торговых, ростовщических и кредитных операциях, которые приняли огромный размах во второй половине XVIII в. Активная скупка выморочных и доходных участков, захват общинных угодий, королевские земельные пожалования превратили католическую церковь к концу XVIII в. в крупнейшего земельного собственника, ростовщика и банкира. Этот красноречивый факт замалчивается консервативными и клерикальными историками. К концу колониального периода ежегодные доходы церкви только в вице-королевстве Перу были равны почти половине (около 2,5 млн песо) доходов королевской казны.

Активную деятельность в колониях развили и монашеские ордена. К началу XVII в. в Новой Испании религиозным орденам принадлежала $\frac{1}{3}$ всех общественных и частных зданий, земельных угодий и другой недвижимости; здесь функционировало 400 монастырей, а всего к этому времени в Западных Индиях насчитывалось более 5 тыс. монахов. Полтора столетия спустя францисканцы, наиболее многочисленный миссионерский авангард католической церкви, имели к 1789 г. под своим началом в Испанской Америке и на Филиппинах 241 монастырь, 139 приходов и 163 миссии

⁸ *Ots Capdequí J. M.* El estado español en las Indias. La Habana, 1975. P. 75—78.

⁹ Испанское законодательство противоречиво толковало процедуру взимания десятины с индейского населения в XVI—XVII вв. В одних колониях (Новая Испания) она взималась, в других (Перу) не взималась; в одних местах ее собирали со всех продуктов земледелия, в других только с тех, что были завезены испанцами (пшеница, овес, шелкопряд). Однако с 70-х годов XVIII в. в связи с усилением налогового прессы все категории крестьянства обязаны были выплачивать десятину «по закону». См.: *Konetzke R.* Op. cit. P. 224.

(редукции). Всего же в канун XIX в. в колониях насчитывалось от 30 до 40 тыс. «служителей божьих» и около 4 тыс. монастырей¹⁰.

В 1568 г. в Перу, а в 1572 г. в Новой Испании появились первые представители самого воинствующего католического ордена — Общества Иисуса. К 1586 г. иезуиты достигли Парагвая, к 1590 г. проникли в Новую Гранаду, к 1592 г. — в Чили. Созданные ими к концу XVII в. на юге Парагвая 30 миссий, раскинувшиеся на площади в 200 тыс. кв. км, объединили более 150 тыс. индейцев гуарани. Вопреки утверждениям апологетов клерикализма, сия «христианская республика» в действительности представляла полуавтономное теократическое владение со своей армией, в котором индейцы подвергались жесточайшей эксплуатации, представлявшей, по меткому определению П. Лафарга, «остроумную и прибыльную смесь крепостничества и рабства»¹¹. Это был «гигантский плантационно-скотоводческий комплекс, производство которого шло в основном на экспорт, а доходы присваивались орденом»¹². Подобные миссии функционировали также на востоке Эквадора — миссия Майнас, в сельве на юго-востоке Боливии (зона расселения индейцев чикитос), в провинциях Сонора и Синалоа на севере Новой Испании и в других местах. Орден иезуитов сосредоточил в своих руках огромные богатства, бросив вызов колониальным властям и самой испанской короне. Так, к 1767 г. под опекой иезуитов находилось более 700 тыс. индейцев, а движимая и недвижимая собственность ордена оценивалась более чем в 70 млн песо серебром¹³.

С 60-х годов XVI в. в Испании началось наступление контрреформации, ознаменовавшееся, в частности, ужесточением деятельности инквизиции и активным преследованием деятелей религиозно-гуманистических кругов. Усиление католической реакции в метрополии немедленно отозвалось на политическом и духовном климате ее американских колоний.

Королевским указом от 1569 г. в Испанской Америке был учрежден трибунал инквизиции, который начал действовать в Лиме в 1570 г., а в Мехико — в 1571 г. Индейцы, как новообращенные, были изъяты из ее ведения, однако негры и мулаты подвергались ее суду. Жестокая духовная цензура проникла во все области колониальной культуры и знания.

Деятели официального католицизма (М. Фернандес де Энсисо, Х. Хинес де Сепульведа и др.) на основе идеологического арсенала прошлого создали и обосновали доктрину раннеколониальной экспансии. Ее краеугольным камнем стало провозглашение принципа «справедливой войны» христиан-европейцев против язычников-индейцев во имя создания испанской «всемирной католической монархии». Так обосновывалось право на завоевание американских народов и их насильственное обращение в правоверную католическую паству, покорных верноподданных слуг испанского короля. Религиозный фанатизм способствовал оправданию и освящению политики беспощадного ограбления населения колоний.

Завоевание и колонизация Нового Света, осуществлявшиеся объединенными усилиями испанской короны, отрядов завоевателей и католического духовенства, сопровождалась глубокими социально-экономическими и идеологическими противоречиями как между этими силами, так и внутри

¹⁰ Ibid. P. 235; Schäfer E. Op. cit. T. 2. P. 227; Григулевич И. П. Крест и меч: Католическая церковь в Испанской Америке, XVI—XVIII вв. М., 1977. С. 246.

¹¹ Цит. по: Селиванов В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984. С. 54.

¹² Григулевич И. П. Указ. соч. С. 171.

¹³ Koneizke R. Op. cit. P. 257; Григулевич И. П. Указ. соч. С. 189; Альперович М. С. Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840). М., 1975. С. 53.

каждой из них. Не выступала единым фронтом и католическая церковь. Ее религиозно-гуманистическое крыло бросило вызов теории и практике колониальной экспансии, которую проповедовал официальный воинствующий католицизм. Испанских гуманистов представляли Альфонсо де Вальдес-секретарь Карла V, известные теологи и юристы Франсиско де Виториа (1483—1546), Хуан Луис Вивес (1492—1540) и др. Наиболее яркое выражение новые гуманистические идеи, хотя и в своеобразной религиозно-схоластической трактовке, нашли в деятельности и творчестве Бартоломе де Лас Касаса (1474—1566). Участник и очевидец завоевания, затем монах-доминиканец и епископ, покровитель и защитник индейцев, Лас Касас в течение полувека находился в самой гуще острейшей идейно-общественной борьбы, которая развернулась вокруг политических и этнических проблем, порожденных открытием и завоеванием Америки. За долгую жизнь Лас Касас прошел путь от ожесточенного критика методов и последствий испанской конквисты и колонизации как преступления «против естественного, божественного и человеческих законов» до осуждения всяких форм колониального угнетения.

Стремясь осуществить на практике свои гуманистические идеи, Лас Касас неоднократно предпринимал попытки основать сельские поселения (в Венесуэле, Гватемале, Никарагуа), где бы индейцы и испанские колонисты «мирно и равноправно» сотрудничали в деле освоения богатств американской земли. Эти утопические социальные проекты в условиях колониальной действительности окончились полным провалом. В начале пути он был сторошиком завоевания Америки «на справедливых началах» и мирной пропаганды христианства, замены поработенных индейцев африканскими невольниками, как более физически выносливыми работниками. В конце жизни Лас Касас возвысился до радикальной идеи равенства всех рас и народов, осудил рабство негров, выступил с требованием, чтобы испанские колонизаторы покинули пределы Америки, а независимость индейских народов была восстановлена¹⁴.

При всем том, что усилия испанских гуманистов не вышли за пределы умеренной оппозиции испанскому абсолютизму, а в ряде случаев и сотрудничества с ним, не изменили кардинально режима колониальной эксплуатации, они сыграли важную роль в зарождении новой испаноамериканской духовной традиции. Со всем основанием можно утверждать, что Лас Касас, как ключевая фигура испанского гуманизма XVI в., завещал «будущему идеи независимости Америки»¹⁵.

ФОРМЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Согласно государственно-административному законодательству Испании, ее американские владения входили «во всемирную испанскую монархию» на положении «присоединенного королевства Индий», что и отражало зависимый, колониальный статус Испанской Америки.

Во главу угла всей колониальной политики испанской короны было поставлено нещадное ограбление коренного населения колоний. Именно высокоразвитые земледельческие народы древней зоны цивилизаций, вошед-

¹⁴ Подробнее см.: Бартоломе де Лас Касас. М., 1966; *Лас Касас Б. де. История Индий*. Л., 1968; *История литератур Латинской Америки* (далее — ИЛЛА). М., 1985. С. 174—196. *Hanke L. Aristotel and American Indians*. L., 1959; *Idem. The Spanish Struggle for Justice in the Conquest of America*. Boston, 1965.

¹⁵ ИЛЛА. С. 194.

ших в состав вице-королевств Новая Испания и Перу, приняли на себя основную тяжесть колониального гнета. Индейское население составляло обособленную так называемую «республику индейцев» и управлялось с помощью специально издаваемых Законов Индий¹⁶.

Подавляющей части коренного населения была навязана феодальная система эксплуатации, в которой своеобразно переплетались элементы феодальной и рабской зависимости, зачатков раннекапиталистических отношений, усугубленных расовой дискриминацией индейских народов¹⁷. Причем создававшийся механизм колоний с самого начала был ориентирован на потребности мирового рынка.

Процесс складывания феодальных отношений в Испанской Америке протекал своеобразно. В его основе лежал сложный синтез элементов разлагавшегося испанского феодализма, привнесенного извне, и самобытных индейских социально-экономических институтов.

Индейская община в своих различных формах, близких к сельской общине (кальпулли — у ацтеков, айлью — у кечуа и др.), сыграла значительную роль в деле включения индейских народов в более высокую социально-экономическую формацию и обеспечила преемственность их исторического развития в колониальный период. Подобно древнегерманской общине — марке, она дала угнетенным массам индейского крестьянства в тяжелых условиях колониальной эксплуатации «локальную сплоченность и средство сопротивления. . . в готовом виде»¹⁸, стала надежным органом самозащиты и самосохранения крупных индейских народов как этнического целого.

Одновременно высокая приспособленность общины к местным экологическим условиям, вскопые земледельческие традиции, централизованные формы трудовой кооперации и хозяйственного самообеспечения позволили испанской короне подключиться к эксплуатации людских и природных ресурсов Америки¹⁹.

Превращение индейской общины в одно из производственных, административных и фискальных колониальных звеньев происходило с помощью как традиционных, так и новых, созданных в результате завоевания институтов. Особенно ярко этот процесс прослеживается на судьбе индейцев, получивших статус государственных крестьян²⁰.

Так называемые «королевские индейцы» жили замкнутыми общинами, куда строго запрещался доступ лицам неиндейской крови. Каждая община коллективно владела земельным фондом: одна часть его предназначалась для обработки отдельными семьями с ежегодными переделами земли; другая — леса, воды, пастбища — для совместного пользования, выпаса общинного скота и т. д., и, наконец, третья обрабатывалась сообща, урожай с нее поступал в счет выплаты многочисленных налогов, прежде всего подушного, и частично в страховой фонд — общинную кассу, за счет которой содержались вдовы, сироты и инвалиды. Формально сохранявшие автономию, королевские индейцы оставались под началом традиционных касиков, представителей древней родо-племенной знати, собиравших в королевскую казну «трибуто» и занимавшихся разбором местных тяжб. Королевская

¹⁶ Изданные в 1680 г. Законы Индий, регламентировавшие различные аспекты политики по отношению к индейцам, составив четыре внушительных тома, содержали более 6 тыс. указов. См.: *Recopilación de Leyes de los Reynos de las Indias*. Madrid, 1973. Т. 1. 4.

¹⁷ *Альперович М. С.* Рождение Мексиканского государства. М., 1979. С. 6.

¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 155.

¹⁹ *Самаркина И. К.* Община в Перу. М., 1974. С. 62—65.

²⁰ Так, в 1636 г. в провинции Тунха (Новая Гранада) из 9272 податных индейцев 1252 принадлежали испанской короне и жили в 8 селениях. См. *Фриде Х.* Из истории аграрных отношений в колониальной Колумбии // *Новая и новейшая история*. 1968. № 2. С. 48.

власть, признавая касиков в качестве «индейских правителей» согласно «древнему индейскому праву и обычаю», предоставила им ряд важных социальных и экономических привилегий — прежде всего освободила от уплаты подушного налога и личной службы. Тем самым испанская монархия обеспечивала в среде коренного населения социальную опору осуществления своих колониальных задач. С другой стороны, индейская знать, став частью земельной аристократии колоний и сочетая традиционную власть с административными колониальными функциями, в большинстве случаев феодализировалась, превращалась в угнетателей собственного народа, а интересы испанской короны защищала как свои. Таким образом, индейского общинника закабалляли с помощью индейских институтов.

Как справедливо отмечал Х. К. Мариатеги, признание «общинного строя и его экономического правопорядка говорит о реалистичности и проициательности колониальной политики, но и полностью соотносится с теорией и практике феодализма»²¹, хорошо известной по опыту европейского средневековья.

Однако община, этот, по словам Энгельса, осколок родового строя, как малоподвижный, столетиями самовоспроизводившийся институт, основанный на натуральном хозяйстве, совмещении ремесла и земледелия, архаических орудиях труда, патриархальных культурно-бытовых нормах, обусловил не только стойкость, но и консерватизм, застойный характер общинного уклада в рамках колониального строя. «Испанский феодализм подчинил себе аграрный строй индейцев, сохранив частично его общинные формы, но это сочетание создавало статический порядок, экономическую систему, стагнационные формы которой были лучшей гарантией крепостной зависимости индейцев»²².

Сверху контроль за королевскими индейцами был возложен на особых чиновников — коррехидоров (этот институт был учрежден в 1565 г.), сменявшихся каждые 3—5 лет. Обладая неограниченной властью, коррехидоры в результате спекуляции, ростовщичества, злоупотреблений при сборе подати наживали огромные состояния и стяжали славу самых ненавистных представителей колониальной бюрократии, с помощью которой осуществлялась эксплуатация казенных индейцев в государственных масштабах²³.

Испанская корона активно использовала и средневековые испанские институты, такие, например, как энкомендарная система, сыгравшая огромную роль в деле первоначального закабаления индейского крестьянства. Уже в 1497 г. Колумб получил право репартимьенто²⁴ — раздела индейцев для различных работ между конкистадорами вместе с землями, на которых те проживали. Такие разделы начали стихийно практиковаться еще в 1495—1496 гг. на Эспаньоле. В 1499 г. уже «на законном основании» более 100 завоевателей получили в разных местах острова обширные земельные владения.

²¹ Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 102.

²² Там же. С. 47.

²³ Подробнее см.: Lohmann Villena G. El correjidor de Indias en el Perú bajo las Austrias. Madrid, 1957.

²⁴ Широкий термин употреблялся для обозначения раздела индейцев между энкомендеро, раздачи индейцев на работу в золотых приисках (Новая Испания), а с середины XVIII в. им обозначалась принудительная распродажа среди индейцев европейских товаров, сокращенно «репарто». Взаимоотношения репартимьенто и энкомьенды трактуются историками по-разному: репартимьенто — энкомьенда в зачаточной форме (Gibson Ch. Spain in America. N. Y., 1966. P. 49); большинство историков считают их синонимами: Лас-Касас Б. де. Указ. соч. С. 80; Schäfer E. Op. cit. T. 2. P. 25. Подробнее см.: Kirkpatrick F. A. Repartimiento-Encomienda // The Hispanic American Historical Review. 1939. XIX. P. 372—379.

Эти факты подтверждают вывод Ф. Энгельса о том, что конкиста, будучи процессом противоречивым, осуществлялась в феодальных и полуфеодальных формах и, по существу, имела «целью приобретение земель»²⁵. И действительно, стихийная политика ранних репартимьенто Эспаньолы начала XVI в. получила в дальнейшем законодательное подтверждение в актах испанской короны, принятых в декабре 1503 г. Отныне разрешалось в массовом масштабе предоставлять конкистадорам, чиновникам, священнослужителям в энкомьенду (опеку или попечение) плотно населенные общины и целые округа. Это была своеобразная компенсация, форма вознаграждения, которой метрополия оплачивала их услуги в деле увеличения колониальных владений.

Однако лицемерно провозглашая индейцев «свободными и не подневольными людьми», указы в то же время принуждали их «работать в домах христиан, собирать и намывать золото и другие металлы, обрабатывать поля и доставлять еду для поселенцев-христиан». Формально энкомьенда не давала энкомендеро каких-либо юридических прав на землю индейских общин, имелось в виду лишь право на труд индейцев, который предлагалось возмещать «платой или содержанием по усмотрению»²⁶. На энкомендеро возлагалась обязанность всячески опекать индейцев, наставлять в христианской вере и защищать вверенные владения от вооруженных посягательств со стороны. Энкомендеро получали право взимать с индейцев подать, 1/4 часть которой отчислялась в королевскую казну. Бургосские законы 1512 г. вновь лицемерно подтвердили «свободный статус» индейцев, но обязали их девять месяцев в году работать на своих «попечителей за плату», при этом менять место жительства запрещалось под страхом смерти²⁷. Так законодательно утверждалась тенденция к установлению личной зависимости подневольного индейского крестьянства, прикрепления его к земле. Тем самым были развязаны руки по сути феодальным устремлениям испанских конкистадоров как раз на пороге завоевания обширных районов развитого индейского земледелия в Мексике и Перу.

Исследователями отмечалась противоречивость и двойственность законодательной политики испанских королей, отражавшая разложение феодальных и зарождение капиталистических отношений в метрополии. Объявление индейцев «свободными подданными» короны было типичной мерой распространения на них феодально-вассалитетных отношений. Это делалось во имя эксплуатации миллионных масс индейских подданных исключительно в интересах испанской абсолютной монархии и роста ее политического авторитета. Одновременно ставилась цель максимально ограничить бесконтрольное разрушительное хозяйничание мощной военной прослойки завоевателей, стремившихся завладеть не только материальными богатствами, но и самой личностью покоренного индейца, который зачастую превращался ими в раба.

Однако без влиятельной колониальной элиты испанская корона не приобрела бы огромные владения, а в случае приобретения не смогла бы их удержать. Вот почему законодательными мерами метрополия вынуждена была в определенной степени удовлетворить по сути феодальные устремления завоевателей, надеясь с помощью бюрократического аппарата и бесчисленных законодательных рогадок держать колонии под жестким контролем.

Определенные круги купеческого капитала, активные участники и органи-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 408—409.

²⁶ Colección de documentos... de Ultramar. Madrid, 1885—1932. Т. 5. P. 137. (Далее — CDU).

²⁷ Colección de documentos... de Indias. Madrid, 1864—1884. Т. 31. P. 187—193, 196—200 etc. (Далее — CDI).

затары колониальной экспансии, представители поднимавшегося в стране капитализма, пытались открыть дорогу новой буржуазной тенденции развития в колониях. Отсюда многочисленные, но тщетные попытки использовать индейскую рабочую силу «по-европейски», т. е. как вольнонаемных работников, ограничить их рабочее время, «справедливо» оплачивать труд, не предоставлять индейцев колонистам, приезжавшим возделывать землю собственным трудом²⁸. Весь ход политического и экономического развития как в самой Испании, так и в колониях с середины XVI в. затруднял развитие в Испанской Америке ростков капитализма.

Несмотря на то что испанская корона в качестве верховного собственника завоеванных земель рассматривала всех жителей колоний как держателей, но не собственников земли, в Испанской Америке с первых десятилетий XVI в. бурно идет процесс создания крупного феодального землевладения²⁹. Новоявленная земельная аристократия стремительно превращалась в наследственную феодальную касту, навязав энкомендированному индейскому населению личную, поземельную и судебно-административную зависимость. Один из современников писал о тяжелом положении энкомендированных индейцев Ла-Платы: с ними «обращаются хуже, чем с рабами, так как не было рабов, которых бы так изнуряли работой»³⁰.

История энкомьенды — это история, с одной стороны, наступления колонизаторов на права и земли индейцев, разорения и уничтожения общины, с другой — постоянной борьбы между короной и крепнувшим крупным землевладением за сохранение общины³¹. Чтобы приостановить процесс экономической и политической консолидации могущественной касты землевладельцев, королевское правительство попыталось пересмотреть энкомендарную систему. Этот шаг объяснялся отнюдь не соображениями «гуманности и человеколюбия», как утверждают консервативные историки, он был следствием вынужденного компромисса. В интересах метрополии было сохранить плотнонаселенные и производительные индейские общины, «экономически дееспособные и платежеспособные»³².

В 1542—1543 гг. в Барселоне были обнародованы Новые законы: ст. 21 и 23 запрещали обращение индейцев в рабство, ст. 26 изымала энкомьенды из ведения чиновников, священников и религиозных организаций и передавала их в королевскую казну. Более всего интересы землевладельцев затронула ст. 30: она ограничивала раздачу новых энкомьенд, а старые считались законными до смерти первых их держателей, после чего переходили в казну; воспрещалось также впредь использовать принудительный труд индейцев.

Новые законы встретили ожесточенную оппозицию в колониальных кругах, в вице-королевстве Перу она вылилась в вооруженный мятеж (1544—

²⁸ *Le Riverend J. de. Historia económica de Cuba. La Habana, 1967. P. 43, 59—60, 76 77 etc.*

²⁹ Так, в провинции Тунха (Новая Гранада) в 1565 г. насчитывалось 20 «суперэнкомендеро», владевших от 700 до 2 тыс. податных индейцев, что составляло более половины всего индейского населения провинции. В районе Куско — Арскина (Перу) из почти 300 энкомьенд только 14 имели более 1 тыс. индейцев, средняя объединяла 400 человек. Всего к 1580 г. в Новой Гранаде было роздано 300 энкомьенд и 350 тыс. индейцев; в Новой Испании — 480 энкомьенд; в провинции Куйю в 1561—1562 гг. — 200 энкомьенд и около 100 тыс. индейцев; в Тукумане и его окрестностях только в 1607 г. испанским колонистам, жителям восьми городов, роздано «в опеку» около 20 тыс. индейцев. См.: *Ильина Н. Г. Колумбия от колонии к независимости. М., 1976. С. 63; González Rodríguez A. L. La encomienda en Tucumán. Sevilla, 1984. P. 13, 19; Florescano E. Origen y desarrollo de los problemas agrarios de México, 1500 1821. México, 1983. P. 48; Klein H. S. Bolivia: the Evolution of a Multi-Ethnic Society. N. Y., 1982. P. 37.*

³⁰ *González Rodríguez A. L. Op. cit. P. 47.*

³¹ *Самаркина И. К. Указ. соч. С. 83.*

³² *Ots Capdequí J. M. España en América. P. 83.*

1548) под началом известного конкистадора Гонсало Писарро и убийство вице-короля Нуньеса де Велы. Ввиду решительного сопротивления влиятельных колониальных кругов метрополия, заинтересованная в сохранении колоний и защите их от нараставших притязаний со стороны европейских держав, была вынуждена пойти на компромисс с колониальной олигархией. В 1549 и 1561 гг. был вновь подтвержден закон, запрещавший использовать личный труд индейцев в энкомьендах и заменять налог отработками под видом личных услуг. Однако право владения энкомьендой было продлено указами 1545, 1579, 1601 гг. на три поколения в Перу и на пять поколений в Новой Испании с выплатой их владельцами высокой годовой ренты в казну³³. Так, с течением времени энкомьендос превратились в наследственных владельцев зачастую неделимых и неотчуждаемых поместий феодального типа³⁴, которые были узаконены и стали одним из источников формирования колониальной аристократии.

Однако в целом после Новых законов энкомьенда утрачивает монопольное положение и к концу XVI в. отходит на второй план (так, если в Перу в 1536 г. каждый 4-й землевладелец был энкомьендос, то в 1555 г. — каждый 16-й); был ущемлен социальный статус энкомьендос, он потерял контроль над индейской рабочей силой и был подчинен надзору коррегидоров³⁵. Новые энкомьенды в массовом масштабе уже не предоставлялись, за исключением районов, граничивших с землями «незамысленных» индейцев (Чили, Тукуман, запад Новой Гранады и т. д.). Одновременно рост системы пеонажа и вольнонаемного труда в течение XVII в. делает энкомьенду экономически невыгодной. Законами 1718—1741 гг. как «истощившийся» социальный институт она была официально отменена, все оставшиеся владения были переданы в королевскую казну. Тем не менее на Юкатане и в Чили энкомьенда дожила до последней четверти XVIII в., а в глухих местах и до начала XIX в.³⁶

С середины XVI в. первоначальное значение приобрела жестко регламентированная система принудительного труда (мита в Перу и куатекиль в Новой Испании). Трудовая повинность индейского населения, широко применявшаяся в раннеклассовых обществах Древней Америки, была превращена колониальными властями в централизованную систему обеспечения рабочей силой различных отраслей хозяйства в невиданном до того масштабе. Это была своеобразная форма феодальной отработочной ренты, отвечавшей интересам испанской короны и большинства колонистов как совокупного эксплуататора³⁷. Для любого вида деятельности, «полезного, — по словам испанского документа, — государству и королевской казне», а именно: обработки посевов зерновых, плантаций хлопка, коки, переработки сахарного тростника, выпаса скота, обслуживания хозяйств землевладельцев, священников, строительства дорог и мостов, общественных зданий, индейцы-общинники привлекались по централизованной разверстке³⁸.

³³ Schäfer E. Op. cit. T. 2. P. 282—283.

³⁴ Альперович М. С. О характере и формах эксплуатации индейцев // Новая и новейшая история. 1957. № 2. С. 62.

³⁵ Simpson L. B. The Encomienda in New Spain. Berkeley, 1982. P. XII; Keith R. G. Conquest and Agrarian Change: The Emergence of the Hacienda System on the Peruvian Coast. Cambridge, 1976. P. 50—53.

³⁶ Ots Capdequí J. M. El estado español. P. 28; Haring C. II. The Spanish Empire in America. N. Y., 1947. P. 72—73; González Rodríguez A. L. Op. cit. P. 190—192.

³⁷ Иванов Г. И. Репартименты в Мексике в XVI—XVIII вв. — Учен. зап. Казанского ГПИ им. Д. А. Фурманова. Иваново, 1964. Т. 35. С. 195.

³⁸ Если в Новой Испании трудовая повинность распространялась на 4%, то в Перу на 14% индейского населения. В Новой Испании индеец работал 3—4 недели в году, в Перу —

Законами предусматривалась «справедливая оплата» принудительного труда индейцев деньгами или натурой. В массовой практике она повсеместно игнорировалась и была лишь видимостью «вольного пайма»³⁹.

Наиболее изощренные, варварские формы принял принудительный труд в примитивных ткацких мастерских — обрахе (широко применялся в Перу, аудиенсии Кито и др.) и в горнодобыче (золотые рудники Памплони, ссербряные Марикиты — в Новой Гранаде и на северо-западе Новой Испании), где царили самые бесчеловечные условия труда. Не случайно горная мита на серебряных рудниках Потоси и при добыче ртути в Уанкавелике стала символом колониальных злоупотреблений. Подсчитано, что в течение колониального периода на рудниках Испанской Америки погибло более 8 млн индейцев. «С помощью миты горная промышленность была превращена в фактор уничтожения человеческого капитала и ликвидации сельского хозяйства», — писал Х. К. Мариатеги⁴⁰. Он первым указал на близость аграрной и полуфеодальной экономики Перу к «историческому развитию царской России» и проделал интересный сравнительный анализ общинного уклада этих стран.

Обложение общинного крестьянства подушной податью было также одной из форм хищнической феодальной эксплуатации индейских масс в государственном масштабе, приводившей к их разорению и закабалению. Индейцы от 18 до 50 лет обязаны были ежегодно выплачивать налог, составлявший львиную долю всех поступлений в королевскую казну. В зависимости от региона налог выплачивался как в денежной, так и в натуральной форме — продуктами домашнего хозяйства, которые распродавались затем на публичных торгах; выручка поступала в казну⁴¹. Денежная форма феодальной ренты, будучи категорией разлагавшегося феодализма, являлась важным фактором развития товарно-денежных отношений в колониях. Поставленное перед необходимостью выплачивать многообразные подати деньгами, индейское крестьянство постепенно втягивалось в качественно новую для себя, отличную от натурального обмена сферу товарного обращения. Однако в целом процесс воспроизводства крестьянского хозяйства продолжал носить натуральный характер.

Между тем со второй половины XVI в. — правление короля Филиппа II (1556—1598) — в Испании резко обозначился курс на фронтальную консолидацию феодальной реакции. Огромный приток дешевого колониального золота и серебра привел к инфляции, удорожанию испанских товаров, разорению ремесленников, обнищанию широких слоев сельского населения. Ростки капитализма в Испании, набиравшие силу в ходе завоевания Америки, стали угасать и приносились в жертву паразитическим устремлениям феодального дворянства и высшего клира. А испанская монархия, укрепив свое положение за счет подавления восставших испанских городов (1521 г.), также повернула к союзу с феодальными сеньорами. Такова была оборотная

месяцами, а зачастую не возвращался в родное селение и умирал от непосильного труда на шахтах Потоси. См.: *Villaran M. V. Apuntes sobre la realidad social de los indígenas del Perú ante las Leyes de Indias*. Lima, 1964. P. 103.

³⁹ *Zavala S., Castelo M. Fuentes para la historia del trabajo la Nueva España*. México, 1980. Т. 3; *Иванов Г. И.* Указ. соч. С. 180—181.

⁴⁰ *Мариатеги Х. К.* Указ. соч. С. 100.

⁴¹ В Новой Испании податной индеец в 1572 г. выплачивал ежегодно 1 песо деньгами, около 30 кг кукурузы, хлопок, какао, перец, домашнюю птицу; в Перу налог составлял от 6 до 8 песо в год, индейцы провинции Чукито (Верхнее Перу) в конце XVI в. выплачивали в казну 35 200 песо серебром. См. публикацию поступлений в королевскую казну за XVI—XVIII вв.: *The Royal Treasures of the Spanish Empire in America* / Ed. J. J. Te Paske, H. S. Klein. Durham, 1982. Vol. 1 -3; *Sánchez-Bella I.* Op. cit. P. 210, 216.

сторона колониальной экспансии для метрополии: по словам испанского экономиста XVI в., «золото Америки погубило Испанию». Проводившаяся в этих условиях короной с конца XVI в. политика укрепления и стабилизации колониальной системы принесла с собой усиление феодалных тенденций во всех сферах социальной и экономической жизни Испанской Америки.

Мощный переселенческий поток из Испании в Америку постоянно нарастал в продолжение всего XVI в. Между 1534 и 1538 г. в Новый Свет ежегодно высзжало 2—3 тыс. человек, а к концу столетия выехало около 300 тыс.⁴² Резкое увеличение числа испанских колонистов, особенно лиц духовного звания и колониальных чиновников всех рангов, со всей остротой ставило вопрос об обеспечении их значительным фондом свободных земель и рабочих рук. Одновременно с конца XVI в. начался процесс активного хозяйственного освоения глубинных провинций. Рост городов, центров горнодобычи, развитие внутренней торговли ставили вопрос о расширении в колониях посевных площадей под пшеницу, ячмень, рис, хлопок, а также пастбищ. Все большая часть испанского населения включалась в развитие сельского хозяйства. Остро вставшая земельная проблема имела закономерным результатом новое наступление на земли общинного крестьянства. Помимо системы поместий, сосредоточенных в руках потомков первого поколения завоевателей по системе энкомьенды, стихийно начался бурный рост нового крупного частного землевладения. Оно образовывалось за счет массового обезземеливания индейских общин в результате прямого захвата чиновниками и прочими колонистами плодородных угодий и пастбищ, скупки выморочных, заложенных за долги и пустующих участков.

В этих условиях испанская корона провела ряд крупных мер по упорядочению аграрных отношений в колониях. Указами Филиппа II от 1591—1592 гг. владельцы незаконно присвоенных земель признавались «подлинными и законными» их собственниками при условии выплаты денежного возмещения в королевскую казну «по соглашению» (так называемая композиция)⁴³. Впредь наделение земель жителей новых городов, раздача пустующих земель производились путем распродажи их на общественных торгах в пользу казны. Особый размах композиции приобрели в XVIII в.

Так, юридически утверждалось расхищение огромных земельных площадей колониальной земельной аристократией, и в то же время создавался дополнительный и немалый источник пополнения королевских доходов, просуществовавший до конца колониального периода. Сложившаяся в этих условиях система крупного землевладения с опорой на колониальную асьенду с XVII в. стала определяющим фактором аграрных отношений в Испанской Америке⁴⁴.

Одновременно с колониальным размахом была решена и проблема рабочих рук. С конца XVI в. в Испанской Америке широко проводилась политика «редукций», согласно которой создавались крупные сельские поселения «на испанский манер», с расплачиванными улицами, главной площадью и обязательной церковью посередине, куда принудительно свозилось окрестное индейское население. Так, в 70-х годах XVI в. в Чаркасе около 130 тыс. крестьян-индейцев, живших в 900 общинах, были свезены в 44 новых поселения-редукции, каждое из которых насчитывало около

⁴² Konetzke R. Op. cit. P. 61.

⁴³ Florescano E. Op. cit. P. 32—33; Konetzke R. Op. cit. P. 41.

⁴⁴ Проблемы соотношения асьенды и энкомьенды см.: Haciendas, Latifundios y Plantaciones en América Latina / Comp. E. Florescano. México, 1975.

3 тыс. жителей; в Новой Испании между 1602 и 1605 гг. около 250 тыс. индейцев были перемещены в 187 вновь созданных поселений⁴⁵.

Насильственное перемещение значительных индейских масс на новые места имело далеко идущие экономические и политические цели: обеспечить все отрасли колониального хозяйства дешевым и доступным рынком рабочей силы, надежным поступлением налоговых сборов, облегчить духовный и политический контроль над поработенными индейцами. Проводившаяся под лозунгом «охраны индейских общин» политика редукиций предусматривала надделение их фондом так называемых охраняемых земель — ресгуардос как в коллективном, так и в личном владении, защиту от проникновения этнически и социально чуждых элементов (колонистов-испанцев и представителей смешанных каст), дабы гарантировать короне жизнеспособность новых общин. Однако закамуфлированная патерналистской и христианской риторикой политика редукиций обернулась для индейского населения новым наступлением на его жизненные права, разложением традиционных и родственных связей, потерей значительного фонда резервных земель.

Законами 1571—1572 гг. индейские общины, желавшие продать «излишние» угодья, должны были делать это на торгах в присутствии специального судьи⁴⁶. Широкий размах спекуляций землей, покупки на подставных лиц вкупе с практикой композиций придали процессу обезземеливания индейского крестьянства к середине XVII в. прогрессирующий характер.

Одним из результатов этих процессов стало образование многочисленной прослойки безземельного и малоземельного крестьянства, которое покидало общины в поисках средств существования и включалось в трудовую армию городов, центров горнодобычи в качестве работников по найму. Это этнически смешанное, мигрирующее сельское население, так называемые форастерос — чужие или беглые индейцы — новая характерная черта экономической жизни Испанской Америки XVII—XVIII вв.

Община переживала процесс глубокой трансформации. Ее основное хозяйственно-производственное ядро составляли орихиариос — первоначальные члены. Именно они, как категория, наиболее обеспеченная землей, несли на себе основные налоговые тяготы и привлекались к трудовой повинности, составляли ее наиболее прочное звено, цементирующее ее вековые патриархальные устои. Резкий демографический спад, постигший индейское население в конце XVI в., вызвал опустение сотен общин. Их пополнение в течение XVII в. шло за счет мигрантов: это были общинники «второго сорта»: агрегадос — присельники и форастерос — чужаки. Оседая в новых общинных коллективах, они не становились их полноправными членами и поражались прежде всего в земельных правах. Так, если агрегадос получали в пользование или арендовали скудные и малопригодные участки, то форастерос фактически становились безземельными батраками, работавшими на общину по найму, «как не имеющие, — по словам документа эпохи, — ни земли, ни дома, ни имущества»⁴⁷.

Лишенные общинного статуса, эти две категории крестьянства освобождались короной от уплаты налогов и «не ходили на миту». Однако со второй половины XVIII в. метрополия в поисках новых источников дохода распространила налоговое бремя на все прослойки. Все эти факторы наполняли общинный уклад глубокими внутренними противоречиями.

Значительный рост числа асьенд, горных разработок, острый дефицит

⁴⁵ Klein H. S. Op. cit. P. 39; Konetzke R. Op. cit. P. 195.

⁴⁶ Haciendas. . . P. 47; Konetzke R. Op. cit. P. 43.

⁴⁷ Klein H. S. Op. cit. P. 51–52.

рабочих рук, обезземеливание общин, с одной стороны, и образование значительной прослойки мигрирующего сельского населения — с другой, — таковы социально-экономические факторы, на фоне которых развернулся новый этап феодального закабаления индейских масс. С конца XVI в. документами эпохи зафиксировали широкомасштабный процесс превращения крупными землевладельцами как малоземельных общинников, так и оторвавшихся от общин крестьян во временных или пожизненных арендаторов земельных угодий асьенд на феодальном праве, т. е. с обязательством нести отработочную, натуральную и другие повинности в пользу асендадо. Наделяя батрака-арендатора землей, асендадо обеспечивал свое хозяйство дешевой рабочей силой, инвентарем и функционирование поместья как хозяйственной единицы. Конкретные пути закабаления были различны. Насильственное переселение маломощных общинников на землю асьенды (Новая Испания) или «добровольное» поселение свободных от общины или энкомьенды «беглых» крестьян (Чили) сопровождалось предоставлением им земельного участка, крова, выплаты денег — в долг под будущие отработки или долю урожая. Эта система долгового рабства получила название пеонажа. Выплачивая налог в казну за своих «арендаторов», держа их на полуголодной нищенской оплате ниже прожиточного уровня, опутывая долгами и займами, крупные землевладельцы — асендадо постепенно лишали их личной свободы и низводили до положения феодально зависимых крестьян⁴⁸.

К началу XVIII в. докапиталистические формы эксплуатации в виде системы обработок, разнообразных натуральных, денежных и смешанных форм аренды были широко распространены во всех колониальных владениях: в Новой Испании и Гватемале это были ганьянес, в Новой Гранаде — апарсерос и агрегадос, в Перу — колонос, в Чили — инкилинос и т. д. Особое положение занимали янакуны в районе Чаркаса: в начале XVII в. их официально насчитывалось 25 тыс.⁴⁹ Они были прикреплены к земле и считались неотъемлемой частью крупных поместий. Положение янакуна наиболее приближалось к крепостничеству.

Важно подчеркнуть, что процесс закабаления индейского крестьянства протекал своеобразно: он никогда не был оформлен законодательно, как это имело место, например, в царской России. Напротив, он развивался вопреки официальным мерам в лице Законов Индий, утверждался всей практикой государственного и стихийного бытового закрепощения и закреплялся колониальной действительностью. При этом отношения личной зависимости, внеэкономического принуждения были выражены значительно ярче, чем в самой Испании. В итоге, не будучи крепостными по букве закона, индейцы-крестьяне были связаны различными формами зависимости — от сословного неполноправия до самых грубых форм крепостничества, и подвергались жестокой эксплуатации, в сущности сходной с феодальной.

Лицемерная казуистика Законов Индий вошла в вопиющее противоречие с реальной колониальной действительностью и потерпела крах. Как справедливо отметил Мариатеги, «никакой закон не может нарушить механику феодального строя, если не будут подорваны его основы»⁵⁰.

К середине XVI в. относится и появление широко использовавшейся в районах интенсивных горных разработок пока малочисленной прослойки

⁴⁸ Haciendas... P. 104—105; *Góngora M.* Studies in the Colonial History of Spanish America. Cambridge, 1975. P. 151—153; *Zavala S., Castelo M.* Op. cit. T. 4.

⁴⁹ *Gibson Ch.* Op. cit. P. 147; *Memorias de los virreyes que han gobernado el Perú.* Lima, 1859. T. 1. P. 34; *Lumbreras L. G. y otr.* Nueva Historia General del Perú. Lima, 1980. P. 77—78.

⁵⁰ *Mariátegui X. K.* Указ. соч. С. 382.

вольнонаемных работников из числа метисов и отпущенных на свободу негров и мулатов (в Потоси — мингадос). Свободный найм получил большое развитие в Новой Испании, где вольнонаемные индейцы (лабориос) работали как поденщики за плату и освобождались от подушной подати. Однако в целом применение наемного труда носило ограниченный характер. В большей части Испанской Америки все формы трудовых отношений фактически принимали характер кабальной зависимости, и к началу XVIII в. отношения педнажа были распространены не только в сельском хозяйстве, но и на мануфактурах, в прядильных и ткацких мастерских, на рудниках и т. д. Заинтересованный в максимальном ограблении природных ресурсов американских колоний, испанский колониализм пробудил к новой жизни институт рабства. Уже в самом начале XVI в. на Эспаньоле появилась новая этническая категория — африканские негры, ввезенные в качестве рабов для работы на золотых приискаx Антильских островов. Торговля невольниками, широко развернутая испанской короной по системе лицензий, а с 1592 г. на основе монопольных контрактов — асьенто, предоставлявшихся как частным лицам, так и португальским, генуэзским, голландским и другим компаниям, приносила ей огромные прибыли. На основе первого асьенто, заключенного лично Филиппом II с португальским торговцем П. Г. Рейнелем в 1595 г., последний получал право в течение 9 лет поставить более 31 тыс. рабов в Картахену, один из самых крупных невольничьих рынков Испанской Америки, на условиях выплаты испанской короне 900 тыс. дукатов (примерно 30 дукатов за каждого раба). Всего же с учетом стремительно нараставшей контрабандной работорговли, в которую постепенно включились другие европейские государства, объем работорговли с колониями в конце XVI в. ежегодно выражался в сумме около 1 млн дукатов⁵¹. Так, за предоставление в 1713 г. английской компании Южного моря асьенто на поставку в течение 30 лет 114 тыс. рабов Испания получила 200 тыс. долл. Между 1600 и 1750 г. в Испанскую Америку ежегодно ввозилось 3 тыс. рабов по официальным контрактам и более 500 через контрабанду⁵². В Картахене и Веракрусе, Гаване и Санто-Доминго действовали крупные рынки «живым товаром».

Африканские рабы ввозились не только на Кубу и другие острова Вест-Индии, но и на Атлантическое и Тихоокеанское побережья Новой Испании и Новой Гранады, в Чили, Венесуэлу и на Ла-Плату. Рабы были заняты в основном на обработке плантаций сахарного тростника, кофе, какао, хлопка, на горных разработках, в крупных городах в домашнем услужении, в ремеслах.

Декретом от 1789—1791 гг. Испания сняла ограничения на торговлю рабами с ее колониями, что привело к возрастанию их экономической роли как в плантационном хозяйстве Антильских островов, так и в горнопромышленном секторе Новой Гранады и т. д. Так, с 1791 по 1805 г. на Кубу было ввезено столько же рабов (более 90 тыс.), сколько за предыдущие два с половиной столетия⁵³.

К 1823 г., по приблизительным подсчетам А. Гумбольдта, всего в американских владениях проживало около 800 тыс. негров — 4 % всего населения. 389 тыс. — на Кубе и Пуэрто-Рико и почти столько же на континенте. При этом 300 тыс. негров на материке и 260 тыс. негров на Кубе являлись рабами. Всего же к этому времени в Испанской Америке насчитывалось

⁵¹ Sans L. E. Comercio de España con América en la época de Felipe II. Valladolid, 1979. T. I. P. 515; Konetzke R. Op. cit. P. 69.

⁵² Wilgus A. C. Latin America, 1492—1942: A guide. N. Y., 1973. P. 105.

⁵³ Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799—1804 гг. М., 1969. С. 149—150.

более 2300 тыс. лиц африканского происхождения (негров, мулатов и т. д.)⁵⁴.

Эту весьма сложную многоукладную социально-экономическую структуру Испанской Америки середины XVIII в. дополнял родо-племенной уклад индейских племен, живших на периферии колониальных владений. Арауканы на юге Чили, куна в Панаме, яки на севере Новой Испании сохраняли традиционный патриархальный образ жизни и продолжали оказывать колонизаторам упорное сопротивление. В специфических условиях обширных южноамериканских степей образовалась прослойка крестьянского мелкотоварного землевладения: льянеро в льяносах Венесуэлы и Новой Гранады, гаучо в пампе Ла-Платы, мелкие и средние хозяйства чакрас — свободных и полусвободных крестьян в Парагвае⁵⁵.

В продолжение XVII—XVIII вв. в испанских колониях сложилась крайне пестрая аграрная структура, в которой причудливо сочетались общинно-натуральное, государственное на казенных землях и мелкое частное землевладение. Крупное землевладение, консолидировавшееся к концу XVIII в. в огромные неотчуждаемые земельные владения — латифундии с помощью феодального права майората, скрепляло основы феодального режима. Лишь в отдельных местах (прибрежные долины Перу и Чили) крупная асьенда перешла на товарное производство экспортных культур (пшеница, сахар, кофе) и объективно развивалась в сторону капиталистического хозяйства.

В целом засилье натурального хозяйства, низкое рутинное состояние техники, наличие ярко выраженных форм кабальной зависимости индейского крестьянства, плантационное рабство обусловили широкое распространение докапиталистических укладов в аграрной экономике Испанской Америки. Это определило ее отсталость по сравнению с хозяйством метрополии и значительно тормозило развитие товарного и промышленного производства в колониях.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ

К концу XVIII в. в колониальных владениях сложилось многоукладное иерархическое кастовое общество, весьма пестрое не только в социальном, но и в этническом отношении. В этом, по выражению чилийского социолога А. Липшютца, «царстве пигментократии» исключительное значение придавалось цвету кожи. Одновременно с завоеванием на Американском континенте начал развиваться небывалый по масштабам, исторически прогрессивный процесс этнорасового и культурного смешения представителей народов Европы, Африки и коренного индейского населения Америки. Первоначально выходцы из Испании и индейцы, жившие общинами под управлением традиционных касиков, составляли самые замкнутые группы. Метрополия рядом жестких ограничений пыталась первое время поддерживать обособленный статус индейских общин и африканского населения. Однако стихийно развернувшееся смешение различных этносов, их интенсивное взаимодействие с конца XVI в. принимали все более активный и необратимый характер⁵⁶.

Во всех частях колониальных владений росла численность населения, смешанного в этнорасовом отношении. Образовавшиеся расопромежуточные группы получили в Испанской Америке название «цветных, или смешанных,

⁵⁴ King J. K. The Negro in Spanish America // Latin American Civilization: readings and essays / Ed. H. A. Birck. Boston, 1967. P. 55—57; Гумбольдт А. Указ. соч. С. 87—89, 129.

⁵⁵ Альперович М. С. Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971. С. 31.

⁵⁶ Подробнее см.: Mörner M. Race mixture in the history of Latin America. Boston, 1967.

каст». Наиболее употребительными обозначениями для потомства европейцев и африканцев были мулат и пардо, африканцев и индейцев — самбо, европейцев и индейцев — метис. При этом за испано-индейскими метисами в разных областях Испанской Америки закрепились специфические областные названия: на Ла-Плате их называли гаучо и компадритас, в Перу и Боливии — чолос, в Чили — ротос, в Новой Испании — ладинос. В целом в обиходной речи существовало несколько десятков наименований, отражавших ту или иную степень смешения различных этнических компонентов⁵⁷. В отдельных частях (в Новой Испании и в Парагвае) процесс метисации протекал особенно бурно. Однако в районах сосредоточения таких крупных индейских народов, как кечуа и аймара (Перу, Боливия, Эквадор), в течение всего колониального периода происходило включение в их состав мелких разнородных родо-племенных групп, шла этническая консолидация и формирование новых народностей, что к концу XVIII в. определило полиэтнический состав местного колониального общества.

В этносоциальной структуре XVI—XVII вв. основные линии классовых и этнических различий совпадали. Принадлежность к той или иной социальной категории первоначально, как правило, обуславливалась этническим происхождением. Наиболее бесправное положение занимали негры, жившие в условиях патриархального рабства в городах и плантационного рабства на плантациях Вест-Индии и океанских побережий. На положении обособленной касты, управлявшейся специальными законами, но причислявшейся колониальными кругами к «низшей подлой расе», находилось индейское население, подвергавшееся нещадной эксплуатации и расовой дискриминации.

Численность индейцев резко снизилась в процессе испанского завоевания и вследствие ряда опустошительных эпидемий оспы, тифа, кори, завезенных европейцами: в Новой Испании между 1519 и 1565 гг. — на 40 %, а к началу XVII в. на ее территории осталось лишь чуть более 1 млн индейцев⁵⁸. В Перу к 20-м годам XVII в. индейское население сократилось вдвое в горах и на две трети на побережье; в Новой Гранаде только в провинции Тунха к этому времени осталась $\frac{1}{5}$ часть податных индейцев (44 тыс. человек). С середины XVII в. индейское население начало медленно расти: с 3950 тыс. в 1650 г. до 6830 тыс. в 1825 г. При этом если в 1650 г. индейцы составляли более 80 % населения колоний, то в 1825 г. — лишь 45 %. Значительное число индейского населения сохранилось в традиционных зонах расселения — в Центральной Мексике, Новой Гранаде, Перу и Боливии, в провинциях Жужуй и Тукуман (Аргентина), где оно составляло от 35 (Новая Испания) до 92 % (Кочабамба) всех жителей⁵⁹.

Быстрыми темпами росла численность оторвавшихся от общины метисов, выкупившихся на свободу мулатов. Они заполняли городские предместья, становились мелкими торговцами, ремесленниками, работниками шахт и мастерских и находились в более привилегированном по сравнению с индейцами положении: их не облагали подушным налогом и не подвергали принудительной трудовой повинности. Однако они были лишены гражданских прав, не допускались к чиновничьим и офицерским должностям, в учебные заведения, к руководству цехами и выборам в состав кабиельдо.

⁵⁷ Европейец и метиска, европейец и мулатка — кастисо, или квартерон ($\frac{1}{4}$ индейской или негритянской крови); европейец и квартеронка — очавон ($\frac{1}{8}$ индейской или негритянской крови) в Венесуэле; белый и квартеронка — кинтерон (Новая Испания) и т. д. Подробнее см.: Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981; *Sánchez-Albornoz N. The Population of Latin America: A History.* Berkeley, 1974. P. 129-130.

⁵⁸ *Sánchez-Albornoz N. Op. cit.* P. 35, 41-47.

⁵⁹ *Ibid.* P. 134-136; *Góngora M. Op. cit.* P. 159.

К концу XVII в. значение кастовых перегородок начало ослабевать. Так, разбогатевшие представители «цветных каст» получили возможность повышать свой социальный статус и, покупая специальные сертификаты, переходили в разряд «белых», выручка от продажи поступала в королевскую казну⁶⁰.

Показательно, что испанские власти в стремлении увековечить колониальный режим всячески разжигали недоверие и разногласия между различными этническими группами, уповая на смертельную вражду между креолами и индейцами, индейцами и неграми, индейцами и метисами, и т. д. За метисами, как за наиболее активной и динамично растущей прослойкой, закрепился самый высокий среди смешанного населения социальный статус.

Испанцы, или, как презрительно звали их в колониях, «чапетоны, или гачупины» («выскочки, или новички») занимали господствующие позиции в управлении колониальным обществом. Колониальная бюрократия в лице вице-королей, членов аудиенсий, коррехидоров, высшего духовенства, крупные торговцы и землевладельцы были надежной опорой испанской короны, проводниками колониальных устремлений метрополии. Численность их была ограничена: так, из 6 млн населения Новой Испании на 1810 г. они составляли 15 тыс., или 0,25 %, а в целом на 3,2 млн белых, в том числе креолов, в Америке приходилось лишь 150 тыс. уроженцев Испании⁶¹.

Уже с середины XVII в. роль важного социально-экономического фактора в колониальной структуре Испанской Америки стали играть американские испанцы — креолы. Термин *креол* в американских владениях закрепился за потомками первых поколений конкистадоров и колонистов. Креолы считали себя испанцами, однако имели в действительности ту или иную примесь индейской или негритянской крови, а потому третиговались колониальными властями как «нечистокровные».

К концу XVI в. креольское население составляло, по различным данным, от 150 до 300 тыс. человек, к середине XVII в. — уже 659 тыс., а к 1825 г. — от 3,3 до 4,3 млн человек. К началу XIX в. креолы преобладали численно в обширных степях провинции Буэнос-Айрес (3/4 населения), на равнинах Уругвая (72 %), севере Чили (69 %), в департаменте Трухильо в Венесуэле (7/10 населения), в южном Перу с центром в Арекипе и других местах⁶².

Города Испанской Америки были традиционными бастионами испанской и креольской знати. В столице Новой Испании — Мехико — в конце XVII в. проживало 140 тыс. жителей, из которых половину составляли испанцы и креолы и половину — индейцы и метисы. В столице Перу — Лиме — насчитывалось 80 тыс. жителей, из них половина приходилась на испанцев и креолов, а другая — на негров и мулатов (40 %) и метисов; в Кито из 70 тыс. жителей 63 % приходилось на креолов и 32 % — на индейцев и метисов.

Состояние демографических исследований по колониальному периоду не позволяет дать точную оценку общей численности населения Испанской Америки к началу XIX в. По имевшимся в распоряжении А. Гумбольдта неполным данным на 1823 г., там насчитывалось около 17 млн жителей (меньше всех — 785 тыс. — в Венесуэле, больше всех — 6800 тыс. — в Новой Испании), в том числе: 7530 тыс. индейцев (45 %), 5328 тыс. представителей метисных групп (32 %), 3276 тыс. — белых (19 %) и 776 тыс. — негров (4 %)⁶³.

⁶⁰ Cortés S. D. El régimen de «las Gracias al sacar» en Venezuela: T. 1—2. Caracas, 1978.

⁶¹ Альперович М. С. Рождение Мексиканского государства. С. 8.

⁶² Góngora M. Op. cit. P. 159.

⁶³ Konetzke R. Op. cit. P. 91—93; Гумбольдт А. Указ соч. С. 17—18, 88—89.

К концу колониального периода креольское население не было однородным в социальном отношении. Креольская верхушка представляла новую земельную и денежную аристократию, разбогатевшую на торговых операциях, плантационном хозяйстве, собственников крупных поместий, рудников, мануфактур, военных чиновников и лиц свободных профессий. Положение обидевших креолов — мелких землевладельцев, ремесленников, рабочих шахт и мастерских, пеонов, мало чем отличалось от положения других представителей угнетенных классов.

Переходные метисные, мулатные и креольско-метисные группы к концу XVIII в. стали теми основными компонентами, из которых начали складываться локальные варианты этнических общностей со своим социально-экономическим укладом, своеобразным культурным и психологическим обликом — прообраз будущих колумбийцев, мексиканцев, аргентинцев и др. Одновременно формировалась идея континентального единства как результат экономического и духовно-культурного обособления колоний. Это проявилось, в частности, в том, что уроженцы Испанской Америки осознавали себя как «американцы», как «сыны и отцы американского отечества», как «соотечественники» — в противовес испанцам, чужеземцам и угнетателям. Так зарождалась революционная идеология «американизма».

Завладев прочными позициями в экономике колоний, креолы страдали от политического несправедливости. Руководившие низшим и средним звеном местного управления, они фактически исключались колониальными властями из сфер высшего административного и церковного управления, связанных с реальной политической властью. Так, все 170 вице-королей, назначенных в Испанскую Америку до 1813 г., прибыли из Испании, из 705 епископов — только 105, а из 602 генерал-капитанов и губернаторов — лишь 14 были назначены из числа креолов, уроженцев колоний⁶⁴. С середины XVIII в., когда упрочилось экономическое положение креольского населения в колониях, оно все настойчивее стало стремиться к рычагам управления. Однако испанская монархия решительно препятствовала осуществлению этого радикального стремления.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОЛОНИЙ

Синтез социальных, материальных и культурных традиций народов Европы, Америки и Африки, развернувшийся в процессе колонизации Американского континента, ярко проявился в области взаимообмена и взаимообогащения достижениями земледелия, агротехники, животноводства. Выведенные американскими народами в результате многовековой селекции разнообразные сельскохозяйственные (картофель и кукуруза, тыква и томаты, батат и маниока и т. д.) и технические (хинин, хекекен, табак) культуры заняли ведущее место в мировой экономике. Освоение в продолжение XVI–XVIII вв. древнеамериканских растений народами всех континентов более чем удвоило пищевые ресурсы Старого Света⁶⁵. В свою очередь, и европейские народы обогатили Америку новыми для нее видами сельскохозяйственных растений и животных, буквально преобразивших ее природный ландшафт на всех широтах.

Первоначально испанская корона в целях быстрее освоения колоний содействовала внедрению на американских землях богатого ассортимента европейских сельскохозяйственных культур, а также разведению мелкого и

⁶⁴ René-Moreno G. Bolivia y Perú. Más notas históricas y bibliográficas. Santiago, 1905. P. 12—13.

⁶⁵ ИЛИА. С. 27.

крупного рогатого скота, завезенного из Европы. В Америке успешно прижились пшеница, овес, ячмень, рис, многие виды садовых и плодовых (апельсины, лимоны, оливки) культур, а также виноградная лоза и сахарный тростник. Обширные виноградники появились в теплых долинах с искусственным орошением в Чили, Перу (под Лимой и Арекипой), в провинции Куйо. Успешно разводились и оливки; особенно быстро росло производство сахарного тростника на прибрежных плантациях Новой Испании, Венесуэлы, Перу и на Антильских островах. Тутовый шелкопряд хорошо прижился в Новой Испании, производившиеся там высококачественные ткани уже с конца XVI в. вывозились в Южную Америку и на Филиппины.

Обилие и богатство природных пастбищ во всех американских широтах содействовали быстрому распространению различных пород домашнего скота, вьючных и тягловых животных (лошадь, осел, мул, бык). Огромный размах получило мясное и молочное животноводство, скотоводство и овцеводство. Корона развивала земледельческие (гранхерия) и скотоводческие (эстансия) хозяйства испанских поселенцев, обеспечивавшие колонии продуктами и сырьем для местной промышленности.

Освоение и распашка значительных земельных площадей, введение более передовой агротехники, сохи и плуга, железных орудий вместо традиционной мотыги или палки-копалки, использование тяглого скота в земледелии, появление незнакомых в Древней Америке колесного транспорта, морских средств сообщения — все эти и другие нововведения объективно представляли значительный шаг вперед в деле создания качественно новых условий жизни и труда в колониях⁶⁶. Однако, следуя корыстным интересам, испанская метрополия намеренно тормозила, а в отдельных случаях и сводила на нет распространение европейских достижений в колониях.

В частности, испанские законы запрещали индейцам использовать лошадей, холодное и огнестрельное оружие, европейское платье и многое другое. Захват общинных пастбищ тормозил разведение тяглого скота в индейских хозяйствах. Прогрессирующая потеря плодородных земель обрекала индейца-крестьянина хозяйничать на неудобьях с помощью палки-копалки или мотыги. В этих условиях индейские общины были обречены на застой⁶⁷.

В продолжение трех столетий экономика Испанской Америки была всецело ориентирована на удовлетворение нужд колониальной эксплуатации и обречена на одностороннее и ущербное развитие. Политика меркантилизма, которой руководствовалась испанская монархия, обрекала экономическую жизнь колоний на полную зависимость от требований метрополии. В XVI—XVII вв. колониальные владения рассматривались в Испании главным образом как аграрно-сырьевой придаток, как источник драгоценных металлов, а с XVIII в. — как огромный рынок сбыта, ориентированный на потребление производимых в метрополии товаров.

Защищая интересы богатых торговцев и землевладельцев Испании, начиная с XVII в. королевское правительство неоднократно запрещало или резко ограничивало производство в колониях тех культур, которые выращивались в метрополии (оливки и виноград, например)⁶⁸. Культивирование же сахарного тростника, хлопка, кофе и какао, а также различных специй (корица, имбирь) поощрялось, в частности в Новой Гранаде.

Метрополия всячески тормозила развитие местного ремесла в колониях.

⁶⁶ *Paso L.* De la colonia a la independencia nacional. Buenos Aires, 1963. P. 41.

⁶⁷ *Semo F.* Historia del capitalismo en México: Los orígenes, 1521—1763. México, 1980. P. 53—55.

⁶⁸ Впоследствии, однако, виноград было разрешено выращивать для производства вина, на местный рынок, оно пользовалось высоким спросом и облагалось налогом в пользу казны. См.: *Ots Capdequí J. M.* España en América. P. 59.

Готовые изделия, ткани, одежда, предметы первой необходимости ввозились из Испании, облагались высокими пошлинами (до 400 % первоначальной стоимости) и стоили чрезвычайно дорого. Однако уже с середины XVI в. в Перу и Новой Гранаде появились примитивные мастерские — обрахе, производившие ткани и одежду. Метрополия неоднократно издавала указы, которыми строго запрещалось индейцам применять европейскую технику в ткацком и прядильном производстве⁶⁹. В обрахе производились традиционные предметы одежды — пончо, шали, а также ковры, одеяла, парусина и т. д. Значительные доходы приносили шляпные мастерские в Потоси и Куско. Большим спросом пользовались изделия и ткани из хлопка, выращиваемого в провинции Тукуман, откуда они с конца XVI в. вывозились в Верхнее Перу, Буэнос-Айрес и Бразилию на сумму до 100 тыс. песо серебром ежегодно. В Новой Испании центрами текстильной промышленности стали Пуэбла, Гвадалахара, Чолула, где производились ткани и одежда из шелка, шерсти и хлопка.

Ремесленное производство как основа простого мелкотоварного хозяйства колоний было сконцентрировано в крупных городах и поселках, центрах горнодобычи, дополнялось домашними промыслами крестьян. Это были, помимо текстильных, мукомольные, винодельные, табачные, кожевенные, скобяные и мыловаренные, мебельные и т. п. кустарные предприятия. Так, в торговых кварталах Лимы трудились ремесленники более 25 специальностей. Развитие ремесел в колониях сдерживалось средневековой цеховой регламентацией, засильем крупного землевладения в аграрной структуре, неразвитым внутренним рынком, искусственно тормозилось хищническими колониальными устремлениями: вплоть до начала XIX в. только чистокровные испанцы допускались к основанию новых цехов, становились мастерами особо престижных мастерских — ювелирами или позолотчиками, метис или мулат не мог подняться выше ученика или подмастерья, и т. д.

Уже со второй половины XVI в. в Новой Испании начали спорадически появляться первые предприятия мануфактурного типа, основанные испанскими колонистами.

К концу XVIII в. в отдельных наиболее развитых текстильных центрах широкое распространение получила как централизованная мануфактура (некоторые из них под Куско насчитывали до 400—500 вольнонаемных работников⁷⁰) с широкой специализацией отдельных операций, так и рассеянная, когда жители целого селения — более 1500 человек (Пакайпасо под Куско), работая на дому, обслуживали одну ткацкую мастерскую. Мануфактуры были широко распространены в окрестностях городов Кито, Бояка, Сокорро, Сан-Хиль в Новой Гранаде, в Пуэбле, Гвадалахаре и в Новой Испании. Только в одном Перу (район Куско — Арекипа), к концу колониального периода 300 подобных предприятий поставляли ежегодно на Ла-Плату одежды на сумму около 1 млн песо⁷¹. Помимо наемных работников из числа смешанных каст, в прядильных и ткацких мастерских широко использовался принудительный труд зависимых крестьян-индейцев, преступников, а также женщин и детей, подвергавшихся жестокой эксплуатации.

В целом по уровню технической оснащенности, производительности труда, докапиталистическим формам эксплуатации работников, низкому качеству товаров колониальные мануфактурные предприятия далеко отставали от

⁶⁹ Sanz I. E. Op. cit. T. I. P. 437.

⁷⁰ Silva Santisteban F. Los obrajes en el virreynato del Perú. Lima, 1964. P. 7.

⁷¹ Ibid. P. 160—161.

европейской капиталистической мануфактуры, в частности «мастерской мира» — Англии. Сохранение значительных элементов принудительного труда мешало превращению молодой мануфактуры в колониях в чисто капиталистическое предприятие и делало ее скорее «одной из форм адаптации феодализмом факторов, созданных поднимающимся капитализмом»⁷².

Вилоть до середины XVIII в. испанская метрополия считала добычу и вывоз драгоценных металлов одной из главных задач экономической политики. Горнодобывающее дело особенно было развито в северо-западных районах Новой Испании (Сан-Луис—Потоси, Сакатекас), в Новой Гранаде (район Чоко—Марикита); только в вице-королевствах Перу и Рио-де-Ла-Плата к концу XVII в. разрабатывалось 1400 месторождений. Испанская корона, получавшая значительные отчисления от добычи металлов, щедро раздавала горные разработки на откуп частным лицам.

Был дан новый толчок развитию горного дела: в 1554 г. в Новой Испании впервые был разработан процесс амальгамирования серебра с помощью ртути. Новый метод позволял вновь использовать накопившиеся запасы отвалов, но потребовал создания системы специальных гидросооружений. Только в одном районе Потоси в 70-х годах XVI в. было построено 132 мельницы для дробления и очистки отвальных пород, содержащих серебро, а также 18 плотин и более 16 км промывочных каналов стоимостью в 10 млн песо⁷³. За пятилетие (1576—1580) добыча серебра в Верхнем Перу поднялась с 5 млн до 19 млн песо⁷⁴. Всего же с 1556 по 1783 г. Испания получила только из Потоси серебра почти на 1 млрд, а из Новой Гранады золота — на 440 млн песо, всего же к началу XIX в. в метрополию из Испанской Америки поступило драгоценных металлов почти на 5 млрд песо⁷⁵.

Однако эти фантастические по объему поступления золота и серебра, перекачанные из испанских колоний в Испанию, а оттуда в страны Европы, не послужили развитию промышленности и торговли метрополии. Широкий приток «дешевого золота» в Западную Европу вызвал там «революцию цен»: количество находившегося в обращении в конце XVI в. золота удвоилось, а серебра утроилось, что привело в последующем к резкому, в 3—4 раза, повышению цен в Испании. Дорогие испанские товары не выдерживали конкуренции с товарами других европейских стран, что обусловило значительное снижение промышленной и торговой активности Испании и ослабление ее позиций в собственных колониях: в начале XVII в. развитые страны Северной Европы обеспечивали 5/6 промышленных товаров, потребляемых в Испании, и 9/10 товаров, вывозившихся Испанией в колониальные владения⁷⁶.

Королевская торговая монополия на протяжении двух с половиной столетий служила одним из важных источников поступления колониальной прибыли. Торговля с американскими владениями была монополизирована, за исключением краткого периода⁷⁷, крупным торговым капиталом Севильи

⁷² Чистозвонов А. И. Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985. С. 215, 228; Капитализм в Латинской Америке. М., 1985. С. 30.

⁷³ Wiedner D. L. Forced Labour in Colonial Peru // Latin American civilization. P. 41; Buechler R. M. The Mining Society of Potosi, 1776—1810. Syracuse, 1981. P. 240—243.

⁷⁴ Sánchez-Bella I. Op. cit. P. 51.

⁷⁵ Hanke L. The Imperial City of Potosi: An Unwritten Chapter in the History of Spanish America. The Hague, 1956. P. 19. Всего же в весовом выражении в Испанию с 1503 по 1650 г. вывезено более 181 т золота и более 16 тыс. т серебра. Подробнее см.: Hamilton E. J. American treasure and the price revolution in Spain. 1501—1650. Cambridge, 1934.

⁷⁶ Herring H. A History of Latin America from the Beginnings to the Present. N. Y., 1967. P. 191.

⁷⁷ С 1529 по 1579 г. для торговли с колониями, помимо указанных, были открыты еще 7 испанских портов: Байонна, Корунья, Авилес и др. См.: Ols Capdequi J. M. El Estado español. P. 46.

и Кадиса. Торговые связи осуществлялись исключительно на кораблях, принадлежавших испанцам и управлявшихся испанскими экипажами. Поданным всех иностранных держав запрещалось появляться в американских водах или торговать с колониями под угрозой уничтожения кораблей и грузов. До последней четверти XVIII в. в Испанской Америке для внешней торговли были открыты три порта: Веракрус в Новой Испании, Картахена в Новой Гранаде и Портобело на Панамском перешейке. Торговые связи осуществлялись с помощью так называемой системы двух флотилий, действовавшей с 1561 по 1784 г. Флотилии формировались до 1717 г. в Севилье, а затем и в Кадисе и насчитывали от 75 до 100 торговых судов и охранявших их воешных кораблей. Раз в два года флотилии отправлялись через Канарские острова в Вест-Индию и там разделялись: одна из них с товарами, предназначенными для колониальных владений в Южной Америке, шла в Картахену и Портобело, вторая, нацеленная на Новую Испанию и Филиппины, следовала в порт Веракрус. Приняв на борт драгоценные металлы, королевскую казну и другие ценные грузы, обе флотилии возвращались в Гавану, а оттуда в Испанию.

Активное развитие горнодобычи и земледелия, специализация по районам обрабатывающих отраслей стали стимулом для укрепления уже в XVII в. внутрирегиональных торговых связей и в целом механизма хозяйственного и экономического самообеспечения колоний. В Испанской Америке к началу XVII в. оформилось несколько таких автономных районов. Карибская группа провинций — побережье Новой Испании, Новой Гранады, Венесуэлы и Антильские острова, прежде всего Куба. Венесуэла поставляла табак и какао в Новую Испанию и на Кубу, Новая Испания — муку, сахар и другие продукты питания на Кубу, Картахена — мелкий и крупный рогатый скот, лошадей на Кубу и в Венесуэлу, и т. д. Интенсивные морские связи объединяли тихоокеанскую группу — Новую Испанию через Панаму с Кито, Перу и далее с Чили. Пшеница, мука, сахар, хлопок, серебро, ртуть уходили из Перу на север, обратно шли строительный лес, медь, красители, товары из Европы, Филиппин и Китая. В свою очередь, Перу установило активные торговые связи через Верхнее Перу (Боливия) с обширным районом Ла-Платы. При этом Лима была главным распределительным центром, монополизировавшим торговые каналы как вдоль океанского побережья, так и внутри континента вплоть до Атлантики⁷⁸.

Стремясь на корню подорвать стремление колоний к экономической самостоятельности, защищая монополию испанского купечества, метрополия неоднократно предпринимала шаги по подрыву как внутренней, так и внешней колониальной торговли.

В 1607—1609 гг. и в последующие годы неоднократно запрещался обмен испанскими товарами между Новой Испанией и Перу под угрозой «вечного изгнания из Индий, лишения должности и конфискации имущества». Для внутренней торговли местными товарами были открыты по одному порту на севере (Акапулько) и на юге (Кальяо) с правом посылать не более двух кораблей в год⁷⁹. До середины XVIII в. закрыта была прямая торговля вице-королевства Перу и провинций Ла-Платы с Испанией через Магелланов пролив и Атлантику. Креольские торговцы ответили на эти дискриминационные меры широким размахом контрабандной торговли.

Развитие торговли в колониях тормозилось грабительскими пошлинами:

⁷⁸ Ramos D. *Minería y Comercio Interprovincial en Hispanoamérica*. Valladolid, 1970. P. 182—184, 221—225.

100 ⁷⁹ Schäfer E. *Op. cit.* T. 2. P. 344; Sanz I. E. *Op. cit.* T. 2. P. 275—308.

(так, сиса с продажи парагвайского чая дала в 1778 г. казне сумму, в 10 раз превысившую налоговые поступления с добычи золота), таможенными барьерами, отсутствием дорог, феодальными сборами за пользование мостами и переправами, низкой покупательной способностью местного населения, вследствие чего сдерживался и ущемлялся рост креольского торгового капитала, что вызывало повсеместное недовольство. В то же время всячески укреплялась торговая монополия испанского купечества. В XVIII в., дабы противостоять международной контрабандной торговле в Испанской Америке, были созданы торговые компании по типу голландской Ост-Индской: Гондурасская (1714 г.), Гаванская (1728 г.), в Санто-Доминго (1757 г.). Образованная в 1728 г. Каракасская торговая компания оказалась наиболее жизнестойкой, контролировала рынок Венесуэлы и выплачивала значительные дивиденды в королевскую казну⁸⁰.

Одним из наиболее грабительских проявлений режима колониальной эксплуатации в Испанской Америке явился обременительный «налоговый террор», обрушившийся на все слои местного населения. Помимо огромных прибылей от продажи должностей, добычи драгоценных металлов, ртути, от соляных разработок, кроме церковной десятины, подушного налога с индейцев в казну поступали: альмохарифасго — налог на экспорт и импорт товаров в колонии, до 1566 г. составлял 7,5 % стоимости товара, а после 1566 г. — 15 %; типично феодальная, средневековая алькабала, введенная в конце XVI в., — торговая пошлина в 4—6 %, начислялась при любой купле-продаже на местных рынках. Вместе с индейским налогом алькабала, буквально парализовавшая местную торговлю, составляла самую значительную часть налоговых поступлений⁸¹. К концу XVI в. в вице-королевстве Перу насчитывалось уже 19 налоговых обложений, а в Новой Гранаде к концу XVIII в. — 29 налогов, которые давали в среднем ежегодно около 3 млн песо⁸².

Немалым источником доходов испанской короны служила монополия на производство и продажу таких продуктов и товаров, как табак, вино, порох, гербовая бумага и многие другие. Мертвящими цепями «налогового деспотизма» метрополия сковывала развитие промышленности, торговли, зарождавшейся креольской буржуазии и одновременно обеспечивала постоянный некомпенсируемый вывоз совокупного продукта, производившегося народами Испанской Америки.

Феодализм в колониях носил исключительно хищнический характер⁸³. Над индейским крестьянином надстраивалась целая пирамида угнетателей: от испанской короны и многочисленной колониальной светской и церковной бюрократии до местных креольских помещиков и ростовщиков, владельцев рудников и мастерских, включая, наконец, и прослойку индейской знати. Эта ситуация отягощалась еще и тем, что колонии оказались включенными в более широкую систему мирового капиталистического рынка на положении зависимого звена. Мировой рынок, по мнению прогрессивного мексиканского историка Э. Семо, революционизировал один сектор экономики (горнодобыча, производство колониальных товаров — красителей, пряностей, сахара,

⁸⁰ Herring H. Op. cit. P. 193.

⁸¹ Только в 1787 г. в королевскую казну Перу поступило более 3 млн песо, из них 853 тыс. песо в счет поступлений от трибута и более 1 млн — от алькабалы; за 5 лет (1790—1794) из 18 млн песо дохода трибута составил 4,5 млн песо, алькабала — 4 млн песо (Memorias de los virreyes. T. 5, tab. 2; T. 6. P. 24—26).

⁸² Antecedentes de política económica en el Río de la Plata. Madrid, 1915. T. I. P. 3—36, 168—193, 272—312 etc.

⁸³ См.: Комиссаров Б. Н. О колониальном феодализме в Испанской Америке // Вестник ЛГУ. 1985. № 16. С. 30.

хлопка, табака), подавлял другой, подвергаемый интенсивной эксплуатации (натуральное хозяйство индейских общин), а остальные (периферийные районы) оставлял прозябать в нищете⁸⁴.

В целом формировавшаяся на протяжении колониального периода многоукладная социально-экономическая структура развивалась в условиях феодального способа производства и соответствовавшей ему сословно-иерархической политической надстройки. Феодальный уклад, получивший наибольшее развитие в экономике Перу, Боливии и Эквадора, подчинял все остальные хозяйственно-экономические формы (общинно-натуральную, мелкотоварную, рабовладельческую), тормозил созревание капиталистических отношений.

РЕФОРМЫ КАРЛА III И ЗАКРЕПЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО СТАТУСА ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ

К концу XVIII в. в социально-экономическом развитии Испанской Америки наметились глубокие сдвиги. Колониальная система изживала себя, превратившись в сильнейший тормоз дальнейшего роста промышленности, сельского хозяйства, внутренней и внешней торговли. Тяжелым бременем на население испанских владений ложились военные расходы метрополии. Испанская корона на протяжении всего XVIII в. вела длительные разорительные войны: в 1701—1714 гг. — война за Испанское наследство; в 1740—1748 гг. — война за Австрийское наследство; в 1756—1763 гг. Семилетняя война, последняя поглотила 89,5 % всех доходов, поступивших из вице-королевства Перу.

Стремясь консолидировать пошатнувшиеся позиции в колониях, обеспечить резкий рост колониальных доходов для финансирования начавшегося экономического подъема в Испании, метрополия в период правления короля Карла III (1759—1788), представителя просвещенного абсолютизма, осуществила в Испанской Америке ряд реформ. В феврале 1767 г. был опубликован акт об изгнании иезуитов из испанских владений и конфискации всех принадлежавших ордену огромных материальных богатств⁸⁵. Затем была пересмотрена торговая политика. Принятый в 1778 г. новый торговый «Регламент» устанавливал режим «свободной торговли» между 13 портами Испании и 24 портами Испанской Америки, разрешал торговать с иностранными колониями. При этом, однако, монопольные позиции в наиболее прибыльной трансатлантической торговле и судоходстве остались в руках испанского купечества. Снимались ограничения на торговые отношения в пределах континента и между различными колониальными владениями, которые отдавались на откуп креольским торговцам. При этом главной целью новой торговой политики стало превращение колоний в огромный рынок сбыта товаров активно развивавшейся испанской мануфактуры и в поставщиков сельскохозяйственного сырья для трансатлантического экспорта (сахар, кофе, табак, кожи). За десятилетие (1778—1788) объем внешней торговли колоний увеличился на 700 %⁸⁶.

Укрепились экономические позиции, политический и социальный престиж креольской торгово-посреднической и ростовщической буржуазии. В 1789 г. в Буэнос-Айресе насчитывалось более 200 процветающих купеческих

⁸⁴ Semo E. Op. cit. P. 17.

⁸⁵ The expulsion of the Jesuits from Latin America. N. Y., 1965.

⁸⁶ Bonilla H., Chaunu P. e otr. La Independencia en el Perú. Lima, 1981. P. 175.

семейств, в торговую гильдию Лимы входило более 300 крупных торговцев.

Реформы вызвали непредвиденные последствия, в колониях начался сложный противоречивый процесс ломки устоявшихся экономических связей. Так, ослабли связи Новой Испании и Кубы: последняя стала поставлять сахар и табак на рынки США и предпочитала дешевую американскую муку более дорогой мексиканской. Верхнее Перу традиционные связи с Лимой переориентировало на Чили и Буэнос-Айрес. Чили, полностью зависевшее от Лимы в течение трех веков, установило прямые торговые отношения с Новой Испанией. Нарушение привычных связей привело к ожесточенной конкуренции традиционных товаров (пшеница, вино, сахар и т. д.), к поиску новых рынков сбыта как в колониях, так и за пределами Америки, что в целом носило прогрессивный характер.

В эти годы была проведена регламентация ремесленного производства, которая фактически обернулась значительным ущемлением интересов и деловой активности креольского и цветного населения: в частности, им запрещалось создавать мануфактуры в колониях «во благо испанских подданных». Одновременно хлынувший в Испанскую Америку поток дешевых европейских товаров привел к негативным последствиям — свертыванию местного ремесленного производства и еще слабых мануфактур, утечке национальной валюты, что дало знать о себе уже в канун XIX в.⁸⁷

Радикальные изменения произошли и в административном управлении. Из состава обширного вице-королевства Перу было выделено новое вице-королевство — Рио-де-Ла-Плата (1776 г.), куда вошли земли нынешних Аргентины, Боливии, Парагвая и Уругвая. Венесуэла, Чили и Куба были преобразованы в генерал-капитанства и перешли в прямое подчинение испанскому двору. Внутри колоний по французскому образцу вводилась система интенданств и округов. Поставленные во главе их интенданты и субделегаты получали твердое государственное жалованье. Одновременно ликвидировались должности губернаторов и коррехидоров, ставших зловещими символами колониальных злоупотреблений и коррупции. Показательно, что при чистке административного аппарата креолы в массовом порядке заменялись выходцами из Испании. Существенно ограничивалась власть вице-короля, при котором учреждалась постоянная должность генерального ревизора. Чувствительно ущемлялось привилегированное положение креольского духовенства⁸⁸. Эти меры имели целью ужесточить контроль за деятельностью колониальной бюрократии и закрепить колониальный статус Испанской Америки⁸⁹.

Между тем на пороге XIX столетия в Испанской Америке ускорились темпы экономического развития, наметился рост производительности труда и товарности производства как в экспортных отраслях сельского хозяйства, так и в местной промышленности: хлопкопрядении, ткачестве, табаководстве, горном промысле и судостроении. Так, в наиболее экономически развитой Новой Испании в канун XIX в. общая стоимость ремесленного производства и обрабатывающих отраслей составляла уже около трети валового продукта колонии в 228 млн песо. Ремесленная продукция оценивалась в 30 млн песо, из них на долю мануфактурных предприятий приходилось 7–8 млн. Текстильная отрасль поставляла на внутренний рынок товаров на 10 млн песо, в ней было занято 60 тыс. человек (от индейца-крестьянина до город-

⁸⁷ В 1786 г. в Перу поступило импортных товаров на сумму в 22 млн песо против прежних 5 млн песо. См.: Линч Дж. Революция в Испанской Америке. М., 1979. С. 35.

⁸⁸ Подробнее см.: Линч Дж. Указ. соч. С. 29–40.

⁸⁹ *Lumbreros L. G. e otr.* Op. cit. P. 91.

ского ремесленника), которые обслуживали более 14 тыс. ручных станков и более 40 обрахе⁹⁰.

После реформ 70—80-х годов XVIII в. внутри колониальных владений начали формироваться устойчивые территориально-хозяйственные комплексы, элементы внутреннего рынка; расширилась сфера применения наемного труда — в мелкотоварном крестьянском хозяйстве Ла-Платы (зерновые хозяйства побережья и внутренних районов — Мендосы, Сан-Хуана), на горнорудных предприятиях и в табачных мануфактурах Новой Испании. Документы конца XVIII в. фиксируют появление обширной прослойки скупщиков, занятых сбытом продуктов ткацкого ремесла и оптовой закупкой сырья. Эти представители купеческого капитала делали первые шаги по включению в раннекапиталистическую деятельность (особенно в Новой Испании)⁹¹.

Постепенно в Испанской Америке усиливаются элементы капиталистического уклада. Однако при этом он развивался в пределах, ограниченных колониальными потребностями метрополии, и под деформирующим воздействием мирового капиталистического рынка уже на раннем этапе своего генезиса. Формирование раннебуржуазных отношений протекало замедленными темпами с длительными периодами застоя и значительной консервацией докапиталистических форм эксплуатации⁹².

Наиболее заметную роль в становлении капиталистического уклада сыграло аграрно-сырьевое экспортное хозяйство в ряде колоний Испанской Америки, расположенных вблизи основных мировых торговых путей вдоль Атлантики. Растущая промышленность крупных европейских стран к концу XVIII в. требовала огромных масс сельскохозяйственных и сырьевых ресурсов. Так были созданы новые стимулы для развития экспортного хозяйства в испанских колониях. В ответ на эти требования на Кубе, на побережье Венесуэлы, Новой Испании и Новой Гранады начался активный рост плантационно-рабовладельческого хозяйства экспортного направления (сахар, табак, хлопок, кофе, какао), рассчитанного на производство для мирового рынка⁹³.

На территории Рио-де-Ла-Платы бурное развитие получило экстенсивное экспортное животноводство, охватившее значительные районы в междуречье Ла-Платы, Параны и Уругвая. Оно возникло на базе скотоводческой латифундии — эстансии, где царили докапиталистические формы эксплуатации, преобладал кабальный труд батраков — пеонов. «Латифундистское животноводческое хозяйство Аргентины», пишет советский латиноамериканист А. И. Строганов, с самого начала «развивалось как звено мировой капиталистической экономики»⁹⁴. К концу XVIII в. оно экспортировало не только кожевенное сырье, шерсть, но и значительные партии соленого и вяленого мяса. Таким образом, на основе аграрно-экспортной экономики в Испанской Америке стала расти прослойка крупных землевладельцев, скотоводов и плантаторов, тесно спаянных с креольским торгово-ростовщическим капиталом. Они ориентировались на внешний рынок и стали активным элементом складывания раннекапиталистического уклада.

⁹⁰ Капитализм в Латинской Америке. С. 29, 286 и др.; *La clase obrera en la historia de México*. México, 1980. Т. 1. P. 176—182.

⁹¹ *Haciendas...* P. 118; *La clase obrera en la historia de México*. P. 195—200.

⁹² Капитализм в Латинской Америке. С. 28, 31; *Semo E.* Op. cit. P. 249—251.

⁹³ Так, в провинции Арагуа (Венесуэла) накануне XIX в. 80 % сельскохозяйственной продукции 186 асьенд шло на внешний рынок. См.: *Figueroa Br.* *La Victoria en la historia de Venezuela*. Caracas, 1973. P. 27.

⁹⁴ *Строганов А. И.* Особенности развития капитализма в Аргентине (конец XIX— начало XX в.) // *Лат. Америка*. 1984. № 5. С. 100.

Именно эти круги формировавшейся креольской буржуазии, выдвинув лозунг «Свободу внешней торговле!», в канун XIX в. вышли на авансцену политической борьбы и выдвинули из своей среды революционную плеяду вождей и руководителей надвигавшейся войны за независимость.

КОЛОНИАЛЬНАЯ БРАЗИЛИЯ

Глава 4

Еще до прибытия официальных лиц на бразильской земле обосновались колонисты, на свой страх и риск заводившие хозяйства и завязывавшие отношения с индейцами. Так, в Сан-Висенти предприимчивостью выделялся Жуан Рамалью, а на землях залива Тодус-ус-Сантус другой португалец — Дьогу Алварис¹. Первая волна колонизации была миролюбиво встречена индейцами, готовыми даже породниться с пришельцами и включить их в советы племен. Таким образом, капитан Мартин Аффонсу, имя которого открывает официальную историю колонизации Бразилии, явился на почву, подготовленную его соотечественниками.

В 30-х годах XVI в. открытые прибрежные земли были разделены на капитании, возглавляемые капитан-губернаторами. Главным городом колонии стала Баия, через которую Лиссабон управлял всеми остальными капитаниями (только капитания Мараньян, как самая близкая к метрополии и как форпост на Севере, с 1620-х годов непосредственно подчинилась королевскому правительству, и то недолго). Капитаны получали в полную собственность небольшую часть капитании и право пользования доходами с остальных ее земель. Так была учреждена система донаций (пожалований), опробованная португальским двором на островах Атлантического океана и перенесенная теперь в Бразилию. Донация приобрела характер феода, поскольку вместе с неделимым наследственным правом пользования землей донатарий облакался всей полнотой власти в качестве наместника короля, обеспечивающего интересы короны в капитании².

В отличие от испанских колоний в Америке, где были обнаружены драгоценные металлы и куда переселенцы устремились на добычу золота и серебра, в Бразилии эти поиски долго не давали результатов и хозяйственное освоение колонии носило в основном аграрный характер. Главной культурой стал сахарный тростник.

Сам капитан-губернатор жаловал в пользование земли всем тем, кого он считал способными освоить надел и кто мог представить доказательства верности католической церкви. Этот надел (сесмария) облагался церковной десятиной и королевским налогом, колебавшимся от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{10}$ от урожая. Владельцы сесмарий, пользуясь слабостью контроля капитан-губернатора и его чиновников, а также наличием огромных пространств неучтенной земли, стали округлять свои наделы, превратившиеся впоследствии в поместья — фазенды. Учет таких земель вообще было невозможно наладить. Угодья и сами поместья образовывались обычно на месте вырубок (капоейрас), производившихся стихийно. В итоге уже через несколько десятилетий после открытия Бразилии здесь стала складываться система феодального землевладения со свойственной ей социально-политической иерархией.

¹ Помбу Роша Ж. Ф. де. История Бразилии. М., 1962. С. 77.

² Pierre D. Brazil. L., 1919. P. 45.

Прочные позиции обрела в колонии католическая церковь. Между светской и церковной властями иногда вспыхивали противоречия: отмечены случаи, когда суд объявлял незаконным отлучение от церкви и приговаривал к штрафу лиц, отказывавшихся вступить в контакт с несправедливо отлученным. Но по большей части королевские чиновники находили общий язык с епископами и викариями.

В растущих городах селились свободные ремесленники. Было немало строителей, работавших по контрактам. Между свободным населением городов и представителями королевской власти возникали конфликты, главным образом из-за вводимых налогов. Алмошарифи (королевский сборщик налогов) был самой непривлекательной фигурой в глазах горожан, которые не раз выступали против налоговых распоряжений властей, как это случилось, например, в конце сентября 1576 г. в Сан-Паулу в связи с введением там так называемой «рыбной десятины»³. Органы же местного самоуправления — муниципальные палаты — на протяжении всего XVI в. не располагали реальной властью: с ними не считались ни королевские чиновники, ни сами горожане.

Если процесс формирования господствующего класса и институтов власти шел обычным путем, то эксплуатируемый класс складывался на своеобразной основе. Сначала основным объектом эксплуатации португальцам виделись индейцы. Непокорных убивали, склонивших головы обращали в рабов. Разрушался хозяйственный уклад жизни индейцев побережья, пользовавшихся подсечно-огневым способом земледелия. Местное население оказывало яростное сопротивление всяким попыткам насильственного закабаления — индейцы уходили в труднодоступные для португальцев леса, совершали внезапные нападения на укрепленные поселки колонизаторов (отметим, в частности, неоднократные атаки в 80-х годах XVI в. форта Сан-Филипи в устье Параибы), поднимали восстания (в 1555 г. индейцы тамайос, в 1557 г. — касте, в 1561 г. — тупи). Силы были неравными. «В самом деле, — писал находившийся в Бразилии в 1556—1558 гг. француз Жан де Лери, — когда перед ними оказывался один из наших всадников при всей амуниции, с пистолетом в руках, на скачущем коне, так что, с одной стороны, огонь и гром, с другой — чудовище, составленное из человека и коня, то первой их мыслью было, что это *Эньян*, т. е. на их языке сам дьявол»⁴. Середина XVI в. — время наиболее кровопролитных сражений в Бразилии. Бандейранты⁵ — участники военных походов во внутренние районы — уничтожали или уводили на фазенды индейцев. Иной набег давал добычу в несколько тысяч рабов. Уничтожение индейцев и захват их земель оправдывались в сознании конкистадоров папской буллой о борьбе с нескверными, захватившими Иерусалим, которой намеренно давалось расширительное толкование⁶. Отряды бандейрантов, действовавшие с конца XVI в. по XVIII в., создавались на принципах наемничества: богатые землевла-

³ Taunay A. d'E. São Paulo nos primos annos (1554—1601). Tours, 1920. P. 79.

⁴ Léry L. de. Le Voyage au Brésil de Jean de Léry (1556—1558). P., 1927. P. 191.

⁵ От португальского *bandeira* — знамя.

⁶ Следует, однако, отметить, что с XVI в. в общественной мысли колониального бразильского общества зарождаются гуманистические мотивы. Они не стали основополагающими в политико-правовой сфере, но оказали несомненное влияние на развитие бразильской культуры, заложив в ней прогрессивные идейные традиции. В целом господствовавшее религиозное сознание как в Бразилии, так и в метрополии было дифференцированным. Помимо ортодоксального католицизма существовали различные религиозно-мистические течения, нередко еретические. В Бразилии в XVII—XVIII вв. довольно широко был распространен так называемый «себастьянизм» (по имени португальского короля Себастьяна I, погибшего в 1578 г. в авантюрном крестовом походе в Марокко) — своеобразная разновидность мессианского учения.

дельцы и торговцы набирали (за свой счет) такие отряды по большей части из деклассированных элементов Сан-Паулу. Жадность плантаторов не знала границ. Объектами их «охоты» становились даже индейцы-земледельцы, жившие близ португальских поселков и доставлявшие туда плоды земли и своего труда. Разорение индейских сельскохозяйственных зон усугубляло трудности с продовольствием у самих колонистов.

В колонизации приняли участие и иезуиты, впервые появившиеся на бразильской земле в 1549 г. Они действовали тонко и расчетливо, начав с духовного подчинения индейцев. Иезуиты основали несколько миссий там, где индейцы еще до прихода европейцев обладали земледельческими навыками. К концу XVI в. церковники-миссионеры стали богатыми землевладельцами, к которым перешли огромные земли, принадлежавшие короне. Они получали также щедрое подаяние от короля и частных лиц⁷. Индейцы мало-помалу благодаря «гуманным» методам иезуитов становились крепостными. Деятельность и иезуитов, и бандейрантов, несмотря на различие в средствах, преследовала одну и ту же цель — превращение индейцев в подневольную рабочую силу. Португальская колонизация нанесла непоправимый урон развитию индейской культуры в Бразилии, привела к уничтожению целых племен.

Расчет на индейцев как основную рабочую силу не оправдал себя. Тогда португальцы решили прибегнуть к труду рабов, доставлявшихся из Африки через Атлантический океан. Развитию работорговли в Бразилии способствовала географическая близость к Африке (от Ресифи до африканских берегов расстояние меньше, чем до южных границ Бразилии). Сначала черные рабы использовались как домашняя прислуга, но по мере освоения территории Бразилии их все больше и больше заставляли работать на вновь создаваемых плантациях. Другой сферой приложения рабского труда стала горнодобывающая промышленность, особенно после открытия месторождения алмазов. Ориентация на повсеместное использование рабов вела не только к дискредитации физического труда в глазах белого населения, но и к преобладанию в хозяйстве отраслей, использовавших примитивную мускульную силу, не дававшую простора для внедрения техники и развития сложных профессиональных навыков. Рабы появились в Бразилии вместе с первыми донатариями, а сама трансатлантическая торговля «живым товаром» продолжалась три с половиной века. За это время в Бразилию было ввезено не менее 5 млн рабов.

Африканцы никогда не мирились со своим рабским положением. Бывало, еще по пути в Америку негры бежали, бунтовали. И тогда хозяева кораблей, на которых перевозили рабов, становились беспощадными. Самых непокорных убивали, но, поскольку «живой товар» стоил больших денег, чернокожих людей старались запугать.

В самой Бразилии рабы не только убегали от хозяев в леса, но объединялись для борьбы с рабовладельцами. Высшей формой организованной борьбы рабов за свободу явилось создание так называемой «республики Палмарис» (республика пальмовых лесов) — своеобразного негритянского государства на территории Бразилии. Это государство, представлявшее собой большое военизированное поселение, возникло в глубинных районах капитании Пернамбуку. Оно просуществовало с 1630 по 1697 г. Среди его жителей (до 20 тыс.) были не только беглые негры, но и индейцы. Обитатели Палмариса занимались земледелием, знали ремесла — они не только поль-

⁷ См.: *Lahmeyer Lobo Eulalia M. Administração colonial luso-espanhola nas Américas: Rio de Janeiro, P. 270.*

зовались огнестрельным оружием, унесенным из фазенд, но и чинили и даже изготавливали его в хорошо налаженных кузницах и мастерских. Первые десятилетия после основания «республики» португальцы, занятые борьбой с голландцами, вынуждены были терпеть это государственное новообразование. Более того, им приходилось вступать в определенные соглашения с Палмарисом. Вожди негритянского поселения, в свою очередь, пытались заручиться гарантиями португальцев и обещали последним помощь в борьбе с иноземными захватчиками. Так, король Канинде, как называют одного из вождей «республики» документы того времени, обратился к португальцам с предложением «в случае, если какая-либо вражеская армада вознамерится захватить часть Бани или Пернамбуку, Итамараки, Параибы или Риу-Гранди, отдать 5 тыс. вооруженных людей в подчинение губернатору и капитан-губернатору, чтобы по его приказу выступить на защиту португальцев в любой час и любую пору и направиться в то место, куда он их пошлет, а для того они постоянно будут хорошо снабжены стрелами и луками»⁸.

Однако, когда внешняя угроза миновала, португальцы изменили тактику. В середине 80-х годов XVII в. двор поставил перед колониальными властями задачу немедленно ликвидировать свободные негритянские поселения. Но выполнение этого распоряжения оказалось нелегким делом. Война, особенно в 90-е годы, носила ожесточенный характер. Правительственные войска применяли артиллерию.

Раненых и убитых среди португальских солдат и офицеров было так много, что нападавшие не раз вынуждены были делать паузы до прихода новых подкреплений. В начале 1694 г. португальцам удалось нанести противнику серьезное поражение.

Во главе бывших рабов в последние годы существования «республики Палмарис» стоял верховный вождь Зумби (Зомби), талантливый организатор и восначальник, несмотря на преклонный возраст сохранявший живой ум и физическую силу. Португальцы долго не могли схватить его. Но нашелся предатель, который, как сообщал в письме от 14 марта 1696 г. в Заморский совет губернатор Пернамбуку Каэтану ди Меллу ди Кастру, «привел отряд в Мокамбу, только что оставленную его (Зумби. — *Авт.*) семьей»⁹. Преследователи настигли Зумби и его близких. В отчаянной схватке из 20 сражавшихся негров только один остался живым. Среди убитых был и Зумби. Его голова была выставлена на всеобщее обозрение, чтобы запугать рабов и подбодрить потерявших покой хозяев. Гибель Зумби (по свидетельству Домингуса Жоржи, руководившего карателями, она произошла 20 ноября 1695 г.) не сломила воли негров к сопротивлению. Только в 1697 г. пал последний укрепленный лагерь. Но и после падения Черной Трои (так иногда называют этот лагерь в литературе) столкновения португальцев с рассеянными в лесах отрядами беглых рабов продолжались по крайней мере до 1700 г. Война рабов являлась одним из самых грозных социальных потрясений колониальной Бразилии.

К XVIII в. Португалии удалось преодолеть и угрозу извне своим позициям в Бразилии. Наибольшие неприятности Лиссабону доставляли здесь французы и голландцы, а также англичане. Еще в 20-х годах XVI в. французы пытались начать торговлю в Бразилии. В 1556 г. они основали в Бразилии форт Колиньи (в заливе Гуанабара). Однако уже в 1562 г. португальцы выбили французов из форта, а в 1580 г. пресекли их попытки закрепиться

⁸ Ennes E. As guerras nos Palmares. São Paulo; Rio de Janeiro; Recife; Porto Alegre, 1938. Vol. 1. P. 65.

⁹ Ibid. P. 260.

на севере¹⁰. При этом генерал-губернатору пришлось заключить мир с индейцами, которых французы пытались переманить на свою сторону.

Сущим бедствием для жителей колонии стали непрекращавшиеся набеги корсаров. Иногда удавалось отбить их атаки, например в 1595 г., когда французы, высадившиеся с 10 кораблей, попытались захватить Ильеус, но часто корсары добивались своего — в частности, в том же году англичанин Джеймс Ланкастер и француз Ле Нуайе со своими сообщниками захватили Ресифи и разграбили его.

Пик голландской экспансии пришелся на 30-е годы XVII в. В 1630 г., несмотря на отчаянное сопротивление жителей колонии, голландцы захватили капитанию Пернамбуку, превратив ее в плацдарм для дальнейшей экспансии в Бразилии. Возглавлял оккупантов принц Мориц Нассау, который был не только талантливым полководцем, но и энергичным, деятельным администратором. Первые его мероприятия были направлены на привлечение на свою сторону местного населения и создание благоприятных условий для притока на бразильскую землю голландских поселенцев. С этой целью было отменено рабовладение, установлена свобода вероисповедания, поощрялись занятия ремеслами и торговлей. Рос интерес к Бразилии голландских ученых, свидетельством чему стала книга Георга Маркграфа «Естественная история Бразилии», вышедшая в 1648 г. в Амстердаме.

На острове, расположенном близ Ресифи, Мориц Нассау построил новый город, являвший собой торжество строительного гения голландцев. Четко спланированный, с каменными дворцами и домами, каналами и дамбами, покрытый сестью зеленых насаждений, соединенный мостами с Ресифи, Морицстад, названный по имени его основателя, был одним из красивейших городов Южной Америки. Но нехватка рабочей силы толкнула голландцев на путь развития экономики, уже давно освоенный португальцами, — стало насаждаться рабство, усилилось закабаление индейцев, свобода вероисповедания скоро обернулась тяжелым духовным гнетом кальвинистов. Внутренняя напряженность еще более усилилась после возвращения в 1644 г. Морица Нассау в Европу. Против голландских захватчиков поднялось широкое движение, включавшее различные слои бразильского колониального общества. Борьба против голландцев велась не только силами португальских войск, в нее активно включилось местное население. Бразильцы умело применяли тактику создания летучих отрядов, действовавших каждый в своей зоне¹¹.

Значительную роль в освободительной борьбе сыграли индейцы и негры. Славой национальных героев окружена память индейского вождя Пиражибе и командира негритянского батальона Эприке Диаса, проявивших беспримерную храбрость в сражениях с голландцами. Освободительная борьба 40–50-х годов XVII в. далеко вышла за рамки португальско-голландского военного конфликта, вылившись в народную войну с иноземными захватчиками. Эта война, закончившаяся изгнанием голландцев в 1654 г., оказала большое влияние на складывание самосознания бразильцев¹².

В последней четверти XVII в. Португалия предприняла попытки расширить свои владения на юге Америки, вступив тем самым в прямое соперничество с Испанией. Захват португальцами земель на северном берегу Ла-Платы и основание в 1680 г. здесь города Сакраменто не только вызвали

¹⁰ См.: *Помбу Роша Ж. Ф. де.* Указ. соч. С. 116–117.

¹¹ См.: Там же. С. 155.

¹² Вместе с тем в XVII в. самосознание бразильцев как единого народа еще не сложилось. Социально-этническая и территориальная разобщенность явились главным препятствием на этом пути.

протест представителей испанской короны в Буэнос-Айресе, но и стали причиной многолетней затяжной борьбы между португальцами и испанцами в этом районе.

К середине XVIII в. противоречия Португалии и Испании в их американских колониях еще более обострились. Долгое препирательство между дипломатами обеих стран завершилось в 1750 г., когда по совету бразильского ученого Алешандре ди Гусмана, входившего в состав португальской делегации, было принято решение зафиксировать сложившиеся реальности. В результате Португалия получила право на Санта-Катарину, район иезуитских миссий в Уругвае (граница по Паранапомене) и Мату-Гроссу (по реке Гуапоре)¹³. Напряженность спала, но противоборство не прекратилось.

Так в условиях острой классовой борьбы, противодействия внешней экспансии и соперничества с соседями формировалась социально-экономическая и политическая структура колониальной Бразилии. Уже к XVI в. португальский двор начал вносить существенные коррективы в свою колониальную политику в Америке. По мере освоения Бразилии росла роль чиновничества, проводившего в жизнь централизаторские тенденции королевской политики, соответственно этому падало значение института донатариев, права которых как наместников короля стали урезаться, а число их сокращаться¹⁴. Создание иерархической системы политико-административных учреждений сопровождалось осуществлением ряда мер по укреплению экономического господства Португалии на ее американских землях.

Тяжелое экономическое положение, в котором оказалась Португалия начиная со второй половины XVI в., особенно после марокканских авантюр Дона Себастьяна, разоривших казну и закончившихся в 1578 г. разгромом португальской армии, метрополия пыталась поправить за счет своих колоний, и прежде всего за счет самой большой и богатой из них — Бразилии. Стержнем колониальной политики португальского двора в области экономики стало создание компаний с монопольными правами на торговлю с метрополией. Искусственное ограничение производства потребительских товаров в Бразилии и запрещение каких-либо внешнеторговых связей колонии помимо учрежденных для португальцев компаний наносили серьезный удар по интересам всего местного населения, в первую очередь торгово-ремесленных слоев, тормозили развитие бразильской экономики.

Среди компаний выделялась основанная в 1649 г. Торговая компания, которая в 60-е годы XVII в. превратилась в правительственный орган, так называемую Торговую жунту, состоявшую из назначенных королем председателя, четырех депутатов (двое из числа родовитых дворян и двое из богатейших купцов) и казначея¹⁵. Компании стали главным инструментом выкачивания богатств из колонии. В 1665 г. была введена монополия на соль. Налоговый гнет, торговые ограничения, выражавшиеся прежде всего в системе монополий, вызывали стихийные восстания, среди которых особенно значительным стало выступление в Марашьяне под руководством Мануэла Бекмана в 1684—1685 гг.

Слабость финансовой системы Португалии отрицательно сказывалась на развитии рынка в Бразилии (основным платежным средством в колонии в XVII в. оказался не португальский рейс, а испанское песо, называвшееся здесь патакой). За 100 лет (с середины XVII до середины XVIII в.) стоимость патаки в связи с обесцениванием рейса удвоилась и достигла 800 рейсов.

¹³ Calmon P. *Historia da Civilização Brasileira*. São Paulo, 1933. P. 45.

¹⁴ См.: *Очерки истории Бразилии*. М., 1962. С. 25.

¹⁵ *Lahmeier Lobo Fulalia M. Op. cit.* P. 309.

В 1695 г. началась добыча золота в Бразилии, а в 1729 г. были найдены первые алмазы. К районам добычи алмазов (здесь была основана новая капитания — Минас-Жераис) королевские власти стали проявлять больше внимания, чем ко всей остальной колонии. И не напрасно: Минас-Жераис дал с 1700 по 1820 г. 534 403 кг золота, т. е. в среднем 4450 кг в год¹⁶. Богатства бразильской земли стали еще одним несчастьем для ее исконных обитателей — индейцев. Если на всей территории Бразилии с 1680 г. было запрещено обращать индейцев в рабство (двор рассматривал их как постоянный источник налоговых поступлений), то судьба аборигенов в районах добычи алмазов оказалась целиком в руках владельцев копей. В результате индейское население в Минас-Жераисе, Сан-Паулу, Мату-Гроссу и Гойасе стало быстро сокращаться и, как и на плантациях северо-востока, замещаться черными невольниками.

Налоговый гнет и жесткая регламентация добычи золота и драгоценных камней вызывали глубокое недовольство бразильцев, прорывавшееся в открытые выступления против португальских властей, как это было в 1720 г. в Вила-Рике.

Хозяйственные и политические интересы Португалии требовали большого внимания к южным районам Бразилии, куда предполагалось перевести резиденцию вице-короля (эта должность была учреждена в 1720 г.) из Бани. Выбор графа Антониу Алвариса да Куньи пал на Рио-де-Жанейро — небольшой городок, расположенный среди красивых холмов на берегу великопелной бухты. Место новой столицы (с 1763 г.) оказалось весьма удачным, поскольку город вскоре стал настоящими воротами в мир для приморских и внутренних районов, где расцветал горнорудный промысел и располагались плантации сахарного тростника. Создание новой столицы отражало стремление метрополии укрепить связи с колонией. Особенно ощутили португальцы значение Бразилии для своего благосостояния после катастрофического землетрясения 1755 г., разрушившего столицу Португалии. Главным министром португальского двора в это время был маркиз Помбал, который начал осуществление серии административных и экономических реформ в духе политики просвещенного абсолютизма.

Помбал хорошо представлял себе значение такой богатой колонии, как Бразилия, для слабеющей метрополии. Он также видел, что интересы португальцев в Бразилии сталкиваются с интересами растущей местной креольской аристократии и иезуитов. Орден обладал в Латинской Америке землями, плантациями, лесами, захватил в свои руки торговлю с индейскими племенами. Иезуиты были помехой не только для лиссабонского двора, но и для местных купцов и землевладельцев, с завистью и негодованием наблюдавших, как богател и укреплял свое влияние в Бразилии орден.

Поэтому, когда в 1759 г. Помбал изгнал иезуитов из Португалии и Бразилии, его действия с восторгом приняла по обоим сторонам Атлантики. При Помбале бразильцам разрешалось заводить мануфактуру. Главный министр короля Жозе I считал возможным в интересах метрополии открывать новые виды производства в колонии. Португальцы, например, пошли на задержание в 1773 г. американского брига «Левиафан», ведшего китобойный промысел у берегов Бразилии, чтобы вынудить у американцев технологию извлечения и обработки спермацета — ценнейшего сырья для парфюмерной промышленности, которую предполагалось внедрить в колонии¹⁷.

¹⁶ Le Brésil en 1889. P., 1889. P. 74.

¹⁷ Ellis M. Norte-americanos no Atlântico brasileiro: Um inédito de José Bonifácio de Andrada e Silva sobre o conceito de Mar Territorial e o Direito de Pesca // Revista de História. São Paulo, 1973. N 94. P. 341.

Однако надежды бразильцев на правителя, вдохновленного идеями Просвещения, не оправдались. Еще в 1755 г. Помбал создал «Всеобщую компанию великих провинций Пара и Мараньян», а четыре года спустя «Компанию Пернамбуку и Баии», которые монополизировали значительную часть бразильской торговли. Они служили обогащению лишь королевского двора и крупных лиссабонских негоциантов. Бразильские купцы оказались ущемленными. Потеснились и англичане, которые после Метуэнского договора 1703 г. прибрали было к рукам португальскую внешнюю торговлю. Воцарение на лиссабонском престоле в 1777 г. Марии I, прозванной Безумной, положило конец реформаторской деятельности Помбала. Бразилии этот поворот принес новые беды. В 1785 г. был издан указ об уничтожении многих основанных в колонии мануфактур. Был восстановлен суд инквизиции. Бразилия объявлялась запретной для посещения иностранцами. Над колонией все больше сгущался мрак средневекowego обскурантизма, ее экономическое и культурное развитие оказалось в тисках невыносимого гнета.

НАРОДНЫЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ (XVI—XVIII века)

Глава 5

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ИНДЕЙСКИХ НАРОДОВ ПРОТИВ КОЛОНИЗАТОРОВ В XVI—XVII ВЕКАХ

Среди мифов консервативной зарубежной историографии широким пространством пользуется миф о молниеносности конквисты, утверждающий, будто самобытные индейские государства рассыпались, подобно карточному домику, при первом же соприкосновении с европейскими завоевателями, а затем «спокойно отдалась мирной жизни под властью новых господ»¹. Подобные утверждения не соответствуют историческим фактам. Колониальная экспансия была не кратковременным актом, а длительным процессом. Завоевательные кампании, осуществленные Кортесом в Новой Испании — Мексике (1519—1523), Хименесом де Кесадой в Новой Гранаде — Колумбии (1537—1539), братьями Писарро и Альмагро в Новой Кастилии — Перу (1532—1535), Вальдивией в Новом Толедо — Чили (1540—1553), положили лишь начало покорению различных индейских племен и народов. Несомненно, захват и разрушение таких жизненно важных индейских центров, как Теночтитлан в Мексике, Богота и Тунха в Колумбии, Куско и Кахамарка в Перу, помогли завоевателям утвердиться на захваченных землях и на первое время парализовать волю индейских народов к сопротивлению.

Однако, воочию убедившись в том, что колонизаторы несут смерть, попрание привычных норм жизни и тяжкое бремя рабства, что межплемен-

¹ Bolton H. E. *Wider Horizons of American History*. 2nd ed. Notre Dame, 1967. P. 5; White J. M. *Cortes and the Downfall of the Aztec Empire: A Study in a Conflict of Cultures*. L., 1971. P. 305—306; Beals R. *The Heritage of Conquest*. N. Y., 1960. P. 18.

ные и династические распри губительны, индейцы перешли в наступление. Традиции освободительного движения, родившиеся в огне борьбы с испанской экспансией, перешли по наследству к XVII и XVIII вв. и, обогащенные социальным опытом, продолжались новыми поколениями борцов.

«Обычно утверждают, — писал Х. К. Мариатеги об индейцах Перу, что угнетенный, униженный индеец совершенно не способен ни на какую борьбу, ни на какое сопротивление. Однако только факта многочисленных восстаний и выступлений индейцев на протяжении всей истории страны и репрессий против них достаточно, чтобы опровергнуть это утверждение»².

Драматическую эпопею сопротивления открыли индейские народы, населявшие обширный островной мир Карибского моря, первыми принявшие на себя удары испанской колониальной экспансии. Предвидя легкую добычу, Хр. Колумб писал в дневнике первого путешествия о коренных жителях Кубы и Эспаньолы: «Люди эти весьма покорны и весьма боязливы... Нет у них оружия, и все они наги и неискусны в воинских делах...»³ Однако основанная им в декабре 1492 г. на Эспаньоле первая в Новом Свете испанская крепость Навидад через год была разрушена до основания индейцами, а ее гарнизон уничтожен. В течение 10 лет (1495—1504) испанцы были вынуждены неоднократно организовывать военные экспедиции в целях подавления восстаний во внутренних провинциях острова, упорно поднимавшихся из года в год. Документы эпохи сохранили имя одного из первых индейских вождей — Энрикильо, который, несмотря на трагическое неравенство сил, вынудил испанцев подписать с ним «почетный мир».

С 1510 г. конкиста с опустошенных берегов Эспаньолы переместилась на земли самого большого антильского острова — Кубы. Первые же шаги завоевательной экспедиции под началом Д. Веласкеса, высадившейся на восточной оконечности Кубы, натолкнулись на организованное сопротивление индейцев. В течение нескольких месяцев ими руководил индейский вождь Атуэй, выходец с Эспаньолы⁴. Взятый в плен испанцами, а затем заживо сожженный на костре, он мужественно встретил смерть. После варварской казни Атуэя единодушный отпор колонизаторам оказало многочисленное население провинции Камагуэй во главе с Кагуа.

В 20-е годы XVI в. сопротивление расширяется. Индейцы Кубы предпринимают упорные попытки очистить от завоевателей побережье и впервые применяют в массовом порядке тактику выжженной земли: уничтожают посевы, жилые постройки, скот испанских колонистов. С середины 20-х годов в продолжение десятилетия положение необъявленной войны сохранялось в восточной провинции Баракоа. Здесь, в труднодоступной гористой лесной местности, знатный индейский вождь — нитайно, по имени Гуамá, «самый известный среди восставших индейцев», организовал центр сопротивления колонизаторам, место притяжения для всего порабожденного индейского населения. Только в 1532 г. в результате проведенной испанцами карательной экспедиции эта маленькая «свободная территория Америки» перестала существовать, сам Гуама был убит.

Самоотверженные вожди антильских индейцев — Энрикильо, Атуэй, Гуама — открыли героические страницы в летописи сопротивления коренных американских жителей иноземному нашествию. С выходом колониальной экспансии на материк многократно расширяются масштабы и формы осво-

² Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 386.

³ Colon C. Textos y documentos completos. Madrid, 1984. P. 51, 84; Путешествия Христофора Колумба: Дневники, письма, документы / Пер. с исп. и коммент. Я. М. Света. М., 1961. С. 113, 149.

114 ⁴ Le Riverend J. de. Historia económica de Cuba. La Habana, 1967. P. 34—35.

бодительной борьбы. Так, первая волна индейских восстаний поднялась в Мексике уже в 1522 г., после того как страна была разделена на энкомьенды. Авторитетный очевидец и современник событий испанский солдат и хронист Диас дель Кастильо писал: «С самого начала все провинции Новой Испании поочередно восставали, когда с них требовали подати, и заодно убивали своих энкомендеро... и почти не оставалось провинции, где не поднялись бы все поголовно»⁵. В 1522—1524 гг. вся южная часть страны провинции Оахака и Чьяпас, вплоть до Веракруса на востоке, находились в руках восставших индейцев; обосновавшиеся там испанцы были уничтожены. Одновременно взбунтовались против колонизаторов жители северо-восточной провинции Пануко. Акцию по подавлению восстания возглавил сам Кортес, потеряв при этом 400 человек убитыми⁶.

В 1524—1528 гг. в антииспанское движение включились такие крупные племена, как сапотеки, михе — на западном побережье Мексики. Потерпев поражение, индейцы сожгли свои селения и ушли в горы, отвергнув все предложения о мире. В 1530 г. индейцы тараски, в недалеком прошлом могущественные соперники ацтеков, в ответ на убийство верховного правителя Кальцонцина покинули родные места и тоже ушли в горы, отказавшись работать на завоевателей⁷. Летом в 1529 г. началось волнение на северо-востоке страны. Индейские племена, известные под общим именем чичимеков — «северных варваров», превратили северо-восток Мексики в постоянно действующий открытый фронт, который существовал в продолжение всего колониального периода. Так же беспокойно было и на северо-западе Мексики (Сонора, Синалоа), где первостепенную роль в освободительной войне играли индейцы яки, отличавшиеся многочисленностью и славившиеся воинственностью.

Покорение Юкатана, городов-государств майя растянулось на два десятилетия и продолжалось с 1524 по 1544 г. Однако глубинный район вокруг озера Петен-Ица с центром в Тайасале — этот, по выражению современников, «край войны», продолжал независимое существование в течение XVI и XVII вв. Только будучи окруженным со всех сторон испанскими колониальными войсками, он в 1697 г. сдался на милость победителя.

Среди причин восстаний фигурировали недовольство чрезмерными налогами, тяжестью трудовой повинности, особенно работы в рудниках, жестоким обращением со стороны энкомендеро, продажей в рабство трудоспособных индейцев, захватом испанцами индейских земель, а также возмущение миссионерской деятельностью католических священников. Таким образом, уже на раннем этапе обозначились и социальные элементы в борьбе индейцев против навязанного им испанскими колонизаторами гнета. Тесно переплетаясь, эти две тенденции — освободительная, с одной стороны, и антифеодальная — с другой, определили суть индейского антиколониального движения в течение всей колониальной эпохи. При этом первая была особенно характерна для борьбы индейских народов, находившихся на периферии испанской колониальной империи (арауканы — Южное Чили, яки и майо — Северная Мексика), вторая же нарастала постепенно, по мере усиления колониальной эксплуатации, особенно в районах высококультурных индейских культур (ацтеки и майя — Мексика, муиски — Колумбия, кчуа и аймара — Перу и Боливия).

⁵ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España. Barcelona, 1975. P. 602—603.

⁶ México a través de los siglos. México, 1953. T. 2. P. 81.

⁷ López Surrélangue D. E. La nobleza indígena de Patzcuaro en la época virreinal. México, 1965. P. 55.

В 1571 г. союз индейцев Синалоа в Мексике объявил войну местным властям, все проживающие здесь испанцы были убиты, провинция надолго перешла в руки индейцев. Сохранился текст пророчества верховного жреца тепехуанов (Новая Бискайя), который, призывая соплеменников к восстанию в 1616 г., говорил: «К ножу всех старых и знатных христиан, священников и отцов, которые нас наставляют, и всех испанцев в округе»⁸. В 1645 г. здесь вновь восстали семь племен из-за отказа испанцев оплатить им работу в шахтах и поместьях. На работы они так и не вернулись. Восставшие жгли усадьбы энкомендеро, угоняли и резали скот, разрушали рудники и соляные копи, францисканские поселки и монастыри. Провинция Новый Леон до начала XVIII в. не была освоена из-за постоянных волнений индейцев. 20 лет (1624—1645) продолжались волнения куачичилей в Сан-Луис-Потоси.

Испанские власти прибегали к самым изощренным способам борьбы с индейцами (депортация целых поселков, уничтожение селений и храмов, геноцид особенно непокорных племен, жестокие карательные рейды с последующими казнями вождей и рядовых участников восстания). Племенам, осмеливавшимся противостоять колониальной экспансии, испанская корона уготовила трагический удел — массовое порабощение. Охота за индейцами-рабами — один из действенных стимулов как самой конкисты, так и колониальной практики. Работоторговля не только давала высокие прибыли, но и была источником финансирования новых завоевательных походов, решала проблему дешевых рабочих рук в колониальном хозяйстве, на рудниках, в земледелии и скотоводстве. Обращение в рабство непокорных индейцев, отказывавшихся принимать христианство или поднимавшихся на вооруженные действия против колониальных властей, было существенным элементом так называемой «цивилизаторской миссии» Испании по отношению к коренному населению колоний. Обоснованный Хр. Колумбом, инициатором работоторговли американскими индейцами, уже в 1494 г., этот принцип получал неоднократное подтверждение в указах испанских королей от 1500, 1503, 1513, 1526, 1586 гг. Однако если при жизни Колумба десятки тысяч антильских индейцев превращались в рабов по причине их якобы «язычества и каннибализма», то более поздние королевские постановления легализовали эту варварскую практику под иным, сугубо колониалистским предлогом.

Так, указ от 1586 г. санкционировал вооруженные действия против восставших индейцев-«вероотступников» как «справедливую и законную войну». Все взятые в плен индейцы — мужчины, женщины и дети — считались «законной» добычей участников карательных походов⁹. В периферийных районах Испанской Америки — на севере Мексики, на западе Колумбии, в провинциях Тукуман и Чако на Ла-Плате, на юге Чили, где освободительное индейское движение приняло особенно ожесточенные формы, — массовое порабощение целых племен оставалось рядовым событием вплоть до конца XVII в.

Но все эти беспощадные меры привели лишь к усилению освободительного движения. Постепенно освоив военное искусство испанцев, индейцы начали наносить колонизаторам одно поражение за другим. В ряде случаев индейские отряды придерживались партизанской тактики, осуществляли одновременные налеты на несколько городов одной провинции, проводили

⁸ Capdevielle E. G. de. Rebeliones indigenas en el Norte del Reino de la Nueva España (XVI y XVII). México, 1967. P. 83—84.

116 ⁹ Hanke L. The Spanish Struggle for Justice in the Conquest of America. Boston, 1965. P. 136—137.

предварительную тщательную разведку. В некоторых восстаниях в Мексике в XVII в. участвовало до 300 племен (Новая Бискайя)¹⁰. В результате колониальные власти приступили к сооружению крепостей в наиболее важных стратегических зонах. К концу XVII—началу XVIII в. от Техасского побережья на востоке до берегов Верхней Калифорнии на западе была создана система военных гарнизонов под названием «королевские крепости»¹¹. Однако в конце XVIII столетия она была признана неэффективной, многие из крепостей были заброшены. Обширный район севера остался беззащитным, местные миссии ликвидированы, торговля и рудники замерли. «Вот почему обитатели севера Новой Испании должны были жить в постоянном страхе и тревоге вплоть до начала XIX в.»¹²

В целом за XVI—XVII вв. только в Северной Мексике произошло более 60 восстаний, в которых участвовало подавляющее число индейских племен, причем это не были одиночные вспышки, многие из них продолжались с перерывами по несколько лет подряд. Длительный и самоотверженный вооруженный отпор испанским колонизаторам оказали многочисленные племена куна (Панама). Они сумели сохранить независимость в течение всей колониальной эпохи. В 1790 г. Испания была вынуждена заключить с верховными вождями куна мирный договор, которым корона признала их право на самостоятельное существование. И не случайно именно здесь спустя полтора столетия, в 1925 г., была провозглашена Кунская республика, а ныне куны — единственный индейский народ в Латинской Америке, получивший автономию в рамках Панамской республики.

В южноамериканских владениях Испании основные очаги вооруженного сопротивления сосредоточились в вице-королевстве Перу (кечуа, аймара), в Чили (арауканы), Гран-Чако (мокови) и в Парагвас (гуарани). Естественно было ожидать, что обширное могущественное государство инков не смирится с поражением, которое ему нанесли отряды Писарро и Альмагро. После казни в 1533 г. верховного инки Атауальпы в Центральной Сьерре, на севере, во владениях индейцев киту, индейские полководцы Руминьяви и Кискис неоднократно наносили тяжелый урон испанцам. С февраля 1536 г. начались массовые индейские выступления под руководством Инки Манко, охватившие не только область Центральных Анд, но и земли индейцев кечуа и аймара на востоке и юге Перу. В 1536—1538 гг. ожесточенной осаде неоднократно подвергались опорные пункты испанской колонизации — города Куско и Лима. Судьба завоевателей не раз висела на волоске. Массовый героизм и самоотверженность, проявленные при этом индейскими воинами, дали образцы доблести, «достойной этой своеобразной перуанской Илиады»¹³.

С начала 40-х годов XVI в. в Восточных Андах развернулась длительная партизанская война, которую возглавили представители инкской династии (Сайри Тупак, Титу Коси), образовавшие «неоинкское государство» с центром в горном районе Вилькапампа. Это поставило под угрозу существование самого колониального режима. Лишь спустя 40 лет после «официального» завоевания Перу — с падением крепости Вилькапампы и казнью в 1572 г. последнего верховного инки, Тупака Амару, — колониальным властям удалось водворить в Перу относительное спокойствие. Однако, несмотря на поражение, это героическое сопротивление испанским завоева-

¹⁰ Huerta Preciado M. T. *Rebeliones indígenas en el Noreste de México en la época colonial*. México, 1966. P. 85.

¹¹ Capdevielle E. G de. *Op. cit.* P. 23.

¹² Huerta Preciado M. T. *Op. cit.* P. 102.

¹³ Guillen Guillen E. *Visión peruana de la conquista*. Lima, 1979. P. 58—59.

телям сыграло большую роль в формировании традиций освободительной борьбы андских индейцев¹⁴.

Другим, еще более значительным очагом индейского сопротивления стала Араукания, простирающаяся к югу от р. Био-Био. История борьбы арауканов против испанских колонизаторов насчитывает более трех столетий и даже на общем фоне индейского освободительного движения представляется совершенно беспримерной. Первое восстание вспыхнуло в 1541 г. Только что основанный конкистадором Вальдивией город Сантьяго осадили 10 тыс. индейцев, затем разрушив его. В 1550 г. при попытке Вальдивии форсировать Био-Био и проникнуть в южные земли на него обрушились соединенные силы в 20 тыс. воинов. «Атака была ужасной, с таким напором и леденящим душу криком, — писал Вальдивия Карлу V, — что, казалось, рушилась земля. . . Поверьте, 30 лет я служу Вашему Величеству, воевал со многими народами, но никогда не видел людей, которые сражались бы так неистово, как эти индейцы с нами; в течение 3 часов мы не могли с помощью сотни всадников рассеять хотя бы один отряд противника»¹⁵. В 1533 г. совет вождей-токи во главе с Лаутаро принял решение о новом коллективном отпоре завоевателям. В битве за крепость Тукапель испанцы были наголову разбиты, Вальдивия взят в плен и казнен. Бросив Концепсьон, завоеватели в панике бежали на север, в Сантьяго. Недаром Чили XVI в. современники называли «могилой для испанцев»¹⁶.

Подобно варварским племенам Европы, сокрушившим в III – V вв. Римскую империю, арауканы в борьбе с завоевателями использовали преимущества военно-демократического строя с его родовой солидарностью и сплоченностью, высоким воинским духом. Проявив «невероятное чувство тактики и стратегии»¹⁷, арауканы к 70-м годам XVI в. переняли все лучшее, что было на вооружении завоевателей: научились стрелять из пушек и аркебузов, отбитых у врага, овладели холодным оружием, усовершенствовали традиционные пику, копьё и боевую дубину, одним ударом которой валили с ног лошадь, переняли искусство верховой езды и создали легкую кавалерию; они строили огражденные валами и рвами военные крепости, которые, по отзывам современников, «и итальянцы не сделали бы лучше». Объявленная арауканами с конца XVI в. «война без милосердия» не знала пощады: они подвергали длительной осаде испанские города и крепости, уводили скот и лошадей, уничтожали запасы продовольствия, жгли посевы, дома и хозяйственные постройки испанских колонистов¹⁸.

Вспыхнувшее в 1571 г. под руководством вождя-токи Колоколо восстание арауканских племен продолжалось с перерывами около 50 лет. Для сдерживания араукан метрополия пошла на крайнюю меру — только в генерал-капитанстве Чили, единственном среди колониальных владений, постоянно были расквартированы части регулярной армии. С 1600 г. вице-король Перу выделял так называемое situado, — 200 тыс. дукатов в год — на их содержание, что поглощало десятую часть доходов королевской казны в Испанской Америке¹⁹.

Стремясь поднять боевой дух испанского воинства, корона обратилась за поддержкой к Ватикану. С разрешения папы Павла V началась массовая

¹⁴ *Зубрицкий Ю. А.* Ипки-кчуа. М., 1975. С. 95—106.

¹⁵ *Randolf J.* Las guerras del Arayco. Santiago, 1948. P. 20.

¹⁶ *Encina F. A.* Resumen de la Historia de Chile. Santiago, 1956. T. I. P. 106.

¹⁷ *Ibid.* P. 57.

¹⁸ *Ibid.* P. 96; *Frias Valenzuela F.* Historia de Chile. Santiago, 1947. T. I. P. 210–211; *Боркес Скеуч А., Адрисола Росас А.* История и этнография народа мануче. М., 1987. С. 126–132.

¹⁹ *Encina F. A.* Op. cit. P. 170, 185.

раздача индульгенций солдатам, активным участникам арауканских войн. С 1608 г. по личному указу Филиппа III все пленные арауканы, включая детей старше десяти лет, обращались в рабство и продавались на невольничьих рынках в Чили и в Перу для работы в поместьях и на рудниках. Но все было тщетно. От наступательных действий колониальные власти перешли в глухую оборону. В 1641 г. был подписан Кильенский договор. Испанская сторона прекращала военные действия, признавала независимость Араукании, а р. Био-Био ее «твердой и прочной» северной границей. Власти обязались покончить с практикой обращения арауканов в рабство и принуждения их к работе на колонистов. Арауканские вожди со своей стороны обещали союзную помощь для отпора набегам английских и голландских пиратов.

На попытку нарушить условия мирного договора арауканские племена ответили новым мощным выступлением 1655—1662 гг. Вся территория центрального Чили между реками Био-Био и Мауле была очищена от испанцев. Чилийские власти срочно обратились к испанскому королю с ходатайством о переносе границы с индейцами на север, под Сантьяго. По подсчетам современников, в результате восстания в плен было взято 1300 испанцев, мужчин и женщин, разгромлено около 400 эстансий, уведено 400 тыс. голов скота, уничтожено 9 крепостей и половина военного снаряжения Чили²⁰. А всего к этому времени в арауканских войнах погибло 30 тыс. испанских солдат, 60 тыс. индейцев из союзных испанцам племен пикунче и уильиче и около 180 тыс. арауканских воинов²¹. Столетие спустя мирным договором от 1774 г. испанская корона вновь и на этот раз окончательно была вынуждена признать независимость Араукании.

Столь длительное сопротивление индейцев оказало существенное влияние на историческое развитие Чили и обусловило особое положение колонии в системе американских владений Испании²².

Не менее напряженная обстановка складывалась и на северо-западе Ла-Платы в XVII в. В 1630 г. здесь, в долине р. Катамарка, восстали представители многочисленных диагитских племен, индейцы кальчаки под руководством касика Челемина. Движение вскоре охватило весь северо-запад, включая провинции Тукуман, Сальта. Будучи подавленным пять лет спустя, восстание неоднократно возобновлялось вплоть до 1665 гг. За это время свыше 10 тыс. наиболее воинственно настроенных индейцев — кальчаки, кильмес и др. — были насильственно обращены в рабство и перевезены в различные города глубинных провинций и побережья, в том числе и в Буэнос-Айрес²³.

С начала 70-х годов XVII в. колониальные власти, остро нуждавшиеся в рабочей силе, начали затянувшуюся почти на столетие войну с непокорными индейцами Чако, племенами мокови, абипоны, тоба и др. с целью порабощения индейского населения и захвата принадлежавших им земель. Стойко защищая свою независимость, «индиос бравос», как пазывали их современники, неоднократно громили местное ополчение. Ведя наступательные бои, они в 1727 г. дошли до стен Кордовы, в последующие годы успешно осаждали такие крупные центры Ла-Платы, как Жужуй, Сальта и др.²⁴

Освободительная борьба индейских племен и народов в XVI—XVIII вв. была закономерным фактом, повседневной реальностью в жизни испанских

²⁰ Ibid. P. 217—224.

²¹ *Frias Valenzuela F.* Op. cit. P. 250.

²² Очерки истории Чили. М., 1967. С. 15.

²³ *Штрахов А. И.* Война за независимость Аргентины. М., 1976. С. 208—212.

²⁴ Очерки истории Аргентины. М., 1961. С. 45—48.

колоний. Весьма интенсивная по характеру, она охватила значительные территории и на севере и на юге Испанской Америки и зачастую приводила к полному отпадению ряда областей (арауканы, куны, майя, яки).

Важно подчеркнуть, что по мере консолидации колониального режима социальный антагонизм завоеванных индейских народов и испанских колонизаторов все более совпадал с этнорасовым. Поэтому из поколения в поколение освободительная борьба воспринималась индейскими массами в значительной степени через призму расового конфликта. Особенно это ощущалось в периферийных районах, где колониальной системе не удалось прочно закрепиться. Жившие там индейские народы вели против колонизаторов войну на уничтожение. Они истребляли самих испанцев, привезенный ими скот, сельскохозяйственные культуры, церкви, города, рудники — другими словами, очищали индейскую землю от всего неиндейского (восстания индейцев чисо и кокойомов в Северной Мексике в конце XVII—начале XVIII в.).

Одновременно в массах индейского крестьянства вице-королевств Новая Испания и Перу, принявших на себя основную тяжесть колониального бремени, начали созревать предпосылки для развития социальных форм борьбы в ответ на усиливавшийся феодальный и колониальный гнет.

В целом антиколониальное движение во всех его формах отнимало у колониальных властей значительные материальные и людские ресурсы. Складывавшиеся в его ходе освободительные традиции — результат высокой исторической активности индейских народов — вдохнули мощный революционный дух во все слои растущего населения испанских колоний.

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ XVIII ВЕКА

К середине XVIII в. в этнической и социальной структуре испанских колоний явственно обозначились изменения: значительно возросло число креолов и метисов, негров и мулатов. Целостность индейских общин была нарушена, практически в селениях жили смешанно и индейцы, и метисы, и так называемые белые — креольские и испанские землевладельцы.

Угнетенное положение индейского крестьянства разделяла широкая метисная масса пеонов и колонов, трудившихся в асьендах и эстансиях, работников мануфактур и рудников. Росло социальное расслоение и среди креолов, все большее их число теряло привилегированный статус и пополняло ряды мелких ремесленников, землевладельцев и чиновников. Развитие товарно-денежных отношений и элементов раннекапиталистического уклада усиливало экономические связи между сельской округой и городами. В этих условиях индейское крестьянство пачинало поворачиваться, на первых порах стихийно, к социально разнородной массе угнетенных городских низов и округи, мучительно преодолевая феодально-сословные и этнические барьеры. Его борьба стала приобретать все более выраженный социальный характер.

При всем том, что между всеми этими колониальными прослойками существовали классовые противоречия, усугублявшиеся этнической рознью, их всех объединяла общая ненависть к колониальному режиму. К середине XVIII в. стала складываться определенная общность интересов индейского, метисного, негритянского и креольского населения, пробуждалось национальное самосознание.

История крупнейших антильских колоний — Кубы, Ямайки, Гаити, где уже с начала XVI в. нашел широкое применение рабский труд, наполнена многочисленными примерами самоотверженной антиколониальной борьбы

рабов. Традиционной формой социального протеста, наносившей огромный ущерб колонизаторам, было массовое бегство рабов в труднодоступные районы горных массивов и тропической сельвы. Беглые рабы-симарроны основывали там укрепленные поселения, которые становились центрами притяжения для негров, трудившихся на окрестных плантациях. Ко второй половине XVIII в. эта пассивная форма сопротивления получила распространение и в приморских долинах Венесуэлы, Новой Гранады, Перу, где начало усиленно развиваться товарное земледелие экспортного направления. Сосредоточенные здесь значительные массы черных невольников подвергались бесчеловечной эксплуатации на плантациях сахарного тростника, кофе, хлопка. В 60—70-е годы XVIII в. наметилась активизация различных форм сопротивления поработанных негров. Так, в Венесуэле и Перу резко увеличилась численность беглых рабов, участились случаи массовых выступлений, поджога усадеб и убийства наиболее ненавистных рабовладельцев, попытки захвата мелких поселков. При этом рабы объединялись с «цветным населением, мелкими крестьянами, пеонами и батраками»²⁵.

Постепенно и эта наиболее обездоленная колониальная прослойка начала втягиваться в различные формы антиколониальной борьбы, становиться ее важным и постоянным фактором.

Огромный резонанс в Венесуэле получило восстание рабов в окрестностях Коро, крупного порта и центра производства сахара, развернувшееся в мае 1795 г. Его возглавили свободные негры Х. Чирино и Х. Гонсалес. Под влиянием бурно развивавшихся событий в революционной Франции и на охваченном освободительным движением соседнем острове Гаити руководители восставших выдвинули лозунг «Освобождение рабов, отмена колониальных поборов, провозглашение республики». Объединив более 300 рабов с местных сахарных плантаций, а также «цветных» пеонов и жителей предместий, восставшие опустошили окрестности Коро, уничтожив усадьбы и плантации, принадлежавшие местной и испанской земельной аристократии. Затем они взяли приступом и сам город²⁶. Спешно присланное королевское ополчение разгромило слабо организованные силы повстанцев. Однако уроки восстания наглядно продемонстрировали, каким значительным резервом в антиколониальной борьбе могут стать наиболее угнетенные и бесправные массы рабов.

Одним из ранних свидетельств обострения экономических и социальных противоречий между колониями и метрополией, включения все более широких слоев населения в антиколониальную борьбу стало движение «всерос» (крестьян-табаководов) Кубы. В стремлении увеличить колониальные прибыли метрополия неоднократно вводила в колониях режим разнообразных монополий: торговой, табачной, водочной и т. д., приносивших ей высокие доходы и ущемлявших жизненные интересы широких масс мелких производителей. Первая четверть XVIII в. прошла на Кубе под знаком активной борьбы против введенной в 1717 г. жесткой табачной монополии. Поставленная перед угрозой массового разорения многочисленная прослойка свободного мелкого крестьянства, включавшая и потомков выходцев с Канарских островов, и мулатов, и негров, активно включилась в борьбу за отмену монополии. В окрестностях Гаваны и провинции Матансас с 1717 по 1723 г. развернулись массовые волнения. В 1717 г. вооруженные отряды крестьян при поддержке жителей предместий взяли приступом Гавану и вынудили

²⁵ Kapsoli W. Sublevaciones de Esclavos en el Perú. Siglo XVIII. Lima, 1975. P. 50—78.

²⁶ Brito Figeroa F. Las insurrecciones de los esclavos negros en la sociedad colonial venezolana. Caracas, 1961. P. 44—88.

генерал-капитала Кубы В. Раха, энергичного сторонника внедрения монополии, покинуть остров. В 1720 г. крестьяне вновь осаждали Гавану, протестуя против низких, разорительных цен на табак, принудительного сокращения плантаций. В 1723 г. снова прокатились волнения среди табачников, на подавление которых власти бросили армию; 11 крестьянских руководителей были казнены²⁷.

Примером антиколониального движения, объединившего широкие слои населения, стало и восстание комунерос в Асунсьоне, столице и самом крупном городе провинции Парагвай. В течение долгих 15 лет с перерывами (1721—1735) город Асунсьон и его окрестности были охвачены массовыми волнениями, вызванными бесраздельным господством ордена иезуитов в местной экономике. Засилье иезуитов при прямом содействии колониальных властей наносило огромный ущерб интересам креольских землевладельцев и торговцев, метисных кругов города и сельской округи, занятых скотоводством и производством парагвайского чая (мате). В 1721—1725, 1731—1735 гг. комунерос во главе с Х. де Антекерой, провозглашенным восставшими «отцом и защитником отечества», а затем Ф. де Момпо и другими креольскими деятелями осуществили ряд антиколониальных акций: неоднократно отстраняли испанских чиновников, связанных с иезуитами, конфисковывали их имущество, изгоняли иезуитов из своих владений; ополчение восставших неоднократно громило карательные экспедиции, направляющиеся против них из Буэнос-Айреса²⁸.

В 1731—1735 гг. парагвайские комунерос в нарушение всех колониальных законов перешли на самоуправление: провели свободные выборы нового состава кабильдо, создали правительственную, а затем генеральную хунту, избрали губернатора из местной влиятельной креольской семьи. При этом массовая база движения значительно расширилась за счет метисов и мулатов, мелкого ремесленного и торгового люда, малоимущего крестьянства. Впервые в колониальной истории вождь восставших (Ф. де Момпо) выдвинул идею народного суверенитета: власть народа признавалась выше власти короля; утверждалось, что любой закон, принятый даже испанским монархом, не имел силы без утверждения его представителями народа²⁹. Восстание комунерос, подавленное колониальными властями в 1735 г., стало одним из первых предвестников пробуждения самосознания широких слоев колониального населения и его готовности добиваться независимости. Не случайно в июле 1740 г. местные власти изъяли из городского архива документы, связанные с восстанием, как «подрывные», и предали их публичному сожжению на главной площади Асунсьона.

Все больше жителей городов, представителей различных сословий, включались в движение социального протеста против налогового ограбления, дороговизны. Так, в 1749 г. в одном из крупнейших экономических и торговых центров Испанской Америки, Каракассе, началось выступление владельцев кофейных и табачных плантаций, торговцев, крестьян под руководством креола Х. Фр. де Леона. Восставшие потребовали у колониальных властей отмены привилегий и приостановки деятельности испанской торговой Гипускоанской компании, разорявшей городское и сельское население³⁰.

В 1765 г. в крупном центре Тихоокеанского побережья Кито прошли мас-

²⁷ Очерки истории Кубы. М., 1978. С. 35; *Le Riverend J. de*. Op. cit. P. 143—145.

²⁸ *López A.* The Revolt of the Comuneros, 1721—1735: A Study in the Colonial History of Paraguay. Cambridge, 1976. P. 84—87, 97—98 etc.

²⁹ *Ibid.* P. 113. *Альперович М. С.* Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840). М., 1975. С. 55—57.

³⁰ *Documentos relativos a la insurrección de J. Francisco de Leon.* Caracas, 1949.

совые выступления обездоленных слоев городского плебса. Мелкие ремесленники и торговцы, окрестные индейцы, доведенные до нищеты и отчаяния высокими налоговыми поборами, самовооружились и с криками «Долой испанцев!» вынудили представителей колониальных властей бежать из города. Широкие стихийные выступления, голодные бунты обнищавшего городского люда против ужесточающихся форм колониальной эксплуатации характерная черта общественно-политической жизни больших городов Испанской Америки XVIII в.

Таким образом, в антиколониальном движении к середине XVIII в. появились новые черты: помимо традиционного его компонента, индейских народов, в него стали активно включаться метисные массы различного социального происхождения, в том числе и рабы. Все более динамично начинала заявлять о себе креольская прослойка, которая постепенно становилась активной политической силой по мере углубления ее противоречий с метрополией. Основные течения антииспанской борьбы — индейское, негритянское и креольское, — взаимно переплетаясь и обогащая друг друга, создавали в колониях мощный внутренний антиколониальный фронт. При этом именно креолы «могли наиболее эффективно противопоставить испанской короне современные для своей эпохи формы политической, идеологической и вооруженной борьбы»³¹.

Отношение индейских вождей к креольскому течению было различным: одни не принимали его и категорически отвергали общие антииспанские цели борьбы. Другие же сознательно и активно шли на союз с креолами и представителями других угнетенных слоев, и в этом заключался ключ к дальнейшему прогрессу народных индейских движений.

Антиколониальное сопротивление индейских масс продолжалось и в XVIII в. развиваться по нарастающей. Начавшийся демографический рост крупных индейских общностей (кечуа и аймара, киче и майя, тараски и сапотекы), наследников высокоразвитых народов Древней Америки, укрепление социального статуса многочисленной прослойки индейской знати, ухудшение положения угнетенных слоев индейского населения имели следствием возрождение на новом уровне освободительных тенденций в индейских движениях. В 40—80-е годы XVIII в. по Испанской Америке прокатилась волна заговоров и восстаний, охвативших основные зоны сосредоточения крупных индейских народов. Не будучи чисто индейскими по составу участников (в них стихийно втягивалась и широкая метисная масса крестьян-батраков и жителей предместий), эти движения энергично выдвинули лозунг возрождения древних индейских государств.

В 1761 г. Мексику всколыхнуло массовое восстание индейцев майя на севере Юкатана. Его возглавил образованный индеец Хасинто, принявший имя Кан-Эк (родовое имя династии, правившей в Тайясале, у озера Петен-Ица и подчинившейся испанцам только в 1697 г.). За короткое время под знамена Кан-Эка собралось около 50 тыс. человек. Восстание приняло угрожающие размеры, и лишь прибытие значительной регулярной армии, посланной против восставших губернатором Юкатана, положило ему конец. Хасинто Кан-Эк был растерзан на главной площади Мериды раскаленными щипцами, восемь его соратников повешены³².

В продолжение 60—70-х годов XVIII в. не утихали массовые волнения на западе и в центре Мексики. Вооружившись палками и камнями, индейцы, крестьяне и ремесленники, работники мастерских, неоднократно разрушали

³¹ Колумбия: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1986. С. 13—14.

³² Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955. С. 89.

правительственные резиденции, требуя отмены податей, налогов и изгнания ненавистных испанских чиновников. Самый большой резонанс получило в 80-х годах XVIII в. движение индейцев тарасков (Мичоакан) под началом представителя древней аристократии Педро Вильяроэля, призвавшего восставших добиться возвращения былой независимости. Разбитые в ряде сражений, восставшие подверглись жестоким репрессиям: 85 человек было казнено, сотни отправлены в тюрьмы.

Сходные требования выдвигали и вожди индейцев в вице-королевстве Перу. В июле 1739 г. в городе Оруро власти раскрыли разветвленный заговор, в подготовке которого приняли участие индейские вожди окрестных районов. Его возглавил знатный касик Велес де Кордова, объявивший себя потомком инкской династии в пятом поколении. В составленном им «Перечне обид» он призывал «креолов, касиков и всех индейцев протянуть ему руку помощи, чтобы этим героическим делом освободить родину, избавив ее от тирании (испанской. — *Авт.*), которая держит индейцев в вечном страхе и обращается с ними почти как с рабами. . . Моя единственная цель — восстановить Великую империю и монархию наших древних королей»³³.

Через три года вице-королевство Перу всколыхнула новая весть — индеец Хуан Сантос, окончивший иезуитский колледж в Куско и побывавший в Испании, принял имя инки Атауальпы и поднял восстание в окрестностях городов Тарма и Хауха. В 1742—1743 гг. повстанцы овладели 27 селениями.

В продолжение последующих десяти лет едва ли не ежегодно колониальные власти предпринимали безуспешные попытки покончить с очагом восстания. Показательно, что повстанцы применяли искусную тактику: избегая открытого боя, совершали внезапные атаки на отряды королевского ополчения, разрушали мосты, устраивали завалы на дорогах, убивали королевских чиновников. Таким образом, по соседству с Лимой, столицей вице-королевства Перу, «городом королей», как его называли испанцы, с 1742 по 1756 г. существовала повстанческая зона, управлявшаяся индейцами и фактически не зависевшая от колониальных властей. По имевшимся данным, среди сподвижников Сантоса насчитывалось много метисов и бежавших с береговых плантаций рабов-негров. Сантос объявил себя «господином царства» и потребовал, чтобы все «испанцы покинули перуанскую землю»³⁴.

В 1750—1755 гг. в самой Лиме были раскрыты несколько антииспанских заговоров. У их истоков стояли индейские вожди, в качестве союзников они планировали привлечь не только креолов и метисов, но и негров, работавших в городе и окрестных имениях. Неграм было обещано немедленное освобождение от рабской неволи. Заговорщики намеревались добиться отделения от Испании, призвав на трон «Филиппа I, короля южных и северных морей», одного из потомков инкской династии.

В целом порожденные практикой колониального угнетения, как социального, так и национального, индейские движения облекались в сложную идеологическую форму. С одной стороны, призыв к восстановлению былой независимости и отделению от Испании, будучи весьма радикальным, надолго опередил освободительные планы вождей креольского движения; с другой — план возрождения древних общественных институтов, по словам Мариатеги, отражал «обращенную в прошлое утопию» и был столь же «анакроничен и мало-

³³ Lewin B. La rebelión de Túpac Amaru y los orígenes de la emancipación americana. La Habana, 1973. T. 1. P. 119—120; Prieto de Zagarra J. Mensajes Precursores de la Independencia del Perú. Lima, 1974. P. 198—199.

124 ³⁴ Castro Arenas M. La rebelión de Juan Santos. Lima, 1973. P. 108, 115—116 etc.

эффективен, как и допотопное воинское снаряжение индейцев»³⁵. Так же, как и в крестьянских восстаниях европейского средневековья, эти требования индейского крестьянства отвечали наивным иллюзиям о «царстве справедливости» под началом своего, индейского царя. Однако, несмотря на противоречивые, подчас архаические, покровы, индейские движения как высшее проявление социального протеста угнетенных угрожали жизненным устоям колониальной системы и тем самым несли в себе мощный революционный заряд.

По мере того как колониальный гнет становился все более нестерпимым и обострялись противоречия между колониями и метрополией, сближались антиколониальные интересы индейского, метисного, негритянского и креольского населения. Однако процесс создания антиколониального фронта все еще серьезно осложнялся острыми классовыми противоречиями, этнорасовым антагонизмом между различными колониальными сословиями. Стихийность же, неорганизованность, разрозненность народных выступлений облегчали их подавление. По словам советского латиноамериканиста В. М. Мирошевского, «не существовало еще антииспанского движения; развертывающегося по всей Испанской Америке и представляющего собой нечто единое, целостное, органически связанное. Имели место разобщенные, локально ограниченные и расово расчлененные движения перуанских индейцев и перуанских креолов, чилийских индейцев и чилийских креолов, „черных“ кубинцев и „белых“ кубинцев и т. д.»³⁶. Все эти факторы определяли внутреннюю слабость и незрелость освободительного движения в колониях до конца XVIII в.

АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КАНУН ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Конец XVIII в. в Испанской Америке прошел под знаком усиления колониальной эксплуатации по всем направлениям. Метрополия в поисках дополнительных источников финансирования поднимавшейся испанской мануфактурной промышленности, а также длительных войн, которые она вела в Европе, обрушила на население колоний невиданное до того бремя прямых и косвенных налогов. Традиционная индейская подушная подать была увеличена, расширились податные категории за счет цветного населения — метисов, мулатов, самбо, что повсеместно вызвало взрыв недовольства; увеличились мостовые, дорожные, почтовые и т. п. феодальные поборы; резко поднялись налоги на ткачей, на крупных и мелких производителей вина и сахара; с 2 до 6—8 % выросла разорительная алькабала на все виды торговой деятельности; был введен новый налог на войну с Англией, установлена монополия на производство табака, водки, лишившая тысячи крестьян и ремесленников средств существования. В городах и поселках создавалась разветвленная сеть специальных таможен, куда стекались огромные налоговые поступления, уплывавшие затем за океан³⁷.

Резкому обострению социально-экономических противоречий внутри колоний содействовала и политика репартименто, или сокращенно репарто, — принудительной распродажи европейских и местных товаров широким массам индейского населения. Легализованная законами 1751—1756 гг. система репарто получила особое распространение в вице-королевстве Перу.

³⁵ *Mariategui J. C.* Prefacio // Reyna E. *El Amauta Atusparia*. Lima, 1932. P. 15.

³⁶ *Мирошевский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании, 1492—1810. М.; Л., 1946. С. 142.

³⁷ *Memorias de los Virreyes*. T. 6. P. 205; *The Cambridge History of Latin America*. Cambridge, 1984. Vol. 1: Colonial America. P. 409.

Она имела целью, с одной стороны, втянуть натуральное хозяйство индейского крестьянина в товарно-денежные отношения, расширить возможности внутреннего рынка и тем самым увеличить поступления от расширенного товарооборота в казну; с другой — репарто должно было создать новый источник дешевой рабочей силы для активизировавшихся горных промыслов, текстильных предприятий, зерновых и скотоводческих хозяйств. Это было еще одно наступление на «прибавочный продукт и прибавочное время» и без того закабаленного индейского крестьянства³⁸. С самого начала система репарто была отдана на откуп коррехидорам, совмещавшим в одном лице административную, судебную и военную власть на территории целых провинций.

Характерную черту репарто составляла его принудительность, касалось ли это частоты «распродаж» или ассортимента навязываемых товаров. Так, крестьянин не мог отказаться от любой партии товаров, даже если его насильно заставляли «покупать» доставлявшиеся из Европы шелковые чулки, бархат, карты и другие предметы роскоши. Сделки носили также откровенно спекулятивный, неэквивалентный характер. Даже и необходимое для хозяйства (например, мулов) индейцев вынуждали приобретать по ценам, завышенным в 3—6 раз³⁹. За невыплаченные в срок деньги должника ожидало не только физическое наказание — от избиений до отправки в ямы с колодезками на ногах. Коррехидоры и их подставные лица отбирали скот, семена, домашнее имущество индейца, отводили каналы, воды которых питали принадлежавшие ему посевам, вынуждали сдавать в аренду земельные участки и т. д. Однако наиболее массовое распространение получила практика принудительной обработки должником и членами его семьи долгов в обрахе, копиях, на плантациях коки и сахарного тростника⁴⁰. Таким образом, репарто, одна из форм внеэкономического принуждения, стало новым средством закабаления индейского крестьянина и создания дополнительного источника дешевых рабочих рук.

Огромные прибыли от этой хищнической неэквивалентной торговли поступали не только коррехидорам, но и перераспределялись экономически мощной прослойке торгово-ростовщического капитала Лимы и провинций, собственникам рудников и поместий, которые ссужали коррехидоров деньгами, кредитом и необходимым товаром⁴¹. За 5-летний правление коррехидоры наживали от 60 тыс. до 300—400 тыс. песо (при 800 песо годового жалованья). За 1754—1780 гг. объем торговли по репарто стремительно вырос в 3 раза, с 1200 тыс. песо до 3600 тыс., и более чем в три раза превысил поступления от индейской подати. В отдельных случаях долг доходил до 90 песо с индейской семьи (при годовом налоге в 4—8 песо)⁴². К 80-м годам XVIII в. эта система была распространена на широкие социальные слои, включая обедневшее испанское и метисное население сельской округи.

Следствием репарто стал подрыв и истощение самих основ мелкого крестьянского хозяйства, разграбление его трудовых ресурсов. Фигура коррехидора превратилась в объект поистине всенародной ненависти, а репарто — в зловещий символ колониального угнетения. Только за десятилетие (1770—

³⁸ Golte J. Repartos y rebeliones: Túpac Amaru y las contradicciones de la economía colonial. Lima, 1980. P. 80.

³⁹ Ibid. P. 120.

⁴⁰ Moreno Cebrian A. El correjidor de indios y la economía peruana del siglo XVIII: Los repartos forzosos mercantiles. Madrid, 1977. P. 179—180; Golte J. Op. cit. P. 18—19.

⁴¹ Tord J., Lazo C. Hacienda, comercio, fiscalidad y luchas sociales (Perú colonial). Lima, 1981. P. 94—96; Golte J. Op. cit. P. 108—109.

⁴² Golte J. Op. cit. P. 16, 32; Mörner M. Perfil de la sociedad rural del Cuzco a fines de la colonia. Lima, 1978. P. 110.

1780) в провинции Куско было убито девять коррехидоров и их помощников при попытке провести очередное репарто⁴³.

Одновременно осуществлявшаяся Испанией «модернизация» колониальной экономики под лозунгом «свободы торговли» и «улучшения ее управления» сопровождалась усилением дискриминационных мер против формировавшейся креольской буржуазии, собственников копей и мануфактур, ломкой традиционных внутривикториальных связей. Обострились старые противоречия, порождались новые антагонизмы. Все эти факторы вели к обнищанию широких народных масс, глубоко затрагивали интересы не только зажиточного креольского населения, но и ремесленников, мелких торговцев, рабочего люда городов, подневольного индейского крестьянства. К началу 80-х годов XVIII в. в крупных колониальных владениях — Перу, Новая Гранада — сложилась кризисная обстановка, чреватая исторически неизбежным социальным и политическим взрывом.

В ноябре 1780 г. в вице-королевстве Перу, в провинции Канас-и-Канчис (южнее Куско) развернулось мощное народное движение, возглавленное касиком Хосе Габриэлем Кондорканки, принявшим имя Тупак Амару. Восстание стало самым крупным выступлением индейских и метисных масс за все три столетия колониальной истории Испанской Америки.

Восстание охватило обширные районы центральной и южной Сьерры, от провинции Уаманги на севере, провинции Куско в центре до Пуно и высокогорного озера Титикака на востоке. Оно распространилось по землям, лежавшим вдоль древней королевской дороги, основного наземного торгового пути, соединявшего столицу вице-королевства с областью интенсивной горнодобычи в Верхнем Перу (Ла-Пас, Потоси, Оруро). Провинция Куско, более 160 тыс. жителей, эпицентр движения, одна из наиболее активных экономических зон Перу, средоточие ремесленного, сельскохозяйственного производства, горного дела, динамично развивавшихся товарно-денежных отношений. Здесь проходил интенсивный караванный путь. Погонным промыслом занимались широкие слои индейского и метисного населения, активно велась торговля выючным скотом. Так, только в 1778 г. сюда из Сальты было ввезено более 39 тыс. мулов. В провинции Куско, житнице Сьерры, насчитывалось значительное число крупных товарных асьенд, поставлявших на внутренний рынок и в Верхнее Перу сахар, коку, пшеницу, маис и картофель; здесь было средоточие серебряных рудников и текстильных мастерских и мануфактур — обрахе (только под Куско — 50), производивших к концу века тканей и одежды из хлопка и шерсти на сумму до 1 млн песо в год⁴⁴.

Главной движущей силой восстания стали обездоленные слои индейского общинного крестьянства. Увеличение податного обложения вкупе с грабительской политикой репарто и продолжавшейся третьестолетие принудительной разверстки на горную миту в серебряные рудники Потоси и ртутные в Уанкавелике (особенно в южных районах Сьерры — округа Чукито, Пария, Лампа и др.) поставили его перед угрозой экспроприации. Вместе с ним активно выступили многочисленные метисные массы мигрирующего сельского населения, так называемые форастерос — беглые крестьяне (40 % в среднем, крестьян провинции Куско, а в округе Паукартамбо — все 90 %). Безземельные крестьяне, оторванные от общин, по словам документа, «не имеющие никакого постоянства», блуждали по городам и селам Сьерры

⁴³ Sociedad colonial y sublevaciones populares. Túpac Amaru II—1780: Antología / Ed. A. Flores Galindo. Lima, 1976. P. 79.

⁴⁴ Silva Santisteban F. Los obrajes en el virreinato del Perú. Lima, 1964. P. 8, 150 etc.; Túpac Amaru II — 1780. P. 310.

«в поисках работы и земли»⁴⁵. Нанимаясь в ткацкие мастерские, на рудники и в крупные асьенды, они подвергались изощенной эксплуатации и получали самую нищенскую плату, в 4 раза меньшую, чем на северном побережье Перу. Не связавшие круговой общинной порукой и феодальной зависимостью, социально активные и подвижные группы форастерос обеспечивали быстрое распространение огня восстания в южной Сьерре и на Альтиплано⁴⁶. К крестьянству присоединились разорявшиеся слои мелких ремесленников и торговцев, особенно занятых погонным промыслом, сильно ущемленных новыми драконовскими налогами и политикой репарто.

Вождь восстания — Тупак Амару, представитель индейской аристократии, один из потомков инкской династии, относился к привилегированному сословию в колониальном Перу. Он приумножил свое состояние, занимаясь погонным промыслом, посреднической торговлей. Таким образом, ему не были чужды интересы набиравшей силу креольской торговой буржуазии⁴⁷. Последнее обстоятельство, несомненно, сыграло позитивную роль в формировании его политических взглядов: Тупак Амару видел положение индейцев и других угнетенных сословий в масштабах всей страны, во всем многообразии связей, остро ощущал состояние всеобщего брожения, недовольства, стремление к переменам, охватившее колониальное общество. Индейские народы, обреченные на жизнь, полную непосильного труда и лишений, более всех страдали от угнетения и поэтому громче других выражали протест против колониального произвола.

Первоначально Тупак Амару стремился воздействовать на местные власти в рамках законности и добиться отмены миты для индейцев на серебряных разработках Потоси. Однако многолетняя практика хождения по королевским инстанциям — от провинциального Куско до столичной Лимы — вскрыла перед ним картину преступного равнодушия к нуждам индейцев и наглядно показала бесперспективность надежд на изменения жизни угнетенных сословий с помощью мирных, легальных средств борьбы.

Актом высокого политического и гражданского мужества стали организованные Тупаком Амару 10 ноября 1780 г. на площади селения Тунгасука публичный суд и казнь могущественного представителя королевской власти, местного коррехидора Антонио де Арриаги. Собравшимся индейцам, метисам и креолам он объявил, что воздаст по справедливости всем коррехидорам и чапетонес (презрительная кличка испанцев. *Авт.*), которые тиражируют народ, уничтожит обременительные налоги и ненавистную миту. Тупак Амару призвал всех не жалеть жизни, чтобы добиться победы. «Я сам готов погибнуть на виселице и пойду на смерть с радостью, лишь бы вернуть вам свободу», — сказал он собравшимся⁴⁸.

Тупак Амару готовился к вооруженному выступлению со всей тщательностью. План восстания он вынашивал в течение долгих лет. Созданная им широко разветвленная тайная организация⁴⁹ охватила как города (Лиму, Куско, Пуно, Ла-Пас, Потоси и т. д.), так и горные районы, центры традиционного расселения индейцев. Тупак Амару установил прочные связи с индейцами в Боливии и Южном Перу, которые и обеспечили ему прочный и надежный тыл в разгар восстания 1780—1781 гг.

⁴⁵ Mörner M. Op. cit. P. 119, 52.

⁴⁶ Golte J. Op. cit. P. 66—67; Túpac Amaru II — 1780. P. 177, 277.

⁴⁷ Anales del IV Congreso nacional de Historia del Perú. Lima, 1967. P. 339; Túpac Amaru II — 1780. P. 272—273.

⁴⁸ Colección documental de la Independencia del Perú (далее — CDIP). Lima, 1971. T. II, vol. 2. P. 253—256.

⁴⁹ Зубрицкий Ю. А. Указ. соч. С. 128—129.

Большое значение Великий повстанец придавал и оснащению движения — заготовке припасов, одежды и прежде всего оружия — от традиционного индейского (пращей и копий) до огнестрельного. Тупак Амару понимал, что успех в огромной степени зависит от чисто военных факторов — наличия опытных солдат и командиров, вооруженности повстанцев, воинской дисциплины. Мало было повести за собой угнетенных, предстояло еще научить их воевать. Ведь подобно рабам Древнего Рима, индейцам (кроме касиков) запрещалось иметь не только огнестрельное, но и холодное оружие, им возбранялось даже находиться вблизи помещений, где оно производилось. В штаб-квартире восстания (в Тинте) взятые в плен креолы и метисы занимались изготовлением пушек, ружей, тесаков, шпаг под началом пленного артиллериста испанца Антонио Фигероа. Однако в общей сложности Тупаку Амару удалось снабдить огнестрельным оружием лишь тысячу человек.

Обращает на себя внимание и многообразие тактических приемов, различных форм борьбы, которые Тупак Амару гибко и умело использовал во время восстания. Отдельные его лозунги были зачастую лишь данью обстоятельствам или тактическим приемом с целью выиграть время или ввести в заблуждение колониальные власти. Так, исследователей ставили в тупик неоднократные завершения Тупака Амару в верности «католическому монарху и святой церкви». Во многих воззваниях он представлялся личным посланцем испанского монарха Карла III. Тупак Амару понимал, что в стране, где все дела вершились именем короля, ссылка на его авторитет, особенно в первые дни восстания, придаст действиям повстанцев видимость законности в глазах представителей всех сословий. Подобная тактика была вынужденной, к ней приходилось прибегать из-за низкой сознательности угнетенных масс, их наивного монархизма.

Тупак Амару стремился сделать максимально понятными для самых широких слоев населения задачи начатого им движения: отсюда его многочисленные манифесты, воззвания и обращения, размножавшиеся специальным штатом секретарей и писарей и доходившие до самых глухих уголков Сьерры. Вот образец одного из таких указов от 15 ноября 1780 г.: «Сообщаю, что приказом свыше имею задание уничтожать корресхидоров и миту в Потоси, алькабалу, адуану и многие другие пагубные установления». В другом документе: «Приказываю также сделать копии с текста оригинала, чтобы вывесить их во всех селениях этой провинции и на воротах всех церквей, чтобы сей приказ стал известен всем жителям и никто не остался бы в неведении»⁵⁰.

К 19 ноября 1780 г. Тупак Амару овладел родной провинцией Тинтой. В селении Сангарара повстанцы наголову разбили полторатысячный карательный отряд, высланный из Куско. В начале декабря бурно растущая повстанческая армия устремилась в поход по провинциям юга и юго-востока Перу, чтобы подавить сопротивление роялистов, угрожавших ей с тыла. 7 декабря 1780 г. отряды Тупака Амару пересекли горную цепь Вильканоту — границу между вице-королевствами Перу и Ла-Плата — и вышли на Альтиплано, к озеру Титикака.

По освобожденным районам прокатилась волна народного гнева: восставшие уничтожали помещения мануфактур и таможен, усадьбы асендадо, церкви, здания провинциальных кабильдо и тюрем. Заключенные получали свободу и вливались в армию повстанцев. Королевская казна, имущество бежавших владельцев поместий и копей пускались в раздел. Захваченные повстанцами обширные угодья «навечно» распределялись между крестьянами.

⁵⁰ *Odrizola M. de Documentos históricos del Perú en las épocas del coloniaje después de la conquista y de la independencia hasta la presente.* Lima, 1863. T. 1. P. 120, 123.

В воззваниях Тупак Амару называл себя «освободителем королевства», провозглашал программу социально-экономических реформ, которые не только обещал провести, но и в революционном порядке осуществлял на практике. В освобожденных районах отменялись такие ненавистные колониальные институты, как система коррехидоров, незаконная торговля (репарто) и придутительные работы в копиях и обрахе, многочисленные старыс и новые драконовские палогы, уничтожалась налоговая документация. Испанская и креольская знать, королевские чиновники, местное ополчение бежали, оставляя в руках повстанцев селения и города. Всего за время южного похода под знамя Тупака Амару встало население 24 округов. Численность его армии выросла до 80—90 тыс. человек. Охваченные пашикой, колониальные власти серьезно опасались, что восстание может привести к потере всего вице-королевства Перу и части Ла-Платы (Верхнего Перу). Судьба Куско — колониальной цитадели Сьерры — казалась предрешенной⁵¹.

Великий повстанец возвысился до понимания того, что вооруженное выступление при всей его радикальности без сплочения и единства действий противников колониального режима не даст желаемого результата. Не случайно многие современные латиноамериканские исследователи, характеризуя эту сторону деятельности Тупака Амару как «новый интеграционный национализм», «проповедь перуанского, или андо-американского, антиколониального союза», «политический план национального единства», расценивают ее как главную заслугу Тупака Амару. И действительно, призыв к единению «соотечественников всех званий и положений, рожденных в наших землях», как писал он в одном из воззваний, во имя борьбы против «тяжкого ига тиранического правления Испании», стал принципиально новым лозунгом в политической жизни колоний⁵².

Будучи прежде всего вождем индейского крестьянства, Великий повстанец в то же время стремился выразить интересы и чаяния и других угнетенных сословий: одним из первых своих указов он высвободил из тюрьмы заключенных рабов-негров, после чего они пополнили повстанческий отряд; в известном указе от 16 ноября 1780 г. он призвал жителей Куско немедленно предоставить рабам свободу⁵³.

Тупак Амару, видимо, понимал, что главной опорой восстания должна была бы стать многочисленная, экономически могущественная, но ущемленная в политических правах прослойка креолов⁵⁴. Он прилагал огромные усилия, чтобы привлечь их на свою сторону. Тупак Амару усиленно подчеркивал: «Я сочувствую землякам-креолам, которым никогда не собирался причинять никакого вреда». В разгар восстания, в декабре 1780 г., Тупак Амару писал: «Меры, которые я принял, направлены на поддержку, защиту и охрану благополучия испанцев-креолов, метисов, самбо и индейцев, потому что все мы — земляки и соотечественники...»⁵⁵. Вопрос о том, быть или не быть союзу с креолами, особенно остро встал в решающие дни восстания, в декабре 1780 г.—январе 1781 г., когда 40-тысячная армия повстанцев осадила Куско.

В обращениях к кабилдо «великого города» Куско Тупак Амару развернул программу намечаемых реформ, предлагая, в частности, уничтожить систему коррехидоров, обременительные таможенные пошлины и другие на-

⁵¹ CDIP. T. II, vol. 2. P. 322; vol. 4. P. 46 52.

⁵² Durand Flores L. Independencia e integración en el plan político de Túpac Amaru. Lima, 1974. P. 16- 17; Odriozola M. de. Op. cit. P. 41.

⁵³ Lewin B. La rebelión de Túpac Amaru. T. 1. P. 403.

⁵⁴ Зубрицкий Ю. А. Великое восстание // Перу: 150 лет независимости. М., 1971. С. 45.

⁵⁵ Odriozola M. de. Op. cit. P. 125, 121.

логи, ввести институт выборных чиновников из числа индейцев и, главное, образовать аудиенсию в Куско во главе с вице-королем в качестве ее президента. Последнее предложение прямо адресовалось креольской прослойке города, которая давно мечтала прибрать власть в Сьерре к своим рукам, задыхаясь от торговой и экономической монополии далекой Лимы. Тупак Амару ясно понимал, что именно здесь, у стен Куско, решалась судьба начатого им движения⁵⁶. Однако креолы не пошли на союз с восставшими. После двух недель боев, проходивших с переменным успехом, повстанцы, численность которых более чем в три раза превышала количество осажденных, снялись с занятых позиций и отошли на юг, в повстанческий бастион, провинцию Тинту.

Переход к оборонительной тактике, крушение надежд на единство действий с креолами, наступление 16-тысячной карательной армии под началом генерала дель Валье и личного эmissара короля, генерального инспектора Арече, имели драматические последствия: к апрелю 1781 г. провинция Тинта была окружена королевскими силами. Сам Тупак Амару в результате предательства попал в плен и 18 мая 1781 г. был варварски казнен на главной площади Куско вместе с восемью своими соратниками⁵⁷.

Колониальные власти рассматривали казнь Тупака Амару как огромную победу, дававшую им ключ к глубинным областям вице-королевств Перу и Ла-Платы, охваченных волнениями. Однако движение, поднятое Великим повстанцем, не только продолжалось, но и набирало силу. По подсчетам Б. Левина, в середине 1781 г. на территории более 1500 кв. км — от Куско до Потоси — сражалось около 100 тыс. индейцев и метисов во главе с оставшимися на свободе соратниками и последователями Тупака Амару — его двоюродным братом Диего, а также вождем индейцев аймара Хулианом Апасой. Закончилась провалом попытка колониальных властей соединить армии двух вице-королевств и снять кольцо окружения вокруг стратегически важных центров Сьерры — городов Пуно и Ла-Паса. У северных берегов озера Титикака сформировалась новая повстанческая армия, объединившая действия двух братских индейских народов — кечуа и аймара. В мае 1781 г. пал Пуно, в августе — Сората. Самым же значительным военным успехом повстанцев стала двукратная осада Ла-Паса, продолжавшаяся с марта по октябрь 1781 г. Волнения охватили аргентинские провинции Сальта, Жужуй и Тукуман.

Колониальным властям удалось восстановить контроль над обширными районами Сьерры лишь к середине 1783 г. Для этого им пришлось бросить против повстанцев отборные регулярные части и ополчение, прибегнуть в 1782 г. к лицемерной «всеобщей амнистии и перемирию», после чего сдавшие оружие руководители восстания были предательски уничтожены⁵⁸.

Несмотря на активное участие в восстании угнетенных низов, на их героическое массовое сопротивление карательным отрядам, на необычайный накал проявленной ими революционной энергии, движение 1780—1783 гг. закончилось поражением. Одной из основных причин этого был отказ подавляющего большинства креолов поддерживать народное движение. Недовольная дискриминационной политикой испанской метрополии креольская прослойка не шла далее требования некоторых реформ, облегчающих обременительный налоговый гнет. Ведь благосостояние креолов — крупных торговцев, землевладельцев, собственников скотоводческих эстансий, шахт и мануфактур —

⁵⁶ Ibid. P. 125—127; Túpac Amaru II — 1780. P. 283.

⁵⁷ Подробнее см.: Созина С. А. Тупак Амару — великий индейский повстанец, 1738—1781. М., 1979. С. 97—106; *Odriozola M. de*. Op. cit. P. 156—162.

⁵⁸ CDIP. T. II, vol. 3. P. 224, 244—251, 315, 341 etc.

покоилось на подневольном труде закабаленных метисов и индейцев. Напуганные размахом народного движения, креолы опасались, что ломка колониальных институтов затронет и их коренные интересы. Подобная перспектива заставила их отложить на второй план разногласия с колониальным режимом и за отдельными исключениями принять сторону короля. Передовая креольская среда в Перу в то время еще не выдвинула политического деятеля, равного Тупаку Амару; освободительное креольское движение еще не выработало четкой программы действий.

Важно отметить, что социальное размешивание коснулось и индейских рядов. Тупак Амару не смог добиться единства действий не только с креолами, но и с такими естественными, казалось бы, союзниками, как индейские касики. Многие из них (около 70 из Куско и его окрестностей) верой и правдой служили испанскому королю. Не случайно очевидец и участник событий епископ Куско Москосо считал, что, если бы индейские касики единодушно поддержали Тупака Амару, восстание не удалось бы подавить⁵⁹.

Как справедливо отметил перуанский историк Д. Валькарсель, одним из важных прозрений Тупака Амару было понимание им того, что «лишь в стране, являющейся политически независимой, можно добиться осуществления социальной справедливости»⁶⁰. И действительно, анализ документов восстания доказывает, что, отвечая настоятельной потребности своего времени, индейский вождь вынашивал идею исторической важности — свержение испанского господства, ликвидацию колониальной администрации и провозглашение независимого государства.

Представления Тупака Амару о будущем, позитивная часть его программы по традиции связывались с древними формами государственности. В самом деле, ведь никакого иного самостоятельного государства на земле Перу, кроме самобытного инкского, не существовало. Естественно, мировоззрение Тупака Амару развивалось в рамках известного ему исторического опыта. В то же время было бы упрощением, по распространенной точке зрения, считать, что он стремился лишь к «реставрации или реконструкции» старого режима⁶¹.

К. Марксу принадлежат слова о том, что только пролетарские революции черпают свою поэзию из будущего, а не из прошлого. Он писал: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И... как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы... Революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи... Как герои, так и партии и народные массы старой французской революции осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества»⁶². Применительно к описываемым событиям можно сказать, что «в инкском костюме с инкскими фразами на устах», в этой доступной, понятной форме осознавало себя движение социального протеста, направленное на уничтожение основ испанского колониального режима.

Масштабы развернувшихся в 1780—1783 гг. событий, необычайный накал классовых и этнических противоречий, продолжительные военные действия, политическая программа, отражавшая чаяния восставших, — все это позволяет говорить о том, что в сущности движение, возглавленное Тупаком Амару,

⁵⁹ Ibid. P. 420—334.

⁶⁰ Quinto Congreso internacional de Historia de América. Lima, 1972. T. 1. P. 429—430, 475.

⁶¹ *Зубрицкий Ю. А. Великое восстание. С. 44.*

⁶² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119—120.*

было крестьянской войной, затронувшей жизненно важные устои всей колониальной системы Испании. По значению в истории Испанской Америки его можно сравнить с такими революционными движениями в странах Европы, как крестьянская война в Германии 1524—1526 гг. (Ф. Энгельс представлял ее как «краеугольный камень всей немецкой истории»⁶³), как крупнейшее антифеодальное движение в России под руководством Емельяна Пугачева 1773—1775 гг. и др. Рассматривая восстание как высшую форму социального протеста крестьянства, В. И. Ленин писал: «...мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков...»⁶⁴.

Одновременно с Перу массовые народные волнения с конца 1780 г. охватили и Новую Гранаду. В марте 1781 г. волнения переросли в мощное антиколониальное движение, которое распространилось на центральную и северную часть вице-королевства — провинции Попаян, Кундинамарка, Сокорро и Пампльоа. Главным очагом восстания стали город и провинция Сокорро, средоточие ткацкого ремесла и мануфактуры, плантаций хлопка и табака. Первыми поднялись представители городских низов, «самые бедные люди королевства», мелкие ремесленники и торговцы, мастеровой люд. Потребовав отмены ненавистных поборов, ареста и смерти представителей колониальной бюрократии — генерального ревизора, судей, сборщиков налогов, восставшие объявили восстание «справедливым и законным делом», «во имя освобождения от постыдного рабства»⁶⁵.

В апреле 1781 г. в городе Сокорро был создан орган руководства восстанием — коммуна, а само движение вошло в историю как восстание новогранадских комунрос. Примечательно, что в состав коммуны Сокорро, а затем и верховного военного совета вошли представители состоятельных креольских кругов, богатые земельные собственники и рабовладельцы во главе с крупным торговцем, «генералиссимусом» Х. Ф. Бербео. Креольская верхушка, захватив руководство восстанием с первых же его шагов, составила консервативное крыло повстанческого лагеря, готовое пойти на компромисс с колониальным режимом.

Уступая революционному напору снизу, военный совет принял решение наступать на столицу Новой Гранады, город Санта-Фе-де-Богота, надеясь на поддержку столичной бедноты. В провинции было создано более чем 20-тысячное народное ополчение, руководители которого Х. Галан и И. Молина были настроены весьма решительно. Разбив в начале мая немногочисленный военный отряд роялистов, высланный ей навстречу, повстанческая армия медленно продвигалась к столице с севера. По пути ее следования жители городов свергали колониальные власти, создавали повстанческие коммуны, которые немедленно аннулировали наиболее одиозные налоги. По призыву Галана движение получило широкую поддержку и местного индейского крестьянства, хотя масштаб и степень его активности далеко уступали размаху индейской стихии в Перу. Потомки древних муисков, подвергшиеся сильной метисации (их родной язык, чибча, стал к этому времени уже мертвым языком), оказались в самом центре восстания (провинция Кундинамарка) и выдвинули своего вождя. Им стал представитель древней индейской аристократии, касик и состоятельный торговец Амбросио Писко. Так же как и Тупак Амару в Перу, он происходил из династии местных правителей, 250 лет

⁶³ Там же. Т. 7. С. 601, примеч. 204.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 311.

⁶⁵ Ильина Н. Г. Колумбия: от колонии к независимости. М., 1976. С. 89—92.

назад управлявших плодородными землями Кундинамарки. Провозгласив А. Писко, «по древнему праву предков», «королем Боготы», 6-тысячное крестьянское ополчение влилось в повстанческую народную армию. Властью, врученной ему индейским крестьянством, А. Писко отменил как новые, так и старые налоги с индейцев, объявил о возвращении им отнятых общинных земель, а также соляных копей Немокона, издревле разрабатывавшихся индейцами. Уничтожив дом управляющего-испанца, крестьяне объявили себя единственными владельцами этих высокодоходных промыслов, которые незадолго до восстания были переданы в монополию казне⁶⁶.

Казалось, дни колониальной столицы Новой Гранады были сочтены. Однако благодаря усилиям столичного архиепископа Кабальеро-и-Гонгора и соглашательской позиции креольского руководства во главе с Бербео 20-тысячная армия комунерос была остановлена на подступах к Санта-Фе. В начале июня 1781 г. было спешно подписано мирное соглашение — так называемые «Капитуляции». Роялистская сторона обещала удовлетворить все 35 содержащихся в них антифеодальных и антиколониальных требований, отражавших насущные интересы всех социальных слоев, участвовавших в движении. Так, декларировалась отмена «навечно» паиболее разорительных новых и старых феодальных поборов, королевских монополий на производство и торговлю табаком и водкой, гарантировались возвращение и охрана общинных земель крестьянства и изгнание ненавистного генерального ревизора. Наконец, «Капитуляции» гарантировали выполнение важнейшего политического требования креолов — обеспечить им свободный доступ к основным рычагам управления, которыми в конце XVIII в. монопольно распоряжались выходцы из Испании⁶⁷. Однако, пойдя на открытый компромисс с колониальными властями, креольское руководство, вопреки революционному напору восставших масс, объявило цели восстания достигнутыми и распустило армию комунерос.

Те не менее радикальное крыло комунерос во главе с метисом Хосе Галаном не только отказалось сложить оружие, но и, развивая движение вширь, решительно содействовало углублению его социального и политического характера. К концу июня 1781 г. армия Галана распространила восстание на центральные и южные долины рек Магдалена и Каука. Политическая программа Галана содержала ряд новых радикальных моментов: он не только заменил местные органы власти на повстанческие коммуны, упразднил грабительские налоги, но и, подобно Тупаку Амару в Перу, выступил с революционным требованием освобождения рабов. В ответ на призыв Галана начались волнения рабов на сахарных и кофейных плантациях, серебряных копях. Они покидали своих хозяев и вливались в ряды восставших⁶⁸. Одновременно все новые массы индейского крестьянства на юге и востоке Новой Гранады присоединялись к отрядам Галана, волнения затронули более 40 городов на севере страны. Прокламации с призывами присоединиться к новогранадским комунерос распространялись на территории Венесуэлы, волна народных волнений прошла по городам Лагунильяс, Маракайбо вплоть до Мерида⁶⁹.

Роль революционизирующего фактора сыграли и известия об успешно развивавшемся восстании в Перу. Жители ряда городов и поселков отказались платить налоги испанскому королю, объявив вождем перуанских индейцев «новым королем Индий» (коммуна города Кокуя) или «королем Новой Гра-

⁶⁶ Revista de Indias. Madrid, 1957. N 67. P. 25; Quinto congreso internacional. T. 2. P. 519—520.

⁶⁷ Ильина Н. Г. Указ. соч. С. 99—101; Molano Daza I. Proceso y sinopsis de la Independencia de Colombia (1810—1930). Cali, 1960. P. 180—186.

⁶⁸ Ильина Н. Г. Указ. соч. С. 102.

⁶⁹ Valcárcel D. La Rebelión de Túpac Amaru. México, 1965. P. 220—221.

нады» (коммуна селения Силос), принесли ему торжественную присягу и провозгласили: «Да здравствует король Инка и смерть королю Испании, всему его плохому правительству и тем, кто его защищает»⁷⁰. Тем самым наиболее угнетенные радикально настроенные слои городской и сельской бедноты, индейского крестьянства прямо поставили под сомнение законность прав испанской короны на новогранадские земли и открыто выдвинули лозунг о независимости колониальных владений.

Опасный поворот событий, активные действия Галана, выдвинувшегося в авангард антиколониального движения и отказавшегося сложить оружие, заставили колониальные власти принять чрезвычайные меры. Для подавления восстания были направлены две карательные экспедиции: одна из них была сформирована на Кубе, вторая прибыла из Венесуэлы. Вице-король Флорес, находившийся в течение всего времени восстания на Карибском побережье в крепости Картахена, в сентябре 1781 г. вернулся в Санта-Фе и аннулировал «Капитуляцию». Напуганное разбушевавшейся народной стихией, креольское крыло комунерос окончательно предало интересы восставших и перешло на сторону короля. В октябре 1781 г. Хосе Галан был предательски схвачен и передан, по словам документа эпохи, в руки властей «как Тупак Амару здешних царств»⁷¹. 1 февраля 1782 г. вождь комунерос, так же как и его боевой соратник Тупак Амару, был варварски казнен на главной площади Санта-Фе. «Умиротворение» восставших провинций продолжалось вплоть до конца 1782 г. Восстание новогранадских комунерос, в течение более чем полугода бушевавшее на землях одного из самых крупных колониальных владений Испании, закончилось поражением.

Восстания Тупака Амару в Перу и комунерос в Новой Гранаде стали первыми в колониальной истории Испанской Америки классовыми битвами общекоинтентального масштаба. Это были мощные социальные движения, направленные против не только разорительного налогового гнета, но и всех и всяческих тягот и повинностей, а в конечном счете против феодального гнета в целом. Движения приняли ярко выраженную антиколониальную направленность, стали показателями надвигающегося кризиса колониальной системы и свидетельством неизбежности ее приближающейся гибели.

При всем том, что восстания потерпели поражение, они оказали прогрессивное воздействие на все сферы экономики: подталкивали к расчистке почвы от феодальных институтов и к закреплению предпосылок буржуазного развития. Как писал В. И. Ленин, «чем свободнее это (крестьянское. — С. С.) хозяйство от земельной тесноты, от помещичьего гнета, от давления средневековых отношений и порядков землевладения, от кабалы и произвола, — тем сильнее развиваются капиталистические отношения внутри самого крестьянского хозяйства»⁷².

В движениях приняли активное участие представители многих классов и прослоек колониального общества: рабы и индейское крестьянство, городские низы, мелкий рабочий и торговый люд, частично креольская торговая буржуазия и землевладельцы. Восставшим, несмотря на противоречия, удалось, хотя и спорадически, осознать единство антиколониальных целей и временно, на отдельных этапах организовать общий фронт действий. Эти новые черты наиболее ярко проявились в выступлениях новогранадских комунерос, руководство которыми активно осуществлялось креольской верхушкой. Подписав «Капитуляцию», она впервые, хотя и непоследовательно,

⁷⁰ Quinto congreso internacional. T. 1. P. 474—475; T. 2. P. 517—518.

⁷¹ Vidales C. Estrategias y tácticas en la Rebelión de masas: los comuneros de la Nueva Granada // Ibero Americana. 1983. Vol. 13, N 1. P. 17.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 273.

попыталась выступить в роли ведущей политической силы, представляющей антифеодальные и антиколониальные интересы всех социальных сил, участников движения.

Специфически складывалась расстановка классовых сил в процессе антиколониального движения в Перу. Будучи по преимуществу аграрным и антифеодальным, оно охватило различные прослойки индейского крестьянства (общинников, форастерос и др.) и частично метисных городских низов, масштабы и степень феодального закабаления которых были, как нигде, чрезвычайно высоки. К концу XVIII в. индейцы кечуа и аймара представляли крупные жизнеспособные этнические общности, переживавшие своеобразное «национальное возрождение». Это обусловило особую глубину и накал социальных и этнорасовых противоречий в колониальном обществе Перу. Восстание Тупака Амару в значительно большей степени, чем восстание в Новой Гранаде, имело не только антииспанскую, но и антикреольскую направленность. При этом социально-политическая суть классовых конфликтов в сознании рядовой массы участников затемнялась расовыми предрассудками с их грозным призывом истребления всех «неиндейцев». Указанные факторы обусловили особый консерватизм перуанских креолов. В отличие от Новой Гранады они в подавляющем большинстве отстранились от участия в восстании, укрепив лагерь реакции. Таким образом, антиколониальные движения в Новой Гранаде и в Перу со всем их своеобразием стали как бы прообразом, «генеральной репетицией» грядущих битв, которые разыграются на их территориях в процессе войны за независимость.

Антииспанские выступления оказали значительное воздействие на атмосферу общественно-политической жизни в колониях, получили широкий отклик не только во всех уголках Испанской Америки — от Ла-Платы до Вест-Индии и Новой Испании, но и за ее пределами, в США и странах Европы. Вкупе с многовековыми освободительными традициями индейских народов антииспанские восстания конца XVIII в. стали действенным фактором формирования общеамериканского антиколониального самосознания, общественно-политической мысли, воспитания креольского патриотизма и передовой плеяды идеологов и вождей приближавшей войны за независимость. Тема борющихся индейца и американца как символов освободительных устремлений народов Испанской Америки определила обличительный пафос ряда ярких произведений революционной публицистики⁷³. Среди них знаменитое «Письмо к американским испанцам» (1792 г.), написанное в европейском изгнании перуанским креолом и иезуитом аббатом Вискардо-и-Гусманом. В этом обвинительном приговоре колониализму автор открыто призывал «порвать с правительством господ и тиранов», «освободиться от уз рабства», «добиться суверенной независимости Нового Света». При этом восстания в Перу и Новой Гранаде характеризовались как «первые искры столь долго сдерживавшегося возмущения», которыми его участники, «великодушные американцы, подали Испанской Америке благородный пример отваги»⁷⁴. Преданный анафеме испанской инквизицией, этот креольский манифест широко распространялся в ходе войны за независимость на всех ее фронтах как действенное средство революционной пропаганды.

Выдающийся представитель передовой испаноамериканской эмиграции в Европе венесуэльский патриот Фр. Миранда в 1790—1792 гг. активно использовал документы и материалы, связанные с восстаниями, с тем, чтобы

⁷³ История литератур Латинской Америки (далее — ИЛЛА). М., 1985. С. 583—586.

⁷⁴ Pensamiento político de la emancipación (1790—1825). Caracas, 1977. Т. 1. P. 135—139; см.: Штрахов А. И. Указ. соч. С. 364—365.

призвать правительство Англии оказать военную поддержку делу освобождения колоний. В своей прокламации «К народам Колумбийского континента, населяющим испаноамериканские колонии» (1801 г.), Фр. Миранда призвал «пробить первую брешь в колоссальной стене испанской тирании». Обращаясь к ним как к продолжателям освободительных индейских традиций, он писал: «Помните, вы происходите от славных индейцев, которые предпочитали героически погибнуть, чем допустить порабощение страны. Храбрые воины Монтесумы сражались насмерть, защищая стены города Мехико, под руководством инкских вождей они гибли у стен Кито и Куско»⁷⁵.

В тяжелые дни поражения Второй венесуэльской республики С. Боливар в ряде писем с Ямайки (1815 г.) неоднократно обращался к опыту народного сопротивления. Так, обличая преступления колониальных властей, он писал: «...не изгладятся из памяти... беспримерные страдания Тупака Амару и всей его королевской семьи». Веруя в неизбежность победы освободительного движения, он в доказательство ссылаясь «на соседей и соотечественников жителей Чили», «неукротимых и свободолюбивых араукан», «этих страстных республиканцев». Их «великий пример убедительно доказывает, что народ, любящий свою независимость, в конце концов ее добьется»⁷⁶. Революционные прокламации, воздающие должное боевым традициям перуанских индейцев, широко распространялись освободительными аргентинскими экспедициями под началом генералов Кастельи (1810—1811), Бельграно (1812—1813), Сан-Мартина (1816—1821) в разгар сражений на Ла-Плате, в Чили и Перу.

Массовые антиколониальные движения последней четверти XVIII в. стали грозными предвестниками падения испанской колониальной системы. В Испанской Америке начинала складываться революционная ситуация. Она характеризовалась резким обострением бедствий широких масс населения колоний, пробуждением их политической активности и исторической инициативы, нежеланием жить по-старому и мириться с колониальным угнетением. Восстания в Перу и Новой Гранаде наглядно показали, что в колониях формировались социальные и политические силы, «потенциально способные покончить с испанским колониальным господством»⁷⁷. Развернувшаяся ожесточенная война за освобождение английских колоний в Северной Америке (1776—1783), антиколониальные движения в Испанской Америке (1780—1783), победоносная освободительная революция во французской колонии Гаити (1791—1804) — таковы важные исторические вехи, открывшие, по словам У. Фостера, «эпоху всеамериканской национально-освободительной революции» на Американском континенте⁷⁸. В Испанской Америке ее важным кульминационным этапом стала исторически переломная Война за независимость испанских колоний (1810—1826). Грозным ее прологом заявили о себе крестьянская война в Перу и восстание комунерос в Новой Гранаде.

⁷⁵ См.: Григулевич И. Р. Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки. М., 1976. С. 89, 153; *Pensamiento político de la emancipación*. P. 31—33.

⁷⁶ *Bolívar S. Cartas del Libertador*. Corregidas conforme a los originales. Caracas, 1929. T. 1. P. 173, 184, 201.

⁷⁷ Ильина Н. Г. Указ. соч. С. 110.

⁷⁸ Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1955. С. 183, 209. Сходной точки зрения придерживаются ряд прогрессивных латиноамериканских историков: Фр. Посада (Колумбия), Л. Дуран Флорес (Перу). См.: *Durand Flores L. Op. cit.* P. 10, 33.

* * *

Подъем антиколониальных настроений не только среди наиболее угнетенных сословий, но и среди креольской буржуазии и земельной аристократии в ответ на политику экономической и политической дискриминации со стороны метрополии и явился одной из главных предпосылок набравшего силу освободительного движения на континенте.

В канун XIX столетия на огромных просторах колониальных владений Испании остро ощущалось приближение эпохи войны за независимость, эпохи антиколониальной буржуазной революции. Подготовившие ее переломные десятилетия прошли под знаком экономического, культурного и духовного подъема, под знаком испаноамериканского Просвещения, под воздействием таких глобальных событий мировой истории, как Великая французская революция 1789—1794 гг. и война английских колоний за независимость 1776—1783 гг. Наиболее радикально настроенные представители формировавшейся креольской буржуазии органично впитали лучшие достижения передовой общественной и научной мысли Европы: революционных идей французских энциклопедистов, в том числе Монтескье, Вольтера и Руссо, научных идей Декарта, Ньютона и Лейбница. Особый интерес возбуждали передовые теории, направленные против гегемонии церкви и засилья схоластических догм в образовании, взгляды английских и испанских экономистов, искавших новые пути развития торговли, промышленности, сельского хозяйства. Это стремление к всестороннему прогрессу питали неуклонно развивавшиеся в колониях ростки капиталистического уклада, разрушавшие отсталую феодальную социально-экономическую структуру Испанской Америки.

Просвещение сообщило новый импульс развитию «полезных» — прикладных — наук: агрономии и метеорологии, инженерному, горному и морскому делу, медицине и педагогике (экономические кружки и общества на Кубе, в Перу и на Ла-Плате); только в Новой Испании, в Мехико, в последней трети XVIII в. были основаны школа хирургии (1768), первая в Испанской Америке Академия изящных искусств (1773), горный колледж (1783), Ботанический сад (1788), школы мореплавания в Буэнос-Айресе (1792) и инженеров в Каракасе (1808) и т. д.

Активно и плодотворно изучая богатства американской земли и ее недр, многообразие ее флоры и фауны, деятели испаноамериканского Просвещения не были слепыми подражателями Европы. Их мировоззрение имело неповторимую окраску, результат плодотворного взаимообогащающего синтеза не только европейских, испанских, но и самобытных индейских и африканских традиций. В этой новой шкале ценностей огромное значение придавалось вкладу поколений «американцев» в создание материальных и духовных достижений колониального общества. При этом была отдана дань и завоеваниям древних индейских цивилизаций, которые уже рассматривались как неотъемлемая часть собственно латиноамериканской культуры народов, населявших колонии.

Так складывалось передовое креольское мировоззрение, проникнутое высоким духом патриотизма и креннущего национального самосознания. Оно решительно отстаивало право на политическое самоопределение колоний и от критики и неприятия устоев колониального угнетения в канун XIX в. перешло к прямому призыву порвать узы многовекового рабства.

Мощное, хотя и неоднородное в идеологическом и политическом отношении испаноамериканское Просвещение сформировало динамичное поколение ученых-энциклопедистов, мыслителей и политических деятелей: в Новой

Испании это были философы-просветители Х. И. Бартолаче и Х. А. Альсате, в Венесуэле — деятели культуры и образования А. Бельо и С. Родригес, на Ла-Плате — М. Морено и передовой мыслитель и революционный генерал М. Бельграно; в Новой Гранаде — многосторонне образованные ученые-эрудиты Ф. Э. Санта-Крус-и-Эспехо, Ф. Х. де Кальдас и А. Нариньо, переводчик Декларации прав человека и гражданина.

Особое место в освободительном движении предстояло занять венесуэльским патриотам — Франсиско де Миранде (1750—1816), провозвестнику латиноамериканской независимости, и Симоцу Боливару (1783—1830). Освободителю, полководцу, законодателю и мыслителю, который довел до победного конца дело освобождения испанских колоний. О нем и замечательной плеяде его сподвижников Х. К. Мариатеги сказал: «Испанская Америка, безусловно, не добилась бы независимости, если бы у нее не было героического поколения, восприимчивого к чувствам своей эпохи, обладавшего способностью и волей совершить в наших странах настоящую революцию»⁷⁹.

В канун XIX в. в колониях повсеместно складывается креольское освободительное движение, заявившее о себе как об активной политической силе. В нем принимают участие авторитетные круги торгово-ростовщической буржуазии и земельных собственников, интеллигенции, военные деятели, представители креольского ополчения, широкие слои метисного населения различного социального происхождения. Крупнейшие города Испанской Америки, активные торговые и экономические центры охватила волна антииспанских заговоров. Так, в 1781 г. в столице далекого генерал-капитанства Чили, Сантьяго, созрел так называемый заговор «трех Антонио»: чилийского креола Рохаса и французов Берне и Грамюссе, написавших конституцию будущей республики Чили; в 1786—1787 гг. в столице Новой Гранады, Санта-Фе, состоялся открытый процесс по осуждению «антиправительственной деятельности» видного патриота и ученого Фр. де Санта-Крус-и-Эспехо; в 1794 и 1799 гг. в столице Новой Испании власти раскрыли заговоры Х. Герреро и П. де ла Портильи; в 1794—1796 гг. в Санта-Фе широко развернулась антииспанская деятельность замечательных колумбийских патриотов-креолов А. Нариньо и П. Фермина де Варгаса; в 1797 г. в столице генерал-капитанства Венесуэлы Каракасе готовился антииспанский переворот под началом М. Гуаля и Х. М. Эспаньи; в 1805 г. в Куско (вице-королевстве Перу) разгромлен разветвленный антиколониальный заговор во главе с креолами Агиляром и Убальде.

Политическая программа заговорщиков включала планы освобождения колоний с помощью вооруженных восстаний и последующее создание независимых от Испании республик. При этом креольские лидеры заявляли о себе как руководители широкого антиколониального фронта и выдвигали такие радикальные лозунги, как отмена рабства, индейской подати, феодальных привилегий, равенство всех сословий, свобода торговли и др.

Вожди креольского движения вплотную подошли к практической подготовке вооруженных выступлений и в продолжение 80—90-х годов XVIII в. неоднократно обращались к британскому правительству с просьбой о военной поддержке освободительной борьбы испанских колоний (П. Варгас, Ф. де Миранда и др.). В 1806 г. под прикрытием английских боевых кораблей состоялась первая высадка отряда испаноамериканских патриотов на побережье Венесуэлы. Предводительствуемые Ф. де Мирандой патриоты овладели городом Коро, но удержать его не смогли и были вынуждены отступить.

Начало XIX в. ознаменовалось рядом ожесточенных военных конфликтов

⁷⁹ Мариатеги Х. К. Указ. соч. С. 58.

Испании с Англией (1796—1801, 1804—1808). Колониальный кризис резко обострился, антииспанские настроения достигли небывалого накала. Этому способствовал, в частности, провал английской интервенции 1806—1807 гг. на побережье Ла-Платы. При преступном бездействии колониальных властей самовооружившиеся отряды местных жителей не только организовали единомышленный отпор интервентам, но и освободили занятые англичанами города Монтевидео и Буэнос-Айрес. Этот урок наглядно продемонстрировал возросшее политическое сознание, значительные военные возможности креольского населения и слабость королевской власти⁸⁰.

В развитии революционной ситуации сыграли свою роль и события, развернувшиеся в самой Испании. Небывалый правительственный кризис в условиях французской интервенции 1808 г. потряс до основания метрополию. Испанский король Карл IV отрекся от престола в пользу сына Фердинанда VII; затем вся королевская семья оказалась за пределами Испании, в южнофранцузском городке Байонне, на положении заложников и пленников Наполеона. На испанский трон был посажен ставленник Наполеона — его брат Жозеф Бонапарт.

Стихийно вспыхнувшая в 1808 г. партизанская война испанского народа против французских интервентов положила начало первой буржуазной революции в Испании. Таковы были внешние факторы, которые ускорили разрешение глубокого всестороннего кризиса колониальной системы. Первые вооруженные выступления начались в Верхнем Перу, важнейшей горнопромышленной области Южной Америки. 25 мая 1809 г. восстало население Чукисаки, важного экономического и университетского центра, и низложило местные колониальные власти. Через полтора месяца, 16 июля 1809 г. к Чукисаке присоединился крупнейший город Верхнего Перу Ла-Пас. Восставшие во главе с креолом Педро Доминго Мурильо арестовали колониальных чиновников и отказались признавать вице-короля Рио-де-Ла-Платы. Созданная в Ла-Пасе Представительная хунта прав народа, провозглашенная «независимым правительством Америки», призвала «отважных жителей Ла-Паса и всей перуанской империи поднять знамя свободы». Она приняла план политических и экономических реформ и объявила всеобщую мобилизацию окрестных индейцев. Однако в ноябре—декабре 1809 г. прибывшая изпод Куско 5-тысячная карательная экспедиция во главе с генералом Х. Гойенече жестоко подавила очаг восстания⁸¹.

10 августа 1809 г. креольская аристократия Кито совершила переворот и создала верховную хунту, которая продержалась у власти два с половиной месяца и провела ряд антиколониальных мер. Несмотря на то что и это антииспанское выступление было разгромлено, нового мощного революционного взрыва во всех уголках колониальных владений испанским властям предотвратить не удалось.

Испанская Америка стояла на пороге поворотного пункта ее 300-летней колониальной истории — войны американских колоний за независимость.

⁸⁰ Mitre B. Historia de Belgrano y de la independencia Argentina. Buenos Aires, 1950. P. 54—80.

⁸¹ Rivera Sotomayor A. Murillo en América. Guerra de independencia en el Alto Perú — Bolivia. La Paz, 1963. P. 50—54.

ГАИТИ: ОТ КОЛОНИИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА (1789—1818)

Глава 6

В конце XV в. на острове Гаити, названном Колумбом Эспаньолой, была основана первая испанская колония. Почти полностью уничтожив коренных жителей, конкистадоры уже в начале XVI в. доставили сюда первые партии чернокожих рабов из Африки. Немногочисленное испанское население проживало в основном в восточной части острова, где находилась столица колонии Санто-Доминго. В дальнейшем это название закрепилось за испанской колонией на Гаити и самим островом.

В начале XVII в. на островке Тортю, в непосредственной близости от северного побережья Санто-Доминго обосновались французские и английские флибустьеры и буканьеры. К 1650 г. французские поселения возникли и на Санто-Доминго и скоро выросли в колонию, занявшую западную часть острова. Французы называли ее Сен-Доменг (в традиционном русском произношении — Сан-Доминго). В 1660-е годы первым губернатором колонии стал Бертран д'Ожерон. Он уделял большое внимание развитию там сельского хозяйства, торговли, привлечению переселенцев из Франции. В 1681 г. колония насчитывала более 6 тыс. жителей, в том числе около 2 тыс. негров-рабов. Рисвикский мирный договор 1697 г. закрепил за Францией суверенитет над Сан-Доминго, оставив за испанцами восточную часть острова. Французская колония была разделена на три провинции: Северную — со столицей в Кап-Франсе, Западную — с центром в Порт-о-Пренсе и Южную — с главным городом Ле-Ке.

Французские поселенцы стали разводить табак, какао, хлопок, индиго. Рост рабовладельческого плантационного хозяйства, связанный прежде всего с производством сахарного тростника, вызывал большую потребность в рабочих руках и имел следствием усиленный ввоз рабов из Африки. К концу XVIII в. в Сан-Доминго ежегодно завозилось до 35 тыс. черных невольников. К началу Великой Французской революции подавляющее большинство населения колонии — более 500 тыс. человек — составляли негры-рабы¹. Так как случалось, что хозяин освобождал раба за какие-то заслуги, то со временем на острове появилось небольшое число свободных негров. Большой была прослойка свободных мулатов — поначалу отпущенных на волю детей белых плантаторов и негритянок.

Невыносимые условия жизни привели к восстаниям рабов на протяжении всего колониального периода. Широкую известность в Сан-Доминго получило восстание 1751—1757 гг., которое возглавил негр Макандаль. Он боролся за изгнание всех белых рабовладельцев и создание на острове независимого королевства негров². Наиболее распространенной формой протеста против рабства стало бегство невольников в горы, где марроны (так именовали беглых рабов) обретали свободу.

¹ Price-Mars J. De la prehistoire d'Afrique à l'histoire d'Haïti. Port-au-Prince, 1962. P. 50; Lepkowski T. Haïti. T. 1—2. La Habana, 1968—1969. T. 1. P. 46; Mouvements nationaux d'indépendance et classes populaires aux XIXe et XXe siècles en Occident et en Orient. P., 1971. P. 657—659.

² Bellegarde D. La Nation Haïtienne. P., 1938. P. 64—65.

Большая часть земель и рабов принадлежали сравнительно немногочисленной группе белых колонистов, выходцев из Франции (к 1789 г. их насчитывалось на острове около 40 тыс.). Среди них различали так называемых «больших белых» — крупных плантаторов, городскую буржуазию, и «маленьких белых» — средних и мелких землевладельцев, управляющих плантациями, ремесленников, адвокатов и т. д.

Плантаторы-мулаты владели почти четвертой частью всех обрабатываемых земель и рабов. Рост мулатского населения, составившего накануне Французской революции примерно 28 тыс. человек, и экономического влияния свободных мулатов вызывал беспокойство белых колонистов и колониальных властей. Начиная с первой трети XVIII в. метрополия проводила в отношении них дискриминационную политику. Им было запрещено жениться на белых женщинах, заниматься врачебной и юридической практикой, становиться священниками и т. д. В театрах и церквях для них отводились отдельные места. Мулатам был закрыт доступ к службе в колониальных учреждениях. Они подвергались и другим унижительным ограничениям.

В конце XVIII в. Сан-Доминго была самой богатой французской колонией в Америке. Объем ее торговли с метрополией составлял более трети внешнеторгового оборота Франции. Колония снабжала сахаром, кофе и какао не только Францию, но и другие европейские страны. Однако несмотря на экономическое процветание Сан-Доминго, существовавшие там общественные отношения, порожденные плантационным рабством, обусловили наличие глубоких социальных и расовых антагонизмов, которые осложнялись политическими и экономическими противоречиями между колонией и метрополией. Особое недовольство плантаторов и местных купцов вызывала политика Парижа в области торговли, монополизированной французской буржуазией.

Французская революция 1789 г. активизировала борьбу свободных мулатов за равноправие и стимулировала рост движения против колониального господства. Новая ситуация открывала перед плантаторами возможность устранить установленные метрополией торговые ограничения. В июле 1789 г. им удалось добиться для себя представительства в Учредительном собрании Франции.

Обнародование Учредительным собранием в августе 1789 г. Декларации прав человека и гражданина, первая статья которой гласила, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», вызвало негодование белых рабовладельцев. Стремясь сохранить свои привилегии, «большие белые» через колониальных депутатов собрания добивались признания Францией права Сан-Доминго на самоуправление. В свою очередь, представители мулатов в Париже все громче требовали равных прав с белыми. 28 марта 1790 г. Учредительное собрание издало декрет об учреждении в Сан-Доминго колониальных провинциальных собраний. Несмотря на то что в документе не содержалось специальных указаний относительно участия мулатов в деятельности колониальных законодательных органов, те восприняли его как признание Учредительным собранием гражданских прав свободного цветного населения Сан-Доминго. Они опирались также на революционный девиз «Свобода, равенство, братство».

К моменту провозглашения декрета на острове в отдельных провинциях уже возникли колониальные собрания, куда мулаты допущены не были³. В конце марта 1790 г. 200 белых представителей колонии собрались в Сен-Марке и 15 апреля провозгласили себя Общим собранием Сан-Доминго. Оно поспешило принять конституцию, которая предоставляла ему фактиче-

ски неограниченную власть, и отменило торговые ограничения, обеспечивавшие выгоды метрополии. В ответ колониальные власти распустили собрание. 85 депутатов были вынуждены бежать во Францию.

В октябре 1790 г., когда в Париже дебатировался вопрос о созыве нового Колониального собрания, на севере Сан-Доминго началось восстание мулатов во главе с Веспаном Оже и его соратником Жан Батистом Шаванном. Оже прибыл на остров из Франции, где энергично отстаивал интересы свободных мулатов. После того как колониальная администрация и провинциальное собрание в Капе отказались удовлетворить политические требования мулатов, в частности обнародовать декрет Учредительного собрания Франции от 28 марта, Оже призвал последних к оружию. Для разгрома восставших собрание Северной провинции послало войска. Вскоре небольшой отряд повстанцев был разбит. Оже и его единомышленники бежали в Санто-Доминго, но были выданы испанским губернатором французским властям. В феврале 1791 г. руководители восстания Оже и Шаванн были подвергнуты мучительной казни, многие его участники повешены, остальные приговорены к каторжным работам и тюремному заключению.

Эти события заставили Париж вновь заняться вопросом о положении в Сан-Доминго. 15 мая 1791 г. Учредительное собрание постановило, что цветные жители, рожденные от свободных родителей и располагавшие недвижимостью, должны иметь доступ во все будущие колониальные выборные органы. Когда в конце июня — начале июля об этом стало известно в Сан-Доминго, белые рабовладельцы, поддержанные французской колониальной администрацией во главе с губернатором Бланшландом, решили помешать проведению декрета в жизнь⁴. С этой целью в Леогане в начале августа было создано без участия представителей цветного населения новое Общее собрание. Мулаты взяли за оружие вторично: на юге страны под руководством Андре Риго, на западе — Луи-Жака Бове. Теперь восстание приняло гораздо больший размах.

В то время как шла борьба между свободными мулатами и белыми колонистами, все чаще происходили волнения среди негров-рабов. 14 августа 1791 г. в лесу Буа-Кайман, в 5 милях от Кап-Франсе, собрались 200 рабов с различных плантаций Северной равнины⁵. Их возглавил Александр Букман. Договорились о плане восстания. Ночью 22 августа звуки тамтамов возвестили о его начале. Восстание быстро охватило весь район, прилегающий к Кап-Франсе. Вооруженные мачете, топорами и пиками, выкрикивая: «Свобода и месть!», рабы расправлялись со своими белыми хозяевами, поджигали их дома, плантации сахарного тростника. Уцелевшие плантаторы в панике бежали в Кап, который фактически оказался в осаде. Не имея достаточных сил для защиты города и подавления восстания, Колониальное собрание, заседавшее теперь в Капе, обратилось за помощью к свободным мулатам, обещая предоставить им политические свободы, осуществив майский декрет Учредительного собрания.

В одном из первых военных столкновений между неграми и отрядами белых колонистов Букман был убит. Это ослабило силы повстанцев. Осенью 1791 г. колониальным властям удалось отеснить их в горы. Восстание, однако, не погасло. Его возглавили теперь Жан-Франсуа и Жорж Биассу, а позже Гуссен-Лувертюр, с именем которого неразрывно связана длительная борьба негритянского народа Сан-Доминго против рабства и колониального ига.

⁴ Ibid. P. 178, 238—239.

⁵ Korngold R. Citizen Toussaint. N. Y., 1965 (1st print. 1944). P. 68.

Ф. ТУССЕН-ЛУВЕРТЮР

Туссен родился в 1743 г. на плантации Бреда, неподалеку от Капа, в семье раба. В детстве был конюхом, а затем управляющий имением сделала его кучером. Он научился читать и писать. Со временем Туссен получил доступ к библиотеке управляющего. Чтение книг французских энциклопедистов, в особенности сочинений французского просветителя аббата Рейналя, произвело глубокое впечатление на Туссена. Человек должен и имеет право быть свободным — к такому убеждению пришел Туссен⁶. В конце сентября 1791 г. он присоединился к восставшим, вначале в качестве лекаря, а позднее стал секретарем и советником Биассу.

24 сентября 1791 г. под давлением белых депутатов Сан-Доминго и плантаторов колонии, проживавших в Париже, а также крупных французских торговцев и судовладельцев Учредительное собрание отменило свой декрет от 15 мая. Узнав об этом, Колониальное собрание в Капе 5 ноября постановило отложить рассмотрение вопроса о политических правах свободных мулатов и потребовало от них безоговорочного подчинения власти белых колонистов, заседавших в собрании, а также содействия в «восстановлении порядка и спокойствия в колонии»⁷. Мулаты поняли,

что только вооруженным путем они смогут добиться от белых колонистов и французской администрации острова признания своих прав. На западе и юге восстание свободных мулатов, временно затихшее, вспыхнуло с новой силой.

Таково было положение в Сан-Доминго, когда для умиротворения туда 28 ноября 1791 г. прибыли гражданские комиссары Законодательного собрания Франции Фредерик Рум, Филип Мирбек и Эдмон Сен-Леже. Однако миссия французских представителей не имела шансов на успех по той причине, что в «их распоряжении были... средства, негодные для успокоения острова»⁸. Французская конституция 1791 г. не распространялась на жителей Сан-Доминго, что вызвало недовольство белых колонистов, намерение же гражданских комиссаров осуществить декрет от 24 сентября лишало белых колонистов поддержки цветного населения. Кроме того, попытки комиссаров договориться о прекращении военных действий с Жан-Франсуа и Биассу вызвали резкую оппозицию плантаторов-рабовладельцев. Их деятельности открыто препятствовало Колониальное собрание — орган господствующего

⁶ Ott T. O. The Haitian Revolution, 1789–1804. Knoxville, 1973. P. 20.

⁷ Ardouin B. Op. cit. T. I. P. 250.

⁸ Альперович М. С., Слэскин Л. Ю. История Латинской Америки. М., 1981. С. 38.

белого меньшинства. В Западной и Южной провинциях (переименованных по французской конституции 1791 г. в департаменты) продолжались вооруженные выступления мулатов, а на севере ширилось восстание негров-рабов. Удостоверившись в бесперспективности своей миссии, весной 1792 г. Сен-Леже и Мирбек покинули остров.

Обстановка в Сан-Доминго стала предметом обсуждения в Законодательном собрании Франции. 4 апреля 1792 г. оно приняло декрет, гласивший, что «свободные мулаты и негры должны пользоваться, так же как и белые колонисты, равенством политических прав», и предусматривавший их участие в колониальных органах самоуправления⁹. В середине сентября в Кап-Франсе прибыли новые гражданские комиссары, наделенные широкими полномочиями: молодой энергичный Леже-Фелисите Сонтонакс, его единомышленник Польверель и престарелый Эло, вскоре вернувшийся во Францию. Их сопровождал посланный на смену Бланшланду новый губернатор генерал д'Эспарбес с 6 тыс. солдат и национальных гвардейцев. Комиссарам поручалось ввести в действие апрельский декрет и принять необходимые меры для восстановления на острове «мира, порядка и общественного благосостояния»¹⁰. Эти меры включали непрерывное подавление восстания рабов.

Проведение в жизнь декрета от 4 апреля вызвало сопротивление Колониального собрания в Капе, а также прежних представителей французских властей во главе с Бланшландом. К ним примкнул генерал д'Эспарбес. Тогда комиссары, располагавшие поддержкой солдат, объявили о роспуске Колониального собрания. Бланшланд был арестован и выслан во Францию. Позднее его участь разделили д'Эспарбес, некоторые французские офицеры и белые плантаторы. До избрания нового Общего собрания в Капе была создана комиссия, в которую вошли представители свободных мулатов, ставшие естественными союзниками комиссаров. Тем не менее им не удалось сломить сопротивление белых колонистов и подавить восстание рабов на севере.

Большинство белых плантаторов Западного и Южного департаментов, боясь потерять свои привилегии, также всячески противились осуществлению декрета, наделявшего свободных мулатов политическими правами. Они интриговали против комиссаров, вынашивали планы передачи Сан-Доминго Великобритании. В Жакмеле, Ле-Ке, Порт-о-Пренсе и других местах белые землевладельцы отказывались признать полномочия представителей Конвента. Там происходили вооруженные столкновения между белыми и отрядами свободных мулатов. Весной 1793 г. Сонтонакс отправился в Сен-Марк, где находился Польверель, чтобы совместными усилиями навести порядок и восстановить власть республики на западе и юге.

В связи с начавшейся в феврале 1793 г. войной между Францией и Англией, а два месяца спустя — с Испанией Конвент направил в Сан-Доминго подкрепления во главе с новым генерал-губернатором Гальбо, уроженцем колонии и крупным плантатором. Прибыв в Кап в начале мая, Гальбо перешел на сторону белых рабовладельцев — противников комиссаров. В июне Сонтонакс и Польверель возвратились в Кап и отдали приказ о смещении и высылке Гальбо с острова. Неожиданно командование французской эскадрой отказалось выполнить это требование. Французским войскам и белым колонистам, выступившим в поддержку губернатора, удалось установить контроль над городом.

Комиссары в сопровождении подразделений мулатов отступили в окрест-

⁹ Ardouin B. Op. cit. T. 1. P. 333.

¹⁰ Ibid. P. 346.

ности Капа. Отсюда они обратились к восставшим рабам, действовавшим неподалеку, обещая свободу всем, кто примет участие в разгроме контрреволюционеров. На предложение Сонтонакса и Польвереля откликнулись негритянские предводители Макайя и Пьеро. Их объединенные отряды взяли Кап штурмом. Гальбо с остатками французских войск, сев на корабли, покинули Сан-Доминго. Тогда же вместе с ними из Капа бежало около 10 тыс. белых колонистов¹¹. Чтобы укрепить свои позиции, комиссары объявили о предоставлении свободы бывшим рабам, вступившим в ряды французской армии. Это обращение относилось главным образом к руководителям восставших рабов, расположение которых они теперь пытались завоевать. Однако доверие восставших к представителям французского правительства было подорвано.

Еще в феврале 1793 г. губернатор Санто-Доминго Хоакин Гарсия от имени испанского короля предложил восставшим рабам французской колонии перейти под знамена Испании. Им демагогически были обещаны свобода и равные права с испанскими подданными после окончания войны. Многие негритянские вожди согласились пойти на службу к испанцам. Жан-Франсуа и Биассу стали генералами испанской армии и были награждены орденами. Туссен, примкнувший во главе своего отряда к испанцам, также получил чин генерала. В середине июля 1793 г., воспользовавшись внутренними неурядицами в Сан-Доминго, испанские войска и негритянские части начали военные действия на северо-востоке французской колонии. 17 июля они взяли Лондон, затем Унамент. На сторону испанцев перебежали многие французские солдаты и офицеры-роялисты.

Комиссары имели в своем распоряжении небольшой французский контингент под командованием генерала Этьена Лаво и мулатско-негритянские отряды. Не хватало оружия, продовольствия, денег. Франция, ведя войну с коалицией европейских монархий, не могла оказать колонии существенной помощи. Чтобы привлечь на свою сторону негритянское население, в первую очередь повстанцев, воевавших в составе испанских войск, Сонтонакс объявил о полном освобождении рабов в Северном департаменте. 29 августа 1793 г. изданная по этому случаю прокламация возвещала, что «все негры и мулаты, находящиеся в настоящее время на положении рабов, объявляются свободными и пользуются всеми правами французских граждан»¹². Приблизительно месяц спустя Польверель провозгласил свободу рабов на западе и юге.

Отмена рабства в Сан-Доминго вызвала негодование рабовладельцев, белых и мулатов. Плантаторы Западного и Южного департаментов подняли контрреволюционный мятеж и пошли на прямой разговор с врагами республики. В начале сентября они подписали соглашение с губернатором Ямайки о временном переходе Сан-Доминго под власть Великобритании.

19 сентября 1793 г. английские войска высадились в Жереми, а затем в Моль-Сен-Никола, на северной оконечности острова. К началу 1794 г. почти вся прибрежная зона на западе, за исключением Порт-о-Пренса, защитой которого руководили Сонтонакс и Польверель, находилась в руках англичан. Север Сан-Доминго контролировали испанцы. Флаг республиканской Франции удерживался там только в Кап-Франсе и его окрестностях, где оборонялись мулатско-негритянские части во главе с генералом Вийатом, и в Пор-де-Пе, гарнизоном которого командовал ставший губернатором

¹¹ *Heinl R. D., Heinl N. G. Written in Blood: The Story of the Haitian People 1492 - 1971. Boston, 1978. P. 59—60.*

¹² Цит. по: *Garran J. Ph. Rapport sur les troubles de Saint-Domingue: T. 1—10. P., 1799. T. 4. P. 62.*

Сан-Доминго генерал Лаво. На юге, в районе Ле-Ке, блокированного английским флотом, сражалась мулатская армия Риго.

На оккупированной англичанами территории было восстановлено рабство, отмененное комиссарами. Туссен понял, что того же следует ожидать и от испанских властей. К тому времени под его командованием находился 4-тысячный полк хорошо обученных и дисциплинированных негритянских солдат. Туссен подготовил ряд способных офицеров, таких, как Дессалин, Кристоф, Мойз и других, сыгравших позже видную роль в борьбе негров за свободу и независимость. В начале мая 1794 г., сообщив губернатору Лаво о переходе на сторону республики, он выступил против испанцев. Отряды Туссена освободили Гонаив, а в скором времени Акюль, Дондон, Плезанс, Ламбе и другие опорные пункты Испании на севере. Туссен фактически сделался верховным главнокомандующим войск Французской республики на острове.

4 июня английские войска овладели Порт-о-Пренсом, и гражданским комиссарам пришлось бежать в Жакмель. Там Сонтонакс и Польверель узнали, что они отозваны во Францию, а также что Конвент 4 февраля 1794 г. отменил рабство во всех французских колониях. «Осуществленный якобинцами акт — освобождение рабов — не был только проявлением их доброй воли. Массовое восстание рабов, добивавшихся свободы, подтолкнуло наиболее демократические круги французской буржуазии на революционное решение вопроса о рабстве»¹³. Декрет Конвента, обнародованный в Сан-Доминго, сделал бывших рабов союзниками Франции в борьбе против внешних и внутренних врагов республики.

В течение 1795 г. Туссен продолжал освобождение страны от английских и испанских интервентов. Испанцы отступили за пределы Сан-Доминго. Вместе с ними ушли Жан-Франсуа и Биассу. В то же время Испания, терпя поражение в войне с Францией в Европе, была вынуждена выйти из антифранцузской коалиции и 22 июля 1795 г. по Базельскому мирному договору уступила ей восточную часть острова. Окончание войны устранило угрозу со стороны испанского Санто-Доминго и позволило Туссену бросить все силы на изгнание англичан. Под ударами негритянской армии английские войска отошли в портовые города Жереми, Порт-о-Пренс, Сен-Марк, Аркае и Моль-Сен-Никола.

Авторитет и известность Туссена среди негров продолжали расти. Он опирался на сильную, закаленную в боях армию. К его советам прислушивался губернатор Лаво. Все это вызывало недовольство мулатской верхушки, которая после изгнания из Сан-Доминго белых плантаторов намеревалась занять привилегированное положение по отношению к бывшим неграм-рабам и играть главенствующую роль в политической и экономической жизни колонии. Мулатские генералы — Вийат на севере и Риго на юге — исподволь вели подготовку к установлению господства плантаторов-мулатов, свободных еще до декрета Конвента от 4 февраля 1794 г.

20 марта 1796 г. в Капе был арестован губернатор Лаво. Мулаты полагали, что сместив его, они ослабят позиции Туссена, однако просчитались. Узнав о военном перевороте, негритянский генерал тотчас послал в Кап своего заместителя Дессалина. Лаво был освобожден.

Спустя несколько дней во главе негритянских войск в город вступил Туссен. Вийат бежал, все подозреваемые в заговоре были арестованы. За подавление мятежа губернатор Лаво, назвав Туссена «негритянским Спар-

¹³ Альперович М. С., Слѣзкин Л. Ю. Указ. соч. С. 39.

таким», назначил его своим заместителем¹⁴. Он стал самым влиятельным человеком в Сан-Доминго.

Между тем во Франции была свергнута якобинская диктатура. В октябре 1795 г. термидорианский Конвент уступил власть Директории. Весной 1796 г. в Сан-Доминго была направлена очередная группа гражданских комиссаров во главе с Сонтонаксом. На одного из них, Рума, была возложена задача осуществить передачу Франции испанской части острова.

Туссен не знал, как отразятся политические перемены в метрополии на дальнейшей судьбе бывших рабов. Требовалось принять меры предосторожности. Отстоять свободу негров было можно лишь путем ограничения власти Франции, ее вмешательства во внутренние дела Сан-Доминго. В соответствии с новой французской конституцией в сентябре 1796 г. в колонии состоялись выборы делегатов в законодательные органы Франции. Среди них оказались губернатор Лаво и комиссар Сонтонакс. Вскоре Лаво отправился в Париж.

В условиях продолжавшейся войны с Англией, в сущности, только негритянская армия Туссена могла защитить колонию. С этим вынуждены были считаться в Париже. В 1797 г. Директория произвела Туссена в дивизионные генералы, а в мае он был назначен главнокомандующим вооруженными силами всей колонии. В августе для исполнения обязанностей представителя Сан-Доминго в Совете пятисот на родину отбыл Сонтонакс. Туссен стал временным и по сути дела почти полновластным правителем острова. Это вызвало беспокойство Директории. Она решила направить в Сан-Доминго своего полномочного представителя генерала Гедувила. Ему поручалось ослабить влияние Туссена и добиваться его смещения, используя разногласия между ним и Риго, разжигая вражду между мулатами и неграми.

В начале 1798 г. Туссен активизировал военные действия против англичан. Был осажден Порт-о-Пренс. В апреле английский генерал Мейтленд вступил в переговоры с негритянским главнокомандующим о выводе экспедиционных войск. В октябре последние английские солдаты покинули Сан-Доминго. Освобождение страны от английских оккупантов укрепило престиж Туссена среди населения. Однако это не остановило Гедувила. Под предлогом окончания войны с англичанами он распорядился распустить некоторые негритянские части на севере, а демобилизованных солдат в принудительном порядке отправить на плантации. Это привело к восстанию негритянского гарнизона в Фор-Либерте, поддержанного окрестными жителями. Вскоре вся Северная равнина была охвачена волнениями. Туссен из своей штаб-квартиры в Гоаиве немедленно выступил в Кап. Напуганные, Гедувиль, французские колониальные чиновники и 2 тыс. белых плантаторов бежали во Францию. Их бегство фактически означало конец «французского присутствия» на острове.

Северный и Западный департаменты оказались под полным контролем войск Туссена. Это вызвало сильное недовольство плантаторов-мулатов. Стремясь сохранить свои экономические позиции и политическое господство на юге, а затем распространить его на остальную часть Сан-Доминго, мулатская верхушка в июне 1799 г. развязала гражданскую войну.

Туссен действовал с присущей ему решительностью. Предприимчив со своими войсками стремительный бросок на юг и окружил Леоган. Препоручил дальнейшие военные операции в этом районе генералам Дессалину и Мойзу. Туссен направился на север и быстро подавил мятежи мулатов в Капе, Моль-Сен-Никола и в долине Артибонит. К весне 1800 г., несмотря на отча-

¹⁴ Césaire A. Toussaint Louverture: La Revolución Francesa y el problema colonial. La Habana, 1967. P. 291.

янное сопротивление мулатской армии, его войска овладели Леоганом, Граи-Гоавом, Жакмелем. После отказа Риго прекратить военные действия негритянские части Туссена возобновили наступление. 29 июля с падением Ле-Ке сопротивление мулатов было окончательно сломлено. Риго, Петшон и другие руководители мулатов бежали во Францию. Кровопролитная война окончилась убедительной победой Туссена.

Подчинив юг, Туссен стал единовластным правителем Сан-Доминго, однако он не считал положение колонии полностью упроченным. Оставалась потенциальная угроза со стороны испанского Санто-Доминго, тем более что французский комиссар Рум не выполнил порученную ему миссию, а также требование Туссена о присоединении испанской колонии к Сан-Доминго. В конце января 1801 г. войска под командованием Туссена беспрепятственно вступили в столицу испанской колонии Санто-Доминго. На ее территории было также отменено рабство.

В феврале Туссен назначил Центральное собрание в составе 10 человек для выработки проекта конституции объединенной теперь колонии Сан-Доминго. 8 июля 1801 г. конституция была торжественно провозглашена в Капе. Ее основные статьи подтверждали отмену рабства, равноправие граждан колонии перед законом независимо от цвета кожи, неприкосновенность частной собственности.

Власть Франции над Сан-Доминго уже длительное время оставалась фактически номинальной. Однако на острове была еще свежа память об отмене Францией рабства, признании ею свободы и равноправия негров. Страна нуждалась во французском рынке для сбыта своих товаров, а также в финансовой помощи и поддержке Франции в случае внешней агрессии. Поэтому статья первая конституции объявляла, что Сан-Доминго остается колонией и частью Французской республики. При этом Туссен Лувертьюр, «ввиду важных заслуг», оказанных им колонии, а также «в соответствии с пожеланиями благодарных жителей» и «в знак безграничного доверия» к нему народа, был провозглашен конституцией пожизненным генерал-губернатором Сан-Доминго с правом назначать себе преемника¹⁵. Туссен наделялся практически неограниченными полномочиями. Он являлся главнокомандующим вооруженными силами, ему одному принадлежала законодательная инициатива и право издавать законы, смещать и назначать гражданских чиновников и офицеров армии, следить за сбором налогов и государственными расходами, и т. д.

Основой экономики колонии и благосостояния ее населения являлось сельское хозяйство. При этом производство традиционных продуктов экспорта давало возможность приобретать необходимые средства для содержания армии, закупок вооружения, продовольствия и других товаров за границей.

Развитие сельского хозяйства в новых условиях Туссен не представлял иначе, как в рамках давно сложившейся плантационной системы. Поэтому все его усилия были направлены на сохранение по мере возможности прежних плантационных хозяйств и их скорейшее восстановление.

Все проживавшие на острове белые колонисты по-прежнему владели принадлежавшими им плантациями. Сохранили свои имения и часть плантаторов-мулатов. Земли и имущество, брошенные прежними хозяевами или конфискованные у них, временно переходили в руки государства. Национализированные хозяйства сдавались в аренду главным образом представителям офицерства негритянской армии. К моменту провозглашения консти-

¹⁵ *Mariñas O. L.* Las constituciones de Haití. Madrid, 1968. P. 18.

туции 1801 г. аренда плантаций являлась наиболее распространенной формой землевладения среди офицеров-негров, приближенных Туссена¹⁶.

Во всех случаях возникал вопрос о рабочей силе. Как белые плантаторы, так и новые управляющие-негры стремились прикрепить к земле бывших рабов, что удавалось далеко не всегда. Задачу решал регламент, изданный Туссеном 12 октября 1800 г. Он к тому же по существу вводил в сельское хозяйство военизированную организацию труда, требовал неукоснительного соблюдения дисциплины и иерархического подчинения. Надзор за порядком на плантациях и работой бывших рабов, именовавшихся теперь земледельцами, возлагался на местные военные власти. Работникам запрещалось покидать свои плантации, менять место работы или уходить в город. Была определена оплата труда плантационных рабочих — им полагалась четвертая часть урожая. Все эти положения были закреплены конституцией. Кроме того, в целях сохранения крупных плантаций не разрешалась продажа земельных владений участками меньшими, чем 50 карро¹⁷. Новые владельцы земли были обязаны обеспечить рентабельное использование плантационного хозяйства. Ответственность за состояние дел в сельском хозяйстве несли военные инспекторы, назначавшиеся Туссеном.

В стране восстанавливались разрушенные войной дороги, мелиоративные сооружения, сахарные заводы, общественные здания. Впервые в истории Сан-Доминго были открыты школы. Аграрная политика Туссена обеспечила подъем производства кофе, сахара, какао, хлопка, что расширило экспортные возможности и укрепило экономические позиции негритянского государства.

Вместе с тем восстановление плантационного хозяйства и введение принудительного труда, жестокая эксплуатация бывших рабов как старыми, так и новыми хозяевами и управляющими привели осенью 1801 г. к волнениям на севере страны. Выступления крестьян были подавлены силой оружия.

Как известно, во Франции 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. генерал Наполеон Бонапарт осуществил государственный переворот. Став первым консулом, он продолжил политику внешней экспансии и территориальных захватов, проводившуюся Директорией в интересах французской торгово-промышленной буржуазии. В 1801 г., уступая давлению Наполеона, мечтавшего о создании колониальной империи в Америке, Испания согласилась передать Франции Луизиану. Тогда же в Париже разрабатывались планы восстановления французского господства и рабства в Сан-Доминго, Гваделупе и Мартинике. Провозглашение Туссеном конституции Наполеон воспринял как открытое неповиновение не только Франции, но и ему лично. Он заявил, что заставит «уважать в Сан-Доминго права метрополии»¹⁸.

Заключенное в октябре перемирие с Англией предоставило французскому правительству возможность приступить к осуществлению колониальных планов. Пока велись приготовления к экспедиции в Луизиану, в ноябре 1801 г. в Сан-Доминго была отправлена 20-тысячная армия во главе с генералом Леклерком, шурином Наполеона Бонапарта, назначенным генерал-капитаном острова. В составе французских войск находились офицеры-мулаты Риго, Вийат, Петюи, Буайе и др.

В январе 1802 г. французская эскадра достигла восточных берегов Сан-Доминго. В первых числах февраля в различных пунктах острова началась высадка французского десанта. 2 февраля около 20 военных кораблей с 5 тыс. солдат подошли к Капу. Командующий Северным департаментом

¹⁶ Lepkowski T. Op. cit. T. 1. P. 73.

¹⁷ 1 карро составляет немногим более 1 га.

¹⁸ Correspondance de Napoléon Ier: T. 1—32. P., 1858—1870. T. 7, 1861. P. 278.

генерал Кристоф отказался сдать город и, отступая, поджег его. Через 10 дней все побережье оказалось в руках французов. После безуспешной попытки уговорить Туссена сложить оружие и подчиниться французским властям, Леклерк объявил его мятежником и отдал приказ о продвижении в глубь острова. В марте французы контролировали большую часть страны. Однако Леклерку не удалось уничтожить армию Туссена, которая вела партизанскую войну, нанося противнику неожиданные удары.

Тем не менее в начале мая Туссен решил пойти на перемирие с Леклерком при условии сохранения негритянских регулярных частей, которые вошли в состав французской армии. За негритянскими офицерами были оставлены их звания и должности. Туссену вместе с личной охраной было разрешено удалиться в его имение в Эннери.

Следуя предписаниям первого консула, Леклерк отдал приказ об аресте Туссена. 7 июня 1802 г. он был вероломно схвачен и отправлен во Францию, где год спустя умер в заточении в крепости Жу.

Высылка негритянского вождя не привела к «спокойствию» в Сан-Доминго, как на то рассчитывал Наполеон. Леклерк не чувствовал себя хозяином положения на острове. В мае, с наступлением сезона дождей, во французской армии начались поваральные болезни — лазареты были переполнены больными и умирающими от желтой лихорадки и малярии. Небольшие пополнения, прибывавшие в Сан-Доминго, также вскоре становились жертвой эпидемий.

В связи с этим для поддержания порядка на плантациях оккупационным властям все больше приходилось полагаться на негритянские подразделения, находившиеся под командованием чернокожих военачальников. Леклерк понимал, что в такой ситуации не может быть и речи о восстановлении рабства и депортации во Францию негритянских генералов Кристофа и Дессалина, как того требовал первый консул¹⁹.

Однако главная опасность для французов заключалась в растущем недовольстве работников плантаций, положение которых ухудшилось с установлением оккупационного режима. В горных районах формировались партизанские отряды свободных крестьян и беглых негров с плантаций. Упорные слухи о восстановлении французами рабства порождали в негритянских массах всеобщее беспокойство, что создавало в стране крайне напряженную обстановку. Достаточно было незначительного повода, чтобы произошел взрыв.

Распоряжение Леклерка о сдаче имевшегося у населения оружия вызвало волнения, которые переросли в вооруженные выступления плантационных рабочих на севере колонии. В августе, когда в Сан-Доминго стало известно, что французские власти официально восстановили рабство на расположенной неподалеку Гваделупе, на севере вспыхнуло восстание. Оно быстро распространилось на другие районы страны. Французские войска и верные им негритянские части оказались бессильны погасить пламя народной борьбы, охватившее весь остров.

В середине октября 1802 г. Петрион во главе мулатских подразделений перешел на сторону восставших. Его примеру последовали негритянские генералы Дессалин, Кристоф и др. Окруженные со всех сторон, французские солдаты поспешно отступали к побережью, но и под прикрытием городских стен они не чувствовали себя в безопасности. Повстанцы атаковали французские гарнизоны в Сен-Марке, Порт-о-Пренсе, Фор-Либерте.

В ноябре Леклерк умер от желтой лихорадки. Заменивший его на посту главнокомандующего генерал Рошамбо, известный высокомерием и жесто-

¹⁹ Ibid. Т. 7. Р. 530.

костью, сделал отчаянную попытку нормализовать положение. Оккупанты беспощадно расправлялись со всеми, кто попадал в их руки. Зверства французов повсеместно вызвали глубокое возмущение и ненависть к ним жителей колонии — как негров, так и мулатов. Первые опасались лишиться свободы, вторые — равных прав с белыми колонистами и экономического благополучия. Таким образом, необходимость отстаивать свободу и права, завоеванные в длительной борьбе, заставляла негров и мулатов забыть на время о разногласиях и сплотиться против общего врага.

В мае 1803 г. в Аркаэ состоялась встреча негритянских и мулатских генералов, на которой они выработали план совместных действий и подтвердили свою решимость бороться за полную независимость от Франции. Дессалин стал главнокомандующим освободительной армией.

После возобновления в мае 1803 г. войны между Францией и Англией положение французской армии на острове, блокированном английским флотом, оказалось, по существу, безнадежным. В течение лета—осени войска повстанцев изгнали французов из внутренних районов и всего побережья. Им удалось удержать в своих руках только Кап и Моль-Сен-Никола. 18 ноября 1803 г. последовал штурм Капа. Проиграв сражение у форта Вертьер, на подступах к городу, Рошамбо на следующий день заявил о капитуляции французских войск. В конце ноября победители во главе с Дессалином вошли в Кап-Франсе (он стал называться с этих пор Кап-Аитьен).

1 января 1804 г. в Гонаиве была обнародована Декларация независимости. Новое государство приняло наименование Гаити — исконное название острова, данное ему его коренными жителями — индейцами.

Освободительная антиколониальная революция в Сан-Доминго, развивавшаяся как часть Французской буржуазной революции, стоит в ряду мировых освободительных движений, начатых на Американском континенте борьбой английских колоний за независимость (1776—1783 гг.) и продолженных войной за независимость испанских колоний (1810—1826 гг.). Основной ее движущей силой были бывшие рабы при широком участии масс цветного населения. Навсегда уничтожив рабство, дав начало формированию гаитянской нации и государственной самостоятельности, революция эта по праву стала крупнейшим событием в истории освободительной борьбы народов Латинской Америки.

1 января 1804 г., в день провозглашения независимости Гаити, военачальники освободительной армии предоставили генералу Дессалину высшую исполнительную и законодательную власть в новом государстве. Родившийся в семье раба в 1758 г., Жан-Жак Дессалин, как и Туссен Лувертьюр, принял титул пожизненного генерал-губернатора. Однако не прошло и года, как режим военной диктатуры Дессалина был заменен на монархическую форму правления. На решение об установлении в стране монархии в значительной степени повлияли события в бывшей метрополии, где 18 мая 1804 г. Наполеон был объявлен императором. В июле об этом стало известно на Гаити, а 8 октября Дессалин торжественно короновался в Капе и был объявлен императором под именем Жака I.

Новая конституция Гаити, принятая 16 июня 1805 г., закрепила монархический строй в стране. Она подтвердила независимость, государственный суверенитет, отмену рабства, неприкосновенность частной собственности, запретила деление жителей страны по цвету кожи. Отныне все гаитяне будут называться черными — так говорилось в ней²⁰.

В конституции предусматривался переход в собственность государства

земель, принадлежащих до революции французским колонистам. Впрямь иностранцы не имели права владеть на территории Гаити какой-либо недвижимой собственностью, в том числе землей. Это положение сохранилось во всех конституциях Гаити до 1918 г., когда оно было отменено оккупационными властями США.

Появлению в конституции 1805 г. статьи о национализации земель французских плантаторов предшествовало уничтожение весной 1804 г. почти всех оставшихся на острове французов. В Капе, например, было убито около 2 тыс. человек²¹. Массовые убийства по приказу Дессалина французских колонистов носили ярко выраженную политическую окраску, ибо должны были засвидетельствовать окончательный разрыв негритянского государства с бывшей метрополией. Вместе с тем в «запланированном уничтожении французов немаловажную роль сыграли экономические факторы»²². Конфискованные земли и имущество французов перешли в руки правящей верхушки во главе с императором. Национализировав собственность французских колонизаторов, государство сосредоточило в своих руках более половины всех обрабатываемых земель²³.

После провозглашения независимости власть в стране находилась в руках армейской верхушки, представленной «бывшими свободными», в основном мулатами, и так называемыми «новыми свободными» — латифундистами-неграми. Многие негритянские генералы и полковники, приближенные Дессалина, управляли или арендовали, а на деле владели большими поместьями. Между двумя группировками крупных землевладельцев разгорелась борьба за земли бывших французских колонистов. Однако как собственники-негры, так и плантаторы-мулаты выступали против передачи земель крестьянам.

Бывшие рабы трудились на плантациях на основе распоряжений, которые, по существу, прикрепляли их к земле. Были введены феодално-крепостнические порядки. Суровая дисциплина, изнурительный труд, скудный рацион, сохранение социального и экономического неравенства вызвали растущее недовольство работников плантаций новыми формами внеэкономического принуждения и угнетения.

Дессалин выступал за равное распределение государственных земель между неграми и мулатами, представлявшими преимущественно офицерство и чиновничество. Его намерение пересмотреть документы на право владения земельной собственностью вызвало негодование прежде всего бывших свободных мулатов, которые в период революционных войн увеличили свои владения, часто незаконным путем, за счет земель французских плантаторов. Однако при проверке документов допускались злоупотребления — плантации, конфискованные у мулатов, по распоряжению Дессалина передавались офицерам-неграм²⁴.

Аграрная политика Дессалина, тяжелое экономическое положение страны, обострившееся после того, как США присоединились в начале 1806 г. к французской блокаде Гаити, а также жестокие методы правления негритянского императора привели к росту недовольства прежде всего землевладельцев-мулатов. В начале октября 1806 г. мулатская верхушка подняла восстание на юго-западе страны. Мятежников поддержала часть негритянских генералов на севере. 16 октября лидеры восстания провозгла-

²¹ Heintl R. D., Heintl N. G. Op. cit. P. 129; Cole H. Christoph: King of Haiti. N. Y., 1967. P. 141—142.

²² Lepkowski T. Op. cit. P. 96.

²³ Leyburn J. G. The Haitian People. New Haven; London, 1941. P. 39.

²⁴ Saint-Victor J.-B. Le fondateur devant l'histoire. Port-au-Prince, 1954. P. 190; Price-Mars J. Op. cit. P. 168.

сили главой временного правительства Анри Кристофа. Дессалин во главе своей гвардии немедленно выступил на юг для подавления восстания. 17 октября 1806 г. неподалеку от Порт-о-Пренса он попал в засаду и был убит.

27 декабря была принята первая республиканская конституция Гаити, подготовленная генералом Петлионом, видным участником войны за независимость. Она сильно ограничила власть президента Кристофа, в то же время предоставила большие полномочия сенату, председателем которого стал Александр Петсион.

Назвав Петсионса узурпатором, недовольный Кристоф двинул 10-тысячное войско на юг. После безуспешной попытки взять Порт-о-Пренс штурмом он возвратился в Кап, где 17 февраля 1807 г. было объявлено о создании на севере страны Государства Гаити и назначении Кристофа пожизненным президентом.

В юго-западной части острова была образована Республика Гаити со столицей в Порт-о-Пренсе. Ее президентом стал Петсион. Так в результате междоусобной борьбы за власть мулатских и негритянских правящих кругов страна разделилась на два государства.

В 1811 г. Государство Гаити было преобразовано в Королевство Гаити, а Кристоф провозглашен королем Анри I. На его коронации присутствовал представитель Англии, с которой Кристоф установил тесные торговые отношения. Негритянский правитель сохранил плантационную систему. Поместья, некогда принадлежавшие французским рабовладельцам, он раздал своим приближенным. По его указанию были введены титулы принцев, герцогов, графов и т. д. Сам Кристоф стремился во всем подражать английскому королю Георгу III²⁵.

Плантационные рабочие были фактически превращены в крепостных, трудившихся на землях сановников и высших офицеров армии под надзором солдат. Режим работы, продолжительность рабочего дня мало чем отличались от времен рабства. Нарушение трудового кодекса Кристофа, регламентированного распорядком сельскохозяйственных работ на плантациях, каралось телесными наказаниями и тюремным заключением.

За счет принудительного труда и жестокой эксплуатации бывших рабов Кристофу удалось поднять производство традиционных продуктов и таким путем увеличить государственные доходы. Однако деньги использовались королем главным образом на содержание двора, армии и сооружение для себя десятка дворцов и вилл²⁶. В течение ряда лет тысячи негров вели строительство монументального дворца Сан-Суси и неприступной крепости на вершине горы Ла-Феррьер.

Деспотическое правление Кристофа вызывало всеобщую ненависть в стране. В августе 1820 г. короля разбил паралич, и управлять государством он практически уже не мог. В начале октября против тирании Кристофа восстали воинские части в Сен-Марке, затем в Капе. К восставшим примкнула королевская гвардия. 8 октября, поняв, что он всеми покинут, Кристоф застрелился.

На юге президент Петсион провел ряд буржуазно-демократических реформ. Начиная с 1809 г. из государственного фонда им было распределено более 150 тыс. га земли — примерно треть всех обрабатываемых земель в республике²⁷. Наделы получили не только чиновники, управляющие,

²⁵ Cole H. Op. cit. P. 213.

²⁶ Bellegarde D. Op. cit. P. 96—97.

²⁷ Moral P. Le paysan haïtien (Étude sur la vie rural en Haïti). P., 1961. P. 31; Lepkowski T. Op. cit. T. I. P. 112.

офицеры, но и рядовые солдаты и бывшие рабы. Безвозмездная передача земельных участков плантационным рабочим положила начало становлению мелкого крестьянского хозяйства в Гаити. В то же время правительство Петииона в интересах мулатской земельной аристократии стремилось сохранить крупные плантации. Однако установившиеся на юге в результате аграрной реформы земельные отношения подрывали плантационное хозяйство.

Правительство во главе с Петиионом проводило независимую внешнюю политику и внесло значительный вклад в борьбу испанских колоний за независимость.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСПАНСКИХ КОЛОНИЙ

Глава 7

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1808—1810 ГОДОВ И НАЧАЛО ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Непосредственным толчком к подъему освободительного движения в испанских колониях послужили революционные события 1808 г. в метрополии. Вторжение французских войск в Испанию и пассивность придворной камарильи вызвали в стране взрыв народного возмущения. В обстановке начавшейся революции Карл IV вынужден был 19 марта отречься от престола, и королем был провозглашен его сын Фердинанд VII. Через несколько дней интервенты вступили в Мадрид, где в начале мая вспыхнуло народное восстание. Оно было жестоко подавлено оккупантами. Фердинанду VII под давлением Наполеона I пришлось отказаться от своих прав и остаться во Франции, куда его вызвал император. Меньше чем через месяц королем Испании был провозглашен брат Наполеона Жозеф Бонапарт. «Не видя ничего живого в испанской монархии, кроме жалкой династии, которую он прочно засадил под замок, — писал К. Маркс, — Бонапарт был совершенно уверен, что ему удалось прибрать к рукам Испанию»¹. Однако испанский народ, не желая признавать власть чужеземцев, поднялся на борьбу против оккупантов. Образовались провинциальные хунты, действовавшие от имени Фердинанда VII. 25 сентября 1808 г. была создана Центральная хунта, местопребыванием которой стала впоследствии Севилья.

22 января 1809 г. севильская хунта издала декрет, где указывалось, что американские владения Испании отныне являются не колониями, а «интегральной частью испанской монархии», и провозглашалось равноправие их населения с жителями метрополии². Дабы обеспечить представительство Испанской Америки в хунте, предписывалось избрать по одному депутату от каждого из вице-королевств и генерал-капитанств. Но за этой декларацией не последовало никаких практических мероприятий.

Политическая обстановка в колониях была сложной. Среди колониальной администрации и уроженцев метрополии возникли разногласия по поводу того, признать ли власть Жозефа или же сохранить верность пленнику Наполеона Фердинанду VII, которого временно заменяла Центральная хунта.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 433.

Alamán L. Historia de Méjico. Méjico, 1942. Т. 1. P. 272.

Вице-короли Перу и Новой Гранады сразу же признали власть хунты. Однако возглавлявшие администрацию Рио-де-Ла-Платы и Новой Испании Линье и Итурригарай, отказавшись это сделать, заняли выжидательную позицию, вследствие чего вскоре были смещены сторонниками Фердинанда VII. К середине 1809 г. власть в Испанской Америке повсеместно оказалась в руках ставленников Центральной хунты.

Это соответствовало и стремлениям креольской оппозиции, рассчитывавшей, что после неминуемого, по ее мнению, разгона хунты французскими войсками колонии станут независимыми. Вместе с тем имущие слои населения надеялись, что номинальное признание Центральной хунты даст им возможность сразу же добиться отстранения королевских чиновников и перехода власти к органам колониального самоуправления, где они играли главную роль. Однако, убедившись вскоре, что колониальный режим не претерпел существенных изменений, патриоты стали активнее выступать в защиту своих экономических и политических требований.

В некоторых случаях эти выступления принимали характер вооруженных восстаний. Так, 25 мая 1809 г. взяли за оружие жители Чукисаки (Верхнее Перу), где находился известный университет, один из главных центров культуры и духовной жизни Испанской Америки. 16 июля против колонизаторов восстали патриоты Ла-Паса. Волнения охватили и некоторые другие районы Верхнего Перу. В августе 1809 г. антииспанское выступление произошло в городе Кито. Однако руководившие им представители креольской знати, узнав о сосредоточении карательных войск, растерялись и поспешили капитулировать. Все эти восстания являлись стихийными, носили локальный характер и к концу 1809 г. были подавлены испанскими формированиями, направленными вице-королем Перу. В сентябре 1809 г. заговор против колониальных властей возник в Вальядолиде (Новая Испания). Выступление было назначено на 21 декабря, но за неделю до намеченного срока планы заговорщиков стали известны, и они были арестованы.

Таким образом, вследствие нерешительности и неорганизованности патриотов власть продолжала оставаться в руках колониальной администрации. Но положение ее становилось все более непрочным, особенно в связи с дальнейшими событиями в Испании.

В феврале 1810 г. самораспустившуюся Центральную хунту сменил в качестве верховного органа власти назначенный ею Регентский совет, формально выступавший, как и хунта, от имени Фердинанда VII. Пытаясь прекратить волнения в американских колониях, он предоставил им право избрания 29 своих представителей в кортесы (Учредительное собрание)³. Но серьезные поражения испанских войск в начале 1810 г. и оккупация большей части Испании французами свидетельствовали о бессилии Регентского совета. Известия об этих событиях явились сигналом к началу восстания в различных районах Испанской Америки. В апреле—июле 1810 г. в крупнейших колониальных центрах — Каракасе, Буэнос-Айресе, Боготе, Кито, а вслед за тем и в других городах было свергнуто испанское господство и к власти пришли патриотические хунты. В сентябре 1810 г. революционным движением были охвачены Новая Испания и Чили. Так началась война за независимость испанских колоний, которая приняла затяжной характер и длилась до 1826 г.

В ходе ее обозначились четыре основных региональных комплекса: 1) Новая Испания и Центральная Америка, 2) северная часть Южно-

американского континента, 3) вице-королевство Рио-де-Ла-Платы, 4) Тихоокеанское побережье Южной Америки. События в каждом из этих районов были мало связаны между собой, особенно на первом этапе освободительной войны (1810—1815).

ПЕРВЫЙ ЭТАП ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Венесуэла и Новая Гранада

Раньше всего революционное антииспанское движение охватило северную часть Южной Америки, где главным очагом его стала Венесуэла. 19 апреля 1810 г. в ее столице Каракасе вспыхнуло народное восстание. Испанское владычество было свергнуто, и к власти пришла Верховная правительственная хунта, номинально выступавшая от имени Фердинанда VII. Хунта обратилась к населению других испанских колоний с призывом свергнуть иго колонизаторов и направила за границу своих эмиссаров с заданием заручиться поддержкой иностранных держав. Особые надежды возлагались при этом на переговоры с британским правительством, оказавшиеся, однако, безрезультатными. В Лондоне венесуэльским представителям удалось лишь закупить партию оружия.

К концу 1810 г. большая часть Венесуэлы была освобождена от испанцев, но некоторые провинции еще продолжали оставаться под контролем колониальных властей. Между тем каракасская хунта, где преобладали консервативно настроенные представители креольской верхушки, не вела энергичной борьбы с колонизаторами, а отдельные члены хунты готовы были даже к соглашению с ними. В противовес этой нерешительной и соглашательской позиции Патриотическое общество, которое объединяло широкие слои населения, добивалось полной независимости. Его возглавляли Ф. де Миранда (1750—1816), прибывший из Европы, и молодой офицер С. Боливар.

Симон Боливар (1783—1830) родился в богатой креольской семье⁴. На формирование его мировоззрения большое влияние оказали выдающийся просветитель С. Родригес (воспитатель Боливар), а также пребывание в Европе, где Боливар приобщился к прогрессивным идеям и встречался со

С. БОЛИВАР

⁴ Среди многочисленных зарубежных исследований, посвященных Боливару, наиболее фундаментальным и объективным, по мнению большинства историков, является книга: Masur G. Simón Bolívar. Rev. ed. Albuquerque, 1969. На русском языке см.: Лаврецкий И. Боливар. 3-е изд. М., 1981; Гусев В. И. Горизонты свободы: Повесть о Симоне Боливаре. 2-е изд. М., 1980.

многими передовыми людьми своего времени. По возвращении на родину он сразу же примкнул к освободительному движению и принял деятельное участие в свержении испанского господства в Венесуэле.

Широко образованный человек, блестящий оратор и публицист, Боливар обладал к тому же незаурядным полководческим талантом и исключительной силой воли. Он способен был стойко переносить лишения и не унывал в самых безнадежных ситуациях.

2 марта 1811 г. в Каракасе открылся Национальный конгресс. Несмотря на то что большинство в нем составляли консервативные элементы, конгресс под давлением патриотов 5 июля провозгласил независимость Венесуэлы. 21 декабря была принята первая венесуэльская конституция, установившая республиканский строй, декларировавшая демократические свободы и упразднение сословных привилегий, запретившая работорговлю и расовую дискриминацию⁵. Однако конституция не предусматривала радикальных преобразований в интересах широких масс индейского и негритянского населения, что значительно сужало социальную базу республики, оказавшейся вскоре в смертельной опасности.

В марте 1812 г. остававшиеся на северо-западе Венесуэлы (в Коро и Маракайбо) испанские войска под командованием капитана Монтеверде перешли в наступление и благодаря тому, что народные массы, разочарованные политикой республиканского правительства, не оказали ему достаточно активной поддержки, добились существенных успехов. Этому способствовало также стихийное бедствие — землетрясение 26 марта, в результате которого были разрушены Каракас и другие города, погибли десятки тысяч жителей. Воспользовавшись паникой, на время парализовавшей сопротивление патриотов, войска Монтеверде продвигались на восток.

В создавшейся критической обстановке конгресс 23 апреля назначил Ф. де Миранду главнокомандующим вооруженными силами, предоставив ему чрезвычайные полномочия. Но Миранда, придерживаясь оборонительной тактики, проявлял пассивность, что позволило испанцам продолжить наступление. В республике 14 мая было введено военное положение. Миранда издал декрет, суливший свободу рабам, которые вступят в республиканскую армию и прослужат в ней 10 лет⁶. Запоздалое и неопределенное обещание не произвело на рабов особого впечатления, но вызвало сильное недовольство их хозяев — крупных землевладельцев, многие из которых заняли враждебную республике позицию.

Во второй половине июня 1812 г. Миранде удалось приостановить наступление испанских войск и даже несколько потеснить их. Но он не использовал этот выгодный момент для перехода в контрнаступление. Между тем испанцы сумели привлечь на свою сторону обитателей обширных равнин бассейна Ориноко — воинственных льянеро. Этому способствовал и введенный правительством республики в интересах крупных собственников Регламент льяносов (1811 г.), лишивший льянеро традиционного права на угон одичавшего клейменого скота, обязывавший их пройти регистрацию и работать в каком-либо скотоводческом хозяйстве⁷. Играв на ненависти негров-рабов к плантаторам-креолам, колонизаторы через свою агентуру спровоцировали выступление рабов под лозунгом «Да здравствует король Фердинанд VII!». Миранда вынужден был направить часть армии против восставших. В начале июля испанцы благодаря предательству одного из офицеров

⁵ La constitución federal de Venezuela de 1811. Caracas, 1959. P. 186—187, 210—211.

⁶ Parra-Pérez C. Historia de la primera república de Venezuela. Caracas, 1959. T. 11. P. 308.

⁷ Textos oficiales de la primera república de Venezuela. Caracas, 1959. T. 2. P. 176—193.

захватили важный порт и крепость Пуэрто-Кабельо, где находился главный арсенал патриотов.

Положение республиканской армии стало критическим. Миранда и большинство других руководителей республиканцев были охвачены паникой, деморализованы перед лицом военных поражений и обострения классовых противоречий. Несмотря на готовность многих патриотов продолжать сопротивление, венесуэльское правительство решило пойти на соглашение с испанским командованием, и 25 июля представитель Миранды подписал акт о капитуляции, а 30 июля испанские войска вступили в Каракас. В тот же день Миранда прибыл в порт Ла-Гуайра, намереваясь на английском военном корабле покинуть Венесуэлу. Но этому воспрепятствовала группа молодых офицеров (среди которых был и Боливар), выступавших против капитуляции и требовавших продолжения борьбы. Считая Миранду предателем, который теперь поспешно спасается бегством, они ночью арестовали его.

На следующий день в Ла-Гуайре был получен приказ Монтеверде закрыть порт и никого не выпускать из него. Хотя это распоряжение являлось грубым нарушением условий капитуляции, комендант порта Касас, стремясь выслужиться перед испанскими властями, немедленно выполнил приказ. Миранда попал в руки испанцев, захвативших Ла-Гуайру. Закованного в кандалы, его бросили в подземный каземат. Арестовали также и других руководителей патриотов. Боливару лишь случайно удалось спастись, а затем найти убежище на острове Кюрасао. В Венесуэле на долгое время воцарился режим террора. Все активные участники освободительного движения и другие «неблагонадежные» были включены в проскрипционные списки. Им грозила жестокая расправа. Свыше полутора тысяч патриотов оказались в тюрьмах.

Революционное движение охватило и соседнюю Новую Гранаду. 20 июля 1810 г. в ее столице Боготе вспыхнуло восстание против колониальной администрации, в ходе которого был низложен вице-король и создана Верховная хунта Новой Гранады³. Вслед за тем революционные хунты появились в Картахене, Антьокии, Сокорро, Памплоне и других городах, а также в Кито.

Между патриотическими хунтами Новой Гранады не было единства. Верховная хунта добивалась объединения всех провинций, провинциальные же хунты отстаивали федеративную систему и требовали широкой автономии. Лишь некоторые из них откликнулись на призыв Верховной хунты направить в столицу своих представителей для участия в работе конгресса, открывшегося 22 декабря 1810 г. Конгресс объявил, что не признает власти Регентского совета, управлявшего Испанией. Но этот важный шаг полу-

Ф. МИРАНДА

³ О событиях 20 июля в Боготе см. подробнее: *Ильина Н. Г.* Колумбия: от колонии к независимости 1781—1819 гг. М., 1976. С. 168—173.

А. НАРИНЬО

чил лишь ограниченный резонанс, поскольку заседавшие в Боготе депутаты представляли далеко не всю Новую Гранаду. Вскоре между большинством членов конгресса (от провинций) и Верховной хунтой возникли серьезные разногласия.

30 марта 1811 г. в Боготе была провозглашена конституция «Государства Кундинамарки»⁹, которое номинально считалось монархией во главе с Фердинандом VII, но в его отсутствие должно было управляться президентом¹⁰. В сентябре того же года этот пост занял ветеран освободительного движения Антонио Нариньо, выступавший за превращение Новой Гранады в единое централизованное государство и установление республики.

К тому времени в столицу уже прибыли представители ряда провинций. Большинство из них высказалось за федеративную систему. 27 ноября 1811 г. представители Антьокии, Картахены, Нейвы, Памплоны и Тунхи подписали акт о создании конфедерации Сосдиненных провинций Новой Гранады¹¹. Конфедерация представляла собой объединение независимых самоуправляющихся провинций. В ведении федерального кон-

гресса оставались лишь внешние сношения, вопросы войны и мира, определение границ и юрисдикции провинций.

Вскоре в рамках конфедерации конституировались как суверенные государства отдельные ее члены. 14 июня 1812 г. была принята конституция «Государства Картахены», согласно которой Картахена объявлялась республикой во главе с президентом¹². На этот пост был избран Мануэль Родригес Торисес. Еще раньше были приняты конституции «Республики Тунхи» и «Государства Антьокии». 4 октября 1812 г. открылся конгресс Соединенных провинций Новой Гранады, председателем которого стал состоятельный адвокат-креол Камило Торрес.

17 апреля 1812 г. была принята также новая конституция Кундинамарки, официально установившая там республиканский строй¹³. Но, поскольку Нариньо и другие руководители этой республики по-прежнему выступали за унитарное устройство Новой Гранады, они не соглашались на вступление в конфедерацию и даже пытались насильственным путем присоеди-

⁹ Искаженное испанцами древнее индейское название территории в центральной части Новой Гранады.

¹⁰ *El pensamiento constitucional hispanoamericano hasta 1830*. Caracas, 1961. Т. 3. P. 391—456.

¹¹ *Ibid.* P. 457—484.

¹² *Ibid.* Caracas, 1961. Т. 4. P. 75—148.

¹³ *Ibid.* P. 11—74.

пить к Кундинамарке ряд районов провинций Сокорро и Тунхи. В связи с этим отношения между Кундинамаркой и конфедерацией резко обострились, а во второй половине 1812 г. дело дошло даже до вооруженных столкновений. Одновременно правительство Картахены, составлявшей ядро конфедерации, вело военные действия против роялистов с целью ликвидации их важного опорного пункта на Карибском побережье — Санта-Марты, которая в январе 1813 г. была освобождена патриотами.

В боях с роялистами в Новой Гранаде (конец 1812—начало 1813 г.) активное участие приняла группа венесуэльцев во главе с Боливаром, который настойчиво призывал к объединению патриотов Новой Гранады и Венесуэлы для совместной борьбы против общего врага¹⁴. Боливар сумел убедить руководителей как Соединенных провинций, так и Кундинамарки в том, что судьба повогранадской революции неразрывно связана с освобождением Венесуэлы от испанского господства. Заручившись их согласием и поддержкой, он сформировал отряд из венесуэльских эмигрантов и повогранадских добровольцев и в середине мая 1813 г. повел их в Венесуэлу.

Быстро продвигаясь в северо-восточном направлении, отряд Боливара за короткий срок освободил обширную территорию провинций Мерида, Трухильо, Каракас. Успех патриотов был обусловлен активной поддержкой населения, страдавшего от террора роялистов. «Чем дальше они продвигались, — писал К. Маркс, — тем больше росли их ресурсы; свирепые эксцессы испанцев повсюду играли роль вербовщика рекрутов для армии борцов за независимость. Сила сопротивления испанцев была сломлена. . .»¹⁵

В начале августа 1813 г. войска Боливара торжественно вступили в Каракас. К этому времени другие отряды патриотов изгнали испанцев из северо-восточной части страны и овладели островом Маргарита. Однако роялисты продолжали удерживать Кору, Маракайбо, Гвиану, часть провинции Баринас, а также Пуэрто-Кабельо.

С освобождением столицы была создана вторая Венесуэльская республика во главе с Боливаром, которого муниципалитет Каракаса провозгласил главнокомандующим вооруженными силами и присвоил ему почетное звание Освободителя Венесуэлы. В дальнейшем в связи с тяжелым положением республики он был официально провозглашен диктатором и облечен всей полнотой власти.

Главную угрозу освободительному движению представляли в тот момент многочисленные конные отряды, сформированные бывшим офицером испанской армии Бовесом. Объявив об освобождении рабов и пообещав раздать неимущим земли и скот латифундистов-креолов, он призвал цветное население льяносов Ориноко к «священной войне против белых». Обманутые демагогическими обещаниями роялистов и подстрегаемые классовой ненавистью, пастухи и охотники-льянеро, а также значительная часть негров-рабов выступили против республики. Свирепое воинство Бовеса, подстрекаемое вожаками, умело разжигавшими расовую и социальную вражду своих подчиненных к белым и «богатым», поголовно уничтожали не только военнопленных, но и гражданское население, не считаясь с полом и возрастом.

Чтобы противостоять натиску превосходящих сил врага, республика должна была объединить усилия всех своих защитников и обеспечить себе активную поддержку широких слоев населения. Однако этому препят-

¹⁴ Этот призыв содержался в воззвании, опубликованном 15 декабря 1812 г. в Картахене. См.: *El pensamiento político del Libertador*. Bogotá, 1953. P. 19—20.

¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 228.

ствовали классовые интересы богатых мантуанцев — креольской землевладельческой аристократии. Не решившись пойти на отмену рабства и проведение других мероприятий, отвечавших стремлениям народных масс, республиканское правительство значительно сузило свою социальную базу. Сплочению всех сил патриотов против врага мешали также разногласия между Боливаром и некоторыми другими руководителями. В результате армия республики была разгромлена. 6 июля 1814 г. Боливару с остатками своих войск пришлось оставить Каракас и отступить вдоль побережья на восток. Однако роялисты, заняв столицу, следовали по пятам за республиканцами и 18 августа разбили их близ Барселоны. В декабре 1814 г. они овладели последним крупным очагом сопротивления патриотов Матурином. Таким образом, вторая Венесуэльская республика пала. Боливар вынужден был снова искать убежище в Новой Гранаде.

Хотя большая часть Новой Гранады оставалась в руках патриотов, положение их было весьма непрочным. Антииспанские силы не были объединены, между различными революционными центрами и лидерами шла борьба за политическую гегемонию. Тем временем существенно изменилась обстановка в Испании, куда еще в марте 1814 г., после изгнания французских оккупантов, вернулся Фердинанд VII, несмеленно приступивший к реставрации абсолютистских порядков. В этих условиях конгресс Соединенных провинций Новой Гранады, выражая настроения большинства патриотов, призывал к единству, к укреплению центральной власти, и предложил Кундинамарке присоединиться к конфедерации. Но правительство Кундинамарки отклонило это предложение. Тогда конгресс направил в Кундинамарку свою армию под командованием Боливара, которая 12 декабря 1814 г. вступила в Боготу. Кундинамарка вошла в состав новогранадской федерации, и в январе 1815 г. конгресс и федеральное правительство переехали в Боготу.

Между тем правительство Фердинанда VII, восстановив абсолютизм в метрополии, направило свои усилия на подавление восстания в американских колониях. В Южную Америку были отправлены крупные испанские силы под командованием маршала Морильо. В апреле 1815 г. они высадились на побережье Венесуэлы. Ободренные прибытием подкреплений, роялисты активизировали свои действия. Поскольку в Венесуэле испанское господство было восстановлено еще до прибытия экспедиционного корпуса, часть его перебросили в Новую Гранаду. В августе 1815 г. испанские войска блокировали Картахену, к концу года овладели ею и, двинувшись на юг, в течение нескольких месяцев подчинили своей власти всю Новую Гранаду. 6 мая 1816 г. они вступили в Боготу. Восстановление колониального режима сопровождалось жестокой расправой с патриотами: массовые казни, аресты и другие репрессии не прекращались в течение длительного времени. Число жертв роялистского террора исчислялось тысячами.

Революционные события на Рио-де-Ла-Плате

На юге континента, в бассейне Рио-де-Ла-Платы, основным центром революционных событий стал Буэнос-Айрес. 25 мая 1810 г. кабильдо этого города под давлением народных масс отстранил вице-короля и передал власть Временной правительственной хунте под председательством полковника Сааведры. Среди ее членов были молодые патриоты Мариано Морено, Мануэль Бельграно, Хуан Хосе Кастельи и др. В первые же месяцы после Майской революции хунта провела меры, направленные на развитие внешней торговли, демократизацию государственного строя и общественной

жизни, подавление сопротивления роялистов и т. д. Для освобождения всей территории Рио-де-Ла-Платы были сформированы отряды патриотов.

Первая военная экспедиция отправилась на север. В августе 1810 г. она освободила провинцию Кордову и двинулась в Верхнее Перу. При приближении революционной армии (получившей название Ссервной) там усилилось повстанческое движение, не прекращавшееся с 1809 г. 7 ноября 1810 г. патриоты одержали победу над испанскими войсками, и Верхнее Перу оказалось под властью правительства Буэнос-Айреса.

Прогрессивные мероприятия буэнос-айресской хунты, способствовавшие дальнейшему развитию и углублению революции, осуществлялись по инициативе ее радикального крыла, возглавлявшегося Морено. Выражая интересы купцов, либерально настроенных землевладельцев, мелкой городской буржуазии, М. Морено и его единомышленники добивались не только установления политической независимости, но и ликвидации феодальных порядков в экономической и социальной областях. Они отстаивали идею превращения бывшего вице-королевства в единое централизованное государство.

Латифундисты внутренних провинций и купцы-монополисты Буэнос-Айреса объединялись вокруг консервативного крыла хунты во главе с Сааведрой, которое стремилось к освобождению от испанского ига, но не хотело социально-экономических преобразований и выступало за широкую автономию провинций.

Борьба между политическими группировками принимала все более острый характер. Поскольку Морено и его соратники не решились обратиться за поддержкой к народным массам, верх одержала группа Сааведры. В декабре 1810 г. Морено ушел в отставку, а его сторонники подверглись репрессиям.

Обострение разногласий внутри правительства и захват власти консервативными силами ослабили позиции хунты Буэнос-Айреса. Ее попытки установить контроль над всей территорией Рио-де-Ла-Платы встретили сопротивление со стороны отдельных провинций, стремившихся к полной независимости.

Весьма решительно против действий буэнос-айресской хунты выступили патриоты Парагвая, которые с образованием вице-королевства Рио-де-Ла-Платы оказались в непосредственной зависимости от сравнительно близкого географически Буэнос-Айреса. Прибывший в Асунсьон представитель хунты был встречен весьма холодно. Большинство парагвайцев, в принципе одобряя революционные события 25 мая, вовсе не разделяло планов объединения лаплатских провинций в одно государство под эгидой Буэнос-Айреса.

Тогда буэнос-айресское правительство объявило блокаду Парагвая и направило туда войска под командованием Бельграно. Однако вопреки ожиданиям хунты парагвайцы не присоединились к армии Бельграно, а стали вступать в ряды ополчения, которое в начале 1811 г. понесло поражение буэнос-айресским войскам. Но со временем многие парагвайские патриоты осознали, что, сражаясь с армией Буэнос-Айреса, они невольно способствовали сохранению испанского господства в своей стране. Поэтому большинство их стало склоняться к установлению независимости в союзе с Буэнос-Айресом, сняв возражения против объединения провинций Рио-де-Ла-Платы в рамках единого государства.

В ночь с 14 на 15 мая 1811 г. группа молодых офицеров подняла в Асунсьоне восстание, политическое руководство которым осуществлял известный своими революционными убеждениями доктор Хосе Гаспар Родригес

де Франсиа. Он родился в 1766 г. в семье состоятельного торговца табаком. По окончании Кордовского университета в течение непродолжительного времени преподавал в семинарии Асунсьона, но из-за своих либеральных взглядов вскоре был уволен. Тогда Франсиа стал изучать право и в дальнейшем занялся адвокатской практикой. Он был начитанным и разносторонне образованным человеком, сторонником идей французского Просвещения. Его честность, бескорыстие и скромность принесли ему широкую популярность и всеобщее уважение.

В результате событий 14—15 мая колониальная администрация была упразднена и власть временно перешла к триумvirату, где доминирующее положение занял Франсиа. 17 июня в Асунсьоне собралась ассамблея, вручившая исполнительную власть Правительственной хунте во главе с одним из военных лидеров восстания, подполковником Йегросом. Фактически же ее деятельностью руководил Франсиа, обладавший наибольшими способностями, энергией, политическим опытом и авторитетом.

Хунта приняла меры к развитию торговли, культуры и просвещения, объявила свободу судоходства по р. Парагвай, запретила избрание испанцев депутатами будущего конгресса. Однако многие начинания Франсиа и взятый им курс на полную независимость страны наталкивались на сопротивление со стороны его коллег, особенно офицеров, не склонных к решительному отпору посягательствам Буэнос-Айреса. В связи с этим он потребовал ограничения роли военных и созыва национального конгресса для изменения формы правления и образования нового правительства.

20 июня 1811 г. роялисты нанесли сокрушительное поражение войскам Буэнос-Айреса в Верхнем Перу и отбросили их далеко на юг. Тем не менее на территории Верхнего Перу еще несколько лет действовали партизанские отряды, состоявшие преимущественно из индейцев.

В руках испанцев продолжала оставаться часть провинции Банда-Ориенталь (Восточный Берег). Фактически местная колониальная администрация не подчинялась властям Буэнос-Айреса еще с 1808 г., когда в связи с бонопартистскими симпатиями вице-короля Линье в Монтевидео была создана испанская хунта во главе с губернатором Элио, занимавшая легитимистские позиции. Такое положение сохранялось и после Майской революции 1810 г. в Буэнос-Айресе. Однако в конце февраля 1811 г. уругвайские патриоты подняли восстание, во главе которого встал Хосе Хервасио Артигас.

Артигас (1764—1850) родился в Монтевидео в состоятельной креольской семье. Юность его прошла в отцовском поместье, где молодой человек имел возможность ознакомиться с «крамольной» литературой из библиотеки отца. В 1797 г. он вступил в ополчение, сформированное испанскими властями в помощь регулярным войскам. Во время вторжения англичан на Рио-де-Ла-Плату Артигас принял деятельное участие в борьбе с интервентами, а с началом войны за независимость стал одним из ее руководителей¹⁶.

Возглавляемое Артигасом восстание охватило вскоре большую часть территории Восточного Берега. Установив контакт с хунтой Буэнос-Айреса, уругвайские патриоты заручились ее поддержкой и 18 мая 1811 г. одержали победу над испанскими войсками на подступах к Монтевидео. Вслед за тем отряды Артигаса, состоявшие главным образом из гаучо — пастухов пампы,

¹⁶ Подробнее о нем см.: *Zorrilla de San Martín J. La Epopeya de Artigas. Montevideo, 1930. Т. 1—5; Street J. Artigas and the Emancipation of Uruguay. L.; N. Y., 1959. На рус. яз. см.: Хесуальдо. Артигас. М., 1968.*

подошли к самому городу и осадили его. Вскоре к ним присоединились войска, прибывшие из Буэнос-Айреса. Обосновавшийся в Монтевидео новый вице-король Элио обратился за помощью к португальскому правительству принца-регента Жоао, находившемуся в Рио-де-Жанейро. Поскольку португальцы давно стремились к захвату Восточного Берега, они сразу же откликнулись на этот призыв и направили войска, которые в середине июля 1811 г. вторглись в страну.

Военные неудачи и угроза захвата Монтевидео португальцами еще больше обострили разногласия между различными группировками в Буэнос-Айресе. В результате победы более радикального крыла правительственная хунта была распущена, а исполнительная власть передана триумвирату, душой которого стал его энергичный секретарь Бернардино Ривадавия. Вопреки сопротивлению реакционных сил новое Временное верховное правительство Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы (как в дальнейшем официально именовался триумвират) провело некоторые мероприятия с целью углубления революции. Но его политика далеко не во всех вопросах отличалась последовательностью. Так, 20 октября 1811 г. оно заключило соглашение о перемирии с вице-королем Элио. В соответствии с этим соглашением войска Буэнос-Айреса и Португалии покинули Восточный Берег, который был признан владением Испании¹⁷.

Вынужденный снять осаду Монтевидео, Артигас повел свои отряды на северо-запад. Вслед за ними отправились тысячи уругвайцев, не желавших оставаться под гнетом испанцев. В результате этого массового «исхода уругвайского народа» свыше 16 тыс. человек¹⁸ переправились через р. Уругвай и расположились огромным лагерем в соседней провинции Энтре-Риос.

24 сентября 1812 г. Северная армия под Тукуманом наголову разбила испанские войска. Эта победа позволила правительству Буэнос-Айреса вновь направить свою армию на территорию Восточного Берега и в октябре возобновить осаду Монтевидео, в которой активное участие приняли отряды уругвайских патриотов.

К тому времени обнаружили глубокие разногласия между буэнос-айресским правительством и сторонниками Артигаса. Последние, добиваясь полной независимости своей страны, выступали за превращение Рио-де-Ла-Платы в федерацию автономных провинций, самостоятельных не только по отношению к Испании, но и к Буэнос-Айресу. Буэнос-айресские же руководители, стремившиеся обеспечить свою гегемонию в масштабе всего бывшего вице-королевства Рио-де-Ла-Платы, отвергали принцип федеративного устройства и противопоставляли ему идею подчинения отдельных провинций сильной центральной власти в рамках унитарного государства, возглавляемого Буэнос-Айресом.

Следует иметь в виду, что федерализм Артигаса и его приверженцев¹⁹ существенно отличался от политической платформы федералистов Буэнос-Айреса, которые добивались сохранения монополии последнего и его привилегированного положения по отношению к остальным лаплатским провинциям.

Противоречия между уругвайскими патриотами и буэнос-айресским правительством резко обострились и проявились открыто в связи с созывом

¹⁷ Registro Oficial de la República Argentina: T. 1—2. Buenos Aires, 1879—1880 (далее — RORA). Т. 1. P. 123—124.

¹⁸ Т. е. примерно 2/5 всего тогдашнего населения Восточного Берега (*Rosenblat A. La población indígena y el mestizaje en América. Buenos Aires, 1954. Т. 1. P. 36—37*).

¹⁹ См.: *Blanco Acevedo P. El federalismo de Artigas y la independencia nacional. Montevideo, 1939.*

Генеральной конституционной ассамблеи (Учредительного собрания) Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы. Она открылась в Буэнос-Айресе 31 января 1813 г. и приняла важные решения, фактически утверждавшие независимость провинций Ла-Платы от Испании и подготовившие условия для официального провозглашения их суверенным государством. В частности, имя испанского короля Фердинанда VII было исключено из текста присяги; ассамблея учредила государственный герб и флаг, приняла национальный гимн. Кроме того, она провозгласила свободными всех уроженцев Рио-де-Ла-Платы и ввозимых туда рабов, отменила подушную подать и личные повинности индейцев, упразднила энкомьенду, миту, систему янаконата. Были изданы декреты, предусматривавшие запрещение телесных наказаний и пыток, ликвидацию трибунала инквизиции, отмену дворянских титулов и проведение других преобразований²⁰. Но большинство намеченных реформ не было осуществлено, что объяснялось в основном сопротивлением сил реакции и отсутствием единства среди самих патриотов.

В октябре—ноябре 1813 г. испанские войска активизировали свои действия. Они дважды нанесли поражение патриотам в Верхнем Перу и вновь отеснили их на юг, к Тукуману.

В этот критический момент командующим Северной армией был назначен талантливый военачальник Хосе де Сан-Мартин (1778—1850). Он родился в провинции Мисьонес. Его отец был испанским офицером и колониальным чиновником, мать — креолкой. Когда Сан-Мартину исполнилось 8 лет, семья пересехала в Испанию, где он еще подростком начал военную службу. С началом освободительной войны против вторгшихся в Испанию войск Наполеона Сан-Мартин сражался в рядах партизан. В то же время он вступил в тайное общество испаноамериканских патриотов «Ложа Лаутаро» и по его заданию выехал в 1812 г. на родину²¹.

Кадровый офицер, имевший богатый боевой опыт, Сан-Мартин отличался целеустремленностью, выдержкой, хладнокровием, трезвостью в оценке обстановки. Эти качества позволили ему успешно справиться со своей задачей. Сан-Мартину удалось за короткий срок повысить боеспособность и укрепить дисциплину войск. Однако борьба с роялистами в горах Верхнего Перу, по его мнению, не имела решающего значения для судеб революции на Рио-де-Ла-Плате. Он считал необходимым освободительный поход в Чили и Перу, чтобы разгромить там главные силы колонизаторов в Южной Америке. В дальнейшем Сан-Мартин приступил к формированию армии, предназначенной для выполнения этой задачи²².

30 сентября 1813 г. открылся Национальный конгресс в Асунсьоне. Среди депутатов преобладали представители сельского населения и городских низов. 12 октября они единодушно приняли решение об установлении республиканского строя. Верховная власть и командование вооруженными силами вручались двум консулам, назначаемым конгрессом²³. На этот пост были избраны Франсиа и Йегрос.

Хотя конгресс формально не принял никакой специальной декларации о независимости Парагвая, провозглашение республики было, по существу, равносильно такому акту. Оно фактически означало полный и окончательный разрыв с метрополией и отказ даже от словесного признания суверенитета

²⁰ RORA. Т. 1. P. 193—194, 199, 203, 205—207, 210—211, 213—214, 216.

²¹ О жизни и деятельности Сан-Мартина см.: *Harrison Ph. D. Captain of the Andes*. N. Y., 1943; *Pérez Amichástegui A. J. Ideología y acción de San Martín*. Buenos Aires, 1966.

²² См.: *Штрахов А. И. Война за независимость Аргентины*. М., 1976. С. 225—228.

²³ *El pensamiento constitucional*. . . Т. 4. P. 185—188.

Х. АРТИГАС

Х. де САН-МАРТИН

Фердинанда VII. Парагвай первым среди провинций бывшего вице-королевства Рио-де-Ла-Платы предпринял столь решительный шаг.

Между тем Верхнее Перу продолжало оставаться в руках испанцев. Что же касается отношений между Буэнос-Айресом и уругвайскими патриотами, то их разногласия не замедлили вылиться в открытый конфликт.

В связи с созывом конституционной ассамблеи в Буэнос-Айрес были направлены представители, избранные населением Восточного Берега. Они имели инструкции Артигаса. «Инструкции XIII года» содержали требование полной независимости лаплатских провинций, установления республиканской формы правления, провозглашения гражданской и религиозной свобод, а также признания широкой автономии Восточного Берега и других провинций в рамках конфедерации²⁴. Поскольку подобная программа не устраивала консервативное большинство ассамблеи, оно отказалось признать полномочия уругвайских депутатов и допустить их к участию в работе собрания.

В ответ на действия правящих кругов Буэнос-Айреса Артигас в январе 1814 г. отвел свои войска, участвовавшие в осаде Монтевидео, к р. Уругвай. Тогда буэнос-айресское правительство объявило его вне закона и «изменником родины»²⁵. Чтобы форсировать военные операции против Монтевидео, оно направило туда подкрепления. 23 июня испанский гарнизон Монтевидео капитулировал.

Хотя столица Восточного Берега оказалась в руках войск Буэнос-Айреса, почти всю остальную его территорию фактически контролировали уругвайские патриоты, не признававшие власть буэнос-айресского правительства. Под их влиянием находились также расположенные к западу от р. Уругвай

²⁴ José Artigas: Documentos. La Habana, 1971. P. 99—101. См. также: *Miranda II. Las instrucciones del año XIII.* Montevideo, 1935.

²⁵ RORA. T. 1. P. 261—262.

провинции Энтре-Риос, Корриентес и др., которые выступали против централистских устремлений Буэнос-Айреса. В январе 1815 г. отряды Артигаса, придерживавшиеся до того преимущественно оборонительной тактики, перешли в наступление и одержали внушительную победу над буэнос-айресскими войсками, вынужденными вскоре оставить Монтевидео. Успехи уругвайцев способствовали дальнейшему росту федералистских тенденций в соседних с Восточным Берегом провинциях.

В июле 1815 г. по инициативе Артигаса был созван федеральный конгресс, на котором, помимо Восточного Берега, были представлены также провинции Энтре-Риос, Корриентес, Санта-Фе и Мисьонес. Конгресс одобрил разработанный Артигасом «Временный регламент Восточной провинции». Это была радикальная программа, предусматривавшая конфискацию земель и другого имущества врагов революции и их распределение между неимущими патриотами. «Самые несчастные, — указывал Артигас, — должны пользоваться наибольшими привилегиями»²⁶.

Если федералисты во главе с Артигасом фактически контролировали во второй половине 1815 г. всю территорию между реками Уругваем и Параной, то сфера политического влияния Буэнос-Айреса была весьма ограничена. Помимо Восточного Берега и Парагвая, отказывавшихся признать власть буэнос-айресского правительства, из-под его контроля окончательно вышло и Верхнее Перу, где роялистам удалось почти полностью подавить революционное движение. Поскольку к тому же в ноябре 1815 г. там потерпела очередное поражение Северная армия, угроза наступления испанских войск с севера вновь стала реальной.

Чили

В отличие от Рио-де-Ла-Платы, Венесуэлы, Новой Гранады вице-королевство Перу первоначально было сравнительно мало охвачено освободительным движением. В самом Перу, несмотря на отдельные антииспанские выступления в 1811—1813 гг., колонизаторы в течение ряда лет прочно удерживали свои позиции. Лишь в августе 1814 г. в Куско вспыхнуло мощное восстание под предводительством братьев Ангуло. Повстанцы, к которым примкнули тысячи индейцев во главе с бывшим президентом местной аудиенсии бригадиром Матео Гарсией Пумакауа, заняли обширную территорию, в том числе важный центр Арекипу. Однако к марту следующего года войска, посланные вице-королем, подавили восстание.

Значительно больший размах борьба за независимость получила в генерал-капитанстве Чили. Правда, и тут по ряду причин, связанных с удаленностью и изолированным положением этой колонии, ее экономической зависимостью от Перу и другими обстоятельствами, борьба против чужеземных угнетателей в первые годы освободительной войны не достигла такой остроты, как в других районах Южной Америки.

Но вести о революционных событиях в Каракасе, Буэнос-Айресе, Боготе, Кито послужили толчком для выступления чилийских патриотов. По их требованию 18 сентября 1810 г. было созвано открытое заседание кабиљдо Сантьяго, которое приняло решение о смещении губернатора и передаче его функций временной правительственной хунте²⁷. Однако, хотя в ее состав вошел стоявший на радикальных позициях Хуан Мартинес де Росас, среди

²⁶ José Artigas. . . P. 159—163. обстоятельный анализ Временного регламента дан в работе: *Torre N. de la, Rodríguez J. C., Sala de Tourón L. La revolución agraria artiguista (1815—1816)*. Montevideo, 1969.

²⁷ *Anales de la República*. Santiago, 1951. T. 1. P. 3—5.

Б. О'ХИГГИНС

А. Х. де СУКРЕ

членов хунты преобладали представители колониальной администрации и духовенства во главе с бывшим губернатором Торо Самбрано. Роялисты получили большинство и в Национальном конгрессе, который открылся 4 июля 1811 г. Большая часть депутатов была настроена лояльно к метрополии и не добивалась ликвидации колониальной зависимости. Сформированное конгрессом консервативное правительство воздерживалось от активных действий против испанской монархии, что вызвало разочарование и глубокое недовольство патриотических сил.

В начале сентября в Концепсьоне была создана провинциальная хунта, придерживавшаяся радикальной ориентации. Почти одновременно в Сантьяго патриоты, требовавшие независимости, свергли пророялистское правительство и, удалив из конгресса наиболее реакционных депутатов, образовали новое, в котором после его реорганизации (15 ноября 1811 г.) центральной фигурой оказался молодой офицер Хосе Мигель Каррера. Вскоре другие два члена правительственной хунты вышли из ее состава, и Каррера, распустив 2 декабря конгресс, стал фактически диктатором.

Однако власть Карреры отнюдь не была признана на всей территории Чили. Особенно решительно против его диктаторских методов выступала хунта Концепсьона. Вместе с тем ее руководитель Мартинес де Росас стремился избежать вооруженного столкновения с патриотами Сантьяго, но переговоры, которые он вел с Каррерой, не дали результата. Тогда часть его приверженцев перешла на сторону Карреры, а Мартинес де Росас был арестован и затем выслан из страны.

Несмотря на требования патриотов, добивавшихся полного разрыва с Испанией и проведения демократических преобразований, правительство Карреры придерживалось весьма умеренного политического курса. 27 октября 1812 г. оно обнародовало Временный конституционный регла-

мент, который провозглашал принцип народного суверенитета, демократические свободы и т. д., но вновь подтверждал признание верховной власти Фердинанда VII²⁸.

В марте 1813 г. на юге Чили высадились испанские войска, переброшенные морем из Перу. В результате успешного наступления они за короткий срок заняли всю территорию южнее р. Маулс. В связи с критическим положением хунта, временно правившая в Сантьяго в отсутствие Карреры, который руководил боевыми операциями, отстранила его от командования вооруженными силами и назначила главнокомандующим видного деятеля освободительного движения Бернардо О'Хиггинса (1778—1842).

Внебрачный сын высокопоставленного военного, ставшего впоследствии генерал-капитаном Чили, а затем вице-королем Перу, О'Хиггинс еще в конце XVIII в., когда учился в Лондоне, вступил в тайное патриотическое общество, основанное Мирандой. Вернувшись в начале XIX в. на родину, он принял активное участие в антииспанском движении, примкнув к его радикальному крылу, и в 1810—1812 гг. являлся ближайшим сподвижником Мартинеса де Росаса²⁹.

Между тем испанские войска продолжали свое продвижение на север и в марте 1814 г. форсировали р. Мауле. Они контролировали южную часть страны, в том числе Вальдивию, Консепсьон и другие важные центры. В такой обстановке хунта решила передать власть «верховному правителю». Занявший этот пост полковник де ла Ластра принял предложение испанского командования о прекращении военных действий. В начале мая на берегу р. Лиркай представители обеих сторон подписали соглашение: чилийцы обязались полностью и безоговорочно признать суверенитет короля Испании, т. е. отказывались, по существу, от требования национальной независимости, а испанские войска должны были покинуть Чили³⁰.

Поскольку Лиркайское соглашение фактически означало капитуляцию чилийского правительства, оно вызвало недовольство патриотов. Воспользовавшись этим, Каррера организовал в Сантьяго военный переворот и стал во главе вновь образованной правительственной хунты. Придя к власти, он поспешил изгнать своих политических противников, причем не только капитулянтов, но и многих радикально настроенных людей. Против Карреры выступил О'Хиггинс и его сторонники. Страна оказалась перед угрозой гражданской войны.

Обострением разногласий среди чилийских патриотов не преминули воспользоваться испанские колонизаторы. Вице-король Перу Абаскаль дезавуировал Лиркайское соглашение и направил в Чили новые подкрепления. Тогда О'Хиггинс немедленно предложил Каррере прекратить междоусобную борьбу и объединить силы против общего врага. Однако это не изменило положения. В начале октября 1814 г. патриоты были наголову разбиты в ожесточенном бою при Ранкагуа (южнее Сантьяго). Озверевшая испанская солдатия учинила кровавую расправу над попавшими в ее руки ранеными, пленными и гражданским населением. О'Хиггинсу и Каррере едва удалось спастись и перебраться через Анды в лаплатскую провинцию Мендосу. Несколько дней спустя испанские войска вступили в Сантьяго, и вскоре в Чили был полностью восстановлен колониальный режим. Начались массовые репрессии.

²⁸ Ibid. P. 45—49.

²⁹ О взглядах О'Хиггинса и его роли в борьбе за независимость см.: Pensamiento de O'Higgins. Santiago, 1974; Eyzaguirre J. O'Higgins. Santiago, 1965; Clissold S. Bernardo O'Higgins and the independence of Chile. L., 1968.

170 ³⁰ См.: Collier S. Ideas and politics of Chilean independence, 1808—1833. L., 1967. P. 100.

Новая Испания

Если в большей части Южной Америки на первом этапе войны за независимость (1810—1815) размах борьбы и степень участия в ней широких масс были в известной мере ограничены, в связи с чем патриотам не удалось добиться серьезных успехов, то в Новой Испании освободительное движение сразу же стало поистине всепародным и приобрело социальную окраску.

Народное восстание возглавил здесь Мигель Идальго (1753—1811)³¹, приходский священник селения Долорес. Это был высокообразованный человек, известный своими передовыми взглядами. Он пользовался большой популярностью среди населения. Вслед за событиями 1808 г. в Испании Идальго и его единомышленники стали готовиться к восстанию. Оно началось 16 сентября 1810 г., когда Идальго призвал своих прихожан к вооруженной борьбе за свободу и землю. Движение сразу же приняло массовый характер. За полтора месяца армия Идальго выросла до 80 тыс. человек и заняла большую территорию, в том числе крупные центры — Селаю, Гуанахуато, Вальядолид. Основную массу повстанцев составляли крестьяне-индейцы, негры-рабы, горнорабочие, ремесленники, городская беднота. К ним присоединилась часть интеллигенции, офицеров, чиновников, низшего духовенства. Первоначально к инсургентам примкнули также многие представители креольской землевладельческо-буржуазной верхушки.

Однако цели участников выступления были различны. Те из них, кто принадлежал к привилегированным слоям колониального общества, стремились главным образом к освобождению от испанского ига и установлению независимости. Для большинства же восставших не меньшее значение имели социальные задачи — ликвидация докапиталистических порядков и форм эксплуатации, крупного землевладения. Видя в антифеодальном характере народного движения угрозу своим классовым интересам, большинство креольских латифундистов и купцов, а с ними многие чиновники и офицеры перешли на сторону колонизаторов и стали помогать им в подавлении освободительного движения.

В конце октября 1810 г. армия Идальго нанесла серьезное поражение испанским войскам у горного перевала Монте-де-лас-Крусес и подошла к Мехико, столице Новой Испании. Но Идальго считал, что не располагает достаточными силами для штурма хорошо укрепленного города, и, не попытавшись овладеть столицей, направился в Гвадалахару. Там за короткий срок он провел ряд мероприятий с целью ликвидации повинностей индейцев, рабства, расовой дискриминации, торговых монополий, а также возвращения аборигенам отнятых у них земель³².

В середине января 1811 г. революционная армия была разгромлена испанскими войсками. 21 марта Идальго, Альенде и других руководителей восставших в результате предательства захватили в плен и вскоре казнили.

Несмотря на это, освободительное движение продолжало развиваться, и во второй половине 1811 г. вновь охватило большую часть страны. Повсюду действовали партизанские отряды, которые угрожали почти всем важнейшим административным и экономическим центрам, остававшимся в руках колонизаторов. После гибели Идальго борьбу за независимость возглавил его уче-

³¹ Наиболее полной и документированной биографией М. Идальго является капитальный труд: *Castillo Ledón L. Hidalgo: La vida del héroe. México, 1948—1949. Vol. 1—2.* На рус. яз. см.: *Альперович М. С. Рождение Мексиканского государства. М., 1979. С. 25—63.*

³² *Colección de documentos para la historia de la guerra de independencia de México (далее — CDHIGIM). México, 1877—1882. Т. 1—6. 1878. Т. 2. P. 243—244; Cinco Siglos de legislación agraria en México. México, 1941. Т. 1. P. 64.*

«Клич Долорес» 16 сентября 1810 г.
(с гравюры Х. Г. Посады)

ник и соратник сельский священник Хосе Мария Морелос (1765—1815) — сын плотника, бывший в молодости погонщиком мулов. Обладая выдающимся военным талантом, Морелос отличался исключительной скромностью и считал себя лишь «службой нации». Его ближайшими сподвижниками были Висенте Герреро, Мариано Матаморос, Эрменехильдо Галеана и др.

Одна из ярких страниц борьбы повстанцев во главе с Морелосом — героическая оборона Куаутлы, продолжавшаяся два с половиной месяца. Она пала лишь в начале мая 1812 г., после того как была оставлена ее защитниками. Этот успех временно укрепил позиции испанцев, которые активизировались и в других районах, добившись в известной мере стабилизации положения. Но уже во второй половине года появились условия

Х. М. МОРЕЛОС

А. де ИТУРБИДЕ

для нового подъема революционного движения. В конце сентября в Мехико был обнародован текст конституции, принятой еще 18 марта испанскими кортесами, заседавшими в Кадиссе. Поскольку среди депутатов имелись и представители американских колоний, выдвигавшие требования политической и экономической независимости, чаяния испаноамериканцев нашли в этом документе известное отражение.

Кадисская конституция провозглашала принцип народного суверенитета, ограничивала прерогативы короля, декларировала неприкосновенность личности, имущества и жилища. Но она закрепила монархический строй, доминирующую роль католической религии, власть короны над заокеанскими владениями, подтвердила неделимость Испанской империи, включая территорию, расположенную в обоих полушариях. Конституция 1812 г. отнюдь не обеспечивала гражданские права всем слоям колониального общества, так как предоставляла их только тем, кто не имел примеси негритянской крови. Она устанавливала равное представительство метрополии и колоний в кортесах, запрещала сосредоточение в одних руках гражданской и военной власти, упраздняла все судебные привилегии и специальные суды³³.

Принятие Кадисской конституции и прочие акты кортесов способствовали усилению революционных настроений в Новой Испании. Во второй половине 1812 г. повстанцы заняли Теуакан, Оахаку и другие города, а в апреле 1813 г. овладели важным опорным пунктом испанцев — тихоокеанским портом Акапулько.

В середине сентября 1813 г. по инициативе Морелоса в Чильпансинго был созван Национальный конгресс, которому Морелос представил разработанную им программу. Она предусматривала осуществление принципов

³³ Colección de leyes fundamentales. Zaragoza, 1957. Vol. 1. P. 75—115.

национальной независимости и народного суверенитета, отмену рабства, упразднение податей и налогов, защиту интересов неимущих и т. д. Еще раньше Морелос поставил вопрос о ликвидации латифундий и конфискации имущества богачей и церкви³⁴. 6 ноября конгресс принял декларацию о независимости Мексики от Испании, а год спустя, 22 октября 1814 г. в Апацтингане — первую в истории страны конституцию, которая предусматривала установление республики, провозглашала равенство граждан перед законом, свободу слова, печати³⁵.

Еще в течение года революционные отряды продолжали борьбу. Однако к концу 1815 г. колонизаторам удалось разгромить главные силы повстанцев и захватить в плен Морелоса, который был казнен. В большей части Новой Испании было восстановлено испанское господство.

В генерал-капитанстве Гватемала, где экономическое развитие несколько отставало от других испанских колоний, борьба за независимость шла менее интенсивно. Но с началом освободительной войны в Испанской Америке и особенно под влиянием революционных событий в Новой Испании движение постепенно распространилось и на центральноамериканские провинции. С конца 1811 г. вооруженные выступления начались в Сальвадоре и Никарагуа. В 1813 г. сторонники независимости организовали антииспанский заговор и в самой Гватемале. Однако эти первые попытки свергнуть колониальное иго оказались безуспешными.

Реставрация монархии Бурбонов в Испании позволила правительству Фердинанда VII усилить борьбу против освободительного движения в американских владениях. Этому способствовала и благоприятная международная обстановка: разгром Наполеона, победа принципов легитимизма в Европе, создание в 1815 г. Священного союза, а также война между Англией и США, отвлекавшая их внимание от революционных событий в испанских колониях. В большей части Испанской Америки, за исключением Рио-де-Ла-Платы, к концу 1815 г. был восстановлен колониальный режим³⁶.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ

Венесуэла и Новая Гранада

С 1816 г. в Южной Америке обозначился новый подъем освободительного движения, знаменовавший начало второго этапа войны за независимость (1816—1826). В северной части континента первыми и на этот раз выступили патриоты Венесуэлы во главе с Боливаром, возобновившие активные действия против колонизаторов.

Боливар, вынужденный в мае 1815 г. покинуть Новую Гранаду и искать убежища на Ямайке, со свойственной ему энергией готовился к продолжению борьбы. В «Письме с Ямайки», написанном 6 сентября 1815 г. в форме ответа «одному кабальеро этого острова», он выражал твердую уверенность в победе патриотов и скором освобождении Испанской Америки от колониального ига, а также подчеркивал необходимость единства и сплочения революционных сил³⁷.

³⁴ CDHGM. T. 6. México, 1882. P. 215—216, 220—221.

³⁵ Decreto constitucional para la libertad de la América Mexicana. Morelia, 1964. P. 17—50. Революционная деятельность Морелоса нашла отражение в фундаментальной публикации документов: Lemoine Villicaña E. Morelos: Su vida revolucionaria a través de sus escritos y de otros testimonios de la época. México, 1965.

³⁶ Накануне войны за независимость в 1808 г. Испании удалось восстановить свое господство в восточной части Гаити (Санто-Доминго).

³⁷ Bolívar S. Carta de Jamaica. Sagacas, 1972. P. 150—176; См. также рус. пер.: Боливар С. Избр. произведения. М., 1983. С. 49—65.

К тому времени Боливар и его соратники осознали уже необходимость решения ряда социальных проблем, прежде всего освобождения рабов. Это позволило им договориться с президентом республики Гаити Петионом о предоставлении венесуэльским патриотам оружия, боеприпасов и снаряжения. Боливар же заверил Петиона в своей решимости покончить с рабством на территории, освобожденной от гнета колонизаторов.

В марте 1816 г. флотилия из нескольких небольших судов, на борту которых находилось около 250 патриотов, отплыла с Гаити. В течение июня—августа они несколько раз высаживались в различных пунктах венесуэльского побережья, но эти попытки оказывались безуспешными. Правда, за это время Боливар успел предпринять шаг, имевший большое значение для дальнейшего хода событий: 6 июля он обратился к населению Венесуэлы с воззванием, в котором объявил о полной отмене рабства³⁸. В декабре 1816 г. отряд Боливара высадился на северо-востоке Венесуэлы. На этот раз ему сопутствовала удача, и революционное движение быстро охватило северо-восточные районы страны.

В течение 1817—1818 гг. венесуэльские патриоты освободили значительную территорию в бассейнах Ориноко и ее притока Апуре. Их успехам способствовала поддержка широких слоев населения, страдавшего от террора колонизаторов. Отмена рабства, издание в 1817 г. декретов о конфискации имущества испанской короны и роялистов, а также о наделении солдат освободительной армии землей³⁹ помогли Боливару заручиться симпатиями народных масс. В его отряды влились многие негры-рабы; льянеро под командованием своего вожака Паэса перешли на сторону патриотов и нанесли роялистам сокрушительное поражение в долине Апуре. С начала 1819 г. стали прибывать иностранные волонтеры из Англии, Ирландии, Германии, Франции, Италии и других европейских стран. Их общая численность достигла примерно 6 тыс. человек⁴⁰.

Несмотря на очевидные успехи освободительного движения, его дальнейшему росту мешали отсутствие единства среди патриотов и разногласия между их руководителями. В таких условиях необходимо было создать авторитетный политический орган, вокруг которого объединились бы все революционные силы. С этой целью по инициативе Боливара в столице освобожденных от испанского господства провинций Венесуэлы — городе Ангостуре — 15 февраля 1819 г. был созван второй Национальный конгресс. Ангостурский конгресс вновь провозгласил независимость Венесуэлы, назначил Боливара временным президентом республики и главнокомандующим Освободительной армией, а также утвердил изданные им в 1816—1817 гг. декреты. Однако в связи с обострением военной обстановки Боливару вскоре пришлось покинуть Ангостуру, чтобы лично руководить боевыми действиями.

Проведя успешные операции против испанских войск, Боливар решил предпринять поход в Новую Гранаду, которая находилась под властью роялистов. В июне—июле 1819 г. его армия совершила труднейший переход через Анды и 7 августа одержала блестящую победу над испанцами на р. Бояке. Через несколько дней патриоты вступили в Боготу, где Боливар был торжественно провозглашен Освободителем Новой Гранады. Таким образом, за короткий срок было осуществлено освобождение большей части вице-королевства. Управление ею Боливар поручил одному из своих ближайших сподвижников, генералу Сантандеру.

³⁸ См.: Bolívar: Discursos. Proclamas. Correspondencia. México, 1943. P. 96.

³⁹ Decretos del Libertador. Caracas, 1961. T. 1. P. 74—77, 89—92.

⁴⁰ См.: Hasbrouck A. Foreign legionaries in the liberation of Spanish South America. N. Y., 1928. P. 388.

Тем временем в Ангостуре продолжал работу Национальный конгресс, который 15 августа принял конституцию Венесуэлы. В соответствии с рекомендациями Боливара она провозглашала страну «единой и неделимой» унитарной республикой, декларировала свободу слова и печати, неприкосновенность личности, имущества и жилища, равенство граждан перед законом и другие буржуазно-демократические свободы⁴¹. Поскольку ко времени принятия этой конституции Каракас, Пуэрто-Кабельо, Коро, Маракайбо и другие важные центры Венесуэлы оставались еще под властью испанцев, она имела не столько практическое, сколько программное значение. «Новая конституция, — замечает английский историк Дж. Линч, — существовала лишь на бумаге, ибо предстояло еще выиграть войну»⁴².

11 декабря 1819 г. в Ангостуру возвратился Боливар, который предложил конгрессу осуществить объединение Венесуэлы и Новой Гранады. 17 декабря конгресс утвердил Основной закон республики Колумбии, согласно которому бывшие генерал-капитанство Венесуэла и вице-королевство Новая Гранада (включая аудиенсию Кито) объединялись в федеративную республику Колумбию⁴³. Она должна была состоять из трех департаментов (Венесуэла, Кито и Кундинамарка), возглавляемых соответственно тремя вице-президентами⁴⁴. В тот же день временным президентом Колумбии был единогласно избран Боливар. 27 февраля 1820 г. собравшаяся в Боготе ассамблея Новой Гранады одобрила решение Ангостурского конгресса.

Однако колумбийской федерации еще только предстояло стать реальностью. Если Новая Гранада была в основном освобождена, то Кито и значительная часть Венесуэлы по-прежнему находились под властью колонизаторов. С начала 1820 г. патриоты активизировали свои действия и вскоре изгнали испанские войска из ряда районов северо-западной Венесуэлы.

На последующий ход борьбы за независимость большое влияние оказали события в Испании. В начале января 1820 г. среди экспедиционных войск, сосредоточенных в Кадисе для отправки в Америку, вспыхнуло восстание, которое вскоре переросло в революцию, охватившую всю страну. 7 марта Фердинанд VII вынужден был объявить о созыве кортесов, а через день присягнул на верность конституции. Открывшиеся 9 июля в Мадриде чрезвычайные кортесы восстановили в основном реформы, проведенные в 1810—1813 гг., и приняли серию декретов антиклерикального характера.

Революционные события в метрополии поставили испанские власти Венесуэлы в весьма затруднительное положение. Желая выиграть время, они предложили патриотам заключить перемирие. Это отвечало и планам Боливара, который рассчитывал использовать паузу в военных действиях для подготовки решающего удара по врагу. 25 ноября 1820 г. представители Боливара и командующего испанскими войсками Морильо подписали соглашение о перемирии сроком на шесть месяцев⁴⁵. Но продолжалось оно недолго.

Уже в конце января 1821 г. вооруженная борьба возобновилась. В начале мая патриоты перешли в наступление на северо-западе Венесуэлы. 24 июня армия Боливара в тесном взаимодействии с отрядами льянеро под командованием Паэса разбила роялистов в долине Карабобо и через пять дней торжественно вступила в Каракас. Разгром главных испанских сил на терри-

⁴¹ El pensamiento constitucional... Caracas, 1961. Т. 5. P. 183—221.

⁴² Линч Дж. Революции в Испанской Америке, 1808—1826. М., 1979. С. 227.

⁴³ В литературе ее часто называют Великой Колумбией в отличие от образовавшейся впоследствии нынешней Колумбии.

⁴⁴ Decretos del Libertador. Т. 1. P. 173—176.

⁴⁵ Lecuna V. Crónica razonada de las Guerras de Bolívar. N. Y., 1950. Т. 2. P. 463—464.

тории Венесуэлы был завершен. Теперь в руках колонизаторов оставалась лишь крепость Пуэрто-Кабельо⁴⁶.

6 мая 1821 г. в Кукуте, на границе Венесуэлы и Новой Гранады, открылось Учредительное собрание. Наиболее важное место в его работе заняли дебаты относительно формы будущего государственного устройства Колумбии. При обсуждении этого вопроса разгорелись споры между федералистами и сторонниками унитарной системы во главе с Боливаром. В конечном счете победили последние. Принятая 30 августа конституция провозглашала полную и безусловную независимость Колумбии от Испании или какой-либо иной державы. В отличие от Основного закона 1819 г., предусматривавшего создание федерации самоуправляемых департаментов, она устанавливала строгую централизацию власти на основе унитарной организации государства⁴⁷. Учредительное собрание избрало президентом республики Боливаром, а вице-президентом Сантандера. Столицей федерации стала Богота.

1 октября 1821 г. войска патриотов овладели последним опорным пунктом колонизаторов на побережье Новой Гранады — крепостью Картахеной, а в конце ноября в результате победоносного восстания от испанского господства была освобождена Панама, которая как часть бывшего вице-королевства Новой Гранады немедленно вошла в состав Колумбии.

Однако территория аудиенсии Кито, за исключением провинции Гуаякиль, все еще оставалась в руках колонизаторов. Правда, с мая 1821 г. здесь действовала направленная Боливаром армия генерала Сукре, но перевес был на стороне испанцев. В начале 1822 г. войска Боливара выступили в поход и к концу марта достигли границ Кито. Это заставило роялистов бросить против них часть сил, что позволило Сукре нанести противнику сокрушительное поражение в сражении при Пичинче (24 мая). На следующий день колумбийская армия вступила в город Кито. В конце мая 1822 г. было объявлено о присоединении территории Кито к Колумбии.

Рио-де-Ла-Плата и Чили

В то время как в северной части Южной Америки происходили события, увенчавшиеся ликвидацией испанского владычества, на юге континента также развернулось освободительное движение.

Его основным очагом в этом районе явилась Рио-де-Ла-Плата, где в отличие от остальной Испанской Америки не было восстановлено колониальное господство, однако положение продолжало оставаться весьма сложным. Политической стабильности удалось добиться лишь Парагваю, который упрочил свою независимость как от испанской монархии, так и от правительства Буэнос-Айреса.

Над Восточным Берегом с начала 1816 г. нависла угроза вторжения португальских войск, сосредоточенных на границе Бразилии. Агрессивные планы захвата этой территории вынашивались португальцами, видимо, с молчаливого согласия консервативного правительства Буэнос-Айреса, которое рассчитывало, что таким образом будет ликвидирован оплот сил, поддерживавших Артигаса и его радикальную программу. В августе 1816 г. португальская армия вторглась на территорию Восточного Берега, но встретила ожесточенное сопротивление со стороны уругвайцев. Хотя интервентам удалось вскоре занять Монтевидео и некоторые другие города, значительная часть страны продолжала оставаться в руках патриотов.

⁴⁶ Она была взята патриотами в ноябре 1823 г.

⁴⁷ El pensamiento constitucional... Т. 1. Р. 333—371.

Расположенные в междуречье Уругвая и Параны провинции Корриентес и Энтре-Риос, а также соседние с ними Санта-Фе и Кордова поддерживали Артигаса. Те же лаплатские провинции, которые номинально признавали приоритет Буэнос-Айреса, отнюдь не соглашались с его гегемонистскими притязаниями. В таких условиях назрела неотложная необходимость решения важных вопросов, имевших значение для дальнейшего развития освободительного движения на Рио-де-Ла-Плате.

24 марта 1816 г. в Тукумане открылся конгресс Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы, где преимущественно были представлены провинции, группировавшиеся вокруг Буэнос-Айреса. Центральное место в его работе заняло обсуждение вопросов о юридическом оформлении национальной независимости Объединенных провинций и об их государственном строе. 9 июля конгресс торжественно провозгласил полную независимость и суверенитет Объединенных провинций в Южной Америке⁴⁸. Что касается формы правления, то большинство депутатов под влиянием Сан-Мартина и Бельграно высказались за установление монархии, полагая, что она обеспечит преодоление политической анархии и создание централизованного государства. Однако никакого конкретного решения так и не было принято. Конгресс вручил исполнительную власть «верховному правителю» Пуэйрредону.

К концу 1816 г. Сан-Мартин закончил формирование и подготовку так называемой Андской армии, предназначенной для похода к Тихоокеанскому побережью. Она дислоцировалась в пограничной с Чили провинции Мендоса, где нашли в свое время убежище отряды чилийских патриотов во главе с О'Хиггинсом. В середине января 1817 г. армия Сан-Мартина, насчитывавшая вместе с влившимися в ее ряды чилийцами свыше 5 тыс. человек, начала чрезвычайно трудный переход через горные хребты Анд.

В начале февраля 1817 г. Андская армия совершенно неожиданно для колониальных властей вступила в пределы Чили. 12 февраля ее главные силы разгромили испанские войска в сражении при Чакабуко (севернее Сантьяго) и, не встречая сопротивления со стороны деморализованного противника, через день заняли чилийскую столицу, население которой восторженно приветствовало победителей. К этому времени другие части освободительной армии очистили от роялистов обширную территорию от Копьяпо на севере до р. Мауле на юге. Лишь южная часть Чили оставалась под контролем испанцев.

Муниципалитет Сантьяго на открытом заседании, собравшемся после освобождения города, принял решение просить Сан-Мартина взять власть в свои руки. Однако тот отклонил это предложение, сославшись на свои обязанности главнокомандующего Андской армией. Тогда 16 февраля «верховным правителем» Чили был избран О'Хиггинс.

Правительство О'Хиггинса поспешило провести ряд важных мероприятий, направленных на укрепление позиций патриотов. Оно конфисковало имущество роялистов, изгнало наиболее ярых главарей контрреволюции и т. д. Чтобы завершить освобождение Чили от колонизаторов, на юг были направлены войска, которые заняли провинцию Консепсьон. В ее столице Консепсьоне О'Хиггинс и члены назначенного им правительства 1 января 1818 г. подписали декларацию о независимости Чили. Она была торжественно провозглашена в Сантьяго и других городах в годовщину победы при Чакабуко — 12 февраля 1818 г.⁴⁹

Однако после прибытия подкреплений из Перу испанские войска пере-

⁴⁸ RORA. T. I. P. 366–367.

178 ⁴⁹ Anales de la República. T. I. P. 13–15, 17–34.

Битва при Чакабуко 12 февраля 1817 г.

шли в наступление, нанесли поражение чилийской армии и стали приближаться к Сантьяго. Патриоты заняли оборону южнее столицы на обширной равнине Майпу. Вскоре туда подошли роялисты, и 5 апреля 1818 г. произошло кровопролитное шестичасовое сражение, в котором испанцы потерпели сокрушительное поражение. С испанским владычеством в Чили было покончено навсегда.

23 октября 1818 г. вступила в силу временная чилийская конституция. Она декларировала гражданское равенство, неприкосновенность личности, жилища и имущества населения, свободу печати и т. д. Законодательную власть должен был осуществлять конгресс, а исполнительную — «верховный правитель»⁵⁰. Лишь четыре года спустя была принята новая конституция, которая официально провозгласила независимость Чили от испанской монархии и любой другой иностранной державы⁵¹.

После разгрома при Майпу и утраты Чили испанское командование в Южной Америке стало придерживаться преимущественно оборонительной тактики и решило сконцентрировать основные силы в Перу. Эта цитадель испанских колонизаторов на Южноамериканском континенте являлась их последним оплотом, который должен был противостоять стремительному наступлению патриотов. Поэтому Сан-Мартин по завершении чилийской кампании немедленно приступил к подготовке похода в Перу. По его настоянию правительство Объединенных провинций в феврале 1819 г. заключило союзный договор с Чили об организации совместной военной экспедиции в Перу для освобождения этой страны. Но подготовка перуанского похода затяну-

Вплоть до начала 1823 г. этот пост занимал О'Хиггинс.
Anales de la República. Т. 1. Р. 52—94.

лась на длительный срок, что было обусловлено как сложностью и трудностью самой задачи, так и крайней напряженностью политической обстановки в Объединенных провинциях.

Провозглашение независимости Тукуманским конгрессом объективно способствовало созданию более благоприятных условий для роста капиталистических отношений на Рио-де-Ла-Плате. Однако их развитие тормозилось сохранением многочисленных феодальных пережитков, а также экономической и политической разобщенностью провинций. Между господствующими классами Буэнос-Айреса, являвшегося крупнейшим центром морской и речной торговли и имевшего наиболее развитую экономику, с одной стороны, и внутренних провинций — с другой, существовали глубокие противоречия. Они находили свое выражение в борьбе двух политических тенденций, представленных унитариями и федералистами.

Первые добивались создания единого централизованного государства, возглавляемого правительством, облеченным широкими полномочиями. Это требование отвечало прежде всего интересам зарождавшейся национальной буржуазии и связанных с ней социальных групп. Вторые были сторонниками принципа федеративного государственного устройства при сохранении полной автономии отдельных провинций. Их позиция соответствовала в основном стремлениям крупных земельных собственников, отстаивавших свои привилегии и желавших сохранить территориальную раздробленность. В целом централизм объективно способствовал созданию предпосылок для развития капитализма, а федерализм препятствовал этому процессу.

Следует, однако, иметь в виду, что связь тенденций с классовыми интересами тех или иных слоев общества, а также с перспективами социально-экономического развития страны была весьма относительна и условна. Так, если буржуазия Буэнос-Айреса в большинстве своем поддерживала централистов, то в других провинциях многие ее представители, желая покончить с торговой монополией Буэнос-Айреса, склонялись к федерализму. А среди буэнос-айресских латифундистов было, в свою очередь, немало таких, которые разделяли взгляды унитариев. Политические разногласия между враждебными группировками нередко перерастали в затяжные конфликты и даже выливались в вооруженные столкновения.

Одержав победу на Тукуманском конгрессе, унитарии добились принятия 3 декабря 1817 г. Временного регламента, который должен был определять основы государственного устройства впредь до утверждения конституции. Этот документ предусматривал создание сильного центрального правительства во главе с «верховным правителем», в компетенцию которого входило назначение губернаторов провинций⁵². Ряд положений Временного регламента был использован в дальнейшем при разработке конституции «Объединенных провинций в Южной Америке», принятой конгрессом 22 апреля 1819 г. Конституция закрепляла унитарную форму государственного устройства и вручала законодательную власть двухпалатному конгрессу, а исполнительную — «верховному правителю», избираемому конгрессом на пятилетний срок⁵³.

Принятие конституции привело к резкому обострению политической борьбы. Правящие круги ряда провинций, встревоженные перспективой усиления власти центрального правительства, активизировали действия, направленные против Буэнос-Айреса. 1 февраля 1820 г. буэнос-айресские войска были разбиты объединенными силами провинций Корриентес, Энтре-

⁵² RORA. T. 1. P. 441—454.

⁵³ Ibid. P. 502—507.

Риос и Санта-Фе. Это поражение привело к падению «верховного правителя» Рондо и роспуску конгресса. 23 февраля губернаторы Буэнос-Айреса, Санта-Фе и Энтре-Риос подписали в селении Пилар соглашение о прекращении военных действий. Участники соглашения решительно высказались за федеративный принцип государственного устройства⁵⁴.

К этому времени остатки отрядов Артигаса, разгромленных в начале 1820 г. португальцами на территории Восточного Берега, покинули родину и обосновались в пограничной провинции Корриентес. Получив деньги и оружие из Буэнос-Айреса, губернатор Энтре-Риос Рамирес в июне 1820 г. начал военные операции против уругвайских патриотов. Его превосходящие силы в нескольких боях нанесли поражение сторонникам Артигаса и отбросили их к р. Паране. Артигас вынужден был переправиться на другой берег и искать убежища в Парагвае.

Поход Сан-Мартина и создание Перуанской республики

Между тем Сан-Мартин под влиянием известий о революции в Испании, пользуясь некоторой стабилизацией обстановки на Рио-де-Ла-Плате, отправился в Чили, где находилась армия, подготовленная для похода в Перу. 20 августа 1820 г. флотилия судов, на борту которых находились экспедиционные войска⁵⁵, направилась из Вальпараисо вдоль побережья Тихого океана на север.

Поскольку роялисты располагали в Перу значительными силами, а освободительное движение там было довольно слабым, Сан-Мартин не решился сразу предпринять попытку овладеть хорошо укрепленной перуанской столицей Лимой. В начале сентября его войска высадились гораздо южнее, в Писко. Призвав население к восстанию против испанцев, они освободили южную часть Перу и стали продвигаться на север.

Известия об успехах освободительной армии вызвали панику среди роялистов. Многие солдаты и офицеры — перуанцы или уроженцы других стран Америки — переходили на сторону патриотов. После безуспешных переговоров с Сан-Мartiном вице-король Ла Серна 6 июля 1821 г. вывел свои войска из Лимы, так и не отважившись дать решительный бой патриотам. В город вступили части Армии освобождения Перу.

Спустя несколько дней Сан-Мартин созвал представителей населения столицы и 28 июля при большом стечении народа торжественно провозгласил независимость Перу⁵⁶. Он согласился временно стать главой нового государства — «протектором», облеченным высшей гражданской и военной властью. В августе Сан-Мартин издал декреты об освобождении всех детей рабов, родившихся после провозглашения независимости, и об отмене принудительной трудовой повинности индейцев. Перуанские порты были открыты для торговли с иностранными державами. 8 октября 1821 г. правительство Сан-Мартина обнародовало Временный статут, который провозглашал неприкосновенность личности, имущества, жилища, свободу печати и другие гражданские права⁵⁷.

Однако роялисты, сохранив и отведя в малодоступные высокогорные районы Анд свои главные силы, продолжали контролировать большую

⁵⁴ См.: José Artigas. Documentos. P. 190—192.

⁵⁵ Об их составе см.: *Mitre B. Historia de San Martín y de la emancipación Sud-Americana.* Buenos Aires, 1950. Т. 1. P. 921—922.

⁵⁶ *Ibid.* Т. 2. P. 156—157.

⁵⁷ *El pensamiento constitucional.* . . Т. 4. P. 193—203.

часть страны, в том числе Верхнее Перу. Напротив, освободительная армия, бойцы которой страдали от непривычного климата и эпидемических заболеваний, быстро теряла боеспособность. Сан-Мартин понимал, что не в состоянии завершить освобождение Перу собственными силами, и стремился заручиться поддержкой Колумбии. Вследствие указанных обстоятельств он считал желательной личную встречу с Боливаром.

Переговоры двух выдающихся руководителей освободительного движения происходили 26—27 июля 1822 г. в Гуаякиле. Они велись без свидетелей и носили сугубо конфиденциальный характер. Точное содержание их осталось неизвестным, что позволило в дальнейшем историкам строить на этот счет самые различные предположения. Однако анализ прямых и косвенных свидетельств участников и современников встречи дает возможность составить определенное представление о том, что же являлось предметом секретных бесед протектора Перу и президента Колумбийской республики.

Центральное место в ходе переговоров занял, по мнению исследователей, вопрос о совместных действиях против испанских войск в Перу, но соглашения на этот счет достигнуто не было. Боливар не имел тогда возможности направиться во главе всей колумбийской армии в Перу или хотя бы послать туда крупные силы, как предлагал Сан-Мартин, потому что в самой Колумбии положение еще далеко не стабилизировалось и в различных районах продолжали действовать остатки разгромленных испанских частей. В помощь перуанцам он мог бы в то время отправить лишь сравнительно небольшой экспедиционный корпус.

Сан-Мартин же, склонный, видимо, объяснять позицию своего собеседника нежеланием делить с кем бы то ни было лавры освободителя Перу и власть над этой страной после окончательного изгнания колонизаторов, готов был признать главенствующую роль Боливара и передать в его полное подчинение свою армию. Однако президент Колумбии отверг и такой вариант.

Обмен мнениями выявил также серьезные разногласия при обсуждении будущей формы государственного устройства Перу и других южноамериканских стран. В то время как Сан-Мартин отдавал предпочтение конституционной монархии, Боливар был решительным сторонником республиканского строя⁵⁸.

Вследствие глубоких расхождений между Боливаром и Сан-Марином их встреча оказалась бесплодной. Не желая быть помехой полному освобождению Перу, Сан-Мартин пришел к выводу, что во имя быстреего достижения этой цели ему следует отказаться от военного и политического руководства в пользу Боливара. 20 сентября 1822 г. он сложил полномочия перед учредительным конгрессом в Лиме, после чего выехал в Буэнос-Айрес, а затем в Европу.

22 сентября конгресс официально провозгласил независимость Перу и передал власть Верховной правительственной хунте во главе с бывшим испанским генералом Ла Маром, перешедшим на сторону патриотов. 16 декабря были приняты Основы политической конституции Перуанской республики, утверждавшие представительную форму правления и деклариовавшие демократические свободы⁵⁹. Однако новое правительство не смогло обеспечить успешное ведение военных операций против роялистов. Войска, направлен-

⁵⁸ См.: *Lecuna V.* La entrevista de Guayaquil. Caracas, 1948; *Chaves J. C.* San Martín y Bolívar en Guayaquil. Buenos Aires, 1950. Наиболее достоверное и сбалансированное описание встречи в Гуаякиле дает, с нашей точки зрения, Г. Мазур. См.: *Masur G.* The Conference of Guayaquil // *HAHR.* 1951. May. Vol. 31, N 2. P. 191—229.

182 ⁵⁹ El pensamiento constitucional... T. 4. P. 213—217.

ные им в южные районы Перу, были разгромлены испанцами. Когда весть об этом достигла Лимы, ее гарнизон выступил против хунты. Под давлением оставших войск конгресс 27 февраля избрал президентом Перуанской республики представителя креольской знати Рива-Агуэро.

Тем временем в Лиму прибыли колумбийские войска, которыми командовал Сукре. Но, поскольку большая часть перуанской армии находилась на юге, испанское командование сумело в середине июня овладеть Лимой. Перуанский конгресс перенес свое местопребывание в Кальяо и, фактически отстранив Рива-Агуэро, обнаружившего полнейшую беспомощность, назначил главнокомандующим вооруженными силами Сукре. По его совету конгресс обратился к Боливару с просьбой взять на себя руководство военными действиями против испанцев в Перу.

Через месяц роялисты вынуждены были покинуть Лиму, и туда вернулись патриоты. Рива-Агуэро, пытаясь удержать в своих руках власть, отказался признать решения конгресса и объявил о его роспуске. Тогда конгресс официально сместил Рива-Агуэро, и избрал президентом республики маркиза де Торре Тагле.

В начале сентября 1823 г. в Лиму прибыл Боливар, торжественно встреченный представителями гражданских и военных властей. Население восторженно приветствовало его. 10 сентября перуанский конгресс провозгласил Боливара Освободителем, возложил на него верховное командование вооруженными силами и предоставил ему чрезвычайные полномочия, обязав президента согласовывать с ним все свои действия. Таким образом, фактически в Перу была установлена диктатура Боливара. Хотя формально главой исполнительной власти все еще считался де Торре Тагле, конгресс принял закон, предписывавший приостанавливать действие любой статьи конституции, несовместимой с правами, данными Освободителю.

Но Боливар все же не располагал достаточными материальными средствами, необходимыми для выполнения стоявшей перед ним важнейшей задачи — разгрома испанских войск в Перу. Роялисты обладали значительным численным превосходством, и при таком соотношении сил нельзя было рассчитывать на успех.

Положение Освободителя становилось все более затруднительным. Он не только был лишен возможности начать активные действия против испанцев, но и столкнулся с крайне враждебным отношением значительной части перуанских крупных землевладельцев и чиновников, высшего духовенства и офицеров. Эти круги, тесно связанные с испанскими колонизаторами, опасались, что освобождение Перу, осуществленное при решающем участии колумбийской армии, неизбежно повлечет за собой присоединение страны к Колумбии и проведение прогрессивных преобразований.

Чтобы избежать этого, некоторые противники Боливара, принадлежавшие к креольской олигархии, готовы были пойти на сговор с врагами. Так, президент де Торре Тагле пытался за спиной Освободителя договориться с вице-королем, которому он обещал сдать Лиму и Кальяо. Однако заговорщики не успели осуществить свое намерение, так как в начале февраля 1824 г. в Кальяо вспыхнул контрреволюционный мятеж и порт оказался в руках роялистов. Над Лимой нависла непосредственная угроза.

В этой критической обстановке перуанский конгресс 10 февраля сместил де Торре Тагле с поста президента и официально назначил Боливара диктатором, вручив ему неограниченную военную и гражданскую власть. Одновременно конгресс аннулировал конституцию, принятую в 1823 г., и объявил о самороспуске. Но удержать Лиму было уже невозможно. По приказу Боливара войска и значительная часть населения оставили город, который

вскоре был занят испанцами. Положение патриотов стало катастрофическим. Они потерпели серьезное поражение, и большая часть Перу вновь оказалась под контролем роялистов.

Новая Испания и Центральная Америка

К тому времени испанское господство было уже ликвидировано не только в остальных районах Южной Америки, но также в Северной и Центральной Америке.

В Новой Испании освободительное движение продолжалось и после разгрома его главных сил и гибели Морелоса. Хотя к концу 1815 г. большая часть страны снова оказалась под контролем колониальной администрации, мексиканские патриоты не прекращали борьбу за независимость. В различных районах действовали партизанские отряды, насчитывавшие в общей сложности около 10 тыс. человек⁶⁰. В 1817 г. на побережье Новой Испании с целью ее освобождения от испанского владычества высадилась экспедиция во главе с одним из организаторов народной войны против войск Наполсона в Испании, Ф. Х. Миной-младшим⁶¹. Однако эта попытка оказалась безуспешной. В 1818—1819 гг. освободительное движение было почти всюду подавлено. Только на юге страны, в бассейне р. Мескала, продолжал борьбу достойный преемник Идальго и Морелоса — Висенте Герреро.

Под влиянием революционных событий 1820 г. в метрополии и успехов борьбы за освобождение южноамериканских колоний в Новой Испании стал нарастать новый подъем освободительного движения. В этой обстановке землевладельческая знать, крупные купцы, высшее духовенство, военно-бюрократическая верхушка, стремясь сохранить в неприкосновенности угодные им прежние порядки, стали добиваться отделения страны от революционной Испании. Таким путем они рассчитывали помешать дальнейшему развитию революции и сохранить свое господство и привилегии.

Политической платформой этих кругов был «план Игуала», опубликованный в феврале 1821 г. полковником Итурбиде, принимавшим в прошлом деятельное участие в подавлении освободительного движения. Провозглашая независимость Мексики, «план Игуала» предусматривал установление конституционной монархии и сохранение прежней системы управления, а также существенные гарантии интересов колонизаторов⁶². Полностью игнорируя социально-экономические, а в значительной мере и политические задачи, этот документ означал явный шаг назад по сравнению с программами Идальго и Морелоса. Тем не менее содержащаяся в нем идея независимости обеспечила «плану Игуала» поддержку народных масс, в том числе многих участников освободительной борьбы, в частности таких выдающихся ее руководителей, как Висенте Герреро, Гуадалупе Виктория, Николас Браво. Поскольку демократические силы были к тому времени очень ослаблены, руководство движением оказалось в руках наиболее консервативных элементов.

Армия, сформированная Итурбиде, не встречая серьезного сопротивления со стороны испанских войск, заняла в течение нескольких месяцев почти все крупные центры и вступила в Мехико, где 28 сентября 1821 г. была провозглашена независимость Мексиканской империи⁶³. Этот акт не сопровождался

⁶⁰ *Alatán L.* Op. cit. T. 4. P. 626—628.

⁶¹ Подробнее см.: *Альперович М. С.* Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964. С. 255—258.

⁶² *El Libertador // Documentos selectos de D. Agustín de Iturbide.* México, 1947. P. 192.

⁶³ *Las actas de independencia de América.* Wash., 1955. P. 80.

существенными социально-экономическими преобразованиями и ликвидацией монархии. В мае 1822 г. Итурбиде был провозглашен императором под именем Агустина I. Однако его империя оказалась недолговечной. В стране стало расти республиканское движение, принявшее вскоре характер вооруженной борьбы, завершившейся в марте 1823 г. крахом империи. Итурбиде был выслан из Мексики и объявлен конгрессом врагом государства и вне закона⁶⁴.

31 января 1824 г. учредительный конгресс принял Основной закон, подтверждавший, что «мексиканская нация навсегда свободна и независима от Испании или какой бы то ни было другой державы»⁶⁵. 4 октября была обнародована конституция Мексиканских Соединенных Штатов, которая закрепляла республиканский строй, предусматривала упразднение инквизиции, лишала церковь монополии в области народного образования, отменяла подушную подать, декларировала равенство всех граждан перед законом, свободу печати и т. д.⁶⁶

Освобождение Мексики от колониального гнета и превращение ее в суверенное государство явились результатом героической и самоотверженной борьбы мексиканского народа во главе с Идальго, Морелосом и другими выдающимися патриотами. Она подорвала позиции колонизаторов, подготовила ликвидацию их господства и утверждение республики.

После установления независимости в ряде испанских колоний, в частности в Мексике, вновь активизировалось освободительное движение. В Гватемале 15 сентября 1821 г. собрание представителей населения столицы генерал-капитанства приняло декларацию о независимости. Оно объявило также о предстоящем созыве конгресса всех провинций Центральной Америки, который должен был решить, быть ли Гватемале суверенным государством или войти в состав Мексиканской империи⁶⁷. По этому вопросу возникли серьезные разногласия. В то время как консервативные круги, представлявшие латифундистов, высшее духовенство и военно-бюрократическую верхушку, во главе с бывшим генерал-капитаном Габино Гаинсой, продолжавшим осуществлять высшую гражданскую и военную власть, добивались присоединения к Мексике, либерально настроенные элементы, руководимые Педро Молиной, выступали за полную государственную самостоятельность, принятие демократической конституции и проведение социально-экономических преобразований. Вторую точку зрения разделяли и патриоты Сальвадора во главе со священником Дельгадо; в Гондурасе и Никарагуа проявились как та, так и другая тенденция. Коста-Рика сперва придерживалась выжидательной тактики, но 29 октября провозгласила свою независимость.

В октябре 1821 г. Итурбиде дважды обращался к Гаинсе с предложением о присоединении управляемой им территории бывшего генерал-капитанства к Мексике. Однако гватемальское правительство не решилось тогда уступить этому требованию. Лишь 5 января 1822 г. Гаинса официально объявил о присоединении Гватемалы к Мексиканской империи. Но уже через несколько дней «провинциальная депутация» Сальвадора заявила об отделении этой провинции от Гватемалы. Поскольку ясно было, что несмотря на заявление Гаинсы аннексионистские планы Итурбиде встречаются в Центральной

⁶⁴ В июле 1824 г. он предпринял авантюристическую попытку восстановления своей власти, но после высадки на побережье Мексики был арестован и расстрелян.

⁶⁵ Primer centenario de la constitución de 1824. México, 1924. P. 255.

⁶⁶ Las constituciones de México. México, 1957. P. 75—145.

⁶⁷ Las actas de independencia de América. P. 64—65.

Америке сильное сопротивление, туда были направлены мексиканские войска, которые в мае 1822 г. вступили в Гватемалу.

В июле 1822 г. конгресс Мексики санкционировал присоединение к империи Итурбиде центральноамериканских провинций. Управление ими было возложено на командующего находившимися там мексиканскими войсками Филисолу, который назначался генерал-капитаном Гватемалы. Однако провинциальная хунта Сальвадора, являвшегося основным очагом сопротивления экспансионистским планам Итурбиде, по-прежнему отказывалась подчиняться как гватемальским властям, так и мексиканскому правительству. Тогда Филисола начал военные операции против Сальвадора и к февралю 1823 г. овладел большей частью провинции и ее столицей. 10 февраля было объявлено о присоединении Сальвадора к Мексиканской империи. Таким образом, к началу 1823 г. аннексия Центральной Америки Мексикой была в основном завершена.

Однако с крушением империи Итурбиде усилились тенденции к отделению от Мексики центральноамериканских областей. Национальное учредительное собрание представителей всех провинций бывшего генерал-капитанства Гватемалы, открывшееся 29 июня 1823 г., признало присоединение к Мексике незаконным и насильственным. 1 июля оно декларировало образование независимой и суверенной федеративной республики Соединенных провинций Центральной Америки⁶⁸.

В обстановке бурного роста освободительного движения во всей Испанской Америке в конце 1821 г. вспыхнуло восстание в Санто-Доминго. 1 декабря эта колония была провозглашена республикой под названием Независимое государство испанской части Гаити. Созданная патриотами Временная правительственная хунта объявила о своем намерении присоединить новую республику к Колумбии. Правительство заявило также, что желает заключить союз с соседней республикой Гаити для совместной защиты своей свободы и независимости.

Но Колумбия практически не могла в то время оказать какую-либо помощь Санто-Доминго, а правительство Гаити, используя ситуацию, в январе 1822 г. аннексировало молодую республику. Едва освободившись от испанского ига, Санто-Доминго было насильственно включено в состав соседнего государства Гаити.

Освобождение Перу и окончание войны

К началу 1824 г. последним оплотом испанского владычества на Американском континенте оставалось Перу. Освобождение его означало бы завершение войны за независимость в масштабе всей Испанской Америки. Это понимали Боливар и его соратники, которые после поражения, понесенного ими в феврале 1824 г., не падали духом.

Главной задачей патриоты считали создание боеспособной армии. Для достижения этой цели были мобилизованы все возможные ресурсы. С целью привлечь на свою сторону перуанских индейцев Боливар издал декрет об отмене подушной подати и передаче индейцам в личную собственность общинных земель. Поскольку многие солдаты, месяцами не получая жалованья, дезертировали, он сократил солдатское жалованье, но зато стал выплачивать его регулярно. Большое внимание уделялось вооружению и снаряжению войск, их боевой подготовке и укреплению воинской дисциплины.

⁶⁸ La anexión de Centroamérica a México. T. 4. México, 1945. P. 321—332; T. 5. México, 1946. P. 29—33.

Чтобы снабдить всем необходимым Освободительную армию, Боливар приказал конфисковать имущество роялистов и даже драгоценную церковную утварь. Тем не менее он едва ли смог бы полностью вооружить, снарядить, обеспечить боеприпасами и питанием свои войска, если бы не активная поддержка широких слоев населения.

В апреле 1824 г. армия Боливара насчитывала уже примерно 10 тыс. человек. Однако ей противостояли испанские силы общей численностью около 16 тыс. человек, сосредоточенные преимущественно в высокогорных районах. При таком явном численном превосходстве противника патриоты не спешили переходить в наступление и продолжали накапливать силы. В это время командующий роялистскими войсками в Верхнем Перу Оланьета поднял мятеж против вице-короля Ла Серны. Испанская армия оказалась между двух огней: с севера ей грозили патриоты, а с юга мятежные части Оланьеты.

Сложилась весьма благоприятная для Боливара ситуация, которую он не преминул использовать. Перехватив у противника инициативу, его армия в середине июня 1824 г. начала поход на юго-восток и, перейдя горные хребты Анд, вышла на плоскогорье Паско. Ее внезапное появление застало роялистов врасплох. 6 августа на равнине Хунин разыгралась ожесточенная битва. Она длилась всего полтора часа. С обеих сторон во время боя не раздалось ни одного выстрела, сражались только холодным оружием. Не выдержав стремительного натиска патриотов, испанские войска, охваченные паникой, обратились в бегство.

Но испанцы все еще сохраняли в Перу 12-тысячную армию, которую возглавил теперь сам вице-король. Предстояли решающие бои, и обе стороны усиленно готовились к схватке. Боливар воспользовался наступившей передышкой и, возложив обязанности главнокомандующего на своего помощника Сукре, в начале октября направился к побережью. В первых числах декабря его войска освободили Лиму, однако Кальяо оставался в руках роялистов.

Боливар намеревался сформировать новую армию и лишь тогда нанести решительный удар врагу. Но события опередили его замысел. Ла Серна, пользуясь численным превосходством испанцев, предпринял в ноябре ряд маневров с целью окружить армию Сукре. Благодаря умелым действиям Сукре удалось избежать ловушки и измотать испанские войска, утомленные непрерывными маршами в условиях сильно пересеченной местности.

Наконец противники встретились на равнине Аякучо, расположенной на высоте 3400 м, примерно на полпути между Куско и Лимой. Сражение началось в 10 часов утра 9 декабря 1824 г. Перед боем Сукре обратился к своим бойцам с краткой речью. «От ваших усилий зависит судьба Южной Америки», — сказал он. Битва продолжалась всего около часа и закончилась блестящей победой патриотов. Испанцы понесли огромные потери убитыми и ранеными. Более 2 тыс. солдат, несколько сот офицеров и 14 генералов во главе с вице-королем Ла Серной были захвачены в плен. В сражении при Аякучо была разгромлена последняя крупная группировка испанских войск на Американском континенте. По словам Маркса, оно «окончательно обеспечило независимость испанской Южной Америке»⁶⁹. Теперь в руках роялистов оставались лишь Верхнее Перу, крепость Кальяо, остров Чилоэ (близ южного побережья Чили), а также островная крепость Сан-Хуан-де-Улуа в Мексике.

В конце декабря 1824 г. армия Сукре вступила в Куско и двинулась на юго-восток, в Верхнее Перу. Она не встретила там серьезного сопро-

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 176. О завершающих сражениях войны за независимость см.: La batalla de Junín y Ayacucho. Lima, 1974.

тивления, так как испанские части, понимая бесперспективность дальнейшей борьбы, при приближении освободительной армии отходили без боя или капитулировали. Население, в основном индейцы, открыто поддерживало патриотов. Партизанские отряды, много лет действовавшие в тылу у испанцев на севере страны, в свою очередь перешли в наступление. 28 января 1825 г. они заняли Ла-Пас, а в начале февраля туда вступили регулярные войска Сукре. 6 августа Учредительное собрание провинций Верхнего Перу провозгласило независимость и суверенитет страны, вручив верховную власть Боливару. В его честь новое государство получило название Боливии.

В конце 1825 г. Боливар, передав свои полномочия Сукре, выехал в Перу и в феврале следующего года, после почти годичного отсутствия, возвратился в Лиму. Там он разработал проект конституции Боливии, в котором не только определил основы государственного устройства Боливийской республики, но и сформулировал политические принципы, имевшие в той или иной мере значение для всех стран Испанской Америки.

Ко времени возвращения Боливара в перуанскую столицу были ликвидированы последние очаги сопротивления испанцев в Америке. Еще в ноябре 1825 г. сдался гарнизон Сан-Хуан-де-Улуа, а в январе 1826 г. капитулировали испанские силы в крепости Кальяо и на острове Чилоэ. Долголетняя освободительная борьба народов Испанской Америки закончилась в начале 1826 г. разгромом колонизаторов и их изгнанием с Американского континента. Испании удалось сохранить на время лишь свои владения в Вест-Индии — Кубу и Пуэрто-Рико.

ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ ВОЙНЫ

Накануне и в период освободительной войны испанских колоний европейские державы и США проявляли большой интерес к Латинской Америке. Стремясь к захвату территорий и рынков сбыта, они намеревались использовать обстановку, сложившуюся в ходе борьбы против гнета Испании, для того чтобы осуществить свои экспансионистские планы и подчинить испанские владения своему контролю.

С самого начала войны за независимость вашингтонское правительство, добивавшееся присоединения пограничных с Луизианой и некоторых других территорий, стало готовиться к аннексии Западной Флориды. В результате деятельности американской агентуры там были инспирированы антииспанские выступления, и в период с декабря 1810 по апрель 1813 г. войска США захватили всю территорию между реками Миссисипи и Пердидо. В конце 1817 г. они заняли остров Амелию, а вслед за тем вторглись в Восточную Флориду и оккупировали ее.

Действуя таким образом, вашингтонское правительство считало, что Испания, озабоченная судьбой своих американских колоний, согласится пожертвовать Флоридой, если США дадут обязательство не оказывать поддержки повстанцам. Расчет оказался правильным. После длительных переговоров государственный секретарь Адамс и испанский посланник Онис подписали 22 февраля 1819 г. в Вашингтоне договор о дружбе и границах. Согласно договору, Испания уступала Соединенным Штатам Западную и Восточную Флориду, добившись, в свою очередь, от США признания Техаса составной частью Новой Испании⁷⁰.

К весне 1822 г. политика правящих кругов США по отношению к освободи-

⁷⁰ Treaties and other International Acts of the United States of America. Wash., 1933. Vol. 3. P. 13—18.

тельной войне испанских колоний вступила в новую фазу. Революция 1820 г. в Испании нанесла сильный удар абсолютизму в метрополии и усугубила безнадежность борьбы колонизаторов против революционного движения в Испанской Америке, которая к тому времени почти полностью была освобождена от колониального ига. В таких условиях правительство США, выражая интересы американской буржуазии, добивавшейся проникновения на рынки Латинской Америки, должно было пойти на установление официальных отношений с молодыми испаноамериканскими государствами.

8 марта 1822 г. президент Монро обратился к конгрессу с посланием, в котором предлагал рассмотреть вопрос о признании независимости бывших испанских колоний; 28 марта конгресс принял соответствующее решение⁷¹. Но этот акт в течение длительного времени оставался чисто номинальным, так как вашингтонское правительство, не желая вступать в конфликт с Испанией и другими европейскими державами, явно не спешило устанавливать дипломатические отношения со странами Латинской Америки.

В начале 20-х годов в прессе европейских стран и США довольно часто появлялись сообщения о подготовке вооруженной интервенции держав Священного союза в Латинскую Америку с целью восстановления власти Испании над ее бывшими колониями. Однако в результате тщательного изучения вопроса современные исследователи пришли к выводу, что ни одно европейское правительство не имело в то время конкретных планов вооруженного вмешательства в латиноамериканские дела⁷².

Так, царская Россия, в первые годы освободительной войны в Латинской Америке придерживавшаяся благожелательного нейтралитета по отношению к восставшим колониям, а затем занявшая выжидательную позицию, с 1817 г. более или менее определенно проявляла сочувствие Испании, однако практически политика Александра I и тогда не выходила за рамки нейтралитета. Никакой подготовки к вооруженной интервенции в Испанской Америке Россия не вела⁷³.

Что касается Франции, которая начала в апреле 1823 г. интервенцию в революционную Испанию, то ее правительство фактически также не видело реальной возможности восстановления испанского владычества в Америке. В дальнейшем в связи с окончательным подавлением революции в Испании французскими войсками правящие круги Англии дали понять, что не допустят военного вмешательства Франции в дела бывших испанских колоний.

Пруссия и Австрия проводили легитимистскую политику, исходившую из стремления предотвратить влияние испаноамериканской революции на расстановку сил в Европе. Вместе с тем они отвергали идею вооруженной интервенции с целью реставрации власти Фердинанда VII в Америке, считая, что любые попытки такого рода обречены на неудачу.

Тем не менее, стремясь использовать сложившуюся обстановку для укрепления своих позиций в Западном полушарии, США провозгласили 2 декабря 1823 г. доктрину Монро, которая «на словах... звучала как открытый вызов державам Священного союза и была направлена, по идее,

⁷¹ A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents 1789—1897. Wash., 1896. Vol. 2. P. 116—118; Annals of the Congress of the United States. 17th Congress, 1st Session. Wash., 1855. P. 1403.

⁷² См.: *Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро. М., 1959. С. 153—186; *Britain and the Independence of Latin America* / Ed. C. K. Webster. L., 1938. Vol. 1. P. 72—73; *Perkins B.* Castlereagh and Adams: England and the United States, 1812—1823. Berkeley; Los Angeles, 1964. P. 332, 338; *Kossok M.* Im Schatten der Heiligen Allianz. B., 1964. S. 110—111; *Vöikl E.* Russland und Lateinamerika 1741—1841. Wiesbaden, 1968. S. 217; *Линч Дж.* Указ. соч. С. 347; и др.

⁷³ Подробнее см. главу Л. Ю. Слѣпкина в этой книге, а также его монографию: *Слѣпкин Л. Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.

в защиту Латинской Америки. По существу же она в первую очередь выражала националистические и экспансионистские тенденции в политике США, и реальная угроза Латинской Америке в будущем исходила не от Священного союза (который скоро распался), а от самих Соединенных Штатов»⁷⁴. Однако этот важный внешнеполитический акт объективно способствовал срыву враждебных латиноамериканскому освободительному движению замыслов международной реакции и тем самым упрочению независимости бывших колоний Испании.

Определенные шаги по установлению контактов с испаноамериканскими республиками предпринял в конце 1823 г. британский кабинет. Но вопрос об их признании де-юре продолжал оставаться открытым. Лишь в середине декабря 1824 г. правительство рекомендовало королю сделать это в отношении Мексики и Колумбии, а 31 декабря министр иностранных дел Каннинг официально заявил о том, что Англия признала независимость этих государств и Буэнос-Айреса⁷⁵.

В результате войны за независимость испанские колонии избавились от чужеземного ига и превратились в суверенные государства. В ходе освободительной войны образовались республики: Мексиканские Соединенные Штаты, Федерация Центральной Америки, Колумбия, Перу, Чили, Боливия, Парагвай. Несколько позже завершился процесс создания независимых государств на Рио-де-Ла-Плате, где ситуация осложнялась острыми противоречиями между провинциями и вмешательством извне. Единственным исключением здесь явился Парагвай, который обрел свою независимость еще в 1811 г. Иное положение сложилось в Объединенных провинциях Рио-де-Ла-Платы. В начале 1820 г. они распались и фактически перестали существовать как единое государство.

Понимая, что разобщенность чревата серьезными осложнениями, лаплатские патриоты стали энергично выступать за созыв конгресса, который осуществил бы объединение страны. Необходимость единства усугублялась резким обострением отношений с Бразилией из-за Восточного Берега⁷⁶, которое в декабре 1825 г. привело к началу военных действий. В связи с этим Учредительный конгресс Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы принял 6 февраля 1826 г. закон о создании общего правительства во главе с президентом (на этот пост был избран Б. Ривадавия). 24 декабря того же года конгресс утвердил конституцию Аргентины, как стали теперь называться Объединенные провинции Рио-де-Ла-Платы⁷⁷.

Война между Аргентиной (на стороне которой сражались уругвайские патриоты) и Бразилией продолжалась до августа 1828 г., когда был заключен мирный договор, предусматривавший признание Восточного Берега суверенным государством. Согласно конституции 1830 г., оно получило наименование Восточная республика Уругвай⁷⁸.

Добиваясь сплочения молодых испаноамериканских государств, Боливар предложил созвать в Панаме континентальный конгресс. Но в нем приняли участие лишь представители Колумбии, Перу, Мексики и Федерации Центральной Америки. 15 июля 1826 г. они подписали договор о «вечном союзе и конфедерации»⁷⁹. Однако его так и не ратифицировала ни одна из сторон.

⁷⁴ Болховитинов Н. И. Русско-американские отношения 1815—1832. М., 1975. С. 243.

⁷⁵ Temperley H. The Foreign Policy of Canning 1822—1827. L., 1925. P. 148—151.

⁷⁶ Эта территория, захваченная португальцами, была в 1821 г. присоединена ими к Бразилии.

⁷⁷ RORA. T. 2. Buenos Aires, 1880. P. 163—170.

⁷⁸ Gros Espiell H. Las constituciones del Uruguay. Madrid, 1978. P. 205—228.

⁷⁹ El congreso de Panamá (Colección Documental de la Independencia del Perú. T. 14, vol. 4). Lima, 1974. P. 413—422.

Некоторые государства, образовавшиеся на Американском континенте в ходе войны за независимость, вследствие глубоких внутренних противоречий и борьбы различных группировок за власть оказались недолговечными.

В Колумбии вскоре после окончания освободительной войны резко усилились центробежные тенденции и резвернулось сепаратистское движение. В 1830 г. колумбийская федерация распалась. На ее территории возникли республики Венесуэла, Эквадор (бывшая провинция Кито) и Новая Гранада. Вскоре после распада Колумбии, в декабре того же года, скончался и ее основатель Боливар. Он умер, покинутый всеми, кроме нескольких верных друзей. Лишь много лет спустя его заслуги перед родиной получили всеобщее признание.

Недолго просуществовала и Федерация Центральной Америки. В 1839 г. входившие в нее провинции превратились в самостоятельные государства — республики Гватемалу, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор и Коста-Рику.

Еще одно изменение политической карты Латинской Америки связано с судьбой бывшей вест-индской колонии Испании Санто-Доминго, которая в 1822 г. была присоединена к республике Гаити. В 1844 г. там вспыхнуло восстание под руководством Хуана Пабло Дуарте. Гаитянское господство было свергнуто, а восточная часть острова стала независимым государством — Доминиканской Республикой.

Освободительная война 1810–1826 гг. имела огромное значение для дальнейшего развития Испанской Америки. Она привела к ликвидации колониального режима, установлению политической независимости и образованию ряда испаноамериканских государств. Тем самым было покончено с многочисленными монополиями, запретами и ограничениями, регламентацией, сковывавшими экономическое развитие колоний, создавались более благоприятные условия для развития в Испанской Америке капиталистических отношений и вовлечения ее в систему мирового хозяйства. Были упразднены подушная подать и принудительная трудовая повинность коренного населения в пользу частных лиц, государства и церкви, в большинстве стран полностью или частично отменено рабство. Во всех вновь возникших испаноамериканских государствах был установлен республиканский, парламентарный строй и приняты конституции буржуазного типа. Прогрессивное значение имело также уничтожение инквизиции, упразднение дворянских титулов и других феодалных атрибутов.

Требования социального и экономического порядка, нашедшие наиболее яркое воплощение в массовых революционных движениях с широким участием индейского крестьянства (как, например, восстание под руководством Идальго и Морелоса в Мексике), выдвигались иногда, хотя не в таком объеме и не столь последовательно, и видными креольскими лидерами. Достаточно напомнить о некоторых декретах, обнародованных Боливаром в Венесуэле, Перу и Боливии, Сан-Мартинем в Перу, О'Хиггинсом в Чили, о важных аспектах политики Франции в Парагвае⁴⁰, об аграрной программе Артигаса и т. п.

В ходе войны заметно окрепло национальное самосознание испаноамериканцев. Все большее число их стало осознавать свою принадлежность к определенному этносу, имеющему неотъемлемое право на независимое существование, суверенитет и собственную государственность. Превращение бесправных колоний в самостоятельные республики, проведение некоторых реформ и другие последствия войны оказали значительное воздействие на формиро-

⁴⁰ См. ниже главу о Парагвае.

ванис испаноамериканских наций, намного ускорили их складывание и консолидацию.

Таким образом, борьба народов Испанской Америки за независимость имела целью не только отделение колоний от Испании, но и ликвидацию социального строя, иерархической структуры общества, форм эксплуатации и землевладения, насаждавшихся колонизаторами. Будучи по своим историческим задачам антифеодальной, объективно отражая потребности капиталистического развития, которому препятствовал колониальный режим, освободительная война 1810--1826 гг. послала, по существу, характер незавершенной буржуазной революции, протекавшей в специфических условиях вооруженной борьбы против европейского колониализма. М. Коссок (ГДР) рассматривает ее как «одно из звеньев в совокупности революций и революционных движений, осуществление которых обозначило окончательную смену феодальной эпохи буржуазной»⁸¹. По его мнению, хотя социальные задачи, стоявшие перед революционным движением, в большинстве своем не были реализованы, завоевание независимости сопровождалось не только переменами политического свойства, но и «минимумом изменений колониальной экономики и общества»⁸².

Следует отметить, что война за независимость не привела к коренной перестройке социально-экономической структуры стран Испанской Америки. Крупное землевладение в основном осталось в неприкосновенности, латифундисты и католическая церковь полностью сохранили свои позиции. Большая часть крестьянства продолжала подвергаться жестокой эксплуатации. Индейцы и негры при помощи имущественного и образовательного цензов, а также других ограничений фактически лишались политических прав.

Борьба за независимость была общенациональной. В ней принимали участие различные классы и слои колониального общества: индейское крестьянство, негры-рабы, мелкая городская буржуазия, зарождавшиеся буржуазные элементы, землевладельцы, чиновники местного происхождения и т. д. К патриотам примыкала и часть низшего духовенства. Во многих случаях руководство освободительным движением оказывалось в руках креольской элиты, интересы которой нередко выражали выходцы из разночинной среды и других слоев населения.

Главной движущей силой в борьбе за независимость были народные массы. Они далеко не часто выступали самостоятельно, им редко удавалось накладывать на движение отпечаток своих интересов. Мексика, Уругвай, Парагвай, где в ходе революции ставился вопрос о конфискации латифундий и проведении других демократических преобразований, составляли в этом смысле исключение. Наиболее отсталые слои подчас не видели разницы между испанскими колонизаторами и креольскими землевладельцами, эксплуатировавшими зависимых крестьян и рабов. В отдельных случаях они даже сражались на стороне испанцев. Однако в основном именно народные низы были ударной силой освободительного движения.

Конечно, между различными классами в колониях существовали глубокие противоречия. Нельзя забывать о том, что наряду с гнетом испанской монархии, тяготевшим над всеми слоями общества, индейское крестьянство и негры-рабы подвергались угнетению со стороны латифундистов-креолов. Последние, а под их влиянием и многие руководители освободительного движения стремились сохранить крупное землевладение, прежние формы

⁸¹ Kossok M. Probleme einer vergleichenden Analyse der lateinamerikanischen Unabhängigkeitsrevolution // ZfG. 1977. H. 2. S. 149.

⁸² Kossok M. Gemeinsamkeiten und Besonderheiten in der kolonialgeschichtlichen Entwicklung Lateinamerikas // ZfG. 1972. H. 6. S. 691—692.

эксплуатации, бесправное положение трудового народа. Их крайне тревожила перспектива перерастания войны за независимость в социальную революцию, направленную как против испанцев, так и против местных эксплуататоров. Поэтому они проявляли подчас известные колебания, нерешительность, старались сдерживать активность масс и не выпускать их из-под своего контроля.

Несмотря на острые противоречия внутри колониального общества, общее стремление к ликвидации испанского господства в большинстве случаев объединяло широкие слои населения в совместной борьбе за освобождение от колониального ига, хотя при этом разные классы и социальные группы ставили перед собой далеко не одинаковые цели.

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ БРАЗИЛЬСКОГО НАРОДА (1789—1822)

Глава 8

Просвещение подготовило не только Великую французскую революцию, оно стало идейной основой борьбы с абсолютизмом и феодализмом и в Новом Свете. Идеи Просвещения юдняли американцев на борьбу за свободу и независимость даже прежде, чем восстал Париж. Война за независимость английских колоний в Америке 1775—1783 гг. подала пример испанским и португальским колониям на этом континенте. Зрели освободительные силы и в Бразилии.

На протяжении XVII—XVIII вв. шел процесс постепенного созревания самосознания бразильского народа. Борьба с иноземными захватчиками, покушавшимися на земли Бразилии, способствовала росту патриотических настроений бразильцев, которые все больше понимали, что это борьба не столько за право оставаться подданными лиссабонского порфироснца, сколько за собственную свободу, возможность жить по укоренившимся обычаям. Еще порознь или друг против друга сражались потомки белых поселенцев, черные рабы и индейцы, но уже начался необратимый процесс их смешения, складывания единого бразильского народа и его культуры. В XVIII в. произошли глубокие демографические изменения — все население колонии увеличилось в 10 раз, достигнув к началу XIX в. 3 млн человек; треть жителей была креольского происхождения. Первой осознать себя бразильцами начала креольская интеллигенция, происхождением своим связанная с местными торговыми и ремесленными слоями. Характерно, что во второй половине XVIII в. в бразильских литературных кругах популярной становится героизированный образ индейца, т. е. этнического элемента, имевшего наиболее глубокие исторические корни на здешней почве.

После того как были отменены реформы маркиза Помбала и восторжествовала феодальная реакция, положение в колонии стало невыносимым. Португальцы обладали практически всей административной властью. Всякое предприятие, сколько-нибудь угрожавшее конкуренцией португальцам, запрещалось. Внешняя торговля всецело находилась в руках кушцов-португальцев и осуществлялась через порты, получавшие на то специальное разрешение. По тем временам это была немалая торговля: на долю Бразилии приходилась почти половина всех товаров, ввозившихся в Португалию, а в колониальной торговле метрополии эта доля составляла до 80 %.

В колонии не было университетов, и, чтобы получить высшее образование, бразильцы уезжали в метрополию. Цензура, как правило, запрещала ввоз в колонию светской литературы.

Внешне жизнь зажиточных горожан в Рио-де-Жанейро, казалось, мало отличалась от жизни лиссабонской знати. На балах дамы и кавалеры щеголяли в модных европейских нарядах, на званых ужинах и обедах пили вино, привезенное из Старого Света, а подававшиеся на стол мясо, птица и продукты моря изобилием и разнообразием удивили бы и дворян из метрополии.

Но в то же время в домах бразильских горожан все чаще затевались крамольные разговоры о том, как избавиться от гнета и засилья португальцев. Недовольство охватывало почти все слои колониального общества. Корни этого недовольства были необычайно глубоки. Экономические противоречия между колонией и метрополией обострялись на протяжении всего XVIII в., когда шла активная разработка золотых приисков и алмазных трубок, росли новые города. Ограничения в торговле и производстве сковывали производительные силы Бразилии, не давали развиваться внутреннему рынку. В начале XIX в. всего 1,5 млн бразильцев удовлетворяли свои потребности через рынок, другая половина населения колонии существовала в условиях натурального хозяйства.

В отличие от американских колоний Британии, где производство шерсти и тканей уже к концу XVII в. достигло такого масштаба, что английским купцам и владельцам мануфактур пришлось жаловаться на конкуренцию на мировом рынке со стороны колонистов, бразильское производство даже к концу колониального периода не могло составить серьезной конкуренции купцам и хозяевам мануфактур в метрополии. Рост городского населения в Бразилии тормозило искусственное сдерживание развития ремесел и торговли. Значительная часть населения колонии была вовсе исключена из производственной деятельности. Путешественники, посещавшие Бразилию, отмечали широкое распространение попрошайничества. Но даже деклассированные креольские элементы в социальном отношении стояли выше индейцев и негров.

Среди индейцев имелись две категории — христианизированные и «дикис». Первые жили обычно в селениях на границе между морем и сельвой, вторые скрывались в лесах. Отдельные индейские племена занимались земледелием, выращивая хлопок, маниоку, заменявшую на севере хлеб, и кукурузу, причем в количествах, превышавших их потребности. Индейцы не были рабами, но и их труд эксплуатировался на фазендах¹. На самой низшей ступени социальной лестницы находились рабы. Но даже здесь была своя градация. Так, считалось, что положение негритянки — прислуги в домах рабовладельцев было выше положения черной женщины, занятой на сельскохозяйственных работах². Черные рабы занимались на фазендах и рмеслом. В частности, они плели из пальмовых волокон корабельные канаты. Негр-ремесленник зарабатывал в день продукции на большую сумму — до 250—300 рейсов. Эти чернокожие бразильцы, будучи основными товаропроизводителями, обеспечивали материальную базу развития новых социальных сил, способных довести до конца борьбу за освобождение.

В развитии противоречий между колонией и метрополией определенную роль играл внешний фактор. Англичане начали активно интересоваться Бразилией еще в середине XVII в. А Мстунский договор 1703 г. привел к овладе-

¹ Maximiliano, Principe de Wied Neuwied: Viagem ao Brasil. Nos annos de 1815 à 1817. São Paulo, 1940. P. 360.

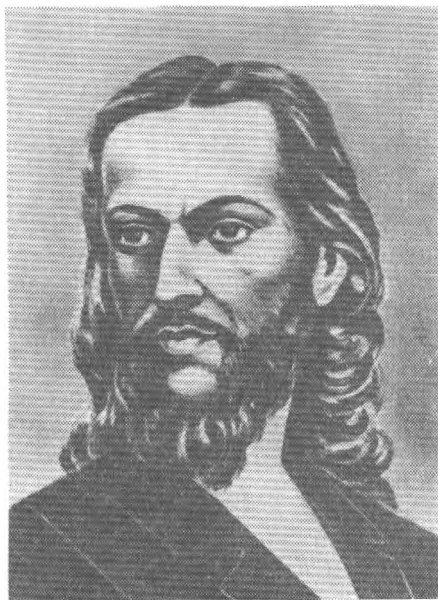
² Ibid. P. 107.

нию британцами почти всей внешней торговлей Португалии и таким путем к участию в ограблении колонии. Англичане использовали Португалию и в своих политических интригах не только в Европе, но и в Америке, где на протяжении XVII и XVIII вв. между Испанией и Португалией шла упорная борьба за землю Банды Ориенталь. Чтобы укрепиться в этом районе, португальцы в 1720 г. стали строить на Ла-Плате крепость Сан-Жозе, которая должна была держать под прицелом колонию Сан-Филипе-де-Монтевидео. Вокруг этого пункта разгорелась долгая борьба. В конце XVIII в. Англия вновь стала толкать Португалию на захват пограничных с Бразилией земель на восточном берегу Ла-Платы³. В 1806—1807 гг. англичане пытались организовать интервенцию на Ла-Плату своими силами. Наконец, в 1811 г. португальцы выбили испанцев из крепости Сан-Мигель, которой те владели в течение полувека, и оккупировали весь Восточный Берег⁴.

Наибольшие тяготы бразильское население испытывало от растущих налогов. Особенно острой эта проблема была в Минас-Жераисе — районе добычи золота и драгоценных камней. Еще в начале XVIII в. «были предприняты попытки установить коллективные квоты для каждого муниципия в надежде, что этим путем удалось бы избежать мошенничества и других жульнических приемов, с помощью которых плательщики уклонялись от выплаты подушного налога»⁵. Следующим шагом в развитии налоговой системы стало кинтирование — отчисление пятой части добытого золота в государственную казну. В конце концов на основе кинтирования определенное количество золота взималось как коллективная подушная подать. Размеры этой подати увеличивались в соответствии с ростом добычи золота.

Во второй половине XVIII в. добыча стала падать, но двор и не думал снижать налог. Быстро росли недоимки. Лиссабон, нуждавшийся во все большем количестве золота, направил в 1788 г. в Минас-Жераис нового губернатора виконта де Барбасену с целью установить жесткий контроль на приисках и выколотить из жителей капитании полную сумму налога и недоимки. Барбасена объявил о введении чрезвычайного поголовного налога — *деррамы*. Капитанию сразу же охватило недовольство.

В 1789 г. в капитании Минас-Жераис сложился заговор. Главным действующим лицом его был кавалерийский прапорщик Жуакин Жозе да Силва Шавьер, прозванный Тирадентисом («зубодер») за высоко ценимое искусство вырывать больные зубы. В заговоре участвовали офицеры, взгляды которых

ЖУАКИН ЖОЗЕ да СИЛВА ШАВЬЕР
(ТИРАДЕНТИС)

³ См.: Очерки истории Аргентины. М., 1961. С. 60.

⁴ Правда, вскоре этот район самоопределился иным образом — в 1825 г. он присоединился к Объединенным провинциям Ла-Платы, а в 1828 г. здесь было создано суверенное государство Восточная Республика Уругвай.

⁵ Роша Помбу Ж. Ф. де. История Бразилии. М., 1962. С. 233.

формировались под влиянием идей Просвещения, торговцы, священники, представители местной интеллигенции. Среди заговорщиков выделялись крупнейшие поэты того времени Томас Антониу Гонзага и Клаудиу Мануэл да Коста, занимавшие в разное время в Вила-Рике — главном городе капитании — судебные должности. Сначала заговор ограничивался пределами Вила-Рики и цель его сводилась к тому, чтобы сорвать планы Барбасены. Однако вскоре в заговор были вовлечены представители других городов капитании. Нити его протянулись и за пределы капитании.

Инконфиденсы⁶ — так называли заговорщиков — хотели уже добиться отмены монополий и свободы торговли для бразильцев, покровительства местной промышленности. Конечной и высшей целью заговора стало провозглашение Бразилии независимой республикой. Но не все участники заговора разделяли смелые взгляды Тирадентиса на способ осуществления намеченных целей — вооруженное восстание. Не было и единого мнения о судьбах рабства. В ту пору мораль креолов уживалась с фактом существования рабов, поскольку их числом определялся общественный вес, к тому же белому человеку считалось зазорным заниматься физическим трудом. И у самих инконфиденсов были рабы. Тем не менее они предполагали улучшить положение рабов, а в будущем и упразднить сам институт рабства.

Среди заговорщиков оказался предатель, выдавший губернатору их планы и цели. Последовал арест. Королевский двор весьма встревожился известиями из Бразилии. Именем королевы в колонию была направлена комиссия в составе трех чиновников для выяснения обстоятельств заговора, а заодно и действий колониальных властей. Характерно, что в письме-инструкции королевы руководителю этой следственной экспедиции Себастьяну Шавиеру ди Васконселлусу Коутинью заговорщики именуется «злонамеренными, недостойными имени португальца»⁷, тогда как понятие *бразилец* в нем совершенно отсутствует. Суд приговорил инконфиденсов к смертной казни. Затем королевским указом им смягчили меру наказания. Всем, кроме Тирадентиса. Объявление монаршей воли превратилось в нравственную пытку героя. Сначала было оглашено решение суда о смертной казни, потрясшее всех обвиняемых, затем зачитан королевский указ о замене пожизненной ссылкой и каторгой, вызвавший неудержимую радость отчаявшихся было людей⁸. Лишь Тирадентис остался один на один со смертью. Он был казнен 21 апреля 1792 г. Заговор группы патриотов захлебнулся, но он подтолкнул сознание многих бразильцев к идее освобождения от колониального гнета.

В борьбе с португальским колониальным игом бразильские патриоты пытались искать и другие пути. Некоторые из них, как и Франсиско де Миранда, надеялись на поддержку европейских стран. Так, Жозе Жуаким да Майа осенью 1786 г. обратился за помощью к послу Соединенных Штатов во Франции Томасу Джефферсону. Тот, хотя и допустил возможность участия добровольцев из США в антиколониальной революции в Бразилии, подчеркнул в то же время заинтересованность в «расширении дружеских связей с Португалией, с которой мы имеем благоприятно развивающуюся торговлю», и по существу дал понять бразильцу бесполезность его инициативы⁹.

Ненадолго португальским властям удалось добиться видимости умиротворения колонии. Вскоре в Европе произошли события, расстроившие планы

⁶ От португальского *inconfidência* — неверность, вероломство. Сам заговор получил название Инконфиденсия Мипейра.

⁷ Mello Moraes. História do Brasil-reino e Brasil-imperio. Rio de Janeiro, 1871. Т. 1. Р. 8.

⁸ Роша Помбу Ж. Ф. де. Указ. соч. С. 273.

⁹ См.: The Papers of Th. Jefferson / Ed. Julian p. Boyd. Princeton, 1955. Vol. 11. P. 339—343.

лиссабонского двора. Изгнанный в 1807 г. из Португалии французами королевский двор во главе с Жоаном¹⁰ перебрался в Бразилию. Теперь королевская семья обосновалась в Рио-де-Жанейро. Первой освоилась в новой обстановке жена Жоана — Доña Карлота, которая завязала сложную политическую интригу с представителями испанских властей в Америке, с одной стороны, и сторонниками независимости в Ла-Плате — с другой. Сочтя момент благоприятным, чтобы заявить о намерении представлять в Америке права своего брата — испанского короля Фердинанда VII (переправленного Наполеоном во Францию), она решила соединить таким образом под своей властью колониальные владения Португалии и Испании. Авантюра Карлоты не удалась: испанцы усмотрели в этом попытку покушения на их собственность, а патриоты Ла-Платы скоро поняли, что союз с Карлотой сулит им не освобождение, а новые пути. Да и в Рио-де-Жанейро отнеслись к этой затее прохладно. Маневры Карлоты остались без последствий, но они показали, что португальский двор начал проявлять немалый интерес к местным делам. Теперь он особенно искал покровительства англичан. Расплагиваться за это королевский дом Браганза мог только за счет Бразилии. В 1810 г. был опять заключен договор с Англией, обуславливавший новые торговые преимущества для британских купцов. Правда, через 4 года, чтобы ослабить зависимость от Англии, португальский король подписал указ, разрешавший заход в любые порты страны и ее владений кораблям всех стран; равным образом и судам, плававшим под португальским флагом, предоставлялось право заходить в порты иностранных держав.

Чтобы обеспечить доходы казны, нужно было реорганизовать хозяйство колонии. Отменялись все ограничения на организацию мануфактур, ремесел и промыслов, был основан Бразильский банк. Страна, где еще недавно душилась всякая интеллектуальная жизнь, стала наполняться газетами, журналами, художественной и научной литературой. В 1808 г. открылась Национальная библиотека в Рио-де-Жанейро, а в 1818 г. — Национальный музей. Королевским указом в 1816 г. была основана Академия художеств. В 1820 г. власти разрешили свободный ввоз литературы из-за границы, а год спустя отменили таможенные тарифы на ввозившуюся печатную продукцию.

Произошли изменения и в политической области. В 1815 г. было провозглашено создание Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви, официально упразднявшее статус Бразилии как колонии. Еще прежде того капитанства были преобразованы в провинции.

Однако все эти перемены имели и оборотную сторону. Вместе с монархом в Бразилию приехало и его многочисленное окружение, требовавшее выгодных должностей. Выросла армия. Высшее и среднее звено гражданской администрации и армейское командование комплектовались в основном за счет португальцев. Придворные не вникали в суть государственных проблем, занимаясь в основном устройством личных дел. Португальцы кичились своим происхождением и не скрывали презрения к уроженцам колонии. На местное население возлагалась обязанность содержать эту огромную армию чиновничества, военных и духовенства. Быстро росли налоги. Надежды бразильцев на лучшую жизнь сменились горьким разочарованием. В то же время Бразилию будоражили известия о революционных событиях в других странах Южной и Центральной Америки. В Бразилии назревал революционный кризис.

¹⁰ В 1799—1816 гг. Жоан был принцем-регентом, но фактически являлся монархом, так как его мать, королева Мария I, была душевнобольной. С 1816 г. — король Португалии Жоан VI.

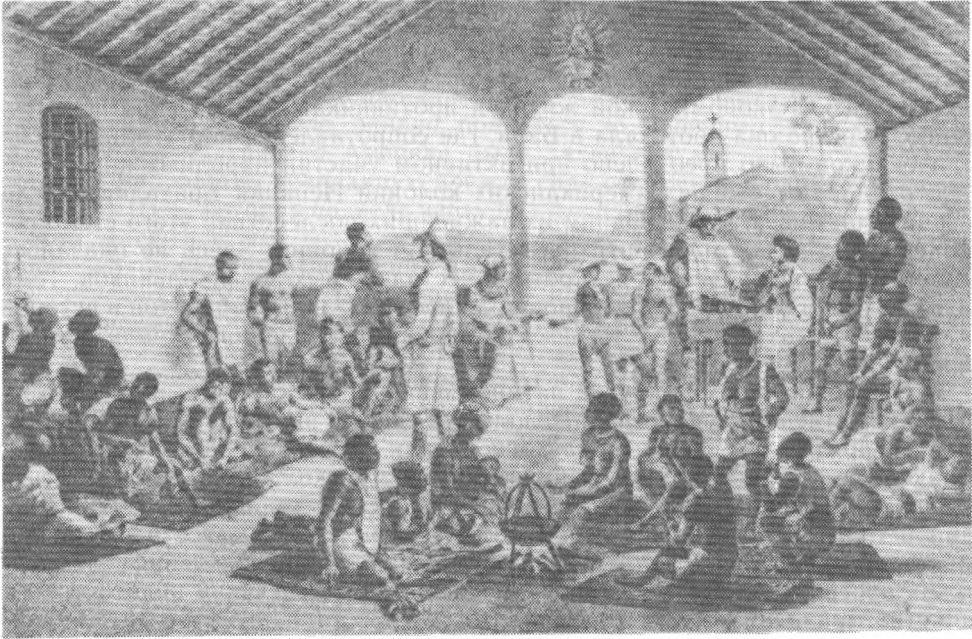
Первым ярким его проявлением стало республиканское восстание в Пернамбуку (март—май 1817 г.). Восставшие создали временное правительство из представителей различных социальных групп — торговцев, военных, интеллигенции, землевладельцев и священнослужителей. Отменив все привилегии португальцев и новые налоги, правительство республики Пернамбуку занялось разработкой нового законодательства. Руководители республиканцев в проекте Основного закона отказались от идеи прямого народного представительства в пользу представительства от муниципалитетов. Это было серьезным отходом от демократических принципов, уступкой аристократическим элементам, диктовавшим свою волю местным властям. Однако, стараясь обеспечить своему проекту достаточно широкую поддержку, они разослали его в органы местного самоуправления — муниципальные камеры с тем, как это явствует из сопроводительного письма члена правительственного совета Антониу Карлуса Рибейры де Андрада, чтобы его обсудил «почти весь народ, поскольку ему важно знать, каковой будет власть»¹¹. Республиканцы, среди которых имелись и плантаторы, оставили в неприкосновенности институт рабства.

Центральные власти бросили на подавление восставших крупные армейские силы. Португальцы торопились, поскольку очаги восстания появились и в ряде соседних провинций. Всего 72 дня просуществовала республика Пернамбуку, но это событие оказало огромное влияние на умы бразильцев в последующие десятилетия.

Жоан VI привык к Бразилии и не спешил возвращаться в клочкотавшую политическими страстями Португалию. Однако разразившаяся там в 1820 г. революция всколыхнула и Бразилию. Очень быстро и стремительно стали возникать политические общества, в которых велись горячие споры о будущем страны. Даже принц Педру, оставаясь полностью лояльным в отношении к отцу, не только посещал аристократические салоны, превратившиеся, по существу, в политические клубы, но и сам завел подобное новшество в своем дворце. Тем временем кортесы вытребовали Жоана VI в Лиссабон. Король оставил регентом в Бразилии Педру и 4 июня 1821 г. прибыл в столицу Португалии. 23 сентября 1822 г. вступила в силу новая португальская конституция, а 1 октября король присягнул ей.

Идея полной независимости получила теперь признание и в консервативных кругах Бразилии. Консерваторы выдвинули из своей среды таких решительных сторонников независимости, как братья де Андрада, Жозе Жоакин да Роша, Азереду Коутилью, Карнейру Леао и др. Особенно выделялся среди них Жозе Бонифасиу де Андрада-и-Силва (1765—1838), который слыл умным политиком и талантливым писателем. Находясь в ближайшем окружении принца, он сумел оказать на него сильное давление и, по существу, подтолкнул к провозглашению независимости. Бонифасиу де Андрада понимал, что малейшее промедление с этим актом чревато страшной угрозой как для института монархии, так и для господствующих позиций рабовладельцев-латифундистов. Бонифасиу де Андрада ставил целью достижение независимости Бразилии без той кровопролитной борьбы, которую он наблюдал в Испанской Америке. Важным фактором спокойного развития событий консерваторы считали сохранение монархии. Они отвергали политический опыт не только остальных стран Латинской Америки, но и Соединенных Штатов. Так, активный деятель движения за независимость де Кайру утверждал, что «даже такой гений, как Франклин, родился в Северной Америке, когда она

¹¹ Barreto V. *A Ideologia Liberal no Processo da Independência do Brasil (1789—1824)*. Brasília, 1973. P. 90.

Рынок рабов
(худ. Х. Ругендас, участник экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию, начало 20-х годов XIX в.)

была подчинена английской монархии, и немудрено — республики никогда не производили на свет гениев»¹².

Вскоре встал вопрос о подчинении принца распоряжениям из Лиссабона — в декабре 1821 г. португальские кортесы потребовали возвращения Педру в Португалию. 9 января 1822 г. собралась камера Рио-де-Жанейро. С речью к принцу обратился ее президент Жозе Клементи Перейра, который призвал Педру остаться в Бразилии. Затем началось чтение петиций из различных районов страны. Среди писем и деклараций, направленных принцу, были зачитаны петиции населения Рио-де-Жанейро, Риу-Гранди-ду-Сул, Санту-Антониу-де-Са и Маже¹³.

Педру согласился остаться. Понимая, что выбор сделан, он вынужден был искать опору в консервативных бразильских кругах. С этим и было связано назначение в январе 1822 г. главой правительства Ж. Б. де Андрада. Одним из первых актов этого правительства стало распоряжение о возвращении португальских войск в Европу. Стало ясно, что соотношение сил внутри Бразилии резко изменилось в пользу патриотов. По всей стране раздавался клич: «Независимость или смерть!» 7 сентября это произнес и принц-регент, коронованный 12 октября 1822 г. как император Бразилии Педру I. Прошло всего 30 лет с тех пор, когда Тирадентис отправился на эшафот за попытку осуществления лозунга, с которым пришел к власти в Бра-

¹² Almeida Wright A. F. P. de. Os Estados Unidos e a Independência do Brasil // Revista de Historia. São Paulo, 1973. N 94. P. 380.

¹³ Ciclo da Independência. (1808 — 1831): Catálogo da Exposição Commemorativa do sesquicentário da Independência (Abril a setembro de 1972). Brasília, 1973. P. 19.

зилии представитель династии, приговорившей к смерти руководителя Инконфиденсии Минейры.

Провозглашение независимости обозначило новый этап борьбы в Бразилии между сторонниками ликвидации португальского засилья на всех уровнях власти и в экономической жизни и противниками каких-либо перемен. Наиболее остро она протекала в Баии, где сопротивление португальцев и их ставленников было преодолено при активном участии народных низов.

В отличие от бывших американских колоний Испании Бразилия обрела независимость без войны. Одним из важнейших последствий этого стало сохранение целостности бывшей португальской колонии. Здесь не оказалось условий для соперничества неукротимо честолюбивых военачальников. Тема каудильизма и гипертрофированной роли военных, задававшая тон в истории XIX в. во многих странах Латинской Америки, в Бразилии звучала приглушенно.

В Бразилии, как и в других латиноамериканских странах, не существовало хозяйственного единства, не сложился единый внутренний рынок и, следовательно, имелась объективная основа для действия центробежных сил, однако субъективный фактор, направленный на раскол, был ослаблен. Мечта Боливара о единой Испанской Америке не осуществлялась, создание же единой Бразилии оказалось делом достижимым, хотя и здесь центральной власти потребовалось приложить немалые усилия для преодоления сепаратистских настроений. Немаловажное значение для обеспечения политического единства Бразилии имел и тот факт, что Бразилия на 14 лет стала резиденцией монарха, т. е. по существу центром обширной Португальской империи. Это вселяло особую гордость в бразильцев, почувствовавших себя наконец равными португальцам.

Отмечая, однако, определенные различия в способах достижения независимости Бразилией и остальными странами Латинской Америки, следует подчеркнуть схожесть целей и результатов движения. Несомненна тождественность социальных сил, участвовавших в противоборстве: с одной стороны, колониальная администрация, вооруженные силы метрополии и ничтожное меньшинство местного населения (в частности, тех торговых кругов, которые обслуживали потребности колониальных чиновников), а с другой — основная масса жителей колонии: латифундисты, крестьяне, городская буржуазия, интеллигенция. Это было отнюдь не обычное столкновение между двумя этническими общностями, поскольку речь шла не только о завоевании политической власти, но и об изменении самой политической системы (в других странах Латинской Америки подобное стремление нашло более завершенную форму, чем в Бразилии), а также некоторых элементов социальной структуры.

Борьба крестьян за землю, рабов за право быть свободными накладывала определенный отпечаток на бразильское освободительное движение. Динамичным элементом его была буржуазия, наиболее деятельные представители которой отталкивались в политической практике от идей французской революции. Экономическая слабость местной буржуазии предопределила в конечном счете потерю ею лидерства в освободительном движении и овладении властью классом латифундистов.

Общественные идеи, зревшие в различных социальных слоях в Бразилии, при всем их многообразии и противоречивости были подчинены доминантной идее того времени — идее независимости, которую разделяли почти все бразильцы, богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые. Стихийно сложившийся классовый союз объективно снижал накал социальных противоречий в стране и мешал созреванию в лоне движения за независимость буржуазной революции: на знамени освободительного движения в Бразилии

не было лозунга решительного уничтожения рабства — главного социального зла.

В целом освободительное движение в Бразилии и в других районах Латинской Америки — явление однопорядковое. Обладая чертами буржуазной революции, оно не сумело, однако, подняться до решения главных социальных проблем. Латинская Америка была захвачена могучим историческим потоком, набравшим невиданную прежде силу с момента Французской революции XVIII в., которая подвела черту под феодализмом во всемирно-историческом масштабе. Но незрелость объективных условий (отсталость социально-экономических отношений) и субъективного фактора (сложившегося общественного класса с революционной идеологией) не позволила войне за независимость в Латинской Америке встать в один ряд с революциями того времени в Европе и в Северной Америке. Историческое значение войны за независимость заключается прежде всего в образовании в регионе политически самостоятельных государств, устранении одного из главных барьеров на пути их развития.

РОССИЯ И ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ

Глава 9

Война за независимость в Латинской Америке не могла пройти для европейских государств незамеченной. Она разрушала колониальную систему на огромной территории Западного полушария, где начало этому разрушению положили английские колонии на континенте и французская колония на Гаити.

Россия была активным участником тогдашних международных событий. Русская Америка граничила с испанской Калифорнией. Опыт показывал, что власть Мадрида в колониях не прочна и что есть претенденты на владение ими¹. Когда началась война за независимость в Латинской Америке, Россия переживала, по словам Пушкина, «дней Александровых прекрасное начало», отмеченное некоторыми либеральными чертами. Тиски континентальной блокады заставляли царское правительство искать новые рынки, в частности те, откуда могли поступать колониальные товары.

Сильным толчком к подъему освободительного движения в Испанской Америке послужило желание Наполеона распространить свою власть и на эту часть испанских владений — после того, как он возвел на испанский трон своего брата Жозефа. Колонии отказывались признать власть «узурпатора». Одновременно созревала решимость добиваться независимости.

8 января 1810 г. в инструкциях Ф. А. Палену, назначенному посланником в США, Александр I выразил уверенность, что испанские колонии «образуют одно или несколько независимых государств»². В феврале Государственный

¹ *Мирошевский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании. М., 1946. Гл. 3—6; *Григулевич И. Р.* Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки. М., 1976. С. 51—79; *Слёзкин Л. Ю.* Позиция России в отношении Испанской Америки на рубеже XVIII—XIX веков // *Вопр. истории.* 1963. № 6. С. 47—59; *Альперович М. С.* Франсиско де Миранда в России. М., 1986.

² *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений. М., 1966. С. 379.

совет постановил открыть прямую торговлю с Бразилией, куда бежал от Наполеона португальский двор. Переговоры, начатые по этому поводу, закончились подписанием торгового договора³.

Первые известия о войне за независимость достигли Санкт-Петербурга в июле 1810 г. В августе о них сообщили русские газеты. С сентября о событиях в Латинской Америке начали поступать донесения русских дипломатов. Наиболее подробную информацию содержали депеши, присылаемые из США Ф. А. Паленом, сменившим его там А. Я. Дашковым и генеральным консулом Козловым⁴. Они точно определяли причины войны за независимость, выражали уверенность в конечной победе испаноамериканских патриотов и считали, что созданное положение выгодно торговым интересам России.

В октябре 1810 г. советник русского посольства в Париже К. В. Нессельроде отказался поддержать идею французского министра иностранных дел герцога Кадорского, когда тот, настаивая на строгом соблюдении Россией условий континентальной блокады, заявил, что «восставшие испанские колонии должны рассматриваться как вражеские...»⁵.

В сентябре 1811 г. при переводе Палена посланником в Рио-де-Жанейро ему предписывалось при возможных встречах с представителями восставших колоний убедить их в выгоде для их стран торговли с Россией. Для этого следовало «льстить их самолюбию, искусно рисуя перспективы того, что русское правительство, очевидно, охотно признает их новый политический статус, особый упор делать на то, что они уже теперь могут рассчитывать на благоприятное отношение к их торговцам, независимо от того, какое правительство будет ими управлять»⁶.

Власти восставших колоний также делали шаги для установления прямых торговых отношений с Россией⁷. В связи с этим в октябре 1811 г. Государственный совет обсуждал проект приказа об открытии портов для кораблей Испанской Америки. Подготовкой к обсуждению занимались сам царь, канцлер Н. П. Румянцев, государственный секретарь М. М. Сперанский и министр финансов Д. А. Гурьев. Государственный совет принял решение об отсрочке открытия прямых торговых отношений с испанскими колониями в Америке, пока не будут официально признаны их правительства.

Целый ряд обстоятельств не позволили тогда Румянцеву, главному инициатору обсуждения, настоять на утверждении задуманного проекта. Хотя Россия сильно тяготилась континентальной блокадой и конфликт с Францией был не за горами, обе державы оставались союзницами. Неизбежность разрыва с Францией заставляла считать испанских Бурбонов, свергнутых Наполеоном, соратниками в назревавшей войне с ним. Испанский король Фердинанд VII не только не собирался признавать независимость своих восставших колоний, но предполагал полностью вернуть себе власть над ними. Этот сложный узел запутывался еще больше отношениями, которые существовали между Россией, Англией и США. С последними поддерживались

³ Архив Государственного совета: Царствование императора Александра I. СПб., 1878. Т. 4, ч. 2 (Журналы по Департаменту государственной экономики). С. 1136—1138; Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее — ВПР). Документы... Серия первая. М., 1962. Т. 6 / Под ред. А. Л. Нарочницкого и др. С. 366.

⁴ Слёзкин Л. Ю. Война Испанской Америки за независимость в оценке русских дипломатов // Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960. С. 373—377.

⁵ Архив внешней политики России (далее — АВПР). Ф. Канцелярия. Д. 9027. Л. 71.

⁶ ВПР. Т. 6. С. 159.

⁷ Отношение России к началу войны Латинской Америки за независимость: Публикация документов, осуществленная Н. Болховитиновым // Исторический архив. 1962. № 3. С. 121—122.

традиционные дружественные отношения и велась оживленная торговля (США зачастую выступали посредниками в доставке на русский рынок колониальных товаров). Англия формально считалась врагом, но с ней не порывали тайных торговых и политических связей. Подобно Испании, в ней видели потенциального союзника в предстоящей борьбе с Францией. В то же время между США и Англией, которые активно торговали с восставшими испанскими колониями, назревал острый конфликт, завершившийся в июне 1812 г. открытием военных действий. Не последнюю роль в решении Государственного совета сыграла неприязнь ретроградов из этого учреждения к «гнусному делу восставших»⁸.

В марте 1812 г. Румянцев вел переговоры с американским консулом Гаррисом, который передал канцлеру письмо от находившегося в Лондоне представителя восставших колоний Мендеса. Последний призывал русское правительство признать их независимость. Румянцев просил консула передать, что он сам не изменил своей точки зрения по данному вопросу и что Александр I «проявляет глубокую заинтересованность в прогрессе в направлении самоуправления, который происходит в Южной Америке». Канцлер добавлял: в данный момент царь вынужден воздержаться от признания. Гаррис в донесении о состоявшейся беседе высказывал уверенность в том, что после признания независимости испанских колоний Великобританией царь, «не колеблясь, последует столь достойному примеру»⁹.

От установления коммерческих связей все же не отказывались. «Положение о торговле на 1811 г.» разрешало ввоз в Россию колониальных товаров; в марте 1812 г. Государственный совет утвердил проект «О дозволении складки колониальных товаров»¹⁰ (вошло в новое «Положение о торговле»). В феврале того же года директора Российско-Американской компании, которая управляла русскими владениями в Западном полушарии, предписали правителю Русской Америки А. А. Баранову послать в пограничную Калифорнию корабль для установления с ней торговых отношений¹¹.

Условия, в которых оказалась Россия в результате заключения франко-русского союза и объявления Наполеоном континентальной блокады, заставляли ее правительство видеть в восставших испанских колониях возможных торговых клиентов, столь необходимых стране, толкали к установлению контактов с возникавшими государствами Испанской Америки. Утверждение проекта, представленного Государственному совету, явилось бы косвенным признанием независимости этих государств. В тот период Россия была единственной державой, где в высших официальных кругах рассматривалась такая возможность.

Если позиция царского правительства определялась прежде всего стремлением учесть и использовать к своей выгоде возможные результаты крушения испанской колониальной империи в Америке, то у прогрессивно мыслящих людей России отношение к этому событию определялось сочувствием к угнетенным жителям колоний, чья судьба походила на горькую долю русского крестьянина.

Еще до восстания испаноамериканских патриотов бесчеловечное отношение колонизаторов к индейцам и рабам-неграм с негодованием осуждали русский просветитель Н. И. Новиков, издатель «Академических известий» П. И. Богданович, знаменитый баснописец И. А. Крылов, поэт П. П. Сумаро-

⁸ Там же. С. 124.

⁹ Там же. С. 129.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Ф. 560. Оп. 4. Д. 11. Л. 2—4.

¹¹ ВПР. Т. 6. С. 281—282.

ков, а также известный русский мореплаватель Ю. Ф. Лисянский, в 1795 г. побывавший в Вест-Индии. В большей или меньшей степени это были, используя слова А. Герцена, представители «великой весны девяностых годов», во многом подготовившие движение декабристов. В начале XIX в. испаноамериканская тема использовалась «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств» для критики русской крепостнической действительности.

Когда в Испанской Америке вспыхнуло восстание, то, учитывая расстояния, тогдашние средства сообщения и характер подцензурной русской прессы, которая, как правило, использовала материалы иностранных изданий, можно сказать, что это восстание получило довольно широкое освещение в русских газетах и журналах. Они критиковали колониальную политику Испании, выражали сомнение в возможности для нее вернуть свое господство над колониями, положительно отзывались о борьбе патриотов. Один из наиболее либеральных журналов того времени поместил, например, в январе 1812 г. заметку, в которой говорилось: «В кратковременных, но кровопролитных битвах приобрел Новый Свет свою независимость. . . Вся Америка свободна, и счастливые обитатели величайшей и прекраснейшей части света с торжественною радостью приветствуют первый день 1812 года. . . Уже и современники сорвали плоды новой свободы: инквизиция уничтожена, индейцы объявлены свободными; снята с них тяготная подать; обещана им полная свобода по торговле, и торг невольниками прекращен совершенно. Все состояния, все религии будут иметь одинаковые права; учредятся благотворительные учреждения, как и в Северной Америке, и водворены будут европейские искусства и науки»¹².

Таким образом, используя внешний либерализм царя, наиболее прогрессивная часть русского общества обращала против самодержавия возможность говорить о зле народного угнетения в Латинской Америке. В целом эта тенденция, как и тенденция в политике правительства установить торговые отношения с восставшими колониями создавали атмосферу доброжелательности к делу освобождения этих колоний.

Отечественная война и поход русской армии отвлекали внимание Петербурга от событий в далеком Новом Свете и не стимулировали к занятию четко выраженной позиции в вопросе о восставших колониях. Союз с Испанией подразумевал признание ее прав на колонии — с теми поправками, которые были внесены в них конституцией 1812 г. Установление в Испании абсолютизма в 1814 г. — при сохранении испано-русского союза — подразумевало признание неограниченной власти Фердинанда VII в заморских испанских владениях.

Все это время русская дипломатия и официозная пресса по-прежнему учитывали серьезность возникшего в колониях движения за независимость и необходимость для испанского правительства считаться с новыми условиями в Америке. Временные успехи испанцев в войне с патриотами и создание в 1815 г. Священного союза не вызвали немедленного изменения точки зрения. Отношение царского правительства к войне за независимость в Латинской Америке в период с 1812 по 1816 г. можно считать позицией безучастного наблюдения, определяемого собственными военными и первыми послевоенными заботами.

Крайне реакционные меры, к которым прибегали в Мадриде после возвращения туда Фердинанда VII как во внутренней, так и в колониальной политике, настораживали русских дипломатов в отношении способности Испании

действовать, сообразуясь с реально существовавшими условиями. Русский посланник в Испании Д. П. Татищев 7 июня 1816 г. писал царю о Фердинанде VII: «После долгих лет плена этот государь, когда он взял бразды правления, был абсолютно несведущ в моральных склонностях нации, им управляемой, так же как в ее нуждах и ее ресурсах»¹³. В ноябре того же года руководитель министерства иностранных дел граф Иоан Каподистрия констатировал: «...Испания, несомненно, говорит вздор, когда ведет речь как о своих малых, так и о своих больших делах»¹⁴.

Русская пресса в 1812—1816 гг., сохраняя верность испано-русскому союзу, тем не менее даже в самый трудный для патриотов 1815 г. освещала события в Испанской Америке весьма объективно. Приводимая ею информация ни в коей мере не могла создать впечатление о безнадежности дела патриотов. Тем более сказанное относится к близкому будущим декабристам «Сыну отечества».

Так, в феврале 1815 г. помещенная в нем заметка гласила: «Фердинанд VII по возвращении своем не только не содействовал мирному присоединению Америки к отечеству, но разными поступками своими совершил ее совершенное отделение от онного... Что может сделать корпус в 10 000 человек (недовольных солдат), который Фердинанд туда отправил за шесть месяцев перед сим, в сей стране, в сем чуждом климате, против неисчерпаемых богатств и силы республиканцев, имеющих 60 000 человек со 100 пушками и собственными флотилиями, особливо когда в испанской Вест-Индии господствует недовольствие»¹⁵.

Газетные и журнальные известия подтверждались свидетельствами очевидцев событий в Испанской Америке. Русские мореплаватели И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский и О. Е. Коцебу, чьи корабли заходили в порты Бразилии и заморских владений Испании, в один голос сообщали о дурном управлении ими и о царившем там недовольстве¹⁶. Лейтенант С. Я. Унковский, который с кораблем «Суворов» посетил Испанскую Америку в 1815 и 1816 гг., записал в Калифорнии, рассуждая о положении Испании: «Это некогда сильное государство с каждым годом начинаст упадать, и колонии во всех частях света, столь богатые, близки к отпадению по причине совершенного уничтожения ее морских сил». А вот его перуанская запись: «Во время пребывания нашего в Лиме власть королевская в колонии уже колебалась, и повсюду и повсеместно составлялись общества креолов и мулатов, противящиеся правительству, особенно в Чили. Это движение весьма распространилось, и помпупутно инсургенты одерживали верх над королевскими войсками, но в Лиме еще было спокойно, хотя брожение умов очень заметно»¹⁷.

«Суворов» был тот самый корабль, который послала для торговли с Калифорнией Российско-Американская компания. Ко времени его прибытия И. А. Кусков, помощник Баранова, основал в марте 1812 г. неподалеку от крайнего испанского поселения Сан-Франциско небольшую русскую колонию — Росс. Два года полулегальная торговля между русскими и калифорнийцами шла, не вызывая осложнений. Так Россия разрушала один из глав-

¹³ АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 7546. Л. 6—8.

¹⁴ Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе // Сб. Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1901. Т. 112. С. 286—287.

¹⁵ Сын Отечества. 1815. Февр., № 7. С. 34—35.

¹⁶ Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света. М., 1950. С. 45; Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947. С. 60; Коцебу О. Е. Путешествия вокруг света. М., 1948. С. 51, 111—112.

¹⁷ См.: Лазарев М. Документы / Под ред. А. Самарова. М., 1952. Т. 1. С. 43, 51.

ных устоев политики Мадрида — запрещение иностранцам торговать с испанскими колониями. Одновременно она оспаривала у последней право на владение еще не заселенными территориями, принадлежность которых не была окончательно определена, но на которые — это касалось, в частности, Россия — испанцы явно претендовали. Такая возможность, как и возможность торговать с Калифорнией, возникла благодаря слабости испанцев в Америке и невозможности для метрополии оказать им поддержку.

Процесс постепенной поляризации общественных сил России, начавшийся со второй половины XVIII в. с развитием процесса разложения феодализма, «к 1816 г. дошел до той степени зрелости, в атмосфере которой могла возникнуть первая русская революционная организация — „Союз спасения“, с которого и начинается в собственном смысле этого слова движение декабристов»¹⁸. Указанная поляризация отмечается и в подходе различных общественных сил к войне за независимость испанских колоний, она влияла на выводы, которые делались из оценки этой войны применительно к собственной стране.

В апреле 1816 г. будущий декабрист Н. И. Тургенев записал в дневнике: «Испания воюет со своими американскими колониями. . . Пример Англии, как видно, не послужил на пользу Испании. Колонии свергнут с себя тяжкое иго, и потомство ничего, кроме скаредного деспотизма, с одной стороны, и любви свободы, с другой, в сих происшествиях не увидит. . . Пора бы, кажется, удостовериться, что деспотизм не может преодолеть свободы, как скоро народ ее иметь желает»¹⁹.

Как в недоступной для цензуры дневниковой записи Н. И. Тургенева обнаруживается взгляд будущих декабристов на войну в Латинской Америке, так в скрытой дипломатической переписке, относящейся к тому же году, обнаруживается намек на ту политику, которая выражала стремление царского правительства перенести охранительные идеи Священного союза через океан. Такой намек обнаруживается в нежелании принять представителя объявившей независимость Мексики. Царь, получивший сообщение о весьма проблематичной возможности его приезда, повелел ни под каким видом не допускать нежелательного путешественника в Санкт-Петербург и вообще в пределы России²⁰.

Правительства стран, победивших Наполеона, с 1816 г. главным принципом своей дипломатии сделали легитимизм. В нем нашли выражение клерикально-монархические идеология и политика, служившие охранительным целям, подавлению свободомыслия и революционного движения во всем мире. Внутри стран-победительниц воцарилась реакция. Тем временем испаноамериканские патриоты вновь взяли инициативу в свои руки и начали сильно теснить войска испанских колонизаторов, которым встретились дополнительные трудности. В декабре 1816 г. армия португальского короля, находившегося в Бразилии, оккупировала испанскую колонию Восточный Берег (Уругвай). Мадрид обратился к главным европейским державам с жалобой на действия португальцев и с просьбой о посредничестве как в деле урегулирования спора с Рио-де-Жанейро, так и в конфликте с колониями.

Обращение Испании с просьбой о посредничестве дало русскому правительству повод сформулировать свои тогдашние взгляды на борьбу, шедшую

¹⁸ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 81.

¹⁹ Архив братьев Тургеневых / Под ред. Е. Тарасова, В. Истрина и Н. Кульмана. СПб., 1913. Вып. 3, т. 2. С. 326—327.

²⁰ АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 6858. Л. 262.

за океаном. Эти взгляды были изложены в инструкциях Татищеву от 27 апреля 1817 г.²¹ Высказывалось мнение, что вопрос об испанских колониях решать «лучше путем переговоров, чем путем силы». «Трудно было бы представить возможным восстановление власти метрополии над ее колониями принудительными мерами. Время вообще и дух времени препятствуют этому; тем более что силы, которые Его Католическое Величество смог бы использовать для такого результата, были бы очень недостаточными или, если бы этими силами была бы даже решена их несоизмеримая задача, как можно предвидеть, успех не был бы ни прочным, ни продолжительным». В качестве средств примирения колоний с метрополией рекомендовались переговоры непосредственно между ними, коллективное посредничество других держав или посредничество третьей державы, предпочтительно Англии, которую Испания должна поощрять своим доверием.

Царь отдавал предпочтение Англии — главной сопернице России в борьбе за влияние на ход международных дел, — учитывая ряд обстоятельств. Англия — сильнейшая на море — контролировала коммуникации между Португалией, Испанией и их колониями. Авторитет Лондона для португальского правительства был почти непререкаем всегда, а особенно после того, как это правительство перебралось в Бразилию под охраной английских кораблей. Форин оффис постарался бы использовать свои услуги, чтобы стимулировать Испанию открыть для иностранцев (а следовательно, для Англии в первую очередь) торговлю с ее колониями, что было бы на руку России, в частности Российско-Американской компании. Объявление Испанией свободы торговли с ее колониями можно было бы использовать в качестве аргумента в пользу их примирения с метрополией.

Новое в отношении войны за независимость в Латинской Америке по сравнению с тем, как это формулировалось в 1811 г., заключалось в том, что тогда за основу русская дипломатия брала факт неизбежности разрыва всех связей метрополии с ее колониями. Теперь проявлялось желание предотвратить этот разрыв, используя мирную инициативу. Посредничество как нельзя лучше отвечало этому желанию. Оно позволяло использовать интересы и козыри Англии, а также свой высокий престиж в международных делах и свое особое влияние на Испанию (Мадрид искал у Санкт-Петербурга защиты своих легитимных прав, а тот видел в укреплении Испании противовес растущей мощи Лондона).

Складывалась соответствующая ситуация. Она осложнилась действиями Мадрида. Фердинанд VII обратился к Александру I с просьбой продать ему несколько военных кораблей. 27 мая 1817 г. из Санкт-Петербурга был направлен ответ: исключительное сотрудничество России в деле восстановления власти Испании в Америке «не только поставило бы в ложное и опасное положение испанскую монархию, но также лишило бы Россию возможностью быть ей полезной сейчас или в будущем»; желательным представляется «коллективное и единое сотрудничество союзных держав»²². Королю следовало бы отказаться от покупки кораблей. Если он настаивает, Россия может продать их при соблюдении следующих условий: объявить другим державам о мотивах покупки немедленно по отбытии кораблей из России; постараться улучшить к этому времени отношения с Англией; договориться с ней, в частности, в вопросе об отмене работоторговли в испанских владениях; доказать Лондону, что покупка кораблей не политический акт, связывающий Россию и Испанию особыми отношениями, а оказание русским правительст-

²¹ Там же. Д. 7550. Л. 58—85.

²² Там же. Л. 29—33, 99—104.

вом помощи Мадриду в деле восстановления испанского флота. В личном письме Фердинанду VII от 4 июня царь вновь убеждал его отказаться от идеи покупки кораблей²³.

Кроме прочего, позиция Александра I определялась новыми подтверждениями факта расширения и усиления освободительной борьбы в Латинской Америке. Она распространилась на Бразилию, где в марте 1817 г. восстала провинция Пернамбуку. Обо всем этом доносили в Санкт-Петербург русские дипломаты. Наиболее влиятельный из них, посол в Париже К. О. Поццо ди Борго, делал вывод: «Вместо того чтобы упорствовать в своих бесполезных атаках, Испания должна бы представить Европе план примирения с ее колониями, в основе которого лежало бы улучшение местного управления, предоставление привилегий провинциям и большие удобства для торговли»²⁴.

20 августа 1817 г. Форин оффис направил державам меморандум, в котором излагались условия участия Англии в посредничестве²⁵: отказ Испании от работорговли, всеобщая амнистия, предоставление жителям Испанской Америки равных прав с жителями метрополии, свобода торговли с Испанской Америкой. Особенно подчеркивалось, что Англия ни при каких обстоятельствах не будет участвовать в посредничестве, предполагающем вооруженное вмешательство или умиротворение колоний силой.

Тем временем Фердинанд VII продолжал настаивать на своем предложении о покупке русских кораблей. Татищеву был передан проект «Конвенции»²⁶, в которой указывалось число желаемых судов и предлагаемая сумма. Давалось обязательство отменить работорговлю, а обещанные за это Лондоном 400 тыс. ф. ст. израсходовать на приобретаемые корабли. Не дожидаясь утверждения конвенции Александром I, из Мадрида перевели первые деньги в один из английских банков. Испанская уступка Англии и сразу же начатая выплата денег — при тогдашних финансовых затруднениях России — склонили царя согласиться на предложенное королем.

25 сентября Татищева известили о скором выходе из Ревеля пяти линейных кораблей и трех фрегатов. Однако, опережая их выход, к посланнику в Мадрид шла депеша²⁷, в которой ему вменялось в обязанность еще раз довести до сведения короля, что конвенция лишь «Акт о продаже», а ни в коем случае не политический акт. Из ее текста соответственно изымалось все, что могло бы быть истолковано иначе. Преодолев сопротивление Фердинанда VII, Татищев добился его согласия на внесенные поправки и переименование документа²⁸.

Эта сделка не вызвала возражений даже со стороны Англии. Там, кроме прочего, понимали, что восемь кораблей не решат исхода борьбы, что их продажа ускорила согласие Испании на заключение договора с Англией об отмене работорговли. Поэтому, когда русский посол в Лондоне граф Х. А. Ливен 7 ноября 1817 г. уведомил английское правительство о выходе в море проданных Испании русских кораблей, оно отнеслось к этому совершенно спокойно. Более того, министр иностранных дел Кестльри заверил посла, что корабли на пути в Испанию при заходе их в английские порты встретят доброжелательный прием²⁹. Так позже и случилось.

²³ Там же. Д. 12746. Л. 34.

²⁴ Сб. РИО. Т. 119. С. 230.

²⁵ Britain and the Independence of Latin America: Selected Documents. . . / Ed. Ch. Webster. L., 1938. Vol. 2. N 515.

²⁶ АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 7458. Л. 262—266; Д. 7550. Л. 176—179.

²⁷ Там же. Д. 7550. Л. 170—175, 184—187.

²⁸ Там же. Д. 7549. Л. 85—91; Д. 7553. Л. 8—10.

²⁹ Там же. Д. 6864. Л. 47—52.

Иначе говоря, вопрос о продаже кораблей не сказался на ходе переговоров, которые державы вели по поводу посредничества. Эта продажа при известных условиях могла укрепить позицию Испании, пачнись миротворческая акция. В России надеялись на это. Мадрид, однако, высокомерно отказался от посреднических услуг, предложенных Англией и одобренных другими великими державами. Русские дипломаты встретили этот шаг Испании с огорчением и досадой. Он зачеркивал попытку царя своим ответом на английский меморандум как-то сблизить позиции Лондона и Мадрида, Мадрида и Рио-де-Жанейро, обходя при этом вопрос о применении силы, настаивая по-прежнему на преимущественной активности Англии и на необходимости для Испании ввести в управление колониями элементы конституционного режима.

Русским дипломатам и царю пришлось испытать не только огорчение, но и конфуз. Корабли, проданные Испании, оказались непригодными для дальнего плавания. Пришлось производить замену³⁰. Для правительства в Санкт-Петербурге конфуз в какой-то мере компенсировался желаемым пополнением казны. Для Испании он был еще одним моральным уроном, финансовой и военной потерей (новые корабли не были эффективно использованы). Успех же в заокеанской войне заметно склонялся в пользу патриотов. Зимой 1817—весной 1818 г. США начали оккупацию испанской Флориды.

Англия и США, используя бессилие Испании и успехи борцов за независимость, расширяли торговлю с восставшими колониями, тем самым вольно или невольно подрывая позиции и престиж первой, укрепляя позиции и престиж вторых.

От февраля 1818 г., когда в Кадисе бросили якоря русские корабли, до Аахенского конгресса, открывшегося в сентябре того же года, Александр I продолжал убеждать Фердинанда VII передать официально Соединенным Штатам Флориду, которая фактически им уже принадлежала, за что можно было получить от них определенную материальную компенсацию, а может быть, и дипломатическую поддержку. Царь убеждал короля пойти также на уступки Англии и восставшим колониям — для сохранения последних возможностей к организации посредничества для умиротворения заморских испанских владений. Подводя итог неофициальным переговорам, состоявшимся на самом конгрессе по поводу испанских дел, Кестльри писал: «Общим мнением, кажется, является, что сила ни при каких обстоятельствах применена быть не может и что Испания в качестве предводительной мсры должна предоставить своим южноамериканским провинциям, оставшимся ей верными, максимум выгод, которые посредники будут уполномочены предложить провинциям, охваченным восстанием»³¹. В беседе с Кестльри Александр I без всяких возражений согласился, что применение каких-либо санкций не должно входить в условия посредничества, соответствующие указания были даны русским дипломатическим представителям за границей³².

Испанское правительство, не приглашенное на конгресс и недовольное

³⁰ Слёзкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964. С. 131—133, 139—147, 164—166, 188. См. также: Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения. М., 1975. С. 45—57; Веселаго Ф. Краткая история русского флота. М., 1939. С. 290—291; Völkl E. Russland und Lateinamerika. Weisbaden, 1968. P. 213; Bartley R. Russia and Latin America Independence. Ann Arbor, 1971. P. 270—286.

³¹ Britain and the Independence of Latin America. Vol. 2, N 327.

³² Ibid. N 328; АВПР. Ф. Канцелярия. Д. 6875. Л. 463—467; Записки графа Иоана Каподистриа... // Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 3. С. 234, 237.

позицией собравшихся в Лохене держав, полностью отказалось от идеи посредничества и решило бросить все силы и средства на покорение колоний. В связи с этим русским дипломатам 12 апреля 1819 г. был направлен циркуляр, где говорилось: «...мы аплодируем этому замыслу, если Испания учла всю его обширность и если она уверена, что она в состоянии одна вынести его тяжесть»³³. Этому ироническому замечанию сопутствовала рекомендация напомнить Мадриду о полезности даже теперь учитывать законные пожелания и интересы колоний. Когда Париж два месяца спустя попытался заинтересовать царя планом создания в Испанской Америке монархий во главе с принцами французского дома Бурбонов, царь решительно отверг предложенный план. Он считал его особенно неуместным в момент, когда «в Мадриде ожидают больших результатов» от готовившейся в Кадисе военной экспедиции в Испанскую Америку. Александр I заявил к тому же, что его точка зрения по вопросу о восставших колониях совпадает с точкой зрения английского кабинета³⁴.

Испанские экспедиционные силы не вышли из Кадиса. Этому помешали брожение в войсках, эпидемия желтой лихорадки, а затем революция, направленная против режима, установленного в стране Фердинандом VII.

Пока царское правительство вело конфиденциальные переговоры о возможном посредничестве между Испанией и ее заморскими владениями, русская пресса продолжала регулярно сообщать о продолжавшейся между ними войне. Намечившаяся ранее поляризация общественных сил страны продолжалась, и это сказывалось на отношении к описываемым событиям. Официозная пресса («Консерватор империаль», «Дух журналов», «Вестник Европы») выражала надежду на благоразумие Фердинанда VII, а в связи с этим на благополучное для него разрешение вопроса о колониях. Надежда то возрастала, то ослабевала, пока не угасла с известием о несостоявшейся экспедиции и начавшейся в Испании революции. «Сын отечества» всеми доступными средствами пропагандировал дело испаноамериканских патриотов, отражая мнение участников зреющего декабристского движения.

Освободительное движение в Испанской Америке и Бразилии сыграло немалую роль в формировании революционного мировоззрения декабристов, послужило богатым материалом для иносказательной критики самодержавия и крепостничества, позволяло преодолевать тяжелые минуты мрачных раздумий над судьбами собственной страны. Н. Тургенев в упоминавшемся дневнике записал 24 мая 1817 г.: «Что вижу я в отечестве?.. Тяжелая действительность убивает воображение и надежду». Когда же в Россию пришло известие о восстании в Пернамбуко, он замечал: «Мир совсем не покоен. Бунты в Бразилии, заговоры в Португалии, борьба в Вюртемберге продолжают доказывать, что последние происшествия в Европе были сильнее людей, которые их производили и которые должны были их отвратить или утвердить, дабы тем или другим способом дать новую жизнь свету»³⁵. Сходные мысли содержались в одном из ранних стихотворений В. Ф. Расвского «Смеюсь и плачу». Испаноамериканская, гаитянская и бразильская тематика находила отражение в произведениях и записях В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева.

В 1818 - 1819 гг. в Европе сложилась революционная ситуация. В 1820 г.

³³ Слезкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. С. 178--182.

³⁴ Там же.

³⁵ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1915. Вып. 5, т. 3. С. 35, 38.

вспыхнула революция в Испании. Одновременно совершался все больший поворот к реакционному курсу в политике царского самодержавия, получивший свое особенно зримое выражение в жестоком подавлении восстания Семеновского полка, в отказе помочь грекам, поднявшимся против турецкого ига.

Несколько специфическим было отношение к испанской революции. Она была ненавистна, но вначале предполагалось, что она выполнит те задачи, на разрешение которых в свое время рассчитывали, уповая на разумность Фердинанда VII. Кроме того, полагали, что при определенном повороте событий удастся вновь вернуть свое влияние на испанское правительство, да еще подтеснить Англию на Пиренейском полуострове. Поэтому выжидали. На отношении к восставшим испанским колониям сказались дополнительные факторы: согласие некоторых колоний вести с кортесами переговоры об условиях предоставления независимости заморским владениям Испании, четко обнаружившийся перелом войны за независимость в пользу патриотов, европейские события (греческие, неаполитанские, пьемонтские, португальские и проч.).

В результате в России возобладало мнение о полной потере Испанией ее колоний, поколебавшееся было в 1817—1819 гг. Это мнение укрепилось из-за обнаруживаемого Англией намерения признать независимость испанских колоний и признания этой независимости Соединенными Штатами Америки 8 марта 1822 г.

Когда в России узнали об этом шаге, то решили, как это формулировалось в инструкциях министерства иностранных дел русским дипломатам, что «несотвратимая сила вещей привела к тому времени, когда народы Южной Америки должны отделиться от своей метрополии» и что США действовали, «лишь подчиняясь закону настоятельной необходимости»³⁶. Более того, царское правительство советовало Парижу последовать примеру Вашингтона в отношении Гаити, что Париж и сделал в 1825 г., признав независимость этой страны и приобретя тем самым политические и материальные выгоды.

Иначе говоря, правительство в Санкт-Петербурге вернулось в вопросе о судьбе колоний к мнению 1810—1811 гг. Но, занимая гораздо более консервативную позицию в общих вопросах внутренней и внешней политики, оно, хотя и не противилось американскому признанию независимости испанских колоний и советовало сделать подобный шаг Франции, само было далеко от мысли действовать в этом направлении. Оно, как и в 1812—1816 гг., занимало в отношении восставших колоний позицию безучастного наблюдения, но если тогда — вынужденного войной, то теперь — занятое своими внутренними и внешними делами, понимая слабость Испании, твердость Англии и Соединенных Штатов, нежелание держав Священного союза осложнять и без того запутанное международное положение вопросом о дальнейших американских событиях.

Напротив, очень далека от безучастности была позиция самого радикального крыла русского общества. Клонившаяся к победе патриотов война в Латинской Америке вошла неотделимой частью в тот комплекс влияний, которые испытывали декабристы во время испанской революции. Рождение и упрочение государственности в бывших колониях Испании сыграли не-

³⁶ АВПр. Ф. Канцелярия. Д. 9115. Л. 361; Д. 12208. Л. 26. См. также: *Слэзкин Л. Ю.* Политика европейских держав и США в вопросе о признании независимости стран Испанской Америки (1882 г.) // *Война за независимость в Латинской Америке* / Под ред. Н. М. Лаврова и др. М., 1964. С. 240—268.

малую роль в формировании взглядов декабристов на формы, методы и конечные цели собственной борьбы, повлияли на их опыты составления конституционных проектов.

Весной 1822 г. открылась сессия кортесов, на которой их председателем был избран Риго. За Фердинандом VII установили надзор, поскольку он пытался организовать заговор. Державы Священного союза решили, что испанская революция вышла из «законного» русла и следует повторить пьемонтский и неаполитанский варианты сведения счетов с нею. По решению Веронского конгресса вторжение в Испанию возлагалось на французские войска.

Еще до этого Лондон разослал меморандум, в котором получили развитие прежние взгляды Англии на вопрос о войне в Латинской Америке и где указывалось, что признание возникших там государств «вопрос скорее времени, а не принципа»³⁷. Эта мысль была решительно подтверждена Англией на самом конгрессе 24 ноября 1822 г. Герцог Веллингтон писал в отчете премьер-министру Каннингу, что «державы недалеко от признания новых правительств в Америке, если это будет соответствовать их интересам»³⁸.

Однако главным интересом держав тогда были «испанские дела». В апреле 1823 г. французская армия пересекла испанскую границу. В октябре Фердинанд VII вновь оказался у власти. Попли слухи о возможности вооруженной интервенции Священного союза в пользу испанского короля для подчинения ему восставших колоний. Нет доказательств, подтверждающих основательность подобных слухов. Но почва для рождения слухов имела. Ее составлял ряд компонентов. Главный — действительная интервенция держав Священного союза в Испанию и возвращение неограниченной самодержавной власти Фердинанду VII. Это давало Мадриду надежду на помощь в деле восстановления его легитимных прав на Испанскую Америку. Англия и США проявляли в связи с этим беспокойство за свои коммерческие интересы в тех краях. Англия и ранее была очень мнительной в вопросе о возможном активном, а тем более военном вмешательстве европейских держав в дела Испанской Америки. Теперь, когда в Кадисе стоял французский флот, эта мнительность возрасла и могла питаться даже фантастическими слухами, служить их распространению, тем более что в Лондоне знали о возрождении у правительства Франции идеи поставить во главе новых государств Латинской Америки французских принцев. Естественно, что возможные шаги Священного союза и Франции прежде всего тревожили испаноамериканских патриотов.

Слухам в значительной мере был положен конец после того, как французское правительство в октябре 1823 г. заверило Лондон в том, что Франция «считает абсолютно безнадежным привести Испанскую Америку в состояние ее прежней зависимости от Испании», что «Франция не имеет какого-либо намерения или желания воспользоваться настоящим положением колоний или настоящим положением Франции в отношении Испании, чтобы приобрести для себя какую-нибудь часть владений в Америке или добиться каких-нибудь исключительных преимуществ»³⁹. Париж не только успокаивал Англию, но и готовил почву для сближения с восставшими колониями, дабы не дать англичанам в одиночку воспользоваться возможными от этого выгодами.

³⁷ Britain and the Independence of Latin America. Vol. 2, N 539.

³⁸ Ibid. N 334, 335.

³⁹ Ibid. N 361.

Не помышляя ни о каком самостоятельном вмешательстве в дела колоний, тем более военном, правительство в Санкт-Петербурге после восстановления власти Фердинанда VII, следуя политике легитимизма и желая приостановить признание независимости испанских колоний Англией, сочло возможным возродить идею посредничества, если Испания обратится с соответствующей просьбой, готовая пойти на уступки⁴⁰.

Вся тогдашняя ситуация мешала осуществлению идеи посредничества, а с течением времени все больше. В Испанской Америке армия Фердинанда VII несла одно поражение за другим. У Мадрида не было ни средств, ни сил для продолжения борьбы. В то же время он упорствовал в нежелании поступиться чем-либо. В Англии премьер-министром стал Каннинг, намеревавшийся, как только удастся, осуществить признание независимости восставших колоний. Франция все более склонялась к установлению контактов с ними. 2 декабря 1823 г. США выступили с известной доктриной Монро⁴¹. В начале следующего года Англия отказалась от участия в посредничестве. В декабре 1824 г. испанские войска в битве при Аякучо потерпели сокрушительное поражение в войне с патриотами, тогда же Англия признала независимость испанских колоний. В следующем году, как упоминалось, Франция признала независимость Гаити, а Португалия — независимость Бразилии.

Идея посредничества, возрожденная успехом интервенции Священного союза в Испанию, вновь потерпела крах, на этот раз окончательный. Условия для ее претворения в жизнь в 1823—1825 гг. были гораздо менее благоприятны, чем в 1817—1819 гг. Еще несколько лет велась дипломатическая переписка о возможной перемене владельца Кубы, сохранявшей верность Испании.

В 1828 г. Россия признала независимость Бразильской империи после признания ее Португалией и в связи с монархическим характером правления, что согласовалось с принципом легитимизма. В России уже правил Николай I, независимость стран Латинской Америки утвердилась.

Вопрос о событиях в этих странах долгие годы не фигурировал в политике Санкт-Петербурга как достойный пристального внимания, как вопрос, на решение которого она могла реально претендовать.

В то время, когда царское правительство тщетно пыталось вернуть к жизни идею посредничества, декабристы продолжали расширять свои знания о Латинской Америке и о шедшей там борьбе. Их представления обогатились собственными наблюдениями. Д. Завалишин и Ф. Вишневецкий побывали в Западном полушарии, участвуя в кругосветном походе корабля «Крейсер». М. Кюхельбекер и Ф. Лутковский плавали в Америку в составе экипажа «Аполлона». В. Романов посетил Русскую Америку и Калифорнию на корабле «Кутузов». Эти путешествия позволили декабристам воочию убедиться в крушении испанского и португальского господства на Американском континенте, укрепить свою веру в созидательные результаты освободительного движения⁴². В армии С. Боливара сражались волонтеры из России. Известны имена отличившихся: Иван Миллер, Иван Минута и Михаил

⁴⁰ *Слѣзкин Л. Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. С. 281—284, 289—297.

⁴¹ Подробнее см.: *Болховитинов Н. И.* Русско-американские отношения. Гл. 4; *Он же.* Доктрина Монро. М., 1959.

⁴² Подробнее см.: *Слѣзкин Л. Ю.* О солидарности русской общественности с патриотами Латинской Америки // Новая и новейшая история. 1960. № 4. С. 71—80; *Альперович М. С.* Революция и диктатура в Парагвае. М., 1975. С. 252—254.

Роль-Скибицкий, который участвовал в битве при Аякучо и был награжден⁴³.

Подводя общий итог, можно сказать, что на всем протяжении войны за независимость в Латинской Америке правительство России придерживалось нейтралитета. До Отечественной войны 1812 г. это был доброжелательный нейтралитет по отношению к освободительной борьбе патриотов. В 1812—1816 гг. — беспристрастный, в 1817—1825 гг. — более или менее недружелюбный. Но во всех случаях — нейтралитет. Либеральный лагерь русского общества все годы войны в Латинской Америке с большим интересом и сочувствием следил за шедшей там борьбой. Декабристы находили в ней достойный пример, извлекая из нее уроки.

⁴³ *Лаврецкий И. Р.* Боливар. М., 1966. С. 99; *Лукин Б.* Новые материалы в СССР по истории Великой Колумбии и Венесуэлы // Новая и новейшая история. 1975. № 5. С. 135—157; *Стрелко А.* О судьбе «волонтера свободы» в Латинской Америке М. Роля-Скибицкого // Новая и новейшая история. 1980. № 3. С. 165—177.

**СТАНОВЛЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**20 – 70-е ГОДЫ
XIX ВЕКА**

МЕКСИКА ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Глава 1

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В КОНЦЕ 20-х—НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ

Крупнейшая из латиноамериканских республик, образовавшихся в результате войны за независимость 1810—1826 гг., Мексика по размерам площади не уступала США даже после присоединения ими французских и испанских владений западнее и восточнее Миссисипи. Она занимала огромное пространство (4,3 млн кв. км) между Тихим океаном и Мексиканским заливом, простираясь от Теуантепекского перешейка на юге до Большого Соленого озера и 42-й параллели на севере. На этой обширной территории к началу 40-х годов проживало свыше 7 млн человек¹, по этнической принадлежности главным образом индейцев и испано-индейских метисов. Наибольшей плотностью населения отличались давно освоенные центральные и южные области страны, тогда как Калифорния, Новая Мексика, Коауила и Техас, Сонора, Дуранго и другие северные районы были гораздо слабее заселены и менее развиты в хозяйственном отношении.

Освобождение Мексики от колониального гнета не сопровождалось радикальным переустройством ее социально-экономической структуры. Позиции помещиков и церкви не только не были поколеблены, но даже укрепились. В связи с раздачей земель генералам и офицерам, отличившимся во время войны за независимость, а также крупным чиновникам число латифундий, составлявшее в 1810 г. менее 5 тыс., к 1854 г. превысило 6 тыс.² Духовенство продолжало пользоваться рядом привилегий, а его экономическая мощь заметно возросла, поскольку к нему перешли многие заложенные асьенды светских землевладельцев. Экономика развивалась крайне медленно. Большинство крестьян, рабочих рудников и мануфактур по-прежнему страдали от педонажа и других докапиталистических форм эксплуатации.

Правда, установление независимости способствовало росту внешней торговли и вовлечению Мексики в орбиту мирового хозяйства. Отмена ряда торговых ограничений, снижение пошлин и другие меры стимулировали быстрое развитие торговли с другими государствами. В 1826 г. конгресс принял декрет, разрешавший установление торговых отношений на основе взаимности. Вслед за тем были заключены договоры с Англией, Францией, Нидерландами, Данией, США. Важным показателем роста внешней торговли являлось оживление судоходства. Уже в 1826 г. в мексиканские порты прибыли 639 иностранных судов против 148 в 1823 г.³

Однако договоры и соглашения с европейскими державами и США имели и отрицательные последствия, так как способствовали проникновению в страну иностранного капитала, с которым слабая мексиканская экономика не могла конкурировать. Экономическое положение молодой республики явля-

¹ Mayer B. Mexico, Aztec, Spanish and republican: a historical, geographical, political, statistical and social account of that country. . . Hartford, 1852. Vol. 2. P. 41.

² Mc Bride G. The Land Systems of Mexico. N. Y., 1923. P. 62, 91.

³ Ward H. G. México in 1827. L., 1828. Vol. 1. P. 444—445.

лось в то время крайне тяжелым: ее хозяйству был нанесен серьезный ущерб в ходе войны за независимость, финансы пришли в катастрофическое состояние. Национальный доход резко сократился. В связи с отъездом ряда испанских купцов и предпринимателей происходила утечка капиталов. Расходная часть бюджета намного превышала доходную. В 1825 г. государственные доходы составляли 9—10 млн, а расходы — более 18 млн песо. В первой половине 40-х годов хронический дефицит мексиканского бюджета возрос до 12—14 млн песо в год, а в 1847 г. превысил 18 млн⁴.

Выход из этого критического положения некоторые государственные деятели и экономисты видели в привлечении иностранных капиталов. В 1824—1825 гг. лондонские банкиры предоставили Мексике два займа на общую сумму 32 млн песо. Но для расчетов с кредиторами пришлось прибегать к новым займам, в связи с чем сумма внешнего долга государства уже к 1843 г. составила свыше 54 млн песо⁵.

В результате инвестиций английских капиталов в горнодобывающую промышленность возникли акционерные общества «Объединенная горно-промышленная компания Мексики», «Англо-мексиканская компания» и т. д. Капиталовложения этих и других иностранных компаний в указанную отрасль экономики Мексики превысили за короткий срок 30 млн песо⁶. В руках англичан оказалась и значительная часть мексиканской торговли. Таким образом, едва освободившись от испанского ига, Мексика попала в экономическую зависимость от капиталистической Англии. В страну стал проникать также североамериканский, немецкий, французский капитал. Однако сколько-нибудь заметную конкуренцию Англии на мексиканском рынке составляли в то время лишь США, откуда к середине 20-х годов в Мексику были направлены крупные денежные суммы.

Проникновение иностранного капитала, а также конкуренция более дешевых и высококачественных товаров, ввозившихся из развитых в промышленном отношении стран, тормозили процесс капиталистического развития.

Для финансирования национальной промышленности в 1831 г. был основан Кредитный банк. Он субсидировал создание ряда предприятий по изготовлению тканей, бумаги, литья, закупал за границей машины и оборудование, племенной скот, приглашал квалифицированных иностранных специалистов. Однако попытка осуществления «индустриализации» при сохранении прежней экономической структуры оказалась безуспешной. Провал планов, связанных с деятельностью Кредитного банка, был обусловлен и недостатком денежных средств. Просуществовав немногим более 10 лет, Кредитный банк был в 1842 г. закрыт. Тем не менее он сыграл определенную роль во внедрении машинного производства и возникновении первых фабрик.

Уровень развития промышленности во второй трети XIX в. оставался крайне низким. Основной ее отраслью по-прежнему являлась горнодобывающая — в первую очередь добыча драгоценных металлов, которая неуклонно возрастала. Если в 1821—1840 гг. производство серебра составило около 6 тыс. т, а золота — 28,3 тыс. кг, то в последующее 20-летие оно достигло соответственно почти 8,8 тыс. т и 37,8 тыс. кг⁷. Ведущей отраслью обрабатывающей промышленности была хлопчатобумажная. К середине 40-х годов

⁴ Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 178; Fuentes Diaz V. La intervención norteamericana en México (1847). México, 1947. P. 151.

⁵ Chávez Orozco I. Historia de México (1808—1836). México, 1947. P. 211—212; Palavicini F. México. Historia de su evolución constructiva. México, 1945. Vol. 3. P. 242.

⁶ Alamán L. Historia de Méjico. México, 1942. T. 5. P. 756.

⁷ Palavicini F. Op. cit. Vol. 3. P. 224.

Мексика начала 30-х годов XIX в.: уличная зарисовка
(худ. Х. Ругендас)

в Мексике насчитывалось 59 прядильных и ткацких фабрик, а также много мануфактур и ремесленных мастерских. Наряду с применением машин хлопчатобумажное производство в значительной мере базировалось и на использовании ручного труда. Наиболее крупными центрами этого производства являлись Пуэбла, Мехико, Веракрус. Вырабатывались также шерстяные и шелковые ткани, сукна, войлок, изготовлялись одеяла, ковры, бумага и т. д.

Качество продукции постепенно улучшалось, а объем производства расширялся. Если в 1843 г. в Мехико имелось 17 хлопчатобумажных фабрик, то к 1856 г. их стало в столичном федеральном округе 46. Число шелкоткацких предприятий увеличилось за тот же период почти втрое⁸. Однако по технической оснащенности мексиканская промышленность заметно отставала от экономически развитых европейских государств и США. Преобладающей формой производства все еще оставалась мануфактура.

Значительно выросла и внешняя торговля. В 1825—1828 гг. стоимость экспорта составляла в среднем около 10 млн песо, а импорта — 14,3 млн песо в год. К 1856 г. объем экспорта достиг 28 млн, импорта — 26 млн песо. Мексика вывозила преимущественно благородные металлы (она являлась главным поставщиком серебра на мировой рынок) и некоторые продукты сельского хозяйства (табак, кофе, ваниль, кошениль, хсненкен, кожи и др.). В ее ввозе преобладали различные промышленные изделия⁹.

Политическое положение в стране было неустойчивым, характеризовалось отсутствием стабильности в связи с ожесточенной борьбой за власть между враждующими группировками и военными кликами. В 30-х годах лати-фундисты, высшее духовенство, реакционная восница, добивавшиеся со-

⁸ Loza Macías M. El pensamiento económico y la constitución de 1857. México, 1959. P. 22.

⁹ Ibid. P. 27—28.

хранения своих привилегий и социально-экономических институтов колониального периода, а самые крайние — даже установления монархии, объединились в консервативную партию, лидерами которой стали Лукас Аламан и Анастасио Бустаманте. Либералы требовали ограничения привилегий церкви и армии, проведения политических и экономических реформ. Их правое крыло составляли *модерадос* (умеренные), пользовавшиеся поддержкой либеральных помещиков, тесно связанных с ними промышленников и купцов, части генералитета и чиновничества, а левое крыло — *пурос* (крайние), наиболее решительно выступавшие за ликвидацию феодальных пережитков, — опирались на городскую и сельскую бедноту, ремесленников, мелких торговцев, служащих, интеллигенцию.

После четырехлетнего пребывания у власти первого президента Гуадалупе Виктории (1824—1829), который пронес ряд прогрессивных мероприятий (в частности, в 1824—1825 гг. запретил работорговлю и ввоз рабов, а также декретировал освобождение последних), в начале 1829 г., несмотря на сопротивление блока консерваторов и модерадос, президентом был избран представитель пурос, герой войны за независимость Висенте Герреро.

Пользуясь обострением внутривластной борьбы в Мексике, испанские войска в июле 1829 г. высадились на ее восточном побережье, однако вскоре были разгромлены. В 1836 г. Испании пришлось официально признать независимость Мексики. 15 сентября 1829 г. Герреро в подтверждение декрета своего предшественника издал указ о полной отмене рабства. Этот акт привел к усилению недовольства консервативных сил, которые в декабре того же года подняли мятеж и свергли правительство. К власти пришли консерваторы во главе с Бустаманте и Аламаном. Они ликвидировали свободу печати, начали массовое преследование республиканцев и либерально настроенных людей. Многие из них были брошены в тюрьмы или изгнаны. Герреро был схвачен и расстрелян.

Эта политика вызвала противодействие широких слоев населения. В ряде районов произошли антиправительственные выступления, волнения охватили и воинские части генерала Санта-Анны¹⁰. Действия правящих кругов подверглись в конгрессе резкой критике со стороны пурос. Под натиском демократической оппозиции правительство Бустаманте—Аламана в конце 1832 г. пало. Выборы в конгресс принесли успех сторонникам пурос и политическим силам, группировавшимся вокруг Санта-Анны, который пользовался тогда известной популярностью и репутацией либерала. Президентом республики был избран Санта-Анна, а вице-президентом — Валентин Гомес Фариас¹¹.

Защищая в действительности интересы консервативно-клерикальных кругов и реакционной военщины, Санта-Анна — беспринципный карьерист, интриган и демагог — для достижения своих целей в борьбе за власть прибегал порой к либеральной фразеологии. Став президентом благодаря голосам депутатов-пурос, но отнюдь не разделяя их политической программы, он до поры до времени открыто не выступал против них. Под предлогом болезни Санта-Анна уехал в свое поместье и во главе правительства оказался Гомес Фариас.

Придя к власти, пурос решительно выступили за ликвидацию привилегий (фуэрос) духовенства и военных. В 1833 г. конгресс принял законы об отделении церкви от государства и восстановлении правительственного контроля

¹⁰ Антонио Лопес де Санта-Анна (1795—1876) происходил из богатой помещичьей семьи. Свою карьеру он начал в рядах роялистской армии, боронившейся против патриотов, в 1821 г. примкнул к Итурбиде, а впоследствии выступил против него под республиканским знаменем.

¹¹ Врач по профессии, честный и неподкупный человек, он участвовал в войне за независимость, а после гибели Герреро стал руководителем левого крыла либералов.

над церковью. Было запрещено создание религиозных конгрегаций, уплата церковной десятины объявлена добровольной, регистрация актов гражданского состояния изъята из ведения церкви и передана светским властям. Правительство Гомеса Фариаса приняло решение об отмене привилегий, которыми пользовались военные, а также о сокращении численности армии.

Деятельность правительства вызвала яростное сопротивление феодално-клерикальных кругов и военщины. В борьбу против пурос теперь включился и Санта-Анна. Установив тесный контакт с помещичье-клерикальным блоком, он выступил против своих вчерашних союзников и в апреле 1834 г. отстранил Гомеса Фариаса от руководства правительством. Взяв всю власть в свои руки, Санта-Анна разогнал Национальный конгресс, отменил конституцию и антиклерикальные законы 1833 г. Видный идеолог пурос Хосе Мария Луис Мора и некоторые другие их лидеры вынуждены были покинуть страну. Выступления народных масс против диктатуры Санта-Анны были жестоко подавлены.

АННЕКСИЯ ТЕХАСА И ВОЙНА С США

В середине 30-х годов чрезвычайно обострились отношения Мексики с США. Овладев в начале XIX в. Луизианой, а затем Флоридой, вашингтонское правительство стремилось к дальнейшей экспансии в юго-западном направлении с целью аннексии северо-восточной части Новой Испании, в первую очередь обширного, но малонаселенного Техаса. В 1819 г. США, желая закрепить и юридически оформить присоединение Флориды, заключили с Испанией договор, согласно которому официально признали Техас составной частью Новой Испании и, следовательно, должны были отказаться от всяких притязаний на него. Однако на самом деле влиятельные круги США отнюдь не распростились со своими экспансионистскими планами. Более того, именно в 20-х годах началась и приобрела широкий размах американская колонизация Техаса.

Под давлением американцев законодательное собрание штата Коауила и Техас издало в 1825 г. колонизационный закон, обеспечивавший поселенцам возможность получения земельных наделов по крайне низкой цене, причем платежи производились в рассрочку, а также освобождение от налогов и пошлин в течение первого десятилетия¹².

Численность колонистов быстро росла, «пока их не стало больше, чем мексиканцев, населявших прежде эту страну», указывал американский автор XIX в.¹³ К середине 30-х годов в Техасе проживало уже более 30 тыс. переселенцев из США¹⁴ (тогда как численность мексиканского населения не достигала и 3,5 тыс.)¹⁵. Они прибывали целыми партиями и были хорошо вооружены. Многие привозили с собой негров-рабов. Установив фактически полный контроль над Техасом, американцы игнорировали законы Мексики и меры ее правительства, направленные против рабства.

В ходе колонизации Техаса США пытались дипломатическим путем добиться уступки этой и некоторых других территорий, но безуспешно. В 1828 г. они вынуждены были заключить с Мексикой договор о границе, подтверждавший положения «Трансконтинентального договора» 1819 г.

Озабоченный проникновением североамериканцев в Техас, мексиканский

¹² Alessio Robles V. Coahuila y Texas desde la consumación de la independencia hasta el tratado de paz de Guadalupe Hidalgo. México, 1945. T. 1. P. 201-204.

¹³ Mansfield E. D. The Mexican War. N. Y., 1848. P. 10.

¹⁴ Не считая 5 тыс. негров-рабов.

¹⁵ Yoakum H. K. History of Texas. Austin, 1935. Vol. 2. P. 197.

конгресс в 1830 г. запретил дальнейшую иммиграцию из соседних государств в пограничные с ними штаты Мексики (т. е. из США в Техас). Новый закон предписывал также поощрять переселение в неосвоенные районы мексиканцев и европейцев, строить на колонизируемых территориях укрепления и размещать там воинские гарнизоны, не допускать ввоза рабов¹⁶.

Несмотря на запрет, американская иммиграция в Техас продолжалась. Но действия мексиканских властей (увеличение численности войск на техасской территории, подготовка к сбору налогов и платы за землю в связи с истечением предоставленной отсрочки и т. д.) вызывали раздражение колонистов. В июне 1832 г. оно вылилось в вооруженное столкновение с правительственными силами в селении Анауак, на побережье залива Галвестон. Вслед за тем мексиканские гарнизоны были выведены из восточной части Техаса.

Собравшиеся в октябре 1832 г. представители техасских колонистов потребовали отмены закона 1830 г. и отделения Техаса от Коауилы с преобразованием его в самостоятельный штат. Чтобы обеспечить удовлетворение этих требований, в Мехико отправился эмиссар техасцев С. Остин. Ему удалось добиться аннулирования запрета на иммиграцию в Техас из США и некоторых других уступок, но правительство республики категорически отказалось предоставить Техасу статус штата. А при диктатуре Санта-Анны (1834—1835) с установлением централистской формы правления прежние штаты, пользовавшиеся широкой автономией, превратились в департаменты, губернаторы которых назначались президентом. В начале 1835 г. в Техас были посланы дополнительные воинские контингенты с целью обеспечить взимание таможенных пошлин.

Под воздействием этих перемен обстановка еще больше накалилась. Все громче звучали голоса тех, кто призывал взяться за оружие, чтобы осуществить отделение от Мексики. В июне 1835 г. отряд американских колонистов захватил техасское селение Анауак. В последующие месяцы мятежники овладели рядом других населенных пунктов и к концу года вытеснили из Техаса мексиканские войска. Из США стали поступать деньги, оружие, боеприпасы. Границу переходили многочисленные добровольцы. В США были закуплены военные корабли, препятствовавшие подходу мексиканских судов к Техасскому побережью. 2 марта 1836 г. конвент «представителей народа Техаса» провозгласил отделение от Мексики и образование независимой республики¹⁷. Конституция «Республики Техас», составленная по образцу североамериканской, узаконила рабство и ввоз рабов. Конвент обратился к правительству Соединенных Штатов с просьбой о помощи.

Между тем вступившая в Техас мексиканская армия под командованием самого Санта-Анны заняла столицу Сан-Антонио и стала теснить мятежников, вынужденных отступить на восток. Преследуя их, Санта-Анна с авангардом своей армии достиг устья р. Сан-Хасинто, где расположился на отдых, не приняв элементарных мер предосторожности. Воспользовавшись этим, колонисты 21 апреля внезапно атаковали мексиканцев и разгромили их. Санта-Анна пытался спастись бегством, однако попал в плен. Не имея на то никаких полномочий, он подписал 14 мая капитулянтское соглашение о прекращении военных действий и выводе мексиканских войск из Техаса, а также обязался добиться признания его независимости Мексикой и установления границы между ними по реке Рио-Гранде-дель-Норте. Но мексикан-

¹⁶ См.: *Alessio Robles V. Op. cit.* Т. 1. P. 362—364.

222 ¹⁷ *The Laws of Texas, 1822—1897.* Austin, 1898. Vol. 1. P. 1063—1067.

ский конгресс объявил это соглашение и обязательства, данные Санта-Анной, недействительными.

В марте 1837 г. вашингтонское правительство официально признало «независимость» Техаса. Вскоре его примеру последовали Англия и Франция, полагавшие, что новая «республика» станет барьером на пути дальнейшей экспансии США на юг. Однако могущественные силы в этой стране настойчиво добивались полного поглощения Техаса Соединенными Штатами. Приток туда людей, капиталов и товаров с севера усиливался с каждым годом. За счет наплыва иммигрантов из США численность американского населения «республики» в течение второй половины 30-х годов почти удвоилась. Североамериканские дельцы охотно приобретали акции подвизавшихся в Техасе компаний, вкладывали деньги в облигации, выпускавшиеся техасскими властями, участвовали в земельных спекуляциях. За 1837—1839 гг. стоимость американского экспорта в Техас возросла с 1 007 928 до 1 687 086 долл., а импорта — с 163 284 до 318 116 долл.¹⁸ В 1838—1840 гг. из портов США в мексиканские воды прибыли восемь боевых кораблей, которые под командованием кадровых офицеров военно-морского флота курсировали вдоль восточного побережья страны.

Решительно отказываясь признать «Республику Техас», мексиканское правительство, встревоженное требованиями влиятельных кругов США об ее аннексии, в 1843—1844 гг. неоднократно предупреждало, что будет считать такую акцию равносильной объявлению войны Мексике¹⁹.

Тем не менее в начале 1845 г. обе палаты американского конгресса приняли совместную резолюцию, предлагавшую Техасу войти в состав США. В ответ Мексика тотчас же порвала дипломатические отношения с США. Вместе с тем незадолго до этого пришедшее к власти правительство умеренного либерала Эрреры, которое более трезво, чем его предшественники, оценивало финансово-экономическое состояние и военный потенциал Мексики и потому проявляло склонность к компромиссу, 19 мая выразило готовность признать независимость «Республики Техас», если та обязуется не присоединяться к США. Этот отчаянный шаг подсказала британская дипломатия, рассчитывая ваванша, что Англия, выступая совместно с Францией в роли посредника и гаранта «независимости» Техаса, сможет фактически установить контроль над ним. Но было уже поздно.

Корпус генерала Тейлора, введенный по распоряжению правительства Полка на техасскую территорию, в июле 1845 г. вышел к р. Нуэсес (издавна считавшейся южной границей Техаса) и сосредоточился близ ее устья, в районе Корпус-Кристи. 29 декабря президент Полк подписал одобренный конгрессом билль о включении Техаса в состав США.

Помимо Техаса важным объектом экспансии США являлись также обширные плодородные и богатые полезными ископаемыми мексиканские территории Калифорнии и Новая Мексика. Пытаясь оказать на Мексику, чтобы «мирным путем» добиться от нее желаемых территориальных уступок, вашингтонское правительство направило туда члена конгресса Джона Слайделла, обладавшего, по словам К. Маркса, «редкими способностями плести интриги, неутомимостью и выдержкой, бессовестностью и бесцеремонностью. . .»²⁰ Ему было поручено убедить мексиканцев признать в качестве границы Рио-Гранде (от устья до истоков), а также продать Калифорнию и Новую Мексику.

¹⁸ Pletcher D. M. The Diplomacy of Annexation. Columbia, 1973. P. 85.

¹⁹ Diplomatic Correspondence of the United States: Inter-American Affairs, 1831—1860. Wash., 1937. Vol. 8. P. 557, 566—567, 587—591.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 417.

Однако в обстановке роста патриотических настроений в стране и усиления народного недовольства примирительной политикой модератов, стремившихся избежать вооруженного столкновения с США, Эррера не решился вступить в переговоры с эмиссаром Белого дома. В начале января 1846 г. власть в Мехико захватили консерваторы во главе с генералом Паредесом-и-Аррильегой. Ориентируясь на поддержку европейских монархий, он занял твердую по отношению к США позицию и категорически отверг их предложения.

Как только стала известна неудача миссии Слайделла и выяснилось, что «Мексика отказалась вести переговоры с подобным субъектом»²¹, администрация Полка предприняла шаги с целью спровоцировать мексиканцев и вынудить их нанести удар первыми.

В марте 1846 г. американские войска, перейдя Нуэсес, без объявления войны вторглись в пределы Мексики и продвинулись до Рио-Гранде. 23 апреля президент Паредес заявил, что им отдан приказ вооруженным силам приступить к оборонительным операциям и изгнать американцев с мексиканской территории. Два дня спустя мексиканцы форсировали реку и атаковали неприятельский отряд.

В мае в районе Пало-Альто произошло первое крупное сражение, в ходе которого мексиканские части понесли большие потери и на следующий день под натиском противника начали отходить. В Ресака-де-ла-Пальма они решили дать бой, но потерпели поражение и отступили на южный берег Рио-Гранде. Вслед за ними переправились и американские войска, которые 18—19 мая заняли Матаморос.

Хотя армия Тейлора оккупировала не только Техас, но и часть мексиканских штатов Коауилы и Тамаулипаса между Нуэсес и Рио-Гранде, Полк в послании конгрессу 11 мая объявил, будто мексиканцы «перешли границу Соединенных Штатов, вторглись на нашу территорию и пролили кровь американцев на американской земле»²². 13 мая 1846 г. президент издал прокламацию, констатирувавшую состояние войны, «начатой республикой Мексикой». 2 июля мексиканский конгресс официально объявил войну Соединенным Штатам. Это решение мотивировалось тем, что Мексика вынуждена защищаться ввиду агрессивных действий США. Однако, не будучи в состоянии перейти в наступление, мексиканцы придерживались оборонительной тактики. Инициативой овладели американцы.

В июне 1846 г. американские поселенцы подняли мятеж в Калифорнии и при поддержке эскадры США заняли ряд населенных пунктов. Они провозгласили создание «Республики Калифорнии», которая вскоре была присоединена к США. В июле американские войска вторглись в Новую Мексику и за короткий срок оккупировали почти всю ее территорию. В августе оккупанты объявили об аннексии и этого мексиканского штата.

Между тем действовавшая на северо-востоке Мексики армия Тейлора 21 сентября достигла Монтеррея и после ожесточенных трехдневных боев заняла его, а в середине ноября вошла в Сальтильо. К тому времени эскадра Коннера, блокировавшая побережье Мексиканского залива, овладела портом Тампико.

Поражения мексиканских войск вызвали в стране сильное недовольство консервативным правительством Паредеса, проявившим полную неспособность вести войну. Вдохновителем вооруженных антиправительственных вы-

²¹ Там же.

²² A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897. Wash., 1897. Vol. 4. P. 442.

ступлений стали пурс во главе с Гомесом Фариасом. Восстание, вспыхнувшее в начале августа 1846 г., привело к свержению консерваторов. У власти временно оказались пурс, требовавшие не только демократических преобразований и реформ антиклерикального характера, но также эффективных мер по организации обороны. Подобная программа обеспечила им значительное число мест в Национальном конгрессе, однако большинство получили все же сторонники Санта-Анны, консерваторы и умеренные либералы. При таком соотношении сил конгресс в декабре снова избрал президентом республики Санта-Анну, который благодаря своей энергии и предпримчивости пользовался еще известным влиянием в армии и среди населения. Вице-президентом стал Гомес Фариас, фактически продолжавший руководить деятельностью правительства, поскольку Санта-Анна в качестве главнокомандующего был целиком поглощен подготовкой к военным операциям на севере.

Одной из важных мер, имевших целью укрепление обороноспособности Мексики, явилось создание национальной гвардии. В поисках денежных средств для ведения войны конгресс по инициативе Гомеса Фариаса, вопреки отчаянному противодействию консерваторов и клерикалов, одобрил в январе 1847 г. закон о продаже части имущества церкви. В ответ некоторые подразделения национальной гвардии, сформированные главным образом из представителей «золотой молодежи» (за их увлечение празднествами и танцами прозванных «полькос»), по призыву клерикально-консервативного блока подняли 23 февраля мятеж в столице. В результате решительных действий правительства разгром мятежников был вскоре предрешен, но их взял под защиту прибывший в Мехико Санта-Анна. Поддержав реакционные силы, он отстранил от власти Гомеса Фариаса и добился отмены декрета об изъятии церковных ценностей.

Тем временем наметился существенный поворот в ходе войны с США.

Несмотря на значительные успехи, стратегический план американского командования, рассчитанный на нанесение основного удара с севера, быстрый разгром мексиканской армии и захват столицы Мексики, осуществить не удалось. Мексиканцы оказали энергичное сопротивление. На оккупированных территориях развернулась партизанская война. Американским войскам пришлось действовать в тяжелых, непривычных для них природных и климатических условиях пустынной и засушливой местности, их коммуникации сильно растянулись. 22-23 февраля 1847 г. близ горного перевала Буэна-Виста армия Тейлора отразила наступление превосходящих сил мексиканцев, которыми командовал Санта-Анна. Но американцы сами понесли большие потери и даже не пытались преследовать деморализованного противника, в беспорядке отступавшего на юг, в Сан-Луис-Потоси.

Когда стало ясно, что первоначальный замысел не реален, правящие круги США решили изменить направление главного удара и нанесли его с востока, через Веракрус. С этой целью в Мексиканском заливе была сосредоточена флотилия судов с экспедиционной армией генерала Скотта на борту. 9 марта 1847 г. она высадилась близ Веракруса, и после трехнедельной осады, сопровождавшейся интенсивным артиллерийском обстрелом, интервенты заняли город. Вслед за тем они двинулись на запад. Санта-Анна сосредоточил мексиканские войска возле селения Серро-Гордо, северо-западнее Веракруса. Но его армия не смогла оказать организованного сопротивления и в середине апреля была разгромлена наступающими американцами. Через месяц они без боя заняли Пуэблу.

Получив подкрепление из США, Скотт в начале августа повел свою армию по направлению к Мехико. На подступах к столице завязались

упорные бои. Несмотря на пораженческие настроения ряда представителей правящей верхушки, которые на протяжении июня—июля вели с врагом тайные переговоры о прекращении огня, и нерешительность командования, защитники города стойко сопротивлялись. В кровопролитном сражении при Чурубуско (20 августа) американцы одержали победу лишь благодаря своему численному и техническому превосходству. Однако они также понесли большие потери и нуждались в передышке.

По предложению Скотта было заключено перемирие, длившееся около двух недель. Используя эту паузу для приведения в порядок своих войск и получения пополнений, интервенты вместе с тем пытались вынудить правительство Мексики уступить Техас, Новую Мексику, Калифорнию, значительную часть Тамаулипаса, Коауилы, Чиуауа и Соноры (т. е. примерно три четверти своей территории), а также предоставить США право транзита через Теуантепекский перешеек. Но предъявленные требования были настолько неприемлемы, что даже Санта-Анна и его сторонники не решились согласиться с ними. 8 сентября американские войска возобновили военные операции, атаковав Молино-дель-Рей²³, после чего бои переместились в район замка Чапультепек, расположенного на вершине холма в непосредственной близости от столицы. Исключительное мужество проявили в этих боях курсанты военного училища, героически сражавшиеся до последней капли крови. 13 сентября американцы штурмом овладели Чапультепеком и на следующий день вступили в Мехико, оставленный ночью мексиканской армией.

Но на борьбу против врага поднялись жители города. Они стреляли в оккупантов, сбрасывали с крыш домов камни, нападали на отставших от своих подразделений солдат. В ответ интервенты разрушали дома и целые кварталы, превращали церкви в конюшни и казармы, расстреливали горожан без суда и следствия. На центральной площади Пласа-де-Армас и проспекте Аламеда они соорудили виселицы для казни патриотов.

Несмотря на захват столицы неприятелем, народная война против захватчиков продолжалась и в Калифорнии, Новой Мексике, Тамаулипасе, Веракрусе, Пуэбле и многих других районах. Повсюду стихийно возникали партизанские отряды, наносившие серьезный урон вражеским войскам. Чтобы сломить сопротивление мексиканцев, генерал Скотт издал приказ, объявлявший партизан вне закона, а ответственность за их действия возлагавший на местные власти. Но борьба не утихала.

Напуганная ростом партизанского движения, соглашательски настроенная часть господствующих классов Мексики после оккупации Мехико стала добиваться быстрого прекращения военных действий. Правительство Пеньи-и-Пеньи, пришедшее к власти в конце сентября 1847 г. вслед за отставкой Санта-Анны, который нес главную ответственность за поражения в войне, обосновавшись в Керетаро, выразило готовность вести переговоры о заключении мирного договора.

Этого хотели и правящие круги США, полагавшие, что разгром регулярной мексиканской армии и захват обширной территории, включая столицу и другие крупные центры Мексики, даст им возможность продиктовать побежденной стороне выгодные условия мира. Кроме того, война с Мексикой была крайне непопулярна среди широких слоев американского общества. Против нее выступали большинство партии вигов и часть демократов, аболиционисты и пацифисты, квакеры и другие религиозные секты. Агрес-

сивные действия администрации Полка разоблачались с трибуны конгресса²⁴ и на страницах печати. Их безоговорочно осуждали будущий президент А. Линкольн, выдающиеся философы и публицисты Р. У. Эмерсон и Г. Д. Торо, писатели Г. Мелвилл и М. Фуллер.

В январе 1848 г. переговоры между воюющими сторонами возобновились, и под сильным давлением американской дипломатии 2 февраля в Гуадалупе-Идальго был подписан мирный договор. Мексика оказалась вынуждена отдать США помимо Техаса также Новую Мексику, Верхнюю Калифорнию, северную часть Тамаулипаса, Коауилы и Соноры, т. е. до 55 % всей территории страны общей площадью около 2,3 млн кв. км. Ее северной границей признавалась Рио-Гранде-дель-Норте. В качестве компенсации США должны были уплатить мизерную сумму в 15 млн песо и отказаться от своих финансовых претензий к Мексике в размере 3250 тыс. долл.²⁵

Договор Гуадалупе-Идальго, по словам мексиканского исследователя, «был одним из самых жестоких в новой истории»²⁶. Поражение Мексики в войне, навязанной ей американскими экспансионистами, объяснялось не только экономическим, техническим и военным превосходством США, но и антипатриотическим поведением мексиканских господствующих классов, которые, желая сохранить свои привилегии, принесли в жертву национальные интересы.

Война 1846—1848 гг. наложила серьезный отпечаток на дальнейшее развитие страны. Мексика лишилась плодородных земель с исчерпаемыми природными ресурсами. Итоги войны в значительной мере повлияли на ее последующие отношения с США.

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1854—1860)

В середине XIX в. в значительной мере вследствие повышения спроса на мексиканскую продукцию в Европе и США наметилось некоторое оживление хозяйственной жизни. Появились новые промышленные предприятия, выросло производство сельскохозяйственного сырья и продуктов питания, расширился внутренний рынок, увеличились масштабы внешней торговли, началось железнодорожное строительство. Однако рост буржуазных отношений тормозился сохранением докапиталистических институтов и форм эксплуатации. Развитию капитализма препятствовало особое положение католической церкви — могущественной корпорации, контролировавшей большую часть недвижимости, крупные капиталы и пользовавшейся рядом привилегий. Усиление классового гнета вызвало обострение социальных противоречий в городе и деревне.

В поисках средств, которые позволили бы устранить преграды на пути экономического и политического прогресса страны, либералы стали усиленно выдвигать требование реформы, подразумевая под ней прежде всего секуляризацию церковного имущества, ликвидацию привилегий духовенства и армии, и т. д. Против реформы выступали консерваторы, стремившиеся укрепить власть латифундистов и господствующее положение церкви, сохранить фуэрос военных и духовенства, не допустить к участию в политической жизни народные массы и большую часть буржуазии. В связи с усилением

²⁴ The Congressional Globe, New Series, 29th Congress, 2nd Sess. Appendix. Wash., 1847. P. 47—52, 56—61, 104—111, 155—157, 202—205, 289—293.

²⁵ Treaties and Other International Acts of the United States of America. Wash., 1937. Vol. 5. P. 207—236.

²⁶ Zorrilla L. G. Historia de las relaciones entre México y los Estados Unidos de América, 1800—1958. México, 1965. T. 1. P. 218.

в конце 40-х—начале 50-х годов крестьянских восстаний и выступлений городской бедноты в 1853 г. при поддержке крупных землевладельцев, церковной иерархии, военщины и иностранной буржуазии к власти вновь пришел Санта-Анна. Установив диктаторский режим, он по требованию США уступил им за 10 млн долл. еще около 120 тыс. кв. км, расположенных южнее р. Хилы (долина Месилья). Эта сделка, известная под названием «покушки Гадседена» (по имени посланника США)²⁷, вызвала сильное возмущение в стране.

В ответ на антинациональную политику Санта-Анны в городе Аютла, на юге Мексики, 1 марта 1854 г. вспыхнуло восстание, цели которого были сформулированы в «плане Аютла», содержавшем призыв к свержению диктатуры и проведению демократических реформ²⁸. Движение, возглавляемое губернатором штата Герреро Хуаном Альваресом, быстро приобрело широкий размах. Оно охватило Мичоакан, Тамаулипас, Веракрус, Сонору и другие штаты и вскоре переросло в революцию. В ней приняли активное участие крестьяне, ремесленники, городская беднота, мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция. В августе 1855 г. диктатура Санта-Анны пала, а в октябре к власти пришло либеральное правительство Альвареса, составленное из пурос. Оно приступило к формированию национальной гвардии, которая должна была заменить постоянную армию; по предложению министра юстиции Хуареса 23 ноября был издан закон, лишавший духовенство и армию привилегий («Закон Хуареса»).

Однако уже в декабре произошел государственный переворот и при поддержке консерваторов власть захватили модератос, выражавшие интересы крупных землевладельцев и примыкавшей к ним буржуазии. Но попытки сил реакции ликвидировать завоевания революции и полностью восстановить привилегии церкви и военных не увенчались успехом. Новое правительство Игнасио Комонфорта подавило контрреволюционные выступления и начало осуществлять программу буржуазно-либеральных преобразований. Оно провозгласило свободу печати, отменило регламентацию промышленности, упразднило цехи, внутренние таможи, ввело метрическую систему мер и весов. Вскоре конгресс принял ряд антиклерикальных законов и утвердил «Закон Хуареса».

25 июня 1856 г. был издан «Закон Лердо» (названный по имени его автора — министра финансов Мигеля Лердо де Техады), запрещавший гражданским и церковным корпорациям владеть недвижимым имуществом²⁹. Он создал благоприятные условия для перехода собственности церкви в руки крупной буржуазии и светских землевладельцев. Вместе с тем под действие «Закона Лердо» были подведены индейские общины, которые рассматривались как «гражданские корпорации».

5 февраля 1857 г. конгресс обнародовал новую конституцию, которая объявила Мексику представительной, демократической федеративной республикой, состоящей из штатов «свободных и суверенных во всем, что касается их внутреннего устройства»³⁰. Она запрещала рабство, декларировала свободу совести, слова, печати, собраний, передвижения, тайну переписки, право создания политических и общественных организаций, отменяла

²⁷ Текст договора, подписанного 30 декабря 1853 г., см.: *Treaties and Other International Acts...* Wash., 1942. Vol. 6. P. 293—302.

²⁸ *Leyes fundamentales de México, 1800—1976.* México, 1976. P. 492—494.

²⁹ Текст закона см.: *Leyes de Reforma: Gobiernos de Ignacio Comonfort y Benito Juárez (1856—1863).* México, 1947. P. 25—36.

³⁰ *Constitución federal de los Estados Unidos Mexicanos, sancionada y jurada por el Congreso General Constituyente, el día 5 de febrero de 1857.* México, 1956. P. 40.

наследственные титулы и привилегии знати, упразднила сословные суды и вводила суд присяжных. Конституция ликвидировала торговые монополии и регламентацию, тормозившие рост промышленности, гарантировала неприкосновенность частной собственности, отчуждение которой допускалось «только в случае общественной необходимости и с предварительной компенсацией»³¹. Этот документ включал важнейшие положения «Закона Хуареса» и «Закона Лердо», т. е. подтверждал отмену феодализма и запрет духовным и светским корпорациям иметь недвижимость. Конституция 1857 г. нанесла тяжелый удар по феодальным пережиткам и утвердила основные завоевания буржуазной революции.

Стремясь не допустить введения конституции, силы консервативно-клерикальной реакции подняли в конце 1857 г. мятеж и свергли правительство Комонфорта, а бразды правления вручили генералу Сулоаге. Однако в защиту конституции выступили либералы во главе с одним из лидеров пурос — Хуаресом³².

Будучи активным участником начавшейся в 1854 г. революции, Хуарес вошел в состав либерального правительства в качестве министра юстиции, а по вступлении в силу конституции 1857 года занял пост председателя Верховного суда. Когда вспыхнул контрреволюционный мятеж и законное правительство было свергнуто, он, согласно конституции, стал временным президентом. Наряду с ним видную роль играли другие лидеры пурос — министр иностранных и внутренних дел Мельчор Окампо, военный министр Сантос Дегольядо, министр финансов Гильермо Приэто.

Страна была охвачена гражданской войной. На первом ее этапе либералы, опиравшиеся на поддержку народных масс, все же терпели серьезные поражения. Их военные неудачи в значительной мере вызывались тем, что формируемая ими армия по своей боевой подготовке, воинской дисциплине, вооружению, снаряжению поначалу уступала регулярным войскам консерваторов. Последние захватили инициативу и в течение длительного времени удерживали ее. Заняв Мехико, Пуэблу и другие города центральных районов, они объявили об отмене конституции и «Закона Лердо», о возвращении церкви ее имущества. В марте 1858 г. консерваторы овладели важным

Б. ХУАРЕС

³¹ Ibid. P. 33.

³² Бенито Пабло Хуарес (1806—1872) родился в индейской крестьянской семье. Рано осиротев, он с малых лет пас скот и работал в поле. Мечтая получить образование, 12-летний мальчик покинул родную деревню и отправился в город Оахаку, где нанялся в ученики к просвещенному мопаху-переплетчику. Хозяин научил Бенито читать и писать, а потом помог ему поступить в духовную семинарию. В дальнейшем Хуарес изучал юриспруденцию в Институте наук и искусств. Окончив это учебное заведение, он в течение ряда лет занимался адвокатской практикой, а в 1847 г. был избран губернатором штата Оахака. Подробнее о жизни и деятельности Хуареса сам.: Roeder R. Juárez and his Mexico: Vol. 1—2. N. Y., 1968. На рус. яз. см.: Лаврецкий И. Хуарес. М., 1969.

горнопромышленным центром Гуанахуато. В связи с приближением фронта к Керетаро — резиденции правительства Хуареса, оно перенесло свое местопребывание в Гвадалахару, а затем — в Веракрус.

В ходе войны Хуарес издал в июле 1859 г. «Законы о реформе», возлагавшие главную ответственность за развязывание гражданской войны на католическую церковь. Чтобы лишить ее материальных средств, используемых духовенством во вред обществу, либеральное правительство заявило о национализации церковных имуществ, отделении церкви от государства, роспуске монашеских орденов, религиозных конгрегаций и братств, закрытии мужских монастырей. Декретировались свобода вероисповедания, введение гражданского брака, передача регистрации актов гражданского состояния государственным органам, освобождение верующих от принудительных поборов в пользу церкви и другие меры, подрывавшие позиции духовенства. Противодействие проведению в жизнь этих законов и саботаж паказывались, в зависимости от тяжести вины, изгнанием или привлечением к судебной ответственности. В последнем случае подсудимым предьявлялось обвинение в заговоре против республики³³.

Издание «Законов о реформе», являвшихся одним из основных актов буржуазной революции, привело к еще большему обострению вооруженной борьбы. Несмотря на то что широкие слои населения все более активно поддерживали либералов, а в консервативном лагере определенные круги не возражали против прекращения войны, еще в течение некоторого времени продолжал сказываться перевес консерваторов. В конце 1859 г. их войска под командованием способного молодого генерала Мигеля Мирамона (возглавлявшего в 1858—1860 гг. консервативное правительство в Мехико), нанеся поражение армии Дегольядо, овладели обширной, плодородной и густо заселенной областью Бахио. В феврале следующего года они осадили Веракрус, но через некоторое время вынуждены были снять осаду.

К середине 1860 г. стало очевидным военное превосходство либералов, численность войск которых значительно возросла, а их организация, подготовка и оснащение существенно улучшились. В течение второй половины этого года они добились крупных успехов, заняли главные города ряда штатов, блокировали Мехико и Пуэблу, а в конце декабря овладели столицей.

Трехлетняя гражданская война закончилась полной победой либералов. Но она не сопровождалась радикальными преобразованиями. Революция не покончила с крупным землевладением. Напротив, оно еще более окрепло за счет церковных и общинных земель. Сохранились пеонаж, кабальная аренда и другие докапиталистические формы эксплуатации. Вскоре феодално-клерикальные силы возобновили борьбу против правительства Хуареса.

БОРЬБА ПРОТИВ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

(1861—1867)

В конце 1861—начале 1862 г. на помощь мексиканским реакционерам пришли Англия, Франция и Испания. 31 октября 1861 г. этими державами была подписана конвенция о совместной вооруженной интервенции в Мексике. Основной целью всех трех ее участников было свержение правительства Хуареса и поддержка сил мексиканской реакции, возглавлявшихся консервативной партией. В дальнейшем они намеревались лишить Мексику независимости. Именно поэтому Маркс называл интервенцию в Мексике

«одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории», а коалицию Англии, Франции и Испании — новым Священным союзом³⁴.

В оправдание своих агрессивных действий европейские интервенты ссылались на постановление мексиканского конгресса от 17 июля 1861 г. о временном прекращении платежей по внешним долгам. Но требования об уплате долгов являлись лишь предложением. Интервенция европейских держав преследовала более далеко идущие цели, нежели заставить Мексику возобновить выплату процентов иностранным кредиторам. Она готовилась еще до издания указанного постановления, а началась уже после того, как мексиканский конгресс аннулировал его.

Первыми прибыли в Мексику испанские войска, которые 18 декабря 1861 г. заняли Веракрус. В начале января 1862 г. высадились английские и французские части.

Поскольку оказалось, что консервативные круги страны не способны активно поддерживать интервентов, последним пришлось начать переговоры с республиканским правительством. 19 февраля 1862 г. в Ла-Соледад (близ Веракруса) представителями Мексики, Англии, Франции и Испании было подписано предварительное соглашение, которое предусматривало продолжение переговоров в целях урегулирования вопроса о претензиях трех держав. Английское и испанское правительства одобрили (хотя и с рядом оговорок) Ла-Соледадскую конвенцию. Наполеон III, желавший превратить Мексику в империю во главе с австрийским эрцгерцогом Максимилианом Габсбургом, отказался признать как само соглашение, так и правительство Хуареса, с которым оно было заключено.

В апреле 1862 г. испанские и британские войска были выведены из Мексики. При этом правительство Пальмерстона учитывало, что цели, которые оно преследовало при организации интервенции, могли быть теперь достигнуты без прямого участия Англии. Ведь правящие круги Франции, уже достаточно втянувшиеся в мексиканскую авантюру, чтобы реализовать собственные планы, должны были добиваться свержения правительства Хуареса. Испания же отступила, так как замыслы Наполеона III были противоположны ее намерениям посадить на мексиканский престол одного из принцев Бурбонской династии.

Хотя враждебная Мексике коалиция распалась, предстояла упорная борьба с французскими интервентами. Поэтому республиканское правительство приняло ряд мер. Еще 18 декабря 1861 г. президент Хуарес опубликовал обращение к народу, призывая «забыть ненависть и вражду, порожденные политическими разногласиями», и сплотиться для защиты родины. Одновременно мексиканское правительство призвало к оружию население, способное к военной службе. 25 января 1862 г. Хуарес издал декрет, согласно которому все мексиканцы и иностранцы, совершившие преступление против независимости и безопасности нации, а также против международного права, карались смертью. Когда неизбежность длительной войны с Францией стала очевидной, правительство 12 апреля 1862 г. объявило на осадном положении все районы, оккупированные французскими войсками.

Через несколько дней уполномоченные Наполеона III в Мексике заявили, что Вторая империя находится в состоянии войны с правительством Хуареса. Ярый монархист генерал Альмонте, незадолго до того вернувшийся из эмиграции, опубликовал манифест, в котором призывал мексиканцев поддержать Францию, чтобы с ее помощью создать стабильную власть.

³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 375, 373.

Вскоре французы признали Альмонте «временным верховным главой мексиканской нации».

19 апреля начались военные действия. Интервенты предприняли наступление на Пуэблу, лежащую на пути из Веракруса в столицу. Город оборонял гарнизон под командованием генерала Сарагосы, состоявший главным образом из индейцев. Солдаты были полураздеты, многие вооружены одними мачете (большие ножи для рубки сахарного тростника), артиллерия состояла из пушек устаревшего образца. Но боевой дух защитников Пуэблы был столь высок, что интервентам пришлось отступить.

Правительство Наполеона III перебросило в Мексику подкрепления. К концу 1862 г. экспедиционная армия насчитывала около 30 тыс. человек, помимо личного состава военно-морских сил, находившихся в мексиканских водах. В марте 1863 г. французские войска начали второе наступление на Пуэблу. Несмотря на почти двойной численный перевес, они очень медленно продвигались вперед. Им приходилось брать с боем дом за домом, квартал за кварталом. За время осады Пуэблы превратилась в груды развалин. 17 мая, когда иссякли запасы продовольствия, гарнизон вынужден был капитулировать. Предварительно мексиканцы уничтожили все боеприпасы, заклепали пушки и взорвали пороховые склады³⁵.

С падением Пуэблы интервентам был открыт путь на Мехико. 31 мая 1863 г. правительство во главе с Хуаресом покинуло столицу. Его резиденция была перенесена в Сан-Луис-Потоси. В начале июня французские войска вступили в Мехико. К тому времени основные мексиканские порты (Веракрус, Тампико и др.) находились в их руках, что лишило правительство Хуареса доходов от таможен, сделав его финансовое положение еще более тяжелым.

Захватив столицу, оккупанты назначили Верховную правительственную хунту, которая избрала регентский совет и созвала ассамблею нотаблей для решения вопроса о форме правления Мексики. 10 июля ассамблея, состоявшая главным образом из крупных землевладельцев, высшего духовенства, чиновников и офицеров, постановила провозгласить наследственную монархию и предложить императорскую корону эрцгерцогу Максимилиану.

В октябре интервенты начали операции к северу от столицы. Они заняли Керетаро, Монтеррей, Сан-Луис-Потоси, Сальтильо. Но в оккупированных районах французские войска контролировали положение лишь в немногих городах. Большая же часть страны находилась в руках партизан. При таких условиях жители того или иного селения, высказываясь под угрозой французских штыков за Максимилиана, сразу же после ухода оккупантов изгоняли назначенных ими чиновников и вновь брали сторону правительства Хуареса.

10 апреля 1864 г. австрийский эрцгерцог принял предложенную ему корону и стал императором Мексики под именем Максимилиана I. В тот же день между ним и Наполеоном III был заключен договор, согласно которому Мексика обязалась уплатить Франции: 1) 270 млн франков в качестве компенсации расходов по организации интервенции; 2) по 1000 франков в год за каждого солдата 40-тысячной французской армии; 3) огромную сумму в счет возмещения «убытков» французских подданных³⁶.

Однако положение «империи» не могло быть сколько-нибудь прочным, ибо весь народ, за исключением небольшой кучки предателей, вел борьбу против

³⁵ Подробнее об обороне Пуэблы в 1862—1863 гг. см.: *Беленький А. Б.* Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861—1867). М., 1959. С. 59—63.

³⁶ *Lefèvre E.* Documents officiels recueillis dans la secrétairerie privée de Maximilien. Bruxelles et Londres, 1869. Vol. 1. P. 359—363.

Столкновение мексиканских партизан с французскими войсками
(гравюра эпохи)

окупантов и их ставленника Максимилиана. Жители захваченных врагом городов и селений нередко убивали французских солдат и офицеров. Интервенты облагали население штрафами и реквизировали продукты. Они расстреливали пленных республиканцев и мирных жителей, заподозренных в сочувствии республике, убивали стариков, женщин и детей, сжигали населенные пункты.

Вследствие народного характера войны и некоторых географических особенностей Мексики (высокие горы, обширные, местами труднопроходимые территории с редким населением, недостаток коммуникаций) военные действия приняли затяжной характер. Войска интервентов, как правило, одерживали победы над регулярными частями и, захватывая город за городом, продвигались вперед. В 1864—1865 гг. все основные центры были заняты французами. Республиканскому правительству пять раз пришлось менять свое местопребывание. Однако коммуникации интервентов растягивались и попадали под удар партизан. Взамен разбитых мексиканских армий выростали сотни партизанских отрядов, из которых со сказочной быстротой образовывались новые армии. Партизанские методы войны стали решающими. В наиболее тяжелый период (1864—1866) их применяли даже регулярные войска, действовавшие зачастую в глубоком тылу противника и представлявшие собой, по существу, крупные партизанские соединения.

Основной причиной успехов партизан являлась поддержка их народными массами. Они могли укрыться, получить пищу и фураж в любом селении, их отряды постоянно пополнялись за счет жителей тех районов, где действо-

вали. Среди партизанских командиров были как кадровые военные, так и люди самых мирных профессий, взявшиеся за оружие, лишь чтобы дать отпор интервентам. В штате Синалоа руководителем герильи стал Рамон Корона, в Мичоакане — писатель и историк Висенте Рива Паласио, в Сакатекасе — бывший губернатор Агуаскальсентес Хосе Мария Чавес.

Оккупанты и их ставленники зверски подавляли всякое сопротивление. Они издали серию поистине драконовских законов, направленных против патриотов. Завершением ее явился декрет Максимилиана от 3 октября 1865 г., согласно которому каждый, кто вел вооруженную борьбу против империи и иностранных интервентов, подлежал военно-полевому суду с обязательным приговором к смертной казни и приведением приговора в исполнение в течение 24 часов³⁷. После издания этого декрета расстрелы приняли массовый характер.

Но в ответ на террор, убийства и истязания патриоты удесятерили свои усилия для изгнания несправедливого врага. Оккупантов поддерживало лишь незначительное меньшинство населения. Их пособниками являлись в основном лидеры консервативной партии, верхушка католического духовенства, часть землевладельческой и финансовой аристократии. Представители консервативно-клерикальной реакции преобладали в регентском совете, хунте и ассамблее нотаблей.

Отстаивая свою независимость, мексиканцы защищали созданную ими республику от объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции, добивавшихся превращения страны в католическую монархию. Победа интервентов означала бы торжество реакции в самой Мексике, а их разгром был бы равносильно поражению консервативно-клерикального блока.

Борьбой мексиканского народа руководили либеральная партия и республиканское правительство во главе с Хуаресом. В целях ослабления реакционных сил республиканцы смело прибегали к реквизициям и принудительным займам, не считаясь с протестами крупных собственников. Они проявляли неслыханную твердость по отношению к врагам Мексики, в 1863 г. издали закон о конфискации имущества изменников родины. Продолжая придерживаться антиклерикального курса, намеченного «Законами о реформе», правительство Хуареса декретировало закрытие женских монастырей. Были предприняты попытки проведения аграрной реформы, в частности юридически восстановлено право индейских общин владеть землей. Имя Хуареса, уверенно заявлявшего в критическом 1865 г., что «время и наше упорство истощат французов»³⁸, стало символом верности отечеству и республике. Его ближайшими соратниками являлись бывший президент Хуан Альварес, министр иностранных дел Себастьян Лердо де Техада, военный министр Игнасио Комонфорт, генералы Мариано Эскобедо и Порфирио Диас, дипломат Матиас Ромеро и др.

Несмотря на успехи французских войск в 1863—1865 гг., положение марionеточной империи Максимилиана не было прочным. Хотя временная конституция, опубликованная 10 апреля 1865 г.³⁹, номинально провозглашала демократические свободы, еще раньше император подтвердил закон о национализации церковных имуществ, а в первый период своего правления даже включал в состав министерства и Государственного совета умеренных либералов, никакой массовой базой этот режим, навязанный при помощи

³⁷ Correspondencia de la Legación Mexicana en Washington durante la intervención extranjera, 1860—1868. México, 1892. Vol. 10. P. 677—679.

³⁸ Цит. по: Puig Casauranc J. M. Juárez: Una interpretación humana. México, 1928. P. 40.

³⁹ Leyes fundamentales de México. . . P. 670—680.

французских штыков, не располагал. Не помогли Максимилиану и демагогические жесты, вроде видимости «амнистии» республиканцам, сражавшимся против империи, образования так называемого Совета по делам индейцев, декрета об отмене цензуры, демонстративной благотворительности, публичного появления в мексиканском национальном костюме, и т. д. Не дав желаемых результатов, либеральная демагогия вместе с тем вызвала трения между императором и консервативной верхушкой, а также католической иерархией. Когда положение «империи» стало еще более неустойчивым, Максимилиан отбросил либеральный камуфляж и в июле 1866 г. открыто призвал к власти консерваторов.

С момента своего возникновения мексиканская «империя» находилась в состоянии острого финансового кризиса. Большая часть бюджета уходила на платежи по внешнему долгу и на военные нужды. Правительство Максимилиана израсходовало в 1865 г. почти в три с половиной раза больше, чем республиканское правительство в 1861 г.⁴⁰ Эта разница объяснялась не только тем, что Мексику грабили европейские колонизаторы, но и огромными расходами «империи» на ведение войны, а также тратами на содержание императорского двора. Все это тяжким бременем ложилось на мексиканский народ. Достаточно сказать, что сумма налогов за один 1865 г. увеличилась вдвое.

Военное положение «империи» было весьма критическим. Единственной более или менее надежной ее опорой являлась французская армия. Остальные войска, сражавшиеся под знаменем Максимилиана, состояли из иностранных «добровольцев» и из частей так называемой мексиканской императорской армии, куда насильно вербовали главным образом крестьян и деклассированные элементы городов. Немало там было и военнопленных. При первой возможности эти люди дезертировали или переходили на сторону республиканцев.

Тем не менее «империю» Максимилиана постепенно признал ряд европейских государств. Однако США и латиноамериканские страны (за исключением Бразилии) отказались это сделать и считали законным только правительство Хуареса. Если страны Латинской Америки руководствовались естественным чувством солидарности с Мексиканской республикой, то позиция США прежде всего обуславливалась их корыстными интересами, которым непосредственно угрожала французская интервенция в Мексике.

Правда, в условиях гражданской войны в США правительство Линкольна не решалось открыто выступить против Франции и вплоть до весны 1865 г. придерживалось нейтралитета по отношению к происходившим в Мексике событиям. Более того, наложенное президентом Линкольном эмбарго на вывоз оружия лишало правительство Хуареса возможности закупать в США вооружение, но отсюда не мешало интервентам (которым хватало оружия) вывозить оттуда продовольствие, фураж, транспортные средства, рельсы, медикаменты.

С окончанием гражданской войны политика Вашингтонской администрации резко изменилась. В мае 1865 г. она отменила эмбарго. Мексиканские республиканцы стали приобретать в США оружие, вербовали там добровольцев, а также получили заем в 30 млн долл. Но вместе с тем в 1865—1867 гг. определенные круги Соединенных Штатов вынашивали экспансионистские планы в отношении Мексики. Отдавая себе в этом отчет, правительство Хуареса стремилось в то же время использовать в своих интересах обострение франко-американских противоречий. Оно полагало, что Наполеон III не

⁴⁰ *Lefèvre F.* Op. cit. Vol. 2. P. 165—166.

пойдет на риск открытой конфронтации с США. «Волки не кусают волков: они уважают друг друга», — заметил в этой связи Хуарес в феврале 1866 г.⁴¹

К началу 1867 г. провал французской интервенции стал очевидным. Героическая борьба мексиканского народа была главной причиной поражения оккупантов. Интервенты потеряли убитыми и умершими от ран и болезней около 20 % экспедиционной армии⁴². Солдаты не хотели больше воевать в далской стране за совершенно чуждые им цели. Они страдали от жары, бездорожья, желтой лихорадки, постоянных нападений партизан. Среди войск интервентов началось разложение.

Крах интервенции был вызван также непопулярностью мексиканской авантюры во Франции. Против нее резко выступала оппозиция в законодательном корпусе и на страницах печати. Все чаще раздавались протесты по поводу затянувшегося пребывания отборных французских войск за океаном в обстановке назревавшей франко-прусской войны. Наконец, продолжение интервенции создавало для Второй империи угрозу вооруженного конфликта с США, которые настойчиво требовали немедленного вывода экспедиционной армии из Мексики.

В создавшихся условиях правительство Наполеона III вынуждено было отступить. 5 февраля 1867 г. оккупанты оставили Мехико, а в марте покинули страну. После эвакуации экспедиционного корпуса в распоряжении «империи» оставались горстка иностранных наемников и малочисленные отряды реакционных генералов. Под властью Максимилиана находились лишь города Мехико, Керетаро, Пуэбла, Орисаба и Веракрус. Вся остальная территория была уже в руках республиканцев.

К середине марта республиканские войска полностью окружили Керетаро, где Максимилиан сосредоточил большую часть своей армии. После двухмесячных ожесточенных боев они 15 мая овладели городом. Захваченный в плен император был предан военно-полевому суду. В обвинительном заключении указывалось, что Максимилиан стал орудием французских интервентов, вместе с которыми поработал мексиканский народ, и так же, как они, несет ответственность за расстрелы тысяч патриотов, за разграбление и сожжение городов и селений и за другие преступления. В соответствии с декретом 1862 г. суд приговорил Максимилиана и его приспешников к расстрелу. 19 июня 1867 г. приговор был приведен в исполнение.

В конце июня республиканцы овладели последним оплотом консерваторов — Веракрусом, а 15 июля 1867 г. Хуарес торжественно въехал в столицу. Мексиканский народ вышел победителем из пятилетней неравной борьбы за свою свободу и независимость.

⁴¹ Цит. по: *Magner J. A. Men of Mexico. Milwaukee, 1943. P. 387.*

БРАЗИЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ (1822—1889)

Глава 2

Тысяча восемьсот двадцать второй год стал годом рождения крупнейшего государства Америки, уступавшего по размерам лишь британским владениям на севере континента. Как и в других странах Латинской Америки, первые десятилетия после провозглашения независимости прошли здесь в острой классовой и политической борьбе. Становление новых латиноамериканских государств шло весьма схожими путями. В экономике — господство крупного землевладения, развивавшегося на основе полуфеодалных отношений или плантационного рабства, медленное развитие капиталистического уклада, который локализовался в городах.

В социальном плане — противостояние класса крупных земельных собственников и массы безземельных или малоземельных сельских жителей, находившихся в полуфеодалной зависимости от латифундистов либо являвшихся их рабами. Город добавлял к этим классам быстро растущую торгово-ростовщическую буржуазию, тесно связанную своими интересами с местными латифундистами и иностранным, главным образом английским, капиталом, слой ремесленников и торговцев, обслуживавших внутренний рынок и испытывавших жестокую конкуренцию со стороны заморских товаропроизводителей и купцов, наконец, интеллигенцию, взывшую в недрах колониального общества и представлявшую в политике классовые запросы всех социальных групп.

В политическом плане острая борьба между носителями различных идей того времени — федералистами и централистами (унитариями), республиканцами и монархистами, либералами и консерваторами. Нередко эти тенденции причудливо переплетались, срастаясь в едва поддающуюся строгому анализу политическую ткань. К этому следует добавить активную роль церкви и армии, временами становившихся самыми активными субъектами политического процесса.

Бразилия в отличие от других стран Латинской Америки (не считая кратковременного опыта Мексики) оказалась монархией. Однако провозглашение независимости при сохранении монархической формы правления не означало краха надежд республиканцев. В 1823—1824 гг. они выступали под лозунгами ликвидации монархии и провозглашения республики на всей территории страны. Особенно грозным оказалось восстание в ряде северных провинций в 1824 г., объединившихся в Конфедерацию Экватора. В Пернамбуку была даже предпринята попытка создания правительства конфедерации. Если в 1817 г. воззвания и декреты восставших обычно начинались обращением «Пернамбуканцы!», то теперь в начале подобных документов стало фигурировать обращение «Бразильцы!»¹. С жадностью ловили бразильские республиканцы вести из Европы, где снова стали возрождаться революционные настроения. Центральной темой ведущих бразильских газет «Аурора Флуминенсе» (Рио-де-Жанейро), «Обсервадор конституционал» (Сан-Паулу), «У Байану» (на севере страны), «У Универсал» (Минас-Жерайс) стали революционные события 1830 г. во Франции². Известия о падении Карла X будоражили бразильцев³.

¹ Очерки истории Бразилии. М., 1962. С. 103.

² Collor L. Garibaldi e a Guerra dos Farrapos. Rio de Janeiro, 1938. P. 73.

³ Araujo O. de. L'idée républicaine au Brésil. P., 1893. P. 26.

С самого начала двор оказался под давлением мощных сил, требовавших перемен. Монархия была поставлена в конституционные рамки. Хотя реальная власть оставалась в руках монарха, создание парламента привело к включению в активную политическую жизнь состоятельные слои местного населения. При принятии Конституции 1824 года император заявил, что она должна поставить «непреодолимые барьеры деспотизму, каким бы он ни был — самодержавным, аристократическим, демократическим»⁴. Император, быть может сам того не сознавая, указал три основных направления развития политической жизни в стране. Действительно, эти три тенденции сразу же вступили в долгую и упорную борьбу. Эта борьба осложнялась объективными процессами, протекавшими в государстве. В сложной структуре власти бразильцы должны были в короткий срок заменить чиновников португальской колониальной администрации.

Сразу одним из серьезных препятствий для проведения эффективной внутренней политики правительства стала острая нехватка грамотных чиновников. Возник разрыв между законодательной и исполнительной властью. Чтобы выправить положение, в январе 1825 г. при дворе были созданы юридические курсы, в спешном порядке готовившие правоведов. Тогда же были предприняты первые шаги по формированию профессиональной армии.

Становление бразильской государственности проходило и в сложной внешнеполитической обстановке. В первые годы еще сохранилась угроза реставрации колониальных порядков, к чему стремились и определенные силы при дворе. Только спустя три года после провозглашения независимости Бразилии этот акт признала бывшая метрополия. 29 августа 1825 г. был подписан португало-бразильский договор. Дон Жоан VI получил почетный титул императора, что, однако, несколько не ущемляло реальных прав бразильского императора дона Педру. Кроме того, Бразилия принимала на себя обязательство выплатить Португалии в виде компенсации 2 млн ф. ст., из которых 600 тыс. причиталось португальскому монарху. С этого же времени начинается долгая и трудная история Бразилии должника английских банкиров. В 1824 г. через три английские посреднические фирмы был оформлен заем на 3 млн ф. ст.⁵

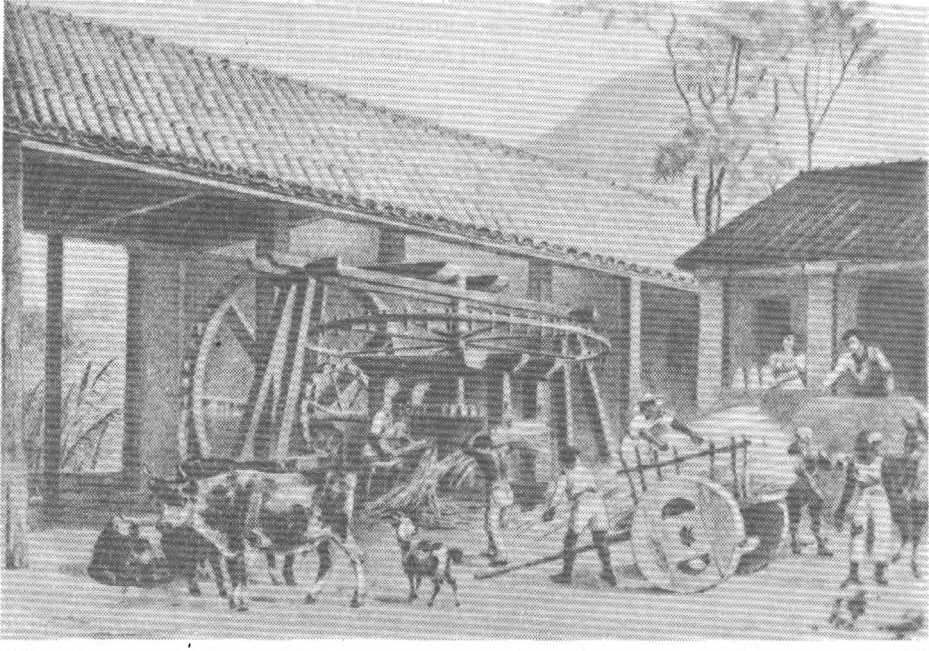
Португало-бразильский договор снял последние препятствия для признания Бразилии теми европейскими державами, которые, следуя консервативным легитимистским принципам и духу Венского конгресса 1815 г., противились любым покушениям на установленный ими мировой порядок. Теперь официально были оформлены и русско-бразильские отношения. Большую роль в сближении двух стран сыграл генеральный консул и поверенный в делах России при португальском дворе в Рио-де-Жанейро в 1812—1820 гг. Г. И. Лангсдорф. Полагая, что «прогресс страны в значительной мере связан с распространением необходимых знаний о ней, Лангсдорф неоднократно сообщал бразильским властям свои наблюдения и предложения»⁶.

Отношения с европейскими державами оказалось отрегулировать легче, чем со своими ближайшими соседями. Много сил у молодого государства отнимали конфликты с Ла-Платой, продолжавшиеся до 1828 г. и приобретшие с 1825 г. характер настоящей войны.

⁴ *Barreto V. A Ideologia Liberal no Processo da Independência do Brasil (1789—1824)*. Brasília, 1973. P. 129.

⁵ *Normano J. F. Evolução econômica do Brasil*. São Paulo, 1945. P. 201.

⁶ *Кожиссаров Б. Н. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века*. Л., 1977. С. 71.

Производство сахара в Бразилии, 1820-е годы
(худ. Х. Ругендас)

Обретение Бразилией независимости не отразилось сколько-нибудь существенно на характере социально-экономических отношений, господствовавших в стране. По-прежнему плантационное рабство оставалось основой бразильской экономики. Почти вся удобная земля находилась в руках плантаторов. Если на юге в скотоводческих фазендах использовался труд полусвободных пастухов-гаушо, то на всей остальной территории страны основным работником оставался черный раб. Обычно негры помещались в бараках, называвшихся сензалами, откуда утром их гнали на плантации. В центральных районах Бразилии нередко строились временные поселки — *вилас ду домингу*, где рабы проводили воскресенье, предаваясь мессе и религиозным обрядам⁷. На невольничьих рынках рабы содержались в огромных сараях с четырьмя-пятью отделениями, в каждом из которых помещалось по 60—80 рабов⁸. Сопротивление негров-рабов не прекращалось в течение всего времени существования института рабства. Они принимали активное участие в республиканских восстаниях 1830—1840-х годов. Среди рабов имели хождение различные религиозные ереси. Устойчивой формой сопротивления в XIX в. было создание тайных мусульманских сект. Свообразным способом борьбы с жестокостью хозяев стало использование медленно действующих ядов, которые подсыпали рабы своим мучителям⁹.

⁷ См.: *Mauro F.* Les produits et des hommes: Essais historiques latino-américains XVIe—XXe siècles. Mouton; Paris; La Haye, 1972.

⁸ *Kellenbenz H., Schneider J.* A imagem do Brasil na Alemanha do século XIX: impressões e estereótipos: da independência ao fim da monarquia // *Estudios Latinoamericanos*. Wrocław; Warszawa, 1980. Parte II. P. 95.

⁹ *Ramos A.* O Negro Brasileiro. São Paulo, 1951. P. 166.

Рабовладельческие хозяйства, являясь по существу ячейками, основанными на производственных отношениях докапиталистического типа, приобретали также новые черты. Их владельцы были заняты производством сельскохозяйственной продукции для мирового рынка и выступали в роли торговцев. Так бразильская плантационная система рабства становилась элементом складывавшегося мирового капиталистического рынка, где ведущие позиции занимала Англия. Английские фирмы стали основным покупателем бразильского кофе — главного продукта страны в XIX в. (в 1820-х годах доля кофе в экспорте страны составляла 18 %, а в 1840-х — уже более 40 %) ¹⁰.

По достижении независимости в Бразилии начинает подниматься и собственная торгово-ростовщическая буржуазия, вступившая в тесные сношения с английским капиталом. Уже в 20-е годы складывается устойчивый пассивный баланс в бразильской внешней торговле (за исключением торговли с США).

В отличие от других стран Латинской Америки, где война за независимость способствовала выдвиганию на передний план политической жизни военных, в Бразилии высшие армейские чины оставались в тени. Латифундисты с созданием в 1831 г. национальной гвардии становились капитанами и полковниками, что укрепляло их политические позиции. Придворные старались держать профессиональных военных подальше от престола. И от имени малолетнего императора издали указ от 17 января 1832 г., по которому «военные подвергались общему гражданскому суду в случае, если их преступления носили политический характер» ¹¹.

В первые десятилетия после провозглашения независимости основная политическая борьба в Бразилии шла между монархистами и республиканцами. Крайние монархисты, которых называли «карамурас» ¹², группировались вокруг двора. Оплотом вторых были южные районы страны — прежде всего провинция Риу-Гранди-ду-Сул. Попытка государственного переворота 5 апреля 1831 г., предпринятая Педру I и инспирированная карамурас, провалилась, и через день император подписал акт об отречении в пользу своего сына, которому в ту пору было всего пять лет. Однако поражение монархистов не означало победы республиканцев — поднятое последними в июне 1831 г. восстание, в котором приняли участие городские низы и солдаты, оказалось подавленным.

Внутриполитическая ситуация осложнялась борьбой еще двух течений — централистского и федералистского. Если республиканцы были по большей части федералистами, то среди монархистов имелись сторонники как сильной центральной власти, так и широкой автономии провинций. Острый политический кризис переживала Бразилия и после восстания 1831 г., когда в борьбе за власть продолжали сталкиваться различные силы — от ультрамонархистов, стоявших за неограниченное самодержавие, до радикальных республиканцев, требовавших немедленного провозглашения республики.

В это время складывается группа умеренных монархистов во главе с Диегу Антониу Фейжо, ставшим в 1831 г. министром юстиции и выполнявшим в правительстве роль «сильной личности». Конституционалист Д. Фейжо не смог долго удержать в своих руках бразды правления, но в поисках опоры он создал национальную гвардию, сыгравшую большую роль в последующих событиях. В середине 1833 г. парламент был вновь взбужден известиями

¹⁰ Furtado C. Formação econômica de Brasil. La Habana, 1969. P. 123—124.

¹¹ Антонов Ю. А. Бразилия: армия и политика. М., 1973. С. 27.

¹² Еще в XVI в. так, по имени морской рыбы, индейцы называли португальцев.

из Европы о планировавшемся будто бы возвращении власти бывшему императору Бразилии¹³. Принятые правительством меры выключили из политической игры португальские элементы, а последовавшая в 1834 г. смерть бывшего бразильского монарха окончательно сняла вопрос о реставрации. В 1834 г. под давлением федералистов палаты парламента объявили Бразилию федеральной монархией. В провинциях возникали свои ассамблеи. Тогда же были расширены полномочия нижней палаты парламента — палаты представителей, в которой заметную роль играли демократически настроенные депутаты.

Борьба между монархистами и республиканцами не утихала. Особенно она разгорелась в июне 1835 г., когда монархисты внесли в парламента законопроект, объявлявший императора или наследника престола совершеннолетним в 14 лет. Это предложение преследовало цель не только нанести удар по республиканцам, но и разрушить институт регентства, так как с 1835 г. единоличным регентом оказался либерал — умеренный монархист Д. Фейжо. В ответ республиканец-либерал Антониу Феррейра внес контрпроект, по которому император становился совершеннолетним в том же возрасте, что и остальные граждане¹⁴. Однако решение вопроса было отложено на несколько лет — Педру II усилиями монархистов-конституционалистов во главе с Антониу Карлосом

Император Бразилии
ПЕДРУ II

де Андрадой был признан совершеннолетним в июле 1840 г., в возрасте 14 лет. Этот акт депутатов явился ответом на действия нового регента Педру Араужу ди Лимы, который, дабы сбить накал политических страстей и унять крайние партии, решил распустить парламента. Так перестало существовать регентство. Победа на этот раз осталась за умеренными монархистами.

Во второй половине 30-х годов произошла перегруппировка политических сил: сторонники монаршей власти объединились в консервативную партию, другая фракция господствующих классов — либералы — делала ставку на укрепление парламентских институтов. Если в столице Бразилии в эти годы дела складывались в пользу императорской власти, то в провинциях борьба республиканцев с монархистами разгоралась с новой силой. Республиканские движения 30—40-х годов принимали размах народных восстаний с глубоким социальным содержанием. Республиканские восстания в Минас-Жерайсе,

¹³ Роша Помбу Ж. Ф. де. История Бразилии. М., 1962. С. 350.

¹⁴ Tarquinio de Sousa O. História de dois golpes de Estado. Rio de Janeiro, 1939. P. 65.

Сан-Паулу, Риу-Гранди-ду-Сул и других районах империи едва не вызвали крушение монархии.

Самым грозным было восстание «фаррапос» (оборванцев) в Риу-Гранди-ду-Сул (1835—1845 гг.). Этот южный скотоводческий край сильно отличался от других бразильских провинций. Здесь широко не привилось рабство — рабы использовались лишь как домашняя прислуга в домах богатых хозяев и торговцев. Основную массу жителей этого района составляли гаушопастухи, формально свободные, но фактически находившиеся в скрытой полуфеодальной зависимости от богатых владельцев огромных стад крупного рогатого скота. По образу жизни население провинции было ближе даже к жителям Ла-Платы, чем к соотечественникам из столичной и северо-западной областей. Когда после провозглашения независимости Бразилии центральные власти стали ужесточать административный контроль над провинцией и повышать налоги, вольнолюбивые южане решились организовать для отпора притязаниям императорской власти. Пример был рядом — скотоводческие провинции бывшей испанской Ла-Платы уже не первый десяток лет имели республиканский образ правления.

В 1836 г. была провозглашена республика Риу-Гранди. Социальная база движения восставших была весьма широкой: ее составляли гаушо, городские низы, местная интеллигенция, купцы и землевладельцы. Каждая из этих социальных групп имела свои классовые интересы, но их всех объединяла одна цель — свержение тиранической власти монарха и его чиновников на местах. Важнейшим актом республиканского правительства Риу-Гранди стало провозглашение свободы для рабов, вступивших в армию республики. Эта мера способствовала укреплению сил восставших — в ряды защитников республики влились новые силы, не только рабы из мятежной провинции, но и черные беглецы из других районов Бразилии.

Республиканцы Риу-Гранди были превосходно организованы. Подвижная конница гаушо, среди командоров которой выделялся Антониу Несту, не давала покоя врагу. Мощным оружием в руках повстанцев оказалась флотилия под командованием Джузеппе Гарибальди. Моряки-гарибальдийцы называли себя корсарями, но не принимали прозвища пиратов или флибустьеров. Они говорили, что воюют не ради добычи, а за свободу риуграндского народа. Захватив вражеский корабль, они делили его имущество на три части — одна шла судовладельцу, другая — участникам операции, а третья — в казну республиканского правительства. Во главе восставших находился опытный военачальник Бенту Гонсалвис, избранный позднее президентом республики. Уже в первые два года войны республиканцы добились того, что представитель власти императора Араушу Рибейру обладал лишь номинальной властью. Даже пленение после одного из сражений в 1836 г. Бенту Гонсалвиса не отразилось на настроении риуграндцев. А с весны 1837 г. после перехода на их сторону обиженного отставкой Араушу Рибейру республиканцы еще более укрепили свои позиции. Более того, их движение перекинулось и в соседнюю провинцию Санта-Катарину, где сложилась партия, требовавшая создания федерации с республикой Риу-Гранди. В самой республике складывалась новая структура власти, где военное командование осуществляло функции высшей гражданской администрации и диктовало свою волю муниципальным советникам.

Однако, несмотря на определенные успехи, республиканцы не сумели довести дело до полной победы. Не решившись совсем отменить рабство и внести сколь-нибудь существенные изменения в отношения собственности на землю и скот, руководители движения лишились притока новых сил народа.

Среди них не было единства, и как только императорские войска перешли в контрнаступление, возникли раздоры, вынудившие Б. Гонсалвиза уйти в отставку¹⁵. В то же время действия правительства Риу-Гранди, связанные с частичным ограничением рабства, всполошили господствующие классы всей Бразилии. Угроза рабовладению и целостности империи привела к сближению либералов и консерваторов, еще недавно казавшихся непримиримыми противниками. Либеральное правительство, пришедшее к власти в 1844 г., еще решительнее, чем консервативное, повело борьбу с повстанцами. Бразильская торговая буржуазия, чьи политические интересы и выражали либералы, теперь перешла на сторону императорской власти. В свою очередь, правительство сделало существенные шаги, отвечавшие желаниям бразильских купцов и владельцев мануфактур и мастерских. 12 августа был принят закон о повышении таможенных тарифов на импортируемую продукцию. Под давлением тех же групп правительство воздержалось от возобновления торгового договора с Англией. Консолидация сил, поддерживавших корону, способствовала переходу военной инициативы в руки правительственных войск. Однако добиться полного перевеса они не могли.

Республиканцы не изменили лозунгу Дж. Гарibaldi: «Я готов ко всему, но не к тому, чтобы сдать». Хотя провинция осталась в составе империи, повстанцы получили полную амнистию и сохранили определенную автономию в решении внутренних вопросов. Освобожденные республиканцами рабы были объявлены государственными рабами и лишены каких-либо прав.

После того как аргентинский диктатор Росас захватил в 1843 г. Уругвай, республиканцы лишились и надежного тыла. В 1845 г. они пошли на заключение мира с центральным правительством.

Республиканское движение не было уделом только южных провинций. Между республиканцами разных районов страны существовали связи. Так, республиканцы Баии организовали побег из плена вождя фаррапос Б. Гонсалвиза¹⁶.

В самой Баии в 1837 г. также вспыхнуло крупное восстание, получившее название «сабинада»¹⁷. «Республиканский идеал проявляется во всех документах, оставленных заговорщиками»¹⁸. Бой приняли ожесточенный характер с применением артиллерии обеими сторонами. Байанская республика пала 16 марта 1838 г., однако амнистия участникам восстания была объявлена только 22 августа. За этот период каратели успели расправиться с самыми активными участниками восстания. И здесь республиканское движение не покусилось на рабовладельческие порядки, что предопределило узость его социально-классовой основы.

Не успели стихнуть бои в Баии, как революционная пламя вспыхнуло уже в Мараньянс и Пиауи. Здесь с 1838 по 1841 г. развертывалось республиканское движение низов, получившее название «балаяда»¹⁹. Характерной особенностью этого движения была его многорасовая основа наряду с метисами и мулатами, которые являлись свободными ремесленниками, земледельцами и пастухами и не отличали себя от креолов, в «балаяде» участвовали индейцы и негры. По числу активных участников «балаяда» (более 10 тыс. человек) превосходила армию республики Риу-Гранди

¹⁵ Особенно острыми стали отношения между Б. Гонсалвизом и Онофри Пирисом, некогда вместе томившимися в тюрьмах Рио-де-Жанейро.

¹⁶ Очерки истории Бразилии. С. 142.

¹⁷ По имени одного из руководителей восстания, врача-мулата Сабину Виейры.

¹⁸ *Vianna Filho L. A Sabinada (A República bahiana de 1837)*. Rio de Janeiro, 1938. P. 114.

¹⁹ От португальского *balaia* — корзина. Один из вождей восставших занимался плетением корзины.

(около 6 тыс. человек), однако организация ее была значительно слабее, что во многом и предопределило победу правительственных войск.

Последним крупным народным движением в Бразилии первой половины XIX в. явилось восстание «прайейрус»²⁰ в 1848—1849 гг. в провинции Пернамбуку. Это было самое глубокое по своему социальному содержанию антиправительственное выступление. Хотя его республиканское звучание было несколько приглушенным, однако оно сформулировало важную социально-экономическую задачу — раздел крупных землевладений. Среди вождей восстания выделялся капитан Педру Иву, мировоззрение которого складывалось под влиянием идей утопического социализма. В политической области восставшие добивались провозглашения основных буржуазных свобод и всеобщего избирательного права. После неудачного штурма города Ресифи в декабре 1849 г. «прайейрус» перешли к обороне, и к концу месяца их последние отряды сложили оружие.

Восстания 30—40-х годов XIX в. нанесли сильный удар по монархическим устоям. Они обнаружили растущую силу народных низов, активность буржуазных элементов, которые часто оказывались во главе движений. Вместе с тем соотношение сил пока складывалось в пользу социальных сил, цеплявшихся за старые нормы общественных отношений. Сами буржуазные республиканцы не были последовательными в борьбе с реакцией: они не отважились на коренные социальные перемены; отказавшись от уничтожения рабства, они препятствовали расширению социальной базы республиканских движений и в то же время сохраняли без разрушения экономическую основу всевластия латифундистов-рабовладельцев. Однако выступления бразильского народа во второй четверти XIX в. вынудили монархию маневрировать: вводились федеральные принципы в управлении государством, принимались протекционистские меры и т. д.

Постепенная перестройка социально-экономических отношений вела к падению роли труда рабов. В 1850 г. была запрещена работоторговля. С середины XIX в. воспроизводство рабочей силы начинает идти в первую очередь по линии иммиграции. Соотношение численности иммиграции по периодам выглядит следующим образом: 1822—1850 гг. — около 20 тыс. человек; 1851—1870 гг. — более 220 тыс.; 1871—1889 гг. — около 650 тыс. человек²¹.

В то же время после 1850 г. приток рабов из Африки почти полностью прекратился. В 1850 г. число свободных людей превышало число рабов в 2,5 раза, тогда как к моменту достижения независимости эти показатели были приблизительно равны. К началу 70-х годов на одного раба приходилось 6—7, а к 1888 г. — 20 свободных людей. Стали возникать посреднические конторы вроде группы португальских торговцев, создавших в 1857 г. Ассоциацию по колонизации Пернамбуку, Параибы и Алагоаса. Естественный прирост населения в Бразилии и иммиграция привели к тому, что в конце 80-х годов здесь жило 14 млн человек, т. е. почти 40 % всего населения Южной Америки²².

50-е годы XIX в. характеризовались ростом торговли и улучшением финансового положения страны — государственный бюджет стал сводиться с положительным балансом. Оживляется банковское дело. Существенные сдвиги происходят в структуре внешней торговли: если в 1821—1860 гг. импорт на 9—12 % превышал по стоимости экспорт (без учета такой важной

²⁰ От португальского *praieiros* — жители побережья.

²¹ Все данные округлены.

²² Le Brésil en 1889. P., 1989. P. 193.

статьи, как ввоз черных рабов из Африки), то в 1861—1890 гг. уже экспорт превышал импорт на 11—17 %²³.

Укрепление экономики было в значительной мере связано с ростом производства кофе — продукта, пользовавшегося устойчивым спросом на мировом рынке. К середине XIX в. кофе оттеснил с ведущих позиций сахар. Особенно преуспели в выращивании кофе плантаторы Сан-Паулу, не только использовавшие экстенсивные методы хозяйствования (освоение новых площадей и бесплощадная эксплуатация рабов и батраков), но и совершенствовавшие агротехнику этой культуры. Доходы от кофе устремились по разным каналам бразильской экономики. Появились энергичные предприниматели вроде барона Мауа, вкладывавшего средства во многие сферы, в частности, во вновь создаваемые банки, судоходные компании (без особого, правда, успеха он добивался в 50-е годы организации свободной навигации по Амазонке)²⁴.

В стране развернулось железнодорожное строительство. По темпам оно не уступало развитию этой отрасли не только в Аргентине, Мексике, Чили и на Кубе, но и в некоторых европейских странах, например в Португалии. К 80-м годам железные дороги стали приносить существенную прибыль. Запрещение работорговли способствовало росту капиталовложений в обрабатывающую промышленность. В 50-е годы начинается промышленный переворот в стране. Если к 1850 г. в Бразилии существовало около 50 небольших промышленных предприятий, то уже в следующее десятилетие было основано 62 новых промышленных предприятия, 8 горнодобывающих и 20 пароходных компаний²⁵. Все шире использовались паровые машины и наемный труд. В то же время в середине XIX в. начинают все более заметно выступать региональные различия. Юг страны быстрее переходит на промышленные рельсы. Север же становится зоной социально-экономической отсталости. Здесь «удобные земли были практически полностью заняты уже в эпоху освобождения»²⁶. Огромные латифундии, на которых хозяйство велось примитивным способом с широким использованием труда рабов и вольноотпущенников, находившихся на положении полукрепостных, не оставляли возможности для возникновения и развития ферм капиталистического типа.

В конце 1854 г. на севере Бразилии были обнаружены золотые россыпи. Начавшаяся золотая лихорадка спровоцировала резкий рост иммиграции. Судьба улыбалась немногим. Основная масса прибывших поглощалась поднимающейся промышленностью и сельским хозяйством. В самом сложном положении оказывались иммигранты-батраки, трудившиеся на плантациях Сан-Паулу. Здесь они подвергались столь жестокой эксплуатации, что даже правительство начинало беспокоиться: как бы известия об их бедственном положении не дошли до Европы и не вызвали бы сокращение иммиграционных потоков.

Менялся облик больших городов, и не только потому, что там зажглись газовые фонари. Путешественники из Европы отмечали возросшую активность бразильцев, освоение ими идей и обычаев, характерных для буржуазной Европы. Бразилия в 1889 г. приняла участие во всемирной выставке в Париже под девизом «Новая латинская нация Нового Света». Включение Бразилии в мировую капиталистическую систему шло, однако, по сценарию дельцов из лондонского Сити, захвативших в свои руки всю внешнюю

²³ Leff N. H. Underdevelopment and development in Brazil. Vol. II. Reassessing the obstacles to economic development. L., 1985. P. 75.

²⁴ Castro Rebello E. de. Mauá. Rio de Janeiro, 1932. P. 23.

²⁵ Очерки истории Бразилии. С. 184.

²⁶ Furtado C. Formação econômica de Brasil. P. 151.

торговлю огромной южноамериканской страны, а затем начавших вкладывать капитал и в производство (первоначально в сельскохозяйственное). Так, в годы гражданской войны в США, когда производство хлопка там упало, «Манчестер коттон сэйплэй ассошиэйшн» стала разводить эту культуру в Сан-Паулу. В свою очередь, все больше внимания Бразилии начали уделять и североамериканцы, которые, вдохновившись разбойничьими приобретениями в Мексике, еще в 40-е годы намеревались воспользоваться сложной внутривосточной ситуацией в Бразилии и строили планы отторжения бассейна Амазонки²⁷.

Развитие бразильской экономики подталкивало «процесс разделения труда, вызывало рост числа учреждений и требовало приведения законодательства в соответствие с новыми условиями»²⁸. Все громче раздавались требования создания институтов буржуазной демократии. Развитие капиталистических отношений способствовало росту буржуазных элементов, в частности тех из них, кто видел в монархии политическое препятствие на пути прогресса Бразилии.

В 60-е годы происходит возрождение республиканского движения, но на новой, более зрелой основе. Если республиканизм первой половины XIX в. нередко уживался с признанием необходимости сохранения рабства, то теперь он уже оплодотворяется аболиционистскими идеями. В эти годы республиканцы-аболиционисты уже проводят публичные мероприятия. В 1864 г. в Ресифи состоялся большой республиканский митинг, а спустя два года здесь возникает первое аболиционистское общество во главе с молодым поэтом Кастру Алвисом. В 1862 г. возникает Республиканская партия. С начала 70-х годов издается журнал «Република». В 70—80-е годы изменился политический климат в стране. Особенно эти изменения проявлялись в столице: «Это был Рио республиканских клубов и обществ, выступавших за отмену рабовладения, члены которых наводили галереи парламента, требуя освобождения трудящихся черной расы»²⁹.

Обострению внутривосточной ситуации способствовали и события внешнеполитические. В 1850 г. Бразилия вошла в коалицию с Уругваем, Парагваем и двумя аргентинскими провинциями — Энтре-Риос и Корриентес, направленную против диктатора Аргентины Росаса. Борьба с Росасом увенчалась разгромом сил диктатора в битве при Монте-Касеросе 3 февраля 1852 г. Союз сейчас же прекратил свое существование, но Бразилия смогла удержать в орбите своего влияния Уругвай. В 1864 г. Бразилия, в очередной раз вмешавшись в дела Уругвая, спровоцировала войну с Парагваем. Бразильское правительство не только лелеяло мысль овладеть господствующими позициями на речных путях Ла-Платы, но и претендовало на севере на земли, которые Парагвай считал своими. В это время обострились и аргентинско-парагвайские отношения. Парагвайский президент Солано Лопес не стремился к войне с Бразилией, но вел себя воинственно в отношении Уругвая и Аргентины. Он считал благоприятным моментом для вмешательства в дела Уругвая, поскольку и Аргентина, и сам Уругвай были ослаблены многолетними внутренними конфликтами.

В результате против парагвайцев сложилась коалиция, в которую вошли Бразилия, Аргентина и Уругвай. Участники коалиции «усиленно подчеркивали, что намерены вести войну не с парагвайским народом, а лишь против правительства Лопеса, и на словах обязывались уважать независимость и

²⁷ Бандейра М. Проникновение США в Бразилию: (Два века истории). М., 1982. С. 102.

²⁸ Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». М., 1976. С. 65.

²⁹ Фако Р. Бразилия XX столетия. М., 1962. С. 175.

суверенитет Парагвая»³⁰. Однако война приняла затяжной и кровопролитный характер, обернувшийся неисчислимыми бедствиями для парагвайского народа. Руководство объединенными вооруженными силами взял на себя аргентинский президент Митре, не сумевший, однако, добиться перелома в войне. Его в 1868 г. сменил бразильский маршал Кашиас, которому удалось потеснить парагвайцев. Большое значение для успеха союзников имело их полное преимущество на воде после победы в июне 1865 г. бразильской эскадры во главе с адмиралом Баррозу над парагвайским флотом. Плоды победы над Лопесом пожинал уже муж императорской дочери — граф Эу. Война подняла престиж императора и военных, но, сделав дефицит бюджета хроническим, привела к крайнему ослаблению финансы страны. Быстро рос внешний государственный долг: если в 1824 г. он составлял 1,5 млн ф. ст., а в 1850 г. — 4,6 млн, то уже в 1870 г. он достиг 12,3 млн ф. ст., а в 1882 г. — 32,5 млн ф. ст.³¹. В поисках выхода из финансовых трудностей правительство ввело в 1867 г. подушный налог.

Война и экономические трудности ввели к обострению социальных проблем и способствовали росту оппозиционных настроений. Парагвайская война, вынудившая поставить под ружье и негров, подтолкнула к освобождению рабов. В июне 1871 г. был принят закон о постепенном освобождении рабов за выкуп. Это был чисто демагогический шаг правящих кругов, поскольку палата депутатов отказалась выделить средства для проведения реформы.

Император, упивавшийся ролью мыслителя и ученого, не мог игнорировать либеральные идеи, которые распространялись по всему миру. В 60-е годы ему уже приходилось преодолевать тупое ретроградство Государственного совета и придворных кругов.

Постепенно при дворе укореялись либеральные элементы, которые добились после многолетней борьбы изменений избирательного закона. Согласно реформе 1880 г., избирательные права получили натурализовавшиеся иностранцы, не католики и вольноотпущенники, т. е. самый быстро растущий контингент населения, включенный в основном уже в буржуазные производственные отношения. По этой реформе косвенные выборы заменялись прямыми, а активное избирательное право получали все грамотные бразильцы, обладающие доходом или живущие на постоянную зарплату.

Усиливалось аболиционистское движение — в 1883 г. возникла крупная политическая организация — Конфедерация аболиционистов. Лишь в 1886 г. под давлением аболиционистского движения правительство приняло решение об освобождении рабов старше 60 лет. Эта акция властей лишь усилила борьбу либералов и республиканцев за ликвидацию рабства — в стране оставалось еще 720 тыс. рабов, а сам институт рабства предполагалось полностью упразднить лишь в 1903 г. В попытке удержать за собой политическую инициативу, целиком зависевшую от решения проблемы рабства, и изолировать республиканцев двор пошел на разрыв с консерваторами. Серьезным побудительным мотивом для перехода правительства к практическим шагам по упразднению рабства стала позиция влиятельных военных кругов во главе с маршалом Деодору-да-Фонсейкой, выступившим с заявлением об отказе армии участвовать в поимке белых рабов. От лица дочери императора Изабеллы в парламент был внесен закон о немедленном и полном уничтожении рабства без выплаты компенсации рабовладельцам.

Парламент не осмелился отвергнуть закон, и 13 мая 1888 г. был торже-

³⁰ Альперович М. С. Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840). М., 1975. С. 358.

³¹ Коваль Б. И. История бразильского пролетариата. М., 1968. С. 42.

ственно провозглашен акт об отмене рабства. Вскоре правительство распорядилось уничтожить все документы, относящиеся к рабовладению и работорговле; этот символический жест должен был подчеркнуть торжество принципов свободы, однако практическое его последствие заключалось в невероятном усложнении работы историков и социологов, посвятивших свои труды проблемам рабства в Бразилии.

Отмена рабства означала существенные изменения в расстановке классовых сил в стране — «буржуазия начинала поднимать голову, а латифундизм не в силах был помешать ее продвижению»³². Падение рабства предопределило и свержение монархии. Позиции республиканцев крепли день ото дня. Теперь, помимо левого крыла либералов и радикальных аболиционистов, в оппозицию к монархии перешли и консерваторы, понявшие, что император не в состоянии защитить их экономические интересы. В итоге под напором разнородных социальных сил — от городской бедноты и вчерашних рабов до богатейших помещиков и предпринимателей — императорская власть рухнула. Решающее значение имело выступление республикански настроенных молодых офицеров, воспитанных на идеях известного бразильского философа и политического деятеля — республиканца Бенжамена Констана. 15 ноября 1889 г. император Педру II был низложен. В стране был установлен республиканский строй. Насильственный акт устранения военными императора выходил за рамки рядового государственного переворота. По существу это была буржуазная революция, которая устраняла монархию как один из существенных элементов старого строя. Однако слабая еще буржуазия не сумела овладеть политической властью, которая оказалась в руках консервативных сил, хотя и подвергшихся влиянию развивавшихся буржуазных отношений, но уходящих корнями в отношения добуржуазные.

Таким образом, за неполных 70 лет Бразилия прошла значительный путь, превратившись из португальской колонии в монархию с плантационным рабством как главным социально-экономическим укладом, а затем и в республику с быстро развивающимся капитализмом, еще не ставшим господствующим, но довольно динамичным, формирующим новую систему производственных отношений.

³² Фако Р. Бразилия XX столетия. С. 136.

АРГЕНТИНА

В 20—60-х ГОДАХ XIX века

Глава 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В 20-х ГОДАХ

О свободительная борьба против испанского господства на Ла-Плате привела к уничтожению колониального режима и создала возможности для независимого развития страны. Однако местные крупные землевладельцы и духовенство сохранили свои привилегии, земля по-прежнему оставалась в их руках: трудовое население — гаучо, пеоны, ремесленники, как и в колониальные времена, подвергались эксплуатации, носившей докапиталистические формы. Главный выигрыш от завоевания государственной независимости получили торговая и скотоводческая верхушка. Объективно,

будучи по своим целям антифеодальной, освободительная война на Ла-Плате не привела к коренной перестройке социально-экономических отношений.

В годы войны за независимость революционные правительства в Буэнос-Айресе, зачастую испытывавшие затруднения в средствах, не могли полностью содержать достаточно многочисленные армии и во внутренних провинциях полагались в этом вопросе на крупных землевладельцев и скотоводов — латифундистов, которые сами создавали из числа зависимых от них гаучо и пеонов вооруженные отряды, часто весьма многочисленны. В таких отрядах, формировавшихся на базе латифундии, сохранялась обычная для мирного времени иерархия: хозяин становился командиром, его управляющие или служащие — офицерами, а пеоны или гаучо — солдатами. Так возникли войска, организованные по принципу отношений хозяин—пеон (гаучо), весьма напоминавшие отряды феодальных сеньоров средневековой Европы.

В вооруженных отрядах такого рода и командиры, и подчиненные далеко не всегда осознавали цели и задачи освободительных войн. Они следовали за своими хозяевами, которые защищали прежде всего эгоистические интересы своего класса. Часто повстанческие отряды на Ла-Плате превращались в некую «вольницу», предводимую каудильо и использовавшую ослабление центральной власти для самого разнузданного грабежа за пределами той местности, которую эта «вольница» считала «своей». Так, уже в годы освободительных войн зарождался местный автономизм, дальнейшая эволюция которого в течение многих последующих десятилетий принесла Аргентине бесчисленные междоусобные войны и жестокие местные распри.

Внутриполитическое положение Объединенных провинций Ла-Платы к 1820 г. характеризовалось отеснением от власти радикальных революционных элементов и захватом ее представителями консервативных помещичьих групп, «подлинными феодальными сеньорами»¹. Разбросанность экономических центров, слабое развитие связей между отдельными районами Ла-Платы, существование в них автономистских тенденций привели к расколу ее на ряд фактически самостоятельных территорий, каждая из которых контролировалась либо каудильо, либо «кланом», располагавшим вооруженной силой.

В развернувшейся на десятилетия политической борьбе большую роль сыграли противоречия между стремившейся к гегемонии прибрежной провинцией Буэнос-Айрес и глубинными провинциями, отстаивавшими самоуправление. Уже тогда выделилось три основных района Аргентины: наиболее развитая провинция Буэнос-Айрес, в которой жила четверть 530-тысячного населения страны²; прибрежный район (Литораль) в междуречье Параны и Уругвая и внутренний район (Интерриор), прилегавший к Андам.

В 1820 г. Буэнос-Айрес перед лицом достигших своего апогея автономистских движений вынужден был отказаться на время от своих притязаний на ведущую роль. Тем временем в одной из трех провинций Литоралья, Санта-Фе, небезызвестный каудильо Эстанислао Лопес установил свою власть, заявив: «Мы хотим создать маленькую республику в сердце нашего региона»³. В другой прибрежной провинции, Энтре-Риос, господствовал Франсиско Рамирес, а в третьей — Корриентес — власть перешла в руки Ферре.

На севере страны полковник Бернабе Араос, провозгласив «Республику Тукуман», стал ее президентом и попытался распространить свою власть

¹ Штрахов А. И. Война за независимость Аргентины. М., 1976. С. 349.

² Segundo censo de la Republica Argentina. Buenos Aires, 1898. Т. 1. P. XVIII.

³ Линч Дж. Революция в Испанской Америке, 1808—1826. М., 1979. С. 88.

на провинции Сантьяго и Катамарку. Однако в первой из них выдвинулся свой каудильо — крупный землевладелец и командующий пограничными войсками — Фелипе Ибарра, который на три десятилетия захватил здесь власть. Катамарка также выделилась в самостоятельную республику. Вновь и вновь возникали новые фактически самостоятельные государственные образования, провозглашавшие свои конституции и созывавшие свои конгрессы; местные каудильо вступали в союзы между собой и тут же рвали их; тут и там вспыхивали ожесточенные вооруженные схватки по самым разным поводам.

Самым серьезным соперником Буэнос-Айреса среди этого множества республик была Кордова, отделившаяся от центрального правительства после мятежа Северной армии в Арекито в январе 1820 г. Власть в Кордове находилась в руках Хуана Баутисты Бустоса, который в последующие годы не раз пытался организовать союз провинций, направленный против гегемонии Буэнос-Айреса.

В этой ситуации правительство Буэнос-Айреса, ослабленное активным участием в освободительных войнах, искало путей к восстановлению и развитию экономики. Так в политическом развитии Аргентины четко определились две тенденции — централистская и федералистская: носителями первой стали унитарии, выступавшие за централизованное государство с сильным национальным правительством; носителями второй стали федералисты — сторонники федеративного государственного устройства с сохранением широкой экономической и политической автономии провинций. Борьба этих двух тенденций, начавшаяся сразу после завоевания независимости, имеет длительную историческую проекцию — вплоть до наших дней⁴. Тогда же, в 20-х годах XIX в., унитарии объективно выражали интересы молодой, начинавшей развиваться буржуазии. Федералисты же в основе своей были представителями крупных скотоводов и каудильо, стремившихся сохранить свою власть и привилегии в раздробленных и обособленных провинциях.

1820 год ознаменовался напряженной вооруженной борьбой между унитариями и федералистами, в которой унитарии потерпели поражение: объединенные силы каудильо прибрежных провинций под командой Лопеса и Рамиреса наголову разбили войска правительства Буэнос-Айреса. После этого в обстановку усиливающегося раскола страны национальное правительство Ла-Платы как таковое практически перестало существовать.

В самой провинции Буэнос-Айрес также шла ожесточенная борьба, в ходе которой у власти сменялись унитарии и федералисты. Лишь к концу 1820 г. положение здесь стабилизировалось: в результате компромисса между различными политическими силами губернатором Буэнос-Айреса стал Мартин Родригес. В его правительстве были представлены и федералисты, и унитарии, среди которых сложилось радикальное крыло. Виднейшим представителем последних был Бернардино Ривадавия, занявший в середине 1821 г. пост министра внутренних дел. Занимая этот пост (до 1824 г.), а также будучи избранным президентом Объединенных провинций Ла-Платы (с февраля 1826 по июнь 1827 г.), Ривадавия проводил политику, направленную прежде всего против «паразитических, латифундистских, феодальных интересов местных олигархий»⁵.

Выступая выразителем зарождавшейся буржуазии Буэнос-Айреса, Б. Ривадавия провел ряд политических реформ и экономических мероприятий, способствовавших развитию буржуазных отношений. Он усовер-

⁴ Очерки истории Аргентины. М., 1961. С. 118.

250 ⁵ Пасо Л. Исторические корни аргентинской зависимости. М., 1981. С. 68.

шенствовал систему органов власти и судопроизводства; была провозглашена свобода печати и свобода культов, неприкосновенность частной собственности, отменены церковная десятина и церковные суды.

Важнейшим из мероприятий, проведенных Ривадавией, считается аграрная реформа. В два этапа, в 1822 и 1826 гг., по его инициативе и по его проекту правительство Буэнос-Айреса начало вводить так называемую систему энфитеусиса. Суть ее состояла в передаче государственных земель во временное пользование — на 20 лет — частным лицам — арендаторам; при этом свободные земли объявлялись недвижимой собственностью государства, арендаторы же должны были платить в его фонд ренту в сумме 4 % стоимости земли, предназначенной для земледелия, и 8 % для скотоводства⁶. Целью реформы было содействие развитию сельского хозяйства, прежде всего земледелия, создание постоянного источника государственных доходов, предотвращение захвата свободных земель латифундистами. Осуществление реформы должно было привести к образованию слоя свободных землевладельцев-арендаторов. Латифундисты ожесточенно сопротивлялись намерениям Ривадавии распространить на захваченные ими земли энфитеусис, но правительство последовательно проводило политику возвращения государству ранее утраченных земель, сурово подавляя попытки неподчинения.

Аграрные преобразования Ривадавии в случае их успешного проведения «создавали материальную основу для быстрого развития капитализма. Энфитеусис позволял складываться фермерскому хозяйству на земле, свободной от средневекового надельного землевладения и тем более помещичьего уклада. При этом земля становилась открытой для беспрятственного приложения капиталов, поскольку не была отягощена абсолютной рентой»⁷. Успеху экономических мероприятий Ривадавии должен был содействовать национальный банк. Декрет об учреждении такого первого в истории страны банка с капиталом в 300 тыс. песо был принят в 1822 г.⁸

Непременным условием экономического прогресса Аргентины Ривадавия считал привлечение рабочей силы в страну. Для этого он содействовал притоку европейских иммигрантов, чтобы «дать землю колонистам, желающим и способным принести из Европы искусство земледелия и связанных с ним ремесел»⁹. Правительство Буэнос-Айреса приняло меры для предоставления иммигрантам денежных ссуд и транспорта. Шотландскими иммигрантами были заселены первые колонии в Монте-Гранде (провинция Буэнос-Айрес), велись переговоры о заселении новых колоний выходцами из Германии. Была создана специальная комиссия содействия иммиграции. Однако отсутствие внутренней стабильности, недостаток средств, а также активное противодействие этим мерам правительства со стороны богатой скотоводческой верхушки обусловили незначительный приток переселенцев в Аргентину в эти годы.

Весь широкий комплекс политических и экономических преобразований Ривадавии открывал для Аргентины перспективу превращения ее в высоко развитую страну; его идеи во многом опередили время. Оценивая деятельность Б. Ривадавии, можно вслед за аргентинским историком Л. Пасо определить ее как попытку направить страну «по пути ускоренного капиталистического развития»¹⁰.

⁶ Registro oficial de la República Argentina que comprende los documentos expedidos desde 1810 hasta 1873. Buenos Aires, 1880. T. 2. P. 134.

⁷ Комаров К. В. Аграрные реформы Б. Ривадавии // Вопр. истории. 1977. № 1. С. 106.

⁸ Registro oficial. . . T. 2. P. 102—105.

⁹ Ferns H. S. The Argentine Republic, 1516—1971. N. Y., 1973. P. 26.

¹⁰ Пасо Л. Диктатура Росаса // Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 71.

В течение 1826 г. Учредительным конгрессом страны был принят ряд законодательных установлений, которые должны были способствовать объединению страны. Буэнос-Айрес был объявлен столицей государства, уничтожены таможи провинций, система энфитеусиса распространена на всю страну¹¹. В обстановке острой борьбы между унитариями и федералистами была принята конституция, по которой предусматривалась республиканская форма правления, страна была объявлена конфедерацией и получила название Федеративная Республика Аргентина. Отметим, что название Аргентина стало официальным в 1826 г., но затем на долгие годы исчезло из употребления и окончательно было восстановлено в 1853 г. специальной поправкой к конституции.

«Унитарная» конституция 1826 года разграничивала законодательную власть между палатой депутатов и сенатом. Главой государства являлся президент, избираемый на пять лет без права немедленного переизбрания; он формировал правительство и обладал всеми полномочиями главы государства¹². В целом конституция должна была содействовать объединению страны.

Однако обстановка была такова, что принятые в 1826 г. законодательные установления остались на бумаге. Борьба провинциальной скотоводческой верхушки против центрального правительства и его мероприятий не прекращалась. Каудильо Кордовы Бустос открыто отказался признать власть президента. Каудильо Ла-Риохи Факундо Кирого подчинил себе значительную часть провинций и нанес поражение унитариям. Вооруженная борьба между сторонниками и противниками центрального правительства шла по всей стране.

Кроме того, в 1825 г. началась война с Бразилией, пытавшейся овладеть Уругваем. Эта война велась прежде всего Буэнос-Айресом, что потребовало огромных материальных затрат, опустошило казну, людские ресурсы; установленная бразильским флотом блокада прервала морскую торговлю. В этих тяжелейших условиях Ривадавия в середине 1827 г. ушел в отставку.

Отставка Ривадавии была обусловлена прежде всего ожесточенным сопротивлением политике его правительства со стороны крупных землевладельцев, клерикальных и других консервативных кругов, сохранявших решающие позиции в экономике и политике, особенно в провинциях. Социальная база правительства Ривадавии была весьма узкой: буржуазия еще не сложилась как класс, а к городской бедноте, пеонам и гаучо правительство Ривадавии не смогло обратиться за поддержкой, не улучшив их положения и не дав им, в сущности, ничего реального.

ДИКТАТУРА РОСАСА (1835—1852)

В 1829 г. на гребне новой волны междоусобной борьбы к власти в Буэнос-Айресе пришел богатый и влиятельный асендадо Хуан Мануэль Росас. Это означало победу крупных торговцев и землевладельцев. Приход Росаса к власти стал логическим следствием незавершенности революции на Ла-Плате. Установление в Буэнос-Айресе господства классовых сил во главе с Росасом более чем на 20 лет предопределило экономический и социальный застой Аргентины, поскольку провинция эта имела единственный на всю страну порт, а право сбора таможенной пошлины за хранение товаров,

¹¹ Registro oficial. . . Т. 2. P. 111—112.

252 ¹² Ibid. P. 163—170.

Б. РИВАДАВИЯ

Х. РОСАС

импорт и экспорт давало не только денежные поступления, но могло регулировать многие экономические факторы. И хотя юридически власть Росаса в качестве губернатора распространялась лишь на провинцию Буэнос-Айрес, в большей или меньшей степени она затрагивала территорию всей страны.

Характерно, что Росас, принадлежа по возрасту к поколению Майской революции, не был участником освободительных сражений. В те годы, по словам аргентинского историка Ф. Надры, «Росас отсиживался в своих поместьях, с глубокой ненавистью следя за ходом Майской революции, в которой не участвовал и развитие которой... всегда стремился остановить»¹³.

Будучи связан узами родства и деловыми отношениями с крупнейшими землевладельцами и торговцами провинции Буэнос-Айрес, Росас использовал смутное время междоусобиц для того, чтобы прибрать к рукам земли и скот, и быстро превратился в одного из богатейших людей страны. Его личное состояние превышало 4 млн песо серебром, а его имение занимало площадь свыше 300 тыс. га¹⁴. Здесь он создал сильное конное войско из своих гаучо и пеонов, так называемых колорадос (красные, по цвету одежды), хорошо их вооружив и обмундировав за свой счет. Росас был хозяином крупнейших в провинции саладеро — примитивных предприятий по производству солонины. С юных лет живя в скотоводческих имениях, Росас «усвоил образ жизни гаучо и вскоре превосходил большинство их в обращении с лошадьми и скотом, лассо, болас¹⁵ и кинжалом, усвоил их язык»¹⁶.

¹³ Надра Ф. Сан-Мартин. М., 1981. С. 96.

¹⁴ См.: Очерки истории Аргентины. С. 141.

¹⁵ Оружие индейцев типа пращи.

¹⁶ Whitaker A. P. The United States and Argentine. Cambridge, 1954. P. 52.

Впоследствии он использовал знание жизни гаучо, чтобы снискать популярность в народе.

Впервые Росас выступил на политической арене в 1820 г., когда во время ожесточенных столкновений в Буэнос-Айресе между федералистами и унитариями он появился в городе во главе тысячи своих «колорадос», привлечших внимание строжайшей дисциплиной и выучкой¹⁷. В годы пребывания у власти Ривадавии Росас неизменно находился в оппозиции к его преобразованиям, обеспечив себе на будущее благосклонность влиятельных групп крупных землевладельцев провинции Буэнос-Айрес. И к власти он пришел при поддержке этой социальной силы. Глубоко презирая народ, Росас считал необходимым использовать дешевую демагогию и популярность в обращении с массами. В день прихода к власти он говорил уругвайскому посланнику: «Низшие классы, страдающие от бедности, всегда опасны для классов богатых и высокопоставленных. Очень важно завоевать влияние среди этих бедных людей, чтобы рассчитывать на них и управлять ими; я этого добился, сделавшись гаучо и разговаривая, как они»¹⁸.

Росас использовал поддержку и другой влиятельной силы — духовенства, выступавшего на стороне федералистов против либерализма унитариев; одним из первых шагов Росаса было восстановление привилегий церкви, отмененных правительством Ривадавии. Росас установил тесные сношения с Ватиканом, ввел обязательное преподавание в школах Священного писания. В стране была возобновлена деятельность ордена иезуитов.

Первые же шаги правительства Росаса были направлены на массовое преследование «дикарей-унитариев», как их стали постоянно именовать в официальных документах, и установление draconовских мер для поддержания «порядка», а по существу сохранения и укрепления господства латифундистов. Декрет от 13 марта 1830 г. угрожал жестокими карами всякому, кто будет заподозрен «в замыслах нарушения порядка или в соучастии в таких замыслах». Как обязательное проявление «благонамеренности» по отношению к режиму было введено для всех без исключения должностных лиц, включая священнослужителей, ношение красной ленты (красный цвет в то время означал принадлежность к федералистам), военные должны были иметь на такой ленте надпись «Федерация или смерть»¹⁹.

Многие из первых декретов правительства Росаса были направлены на искоренение всякого инакомыслия: таковы декреты о строгом контроле за книжным рынком, деятельности типографий и распространении печатных изданий.

С самого начала своего правления Росас стремился распространить влияние на прибрежные и внутренние провинции, одновременно расширяя и совершенствуя аппарат подавления в самой провинции Буэнос-Айрес. Для этого он опирался прежде всего на военную силу: в 1840 г. доля военных расходов в бюджете правительства Буэнос-Айреса достигла 49,1 %, в 1845 г. — 54,72 %²⁰. Кроме того, он опирался на каудильо-федералистов, содействуя укреплению их военной силы. На это было затрачено несколько миллионов песо из полученного от Великобритании займа.

Для преследования унитариев и других противников диктатуры Росаса в 1833 г. было создано так называемое «народное общество Реставрации», более известное под названием «Масорка» («Кукурузный початок»), что

¹⁷ Levene G. G. Historia Argentina. Buenos Aires, 1964. T. 2. P. 228.

¹⁸ Ibid. P. 229.

¹⁹ Historia integral Argentina. Buenos Aires, 1972. T. 2. P. 86.

²⁰ Mensajes de los gobernadores de la provincia de Buenos Aires, 1822—1849. Buenos Aires, 1976. Vol. 1. P. 188, 253.

должно было символизировать единство членов («как зерен в початке»). Это название толковали иногда и по-другому: «Больше виселиц» (по-испански «мас оркас») ²¹. Эта террористическая организация распространила по всей стране систему слежки, шпионажа, доносов, тайных и открытых убийств. Русский дипломат А. С. Ионин писал, что число умерщвленных Росасом по политическим мотивам с 1839 по 1843 г., достигало 22 030 человек ²².

Кроме того, по приказанию Росаса в провинции, противившиеся его диктату, то и дело снаряжались карательные экспедиции. Так, в Катамарке после одной из таких экспедиций «600 трупов было свалено на главной площади города, служа пьедесталом голове губернатора, возглавившего выступление» против диктатуры Росаса. По мнению аргентинского историка Г. Левене, потери, понесенные страной в сировоцированных Росасом междоусобных войнах, «составили бы цифру, вдесятеро превосходящую потери, понесенные в битвах за независимость, и такой результат не будет преувеличенным» ²³.

Подавление и уничтожение военной силой политических противников диктатуры Росаса, как правило, сопровождалось необычайными жестокостями, конфискацией всего имущества «мятежников». Такое вознаграждение «заслуг» федералистской военщины было как бы в порядке вещей. В 1839 г. после подавления одного из очередных восстаний в провинциях Росас раздал участникам подавления более 600 лиг ²⁴ земли; при этом генерал получал 6 лиг, капитан — 3, солдаты — по одной четверти лиги. Был разделен и скот побежденных: по 2500 голов крупного рогатого скота и по 2500 овец досталось генералам, по 50 голов крупного рогатого скота и по 150 овец — солдатам ²⁵.

Разнузданному насилию сопутствовала экономическая разруха во внутренних провинциях, где высыхали поля и виноградники, приходили в упадок плантации сахарного тростника и трапиче — мастерские по его переработке. Тысячи людей бежали из страны.

Когда в 1832 г. формально кончились полномочия Росаса как губернатора Буэнос-Айреса, он начал подготовку к завоевательному походу против индейцев-арауканов. Главная цель Росаса при этом — повысить свой авторитет среди крупных землевладельцев, ради защиты интересов которых и предпринималось завоевание новых земель, а также снискать лавры полководца. Так называемая «экспедиция в пустыню» была предпринята в 1833 г. В течение года Росас захватил территорию в 100 тыс. кв. км ²⁶, это завоевание сопровождалось варварским истреблением индейцев. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что «пустыня» на деле не была завоевана: новая граница не была закреплена созданием каких-либо поселений, и со временем индейцы вернулись на «завоеванные» Росасом земли. Впрочем, он получил то, чего добивался этим походом: его престиж в Буэнос-Айресе и за его пределами возрос, его военная слава была непомерно раздута, в награду он получил обширные земли на завоеванных территориях (их он предусмотрительно обменял на другие — поближе к Буэнос-Айресу) ²⁷. Кроме того, ему был присвоен пышный титул «Героя пустыни».

В отсутствие Росаса его сторонники в Буэнос-Айресе организовали

²¹ Ионин А. С. По Южной Америке. СПб., 1896. Т. 2. С. 184—185.

²² Там же. С. 186.

²³ Levene G. G. Op. cit. Т. 2. P. 267—268.

²⁴ Лига — 5572 кв. м.

²⁵ Levene G. G. Op. cit. Т. 2. P. 268—269.

²⁶ Ibid. P. 232.

²⁷ Registro oficial... Т. 2. P. 330, 333.

выступление под лозунгами «Да здравствует Реставрация! Да здравствует религия!», подоплекой которых были требования предоставить Росасу диктаторские полномочия. В 1835 г. после упорной борьбы между сторонниками и противниками такой диктатуры была проведена инсценировка «народного плебисцита». В результате — теперь уже безо всякой маскировки — утвердилась личная диктатура Росаса, вернее — диктатура крупных торговцев и скотоводов, стоявших за ним. Позднее, в 1837 г., Росас уже сам составил список «законодателей», которые вплоть до 1852 г. участвовали как выборщики в очередных комедиях его переизбрания на пост губернатора Буэнос-Айреса²⁸. Все это время раздувался культ диктатора. В алтарях церквей обязательно должен был быть помещен портрет Росаса, иначе священнику грозили большие неприятности. Было принято гравировать или рисовать портреты диктатора на самых различных бытовых предметах — вазах, перчатках, веерах, гребнях, бритвенных приборах.

В области культуры и просвещения, успешных за годы независимости достичь определенных успехов, воцарилось ужасающее мракобесие. Отнюдь не случайно, что именно в 1835 г., в год установления неограниченной диктатуры Росаса, были уничтожены все инструменты химических лабораторий университета Буэнос-Айреса, та же участь постигла телескопы астрономической обсерватории. В 1838 г. школьным учителям прекратили выплату жалованья, а четыре года спустя школы были отданы в ведение полиции во имя укрепления «федералистской добронормальности преподавателей»²⁹. Декрет 1845 г. предписывал, чтобы преподавателями и руководителями учебных заведений были лица, доказавшие преданность правительству и католической церкви. Резко сократилось число школ: в 1830 г. в провинции Буэнос-Айрес их было 114 (39 государственных и 75 частных), в 1850 г. их стало 35 (5 государственных и 30 частных)³⁰.

В области экономических мероприятий Росаса наиболее характерным представляется ликвидация всех прогрессивных преобразований Ривадавии. В августе 1830 г. одним из первых актов правительства Росаса стало упразднение иммиграционной комиссии. Эта мера, означавшая отказ от политики колонизации, предопределила последующую ориентацию на передачу государственных земель крупным скотоводам, превращавшим их в пастбища. В 1832 г. между членами семьи Росаса, его родственниками и приближенными были распределены около 360 лиг государственных земель, а все энфитеусисные документы относительно этих земель были объявлены недействительными. В мае 1836 г. один из очередных декретов предписывал «продать 1500 лиг земли, данных в энфитеусис, и прочие пустоши, принадлежащие государству». И наконец, в том же, 1836 г. был издан декрет о закрытии Национального банка³¹.

Аграрная политика Росаса, проводившаяся прежде всего в интересах землевладельческой верхушки Буэнос-Айреса, способствовала концентрации земельной собственности в руках немногих семей.

В 1852 г. в собственности Росаса находились 136 лиг земли и несколько сот тысяч голов скота. Крупнейшие латифундисты страны — семейство Анчорены состоявшее в родстве с Росасом, владело 0,5 млн коров, а по словам современника, они не знали числа принадлежавших им овец³². Многие

²⁸ Mensajes... Vol. 1. P. 117.

²⁹ Levene G. G. Op. cit. T. 2. P. 235.

³⁰ Очерки истории Аргентины. С. 148.

³¹ Registro oficial... T. 2. P. 269, 244—245; Очерки истории Аргентины. С. 148—149.

³² Lynch J. Argentine dictator Juan Manuel de Rosas, 1829—1852. Oxford, 1981. P. 77; *Sarmiento D. F. Obras completas*: Vol. 1—52. Paris; Buenos Aires, 1898—1902. Vol. 23. P. 159.

эстансьерос имели по 100 тыс. голов скота, еще сотни — по 50 тыс., а эстансии с 20—30 тыс. голов были обычным явлением³³.

Одновременно усиливалась эксплуатация сельских трудящихся — гаучо и пеонов, которые находились в полной зависимости от землевладельцев³⁴. Плети и колодки были обычным наказанием для «перадивых», а заработок почти всегда выплачивали мясом, мате (парагвайский чай) и табаком.

Важнейшим источником обогащения олигархии Буэнос-Айреса была экспортная торговля продуктами скотоводства. По подсчетам английского историка и экономиста Г. Фернса, в период диктатуры Росаса свыше трех четвертей экспорта Буэнос-Айреса составляли продукты крупного рогатого скотоводства — шкуры, рога и вяленое мясо³⁵.

Именно на этой основе развивалась внешняя торговля Буэнос-Айреса: 1820-е годы в его порт прибывало ежегодно в среднем 288 судов, в 1830-е годы — 280, в 1840-е — 452³⁶. Кроме того, Буэнос-Айрес играл роль посредника между остальными провинциями и внешними рынками. Значительную часть доходов провинции Буэнос-Айрес составляли таможенные пошлины. Это наносило большой ущерб экономическим интересам остальных провинций. «Провинция Буэнос-Айрес, эта гигантская голова, как ее называли, развивалась за счет остальных провинций, представлявших собой ее тощечелю. Скотоводческая латифундия была основой этого превосходства Буэнос-Айреса, точно так же как ею были и монополия внешней торговли, и доходы от порта, располагая которыми, город Буэнос-Айрес стал играть роль посредника в... связях с внешним миром»³⁷.

Возрастала торговая зависимость от Англии, которая в годы диктатуры Росаса сумела фактически установить здесь свою торговую монополию.

Иностранный, прежде всего британский, капитал появился в стране с момента достижения ею политической независимости. Первой областью, где он приобрел безраздельное господство, стала аргентинская внешняя торговля. Кредитование внешнеторговых операций осуществляли банкирские дома Бэринга (Англия) и «Братья Браун и К^о» (США), а платежи производились в фунтах стерлингов или долларах³⁸.

Аргентинские купцы участвовали в экспортно-импортной торговле собственной страны в качестве младших партнеров. В 1852 г. в Буэнос-Айресе насчитывалось 45 британских торговых домов. Действовали также американские, французские, немецкие, бразильские торговые дома, а также несколько смешанных домов с аргентинским и иностранным капиталом³⁹.

Росасу всегда было присуще злоупотребление псевдопатриотической лексикой; широко известно такое его высказывание: «Европа хочет завоевать нас; пробудим же гнев в наших детях и с оружием в руках воскликнем: „Смерть иностранцам!“»⁴⁰ На деле вся деятельность диктатора имела мало общего с защитой национальных интересов. Главным для него всегда оставалась забота о собственных корыстных интересах и защита интересов латифундистов, давших ему власть. В борьбе европейских держав за влияние в районе Ла-Платы Росас не раз выступал в защиту интересов Великобритании, которая с первых лет его пребывания у власти видела в нем «своего

³³ *Sarmiento D. F.* Obras. Vol. 23. P. 159.

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *Registro oficial...* T. 1. P. 302–303, 335.

³⁶ *Ferns H. S.* Op. cit. P. 29–30.

³⁷ *Brown J. C.* A Socioeconomic History of Argentina, 1776–1860. Cambridge, 1979. P. 75.

³⁸ *Paso L.* Los caudillos y la organización nacional. Buenos Aires, 1965. P. 202.

³⁹ *Reber B. V.* British mercantile houses in Buenos Aires, 1810–1880. Massachusetts, 1979. P. 89–90.

⁴⁰ *Graty A. du.* La Confederacion Argentine. Londres, 1865. P. 35.

человека»; еще в 1831 г. британские торговцы в нужный для диктатора момент предоставили ему заем в 4 млн песо, которые он с успехом использовал для борьбы со своими политическими противниками. Помимо торговых привилегий, которые Росас предоставлял английскому капиталу, его политика, направленная против объединения страны, объективно соответствовала колониалистским интересам Англии в районе Ла-Платы.

Англия не раз пыталась укрепиться на Ла-Плате еще в колониальный период. После образования здесь независимого государства английский капитализм стремился установить над ним экономическое господство. В этих целях уже в начале 1825 г. первой из европейских держав Англия признала независимость Ла-Платы, за тем последовало подписание «договора о дружбе и торговле», обеспечившего английским торговцам исключительные торговые льготы⁴¹.

С приходом к власти Росаса Англия в целом проводила политику поддержки правителя Буэнос-Айреса, за что подданым британской короны предоставлялась здесь почти неограниченная свобода торговой и предпринимательской деятельности. Англичане чувствовали себя хозяевами на Ла-Плате и в омывающих провинции водах Южной Атлантики. В 1833 г. английский военный корабль «Клио» совершил вооруженный захват Мальвинских (Фолклендских) островов, принудив жителей и небольшой аргентинский гарнизон покинуть их.

В тот же период усиленную экспансию в районе Ла-Платы начала Франция, закладывая тогда основы своей колониальной империи. В 1839 г., используя в качестве повода привлечение аргентинскими властями на военную службу французского подданного, находящаяся на Ла-Плате французская эскадра совершила нападение на аргентинские военные корабли⁴².

В 1838 г. под предлогом так называемого «дела Бакле», французского подданного, обвиненного в шпионаже и арестованного в связи с этим, Франция потребовала ликвидации высоких пошлин и предоставления французам прав, равных с англичанами. Надеясь на поддержку Англии, Росас отклонил ультиматум; тогда французская эскадра под командой адмирала Леблана блокировала Буэнос-Айрес, на остров Мартин-Гарсиа был высажен французский десант. Англия, чтобы поддержать Росаса и закрепить свое влияние на Ла-Плате, оказала сильнейшее дипломатическое давление на Париж, который удовлетворился возмещением убытков⁴³.

В 1845 г. произошла новая вооруженная экспансия Франции в районе Ла-Платы, на этот раз совместно с Англией. Причиной была финансовая политика Росаса, допустившего задержку уплаты государственного долга Англии, что наносило ущерб английским торговцам и вкладчикам капиталов. Кроме того, Росас закрыл для иностранных судов реки Парана и Уругвай, препятствуя английской и французской торговле с Литоралем. 11 военных кораблей английского и французского флотов сопровождали по рекам Парана и Уругвай торговые суда, подавляя бортовыми залпами береговые батареи Росаса. Одновременно был блокирован с моря Буэнос-Айрес⁴⁴.

Только спустя четыре года Росасу удалось урегулировать конфликт и заключить в 1849 г. договор с Англией, а в 1850 г. — с Францией.

Еще в 1817 г. возник конфликт Объединенных провинций Ла-Платы с Бразилией из-за Уругвая, ранее бывшего частью вице-королевства Ла-Платы.

⁴¹ Registro oficial. . . T. 2. P. 83—86.

⁴² Ruiz Moreno J. Historia de las relaciones exteriores Argentinas (1810—1955). Buenos Aires, 1966. P. 358—359.

⁴³ Levene G. G. Op. cit. T. 2. P. 375.

⁴⁴ Ibid. P. 277.

Конфликт обострился, когда в результате освободительного движения уругвайцев в 1825 г. была провозглашена независимость Восточного Берега и его воссоединение с провинциями Ла-Платы. Последовавшая за этим война с Бразилией (1825—1828) потребовала от лаплатских провинций больших усилий.

В 1837 г. произошел военный конфликт Аргентины с Боливией из-за области Тариха.

С 1839 по 1852 г. Аргентина была причастна к событиям в Уругвае, когда Росас вмешался в борьбу между партиями «колорадос» и «бланкос», предоставив в распоряжение лидера последних Орибе военную силу и объявив блокаду Монтевидео, длившуюся девять лет. Сложность многолетних военных действий и политической борьбы в Уругвае обуславливалась участием в них многочисленных отрядов унитариев, торговыми интересами Англии и Франции, соперничеством Буэнос-Айреса и Монтевидео как двух крупнейших портов и торговых центров на Ла-Плате.

Во внешнеэкономическом отношении период диктатуры Росаса был в целом отмечен растущей ролью Англии как главного торгового партнера лаплатских провинций, прежде всего Буэнос-Айреса. О том, насколько активно развивалась торговля Англии с Буэнос-Айресом, свидетельствуют цифры импорта шерсти в Англию из Аргентины (в кг)⁴⁵:

Годы

1831—1835 — 1 162 806

1836—1840 — 2 382 692

1841 1845 — 6 153 276

Что касается английского экспорта на Ла-Плату, то мануфактуры Англии в период правления Росаса поставляли туда практически все предметы первой необходимости. Генеральный консул Англии в Буэнос-Айресе в тот период У. Пэриш писал: «Все платье гаучо, — то, что не из кожи — сделано из тканей английского производства; платье его жены — также из манчестерской ткани; посуда, в которой она готовит пищу, тарелки, с которых они едят, его кинжал, шпоры — все исходит из Англии»⁴⁶.

Расширение экспорта продуктов скотоводства из Буэнос-Айреса в известной мере стимулировал рост производства по переработке продукции скотоводства. В первую очередь это касалось саладеро, среди которых появились предприятия, имевшие сотни рабочих и применявшие наемный труд; были созданы фабрики, производившие свечи с применением бараньего сала. Перепись, произведенная вскоре после падения Росаса в Буэнос-Айресе, зафиксировала наличие 852 мастерских, среди которых преобладали пивоварни, винокурни и мыловарни; однако было здесь и каретное производство, литейные и парусные мастерские⁴⁷.

Экономический рост Буэнос-Айреса вызвал стихийную иммиграцию в этот город. По оценкам специалистов, в середине XIX в. четверть населения провинции Буэнос-Айрес составляли люди, рожденные за границей. В 1854 г. здесь проживало 25 тыс. французов, 18,8 тыс. англичан, 4 тыс. североамериканцев, 15 тыс. итальянцев и 20 тыс. испанцев⁴⁸.

Политика Росаса, направленная на преобладание Буэнос-Айреса, на раздробленность провинций и фактическую изоляцию их от внешнего рынка, обрекала огромные территории внутри страны на экономический застой и упадок. Жалкое состояние влачило земледелие. Даже в наиболее земледель-

⁴⁵ Brown J. C. Op. cit. P. 66.

⁴⁶ Parish W. Buenos Aires and its provinces. L., 1852. P. 350.

⁴⁷ Segundo censo... T. 3. P. 95—96.

⁴⁸ Pannetieri J. Inmigración en la Argentina. Buenos Aires, 1970. P. 17.

ческих провинциях Мендоса и Сан-Хуан посевы зерновых составляли всего лишь 3,8 тыс. га, а виноградная лоза — 2,8 тыс. га. Площадь, занятая под сахарным тростником, в провинциях едва превышала несколько сот гектаров⁴⁹. В то время как в Западной Европе и США появилась и бурно развивалась машинная промышленность, началось производство сельскохозяйственных машин, а Аргентине землю пахали сохой, злаковые жали ножами. Молотба состояла в том, что по снопам с зернами пускали лошадей, которые копытами вымолачивали зерно⁵⁰.

В прежде процветавшей Кордове, где темп прироста населения в течение двух десятилетий после Майской революции стал вдвое выше, чем в конце колониального периода, он вновь снизился до дореволюционного уровня, что было прямым следствием снижения производства и торговой деятельности. Возрастала хозяйственная изоляция провинций, нарушались прежде оживленные торговые пути. Правительство некоторых провинций пыталось вводить протекционистские тарифы, кое-где учреждались свои, провинциальные таможни. Правительства Ла-Риохи, Сан-Хуана и Мендосы развивали торговлю с Чили.

Некоторый экономический прогресс в эти годы наблюдался лишь в провинциях Литоралья — Санта-Фе, Энтре-Риос и Корриентес, которые имели связь с внешним рынком, в той, однако, степени, в какой им это позволяло правительство Буэнос-Айреса.

В целом диктатура Росаса была диктатурой латифундистов, прежде всего латифундистов Буэнос-Айреса. Этот период (1835—1852) характеризуется их попытками ликвидировать важные завоевания патриотов 1810—1820-х годов жестоким подавлением социальной активности в стране и политических прав народа, экономическим и социальным застоєм на большей части территории страны. С другой стороны, несмотря на политику, проводившуюся землевладельческой верхушкой в области сельскохозяйственного производства и торговли, в Буэнос-Айресе, хотя и медленно, начинает складываться местная, прежде всего торговая, буржуазия, и Аргентина к середине XIX в. в значительной степени втянулась в сферу мирового капиталистического рынка. Диктаторская политика клики Росаса, принесшая усиление гнета народных масс, разруху и обнищание большинства районов страны, вызывала широкую оппозицию. То и дело в различных провинциях вспыхивали стихийные или организованные унитариями восстания, в которых участвовали тысячи людей. Для сохранения «порядка» Росасу приходилось затрачивать огромные средства на содержание значительной военной силы. Разрозненный характер и локальность выступлений против диктатуры долгое время позволяли ему жестоко подавлять своих противников. Положение осложнялось продолжавшимися междоусобицами, необузданным произволом отдельных каудильо.

Передовые представители аргентинской интеллигенции, задумываясь о перспективах развития страны, понимали необходимость объединения различных оппозиционных Росасу течений, идеологического обоснования борьбы против диктатуры. В 1838 г. литераторы и ученые Э. Эчеверриа и Х. Б. Альберди организовали тайное общество «Молодая Аргентина», главной задачей которого были пропаганда идей Майской революции 1810 года и Великой французской революции. Участники организации выступали за установление широко представительной демократической республики. Деятельность «Молодой Аргентины» оказала впоследствии влияние на формиро-

⁴⁹ Segundo censo. . . Т. 3. P. 32; Sarmiento D. F. Obras. . . Vol. 23. P. 172.

вание и развитие общественной мысли не только этой страны, но и других государств Южной Америки. В 1839 г. в обстановке усилившегося террора деятели «Молодой Аргентины» эмигрировали в Монтевидео, где продолжили борьбу против антинародной диктатуры.

В целом же оценка диктатуры Росаса и самой его личности как государственного и военного деятеля вряд ли может быть однозначной. Так, он несомненно сыграл важную роль в организации вооруженного сопротивления колониальной экспансии Англии и Франции в 1838 г. Не случайно именно в этот момент возникла дружеская переписка между Х. де Сан-Мартинем, жившим тогда во Франции, и Росасом; в известном письме от 5 августа 1838 г. Сан-Мартин, с негодованием отзываясь о враждебных действиях французского флота, выражает готовность немедленно встать под команду Росаса для защиты отечества⁵¹. Нельзя не согласиться с крупным политическим деятелем Аргентины А. Паласиосом, который, выступая в 1919 г. в Национальном конгрессе, сказал: «Если судить о событиях, связывающих их с атмосферой эпохи, в которой они свершались. . . то мы увидим, что Росас, проклинаемый как тиран, сознательно или бессознательно вершил дело объединения, подготовившее национальную организацию страны»⁵².

НАЧАЛО КОНСОЛИДАЦИИ АРГЕНТИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Чем более сельское хозяйство Аргентины ориентировалось на внешний капиталистический рынок, тем более землевладельцы и скотоводы Буэнос-Айреса и участвовавших во внешней торговле провинций Литорала вынуждены были приспосабливаться к происходившим на этом рынке переменам, что необходимо требовало определенных хозяйственных усовершенствований. В таких условиях находившееся у власти правительство Росаса уже не отвечало интересам большинства скотоводов-латифундистов, перед которыми открывались новые возможности.

И не случайно самое сильное и организовавшее выступление против Росаса возглавил крупнейший земельный собственник Х. Х. Уркиса, губернатор Энтрe-Риос — одной из наиболее развитых провинций Литорала. Уркиса выражал интересы прежде всего литоральных скотоводов-латифундистов, владельцев саладеро, торговцев, которые боролись с монополией Буэнос-Айреса «под лозунгами национального объединения и свободы торговли»⁵³.

Для вооруженной борьбы против Росаса Уркисе удалось, помимо военной силы провинций Литорала, использовать в качестве военных союзников Бразилию и Уругвай, предоставивших в его распоряжение войска и военный флот. Так называемая «Великая освободительная армия» под командой Уркисы насчитывала 28 тыс. человек; это была самая многочисленная армия, когда-либо действовавшая прежде в Южной Америке. После быстрого марша армия Уркисы подошла к Буэнос-Айресу и 3 февраля 1852 г. в его окрестностях у местечка Касерос атаковала 23-тысячную армию Росаса. Войска диктатора были разбиты наголову и в беспорядке бежали, оставив пленных, артиллерию, обоз⁵⁴. Сам Росас бежал с поля боя и в тот же день укрылся на британском корабле, доставившем его в Англию.

Падение диктатуры Росаса открывало новые возможности для развития

⁵¹ *Colombres N. F.* Así fué Rosas. Tucumán, 1966. P. 95—97.

⁵² *Ibid.* P. 87.

⁵³ *Пасо Л.* Исторические корни аргентинской зависимости. С. 86.

⁵⁴ *Best F.* Historia de las guerras argentinas. Buenos Aires, 1960. T. 1. P. 466—472.

страны. Борьба за национальное объединение, за экономический, политический и культурный прогресс принимала более широкие масштабы.

Вскоре после битвы при Касересе, в мае 1852 г. в небольшом городе Сан-Николас-дель-Арройо по приглашению Уркисы собрались губернаторы провинций. Была достигнута договоренность об упразднении межпровинциальных таможен и о скорейшем созыве Учредительного конгресса для выработки федеральной конституции; все провинции должны были послать на этот конгресс по равному числу депутатов. Уркиса назначался временным правителем Аргентинской конфедерации с широкими полномочиями. Важной частью «Соглашения в Сан-Николасе» стало объединение военных сил всех провинций в единую национальную армию⁵⁵.

Однако в момент наметившегося объединения страны существовал огромный разрыв в уровне развития, с одной стороны, внутренних провинций, опустошенных и обезлюдивших за десятилетия междоусобных распри, а с другой — привилегированного Буэнос-Айреса, сохранившего и приумножившего свой скотоводческие богатства и извлекавшего огромную выгоду из географического положения. Верхушка Буэнос-Айреса не желала терять своих преимуществ и, организовав мятеж, фактически отделила провинцию от конфедерации, столицей которой объявили теперь город Парану.

Такое раздельное существование двух аргентинских государств продолжалось десять лет, в течение которых обострение противоречий между Буэнос-Айресом и Аргентинской конфедерацией выливалось в конфликты, войны, экономическое соперничество. «Но как ни враждовали оба правительства, тенденция к единству и стремление к образованию единого государства постоянно довлела над ними. Экономический прогресс и рост капиталистических отношений обуславливали историческую неизбежность объединения страны и создания единой аргентинской нации»⁵⁶.

Важнейшим политическим фактором национального объединения Аргентины стало принятие в мае 1853 г. Учредительным конгрессом в Санта-Фе новой конституции, которая без кардинальных изменений просуществовала более 100 лет. В основе ее лежали многие предложения прогрессивного мыслителя Х. Б. Альберди, в тот период «духовного наставника» Уркисы, заветы Майской революции. Конституция 1853 года провозглашала неприкосновенность частной собственности, равенство всех граждан перед законом, свободу личности, слова, печати. Провозглашение этих прогрессивных буржуазных правовых норм на многие десятилетия определило тенденции развития Аргентины. Согласно конституции страна была объявлена федеративной республикой с официальным названием «Аргентинская нация». Было определено государственное устройство страны, широкие полномочия главы государства — президента (им в 1854 г. был избран Уркиса). В конституцию 1853 года были включены важные положения, определившие пути к объединению страны, укреплению и развитию внутреннего рынка: введение общенациональных таможен и денежной системы, системы мер и весов, свобода судоходства по рекам⁵⁷. За исключением Буэнос-Айреса, все провинции присягнули на верность конституции.

В течение 1852—1861 гг. провинции Аргентины сделали шаги к преодолению отсталости и застоя, к практическому объединению. Особое внимание в этот период уделялось развитию путей сообщения. Была организована система доставки почты, пассажиров и грузов из Росарио в Кордову, Мен-

⁵⁵ Registro oficial... Т. 3. P. 13—16.

⁵⁶ Очерки истории Аргентины. С. 189.

⁵⁷ Registro oficial... Т. 3. P. 65—73.

Битва при Монте-Касерос, 3 февраля 1852 г.
(худ. К. Пентуи)

досу, Тукуман, в отдаленные северные и западные провинции. По поручению правительства инженеры из США произвели разметку железной дороги из Литоралья во внутренние районы и рассчитали ее стоимость. В некоторых провинциях были приняты законодательные и практические меры для развития колонизации земель силами привлекаемых из Европы иммигрантов, которые становились собственниками обрабатываемых участков⁵⁸. В 1856 – 1857 гг. в прибрежных провинциях уже селились иммигранты из Швейцарии и Италии, заметного прогресса достигли за короткое время их колонии Эсперанса и Сан-Хосе⁵⁹.

В 1860 г. между Буэнос-Айресом и конфедерацией остальных провинций возник конфликт по вопросу о таможенных сборах, приведший к войне. 17 сентября 1861 г. при Павоне произошло сражение войск Буэнос-Айреса под командованием губернатора Б. Митре с армией Уркисы. Кошица конфедерации не смогла одолеть стойкость пехоты Митре. После поражения при Павоне в провинциях вновь возобладала сепаратистские настроения. Конфедерация стала разваливаться.

Теперь инициатива объединения страны перешла к правящим кругам Буэнос-Айреса. Это направление в их политике возглавил губернатор Б. Митре, во времена Росаса сражавшийся на стороне унитариев, обладавший большим военным и политическим авторитетом. В мае 1862 г. в Буэнос-Айресе собрался новый Национальный конгресс всех 14 провинций Аргентины, в ходе заседаний которого был достигнут ряд компромиссов. Город становился временной резиденцией национального правительства. В октябре

⁵⁸ Documentos relativos a la organización constitucional de la República Argentina. Buenos Aires, 1914. Т. 3. P. 411—413.

⁵⁹ Abad de Santillana D. Historia Argentina. Buenos Aires, 1965. Т. 3. P. 65.

Б. МИТРЕ

того же года конгресс провозгласил Митре президентом «Аргентинской нации» (1862—1868). Теперь Аргентина формально стала единым государством.

Политическое решение вопроса о единстве Аргентины повлекло за собой оживление экономической деятельности в стране. В первую очередь изменение ситуации благоприятно сказалось на Литорале, который в 1860-х годах становится «динамичным центром развития национальной экономики». Политика свободы торговли, проводившаяся правительством Митре, сделала возможной и развитие хозяйства внутренних провинций. Хатчинсон, английский консул в Росарио в те годы, привел список товаров, следовавших транзитом через этот оживленный речной порт из внутренних провинций. Среди них значились сухие кожи и медь в слитках из Катамарки и Кордовы, серебро из Кордовы и Сан-Хуана, рога, жир, шкуры, кость, конский волос, пшеница и ячмень из Кордовы и Тукумана, сушеные фрукты из Тукумана и т. п.⁶⁰

Оживлению экономической жизни Аргентины способствовало и положение на мировом капиталистическом рынке в те годы. Гражданская война в США подняла цены на ряд товаров и пробудила в Англии интерес к Аргентине как к поставщику хлопка. Значительно увеличивался экспорт шерсти: в 1860 г. он составил 17 316 т, в 1865 г. — 54 926 и в 1868 г. — 70 230 т. Возрастал экспорт кож и других продуктов сельского хозяйства Аргентины⁶¹.

С провозглашением единого аргентинского государства противоречия между Буэнос-Айресом и провинциями, однако, не исчезли. Об этом свидетельствовали возникавшие в некоторых районах страны мятежи. Так, в марте 1863 г. на севере страны такой мятеж возглавил генерал Пеньялос, в прошлом федералист, сторонник Росаса.

После падения диктатуры Росаса круг внешнеполитических партнеров Аргентины стал расширяться. В течение 1850-х годов были подписаны конвенции о свободном плавании по внутренним рекам Аргентины с Англией, США, Пруссией, Бразилией, Парагваем и Уругваем⁶². В тот же период были уполномочены и поддерживались дипломатические отношения на уровне полномочных послов и консулов — с Францией, Испанией, Англией, США, Сардинией, Португалией, Чили, Пруссией, Бразилией, Бельгией, Парагваем, Уругваем, Неаполем и Ватиканом⁶³. В 1863 г. правительство Испании официально признало независимость Аргентины. Такое энергичное развитие

⁶⁰ Argentina: Congreso nacional. Cámara de senadores. Diario de sesiones. Año 1862. Buenos Aires, 1929. P. 294—310, 432—433; Ferrer A. La economía argentina. México; Buenos Aires, 1965. P. 148—149.

⁶¹ Ferns H. S. Op. cit. P. 51.

⁶² Registro oficial. . . T. 3. P. 170—175.

⁶³ Abad de Santillan D. Op. cit. P. 32—33.

внешнеполитических связей свидетельствовало о растущем международном авторитете страны.

В 1865 г. Аргентина приняла участие в несправедливой, захватнической войне против Парагвая. Война эта была крайне непопулярной среди народных масс. Объявленный призыв добровольцев в армию не имел никакого успеха, и правительству пришлось прибегнуть к принудительному набору, но собранные в лагерях для отправки в Парагвай рекруты разбежались. Непопулярность войны способствовала возникновению политической оппозиции правительству, принимавшей форму открытых вооруженных выступлений. Президент Митре, в ходе войны назначенный главнокомандующим союзными армиями, дважды — в 1867 и 1868 гг. — вынужден был покинуть войска, чтобы лично (в Буэнос-Айресе и в провинции Корриентес) руководить подавлением этих выступлений.

Парагвайская война принесла определенные выгоды торговцам Буэнос-Айреса. По словам А. С. Ионина, эта «война способствовала обогащению Буэнос-Айреса и побережья реки Параны. . . Все войска, флоты, снабжение их — все должно было проходить через порт Буэнос-Айреса и потом по реке Паране, что должно было вызвать на всем ее протяжении деятельное торговое движение. Сношения с Европой развились до небывалых до тех пор размеров: все потребное для войны нужно было привезти из Европы, даже пропитание, как-то: муку, хлеб, ибо, кроме мяса, страна ничего не могла дать»⁶⁴. Однако большинству провинций Аргентины, ее народным массам Парагвайская война принесла лишь новые тяготы, жертвы, повышение налогов. В результате участия в Парагвайской войне Аргентина оказалась в финансовой зависимости от Англии⁶⁵, все больше превращаясь в рынок сбыта и источник сырья для развитых капиталистических стран.

⁶⁴ Ионин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 214—215.

⁶⁵ Diario de sesiones de la cámara de senadores. Año 1863. Buenos Aires, 1929. P. 899.

ПАРАГВАЙ В ПЕРИОД ДИКТАТУРЫ ФРАНЦИИ И ЛОПЕСОВ (1814—1870) Глава 4

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ. ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ФРАНЦИИ

В начале второго десятилетия XIX в. территория Парагвая состояла из двух неравных частей: сравнительно густо населенной восточной и пустынной западной (Чако), где, за исключением отдельных районов, обитали лишь кочевые индейские племена, насчитывавшие в общей сложности до 20 тыс. человек. Основная масса оседлого населения, численность которого, по примерным подсчетам, превышала 100 тыс. человек¹, концентриро-

¹ Более половины из них составляли те, кого в этой стране называли «американскими испанцами», или креолами, хотя антропологически в подавляющем большинстве своем они являлись европеизированными испано-индейскими метисами. Свыше 30 % приходилось на долю индейцев, приблизительно 10 % составляли негры и мулаты, всего 0,2 % (менее 200 человек) — европейцы — уроженцы метрополии. См.: Williams J. H. A. Problem in Historical Demography — Paraguay // *Latinoamericanist*. 1968. Mar. 8. Vol. 3, N 12. P. 1—3.

валась к востоку от р. Парагвай. Но и восточная часть республики была заселена неравномерно. Почти $\frac{2}{3}$ ее жителей проживали в радиусе 100 км от Асунсьона. Другими важными центрами были Вильяррика, Консенсьон, порты Пилар и Итапуа.

Поскольку вследствие немногочисленности испанских колонистов и продолжительного господства иезуитов на лучших землях латифундии светских владельцев не получили в Парагвае широкого распространения, преобладающей формой частного землевладения являлись помещичьи и крестьянские хозяйства средних и мелких собственников (кинта, чакра) — преимущественно креолов. Сохранились также общинные и индивидуальные владения гуарани. Земля, принадлежавшая ранее испанской короне (включая конфискованное в конце 60-х годов XVIII в. имущество иезуитского ордена), с провозглашением независимости перешла к парагвайскому государству. Обширными земельными угодьями располагала церковь. Число эстансий и асэнд частных лиц было относительно невелико.

С установлением республиканского строя в форме консулата фактически начался период единоличного правления Франции. Оттеснив бездарного и пассивного Йегроса, он развил бурную деятельность, твердо придерживаясь курса на упрочение независимости и решительно выступая против ее врагов — внешних и внутренних. Отвергая попытки объединения Парагвая с остальными провинциями бывшего вице-королевства под эгидой Буэнос-Айреса, Франсиа не доверял и проживавшим в стране испанцам. В 1814 г. консулы обязали тех из них, кто не имел парагвайского гражданства, пройти регистрацию и запретили им браки с женщинами европейского происхождения².

Купцы и прочие представители городской верхушки, большинство офицеров, духовенства, часть которых поддерживала тесные связи с Испанией и Буэнос-Айресом, выражали недовольство действиями Франции. Зато они встретили полное понимание в патриотически настроенных кругах, обеспокоенных происками роялистов, посягательствами Буэнос-Айреса и португальцев на суверенитет и территориальную целостность Парагвая.

В октябре 1814 г. собравшийся в Асунсьоне конгресс, представлявший, как и предыдущий, преимущественно сельскую периферию, избрал Франсиа «верховным диктатором республики» сроком на пять лет. Конгрессу оставались лишь прерогативы совещательного органа и право назначения Верховного суда. За короткое время диктатору удалось сделать немало. Правительство Франции поощряло торговлю, ремесло, земледелие и скотоводство, строило дороги. Оно изолировало своих противников, приняло суровые меры против воров, грабителей и бродяг, что привело к резкому сокращению преступности. В итоге наметилась тенденция к стабилизации положения в Парагвае, особенно по сравнению с соседними странами, являвшимися ареной междоусобиц и политической анархии. Все это способствовало росту популярности Франсиа. Умело подчеркивая достигнутые успехи и наличие внешней угрозы молодой республике, он добился того, что 1 июня 1816 г. конгресс предоставил ему пожизненно неограниченные полномочия.

Переход к диктатуре произошел под влиянием ряда факторов. Со времени освобождения Парагвая от колониального ига его независимости угрожали помимо испанских колонизаторов также португальцы и правящие круги Буэнос-Айреса. Чтобы устоять, Парагвайская республика нуждалась в сплочении всех патриотических сил, укреплении и централизации государствен-

² *Báez C. Historia del Paraguay: «Las leyes de extranjería» // Revista del Instituto Paraguayo. Año 9, 1908, N 58. P. 396—397.*

ной власти, концентрации экономических и военных ресурсов. Кроме того, установлению диктаторского режима благоприятствовали низкий уровень социально-экономического развития, обусловивший отсутствие глубоких демократических традиций; слабое распространение прогрессивных идей в связи с отдаленностью и изолированным положением страны; долговременная привычка к беспрекословному повиновению, выработанная за полтора века существования иезуитских редукий. Немаловажное значение имело наличие энергичного, опытного и авторитетного руководителя³.

Режим Франции пользовался поддержкой населения, которое видело в нем гарантию от произвола привилегированной верхушки. Неудивительно, что оппозиция диктатуре была немногочисленна и недовольны ею были лишь определенные слои асунсьонского общества. Но, поскольку противники Франции опирались на влиятельные столичные круги, диктатор решил позаботиться о том, чтобы предупредить возможные враждебные выступления.

17 июня 1816 г. Франция запретил устраивать собрания и процессии без предварительного разрешения⁴. Он сменил начальников гарнизонов наиболее крупных политико-административных центров. Добиваясь полного контроля над чиновниками и церковной иерархией, правительство назначало и смещало их по своему усмотрению, причем главным критерием являлась политическая благонадежность. Епископ Панес, пытавшийся воспротивиться действиям Франции, был в 1819 г. отстранен от должности. Декрет 1820 г. допускал вступление в религиозные братства и конгрегации только тех, кто безоговорочно высказывался за полную независимость Парагвая. Все священники должны были присягнуть на верность республике⁵.

Международная обстановка, сложившаяся в 1817—1819 гг. (попытки Буэнос-Айреса и других лаплатских провинций установить блокаде Парагвая, захват парагвайских речных судов, проникновение иностранной агентуры), заставила правительство Франции принять меры предосторожности. Суда, поднимающиеся вверх по реке Парагвай, могли следовать только до порта Пилар. Выдача паспортов была прекращена, и выезд из страны запрещен. Лица, приезжавшие в Парагвай, тщательно допрашивались и в случае возникновения каких-либо подозрений немедленно интернировались. Последующие события вынудили Францию прибегнуть к еще более крутым мерам.

В марте 1820 г. в столице был раскрыт антиправительственный заговор. В нем участвовали главным образом бывшие офицеры и другие представители креольской знати. Выражая интересы имущих классов, они были недовольны тем, что отстранены от политического и военного руководства, а опорой режима Франции оказались низшие слои общества. Заговорщики намеревались свергнуть и убить диктатора. Узнав о заговоре, власти произвели массовые аресты: наряду с его участниками в тюрьму были брошены многие предполагаемые противники диктатуры. Готовя расправу с арестованными, Франция считала необходимым подорвать экономические позиции и политическое влияние тех, в ком видел скрытых врагов национальной независимости и возможных союзников внешних сил, угрожавших республике. 9 июня 1821 г. все уроженцы Испании, проживавшие в столице, были взяты под стражу.

17—18 июля были расстреляны 16 человек, обвинявшихся в причастности

³ Подробнее о причинах установления диктатуры в Парагвае см.: Альперович М. С. Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840). М., 1975. С. 157—159.

⁴ *Cartas y Decretos del Dictador Francia*. Asunción, 1989. Т. I. P. 110.

⁵ *Chaves J. C. El Supremo dictador*. Buenos Aires, 1958. P. 305; *Rengger et Longchamp: Essai historique sur la révolution du Paraguay, et le gouvernement dictatorial du docteur Francia*. P., 1827. P. 254—256.

к заговору. Вскоре последовали новые казни. Гонимия потенциальных и мнимых противников режима, просто «подозрительных», сопровождавшиеся волной ксенофобии, продолжались и в дальнейшем. Человека могли арестовать и казнить по малейшему подозрению, на основании ложного доноса, за неосторожно сказанное слово. Многие были сосланы в отдаленные районы.

Попытки вмешательства извне во внутренние дела страны, в частности связи враждебных Парагваю провинций Рио-де-Ла-Платы с участниками заговора, заставили правительство Франции с начала 20-х годов усилить изоляцию республики, повысить бдительность, особенно при охране границ, и почти полностью прекратить сношения с окружающим миром. Эта политика являлась вынужденным шагом, в значительной степени навязанным парагвайскому государству самими обстоятельствами — запретительными акциями буэнос-айресских властей и систематическими пиратскими нападениями кораблей прибрежных провинций Энтре-Риос, Корриснтес, Санта-Фе на торговые суда. Во второй половине 1820 г. торговля с заграницей совсем заглохла⁶.

В процессе борьбы с внутренней оппозицией и зарубежными врагами Парагвая, за упрочение национальной независимости и государственного суверенитета в первой половине 20-х годов сложился авторитарный режим, сохранявшийся без существенных изменений до конца диктатуры.

Власти не только строго регламентировали и контролировали все сферы экономики и общественной жизни, но и неусыпно следили за поведением своих подданных. Без санкции местной администрации никто не имел права сменить место жительства и переселиться в другой район. Въезд в страну и выезд из нее допускались только с личного разрешения Франции. Попытка самовольно покинуть Парагвай рассматривалась как государственная измена. Переписка с заграницей подвергалась строжайшей цензуре и постепенно совсем прекратилась. Перестали поступать иностранные книги, газеты, журналы. Иностранцы, оказавшиеся на парагвайской территории, находились под постоянным надзором.

Франция сократил численность государственного аппарата и очистил его от многих людей, связанных с аристократической верхушкой или просто враждебных революции, заменив их в ряде случаев выходцами из народных низов. Он добился уменьшения административных расходов, установил скромные оклады чиновникам и офицерам, вел энергичную борьбу против казнокрадства, взяточничества и иных злоупотреблений. Хотя Парагвай назывался республикой, фактически всей полнотой власти обладал диктатор. Государство не имело ни конституции, ни представительных органов, Национальный конгресс с 1816 г. не созывался. В 1824 г. были упразднены выборные городские кабилдо, возникшие еще в колониальную эпоху. Судопроизводства как такового практически не существовало. В провинции суд и правду вершили местные власти, а при сколько-нибудь серьезных проступках приговор обычно выносил сам диктатор — без предварительного следствия, судебного разбирательства и права апелляции. Централизация управления достигла невероятных размеров. Даже самые высокопоставленные должностные лица (в том числе государственный секретарь, министр финансов, начальники округов — делегаты и субделегаты) были простыми исполнителями воли Франции, который вникал решительно во все: не говоря уже о политических вопросах, он лично занимался и сельским хозяйством, и торговлей,

⁶ Так, стоимость парагвайского экспорта упала к этому времени почти в 7 раз по сравнению с 1816 г. См.: *White R. A. Paraguay's Autonomous Revolution, 1810—1840. Albuquerque, 1978. P. 82.*

и поддержанием общественного порядка, и т. п. Его правой рукой с середины 20-х годов являлся личный секретарь Поликарпо Патиньо.

Частью правительственного механизма стала и церковь. После того как Франсиа издал в 1824 г. декрет о закрытии монастырей, секуляризации земель и прочего имущества духовных орденов и корпораций⁷, она лишилась своего экономического могущества и превратилась в послушное орудие государства. Священники оказались фактически в положении государственных служащих, получавших казенное жалованье и беспрекословно выполнявших предписания диктатора.

Стремясь укрепить армию, правительство Франции провело ее реорганизацию. Ненадежные офицеры (отчасти и солдаты), в основном принадлежавшие к креольской знати, были заменены более лояльными, в большинстве своем вышедшими из низших слоев. Регулярные войска численностью в несколько тысяч человек⁸ делились на батальоны и роты. В воинских частях поддерживалась строгая дисциплина, много времени уделялось боевой подготовке. Помимо постоянной армии, имелось ополчение, в ряды которого призывались, в случае необходимости, мужчины старше 17 лет, годные к военной службе.

Примерно с середины 1824 г. внутривластная обстановка в Парагвае начала стабилизироваться. Волна репрессий пошла на убыль. Аресты по политическим мотивам стали гораздо более редким явлением, а смертные приговоры и казни — единичными. Многие заключенные были освобождены. Частичное смягчение режима сопровождалось усилиями покончить с изоляцией. Франсиа понял, что полный разрыв экономических отношений с другими странами создаст немалые трудности. Следовательно, сохраняя жесткий контроль над внешними сношениями республики, надо было наладить хотя бы ограниченный товарообмен с соседями.

Еще с января 1822 г. возобновились эпизодические рейсы судов, доставлявших в Пилар товары из Буэнос-Айреса и Санта-Фе. Обратной они везли йербу-мате, табак, кожи, хлопок. Франсиа строго регламентировал речную торговлю. В Пиларе производился таможенный досмотр привезенных товаров и образцы их вместе с накладными и преискурантами посылались в Асунсьон, где диктатор лично утверждал или снижал цены. Время от времени парагвайским судам разрешалось плавать до Корриентеса и даже дальше на юг. После образования бразильского государства правительство

Х. Г. ФРАНСИА

⁷ Bález C. Op. cit. P. 400; Nogués A. La iglesia en la época del Dr. Francia. Asunción, 1960. P. 23—24.

⁸ Новейшие оценки, основанные на анализе архивных документов, см.: White R. A. Op. cit. P. 107, 259—262; Andrada e Silva R. de. Ensaio sobre a Ditadura do Paraguai 1814—1840. São Paulo, 1978. P. 184.

Франции в феврале 1823 г. открыло бразильцам для коммерческих целей доступ в порт Итапуа на правом берегу Параны. Эта торговля на протяжении многих лет являлась основным каналом, соединявшим Парагвай с внешним миром. Ее процедура весьма напоминала порядок, существовавший в Пиларе.

Парагвайцам разрешалась лишь продажа собственной продукции, причем вести торговлю могли только те, кто имел специальные лицензии. Они выдавались по предъявлении удостоверения от местных властей о том, что данный человек — «добрый слуга отечества и предан святому делу свободы». Рыночная стоимость парагвайских продуктов тоже контролировалась государством.

Торговля в Итапуа создавала благоприятные предпосылки общей нормализации отношений с Бразилией. Для этого предстояло урегулировать и некоторые политические вопросы, в первую очередь касавшиеся признания независимости Парагвайской республики и пограничных споров. Бразильская империя, со своей стороны, нуждалась в содействии Парагвая, чтобы закрепить за собой захваченный португальскими войсками Восточный Берег. В 1824 г. Корреа да Камара был назначен консулом и торговым агентом Бразилии в Асунсьоне, а в следующем году Франсиа официально принял его в качестве дипломатического представителя императора Педру I. Миссия Корреа да Камары означала, по существу, что в Рио-де-Жанейро признали соседнюю республику де-факто. В те же годы «верховный диктатор» пытался наладить экономические и иные связи с Англией, с аналогичной целью зондировал почву во Франции, но безуспешно.

Во второй половине 20-х годов пастойчивые усилия Франции завязать отношения с другими государствами уступили место более сдержанной, выжидательной позиции, а затем прежнему курсу на самоизоляцию. Этот поворот был вызван новым обострением ситуации на Рио-де-Ла-Плате, возникновением очередной угрозы агрессии против Парагвая, попытками его вовлечения в вооруженные конфликты и рискованные политические комбинации. В начавшейся аргентино-бразильской войне обе стороны хотели заручиться поддержкой или по крайней мере сочувствием Парагвайской республики. Акции, предпринимаемые из этих соображений, внушали подозрения асунсьонскому правительству, видевшему в них угрозу своей традиционной политике нейтралитета и невмешательства в дела других стран.

Крайняя осторожность Франции объяснялась также опасностью, надвигавшейся с северо-запада. Президент Колумбии и диктатор Перу Боливар, давно вынашивавший замысел кампании против Парагвая, в 1825 г. дважды предлагал послать туда военную экспедицию из Верхнего Перу для свержения режима Франции. Почти одновременно Освободитель пытался вовлечь Парагвай в проектировавшуюся испаноамериканскую конфедерацию, но успеха не имел⁹.

Окончание войны между Аргентиной и Бразилией отрицательно сказалось на отношениях Парагвая с его соседями. Пока продолжались боевые действия, противники, заинтересованные в лояльности парагвайского правительства, старались не давать ему повода для недовольства. Но как только наступил мир, положение изменилось. В 1828 г. вновь появилась угроза с юга: губернатор Буэнос-Айреса Доррего, пришедший к власти в Аргентине, стал готовиться к вторжению в Парагвай.

Что касается Бразилии, то осторожность Франции, вызванная стрем-

лением монархии Педру I втянуть Парагвай в опасные военные авантюры, усилилась в связи с повторным приездом Корреа да Камары. У диктатора сложилось впечатление, что бразильская дипломатия уклонится от договорно-юридического оформления обязательств, данных во время первого посещения Асунсьона Корреа да Камарой. В июне 1829 г. Франция распорядилась выслать представителя империи за пределы страны, что означало разрыв официальных отношений с Бразилией. Примерно к тому же периоду относятся и другие шаги, связанные с еще более строгим ограничением контактов с окружающим миром.

«Верховный диктатор» отдавал себе отчет в негативных последствиях такого внешнеполитического курса. Изоляция являлась для него не самоцелью, а лишь средством защиты, к которому парагвайское правительство иногда прибегало в условиях реальной или мнимой угрозы извне. Но, поскольку Парагвай на протяжении почти всей эпохи диктатуры оставался во враждебном окружении, запрет или жесткая регламентация сношений с другими государствами стали традиционными атрибутами его политики.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В 20—30-х ГОДАХ

К 1829 году окончательно сложилась замкнутая система, образование которой являлось своего рода защитной реакцией молодой республики. В течение последующего десятилетия политические и дипломатические отношения с другими странами почти совсем отсутствовали. За редкими исключениями, которые не меняют существенно общей картины, изоляция Парагвая, с политико-дипломатической точки зрения, была в тот период более или менее полной. Однако и в этих условиях правительство не отказывалось от полезных экономических связей.

Изоляционистская политика Франции во многом определила хозяйственное развитие Парагвая в годы диктатуры. Отрезанная от внешних рынков, страна была вынуждена самостоятельно производить минимально необходимую продукцию, что неизбежно привело к экономической автаркии. Это обстоятельство оказало далеко не одинаковое воздействие на состояние тех или иных отраслей хозяйства.

Внешняя торговля если и не пришла полностью в упадок (благодаря коммерческим операциям в Итапуа и Пиларе), то, по существу, переживала застой. Судоходство фактически прекратилось. На складах скопились запасы товаров, предназначенных на экспорт. Объем вывоза, составлявший (в денежном выражении) в 1816 г. 391,2 тыс. песо, уменьшился до 78,6 тыс. в 1829 г. и даже несмотря на некоторое увеличение в первой половине 30-х годов, достиг в рекордном 1835 г. всего лишь 181,7 тыс. песо, а к 1838 г. вновь упал до 137,4 тыс.¹⁰ Свертывание регулярных внешнеэкономических связей отразилось и на внутренней торговле. Многие купцы разорились. Сфера денежного обращения сузилась. Лишились работы тысячи людей, занятых переработкой йербы-мате, выращиванием табака и сахарного тростника, рубкой леса и заготовкой древесины, матросы, корабельные плотники и др.

Вместе с тем автаркия способствовала развитию промышленности и сельского хозяйства, что происходило не стихийно, а являлось в значительной степени результатом политики Франции. Государство вмешивалось в хозяйственную жизнь, регулировало и контролировало производство. Рез-

¹⁰ White R. A. Op. cit. P. 144—145, 227.

кое уменьшение импорта возмещалось расширением ассортимента отечественной продукции. В то же время сократилось производство экспортных товаров. В результате структура экономики претерпела существенные изменения. Были приняты меры к внедрению тех продуктов, которые прежде ввозились (пшеница, хлопок и др.). Значительное внимание уделялось скотоводству.

Важное значение для подъема сельского хозяйства имела аграрная политика Франции. В период диктатуры государственный земельный фонд пополнился конфискованными поместьями испанцев, участников антиправительственных заговоров и других противников режима, умерших иностранцев, а также секуляризованными церковными и монастырскими землями. В 1826 г. правительство национализировало собственность тех, кто не представил властям документов на владение землей¹¹. В итоге примерно половина Восточного Парагвая и область Чако от Рио-Бермехо до р. Жауру оказались в руках государства.

Часть принадлежавших государству земель за умеренную плату сдавалась в бессрочную аренду¹², другая же послужила базой для создания крупных хозяйств — «эстансий родины». Они снабжали кавалерию лошадьми, а солдат и городское население мясом и другими видами продовольствия. Франция поощряла развитие мелких и средних хозяйств, занимавших около 50 % территории Восточного Парагвая. Что же касается крупного частного землевладения, то его удельный вес вследствие проводившейся диктатором политики стал еще менее значительным.

В целом в сельском хозяйстве был достигнут заметный прогресс. Увеличился государственный сектор, не использовавшиеся прежде земли теперь обрабатывались, внедрялись новые продовольственные и технические культуры, рост поголовья скота уже к началу 30-х годов опередил потребности населения в продуктах животноводства. Развитие этой отрасли экономики стимулировали налоговые реформы: замена церковной десятины пятипроцентным подоходным налогом на продукцию земледелия и скотоводства, упразднение военного налога и пошлины на производство йербы-мате, отмена налога на скот зимнего приплода, снижение алькабалы и налога на скот летнего приплода (1830—1835)¹³.

В условиях экономической автаркии быстрыми темпами развивались мануфактуры и ремесла. Для удовлетворения элементарных нужд парагвайцев необходимо было наладить производство продукции, прежде не выпускавшейся в стране. Если раньше вырабатывался один вид ткани из хлопка, то теперь производились и другие сорта, а также ткали шерсть, изготавливали пончо, попоны, гамаки, глиняные кувшины, сосуды для мате. Получили дальнейшее развитие кузнечное, слесарное, столярное, портняжное, сапожное, ювелирное дело. Были созданы казенные предприятия по изготовлению боевой техники — мастерские, выпускавшие оружие и пушечные лафеты; корабельные верфи, где строились разные военные суда. Хотя технический уровень ремесленного и мануфактурного производства оставался относительно невысоким, его объем значительно увеличился, а качество изделий улучшилось.

Несмотря на существенное сокращение товарооборота, финансовое поло-

¹¹ Wisner F. Op. cit. P. 130.

¹² Число арендованных участков к концу правления Франции превышало 6 тыс. См.: White R. A. Op. cit. P. 120.

¹³ Benítez J. P. La vida solitaria del Dr. José Caspar de Francia, Dictador del Paraguay. Buenos Aires, 1937. P. 256—257, 261—262; Vázquez J. A. El doctor Francia, visto y oído por sus contemporáneos. Asunción, 1961. P. 680; Riquelme A. Apuntes para la historia política y diplomática del Paraguay. Asunción, 1960. T. I. P. 90—91, 95.

жение республики было довольно стабильным. Уменьшение суммы собираемых таможенных пошлин и алькабалы отчасти компенсировалось денежными поступлениями от конфискации, контрибуций, реквизиций, штрафов, принудительных займов, достигшими за годы диктатуры внушительной цифры 825,8 тыс. песо¹⁴. Важными источниками пополнения казны являлись выручка от продажи скота, кож и иной продукции, поставляемых «эстансиями родины», различные налоги и сборы. В 1828-1840 гг. эти статьи составляли в среднем соответственно 50,2 и 19,4 % всех доходов государства. Около 5 % приносила арендная плата за землю¹⁵. И хотя в связи с отменой некоторых налогов и снижением других, а также увеличением бесплатных раздач неимущим наличность парагвайской казны уменьшилась с 519,4 тыс. песо в 1830 г. до 224,8 тыс. в 1840 г., сальдо государственного бюджета на протяжении всего периода диктатуры неизменно оставалось активным¹⁶.

Принцип правительственного регулирования и контроля применялся не только в производственной сфере, но и при распределении материальных благ. Часть продовольствия, производимого в государственных хозяйствах, распределялась на льготных условиях или раздавалась безвозмездно беднякам. Такого же порядка Франсия придерживалась в отношении скота, одежды, домашней утвари и т. д. Многие нуждающиеся семьи, жилища которых сносились в ходе реконструкции столицы, получали денежную компенсацию. В 1821 г. был установлен максимум цен на муку, а в следующем году — на говядину. В 1824 г. диктатор утвердил новые расценки на мясо, а также на кукурузу, маниоку и соль.

Большое значение имело введение бесплатного начального обучения (для мальчиков до 14 лет). Учителя помимо жалованья зачастую обеспечивались за казенный счет питанием и одеждой. Для детей неимущих родителей в столице было основано несколько лицеев. Появились также частные учебные заведения. Франсия считала, что задача школы не сводится лишь к обучению детей грамоте, а заключается в том, чтобы воспитать их патриотами и дисциплинированными гражданами, готовыми подчинить личные желания интересам нации и воле правительства.

Поощряя развитие начального образования, «верховный диктатор», из страха перед возникновением оппозиции, стремился ограничить образовательный уровень народа элементарной грамотностью и помешать формированию интеллигенции. С этой целью он фактически ликвидировал среднее и высшее образование, закрыв к 1822 г. все учебные заведения, кроме начальных школ.

Особенности политического, экономического, социального развития Парагвая после провозглашения независимости и практические действия правительства Франсии свидетельствуют о том, что его политика отвечала в основном национальным интересам и стремлениям широких кругов общества. Национальный конгресс, представлявший большинство населения, вручил в свое время диктатору неограниченную власть прежде всего для того, чтобы оградить молодое государство от внешней угрозы. Социальный момент в деятельности Франсии первоначально был выражен довольно слабо. Это объяснялось тем, что классовые противоречия в тогдашнем Парагвае не отличались такой остротой, как в других латиноамериканских странах. От безземелья и феодального гнета страдали главным образом индейцы-гуарани, численность кото-

¹⁴ White R. A. Op. cit. P. 96—97.

¹⁵ Ibid. P. 114; Williams J. H. The Rise and Fall of the Paraguayan Republic, 1800—1870. Austin, 1979. P. 94.

¹⁶ Так, даже в близком к минимальному уровню 1838 г. доходы почти втрое превышали расходы. См.: Andrada e Silva R. de. Op. cit. P. 229, 231—232.

рых в то время была столь невелика¹⁷, что они не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния на политику «верховного диктатора». Вместе с тем и проблема ликвидации латифундий не имела там того значения, что в прочих государствах Латинской Америки, поскольку эта форма землевладения в Парагвае не получила особого развития.

Однако в дальнейшем все более заметный отпечаток на действия парагвайского правительства стали накладывать мировоззрение Франции, его взгляды как последователя Руссо и сторонника Великой французской революции, проповедовавшего идею эгалитарного государства, противника феодальных порядков и клерикализма, враждебного знати и крупным собственникам.

По крайней мере на протяжении двух последних десятилетий своей жизни диктатор опирался на низшие и средние слои населения, третируя и подвергая гонениям состоятельные, привилегированные классы, принадлежавшие ранее к колониальной элите. Эта политика не привела, конечно, к исчезновению классового неравенства, социальных различий и контрастов в парагвайском обществе, но способствовала уменьшению его поляризации. Франция старался сократить разрыв в имущественном положении между бедными и богатыми, ограничить размеры собственности и влияние последних, оказывал материальную помощь нуждающимся.

«Верховный диктатор» в принципе высказывался в пользу народного суверенитета, неотъемлемых прав человека, свободного обмена, равенства всех людей. Однако он считал, что Парагвай еще не подготовлен к тому, чтобы осуществить эти идеи, и нуждается в твердой дисциплине, основанной на безоговорочном подчинении личности государству. В рамках созданной им политической системы отсутствовали демократические свободы и какие-либо гарантии гражданских прав. Индивидуальные склонности и нужды приносились в жертву государственной необходимости. Над населением довели многочисленные обязанности, запреты, ограничения. При этом утвердившийся в стране режим носил патерналистский характер. Диктатор стремился обеспечить народу сытую и спокойную жизнь, но хотел облагодетельствовать его «сверху», без участия самих масс.

Диктатура Франции — один из немногих в Латинской Америке той эпохи примеров строя, лишенного даже внешних атрибутов парламентаризма и конституционности. Вместе с тем Парагвай отличался от остальных стран региона, где антиколониальная революция 1810—1826 гг. не привела к сколько-нибудь значительной перестройке социально-экономической структуры, радикальными изменениями экономического и социального характера.

Конечно, при крайне слабом развитии капиталистических отношений и почти полном отсутствии парагвайской буржуазии, а также малочисленности местной интеллигенции буржуазные по своей сущности воззрения Франции не были поняты подавляющему большинству сельского и городского населения, составлявшему классовую основу диктатуры. Но эти круги разделяли враждебность правительства к богачам и знати, одобряли действия, направленные против крупных собственников. Что же касается раздачи в аренду части государственных земель, централизованного распределения предметов первой необходимости, борьбы против дороговизны, мер по развитию экономики, то все это прямо соответствовало чаяниям народа. В то же время режим Франции, несмотря на диктаторскую форму правления,

¹⁷ По свидетельству современников, к середине 20-х годов XIX в. гуарани составляли не более 10 % всего населения Парагвая. См.: *Rosenblat A. La población indígena y el mestizaje en América. Buenos Aires, 1954. T. 1. P. 202.*

являлся относительно умеренным. Репрессии, проводившиеся главным образом в начальный период и затрагивавшие преимущественно некоторых представителей малочисленной испано-креольской верхушки, не слишком волновали общественное мнение. Большинству парагвайцев существующий строй, судя по всему, казался вполне приемлемым.

Все эти обстоятельства обусловили массовую поддержку диктатуры. Число ее противников, не решавшихся, разумеется, выступать открыто, было невелико. Правда, далеко не всех, одобрявших деятельность правительства в социально-экономической области и некоторые другие ее стороны, удовлетворяли порядки, царившие в политической и культурной жизни Парагвая. Но критиковать их вслух никто не осмеливался.

Итак, под руководством Франции Парагвай не только завоевал и отстоял национальную независимость, но и добился ощутимых социально-экономических сдвигов. При всей противоречивости и непоследовательности его политики она способствовала консолидации парагвайского государства, в известной мере стимулировала рост производительных сил, отдельных отраслей хозяйства и капиталистических отношений. В этом смысле развитие Парагвая рассматриваемого периода можно характеризовать как своеобразную незавершенную «революцию сверху», призванную покончить с феодальными пережитками и обеспечить проведение буржуазных по своей сути преобразований.

Однако самоизоляция страны, централизация и регламентация, отсутствие демократических институтов тормозили этот процесс. Ему мешал и политический строй Парагвая. В условиях неограниченного какими-либо законами и конституционно-правовыми нормами персонального правления диктатора его характер, взгляды, идейное кредо, личные качества и субъективные факторы в значительной степени определяли действия правительства. Это сказалось и на судьбах Парагвая после смерти Франции, скончавшегося 20 сентября 1840 г.

ПРАВЛЕНИЕ ЛОПЕСОВ (40—60-е ГОДЫ) И ПАРАГВАЙСКАЯ ВОЙНА

Власть поспешили захватить высшие офицеры парагвайской армии, сформировавшие временную правительственную хунту. Ограничившись объявлением амнистии и освобождением политических заключенных, хунта в остальном придерживалась прежнего курса. В частности, она не обнаруживала намерения созвать Национальный конгресс и ввести представительную форму правления. Это вызвало сильное недовольство некоторых частей столичного гарнизона. Хунта была свергнута, и власть перешла к триумvirату, составленному из гражданских лиц. Но и этот правительственный орган не спешил с созывом конгресса. В результате 19 февраля в Асунсьоне произошел новый военный переворот. Триумvirат был распущен, и бразды правления взял в свои руки Мариано Роке Алонсо, занявший пост главнокомандующего вооруженными силами. Его секретарем стал Карлос Антонио Лопес — адвокат по профессии, который в годы правления Франции жил уединенно в своем поместье, вдали от столицы. Будучи способным и образованным человеком, хорошо разбиравшимся в политических вопросах, он фактически являлся центральной фигурой в правительстве.

12 марта 1841 г. после 25-летнего перерыва собрался наконец Национальный конгресс, вновь учредивший в Парагвае консулат. Поставленные во главе государства консулы Лопес и Алонсо должны были совместно осуществлять высшую гражданскую и военную власть. Номинально доля ее со своим кол-

легий, Лопес вскоре оттеснил его на второй план. Он быстро завоевал авторитет и популярность среди различных слоев населения. Его широкая эрудиция производила внушительное впечатление. Многие видели в нем человека, который при Франсии находился в опале. Все это, при отсутствии демократической системы правления и низком уровне политического сознания подавляющего большинства парагвайского общества позволило Лопесу подготовить условия для последующей узурпации власти. Однако в отличие от Франсии он стремился установить режим, который внешне обладал бы признаками представительного строя и формально имел под собой какую-то юридическую основу.

С этой целью конгресс принял в 1844 г. первую в истории Парагвая конституцию, провозглашавшую принцип разделения власти, равенство граждан перед законом, их право обращаться к правительству со своими жалобами и претензиями, и т. д. Но практически конституция узаконивала неограниченную диктатуру, поскольку предусматривала сосредоточение всей власти в руках президента, избираемого конгрессом на 10 лет, с правом переизбрания. Президентом стал Лопес, полномочия которого в 1854 г. были продлены на следующее десятилетие. По настоянию президента чрезвычайная сессия конгресса внесла в 1856 г. ряд изменений в конституцию с целью увечить его власть и сделать ее наследственной. Для этого число депутатов было уменьшено вдвое, а принцип всеобщего голосования заменен системой, основанной на имущественном цензе и других ограничениях. Это практически означало устранение подавляющего большинства народа от участия в избрании депутатов, которое стало привилегией имущих классов. Президенту предоставлялось право назначения вице-президента.

Незадолго до смерти Лопес назначил на эту должность своего старшего сына Франсиско Солано. Когда 10 сентября 1862 г. престарелый президент скончался, сын приступил к исполнению обязанностей главы государства. 16 октября конгресс избрал Ф. С. Лопеса на пост президента республики, который он занимал до своей гибели (1870 г.), продолжая в основном политику отца и сохраняя установленный при нем строй.

В период долголетней диктатуры Лопесов сложился процесс экономического и социального развития Парагвая вступил в новую стадию. Хотя приемники «верховного диктатора» не отказывались от основ созданной им системы, перед ними сразу же встал вопрос о необходимости серьезных политических изменений. Поскольку сокращение торговых и иных связей с внешним миром, утрата традиционных рынков сбыта, невозможность использования научных достижений, технического опыта более передовых государств, отсутствие квалифицированных кадров специалистов стали все больше тормозить экономический прогресс, а упадок торговли не замедлил сказаться на состоянии финансов, с изоляцией надо было кончать.

Вслед за официальным провозглашением Национальным конгрессом в ноябре 1842 г. независимости республики суверенитет Парагвая признали его соседи — Боливия (1843), Бразилия (1844), Аргентинская конфедерация (1852), а также другие американские и европейские страны. Падение диктатуры Росаса привело к открытию Параны для парагвайской торговли. В 1853 г. правительство К. А. Лопеса заключило договоры о дружбе, торговле и судоходстве с Англией, Францией, США и Сардинией. Для обмена ратификационными грамотами в том же году в Европу выехала специальная парагвайская миссия.

Выход Парагвая из состояния долголетней изоляции оказал благотворное воздействие на его хозяйственную жизнь, которая значительно оживилась.

К. А. ЛОПЕС

Ф. С. ЛОПЕС

нюю торговлю и иммиграцию, пригласило из-за границы квалифицированных инженеров и техников, врачей, архитекторов¹⁸. Государство стимулировало рост товарного земледелия и скотоводства, сбор йербы-мате, заготовку древесины. Большое внимание уделялось развитию промышленности. Стали возникать предприятия современного типа, внедрялись новые средства транспорта и связи. На верфях строились военные и торговые суда. Была введена в эксплуатацию одна из первых в Южной Америке железных дорог Асунсьон — Парагуари. Прокладывались грунтовые дороги, каналы, телеграфные линии, появились типографии. Товарооборот вырос по стоимости с 572 тыс. песо в 1851 г. до 2774 тыс. в 1857 г. и примерно 4 млн. в 1859 г.¹⁹

Продолжая политику Франции, правительство Лопеса добивалось дальнейшего усиления роли государства в экономике. С этой целью оно в 1843 г. объявило государственной собственностью необрабатываемые земли частных владельцев, а в 1846 г. поставило под свой контроль все лесозаготовки, заросли и плантации йербы-мате. В 1848 г. были национализированы общинные земли индейских селений. В результате большая часть земельного фонда стала принадлежать государству. Число «эстансий родины», составлявшее в середине 30-х годов 48, к концу 40-х годов возросло до 64²⁰. Правительство монополизировало доходную торговлю йербой-мате и некоторыми другими продуктами.

Однако наряду с ростом государственного сектора при Лопесах происходила концентрация частной собственности. Некоторым лицам, в том числе крупным землевладельцам, было возвращено ранее конфискованное имущество или выплачена денежная компенсация. Отдельные владения по тем или иным причинам вообще не подверглись экспроприации. Наконец, в 40—50-х

¹⁸ В 1850 г. только в одном из четырех кварталов 12-тысячного Асунсьона проживало 166 иностранцев — кушцов, лавочников, специалистов разных профессий. См.: *Williams J. H. The Rise...* P. 180.

¹⁹ *Cardozo E. Paraguay independiente. Barcelona etc., 1949. P. 147; Williams J. H. The Rise...* P. 171.

²⁰ См.: *White R. A. Op. cit. P. 263—264; Mensajes de Carlos Antonio López. Asunción, 1931. P. 55.*

годах появилась численно небольшая, но могущественная группа новых землевладельцев (связанных с рынком), купцов и предпринимателей в лице самого К. А. Лопеса, его детей, родственников и приближенных. В условиях диктатуры они, обладая государственной властью, располагали огромными возможностями для обогащения. Используя свое положение, Лопес и его окружение приобретали эстансии и плантации, вели торговлю, вкладывали капиталы в другие отрасли хозяйства.

Таким образом, в середине XIX в. в Парагвае стала складываться своего рода буржуазно-землевладельческая олигархия, представлявшая собой верхушку формировавшейся национальной буржуазии. Олицетворяя частно-капиталистическую тенденцию в развитии парагвайской экономики, эта прослойка в силу своей принадлежности к правящим кругам поддерживала и меры, направленные на усиление роли государства в хозяйственной жизни. Само выделение такой верхушки являлось признаком роста капиталистических отношений.

Развитию капитализма и укреплению буржуазного строя способствовал ряд социальных реформ и других мероприятий. В 1842 г. был издан декрет об освобождении детей рабов, родившихся после 31 декабря этого года, по достижении 25-летнего возраста, и о запрещении работорговли²¹. Декрет 7 октября 1848 г. провозгласил юридическое равноправие индейцев. Правительство организовало полицию, ввело воинскую повинность, упорядочило судопроизводство, запретило пытки, расширило сеть учебных заведений, провело в 1846 г. перепись оседлого населения²², с 1845 г. начала выходить газета «Эль Парагуайо индепендьенте» («Независимый парагвасец»).

Преемники Франции в целом не изменили установленный им режим. Они пользовались диктаторскими методами, не допускали гражданских свобод и критики со стороны оппозиции, сохранили строгую централизацию управления и регламентацию всей экономической и общественной жизни.

Поэтому люди, несогласные с их политикой, не имея возможности протестовать, подчас предпочитали покинуть родину. Вместе с тем Лопесы, учитывая потребности хозяйственного развития Парагвая, действовали более гибко и осторожно, нежели их предшественник. В итоге парагвайская экономика в 40—50-х годах значительно шагнула вперед, и страна стала богатой и процветающей, опередив по ряду показателей другие государства Южной Америки. Но плоды этого материального прогресса все в большей мере присваивались господствующей верхушкой, сосредоточившей в своих руках неограниченную власть. Если деятельность Франции определялась не столько конкретными требованиями того или иного класса, сколько общенациональными задачами и мировоззрением диктатора, то диктатура Лопесов непосредственно выражала интересы зарождавшейся парагвайской буржуазии и связанных с нею крупных землевладельцев.

Процесс складывания капиталистических отношений в Парагвас отличался своеобразием, обусловленным исторически сложившейся структурой сельского хозяйства — главной отрасли парагвайской экономики. Поскольку земельная аристократия была сравнительно малочисленна, в частном секторе важную роль играли хозяйства средних и мелких собственников и арендаторов. На базе таких свободных от феодальных пут хозяйств, основанных либо на личном труде, либо на использовании наемной рабочей силы, происходило главным образом развитие капитализма в сельском хозяйстве Параг-

²¹ *Pla J. Hermano negro. Madrid, 1972. P. 251—253.*

²² Его численность составила почти 239 тыс. жителей, не считая около 20 тыс. кочевых индейцев Чако. См.: *Williams J. II. The Rise... P. 116.*

вая, в противовес другим латиноамериканским странам, где этот процесс протекал в условиях господства латифундий, при сохранении докапиталистических форм эксплуатации и иных феодальных пережитков.

Различие социально-экономических систем и путей общественного развития способствовало обострению отношений между Парагваем и соседними государствами. Но прежде всего оно вызывалось другими причинами, в частности стремлением бразильской монархии отторгнуть часть парагвайской территории²³. Вскоре после прихода к власти Ф. С. Лопеса возник конфликт с Бразилией и Аргентиной, вылившийся позднее в затяжную кровопролитную войну (1864 — 1870).

Прелюдией к войне явилось вмешательство этих стран во внутренние дела Уругвая, где в 1863 г. вспыхнула гражданская война. Действия Аргентины и Бразилии вызвали в Парагвас тревогу, объяснявшуюся естественным чувством солидарности с Уругваем (ибо сам Парагвай тоже находился под угрозой агрессии со стороны своих могущественных соседей) и опасением, что утрата им независимости приведет к нарушению равновесия в бассейне Рио-де-Ла-Платы. Кроме того, парагвайское правительство боялось, что в случае установления иностранного контроля над Уругваем нельзя будет беспрепятственно пользоваться портом Монтевидео, и тогда торговля и судоходство Парагвая окажутся в полной зависимости от Буэнос-Айреса.

Вынужденный принять меры предосторожности, Ф. С. Лопес в феврале 1864 г. объявил всеобщую мобилизацию и приказал увеличить численность армии, производство оружия и боеприпасов, приступить к строительству новых оборонительных сооружений. В ответ на вторжение бразильцев в Уругвай шеститысячная парагвайская армия перешла границу и заняла южную часть бразильской провинции Мату-Гросу. В связи с отказом аргентинского президента Митре разрешить переброску парагвайских войск, предназначенных для действий против Бразилии, через провинцию Корриентес Парагвай объявил войну Аргентине и парагвайцы заняли речной порт Корриентес.

1 мая 1865 г. Бразилия, Аргентина и присоединившийся к ним Уругвай заключили тайный договор о союзе против Парагвая. Участники его, заявляя, будто намерены вести войну не с парагвайским народом, а лишь против режима Лопеса, в то же время предусматривали раздел большей части Парагвая, выплату им огромной контрибуции, образование в Асунсьоне нового правительства по выбору союзников и т. д. Таким образом, Парагвай оказался перед лицом мощной коалиции, включавшей два наиболее крупных государства Южной Америки и располагавшей неизмеримо большими людскими и материальными ресурсами. К тому же союзники пользовались поддержкой Англии и других капиталистических держав.

Тем не менее на первом этапе войны парагвайцы имели известные преимущества. Их военный потенциал вследствие более высокого социально-экономического развития страны поначалу был несколько выше, чем у противника. Быстро доведя численность армии до 100 тыс. человек²⁴ (против 75 тыс. вражеских войск), Лопес решил взять инициативу в свои руки. 11 июня 1865 г. его эскадра атаковала бразильский флот на Паране, южнее Корриентеса. В ходе ожесточенного боя часть неприятельских кораблей была выведена из строя, однако парагвайцы не сумели выполнить свою главную задачу — прорвать блокаду. Незадолго до того 12-тысячная армия Лопеса переправилась через Парану и вышла к р. Уругвай. 5 августа она овладела бразиль-

²³ Аргентинская республика, в свою очередь, все еще не отказалась от планов поглощения бывших провинций вице-королевства Рио-де-Ла-Платы.

²⁴ *Schmitt P. A. Paraguay und Europa. В., 1963. S. 22—23.*

ским городом Уругваяна, но через полтора месяца капитулировала перед союзными войсками. Столь же неудачными оказались действия парагвайцев в провинции Корриентес, которую им пришлось оставить.

Поскольку наступательные операции успеха не имели, парагвайское командование в конце 1865 г. приняло решение перейти к обороне. Центром ее стала крепость Умайта, расположенная на восточном берегу Парагвая, недалеко от его впадения в Парану. В силу своего стратегического положения она являлась ключом ко всей оборонительной системе республики. В марте 1866 г. 40-тысячная армия союзников вторглась в Парагвай. Но ее попытки при поддержке бразильского флота овладеть Умайтой оказались безрезультатными. Союзные войска несли огромные потери, однако время работало на них. В феврале 1868 г. аргентино-бразильское командование активизировало боевые действия.

Убедившись, что долго удерживать крепость не удастся, Лопес отвел главные силы в северном направлении. После капитуляции Умайты (5 августа 1868 г.) парагвайцы отступили еще дальше на север и укрепились на р. Пикусири, на подступах к Асунсьону, но в декабре были разбиты.

В начале января 1869 г. союзники заняли Асунсьон. Однако большинство жителей покинуло столицу, а также другие города и селения, захваченные врагом, и ушло в леса и горы, чтобы продолжать борьбу, которая приняла партизанский характер. Главным театром военных действий стали горные районы Кордильер, где Лопес создал новый оборонительный рубеж. Для удержания его он мобилизовал все возможные людские ресурсы, включая мальчиков-подростков. В августе бразильцы начали кампанию в Кордильерах. Они беспощадно уничтожали парагвайцев не только в бою, но и расправлялись с пленными, а также с мирным населением, не считаясь с полом и возрастом. Одновременно в Асунсьоне было образовано марионеточное временное правительство, главой которого являлся ставленник интервентов С. А. Риварола (происходивший из богатой в прошлом семьи, лишившейся при Франции значительной части своего состояния), а членами — эмигранты, возвратившиеся в Парагвай вместе с союзными войсками.

Преследуя отряд Лопеса, вынужденный отходить под натиском превосходящих сил противника, бразильские подразделения 1 марта 1870 г. атаковали его в районе Серро-Кора, недалеко от границы Бразилии. В неравном бою пали последние защитники Парагвайской республики. Погиб и сам президент Лопес.

Таким образом, несмотря на отчаянное сопротивление, мужество и самоотверженность парагвайцев, победу одержала тройственная коалиция. Разгром Парагвая сопровождался его полным разорением и опустошением. На полях сражений, в результате террора оккупантов, а также от голода и болезней погибло около половины жителей, причем среди уцелевших примерно 220 — 230 тыс. человек преобладали женщины и дети. Число взрослых мужчин составляло в начале 70-х годов не более $\frac{1}{8}$ общей численности населения²⁵. Бразилия и Аргентина отторгли около половины парагвайской территории и наложили на побежденный Парагвай огромную контрибуцию. Отброшенный в своем развитии далеко назад, Парагвай превратился в одну из самых отсталых и малонаселенных стран Латинской Америки.

Вследствие военного поражения и крушения режима Ф. С. Лопеса произошла коренная ломка социально-экономической структуры и политического строя государства. При поддержке иностранных оккупантов к власти пришли

²⁵ *Phelps G.* Tragedy of Paraguay. London; Tonbridge, 1975. P. 271; *Warren H. G.* Paraguay and the Triple Alliance. Austin, 1978. P. 32; *Williams J. H.* The Rise... P. 117.

земельные собственники традиционного типа (уцелевшие в годы диктатуры либо вернувшиеся из эмиграции), немедленно приступившие к ликвидации прособразований, проведенных при Франсии и Лопесах. Основой этой политики являлись экспроприации мелких хозяйств и насаждение крупного частного землевладения. По окончании войны началась массовая распродажа государственных земель (включая сданные в аренду) и недвижимого имущества семейного клана Лопесов. Многим бывшим латифундистам были возвращены конфискованные в свое время поместья. Обширные пространства стали собственностью иностранных компаний, получивших свободный доступ в Парагвай.

Приобретение земель, концессии, займы и иные формы проникновения чужеземного капитала нанесли серьезный ущерб самостоятельности страны и обусловили ее зависимое положение, хотя Парагваю удалось сохранить свою государственность, что имело существенное значение для его последующего развития.

УРУГВАЙ (1815—1874)

Глава 5

АГРАРНАЯ РЕФОРМА АРТИГАСА И БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1815—1828)

После прекращения военных действий было необходимо привести в порядок разоренное войной хозяйство: восстановить поголовье скота, производство мяса и систему обработки шкур — единственного в то время экспортного товара. В сельской местности неотложного решения требовал земельный вопрос. Прежде всего это касалось обширных поместий эмигрантов, земли которых оставались необработанными. В то же время нужно было обеспечить землей крестьян, выселенных в колониальный период, арендаторов, гаучо, оседлых индейцев. Все они выступили с оружием в руках на борьбу за революционные преобразования. Артигас сознавал важность создания политических и административных условий для развития страны по буржуазному пути, понимая, что уругвайская революция может успешно развиваться только с приобретением прочной социальной базы.

10 сентября 1815 г. (6-го года Свободы, по легочислению революционеров Восточной провинции) было опубликовано Временное установление в целях развития сельского промысла и обеспечения прав владельцев земель. Предписывалось «разделить земли эмигрантов — плохих европейцев и еще худших американцев». Указывалось, что «самые обездоленные должны пользоваться наибольшими привилегиями»¹. Право на земельный надел получали свободные негры и самбо, индейцы, бедные креолы. Вместе с наделом они получали и скот, также экспроприированный у врагов революции. Согласно Установлению, им надлежало построить ранчо и два загона для скота и приступить к мирной жизни². Определялись меры по восстановлению поголовья скота и обеспечению порядка в сельской местности.

¹ Reglamento Provisorio de la Provincia Oriental para el fomento de la campaña y seguridad de sus hacendados «Artigas» por Oscar H. Bruscherá. Montevideo, 1969. P. 193—198.

² Ibid. P. 195.

Через 15 дней после опубликования этого документа началось распределение наделов земли. Впервые бескрайние поместья Восточной провинции делились на небольшие участки³. Однако вопреки намерениям Артигаса тысячи бедняков — креолов, пеонов, гаучо, индейцев, свободных негров и самбо — далеко не всегда становились землевладельцами.

По существу, аграрная реформа Артигаса открывала перед Восточной провинцией возможности радикальных социальных преобразований по аналогии с моделью, которую В. И. Ленин назвал «североамериканским путем развития». Но на пути прогрессивных преобразований вставали консервативные силы, стремившиеся сохранить феодальную собственность: старые порядки, привилегии, власть и богатство, а следовательно — бесправие и нищету народных масс.

Крупные латифундисты, чиновники администрации и некоторые каудильо прилагали огромные усилия, чтобы сдержать и сорвать проведение аграрной реформы. И это делалось, несмотря на то, что Установление не предусматривало конфискации всех крупных латифундий. Революция не хотела лишиться своих союзников среди латифундистов в борьбе против централизма Буэнос-Айреса и португальских захватчиков. Достаточно было на этом этапе конфисковать земли «плохих европейцев и еще худших американцев», так как они владели большей частью крупных латифундий. Ведь за исключением нескольких выходцев из среды латифундистов (Лавальеха, братья Орибе), все сторонники освободительного движения были либо средними и мелкими собственниками, либо безземельными. Отметим, что Установление не лишало прав на получение наделов жен и детей противников революции, на которых не переносилась ответственность за политические преступления глав семей.

Аграрная революция, осуществлявшаяся под руководством Артигаса, являла собой, несмотря на незавершенность, неразрывную и органическую связь между принципиальной революционной политикой и такой же последовательной радикальной и революционной практикой. «Курс артигистской аграрной революции, — подчеркивали авторы многотомного исследования об этом уникальном в истории Латинской Америки того времени революционном движении, — был курсом буржуазно-демократических решений путем создания широкого слоя свободных мелких крестьян на свободной земле посредством свободного доступа к земле»⁴.

Пять провинций Ла-Платы боролись под протекторатом Артигаса за общую цель — автономию. К апрелю 1815 г. идеи Артигаса получили наибольшую поддержку в провинциях Энтре-Риос, Мисьонес, Корриентес, Санта-Фе, Кордова и Восточная. Федеральная лига, или Федеральный фронт, организационно не смогла укрепиться, представляя собой политический, а иногда военный союз указанных провинций. Уровень развития производительных сил и характер экономики этих провинций существенно отличались. Фронт включал в себя все скотоводческие провинции, кроме Буэнос-Айреса. «Взгляд Артигаса охватывал, таким образом, два региона, обладающих характерными особенностями: глубинный, где экономика опиралась на горнорудное дело, земледелие и ремесла, имея в виду выход на Парану через речной порт Санта-Фе, и прибрежный, где скотоводство и сельское хозяйство играли решающую роль, включая как плантации мате⁵ и скотоводческие эстансии Парагвая и Мисьонес, так и междуречье и пастбища Восточной провинции

³ Размер падела Установление определяло в «una suerte de estancia», т. е. в 8100 га. Для экстенсивного скотоводства Восточной провинции такой надел считался небольшим.

⁴ Torre N. de la, Rodrigues J. C., Tourón L. Sala de. La Revolución Agraria Artiguista. Montevideo, 1969. P. 14.

282 ⁵ Мате — парагвайский чай, очень распространенный среди населения юга континента напиток.

с выходом на порт Монтевидео»⁶. И в меньшей степени используя порты Мальдонадо и Колониа.

Укрепления Федеральной лиги не хотели допустить правящие круги Буэнос-Айреса. Повстанцы Энтре-Риоса, Корриентеса и Санта-Фе провозгласили Артигаса «Покровителем свободных народов». Федеральный конгресс, проведенный в июне 1815 г. в Консепсьон-дель-Уругвай при участии представителей провинций Восточной, Санта-Фе, Энтре-Риос, Кордовы, Корриентес и Мисьонес, одобрил Временное установление и направил в Буэнос-Айрес делегацию для рассмотрения центральным правительством принятых решений.

Делегаты не смогли добиться какого-либо соглашения. Ведь первым условием, выдвинутым Федеральным конгрессом, было принятие положений Инструкций XIII года, которые продолжали оставаться для Буэнос-Айреса столь же одиозными, как и в 1813 г.

Известный уругвайский историк Лусиа Сала де Турун так характеризовала обстановку в Восточной провинции в то время: «Новая государственная власть угрожает власти Буэнос-Айреса. Некоторые распоряжения, отданные Артигасом, направлены на обеспечение экономического единства с территориями, находящимися под его протекторатом. Установление по вопросам внешней торговли 1815 г., отражая чаяния федеральных провинций, провозглашало таможенный союз между шестью провинциями и вводило протекционистскую систему для производства, направленную на сочетание интересов скотоводов, сторонников свободной торговли с интересами других классов, которые требовали протекционистских тарифов. К Буэнос-Айресу и районам, признававшим власть директории, относились как к иностранцам»⁷. Артигистское движение в Восточной провинции превращалось в широкое радикальное течение, которого боялись господствующие классы, и не только Буэнос-Айреса⁸.

Посол правительства Ла-Платы в Рио-де-Жанейро Мануэль Х. Гарсия сообщал 9 июля 1816 г. в ноте Верховному правителю Хуану Пуэйрредону: «Та сила, что поднялась на Восточном Берегу Параны, с самого начала рассматривалась нами как ужасный источник заразы»⁹.

В действительности Восточный Берег занимал ключевые позиции в Федеральной лиге. Сказывалось и его выгодное географическое, экономическое и стратегическое положение: порт Монтевидео служил для сбыта продукции федерального побережья.

Крупный торговый и ростовщический капитал Буэнос-Айреса не был заинтересован в дальнейшем существовании Федеральной лиги, руководимой Артигасом. В рамках Объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы не было места одновременно для Буэнос-Айреса и Восточного Берега. Крупный посреднический и ростовщический капитал «портеньо» (аргентинских владельцев эстансий в Энтре-Риос и Восточной провинции) решил совершить хирургическую операцию над молодым суверенным государством и исключить Восточный Берег из его состава: Пуэйрредон и Мануэль Х. Гарсия предложили его Португалии¹⁰.

⁶ Bruscherá O. Artigas. Montevideo, 1969. P. 27.

⁷ Tourón L. Sala de. Introducción para la reedición mejicana (1978) de «Artigas y su Revolución Agraria, 1811—1820», por L. Sala de Tourón, Nelson de la Torre y Julio C. Rodríguez. Montevideo, 1969. P. 62.

⁸ Ibid. P. 63.

⁹ Acevedo E. Artigas. Montevideo, 1933. P. 633.

¹⁰ Torre N. de la, Rodríguez J. C., Tourón L. Sala de. Artigas: Tierra y Revolución, Montevideo, 1967. P. 25.

Пуэйрредон не колеблясь вступил в сговор с Бразилией, которая в 1816 г. направила для оккупации Восточной провинции португальские войска.

Костяк португальской армии вторжения составляли 5 тыс. ветеранов войны с Наполеоном. Действия сухопутных войск поддерживала морская эскадра, также прибывшая из метрополии. Армия Артигаса, несмотря на мужественное сопротивление, потерпела ряд серьезных поражений. Монтевидео пришлось оставить. Кабиљдо Монтевидео устроило торжественную и рабочую встречу португальским войскам. Однако в сельской местности война, которая носила характер партизанской и велась конными отрядами — «монтонерос», продолжалась еще три года. Отряды, возглавляемые индейцем Андресито Артигасом¹¹, братьями Ривера, Оторгесом, Лавальехой и другими, наносили смелые удары по врагу. Несколько тысяч бедняков-креолов, индейцев и гаучо пали в боях или попали в плен. Оказались в плену и Андресито, Оторгес, Лавальеха. Фруктуосо Ривера перешел на сторону интервентов.

В сентябре 1820 г. Хосе Артигас, преследуемый войсками своего бывшего союзника, каудильо провинции Энтре-Риос Рамиреса, был вынужден искать убежища в Парагвае. Ему не раз предлагали вернуться на родину, но он предпочел изгнание унижению. Умер он в Парагвае в 1850 г.

В 1821 г. страна была аннексирована Бразилией и названа Сисплатинской провинцией¹².

В сентябре 1822 г. Бразилия объявила себя независимой от Португалии, а в октябре 1823 г. португальские войска были эвакуированы из Уругвая, их место заняли бразильские воинские части.

В 1823 г. новый состав кабиљдо Монтевидео пытался сплотить силы для борьбы против оккупантов. Ф. Ривера отказался участвовать в этом. Лавальеха принял участие в заговоре, после провала которого был вынужден бежать в Аргентину.

19 апреля 1825 г. при поддержке правительства Буэнос-Айреса небольшой отряд патриотов под командой Хуана Антонио Лавальехи форсировал р. Уругвай и высадился в районе Аграсиада. «Свобода или смерть» — таков был их лозунг. Высадка 33 «ориенталес» вызвала всепародное освободительное движение. Вокруг этой группы патриотов, которая стала ядром и штабом второго этапа национально-освободительной борьбы, формировались новые и новые отряды. Вскоре к повстанцам примкнул Ф. Ривера со своими войсками. В октябре 1825 г. бразильская армия, посланная против патриотов, была разбита при Саранди конницей «ориенталес» под командованием Лавальехи.

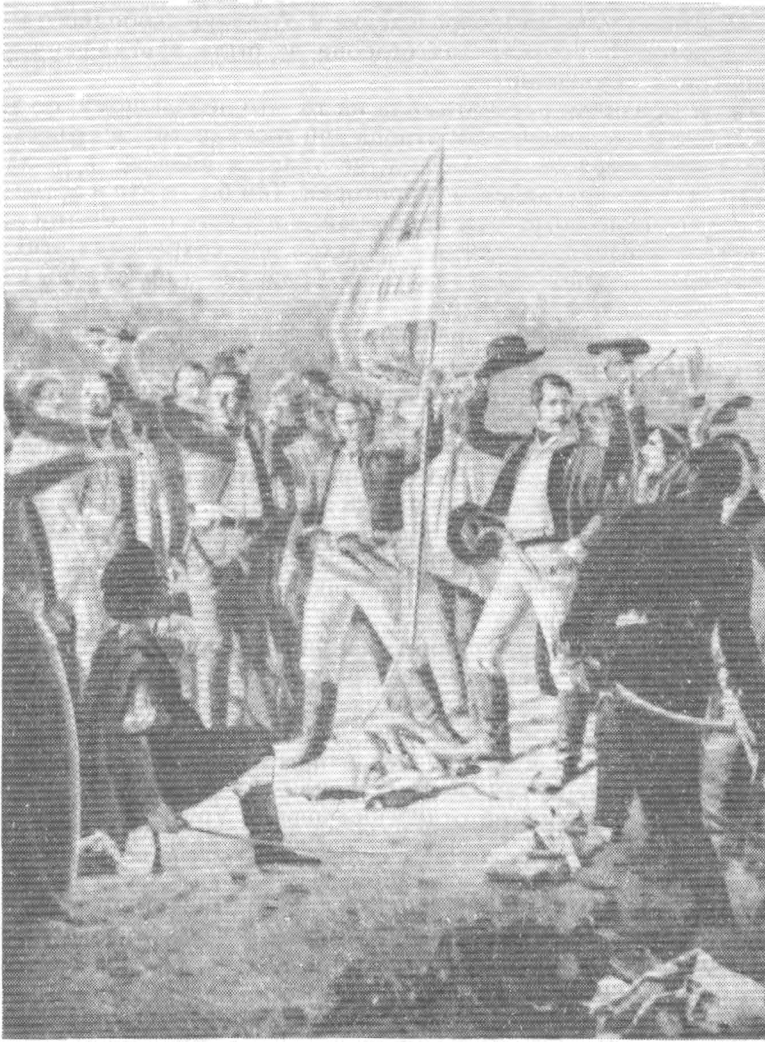
Выполняя обязательства, принятые Национальной ассамблеей в городе Флориде (август 1825 г.) и подтвержденные второй сессией ассамблеи (январь 1826 г.), провинция Монтевидео, как тогда назывался Уругвай, вошла в состав Объединенных провинций Ла-Платы. Тогда Педру I, император Бразилии, объявил войну Аргентине. 20 февраля 1827 г. произошла битва при Итусаинго, в которой уругвайское ополчение и аргентинские войска под командой генерала Альвеара нанесли поражение бразильцам. В том же году аргентинская эскадра на р. Уругвай разбила бразильские военные суда. Объединенный англо-бразильский флот блокировал порты Ла-Платы.

Война, по существу, завершилась в марте 1828 г., когда генерал Ф. Ривера во главе отряда, названного Северной армией, форсировал р. Ибикуй и, почти

¹¹ Андресито — индеец чарруа, приспанный сын и соратник Хосе Артигаса.

284 ¹² Cisplatina (португ.) — по эту сторону Ла-Платы.

«Клятвы 33-х патриотов Восточного Берега», 1825 г.
(фрагмент картины Х. М. Блапеса)

не встречая сопротивления бразильцев, занял восточную часть провинции Мисьонес.

Продолжение войны вело к экономическому истощению как Бразилии, так и Аргентины. Военные действия наносили ущерб и интересам Англии, торговля которой в результате блокады в районе Ла-Платы значительно сокращалась. Стараясь не допустить усиления Аргентины и Бразилии, Англия выступила за признание независимости Восточной провинции.

ВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА УРУГВАЙ (1828-1874)

27 августа 1828 г. в Рио-де-Жанейро представители императора Бразилии и правительства Республики Объединенных провинций завершили переговоры подписанием предварительной мирной конвенции, признававшей право

провинции Монтевидео на самоопределение и создание свободного и независимого государства¹³. Уругвайская сторона не была приглашена на церемонию подписания конвенции.

Аргентина и Бразилия рассчитывали на то, что небольшому, но важному в стратегическом и экономическом отношении государству, в существовании которого была заинтересована Англия, не удастся уцелеть, и вынашивали планы нового захвата уругвайской территории. Тем более что и аргентинские, и бразильские крупные скотоводы продолжали владеть огромными латифундиями в Уругвае и использовали все средства для сохранения этих земель.

После ратификации документа королем Бразилии и признания независимости Восточного Берега Аргентиной 4 октября 1828 г. мирная конвенция вступила в силу¹⁴. Началось ее практическое применение: бразильская эскадра сняла блокаду Буэнос-Айреса, Лавальеха подал в отставку с поста командующего, с территории Уругвая были отозваны основные силы бразильских и аргентинских войск.

В Монтевидео и внутренних районах страны были проведены выборы. и 22 ноября 1828 г. в городе Сан-Хосе собралась Конституционная и законодательная ассамблея. В ее состав вошли 28 депутатов. Ассамблея приступила к разработке текста конституции Восточного государства Уругвай — так поначалу была названа новая страна. Временным губернатором был избран Хосе Рондо, который вскоре подал в отставку. На пост временного губернатора был назначен Лавальеха.

Среди декретов и законов, принятых в период подготовки конституции, следует отметить декрет о выкупе всех рабов, которые принимали участие в войне против Бразилии, закон о свободе печати, регламент судопроизводства, законы о национальном флаге и государственном гербе. Были отменены все колониальные налоги и установлен единый гербовый сбор. Ассамблея определила также размеры таможенных пошлин на ввоз и вывоз, обратилась к римскому папе с просьбой об отделении церкви Уругвая от буэнос-айресской епархии. 24 апреля 1829 г. закончился вывод бразильских и аргентинских войск из Монтевидео.

10 сентября Ассамблея приняла текст конституции республики. Однако конституция вступила в силу только в июле 1830 г. из-за задержки с утверждением ее правительствами Аргентины и Бразилии. На 18 июля 1830 г. была назначена торжественная присяга конституции. Эта церемония состоялась на центральной площади Монтевидео, украшенной национальными, аргентинскими, бразильскими и английскими флагами.

Конституция утвердила власть блока крупных скотоводов, землевладельцев, торговцев и промышленников. Избирательное право предоставлялось представителям имущих классов и только грамотным. Чтобы быть избранным в палату представителей, необходимо было достигнуть 25-летнего возраста и располагать капиталом в 4 тыс. песо. В сенат могли быть избраны граждане не моложе 30 лет с доходом не менее 10 тыс. песо. Конституция установила централизованную республиканскую форму правления, предусмотрела деление власти на законодательную, исполнительную и судебную. Она была создана не для эксплуатируемого большинства, а для эксплуататорского меньшинства.

Видный уругвайский историк Альберто Цум Фельде отмечал, что конституция 1830 года не учитывала конкретных особенностей страны, упразднила такой проверенный жизнью в период правления Артигаса орган местной вла-

¹³ См.: *Traversoni A. Historia de Uruguay*. Montevideo, 1960. P. 307.

сти, как кабилдо, и создала нечто далекое от демократических норм — административно-хозяйственные хунты¹⁵.

Первым президентом республики был избран Конституционной и законодательной ассамблеей в октябре 1830 г. генерал Ф. Ривера.

Потерпев несколько поражений в вооруженных выступлениях с целью захвата власти, Лавальеха эмигрировал в Буэнос-Айрес, где с ним связывали определенные надежды губернатор Буэнос-Айреса Росас и аргентинские скотоводы, надеявшиеся с помощью генерала-изгоя вернуть себе прежние позиции в Уругвае, а также нейтрализовать растущее торговое влияние Монтевидео.

Тем временем в только что образовавшемся государстве росло недовольство мелких скотоводов, получивших землю от Артигаса, и скотоводов, захвативших земли в период военных действий, но не имевших на них прав.

В декабре 1833 г. Ф. Ривера издал декрет, направленный на умиротворение сельской местности — удовлетворение интересов тех, кто не имел документов на владение землей. Эта мера временно укрепила его влияние. Однако декрет этот оказался выгодным только самым богатым и могущественным землевладельцам. Пользуясь системой энфитеусиса, они получили возможность скупать земли обездоленных, так как стоимость земли к 1835 г. резко возросла, и бедняки так и не смогли выкупить «свои» наделы.

Уже не соблюдались ни законы о владении землей, ни права мелких скотоводов, и не учитывались документы на пользование землей. Все зависело от связей, могущества и влияния данного скотовода, численности вооруженного отряда в его эстансии, его решительности и упорства.

Как подчеркивал уругвайский историк-марксист Х. Родригес, было невозможно «выселить с земли вновь сформировавшийся слой людей, имеющих неоспоримые заслуги в период борьбы за независимость, располагавших собственными вооруженными отрядами и пользующихся поддержкой каудильо, списки которых возглавляли Ривера и Лавальеха»¹⁶.

Именно на почве разногласий о праве на земельную собственность и произошло формирование двух крупных политических партий, позднее получивших определение традиционных. Разделение землевладельцев, да и всех граждан, на два лагеря поддерживалось и углублялось, в частности, с помощью системы своеобразного двоевластия. Ввиду того что государство еще не имело разветвленных органов обеспечения связей между столицей и внутренними районами страны, контакты между национальными, департаментскими, окружными и местными каудильо как по государственному, так и военным вопросам (компетенция командующего армией) подменяли

Х. ЛАВАЛЬЕХА

¹⁵ Zum Felde A. Proceso histórico del Uruguay y esquema de su sociología. Montevideo, 1963. P. 126—127, 131—133.

¹⁶ Rodríguez J. C. Las montoneras y sus caudillos. Montevideo, 1968. P. 55.

эти органы и тормозили их становление. Так, вокруг Лавальехи и позднее Орибе постепенно сгруппировалась партия бывших землевладельцев, которые боролись за возврат земель, а вокруг Риверы формировалась другая партия, сторонники которой добивались подтверждения в законодательном порядке права владения землями, занятыми путем прямого захвата.

В 1835 г. Ривера завершил свой срок пребывания на посту президента, передав полномочия генералу Мануэлю Орибе. Новый президент ввел 25-процентный налог на транзит иностранных товаров через Монтевидео в Буэнос-Айрес и упразднил в январе 1836 г. пост командующего действующей армией, который в это время занимал Ривера.

10 июля при поддержке аргентинских эмигрантов, боровшихся против диктатора Росаса, Ривера поднял мятеж и двинул войска против Орибе, который опирался на аргентинских федералистов, возглавляемых Росасом.

Правительство Орибе декретом от 10 августа обязало своих сторонников использовать белую повязку — партия «бланко» (белая) — с надписью «защитник законов». Сторонники Риверы, чтобы отличать своих в бою, использовали голубые повязки (второй цвет национального флага); однако краска оказалась блеклой, поэтому сторонники Риверы стали носить красные повязки и назвали свою партию «колорадо» — красная.

В битве при р. Карпинтерия 19 сентября 1836 г. отряды Риверы потерпели поражение. Остатки его войск перешли на территорию Бразилии, где Ривера поддерживал контакт с Бенту Гонсалвисом, предводителем бразильских повстанцев, боровшихся против монархии.

В середине 1837 г. Ривера, объединившись с силами аргентинского эмигранта генерала Лавалье, вновь начал вооруженную борьбу и разбил армию Орибе в битве при Йукутуха. И хотя в ноябре правительственные силы Уругвая нанесли поражение армии Риверы, он в конце того же года занял Пайсанду, а в январе 1838 г. начал осаду Монтевидео и 15 июня одержал победу при Пальмаре. Орибе был вынужден оставить пост президента и эмигрировать в Буэнос-Айрес. В ноябре 1838 г. Ривера стал правителем Уругвая.

10 марта 1839 г. Уругвай объявил войну провинции Буэнос-Айрес. Началась так называемая Великая война (1839 — 1852), главной причиной которой послужило стремление Росаса включить Уругвай в состав Аргентины или в крайнем случае создать там марионеточное правительство. Некоторые историки датируют Великую войну 1843—1852 гг. Французская блокада Аргентины вызвала серьезное противодействие Англии. 28 октября 1840 г. была подписана мирная конвенция Макау--Арана (имена министров иностранных дел Франции и провинции Буэнос-Айрес), по условиям которой Франция сняла блокаду, эвакуировала войска с острова Мартин-Гарсиа и возвратила захваченные корабли. Подписание мира с Францией развязало руки Росасу для борьбы против повстанцев прибрежных провинций. Он запретил свободное судоходство по Паране и Уругваю. Отсутствие единства среди руководителей восставших провинций Аргентины привело их к поражению.

В конце 1842 г. Орибе во главе аргентинских войск разбил под Арройо-Гранде силы Риверы и, выполняя приказ Росаса, который уже контролировал всю Аргентинскую конфедерацию, двинулся на Монтевидео. 3 февраля 1843 г. генерал Пас возглавил оборону уругвайской столицы. 16 февраля, не встретив сопротивления, Орибе привел армию под стены Монтевидео и начал осаду, продолжавшуюся более 9 лет. Свою ставку, а затем и параллельное правительство он разместил в местечке Серрито к северо-востоку от столицы.

В обращении к жителям Уругвая Орибе не скрывал, что является командующим иностранной армией, и закончил его, как и все другие официальные

документы, девизом Росаса: «Да здравствует Аргентинская конфедерация! Смерть дикарям-унитариям!»

Вторжение террористических и реакционных сил и угроза независимости страны всколыхнули массы населения, выступившего на защиту столицы. Декретом правительства была предоставлена свобода рабам, которые вступали в ряды защитников города. Были сформированы легионы из иностранцев включившихся в оборону Монтевидео. Итальянский легион под командой Джузеппе Гарибальди насчитывал в 1843 г. 500 добровольцев. Число французских легионеров достигло 2904. Сотни аргентинцев и испанцев вступали непосредственно в батальоны национальной гвардии.

«Оборона Монтевидео по содержанию и по форме приобрела революционный характер. Был принят декрет о конфискации имущества тех, кто перешел на службу врагу, установлен высокий взнос за патент иностранным торговым предприятиям, если их владельцы не вступили в ряды защитников», — отмечал уругвайский историк Франсиско Пинтос¹⁷.

Генерал Ривера укомплектовал кавалерийские части гаучо и пеонами из внутренних районов и добился ряда успехов, обеспечив контроль над значительной частью страны. Но Росас направил на подмогу Орибе 3-тысячную армию под командованием генерала Уркисы, и Ривера был вынужден отойти. Попытка блокады Монтевидео с моря была сорвана Англией и Францией. Аргентинская флотилия была вынуждена убраться.

В бою на р. Индиа-Муэрта войска Уркисы разбили конные отряды Риверы, который бежал в Бразилию, где был арестован за связи с бразильскими повстанцами.

Гарибальди совершил кавалерийский рейд по внутренним районам страны и занял несколько городов. В апреле 1846 г. освобожденный из-под ареста Ривера вновь появился в Уругвае, на этот раз в порту Монтевидео, и был некоторым временем командующим действующей армией. Он также возглавил рейд по внутренним районам страны и занял город Пайсанду, но был вынужден его оставить, а затем покинул и отряд. Вскоре правительство выслало его в Бразилию. Военные действия свелись к обороне Монтевидео.

Конец Великой войне положило вмешательство провинции Энтре-Риос, губернатор которой Уркиса решил с помощью союзников добиться свержения Росаса. 19 июля 1851 г. Уркиса вторгся в Уругвай и, выступив в союзе с правительством Монтевидео, возглавляемым Суаресом, объявил войну Орибе, армия которого стала распадаться. Орибе был вынужден капитулировать. Так в октябре 1851 г. закончилась осада Монтевидео.

С помощью бразильского флота Уркиса перебросил войска в аргентинскую провинцию Санта-Фе, которая поддержала его в борьбе против Росаса. Уркиса сформировал крупные силы численностью 28 тыс., в том числе 22 тыс. аргентинцев, 4 тыс. бразильцев и 2 тыс. уругвайцев. Уругвайские войска возглавил генерал Сесар Диас, один из руководителей партии «колорадо»¹⁸. В феврале 1852 г. в битве под Монте-Касерос, близ Буэнос-Айреса, силы Росаса были разбиты. Сам он эмигрировал в Англию.

Больше других от Великой войны выиграло правительство Бразилии. Оно заставило правительство Уругвая подписать пять договоров¹⁹, которые тяжелым бременем давили на уругвайскую экономику и ограничивали

¹⁷ Pintos F. R. Uruguay: de la liberación al afianzamiento de la burguesía. Montevideo, 1966. P. 79—80.

¹⁸ Acevedo E. Manual de Historia Uruguaya. Montevideo, 1936. P. 94.

¹⁹ См.: Pintos F. R. Uruguay: de la liberación al afianzamiento de la burguesía. Montevideo, 1966. P. 94.

суверенитет страны. Огромный внешний долг, отягощенный ростовщическим займом, право вооруженного вмешательства, если имперское правительство сочтет, что в Уругвае «нарушен порядок», возвращение в Бразилию негров-рабов, получивших от уругвайцев свободу, беспошлинный вывоз из Уругвая продуктов скотоводства, запрет на плавание уругвайских судов по р. Ягуарон и в лагуне Мери и, наконец, отторжение больших территорий на севере страны, захваченных бразильскими скотоводами, — вот какой дорогой ценой обошлась победа Уругваю.

Длительные военные конфликты на территории страны весьма негативно отразились на ее экономике, которая основывалась на экстенсивном скотоводстве и носила полуфеодалный характер. Местные и иностранные (главным образом аргентинские) латифундисты отбирали земли и скот у землевладельцев, получивших наделы по реформе Артигаса. Многие из них к тому же утратили во время войны документы на владение землей.

С переходом на мирное положение армии Лавальехи, а затем и Северной армии Риверы началась демобилизация солдат и офицеров, которые возвращались в свои «паго»²⁰. Как правило, они получили или захватили то или иное количество скота, но у них не было земель, где можно было бы его разводить. Обычно они оседали на свободных землях (государственных или землях латифундистов, заброшенных в годы войны) или теснили тех землевладельцев, которые получили наделы в период земельной реформы Артигаса. Это вызывало множество столкновений между старыми и новыми владельцами земель, приводило к длительным судебным процессам.

В январе 1829 г. властям удалось уложить большую часть судебных дел относительно предшествующих разделов земель до того момента, когда ими сможет заняться Конституционная и законодательная ассамблея. Однако последняя не стала рассматривать вопросы о переделе земель и восстановлении прав тех, кто получил наделы по реформе Артигаса. Суды продолжали защищать интересы латифундистов. Но новые крупные землевладельцы не очень нуждались в судебной защите и не ссылались на революционные преобразования Артигаса. Право владеть поместьем они основывали на силе своего влияния и поддержке сторонников.

В августе 1829 г. Ф. Ривера, военный министр кабинета губернатора Восточной провинции Уругвая Рондо и сам крупнейший землевладелец, хотя его права на владение не подтверждались документально, провел через Ассамблею первый аграрный декрет, который всего лишь подтвердил действие аргентинского закона 1822 г. о системе энфитеусиса²¹.

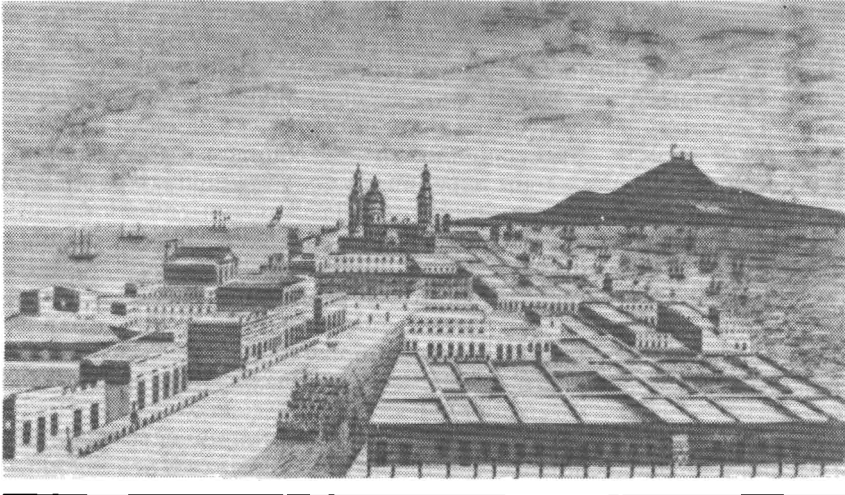
Арендаторы земель надеялись со временем узаконить свои права на владение, однако мелким скотоводам скоро пришлось горько разочароваться. Их положение стало совершенно безвыходным к 1835 г., когда цена земли подскочила до баснословной цифры (1000 песо за лигу²²). Тем, кто получил землю от Артигаса, также пришлось оставить надежду получить документ, подтверждающий право на владение ею. Ведь революционный союз сельских бедняков, сложившийся благодаря деятельности Артигаса, уже перестал существовать. Вместо революционной и демократической солидарности мелких скотоводов сложились новые отношения — зависимость скотоводов-бедняков от каудильо.

Беднякам оставался только один путь — уповать на «покровительство» мелких каудильо. Последние же зависели от более крупных и влиятельных

²⁰ Исп. pago — место рождения, родная эстансия.

²¹ Torre N. de la, Tourón L. Sala de, Rodríguez J. C. Después de Artigas (1820—1836). Montevideo, 1972. P. 103—104, 163—169, 182—191, 232—233.

290 ²² Лига (исп. legua) — мера длины, равная 5154 м. Здесь имеются в виду квадратные лиги.

Монтевидео (гравюра, опубликованная в 1864 г.)

каудильо, которые формально не имели каких бы то ни было прав, но на деле использовали вооруженные отряды и вершили судьбами огромных масс.

Яркий пример тому являли Ривера и Лавальеха, которые располагали необъятными латифундиями, не имея на то законных прав. Оба содержали крупные вооруженные отряды, которые в случае необходимости подтверждали их «право» на пользование этими землями, за что мелкие землевладельцы — бойцы отрядов обретали поддержку местных каудильо, сторонников Лавальехи или Риверы.

Даже Великая война, в ходе которой осажденным в Монтевидео сторонникам Риверы оказывала содействие Бразилия, а осаждающие во главе с Орибе, подобно Лавальехе, опирались на поддержку аргентинского диктатора Росаса, явилась отражением борьбы за владение землей между крупными каудильо.

Эта война ввергла страну в состояние тяжелой разрухи. «Сельская местность стала огромной пустыней, которую оживлял только скот, оставшийся без хозяина. Стаи собак и свиней бродили по полям, эстансии превратились в развалины»²³, — говорилось об этом в «Книге к столетию Уругвая». Внешний долг страны превысил 25 млн песо. Скучные финансовые возможности Уругвая и грабительские займы, предоставленные Францией и Бразилией для оплаты процентов, делали перспективу его выплаты весьма отдаленной²⁴.

Бразильцы добились того, чего не смогли сделать аргентинцы. Уже в 1850 г. бразильские скотоводы владели в северной, пограничной с Уругваем, части страны 428 поместьями общей площадью в 4 739 992 га²⁵. Бразильские латифундисты, проживавшие в Уругвае, были основными поставщиками скота для саладеро²⁶ в Риу-Гранде и являлись авангардом имперского правительства в политических акциях. Их поместья не раз служили базами

²³ Libro del Centenario del Uruguay. Montevideo, 1933. Т. 2. P. 70.

²⁴ Acevedo E. Anales históricos del Uruguay. Montevideo, 1933. Т. 2. P. 461.

²⁵ Libro del Centenario... P. 86.

²⁶ Саладеро — предприятие по засолке мяса.

для военных операций против неугодных Бразилии уругвайских правительств.

В 1851 г. Бразилия получила юридические права на те обширные территории, которые уже ранее фактически принадлежали бразильским латифундистам. Бразильцы стали подлинными хозяевами уругвайской экономики: скот из Уругвая беспощинно перегонялся в Риу-Гранди, уругвайские власти были вынуждены передавать освобожденных рабов бразильцам по договору о выдаче преступников. В 1853 г. 4-тысячная бразильская армия стала лагерем под Монтевидео; бразильский банкир барон Мауа преобразовал в 1857 г. свою контору в уругвайской столице в Банк Мауа. Деятельность этого банка дорого обошлась Уругваю: в результате финансовых махинаций государственный долг вырос в несколько раз, а барон Мауа временно эмигрировал в Англию, где и преобразовал 4,7 млн песо внутреннего долга в 1 млн ф. ст. внешнего займа²⁷. Подобных «афер века» было множество.

В период осады Монтевидео процветало ростовщичество. Финансовые воротилы нажили баснословные состояния на поставках осажденным оружия, обмундирования, продовольствия. Однако ростовщический капитал постепенно стал вытесняться промышленным. Деньги, нажитые на ростовщичестве «деловыми людьми» из Англии и Франции, да и самими уругвайцами, вкладывались в строительство железных дорог, первых промышленных предприятий, перестройку скотоводства на научной основе.

В связи с Крымской войной и Гражданской войной в США импорт продуктов скотоводства из России и Соединенных Штатов был прерван. Остро встал вопрос о снабжении сырьем английской шерстяной промышленности. Это дало толчок развитию в Уругвае овцеводства. С 1840 по 1872 г. экспорт шерсти из Уругвая вырос с 991 040 кг до 16 111 185 кг²⁸.

«Начало вывоза шерсти ознаменовало собой тот момент, когда латифундии стали переходить на путь капиталистического развития, приспособленного к потребностям британского капитала, который уже вползал в свою империалистическую стадию», — отмечал Р. Арисменди²⁹.

Рос экспорт мяса в Европу. В саладеро в 1857—1861 гг. ежегодно забивали в среднем около 300 тыс. голов крупного рогатого скота³⁰. В 1863 г. английская компания использовала новый способ производства — выработку мясного экстракта Либиха. С 1864 г. Англия перестала импортировать солонину, перейдя на ввоз мясного экстракта. Остро встал вопрос консервирования мяса для его доставки в Европу. Эта проблема была решена уже позднее, с появлением рефрижераторов на бойнях и транспортных судах.

В 1871 г. было выдано 6337 патентов на содержание торговых заведений, кустарных мастерских и мелких мануфактур (в 1858 г. число таких патентов немногим превышало 2 тыс.). В том же году действовали три паровых лесопильных завода, 24 водяные и ветряные мельницы и много других мелких предприятий³¹.

Тем не менее в течение многих лет Уругвай ввозил почти все готовые изделия из Англии. Свобода торговли находила свое выражение в либеральной таможенной политике. В этом были заинтересованы латифундисты. На деформации структуры уругвайской экономики, что вызывалось зависи-

²⁷ *Rodríguez C. J.* Los grandes negocios. Montevideo, 1969. P. 169.

²⁸ *Acevedo E.* Anales históricos del Uruguay. P. 121.

²⁹ *Арисменди Р.* Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964. С. 302.

³⁰ *Benvenuto L. C.* La evolución económica. Montevideo, 1968. P. 53.

³¹ *Pintos F.* Historia del movimiento obrero del Uruguay. Montevideo, 1960. P. 24.

мостью от внешнего рынка, сказалось и непомерное разбухание посреднического торгового капитала³², средоточием которого являлись Монтевидео и его порт.

Разруха, вызванная Великой войной, и оккупация части территории бразильскими войсками тяжело сказались на политическом положении Уругвая. Вместе с тем возникло движение, направленное на достижение примирения между двумя традиционными партиями. В ноябре 1852 г. состоялась встреча руководителей партий «бланко» и «колорадо», закончившаяся созданием Общества друзей страны во главе с видным столичным журналистом Хуаном Карлосом Гомесом. Общество выступало за союз различных социальных слоев в целях преодоления создавшихся экономических и политических трудностей и призывало обе партии к сотрудничеству.

Результатом достигнутого единства стало избрание Хуана Франсиско Хиро первым президентом республики после окончания Великой войны. За члена партии «бланко» Хиро голосовали депутаты обеих партий. На посту президента Хуан Ф. Хиро пробыл год. Политическая нестабильность продолжалась: в 1853—1855 гг. сменилось шесть правительств.

В середине 1855 г. бразильское правительство отозвало свои войска, стоявшие у Монтевидео. Постоянные протесты уругвайцев привлекали внимание английского правительства, которое оказало нажим на Бразилию и вынудило ее пойти на эту акцию, выгодную английской буржуазии. В то же время Уркиса, став президентом Аргентины, при поддержке торговой буржуазии и крупных латифундистов вновь начал готовиться к аннексии Уругвая.

Флорес, лидер «колорадо», достиг соглашения с Орибе, лидером «бланко», об избрании на пост президента Габриэля Перейры. Президент Перейра, связанный с бразильской монархией, ничего не сделал для обеспечения независимости страны, более того, он способствовал дальнейшему подчинению уругвайской экономики Бразилии. Это привело временную коалицию двух партий к распаду.

В январе 1858 г. генерал Сессар Диас высадился с отрядом повстанцев в районе Серро, но не смог взять Монтевидео, так как не встретил поддержки со стороны местных лидеров «колорадо». У Пасо-де-Кинтерос его отряд был разбит, а сам он и многие пленные офицеры по приказу правительства расстреляны. Это обострило вражду между традиционными партиями. Укрепление позиций правительства было недолгим. В 1860 г. недовольство политикой Перейры охватило парламент и распространилось среди граждан. Абсолютным большинством членов парламента президентом был избран судья Бернардо Берро, тяготевший к партии «бланко». Он создал правительство национального единства, заявил, что спасет страну от экономической разрухи и банкротства, способствовал основанию нового банка (Банк Лондона и Рио-де-Ла-Платы), лишил церковь некоторых привилегий, положил начало строительству железных дорог, уничтожил таможенные пошлины и способствовал развитию экспорта.

В 1863 г. генерал Флорес, прибыв с отрядом на аргентинском военном судне, начал, опираясь на клерикалов, вооруженную борьбу против правительства. Он штурмовал Монтевидео, но не смог одолеть его. Срок правления Берро истек, на пост президента в марте 1864 г. вступил Анастасио Агирре. Не встретив поддержки уругвайцев, Венансио Флорес сформировал армию из бразильцев и аргентинцев. В январе 1864 г. уругвайское правительство расторгло договоры 1851 г., навязанные Бразилией. В конце

³² См.: *Арисменди Р. Указ. соч. С. 302—304.*

1864 г. Бразилия ввела в Уругвай сильную армию, которая, двигаясь на помощь Флоресу вдоль р. Уругвай, осадила город Пайсанду, но смогла взять его только в январе 1865 г.

В феврале того же года столица пала. В. Флорес стал диктатором. Обязательства по отношению к союзникам, которые привели его к власти, заставили В. Флореса направить уругвайскую дивизию для участия в престоупной войне против Парагвая (1865—1870). Дивизия понесла большие потери. В стране ширилось недовольство в связи с потерями и большими расходами на войну. В феврале 1868 г. Флорес вернулся из Парагвая, намереваясь укрепить свои позиции, но был предательски убит. В качестве ответной меры его сторонники убили бывшего президента Б. Берро.

1 марта 1868 г. президентом Уругвая стал генерал Лоренсо Батлье, пытавшийся опираться на партию «колорадо». Однако острый финансовый кризис и раскол правящей партии сильно осложнили обстановку. В марте 1870 г. Тимотео Апарисио, лидер партии «бланко», при поддержке правительства Аргентины поднял мятеж, получивший название «революции пик».

В ноябре конные повстанцы, вооруженные пиками, осадили Монтевидео, заняли район Серро и объявили о создании правительственной хунты. Однако им не удалось овладеть столицей. Дважды мятежники терпели поражения в битвах на Саусс и под Манантиалесом. Попытка достигнуть соглашения между сторонами при посредничестве Аргентины не дала результатов, так как правительство Л. Батлье отказалось заключить мир. В 1872 г. истекли полномочия Батлье, и война закончилась.

Было достигнуто мирное соглашение между правительством «колорадо» (президент Томас Гоменсоро, 1872—1873) и партией «бланко» (Тимотео Апарисио), названное «Апрельский мир». Правительство пошло на уступки. Оно сохранило власть в 9 из 13 департаментов страны, а партия «бланко» фактически получила ее в 4 департаментах, что гарантировало ей и места в сенате, и соответствующее число депутатских мандатов. В то же время вооруженные силы и государственные учреждения представляли оппозиционной партии возможность сохранения оружия и назначения своих людей в государственный аппарат. Это было названо «совместным участием» в правлении страной и представляло собой действительно раздел власти, хотя и неравноправный.

Убийство генерала Флореса и доктора Берро вызвало раскол партий «бланко» и «колорадо» и обострило обстановку как в городах, так и в сельской местности. В 1871 г. группа молодых публицистов и адвокатов (докторов), представителей так называемого движения «за принципы», принадлежавших к партии «колорадо», приняла решение создать новую партию, свободную от пороков традиционных партий. Так была основана Радикальная партия.

Таким же образом молодежь из партии «бланко» решила отойти от традиционных норм и создать Национальную партию. Возникновение Национальной и Радикальной партий явилось отражением протеста против попыток решения проблем традиционными партиями с помощью оружия и желания перенести рассмотрение политических и социальных вопросов на арену парламентской борьбы.

ЧИЛИ

В 30—70-е ГОДЫ XIX ВЕКА *

Глава 6

Независимость Чили провозглашена 12 февраля 1818 г. Боевые же действия на территории страны завершились лишь в начале 1826 г., когда от испанских войск был освобожден остров Чилоэ. Становление чилийского государства сопровождалось острой борьбой за власть. Порой между враждебными группировками не было сколько-нибудь существенных различий. Часто интересы отдельных представителей соперничавших друг с другом политических групп и течений в ходе событий совпадали, и сторонники одного направления сравнительно легко меняли ориентацию и становились на позицию своих вчерашних противников. Напряженная внутривнутриполитическая обстановка усугублялась царившей в стране послевоенной разрухой и тяжелым финансовым положением.

С падением в январе 1823 г. диктатуры О'Хиггинса внутривнутриполитическая борьба накалилась еще более — за короткий промежуток (до марта 1830 г.) власти менялись 24 раза ¹.

После кровопролитных боев при Очагавии (14 декабря 1829 г.) и Лиркае (17 апреля 1830 г.) в стране утвердило свою власть правительство Хосе Томаса Овалле. Посты министра иностранных и внутренних дел, а также военного министра занял Порталес, который и стал подлинным главой государства ². Используя стремление господствующих классов любой ценой добиться стабилизации внутривнутриполитического положения страны, Порталес лишил воинских званий и удалил из армии большую группу оппозиционно настроенных офицеров и генералов. Это был чрезвычайно смелый шаг, поскольку речь шла о заслуженных участниках войны за независимость, происходивших из различных слоев общества, включая и землевладельческую знать. Стараясь ограничить роль армии в государстве, Порталес значительно укрепил гражданскую гвардию и сам стал командиром одного из ее полков.

В 30-е годы финансовое положение страны значительно улучшилось. Так, с 1830 по 1835 г. ежегодные государственные доходы Чили возросли с 1 млн песо до 2,5 млн песо ³. Этому способствовали режим экономии, реорганизация налоговой системы и развитие торговли. Однако главное, с чем было связано увеличение государственных доходов, — это эксплуатация богатых серебряных рудников в Чаньярсильо, открытых в 1832 г.

По мере того как налаживалась экономическая жизнь страны, все более крепили позиции правящих кругов, но некоторая часть имущих была недовольна жесткой политикой правительства, крутым нравом Порталеса — его фактического руководителя. Однако в целом деятельность Порталеса, направленная на достижение компромисса между нарождавшейся буржуазией и латифундистами, соответствовала в тот период интересам большинства

* Среди исследований, использованных при написании настоящей главы, автор считает своим долгом особо отметить следующие сочинения: *Рамирес Некочеа Э.* История рабочего движения в Чили. М., 1961; *Зорина А. М.* Образование и развитие независимого чилийского государства // Очерки истории Чили / Отв. ред. Н. М. Лавров. М., 1967.

¹ *Urzua Valenzuela G.* Los partidos políticos chilenos. Santiago de Chile, 1968. P. 23.

² Деятельность Диего Порталеса (1793—1837) марксистской историографией оценивается по-разному. См.: *Зорина Л. М.* Указ. соч. С. 99—102; *Мильяс О.* Диего Порталес и формирование национального государства Чили // Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки. М., 1967.

³ *Galdames L.* Historia de Chile. Santiago, 1952. P. 380.

группировок господствующих классов. Именно поэтому полным провалом завершилась попытка С. Фрейре, активного участника войны за независимость испанских колоний в Америке, являвшегося в 1823-1827 гг. сначала верховным правителем, а затем президентом Чили, свергнуть правительство.

Летом 1836 г. Фрейре, снарядив в Перу экспедицию, на двух судах направился на остров Чилоэ и вскоре после высадки был арестован. Военный трибунал приговорил его к смертной казни, замененной затем ссылкой на каторгу.

Тот факт, что экспедиция Фрейре была организована в Перу, еще более усилил враждебность Чили по отношению к соседней стране. Уже в 20-е годы XIX в. между этими странами развернулась таможенная война, которая была одной из форм борьбы за пресобладание на Тихоокеанском побережье Южной Америки.

Отношения между двумя странами усложнились еще более, когда в 1836 г. было провозглашено создание Перуано-Боливийской конфедерации. В ответ чилийский флот атаковал перуанские военные корабли и вынудил их сдаться.

Обеспечив себе пресоблаждение на море, правительство Чили в ультимативной форме потребовало роспуска конфедерации. Это требование было отвергнуто, и чилийский конгресс объявил состоянием войны с конфедерацией. В стране было введено военное положение, а Порталес как военный министр был облечен чрезвычайными полномочиями. Война с Перу не была популярна в стране, и в различных районах начались волнения, жестоко подавленные властями.

В 1837 г. группа офицеров, возглавляемая начальником генерального штаба Видаурре, организовала заговор. Во время смотра экспедиционной армии, предназначенной для вторжения на территорию конфедерации, Порталес был арестован и убит (6 июня).

Убийство Порталеса в разгар подготовки войны с Перуано-Боливийской конфедерацией было использовано правительством для разжигания националистических настроений. Военные действия продолжались более двух лет. Экспедиционная армия Чили потерпела неудачу под Арекипой, и ее командующий вынужден был подписать 17 ноября 1837 г. договор, одна из статей которого предполагала признание чилийской стороной Перуано-Боливийской конфедерации.

Правительство Чили денонсировало договор, и в январе 1838 г. возобновило боевые действия. Новая экспедиционная армия насчитывала 5400 человек, ее сопровождали перуанские эмигранты, среди которых находился Агустин Гамарра, выступавший против создания конфедерации и смещенный в связи с этим с поста президента Перу. Восстание населения северных провинций Перу способствовало занятию Лимы чилийскими войсками (август 1838 г.).

В битве при Юнгас 20 января 1839 г. чилийцы одержали победу. Конфедерация окончательно распалась, а ее руководитель А. де Санта-Крус бежал в Эквадор, а затем по требованию правительства Чили должен был навсегда оставить Американский континент.

После победоносной войны с Перуано-Боливийской конфедерацией позиции правительства Чили окрепли. Исполнительная власть стала пользоваться еще большими правами, чем те, которые были предоставлены по конституции 1833 года⁴.

⁴ Текст конституции 1833 года см.: *Anales de la República: Textos constitucionales de Chile*. Santiago de Chile, 1951. Т. I. P. 160—185.

По этой конституции президент провозглашался Верховным главой нации, командующим вооруженными силами и главным инспектором полиции. Президент назначал всех чиновников, включая министров и глав провинций, судей, дипломатов и офицеров. Он мог приостановить действие любых законов. За Национальным конгрессом оставалось право ежегодно утверждать годовой бюджет, налоги и состав вооруженных сил. В период между заседаниями конгресса его функции возлагались на Государственный совет, члены которого назначались президентом. Президент избирался на 5 лет коллегией выборщиков, список которых составлялся властями. В связи с этим возможность быть избранным на 2-й президентский срок превращалась в право занимать пост в течение 10 лет. По конституции 1833 года избирательное право предоставлялось только мужчинам, достигшим 21 года. В 40-е годы было установлено, что избирателями могут быть те, кто умеет читать и удовлетворяет требованиям имущественного ценза. Обратной силы этот закон не имел.

Д. ПОРТАЛЕС

Как правило, латифундисты отбирали у крестьян и пеонов, работающих в их хозяйствах, удостоверения избирателей и распоряжались ими по своему усмотрению. В палату депутатов могли быть избраны лица с годовым доходом не ниже 500 песо, а в сенат — с доходом не ниже 2 тыс. песо.

Президент страны Ф. Эррасурис Саньярту утверждал в 1874 г., что «за всю историю еще не было случая, чтобы сенаторское кресло занял человек, который не был бы назначен президентом»⁵.

Выборы в обе палаты Национального конгресса осуществлялись по общему списку, который составлялся властями. Оппозиция практически не могла оказать какое-либо влияние на исход выборов. Если ее кандидат пытался вести избирательную кампанию в каком-то департаменте, то представитель власти на местах получал из министерства внутренних дел циркуляр следующего содержания, отпечатанный типографским способом: «Соблаговолите принять меры к тому, чтобы воспрепятствовать появлению дона. . . в вашем департаменте. В случае его прибытия он подлежит аресту как возмутитель общественного порядка»⁶. Срок полномочий сенаторов был установлен в 9 лет, а депутатов — 3 года.

Конституция могла подлежать изменению только в случае согласия двух третей членов обеих палат и президента республики при условии ее ратификации новым составом Национального конгресса. «Республика на словах, власть олигархии на деле — такова была сущность конституции 1833 года»⁷.

⁵ Цит. по: *Donoso R. Las ideas políticas en Chile. México, 1946. P. 108.*

⁶ *Galdames L. Op. cit. P. 385.*

⁷ *Зорина А. М. Указ. соч. С. 101.*

К началу 30-х годов Чили занимала территорию в 212,8 тыс. кв. км, т. е. менее 30 % сегодняшней территории при населении 1 млн жителей⁸. Таким образом, плотность населения составляла 4,7 человека на 1 кв. км и была одной из самых высоких в Латинской Америке. В экономическом развитии страны явно обнаружило себя поразительно противоречие: при больших пространствах плодородной земли трудолюбивый народ Чили не мог использовать по-хозяйски эти земли (большая их часть просто-напросто не обрабатывалась) и был обречен на голод. О нищете, царившей в чилийской деревне, свидетельствует тот факт, что лишь немногие (на 1834 г. 12 028) семьи имели годовой доход более 25 песо. Для сравнения укажем, что для семьи из 6 человек одного хлеба и картофеля требовалось в год на сумму не менее 64 песо⁹.

В силу специфичности развития страны абсолютное большинство чилийских крестьян было безземельным уже в колониальную эпоху, еще до того, как страна встала на капиталистический путь развития. Характерной фигурой в чилийской деревне тех лет являлся *инкилино*. Этим термином называли крестьянина, которому латифундист предоставлял участок земли за оплату долей урожая или отработками, а чаще всего и тем и другим. Обычно землевладелец присваивал от половины до трех четвертей урожая¹⁰. Никаких прав на занимаемый участок инкилино не имел и в любой момент мог быть изгнан без выплаты какой-либо компенсации за произведенные на участке улучшения, как-то: постройку хижины, вырытый колодец и т. д.

Немецкий натуралист Э. Х. Пенниг, который побывал в Чили в 1827—1828 гг., писал: «Никому и в голову не приходило посадить там хотя бы одно фруктовое дерево, так как каждый крестьянин знал, что плодов с него не вкусят ни он сам, ни его потомки. Все старались извлечь из временно принадлежащего им клочка земли только самую ближайшую пользу»¹¹.

Как свидетельствовал современник эпохи историк и ботаник К. Гаи, «труд инкилино — это самый изнурительный и тяжелый труд в мире, а вместе с тем и наименее оплачиваемый»¹².

Целесообразно отметить, что численность инкилино среди всего населения страны возросла с 7 % в 1813 г. до 17 % в 1854 г.¹³

В помещичьих хозяйствах использовался также труд наемных работников — пеонов и рото. В отличие от пеона, работающего в одном хозяйстве более или менее продолжительное время, рото был поденщиком, постоянно скитающимся в поисках еды и ночлега. Рото лишь весьма условно можно отнести к крестьянству, фактически это деклассированные элементы, сельский люмпен-пролетариат.

В день пеон зарабатывал 20 сентаво и получал в качестве дневного рациона тарелку гороха или фасоли. Вечно голодные крестьяне ели недозревшие овощи и фрукты и вследствие этого часто болели. Бывало и так, что работники вовсе не получали денег, с ними расплачивались вещами или продуктами питания по завышенным ценам¹⁴. Иногда содержать хозяйских батраков должны были инкилино.

⁸ Carriola Sutter C., Sunkel O. La historia económica de Chile 1830 y 1930: dos ensayos y una bibliografía. Madrid, 1983. P. 80; Galdames L. Op. cit. P. 358.

⁹ Gay C. Historia física y política de Chile: Agricultura. P., 1862. T. I. P. 92, 178.

¹⁰ Ibid. P. 185.

¹¹ Пенниг Э. Через Анды к Амазонке. М., 1960. С. 27.

¹² Gay C. Op. cit. T. I. P. 152.

¹³ Подсчитано по: Censo de 1813 levantado por Don Juan Egaña. Santiago, 1953; Gay C. Op. cit. P. 149.

¹⁴ Izquierdo F. G. Un estudio de las ideologías chilenas: La sociedad de agricultura en el siglo XIX. Santiago de Chile, 1968. P. 111.

Под влиянием спроса на зерно, предъявляемого Перу, Боливией и Англией, росла товарность сельского хозяйства страны. В 1848 г. для Чили открылся новый рынок — Калифорния, где было найдено золото и куда устремились массы золотоискателей, нуждавшихся в продовольствии. Новый толчок чилийскому сельскому хозяйству был дан в 1851 г., когда золотая лихорадка охватила Австралию. По сравнению с 40-ми годами экспорт зерна увеличился к 1855 г. почти в 4 раза и составил 190 тыс. кинталов¹⁵.

Вскоре значение Калифорнии и Австралии как рынков сбыта для Чили ощутимо уменьшилось, поскольку с конца 50-х годов они сами стали производителями зерновых. К 1874 г. на долю Англии приходилось 63,5 % чилийского экспорта пшеницы, а Перу и Боливии — только 19,2 и 2,6 % соответственно. За 25 лет экспорт вырос в 25 раз и составил в 1874 г. 1,5 млн кинталов¹⁶. В стране расширялись посевные площади, которые увеличились к 1875 г. почти в 3 раза по сравнению с 1842 г., составляя 815 тыс. куадр¹⁷.

Медленно, но все же улучшалась агротехника, возводились оросительные сооружения, внедрялись машины. К интенсивному способу ведения сельского хозяйства чаще переходили недавние старатели или шахтовладельцы и реже потомственные землевладельцы. Большинство же латифундистов предпочитало хозяйствовать по старинке, поскольку, как отмечал К. Гаи, они привыкли «не тратить на обработку своих владений и содержание работников даже один реал»¹⁸.

Английский историк Д. Линч, характеризуя испаноамериканскую асьенду (а она была основным экономическим институтом Чили), определил ее как «относительно малопроизводительное предприятие, дающее продукцию для национального потребления и для экспорта, занимающее слишком много земли и использующее слишком мало капитала и функционирующее в итоге за счет дешевой рабочей силы»¹⁹.

Производительность труда в сельском хозяйстве Чили была очень низкой. Так, при вспашке она была в 4 раза ниже, чем во Франции. Тем не менее гектар земли приносил его владельцу в Чили в 2 раза больше дохода, чем во Франции²⁰. Секрет процветания владельцев асьенд заключался в том, что у крестьян изымался не только прибавочный продукт, но и значительная часть необходимого.

Безземелье крестьян в тех условиях, когда в стране практически не было промышленности, создавало материальную базу для их безудержной эксплуатации. После освобождения от испанской зависимости крупные землевладельцы чувствовали себя господами положения еще в большей степени: в их руках теперь была не только земля, но и власть.

Государственный аппарат на местах непосредственно находился в руках местных крупных землевладельцев. Будучи мировыми судьями, они ставили на должности судейсего или полицейских инспекторов своих батраков. Таким образом, асьенда выполняла не только экономические функции. «Она была социальной и политической организацией, средством контроля, опорой для правящей олигархии»²¹. «Власть превращалась в бич и про-

¹⁵ Чили. М., 1965. С. 184; *Carriola Sutter C., Sunkel O.* Op. cit. P. 75.

¹⁶ Ibid. P. 76.

¹⁷ *Рамирес Некочеа Э.* История рабочего движения в Чили. С. 39.

¹⁸ *Gay C.* Op. cit. P. 202.

¹⁹ *Линч Дж.* Революции в Испанской Америке, 1808—1826. М., 1979. С. 349.

²⁰ *Garces J. E.* Desarrollo político y desarrollo económico: Los casos de Chile y Colombia. Madrid, 1972. P. 49.

²¹ *Линч Дж.* Указ. соч. С. 389.

клятье, несчастные крестьяне жили в постоянном страхе: в любой момент они могли быть подвергнуты самым неприкрытым издевательствам и вымогательствам»²². Даже такой чилийский автор прошлого века, как Лауро Баррос, написавший специальное сочинение в защиту современного ему аграрного строя, отмечал: «Следует признать, что для инкилино не существует справедливости»²³.

В Чили не было законодательства, регулирующего отношения крестьян с асендадос, все зависело от воли последних. Они могли «выбросить на улицу в любое время года, даже в самое суровое, женщин и детей, уменьшать вознаграждение работников до невыносимых размеров, откладывать сроки его выплаты»²⁴.

Латифундисты с презрением относились к крестьянам, рассматривая их скорее как элемент природы, чем людей. Их «подвергали жестоким телесным наказаниям за малейшее упущение или отклонение от данных распоряжений». В 1842 г. в прессе с тревогой отмечалось, что помещики и крестьяне составляют «две различные и враждующие расы, между которыми лежит пропасть», что в стране возможен взрыв анархии²⁵.

В рассматриваемый период не наблюдалось сколько-нибудь заметных выступлений крестьян. Это объясняется рядом обстоятельств, и прежде всего пестротой жизненных условий различных категорий крестьянства, что ослабляло его как класс. Кроме того, чилийские крестьяне жили хуторами, порознь, и лишь в редких случаях компактно. Они не имели такой формы организации, как община. Следует учитывать и мощь государственной машины, в зародыше подавлявшей всякое выступление против властей, и тот факт, что господствующая система обеспечивала придавленность личности.

Неспособность крестьян оказать угнетателям действенное сопротивление обусловила чрезвычайно высокую степень внеэкономического принуждения, используемую в их эксплуатации. Различные люди, посетившие страну в XIX в., сходились во мнении, когда характеризовали господствовавшие в сельском хозяйстве отношения как феодальные. Здесь и немецкий натуралист Э. Пеппиг: «Это был тот же европейский феодализм в несколько подновленном виде»²⁶; французский историк и ботаник К. Гаи, натурализовавшийся с 1828 г. в Чили: «...инкилинат представлял собой вид феодальной аренды»²⁷; лейтенант североамериканской армии М. Джиллис, принимавший участие в астрономической экспедиции в Чили в середине XIX в.: «В чилийской деревне налицо подлинные пороки феодальной системы»²⁸; русский писатель и дипломат А. С. Ионин, побывавший в Чили в 80-х годах: «Уж, право, не знаю, как перевести это слово (инкилино. — *Авт.*) по отношению к Чили — вассалы или крепостные, потому что отношения между господами и рабочими чрезвычайно похожи на прежние крепостные порядки в России»²⁹.

Начиная с 40-х годов правительство стало уделять особое внимание освоению территорий на юге страны. В Чили с тревогой восприняли известие о проходе в 1840 г. нескольких европейских кораблей через Магелланов

²² Izquierdo F. G. Op. cit. P. 120.

²³ Barros L. Ensayo sobre la condición de las clases rurales en Chile. Santiago, 1875. P. 18.

²⁴ Izquierdo F. G. Op. cit. P. 117.

²⁵ Ibid. P. 116, 118, 93.

²⁶ Пеппиг Э. Указ. соч. С. 26.

²⁷ Gay C. Op. cit. T. I. P. 182.

²⁸ Цит. по: Рамирес Некоча Э. Указ. соч. С. 45.

²⁹ Ионин А. С. По Южной Америке. СПб., 1893. Т. 3. С. 181.

пролив³⁰. Основания для тревоги действительно были, если учесть захват Англией Мальвинских островов и давнее стремление европейских стран создать опорные пункты на юге самого Американского континента.

В 1843 г. по распоряжению чилийского правительства на берегу Магелланова пролива был возведен форт Бульнес. Спустя 4 года это поселение было перенесено на новое место и получило название Пунта-Аренас. Для освоения юга страны правительство привлекало иммигрантов из Германии.

Чтобы еще более утвердить права Чили на Арауканию, она была провозглашена в 1852 г. чилийской провинцией Арауко³¹. К тому времени Араукания представляла собой область в 50 тыс. кв. км, заселенную индейцами, которые сумели сохранить свою независимость.

Вдоль границы с территорией, занятой непокоренными индейцами, еще испанские колониальные власти практиковали раздачу земли простым крестьянам. «Опасность индейского соседства обесценивала эту землю. И все же, имея собственный клочок земли, крестьяне здесь чувствовали себя самостоятельными хозяевами»³². После войны за независимость эта прослойка «самостоятельных хозяев» непрерывно пополнялась за счет тех, кто селился с согласия индейцев по другой стороне границы.

Как правило, эти крестьяне организовывали свои хозяйства на деньги, взятые в долг у ростовщиков под чрезвычайно высокие годовые, достигавшие 50—60 %. Чтобы в срок рассчитаться с долгом, урожай зачастую продавали на корню тем же кредиторам³³.

Хотя законодательство Чили и запрещало переселение на территорию Араукании, но остановить этот процесс оказалось невозможным. Осознав тщетность своих намерений, с одной стороны, а с другой — будучи заинтересованными теперь в колонизации новой провинции Арауко, власти перешли к политике регулирования в интересах имущих классов этого процесса.

С 1856 г. чилийские граждане получили право покупать земли индейцев, но при этом устанавливалось, что покупателями не могли быть так называемые «подстрекатели, которые настраивают индейцев против власти»³⁴.

Согласно декрету от 23 марта 1857 г., все земельные сделки должны были утверждаться властями. Хотя и декларировалось, что цель декрета — «покончить с многочисленными нарушениями, совершаемыми даже самими чиновниками»³⁵, в действительности он был вызван стремлением не допустить к земле неимущих.

В 1859 г. чилийская армия стала теснить индейцев к югу от р. Био-Био, возводя на захваченной территории укрепленные пункты. Проникновение войск в глубь Араукании сопровождалось захватом земель индейцев³⁶.

Полковник Сааведра, возглавлявший экспедиционный корпус, сообщал в 1861 г. военному министру об обманах, «сопровождаявших приобретение индейских земель и создавших полный хаос в вопросах юридической принадлежности этих земель»³⁷. Так, продавались чужие земли, которые, попадая

³⁰ Чтобы избежать опасностей, связанных с плаванием по этому проливу, мореплаватели предпочитали пользоваться проливом Дрейка.

³¹ Hartwig V. Die Indianer-Agrarfrage in Chile bis 1970. В., 1976. S. 177.

³² Pennuz Э. Указ. соч. С. 25.

³³ Gay C. Op. cit. P. 202.

³⁴ Ibid. P. 93.

³⁵ Ibid.

³⁶ В такой обстановке среди индейцев объявился в 1861 г. французский нотариус Антуан Туан, который провозгласил себя королем Араукании и Патагонии под именем Орели Антуан I. Присоединившиеся к нему индейцы были вскоре рассеяны, а сам он захвачен чилийскими войсками и выслан из страны.

³⁷ Цит. по: Lipschutz A. La comunidad indigena en América y en Chile. Santiago, 1956. P. 134.

в третьи руки, ставили перед судами поистине неразрешимые проблемы. По поводу некоторых участков тяжбы тянулись вплоть до 50-х годов XX в.³⁸

Размах земельных спекуляций, противоречащих политическим и экономическим интересам государства, вынудил власти заняться вопросами земельной собственности в Араукании. Законом от 4 декабря 1866 г. все пустующие земли этой области были объявлены собственностью государства³⁹. Эти земли подлежали разделу на участки размером в 500 га с последующей продажей с торгов.

В соответствии с тем же законом купчие на земли могли оформляться лишь в том случае, если продавец предъявлял соответствующие документы⁴⁰.

Правительство Чили вынудило верховного вождя Араукании Килауэке подписать 24 сентября 1869 г. договор, по которому индейцы обязывались не сдавать в аренду и не закладывать свои земли. Отныне их единственным покупателем могло быть только правительство Чили⁴¹.

Войска методически вели наступление на араукаские земли, сооружая на их территории новые крепости и военные поселения. Индейские войска сложили оружие только в 1885 г.

Основным источником национального дохода Чили была горнодобывающая промышленность, и прежде всего медная. В 1835—1843 гг. страна занимала третье место в мире по добыче этого металла, затем в 1844—1850 гг. вышла на второе и, наконец, в 1851—1880 гг. — на первое место. В течение ряда лет Чили давала 50, а иногда и 60 % всего мирового производства меди⁴². Могучим фактором развития горнорудного дела был растущий спрос европейской промышленности на сырье. Что касается серебра, то его среднегодовая добыча достигла в 50—60-е годы пика в 124 542 кг и резко снизилась в последующие десятилетия в связи с истощением разведанных месторождений⁴³.

Добыча руды осуществлялась множеством мелких собственников, владельцев одного или нескольких рудников. Как правило, эти старатели не располагали собственными средствами для их эксплуатации и прибегали к помощи так называемых поставщиков и владельцев ссудных касс, на складах которых можно было взять в кредит продукты и орудия труда. Если владелец рудника не выполнял своих обязательств перед поставщиком, он лишался своего рудника, служившего залогом долга. Кроме того, в большинстве случаев старатель обязывался в уплату долга продавать свою продукцию только кредитору по заранее установленным ценам⁴⁴.

Кредиты предоставлялись под истинно ростовщический процент, фактически достигавший 30—40 % годовых. Ввиду прибыльности число подобных кредиторов постоянно росло, и за короткий срок они приобретали огромные состояния. Лишь в редких случаях накопленные средства вкладывались в горнорудную промышленность. Обычно же они продолжали использоваться в качестве ссудного капитала.

³⁸ Chile: Tenencia de la tierra y desarrollo socio-económico del sector agrícola. Santiago de Chile, 1966. P. 9.

³⁹ Текст закона приведен в приложении к кн.: *Hartwig V.* Op. cit. P. 178—180.

⁴⁰ Судя по выступлениям на национальной конференции 1929 г., которая была посвящена проблемам сельского хозяйства в Чили, даже в то время были семьи, владевшие земельными участками на территории бывшей Араукании с 60—70-х годов XIX в., но не имевшие на них права собственности. См.: Conferencia económico-social agrícola. Academia de ciencias económicas. Santiago de Chile, 1930. P. 122, 171, 633.

⁴¹ *Lipschutz A.* Op. cit. P. 137.

⁴² *Рамирес Некоча Э.* Зарождение и развитие Коммунистической партии Чили: Очерк социальной и политической истории Чили. М., 1984. С. 17.

⁴³ *Jobet J. C.* Ensayo crítico del desarrollo económico-social de Chile. Santiago, 1955. P. 55.

⁴⁴ *Рамирес Некоча Э.* История рабочего движения в Чили. С. 31.

Трес Пунтас, транспортировка руды из шахты «Буэна эсперанса»

Именно тот факт, что добыча меди и других металлов велась не крупными предпринимателями-капиталистами, а множеством мелких производителей, позволил Э. Рамиресу Некочеа, видному специалисту по социальной истории Чили, сделать вывод, что само это производство «в основном не носило капиталистического характера»⁴⁵.

В эксплуатации чилийских медных рудников принимало участие и несколько английских компаний. Хотя их производственная мощность составляла от 20 до 30 % общего объема всего производства меди в стране, но, взяв под контроль рынки сбыта, эти компании сумели установить фактическую монополию на добычу меди. Сложилось такое положение, что горно-рудная промышленность приносила больше доходов английским капиталистам, чем чилийским промышленникам или национальному хозяйству⁴⁶.

В 1851 г. начинается строительство железной дороги от Сантьяго до Вальпараисо, которую удалось закончить в 1863 г. К 1877 г. эта линия была продолжена до Чильяно.

Потребности железнодорожного и морского транспорта, горнодобывающей промышленности и основание медеплавильных предприятий повлекли за собой развитие чилийской угледобывающей промышленности. В 1843 г. началась разработка каменноугольных залежей в Леркене, а в 1848 г. — в районах Коронель и Лота.

На базе развития чилийской промышленности и накопления капитала в стране росла и крепла местная буржуазия. Либерально настроенные ее представители и интеллигенция организовывали кружки и группы, на

⁴⁵ Там же. С. 33—34.

⁴⁶ Рамирес Некочеа Э. История империализма в Чили. М., 1964. С. 66; Он же. История рабочего движения в Чили. С. 27.

собраниях которых подвергали критике современную им действительность. Они выступали с требованием ограничить прерогативы исполнительной власти, демократизировать избирательную систему, отменить привилегии земельной олигархии.

В конце 1845 г. либералы создали сначала Демократическое общество, а затем «Общество Кауполикан». Стремясь предотвратить нарастание оппозиционных настроений, правительство объявило провинцию Сантьяго на осадном положении, в связи с чем деятельность этих обществ стала невозможной. Через несколько лет, в 1849 г., в Сантьяго был основан новый политический центр — Клуб реформы, объединявший тех, кто выступал с критикой существующего общества. Но если одни, такие, как Б. Викунья Маккенна, ограничивались лишь требованием демократизации политической жизни, то другие считали идеалом общество, в котором все классы были бы равны. В силу разнородности состава клуб через несколько месяцев распался.

В апреле 1850 г. Франсиско Бильбао и Сантьяго Аркос основали в столице Чили Общество Равенства, в котором пропагандировались идеи французского утопического социализма. Оба организатора общества были выходцами из богатых чилийских семей, по нескольку лет прожили во Франции и даже принимали участие в боях на парижских баррикадах во время революции 1848 г.

К октябрю 1850 г. Общество Равенства насчитывало около 4 тыс. членов, большинство из которых составляли ремесленники и представители интеллигенции. В газете «Амиго дель пуэбло» («Друг народа»), печатном органе организации, выдвигалась идея создания касс взаимопомощи и рабочих банков, которые должны были способствовать переустройству общества. Вместе с тем Бильбао и Аркос не исключали насильственного перераспределения средств производства, и прежде всего земли.

Общество Равенства развернуло свою деятельность, когда страна готовилась к выборам. Завершался второй срок президентства Бульнеса (1841—1851). В такой обстановке призывы к коренному социальному переустройству не могли не обеспокоить власти, и Общество Равенства было запрещено. В ответ на это в Сантьяго в конце 1850 г. вспыхнуло восстание, подавленное войсками. Последовали репрессии: многие оказались в тюрьме либо были высланы.

В апреле 1851 г. столица вновь стала ареной кровопролитных боев. На этот раз восстание было организовано полковником Урриолой, Викуньей Маккенной и Х. М. Каррерой — сыном известного участника войны за независимость. Восстание было подавлено, оно стоило жизни почти тысяче повстанцев. Полковник Урриола погиб, Викунья Маккенна был приговорен к смертной казни, но ему удалось бежать за границу, Х. М. Каррера с горсткой борцов пробрался на север страны.

В обстановке крайней политической напряженности правительство сумело провести на пост президента своего кандидата М. Монтта.

Сложившаяся ситуация, при которой всю власть в стране прочно захватили латифундисты и крупные торговцы центра страны, перекладывавшие налоговое бремя на горнодобывающий север и земледельческий юг, вызвала недовольство населения этих районов. Вслед за избранием М. Монтта президентом в провинциях Ла-Серена и Консепсьон, представители которых голосовали за генерала де ла Круса, произошло восстание. На юге вооруженное выступление (сентябрь 1851 г.) возглавили представители местной земельной аристократии, издавна стремившиеся к власти. Генерал де ла Крус сумел организовать почти 4-тысячный корпус, включив в него пограничные войска, гражданскую милицию провинции и араукан. После ожесточенных

боев правительственные войска в декабре 1851 г. вынудили повстанцев капитулировать.

По-прежнему развивались события в Ла-Серене, где антиправительственное выступление носило характер широкого народного движения за социальную справедливость. Среди руководителей восстания был участник Общества Равенства П. Муньос. Вскоре революционное движение перекинулось в Кокимбо, Копьяпо и Чаньярсильо. Основную массу его участников составляли шахтеры, мелкие старатели, ремесленники, а также рабочие, прокладывавшие железную дорогу. Богатые горнопромышленники, напуганные размахом народного движения, на свои средства сформировали отряд численностью в тысячу человек, который совместно с правительственными войсками действовал против повстанцев. В течение нескольких месяцев отбивались повстанцы в осажденном городе Ла-Серена. 31 декабря 1851 г. защитники города, подвергаемого непрерывному артиллерийскому обстрелу, вынуждены были сдать его, а в январе 1852 г. пал Копьяпо — последний оплот революционных сил на севере страны.

Правительство Монтта оказалось в состоянии овладеть положением. Но последние события показали, что правительству необходимо учитывать и требования оппозиции. Одним из первых шагов такого рода стала отмена майората. 14 июня 1852 г. был обнародован закон, по которому неотчуждаемые прежде землевладения подлежали продаже или разделу.

Стремясь упрочить позиции правительства, М. Монтт и его министр внутренних дел А. Варас организовали в декабре 1857 г. национальную партию, объединившую традиционных сторонников правительства и часть либеральной буржуазии. По имени своих руководителей эту партию называли партией монттваристов.

Часть буржуазной оппозиции продолжала борьбу за радикальный пересмотр конституции 1833 года. Лидерами оппозиции были Б. Видуэла Маккенна, И. Эррасурис, Х. Алемпарте, а также выходцы из семей богатых горнопромышленников Копьяпо братья Гальо и братья Матта. Они выступали за свободные выборы и ограничение полномочий исполнительной власти.

За участие в декабре 1858 г. в митинге, запрещенном властями, несколько руководителей либералов были приговорены к смертной казни, замененной затем изгнанием из страны. Обострение политической борьбы было самым тесным образом связано с ухудшением экономического положения страны. Вслед за европейским кризисом 1857 г. в Чили произошло падение цен на медь и зерно, а это привело к резкому снижению деловой активности — массовой безработице и разорениям.

В конце 1858—начале 1859 г. волна вооруженных выступлений прокатилась по ряду чилийских городов. Наибольшим размахом отличалось восстание в Копьяпо. Правителем этого города был провозглашен П. Л. Матта, на свои средства вооруживший 700 человек. Провинция Атакама объявила о выходе из подчинения властям до тех пор, пока не будет созвано Учредительное собрание. Сначала боевые действия разворачивались для повстанцев благоприятно. После разгрома в сражении при Лос-Лоресе 14 марта 1859 г. правительственного отряда, насчитывавшего 1600 человек, они заняли город Ла-Серену. Но в дальнейшем 5-тысячная армия генерала Видаурре сумела подавить восстание, а сам Матта с 700 повстанцами был интернирован в аргентинском городе Сан-Хуан.

На рубеже 50—60-х годов обстановка в стране была неблагоприятной для правительства. Именно поэтому Монтт отказался от попыток провести на пост президента своего единомышленника А. Вараса и поддержал компромиссную фигуру Х. Х. Переса, избранного главой государства в 1861 г.

Как и его предшественники, он оставался президентом два срока — до 1871 г.

В начале 60-х годов Чили принимала участие в первой Тихоокеанской войне против Испании, которая поставила целью хотя бы частично вернуть позиции, утраченные на Американском континенте. Весной 1861 г. ей удалось установить власть над Доминиканской Республикой. В том же году совместно с Англией и Францией Испания приняла участие в нападении на Мексику. Но вынужденная вывести оттуда свои войска, направила агрессию против Перу. Предлогом для нападения на Перу явился отказ этой страны выплатить Испании задолженность, которая числилась за перуанским вице-королевством.

В апреле 1864 г. испанский флот занял перуанские острова Чинча, богатые залежами гуано. Чилийское государство, расценившее агрессию Испании как наступление на все страны Испанской Америки, решительно выразило готовность поддержать Перу.

Отношения между Испанией и Чили резко обострились. 18 сентября 1865 г., в годовщину независимости Чили, испанская эскадра появилась в гавани Вальпараисо, и ее командующий потребовал, чтобы в честь испанского флота был дан салют. В ответ чилийский конгресс 25 сентября 1866 г. объявил Испании войну. С Перу, Эквадором и Боливией был заключен военный союз. В сложившейся обстановке Мадрид не рискнул начать серьезную войну. Обстреляв несколько городов побережья, в том числе и Вальпараисо, не имевшее никаких оборонительных сооружений, испанский флот в мае 1866 г. вернулся в Европу.

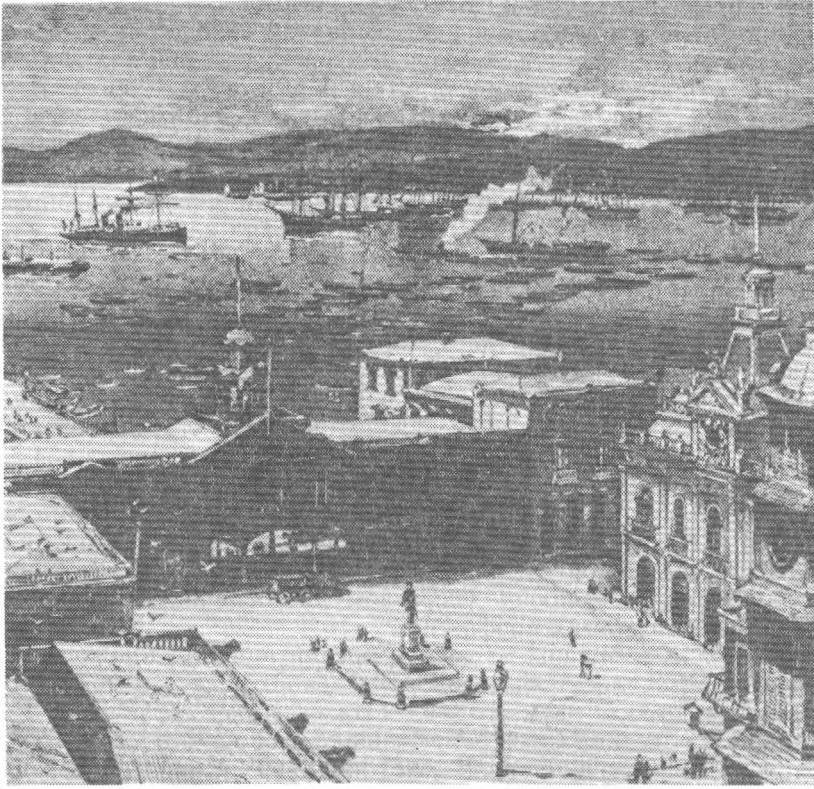
По окончании Тихоокеанской войны буржуазия с новой силой развернула борьбу за пересмотр конституции 1833 года. В 1871 г. конгресс принял поправку, запрещающую переизбрание на пост президента. Срок полномочий президента остался прежним — 5 лет. В период президентства Ф. Эррасуриса Саньярту (1871—1876) в конституцию были внесены новые поправки, предусматривавшие сокращение сроков полномочий сенаторов с 9 до 6 лет и избрание их прямым голосованием. При этом ограничивалось право президента пользоваться чрезвычайными полномочиями и объявлять страну или отдельные провинции на осадном положении.

В 1874—1879 гг. экономика Чили переживала кризис, являвшийся следствием мирового экономического кризиса. В стране еще более обострились социальные противоречия. Отличительной особенностью этого периода было активное включение в общественную жизнь страны наемных работников.

К концу 70-х годов численность наемных работников составила примерно 100 тыс. человек. Они были распылены по мелким предприятиям и шахтам. В стране не было условий для появления более или менее крупных рабочих центров. Исключение составляли такие города, как Вальпараисо и Сантьяго. Меньшее значение имели Консепсьон, Коронель, Копьяпо, Ла-Серена, Вальдивия и Кокимбо.

До Тихоокеанской войны чилийский пролетариат по своему характеру не был промышленным. В стране имелись лишь самые первые зачатки промышленного производства, но уже ясно различались такие группы или слои, как горняки, строители, портовики и железнодорожники. Все они в известной мере отличались друг от друга в первую очередь спецификой выполнявшихся работ и некоторыми особенностями в условиях жизни и труда.

Условия труда наемных работников в Чили оставались крайне тяжелыми. Рабочий день, как правило, колебался от 12 до 14 часов, а нередко длился 306 и 16 часов в сутки. Имелись категории (например, пекари), которые

Гавань Вальпараисо

вплоть до конца XIX в. были вынуждены работать по 17 часов в день, включая воскресные и праздничные дни.

Повсюду использовалась почти исключительно сила рабочих рук. Особенно изнурительным был ручной труд на шахтах, в портах. На местах работы ничего не делалось для охраны жизни и здоровья тружеников. Они часто оказывались жертвами несчастных случаев. Бедственное положение последних усугублялось отсутствием пособий и страховых выплат. В различных областях экономики были заняты не только мужчины, но также женщины и дети. Труд женщин использовался даже на предприятиях горнодобывающей промышленности, особенно на промывке золота.

Заработная плата во всех без исключения отраслях производства была чрезвычайно низкой, ее не хватало на удовлетворение самых минимальных потребностей. Предприниматели прибегали к различным ухищрениям, чтобы еще более урезать заработную плату. Так, выплата заработной платы осуществлялась чеками или бонами, но нигде, даже в лавках, принадлежавших тем, кто выдавал бонны или чеки, последние не принимались по их нарицательной стоимости, обычно стоимость их снижалась на 30—40 %.

Как правило, на шахтах заработная плата выдавалась со значительными интервалами — через 4, 6 и более месяцев. Не получая заработной платы

в течение длительного времени, работники были вынуждены просить аванс у предпринимателя или жить в кредит. В первом случае они всегда оказывались должниками хозяина к моменту выдачи заработной платы и подведения баланса; во втором случае были вынуждены покупать продукты первой необходимости с огромными наценками. Бывало, что к моменту выдачи зарплаты предприниматели объявляли себя банкротами, оставляя работников без денег, а их семьи обрекая на нищету.

В поисках лучшей жизни наиболее предприимчивые перебирались в соседние страны. В 60-е годы из Чили эмигрировал каждый 18-й взрослый мужчина⁴⁷. Опасаясь, что отлив рабочих рук снизит их доходы, крупные землевладельцы и шахтовладельцы добивались принятия законодательства, препятствующего выезду за границу. Генеральный викарий потребовал, чтобы священники выступали перед прихожанами с проповедями против эмиграции.

Произвол хозяев, нищета и социальная несправедливость являлись причиной большинства стихийных волнений трудящихся в этот период. Одним из первых таких выступлений был бунт горняков в Чаньярсильо в 1834 г. Такие же бунты имели место и в угольной зоне в районе Консепсьона. Даже первые забастовки чилийских трудящихся — в их числе можно назвать стачку портных Сантьяго (1848), сапожников Вальпараисо (1853) шахтеров Лоты (1859), грузчиков Вальпараисо (1861), работников типографий Сантьяго (1872) — отличались упорством бастовавших и солидарностью с ними трудящихся других профессий.

В середине XIX в. возникают первые организации трудящихся. В 1847 г. в Сантьяго образовалось общество ремесленников, в сентябре 1853 г. — общество типографов, а двумя годами позже — такое же общество в Вальпараисо, в 1862 г. возник Союз ремесленников города Ла-Серена. К началу 80-х годов в Чили существовало уже около 60 различных организаций. Почти все они являлись организациями взаимопомощи или кооперативами и объединяли главным образом ремесленников, стремившихся оградить себя от безработицы и нищеты. В отличие от них Клуб рабочих, возникший в Сантьяго в 1863 г., стал одним из зародышей организации политического характера⁴⁸.

Передовые представители чилийских трудящихся поняли необходимость организованной борьбы за свои насущные интересы, за улучшение условий жизни и труда. Оказывая сопротивление беспощадному экономическому и социальному угнетению, чилийский пролетариат постепенно выковывал формы и методы политической и экономической борьбы, вырабатывал классовое самосознание.

Немалое значение имели также опыт классовой борьбы и пролетарская идеология, привнесенные передовыми рабочими, эмигрировавшими в Чили после поражения революции 1848 г. в Европе. В начале 70-х годов XIX в. в Пунта-Аренас прибыло около 300 французских коммунаров, которые позже приняли активное участие в рабочем движении Чили.

Во второй половине XIX в. в Чили получил известное распространение марксизм.

Несмотря на то что экономическое развитие Чили во второй половине XIX в. значительно продвинулось вперед, процесс перехода страны на путь капитализма развивался крайне медленно. Полуфеодальные производствен-

⁴⁷ Izquierdo F. G. Op. cit. P. 135.

⁴⁸ Лусто В. В. Рабочий класс и его профсоюзы в борьбе за единство и социальный прогресс // Чили. М., 1965. С. 67.

ные отношения не были ликвидированы и продолжали играть весьма важную роль.

Исходя из ленинской характеристики путей развития капитализма, можно отметить, что в Чили он развивался как «помещичий, полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для масс»⁴⁹.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 6.

ВЕНЕСУЭЛА В 30—60-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Глава 7

ИТОГИ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ В 30-е ГОДЫ

Борьба против общего врага — Испании — сплотила народы Венесуэлы, Колумбии и Эквадора, объединившиеся в ходе войны за независимость в единое государство — Республику Колумбию. Но когда с колониальной независимостью было покончено, никакие усилия С. Боливара — президента Великой Колумбии¹ — сохранить это государственное объединение в конечном итоге успеха не имели. В основе сепаратистских тенденций лежала борьба за власть соперничавших между собой семей земельной аристократии — старого феодального класса с представителями военной верхушки, обогатившимися на конфискациях земель испанцев-роялистов. Но не только это соперничество стало причиной распада Великой Колумбии. Тяжелые последствия 300 лет колониального господства Испании, заинтересованной в сохранении экономической обособленности, а значит, и экономической слабости отдельных районов огромной колониальной империи, не могли быть преодолены в первые же годы существования молодой Республики. Напротив, длительная кровопролитная война за независимость объективно способствовала дальнейшему углублению экономического кризиса и нарушению даже тех связей между отдельными регионами, которые вопреки колонизаторским устремлениям Испании сложились к концу XVIII в.

Группа сторонников раскола в Венесуэле возникла в 1822 г. Но тогда война с Испанией еще продолжалась и опасность реставрации колониального ига не создавала необходимых условий для деятельности сепаратистов. В 1826 г. с окончанием войны обстановка изменилась. Правда, еще оставалась опасность реставрации, но узкоместнические интересы феодальных по существу групп мешали им видеть это. Всеобщее разорение, всегда сопутствующее длительным войнам, усугубило обнищание основной массы населения и создало благоприятную почву для деятельности сепаратистов. В Венесуэле их возглавил бывший сподвижник С. Боливара по освободительной войне Хосе Антонио Паэс.

Поводом для всеобщего недовольства стал вопрос о выплате долга Вели-

¹ Так называли ее современники. Под этим же именем Республика 1819—1830 гг. известна и в историографии.

кой Колумбии. Венесуэла в ходе войны, как и другие районы Великой Колумбии, была разорена. Сельское хозяйство пришло в запустение, торговля была подорвана, населению нечем было платить налоги, казна была пуста. В этой обстановке сторонники раскола повели активную агитацию, обвиняя Боливару в забвении национальных интересов и призывая к выходу из состава Великой Колумбии. В том же, 1826 г. в Венесуэле началось восстание, спровоцированное сепаратистами. Его возглавил Х. А. Паэс. Боливару пришлось оставить Освободительную армию, находившуюся в тот момент в Перу, и срочно вернуться в Венесуэлу. Тогда ему удалось помешать сепаратистам довести дело до конца. Но не надолго. Установление личной диктатуры Боливару в 1828 г., к чему его вынудило резкое обострение политического кризиса, только подлило масла в огонь. Сепаратисты повели борьбу за раскол уже под лозунгом защиты демократии. Следует отметить, что с самого начала сепаратисты пользовались поддержкой Великобритании, с трезвой следившей за деятельностью С. Боливару, направленной на укрепление союза Колумбии, Венесуэлы и Эквадора, и дальнейшее его расширение за счет Боливии и Перу. Протекционистские меры Боливару (август—сентябрь 1829 г.) в защиту эквадорской текстильной промышленности против дешевого английского текстиля активизировали англичан. В Каракасе появился «связанный узами дружбы» с Х. А. Паэсом подполковник Э. К. Флеминг, предложивший оружие и военное снаряжение для поддержки сепаратистов². В ноябре 1829 г. в Каракасе и Валенсии вспыхнули народные волнения, вызванные тяжелым экономическим положением. Они были использованы сепаратистами для разрыва с Великой Колумбией.

В декабре 1829 г. в Валенсии собрался Конституционный конгресс, который высказался за отделение от Великой Колумбии. 13 января 1830 г. Паэс сформировал временное правительство, и всякие узы с Республикой Колумбией были порваны окончательно. Впоследствии в автобиографии Паэс так объяснял мотивы отделения: «Венесуэла не могла быть счастливой, находясь в зависимости от Колумбии; она нуждалась в собственном правительстве, так же как и в свободе распоряжаться своими ресурсами. Нам было плохо жить под управлением Боготы, которой приходилось платить разного рода налоги без какой-либо компенсации»³.

Создание независимого государства было закреплено принятием конституции Республики Венесуэла (22 сентября 1830 г.). Она носила, по существу, антидемократический характер, так как вводила имущественный и образовательный цензы и устанавливала многостепенные выборы. При крайней нищете населения, его почти поголовной неграмотности и огромном влиянии отдельных землевладельческих группировок на местах эта конституция надежно охраняла интересы крупных землевладельцев и торговцев-ростовщиков. Учитывая, что лица наемного труда и женщины избирательными правами не пользовались, можно согласиться с мнением прогрессивного венесуэльского историка Ф. Брито Фигероа, что конституция 1830 года лишала избирательных прав 92 % венесуэльцев⁴.

Конституция 1830 года закрепляла политическое господство крупных землевладельцев. В то же время она была последовательно антиклерикальной. Католицизм не был объявлен государственной религией. Несколько позже, 14 октября 1830 г., Национальный конгресс ратифицировал принятый еще парламентом Великой Колумбии в апреле 1824 г. закон о патронате госу-

² *Paredes Ferrer A.* Historia de las guerras civiles colombianas: 1 // La guerra de 1830. Bogotá, 1985. P. 83.

³ *Paéz J. A.* Autobiografía del general José Antonio Paéz. Caracas, 1946. T. 2. P. 31, 32.

310 ⁴ *Brilo Figueroa F.* Tiempo de Ezequiel Zamora. 3 ed. Caracas, 1975. P. 66.

дарства над церковью. Прежние права короля перешли теперь к республике.

Война за независимость, ставшая одновременно первой буржуазной революцией для Венесуэлы, имела своим результатом не только создание независимого государства с республиканской формой правления и другими атрибутами, присущими буржуазной надстройке. Она в конечном итоге создала ряд необходимых условий для формирования капиталистического способа производства. Королевское право на землю было ликвидировано. Земля стала частной собственностью, превратившись в предмет свободной купли-продажи. Это было необходимым условием для развития капиталистических отношений в деревне. В условиях Венесуэлы они начали развиваться по «прусскому пути».

Крупное землевладение, характерное для последнего этапа колониальной зависимости, не было уничтожено революцией. Оно сохранилось, в ряде случаев помняв лишь владельца. Принятый еще в годы войны за независимость декрет С. Боливара «О разделе между офицерами и солдатами имущества, конфискованного у royalists испанского и американского происхождения» (1817 г.)⁵, в последующие годы облегчил процесс перераспределения земли и ее дальнейшей концентрации. Этим же целям послужил изданный уже в первый год существования независимой Венесуэлы декрет от 15 октября 1830 г. о продаже пустующих земель. И в этом случае в продажу пошли не только действительно пустующие земли, но и земли индейских общин, которые не всегда могли подтвердить свое право на владение землей соответствующими документами.

Так республика содействовала начавшемуся еще в колониальный период процессу отделения непосредственного производителя — крестьянина — от средств производства — земли, создавая тем самым необходимые условия для развития капитализма.

Однако новые производственные отношения в условиях Венесуэлы медленно пробивали себе дорогу. Традиционные порядки оказались живучими, потому что пришедший в результате революции к власти класс землевладельцев-латифундистов опасался радикальных перемен в жизненно важной для себя сфере и делал все возможное для консервации прежних отношений. Это облегчалось обстановкой экономической разрухи, всегда сопутствующей длительным войнам. Производительным силам страны был нанесен огромный ущерб. Население сократилось почти на 30 % (в годы войны погибли или покинули пределы Венесуэлы 262 тыс. человек)⁶. Сельское хозяйство переживало упадок. Из-за недостатка рабочих рук и нарушения прежних торговых связей, как внутренних, так и внешних, сократилось производство традиционных сельскохозяйственных культур: какао, индиго, хлопка, табака. По этим же причинам снизилась товарность сельского хозяйства.

В этой обстановке земельным собственникам нетрудно было сохранить старые, феодальные по своему существу производственные отношения. Закон «О свободе чрева» (2 октября 1830 г.)⁷ облегчил им эту задачу, пополнив ряды зависимого крестьянства за счет юридически свободных детей рабов, обязанных трудиться на хозяев своих родителей до 21 года. Продолжали сохраняться некоторые формы внеэкономического принуждения: так называемое «право на вход», «дорожный сбор», «права на пастбища и воду» и т. д.

Сохранялись различные виды феодальной ренты — отработочная, издоль-

⁵ *Materiales para el estudio de la cuestión agraria en Venezuela*. Caracas, 1964. P. 204, 205.

⁶ *Codazzi A. Resumen de la geografía de Venezuela*. P., 1841. P. 245.

⁷ *Brito Figueroa F. Op. cit.* P. 67.

щина. Это стало возможным потому, что венесуэльское крестьянство в своей массе было лишено земли. Крупное землевладение колониальных времен не было ликвидировано. «Паэс и другие руководители войны за независимость, не имевшие прежде земли, при помощи группы спекулянтов начали скупать по смехотворно низким ценам сертификаты на владение землей, прежде всего льянерос Апуре и востока». Таким образом колониальная латифундия перешла без какого-либо изменения в руки Паэса, Монагаса и других каудильо, которые, «вступив в войну без какой-либо собственности, превратились в самых богатых людей Венесуэлы»⁸.

Продолжало сохраняться рабство. Изданный в годы войны за независимость С. Боливаром декрет об освобождении рабов касался только тех рабов, которые находились в рядах Освободительной армии. Но смертельного удара по рабству он не нанес, так как затронул лишь небольшое число рабов (хозяева всячески препятствовали вступлению своих рабов в Освободительную армию).

Таким образом, социальную структуру венесуэльского общества очень мало затронула буржуазная революция в силу того, что она привела к власти земельную аристократию. В Венесуэле были созданы лишь благоприятные перспективы для перемен в дальнейшем. Но одна прослойка венесуэльского общества, а именно торговцы, немедленно воспользовались плодами революции.

Экономическое районирование страны сложилось еще в колониальный период. Оно характеризовалось тесными связями торговцев Каракаса и городов, расположенных на побережье и живших за счет экспорта хлопка, табака, какао и крупного рогатого скота, с богатыми скотовладельцами льянерос Ориноко и землевладельческой верхушкой на западе страны, на побережье и в предгорьях Анд. Это положение не изменилось в ходе революции, и формирование нового класса буржуазии пошло не только за счет лиц, не связанных с землей, но и за счет представителей феодально-землевладельческого класса, сохранивших свои владения. Поэтому формирование класса буржуазии затянулось на длительное время, а с ним и общий процесс развития капитализма.

Поскольку интересы пришедшей к власти землевладельческой верхушки прямо зависели от восстановления внешней торговли, то вполне естественно, что первые мероприятия новой власти были направлены на то, чтобы облегчить торговой прослойке городов ведение ее операций. Поэтому уже в октябре 1830 г. правительство Паэса позаботилось об открытии для внешней торговли 10 портов страны. Дополнительно к ним для экспорта открывались 6 портов, а для импорта — еще 3 порта. При этом правительство на первых порах позаботилось о покровительственных мерах, с тем чтобы облегчить восстановление сельского хозяйства. Так, в соответствии с уже упомянутым законом, был запрещен импорт муки, табака, кофе, сахарного тростника и изделий из него и до 1833 г. — экспорт лошадей, коров, мулов из-за сильного сокращения поголовья скота в годы войны, а также экспорт какао, кофе, хлопка, каменного угля, сахара, водки, пшеницы, с тем чтобы снизить высокие цены на эти продукты, установившиеся в годы военных действий, когда производство их сильно сократилось⁹.

Принятые правительством меры обеспечили включение Венесуэлы в орбиту мирового капиталистического рынка. Это неизбежно должно было вовлечь страну в систему капиталистических отношений. Экономика посте-

⁸ Vallenilla Lanz L. *Cesarismo democrático*. Caracas, 1952. P. 200.

ленно восстанавливалась, о чем свидетельствовал рост объема внешней торговли, который с 1829 по 1839 г. увеличился почти вдвое (с 5 587 104 до 9 664 742 песо)¹⁰.

Развитие торговли стимулировало дорожное строительство, что было неперенным условием и спутником развивающегося капитализма. Об этом свидетельствовал и рост товарности сельского хозяйства, продукция которого вывозилась в Европу и США: какао — в Испанию и Францию, кожи и сахар — в Англию и США, табак — в Гамбург и Данию, кофе — в Гамбург, Нью-Йорк и Новый Орлеан¹¹. Возрождались старые и появлялись новые мануфактуры и ремесленные мастерские. Восстанавливались и модернизировались, а также открывались новые солеварни и угольные копи. Росло число лиц наемного труда. Поскольку внутренние возможности для его дальнейшего роста были ограничены заинтересованностью землевладельческой верхушки в сохранении различных видов принудительного труда в деревне, правительство пыталось найти выход за счет привлечения иммигрантов из Европы, опубликовав специальный декрет¹².

Однако основная деловая активность сосредоточивалась в торговой сфере. Торговцы, связанные с экспортом и импортом, быстро наживали огромные состояния. Внешняя торговля стала самым прибыльным делом. Ему занимались старые опытные дельцы, в основном испанцы, а также другие иностранные граждане — англичане, немцы, американцы, французы. Они диктовали цены на скупаемую к экспорту продукцию, подчас разоряя небогатых хозяев, которые в надежде на новые урожаи влезали в долги у тех же торговцев или профессиональных ростовщиков. Об экономическом могуществе и возросшем политическом влиянии последних свидетельствовал изданный правительством закон от 10 апреля 1834 г. о «свободе контрактов». Он окончательно развязал руки торговцам-монополистам и ростовщикам в установлении произвольных цен на скупаемые товары и размеры годового процента при получении ссуд. Последний достигал грабительских размеров — иногда до 45 %¹³. Таким образом, иностранные торговцы, разоряя Венесуэлу, тормозили процесс первоначального накопления капитала и тем самым развитие капитализма.

Новые земельные собственники — представители военной верхушки,

Х. А. ПАЗ

¹⁰ Codazzi A. Op. cit. P. 327.

¹¹ Brito Figueroa F. Op. cit. P. 63.

¹² Шахлохова Т. Н. Политическая борьба в Венесуэле накануне Федеральной войны // Учен. зап. Юго-Осетинского гос. пед. ин-та. Т. 16. Серия гуманитарных наук. Цхинвали, 1972. С. 92.

¹³ Brito Figueroa F. Op. cit. P. 41.

обогатившиеся в результате войны за независимость и вступившие в союз с крупными торговцами, были той силой, которая возглавила движение за раскол Великой Колумбии. Когда их цель была достигнута, они же оказались у руля правления молодого венесуэльского государства. Первое правительство возглавил Х. А. Паэс.

Защищая интересы новых владельцев земли, Паэс повел решительное наступление на позиции церкви, которая не могла примириться с революцией. Когда на установление патроната (1830 г.) церковники ответили восстанием 1831 г., которое Паэсу удалось довольно быстро подавить, правительство пошло еще дальше. 6 апреля 1833 г. был принят закон об отмене церковной десятины, в результате чего церковь утратила главный источник своего экономического могущества. Затем последовали решения об отделении церкви от школы и свободе культов. Эти меры должны были лишить католическую церковь ее прежнего идеологического влияния на массы. Все это еще более озлобило венесуэльское духовенство. Оно на долгие годы превратилось в непримиримого противника новых властей и использовало любую возможность для нанесения ответного удара. Поэтому во всех антиправительственных выступлениях церковники, как правило, принимали активное участие.

В 1835 г. срок полномочий Паэса истек, но в 1838 г. он вновь вернулся к власти (до 1843 г.), продолжая борьбу против клерикализма в целях дальнейшего ослабления влияния церкви на политическую жизнь страны.

Среди других прогрессивных мероприятий Паэса следует отметить попытку ускорить естественное отмирание рабства. Несмотря на протесты американского посла в Венесуэле, он заявил о присоединении республики к английской конвенции 1815 г. о запрещении работорговли¹⁴. Другим успехом английской дипломатии, который ревниво отметило правительство США, было заключение выгодного для Англии торгового договора с Венесуэлой. Этот договор фактически открыл венесуэльский рынок для широкого потока английских товаров.

Паэс продолжал развивать дорожное строительство с целью создать более благоприятные условия для развития внешней торговли, объем которой возрос. Особенно увеличился сбыт кофе. Если в 1831 г. Венесуэла экспортировала немногим более 87 тыс. мешков, то в 1845 г. на внешние рынки было отправлено почти 213 тыс. мешков¹⁵. Основными покупателями венесуэльского кофе, как и прежде, оставались Германия и США. Значительно возрос также экспорт традиционных товаров — кож и табака. Доходы от внешней торговли обогащали в основном торговцев, связанных с экспортом. Это была узкая группа лиц, очень богатых и потому влиятельных, понимавших выгоду политического союза с военной верхушкой, которую всячески поддерживали. Именно в силу этого Паэс и его ставленники, «сохранявшие ему президентское кресло до следующих выборов»¹⁶, смогли находиться у власти довольно длительное время (до 1847 г.).

Естественно, что за такую поддержку Паэсу приходилось расплачиваться даже в ущерб своему собственному классу. Так, 15 мая 1841 г. ему пришлось издать закон в интересах ростовщиков, которые воспользовались им для того, чтобы быстро овладеть собственностью своих должников. А ими, как правило, были небогатые асендадос¹⁷. Несмотря на внешне

¹⁴ Томас А. Б. История Латинской Америки: Пер. с англ. М., 1960. С. 466.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Guzman A. I. La doctrina liberal. Caracas, 1961. T. 1. P. 236.

¹⁷ Brito Figueroa F. Op. cit. P. 62, 45.

благополучное экономическое положение и значительный рост экспорта, ситуация в стране обострялась.

Развитие сельского хозяйства шло в основном за счет традиционных экспортных культур (какао и табак) и нового продукта, имевшего все больший спрос на внешних рынках, — кофе. Скотоводство развивалось с единственной целью — экспорта кож. Рост производства продукции для экспорта сдерживал и даже мешал развитию сельского хозяйства для внутренних нужд. Ввиду недостатка свободных рабочих рук новые площади под посевы практически не осваивались. Поэтому выращивание экспортных культур и развитие скотоводства шли в ущерб производству продуктов питания. Сократились посевы зерновых и бобовых, посадки картофеля и овощей. Все это быстро привело к недостатку необходимых продуктов питания и росту их дороговизны. Это прежде всего ударило по жизненным интересам широких слоев населения в городах и сельской местности.

Правительство понимало, что массы обездоленных людей всегда могли быть использованы враждебными ему группами для организации беспорядков. Сначала оно пыталось как-то отрегулировать экспорт или хотя бы получить с него большие доходов, введя в 1837 г. 10 %-ную пошлину на все экспортируемые товары. Это вынудило торговцев-экспортеров поделиться своими прибылями с правительством. Торговцы, естественно, были недовольны, да и продовольственная проблема не была решена. Тогда 17 мая 1839 г. правительство издало декрет о свободном ввозе через порт Ла-Гуайра на протяжении 6 месяцев таких продуктов первой необходимости, как маис и бобы, а в 1841 г. — закон о свободном импорте зерновых и овощей¹⁸. Эти меры призваны были смягчить положение. Однако и они не смогли решить проблемы, имевшей более глубокие корни.

Сохранившиеся с колониальных времен крупное землевладение (латифундии) с применением труда зависимых крестьян и плантационное хозяйство, базировавшееся в основном на труде рабов, вступили в полосу безнадежного кризиса, который мог быть преодолен лишь революционным путем. Но на это не был способен находившийся у власти политический блок латифундистов и торговцев-ростовщиков. Он не мог в ущерб своим интересам решить земельный вопрос. Военные руководители времен войны за независимость поделили монополию на землю с ее старыми хозяевами. Так, семья Боливара владела асьендой Лас-Вегас-де-Сан-Матео и самыми богатыми стадами в округе Сан-Луис-де-Кура; Х. А. Паэс — землями бывшего маркиза де Каса Леон; потомки графа Товара и семья Мьер де Трэн в округе Эль-Мамон — землями до самого моря; на берегах озера Валенсия семейство бывшего маркиза де Торо вело себя как настоящие феодальные сеньоры; в округе Ла-Виктория земли, принадлежавшие индейским общинам Тукуа, Тикьере, Гуакамайя, Ла-Курия и Ла-Кумака, также были монополизированы земельной аристократией¹⁹.

Венесуэльское крестьянство, почти лишенное земли, вынуждено было работать на асендадос на самых кабальных условиях. Лагерь безземельных пополнялся за счет рабов, которых освобождали без земли и которые не могли найти средств к существованию в городе ввиду слабого промышленного развития. Убежищем для обездоленных служили льяносы, где укрывались бежавшие рабы, вольноотпущенники, не пашедшие работы, пастухи-льянерос, сельскохозяйственные рабочие — пеоны, разорившиеся ремесленники и мелкие землевладельцы²⁰. Эта многотысячная армия обездоленных людей

¹⁸ Ibid. P. 61, 63.

¹⁹ Ibid. P. 53, 54.

²⁰ Vallenilla Lanz L. Op. cit. P. 185.

представляла собой потенциально революционную силу, свидетельствуя о приближении кризиса существующего режима. Об этом же говорило и начавшееся в 40-х годах ослабление, а затем развал политического союза сил, находившихся у власти с 1830 г.

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СТРАНЕ В 40—50-е ГОДЫ

Находившийся у власти блок латифундистов и торговцев-ростовщиков, многие из которых также были и латифундистами, оказался не в состоянии разрешить стоявшие перед страной социально-экономические проблемы. Создавалась почва для возникновения недовольства не только широких эксплуатируемых масс, но и представителей имущих классов — мелких и средних землевладельцев, интеллигенции, нарождающейся промышленной и мелкой торговой буржуазии, которые были полностью отстранены от управления страной. Это делало их оппозиционными по отношению к правящей верхушке, которая монополизировала всю власть с помощью антидемократической конституции 1830 года.

По мере роста экономических трудностей и разорения средних землевладельцев оппозиционные настроения крепли. Появилась целая группа лиц, весьма критически настроенных по отношению к правительству. Среди них были Томас Ландер, находившийся под сильным влиянием французской философии и особенно Ж.-Ж. Руссо, человек радикальных взглядов, к сожалению рано умерший; Антонио Леокадио Гусман, Эстанислао Рендон, Фелипе Ларасабаль и др. В 1840 г. они основали в Каракасе газету «Венесолано», первый номер которой вышел 24 августа. Она выходила вплоть до 1845 г. с эпиграфом по-латыни: «Лучше опасная свобода, чем спокойное рабство». Ее главный редактор А. Л. Гусман, имущество которого к этому времени оценивалось в 107 тыс. песо и состояло из 6 асенд, где выращивался сахарный тростник и кофе, 3 домов, магазина и нескольких рабов²¹, был типичным средним асендадо. Его благополучие зависело от крупных торговцев-экспортеров, которым ему приходилось сбывать собранный урожай по ценам, устанавливаемым ими.

Газета стала активным пропагандистом оппозиционных настроений. Правительство с его военно-бюрократическим аппаратом, экономическое засилье торговцев-экспортеров стали объектом постоянной критики на страницах «Венесолано».

Ухудшающееся экономическое положение страны, связанное с падением цен на кофе на мировом рынке, начавшемся с 1840 г. (с 14 песо за кинтал в 1838 г. до 3 песо в 1843 г.), повлекло за собой разорение мелких землевладельцев и даже средних, на полях которых выращивали кофе. Они брали деньги в долг в расчете на будущий богатый урожай, но цены все падали, и они были обречены на разорение. Это немедленно сказалось на объеме экспорта. Он упал с 38 млн боливаров в 1841/42 г. до 29,8 млн боливаров в 1843/44 г.²²

Экономический кризис углубил процесс дифференциации в среде господствующих классов, ухудшил еще более положение семей непосредственных производителей. Крестьяне и горожане голодали. Все это давало богатую пищу для критики правительства, на которое возлагалась ответственность за создавшееся положение.

²¹ Brito Figueroa F. Op. cit. P. 37, 47.

²² Ibid. P. 62.

«Венесолано» начала открыто выступать против военной камарильи. «Паэс — это не отечество... Паэс и Сублетте — это два мошенника», — писала газета. Правительство критиковали за господство в стране ростовщиков, за отсутствие фабрик и засилье иностранных товаров, за огромные налоги, коррупцию, за зависимость от одной группировки²³. Вокруг «Венесолано» сплотились оппозиционные правительству силы, и к середине 40-х годов в столице было создано Либеральное общество под руководством Т. Ландера, М. Мора, А. Л. Гусмана и др.

Ухудшающееся экономическое положение создавало благоприятную обстановку для деятельности Общества. Его отделения появились во многих городах и селениях. На местах возникли десятки газет с весьма недвусмысленными названиями: «Земледелец», «Новая эра», «Глаза народа», «Безрубашечник», «Храбрый сторонник независимости», «Республиканец», «Сторонник конституции», «Трибуна» и т. д.²⁴ Это свидетельствовало, во-первых, о широком размахе оппозиционного движения и, во-вторых, о наличии разной степени радикальности среди этого движения. Последнее можно без труда заметить, сравнив программу столичного отделения Либерального общества, где тон задавали руководители типа А. Л. Гусмана, и одного местного отделения в городке Вилья-де-Кура в районе Валье-де-Арагуа. Здесь инициатором создания отделений общества по всей округе до Карабобо и озера Валенсия (эти земли принадлежали в основном старой феодальной семье Товар) стал индеец, в прошлом простой солдат — участник войны за независимость, а затем арендатор участка земли, принадлежавшей Товарам, Франсиско Хосе Ранхель²⁵.

Столичная программа предусматривала выполнение существующей конституции и законов, не ставя их под сомнение, и выступала лишь за обновление властей, создание двух национальных партий по примеру США, сокращение налогов, развитие промышленности. Но всего этого следовало добиваться без применения силы, которая объявлялась неприемлемой при решении политических вопросов²⁶. Фактически социальных требований программа не содержала.

Программа же местного отделения в Вилья-де-Кура была проникнута духом революционных преобразований, включая решение аграрного вопроса и освобождение рабов. В ней говорилось об «общности земель, свободе людей, народных выборах и отвращении к олигархии»²⁷.

Как видим, агитация либералов вызвала самый широкий и далеко идущий отклик.

Так сформировалось либеральное движение в Венесуэле, которое отражало интересы разорявшихся асендадос, средних и мелких торговцев, зарождавшейся буржуазии. Для достижения политической власти либералы считали необходимым привлечение на свою сторону народа²⁸. Для этого они широко пользовались демагогией, которая всерьез воспринималась широчайшими слоями безземельного крестьянства, находившегося в тисках феодальной зависимости от латифундистов, беглыми рабами и вольноотпущенниками, не имевшими средств к существованию, разорившимися ремесленниками и мелкими торговцами в городах. Из-за отсутствия политического

²³ Ibid. P. 48, 50; *Guzman A. L.* Op. cit. P. 343, 344; *Toro Fermin.* Reflexiones sobre la Ley de 10 de abril de 1834. Caracas, 1941. P. 156, 157.

²⁴ *Brito Figueroa F.* Op. cit. P. 49.

²⁵ *Villanueva L. Ezequiel Zamora.* Caracas, 1955. P. 67.

²⁶ *González F. G.* Historia contemporánea de Venezuela. Caracas, 1954. Vol. 3. P. 141—142.

²⁷ *Brito Figueroa F.* Op. cit. P. 57.

²⁸ *Guzmán A. L.* Op. cit. P. 437.

опыта они, как правило, не понимали разницу классовых интересов, которая разделяла их с руководством либерального движения.

Возникновение либерального движения сопровождалось определенной консолидацией консервативных сил, известных также под традиционным названием *годос*. Они представляли интересы крупных латифундистов, верхушки торговой буржуазии, высших военных и гражданских чиновников. Объективно они были противниками завершения войны за независимость как буржуазной революции в социальной области. Они были яркими приверженцами сохранения крупного землевладения с применением крепостнического и рабского труда, а в политической области — демократии для меньшинства. Социальная база консерваторов была узка, но они обладали экономической мощью, монополизировав землю и доходы от внешней торговли. Наиболее видными руководителями консервативного течения были Х. А. Паэс, Х. В. Гонсалес, П. Х. Рохас и др. Среди консерваторов имелись и люди радикально настроенные. Например, Хуан Висенте Гонсалес одновременно был непримиримым врагом деспотизма, считая, что диктатура — это «маразм, предшествующий рабству»²⁹. С. Боливар представлялся ему образцом политического деятеля. Его памяти Гонсалес посвятил серию статей, являющихся настоящим панегириком.

Полемика между либералами и консерваторами достигла такой остроты, что правящие круги сочли для себя невозможным далее ограничиваться лишь штрафами на оппозиционные издания. Лидер либералов А. Л. Гусман был арестован, и против него начали готовить судебный процесс. Но народ вышел на улицу. Состоялась антиправительственная манифестация под лозунгом «Смерть олигархии и правительству!». Гусмана освободили. Народное выступление 9 февраля 1844 г. было столь внушительным, а грозящая существующему порядку вещей опасность казалась столь реальной, что Х. А. Паэс назвал 9 февраля «похоронами отечества, черной страницей наших дней»³⁰.

Однако продолжения эти события не имели. Руководство либералов, удовлетворенное освобождением их лидера и само несколько напуганное революционностью столичной бедноты, признало необходимым смягчить остроту полемики с консерваторами. Обстановка в стране несколько стабилизировалась. Положение Республики упрочилось и на международной арене: в 1845 г. Испания и Франция заявили о дипломатическом признании Венесуэлы.

Вместе с тем экономическое положение продолжало ухудшаться. Из-за падения цен на сельскохозяйственную продукцию, 80 % которой шло на экспорт, сократились доходы казны. Правительство не нашло другого выхода, как ввести новый 5 %-ный налог на жалованье государственных чиновников на два года (1845—1846). Так еще одна категория населения получила дополнительный повод для недовольства правительством.

В этой обстановке 1 августа 1846 г. в Венесуэле должны были начаться очередные выборы. Консерваторы сочли, что «отец отечества» Паэс больше не в состоянии справляться с народом в силу его растущей непопулярности, и выдвинули кандидатом в президенты Хосе Тадео Монагаса³¹.

Так же как и Паэс, Монагас был представителем нового слоя землевладельцев, обогатившихся в результате войны за независимость. Кандидатом

²⁹ González J. V. La doctrina conservadora. Caracas, 1961. T. 2. P. 632.

³⁰ Gil Fortoul J. Historia constitucional de Venezuela. Caracas, 1942. T. 2. P. 255; Páez J. A. Op. cit. T. 2. P. 394.

³¹ Siso Martínez J. M. Historia de Venezuela. México, 1962. P. 517.

от либералов был назван А. Л. Гусман. Последний пользовался огромной популярностью в стране. Казалось, победа была ему обеспечена.

Согласно конституции, из 1250 тыс. жителей Венесуэлы избирательными правами пользовались лишь 128 785 человек, допущенные к участию в выборах первой ступени. Но лишь 60 022 человека воспользовались своим правом, т. е. чуть меньше половины избирателей. Процент неучастия в выборах второй ступени был невероятным — 96 (из 8798 человек голосовало только 342)³².

Но даже и в этих условиях консерваторам пришлось прибегать ко всякого рода нарушениям и прямому произволу, чтобы не допустить победы либеральных кандидатов. В кантоне Вилья-де-Кура избирательная компания либералов проходила под руководством небогатого торговца скотом Эскинэля Саморы, активиста местного отделения Либерального общества. Предвыборная кампания велась под лозунгами передачи земли пеонам и арендаторам. Самора пользовался большим уважением среди своих односельчан и был главным кандидатом в Провинциальное собрание. Однако местные латифундисты не хотели допустить такого избрания. 8 августа 1846 г. состоялось заседание незаконно созванного Трибунала, который заявил, что в соответствии со ст. 46 конституции Самора не имеет права быть избранным (у него были долги).

Подобная ситуация наблюдалась еще в целом ряде районов. 20 августа под разными предлогами были аннулированы результаты выборов еще в нескольких кантонах, где победу одержали либералы. Сам А. Л. Гусман был объявлен должником, и его избрание также было аннулировано.

Либералы протестовали, как могли. А. Л. Гусман выступил с громкими разоблачениями мошенничества консерваторов. В ответ на это правительство К. Сублетте прибегло к репрессиям по всей стране. Был арестован и приговорен к смертной казни А. Л. Гусман. Либеральные чиновники удалялись со своих постов, вооруженные войска патрулировали улицы Каракаса³³.

В этой обстановке в провинции Карабобо 1 сентября 1846 г. вспыхнуло стихийное крестьянское восстание во главе с уже упоминавшимся Ф. Х. Ранхелем — организатором местных отделений Либерального общества. Выступление было вызвано репрессиями со стороны правительственных войск против крестьян, поддержавших либералов во время выборов. Первоначально повстанческий отряд насчитывал всего 300 человек пеонов, рабов и вольноотпущенников³⁴. Но это был район, где только с 1830 по 1846 г. произошло 130 выступлений разного рода под лозунгами свободы и освобождения от рабства. Поэтому к восстанию немедленно стали присоединяться все новые и новые силы. Так, к повстанцам примкнул уже упоминавшийся Э. Самора, предпринявший энергичные усилия для организации повстанческого войска, которое вскоре уже насчитывало более тысячи человек.

Руководство либералов не ожидало такого развития событий и растерялось. Гусман находился в тюрьме. Другие его сподвижники опасались поддержать восстание, избрав тактику выжидания. Лишь рядовые активисты Либерального общества на местах приняли участие в борьбе.

Руководство повстанцами быстро перешло к Э. Саморе. Он оказался прирожденным организатором, а его радикализм вызвал симпатии и уваже-

³² Gil Fortoul J. Op. cit. T. 2. P. 7.

³³ Brito Figueroa F. Op. cit. P. 76—78, 81, 83.

³⁴ Ibid. P. 118.

ние среди восставших. Он поставил перед ними задачу: бороться, чтобы обеспечить для бедных счастливую жизнь, свергнуть олигархию, распределить имущество и земли среди бедных, освободить отечество от тиранического ига правительства³⁵.

Эта программа борьбы была понятна и близка обездоленным людям, отовсюду стекавшимся в отряд Саморы. Восстание ширилось. Еще один повстанческий район образовался в Баркисимето и Барселоне. Но здесь правительству удалось быстро расправиться с повстанцами. А Самора и Ранхель все еще продолжали бороться. В сражениях при Лос-Багресс, Лас-Гуасдитасе и Ла-Кулебре они нанесли поражения правительственным войскам. Но силы были измотаны, и к марту 1847 г. ситуация изменилась: повстанцы были разбиты, Ранхель убит в бою, а Самора, попав в плен, приговорен к смертной казни.

Лидеры консерваторов верно оценили социальный характер событий. Х. А. Паэс назвал восстание «открытой войной против собственности», а идеолог консерваторов Х. В. Гонсалес – «социальной революцией», «социальной войной», «страшной революцией»³⁶.

Вступивший в 1847 г. в должность президента Х. Т. Монагас оказался дальновидным политиком. Учтя уроки только что подавленного крестьянского восстания, он понял, что старыми методами управлять больше нельзя. Экономическое положение страны оставалось тяжелым. Ситуация усугублялась разразившимся в 1847 г. в Европе экономическим кризисом, который не замедлил сказаться и на Венесуэле, так как в Европу шла значительная часть венесуэльского экспорта. Начавшаяся в Старом Свете волна буржуазных революций грозила перекинуться и в Америку, связанную с ним не только экономическими узами.

Все это вынуждало Монагаса проявлять гибкость, чтобы не допустить в стране нового социального взрыва. К удивлению и возмущению консерваторов, рассчитывавших, что он будет продолжателем политики «твердой руки», проводившейся Паэсом и Сублетте, Монагас пошел на примирение с либералами. Он заменил смертную казнь Э. Саморе 10-летним тюремным заключением, а А. Л. Гусмана выпустил из тюрьмы. Эти меры должны были внести успокоение в ряды либералов и показать народу, что правительство намерено отказаться от прежнего курса на репрессии. Монагас пошел еще дальше. В 1848 г. он поддержал кандидатуру А. Л. Гусмана на пост вице-президента страны. Это было расценено консерваторами как прямая измена их делу, и они начали против Монагаса борьбу, что толкнуло последнего на более тесные связи с либералами. Он ввел их в состав своего правительства. Тогда консерваторы подняли мятеж, который возглавил сам Паэс. Мятеж был быстро подавлен, и Паэса выслали из страны.

Преемником Х. Т. Монагаса стал его брат Грегорио. Он продолжил политику уступок оппозиционным силам. 23 марта 1854 г. он издал закон об отмене рабства. 21 тыс. рабов и их детей получили свободу³⁷. Длительная борьба рабов за свое освобождение наконец увенчалась успехом, но свобода пришла от правительства, и это сбilo остроту социального конфликта. Власти получили в лице освобожденных рабов новых сторонников.

В 1856 г. во главе правительства вновь оказался Х. Т. Монагас. Либералы активно поддерживали его. Обстановка в стране стабилизиро-

³⁵ Ibid. P. 131.

³⁶ Páez J. A. Op. cit. T. 2. P. 406; González J. V. Op. cit. T. 2. P. 105; Brito Figueroa F. Op. cit. P. 118.

³⁷ Brito Figueroa F. Op. cit. P. 259, 266–267.

валась. Он активизировал свою внешнеполитическую деятельность в субрегионе, намереваясь восстановить детище Боливара — Великую Колумбию. Эти планы крайне встревожили великие европейские державы и США, которые начали искать пути для устранения Монагаса. Тем временем венесуэльский конгресс, большинство которого также не устраивали планы Монагаса, отказал ему в предоставлении широких полномочий, согласившись лишь на пересмотр конституции 1830 года, которая явно устарела. Новая конституция 1857 года, разработанная при участии Х. Т. Монагаса, увеличила срок президентских полномочий до 6 лет.

Монагасу вновь удалось добиться своего избрания. Это оказалось последней каплей для враждебных ему сил. Его обвинили в сговоре с Великобританией и уступке ей территории на границе с Гвианой, что вызвало в стране взрыв патриотического негодования. 5 марта 1858 г. в Валенсии вспыхнул мятеж, который возглавил генерал Хулиано Кастро. Заговорщики опирались на поддержку американского посольства в Каракасе. Правительство США к тому времени было крайне недовольно политикой Монагаса в отношении американских предпринимателей в Венесуэле. Аннуляция заключенного в 1854 г. договора на эксплуатацию гуано с неким Ф. Уоллсом вызвала раздраженную реакцию самого госсекретаря США, который от имени своего правительства выразил неудовольствие по поводу этого чисто внутреннего дела Венесуэлы³⁸. Через несколько дней после начала мятежа его участники овладели столицей.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ВОЙНА 1859—1863 ГОДОВ И ЕЕ ИТОГИ

Устранение Монагаса было проявлением кризиса «верхов». Консерваторы сочли, что он не в состоянии далее защищать их интересы. Либералы испугались установления его личной диктатуры. Но и тех и других объединяло понимание того, что Венесуэле угрожают новые потрясения в деревне вроде восстания Ранхеля и Саморы, а политика Монагаса может их приблизить.

В результате мятежа к власти пришло коалиционное правительство во главе с Х. Кастро, который в условиях временного равновесия сил лавировал между консерваторами и либералами. Однако в открывшемся 5 июля 1858 г. в Валенсии конгрессе преобладали консерваторы крайне правых настроений. Обстановка в стране оставалась напряженной. Освобождение рабов без земли усилило социальную напряженность в деревне. Снова начались крестьянские бунты (в Карабобо, Португесе, в Баринасе и Апуре). Назревала революционная ситуация. Страна стояла на пороге новой буржуазной революции. Крестьянство, лишенное земли и опутанное многочисленными узами зависимости от землевладельца, было готово к борьбе. В этих условиях консерваторы никак не могли договориться, какая форма правления в создавшейся обстановке будет для них более надежной. Сторонники Паэса (паэсисты) высказывались за диктатуру и надеялись на его возвращение. Другая часть консерваторов во главе с М. Ф. Товаром (товаристы) стояла за сохранение гражданских методов правления, опасаясь, что установление диктатуры может только накалить обстановку и ускорить социальный взрыв.

Активизировались и либералы. 6 апреля 1858 г. в Каракасе они создали Демократическое общество, ставившее целью достижение буржуаз-

³⁸ Ibid. P. 274—275.

ных свобод, снижение налогов, переход к федеральным принципам управления страной. Но всего этого следовало добиваться мирным путем при существующем правительстве.

Радикально настроенных либералов не удовлетворяла деятельность Демократического общества. Они считали, что нужно действовать решительно, и занялись подготовкой заговора в целях свержения правительства. Он был раскрыт в июне 1858 г.

Равновесию сил пришел конец. Генерал Х. Кастро предпочел «поправить». В условиях нараставшего крестьянского движения правительство ополчилось против либералов, стараясь не допустить союза между ними и находящимся в состоянии брожения крестьянством. Последовали массовые аресты и высылка из страны таких либеральных деятелей, как Э. Самора, А. Л. Гусман, Хуан Крисостомо Фалькон.

Репрессии со стороны властей привели к росту радикальных настроений среди либералов. Они начали готовить еще один заговор, на этот раз с участием военных. Но и он был раскрыт в сентябре 1858 г.³⁹

Либералы поняли, что без помощи народных масс им не добиться победы. Уцелевшие заговорщики, находившиеся на о-ве Сан-Томас, создали Патриотическую хунту Венесуэлы и поспешили с выработкой программы действий, рассчитанной на привлечение к ним широких слоев населения. 15 октября 1858 г. эта программа была обнародована. В ней содержалось требование административной независимости провинций, т. е. федерации, отмены смертной казни, свободы передвижения, свободы печати и собраний, всеобщих, прямых и тайных выборов законодателей⁴⁰. Этими требованиями буржуазных политических свобод программа либералов и ограничивалась. Никаких требований социального порядка в ней не содержалось. Но революционным крестьянским массам, не имевшим опыта политической борьбы, программа казалась притягательной именно в силу присутствия в ней лозунга федерации. В одном из выступлений лидер либералов А. Л. Гусман впоследствии откровенно заявил, что народ не знал значения этого слова, а либералы избрали лозунг федерации потому, что его не выдвигали их политические противники — консерваторы⁴¹.

Народные массы федерацию понимали по-своему. Она представлялась им воплощением социального равенства. Венесуэльский историк Хиль Фортул, на наш взгляд, очень точно определил суть этого явления: «Слово *федерация* понимается простыми людьми не как местная автономия, а, теряя свое чисто политическое значение, превращается в знамя всякого рода демократических требований, в стремление к действительному равенству всех общественных классов». В условиях назревающей в стране буржуазной революции лозунг федерации «превращается в кредо неимущих, угнетенных, презираемых за цвет своей кожи. Негр равен белому, бедный — богатому». Для масс «речь шла об установлении равенства социального»⁴².

Консерваторы пытались сбить надвигавшуюся волну революции, приняв в декабре 1858 г. новую конституцию, содержавшую многие требования либералов, за исключением федерации. Однако остановить революцию уже было невозможно.

Либералы стали готовиться к захвату политической власти. С конца 1858 г. повсюду стали создаваться комитеты по подготовке восстания.

³⁹ Шавлохова Т. Н. Политическая борьба в Венесуэле... С. 96.

⁴⁰ Шавлохова Т. Н. Федеральная война в Венесуэле // Вестн. МГУ. Серия IX — История. 1969. № 5. С. 26.

⁴¹ Alvarado L. Antología. Caracas, 1959. P. 108.

⁴² La doctrina positivista. Caracas, 1961. T. I. P. 522.

Предполагалось, что оно будет поддержано высадкой боевых отрядов с Антильских островов. Возглавить вторжение должен был генерал Х. К. Фалькон — умеренный либерал, склонный к соглашению с правительством.

Пока Фалькон медлил с высадкой, Э. Самора во главе небольшой группы военных 22 февраля 1859 г. высадился в Коро, возглавив начавшееся за два дня до этого восстание. Оно развивалось успешно, и через несколько дней провинция Коро была провозглашена первым федеральным штатом. Стремясь привлечь к восстанию все население страны, Самора рассылал повсюду обращения, в которых разъяснялись цели борьбы. В понимании лозунга федерации он шел значительно дальше умеренного руководства либералов. Не исключено, что сказалась давняя дружба с шурином, участником Великой французской революции Жаном Гасперсом, эмигрировавшим после реставрации Бурбонов в Венесуэлу⁴³. Его рассказы о революции не могли не повлиять на политические идеалы Саморы. Венесуэльская действительность довершила их окончательное формирование.

В одном из обращений к венесуэльскому народу Самора писал: «Настал час восстания! Претворите в жизнь евангелие политических принципов — равенство всех венесуэльцев, господство большинства, подлинную республику, федерацию!»⁴⁴

Рукописное наследие Саморы, состоящее из писем, обращений и манифестов времен революции, позволяет судить, что в начавшейся революции он возглавлял радикальное крыло, которое в отличие от умеренного имело свою социальную программу. Она-то и привлекла к либералам, которых стали называть федералистами, широкие народные массы. Стихийные социальные устремления крестьянства как нельзя лучше выражались в призывах Саморы: «Не будет ни бедных, ни богатых, ни всемогущих, ни униженных, а будут все братья . . .»⁴⁵ Программа Саморы начала осуществляться. В только что организованном штате Коро были отменены титулы и введено обращение «гражданин», приняты меры по упорядочению налогов. Пеоны, претворяя в жизнь свое понимание лозунга федерации и провозглашенного ею равенства, с приходом федералистов начинали стихийный захват земель латифундистов. В то же время они активно пополняли ряды формирующейся федералистской армии.

Самора продолжал одерживать военные победы над силами правительства, и к июню 1859 г. было создано еще три федеральных штата: Баринас, Апуре, Португеса. Это были районы, где крестьянство активно

Э. САМОРА

⁴³ Brito Figueroa F. Op. cit. P. 31—32.

⁴⁴ Landueta M. R. Biografía del valiente ciudadano general Ezequiel Zamora. Caracas, 1961. T. 1. P. 308.

⁴⁵ Brito Figueroa F. Ensayos de la historia social venezolana. Caracas, 1960. P. 297.

боролось за землю и свободу еще в период восстания 1846—1847 гг. Крестьяне, составлявшие подавляющее большинство федералистских сил, были плохо вооружены и еще хуже обучены. Поэтому Самора использовал партизанскую тактику. Она позволяла привлечь к борьбе широкие народные массы, стремившиеся решить социальные проблемы.

Оценивая размах борьбы, один из консервативных деятелей, Ф. Рибас Галиндо, в конце 1859 г. писал: «Я очень сомневаюсь в том, что мы добьемся мира, потому что федералисты, как они себя называют, составляют три четверти населения и подобно Фениксу восстают из пепла»⁴⁶.

Стараясь не допустить дальнейшего развития революции, Х. Кастро порвал с консерваторами и 20 июня 1859 г. сформировал правительство из либералов. В него вошли представители умеренных либералов, в том числе и один из их идеологов — Э. Рендон. Новое правительство немедленно опубликовало свою программу, смысл которой состоял в «прекращении всеми способами, которые подсказывают благоразумие и общественное мнение, братоубийственной войны, мирном решении причин, породивших ее»⁴⁷.

Таким образом, сами либералы старались положить конец революции. Либеральное правительство направило для переговоров своих уполномоченных в районы восстания, а также к Фалькону на о-в Кюрасао в надежде предотвратить его высадку. Но все было напрасно. Революционная война продолжалась, и Фалькон, опасаясь глубоких социальных последствий побед Саморы, счел необходимым вступить в борьбу. 24 июля 1859 г. он высадился близ Пуэрто-Кабельо. Чтобы удержаться у власти, Х. Кастро 30 июля заявил в обращении к венесуэльцам, что правительство признает федерацию, если убедиться, что она является требованием всей нации.

Консерваторы расценили это заявление как измену и 1 августа 1859 г. свергли правительство Х. Кастро. Президентом стал один из лидеров реакции — консерватор Педро Гуаль. Вступивший в борьбу Фалькон поспешил обнародовать свою программу. В отличие от программы Саморы она была лишена всякого социального содержания⁴⁸.

Вместо взаимодействия с силами Саморы, чего очень опасалось правительство, Фалькон почти 4 месяца сохранил самостоятельность, тем самым давая реакции возможность для маневра. Только в ноябре 1859 г. он решил на объединение с Саморой. При этом Фалькон добился решения о том, что общее руководство действиями федералистов предоставлялось ему, а Саморе — только непосредственное руководство военными операциями.

К концу 1859 г. в ряде победоносных сражений правительственные войска были полностью разгромлены⁴⁹. Правительство П. Гуаля пало. К власти пришли консерваторы-товарищесы. Таким образом, реакция потерпела и политическое поражение.

Мануэль Фелипе Товар, представлявший умеренное крыло консерваторов, был более подходящей фигурой для необходимых компромиссов с либералами, к которым консерваторы уже были готовы. Умеренные либералы тоже хотели переговоров. Но Фалькон был связан присутствием Саморы и его огромным авторитетом в рядах федералистского войска. Фалькону даже пришлось согласиться с требованием Саморы начать на-

⁴⁶ *Rodríguez J. S.* Contribución al estudio de la guerra federal en Venezuela. Caracas, 1960. T. 2. P. 40.

⁴⁷ *Guinán González F.* Historia contemporánea de Venezuela. Caracas, 1954. Vol. 7. P. 400—401.

⁴⁸ *Landaeu M. R.* Op. cit. T. 2. P. 14, 35—36.

⁴⁹ Подробнее см.: *Brito Figueroa F.* Tiempo de Ezequiel Zamora. Cap. 9; *Шавлохона Т. Н.* Федеральная война в Венесуэле. ... С. 30—31.

ступление на Каракас, в ходе которого 10 января 1860 г. Самора был убит при осаде Сан-Карлоса⁵⁰.

Консерваторы ликовали, и недаром. Фалькон вместо продолжения наступления снова начал выжидать. Это позволило правительству нанести ему тяжелое поражение в битве у Копле 17 февраля 1860 г.

Руководство федералистов сочло свое дело окончательно проигранным и предпочло ретироваться, распустив федералистские отряды. Сам Фалькон, Антонио Гусман Бланко (сын А. Л. Гусмана) и другие покинули страну, предоставив реакции расправу с крестьянским движением.

Однако предательство руководства либералов не могло остановить дальнейшего развития революции. Массовое крестьянское партизанское движение продолжалось. Оно приняло явно выраженную социальную окраску. Один из друзей Х. А. Паэса, М. Мухика, писал видному деятелю консерваторов Х. С. Родригесу после поражения федералистов у Копле: «... федеральная революция, вернее сказать — социальная, подобна гидре с тысячью голов, которые показываются повсюду. Побежденная в одном месте, она появляется в десятках других, не оставляя никакой надежды на ее полное истребление»⁵¹.

Либералы, со своей стороны, пытались положить конец революции. Фалькон предложил правительству Товара переговоры. Но консерваторы, упоенные победой, отклонили это предложение. Фалькону не оставалось ничего другого, как продолжить борьбу. 2 июля 1861 г. он высадился в Коро. На высадку Фалькона и новый подъем революции реакция ответила установлением военной диктатуры.

29 августа 1861 г. в столице произошел военный переворот. Из Нью-Йорка был вызван старый Х. А. Паэс, который 10 сентября принял диктаторские полномочия. Это была последняя ставка реакции. Паэс предложил Фалькону переговоры, и последний, напуганный размахом борьбы крестьянства, согласился. Однако они не увенчались успехом. Паэс, несмотря на военное преимущество федералистов, оказался неуступчив. Военные действия возобновились. Они приносили федералистам одну победу за другой. К 1863 г. правительство, по признанию заместителя Паэса П. Х. Рохаса, контролировало лишь пятую часть Венесуэлы⁵². Казалось, революция близка к победе. Однако умеренное либеральное руководство вновь предало ее. Оно вступило в переговоры с правительством, которые закончились заключением договора в Коче (близ Каракаса) 22 мая 1863 г. При этом либералы отказались от одного из главных своих требований — всеобщих, прямых и тайных выборов. Так напугало их участие в борьбе широких народных масс.

Паэс сложил свои полномочия и отправился в добровольное изгнание в США. Президентом стал Фалькон. Таким образом, плодами революции воспользовались прежде всего умеренные либералы, добившиеся наконец власти. Будучи представителями крупных землевладельцев и слабой еще буржуазии, они не собирались претворять в жизнь социальные требования народа. Вопрос о земле решен не был. Земля осталась у прежних хозяев, только в ряде случаев на место старых (консерваторов) пришли новые (либералы). Лишь некоторые завоевания революции были сохранены. Это касалось уничтожения кастовости, расовых предрассудков.

⁵⁰ Вождь народного восстания погиб при невыясненных обстоятельствах. Это наводит на мысль, что он мог быть убит руками самих же либералов, которые таким образом обезглавили радикальное крыло революции.

⁵¹ *Rodriguez J. S.* Op. cit. Т. 2. Р. 347.

⁵² *Ibid.* Р. 340.

В 1864 г. в Венесуэле была принята новая конституция, типично федералистская по сути. Республика стала называться Соединенные Штаты Венесуэлы. Руководители федералистов воспользовались плодами своей победы для личного обогащения. А главным богатством была земля. Поэтому позиции латифундизма в результате революции не только не ослабли, но даже укрепились⁵³.

Вместе с тем федерализм ослабил центральную власть. Поэтому каудильизм в этих условиях расцвел пышным цветом. Начались военные мятежи. Фалькону пришлось собирать все силы на их подавление.

В этой обстановке попытался вернуться к власти свергнутый в свое время Х. Т. Монагас. В течение 1868—1869 гг. он и его сын Руперто удерживали бразды правления. Однако массы, деморализованные недавним предательством либералов и понесшие самые большие потери в ходе революции, не поддержали их. Лидером либералов к тому времени стал А. Гусман Бланко. Ему удалось сплотить группу сторонников, которая стала называть себя «силами духовного возрождения». В ее состав вошли бывшие участники буржуазной революции 1859—1863 гг. генералы Пулидо, Креспо, Саласар и Молина. С их помощью либералы одержали ряд военных побед, в апреле 1870 г. вступив в Каракас и свергнув правительство Р. Монагаса. К власти пришел А. Гусман Бланко.

⁵³ Brito Figueroa F. Historia económica y social de Venezuela. Caracas, 1966. T. I. P. 296.

КОЛУМБИЯ

Глава 8

В 30—60-е годы XIX века

СТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО КОЛУМБИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. ОБОСТРЕНИЕ ОБСТАНОВКИ В 40-е ГОДЫ

Тысяча восемьсот тридцатый год оказался роковым для Великой Колумбии. В мае Конституционный конгресс Венесуэлы принял окончательное решение о выходе из ее состава. В августе за ней последовал Эквадор, также образовавший самостоятельное государство. Великая Колумбия прекратила свое существование. А 17 декабря в Санта-Марте умер и ее главный создатель и вдохновитель, великий «солдат свободы» Симон Боливар, сыгравший выдающуюся роль в войне за независимость колумбийского народа и в создании республики. «Его военный талант, политическая зоркость, государственный ум, высокий патриотизм и страстная любовь к родине вдохновляют народы Латинской Америки на борьбу за свободу и независимость»¹.

Становление молодой республики проходило в трудных условиях. Война за независимость лишь частично решила задачи буржуазной революции. И борьба за их осуществление на многие годы осложнила политическую атмосферу в стране, создав обстановку нестабильности.

Политическими знаменами враждующих сил являлись старые лозунги времен войны за независимость — централизм и федерализм. Первые годы

власть переходила из рук в руки, но в конце концов возобладала централистская тенденция. В 1832 г. была принята новая конституция², отражающая эти принципы и закрепившая за страной наименование Республика Новая Гранада. Статьи о гражданских правах (8—10) устанавливали высокий имущественный ценз, а также лишали избирательных прав неграмотных и лиц наемного труда. Таким образом, гражданских прав лишалось подавляющее большинство населения. Выборы были многостепенными, а депутатами конгресса и сенаторами могли стать только крупные землевладельцы.

В 1833 г. президентом Новой Гранады был избран видный участник войны за независимость, поначалу сподвижник, а затем политический противник С. Боливара Франсиско де Паула Сантандер. Он был сторонником сохранения рабства, и при нем освобождение рабов велось крайне медленными темпами (по несколько десятков в год). Продолжалась работоторговля. Рабы составляли половину рабочей силы на табачных и прочих плантациях.

Система землевладения в целом не претерпела серьезных изменений. Правда, королевское право на землю было отменено. Пустующие земли стали государственной собственностью. Сохранялась земельная собственность корпораций (светских и духовных). Она состояла из общинных (сельских и городских) земель и огромного количества церковных земель, на которых работали рабы и крестьяне, опутанные цепями феодальной зависимости. Латифундии колониальных времен, как правило, сохранились и даже приумножились в результате войны за счет земель роялистов, перешедших к видным деятелям освободительного движения. Эта тенденция сохранилась и в послевоенные годы. Так, в результате проведения в жизнь закона от 3 апреля 1826 г. в Новой Гранаде было распределено около 1 млн фанег³ земли, причем 6 лиц получили во владение более половины всей распределенной площади⁴.

В сравнении с этим попытка Сантандера насадить среднее землевладение выглядит более чем скромной. В мае 1834 г. конгресс утвердил распоряжение президента об отмене на 20 лет церковной десятины на новых плантациях кофе, индиго и какао. Для них было отведено всего 12 тыс. фанег пустующих земель (в среднем по 60 фанег, или 38 га, на каждую семью). 200 новых фермерских хозяйств должны были производить экспортные культуры⁵. Но, конечно, не эти фермерские хозяйства определяли экономику Новой Гранады. Крупные латифундии и плантации, на которых велось хозяйство старыми традиционными методами колониальных времен, по-прежнему господствовали. Они поставляли на экспорт табак и какао, кофе и индиго, пау-бразил и кожи. Золото и серебро, как и в колониальные времена, в буквальном смысле уплывали за океан. Правда, Сантандер пытался сократить долю драгоценных металлов в экспорте, увеличив при этом вывоз сельскохозяйственной продукции. Так, с 1835 по 1837 г. доля золота и серебра упала с 1850 тыс. песо до 1307 тыс., а экспорт других товаров возрос с 686 тыс. до 1256 тыс. песо, причем экспорт табака в 1837 г. принес 158,5 тыс. песо, кож — 126 тыс. и пау-бразил — 100 тыс. песо⁶.

Стремление Сантандера задержать отток золота из страны было

² Constitución del Estado de la Nueva Granada dada por la Convención Constituyente en el año de 1832 // Pombo M. A., Guerra J. J. Constituciones de Colombia. Bogotá, 1951. T. 3. P. 250—309.

³ 1 фанега равна 64,5 апа.

⁴ Pardo Pardo A. Geografía económica y humana de Colombia. Bogotá, 1977. P. 256.

⁵ Restrepo J. M. Historia de la Nueva Granada. Bogotá, 1952. T. 1. P. 59.

⁶ Ibid. P. 135; Urrutia M., Arrubla M. Compendio de estadísticas históricas de Colombia. Bogotá, 1970. P. 130.

не единственным способом облегчить тяжелое финансовое положение страны. Другой, правда не оригинальной, попыткой Сантандера пополнить казну явилось восстановление табачной монополии колониальных времен (июнь 1835 г.)⁷.

Эта мера послужила обогащению крупных торговцев-экспортеров, в руки которых правительство передало экспорт всего предназначенного для продажи табака. Непосредственные же его производители — мелкие землевладельцы (приблизительно до середины 30-х годов табак выращивался в основном на небольших участках) из-за установления государственной монополии на табак не могли продать его никому, кроме уполномоченных этих торговцев-экспортеров и по твердым очень низким ценам. Поэтому одновременно шел процесс разорения мелких землевладельцев, занимавшихся выращиванием табака.

Но несмотря на принятые меры, государственный долг продолжал расти. По данным влиятельного политического деятеля тех лет консерватора Х. М. Рестрепо, хорошо осведомленного о финансовом положении страны, он составил на 31 августа 1837 г. 2 213 812 песо. Это была огромная по тем временам сумма. Больших расходов государства требовало содержание армии. В 1834 г. она насчитывала свыше 3 тыс. человек в сухопутных силах и 12 единиц военных кораблей на обоих океанах. Военные расходы составили 1 272 тыс. песо, или половину государственных средств⁸.

Армия нужна была Сантандеру для поддержания политической стабильности в обстановке, когда один заговор следовал за другим. Самым опасным стал заговор под руководством генерала Х. Сардá, целью которого было убийство Сантандера в июле 1833 г. Однако он был раскрыт. Сантандер жестоко расправился с его участниками: 46 из них были расстреляны, 36 — приговорены к длительным срокам тюремного заключения⁹.

Политическую обстановку в стране, помимо традиционных споров между централистами и федералистами и преследования сторонников Боливара, накаляли разногласия, вызванные раздорами относительно доли Венесуэлы, Эквадора и Новой Гранады в выплате огромного долга Великой Колумбии. Сантандер предлагал, чтобы Новая Гранада с ее самым большим населением (по переписи 1835 г. — 1 687 109 человек)¹⁰ выплатила четыре девятых долга, а оставшуюся часть поделили между собой Венесуэла и Эквадор. Однако к согласию участники спора так и не пришли.

Сознавая, что молодая республика нуждается в грамотных кадрах, Сантандер уделял большое внимание развитию просвещения¹¹. Он поощрял ввоз новейших политических сочинений и несколько ослабил контроль церкви в сфере образования.

В 1837 г. истек срок полномочий Сантандера. Политические страсти вновь накалились. Сантандер и его сторонники отстаивали на предстоящих выборах кандидатуру генерала Х. М. Обандо, а их противники — бывшего министра экономики и председателя конституционной ассамблеи Х. И. де Маркеса. Выборы не дали перевеса ни одному из кандидатов, и вопрос о будущем президенте решил конгресс, высказавшись в пользу Маркеса.

Президент Маркес (1837—1841) пытался покончить с экономическим хаосом в стране. 30 марта 1838 г. он издал закон об изъятии из обращения

⁷ *Harrison J. P.* La evolución de la comercialización del tabaco colombiano hasta 1875 // El siglo XIX en Colombia visto por historiadores norteamericanos. Bogotá, 1977. P. 68.

⁸ *Restrepo J. M.* Op. cit. P. 116, 61.

⁹ *Ibid.* P. 40, 42, 44.

¹⁰ *Ibid.* P. 81.

¹¹ *Ibid.* P. 56, 135.

испанских монет, многие из которых были к тому же и фальшивыми. Этой же цели должно было послужить и восстановление в 1838 г. торговых отношений с Испанией¹².

Но главные усилия правительства были направлены на борьбу с мятежами. Когда в 1839 г. была предпринята попытка закрыть несколько полупустых монастырей в провинции Пасто, а их здания и другое имущество использовать для создававшихся школ, возник конфликт с церковью.

Церковники, пользовавшиеся огромным влиянием в этом районе, население которого издавна отличал крайний религиозный фанатизм, подняли восстание. К нему присоединились представители старинных креольских семейств, недовольные либеральной, с их точки зрения, политикой президента. Правительство вынуждено было направить войска под командованием генерала П. Алькантара Эррана, быстро расправившегося с восставшими. Но не надолго. В начале 1840 г. здесь последовало новое выступление. Его возглавил уроженец Попаяна генерал Х. М. Обандо¹³. На какое-то время удалось заставить Обандо сложить оружие. Но церковники вели активную антиправительственную пропаганду, и в середине 1840 г. мятеж возобновился. Его вновь возглавил генерал Обандо. Новый мятеж, носивший религиозную окраску, но являвшийся, по существу, выступлением старой феодальной знати против буржуазных преобразований правительства, был с трудом подавлен с помощью эквадорских войск.

Мятеж Обандо послужил сигналом к антиправительственным выступлениям в других районах страны. Местные каудильо, стремившиеся к власти, использовали любые мотивы, лишь бы поднять народ на борьбу с правительством¹⁴. Восстания с помощью армии были в конце концов подавлены, но Маркесу пришлось отказаться от дальнейших преобразований. Он уступил консервативному большинству конгресса, который в 1840 г. одобрил законопроект, разрешавший экспорт и импорт рабов, что привело к активному вывозу беременных негритянок в Перу, где не было закона о свободе чрева, а затем их обратному импорту с детьми в Новую Гранаду¹⁵. Так начался процесс нового расцвета рабства. В его основе лежали причины чисто экономического характера. Высокие цены на табак на рынках Лондона и Бремена толкали новогранадских землевладельцев на расширение площадей под этой культурой. Если раньше табаководством занимались лишь мелкие свободные производители, то постепенно посадки табака стали появляться и на латифундиях, хозяева которых, привлеченные большими доходами от продажи табака, стали заводить табачные плантации. Для работы на них и потребовался рабский труд, ибо свободных рабочих рук было мало.

Напряженная внутривластная обстановка, частые мятежи то в одном, то в другом районе предопределили выбор кандидата на очередных президентских выборах. Президентом стал генерал П. Алькантарра Эрран (1841—1845).

Почти целый год Эрран потратил на борьбу с крупными и мелкими каудильо, не жалевшими жизни сограждан в борьбе за достижение личной власти. Численность армии к июню 1842 г. почти в полтора раза превзошла войско времен Сантандера. Военные расходы возросли до 1328 тыс. песо, внутренний долг — до 9635 тыс. песо¹⁶.

¹² Ibid. P. 140, 136.

¹³ *Paredes Ferrer A.* Historia de las guerras civiles colombianas: La guerra de 1830. Bogotá, 1985. P. 169, 176, 215.

¹⁴ Томас А. Б. История Латинской Америки: Пер. с англ. М., 1960. С. 446.

¹⁵ *Lievano Aguirre I.* Rafael Nuñez. 3 ed. Bogotá, 1946. P. 40—41.

¹⁶ *Restrepo J. M.* Op. cit. P. 343.

В этих условиях генерал Эрран пошел на примирение с церковью. Он разрешил вернуться в страну иезуитам, передав им дело народного образования. В 1844 г. в Боготу прибыли представители этого могущественного религиозного ордена.

В апреле 1843 г. Эрран добился принятия новой конституции, которая должна была упрочить власть президента, предоставив ему право назначать губернаторов провинций. В отношении земель индейцев правительство заняло позицию покровительства, издав 23 июня 1843 г. закон, запрещавший отчуждение их собственности и подтвердивший их освобождение от налогов¹⁷.

Так правительство пыталось предотвратить процесс обезземеливания индейского крестьянства, который получил новый импульс с начала 40-х годов, когда началось бурное развитие табаководства. Рост посевов табака толкал асендадос к расширению своих владений. Оно шло путем покупки у государства пустующих земель и за счет захвата общинных земель городов, деревень, хуторов. В последнем случае это сопровождалось обезземеливанием крестьянства, которое вынуждено было на кабальных условиях арендовать землю у латифундистов, чтобы не умереть с голода. Не случайно и то, что новый импульс получило рабовладение. И тем не менее капиталистический уклад постепенно укреплялся. Правда, его вызревание шло пока в недрах традиционных отношений.

В области надстройки буржуазная идеология оказалась довольно влиятельной. После войны за независимость выросло новое поколение, воспитанное под влиянием французской философии XVIII в.¹⁸ Дети состоятельных родителей, как правило, получали образование за границей — в Англии, во Франции, в США. Они возвращались на родину, увлеченные модными политическими и экономическими теориями. Идеи отделения церкви от государства, светское образование, абсолютная свобода личности, абсолютная свобода слова и печати, никакого протекционизма ни в торговле, ни в промышленности, государство не может не быть жандармом (отсюда вытекали безбрежный федерализм и абсолютная автономия провинций) — эти идеи занимали ведущее место в политических спорах того времени¹⁹.

Так как лозунг централизма в 40-е годы XIX в. был политическим знаменем кругов, связанных со старой земельной аристократией, то молодое поколение, отражающее настроения в основном тех, кто богател на импорте европейских промышленных товаров и экспорте табака, избрало своим политическим знаменем федерализм. Появилось множество небольших газет²⁰. Так начало складываться либеральное направление, позднее оформившееся в Либеральную партию. Либералы отражали, по существу, интересы зарождающейся торговой и промышленной буржуазии, средних и мелких землевладельцев, среднего и высшего офицерства. Одним из первых идеологов либерализма был Х. И. Лопес²¹.

Политические противники либералов стали называть себя консерваторами, т. е. сторонниками сохранения традиций и старых отношений. Консервативное направление отражало интересы земельной аристократии, высшего духовенства, реакционно настроенной офицерской верхушки. Первыми идеологами консерваторов были Х. И. Маркес, Мариано Ospina, Р. Куэрво²².

¹⁷ Constitución política de la República de la Nueva Granada. 20 de abril de 1843 // Pombo M. A., Guerra J. J. Constituciones de Colombia. T. 3. P. 330—369; *Lievano Aguirre I.* Op. cit. P. 45.

¹⁸ *Del Castillo Mathieu N.* Nuñez: Su trayectoria ideológica. Bogotá, 1952. P. 18.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ibid.* P. 19.

²¹ Гоционский С. А. Указ. соч. С. 147.

²² Там же.

В 1845 г. в обстановке острой полемики между сторонниками либерального и консервативного направлений состоялись очередные президентские выборы. Они не дали перевеса ни одному из кандидатов (они оба считались либералами). И вопрос о будущем президенте решал конгресс. Он остановил свой выбор на генерале Томасе Сиприано де Москера-и-Арболеде (1845—1849) — бывшем адъютанте С. Боливара. Москера происходил из старинной влиятельной креольской семьи, владевшей большими земельными угодьями и золотыми приисками в Попаяне.

Москера назначил министром финансов представителя молодых либералов Флорентина Гонсалеса, незадолго до этого вернувшегося из Англии, где он получил образование. Из новейших экономических учений, распространявшихся английскими экономистами, молодого колумбийского либерала увлекла теория свободного товарообмена без всякого протекционизма, идея о том, что молодым государствам, богатым сырьем, незачем спешить с развитием собственной промышленности. Передовые европейские государства обеспечат их всем необходимым в обмен на их сырье и сельскохозяйственную продукцию.

Эта теория как нельзя лучше отражала устремления крепнущего английского капитализма, искавшего сырья для промышленности и новых рынков сбыта для ее продукции. И то, что правящие круги Новой Гранады попали под влияние этой теории, оказалось роковым для ее экономики.

Москера, всецело доверявший своему министру финансов, который выражал интересы крупных торговцев, наживавшихся на импорте, уже в 1847 г. отказался от протекционистской политики в торговле. Он на 25 % снизил таможенные пошлины, чтобы стимулировать импорт промышленной и другой продукции в страну. Эта реформа имела тяжелейшие последствия для Новой Гранады. Национальные мануфактуры не могли конкурировать с европейскими фабриками, где господствовало машинное производство, и стали быстро разоряться. Это произошло с мануфактурами по производству одежды в Боготе, Туixe и Сокорро, где эта отрасль легкой промышленности, казалось, имела глубокие корни и издавна покрывала большую часть потребностей национального рынка, а также с фабрикой по производству бумаги в Боготе, производством шляп, которое обеспечивало потребности не только внутреннего рынка, но и Венесуэлы и Эквадора²³.

Работники разорившихся предприятий вынуждены были вернуться в деревню и превратиться в поденщиков или остались безработными в городах, пополнив армию нищих и бездомных, которых и так было достаточно после окончания длительной войны и следовавших затем междоусобиц. Эти обездоленные, естественно, испытывали великую ненависть к инициаторам реформы, которая была проведена в угоду торговцам-импортерам, погубив зарождающуюся национальную промышленность.

Таможенная реформа Москеры расколола либеральное движение. Ее сторонники стали называться голгофцами, или радикалами, а противники драконовцами.

В новогранадских городах воцарилась ужасающая бедность. Либеральный деятель 40—50-х годов Мигель Сампер писал в «Нищете Боготы», что «все улицы и площади запружены нищими, и тысячи семей бедняков ютятся в жалких лачугах, влача полуголодное существование»²⁴.

Однако обездоленные люди не только попрошайничали, воровали и пьян-

²³ *Bushnell D.* Dos etapas de la política arancelaria colombiana: la era radical y el regreso a la protección. 1861—1885 // *El siglo XIX en Colombia*. . . P. 84; *Lievano Aguirre I.* Op. cit. P. 38.

²⁴ *Samper M.* La miseria de Bogotá. [Bogotá], 1969. P. 10.

ствовали, как об этом писал Сампер. Они активно приобщались к политике. И именно на них опирались драконовцы в борьбе с голгофцами. К сожалению, не одни драконовцы могли использовать тысячи обездоленных людей. В силу неграмотности и отсутствия политического опыта они могли пойти и за консерваторами, которые также временами вынуждены были прибегать к помощи масс в борьбе с либералами.

Критика правительства со стороны консервативного течения и даже в либеральной среде, недовольство широких народных масс вынудили Москеру позаботиться о средствах массовой пропаганды.

Пришлось выписать необходимое типографское оборудование из Европы. Новая типография начала выпуск двух правительственных газет «Ла Эпока» и «Эль Прогресо» (апрель 1848 г.)²⁵.

Газеты активизировали проправительственную пропаганду. Они превозносили экономическую политику правительства Москеры, которая с помощью свободной конкуренции якобы будет содействовать развитию национальной промышленности. Этой цели должны были служить урегулирование огромного внешнего долга, новые попытки оздоровить денежное обращение, строительство шоссейных дорог, для чего были специально выписаны из Европы два инженера — поляк Станислав Завадский и француз Антуан Понсе²⁶, поощрение иностранной иммиграции, попытки привлечения иностранных капиталов.

Экономические трудности в стране, помимо причин внутреннего порядка, имели еще и внешние. В 1847 г. в Европе разразился экономический кризис. Снизилась цена на табак. Доходы от его экспорта сократились. Золото и серебро — главные статьи экспорта — обесценивались. Сократились закупки кож и красителей для охваченной кризисом обувной и текстильной промышленности Европы.

В связи с этим тяготы основной массы населения, уже пострадавшей от введения свободной торговли, усугубились еще более. В октябре 1847 г. в Боготе было создано первое Общество ремесленников, переименованное затем в Демократическое общество²⁷. Его организаторами стали либералы-драконовцы. По всей стране начали создаваться клубы наподобие якобинских, как их оценивал Х. М. Рестрепо²⁸. Все это свидетельствовало о возросшей политической активности беднейших слоев городского населения (ремесленников, мелкой буржуазии).

Консерваторы обвиняли пропагандистов Демократического общества в том, что они пользовались языком Сен-Симона и Фурье²⁹. Как видим, речь шла о пропаганде утопического социализма.

В феврале 1848 г. в Париже произошла буржуазная революция. Революционная волна разлилась по всей Европе; докатилась она и до Новой Гранады³⁰, где имелась собственная почва для революционного брожения. Прибывшие из Европы иммигранты, в большинстве своем рабочие, обладавшие уже некоторым опытом политической борьбы, встретили здесь понимание и поддержку со стороны обездоленных масс Новой Гранады. Право на труд, 8-часовой рабочий день, отмена рабства, покровительство национальной промышленности — вот политические лозунги, которые стали пользоваться

²⁵ *Restrepo J. M. Op. cit. T. 2. Bogotá, 1963. P. 76.*

²⁶ *Ibid. P. 72.*

²⁷ *Шульговский А. Ф. «Боготинская коммуна» и утопический социализм // Лат. Америка. 1984. № 12. С. 77.*

²⁸ *Restrepo J. M. Op. cit. P. 76.*

²⁹ *Шульговский А. Ф. Указ. соч.*

³⁰ *Restrepo J. M. Op. cit. P. 80.*

широкой популярностью среди городских низов Боготы и других городов страны.

Опасаясь народных выступлений, Москера пытался укрепить свое положение в армии. В 1848 г. по закону № 6 среди высшего и среднего офицерства было распределено около 100 тыс. фанег пустующих государственных земель. Причем 45 генералам, полковникам и подполковникам досталось две трети розданных земель³¹.

Революционные настроения в городах тем временем продолжали нарастать. В их основе лежало бедственное положение беднейших слоев населения. «Несчастный пролетарий выбивается из сил, трудясь день и ночь, зарабатывая ценой мучений и бессонных ночей свой хлеб, которого едва хватает, чтобы хоть немного утолить голод его семьи, погибающей от истощения, нищеты и наготы», — писала в феврале 1849 г. выходящая в те дни газета «Алакран» («Скорпион») ³². Она издавалась сторонниками утопического социализма, который начал распространяться в Новой Гранаде со второй половины 40-х годов XIX в. Херманом Гутьерресом де Пиньерос — участником войны за независимость, соратником и личным другом С. Боливара, и Хоакином Пабло Посадой — сыном генерала, также участника войны и видного консервативно настроенного политического деятеля. За публикацию в «Скорпионе» шести статей под названием «Коммунизм» оба были арестованы.

Идеи утопического социализма активно распространялись и другими представителями революционно настроенной интеллигенции, которые оказались у руководства демократическими обществами. В эти организации помимо ремесленников, составявших основное ядро, вступали также мелкие торговцы, лица свободных профессий, революционно настроенные офицеры, в их числе был генерал Хосе Мариа Мело — герой войны за независимость. К началу 50-х годов демократические общества насчитывали около 4 тыс. членов³³.

РЕВОЛЮЦИЯ «СВЕРХУ» И «РЕСПУБЛИКА РЕМЕСЛЕННИКОВ»

Предвыборная кампания 1849 г. проходила в чрезвычайно напряженной обстановке, осложнявшейся острыми противоречиями между голгофцами и драконовцами. Консерваторы также не были едины и выдвинули двух кандидатов. Программа голгофцев предусматривала отделение церкви от государства, федерализм и введение единого налога. Программа драконовцев, казалось, отвечала самым насущным нуждам основной массы населения Новой Гранады. Она предусматривала отмену рабства, таможенный протекционизм, передачу общинных земель в частную собственность. Эта программа была, таким образом, типично буржуазной. Но ремесленники городов, рабы и крестьяне также были заинтересованы в ее проведении в жизнь.

Обстановка была настолько накаленной, что обе группы либералов, опасаясь революционных выступлений масс, с одной стороны, и победы консерваторов — с другой, предпочли объединиться вокруг общей кандидатуры в президенты. Им стал генерал Хосе Иларио Лопес.

Выборы не дали Лопесу абсолютного большинства голосов, и вопрос о президенте был передан на рассмотрение конгресса. 7 марта 1849 г. галереи

³¹ Pardo Pardo A. Op. cit. P. 256.

³² Лат. Америка. 1984. № 12. С. 91.

³³ Шутьговский А. Ф. Указ. соч. С. 78, 81.

для публики в монастыре Санто-Доминго, где открылись заседания конгресса, были переполнены учащейся молодежью, ремесленниками и рабочими столицы и окрестностей. Многие были вооружены кинжалами³⁴.

Лишь в результате четвертого голосования, когда Лопеса решили поддержать и консерваторы, опасавшиеся народного восстания в столице, он был избран президентом на 1849—1853 гг. Победа Лопеса на выборах означала укрепление власти торговой буржуазии и землевладельцев-плантаторов типа Ф. Монтойя из Антиокии, богатевших на экспорте табака. К 1850 г. капитал Монтойи оценивался в 500 тыс. песо, и он входил в пятерку самых богатых людей страны³⁵.

Первым мероприятием правительства стала отмена табачной монополии (январь 1850 г.). Это лишило правительство доходов, но зато с энтузиазмом было встречено торговцами-экспортерами и плантаторами. Посадки табака стали быстро увеличиваться. Возрос и экспорт. К 1852 г. он удвоился по сравнению с 1849 г., составив 4 млн либр³⁶.

С отменой монополии асендадос оказались еще более заинтересованными в сохранении за собой постоянных рабочих рук — пеонов, которые обрабатывали их поля. Крестьян, работавших на собственных участках, они вынуждали продавать табак только им, причем по чрезвычайно низкой цене. Чтобы терроризировать окрестное население, асендадос стали заводить вооруженные отряды. Начался настоящий разгул насилия в сельской местности³⁷.

Главным табачным районом стала Амбалема, где природные условия были особенно благоприятны для этой культуры. После отмены монополии здесь, а также в Пеньялисе, Хироне, Сан-Хиле, Оканье и Пальмире появилось более 160 факторий, где производился табак высшего качества. За 5 лет его производство возросло в 5 раз³⁸. Отсюда табак доставлялся в долину Магдалсны, а затем по реке сплавлялся в устье на побережье Карибского моря. В 1852—1857 гг. таким путем доставлялось 90—95 % всего предназначенного для экспорта табака.

Развитие табаководства привело к развитию связей между отдельными районами. Началось регулярное пароходное сообщение по Магдалене. Первая телеграфная линия, построенная в стране, также была обязана табаку. Она соединяла Амбалему с Боготой (1865 г.)³⁹.

Таким образом, отмена табачной монополии и рост посевов табака имели большие последствия для развития страны.

Следующим шагом правительства Лопеса в экономической области стал закон от 22 июля 1850 г., разрешавший индейцам продавать переданные им республикой земли. Этого давно добивались латифундисты, нуждавшиеся в свободных рабочих руках. Закон 1850 г., хотя и был буржуазным по существу и, следовательно, прогрессивным для своего времени, имел тяжелейшие последствия. Он облегчил экспроприацию индейцев. За немногие годы он привел к тому, что индейская собственность перешла в руки немногих лиц. Индейцы превратились в арендаторов. Выморочные земли занимались под пастбища и экспортные культуры, что, в свою очередь, повлекло за собой повышение цен на продукты питания. Разорившиеся

³⁴ *Lievano Aguirre I.* Op. cit. P. 42.

³⁵ *Paredes Ferrer A.* Op. cit. P. 33; *Mc Greevey W.* An economic history of Colombia. 1845—1930. Cambridge, 1971. P. 75.

³⁶ *Harrison J. P.* Op. cit. P. 69.

³⁷ *Ibid.* P. 75—77.

³⁸ *Pérez Aguirre A.* 25 años de historia colombiana. 1853 a 1878. Bogotá, 1959. P. 45.

³⁹ *Harrison J. P.* Op. cit. P. 71.

индейцы становились пеонами, а табачные плантации получили дешевых рабочих с мизерной оплатой в 5—10 сентаво в день⁴⁰.

В целом аграрный закон 1850 г. усугубил социальную напряженность в стране. Обездоленные индейцы объединялись с разоренными ремесленниками в вооруженные отряды, которые нападали на асьенды, убивали их хозяев, сжигали посевы. В Пальмире, например, заговорили о наступлении «эры плетей» — нападавшие не имели другого оружия, кроме плетей, которыми они поролы владельцев асьенд, захвативших общинные земли⁴¹.

В этой обстановке Лопес торопился выполнить предвыборное обещание об отмене рабства. Теперь даже многие консерваторы понимали, что настала пора покончить с этим институтом. Он не только экономически изжил себя — табачные плантации требовали более высокой производительности труда, которую раб был уже не в состоянии обеспечить. Сохранение рабства стало и социально опасным. Поэтому конгресс 21 мая 1851 г. утвердил пред-

Х. ИЛАРИО ЛОПЕС

ставленный Лопесом законопроект об отмене рабства. Рабов к тому времени, по данным переписи 1851 г., насчитывалось 16 468 человек при общем населении в 2 243 730. За их освобождение республика обязалась выплатить рабовладельцам около 2 млн песо⁴².

Буржуазный характер носила и политика Лопеса в других сферах. Он издал закон о свободе печати. Появились новые газеты. Было введено обязательное и бесплатное начальное образование, открыт ряд средних учебных заведений и несколько десятков начальных школ. Чтобы несколько разрядить обстановку в стране, были предприняты общественные работы по строительству дорог, которые дали средства к существованию нескольким тысячам безработных. Лопес провел налоговую реформу — некоторые налоги были сокращены. Эти меры должны были привлечь к правительству симпатии наиболее обездоленных.

Политику Лопеса отличала явная антирелигиозная направленность. Он ввел гражданский брак, отменил десятину и выслал из страны иезуитов (1850 г.). Когда высшая церковная иерархия заявила правительству протест, Лопес изгнал из страны четырех наиболее фанатичных епископов. Теперь церковь поднялась на открытую борьбу. И тогда Лопес представил в конгресс проект закона о полном отделении церкви от государства.

⁴⁰ *Lievano Aguirre I.* Op. cit. P. 46, 48.

⁴¹ *Ibid.* P. 46.

⁴² *Restrepo J. M.* Op. cit. P. 210, 211; *Nieto Arteta L. E.* *Economía y cultura en la historia de Colombia.* Bogotá, 1962. P. 110.

Буржуазные реформы Лопеса еще более накалили обстановку в стране. Против него ополчились прежде всего консервативные силы. В мае 1851 г. они подняли мятеж в Пасто⁴³, а затем вооруженная борьба перекинулась в другие районы. Мятеж был подавлен, но положение в стране оставалось напряженным. Раскол в среде либералов углубился. Голгофцы были напуганы политикой драконовцев и считали необходимым ограничиться достигнутым в социальной области, но добиваться децентрализации власти. Драконовцы понимали разрушительные последствия отказа от протекционистской политики и выступали за возврат к ней. Они опирались на ремесленников, солдат и офицерский состав в армии. Поэтому их называли еще и милитаристами. Самые передовые из драконовцев увлекались идеями утопического социализма. Под их влиянием возникали так называемые «демократические общества» — десятки клубов, где велись дискуссии по самым острым вопросам, волновавшим страну. Члены обществ носили соломенные шляпы и длинные красные плащи. Поэтому их называли еще и «красными».

К президентским выборам 1853 г. консерваторы окончательно потеряли влияние в массах и не рискнули выдвинуть собственного кандидата. Либералы, расколотые на два лагеря, выдвинули двух.

Кандидатом драконовцев стал уже упоминавшийся генерал Х. М. Обандо. Голгофцы выдвинули Томаса Эрреру, уроженца Панама, участника освободительной войны, впоследствии политического противника Боливара и военного министра в правительстве Лопеса⁴⁴.

Обандо выступал за протекционизм. А это означало в глазах масс борьбу с торговцами-спекулянтами, с аседадос, захватившими общинные земли. И это обеспечило ему победу на выборах. Он стал президентом. 20 мая 1853 г. была принята конституция Новой Гранады, которая утвердила основные реформы Лопеса⁴⁵. Статья 6 содержала всего несколько слов: «Нет и не будет рабов в Новой Гранаде». Конституция гарантировала личные свободы, устанавливала прямое и тайное голосование, представляла иностранцам те же права, что и новогранадцам, и обязывала их подчиняться законам и властям Новой Гранады⁴⁶. Уступкой требованиям голгофцев была начавшаяся децентрализация власти, узаконенная конституцией. В июне 1853 г. голгофцы добились у президента отмены патроната⁴⁷.

Эти новые важные события еще более обострили политическую борьбу, в которой народные массы принимали все большее участие. Когда в конгрессе началось обсуждение законопроекта о введении протекционистского тарифа, представленного драконовцами, и до народа дошли слухи, что большинство депутатов намерены его провалить, здание, где проходили заседания, было окружено огромной толпой ремесленников, мелких торговцев и других представителей бедного городского люда. В окна полетели камни, депутаты-гольгофцы позорно бежали под прикрытием «качакос», как тогда называли богатых студентов. Президент не посмел вызвать войска для разгона народной манифестации.

8 июня 1853 г. во время корриды ремесленники в отместку забросали студентов камнями с кличем «Да здравствует Обандо! Да здравствует Мело!». Так народные массы демонстрировали свою поддержку президенту

⁴³ Historia extensa de Colombia. Bogotá, 1965. T. 15, vol. 1. P. 407.

⁴⁴ Pérez Aguirre A. Op. cit. P. 21.

⁴⁵ Constitución política de la Nueva Granada. 20 de mayo de 1853 // Pombo M. A., Guerra J. J. Constituciones de Colombia. T. 4. P. 5—23.

⁴⁶ Ibid. P. 8, 10.

⁴⁷ Forrero M. J. Historia analítica de Colombia. Bogotá, 1951. P. 302.

и главнокомандующему армией. Ночью они избили Флорентина Гонсалеса — главного вдохновителя отмены протекционистских тарифов. А в последующие дни в столице состоялись массовые манифестации под лозунгами «Да здравствуют ремесленники! Долой спекулянтов!». Демонстранты забросали камнями дома Мурильо Торо (министра финансов в правительстве Лопеса), В. Эрреры, П. Оспины и других ненавистных голгофцев и консерваторов⁴⁸.

Пассивность Обандо, который опасался возросшей активности масс, требовавших решительных действий против голгофцев и консерваторов, которые, по слухам, готовили антиправительственный заговор в целях свержения президента, усугубляла обстановку. Союз между частью либералов и консерваторами не был в тот период противоестественным. Голгофцы с фанатизмом добивались осуществления своей программы — беспредельного федерализма. Флорентино Гонсалес разработал проект конституции с предоставлением неограниченных личных прав, абсолютной свободы слова и прессы, свободной торговли оружием, назначения губернаторов путем народного голосования⁴⁹. Обандо не решался удовлетворить требования голгофцев. И тогда они пошли на сговор с консерваторами, которые закрыли глаза на их чрезмерный демократизм, лишь бы свергнуть Обандо. А он не решился прибегнуть к помощи народа, опасаясь революции.

Голгофцы и консерваторы тем временем не теряли времени даром. Генералы Москера, Лопес и Эрран активно действовали в провинциях, собирая силы для похода на столицу. В этих условиях требовались решительные действия. В ночь на 17 апреля 1854 г. генерал Хосе Мария Мело — герой Аякучо и Хунина, главнокомандующий армией во главе 3 тыс. хорошо вооруженных солдат регулярной армии при поддержке ремесленников и других представителей беднейшей части населения столицы захватил власть. Священники, пострадавшие от реформ Лопеса, благословили переворот Мело. Наутро в столице состоялась народная манифестация в поддержку Мело под лозунгами «Да здравствует второй Освободитель! Смерть спекулянтам! Да здравствует святая религия! Да здравствует армия и ремесленники!». На стенах домов появились надписи «Хлеб, работа или смерть!»⁵⁰

Так началось почти 8-месячное существование «республики ремесленников», или «Боготинской коммуны», как называли период пребывания у власти генерала Мело его современники. В первом же Обращении к согражданам он заявил, что не может быть и речи о возвращении к прежним порядкам, приведшим страну на грань распада. Их сменил государство, построенное на принципах подлинной свободы и справедливости. В Обращении говорилось о необходимости немедленного созыва подлинно народного Национального конвента для выработки конституции⁵¹.

До созыва Конвента временной конституцией стал Органический декрет, провозглашенный правительством Мело. Он предоставил ему всю полноту власти в гражданской и военной областях. С целью подорвать власть олигархии на местах вводилось назначение всего административно-управленческого аппарата сверху донизу. Права собственности гарантировались, кроме случаев «общественной необходимости», когда она могла быть подвергнута отчуждению при условии компенсации ее владельцу. Органический декрет заявил о ликвидации всех монополий и свободе на все виды профессиональной деятельности. С целью подорвать экономические позиции

⁴⁸ *Lievano Aguirre I. Op. cit. P. 56.*

⁴⁹ *Ibid. P. 52.*

⁵⁰ *Шульговский А. Ф. Указ. соч. С. 83; Lievano Aguirre I. Op. cit. P. 58.*

⁵¹ *Шульговский А. Ф. Указ. соч. // Лат. Америка. 1985. № 6. С. 65.*

торговой буржуазии и латифундистов были предприняты попытки ввести прогрессивный налог на крупную собственность, поднять таможенные тарифы на экспорт табака и импортные товары. Народные выступления охватили не только Боготу, но и другие районы страны. Попаян и Кали на юге оказались в руках членов местных «демократических обществ». На Атлантическом побережье — в Картахене и Санта-Марте также победили сторонники радикальных преобразований⁵².

Но у противников нового правительства позиции были еще очень сильны. Многотысячная масса неграмотного крестьянства оказалась вне влияния прогрессивных сил, и латифундистам удалось использовать ее в борьбе с ними.

Несмотря на героические усилия соратников генерала Мело, среди которых были кузнец Мигель Леон, саножник Хосе Мариа Веса, ремесленник Камило Родригес, представители радикально настроенной интеллигенции Антонио Обрегон, три Рамона — Меркадо, Ардила и Беринья, уже упоминавшийся сторонник утопического социализма Х. П. Посада один из сподвижников С. Боливара генерал Хосе Мариа Мантилья, генерал Кольясос⁵³ и многие другие, положение восставших после первых успехов начало осложняться.

Отсутствие союза с крестьянством, прочных связей между восставшими городами позволило реакции собрать силы и перейти в наступление. Бывшие президенты Лопес и Москера с армиями общей численностью в 10 тыс. человек с севера и юга двинулись на Боготу, которая к концу ноября 1854 г. осталась последним оплотом «республики ремесленников». Армия генерала Мело вместе с народным ополчением насчитывала около 4 тыс. человек, но она оказала упорное сопротивление. В течение нескольких дней в столице шли упорные бои. Повстанцы несли тяжелые потери. Был убит Мигель Леон и многие другие руководители, тяжело ранен Х. П. Посада, отец которого старый генерал Посада лично участвовал в штурме Боготы. 4 декабря ее защитники вынуждены были прекратить сопротивление⁵⁴.

Руководители повстанцев генерал Мело и Х. П. Посада были высланы из страны; их авторитет был настолько велик, что победители не решились физически уничтожить их. Сотни ремесленников были приговорены к каторжным работам на Панамском перешейке. Никто из них не вернулся домой живым — умерли от лихорадки и других болезней. Оставшихся в Боготе решено было выселить за пределы городской черты, расселив по берегам р. Чагрес, которые в те времена были непригодны для жизни. Фактически их также обрекли на смерть от лихорадки⁵⁵.

Поражение Мело означало поражение сторонников протекционизма, т. е. тех сил, которые объективно стремились к развитию национальной промышленности. Зарождающаяся национальная буржуазия оказалась слишком слабой, чтобы устоять перед натиском торговцев-импортеров и экспортеров.

Это был триумф провинциальных каудильо над центральным правительством, триумф местной анархии над единством страны.

Экономическое и финансовое положение тем временем еще более осложнилось. В 1857 г. разразился очередной финансовый кризис в Европе. Резко упал спрос на новогранадский табак. К тому же у него появился конкурент — табак с Явы и Суматры, который голландцы начали ввозить

⁵² Там же. С. 67, 68.

⁵³ Там же. С. 69–71.

⁵⁴ Там же. С. 77; *Гомионский С. А.* Указ. соч. С. 156; *Lievano Aguirre I.* Op. cit. P. 59.

⁵⁵ *Lievano Aguirre I.* Op. cit. P. 59.

в Европу. Он был лучше качеством и дешевле⁵⁶. В табачном производстве Новой Гранады начался кризис. Разорялись прежде всего мелкие производители, а затем и многие латифундисты. Политические споры о дальнейших путях развития страны, о мерах, которые необходимо было принять, чтобы выправить положение, стали еще острее.

Пришедший к власти М. М. Мальярино, являвшийся при Обандо вице-президентом, идя навстречу требованиям голгофцев и консерваторов, жаждавших ослабления центральной власти, в 1855—1856 гг. провел административные реформы, в результате которых вместо 35 провинций были созданы 8 штатов — Панама, Антиокия, Сантандер, Каука, Бояка, Кундинамарка, Боливар и Магдалена. В стране был проведен референдум, в ходе которого за федерацию подано 1,5 млн голосов из 2,2 млн обладавших правом голоса⁵⁷. Центробежные силы явно брали верх. О том, что они способствовали успеху консервативных сил, свидетельствовали состоявшиеся в июле 1857 г. выборы, обеспечившие победу Мариано Оспине Родригесу — кандидату консерваторов.

В следующем, 1858 г. была принята новая федералистская конституция. Страна стала называться Гранадская Конфедерация. Преамбула конституции начиналась словами: «Под покровительством всемогущего Бога, творца и высшего законодателя Вселенной...» Это многозначительное начало говорило о главном — о консервативном характере основного закона страны. Правда, рабство восстановить было уже нельзя, и статья 11 наряду с запрещением вмешиваться в религиозные дела запрещала и рабство⁵⁸.

Началось активное восстановление утраченных церковью позиций. В страну вновь вернулись иезуиты.

Однако победа консервативных сил не была еще повсеместной. В штатах Бояка и Сантандер у власти находились либералы. Когда правительство попыталось от них избавиться, они взяли за оружие. Вооруженная борьба распространилась и на другие штаты. Ее возглавил бывший президент генерал Москера. Его прежний заклятый враг генерал Обандо в новых условиях выступил в его поддержку. 18 июля 1861 г. Москера захватил Боготу, объявив себя временным президентом Соединенных Штатов Новой Гранады и главнокомандующим армии.

Первым шагом Москеры был декрет от 20 июля 1861 г., запрещавший исполнение религиозных обрядов министрам и другим высшим государственным чиновникам. 26 июля последовал декрет о высылке из страны иезуитов и конфискации их имущества. Их обвиняли в том, что они нарушали мир и спокойствие, приняв участие в войне на стороне консервативных сил⁵⁹. А 9 сентября 1861 г. был опубликован главный декрет Москеры о полной национализации имущества, принадлежащего сельским и городским, светским и церковным корпорациям. В разъяснениях к декрету признавалось, что земля была распределена в ущерб низшим классам и в пользу привилегированных, с чем не может примириться свободный народ, и содержались ссылки на то, что мероприятия по национализации уже осуществлены во Франции, в Испании и Мексике⁶⁰.

Под действие закона попадали огромные земельные владения церкви

⁵⁶ *Harrison J. P. Op. cit. P. 79, 80.*

⁵⁷ *Pérez Aguirre A. Op. cit. P. 71, 72.*

⁵⁸ *Constitución política para la Confederación Granadina // Pombo M. A., Guerra J. J. Op. cit. T. 4. P. 55.*

⁵⁹ *Pérez Aguirre A. Op. cit. P. 151—152.*

⁶⁰ *Lievano Aguirre I. Op. cit. P. 75; Knowlton R. J. Expropiación de los bienes de la iglesia en el siglo XIX en México y Colombia // El siglo XIX en Colombia... P. 33, 42.*

и общинные земли. Объективно это было прогрессивное мероприятие. Оно обращало в частную собственность огромное количество земель, лишало такую реакционную силу, как католическая церковь, экономического могущества. Но одновременно оно способствовало и дальнейшей пауперизации индейского крестьянства.

Церковь бурно протестовала против нововведения Москеры. Уже в ноябре 1861 г. епископ Санта-Марты В. Арбелаес заявил, что эта мера наносит «удар по нашей священной религии». 17 сентября 1863 г. сам папа римский в специальной энциклике, направленной епископату Республики, осуждал действия правительства и призывал не выполнять его распоряжений, касающихся деэмульгации церковного имущества⁶¹. Церковь яростно защищала свои привилегии. Священники с амвонов грозили проклятием тем, кто осмелится покуситься на церковное добро. В ноябре 1862 г. Р. Нуньес, возглавлявший казначейство, непосредственно занимавшееся вопросами деэмульгации, информировал Москеру, что лишь немногие решаются покупать церковную собственность.

«Оппозиция церкви, угрозы наказания способствовали тому, что земли перешли в руки немногих, чаще всего иностранцев, которые имели деньги и не боялись наказания»⁶².

Как видим, старый церковный латифундизм заменялся новым светским. Однако церковное имущество лишь на время обеспечило средствами казну, которая была опустошена длительными разорительными междоусобными войнами.

Политическая борьба в стране обострялась, и следующим шагом было решение открывшегося 10 сентября 1861 г. конгресса уполномоченных штатов о независимости последних. Они были объявлены суверенными членами Соединенных Штатов Колумбии — так стала называться Новая Гранада. Началась работа по подготовке новой конституции.

8 мая 1863 г. Конституционный конвент, заседавший в Рио-Негро, принял конституцию Соединенных Штатов Колумбии, которая так и вошла в историю под названием конституции Рио-Негро⁶³. Конституция была воплощением многолетних устремлений голгофцев.

Наряду с открыто антирелигиозной направленностью (преамбула не содержала даже упоминания о Боге, начинаясь словами: «Именем и властью народа») и запрещением религиозных церемоний и процессий она значительно расширила права конгресса за счет власти президента⁶⁴. Большинство актов правительства подлежало его одобрению. Даже назначение дипломатов должно было утверждаться сенатом. Штаты получили необъятные права: издавать собственные законы, импортировать и свободно торговать оружием, вести войну друг с другом. Срок президентских полномочий ограничивался 2 годами без права переизбрания. Консервативные силы, напуганные деятельностью Москеры, особенно приветствовали это последнее. Голгофы же в погоне за безбрежным демократизмом не понимали опасности ослабления центральной власти.

Страна оказалась в атмосфере постоянных предвыборных кампаний. В этих условиях консервативные силы на местах окрепли, обиженная церковь всячески поддерживала их. Москера, согласно конституции, оставил свой пост через 2 года, но, убедившись, что реакционные силы быстро

⁶¹ Knowlton R. J. Op. cit. P. 44, 46, 47, 49.

⁶² Цит. по: Ibid. P. 51.

⁶³ Constitución de los Estados Unidos de Colombia. 8 de mayo de 1863 // Pombo M. A., Guerra J. J. Op. cit. T. 4. P. 127—158.

⁶⁴ Ibid. P. 127.

восстанавливали свои позиции, в 1867 г. вернулся к власти, пытаясь установить диктатуру. Его свергли и выслали из страны. Колумбия вступила в полосу постоянных внутренних вооруженных конфликтов. За первые 12 лет действия новой конституции произошло 20 местных «революций», 10 правительств были свергнуты вооруженным путем⁶⁵.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В 30—60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Великобритания, Франция, США и Голландия через своих консулов в Боготе приветствовали избрание Маркеса президентом Новой Гранады в июне 1832 г. Так было положено начало дипломатическим контактам этих держав с молодой республикой. Французскому консулу Ле Мойну было поручено подписать временное соглашение о дружбе, торговле и навигации, что и было сделано 14 ноября 1832 г. США, уязвленные активностью Франции, поспешили последовать за ней⁶⁶.

На первых порах становления молодой республики главное внимание уделялось отношениям с соседями. В декабре 1832 г. были урегулированы споры с Эквадором из-за территорий на юге, которые Богота считала своими исконными землями. Через год был подписан договор о дружбе, союзе, торговле, навигации и границах с Венесуэлой. Это было очень важно для Новой Гранады именно в тот момент, потому что к этому времени сильно обострились ее отношения с Францией. Поводом послужило наглое поведение в Картахене французского консула Барро. Конфликт сопровождался угрозами со стороны Франции установить блокаду крепости, подкрепленными прибытием двух французских корветов с Мартиники и отзывом консула. Длительные переговоры завершились урегулированием отношений лишь в середине 1834 г.⁶⁷

В 1835 г. благодаря патронату Ф. Сантандеру удалось наладить отношения с Ватиканом, который, проявив дальновидность, признал независимость Новой Гранады вопреки нежеланию Испании сделать это. (Первый папский нунций прибыл в Боготу в 1837 г.)

Отношения с Великобританией, напротив, приняли драматический характер. 20 января 1836 г. английский проконсул в Панаме Рассел избил панамца. Его соотечественники в отместку побили англичанина, а панамские власти даже арестовали его. Вина Рассела была столь очевидна, что суд приговорил его к 6 годам тюрьмы. Узнав об этом, Лорд Пальмерстон отдал приказ губернатору Ямайки направить военный корабль для освобождения Рассела, потребовать извинений у новогранадского правительства, наказания судей, которые вели дело, и выплаты ему 1 тыс. ф. ст. компенсации за жестокое обращение. Власти Панамы отвергли эти требования. Тогда в ноябре 1836 г. в Картахену прибыл британский корвет, доставивший правительству ноту, грозившую прибытием английской эскадры в случае, если не будут удовлетворены требования лорда Пальмерстона. Правительство Сантандера объявило населению о военной угрозе со стороны Великобритании. В стране начались военные приготовления. Однако Ф. Сантандер понимал, что республике не устоять против столь могущественного противника. Поэтому Рассел был освобожден (3 января 1837 г.). Судьи были признаны некомпетентными. Тем не менее через две недели в Картахену

⁶⁵ *Lievano Aguirre I.* Op. cit. P. 83.

⁶⁶ *Restrepo J. M.* Op. cit. T. 1. P. 10, 11, 30.

⁶⁷ *Ibid.* P. 44, 46, 47, 52, 67, 68.

прибыли 2 военных английских корабля. Начались новые переговоры, в ходе которых англичане грозили блокадой всех колумбийских портов на обоих океанах, если не будут приняты и остальные требования англичан. Они фактически блокировали Картахену, не позволяя судам заходить в порт. Английские военные корабли направились в устье Магдалены, к Санта-Марте и Рио-Аче. Положение становилось крайне серьезным. Война стояла на пороге. Поэтому новогранадцам пришлось пойти на новые переговоры. Они состоялись на борту английского военного корабля «Мадагаскар». Правительство согласилось выплатить 1 тыс. ф. ст., когда будет снята блокада портов, потому что у казны не было 100 тыс. песо, в которые обошлась бы оборона Панамы и Картахены в случае войны с англичанами⁶⁸. Так было положено начало колумбийско-английским отношениям.

В дальнейшем при президенте Эрране англичане пытались узаконить за собой право на посылку военных кораблей в Новую Гранаду в случае возникновения внутренних волнений. Прикрывалось это стремлением выступить гарантами иностранного долга Новой Гранады, а на деле являлось прямым вмешательством во внутренние дела суверенного государства. Новогранадское правительство, чтобы отвести от себя эту угрозу, даже согласилось удовлетворить половину своих кредиторов за счет табачной монополии и таможенных сборов (протокол от 26 марта 1842 г.). Это был форменный грабег собственной казны, и правительство не решилось ратифицировать этот документ⁶⁹.

Угрозы со стороны Великобритании и Франции активизировали внешнеполитическую активность новогранадской дипломатии в собственном регионе. Новая Гранада приняла участие в переговорах в Лиме, в которых участвовали также Мексика, Чили, Буэнос-Айрес и Боливия. Обсуждался проект федерации этих 6-ти латиноамериканских государств. От Новой Гранады в переговорах участвовал генерал Москера (июль 1842 г.). Однако переговоры закончились безрезультатно⁷⁰.

Одновременно новая Гранада выступила посредником в урегулировании отношений между Перу и Эквадором и заключила новый договор о дружбе и торговле с Венесуэлой (июль 1842 г.)⁷¹.

Обострение внутривнутриполитической борьбы в Новой Гранаде во второй половине 50-х годов создало благоприятную обстановку для нового нажима со стороны английской дипломатии. Так, в апреле 1858 г. возник еще один конфликт с Великобританией по поводу займа английского торгового дома Маккинча. Когда английская эскадра приготовилась к блокаде колумбийских портов, новогранадскому правительству пришлось снова уступить из-за невозможности отразить английскую агрессию⁷².

Отношения с США первоначально строились на чисто экономической основе. Американцы начали активно действовать, особенно в области транспортных коммуникаций. Так, с начала 30-х годов возникла длительная тяжба между новогранадским гражданином немцем Элберсом и американцем Барроусом по поводу концессии на организацию пароходного сообщения по Магдалене. Американец даже обращался к госсекретарю США. В конечном итоге Элберс вынужден был уступить в начале 50-х годов⁷³.

⁶⁸ Ibid. P. 96—109.

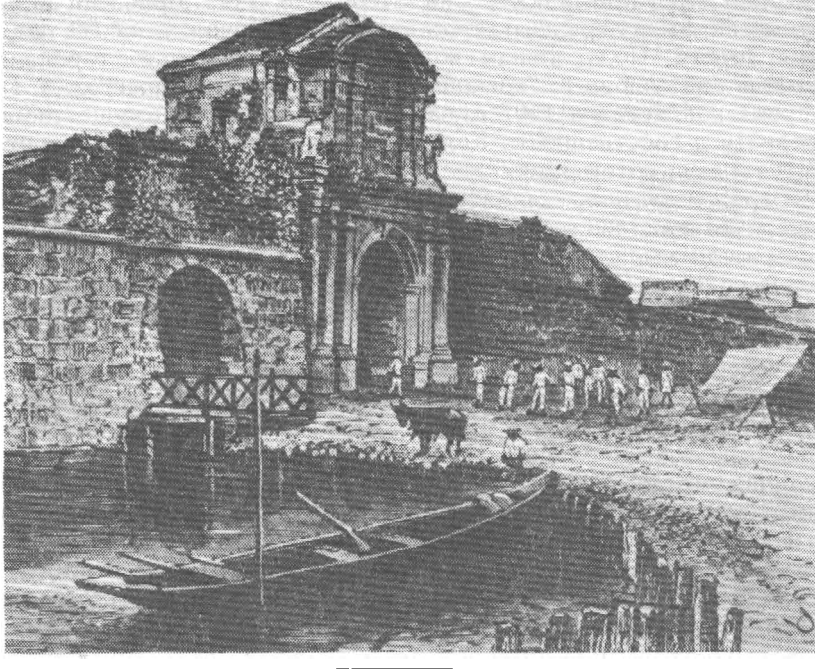
⁶⁹ Ibid. P. 337—339.

⁷⁰ Ibid. P. 343.

⁷¹ Ibid. P. 353.

⁷² Pérez Aguirre A. Op. cit. P. 74.

⁷³ Gilmore R. L., Harrison J. P. Juan Bernardo Elbers y la introducción de la navegación a vapor en el río Magdalena // El siglo XIX en Colombia. . . P. 184—216.

Картахена, вход в старый порт (с гравюры XIX в.)

Но особый интерес американцы проявляли к зоне Панамского перешейка, отлично понимая его огромное стратегическое значение. Новогранадцы же отдавали себе отчет в опасности этого интереса и старались упрочить свое положение в этой зоне. Не имея собственных возможностей для строительства железной дороги и канала через перешеек, о котором мечтали многие поколения еще с колониальных времен, правительство Новой Гранады пыталось привлечь к этому делу концессионеров европейских стран — Великобритании, Франции, Голландии и Испании, а также США при условии обеспечения этими державами суверенитета Новой Гранады над территорией Панамского перешейка. Однако эти попытки успеха не имели, и правительство США удвоило усилия в получении особых привилегий в этой зоне. В 1846 г. Б. Бидлок — специальный уполномоченный США — начал в Боготе переговоры с правительством Новой Гранады о заключении двух договоров — о праве США на пользование Панамским перешейком и о торговле.

Новогранадцы не пошли на заключение особого договора о Панаме. В конце 1846 г. был заключен торговый договор с США сроком на 20 лет, который, правда, содержал статью о торговых привилегиях США в зоне Панамского перешейка. Одновременно договор гарантировал его полный нейтралитет.

Это был большой успех североамериканской дипломатии. Используя договор 1846 г., американские капиталисты получили у новогранадского правительства концессию на строительство железной дороги через Панамский перешеек. Она стала крайне необходимой после открытия золота в Калифорнии: это был кратчайший путь для тысяч золотоискателей, сплошным потоком ринувшихся в золотоносный район.

Железная дорога была построена в 1850—1855 гг. Концессия на нее была предоставлена американскому гражданину Аспинуоллу на 50 лет со дня открытия дороги. По условиям концессии американская сторона должна была выплачивать новогранадской казне 250 тыс. песо ежегодно. По истечении срока концессии в 1907 г. сама дорога и все ее имущество должны были перейти в собственность Колумбии. После завершения строительства в Панаму хлынул поток американцев, часть которых оседала на перешейке, а другая транзитом направлялась в Калифорнию. Они вели себя в Панаме, как наглые хозяева, быстро вызвав неприязнь местного населения. В апреле 1856 г. вражда вылилась в открытое столкновение, получившее название «арбузной войны». Поводом к событиям послужил отказ американца заплатить панамцу за арбуз. Янки открыл стрельбу, его поддержали соотечественники. Панамцы ответили тем же. В результате было 17 убитых и 29 раненых с обеих сторон⁷⁴. Вашингтон грозил Новой Гранаде оккупацией перешейка в случае, если ее правительство откажется от возмещения убытков пострадавшим гражданам США. Президент Мальярино отверг вину новогранадской стороны, переложив ответственность на самих американцев. Тогда в июле 1856 г. они направили в Панаму 2 военных корабля. 19 сентября 1856 г. американская морская пехота впервые высадилась в Панаме и установила контроль над железной дорогой.

Урегулирование конфликта растянулось на целое десятилетие. Лишь в 1865 г. колумбийское правительство решилось принять американские требования, обязавшись выплатить 412 тыс. долл. в порядке компенсации за «ущерб», причиненный американским гражданам⁷⁵.

⁷⁴ Pérez Aguirre A. Op. cit. P. 27—28, 52.

⁷⁵ Гонимонский С. А. Указ. соч. С. 162—166.

ЭКВАДОР

(30—70-е ГОДЫ XIX ВЕКА)

Глава 9

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

История Эквадора как независимого государства начинается с 1830 г., с провозглашения страны суверенной республикой после распада созданной Боливаром Великой Колумбии.

Победа эквадорского народа в борьбе против испанского владычества, предупредившая ликвидацию экономических и политических ограничений, навязанных метрополией, и провозглашение политического суверенитета и республиканского строя, не означала существенной ломки социально-экономической структуры страны. Господствующим классом стали крупные креольские землевладельцы. Католическая церковь полностью сохранила свои привилегии и богатства, в том числе и обширные земельные владения. Особое положение в обществе заняла военная каста, представители которой видели в военной карьере наиболее легкий путь к личному обогащению и политической власти. Положение же народных масс — крестьян, индейцев, городских низов — практически не изменилось со времени колонии. Они все по-прежнему жили в нищете, в условиях политического бесправия, несли бремя бесчисленных церковных и государственных налогов, феодаль-

ных и полуфеодальных повинностей. Характерной особенностью Эквадора было тесное переплетение аграрного вопроса с национальными и политическими проблемами. Крестьяне-индейцы, составлявшие подавляющее большинство населения, страдали от малоземелья, оставаясь наиболее угнетенной, забитой и обездоленной частью населения. Не случайно в народе говорили о провозглашении независимости: «Последний день деспотизма и первый день того же самого».

В 1830 г. Эквадор был провозглашен юридически. Процесс же формирования эквадорского государства как реальной экономической, политической, социальной и национальной общности только начинался. Он проходил в сложных условиях: низкая степень развития производительных сил, внутренняя экономическая разобщенность страны, застойность социально-экономических структур, отягощенных многочисленными феодальными пережитками, господство натурального хозяйства в ряде районов, отсутствие надежных внутренних транспортных коммуникаций, в первую очередь между побережьем (костой), и горной частью страны (сьеррой), отличающейся труднопроходимым рельефом¹; малочисленность населения страны (по данным переписи 1839 г., 619 тыс. человек, в том числе на косте — 85 тыс.² Развитие капиталистических отношений шло чрезвычайно медленно.

В середине XIX в. в сьерре, где была сосредоточена основная масса населения, появились первые признаки развития промышленности. В 1840 г. в Миндо был построен первый сахарный завод, в 1842 г. в Чильосе — первая мастерская по производству хлопчатобумажных тканей, вторая — в Отовало в 1859 г., третья — в Куэнке в 1861 г. Две первые перерабатывали в год 425 тыс. фунтов хлопка³. Однако доминирующим оставалось ремесленное производство, которое велось как в поместьях, так и в крестьянских хозяйствах, да и сами предприятия такого рода, как правило, принадлежали крупным землевладельцам.

В сельском хозяйстве, составлявшем основу эквадорской экономики, появились асьенды, в которых начали применяться простейшие машины и механизмы, стала использоваться денежная оплата труда. Часть продукции этих асьенд (зерновые, шерстяные ткани, кожи, ремесленные изделия) реализовывалась на рынке, прежде всего в Колумбии. Однако господствующим продолжал оставаться полуфеодальный способ производства. В товарно-денежные отношения постепенно втягивались крестьяне-индейцы, владевшие мелкими земельными участками; были широко распространены различные промыслы — ткачество, производство изделий из шерсти, растительных волокон, изготовление домашней утвари. Продукция крестьянского промысла скупалась торговцами и вывозилась главным образом либо в пограничные с Эквадором районы Колумбии, либо через Гуаякиль в Перу, Боливию и Чили и лишь частично реализовывалась внутри страны, на городских рынках и в районах эквадорского побережья⁴.

¹ Территория Эквадора делится на три природно-климатические зоны: коста, сьерра и Орьенте (район тропических лесов верховьев р. Амазонки, который в рассматриваемый период не осваивался и не играл практически никакой роли в жизни страны). Различия между сьеррой и костой не ограничивались только рельефом, климатом, растительностью и т. п. Они охватывали и расовый состав населения (индейцы-крестьяне, белые землевладельцы — потомки испанцев и постепенно увеличивавшаяся прослойка метисов в сьерре; в косте же расовый тип населения формировался в результате смешения негров, белых и индейцев), виды его экономической деятельности, социально-классовые отношения и т. д.

² Villamil H. Resumen de historia patria. Quito, 1964. P. 228; Chiriboga M. Jornaleros y Gran Proprietarios en 35 años de Explotación Cacaotera (1790—1925). Quito, 1980. P. 23.

³ Villamil H. Op. cit. P. 257.

⁴ Chiriboga M. Op. cit. P. 62.

Характерной особенностью аграрных отношений в эквадорской сьерре был процесс концентрации земельной собственности и прогрессирующее обезземеливание индейцев. По мере втягивания крупных землевладельцев в отношения купли-продажи возрастала их потребность в дешевой рабочей силе. Использовались различные способы сгона крестьян с земли — их разоряли государственные налоги, церковные поборы, отвлечение на обязательные работы по строительству дорог, мостов и других государственных объектов. Центральное правительство в Кито, выражавшее интересы латифундистов сьерры — гамоналов, способствовало своей политикой образованию резервной армии труда. Неоднократно издавались законы о «бродяжничестве», грозившие суровыми карами согнанным с земли индейцам, вынужденным бросить родные места в поисках хлеба насущного. В то же время труд крестьян в асьендах никак законодательно не регулировался, и они практически полностью отдавались на произвол латифундиста.

Отличительной чертой аграрных отношений в Эквадоре в целом было широкое распространение так называемых консертахе — сложившейся еще в колониальные времена системы привлечения крестьян-индейцев за долги к работе в асьендах. Несмотря на то что индеец-консьерто⁵ получал за работу на полях либо в мастерских землевладельца символическую заработную плату в денежной форме, консертахе мало чем отличалась от долгового рабства. Неограниченная личная зависимость от латифундиста дополнялась и усиливалась жестким полицейским контролем над индейским населением.

Зачастую индейцы предпочитали стать консьерто богатого и влиятельного землевладельца, чем оставаться «свободными» и нести тяжесть государственных повинностей, становясь жертвой произвола гражданских и военных властей⁶. Консьерто, получавший в пользование небольшой земельный участок, именовался уасипунго⁷. Сохранение консертахе вплоть до 30-х годов XX в. являлось серьезным препятствием для развития капиталистических отношений не только в сельском хозяйстве, но и в экономике Эквадора в целом. Труд консьерто был основным источником обогащения латифундистов и крупных арендаторов, на протяжении десятилетий препятствовавших любым попыткам отмены или ограничения системы консертахе.

Тяжелым грузом на плечи эквадорского народа, индейцев в первую очередь, ложились многочисленные государственные церковные и местные налоги: общий и территориальный, особый налог на индейцев, церковная десятина. Сбор налогов отдавался на откуп частным лицам, что приводило к бесчисленным злоупотреблениям и поборам. В 1854 г. губернатор провинции Лсон признавал наличие «аморального обычая облагать десятиной лоскутные участки индейцев. Сборщика десятины не интересует, созрел ли урожай, пострадал ли он от непогоды. Его не касается, можно ли вообще собрать урожай. Еще больший ущерб наносит десятина с поголовья скота»⁸. Сборщики налогов быстро обогащались, превращаясь в землевладельцев или крупных торговцев.

Тысячи крестьян стекались в поместья сьерры или мигрировали к Тихо-

⁵ Консьерто — индеец, опутанный сложной системой долговой зависимости, утративший личную свободу вплоть до возврата долга помещику. Юридически смерть консьерто означала прекращение отношений личной зависимости от работодателя, однако последний, как правило, заставлял старшего сына умершего принять на себя долговые обязательства отца.

⁶ *Espinosa Tamayo A. Psicología y sociología del pueblo ecuatoriano. Guayaquil, 1918. P. 33.*

⁷ Система уасипунгерия постепенно превратилась в самую распространенную форму внеэкономического принуждения крестьян, использовавшуюся землевладельцами сьерры до принятия закона об аграрной реформе 1964 г. Фактически же она сохранялась в отдельных районах сьерры до 70-х годов XX в.

⁸ Цит. по: *Chiriboga M. Op. cit. P. 77.*

океанскому побережью в поисках лучшей доли. Особенно эти процессы усилились к 1875 г. в силу ужесточения законодательных мер, ущемлявших интересы крестьян, кризиса ткаческого ремесла из-за широкого импорта текстиля из европейских стран и существенного сокращения торговли с Колумбией.

На Тихоокеанском побережье Эквадора развитие капиталистических отношений как уклада значительно опережало аналогичный процесс в других районах. Первостепенную роль в этом играл Гуаякиль — большой и удобный порт, насчитывавший в 1889 г. около 44 тыс. жителей. В 1890 г. в этом главном порту страны побывало 198 пароходов и 47 парусных кораблей иностранных компаний, не считая национальных судов каботажного плавания. Еще в колониальный период в Гуаякиле имелась верфь, где строились и ремонтировались морские суда, что способствовало созданию многочисленных подсобных производств и служб. В 1841 г. здесь был построен первый в бывших американских колониях Испании пароход⁹.

Характерное для косты наличие плантационного хозяйства и лесоразработок, ориентированных на экспорт, потребное в большом количестве продовольственных товаров для снабжения крупного порта и торгового центра способствовали развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве этого района страны. Наряду с мелкими землевладельцами и консьерто здесь появился сельский пролетариат — батраки, работавшие на многочисленных плантациях какао и риса, инхениос и предприятиях по переработке какао, сборщики орехов тагуа, лесорубы, заготавливавшие древесину ценных пород — бальсу и гуаякан. На крупных латифундиях побережья применялся наемный труд, за который заработная плата выдавалась в денежной форме.

Одной из основных причин, обуславливавших особенности аграрных отношений на косте, была постоянная нехватка рабочей силы и вытекающая отсюда подвижность трудового населения, что существенно ограничивало возможности использования и резко снижало эффективность традиционных форм и методов эксплуатации, в частности консьертах.

До середины XIX в. на ряде плантаций косты сохранялся труд негров-рабов. В 1851 г. рабство в Эквадоре было отменено.

Основной формой землевладения в косте являлись крупные латифундии — плантации какао, принадлежавшие отдельным лицам и семейным кланам. Широко практиковался захват земель, принадлежавших индейцам, либо легальная «продажа» местными властями этих земель латифундистам¹⁰.

Многие латифундисты концентрировали в своих руках огромные богатства. К примеру, семья Аспиасу владела 59 асьендами общей площадью в 150 тыс. га, клан Семинарио — 23 асьендами, оцененными в 2 млн 778 тыс. сукре, семья Бургос — 24 асьендами стоимостью в 1 млн 405 тыс. сукре и т. д.¹¹ Выделялись богатством семьи Дуран Бальен, Кормигниани, Родригес, Сотомайор.

Латифундисты косты значительно отличались от гамоналов сьерры. Они были связаны с мировым рынком, принимали активное участие во внешней торговле, финансовых операциях. В целом они представляли собой ту часть эквадорского правящего класса, которая значительно дальше

⁹ Villamil H. Op. cit. P. 285; Wolf T. Geografía y geología del Ecuador. Leipzig, 1892; Crónica Comercial e Industrial de Guayaquil en el Primer Siglo de la independencia 1820—1920: La Economía del Ecuador en los Últimos Setenta Años 1906—1976. Guayaquil, 1977. P. 26.

¹⁰ Chiriboga M. Op. cit. P. 15.

¹¹ Ibid. P. 161.

других продвинулась по пути капиталистического развития, и во многих отношениях были ближе по своему положению к аграрно-торговой и банковской буржуазии, чем к креольской аристократии сьерры.

Внешняя торговля, главным образом с Англией, Францией, Германией, Испанией и США, была мощным фактором, способствовавшим экономическому развитию косты. Эквадор заключил договоры о торговле и мореплавании с США (1839), Испанией (1840), Францией (1843), Англией (1851 и 1850), Колумбией (1856), договор о дружбе и торговле с Перу (1867). Главным товаром эквадорского экспорта на протяжении всего XIX в. были какао-бобы. Развитие экспорта по мере втягивания страны в систему мирового капиталистического разделения труда шло по линии усиления его монокультурности. К 1870 г. какао стало систематически приносить более двух третей доходов от экспорта. В то же время богатейшие минеральные ресурсы Эквадора использовались в мизерной степени.

Практически все экспортно-импортные операции совершались в Гуаякиле. Здесь были основаны в 60-х годах XIX в. первые в стране банки — Банко Лусуррага, Банко партикулар, Банко комерсиаль и агрикола, Банко дель Экуадор. Гуаякильские банки возникли как финансовые организации крупных торговцев-экспортеров и латифундистов косты. Они обеспечивали торговые сделки, предоставляли кредиты частным лицам, в обмен на займы правительству получали право эмиссии и процент с доходов от государственных таможен.

Крупные землевладельцы, как и торговая буржуазия косты, тесно связанная с ними экономически, проявляли заинтересованность прежде всего в увеличении экспорта сельскохозяйственной продукции, а не в развитии производительных сил страны. Рост сельскохозяйственного производства достигался экстенсивным путем и усилением эксплуатации трудящихся с применением и феодальных, и капиталистических методов.

В XIX в. после получения независимости в Эквадоре шел процесс экономического возвышения косты, в колониальные времена практически не освоенной окраины. Этому росту способствовал увеличивавшийся с 40-х годов спрос на мировом рынке на тропические товары, однако решающий скачок в своем развитии коста сделала позже, в годы Тихоокеанской войны. В 1879 г. экспорт Эквадора — практически исключительно товары косты — увеличился более чем в два раза по сравнению с предшествующим годом и составил 8 млн 684 тыс. песо, превысив импорт более чем на 2 млн песо¹². Страна окончательно перешла от экономики, базировавшейся на сельском хозяйстве, ориентированном на внутреннее потребление, к аграрной экономике, основанной на экспорте тропических культур. Традиционные товары сьерры — зерно, шерстяные и хлопковые ткани — утратили первостепенное значение в хозяйственной жизни страны.

Сдвиги в экономике имели далеко идущие последствия — на первый план выдвинулась та часть господствующего класса — плантаторы и торговцы косты, которая с момента провозглашения независимости играла в политической жизни Эквадора подчиненную роль в сравнении с гамоналами сьерры.

Ленинское определение ряда стран как формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости, вполне может быть отнесено и к Эквадору. К моменту провозглашения независимой республикой Эквадор уже находился в финансовой кабале у Великобритании, ибо после распада Великой Колумбии 21,5 % ее долга

Англии (за предоставление помощи во время войны за независимость) было отнесено на счет Эквадора. Так называемый «английский долг» Эквадора составлял 1 млн 824 тыс. ф. ст., или 9 млн 120 тыс. песо¹³ — огромную по тем временам сумму для страны, доходная часть государственного бюджета которой в 1889 г. составляла 3,5 млн песо¹⁴. Великобритания, используя финансовую зависимость Эквадора, постоянно оказывала давление на его правительство, добиваясь получения концессий и других уступок.

В последние десятилетия XIX в. иностранный капитал, в первую очередь английский, начал усиленно проникать в экономику Эквадора — в зарождавшуюся горнорудную промышленность, а затем в плантационное хозяйство и транспорт. В 1880 г. в Лондоне была создана английская компания «Грейт Сарума голд майнинг» с капиталом в 250 тыс. ф. ст. (для разработки золотых приисков на юге Эквадора в районе Сарумы). Позже эта компания перешла в собственность американской «Саус америкэн девелопмент». В 90-х годах с участием американского капитала были созданы три компании для разработки золотых месторождений в провинции Эсмеральдас на севере Эквадора.

Действовавшие в то время двусторонние торговые соглашения между Эквадором и Великобританией, его главным торговым партнером, представляли последней широкие и исключительные преимущества в том, что касалось таможенных пошлин, портовых сборов, фрахта, других видов платежей. Эти привилегии часто противоречили непосредственным экономическим интересам самого Эквадора.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА. КОНСЕРВАТОРЫ У ВЛАСТИ

Развитие эквадорского общества в XIX в. проходило под знаком ожесточенной борьбы между противоположными идейно-политическими тенденциями — консерватизмом и либерализмом. Оплотом консерватизма были латифундисты Кито и других районов сьерры и католическая церковь — т. е. те круги, к которым с момента образования независимого государства перешла политическая власть.

Под знаменем либерализма выступали по преимуществу имущие слои населения косты — плантаторы, связанные с мировым рынком, растущая торговая буржуазия Гуаякиля, а также мелкие собственники — социальные круги, в той или иной степени связанные с растущим капиталистическим укладом в эквадорской экономике.

Консерваторы стремились увековечить господствующие позиции традиционных землевладельческих кланов и церкви в государстве, сохранить унаследованную от колониальных времен социальную и экономическую структуру, полуфеодалные формы эксплуатации народных масс. Либералы, отражая прогрессивные позиции того времени, объективно выступали сторонниками капиталистического развития страны.

Первый президент Эквадора генерал Х. Х. Флорес (1830—1834, 1839—1845) был представителем военной касты, выдвинувшейся на авансцену политической жизни еще в ходе войны за независимость. Осуществляя прямо или косвенно свою политическую гегемонию на протяжении первых

¹³ *Reyes O. E. Breve Historia General del Ecuador. Quito, 1960. Т. 2/3. P. 559.*

¹⁴ *Villamil H. Op. cit. P. 294.* На протяжении большей части XIX в. в Эквадоре в обороте находилось значительное число золотых и серебряных монет как национальной, так и иностранной чеканки. Наиболее распространенной из них было серебряное песо. По закону 1884 г. основной денежной единицей страны стало sucre.

15 лет существования Эквадора как независимого государства, Флорес зарекомендовал себя ярким консерватором. Практически ничего не сделав для развития страны, основные усилия он направил на расправу с политическими противниками, в защиту привилегий военно-землевладельческой клики и личное обогащение.

Против диктатуры Флореса боролись либералы, группировавшиеся вокруг газеты «Китеньо либре» («Свободный житель Кито»), клеймившей «преступников в эполетах». Среди либералов выделились такие деятели, как Висенте Рокафуэрте, Педро Монкайо, Хосе Ольмеда.

В 1835—1839 г. президентом Эквадора был В. Рокафуэрте, пришедший к власти в результате компромисса с Флоресом. Рокафуэрте провел некоторые прогрессивные преобразования — была принята либеральная конституция, усовершенствована система государственного управления и финансов, сделан ряд шагов по развитию народного образования.

В 1845 г. в результате вооруженного восстания, организованного либералами, был свергнут президент Флорес, пытавшийся продлить свою власть при помощи военной клики. К власти пришла группировка латифундистов, торговцев и военных косты, выступавших под флагом либерализма.

Из сменявшихся затем у власти президентов наиболее заметной фигурой был Хосе Мариа Арбина (1852—1856), осуществивший ряд либеральных реформ (изгнание из страны иезуитов, меры, направленные на экономическое развитие страны, и т. д.). Политику Урбины продолжал его преемник на посту президента генерал Ф. Роблес (1856—1859).

Реакционные силы — консерваторы и клерикалы — вели ожесточенную борьбу против либеральных правительств 50-х годов. Эта борьба вылилась в 1859 г. в гражданскую войну, в результате которой к власти пришел Габриэль Гарсиа Морено, диктатура которого длилась практически 15 лет, вплоть до 1875 г.

Гарсиа Морено — самый крупный деятель эквадорского консерватизма XIX в., в наиболее яркой и законченной форме воплотивший в государственной деятельности взгляды и концепции, присущие этому идейно-политическому течению. В характере этой личности крайняя жестокость, тиранство, религиозный фанатизм причудливо переплетались с высокой для того времени образованностью, личной честностью, бескорыстием, бесстрашием и энергией.

В годы правления Гарсиа Морено были подавлены выступления сепаратистских элементов, угрожавшие территориальной целостности Эквадора. Большое внимание было уделено улучшению государственного аппарата, финансовой системы, борьбе с коррупцией. Без увеличения налогов Гарсии Морено удалось к 1873 г. в три раза увеличить доходы государства. Были созданы новые финансовые учреждения, в частности Банк ипотечного кредита. Впервые за все время существования Эквадора как независимого государства при правлении Гарсии Морено заработная плата служащим и государственные долги стали выплачиваться полностью и в срок. Большое внимание уделялось городскому и дорожному строительству. Основные районы страны были соединены транспортными путями. Было построено также 44 км Южной железной дороги. В городах строились общественные и административные здания. По инициативе Гарсии Морено в значительных масштабах проводились посадки эвкалиптов, что оздоровило климат и дало достаточное для внутренних нужд количество деловой древесины. Предпринимались и попытки внедрения передовой для того времени сельскохозяйственной техники, не давшие, правда, практических результатов.

350 Заметные успехи в период правления Гарсии Морено были достигнуты

Х. де ОЛЬМЕДО

В. РОКАФУЭРТЕ

в области образования. В 1867 г. во всех школах Эквадора насчитывалось 13 485 учащихся, в 1875 г. — уже 32 тыс.¹⁵ Были созданы военное училище, педагогическое училище для индейцев, политехническое и художественное училища, консерватория, обсерватория. Широко практиковалось приглашение преподавателей-специалистов из европейских стран, в частности из Франции и Германии, и направление эквадорских студентов в университеты Европы, исключительно в католические.

В то же время правление Гарсии Морено стало периодом неограниченной личной диктатуры, безжалостного подавления политических противников. Конституция 1869 года, вошедшая в историю Эквадора как «черная конституция», предоставляла широчайшие права исполнительной власти в лице президента. Гражданином Эквадора, по этой конституции, мог быть только католик. Гражданин немедленно лишался всех прав, если он принадлежал к «обществам, запрещенным церковью»¹⁶. В целом конституция, несмотря на провозглашение некоторых демократических прав, касающихся выборов, установила политический строй теократической диктатуры. Объявленные конституцией права и свободы по существу были фикцией. В стране царил произвол диктатора.

Клерикальное засилье в эти годы достигло невиданных размеров. В страну возвратились иезуиты. В 1862 г. между правительством Гарсии Морено и Ватиканом был заключен конкордат. Католической иерархии предоставлялись широкие права, практически возводившие ее на уровень второй государственной власти. Церковь получила право контроля над программами учебных заведений. Статья 3 конкордата устанавливала: «Епископы и прелаты будут совершенно свободно осуществлять свое неотъемлемое право запрещать книги, противоречащие религии и добрым обычаям...»¹⁷

¹⁵ Ibid. P. 257.

¹⁶ Vera A. Anheló y pasión de la democracia ecuatoriana. Guayaquil, 1948. P. 52.

¹⁷ Reyes O. E. Op. cit. T. 2/3. P. 594.

Другими статьями этого документа устанавливалось неограниченное право церковных властей приобретать любую собственность.

В обмен на эти привилегии Ватикан уступал президенту Эквадора право предлагать свои кандидатуры для утверждения на должности епископа и архиепископа, назначать священников в приходы и т. д. Тем самым Гарсиа Морено приобретал существенное влияние на церковные круги. Конкордат 1862 г. узаконил вмешательство католической церкви в дела государства, гарантировал ее материальные богатства и привилегии и в то же время превращал эквадорскую церковную иерархию в политический инструмент в руках диктатора.

С особой жесткостью подавлялись выступления либералов, которые пытались свергнуть диктатуру путем вооруженного восстания. Смертной казни подвергались не только захваченные в плен участники вооруженной борьбы, но зачастую и их родственники и даже друзья. Широко практиковались самые изуверские средневековые пытки.

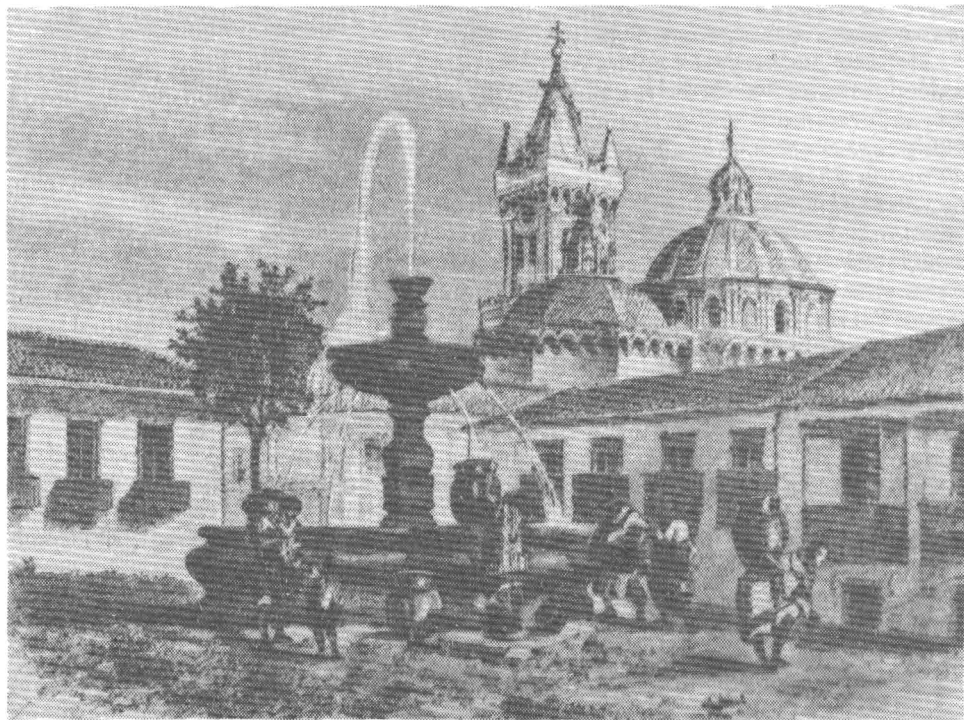
Бесчисленные жестокости вселяли ненависть к тирану в сердца тысяч эквадорцев. Либералы устраивали заговоры, поднимали мятежи в различных районах страны. Эти выступления, как правило, были разрозненными, поддерживались узким кругом лиц в основном из высшего слоя общества и, несмотря на индивидуальный героизм участников, легко подавлялись войсками диктатора.

Реакционные политические убеждения диктатора наложили отпечаток и на внешнюю политику его правительства. В частности, в 1859 и 1861 гг. Гарсиа Морено обращался к Франции с предложением принять Эквадор под свой протекторат. 22 июня 1861 г. он писал французскому поверенному в делах: «...я являюсь сторонником того, чтобы наша прекрасная страна под французским флагом превратилась в цивилизованную и процветающую. Считаю, что эквадорский народ будет счастлив присоединиться к Вашей великой и благородной нации»¹⁸. По замыслу Морено, переход Эквадора под французский протекторат должен был в конечном итоге привести к созданию на территории независимых стран Тихоокеанского побережья Южной Америки «Андского королевства» во главе с католическим принцем, назначенным Наполеоном III¹⁹. Франция отклонила проект Гарсиа Морено, поскольку правительство Наполеона III в тот момент было поглощено мексиканской авантюрой.

Подобные внешнеполитические планы Гарсиа Морено были продиктованы его опасениями, что борьба между консерваторами и либералами может поставить под угрозу территориальную целостность Эквадора. С другой стороны, диктатор был озабочен экспансией США на Американском континенте, как и политикой Великобритании, видя в них угрозу латиноамериканским странам. Будучи человеком крайне антидемократических убеждений, он считал, что в подобных условиях единственной альтернативой для латиноамериканцев, которая к тому же укрепит позиции консервативных сил на континенте, является создание единого государства с сильным монархическим правительством под эгидой Франции — могущественной европейской католической державы. Эти планы означали для молодых латиноамериканских государств потерю национального суверенитета, дорогой ценой завоеванного в борьбе против другой европейской колониальной державы — Испании.

¹⁸ Villacres Moscoso J. W. Historia diplomática de la República del Ecuador. Guayaquil, 1972. Т. 3. P. 40.

¹⁹ Ibid. P. 47.

Площадь с фонтаном у Кафедрального собора в Кито
(рисупок 1862 г.)

Гарсиа Морено сделал для экономического и культурного развития страны несравненно больше, чем какой-либо другой президент-консерватор. Эта сторона его деятельности позволяла и до сих пор позволяет реакционным историкам превозносить Гарсию Морено как «отца эквадорской нации», идеального государственного даятеля.

Гарсиа Морено — яркий консерватор. Однако неограниченная власть диктатора опиралась не столько на прямую поддержку крупных землевладельцев или на армию, расходы на содержание которой при его правлении неуклонно сокращались, сколько на всю систему социальных отношений, вырвавшихся из патриархально-феодалного уклада, сохранявшегося в сьерре.

Для широких масс сьерры — крестьян-индейцев, полностью зависевших от местного гамонала, городских низов — нищих, неграмотных, духовно поработанных церковью, самой церковной иерархии с тысячами священников и монахов — для всех них Гарсиа Морено был «защитником католической веры», грозным повелителем и судьей. Для этой, весьма значительной, части эквадорского населения само слово «либерал» ассоциировалось, благодаря постоянным усилиям приходского священника, с «исчадием ада», «службой сатаны». Массы бесправного и нищего населения сьерры служили социальной базой диктатуры «сильной личности», появившейся на политической арене в переломный период эквадорской истории.

Режим личной власти, доведенный до крайних пределов, рухнул после 353

убийства Гарсии Морено 6 августа 1875 г. группой заговорщиков на ступенях правительственного дворца в Кито.

Период диктатуры Гарсия Морено был «лебединой песней» эквадорского консерватизма в его традиционной разновидности. Формы и методы государственного управления, да и сами идейные концепции, на которых они базировались, изживали себя. Эквадорское общество постепенно менялось, несмотря на все попытки консерваторов остановить этот процесс. Развивались товарно-денежные отношения, усложнялась социальная структура, укреплялись новые слои господствующего класса, заинтересованные в модернизации системы государственного управления, ее приспособлении к реалиям жизни. Одним из проявлений этого процесса стало обострение разногласий в лагере консерваторов, его раскол на ряд соперничавших группировок, часть из которых склонялась к признанию необходимости компромисса с верхушкой либерального движения.

ПЕРУ В 1826—1879 ГОДАХ

Глава 10

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Двадцать восьмого июля 1821 г. в Лиме Сан-Мартин провозгласил независимость Перу. Но только в январе 1826 г. испанцы сдали свой последний оплот в Перу крепость Кальяо. Длительная война причинила значительный ущерб экономике страны. Были залиты водой шахты и рудники; добыча золота и серебра, некогда определявшая экономику страны, свелась к незначительным старательским разработкам. Резко сократился вследствие изгнания испанских торговцев торговый капитал Лимы — с 15 млн песо до войны за независимость до 1 млн песо в 1826 г.¹ Видный деятель республики Луна Писарро, выступая в Национальном конгрессе в 1832 г., говорил: «Сельское хозяйство угасает. Мелкое ремесло в стране разрушено. Торговля сведена к нулю из-за отсутствия капиталов, кредитов и связей. Самый многочисленный и самый необходимый класс пробавляется нищенством из-за отсутствия работы, ибо многие мастерские исчезли, а труд в оставшихся низко оплачивается и не защищен от произвола»².

Послевоенная разруха сильно ослабила позиции тех слоев господствующего класса, которые представляли, «хотя и в зачаточном состоянии», буржуазию³. В первые 20 лет независимого национального развития в буре политической борьбы и гражданских войн господствующий класс — лати-фундисты, асендадос или, как их называли в Перу, гамоналы (паразиты, кровососы), — определял основные направления экономики и политики перуанского общества.

Основная производительная сила страны — индейцы кечуа и аймара (четыре пятых населения Перу, составлявшего в 1828 г. примерно 1,24 млн человек)⁴, подвергаясь национальной дискриминации со стороны креолов,

¹ Nueva historia general del Perú. Lima, 1979. P. 118.

² Luna Pizarro F. J. de. Escritos políticos. Lima, 1959. P. 197.

³ Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 58, 105—107.

⁴ Historia del Perú. Lima, 1980. T. 6. P. 401.

находились под гнетом полуфеодалной эксплуатации, особенно грубый характер имевшей в сьерре (в горной части страны). На coste (побережье), на сахарных, а частично и хлопковых и виноградарских асьендах преобладал рабский труд (число рабов в 1821 г. составляло 41,2 тыс. человек)⁵. Мелкое землевладение, свободное от феодальных пут, развивалось в центральной сьерре (прежде всего в департаменте Хунино) и на юге, в Арекипе. Здесь наиболее широко развивалось товарное сельское хозяйство, снабжавшее города и горняцкие поселки продуктами питания. Отметим, кстати, что при общем падении добычи серебра в республике по сравнению с колониальным периодом в департаментах Лимы и Хунино (в районе города Серро-де-Паско) она продолжала расти. Достаточно сказать, что число рабочих-горняков в Серро-де-Паско в 1842 г. составило 2428 человек, т. е. всего на 42 человека меньше, чем в период расцвета добычи серебра в XVIII в. Среднегодовое же производство серебра в Серро-де-Паско возросло с 68,2 тыс. марок⁶ в 1784—1805 гг. до 407 тыс. марок в 1842 г. В 1833 г. Лима и Хунино давали 99,9 % добычи серебра в стране⁷.

Наиболее характерной чертой экономической жизни Перу после завоевания независимости являлась узость внутреннего рынка, наличие слабо связанных между собой регионов с их особыми экономическими и политическими интересами. Так, Куско с его преобладанием крупной земельной собственности и крепостничеством индейцев, будучи в конце войны административным центром вице-королевства, центром торговли и ремесла для сьерры, приходил все более в упадок. Обедневшую аристократию Куско раздражала обязанность содержать за свой счет власти, назначенные Лимой, и подчиняться «либеральным» военным⁸. Арекипа, отделенная от севера пустыней Ислай, была своего рода экономическим центром южной сьерры и coste, части Боливии. Через Арекипу в Англию и Францию вывозилась шерсть викуньи, альпаки, ламы и овец, а также кока. Арекипа недаром стала центром так называемых «революций» в первые 40 лет существования республики. Здесь наиболее остро проявились противоречия между крупными и мелкими землевладельцами, между оптовыми торговцами и мелкими, между индейцами и белыми. Засилье церкви в городе объясняло его фрондирование против «либерализма» столицы. Русский дипломат А. С. Ионин писал, что здесь «главным стимулом революций было все-таки не только давнишнее соперничество второй столицы с первой, как буйный и беспокойный, всегда готовый на всякую авантюру элемент кочевого народа, который и составляет большую часть населения Арекипы»⁹. Это погонщики мулов — метисы, погонщики стад лам — индейцы Анд, батраки, пригонявшие скот для продажи в Арекипу.

В условиях экономического разъединения и даже соперничества различных районов страны, неопределенности ее внешних границ, дискредитации экономической и политической элиты сотрудничеством с роялистами руководящую роль в политической жизни Перу заняли военные, возглавлявшие долголетнюю войну за независимость. Среди них выделилась фигура Каудильо с его многочисленной клиентурой и группой сторонников. Полити-

⁵ Macera P. Trabajos de historia. Lima, 1977. Т. 4. P. 53.

⁶ 1 марка составляет 230 г.

⁷ Manrique N. El desarrollo del mercado interior en la sierra central 1830—1910. Lima, 1978. P. 34.

⁸ Echenique J. R. Memorias para la historia del Perú (1808—1878). Lima, 1952. Т. 1. P. 73.

⁹ Ионин А. С. По Южной Америке. СПб., 1902. Т. 4. Арекипа снабжала продуктами питания тяготеющий к ней регион. Небольшая долина Арекипы давала урожай пшеницы сам-25, кукурузы — сам-80, люцерны — сам-90. См.: Там же, а также: Paz Soldán M. F. Diccionario geográfico, estadístico del Perú. Lima, 1877. P. 69.

ческие конфликты в стране зачастую разрешались не в рамках конституционных норм и законов, а на поле боя или посредством «пронунсиамьенто». Тот или иной каудильо, насильственно рекрутировавший индейцев в свою армию, старался захватить власть и действовать в интересах своей группировки.

Каудильо отражали своей политической деятельностью соотношение сил как внутриклассовое — между отдельными слоями господствующего класса, — так и межклассовое — между индейцем-крестьянином и латифундистом, мелкой буржуазией и крупными торговцами, ремесленниками-подручными и мастерами и т. д.

В первые годы после завоевания независимости в политической жизни Перу господствовали две группы: консерваторы и либералы. Зачастую членство в них было подвижно и неустойчиво, но основные линии их действий прослеживаются довольно явно. Консерваторы выражали интересы крупных землевладельцев сьерры и косты, рабовладельцев, части крупных торговцев, ранее связанных колониальной торговлей с Испанией, высшего духовенства. К лагерю либералов принадлежали часть горнопромышленников, обуржуазившихся асендадос (виноградари юга косты, к примеру), мелкие землевладельцы, мелкобуржуазные элементы города (мелкие торговцы, ремесленники, часть чиновников, адвокаты, журналисты, учителя) и низшие служители культа. В политической сфере их разногласия касались характера власти. Партия консерваторов, видным представителем которой был генерал А. Гамарра, требовала сильной, централизованной власти по образцу колониальной с минимумом изменений и с опорой на армию.

Партия либералов, вождем которой долгое время оставался арекипский священник Франсиско Луна Писарро, требовала проведения в жизнь основных норм буржуазного права, ослабления роли президента и предоставления департаментам страны автономии в местных делах. Но прежде всего либералы, как отметил современник событий Сантьяго Тавара, хотели очистить страну «от грязи и мусора испанской (т. е. колониальной — *Авт.*) системы»¹⁰.

На Конституционном конгрессе 1827—1828 гг. либералы добились определенных успехов. Благодаря их стараниям президентом страны был избран либерально настроенный маршал Хосе де Ла Мар, командовавший перуанской дивизией при разгроме испанцев в Аякучо. Конституция Перу, принятая этим конгрессом, носила буржуазный характер. Луна Писарро настоял, чтобы в эту конституцию были включены основные нормы буржуазного права — «личная безопасность, неприкосновенность жилища, тайна переписки, свобода мысли»¹¹.

Конституция провозглашала Перу республикой, вводила федералистский принцип устройства государства, децентрализацию власти. Прерогативы президента, избиравшегося на 4 года, ограничивались в сфере исполнительной власти как конгрессом, так и департаментскими хунтами и государственным советом, составленным из членов конгресса.

Гарантировалось равенство граждан перед законом, свободный доступ к занятию должностей в госаппарате, не признавались наследственные должности и привилегии. Провозглашалась отмена прав «мертвой руки» и церковных дарений, утверждалась нерушимость частной собственности и свободы торговли. Статья 166 прокламировала свободу «труда, промышленности и торговли», а в статье 171 даже гарантировалось бесплатное

¹⁰ *Tavara Santiago. Historia de los partidos. Lima, 1951. P. 144.*

¹¹ *Luna Pizarro F. J. de. Op. cit. P. 167.*

начальное образование всем гражданам. Наряду с этими прогрессивными в тех условиях нормами конституционного права основной закон страны не отменил рабства и рабы не получили гражданства, хотя и их дети провозглашались свободными, а ввоз рабов в Перу запрещался. В качестве государственной религии конституция объявляла католическую.

Система голосования воспрещала доступ к участию в политической жизни подавляющей части населения страны — индейцев, рабов, мелких землевладельцев, ремесленников. Выборы были многоступенчатыми, голосовать имели право лишь те, кто умел читать и писать. На первой ступени избирались выборщики из числа лиц, владевших земельной собственностью или годовым доходом в 300 песо. Депутат нижней палаты конгресса должен был обладать годовым доходом не менее 500 песо, а член сената — 1000 песо¹². Характерно, что церковники и военные сохранили особые привилегии, существовавшие еще в колониальное время, а именно право на особое судопроизводство и на освобождение от налогов.

Таким образом, либеральная конституция 1828 года при всей ее прогрессивности в условиях перуанского общества того времени отдавала управление страной в руки крупных собственников.

Но либералы недолго продержались у власти. В 1828—1829 гг. шла война Перу с Колумбией, пытавшейся сохранить единство Великой Колумбии во главе с Боливаром. Колумбийские войска, остававшиеся в Перу после Аякучо, были выведены из страны. Префект Куско генерал А. Гамарра вторгся в Боливию и вынудил сподвижника Боливара А. Сукре покинуть пост президента. Президент Перу Ла Мар потерпел поражение от войск Колумбии в сражении при Пуртете-де-Тарки на территории Эквадора 27 февраля 1828 г. Воспользовавшись этим, противники президента — консервативные деятели А. Гамарра и генерал Г. де Ла Фуэнте — свергли его в июне 1828 г., обвинив попутно в намерении установить «якобинскую диктатуру, как это было во Франции», в пренебрежении интересами имущих слоев населения и в попустительстве выступлениям низших слоев и рабов¹³. Особое возмущение консерваторов вызывал Луна Писарро, квалифицированный Гамаррой как «предводитель толпы, подобный французским якобинцам»¹⁴. Гамарра и Ла Фуэнте «оформили» свое избрание соответственно на посты президента и вице-президента страны специально подобранным составом нового конгресса. Вскоре был заключен мир с Колумбией, где был отстранен от власти Боливар.

Гамарра проводил политику, направленную на укрепление позиций гамоналов сьерры. Он увеличил подушный налог на индейцев и отменил взимание его с метисов. В интересах рабовладельцев косты в 1830 г. он фактически восстановил рабство для детей рабов. В ответ на это рабы массами бежали из асьенд в горы, где создавались группы партизан — монтонерос, нападавших на своих угнетателей¹⁵. Гамарра усилил репрессии по всем линиям, большая часть доходов государства шла на содержание армии¹⁶.

В декабре 1833 г. конгресс избрал временным президентом либерального

¹² Текст конституции см. в кн.: *Ugarte del Pino J. V. Historia de las constituciones del Perú*. Lima, 1978. P. 227—253.

¹³ *Tavara S. Historia de los partidos*. P. 199—200.

¹⁴ *Gamarra Ag. Epistolario*. Lima, 1952. P. 151—154, 157.

¹⁵ *Piel J. Rebeliones agrarias y supervivencias coloniales en el Perú del siglo XIX // Revista de Museo Nacional*. Lima, 1973. Vol. 39. P. 301—303.

¹⁶ Так, в 1831 г. из 4,9 млн песо госдоходов 2,9 млн песо шло на армию. См.: *Historia del Perú*. T. 6. P. 428.

скотовода-латифундиста из Трухильо генерала Луиса Хосе Орбегосо. Гамарра, опираясь на верную ему армию, попытался удержаться у власти. Но восстание лимских низов вынудило его сторонников покинуть Лиму, а сам он, потерпев поражение у Арекипы, бежал в мае 1834 г. в Боливию. В июне 1834 г. Конституционный конгресс при активном участии Луны Писарро разработал новую конституцию, которая несколько усиливала централизацию власти, отменив департаментские хунты. Индейцы, платившие подушный налог, получали право голоса. Конгресс избрал Орбегосо президентом. Но попытки президента установить запретительные пошлины на ряд импортных товаров в целях защиты местного производства и провести в жизнь секуляризацию церковных владений вызвали новый мятеж консерваторов. Власть в столице захватил в феврале 1835 г. генерал Фелипе Сантьяго Салаверри, когда Орбегосо отбыл с инспекционной поездкой в Арекипу. Придя к власти, Салаверри увеличил сбор церковной десятины и по требованию латифундистов косты восстановил торговлю рабами, ввоз их из других стран Америки. Он также отменил на 5 лет всякие налоги на асендадос косты.

Но и Салаверри недолго находился у власти, хотя и объединил свои силы с Гамаррой. В феврале 1836 г. войска Салаверри были разбиты, а сам он расстрелян. По инициативе президента Боливии А. Санта-Круса и Орбегосо в 1837 г. Боливия и Перу объединились, создав конфедерацию. Санта-Крус был избран на 10 лет президентом Перуано-Боливийской конфедерации с правом переизбрания¹⁷. В основе конфедерации лежали тесные экономические связи юга Перу с Боливией, надежды торговцев Лимы покончить путем создания сильного государства с торговой конкуренцией Чили, чей порт Вальпараисо стал крупнейшим перевалочным пунктом для товаров из Европы, направлявшихся в Южную Америку. Но с самого начала конфедерация оказалась нежизнеспособной. Против нее выступили сахарные плантаторы косты, заинтересованные в рынке сбыта сахара в Чили, многие перуанцы также не желали гегемонии Боливии в конфедерации. Создание конфедерации вызвало опасения ее соседей — Чили и Аргентины. 26 декабря 1836 г. республика Чили объявила войну Перуано-Боливийской конфедерации, обвинив последнюю в поддержке мятежного чилийского генерала Р. Фрейре. Но главной причиной войны была торговая конкуренция двух стран и борьба за гегемонию в тихоокеанской части Южной Америки¹⁸.

Первая экспедиция чилийцев, высадившихся в районе Арекипы в 1837 г., оказалась неудачной. Отбиты были и набеги отрядов Росаса из Аргентины. Вторая экспедиция чилийцев была более подготовленной — она опиралась и на перуанских политических деятелей, выступавших против верховенства Боливии в конфедерации. К северу от Лимы в долине Юнгай 20 января 1839 г. армия Санта-Круса была разбита. Конфедерация распалась. Президентом Перу вновь стал Гамарра, установивший открытую диктатуру консерваторов. Декретом от 14 декабря 1839 г. он продлил «окекунство» рабовладельца над свободно рожденным негром до 50-летнего возраста, т. е. фактически восстановил рабство. На реакционной основе союза с боливийскими помещиками Гамарра стремился восстановить союз с Боливией. Когда в июне 1841 г. в Боливии сторонники Санта-Круса совершили военный переворот, Гамарра вторгся в Боливию и захватил Ла-Пас. Однако 18 ноября он был наголову разбит и пал в сражении. Война прервалась на

¹⁷ *Basadre J.* Chile, Perú y Bolivia independientes. Barcelona; Buenos Aires, 1948. P. 166.

¹⁸ *Tavara S.* Op. cit. P. XVI—XVII, 120; *Tauro del Pino A.* Perú: época republicana. Lima, 1973. T. 1. P. 127.

территорию Перу. В стране воцарился политический хаос — один президент свергал другого, иногда их оказывалось одновременно несколько. Наконец, в июле 1844 г. в битве при Кармен-Альто один из самозванных президентов, М. Виванко, был разбит генералом Рамоном Кастильей, военным министром при Гамарре. С Боливией был заключен мир. Перуанское государство получило наконец передышку и установило более или менее определенные границы с соседями.

РЕВОЛЮЦИЯ 1854—1855 ГОДОВ

Умудренный опытом длительных междоусобиц, Рамон Кастилья отошел от жесткой консервативной линии Гамарры и решил опереться на либералов. С именем Кастильи связаны наиболее прогрессивные изменения в Перу XIX в. Он воспринял многие идеи либералов, проводя их в жизнь в меру своих способностей и сообразуясь с обстановкой. Избранный президентом в 1845 г. Кастилья вступил в исполнение должности в период завершения в крупных капиталистических странах Европы промышленной революции. Значительные передвижения народных масс из деревни в город поставили перед капиталистическим обществом европейских стран задачу обеспечения растущего числа рабочих продуктами питания, для чего необходимо было резко увеличить производительность сельского труда. Проблема удобрений выдвинулась в связи с этим на первый план. Именно в это время выяснилось, что Перу обладает огромными запасами удобрения — гуано (скопившийся за тысячелетия помет морских птиц) на островах Чинча (недалеко от Кальяо) и в ряде мест юга коста. Добыча гуано, в первые годы разработок залегавшего многометровыми слоями буквально на поверхности земли, не требовала большого числа рабочих рук (сначала негров-рабов, а с 1848 г. — китайцев, привезенных из Макао). Стоимость же гуано на мировых рынках в 30 раз превышала издержки его добычи¹⁹.

По роли в первоначальном накоплении в Перу и в становлении там капиталистических отношений гуано может быть приравнено к золоту и серебру. «Доходы от продажи гуано и слитры, — писал Х. Мариатеги, — создали в Перу, где собственность все еще сохраняла аристократический и феодальный характер, первые прочные элементы торгового и банковского капитала. Прямые и косвенные пенкосниматели богатств побережья были первыми представителями класса капиталистов»²⁰.

Отсутствие сколько-нибудь влиятельной прослойки национальной промышленной буржуазии в ее истинном смысле привело в Перу к тому, что контроль над продажей гуано в Европе и США перешел в руки иностранных торговцев, прежде всего английских и французских. После того как в 1842 г. гуано было объявлено монополией государства, правительство заключало вплоть до 1862 г. контракты на добычу, вывоз и продажу гуано с английским торговым домом Джиббсов (из Ливерпуля). Контроль над добычей со стороны правительства отсутствовал, чем иностранные дельцы пользовались для обмана государства, а займы опутывали государство жесткой сетью постоянной задолженности, в конечном счете приведшей страну к финансовому краху в 1875 г.

Доходы от гуано до 1860 г. в основном шли на выплаты по внешним и внутренним займам, сбалансирование всегда дефицитного госбюджета, на финансирование армии и флота, требовавшее больших средств в связи

¹⁹ Витвер И. Южная Америка. М.; Л., 1930. С. 396.

²⁰ Мариатеги Х. К. Указ. соч. С. 53.

с бесконечными мятежами и гражданскими войнами, на содержание разбухшей гражданской и военной бюрократии. В меньшей степени гуано способствовало развитию сельского хозяйства — модернизации сахарного производства и расширению хлопковых хозяйств. Почти треть доходов от гуано оказалась в руках английских бизнесменов²¹. Слабо развивалась национальная промышленность, ибо еще раньше английская торговая экспансия разрушила центры мануфактурного текстильного производства, подорвав зачатки местного капиталистического предпринимательства, а ремесленное производство прозябало в условиях иностранной конкуренции.

Зависимость от Англии стала складываться с началом самостоятельного существования республики. Уже в 1824 г. в Лиме было 20 английских торговых домов, а в Арекипе — 16²². Самой крупной торговой фирмой, обосновавшейся в Лиме, была «Антон Джиббс и сыновья». Она получала громадные прибыли в 200—400 % от продажи английского текстиля, который оказался в 2 раза дешевле местного. Согласно оценке английского консула Риккетса, к концу 1826 г. лимские аристократы задолжали английским торговцам около 2 млн долл.²³ Давление англичан привело к введению в Перу «свободы торговли» с иностранными государствами, оставив местную промышленность без защиты. Так конкуренция англичан разрушила текстильные мануфактуры (обрахес), лишив их внутреннего рынка, а затем и сырья — шерсти овец и альпаки, скупаемой англичанами и экспортируемой в Англию. Оттуда же в страну шел текстиль, составлявший 95 % перуанского ввоза из Англии в 1830 г.²⁴

Тем не менее средства, полученные от продажи гуано и селитры, позволили правительству Кастильи в известной степени оживить экономику Перу. Началось, хотя и робкое, развитие фабричной промышленности, преимущественно легкой, но частично и горнорудной. В 1845 г. в Лиме была основана стекольная фабрика, в 1846 г. немский предприниматель В. Бартель построил фабрику по производству пива, в 1848 г. перуанские капиталисты ввели в действие в Лиме фабрику²⁵, производившую 1 246 814 ярдов ситца-токуйо в год. На ней было занято 160 рабочих. Из-за конкуренции с английским текстилем, который в 1841—1851 гг. составил 75—89 % всего перуанского импорта, ее вынуждены были закрыть²⁶. Издатели национальной газеты «Эль Комерсио» построили первую бумажную фабрику в Лиме в 1848 г. Ряд мелких текстильных фабрик был построен и в провинциальных центрах. Была введена в строй свечно-мыльная фабрика. На некоторых крупных сахарных плантациях стали применяться паровые машины по переработке сахарного тростника.

Правительство Кастильи в 1851 г. построило первую в Южной Америке железную дорогу Лима—Кальяо. Конгресс принял первый сбалансированный госбюджет на двухлетие 1848—1849 гг. В 1847—1850 гг. были консолидированы внешние и внутренние долги Перу периода войны за независимость. В частности, за счет доходов от гуано были выплачены долги 1822—1825 гг. Англии на сумму в 1,8 млн ф. ст.²⁷, а также Чили, Колумбии, США и Франции.

²¹ Bonilla H. Guano y burguesía en el Perú. Lima, 1978. P. 145—147.

²² Nueva historia general del Perú. P. 118.

²³ Platt D. C. M. Latin America and British Trade, 1806—1914. N. Y., 1973. P. 42, 47—48, 51.

²⁴ Historica. Lima, 1978. Jul., vol. 2, N 1. P. 3.

²⁵ Galvez J. Nuestra pequeña historia. Lima, 1966. P. 38—39, 41.

²⁶ Torre R. M. de la. Apuntes para una interpretación marxista de historia social del Perú. Lima, 1947. T. 1. P. 198; Macera P. Op. cit. Lima, 1977. T. 2. P. 281.

²⁷ Rippy F. J. British Investments in Latin America, 1822—1949. Hamden, 1966. P. 19.

Большое внимание уделялось развитию начального и среднего образования. Достаточно сказать, что в 1847 г. в начальных школах обучалось 29 942, а в колехио — 3994 человека, что превышало число учащихся школ большинства латиноамериканских стран того времени²⁸.

Началась модернизация армии — были приняты армейские уставы, определен порядок получения воинских званий, открыто военное училище, создан военно-морской флот с первым в Южной Америке военным паровым судном «Римак», открылась военно-навигационная школа. Кастилья способствовал принятию закона о развитии национального торгового флота, об отмене монополии на судоходство иностранцев. В 1849 г. был отменен майорат, что знаменовало победу буржуазного права о свободе торговли земельной собственностью.

С развитием капитализма на косте и в центральной сьерре не прекращалась борьба рабов против системы рабовладения, что выражалось прежде всего в массовом бегстве их с асьенд и партизанской борьбе против хозяев, особенно в районе Лимы и Трухильо, где наблюдались наибольшее сосредоточение рабского населения. Неоднократно они угрожали и столице, как это было в 1835 и 1840 гг., когда рабы, руководимые Мундо Фео и Леоном Эскобаром, врывались в столицу²⁹. Наиболее крупное восстание рабов произошло в 1847 г. на сахарной асьенде Ла-Молина под руководством беглого раба Мануэля Гарсия. Неспособный труд и зверское обращение с неграми явились непосредственной причиной восстания. Восставшие убили управляющего и осадили дом асендадо. Только быстрое прибытие правительственных войск из Лимы спасло рабовладельца. Руководители восстания были казнены³⁰.

Кризис рабовладельческой системы хозяйства на косте, борьба рабов за свободу, сокращение их числа в связи с практической невозможностью покупки невольников на мировых рынках, рост стоимости содержания рабов тормозили расширение производства на сахарных плантациях и хлопковых асьендах. Правительство Кастильи в поисках путей обеспечения латифундистов дешевой рабочей силой приняло закон 1849 г. об иммиграции. Полуфеодальные отношения в сельском хозяйстве Перу отпугивали иммигрантов из Европы. В страну было ввезено 87 тыс. китайцев. Они трудились на плантациях косты и на погрузке гуано. Их покупали по 350 песо за человека³¹. Китайские кули получали жалкую зарплату, скудно жили в бараках и питались в основном рисом. Смертность китайцев была ужасна — достаточно сказать, что из 87 тыс. к 1876 г. осталось лишь 49,6 тыс.³²

В связи с возрастанием товарности сельского хозяйства, в особенности на юге страны, в конце 40-х годов усилился процесс наступления латифундистов на земли индейских общин и мелких землевладельцев. В результате в руках 6 крупных латифундистов в Арекипе сосредоточилось 42 % всех земель департамента. В провинциях сьерры — Куско, Апуримаке и Аякучо — налоговый гнет возрос с 1826 по 1854 г. более чем на треть³³. Все это разжигало возмущение индейского населения.

²⁸ *Dancuart E.* Crónica parlamentaria del Perú: Historia de los congresos, que han funcionado en la República desde 1822. Lima, 1960. Т. 3. P. 95.

²⁹ *Piel J.* Op. cit. P. 303—306.

³⁰ *Historia del Perú.* Lima, 1980. Т. 12. P. 154—157.

³¹ *Ugarte C. A.* Bosquejo de la historia económica del Perú. Lima, 1977. (1-e ed. 1926). P. 62—63; *Stewart W.* Chinese Bondage in Peru. Durham, 1951. P. 82.

³² *Macera P.* Op. cit. Т. 4. P. 228; *Middendorf E. W.* Perú. Lima, 1973. Т. 1. P. 176.

³³ *Historica. Cuzco;* Lima, 1979. Dec., vol. 3, N 2. P. 132, 138; *Revista de Museo Nacional.* Lima, 1979. Vol. 39. P. 309.

Рост импорта в связи с увеличением доходов верхушки общества в Лиме ощутило сказался на положении ремесленников, не выдерживавших конкуренции более дешевых иностранных потребительских товаров. Засилье милитаристов и диктаторские методы правления военных обостряли политическую обстановку в стране.

Революционная ситуация начала складываться при преемнике Кастильи — Х. Эченике. В связи с президентскими выборами 1851 г. буржуазные элементы создали Прогрессивный клуб, во главе которого встали либералы Педро Гальвес и Хосе Севилья. Клуб был первой попыткой организации буржуазной партии в Перу. Он выступил против коррупции, засилья военных в политической жизни страны, требуя сокращения армии, свободы отправления религиозных культов, соблюдения правовых норм и содействия развитию образования и промышленности. Клуб выдвинул в президенты Доминго Элиаса, богатого виноторговца и крупного хлопкового плантатора³⁴. Но президентом стал консерватор и рабовладелец Х. Эченике. Игнорируя нужды страны, он увеличил внутренний долг до 23 млн песо³⁵. Эти средства получили ближайшие сторонники и друзья президента, крупные землевладельцы косты, военные и торговцы. Наплыв спекулятивных денег вызвал рост стоимости жизни в городах, от чего страдали прежде всего мелкие служащие, мелкие торговцы, трудящийся люд — ремесленники и индейцы-батраки.

В ответ на обвинения либералов в проведении пагубной для страны экономической политики Эченике развернул широкие репрессии. Элиас был арестован и выслан из страны.

В январе 1854 г. в Арекипе вспыхнуло восстание, которое возглавил бывший президент Кастилья. Он сформировал небольшую армию. По всей стране развернулось движение монтонерос-партизан, направленное на свержение ненавистного режима. В течение более чем 11 месяцев в стране шла ожесточенная борьба между либералами и консерваторами, носившая характер буржуазной революции. Ее движущими силами были обуржуазившиеся землевладельцы косты — сахарные и хлопковые плантаторы, а также винодельцы юга Ики и Арекипы. В ходе революции большую роль сыграли народные массы. Индейцы требовали отмены подушной подати, ссылаясь на которую латифундисты оправдывали их эксплуатацию на полуфеодальной основе. Рабы, составлявшие основу кавалерии восставших, оказались наиболее боеспособной частью революционной армии. Именно народные массы вынесли на своих плечах основную тяжесть боевых действий.

В Аякучо 5 июля 1854 г. Кастилья по инициативе своего секретаря, видного деятеля либералов Педро Гальвеса, декретировал отмену подушного налога. Декрет способствовал усилению революционного движения, тысячи индейцев с воодушевлением стекались в ряды армии Кастильи. Таким образом, индейцы, как отмечал в воззвании по этому поводу Кастилья, были восстановлены наконец «в правах граждан в своем собственном отечестве»³⁶. Этот декрет стал крупным шагом на пути освобождения крестьянства от феодальных пут, хотя он и не решил основной проблемы — передачи земель крестьянам за счет латифундий.

Вторым важным шагом революционной борьбы стала отмена рабства 4 декабря 1854 г. с компенсацией рабовладельцам, которые получили от государства за каждого раба по 300 песо. В течение следующих 3 лет

³⁴ *San Cristoval E.* Apendice al diccionario historico-biografico del Perú. Lima, 1936. T. 2. P. 193—216.

³⁵ *Archivo Castilla.* Lima, 1963. Vol. 2. P. 23.

³⁶ *Ibid.* Lima, 1956. Vol. 1. P. 268.

Р. КАСТИЛЬЯ

М. ПАРДО

им было уплачено за освобождение 25,5 тыс. рабов 7,56 млн песо³⁷. Эти крупные капиталы пошли на модернизацию сахарных и хлопковых асьенд: внедрение новых сортов этих культур, введение паровых машин, развитие ирригации. Освобождение рабов, по словам Х. Мариатеги, «было в определенном смысле следствием преобразования феодальной экономики в экономику более или менее буржуазную»³⁸.

Рабы были освобождены, без земли, и многие покинули плантации косты. На смену им пришли китайские кули. Эти две меры — освобождение крестьянства от подушной подати и освобождение рабов — обеспечили победу революции. 5 января 1855 г. в Ла-Пальме у Лимы правительственные войска были разбиты. К власти пришел временный президент Р. Кастилья. Членами его правительства были видные либералы Педро Гальвес и Мануэль Торибю Урета. Перуанские либералы на волне революции и под влиянием европейских революций 1848 г. выступали за гражданское правление, разделение властей и равенство граждан перед законом; под их давлением Кастилья ликвидировал в 1855 г. десятину и другие церковные поборы.

Отражением взглядов либералов стала и конституция 1856 года, принятая Конституционным конгрессом. В руководстве конгрессом выдающаяся роль принадлежала Хосе Гальвессу. Конституция ограничила власть президента. Отныне кабинет министров осуществлял исполнительную власть вместе с президентом и в то же время контролировал его. Не президент, а конгресс утверждал воинские звания, не президент, а конгресс смещал министров. Кроме того, было предусмотрено прямое избрание президента. Были восстановлены департаментские хунты с предоставлением им довольно широкой автономии. Новая конституция подтвердила декреты об отмене рабства и

³⁷ Macera P. Op. cit. Т. 4. P. 91; Ugarte C. Op. cit. P. 125.

³⁸ Мариатеги Х. К. Указ. соч. С. 61.

подушной подати, запретила насильственное рекрутирование индейцев в армию. В конституцию были включены статьи об отмене церковных и военных привилегий, окончательно ликвидировались наследование должностей, право «мертвой руки» и другие пережитки феодализма. Тем не менее католическая религия провозглашалась государственной, а содержание клира брало на себя государство. Непоследователен был конгресс и в том, что право голоса было предоставлено только грамотным, собственникам, мастерам цехов, отставным военным и т. п.³⁹

Провозглашение конституции вызвало яростное сопротивление церковников, многочисленных сторонников свергнутого правительства Эченике. Клерикалы Арекипы и Куско, гамоналы сьерры подняли мятеж. В 1856—1858 г. на юге утвердилась контрреволюционная власть во главе с М. Виванко. После длительной осады войска Кастильи штурмом в марте 1858 г. взяли Арекипу. Мятеж консерваторов был подавлен. Но и сам Кастилья поправел и разогнал в декабре либеральный конгресс. Он решил пойти на компромисс с поверженными консерваторами, фанатиками-клерикалами и регионалистскими устремлениями на юге Перу⁴⁰.

Результатом уступок консерваторам стала конституция 1860 года Президентом конгресса, принявшего ее, был архиреакционер и клерикал Бартоломе Эррера⁴¹. Конституция устанавливала 4-летний срок пребывания президента у власти без права переизбрания на следующий срок, но восстановила его контроль над советом министров и местными властями в департаментах. Представляя определенный компромисс в борьбе двух группировок господствующего класса, конституция 1860 года практически без изменений действовала до 1920 г.⁴² В целом она зафиксировала основополагающие принципы буржуазного права в их преломлении к перуанской действительности.

Кастилья, вновь избранный президентом в 1858 г., стремился укрепить национальные элементы в промышленности, сельском хозяйстве и торговле. С 1861 г. гуано продавали в основном лимские торговцы, хотя и связанные с английским капиталом (английский банк «Томсон и Бонэр»). Часть огромных капиталов, полученных национальными торговцами гуано, пошла на развитие сахарных и хлопковых плантаций, спрос на продукцию которых возрос в связи с потребностями мирового рынка. В целом же экономика по-прежнему развивалась с учетом потребностей ведущих держав того времени — Англии, Франции и США.

В конце 50-х—начале 60-х годов создаются первые рабочие союзы взаимопомощи среди разоряющихся от импорта ремесленников. В 1855 г. было образовано Общество взаимной помощи типографов. В 1860 г. в Лиме появляется Общество взаимной помощи ремесленников во главе с портным Хуаном Субиата⁴³. Экономический рост охватил прежде всего Лиму и ряд городов ксты. В то же самое время проникновение в сьерру товарно-денежных отношений и отмена подушной подати обострили кризис аграрной экономики этого региона. Если центральная сьерра перестраивалась в направлении капиталистического развития, то другие районы начали отставать.

Положение в Перу обострилось в связи с рядом международных конфликтов, в частности с Англией, Францией и США, из-за перуанских

³⁹ Ugarte del Pino J. V. Op. cit. P. 384—398.

⁴⁰ Mujica Gallo M. El soldado de ley. Lima, 1959. P. 102.

⁴¹ Asís A. de. Bartolome Herrera, pensador politico. Sevilla, 1954. P. 18—19.

⁴² Текст конституции см. в кн.: Ugarte del Pino J. V. Op. cit. P. 421—436.

⁴³ Mac-Lean Estenos R. Sociologia del Perú. México, 1959. P. 108.

долгов. В 1859—1860 гг. шла война с Эквадором, правительство которого передало часть спорной с Перу территории английским концессионерам.

Более серьезным оказался конфликт с Испанией, переросший в войну 1864—1866 гг. Предъявив Перу требования об уплате долгов периода войны за независимость, 14 апреля 1864 г. испанская эскадра захватила основной центр добычи гуано — острова Чинча⁴⁴.

Консервативное правительство Х. А. Песеты пошло на уступки, обещав выплатить 3 млн песо колониального долга. Капитулянтская позиция Песеты вызвала взрыв возмущения в стране⁴⁵. 28 февраля 1865 г. в Арекипе поднял восстание префект департамента полковник Мариано Игнасио Прадо. 6 ноября 1865 г. восставшие заняли Лиму. 14 января 1866 г. Перу в союзе с Чили и Эквадором объявила войну Испании. Испанская эскадра вынуждена была покинуть воды Тихого океана. По мирному договору 1879 г., Испания отказалась от каких-либо претензий к Перу⁴⁶.

КРАХ МНИМОГО «ПРОЦВЕТАНИЯ»

Война с Испанией потребовала крупных расходов. В поисках средств правительство М. И. Прадо восстановило подушный налог на индейцев и ввело ряд новых налогов. Между тем положение крестьян-индейцев оставалось крайне тяжелым. Итальянский географ А. Раймонди, находившийся на службе перуанского правительства, так описывает жизнь индейцев в департаменте Хунин в поселении Оудорес в 1867 г.: «На каждом шагу встречаются маленькие темные хижины без окон, где скучены индейцы с их многочисленной семьей вместе с домашними животными, собаками и куйос (род свиньи. — Авт)»⁴⁷.

Насилие асендадос, нищета, усугубленная новыми поборами, вызвали восстание индейцев в департаменте Пуно в 1866—1867 гг. Его возглавил торговец шерстью, депутат конгресса бывший префект Куско полковник Хуан Бустаманте. Он требовал дать индейцам землю и образование, видя в коренных жителях будущее Перу. Индейцы во главе с Бустаманте захватили город Уанкане и угрожали городу Пуно. Правительство Прадо послало войска в Пуно. Регулярные части разбили индейцев, а затем совместно с бандами сброда, наемного асендадос, развязали вакханалию убийств и грабежа крестьян⁴⁸. Социальные потрясения усугублялись стихийными бедствиями — засухами, наводнениями, землетрясениями. Достаточно сказать, что в 1868 г. Арекипа была полностью разрушена землетрясением и ее население сократилось с 70 тыс. до 30 тыс. (1876 г.)⁴⁹. Только в Куско от желтой лихорадки умерло 12 тыс. человек, или 30 % населения. В Лиме умерло от болезней в 1868 г. 10 тыс. человек, а в целом в 50—60-е годы от болезней погибла четверть крестьянского населения⁵⁰.

Жестоким подавлением крестьянского восстания в Пуно правительство Прадо невероятно подорвало свой авторитет победителя Испании. В августе 1867 г. начался мятеж на юге, который был поддержан выступлением на севере Перу во главе с полковником, позднее генералом Х. Балтой. Эти два района не испытали на себе «процветания», связанного с добычей

⁴⁴ Pons Muzzo G. Historia del conflicto entre el Perú y España: 1864—1866. Lima, 1966. P. 35—37.

⁴⁵ Ibid. P. 119; Echenique J. R. Op. cit. T. 2. P. 265.

⁴⁶ Pons Muzzo G. Op. cit. P. 226.

⁴⁷ Raimondi A. El Perú. T. 1. Parte preliminar. Lima, 1874. P. 271.

⁴⁸ См.: Vasquez E. La rebelión de Juan Bustamante. Lima, 1976. P. 125, 128, 153, 164—167, 171—172.

⁴⁹ Ионин А. С. Указ. соч. С. 139.

⁵⁰ Масера Р. Op. cit. T. 4. P. 197.

гуано, выпавшего на долю Лимы. 2 августа 1868 г. президентом страны был избран Хосе Балта. К власти пришли провинциальные политики консервативного толка, направившие доходы от гуано в свои провинции. Они отказали торговцам Лимы, связанным с Англией, в праве впредь продавать гуано.

Правительство Балты решило опереться в борьбе с английским влиянием на франко-американский капитал. 17 августа 1869 г., несмотря на протесты национальных торговцев гуано, был подписан контракт с французским торгово-банкирским домом братьев Дрейфусов, опиравшимся, в свою очередь, на финансовую поддержку крупнейшего банка Франции «Сосьете женераль де Пари»⁵¹. Но опора на единственного иностранного контрагента не улучшила финансового положения Перу. Правительство Балты считало, что ускорения развития экономики можно достичь, вкладывая доходы от гуано в строительство железных дорог. Огромные средства были направлены на постройку железных дорог. Спекулятивный ажиотаж, взяточничество и всеобщая коррупция в госаппарате отличают этот период истории Перу. Контракт на железнодорожное строительство был подписан с американским бизнесменом Генри Мейггсом, который получал за каждую готовую милю пути 100 тыс. солей, в то время как реальная стоимость была в 4—5 раз меньше. В 1869, 1870 и 1872 гг. правительство Балты заняло в Англии для строительства железных дорог (2806 км к 1875 г.) около 27,2 млн ф. ст.⁵²

Почти все доходы от гуано шли на уплату долга. Предпринимательская горячка охватила все побережье, но реальное процветание коснулось лишь узкого слоя буржуазно-торговой и латифундистской элиты коста. Не оставали и иностранные предприниматели. Министр финансов Пас Сольдан в 1871 г. писал: «Можно сказать, что большей частью богатств Перу и самыми прибыльными предприятиями владеют иностранцы. Они находятся в лучшем или даже в более привилегированном положении, чем наши собственные граждане. . . Многие торговые компании, фермы, селитряные рудники, магазины, судоходство принадлежат в основном иностранцам»⁵³. Разорялись ремесленники. Ряд национальных фабрик закрылись вследствие конкуренции извне. В связи с ростом экспорта сахара и хлопка многие мелкие асеньды, снабжавшие города коста продовольствием, переклочались на производство сахара и хлопка. Продовольствие для граждан и для 20 тыс. рабочих, строивших железные дороги, приходилось ввозить из-за границы. Это привело к росту цен и нищете городских низов⁵⁴.

Коррупция правящих кругов вызвала протест со стороны бывших национальных торговцев гуано. В апреле 1871 г. национальные торговцы гуано и латифундисты Центрального Перу создали Общество содействия независимым выборам. Кандидатом в президенты они выдвинули крупного капиталиста, тесно связанного с английским капиталом, алькальда Лимы Мануэля Пардо-и-Лавалье. В ноябре 1871 г. на базе Общества оформились руководящие органы сивилистской (гражданской. — *Авт.*) партии; сивилисты выступили с требованиями уважения свободы голосования, против персонализма и засилья военных в политической жизни страны. Их поддержали ремесленники, рабочие и мелкобуржуазные элементы⁵⁵.

⁵¹ *Ramirez Gaston J. M.* 150 años: Economía y finanzas en el Perú (1821–1971). Lima, 1974. P. 63.

⁵² *Stewart W. Henry Meiggs.* Durham, 1946. P. 50. *Rippy F. J.* Op. cit. P. 29.

⁵³ Цит. по кн.: *Hutchinson Th. J.* Two Years in Peru. L., 1873. P. 299.

⁵⁴ *Romero E.* Historia económica del Perú. Lima, S. a. T. 2. P. 138.

⁵⁵ *Giesecke M.* Masas urbanas y rebelión en la historia: Golpe de estado: Lima, 1872. Lima, 1978. P. 17, 30, 144.

На выборах, состоявшихся в конце 1871 г., подавляющим большинством голосов победил Пардо, но Балта аннулировал результаты выборов. На повторных выборах в мае 1872 г. вновь был избран Пардо. 22 июля 1872 г. Балта был свергнут своим военным министром Томасом Гутьерресом и убит. Томас Гутьеррес и его брат Марселино, пытавшиеся предотвратить приход к власти Пардо, были схвачены народом в ходе всеобщего восстания в Лиме и повешены на башнях центрального собора Лимы, затем трупы сожгли и пепел развеяли⁵⁶.

1 августа 1872 г. конгресс провозгласил Пардо президентом страны. Это был первый гражданский президент в истории Перу. Он пришел к власти в условиях финансового и экономического кризиса, охватившего страну. Пардо уменьшил привилегии французской фирмы Дрейфусов. В 1874 г. с домом Дрейфусов был заключен новый контракт, несколько увеличивший доходы государства. Срок действия контракта был ограничен 1 июля 1875 г.

Однако уже с 1872 г. обозначилось истощение богатых запасов гуано, и его добыча стала перемещаться в районы не таких богатых залежей. Одновременно усилилась конкуренция гуано со стороны искусственных удобрений и селитры. Цены на гуано стали падать, и доходов от его продажи не хватало на уплату внешнего долга. В 1875 г. правительство национализировало залежи селитры, но при проведении закона в жизнь натолкнулось на упорное сопротивление владельцев крупных селитряных рудников в Тарапаке. В большинстве своем они принадлежали англо-чилийскому капиталу, хотя здесь действовали и перуанские предприниматели. К концу 1876 г. было национализировано примерно две трети селитряных предприятий, но самые крупные из них упорно игнорировали закон. Многие просто переориентировали свою деятельность на Боливию.

Определенные меры принял Пардо в целях развития страны по капиталистическому пути, ее модернизации как в политической и экономической, так и культурно-образовательной сфере. В 1873 г. был принят закон об обязательном светском начальном образовании и государственной регистрации актов гражданского состояния. Была основана инженерная школа с подготовкой прежде всего специалистов по строительству шахт и рудников и гражданских объектов. В университете Лимы был учрежден факультет политических наук, на котором готовились кадры для госаппарата и дипломаты. В Аякучо было создано первое светское профессиональное училище, вопреки протестам клерикалов, считавших контроль над образованием своей привилегией. По французскому образцу была проведена административная децентрализация и созданы департаментские советы для решения местных вопросов и упорядочения финансовых сборов⁵⁷.

Впервые в истории страны в 1876 г. была проведена всеобщая перепись, установившая численность населения в 2,7 млн человек (по оценке 1836 г. — 1,37 млн; 1850 г. — 2 млн; 1862 г. — 2,48 млн), причем три четверти населения жило в сьерре⁵⁸.

Благоприятная мировая конъюнктура (Десятилетняя война на Кубе (1868—1878), в результате которой сократился экспорт кубинского сахара; падение производства хлопка в США в период Гражданской войны и реконструкции) привела к заметному росту площадей и объема производства хлопка и сахара на косте. Почти весь сахар и хлопок направлялись

⁵⁶ Villanueva V. Ejército peruano: del caudillaje anárquico al militarismo reformista. Lima, 1973. P. 90-93.

⁵⁷ Prada M. G. Figuras y figuronas. P., 1938. P. 134-137.

⁵⁸ Paz Soldán M. F. Op. cit. P. XXII—XXIII.

в Англию, причем плантаторы кредитовались девятью англо-перуанскими банками, возникшими на основе торговли гуано⁵⁹.

Развитие сахарного производства привело к важным социальным изменениям на косте. «Система крупных сахарных и хлопковых асьенд, — писали в 1876 г. перуанские экономисты Х. Копельо и Л. Петриони, — привела к исчезновению мелкого землевладения, производившего хлеб, индейское население уступило место китайскому; сократилось производство кукурузы, картофеля, камоте⁶⁰, фруктов, разведение свиней для получения жира. Выросли цены на эти продукты, увеличился их ввоз из-за границы, хотя все это Перу могло бы производить само в крупных размерах»⁶¹. С запретом в 1875 г. в Китае вывоза кули на асьендах косты обострился недостаток рабочих рук. Асендадос косты были вынуждены переходить на наем контрактированной индейской рабочей силы из сьерры для сезонных работ. Практически лишены земли оказались индейцы сьерры, где преобладало пастбищное скотоводство. В долинах все земли принадлежали эстансьеро, которые давали участок земли индейской семье, требуя взамен бесплатного выпаса скота хозяина на высокогорных пастбищах. Ценная шерсть альпаки и викуни, как и прежде, отправлялась в Англию. Стоимость экспорта шерсти составила в 1876 г. 3,48 млн солей, а сахара 6 млн солей. Экспорт хлопка увеличился с 447 т в 1865 до 4621 т в 1873 г.⁶²

Сочетание капиталистических методов с полуфеодальными было характерным для центральной сьерры, снабжавшей мясом и продуктами питания Лиму и Кальяо. Здесь первоначальное накопление шло от развития добычи серебра к скупке земель у старой аристократии и созданию крупных животноводческих эстансий. Так, бывший тукуманский арьеро Д. Олавгоя скупил в 40-х годах 60 рудников, которые давали ему 80 тыс. песо дохода. Впоследствии он участвовал в создании крупнейшей акционерной компании «Сосьедад Ганадера дель Сентро», был и президентом Итальянского банка, пайщиком крупнейшей текстильной фабрики Перу «Ла-Виктория». Однако пастухи в его многочисленных асьендах продолжали пребывать в рабской форме зависимости — пеонаже. Такова же эволюция и других крупных собственников, братьев Вальядарес, владевших в 70-х годах XIX в. 19 асьендами площадью 300 тыс. га и 38 тыс. овец⁶³.

Однако экономический рост Перу покоился на шаткой основе. Строительство железных дорог, на которые были израсходованы громадные суммы, вырученные от продажи гуано, оказалось нерентабельным. «Все ресурсы одновременно потратили на строительство железных дорог, а они не выдерживают конкуренции с ламами и мулами индейцев. Страна не получила никакой выгоды от их строительства», — констатировали Копельо и Петриони⁶⁴.

Национальная промышленность не имела защиты от иностранной конкуренции. Вывозилось сырье, которое вполне могло обрабатываться в стране, и ввозились готовые изделия, изготовленные в Англии и Франции из этого же сырья, — одежда, обувь, ткани, мебель, вина, кокаин, продукты питания, сигареты, парфюмерия. Национальные предприятия влачили жал-

⁵⁹ По данным Пас Сольдана, крупнейшими банками в 1876 г. были: Англо-Перуанский банк с капиталом в 10 млн солей, Перуанский банк — капитал 8 млн солей; Банко де Лондрес, Мехико и Судамерика — капитал 4 млн солей. Общий банковский капитал составил 47,29 млн солей, или примерно 9 млн ф. ст. См.: Ibid. P. 521.

⁶⁰ Батат, сладкий картофель.

⁶¹ Copello J., Petrióni L. Estudios sobre la independencia económica del Perú. Lima, 1876. P. 26.

⁶² Paz Soldán M. F. Op. cit. P. 757; Bonilla H. Op. cit. P. 153.

⁶³ Manrique N. Op. cit. P. 37—41.

⁶⁴ Copello J., Petrióni L. Op. cit. P. 24.

кое существование. Почти всю шерсть вывозили за границу, а фабрика по производству шерстяных тканей в Куско работала с перебоями. Единственная фабрика по производству газетной бумаги, основанная Амунатеги, потерпела крах из-за конкуренции английских торговцев, в то время как минимальные протекционистские меры дали бы возможность построить еще пять-шесть таких предприятий. Существовала единственная фабрика по производству грубой хлопчатобумажной ткани — токуйо, хотя, по подсчетам перуанских экономистов, могли бы действовать 50 аналогичных фабрик.

«Гуано нам создало по сути дела фикцию процветания, усилило нашу зависимость от заграницы, разрушило нашу экономическую независимость. Оно грозит и нашей политической независимости. Сейчас для нас гуано практически не существует, так как доходы от него идут на уплату долгов» — такой вывод сделали перуанские экономисты в 1876 г., наблюдая финансовый и валютный кризис, поразивший страну⁶⁵.

Начало экономическому спаду в стране положило наступление мирового экономического кризиса в 1873 г. В январе 1876 г. потерпела крах компания Мейггса. Строительство железных дорог осталось незавершенным. 20 тыс. железнодорожных строителей лишилось работы⁶⁶. В условиях социального и политического брожения сивилистская партия раскололась на ряд фракций. В этой обстановке милитаристские элементы в партии выдвинули в 1876 г. на пост президента значительно поправившего генерала М. И. Прадо, который и был избран. При нем экономический и политический кризис продолжался, отражением чего явилось восстание во флоте в 1877 г. под руководством Н. Пьеролы, лидера группировки провинциальных политиков, представляющего интересы франко-американского капитала. Выступление было с трудом подавлено. Установление подушного налога по закону 1876 г., налог на шахты и национализация запасов селитры не приостановили финансового и валютного кризиса. В 1877 г. была прекращена чеканка звонкой валюты, введены бумажные деньги, которые быстро обесценивались. Большинство банков потерпело крах.

Облигации займа 1872 г. продавались по 12 % их номинальной стоимости⁶⁷. Это обострило отношения с английскими держателями облигаций внешнего долга Перу.

Экспансия англо-чилийского капитала в Тарапаке и объявление правительством Перу национализации запасов селитры — одного из источников дохода в условиях истощения запасов гуано — обострили отношения Перу с Чили и стоявшей за нею Англией.

Политический, экономический и национальный кризис стал завершением этого этапа истории Перу, «на протяжении которого феодальная экономика, — по словам Мариатеги, — мало-помалу превращается в экономику буржуазную, оставаясь, однако, в рамках мировой системы колониальной экономикой»⁶⁸. Торговля Перу с Англией «поставила перуанскую экономику под контроль британского капитала», что объясняет столько разительный факт того, что перуанское «государство проживало свое богатство, не заботясь о том, насколько его хватит. Оно пустило с молотка все, что имело, заложило свое будущее английским финансистам»⁶⁹. Именно зависимость от Англии привела к неравномерному развитию страны, к разительному

⁶⁵ Ibid. P. 15.-16, 18.

⁶⁶ Stewart W. Henry Meiggs. P. 299.

⁶⁷ Bonilla H. Op. cit. P. 133. К 1886 г. с процентами сумма внешнего долга Перу составила 51 млн ф. ст. См.: Basadre J. Op. cit. P. 541.

⁶⁸ Mariátegui X. K. Указ. соч. С. 58.

⁶⁹ Там же. С. 62—63.

контрасту между костью и сьеррой, к тому, что господствующие классы повернулись лицом к Европе, игнорируя национальные интересы страны, пренебрегая тысячелетними культурой и традициями автохтонных индейских народов.

РЕСПУБЛИКА БОЛИВИЯ (1825—1879)

Глава 11

РЕФОРМЫ БОЛИВАРА И СУКРЕ (1825—1828)

Сокрушительный разгром крупной группировки роялистских войск в Центральном Перу под Аякучо в декабре 1824 г. решил судьбу испанского колониализма в Южной Америке и открыл путь патриотам на восток, на Альтиплано. В начале февраля 1825 г. Объединенная освободительная армия под командованием венесуэльца маршала А. Х. де Сукре перешла р. Десагуадеро и вступила на территорию Верхнего Перу. Этот труднодоступный горный район, находившийся в глубоком тылу колониальных владений, первым включился в освободительную борьбу с испанским режимом, однако оказался последней южноамериканской колонией, обретшей независимость. Развернувшееся здесь начиная с 1809 г. народное партизанское движение в течение 16 лет связывало действия роялистских соединений, препятствовало их вторжению в провинции Ла-Платы с севера, обеспечивало надежный тыл Сан-Мартину при подготовке Андского похода и освобождения Чили и Перу.

Столица Альтиплано, город Ла-Пас, с триумфом встретила освободителей. 9 февраля 1825 г. маршал Сукре издал в Ла-Пасе важный декрет о выборах депутатов в учредительную Генеральную ассамблею и о последующем ее созыве для решения дальнейшей судьбы пяти департаментов — Ла-Паса, Кочабамбы, Чукисаки, Потоси и Санта-Круса, входивших в колониальные времена в состав Верхнего Перу¹.

С разгромом 1 апреля 1825 г. под Тумуслой армии роялистского генерала П. Оланьеты было ликвидировано последнее препятствие для созыва ассамблеи. Ее работа началась 10 июля 1825 г. в городе Чукисаке, в актовом зале университета Сан-Франсиско-Хавьер, известного революционными традициями. Ассамблею открыл генерал Хосе Мигель Ланса, один из немногих оставшихся в живых ветеранов партизанского движения Верхнего Перу. Из 48 избранных депутатов, каждый из которых имел не менее 800 песо годового дохода, 30 были недавними выпускниками университета, адвокатами и королевскими чиновниками, другие представляли торговцев, владельцев рудников и поместий. Установленный высокий имущественный ценз в 300 песо устранил подавляющее большинство боливийцев от участия в выборах². Вот почему угнетенные низы — индейцы-крестьяне, горняки, ремесленники — на ассамблее не были представлены. Таким обра-

¹ *Lecuna V. Documentos referentes a la creación de Bolivia con un Resumen de las Guerras de Bolívar. Caracas, 1924. T. I. P. 94—96; Villarroel Triveño A. La Fundación de Bolivia: Documentos para su Historia. Cochabamba, 1981. P. 59—62.*

370 ² *Lecuna V. Op. cit. T. I. P. 95.*

зом, с первых же дней независимости креольская элита в лице избранных «сеньоров-нотаблей» узурпировала рычаги управления страной.

На заключительной сессии ассамблеи 6 августа 1825 г. после длительных дебатов по вопросу о том, быть ли Верхнему Перу независимым государством или присоединиться к одной из соседних республик — Перу или Объединенным провинциям Ла-Платы, подавляющим числом голосов была принята Декларация независимости. В ней провозглашалось: «Департаменты Верхнего Перу объявляют себя суверенным государством, независимым от каких-либо государств как в Старом, так и в Новом Свете»³. Правительству указанных республик специальными актами признали независимость нового государства⁴, названного в честь Освободителя Республикой Боливар, или, как утвердилось впоследствии, Боливией. Новая столица, место которой еще предстояло определить, получала название Сукре, в честь маршала, освобождавшего республику⁵. Ассамблея провозгласила Боливару «Отцом, протектором и первым президентом республики» и обратилась к нему с предложением создать конституционные основы страны.

Выработанная по образцу буржуазных конституций европейских государств конституция Боливару была большим шагом вперед. В ней провозглашались принципы равенства всех социальных слоев перед законом, свобода слова и занятий, отменялись рабство, такие феодальные институты, как наследование должностей и сословных привилегий, физические наказания и пытки, утверждался принцип неприкосновенности личности, жилища и имущества граждан. В условиях бурно протекавшего процесса национальной консолидации были максимально усилены prerogatives президента: он избирался конгрессом пожизненно и лично назначал и в случае необходимости смещал вице-президента и трех членов правительства. Католицизм объявлялся государственной религией. Предусматривалось создание исполнительных, законодательных, судебных и избирательных органов власти, выборы — многоступенчатые⁶.

На майской ассамблее 1826 г., собравшейся для утверждения конституции, развернулась ожесточенная дискуссия по ее 13-й статье, определявшей статус боливийского гражданства. Девять десятых населения страны, главным образом индейские и метисные массы, на основе высокого имущественного ценза и ценза грамотности лишались права голоса, возможности занимать государственные должности и фактически не признавались гражданами Боливии. После длительных дебатов была принята поправка, согласно которой ценз грамотности вступал в силу с 1836 г.⁷

Депутаты ассамблеи единодушно избрали А. Х. де Сукре на время отсутствия Боливару временным президентом Боливии (1826—1828) до созыва следующего конгресса. Перед молодой республикой встали сложные проблемы создания государственных основ.

Боливия вступила на путь независимого развития преимущественно аграрной страной с высокой концентрацией индейского населения. Из 1100 тыс. человек, насчитывавшихся в республике в 1825—1827 гг., подавляющее большинство, около 800 тыс., или 73 %, составляли крестьяне,

³ *Lecuna V.* Op. cit. T. 2. Caracas, 1924. P. 292—297; *Villarreal Triveño A.* Op. cit. P. 138.

⁴ *Odrizola M. de.* Documentos históricos del Perú en las épocas del coloniaje después de la conquista y de la independencia hasta la presente. Lima, 1875. T. 7. P. 17—19.

⁵ С 1839 г. статус столицы получил город Чукисака, переименованный в Сукре. См.: *Bolivia en el Primer Centenario de su Independencia, 1825—1925.* N. Y., 1925. P. 240.

⁶ Текст конституции см.: *Subieta Ságaraga I.* Bolívar y Bolivia. Potosí, 1975. P. 125—140.

⁷ Однако этот «демократический реверанс» так и остался на бумаге. Политическая дискриминация индейских народов продолжалась более века, вплоть до революции 1952 г. См.: *Alvarado Daza R.* Apuntes para una visión dialéctica de Bolivia. La Paz, 1979. P. 15—20.

в основном индейцы кечуа и аймара; в немногих городах и горняцких поселках проживало около 200 тыс. креолов и 100 тыс. метисов, чоло⁸.

Унаследованная от колониального прошлого крайне отсталая экономическая и социальная структура усугублялась географическим положением Боливии. С северо-запада на юго-восток страну пересекают две мощные горные цепи Западных и Центральных Анд. Заключенное между ними высокогорное плато Альтиплано, лежащее на высоте 3—4 тыс. м над уровнем моря, труднодоступно и отстоит от берегов Тихого и Атлантического океанов на сотни километров.

В начале испанской колонизации Альтиплано получило интенсивное развитие благодаря разработке богатых месторождений драгоценных металлов. К середине XVII в. королевский город Потоси насчитывал около 160 тыс. жителей и стал самым крупным экономическим центром испанских владений. Расположенные вокруг него в теплых субтропических долинах предгорий города Чукисака, Кочабамба, Санта-Крус и Тариха развились как важные экономические и торговые центры, обслуживавшие районы горнодобычи. На Альтиплано и в долинах восточных предгорий, составлявших всего треть территории, было сосредоточено четыре пятых всего населения, в то время как остальные две трети — плодородные равнины севера и востока — фактически оставались малонаселенными и не освоенными в течение всей колониальной эпохи. Исторически сложившаяся диспропорция в размещении производительных сил неблагоприятно сказалась на экономическом развитии Боливии и в республиканский период.

Целенаправленной политикой нещадного колониального ограбления наиболее развитый район Верхнего Перу был превращен в «кладовую, монетный двор» испанской метрополии. Прямым следствием гипертрофии горнорудного дела явился крайне низкий уровень развития других обрабатывающих отраслей хозяйства. Передовая техника амальгамирования серебра, введенная в конце XVI в., уже через столетие была заброшена в связи с выработкой наиболее богатых месторождений. В целом в горном деле царили примитивные методы добычи угля. Руда добывалась вручную за счет принудительного труда индейских крестьян и других форм докапиталистической эксплуатации горняцкого населения, жившего в условиях крайней нужды.

Длительная война за независимость обострила общий экономический упадок Верхнего Перу, обозначившийся уже к середине XVIII в. К 1825 г. крупный центр Потоси, уменьшившись в 25 раз, имел всего лишь 6 тыс. жителей⁹. Из 40 мельниц инхениос по очистке серебряной руды, работавших в Потоси в 1803 г., к концу войны действовало лишь 15, при этом выработка серебра уменьшилась на 81 %. К 1829 г. на склонах знаменитой горы Потоси добыча руды велась лишь в 50—60 из разрабатывавшихся прежде 5 тыс. забосов¹⁰. Таким образом, основная и наиболее прибыльная хозяйственная отрасль страны в середине 20-х годов XIX в. переживала застой.

Не лучше обстояло дело в обрабатывающих отраслях. Ремесленное производство, сосредоточенное в немногих городах, было представлено кустарными мастерскими и перерабатывающими предприятиями, производившими на внутренний рынок предметы первой необходимости (одежду, обувь, ткани, мыло, порох и т. д.) и продукты питания (муку, масло, сахар, вино), в Ла-Пасе и Кочабамбе, Чукисаке и Потоси, в провинциях Мохо

⁸ Klein H. Parties and political change in Bolivia, 1880—1952. Cambridge, 1969. P. 6.

⁹ Cortés J. D. Bolivia: Apuntes geográficos, estadísticos de costumbres descriptivos e históricos. P., 1875. P. 45.

¹⁰ Klein H. Op. cit. P. 3.

и Чикитос. Уже в преддверии войны за независимость наметился спад местного традиционного производства. Он был вызван отменой испанской торговой монополии в конце XVIII в. и последовавшим за ней массовым наплывом дешевых английских товаров. Так, уже в 1807 г. поступления от торговли европейскими товарами в муниципальный бюджет Ла-Паса втрое превысили отчисления от местного товарооборота¹¹. Послевоенная разруха и продолжавшаяся конкуренция иностранных товаров усугубляли кризис традиционных ремесел.

В то же время разобщенность экономических районов, высокие таможенные барьеры (до 30 % стоимости товара), неразвитая дорожная сеть, представленная исключительно горными тропами, высокие цены на местные товары тормозили развитие национального рынка, внутренней и внешней торговли. Тяжелая ситуация сложилась и в сельском хозяйстве. Разоренные войной и бесчисленными реквизициями крестьянские поля и хозяйства, заброшенные плантации и асьенды, резкое падение поголовья скота — таковы были главные черты упадка.

При активном содействии Боливара и Сукре в 1825—1826 гг. в Боливии начала осуществляться программа передовых по тому времени буржуазных реформ, имевшая целью радикально перестроить архаичную экономическую и социальную структуру страны, расчистить путь для ускоренного капиталистического развития: национализация покинутых копей, снижение на четыре пятых налога на литье и чеканку серебряной монеты, освобождение от налогов производства таких традиционных культур, как табак и кока, снижение внутренних таможенных пошлин с 33 до 6 %, введение прогрессивной налоговой системы. Все эти меры должны были способствовать подъему горнодобывающей отрасли, сельского хозяйства и ремесел, оживлению внутренней торговли и пополнению опустошенной казны.

Широкому наступлению подверглись позиции католической церкви: в результате декретов 1825—1826 гг. в стране оказались закрытыми две трети мужских и женских монастырей, религиозных братств, а их собственность, движимая и недвижимая, включая наиболее ценную церковную утварь на сумму 6—8 млн песо, конфискована. Вся деятельность церкви, прежде всего финансовая, поставлена под строгий государственный контроль¹².

Средства, вырученные от секуляризации церковного имущества, были вложены в развитие Горного банка Ла-Паса и в осуществление революционной по духу системы «всеобщего и единого образования для народа», в том числе и для широких индейских масс. Она предусматривала строительство начальных школ, приютов для сирот, политехнических колледжей, военной академии, ликвидации неграмотности солдатского и офицерского состава в армии и др. Эту работу в качестве генерального директора возглавил венесуэлец Симон Родригес, учитель Боливара, прогрессивный педагог и общественный деятель¹³.

Предполагалось решить и одну из самых больных и острых проблем колониального прошлого — коренным образом улучшить положение индейского крестьянства. На Боливию было распространено действие прогрессивных указов, принятых в Перу.

Декретами от 29 августа и 22 декабря 1825 г. индейцы Боливии объявлялись полноправными гражданами республики, уничтожался взимающийся с них в течение трех веков дискриминационный подушный налог,

¹¹ Wittman T. Estudios económicos de Hispanoamérica colonial. Budapest, 1979. P. 170.

¹² Loftstrom W. L. The Promise and Problem of Reform: attempted social and economic change in the first years of Bolivian independence. Ithaca, 1972. P. 155—204.

¹³ Ibid. P. 282—294.

отменялись все виды личных повинностей и принудительного труда, в том числе самый каторжный из них — мита́, вводилась денежная оплата труда индейцев. Пустующие государственные земли подлежали продаже, а общинные земли и водные источники разделу между безземельными и малоземельными крестьянами на правах частной собственности¹⁴. Считалось, что подобная реформа автоматически превратит индейское общинное крестьянство в класс мелких и средних собственников, способных осуществить подъем земледелия. Показательно при этом, что крупное землевладение осталось совершенно не затронутым указанными декретами. Тем не менее реформы встретили решительное сопротивление земельной олигархии Боливии. Лишиться принудительного дарового труда индейского крестьянства, подвергнуться наравне с ним прямому налогообложению значило бы для нее поступиться социальными и экономическими привилегиями. Уже через год указом от 20 сентября 1826 г. действие «индейских» декретов было приостановлено. Под угрозой финансового банкротства возобновлен сбор налога с индейского крестьянства; затем были оставлены в незыблемости специальное судопроизводство — фуэрос — для лиц военного и духовного звания, бывшие рабы обязывались «отработать» свое освобождение и не могли покидать имений хозяев. Три года спустя, в июле 1829 г., представителям гражданских и духовных властей было вновь разрешено использовать личный труд индейцев¹⁵. Таким образом, интересы креольской олигархии, получившей с независимостью всю полноту политической власти в стране, вполне уживались с анахронизмом докапиталистических отношений. Слабая, не способная организоваться в национальном масштабе торговая буржуазия оказалась и неспособной отстоять на практике предложенные Боливаром и Сукре радикальные реформы, которые остались, по существу, «юридической и политической фикцией»¹⁶.

САНТА-КРУС И СОЗДАНИЕ ПЕРУАНО-БОЛИВИЙСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ (1829—1839)

В августе 1828 г. Сукре под давлением перуанской и боливийской оппозиции в обстановке перуанского вторжения в страну отказался от должности президента и покинул пределы Боливии вместе с колумбийскими батальонами, являвшимися частью Освободительной армии.

В мае 1829 г. президентский пост занял маршал Андрес де Санта-Крус, боливиец по рождению, по матери — индеец аймара¹⁷. Соратник Боливара и Сукре, участник войны за независимость, таких ее известных сражений, как битвы при Пичинче (1822), Хунине и Аякучо (1824), начальник генерального штаба перуанской армии, он вместе с Сукре освобождал Боливию. Санта-Крус активно участвовал в политической жизни Перу ее раннереспубликанского периода: в 1826—1828 гг. в качестве президента правительственного совета и полномочного посла Перу в Чили¹⁸.

Осуществляемая Санта-Крусом в первые годы его правления (1829—1834) программа социально-экономических реформ коснулась фактически всех сторон жизни республики и объективно способствовала консолидации

¹⁴ *Bonifaz M.* Legislación agrario-indigenal. Cochabamba, 1953. P. 1—9.

¹⁵ *Ibid.* P. 15, 20—21.

¹⁶ *Villarroel Claude R.* La fundación de la república. Ensayo de interpretación. Cochabamba, 1959. P. 66.

¹⁷ *Odriozola M. de.* Op. cit. T. 8. P. 699—700; T. 9. P. 12—17.

¹⁸ *Santa-Cruz O. de.* (recopilador). El General Andrés de Santa-Cruz, Gran Mariscal de Zepita y el Gran Perú. La Paz, 1924. P. 438—440.

ее государственных начал. Были разработаны и приняты гражданский и уголовный кодексы, действовавшие в Боливии до середины XX в.¹⁹ Пересмотру подверглась конституция, разработанная Боливаром, в частности в новом ее тексте от 1831 г. срок президентских полномочий, прежде пожизненный, был ограничен четырьмя годами с правом последующего переизбрания президента.

Одной из важных мер стало укрепление основ национальной армии: разработан новый военный устав, созданы различные рода войск, гвардия, учрежден военный колледж для подготовки офицерского состава, отменено палочное наказание для солдат.

В области экономики Санта-Крус взял решительный курс на проведение политики протекционизма в целях скорейшего восстановления горнодобывающего дела и ремесленного производства. Была введена государственная монополия на добычу серебряной руды, литье монеты и их экспорт, обновлялось горнодобывающее оборудование за счет ввоза новой техники из Европы. В борьбе с конкуренцией привозных товаров Санта-Крус резко ограничил импорт, а государственных чиновников обязал носить одежду из тканей местного производства. Принимались покровительственные меры для освоения плодородных земель на востоке страны, поощрялась свободная иммиграция.

С первых же лет независимости со всей остротой встал вопрос о выходе к морю. В колониальное время Верхнее Перу имело налаженные связи с Тихоокеанским побережьем. Уже в 1574 г. специальным королевским указом порт Арика на перуанском берегу был объявлен внешним портом для вывоза серебряной руды, добытой в Верхнем Перу. Маршрут: Арика — Такна — Арекипа — Ла-Пас был самым коротким и дешевым выходом к морю, по которому Верхнее Перу осуществляло связь с внешним миром. Город Ла-Пас, выросший на активной внешней торговле, уже к концу XVIII в. стал самым крупным городом на Альтиплано.

Поскольку границы независимых республик определялись на основе колониального административного деления, традиционные порты Арика и Ислей оказались на перуанской территории. Правительство Перу, исповедуя ярый протекционизм, установило высокие таможенные барьеры на боливийский экспорт и импорт (до 40 % стоимости товара) в тихоокеанских портах, блокировав боливийскую торговлю. По той же причине оказались подорваны и торговые связи, проходившие через Чили и Аргентину. Перед республикой вставал призрак самоизоляции. Связь с внешним рынком пришлось налаживать с участка океанского побережья, закрепленного за Боливией, протяженностью 560 км и приходившегося на пустыню Атакаму. Здесь располагался единственный маленький порт Кобиха с небольшой пристанью

А. де САНТА-КРУС

¹⁹ Código civil de Bolivia: Estudio preliminar del dr. C. Terrazas Torrez. Madrid, 1959. P. 11—15 etc.

и таможенной по сбору налога с партий серебряной руды, доставлявшихся сюда из Потоси редкими караванами мулов. В 1831 г. в Кобихе проживало 700 человек, или 0,3 % населения Боливии. Крайне неблагоприятные топографические и климатические условия, отсутствие питьевой воды и леса, дороги на Альтиплано — все эти факторы делали весьма проблематичным становление Кобихи в качестве главных морских ворот республики²⁰.

Реформы коснулись и образовательной системы: началось намеченное еще при Боливаре строительство начальных школ в провинциальных центрах, в Ла-Пасе и Кочабамбе, двух крупнейших городах страны, были основаны университеты²¹. На средства из государственного бюджета открывается ряд специальных заведений: медицинская и горная школы, колледж искусств, юридическая академия²².

Прямым следствием стабилизации внутреннего положения явилось и укрепление международного положения Боливии: в 1833 г. Франция первой из европейских держав признала Боливийскую республику и обменялась с ней дипломатическими представителями. Состоялся обмен генеральными консулами с Бразилией и Аргентиной. По сравнению с соседними республиками, Перу и Аргентиной, где процесс национальной консолидации сопровождался длительными гражданскими конфликтами, Боливии удалось преодолеть трудности первого этапа государственного строительства²³.

Необходимо отметить, однако, что укрепление государственных основ проходило за счет нещадной эксплуатации индейского населения, крестьян и рабочего люда на полях и плантациях, в мастерских и на рудниках. Восстановив наиболее одиозные колониальные институты — подушную подать, принудительный труд индейцев во всех хозяйственных сферах и распродажу фонда общинных земель, правящие круги во главе с Санта-Крусом материально обеспечили проведение реформ²⁴.

Одной из сложнейших внешнеполитических проблем оставалось определение тех территориальных границ, в которых должна была осуществляться национальная консолидация страны. Санта-Крус был активным приверженцем объединения Боливии и Перу в единое государство. Стремление к объединению среди ведущих политических лидеров обеих стран проявилось с первых же лет независимости. Уже в ноябре 1826 г. были подписаны первые договоры между Перу и Боливией об образовании Боливийской федерации с пожизненным президентом Боливаром во главе на условиях ее последующего вхождения в единую федерацию с Колумбией²⁵. Важную роль играли и континентальные планы Боливара, считавшего воссоединение Боливии и Перу основополагающим звеном в деле создания конфедерации независимых латиноамериканских республик²⁶.

И действительно, ряд исторически сложившихся факторов питал многочисленные объединительные проекты начиная с 1825 г. до самой середины

²⁰ По оценкам комиссии, обследовавшей Кобиху в 1825 г., чтобы превратить ее в морской порт, нужно было вложить 120 тыс. песо в строительство системы водоснабжения и 300 тыс. песо в сооружение дороги на Потоси длиной в 1 тыс. км. См.: *Fifer J. V. Bolivia: Land, Location and Politics since 1825. Cambridge, 1972. P. 37.*

²¹ *Crespo A. Santa Cruz: El Cóndor Indio. México, 1944. P. 101—110.*

²² *Ibid. P. 111—112.*

²³ Это обстоятельство дало повод немарксистской историографии превозносить Санта-Круса как «боливийского Цезаря» и т. д. См.: *Iturricha A. Historia de Bolivia bajo la administración del Mariscal Andrés de Santa Cruz. Sucre, 1967 (2-a ed.). P. 607—609.*

²⁴ *Jiménez R., Pinto H. Minería en Bolivia, 1826—1848: (Documentos). I. Lima, 1979. P. 43—45; Bonifaz M. Op. cit. P. 17, 20—21.*

²⁵ Миссия Ортиса де Себальоса. См.: *Lecuna V. Op. cit. T. 2. P. 391—395.*

²⁶ *Valencia Vega A. Historia política de Bolivia. La Paz, 1985. T. 3. P. 873—879.*

XIX в.: они проявлялись в 1829—1831 гг. в напряженной дипломатической и политической борьбе за установление «наступательного и оборонительного союза», в участии той и другой страны во внутренних гражданских конфликтах 1827—1835 гг., происходивших в обеих республиках²⁷.

Значительная этнокультурная и хозяйственно-экономическая общность, прежде всего южных районов Перу и боливийского Альтиплано (в колониальное время они получили соответственно названия Нижнего и Верхнего Перу), сложилась в период расцвета инкской государственности и получила новое подтверждение в колониальный период. Об этом говорит, в частности, чересполосное расселение крупнейших индейских народов кечуа и аймара, сложение близких креольских и индейских культурных традиций, всего социально-экономического уклада. В течение трехвекового колониального периода, за исключением краткого отрезка времени (1782—1810), когда Верхнее Перу было включено в состав вице-королевства Ла-Плата, обе страны развивались в единых административных рамках вице-королевства Перу. Однако главное значение имели тесные торговые связи Боливии и Южного Перу: с конца XVI и до начала XIX в. аграрная продукция прибрежных долин, рыба, гуано, ремесленные изделия Абанкая, Куско и Арекипы, все импортные товары поступали в Боливию из Южного Перу. К концу XVIII в. объем взаимной торговли выражался суммой более чем в 3 млн песо ежегодно. Процветание порта Арика и торговых центров юга Перу полностью зависело от объема боливийской торговли²⁸.

Попытку объединить Боливию и Перу в тесной политической федерации предпринял и Санта-Крус. Непосредственным толчком к исполнению этого плана послужило очередное обострение в 1834 г. внутривластного кризиса в Перу. Генерал А. Гамарра поднял мятеж против законно избранного президента Л. Орбегосо. В апреле 1834 г. национальный конгресс Перу уполномочил президента «в случае необходимости» обратиться к правительству «дружественной и братской республики Боливии» за содействием «с единственной и исключительной целью покончить с гражданской войной» внутри страны²⁹. В 1835 г. в Перу уже насчитывалось три «президента»: генерал Салаверри установил контроль над Северным Перу со столицей в Лиме, Гамарра — над Центральным Перу со столицей в Куско, а фактически номинальный президент Орбегосо удерживал за собой лишь южные департаменты страны. 15 июня 1835 г. во исполнение договора о помощи и поддержке, подписанного ранее в Ла-Пасе между представителями Боливии и Перу, боливийская армия численностью более 4 тыс. человек перешла пограничную реку Десагуадеро³⁰.

Объединенные — боливийская и верная президенту Орбегосо перуанская — армии нанесли поражение сначала войску генерала Гамарры (август 1835 г.), а затем и генерала Салаверри (февраль 1836 г.). В марте и августе 1836 г. ассамблеи департаментов Южного и Северного Перу объявили об образовании самостоятельных государств и заявили о готовности слиться в единой федерации с Боливией³¹.

В октябре 1836 г. была создана Перуано-Боливийская конфедерация,

²⁷ Можно указать на проперуанский мятеж Лоайсы в Ла-Пасе в 1827 г., вторжение А. Гамарры в Боливию в 1828 г., миссию Альвареса в Боливию в 1829—1830 гг., проболивийский мятеж в Куско в 1830 г. и т. д. См.: Archivo diplomático peruano. Т. 6. Lima, 1957; *Abecía Baldivieso V. Las relaciones internacionales en la historia de Bolivia*. La Paz, 1979. Т. 1. P. 377—410.

²⁸ *Basadre J. Historia de la República del Perú*. Lima, 1971. Т. 2. P. 109; *Wittman T. Op. cit.* P. 171.

²⁹ *Abecía Baldivieso V. Op. cit.* Т. 1. P. 459; *Santa Cruz O. de. Op. cit.* P. 458—460.

³⁰ *Crespo A. Op. cit.* P. 142—145.

³¹ *Santa Cruz O. de. Op. cit.* P. 103—108, 466—474.

Х. де БАЛДИВЬЕАН

состоявшая из трех равноправных частей — Северного Перу, Южного Перу и Боливии. Согласно Фундаментальному пакту, подписанному 1 мая 1837 г. в Такне, все три республики имели одни и те же права, единое гражданство, избирали собственные правительства в соответствии со своими законами, но управлялись общим правительством, надсленным законодательной и исполнительной властью. Санта-Крус был избран «верховным протектором» конфедерации сроком на 10 лет. 60-летний Бернардо О'Хиггинс, отец независимости Чили, живший в эмиграции в Лиме, горячо поддержал создание нового государства³².

Стабилизация политической жизни немедленно сказалась на упорядочении налоговой и финансовой системы, а также на активизации внешней торговли и укреплении внешнеполитического положения конфедерации: так, в 1836 г. были подписаны договоры о мире, торговле и мореплавании с Англией и США. Однако конфедерации не удалось

реализовать в полной мере заложенные в ней возможности, ее успехи и само существование оказались кратковременными. Центробежные тенденции оказались сильнее объединительных.

Сказались взаимные политические предубеждения и недоверие, опасения «потерять национальное лицо» и оказаться на положении зависимого партнера в федерации, отсутствие единого динамичного рынка в рамках всего объединения. Так, если между Боливией и Южным Перу сложился активно функционировавший внутренний рынок, игравший важную роль в экономике обоих районов, то связь между Северным Перу и Боливией из-за высоких труднопроходимых гор была чисто номинальной: не случайно самые горячие сторонники объединения были из Южного Перу, а самые упорные противники — из Северного. Внутри правящей верхушки каждой из республик, где имелись и сторонники, и противники федерации, возобладали сепаратизм и узкорегionalные настроения, перешедшие вскоре в открытую вооруженную оппозицию к правительству конфедерации³³.

Однако решающее слово в судьбе конфедерации сыграли могущественные соперники, ближайшие соседи — правительства Аргентины и Чили. Набравший силу блок торговой и земельной олигархии этих стран рассматривал образование крупного объединенного государства на своих северных границах как нарушение принципа «континентального равновесия», как угрозу своим коренным интересам. Им было выгодно существование экономически слабых разъединенных государств, за счет которых можно было бы в будущем безнаказанно осуществить передел национальных границ. Правящие круги Чили были также остро заинтересованы в ликвидации перуан-

³² Santa Cruz O. de. Op. cit. P. 405—417, 496—497; Abecia Baldivieso V. Op. cit. T. 1. P. 418—419.

378 ³³ Valencia Vega A. Op. cit. T. 3. P. 885—887; Odriozola M. de. Op. cit. T. 10. P. 274—287.

ской и установлении чилийской торговой монополии на Тихоокеанском побережье. Эта стратегическая линия развития, возведенная в ранг государственной политики уже в середине 30-х годов XIX в., нашла выражение в деятельности министра Диего Порталеса. Он прямо заявлял: «Конфедерация должна навсегда исчезнуть с американской сцены. . . как новое государственное объединение, могущее ущемить наши интересы на Тихом океане»³⁴.

Объявив в 1836 г. торговую блокаду перуанским и боливийским портам, чилийское правительство в феврале 1837 г. перешло к прямым военным действиям против федерации на суше и на море. В мае 1837 г. Аргентина также предъявила ей подписанный Росасом ультиматум с требованием ее немедленного расторжения³⁵.

Несмотря на несколько крупных военных побед, одержанных армией конфедерации над аргентинскими и чилийскими войсками в 1837 и 1838 гг., ей не удалось укрепить свое положение. В ожесточенном сражении при Юнгае 20 января 1839 г. чилийская армия нанесла соединениям конфедерации сокрушительное поражение, после которого она прекратила свое существование.

Исходя из долговременных интересов Боливии и Перу, федерация значительно укрепляла экономическое и политическое положение, создавала условия для успешного преодоления тяжелого колониального наследия для обеих стран. С этой точки зрения проект Санта-Круса отвечал общенациональным интересам, закладывая фундамент будущего, наконец, практически осуществлялся один из заветов Боливара³⁶. Однако в угоду своим эгоистическим интересам соседние буржуазные государства силой оружия расторгли конфедерацию во имя обеспечения собственных стратегических целей.

С учетом того, что в 1830 г. распалась федерация Великая Колумбия, а в 1838 г. — федерация Соединенные провинции Центральной Америки, становится очевидным, что один из основополагающих политических проектов Боливара по созданию единой конфедерации независимых латиноамериканских республик был обречен на провал как нежизнеспособный в исторических условиях Латинской Америки середины XIX в.

Распад конфедерации имел далеко идущие последствия для всех стран-участниц. За счет ослабленных войной Перу и Боливии чилийская буржуазия обеспечила существенные предпосылки для торговой и военной экспансии на Тихоокеанском побережье. Напуганная сокрушительным поражением консервативная перуанская и боливийская оппозиция в лице новых президентов (в Перу — А. Гамарры, в Боливии — Х. Веласко) поспешила отречься от всех объединительных планов. Так, в Перу более 60 видных военных и политических деятелей, сторонников конфедерации, были высланы за пределы страны. В июле 1839 г. боливийский конгресс объявил Санта-Круса «предателем родины», лишил его всех званий и имущества. В октябре 1845 г. триединым договором, подписанным Чили, Перу и Боливией, Санта-Крус, находившийся в Чили как военнопленный, был выслан в Европу³⁷.

Что же касается последующей истории Боливии, то развал конфедерации

³⁴ *Abecía Baldovieso V.* Op. cit. T. 1. P. 446.

³⁵ *Santa Cruz O. de.* Op. cit. P. 148—150; *Bolivia. . .* P. 223—234.

³⁶ *Arguedas A.* Historia general de Bolivia (1809—1921). La Paz, 1967. P. 98; *Valencia Vega A.* Geopolítica en Bolivia. La Paz, 1965. P. 289.

³⁷ *Santa Cruz O. de.* Op. cit. P. 529—530. Прожив 20 лет политическим эмигрантом во Франции, Санта Крус умер в 1865 г. в изгнании. В столетнюю годовщину со дня смерти его прах был перевезен в Боливию и захоронен на центральной площади Мурильо в Ла-Пасе.

обозначил конец самого плодотворного десятилетия ее раннереспубликанской истории. Ослабленная поражением и обреченная на изоляцию страна была отброшена далеко назад.

Вновь сильно обострились отношения с Перу. В 1839—1841 гг. Боливия стояла перед угрозой раздела ее территории между Перу, Чили и Аргентиной. В октябре 1841 г., на пороге крупного вооруженного вторжения со стороны Перу, генерал Хосе де Бальивьян, участник войны за независимость и активный политический деятель первых лет республики, объявил себя президентом страны. В эти критические дни ему удалось организовать сопротивление перуанской агрессии. В битве при Ингави 18 ноября 1841 г. боливийские войска нанесли сокрушительное поражение перуанской армии. Командующий армией генерал А. Гамарра, президент Перу, был убит во время сражения; начальник генерального штаба, будущий президент Перу Р. Кастилья взят в плен, а вместе с ним более 3 тыс. перуанских солдат и офицеров³⁸. Битва при Ингави, вошедшая в боливийскую историю как день «второй независимости», отныне определила дальнейший путь национального развития Боливии и Перу как двух самостоятельных, независимых друг от друга государств.

После выборов 1843 г. национальная ассамблея утвердила Бальивьяна конституционным президентом страны. Однако ему не удалось стабилизировать внутреннее положение: все попытки осуществить некоторые реформы были сведены на нет волной вооруженных выступлений, вспыхивавших в гарнизонах городов в поддержку различных его политических соперников, в том числе и высланного во Францию Санта-Круса. В результате очередного мятежа, на полгода парализовавшего политическую жизнь в стране, Бальивьяну пришлось сложить президентские полномочия и покинуть Боливию в декабре 1847 г.

ПОЛОЖЕНИЕ БОЛИВИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Кризис экономики республики, унаследованный от колониальных времен и усугубленный в результате развала Перуано-Боливийской конфедерации, продолжал тем временем обостряться.

Судя по данным первого национального переписи, проведенного в 1846—1847 гг., особенно тяжелое наследие досталось республике в области аграрной структуры. Доминирующую роль в стране играла крупная земельная собственность, сосредоточенная в руках креольского меньшинства. 5135 семей асендадо, составлявших всего 2—3 % сельского населения, владели половиной всей обрабатываемой земли. 80 % из них являлись крупными земельными собственниками-латифундистами и 20 % — мелкими владельцами³⁹.

На другом полюсе им противостояла почти миллионная масса индейцев-крестьян — кечуа и аймара, составлявших до 75 % всех боливийцев (общая численность в 1846 г. — 1 373 896 человек). Две трети из них объединялись в 3100 индейских общинах, где жило более 620 тыс. человек. При этом собственность асендадо оценивалась более чем в три раза выше собственности индейских общин (19 млн против 4 млн песо)⁴⁰.

Положение в аграрном секторе было противоречивым, отражая переход-

³⁸ *Santivañez J. M. Vida del General José Ballivián. Nueva York, 1891. P. 113, 322.*

³⁹ *Dalence J. M. Bosquejo Estadístico de Bolivia. La Paz, 1975. P. 210; Klein H. Bolivia: The Evolution of a Multi-Ethnic Society. N. Y., 1982. P. 123.*

⁴⁰ *Arze Cuadros E. La economía de Bolivia: Ordenamiento Territorial y dominación externa. 1492—1979. La Paz, 1979. P. 240—241; Dalence J. M. Op. cit. P. 177, 241.*

ный период в истории Боливии. Креольская аристократия проводила целенаправленную политику на уничтожение индейской общины как социального института. Так, декретом от 1835 г. традиционные общины лишались юридического статуса; законом от 1842 г. общинные земли объявлялись государственными, а индейское крестьянство низводилось до положения арендаторов веками принадлежавших ему земель (так называемая система энфитеусиса). «Излишние» общинные земли отчуждались с последующей продажей или передачей частным лицам⁴¹. Объективно эти меры были частью процесса первоначального накопления, разворачивавшегося в стране, они имели разрушительную антифеодалную направленность и ставили целью экспроприацию индейского крестьянства. Однако, как известно, правящие круги прибегли к восстановлению налогового обложения и принудительного труда индейцев, что усиливало консервацию доставшихся от колониальной эпохи фактически феодальных порядков. Это препятствовало развитию капитализма в сельском хозяйстве, и было использовано землевладельческой олигархией в реакционных узкокорыстных классовых целях. Как подчеркивал К. Маркс, «экспроприация сельского населения создает непосредственно лишь крупных земельных собственников»⁴². Прямым результатом такой политики стал рост и консолидация системы крупного землевладения, латифундии, что и было зафиксировано в переписи 1846 г.

Активное наступление крупного поместья на общинные земли происходило одновременно с усилением социального расслоения в самой общине. Так, составляющие первоначальное ядро общины так называемые основатели — орихинариос (48—52 тыс. семей) — располагали как плодородными участками в долине, так и малопригодными в пуне; принятые впоследствии в общину — агрегандос — владели только малопригодными для земледелия участками, а пришлые — форастерос — были безземельными и арендовали пустующие земли у общины. При этом малоземельные и безземельные крестьяне составляли почти две трети всей общинной массы (90 тыс. семей). Тем не менее все категории общинных крестьян облагались подушным налогом — от 4 до 9 песо в год, доля его поступлений в государственную казну постоянно росла от 45 % в 1832 г. до 54 % в 1846 г.⁴³

Страдавшее от тяжелого налогового пресса общинное крестьянство подвергалось угнетению со стороны местной администрации, оставшейся нетронутой с колониальных времен. Как и во времена испанского короля, общинник полностью зависел от коррехидора, который контролировал поставку индейцев на работу в рудники, мастерские, собирал с крестьян подать и наживался на торговле солью и кокой — товарами повышенного спроса среди индейского населения. Прогрессирующая потеря лучших земель, дробление семейных наделов на минифундии делали жизнь общинного крестьянства немногим лучше положения безземельных колонов.

В середине XIX в. в Боливии насчитывалось более 80 тыс. семей колонов, живших в крупных поместьях на положении сельскохозяйственных батраков-пеонов, и 13 тыс. слуг, дворовой челяди⁴⁴. Захватив значительный фонд плодородных земель, крупное землевладение эксплуатировало массу безземельных пеонов с помощью докапиталистических форм аренды земли, обеспечив себя денежной, натуральной, отработочной рентой и многочисленными видами личных услуг. Эта система докапиталистических отношений в аграр-

⁴¹ *Ovando Sanz J. A.* El tributo indígena en las finanzas bolivianas del siglo XIX. La Paz, 1985. P. 54—58.

⁴² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 752—753.

⁴³ *Dalence J. M.* Op. cit. P. 211.

⁴⁴ *Ibid.* P. 207, 211.

ном секторе получила в Латинской Америке название колоната. Неграмотные и неимущие угнетенные массы пеонов и общинников лишены были права голоса и не принимали участия в политической жизни, находясь как бы за рамками национальной жизни республики. Одновременно они подвергались расовой дискриминации со стороны правящей олигархии, которая поддерживала сословно-кастовые перегородки, унаследованные от колониального периода.

Прогрессивный боливийский экономист Х. М. Даленсе в уникальном труде, посвященном анализу итогов первого национального ценза 1846 г., утверждал, что боливийцы — хозяева благодатнейшего района Южной Америки, щедро наделенного природой всеми ценными дарами умеренной и тропической зоны. Указывая на высокое плодородие почв и хорошие урожаи сельскохозяйственных культур в горных долинах и на равнинах севера и востока, он писал, что сельское хозяйство могло бы дать Боливии превосходящее по сравнению с другими странами Европы и Америки развитие и прокормить более 100 млн человек. Однако, с горечью продолжал Даленсе, боливийцы «напоминают нищих посреди сказочного изобилия»⁴⁵. И действительно, преобладание натурального хозяйства, рутинная техника, засилье докапиталистических форм эксплуатации делали животноводство и земледелие малопродуктивными. При том, что в сельском хозяйстве было занято 90 % населения, оно оказалось неспособным обеспечить города продовольствием, а кустарные производства сырьем. Отсюда хронический импорт продуктов: Боливия ввозила зерновые (рис, маис, пшеницу) и картофель из Перу и Чили; мясо, вьючный и мелкий рогатый скот — из Аргентины, готовые изделия и одежду — из Европы.

Горнодобывающее дело продолжало переживать застой. Более 10 тыс. рудников из-за нехватки капитала, техники для откачки накопившихся подземных вод, рабочей силы были заброшены или затоплены, хотя две трети из них могли бы давать продукцию⁴⁶.

Вся стоимость произведенной продукции в виде серебряной монеты в 1846 г. (чуть более 2 млн песо) оказалась в полтора раза меньше стоимости всего импорта (более 3700 тыс. песо), при этом на долю европейских товаров (текстиль, предметы роскоши) пришлось почти 2,5 млн песо, боливийский же экспорт составил всего лишь 0,5 млн песо (драгоценные металлы, хинин, шерсть). Дефицит внешней торговли с соседними странами был еще более высоким, что приводило не только к утечке национального капитала, но и обескровливало внутреннюю торговлю.

Несмотря на активный протекционистский курс боливийских правительств, ремесленное производство стояло на грани полного уничтожения. Резко увеличилась иностранная конкуренция: дешевые и высококачественные иностранные товары из Англии и США (по обычным и контрабандным каналам) буквально затопили местные рынки, процесс разорения и обнищания боливийских кустарей и ремесленников принял повсеместно массовые размеры. Еще 40 лет назад в крупных ремесленных центрах, таких, как Потоси, Чукисака и др., насчитывалось по 80—90 ткацких мастерских с 6—8 работниками в каждой. Так, одна только Кочабамба (несколько сотен мастерских) давала на внутренний рынок более 800 тыс. м хлопчатобумажных тканей токуйо, не считая других; однако к середине XIX в. в городе осталось около 100 мастерских, а выпуск токуйо по стране составил менее одной ты-

⁴⁵ Dalence J. M. Op. cit. P. 60—61, 64, 287.

⁴⁶ Так, в Потоси на 26 работавших рудников приходилось более 1800 заброшенных, в Порко и Оруро соответственно 33 и более 1500, 11 и более 1200. См.: *Arze Cuadros F.* Op. cit. P. 237.

зачной от прежнего уровня. Всего в Боливии насчитывалось менее 10 тыс. ремесленников, влачивших жалкое существование⁴⁷.

Экономика Боливии уже в середине XIX в. чувствительно зависела от торговой конкуренции развитых капиталистических стран, что деформировало развитие внутреннего рынка и затрудняло процесс первоначального накопления капитала. Кризис местного производства резко усилил пауперизацию городского населения, сократил рынок труда, вызвал запустение больших городов. Преобладание крупного землевладения и докапиталистических форм эксплуатации индейского крестьянства в аграрном секторе, агонизирующее ремесленное производство и горное дело, слабое развитие внутренней торговли вкупе с изоляцией от внешнего мира, расстроенные национальные финансы — все это определило застойный характер экономики страны в первую четверть века после завоевания независимости.

Указанные процессы нашли отражение в государственном бюджете на 1846 год: 45 %, более 1 млн песо, ушло на содержание армии (при этом на 120 солдат приходилось по одному генералу), 33 % на государственный аппарат, 12 % — католической церкви и 10 % — на покрытие государственного долга⁴⁸. Фактически ничего не было вложено в экономическое развитие республики.

Развитие общего и технического образования и культуры, хотя и получило известный толчок в правление Сукре и Санта-Круса, из-за острой нехватки средств не отвечало и самым элементарным потребностям страны. Всего в городах республики насчитывалось 442 государственных и частных школы, где обучалось болсе 20 тыс. учеников (каждый десятый креольский ребенок). На нищем финансовом бюджете функционировало три университета в Чукисаке, Ла-Пасе и Кочабамбе, 6 библиотек с фондом в 16 тыс. книг на всю страну. На почти двухмиллионное население приходилось 100 тыс. грамотных, в их числе — 3300 монахов и священников, 449 адвокатов и 142 врача и аптекаря⁴⁹.

После падения колониальной власти боливийская политическая система складывалась на узкой социальной базе. Подавляющая часть боливийцев, индейского крестьянство и метисное население городов были лишены права голоса и находилась на положении политических изгоев в собственной стране. Политическая деятельность являлась исключительной монополией «нищего и грамотного» креольского меньшинства, сосредоточенного в городах. К середине XIX в. 11 % всего населения, 180 тыс. человек, в том числе 35 тыс. европейцев и креолов, 100 тыс. чоло, остальные индейцы, проживали в 11 городах и 35 поселках. Самые крупные города — Ла-Пас, Кочабамба и Сукре — насчитывали соответственно по 42, 30 и 19 тыс. жителей⁵⁰. Метисное население, чоло, динамично растущая прослойка, заселяло предместья городов. Это были мелкие торговцы, кустари, рядовой состав городских гарнизонов, люмпены городских окраин. Лишив местное население политических прав, правящие круги тем не менее активно использовали его во фракционной борьбе за власть.

Отсталая экономическая структура Боливии, замкнутость и обособленность натурального хозяйства, олицетворенная в системе латифундий, в сочетании со слабым развитием торговли и промышленности определили преобладание в социальной и политической сфере в середине XIX в. крупной землевладельческой олигархии.

⁴⁷ Wittman T. Op. cit. P. 289—290; Dalence J. M. Op. cit. P. 253.

⁴⁸ Dalence J. M. Op. cit. P. 306—307.

⁴⁹ Ibid. P. 214—216, 207; Cortés J. D. Op. cit. P. 53—54.

⁵⁰ Dalence J. M. Op. cit. P. 178—179.

Экономически слабая, рахитичная торгово-ростовщическая буржуазия, лишенная активных связей с внешним миром, входила в правящую касту на положении младшего партнера. Несмотря на известные внутренние противоречия, вместе они составляли своеобразный социально-политический симбиоз, получивший в боливийской историографии меткое название «феодал-буржуазии». Следствием этого явилось слабость буржуазных представительных институтов и органов центральной власти, замедленное развитие буржуазных политических партий. Эти негативные явления переходного периода в истории Боливии нашли концентрированное выражение в расцвете каудильизма.

Своеобразные исторические условия определили особую роль военных лидеров, выдвинувшихся в Верхнем Перу в ходе войны за независимость. Длительные традиции милитаризма, обогащение за счет захвата и скупки земель, доходных должностей в армии усилили в первые годы республики социальные позиции военной касты. Одновременно патриотический характер антиколониальной борьбы определил высокий политический престиж ее активных участников, олицетворявших в годы войны общенациональные интересы. В новых исторических условиях военные деятели — каудильо — продолжали претендовать на роль «спасителей и обновителей родины». На деле они защищали интересы той или иной группы правящей креольской аристократии, во имя чего они захватывали власть, опираясь на силу солдатских гарнизонов. Постоянные государственные перевороты и политическая анархия — таковы характерные черты классической эпохи каудильизма, которая продолжалась в Боливии с конца 40-х до конца 70-х годов XIX в.⁵¹

Однако объективный анализ социально-экономического развития второй половины XIX в. показывает: при всех драматических последствиях каудильизма как безусловного фактора регресса для национальных судеб страны история Боливии не может быть сведена только к каудильизму или объяснена им во всех аспектах, как это подчас упрощенно представляется в зарубежной немарксистской историографии.

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА. КАУДИЛЬО У ВЛАСТИ (1847—1879)

Галерея боливийских каудильо не была собранием однозначных политических фигур. Здесь были представлены деятели различного социального происхождения и культурного уровня, противоречивых политических идей и целей: от представителя креольской аристократии доктора Х. М. Линареса, предтечи консерватизма, до малограмотного Мельгарехо и народолюбца Бельсу, выходцев из народных низов. Пестрота и непоследовательность защищавшихся ими социальных программ развития была отражением пестроты, многоукладности, незрелости капиталистических отношений в стране.

Мануэль Исидоро Бельсу, участник войны за независимость, пришел к власти в 1848 г., свергнув последовательно двух президентов (Бальивьяна и Веласко), — словом, как типичный каудильо. Однако этим фактом не исчерпывается значение Бельсу, одной из ярких и противоречивых фигур, стоящих особняком в политической истории Боливии. Вокруг его имени уже более 100 лет не стихают ростные дискуссии⁵².

⁵¹ За указанный период правительства в Боливии были сброшены или подвергались угрозе государственного переворота более 100 раз, 4 ее президента были убиты.

⁵² Режим Бельсу получил в зарубежной немарксистской историографии название «бельсизмо». Для консервативного направления Бельсу — «плебейский каудильо», тиран и диктатор, символ террора и гонитель частной собственности, для либеральной — безответственный демагог,

Политические идеи и деятельность Бельсу наиболее полно раскрываются в связи с массовыми народными движениями ремесленников и городских низов, развернувшимися в середине XIX в. в соседних латиноамериканских странах: это революционные выступления 1851 г. в Чили под руководством Фр. Бильбао, «республика ремесленников» во главе с Х. М. Мело в 1854 г. в Колумбии и др. Указанные народные движения — следствие резкого обострения положения трудящихся масс города и деревни — проходили под определенным влиянием революционных событий во Франции в 1848 г. и несли на себе отпечаток мелкобуржуазных социалистических идей в их утопическом варианте⁵³.

Каудильо Бельсу, сам по происхождению чоло, выходец из народных низов, стал выразителем интересов мелких собственников, разоряющихся масс ремесленников и торговцев, обреченных на нищету вторжением европейского капитала. В своей экономической политике он заявил себя энергичным защитником протекционизма и создания национальной промышленности. Под лозунгами «защита боливийского ремесленника от иностранных торговцев» и «боливийская торговля — боливийцам» правительство Бельсу осуществило ряд протекционистских мер: установило высокие пошлины (40 %) на импорт готовой одежды; с апреля 1849 г. деятельность иностранных торговцев была резко ограничена, все иностранные фирмы и магазины закрыты. От этих драконовских мер пострадали более всего английские торговцы, в августе 1853 г. английский торговый атташе был отозван из Ла-Паса, а через месяц Англия порвала и дипломатические отношения с Боливией, восстановленные в полном объеме лишь полвека спустя, в 1910 г.

Правительство Бельсу содействовало созданию ремесленных союзов, соединявших черты цехового строя, обществ взаимопомощи и религиозных братств. Так, в 1860 г. был организован центральный совет ремесленников Ла-Паса, вслед за ним подобные же организации появились и в других городах. В интересах мелких производителей и торговцев была уничтожена или модифицирована монополия на экспорт муки и хинина, приостановлены распродажа общинных земель и злоупотребления при сборе налогов с индейского крестьянства. «Народный каудильо» предпринял также шаги по введению бесплатного начального образования и судопроизводства, в 1851 г. ликвидировал последние остатки рабства на всей территории республики⁵⁴.

Таким образом, каудильо Бельсу, избранный в 1851 г. президентом Боливии, за краткое пребывание у власти (1848—1855) предпринял шаги, чтобы улучшить положение наиболее обездоленной части боливийского народа. Им была также предпринята беспрецедентная попытка втянуть угнетенные слои в самую гущу политической жизни страны. Эту борьбу он развернул под лозунгом «Союз с народом»⁵⁵.

Используя правительственную трибуну и официальную печать, Бельсу

для мелкобуржуазных историков характерна антинаучная спекуляция на его имени и стремление видеть в нем «революционера и даже марксиста». Отсутствие необходимой документальной базы до сих пор препятствует объективному анализу личности Бельсу и его эпохи во всей полноте. См.: *Santivañez J. M.* Op. cit. P. 295, 301; *Rene-Moreno G.* Estudios de literatura boliviana. Potosí, 1956. T. 2. P. 202; *Reinaga F. Belzú: Precursor de la Revolución nacional.* La Paz, 1953. P. 41, 54 etc.; *Lora G.* Historia del movimiento obrero boliviano, 1848—1900. La Paz, 1967. T. 1. P. 350—365.

⁵³ См.: *Шульговский А. Ф.* «Боготинская коммуна» и утопический социализм // Лат. Америка. 1984. № 12; 1985. №6.

⁵⁴ *Bonifaz M.* Op. cit. P. 199—221.

⁵⁵ *Romero Loza J.* Bolivia: nación en desarrollo. La Paz; Cochabamba, 1974. P. 148.

резко выступил против господствующей теории о «неполноценности индейских народов»: президент призывал дать им образование, улучшить условия жизни, привлекать к управлению государством и тем самым «обеспечить им место, соответствующее завоеваниям и социальным потребностям эпохи». В выступлениях на площадях и улицах боливийских городов он обвинял «бесчестную шайку аристократов» в том, что «она наживает чудовишные богатства», «присваивает землю, почести, должности, заслуги». Тогда и родилось известное изречение Бельсу: «Богатство олигархии — это кровь и пот индейцев». Одновременно в периодической печати крупнейших городов — «Чоло», «Голос народа», «Шахтер», «Ремесленник Ла-Паса» — развивались идеи Прудона и Сен-Симона «о разделе богатства» и создавался культ «тата (отца) Бельсу» как боливийского Магомеда, «спасителя народа» и т. д.⁵⁶

В ответ метисные и индейские массы оказали решительную поддержку Бельсу. Это было новым моментом в политической жизни республики. За неполные 6 лет его пребывания у власти они собственными силами подавили более 40 выступлений против правительства Бельсу. При этом, однако, санкционированный им «народный террор» обращался на разграбление домов и поместий политических противников, складов и лавок иностранных купцов, что приводило зачастую к жестоким эксцессам. Открытая оппозиция правящего блока вскоре блокировала все начинания Бельсу, сделала его «демагогом поневоле» и вынудила отказаться от власти. В середине 1855 г. в связи с завершением президентского срока он передал власть своему зятю генералу Х. Кордове и выехал в Европу.

Социальная и политическая программа «народного каудильо» была решительно отвергнута его преемниками. Однако стремление Бельсу поднять обездоленные массы до уровня полноправных граждан страны, пробудить в них чувство человеческого достоинства и национального самосознания надолго опередило свое время, сделало его провозвестником ряда националистических и индеанистских доктрин середины XX в.

В 1857 г. в Боливии произошел новый государственный переворот. Доктор Х. М. Линарес, выпускник двух университетов, выходец из состоятельной креольской семьи, провозгласил себя диктатором. Активный деятель раннереспубликанского периода, он был секретарем Сукре в 1826—1828 гг. и Перуано-Боливийской конфедерации при Санта-Круссе. Свой приход к власти Линарес ознаменовал рядом жестких мер по экономии государственных средств, в частности сокращением армии, поглощавшей до двух третей бюджета, с 6 тыс. до 1200 человек⁵⁷. Однако основным содержанием политики диктатора Линареса, за спиной которого стояла группа крупных горнозаводчиков и торговцев-экспортеров, стал решительный поворот от системы протекционизма к созданию так называемой открытой экономики и всемерной поддержке свободной торговли.

В 1858 г. была отменена государственная монополия на добычу и экспорт серебра, эти виды деятельности освобождались от всех налогов, пошлина на импортные товары снижена с 40 до 13 %, ликвидированы таможенные барьеры во внутренней торговле. В 1860 г. подписан торговый договор с Бельгией.

Страна не успела почувствовать последствия нового поворота в экономике. В январе 1861 г. Линарес был вынужден покинуть пределы Боливии

⁵⁶ *Arquedas A. Historia general de Bolivia (1809—1921). La Paz, 1967. P. 144—145, 151; Bolivia. ... P. 172.*

⁵⁷ *Frontaura Argandoña M. El Dictador Linares. La Paz, 1970. P. 171; Romero Loza J. Op. cit. P. 153—158.*

вследствие мятежа, организованного военными кругами, раздраженными резким сокращением армии. В разгоревшейся затем борьбе за власть военные круги прибегли к массовой террористической акции: в ночь на 23 октября 1861 г. губернатор Ла-Паса полковник Яньес расстрелял незадолго до этого арестованную группу сторонников и родственников бывшего президента Бельсу, более 60 человек, в том числе экс-президента Кордову. Эта кровавая расправа на центральной площади Ла-Паса, где располагались университет и законодательное собрание, со всей очевидностью обнажила глубину политического кризиса в стране⁵⁸.

Между тем на побережье назревали важные события. С середины 40-х годов здесь началась активная разработка залежей гуано, преимущественно чилийскими компаниями. В 1857 г. чилийцы заняли принадлежавший Боливии залив Мехильонес и объявили его чилийской территорией. Исчерпав все дипломатические средства для изгнания чилийских акционеров, правительство Боливии пошло на крайнюю меру. В июне 1863 г. боливийский конгресс в целях защиты национального суверенитета над береговой зоной объявил Чили войну⁵⁹. Конфликта удалось избежать. Однако вскоре возник спор о национальной принадлежности островов Чинга, богатых гуано, захваченных в апреле 1864 г. испанской военной эскадрой.

В этой крайне напряженной обстановке власть в Боливии захватил генерал М. Мельгарехо, свергнувший в декабре 1864 г. своего предшественника генерала Х. М. Ачу. Активный участник фракционной борьбы предшествующих лет, он вошел в политическую историю Боливии как «самая ее позорная фигура»⁶⁰. О политических нравах эпохи свидетельствует тот факт, что уже через три месяца, в марте 1865 г., новому каудильо пришлось с оружием отстаивать захваченную им власть. При этом Ла-Пас и правительственный дворец, занятый его противниками во главе с бывшим президентом Бельсу, подверглись армией Мельгарехо настоящей военной осаде. В этой кровопролитной схватке М. И. Бельсу был убит, по одной из версий, лично Мельгарехо.

Зарубежная историография не пожалела красок для описания колоритных подробностей жизни Мельгарехо — этого хрестоматийного образца «каудильо-варвара». Однако необходимо подчеркнуть, что именно в его правление свободная торговля как главный действующий принцип национальной экономики получила дальнейшее развитие. Эта политика отвечала интересам становившейся на ноги новой горнопромышленной и торговой элиты⁶¹. Так, в 1864—1866 гг. Боливией были подписаны договоры с Перу и Чили, которые снимали все таможенные барьеры для взаимного экспорта и импорта. Боливия получала право свободной торговли в порту Арика; все минералы, добытые на боливийском берегу чилийскими компаниями, также освобождались от обложения. Соглашениями 1867—1868 гг., подписанными с Бразилией и Аргентиной, вводился режим взаимного свободного торгового судоходства по рекам, ведущим к Атлантике⁶².

При этом, однако, правительство Боливии поступило значительной частью национальной территории: оно передало Бразилии более 150 тыс. кв. км плодородных земель на правом берегу р. Парагвай, под нажимом Чили пошло на признание новой границы по 24-й параллели, а также равных

⁵⁸ René-Moreno G. Matanzas de Yañez. Potosí, 1954. P. 191—192.

⁵⁹ Abecía Baldivieso V. Op. cit. T. 1. P. 576—577.

⁶⁰ Vázquez Machicado H. e otr. Manual de Historia de Bolivia. La Paz, 1958. P. 365.

⁶¹ Подробнее см.: Klein H. S. Bolivia: The Evolution of a Multi-Ethnic Society. N. Y., 1982. P. 129—130.

⁶² Abecía Baldivieso V. Op. cit. T. 1. P. 628—629, 643—645.

с Чили прав на эксплуатацию полезных ископаемых между 24 и 25° ю. ш., что стало одной из причин будущей Тихоокеанской войны. Взамен чилийское правительство произвело Мельгарехо в дивизионные генералы чилийской армии.

К тому времени на боливийском берегу в районе Антофагасты чилийская поисковая партия обнаружила богатейшие залежи селитры, залежавшей широкой, до 45 км, полосой в глубине Атакамы. Устремления боливийских горнозаводчиков продолжали традиционно связываться исключительно с развитием Альтиплано. Освоению перспективных земель на берегу не уделялось должного внимания. К тому же остро сказывалось отсутствие необходимых для этого капиталов, техники и рабочей силы, транспортных связей с побережьем.

К середине 60-х годов восходит острая вспышка конкурентной борьбы между французским и английским капиталом за право разработки природных богатств боливийского побережья. Английские компании, прочно утвердившиеся в береговой зоне Чили и Перу, активно стремились включить в сферу своих операций и боливийский участок. Однако временный перевес одержали французские компании «Л. Арман и К°» и «Ла Шамбр и К°». По контрактам, подписанным Мельгарехо в 1866 г., они получили доступ к добыче и экспорту 1 млн т гуано в заливе Мехильонес в обмен на кабальный займ в 1 млн песо⁶³.

Воспользовавшись посредничеством чилийских торговцев, английский капитал начал активно проникать в боливийскую береговую зону, вытеснив к 1871 г. французских акционеров из Мехильонеса. В 1868 г., прибегнув к подкупу, крупный чилийский магнат Х. Сантос Осса — за спиной его стояла могущественная английская «М. Кларк и К°» — получил неограниченное право на разработку боливийских запасов селитры. Контракт, и на этот раз подписанный Мельгарехо, санкционировал прямое разграбление национальных богатств Боливии, обеспечив выгодные условия иностранным акционерам. Последовавшее за этим бурное освоение чилийским капиталом внутренней части побережья уже тогда ставило вопрос о боливийской принадлежности всей береговой полосы в целом.

Изолированные попытки восстановить добычу серебра на Альтиплано до 70-х годов заканчивались крахом также из-за нехватки необходимых средств и оборудования. Даже такому крупному собственнику, как семья Арамайо, которая владела богатой горнорудной провинцией Чичас, оказалось не под силу восстановление принадлежащих ей рудников. Династия Арамайо развернула активную деятельность по привлечению в горное дело английского капитала, чего и удалось достичь в 1869—1871 гг. На 14 крупных шахтах, включая Потоси, Ф. Арамайо применил прогрессивную европейскую технологию добычи и плавки серебра и висмута, начал разработку олова, ввез новое оборудование из Европы и обновил инженерный состав за счет европейских специалистов⁶⁴. С 1873 г. с отменой государственной монополии частный капитал получил неограниченную свободу разведки, добычи и вывоза за границу различного минерального сырья.

В 60-х годах процесс первоначального накопления капитала в Боливии стал развиваться более активно. Он складывался из начавшегося подъема горнодобывающего производства, оживления внешней и внутренней торговли. В страну стал поступать иностранный, прежде всего английский, капитал, а также капиталы чилийских и перуанских предпринимателей, разбогатев-

⁶³ Cueva J. M. de. Bolivia: imperialismo y oligarquía. La Paz, 1983. P. 41—45.

388 ⁶⁴ Romero Loza J. Op. cit. P. 176—177.

ших на добыче гуано и селитры. Свою роль сыграли и накопления крупных землевладельцев и торговцев района Кочабамбы, традиционной зоны товарного земледелия, снабжавшей продуктами ожившие горняцкие районы Потоси и Оруро⁶⁵.

С появлением нового источника дохода, отчислений от добычи гуано и селитры на боливийском берегу, стала падать доля индейского налога в национальном бюджете, хотя она еще и составляла 800—900 тыс. песо в год⁶⁶. В 1868 г. была осуществлена прогрессивная мера: прекращено взимание десятины и других церковных поборов. В условиях нового подъема горнодобычи и городского рынка и соответственно сельскохозяйственного производства резко повысился интерес к земельной собственности.

Следствием этих факторов стал новый удар по общинному крестьянству с целью осуществить массовый сгон индейцев с земли. В марте 1866 г. Мельгарехо издал ставший печально знаменитым декрет о консолидации. Все индейцы-общинники признавались «полноправными собственниками» общинных наделов только при условии, что в течение 60 дней они представят документы на владение землей и уплатят в казну от 25 до 100 песо⁶⁷.

Подавляющее число крестьян не располагало ни тем ни другим, что и было использовано в качестве предлога для насильственной распродажи общинных земель в частное владение окрестным латифундистам, торговцам, чиновникам, ближайшему окружению Мельгарехо. В 1866—1868 гг. распродаже подверглись земли более 350 крупных общин и значительное число мелких владений вокруг озера Титикака и в провинции Юнгас. В целом собственность 75 тыс. крестьянских семей перешла в руки 600—700 новых владельцев, две трети которых стали крупными латифундистами⁶⁸. При этом изгнание индейцев из освоенных районов проводилось под дулами ружей правительственной армии и сопровождалось кровавыми эксцессами.

Ответом на правительственный произвол стали массовые крестьянские волнения, которые были подавлены правящей кликой с исключительной жестокостью. «Описание этих битв, по словам современника, представляет сцены, достойные конкисты»⁶⁹. В 1871 г. 20 тыс. индейцев кечуа и аймара осадили Ла-Пас, требуя отмены ненавистного декрета.

Драматические последствия для финансов имел и санкционированный «диким каудильо» выпуск дешевой серебряной монеты, получившей название «мельгарехо». В области образования он «прославился» тем, что закрыл «за ненадобностью» несколько политехнических колледжей и восстановил физическое наказание в школах. Сделав много для возрождения торгово-промышленной элиты и крупного землевладения, Мельгарехо к 70-м годам превратился в одиозную фигуру, которую поспешили убрать с политической арены. Исполнителем этого замысла стал новый временщик, очередной генерал — А. Моралес. В январе 1871 г. гарнизон Ла-Паса поднял восстание против ненавистного каудильо, вылившееся в кровопролитное сражение на улицах города. Мельгарехо был вынужден бежать в Перу, где был вскоре убит.

Тем временем наиболее дальновидные представители правящих кругов отдавали себе отчет в том, что острые, накапливавшиеся десятилетиями противоречия с Чили принимают грозный оборот. В 1870 г. в центре Атакамы

⁶⁵ Klein H. S. Bolivia. . . P. 126—127.

⁶⁶ Ibid. P. 139.

⁶⁷ Bonifaz M. Op. cit. P. 169—170.

⁶⁸ Zavaleta Mercado R. Lo nacional-popular en Bolivia. México, 1986. P. 123—124.

⁶⁹ Condárco Morales R. Zárate, «el temible» Willka: Historia de la Rebelión Indígena de 1899. La Paz, 1965. P. 44—45.

были открыты богатейшие залежи серебра, в разработку которых чилийский капитал в ближайшие годы вложил более 10 млн долл. К 1874 г. здесь действовало уже более 400 шахт. 10 тыс. чилийцев, населявших район разработок, подчинялись чилийским законам, хотя все они и жили на боливийской территории. Основанный в 1868 г. город Антофагаста, выросший на добыче селитры, за 6 лет стал самым крупным городом боливийского побережья, однако с решительным преобладанием чилийского населения (93 % жителей). В целом к 70-м годам подавляющую часть населения между 23 и 25° ю. ш. на 95 % составляли чилийцы⁷⁰. Иными словами, районы Атакамы и других участков боливийского побережья были освоены, разработаны и заселены с помощью чилийского и английского капиталов и чилийской рабочей силы, и лишь формально считались боливийской территорией.

Правивший чуть более года (1873—1874) генерал Адольфо Бальвиян предпринял было шаги для строительства военного флота. В феврале 1873 г. он подписал Секретный договор об оборонительном союзе с президентом Перу Мануэлем Пардо. Сменивший А. Бальвиюна Томас Фриас (1874—1876) договором от 1874 г. пытался остановить «ползучую» чилийскую экспансию, установив «твердую» границу с Чили.

Но и эти фактически уже запоздалые попытки разрубить тугой узел внешнеполитических проблем, жизненно важных для страны, были сведены на нет новым военным переворотом. В 1876 г. военный министр генерал Иларион Даса после подавления антиправительственного мятежа в Кочабамбе провозгласил себя президентом страны. Он завершил галерею боливийских каудильо, проводивших антинациональную политику и являвшихся объективной тормозом на пути развития страны. Политическая анархия, безответственность очередного временщика в решении проблем национального характера развязали руки экспансионистским кругам Чили.

5 апреля 1879 г. Чили объявила войну союзным Перу и Боливии. Так началась Тихоокеанская война. В конце декабря 1879 г. Даса был низложен полком «Мурильо» и бежал в Европу⁷¹.

За 50 лет, прошедших с завоевания независимости, Боливия проделала сложный путь экономического, социального и национального развития. Преодолевая преграды, поставленные архаической социально-экономической структурой, неблагоприятным географическим фактором — отсутствием надежного выхода к морю, пройдя через длительную экономическую разруху и застой, республика к 70-м годам XIX в. завершила переходный период и ступила на путь капиталистического развития. Процесс капитализации хозяйства протекал замедленными, по сравнению с другими латиноамериканскими странами, темпами в условиях ярко выраженной зависимости от иностранного капитала и господства военной касты на политическом уровне. Вследствие указанных причин Боливия пришла к войне с крайне ослабленным экономическим и военным потенциалом. К 1879 г. в республике не было построено ни одного километра железных дорог. Побережье, лишенное военного и морского флота, надежных портов и крепостей, не имело ни транспортных коммуникаций, ни телеграфной связи с центром. Армия была плохо вооружена и превратилась в преторианскую гвардию на страже узкокорыстных интересов того или иного каудильо. Все эти факторы, несмотря на героические усилия боливийского народа, предопределили поражение Боливии в Тихоокеанской войне.

⁷⁰ Fifer J. V. Op. cit. P. 58.

390 ⁷¹ Abecia Baldovieso V. Op. cit. T. 2. P. 31—32, 53—56, 106—110.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА (1821—1860)

Глава 12

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ (1821—1826)

Во времена испанского колониального господства Центральная Америка во всех отношениях занимала более чем второстепенное положение среди заморских владений короля. Редкое население, отсутствие значительных месторождений золота и серебра, удаленность от основных центров колониальной империи — таковы факторы, которые в течение многих лет определяли пренебрежительное отношение короны к Центральной Америке.

Социальная структура общества здесь мало чем отличалась от других испанских колоний — все высшие посты занимали представители дворянства, присылавшиеся непосредственно из Испании, т. е. классическая колониальная элита.

Креолы постепенно накопили в своих руках немалую экономическую мощь, но их доступ к решающим политическим рычагам власти был ограничен. Креол не мог претендовать на большее, чем пост заместителя губернатора города, офицерскую должность в армии и сан рядового священника.

Остальная часть населения, состоявшая из индейцев и метисов (получивших в Центральной Америке название *ладино*), в подавляющем большинстве являлась крестьянами либо ремесленниками. Они не имели никаких политических прав.

Как и в других частях Латинской Америки, в центральноамериканском регионе накапливалось недовольство политикой метрополии, исподволь зрели семена бунта. Тяжелым бременем ложились на плечи населения испанские налоги. Постоянно увеличивались пожитки цеп между промышленными товарами, которые центральноамериканцы вывозили из Испании, и продукцией сельского хозяйства, составлявшей единственный источник дохода в генерал-капитанстве Гватемала. Для примера можно сказать, что простыня стоила в те годы 12 песо, шерстяное одеяло продавалось за 40 песо, а за голову крупного рогатого скота не давали более 6 песо. Лошадь продавалась за 8 песо¹.

Насущные экономические потребности и интересы толкали центральноамериканцев на развитие контрабандной торговли с англичанами, имевшими владения в Карибском бассейне.

В начале XIX в. активно проявились и некоторые внешние факторы, способствовавшие росту движения за освобождение от колониального господства. Среди них особое место занимает Великая французская революция, идеология которой пользовалась большой популярностью среди креолов Центральной Америки. Очень важным обстоятельством стало пленение французами в Байонне испанского короля Карла IV и его сына Фердинанда. Но, пожалуй, самое непосредственное воздействие на обстановку в Центральной Америке оказывали события в соседней Мексике, где с 1810 г. началась освободительная война против испанцев.

Первое антиколониальное выступление в Центральной Америке произошло 5 ноября 1811 г. в Сан-Сальвадоре, где группа креольских семей во главе с викарием кафедрального собора Хосе Матиасом Дельгадо

¹ Soley Guell T. Historia económica y hacendaria de Costa Rica. San José, 1947. Т. 1. P. 127.

провозгласила независимость Сальвадора от Испании. Поводом к этому выступлению, известному под названием «Клич из Мерсед» (по названию церкви, чей набат созывал горожан на площадь), послужило то, что один из видных креольских лидеров, Мануэль Агиляр, был вызван в столицу генерал-капитанства и там арестован за переписку с руководителем мексиканских повстанцев². Более месяца Сан-Сальвадор оставался свободным, но так как его примеру не последовали другие города, то под угрозой военного штурма сальвадорцам вновь пришлось признать власть короны.

В декабре 1811 г. вспыхнуло антиправительственное выступление в никарагуанском городе Леоне, однако оно вскоре было также подавлено силой. С конца декабря 1811 г. по апрель 1812 г. полыхало антииспанское восстание в другом никарагуанском городе — Гранаде, но и там в конечном счете верные королю войска восстановили прежние порядки.

Освободительные ветры не миновали и самой столицы генерал-капитанства. Там центральноеамериканские патриоты в 1813—1814 гг. планировали совершить переворот, арестовать генерал-капитана и верхушку армии, освободить всех арестованных за прежние антиколониальные выступления и провозгласить независимость от Испании. Подготовка этого выступления, получившего название «заговор в Белене» (поскольку собрания проходили в монастыре Белен в городе Гватемале), стала известна властям, которые сурово расправились с его участниками³.

Хотя эти первые попытки добиться независимости и не принесли желаемых результатов, они послужили катализатором роста освободительного движения.

На дальнейший ход событий в Центральной Америке решающим образом повлияли вести из соседней Мексики, где к 1821 г. наметился новый подъем освободительного движения. К сентябрю стало ясно, что Мексика стоит на пороге независимости. Администрация генерал-капитанства встала перед очевидным фактом развала испанской колониальной империи. Чтобы не допустить проявления стихийной активности народных масс, в городе Гватемале было созвано специальное совещание высших государственных чиновников, духовенства и армейской верхушки, которое 15 сентября 1821 г. было вынуждено принять Акт о независимости. Согласно этому документу, прежний генерал-капитан Габино Гаинса оставался лицом, в руках которого сохранялась вся власть. Только впредь он именовался «Политическим руководителем». Для окончательного решения вопроса об отношениях с Испанией было объявлено о выборах конгресса, которому и надлежало внести ясность в эту проблему. Все существовавшие власти сохраняли полностью свои полномочия, даже королевские налоги не были отменены⁴.

Однако настоящее смятение в Центральной Америке началось два месяца спустя, когда Габино Гаинса в ноябре 1821 г. получил письмо из Мексики от Агустина Итурбиде. В письме говорилось, что «Гватемала не должна оставаться независимой от Мексики, а, наоборот, обязана совместно с бывшим вице-королевством образовать большую империю. . . что Гватемала пока не в состоянии самостоятельно управлять собой и что вследствие этого она станет объектом вожделений иностранных держав»⁵.

Это письмо стало водоразделом общественного мнения в Центральной

² *Larde y Larin J.* El Grito de la Merced (5 de noviembre de 1811) San Salvador, 1960. P. 64.

³ *Marure A.* Bosquejo histórico de las revoluciones de Centroamérica desde 1811 hasta 1834. Guatemala, 1960. P. 56—57.

⁴ *Gallardo R.* Las Constituciones de la República Federal de Centro América. Madrid, 1958. T. 2. P. 661—665 (полный текст Акта о независимости).

Америке. Сторонники колониальных порядков высказывались за присоединение к имперским планам Итурбиде, а патриотические силы открыто выступили против. Дело доходило до острых вооруженных столкновений. Габино Гаинса отдал распоряжение провести опрос органов местного управления (кабильдо). 157 кабильдо из 237 высказались за вхождение в состав мексиканской империи⁶.

Для подавления несогласных Габино Гаинса призвал на помощь мексиканский экспедиционный корпус под командованием генерала Висенте Филисола. Хотя присоединение Центральной Америки отвечало экспансионистским устремлениям Итурбиде, Филисола в мемуарах даст любопытное и не лишённое исторического смысла объяснение своему походу: «Для Мексики эти провинции всегда были бременем, но если люди хотят спасти от разрушения свой дом, они вынуждены следить за исправностью стены, отделяющей их от соседа. . . В один прекрасный день (центральноамериканские народы. — *Авт.*) станут добычей первого же хищника, который захочет прибрать их к рукам, если Мексика не защитит их свободу»⁷.

Опасения Висенте Филисола подтверждались поведением некоторых сальвадорских политических деятелей, которые 22 ноября 1822 г. неожиданно приняли решение просить США принять Сальвадор в состав Штатов. В Вашингтон направились два эмиссара, ставившие целью добиться военного вмешательства США. Однако этим замыслам не было суждено сбыться. Город Сан-Сальвадор вскоре был занят экспедиционным корпусом Филисола, и циркулирующие слухи о приближении американской эскадры заглохли.

Тем временем произошел крутой поворот во внутривнутриполитическом положении Мексики, наложивший глубокий отпечаток на историю Центральной Америки. В марте 1823 г. вспыхнуло восстание против императора Агустина I, который был свергнут и выслан из страны. Вместе с падением монархии исчезли и правовые основания для присоединения Центральной Америки к Мексике. В этой обстановке командующий мексиканскими войсками Висенте Филисола созвал в соответствии с Актом о независимости общенациональный конгресс Центральной Америки. В июне 1823 г. в Гватемале собрались депутаты Национальной учредительной ассамблеи. Из 64 депутатов 28 представляли Гватемалу, 13 — Сальвадор, 11 — Гондурас, 8 — Никарагуа и 4 — Коста-Рику⁸.

1 июля Национальная учредительная ассамблея приняла решение об абсолютной независимости Центральной Америки как от Испании, так и от Мексики, а равно и от любого государства Старого и Нового Света. Новое

Х. М. ДЕЛЬГАДО

⁶ La anexión de Centroamérica a México: Documentos. México, 1949. T. 4. P. 14.

⁷ Filisola V. La cooperación de México en la independencia de Centro América (documentos inéditos o muy raros). México, 1911. T. 2. P. 66.

⁸ Karnes L. T. The failure of Union: Central America, 1824—1960. Chapel Hill, 1961. P. 35—36.

государство получило название Соединенные провинции Центральной Америки. Мексиканские войска начали отход на свою территорию.

В течение почти года Учредительная ассамблея обсуждала вопрос о государственном устройстве Центральной Америки. Борьба шла вокруг того, быть ли Центральной Америке унитарным государством с сильной исполнительной властью или оставаться федеративным государством. Сторонники централизации указывали, что при наличии обширной территории со сложной географической конфигурацией при слабо развитых путях сообщения федеративное устройство неизбежно поведет к росту местнических настроений и в конечном счете к сепаратизму. Основным аргументом федералистов были ссылки на пример Соединенных Штатов, где якобы гармонично сочетались интересы федерации и отдельных штатов. Представители провинций, кроме того, опасались, что Гватемала вновь, как и при испанском колониальном господстве, подчинит себе своих более слабых соседей. Поскольку в Учредительной ассамблее большинство составляли делегаты провинций, то, естественно, восторжествовал принцип федеративного устройства. В силу этого было изменено и название государства. Оно стало называться Федеральная Республика Центральной Америки. Каждое из пяти государств, входившее в состав республики, объявлялось свободным и независимым в вопросах внутреннего управления.

По данным на 1824 г., на территории нынешней Гватемалы проживало 661 тыс. человек, в Сальвадоре — 213 тыс., в Никарагуа — 207 тыс., в Гондурасе — 137 тыс. и в Коста-Рике — 70 тыс. человек⁹.

Законодательная власть в федерации принадлежала конгрессу, избираемому из расчета один депутат на 30 тыс. населения. Был создан и сенат из 10 сенаторов (по 2 от каждого из 5 составляющих федерацию государств). Сенат санкционировал законы, принимаемые конгрессом, следил за выполнением конституции, предлагал на выбор исполнительной власти по три кандидатуры на каждые из следующих должностей: послы и крупные дипломатические работники; главнокомандующий вооруженными силами федерации; военнослужащие в звании полковника и выше; начальники портов, погранучастков; казначеи и сборщики налогов и т. д. В случае если сенат возвращал в конгресс какой-либо закон, то при вторичном голосовании двух третей голосов было достаточно, чтобы закон вступил в силу, несмотря на позицию сената.

Исполнительная власть принадлежала президенту и вице-президенту, избираемым сроком на 4 года. Права президента были довольно ограниченными. Например, он мог возглавить вооруженные силы, но только с согласия сената, мог сместить министра или высокопоставленного чиновника, но лишь в том случае, если его действия получили одобрение двух третей сената, и т. д.¹⁰

В 1825 г. в итоге многоступенчатого голосования коллегия выборщиков избрала первым президентом Федеральной Республики Центральной Америки сальвадорского политического деятеля Мануэля Хосе Арсе.

Федеральное правительство сразу же столкнулось в практической деятельности с рядом трудностей. Выяснилось, что не был определен город, которому надлежало стать столицей федерации, и правительству пришлось явочным порядком обосноваться в Гватемале, где были сколь-нибудь подходящие административные здания, оставшиеся в наследство от испанс-

⁹ *Reyes A. Así es Costa Rica. San José, 1945. P. 32—33.*

¹⁰ *Gallardo R. Op. cit. T. 2. P. 703—738 (полный текст первой центральноамериканской конституции).*

кой администрации. Но в результате этого новому правительству собственно Гватемалы было негде разместиться и оно, к неудовольствию многих гватемальцев, переехало в город Антигуа.

Тяжелым было и финансовое положение федерации. Местные власти взяли под свой контроль главные источники получения средств: монополию на продажу спиртных напитков и налоги на торговлю. С большим трудом удалось договориться о том, что в пользу федерального правительства пойдут доходы от торговли табаком. Но этих средств было явно недостаточно, поэтому молодая республика сразу же стала прибегать к иностранным займам для финансирования своей деятельности.

Внутриполитическая стабильность с самого начала была подорвана борьбой двух тенденций — либеральной и консервативной, которые отражали борьбу между нарождавшейся буржуазией и феодально-клерикальными силами. Поводов для конфликтов всегда оказывалось в избытке. Если, к примеру, сторонники либерализма требовали секуляризации церковного имущества, то консерваторы, на чью сторону все более и более склонялся новый федеральный президент, естественно, выступали против. Власти возвращали рабов, бежавших из британской колонии Белиз в Гватемалу, их хозяевам, а либералы считали, что подобные акции являются нарушением основополагающих принципов демократии.

Когда либералам удалось добиться приезда в Гватемалу бывшего полковника наполеоновской армии Николаса Рауля, согласившегося возглавить артиллерийские части армии, федеральный президент решил, что власть в опасности. 6 сентября 1826 г. им был совершен государственный переворот, положивший начало пескончаемой серии переворотов в истории Центральной Америки.

Действия Мануэля Хосе Арсе носили крайне реакционный характер. Он распорядился восстановить выплату церковной десятины, в армию были вновь приглашены бывшие испанские офицеры, активные сторонники либеральных идей отправлялись в изгнание. Полиция получила приказ изъять у населения все книги, пропагандирующие либеральные идеи¹¹. Сформированное, им правительство целиком состояло из консерваторов. Возглавил его крупный землевладелец Мариано Айсинсна. Однако действия Арсе встретили сопротивление почти во всех государствах, входивших в состав федерации. Надвигалась гражданская война.

Раннереспубликанский период центральноамериканской истории представляет особый интерес. Бескровное, мирное завоевание независимости Центральной Америкой не явилось следствием деятельности в этом районе мощных патриотических сил. Независимость пришла как результат военного

М. Х. АРСЕ

¹¹ Salazar R. Manuel José Arce. Guatemala, 1952. P. 72.

разгрома испанских войск в Южной Америке и в Мексике, что создало благоприятные условия для освобождения Центральной Америки. Испания, силы которой были подорваны, оказалась неспособной сохранить здесь колониальную власть. Но и патриотические силы оставались еще слабы. Поэтому все мероприятия, связанные с образованием новой федерации, осуществляли представители бывшей колониальной администрации, и как ни парадоксально, но последний генерал-капитан стал первым политическим руководителем независимой Центральной Америки. Консерваторы, монархисты, активно поддержанные католической церковью, оказались на первых порах сильнее неорганизованных либерально-патриотических сил.

БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО ПОД РУКОВОДСТВОМ ФРАНСИСКО МОРАСАНА (1827—1842)

После государственного переворота Мануэля Хосе Арсе между либералами и консерваторами началась ожесточенная гражданская война, охватившая почти всю Центральную Америку. Эта война послужила историческим фоном для героической фигуры Франсиско Морасана, пламенного сторонника единства всех стран Центральной Америки как залога их социально-экономического прогресса. Он стал символом борьбы за единую свободную процветающую Центральную Америку.

Франсиско Морасан принадлежал всем странам Центральной Америки: родился в Гондурасе (в городе Тегусигальпе), длительное время был главой единого центральноамериканского правительства с резиденцией в Гватемале, затем стал руководителем Сальвадора, а отдал жизнь за свои идеалы в Коста-Рике. Во всех странах его и доныне почитают как великого патриота Центральной Америки. «Исключите гений Морасана, и вы убьете душу Центральной Америки»¹².

Франсиско Морасан родился в 1792 г. в семье торговца и скупщика земельных участков. Переезжая с отцом с места на место, он имел возможность убедиться, в каких тяжелых условиях жил гондурасский народ под игом колониальной администрации, помещиков и церкви.

Когда 16 сентября 1824 г. первым главой государства Гондурас был избран Дионисио Эррера, Франсиско Морасан стал генеральным секретарем правительства. На следующий год он получил пост председателя представительного совета Гондураса (орган, по своим функциям сходный с парламентом).

Резкий поворот федерального правительства вправо вызвал законные опасения со стороны других государств Центральной Америки. В то время в Сальвадоре и Гондурасе власть принадлежала либералам, которые и вступили в борьбу с федеральным президентом-узурпатором. Война началась с того, что части федеральной армии, в основном составленные из гватемальцев, вторглись в Гондурас, намереваясь оккупировать его и обеспечить тем самым перевес сил над Сальвадором. В борьбе с интервентами впервые проявился военный и организаторский талант Франсиско Морасана. 11 ноября 1827 г. в долине Ла-Тринидад Морасан с отрядом в 500 человек наголову разбил федеральную армию, освободив на следующий день Тегусигальпу. 26 ноября армия Морасана вступила в тогдашнюю столицу — Комаяягуа. Морасан был избран представительным советом главой государства.

Весной 1828 г. война между федеральной армией и либералами

из Сальвадора и Гондураса возобновилась. Оправившийся от поражения Арсе вторгся на этот раз в Сальвадор и осадил его столицу. Ф. Морасан пошел на выручку сальвадорцам. Разбив неприятельскую армию, Морасан 23 октября 1828 г. триумфально вошел в Сан-Сальвадор, встретивший своего освободителя с большими почестями¹³.

С согласия сальвадорского правительства вооруженные силы Гондураса и Сальвадора были объединены в армию, получившую название «Союзная армия — защитница законов». Под командованием Морасана в начале февраля 1829 г. армия вступила в пределы Гватемалы, а уже 12 апреля 1829 г. делегаты реакционного федерального правительства были вынуждены подписать акт о капитуляции. На другой день армия Морасана вошла в столицу — Гватемалу. По всей Центральной Америке восторжествовала власть либералов.

Первым актом новых властей был арест федерального правительства во главе с Арсе, а также созданного им марионеточного местного гватемальского кабинета во главе с Мариано Айсиненой.

Все акты бывшего федерального правительства, принятые после 6 сентября 1826 г., были объявлены недействительными. На оставшийся вакантным пост федерального президента Ф. Морасан поставил временно Хосе Баррундию как старейшего сенатора¹⁴.

В июле 1829 г. Национальная ассамблея Гватемалы приняла декрет о высылке из страны архиепископа Рамона Касаус-и-Торреса и других духовных лиц, которые не прекращали подрывной деятельности против либералов. В соответствии с этим декретом были арестованы воинствующие церковники, а через несколько дней 260 епископов, монахов и священников во главе с примасом гватемальской церкви выслали в Гавану¹⁵. Вслед за верхушкой церковной оппозиции страну пришлось покинуть бывшим политическим лидерам Арсе, Айсинене и др.

Одновременно с этой чисткой, распространившейся и на другие страны Центральной Америки, шло формирование новых органов власти. Были проведены дополнительные выборы в Федеральный конгресс, который был торжественно открыт 22 июля 1829 г.¹⁶

Укрепление институтов власти не привело, однако, автоматически к наступлению длительного мира, необходимого для созидательной деятельности. Ф. Морасан был вынужден почти непрерывно бороться с оружием в руках за торжество новых идей, носителем которых он был. Однако и в короткие промежутки между частыми военными кампаниями ему немало удалось сделать для общего развития Центральной Америки. В Тегусигальпе были установлены первые печатные станки, и 25 мая 1830 г. вышел первый номер периодического издания «Ла гасета дель Гобиерно».

В 1829 г. в Тегусигальпе начала работать приобретенная в Гватемале машина для чеканки монет. В 1830 г. Ф. Морасан распорядился принять меры по улучшению условий, в которых работали государственные школы. В том же году были основаны университеты в городах Сан-Сальвадор (Сальвадор) и Леон (Никарагуа)¹⁷.

¹³ Montes A. H. Morazán y la Federación centroamericana. México, 1958. P. 84.

¹⁴ Archivo General de la Secretaría de Relaciones Exteriores de México. Sec. 18, caja 29, expediente 87.

¹⁵ Рамон Касаус-и-Торрес до 1846 г. был архиепископом Гаваны. Он так и не возвратился в Гватемалу. О политике Морасана в отношении церкви см.: Ecclesiastical Policy of Morazan and other liberals // Hispanic American Historical Review. 1920. May.

¹⁶ Archivo General. . . Sec. 18, caja 29, expediente 87.

¹⁷ Karnes L. T. Op. cit. P. 75—76.

Ф. МОРАСАН

Летом 1830 г. состоялись выборы президента Федеральной Республики Центральной Америки, в ходе которых Ф. Морасан получил большинство голосов. В сентябре он принес присягу и приступил к выполнению правительственной программы, которая была направлена на достижение следующих целей: союз американских народов, укрепление независимости Центральной Америки перед лицом внешней угрозы, устранение препятствий на пути развития промышленности, развитие народного образования, постройка межконтинентального канала через территорию Никарагуа, борьба с фанатизмом и политиканством руководителей церкви, ставших на службу испанской монархии¹⁸.

Эта программа свидетельствовала о том, что Ф. Морасан не ставил задачей проведение радикальных социально-экономических преобразований, способных подорвать основу господствующего класса — феодальное землевладение.

Он полагал, что возможно обеспечить условия для роста торговли, развития промышленности, образования, т. е. дать толчок развитию капитализма в Центральной Америке, не нарушая при этом традиционной структуры общества. Единственные ограничения касались католической церкви, да и те свелись к конфискации имущества отдельных орденов, изгнанию наиболее одиозных духовных лиц и т. д. Ф. Морасан не решился на секуляризацию всего церковного имущества, на широкое ограничение вмешательства церкви в политику.

Ф. Морасан излишне полагался на силу передовых идей, на их способность решительно повлиять на ход исторического развития страны. До конца жизни идеалистические воззрения так и не позволили ему посягнуть на экономический базис феодализма.

Морасан не мог ничего предложить и широким народным массам. Даже средств общения с народом у Морасана не было. Он не располагал никакой сетью информационной или пропагандистской службы. Неграмотные в подавляющем большинстве, опутанные долговыми обязательствами, находившиеся под сильным влиянием католических священников, народные массы не могли понять и оценить его в целом прогрессивную, но оторванную от каждодневных, насущных нужд трудящихся реформаторскую программу. Именно поэтому вся деятельность Ф. Морасана отмечена многочисленными столкновениями с массами индейцев и других угнетенных сословий, которых подстрекали на борьбу помещики и духовенство.

Оценивая правительственную программу Морасана, нельзя не отдать должное его прозорливости в области внешней политики. Он выступал как прямой наследник Симона Боливара в борьбе за объединение американских народов, подразумевавшее прежде всего союз латиноамериканцев.

¹⁸ *Zuniga Huete A. Morazán — un representante de la democracia americana. México, 1947. P. 94—95.*

К США Морасан относился настороженно. Его беспокоило, что все его политические противники направлялись именно туда. Хорошо зная о существовании «доктрины Монро», он никогда не допускал даже мысли о том, что можно просить помощи у США в деле защиты суверенитета Центральной Америки. Морасан всегда предпочитал решать конфликты своими силами.

В 1831 г. Морасан установил дипломатические отношения с Мексикой. Борьба за единство Центральной Америки и защита ее независимости являлись для него залогом развития и процветания входивших в федерацию государств.

Большое значение имеет вопрос о строительстве межokeанского канала через Никарагуа. Понимая его огромную торгово-экономическую роль, Ф. Морасан всегда исходил из того, что канал в случае постройки должен являться собственностью центральноамериканцев.

При Морасане была начата реформа судебной системы. В основу нового законодательства был положен так называемый «кодекс Ливингстона». Это был свод законов, составленный американским юристом сенатором от Луизианы Эдвардом Ливингстоном для своего родного штата (конгресс штата Луизиана не принял этого дара)¹⁹. Кодекс Ливингстона вводил в практику суд присяжных, а через такой суд Морасан надеялся обучить большие группы центральноамериканцев методам управления государством.

2 мая 1832 г. был издан декрет, по которому вводилась свобода вероисповедания на территории Федеральной Республики.

Однако с первых и до последних дней пребывания на посту президента Ф. Морасан был вынужден заниматься в основном далеко не мирными делами. Против его правительства почти одновременно подняла голову реакционная оппозиция в трех районах федерации.

21 ноября 1831 г. отряд наемников, вооруженный и экипированный испанскими колониальными властями на Кубе, неожиданно высадился в Гондурасе. Вскоре почти все Атлантическое побережье Гондураса оказалось в их руках. Контрреволюционные силы совершили переворот в Сальвадоре, и к власти пришли открытые враги Морасана. В то же время на севере, на мексиканско-гватемальской границе, появился Арсе. При поддержке реакционных эмигрантов он вооружил и экипировал отряд численностью в 400 человек, готовых в любой момент вторгнуться в Гватемалу. Ф. Морасан понимал, что надо немедленно дать отпор контрреволюции для спасения республики. На север был послан корпус генерала Николаса Рауля, начальника штаба армии Ф. Морасана. В результате удачно проведенной операции отряд Арсе был разбит и его остатки укрылись на территории Мексики.

Сам Морасан возглавил борьбу против реакционных сил в Сальвадоре. В апреле 1832 г. Сан-Сальвадор был взят, временный глава государства Хосе Марио Корнехо вместе со своими министрами был предан суду²⁰. Погасив очаг контрреволюции в Сальвадоре, Ф. Морасан занялся ликвидацией третьего фронта, проходившего через болотистые леса Атлантического побережья Гондураса. В результате наступления интервенты и мятежники были разгромлены.

Во главе местного правительства Сальвадора встал отличавшийся слабоволием, неспособностью к государственному руководству адвокат Мариано Прадо, бывший до того вице-президентом федерации. В стране с

¹⁹ Kurnes L. T. Op. cit. P. 75—76.

²⁰ Zuniga Huete A. Op. cit. P. 109.

осени 1832 г. начались серьезные народные волнения, поводом для которых послужил введенный в августе 1832 г. подушный налог, заменивший многочисленные косвенные подати. Налог действительно ущемлял интересы самых широких слоев населения, а прежде всего горожан²¹. К волнениям в городах прибавилось крупное восстание индейских племен под руководством Анастасио Акино, которое явилось протестом против бесчеловечных условий жизни, против эксплуатации и произвола помещиков, а в конечном счете и против правительства, которое ничего не делало для облегчения положения индейцев.

В разгар острого политического кризиса Прадо оставил свой пост и бежал в Гватемалу. Его место занял явный реакционер Хоакин Сан-Мартин, который открыто встал в оппозицию к Морасану. Сан-Мартин зверски подавил восстание индейцев и приготовился к отражению любых действий Ф. Морасана, которому пришлось в третий раз на протяжении последних пяти лет брать силой город Сан-Сальвадор, чтобы сохранить федерацию.

В связи с непрекращающимися волнениями, а также местническими, сепаратистскими настроениями Ф. Морасан решил произвести административное переустройство Центральной Америки, тем более что еще раньше высказывалась мысль о сокращении числа государств с пяти до трех за счет слияния Коста-Рики с Никарагуа, а Гондураса с Сальвадором. Другой план, предложенный одним из министров федерального правительства, предусматривал деление всей республики на 15 округов с более или менее равным числом населения. Округа, управляемые своими хунтами, должны быть автономными и посылать своих депутатов в федеральный конгресс.

Этот план, направленный на установление более крепкой центральной власти и унитарной республики, встретил резкое сопротивление глав государств, которые в результате его принятия потеряли бы свою власть. План был отвергнут²².

В обстановке острой внутривластной борьбы были проведены новые выборы федерального президента. 2 февраля 1835 г. Франсиско Морасан принял власть на следующее четырехлетие.

Одной из главных забот Ф. Морасана стало проведение реформы конституции 1824 года, поскольку десятилетняя практика убедительно показала, что конституция не соответствовала реальной действительности и давала много оснований для внутренних распрей. Так, в документе 1824 г. был совершенно опущен вопрос о федеральном округе или столице Федеральной Республики. Местонахождение же федеральных властей в Гватемале вызвало ряд трений. Морасан считал, что столицу следует перенести в Сан-Сальвадор, географически расположенный ближе как к центру региона, так и к морю.

Далее, в конституции были недостаточно четко определены функции конгресса. Устанавливая формально принцип равенства между палатой депутатов и сенатом, она тем не менее сводила к минимуму законодательные права сената. Это вызывало разногласия, поскольку таким образом ущемлялись интересы государств — членов федерации, ибо лишь в сенате все государства были представлены равным числом сенаторов.

Гватемальская олигархия, бюрократический аппарат, церковь — словом, вся иерархическая структура, унаследованная от колонии, всячески сопротивлялась попыткам Ф. Морасана реформировать конституцию. Несмотря на это противодействие, собравшийся в 1836 г. на свою IX сессию Федеральный конгресс принял так называемые «реформы 1835 г.» к тексту действовавшей

²¹ Montes A. H. Morazán y la Federación centroamericana. México, 1958. P. 141—143.

400 ²² Archivo General. . . Sec. 2, caja 14, expediente 3236, hojas 10—11.

конституции. В новом документе подтверждалась свобода вероисповедания, поощрялась иммиграция торговцев, промышленников, ремесленников и т. д. Ограничивались права входящих в федерацию государств, которым запрещалось иметь свою армию, взимать налоги на торговлю, ведущуюся с заграницей, а также внутренние пошлины²³.

Но «реформы 1835 г.» так и не вступили в силу из-за противодействия консерваторов и местнической позиции многих либеральных деятелей, не желавших никакого ущемления классовых, а иной раз и просто личных прав и привилегий.

Политическая обстановка в Центральной Америке резко ухудшилась в 1836 г. в связи с начавшейся эпидемией холеры. Католическая реакция инспирировала ряд вооруженных выступлений под фанатическим лозунгом ликвидации еретического правительства и полного восстановления «прав церкви». 6 мая 1837 г. на востоке Гватемалы в селении Матакескуинтла по призыву священников началось антиправительственное восстание, последствия которого оказались роковыми для Гватемалы и всей Центральной Америки. В этот день за оружие взялись около 2 тыс. индейцев. Во главе их стоял неизвестный до тех пор 22-летний сержант Рафаэль Каррера, который командовал небольшим заградительным отрядом, несшим карантинную службу около этого селения. Вскоре к нему примкнули соседние селения. Развернулась ожесточенная война. Помещикам и попам удалось направить гнев и ненависть крестьян против правительства, которое не было повинно в их бедственном положении.

К началу 1838 г. Каррера, силы которого быстро росли, предпринял наступление на столицу Гватемалы, и 2 февраля 1838 г. отряды мятежников вступили в город.

Духовенство, а также консервативные политические деятели вместе с некоторыми переметнувшимися на их сторону либералами были напуганы размахом движения и необузданным нравом солдат армии Карреры. Они сделали все возможное, чтобы удалить его из города и отстранить от участия в решении судеб страны²⁴. Но в то же время именно церковники и консервативная оппозиция Гватемалы сделали все возможное для сохранения армии Карреры. Ему лично была передана тысяча песо, а его солдатам роздано 10 тыс. песо. Он получил 2 тыс. новых ружей, несколько пушек и назначение на пост военного губернатора небольшого городка Мата, расположенного на юге, почти около границы с Сальвадором. Его вооруженные отряды должны были отгородить реакционное правительство Гватемалы от Ф. Морасана. Морасан неоднократно пытался вести переговоры с Каррерой, но не добился никаких результатов. Неудача переговоров убедила Морасана в необходимости принятия военных мер, и 14 апреля 1838 г. он с отрядом федеральных войск вступил в Гватемалу. Морасан принял ряд мер по мобилизации новых контингентов войск, по производству боеприпасов, по улучшению продовольственного и финансового положения армии и населения²⁵. Его армия неизменно одерживала победы над отрядами Карреры, и к лету 1838 г. почти на всей территории страны был восстановлен контроль правительства.

В то время, когда Морасан был занят военными операциями, его политические противники подготовили удар с тыла. 30 апреля 1838 г. Никарагуа, где контроль над правительством захватили консерваторы, объявила о выхо-

²³ Gallardo R. Op. cit. P. 739—772.

²⁴ Karnes L. T. Op. cit. P. 83.

²⁵ См.: Письма Ф. Морасана, опубликованные в: Boletín del Archivo General del Gobierno. 1936. T. I, N 4. P. 462—463.

де из состава Федеральной Республики. Создалась тревожная обстановка, грозившая развалом федерации. Морасан срочно вернулся в Сан-Сальвадор, чтобы спасти федерацию. Но здесь он убедился, что большинство депутатов Федерального конгресса разделяет идею роспуска федерации. 31 мая конгресс принял решение, ставшее печально знаменитым в истории Центральной Америки. Все государства, входившие в федерацию, объявлялись «свободными в установлении любой формы правления, которую они пожелают избрать, при условии, что правление будет республиканским, народным, представительным и при этом будет соблюдаться принцип разделения властей»²⁶.

Морасан все-таки не терял надежды победить Карреру, чтобы затем совместными усилиями Гватемалы и Сальвадора продолжить борьбу за союз центральноамериканских народов. В сентябре 1838 г. он вновь вернулся в Гватемалу. Мятежники, как и раньше, терпели одно поражение за другим и в декабре 1838 г. запросили мира, но это были последние победы Морасана. Через несколько недель кончался его мандат президента Федеральной Республики Центральной Америки. В это время, последовав примеру Никарагуа, из состава федерации вышли Гондурас и Коста-Рика, причем Гондурас и Никарагуа заключили между собой военный союз в целях нападения на Сальвадор и отстранения от власти Морасана.

В канун нового, 1839 г. по настоянию Морасана конгресс Гватемалы обратился к трем отделившимся государствам с призывом вернуться в федерацию, но в ответ получил уведомление об отказе участвовать в выборах нового федерального президента. Морасан распустил федеральную армию и вернулся в Сальвадор. 1 февраля 1839 г. Федеральная Республика Центральной Америки прекратила свое существование, поскольку истек срок мандата ее последнего президента. В феврале 1839 г. Морасан был назначен главнокомандующим сальвадорскими войсками, которым предстояло отразить уже начавшуюся интервенцию объединенного гондураско-никарагуанского корпуса. Собрав небольшой отряд, Ф. Морасан в апреле 1839 г. у местечка Эспириту-Санто разгромил союзников. Эта победа способствовала избранию Ф. Морасана в начале июня 1839 г. главой государства Сальвадор. Однако, несмотря на непрерывные военные победы, политическое положение Морасана продолжало катастрофически ухудшаться. Над Сальвадором — последним островком либерализма и федерализма — нависла опасность.

Рафаэль Каррера, вновь занявший к этому времени Гватемалу, стал провоцировать войну Гватемалы с Сальвадором. Ф. Морасан понимал, что восстание Карреры вырвало из федерации главное звено — Гватемалу, людские и материальные ресурсы которой являлись решающим козырем в борьбе за будущее Центральной Америки.

В такой обстановке Морасан решился на последнюю, крайне рискованную акцию — вторжение в Гватемалу и разгром в открытом бою Карреры. Это была последняя ставка Ф. Морасана. Успех ее оставлял еще какую-то возможность бороться за спасение федерации, а поражение означало конец самой идеи единства.

Отряду Морасана удалось занять город Гватемалу, но вскоре началась осада города. В тяжелых боях силы Морасана быстро таяли, и он вынужден был отступить в Сальвадор, с трудом прорвав кольцо вражеских войск. Длившаяся почти 2 года агония завершилась. В марте 1840 г. Гондурас и Никарагуа последовали за Гватемалой в борьбе против Морасана.

Военное поражение Ф. Морасана было радостно встречено правящими кругами Англии и США. С первого дня образования федерации Англия через своего консула Ф. Чатфильда вела активную деятельность по ее развалу, полагая, что английскому правительству будет легче навязать кабальные договоры слабым странам каждой в отдельности²⁷.

Для США Центральная Америка представляла особый интерес в силу географического положения и возможности строительства на ее территории судоходного канала. Об этом наглядно свидетельствует инструкция, разработанная государственным департаментом для первого посланника США в Центральной Америке Уильяма Джефферса²⁸. В инструкции так, в частности, характеризовались отношения, которые должны были складываться между США и Центральной Америкой: «Низкий уровень промышленного развития, потребность в капиталах и умелых людях *должны на длительное время сделать Центральную Америку зависимой от иностранных поставок различных товаров. . .* (выделено нами. — Авт.)». Посланнику внушалось, что «торговая предприимчивость и большие капиталы наших американских торговцев, мастерство и многочисленность наших моряков, наша географическая близость должны обеспечить США большие преимущества в этом обширном районе в мореплавании и торговой конкуренции». Инструкция не оставляет сомнения в том, что политика США по отношению к центральноамериканским странам с самого начала приобрела экспансионистский характер и преследовала единственную цель — закабалить эти страны и захватить в свои руки контроль над межконтинентальными путями.

Окруженный со всех сторон врагами, Ф. Морасан сложил свои полномочия. 8 апреля 1840 г. он отправился в добровольное изгнание. Вместе с ним Сальвадор покинули 36 военных и политических деятелей, до конца отстаивавших идеи единства. Морасан поселился в колумбийском городе Давиде (ныне на северо-западе Республики Панама).

Крушение Федеральной Республики Центральной Америки стало поворотным моментом в истории Центральной Америки. Падение Морасана означало, что традиционные реакционные политические силы, оправившись от растерянности и деморализации первых лет, всецело использовали свой административный и политический опыт, свои широкие экономические и иные средства воздействия на население, чтобы свергнуть власть либералов.

После ухода с политической арены Ф. Морасана феодально-клерикальный деспотизм, олицетворением которого стала диктатура Рафаэля Карреры, на 30 лет затормозил социальный прогресс в Центральной Америке.

Последние годы жизни Морасана свидетельствуют о его самоотверженности и преданности идеалам единства всех центральноамериканских стран. Он начал писать мемуары, оставшиеся, к сожалению, незаконченными. Морасан составил знаменитый манифест к народам Центральной Америки, в котором разоблачал и клеймил сепаратистов, называя их эксплуататорами и поработителями народа²⁹.

В августе 1841 г. Морасан выехал в Перу, намереваясь проследовать далее в Чили, в целях изучения политической и экономической обстановки в Южной Америке. Но как раз в это время никарагуанское правительство обратилось с просьбой ко всем центральноамериканцам оказать помощь в борьбе против английских захватчиков, которые, воспользовавшись

²⁷ Rodriguez M. A Palmerstonian diplomat in Central America, Frederick Chatfield. Tucson, 1964.

²⁸ Manning W. R. Diplomatic correspondence of the United States concerning the Independence of the Latin American Nations: Vol. 1—3. N. Y., 1925. Vol. 3, pt 1. P. 3—9.

²⁹ См.: Zuniga Huete A. Op. cit. P. 196—199.

развалом федерации, оккупировали главный никарагуанский порт на Атлантическом побережье — Сан-Хуан-дель-Норте.

Расценив эту ситуацию как благоприятную для возвращения в Центральную Америку, Ф. Морасан арендовал судно и в начале февраля 1842 г. отплыл к берегам Центральной Америки. Он сделал попытку высадиться в Сальвадоре, где к нему примкнуло много сторонников. Однако правительство Сальвадора, опасаясь осложнений с соседними странами, попросило его покинуть территорию страны. Тогда отряд Морасана высадился в Коста-Рике, где либеральное правительство вело гражданскую войну с блоком консервативных сил. Решительная победа либералов в этой войне во многом повлияла на будущее Коста-Рики, поскольку подорвала в значительной степени силы реакции.

Вот в эту-то страну и прибыл Ф. Морасан, чтобы использовать ее как плацдарм для борьбы за восстановление Федеральной Республики.

В апреле 1842 г. Морасан во главе перешедшей на его сторону костариканской армии вошел в Сан-Хосе, где вскоре возглавил правительство. Возвращение Ф. Морасана чем-то напоминало «100 дней» Наполеона. Морасан прибыл в Коста-Рику не для того, чтобы стать ее руководителем. Он с первых же дней начал готовиться к борьбе за восстановление «Большой Родины», под которой подразумевал объединенную Центральную Америку³⁰.

В качестве флага и герба Коста-Рики были утверждены флаг и герб бывшей Федеральной Республики.

27 мая Морасан ввел военное положение, объявил всеобщую воинскую повинность, потребовал сдачи оружия частными лицами и установил чрезвычайный подоходный налог на собственность. Эти меры вызвали серьезное недовольство состоятельных кругов костариканцев. Они оказались к тому же весьма непопулярными и среди широких масс крестьян и горожан. Никто не хотел приносить личные жертвы во имя отвлеченного идеала. Но Морасан настойчиво шел к своей цели. Он провел выборы конгресса, одобрившего манифест к центральноамериканцам. 20 июля был принят декрет, в соответствии с которым Коста-Рика объявлялась составной частью единой Центральноамериканской Республики.

Этот декрет был равносителен объявлению войны всем остальным государствам Центральной Америки. Морасан действительно подготовил экспедиционную армию, которая к тому времени находилась в порту Пунтаренас и готовилась к отплытию в Никарагуа.

Воспользовавшись отсутствием войск в столице, богатые горожане и офицеры местного гарнизона подняли 11 сентября мятеж против Морасана. После трех дней ожесточенных уличных боев в Сан-Хосе Морасан потерпел поражение и был захвачен в плен. Страх перед ним был столь велик, что поспешно созданный военный суд приговорил его к смертной казни.

15 сентября 1842 г., в день 21-й годовщины независимости Центральной Америки, Франсиско Морасан был расстрелян на центральной площади костариканской столицы.

Перед смертью Морасан продиктовал своему 15-летнему сыну Франсиско завещание, в котором говорилось: «... моя любовь к Центральной Америке умирает вместе со мной. Я обращаюсь к молодежи, которой суждено вдохнуть жизнь в эту страну, покидаемую мною с чувством горечи из-за царящей в ней анархии, и призываю молодежь последовать моему примеру: пусть она предпочтет скорее умереть, чем видеть родину в состоянии

хаоса, в каком она, к сожалению, пребывает сейчас»³¹. Свой прах Ф. Морасан завещал народу Сальвадора, как «народу, лучше всего его понимающему». Профиль Морасана увековечен на сальвадорской чеканной монете³².

Немало крови было пролито народами Центральной Америки в борьбе за свободу. И хотя эпопея Ф. Морасана закончилась трагически, она стала важным этапом в формировании политического будущего народов этого региона.

ДИКТАТУРА РАФАЭЛЯ КАРРЕРЫ — «МРАЧНОЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ»

Поражение либералов в конце 30-х годов и гибель Ф. Морасана стали переломным моментом в истории Центральной Америки. Идеи единства, реформ и патриотизма сменились консервативными взглядами, узкопровинциальными, местническими интересами, религиозным фанатизмом. Власть в Гватемале захватил архиреакционный диктатор Рафаэль Каррера, объективно выражавший волю крупных землевладельцев и духовенства. Его влияние на весь центральноамериканский перешеек стало со временем настолько велико, что можно говорить о целом историческом периоде, справедливо называемом «мрачным тридцатилетием». 23-летний неграмотный экс-сержант Р. Каррера на многие годы сделался фанатичным защитником интересов феодально-клерикальной реакции.

Каррера отличался личной храбростью, сильной волей, незаурядным природным умом, благодаря чему завоевал большой авторитет среди забитых, неграмотных крестьян-индейцев, поднявшихся на вооруженную борьбу против правительства. В его армии было немало и элементарных авантюристов, искавших возможность участвовать в грабежах. Единственным способом вознаграждения своих сторонников Каррера считал предоставление им права грабить занятые города и селения. Применяя продуманную систему подавления воли людей, Р. Каррера насаждал среди своих сторонников недоверие. Система доносов на многие годы стала обычной практикой в жизни гватемальского общества.

Каррера жестоко расправлялся со всеми, кто покушался на его власть. Так, в 1840 г. во главе войск он вошел в Кетсальтенанго — столицу провинции Лос-Альтос, объявившей себя чуть раньше независимым государством. Несмотря на то что город сдался на милость победителя и депутация местных властей встретила диктатора с ключами от города, он все же хладнокровно отдал приказ о расстреле всех членов муниципалитета³³.

Анализ публичных выступлений Р. Карреры, его практические мероприятия в области внутренней политики убеждают, что в лице Карреры феодально-клерикальная реакция приобрела самого преданного защитника своих интересов. В свою очередь, состоятельные слои населения платили Каррере безоговорочной поддержкой. Именно богатые гватемальцы оставались опорой режима Карреры. В 1844 г. Каррера, чтобы оказать давление на Законодательную ассамблею и правительство, пригрозил уйти в отставку (этот метод он применял неоднократно). Тогда представительная делегация состоятельных граждан пришла к нему, чтобы уговорить его остаться на посту президента.

³¹ Текст завещания см.: *Solera Rodríguez G.* Los grandes constructores de América. San José, 1962.

³² *Gallardo M. A.* Papeles históricos. Santa Tecla, 1954. P. 132.

³³ *Archivo General.* . . . Sec. 18, caja 29, expediente 87.

В 1847 г. Каррера принял решение о провозглашении Гватемалы самостоятельной республикой, закрыв тем самым всякую юридическую возможность для возвращения ее в состав федерации.

Мексиканский посланник в Гватемале, давая оценку режиму Карреры, писал в свой МИД 21 января 1854 г.: «В этой стране, по существу, господствует олигархия, представленная тремя семьями: Айсинеца, Павон и Батрес. Главы этих семей являются хозяевами положения и почти единолично вершат государственные дела»³⁴.

Господствующее положение в стране в период правления Р. Карреры занимали земельная аристократия и связанная с ней торговая буржуазия.

Каррера много сделал также для укрепления позиций католической церкви, подорванных в годы правления либеральных правительств. Он восстановил церковную десятину, предложил высланному в Гавану бывшему архиепископу Гватемалы Касаус-и-Торресу вернуться и вновь занять свой пост. Когда же летом 1846 г. архиепископ скончался на Кубе, Каррера приказал переправить его останки в Гватемалу и торжественно захоронить в кафедральном соборе.

Каррера разрешил вернуться в Гватемалу иезуитскому ордену, который начиная с 1851 г. вновь развернул активную деятельность и, в частности, открыл крупную духовную семинарию на 500 учащихся; иезуитам были возвращены многие церковные и гражданские здания, земельные участки и другая собственность³⁵. По всей стране заново создавались монастыри, религиозные миссии, строились новые церкви.

Не менее важной заботой Карреры была армия, его главное орудие как в деле поддержания внутреннего «порядка», так и в осуществлении внешнеполитических замыслов. По численности гватемальская армия была самой крупной в Центральной Америке. Государственная казна широко использовалась для подкупа офицеров и генералов армии. Поэтому почти повсеместно Каррера располагал полной поддержкой армейского руководства.

В течение всего периода своего правления Каррера мало заботился об экономическом прогрессе Гватемалы. Страна оставалась изолированной от мира, его неразвитой окраиной. В целом ее экономика носила крайне отсталый сельскохозяйственный характер, лишь кое-где появлялись первые признаки ведения товарного хозяйства. В частности, в период правления Карреры начала внедряться культура кофе, который пользовался возрастающим спросом на мировом рынке.

Разумеется, все выгоды пришлись на долю крупных хозяев, которые располагали землей, рабочей силой и средствами для создания кофейных плантаций. По декрету Карреры от 4 мая 1853 г., каждый землевладелец получал особую правительственную премию, если имел на своем участке 1000 плодоносящих кофейных деревьев. Премия выплачивалась в течение 10 лет. Кроме того, такой хозяин получал некоторые дополнительные субсидии и освобождался от уплаты церковной десятины. Только в одном 1860 г. доходы землевладельцев, занимавшихся разведением кофе, от государственных экспортных субсидий составили 300 тыс. песо³⁶.

Существовавшая в Гватемале система землевладения и производственных отношений носила фактически феодальный характер. Крестьяне, как правило, были арендаторами небольших участков земли. Большую часть времени

³⁴ Ibid. Sec. 4, caja 11, expediente 6131, hoja 7.

³⁵ *Batres Jauregui A. La América central ante la historia (1821-1921)*. Guatemala, 1949. T. 3. P. 217.

³⁶ Ibid. P. 233, 237.

ли должны были работать на полях и в усадьбах землевладельцев. Капиталистическая форма аренды с выплатой ренты деньгами встречалась крайне редко.

В Гватемале имелось довольно развитое ремесленное производство, основное место в котором занимала домашняя выделка тканей, в основном удовлетворявшая узкий спрос невзыскательного внутреннего рынка. Финансовое положение в стране отражало неразвитость товарно-денежных отношений. Банковская деятельность едва начиналась: деньги в кредит давали частные лица — ростовщики под 6 % годовых. Главными статьями расходной части бюджета являлись содержание управленческого аппарата (584 тыс. песо), вооруженные силы (250 тыс.), экспортные субсидии (около 300 тыс. песо) и т. д.³⁷ Но по мере постепенного увеличения экспорта (в основном кофе) внешнеторговый баланс Гватемалы становился более активным, и положительное сальдо составляло к концу 60-х годов около 500 тыс. песо в год.

Положение трудящихся было крайне тяжелым. Поденная заработная плата сельскохозяйственных батраков составляла 1 реал в день (1 песо равно 8 реалам). Лишь к концу правления диктатора заработная плата была увеличена до 2 реалов. В то же время аренда жилого дома с минимальными по тем временам удобствами составляла в месяц 20 песо, или 160 реалов. Мука стоила 9 песо, или 72 реала, за фанегу³⁸. В то же время жалование высокопоставленных государственных чиновников было исключительно высоким. Так, члены Верховного суда получали по 125 песо в месяц, министры — по 150 песо, а сам президент республики установил себе оклад в размере 500 песо³⁹.

С точки зрения эволюции политических институтов страны «мрачное тридцатилетие» отмечено постепенной ликвидацией остатков демократической формы правления. Во главе правительства почти все время стояли представители ярых консерваторов. Сам Каррера оставался главнокомандующим армией, а в декабре 1844 г. созданный им Учредительный совет Гватемалы назначил его президентом страны⁴⁰. Каррера к тому времени решил, что обстановка благоприятствует полной концентрации власти в его руках.

Но, как показала жизнь, это решение было преждевременным. Отстраненные от власти политические деятели начали вести против Карреры ожесточенную борьбу, в частности через прессу. Франсиско Баррундия и Педро Молина — признанные лидеры либералов — стали издавать в Гватемале оппозиционную газету «Эль альбум республикано» («Республиканский альбом»), где сообщалось о предреволюционной обстановке, складывавшейся в Европе накануне революции 1848 г., и формулировались требования к правительству о принятии конкретных мер по обеспечению гражданских свобод и соблюдению действующих в стране законов.

В ряде горных районов Гватемалы начались стихийные выступления крестьян, зачастую возглавлявшиеся бывшими офицерами армии Карреры. Оппозиционные выступления приобрели еще больший размах, когда весной 1848 г. до Гватемалы дошли сведения о совершенной во Франции революции и падении Луи Филиппа. Либералы через «Республиканский альбом» горячо приветствовали французскую революцию⁴¹.

³⁷ Ibid. P. 237.

³⁸ Фанега — мера объема; 1 фанега составляет 55 л.

³⁹ Batres Jauregui A. Op. cit. P. 242—243.

⁴⁰ Villacorta A. G. Historia de la República de Guatemala. Guatemala, 1960. P. 116.

⁴¹ Ibid. P. 130.

Все это побудило Карреру к принятию жестких репрессивных мер. Газета «Республиканский альбом» была закрыта, а ее руководители Баррундия и Молина арестованы. Однако летом 1848 г. в районе Чикимулы вспыхнуло новое восстание под руководством полковника Хосе Долорес Нуфио, который вступил в контакт с повстанцами, действовавшими в районе провинции Лос-Альтос, а также с сальвадорским правительством, обещавшим помочь противникам Карреры. Каррера решил по тактическим соображениям предпринять ряд политических маневров. В частности, 15 августа 1848 г. была созвана Законодательная ассамблея, которая поддержала просьбу Карреры об освобождении с поста президента и разрешила ему выезд за границу. Временно на пост главы государства был избран богатый торговец Хуан Антонио Мартинес. Каррера отбыл в Мексику и поселился недалеко от гватемальской границы.

Хотя после отъезда Карреры был принят декрет (13 октября 1848 г.), запрещающий его возвращение в Гватемалу, консервативные деятели ждали только удобного момента, чтобы вновь обратиться к услугам «сильного человека». И повод для этого вскоре представился. В начале 1849 г. вспыхнуло крестьянское восстание в горных южных и юго-восточных районах Гватемалы. Крестьяне поднимались против помещиков, против злоупотреблений правительственных чиновников. Восставшие не имели четкой программы, многие из них требовали в первую очередь возвращения Карреры, который умело создавал себе репутацию человека из народа, пострадавшего-де от профессиональных политиков.

Воспользовавшись обстановкой в стране, Р. Каррера с небольшим отрядом вступил в Гватемалу и, не встретив серьезного сопротивления, 7 августа 1849 г. занял столицу.

С августа 1849 г. по октябрь 1851 г. Каррера оставался полновластным хозяином положения в Гватемале, одновременно являясь командующим армией. В октябре 1851 г. Законодательная ассамблея вновь избрала его президентом страны. Тогда же был принят Законодательный акт, определивший основы государственного устройства.

В частности, устанавливалось, что президент страны будет избираться каждые 4 года Генеральной ассамблеей республики, в состав которой будут входить все члены палаты депутатов, архиепископ столицы, члены Верховного суда, члены Государственного совета (в его состав входили все министры и некоторые особо доверенные люди).

Палата депутатов, в свою очередь, состояла из 50 человек, избранных по особому закону. Страна делилась на своего рода корпорации: землевладельцы, церковнослужители, университетская интеллигенция и т. д. Каждая из этих корпораций направляла в палату двух депутатов.

Палата депутатов не имела права принимать законы, не заслушав предварительного мнения правительства по данному вопросу. Президент в любом случае сохранял за собой право вето⁴². Палата была не более как совещательным органом при президенте. Установив в стране неограниченную власть, Каррера стал инспирировать движение за провозглашение его пожизненным президентом. Внешне кампания была организована таким образом, будто население стихийно начало просить об этом правительство. В течение лета 1854 г. в столицу со всех сторон поступали соответствующие прошения.

Созванная 15 декабря 1854 г. палата депутатов приняла беспрецедентное в истории Гватемалы, да и всей Центральной Америки, решение, согласно

которому президент страны получал право единоличной законодательной инициативы. На практике это означало, что генерал Каррера сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Законодательные и судебные органы оставались лишь ширмой, прикрывавшей неограниченную деспотическую власть Карреры. У граждан было отнято право на любую инициативу, кроме восхваления и прославления диктатора.

Установление в Гватемале диктаторского режима было обусловлено рядом важных обстоятельств. Во-первых, вследствие латифундистской системы землевладения подавляющее большинство населения в стране было лишено средств производства, не имело никакой экономической, а следовательно, и политической самостоятельности. Во-вторых, предпосылкой установления диктаторского режима явилось мощное, направляемое правительством идеологическое воздействие на массы трудящихся. Каррера в лице церковников располагал исключительно эффективным пропагандистским аппаратом для каждодневного воздействия на умы и настроения народа. В-третьих, для укрепления и гарантии диктатуры Каррера в лице армии имел необходимый репрессивный аппарат.

Для внешнеполитической линии диктатуры Карреры характерно стремление экспортировать реакционные порядки в соседние страны. Опираясь на крупный военный и экономический потенциал Гватемалы, Каррера стремился к гегемонии на центральноамериканском перешейке, к насаждению в других странах таких же феодально-клерикальных диктатур. После отъезда Морасана в апреле 1840 г. в изгнание Каррера потребовал от сальвадорских властей возвести преследование морасанистов в ранг государственной политики. Ультиматум был принят, ибо у сальвадорцев не оставалось иного выхода. Почти аналогичная ситуация сложилась в Гондурасе и Коста-Рике, где после смерти Морасана к власти пришли представители наиболее реакционных кругов.

Казалось, все развитие Центральной Америки приостановилось на долгие годы.

Однако борьба за идеи Морасана продолжалась. Ее наиболее яркими представителями стали сальвадорский генерал Херардо Барриос, гондурасский генерал Тринидад Кабаньяс и др. Они посвятили жизнь борьбе за восстановление единства центральноамериканских республик. Эти политические деятели, получившие прозвище «кокимбос» (по названию корабля, на котором они покинули Коста-Рику после расстрела Морасана), глубоко ненавидели Карреру как олицетворение феодально-клерикальной реакции.

В 1846—1849 гг., воспользовавшись временно пошатнувшимся положением Карреры в Гватемале, либералы сумели укрепить свои позиции в Гондурасе, где в 1848 г. на пост президента был избран Хуан Миндо, разделявший в целом политическую платформу либерализма. К этому же времени сторонникам либералов удалось прийти к власти и в Сальвадоре. Либеральные правительства Сальвадора и Гондураса под влиянием «кокимбос» решили начать войну против Карреры. Однако 2 февраля 1851 г. их объединенная армия была наголову разбита в сражении у местечка Арда. Это поражение восстановило гегемонию Гватемалы, а следовательно, и режима Карреры в Центральной Америке.

Годы правления Карреры отмечены еще одним трагически окончившимся эпизодом борьбы за восстановление единства центральноамериканских стран, предпринятым президентом Сальвадора Херардо Барриосом. Придя к власти в 1860 г., генерал Херардо Барриос, один из наиболее последовательных продолжателей дела Франсиско Морасана, начал постепенно проводить в жизнь план мероприятий, направленных на ликвидацию наиболее тяжелых

пережитков колониального прошлого. По его инициативе был составлен новый гражданский кодекс Сальвадора. Он поставил на уровень государственной политики заботу о народном образовании, распространение которого, по его мнению, должно было помочь искоренению многих бед Сальвадора, в частности политической неустойчивости.

Значительная часть энергии Барриоса направлялась на достижение крупных внешнеполитических целей, и прежде всего на борьбу за центральноамериканское единство. Отлично сознавая, что Сальвадор значительно слабее Гватемалы, Барриос в самом конце 1860 г. с целью усыпить бдительность Карреры, совершил поездку в Гватемалу. Хотя визит закончился внешне вполне благополучно, он не стал началом мирного добрососедского сосуществования. Обоих государственных деятелей как пропасть разделяло отношение к идее единства. Предчувствуя неизбежность столкновения, Х. Барриос решил обеспечить себе союзников. В сентябре 1860 г. в личном письме президенту Гондураса Сантосу Гуардиоле он изложил свою мысль об объединении Центральной Америки.

Весной 1862 г. Барриос обратился к никарагуанскому генералу, видному защитнику принципа воссоединения центральноамериканских государств Максимо Хересу с письмом, в котором предложил встретиться, чтобы обсудить вопрос о новом совместном выступлении в пользу единства. Правительство Никарагуа, казалось, полностью разделяло позицию Херрардо Барриоса. К тому же внешнеполитические события (вторжение французских войск в Мексику) способствовали осуществлению этого плана. В связи с событиями в Мексике МИД Никарагуа разослал 11 июня 1862 г. всем правительствам центральноамериканских стран циркуляр, в котором говорилось: «...перед лицом угрожающей нам опасности центральноамериканские правительства должны объединить свои усилия для защиты принципов (республиканских. — *Авт.*), которые так же дороги нам, как и само существование»⁴³.

Ответ, полученный из министерства иностранных дел Гватемалы, был совершенно ошеломляющим. В нем содержался категорический отказ от реализации каких-либо планов объединения и, более того, одобрялись действия как мексиканской реакции, так и иностранных оккупантов.

Когда к середине 1862 г. почва для попытки воссоединения по крайней мере трех государств — Сальвадора, Гондураса и Никарагуа, — казалась, была подготовлена, произошло неожиданное осложнение. Правительство Никарагуа под давлением епископа Манагуа, Пуньола, представителя самого реакционного крыла духовенства, слепо выполнявшего волю гватемальского архиепископа, отказалось от всяких планов восстановления союза центральноамериканских государств.

Враждебную позицию по отношению к планам Барриоса заняла и Коста-Рика, министр иностранных дел которой Франсиско Морис Иглесиас совершил поездку в Никарагуа и Гватемалу для укрепления антисальвадорской коалиции.

Коста-Рика, всегда отличавшаяся некоторым сепаратизмом, защищала свою позицию из опасения поставить под угрозу свое более устойчивое экономическое положение, относительную демократичность внутренней жизни. Она не хотела рисковать своим благополучием. Таким образом, Сальвадор оказался в одиночестве перед лицом враждебных сил.

И на этот раз основной причиной поражения либералов и провала их планов воссоединения стала неспособность привлечь широкие народные

массы центральноамериканских стран к борьбе за воссоединение, недооценка реального соотношения социальных сил в регионе.

В какой-то мере именно этими причинами объясняется упорное тяготение либералов к утверждению идеи воссоединения военным путем, известное пренебрежение к выработке социально-экономической и политической программы действий.

После дипломатической подготовки летом 1863 г. началась война между Гватемалой и Сальвадором. Но силы оказались слишком неравными, и в октябре 1863 г. после героической обороны пал Сан-Сальвадор. Барриос вынужден был эмигрировать в США⁴⁴.

Однако уже в декабре 1864 г. Х. Барриос возвратился из Соединенных Штатов в Коста-Рику с намерением продолжить борьбу за власть в Сальвадоре, а затем и за торжество идеи воссоединения, но был арестован и выдан сальвадорским властям. Военный трибунал приговорил его к смерти, и 29 августа 1865 г. он был расстрелян.

Если в отношениях со своими соседями Каррера придерживался открыто интервенционалистской политики, то в отношениях с крупными государствами особенно с Англией и США, его правительство проявляло полное непонимание необходимости организации отпора их захватнической политике.

Большим внешнеполитическим поражением Карреры было крайне невыгодное разрешение в апреле 1859 г. территориального спора с Англией по вопросу о границах британской колонии Белиз. Гватемала впервые признала, что Белиз является собственностью английской короны. К тому же территория Белиза была значительно увеличена по сравнению с фактически существовавшей колонией⁴⁵.

В ведении переговоров с англичанами правительство Карреры проявило полное непонимание элементарных основ международного права, дипломатическую неподготовленность, что привело к созданию на границе Гватемалы очага длительной международной напряженности.

После развала Центральноамериканской Федерации англичане почувствовали, что у них есть большие шансы на укрепление своих позиций в этом стратегически важном регионе мира. Их целью был не только Белиз, но и некоторые острова в Гондурасском заливе, а также обширная территория на Атлантическом побережье Никарагуа, известная под названием Москитного берега. В результате разгула сепаратизма оказалось невозможным организовать объединенный отпор колониалистской экспансии. Каждое государство Центральной Америки пыталось в одиночку разрешить обострившиеся конфликты с Англией.

Опасаясь потерять Атлантическое побережье, никарагуанцы обратились к правительству США с просьбой о помощи в сдерживании английской агрессии. Это формальное обращение было на руку США, которые с нескрываемой настороженностью следили за активностью Англии в этом районе.

Позиции США и Англии полностью совпадали лишь в одном вопросе в борьбе против единства центральноамериканских стран. По остальным вопросам взгляды их расходились.

Отношения между США и Англией в Центральной Америке достигли крайнего обострения, когда 27 августа 1849 г. никарагуанское правительство и группа американских бизнесменов во главе с Корнелиусом Вандербильдом и Джозефом Уайтом подписали договор о строительстве межконтинентального канала. Это было тяжелым ударом для Великобритании, позиции которой

⁴⁴ López Vallecillos I. Gerardo Barrios y su tiempo. San Salvador, 1962. Т. 2. P. 377—409.

⁴⁵ Colección de tratados de Guatemala. Guatemala, 1892. P. 261.

до этого выглядели в Центральной Америке предпочтительней. Столкновение казалось почти неизбежным, и только угроза войны на столь отдаленном театре действий заставила Англию пойти на крупные уступки в виде Договора Клейтона—Бульвера, подписанного 19 апреля 1850 г. в Вашингтоне. По этому договору обе страны обязывались не приобретать и не иметь исключительных прав на будущий межокеанский канал. Оговаривалась нейтрализация канала — даже в случае войны боевые корабли обеих стран могли беспрепятственно пользоваться им. Договор Клейтона—Бульвера был безусловным успехом агрессивных кругов США в их противоборстве со старым колониальным хищником. Он ознаменовал резкий рост силы и агрессивности США, которые вынудили англичан перейти к пассивной обороне в Центральной Америке.

БОРЬБА ПРОТИВ ИНТЕРВЕНЦИИ США В 1855—1860 ГОДАХ

В начале второй половины XIX в. обстановка в Центральной Америке резко обострилась. Рабовладельческие штаты юга США, которые успешно провели аннексию в 1848 г. двух пятых мексиканской территории, откровенно готовились к дальнейшему расширению зоны своего влияния за счет Центральной Америки, климатические условия которой были идеальны для культуры хлопка. К тому же открытие калифорнийских золотых месторождений остро поставило вопрос о контроле над транзитными путями между западным и восточным побережьем США, которые проходили в те годы исключительно через Центральную Америку. Англо-американское соперничество за господство на центральноамериканском перешейке приобрело очень опасный для стран этого региона характер, ибо несло угрозу непосредственного появления на сцене вооруженных сил спорящих сторон.

Аппетиты иностранных держав разгорались при виде углубляющейся внутриполитической нестабильности в центральноамериканских странах, роста разногласий между ними.

Действия США по усилению своего влияния и контроля над Центральной Америкой носили открыто захватнический характер. Еще в 1851 г. группа американских бизнесменов во главе с К. Вандербильдом вырвала у никарагуанского правительства монопольное право на перевозку грузов и пассажиров по межокеанскому пути, по территории этой страны, обязавшись платить в год 10 тыс. песо и 10 % чистой прибыли. Однако после первого же взноса контролируемая ими «Аксессори транзит компани» прекратила всякие выплаты правительству Никарагуа и всла себя, как абсолютно независимая организация. По свидетельству коста-риканской правительственной газеты, «в этой преступной оппозиции она (компания. Авт.) имела полную поддержку со стороны американского правительства»⁴⁶. Не скрывая вождельний США, посланник Белого дома в Никарагуа Солон Борланд заявил при вручении верительных грамот 14 сентября 1853 г.: «Нация, которая занимает такое выгодное географическое положение, не может. . . владеть этим богатством только и исключительно в своих интересах, закрывая доступ всем остальным»⁴⁷.

В начале 1854 г. правительство Никарагуа было вынуждено под давлением США подписать договор, по которому американцы получали право

⁴⁶ Gaceta Oficial. Costa Rica, 1861. 19 jul.

⁴⁷ Archivo General. . . Sec. 4, caja 11, expediente 6137 (в деле имеется отдельная брошюра с текстом речи, напечатанная в 1853 г. в типографии «Импрента дель Орден»).

проводить свои войска через территорию страны. Этот договор вызвал гневную реакцию других центральноамериканских государств. Но США шли напролом.

Почти в те же дни в американских газетах появились сообщения о создании неким Уильямом Киннеем акционерного общества «Компания де колониасион де Сентро Америка». Вскоре стало известно, что Кинней приобрел у «короля» Москитии (так называли касика индейских племен Атлантического побережья Никарагуа, так называемого Москитного берега) 30 млн акров земли, которые подлежали заселению американскими колонистами. Правительство Никарагуа протестовало против этой сделки, поскольку «король» был жалкой английской марионеткой и самозванцем, не имевшим права торговать национальной территорией. В этой связи мексиканский посланник в Гватемале доносил в свой МИД: «Американцы не снижают своей активности и с неслыханной дерзостью стремятся к господству на всем континенте и к его захвату»⁴⁸.

Колониалистская авантюра Киннея не имела успеха лишь потому, что вмешались англичане и заставили «короля» ликвидировать контракт, оформленный для обмана Англии на подставных лиц. Тогда США пошли по пути организации прямых флибустьерских экспедиций с целью захвата центральноамериканских земель. Сами американцы так толковали смысл популярного тогда слова «флибустьер»: «Флибустьерство в том смысле, в каком сейчас употребляют это слово, означает действия американского народа либо какой-то его части по приобретению не принадлежащей ему территории без тормозящих факторов, связанных с ответственностью американского правительства»⁴⁹.

К. Маркс уже в те годы увидел и вскрыл сущность этого внешнеполитического метода: «Непрерывные пиратские экспедиции флибустьеров против государств Центральной Америки. . . направлялись Белым домом в Вашингтон». Он указывал также, что целью такой политики «было завоевание новых областей для распространения рабства и господства рабовладельцев»⁵⁰.

Подходящие условия для появления в Никарагуа американских флибустьеров сложились к концу 1854 г., когда борьба между консерваторами и либералами в этой стране приобрела характер затяжной кровопролитной гражданской войны. Тогда-то и пришла мысль руководителю либералов Франсиско Кастельону пригласить наемников из США. Он нашел в США политического авантюриста Байрона Коуля и подписал с ним соглашение, которым предусматривалась присылка в Никарагуа 200 вооруженных американских солдат, каждый из которых после окончания войны получил бы по 2 кабальерии земли, кроме денежного содержания. Организация восной экспедиции была поручена недоучившемуся адвокату Уильяму Уокеру, который уже приобрел известность как руководитель попытки вооруженным путем отторгнуть от Мексики штаты Нижняя Калифорния и Сонора. Тогда, в 1853—1854 гг., он был разбит мексиканскими войсками и выброшен на территорию США, а теперь вновь оказался во главе пиратской ватаги, состоявшей из авантюристов, профессиональных убийц и других подобных элементов.

День высадки флибустьеров в никарагуанском порту Реалехо 13 июня 1855 г. следует считать началом агрессии США против центральноамерикан-

⁴⁸ Ibid., hoja 28.

⁴⁹ Blackwoods Edinburg Magazine. N. Y., 1856. N 385 (American edition), vol. XLII.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 342.

ских народов. Действуя дерзко, быстро, Уокер со своим отрядом не стал вступать в затяжные бои с армией консерваторов, а, обойдя ее позиции, направился прямо к тогдашней столице государства Гранаде и неожиданно занял ее, взяв в плен всех членов правительства. Падение Гранады произвело сильный психологический эффект и привело к развалу армии консерваторов.

При посредничестве «близкого друга и восторженного почитателя Уокера» — посланника США в Никарагуа Джона Уилера, было подписано соглашение, положившее конец гражданской войне. Уильям Уокер, ставший полковником никарагуанской армии, назначался главнокомандующим вооруженными силами страны. Его ставленник — «полковник» флибустьерской армии Паркер Френч получил пост министра финансов Никарагуа. Для соблюдения внешних приличий временным президентом страны назначался ветеран либеральной партии Патрисио Ривас, а военным министром — незадачливый командующий консервативной армии генерал Понсиано Корраль. Уокер управлял страной по собственному усмотрению, не считаясь с мнением никарагуанцев. Доведенный до отчаяния постоянными унижениями, военный министр обратился с тайным письмом о помощи к президенту соседнего Гондураса. В документе говорилось: «Никарагуа погибла, но также погибнут Сальвадор, Гватемала и Гондурас, если они допустят это (Уокера. — Авт.) консолидацию. Придите скорей на помощь!»⁵¹

Но письмо было перехвачено агентами Уокера, и старый генерал заплатил за него жизнью на эшафоте. Флибустьер Уокер стал практически полновластным хозяином Никарагуа. В кругах его приближенных стали открыто поговаривать о завоевании других центральноамериканских государств. На знамени флибустьерской фаланги были начертаны слова: «Пять или ни одной». Это не могло не насторожить все политические силы в Центральной Америке.

Окончательно прозревшие никарагуанские консерваторы уже с сентября 1855 г. начали войну с американскими оккупантами. Новый руководитель этой партии Хосе Мария Эстрада обратился с письмом ко всем правительствам центральноамериканских стран с призывом прийти на помощь никарагуанскому народу.

Тем временем Уильям Уокер приступил к осуществлению своих колониалистских планов. 23 ноября 1855 г. был принят декрет, по которому каждый американец, приславший на постоянное жительство в Никарагуа, получал бесплатно 250 акров земли, а семейный — 350 акров. Речь шла о полной белой колонизации страны. В книге «Никарагуанская война»⁵², написанной несколько позже, Уокер резко осуждал формы испанской колонизации, которые сделали возможным смешение рас и появление «проклятых» метисов. Он считал, что всех креолов и метисов необходимо лишить земли, вынудить их покинуть страну, а их место должны занять белые американские колонисты и черные рабы, которых планировалось завезти с Ямайки.

Посланник США с удовлетворением сообщал в госдепартамент 17 марта 1856 г.: «Эта республика быстро заполняется эмигрантами из США. На последних кораблях, пришедших из Нового Орлеана, Нью-Йорка и Калифорнии, прибыло много бизнесменов, торговцев, фермеров, механиков и просто рабочих; некоторые привезли с собой оборудование для мельниц, лесопилок и другую технику. 400 человек из числа прибывших вступили в никарагуанскую армию, что увеличило контингент иностранцев в ней до 1300 человек»⁵³.

⁵¹ *Nonualco J.* La invasión filibustera de Nicaragua y la guerra nacional. San José, 1958. P. 65.

⁵² *Walker W.* La guerra de Nicaragua. San José, 1924.

⁵³ *Manning W. R.* Diplomatic correspondence of the United States. Inter American Affairs. Vol. 4. P. 506.

Ни Англия, ни Франция, занятые Крымской войной, не могли стать противовесом США, и тогда Коста-Рика, встав в авангарде борьбы за спасение национального суверенитета, решила на прямые военные защитные меры. Ее президент Хуан Рафаэль Мора характеризовал флибустьеров как «банду авантюристов», «подонков человечества» и выступил с инициативой организации вооруженной экспедиции в Никарагуа⁵⁴. По его предложению все центральноамериканские правительства заявили протест госдепартаменту по поводу действий флибустьеров.

26 февраля 1856 г. Хуан Рафаэль Мора получил согласие коста-риканского конгресса на предоставление ему чрезвычайных полномочий и на следующий день издал декрет об увеличении армии до 9 тыс. человек. За сотрудничество с врагом была введена смертная казнь⁵⁵. В Англии были закуплены 2 тыс. ружей. Все личное оружие изъято на нужды армии. 4 марта 1856 г. коста-риканский экспедиционный корпус численностью в 2500 человек выступил из Сан-Хосе по направлению к никарагуанской границе.

Стремясь упредить костариканцев, 300 флибустьеров двинулись им навстречу, но около местечка Санта-Роса флибустьеры были наголову разбиты. Два десятка попавших в плен авантюристов были расстреляны как пираты.

Госдепартамент США заявил протест. Уже упоминавшийся посланник США в Никарагуа Джон Уилер направил президенту Коста-Рики ноту, в которой говорилось: «Мое право и моя обязанность информировать Вас... что хладнокровные убийства безоружных американских граждан, которые по недоразумению оказались связанными с воюющими сторонами, несовместимы с божьими законами, с принципами гуманности и международным правом». Уилер грозил, что правительство США «примет решительные меры по защите жизней своих граждан и отомстит за поруганную честь нации»⁵⁶. Вот уж поистине вершина политического лицемерия и лжи!

Но не угрожающие ноты Уилера спасли в 1856 г. Уильяма Уокера. Коста-риканская армия, не поддержанная другими центральноамериканскими вооруженными силами, хотя и понесла тяжелые потери в боях с флибустьерами, все же была полна решимости продолжить боевые действия в глубине никарагуанской территории. Однако в конце апреля в ее рядах началась эпидемия холеры, которая вынудила президента Коста-Рики отдать приказ об отходе войск на свою территорию.

Хотя на первом этапе и не удалось добиться разгрома флибустьеров, но миф об их якобы непобедимости был окончательно развеян, укрепилась солидарность между центральноамериканцами.

Между тем политика США становилась все более наглой. 15 мая 1856 г. президент Пирс обратился к конгрессу с посланием, в котором, имея в виду Уокера, писал: «Традиционная политика США сводится к тому, чтобы признавать все правительства, не анализируя ни их происхождение или организацию, ни средства, с помощью которых правители добиваются власти, лишь бы правительство являлось реальным, признанным народом страны... Для нас безразлично, получала или не получала победившая сторона помощь в виде иностранной интервенции...»⁵⁷

⁵⁴ *Nonualco J.* Op. cit. P. 74.

⁵⁵ *Alemán G.* Centenario de la guerra Nacional de Nicaragua contra Walker. Guatemala, 1956. P. 20—21.

⁵⁶ *Manning W.* Diplomatic correspondence of the United States. Vol. 4. P. 514—515.

⁵⁷ Congressional Record Containing the Proceedings and Debates of the sixty first Congress. 2d sess. Vol. XLV. P. 107.

Грозная опасность нависла над странами Центральной Америки. Ободренный поддержкой Вашингтона Уокер потребовал от правительства Никарагуа немедленно начать военные действия против соседних стран. В ответ на это летом 1856 г. весь состав правительства во главе с президентом Патрисио Ривасом бежал на север Никарагуа в город Чинандегу, где и был принят декрет, объявляющий Уокера предателем и врагом Никарагуа.

К концу июня 1856 г. завершились переговоры об оказании помощи Никарагуа со стороны других центральноамериканских стран, и в начале июля в Самотильо прибыла первая колонна гватемальцев, а затем в Пляя-Гранде высадились сальвадорцы.

Хотя для флибустьеров обстановка вокруг Никарагуа и в самой стране осложнилась, Уильям Уокер подобно маменьку шел напролом к своей цели. В августе он провел в двух провинциях (из семи), находившихся под его полным контролем, «выборы» президента и, несмотря на то, что даже по официальным данным в них приняло участие всего 10 % населения, объявил себя президентом Никарагуа. Новый глава государства не смог на церемонии принятия присяги произнести ни одного слова по-испански и свою первую речь зачитал по-английски⁵⁸.

Правительственная программа Уокера была ясной и далеко идущей. Она сводилась к следующему: а) захват к апрелю 1857 г. всей Центральной Америки; б) создание военной эскадры на Карибском море; в) присоединение Центральной Америки и, возможно, Кубы к конфедерации южных штатов США и г) урегулирование вопроса о Москитии с учетом интересов Англии⁵⁹.

21 сентября 1856 г. Уокер объявил о восстановлении рабства в Никарагуа. Он осмелился нанести удар даже по транзитной компании Вандербильда, чтобы прибрать к рукам этот источник доходов. Он наложил эмбарго на собственность компании и назначил управляющим своего офицера. Вандербильд понял, что легче иметь дело со слабыми правительствами в Центральной Америке, чем противостоять своим же американским конкурентам. Он решительно выступил против Уокера. Северянин США стал бороться против рабовладельца-южанина и в Никарагуа.

Вандербильд убедил costa-риканского президента Х. Р. Мору возобновить военные действия и перерезать главную транспортную артерию Никарагуа — реку Сан-Хуан, по которой Уокер получал подкрепления из США. Начиная с сентября 1856 г. центральноамериканские союзники повели активные боевые действия, тесня отряды флибустьеров к югу. После трехнедельной осады 14 декабря 1856 г. Уокер был вынужден оставить столицу Никарагуа Гранаду. Но перед уходом он отдал приказ варварски разрушить город. Гранада была сожжена, часть зданий взорвана. Уничтожение Гранады было зловонным актом мести флибустьеров.

Война приносила все новые и новые победы союзным войскам, активно поддерживаемым местным населением. К апрелю 1857 г. под контролем флибустьеров осталась узкая полоска земли и только один крупный город — Ривас, где и засел Уокер, рассчитывая больше на подход подкреплений из США да на возможные разногласия между союзниками, чем на свои силы. Около месяца продолжалась осада Риваса, в ходе которой стало ясно, что никаких шансов выбраться отсюда Уокер не имеет. Голод, болезни, боевые потери с каждым днем приближали неизбежную капитуляцию. Тогда вмешались США с целью спасти Уильяма Уокера и его сообщников.

⁵⁸ *Nonualco J.* Op. cit. P. 16.

В ближайший к Ривасу порт Сан-Хуан-дель-Сур вошел военный фрегат США, командир которого Чарлз Дэвис энергично принял за дело. Угрожая силой, он потребовал от союзников, чтобы ему было разрешено вести переговоры с Уокером о сдаче города не центральноамериканцам, а ему, офицеру военно-морского флота США. 1 мая 1857 г. Дэвис и Уокер подписали соглашение о «капитуляции», в котором ни единым словом не говорилось о союзной центральноамериканской армии, которая разгромила флибустьеров. Авантюристы и военные преступники получили право отбыть из города с оружием, лошадьми и багажом, а Дэвис обязался отвезти их в Панаму. Участник войны сальвадорский генерал Херардо Барриос писал впоследствии: «Эта капитуляция является позорным и унижительным документом для Центральной Америки. Никогда еще агонизирующий бандит не презирал так правительства, воевавшие с ним, и мужественных солдат, которые загнали его в угол»⁶⁰.

Но это еще не было концом национально-освободительной войны против североамериканских флибустьеров. Уокер вскоре появился в США, где раздавались голоса, требовавшие предания его суду за гибель 1000—1200 американских граждан. Однако, как и следовало ожидать, судьи отказались усмотреть в его действиях состав преступления. Зато вскрылись скандальные связи флибустьеров с правительственными кругами. Выяснилось, например, что личный секретарь президента Пирса Сьюард принимал участие в крупных концессионных операциях, связанных с землями в Москитии. Сьюард даже пытался втиснуть в это прибыльное дело самого президента⁶¹.

Вскоре по многим городам юга США стали распространяться плакаты, призывавшие записываться добровольцами в фалангу Уокера для участия в новой экспедиции в Никарагуа. В ответ на это 7 августа 1857 г. правительство Коста-Рики приняло декрет, по которому любая вооруженная банда, пытающаяся под руководством Уокера или какого-либо другого авантюриста вторгнуться в Центральную Америку, подлежала наказанию как пиратская. Положения этого декрета были признаны в качестве правовой нормы другими центральноамериканскими правительствами.

И несмотря на это в ноябре 1857 г. Уокер вновь высадился с отрядом флибустьеров в устье р. Сан-Хуан на Атлантическом побережье Никарагуа и начал продвижение внутрь страны. Он успел захватить несколько пароходов и город Сан-Хуан-дель-Норте, когда стали поступать сведения о приближении союзных войск. На рейде появились два английских военных корабля с явным намерением блокировать Уокера. Тогда вновь на выручку своему соотечественнику пришли военно-морские силы США. Командир американского военного корабля «Саратога» Полдинг направил в лагерь Уокера своего офицера, чтобы убедить флибустьеров сдаться. Капитуляция произошла в дружеской обстановке и сопровождалась рукопожатиями, тостами. Уокер, разместившийся в личной каюте командира корабля, отправился в Колон (Панама), а оттуда, дав слово явиться к начальнику полиции Нью-Йорка, в США.

Однако и эта попытка оказалась не последней.

Весной 1860 г. к Уокеру якобы обратились жители трех гондурасских островов, расположенных у Атлантического побережья, с просьбой помочь им получить независимость от Гондураса. Возможно, Уокер просто-напросто выдумал этот предлог. Оккупировав острова, отряд флибустьеров Уокера 5 августа высадился на материке и занял город Трухильо, где разграбил

⁶⁰ Dolores Gámez J. Historia de Nicaragua. Managua, 1888. P. 686.

⁶¹ Anales de la Sociedad de Geografía e Historia de Guatemala. T. 30, N 1—4. P. 55.

местную таможенную. Тогда в порт вошел один из английских военных кораблей, которые внимательно наблюдали за американскими авантюрами в Центральной Америке, и его командир потребовал от Уокера немедленного возвращения материальных ценностей, разоружения отряда и эвакуации с территории Гондураса. Попав в безвыходное положение, Уокер капитулировал. Англичане очень быстро передали его гондурасским властям, и в сентябре 1860 г. по приговору суда Уокер был расстрелян. Борьба за свободу и независимость против американских флибустьеров закончилась победой центральноамериканцев.

Смерть Уокера ознаменовала собой конец этапа, когда США пытались любыми средствами завоевать Центральную Америку или расширить свои колониальные владения в регионе. Теперь на смену политике территориальных завоеваний приходит экспансия другого рода – политико-экономическая, при которой главной задачей становится установление контроля над экономикой этих стран и насаждение своих марионеток из числа местных граждан. Получает еще больший расцвет политика «разделяй и властвуй».

КУБА В 30—70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Глава 13

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В 30—50-е ГОДЫ

П о окончании войны за независимость остров Куба остался самым важным колониальным владением Испании в Западном полушарии и основным источником доходов. Потеряв обширные владения на Латиноамериканском континенте, Испания приняла ряд мер, направленных на укрепление своего положения на этом важном в стратегическом и экономическом отношении острове.

В 1825 г. на Кубе было введено военное положение, а генерал-капитаны получили неограниченные полномочия. Вся территория была разделена на три военных округа. Численность испанского гарнизона на острове в 1827 г. составляла свыше 26 тыс. солдат¹. Была введена строгая цензура, запрещены собрания, постепенно ликвидировались те политические свободы, которыми пользовались кубинские жители в первые два десятилетия XIX в., особенно в 1810—1812 и 1820—1823 гг.

Налаживание торговых связей с капиталистическими странами и либеральные реформы конца XVIII – начала XIX в. оказали существенное влияние на последующее развитие острова. Они дали мощный импульс росту производительных сил, активизировали процесс первоначального накопления и одновременно содействовали развитию в недрах колониальной экономики капиталистического уклада.

Все большее значение в экономической структуре Кубы приобретало крупное товарное земледелие (плантации сахарного тростника и кофе), развитие которого шло экстенсивным путем за счет сокращения и дробления полуфеодальных скотоводческих латифундий и вытеснения с наиболее

¹ Cuadro estadístico de la siempre fiel isla de Cuba correspondiente al año de 1827. La Habana, 1829. P. 98.

плодородных и удобно расположенных земель средних и мелких земельных собственников. В 1827 г. производство сахара составило 92 тыс. т, кофе — 33 тыс. т².

Куба экспортировала сахар, кофе, табак, драгоценные металлы, водку, серу, мед и др., причем доля сахара в экспорте постоянно росла и в 30-е годы XIX в. составила 48 %, в то время как кофе — 12 %, табака — 8,3, цветных металлов — 6 %³. Львиная доля прибылей от внешней торговли оседала в карманах испанских торговцев, монополизировавших колониальную торговлю и кредит, а также направлялась в метрополию в виде отчислений от протекционистских пошлин.

Население острова в 1827 г. насчитывало свыше 704 тыс. человек. По расово-этническому признаку оно распределялось следующим образом: 311 тыс. — креолы, 106 тыс. — метисно-мулатское свободное население, 287 тыс. — негры-рабы⁴.

Основное ядро креольского населения острова составляли потомки конкистадоров. Впоследствии оно пополнилось консервативной, в основном происпанской, иммиграцией из Луизианы, Гаити, Доминиканской Республики и других стран Латинской Америки.

Вся масса креольского населения острова испытывала, хотя и в разной степени, тяжкое бремя колониального гнета и политического бесправия, особенно усилившегося после потери Испанией своих владений в Латинской Америке, и представляла в потенции наиболее опасный для испанского господства революционный элемент. По социально-экономическому положению оно было крайне неоднородно. Большую часть его составляли свободные мелкие и средние земельные собственники табачных плантаций, разорявшиеся владельцы скотоводческих асьенд, постепенно попадавшие в долговую кабалу к крупному земельному собственнику; мелкая сельская беднота, занимавшаяся выращиванием огородных культур для внутреннего рынка, многочисленное торговое и ремесленное население городов.

Все больший политический и экономический вес приобретали крупные плантаторы-рабовладельцы западных и центральных районов острова, производившие основную часть экспортной кубинской продукции на мировой рынок. Это была креольская аристократия, получившая большие привилегии от испанского короля в начале XIX в. и занимавшая прочные позиции в основных органах колониального управления — финансовом ведомстве, гаванском муниципалитете, Экономическом обществе друзей страны, Королевском совете по развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли (с 1830 г. — Хунта содействия).

Консервативная часть плантаторской аристократии, связанная с испанскими колониальными кругами не только экономическими, но зачастую и родственными узами, выступала против любого изменения существующего политического порядка, за сохранение военного положения, упрочение системы рабства и продолжение работоторговли. Либеральная часть креольских плантаторов, нарождающаяся торговая креольская буржуазия и выражавшая ее интересы прогрессивная интеллигенция решительно противились навязанному метрополией реакционному режиму и требовали восстановления тех политических свобод, которыми Куба располагала в первые два десятилетия XIX в.

Проявлением усилившихся разногласий между креольскими либераль-

² Ibid. P. 27, 30.

³ Historia de la Nación Cubana: T. I- 10. La Habana, 1950-1952. T. 3. P. 232.

⁴ Cuadro estadístico... P. 26.

ными кругами и происпанскими элементами стало развернувшееся в 30-е годы движение за реформы колониального управления. Особенно остро встал вопрос об отношении к работорговле. В 1817 г. Испания под давлением Англии подписала договор о запрещении работорговли, однако на деле он игнорировался, о чем свидетельствовала постоянно возраставшая численность рабов на Кубе. В работорговле были заинтересованы не только крупные плантаторы, но и коррумпированная испанская администрация, испанские купцы и коммерсанты, монополизировавшие торговлю «живым товаром», и даже сам испанский король. За каждого раба, нелегально ввезенного на остров, генерал-капитаны получали по 10 песо. Чистый доход с одного груза (около 500 рабов), доставленного с Золотого Берега Африки, составлял 120—130 тыс. песо⁵. Вот почему всякое выступление против системы рабства и работорговли рассматривалось в тот период как подрыв основ испанского колониального могущества.

Рост несвободного населения вызвал тревогу среди либерально настроенных плантаторских кругов и послужил основой для возникновения на Кубе в 30-х годах креольского аболиционизма. Идеологами его стали видные либеральные деятели, сторонники реформ колониального управления Хосе Антонио Сако-и-Лопес, Доминго дель Монте-и-Апонте и Хосе де ла Лус-и-Кабальеро⁶.

Объективно отражая веление времени, движение аболиционизма в целом было прогрессивным явлением. Его возникновение на Кубе объяснялось не только альтруистическими или моральными соображениями. Боязнь повторения гаитянских событий конца XVIII в., т. е. «черной революции», — вот что побуждало представителей креольских либералов поддерживать требования Англии о запрещении работорговли.

В 1833 г. умер испанский король Фердинанд VII. Регентшей до совершеннолетия его дочери Изабеллы стала вдовствующая Мария-Кристина, которая под давлением либеральных испанских политических деятелей была вынуждена восстановить конституцию 1812 года, согласно которой Куба имела право посылать своих представителей в кортесы. В 1835 г. Испания подписала новый, еще более суровый, чем в 1817 г., договор о запрещении работорговли.

Восстановление в метрополии конституционной монархии оживило на Кубе движение за реформы. Требования кубинских сторонников реформ были изложены Х. А. Сако в январе 1835 г. в трактате под названием: «Письмо одного патриота, или Жалобы кубинцев, направленные своим представителям в кортесы». В экономическом плане кубинские реформаторы настаивали на отмене дискриминационной таможенной политики метрополии, ущемлявшей интересы нарождавшейся аграрной и торговой буржуазии. В политической области они требовали равных с жителями метрополии прав, отмены военного положения, установленного на Кубе в 1825 г., ограничения полномочий генерал-капитана, создания Провинциального совета с правами исполнительной власти и представительства Кубы в испанских кортесах.

⁵ *Del Monte D. Escritos*: Т. 1—2. La Habana, 1929. Т. 1. P. 138—139.

⁶ Публицист Х. А. Сако (1797—1879) в 1834 г., в период правления генерал-капитана М. Такона, эмигрировал с Кубы и до конца жизни жил за границей. Его политическое кредо — «видеть Кубу справедливо управляемой под властью Испании» (*Saco J. A. Papeles sobre Cuba*: Т. 1—3. La Habana, 1963. Т. 3. P. 332). Известный поэт и литературный критик Д. дель Монте-и-Апонте (1804—1853) разделял политические взгляды Х. А. Сако. Философ, просветитель и педагог Х. де ла Лус-и-Кабальеро (1800—1862) с 1848 г. являлся директором основанного им колледжа «Сан-Сальвадор», из стен которого вышла плеяда пламенных борцов за независимость Кубы.

В социальной области выдвигалось требование пресечения контрабандной работоторговли и поощрения белой колонизации⁷.

Однако Испания не спешила распространять действие конституционных гарантий на Кубу и Пуэрто-Рико. Многие политические деятели Испании считали, что именно введение конституции 1812 года послужило причиной потери Испанией ее обширных владений в Западном полушарии.

В 30-е годы метрополия усилила экономический гнет на Кубе, повысив таможенные пошлины на ввозимые из других стран товары, в частности на американскую пшеницу. Ответной мерой США явилось повышение таможенных пошлин на кубинские товары и установление особо высокой пошлины на кубинский кофе.

В 1834 г. генерал-капитаном Кубы был назначен консервативный испанский генерал Мигель Такон (1834—1838), который обрушил волну репрессий на креольское население. Многие прогрессивные политические деятели были изгнаны из органов колониального управления и покинули страну. Невиданных размеров достигла контрабандная работоторговля. Сам генерал-капитан получил свыше 450 тыс. песо за потворство нелегальному ввозу рабов на Кубу⁸.

Внутренняя торговля острова фактически была отдана М. Такону на откуп испанским торговцам. Скупая по низким ценам продукцию кубинских скотоводов и землевладельцев, они затем перепродавали ее по завышенным ценам, что вызывало недовольство всех слоев населения.

Особенно жестокие кары были обрушены на креольскую интеллигенцию, которую М. Такон считал самым опасным элементом общества. Были прекращены издания либеральных газет «Аурора де Матансас», «Ревиста Биместре Кубана», запрещена деятельность недавно созданной Академии литературы.

Однако несмотря на репрессивные меры М. Такона, выборы кубинских делегатов в испанские кортесы, трижды проходившие на острове, обеспечили победу сторонникам либерального курса. Вопреки желанию М. Такона делегатом от Сантьяго-де-Куба был избран Х. А. Сако.

В восточной части острова, где губернатором с 1835 г. был либеральный генерал М. Лоренсо, произошел открытый конфликт. Узнав 29 сентября 1836 г. о восстановлении в Испании конституционной монархии, Лоренсо с 1 октября ввел действие конституции на подчиненной ему территории. Однако вскоре из Испании пришли инструкции, предписывавшие не менять существующего политического порядка. Правда, право избрания кубинских представителей в испанские кортесы оставалось в силе. М. Лоренсо отказался подчиняться приказу высшей власти. В ответ М. Такон объявил блокаду восточного побережья. В конце октября в конфликт вмешались Англия, Франция и США. Крупные креольские собственники, обеспокоенные радикализацией «конституционалистского» движения, перестали оказывать поддержку М. Лоренсо, и он был вынужден прекратить борьбу и в декабре покинул Кубу.

Прибывшие в Мадрид кубинские делегаты не были допущены на заседания кортесов. После многочисленных закрытых заседаний было принято решение, что отныне Куба должна управляться «специальными законами»⁹. Главным аргументом в пользу того, что на Кубу не должны распространяться конституционные гарантии, был выдвинут факт существования на острове рабства.

⁷ Saco J. A. Op. cit. T. 3. P. 91—100.

⁸ Del Monte D. Op. cit. T. 1. P. 140.

⁹ Эти «специальные законы» так никогда и не были приняты.

Как образно заметил Д. дель Монте, «за право иметь рабов мы (кубинцы. — Авт.) заплатили тем, что сами стали ими»¹⁰.

Рост товарного земледелия, основанного на использовании труда невольников, постоянно требовал увеличения их числа. В 1841 г. численность невольного населения острова превысила 436 тыс., что составило 43 % общего населения страны¹¹.

Стремление кубинских плантаторов извлечь максимальные прибыли сопровождалось усилением эксплуатации невольничьего населения, что послужило причиной возрастания стихийных волнений с их стороны. Волна негритянских выступлений и бунтов, начавшаяся в конце 30-х годов, достигла серьезных масштабов в 40-е годы, когда с британских владений в Вест-Индии стали доходить вести об отмене там рабства¹².

В конце 1843 г. генерал-капитан Кубы О'Доннелль получил многочисленные донесения от плантаторов о готовящихся якобы заговорах рабов. Пытаясь пресечь в зародыше негритянские выступления, он осуществил серию репрессий, вошедших в историю под названием «Заговор Эскалеры». По малейшему подозрению негры подвергались пещеловеческим пыткам. Их привязывали к лестнице и истязали до тех пор, пока не вырывали у жертвы признания. Более 4 тыс. человек подверглись подобным пыткам, среди них свыше 2 тыс. свободных мулатов и негров, а также 72 белых жителя. Некоторые осужденные были приговорены к смертной казни, другие — к тюремному заключению и ссылке¹³.

Испанские власти, опасаясь возможных восстаний негров-рабов, усиливали репрессии. Тем не менее под давлением общественного мнения правительство Испании в 1845 г. издало декрет «О запрещении и пресечении работорговли», носивший компромиссный характер¹⁴. Он предусматривал суровые наказания для всех лиц, принимавших участие или потворствовавших контрабандной работорговле. В то же время статья 9 декрета запрещала преследовать плантаторов-рабовладельцев под предлогом установления срока приобретения находившихся на территории его владения рабов. Эта статья фактически узаконивала существование рабства и ставила его под защиту испанских властей.

Впоследствии, в 1855 г., эта статья декрета была подкреплена специальным законом испанских кортесов, который гласил, что «рабство является специфической формой частной собственности и поэтому считается неприкосновенным»¹⁵.

Все же контрабандная работорговля стала постепенно сокращаться, хотя и продолжалась вплоть до 60-х годов XIX в. Возникали многочисленные проекты ввоза свободной рабочей силы, как правило обреченные на неудачу. Из всех попыток организованной иммиграции наиболее эффективной оказался ввоз китайских кули. С 1853 по 1874 г. на остров было ввезено около 132 тыс. китайских рабочих¹⁶.

Даже робкие и нерешительные шаги Испании в области преследования работорговли порождали у ревностных защитников сохранения института

¹⁰ Correspondencia reservada del capitán general don Miguel Tacón, 1834—1836. La Habana, 1963. P. 70.

¹¹ Informe sobre el censo de Cuba, 1899. La Habana, 1900. P. 104.

¹² В 1833 г. Англия, отменившая рабство в своих колониях, была заинтересована в скорейшей его отмене и на Кубе. Она усилила давление на Испанию, развернув одновременно абolicionистскую пропаганду на самом острове, которую осуществлял английский консул Д. Турнбулл.

¹³ Guerra y Sánchez R. Manual de historia de Cuba. La Habana, 1970. P. 443.

¹⁴ Documentos para la historia de Cuba: Época colonial. La Habana, 1970. T. I. P. 327—330.

¹⁵ Del Monte D. Op. cit. T. I. P. 222.

¹⁶ Arredondo A. El negro en Cuba. La Habana, 1939. P. 28.

рабства серьезные опасения, будто метрополия может решиться и на более радикальные меры. Международная обстановка также вселяла тревогу. Экономический кризис 1847 г. вызвал резкое падение цен на экспортные товары. В результате революции 1848 г. во Франции рабство во французских колониях было отменено. Резко обострились отношения между Англией и Испанией. В такой обстановке на Кубе возникло движение за присоединение к США, что было вызвано различными экономическими, политическими и социальными причинами. Часть кубинских сторонников аннексии была заинтересована в установлении свободных торговых связей с США. Кубинская интеллигенция склонялась к аннексии по политическим мотивам: демократические и республиканские основы буржуазной государственности побуждали их включиться в аннексионистскую пропаганду в целях достижения независимости от испанского колониального ига¹⁷.

Однако главной причиной возникновения аннексионизма на Кубе являлось стремление сохранить и упрочить систему рабства. Идеологами этого движения были наиболее влиятельные плантаторы-рабовладельцы западных и центральных районов острова. Кубинские аннексионисты находили поддержку у рабовладельцев южных штатов США, рассматривавших аннексию Кубы как средство усиления своих позиций в американском конгрессе.

В конце 40-х годов на Кубе возникло три центра аннексионизма. В 1847 г. в столице был создан Гаванский клуб во главе с крупными плантаторами Мигелем Альдамой, Кристианом Маданом, Луисом Альфонсо и др. В Камагуэе это движение возглавил Г. Бетанкур Сиснерос. Одновременно в районе Тринидада и Сьенфегоса готовил заговор «Кубинская роза» генерал Нарсисо Лопес¹⁸.

В 1847 г. кубинская эмиграция в США создала Кубинский совет, а с 1848 г. стал издаваться печатный орган этой организации газета «Ла Вердад», распространявшаяся бесплатно на испанском и английском языках в США и на Кубе.

После провала летом 1848 г. заговора «Кубинская роза» Н. Лопес бежал в США и, установив контакты с членами Кубинского совета, начал готовить военную экспедицию. Кубинские сторонники аннексии надеялись на официальную поддержку американского правительства и на бескровное и быстрое осуществление аннексии. Однако их ждало разочарование. Тактика правительства США сводилась к стремлению избегать открытых конфликтов с Испанией и решить вопрос о приобретении острова мирным путем. При президенте Полке (1845—1848) начались переговоры с Испанией о продаже Кубы, окончившиеся, правда, безуспешно¹⁹. Правительство демократов не осмелилось открыто поддержать готовившиеся на территории США экспедиции. Имущество первой из них было конфисковано в августе 1849 г.

Неудачи первых экспедиций, а также сдержанная политика США в этом вопросе охладили аннексионистские настроения большинства кубинских сторонников присоединения острова к США. Немаловажную роль сыграла также антианнексионистская агитация Х. А. Сако и Д. дель Монте, пользовавшихся большим влиянием среди кубинских плантаторских кругов. Изменилась и

¹⁷ Среди сторонников присоединения Кубы к США были долго жившие там прозаик Сирило Вильяверде, поэт Рамон де ла Пальма, адвокат Х. А. Эчеверриа и др.

¹⁸ Н. Лопес (1798—1851) — внучек по происхождению. Служа в испанской армии, принимал участие в борьбе против национально-освободительного движения народов Латинской Америки. В 1823—1827 гг. нес службу на Кубе. С 1841 г. обосновался на острове, занимая в период правления генерал-капитана Вальдеса (1841—1843) ряд ответственных постов. С 1843 г., оставив военную службу, включился в аннексионистское движение.

¹⁹ Merk F. La doctrina Monroe y el expansionismo norteamericano, 1843—1849. Buenos Aires, 1968. P. 221.

международная обстановка. Буржуазные революции в Европе были подавлены. Испания стала оказывать резкое противодействие давлению Англии в вопросе отмены рабства. В такой обстановке Гаванский клуб практически прекратил свою деятельность на Кубе, а среди кубинских эмигрантов в США произошел раскол.

Центром аннексионистской деятельности теперь стал Новый Орлеан, куда переехали Лопес и его немногочисленные кубинские сторонники. Последующие экспедиции готовились исключительно на средства рабовладельцев южных штатов. В мае 1850 г. Н. Лопесу удалось достичь берегов Кубы в районе Карденаса. Однако население острова встретило его враждебно. Преследуемый испанскими войсками, он вынужден был покинуть остров.

К середине 1851 г. Н. Лопес подготовил последнюю экспедицию. Предполагалось одновременно поднять восстание в Пуэрто-Принсипе и Тринидаде. Однако события на острове развернулись ранее намеченного срока. Когда в августе 1851 г. Лопес высадился с отрядом в Баия-Онда (район Пинар-дель-Рио), участники выступления были казнены. Испанские войска, заранее осведомленные о предполагаемой высадке экспедиционного отряда, вскоре захватили всю группу Лопеса. 1 сентября 1851 г. он был публично гильотинирован.

Безуспешные попытки Н. Лопеса и его единомышленников поднять восстание на Кубе обнаружили непопулярность идеи аннексии среди креольского населения острова. В середине 50-х годов идея присоединения Кубы к США как средство достижения независимости от Испании при сохранении института рабства была отвергнута многими ее бывшими сторонниками. Некоторые активные участники движения, поняв ошибочность своих прежних идей, постепенно стали склоняться к убеждению в необходимости борьбы за подлинную независимость Кубы, связывая ее достижение с полной отменой рабства.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1868—1878)

С 40-х годов XIX в. начался невиданный до тех пор подъем хозяйственной деятельности на Кубе. Он был вызван все усиливавшимся воздействием мирового рынка на промышленном этапе развития капитализма, когда в наиболее развитых государствах подходил к завершению начавшийся в конце XVIII в. промышленный переворот. Качественные изменения во внешних связях вызвали глубокие структурные сдвиги в экономике Кубы.

Доминирующей отраслью экономики окончательно стало сахарное производство. Пытаясь повысить рентабельность и прибыльность инхениос в связи с возросшей конкуренцией свекловичного сахара, кубинские плантаторы начали активно внедрять достижения технической революции. К 1860 г. 70,8 % инхениос использовали паровой двигатель при промышленной переработке сахарного тростника²⁰. Постепенно стали внедряться и другие технические новшества, значительно повысившие производительность инхениос, например вакуумные аппараты для концентрации сахарного сока, горизонтальные дробилки. Использовались последние достижения химии и агротехники.

Главными центрами сахарного производства стали западные и централь-

ные районы острова. Так, в 1860 г. в западных — Пинар-дель-Рио, Гаване, Матансасе — и центральной провинции Лас-Вильяс было расположено 1065 инхениос, продукция которых оценивалась свыше 61 млн песо, в то время как в восточных — Камагуэе и Орьенте — всего 300 со стоимостью продукции в 6 млн песо. Производство сахара в 1860 г. достигло 447 тыс. т, а его экспорт составил 428 тыс. т²¹.

С конца 30-х годов XIX в. на Кубе развернулось строительство железных дорог. Первая из них была сооружена в 1833—1837 гг. при участии английского капитала. В последующие годы ветви железных дорог соединили основные районы сахарного производства с портами Гавана, Матансас, Тринидад, Санти-Спиритус и др. К началу 60-х годов протяженность железных дорог на Кубе составляла 1281 км, а капитал, затраченный на их сооружение, — 28 млн песо²².

Внедрение технических новшеств и строительство железных дорог ускорили процесс концентрации сахарного производства, повысили его производительную мощность. Однако преобразования затронули лишь промышленный этап переработки сахарного тростника, тогда как в сельском хозяйстве по-прежнему главной производительной силой оставались негры-рабы. В 60-х годах на плантациях сахарного тростника трудилось свыше 172 тыс. рабов, что составляло около 46 % общей численности невольничьего населения Кубы²³.

Более активно процесс складывания капиталистических элементов происходил в табачном производстве. Освободившись в 1817 г. от королевской монополии, оно стало развиваться ускоренными темпами. Основные районы его концентрации — провинции Пинар-дель-Рио и отчасти Орьенте. К 1862 г. на острове существовало 11 тыс. табачных плантаций, а производство табака достигло 251 тыс. т²⁴.

Именно в этой отрасли производства раньше, чем в других, произошло разделение труда, складывание сначала мануфактурных, а позднее и капиталистических предприятий. Использование труда рабов на табачных плантациях было незначительным — немногим более 17 тыс. человек²⁵. В промышленной переработке табачного листа использовался преимущественно труд свободного населения.

Внедрение парового двигателя и других технических новшеств ускорило процесс специализации и концентрации табачного производства. К началу 60-х годов на Кубе насчитывалось 1217 предприятий по изготовлению сигар (516 из них были сосредоточены в Гаване), а численность занятых на них наемных рабочих составила свыше 19 тыс. человек. Кроме того, на Кубе действовало 38 предприятий по изготовлению сигарет, на которых трудилось 2300 рабочих²⁶. Широкое распространение в табачном производстве получили мануфактуры рассеянного типа, где использовался труд надомных рабочих, в основном женщин и детей, а также солдат. Численность рабочих на наиболее крупных предприятиях достигала 300 человек, обычно же число рабочих не превышало 50 человек²⁷.

Именно в сфере табачного производства стали возникать первые отряды

²¹ *Pezueta J. de la*. Diccionario geográfico, estadístico, histórico de la isla de Cuba: T. 1—4. Madrid, 1863—1866. T. 1. P. 38; Informe sobre el censo. . . P. 537; *Moreno Fragnals M.* El Ingenio, Complejo económico-social cubano del azúcar: T. 1—3. La Habana, 1978. T. 3. P. 45.

²² *Pezueta J. de la*. Op. cit. T. 2. P. 330.

²³ Noticias estadísticas de la isla de Cuba en 1862. La Habana, 1864. S. p.

²⁴ *Sagra R. de la*. Op. cit. P. 175, 176.

²⁵ Noticias estadísticas. . . S. p.

²⁶ *Muñiz J. R.* Tabaco. Su historia en Cuba: T. 1—2. La Habana, 1965. T. 2. P. 291, 293.

²⁷ *Ibid.* P. 289.

кубинского рабочего класса и создаваться профессиональные организации. На первых порах они приобретали форму обществ взаимопомощи, сформировавшихся по национальному признаку.

К концу 60-х годов относятся возникновение первых пролетарских организаций табачников. В 1866 г. создается ассоциация табачников Гаваны, объединившая в своих рядах около 3 тыс. рабочих²⁸. В 1865 г. начала выходить газета табачников «Ла Аурора». Издатели газеты, прогрессивные общественные деятели Кубы, стали инициаторами массовых чтений для рабочих, сыгравших важную роль в распространении знаний среди пролетарских масс.

Наличие значительного количества неосвоенных и необрабатываемых земель (к середине XIX в. на Кубе обрабатывалась лишь одна десятая пригодных для обработки земель), особенно в провинциях Камагуэй и Орьенте, обусловило, несмотря на преобладающий рост крупного товарного землевладения, достаточно высокие темпы роста мелкой и средней земельной собственности. К 60-м годам XIX в. на Кубе насчитывалось свыше 35 тыс. мелких и средних хозяйств, постепенно попадавших в финансовую кабалу к крупным плантаторам и вынужденных выплачивать им различные формы ренты (от полунатуральной до денежной)²⁹. Этот процесс особенно заметно проходил в западных районах острова.

Продолжалось дробление крупных скотоводческих асьенд. На их основе возникали товарные по преимуществу животноводческие фермы, продукция которых шла на внутренний рынок. В 1860 г. их число составило около 9 тыс.³⁰

В 40—50-е годы определенного развития достигла горнодобывающая промышленность, особенно добыча меди. В середине XIX в. на Кубе существовала 31 компания по добыче меди, 2 наиболее крупные из них принадлежали Англии. Значительная часть добываемой меди (около 10 тыс. т) вывозилась в Англию³¹. В середине XIX в. получили развитие разработки хрома, извести, мрамора, гипса.

Особенно интенсивно разложение старых и складывание новых форм производственных отношений происходило в городах, которые к середине XIX в. стали крупными торговыми центрами со значительной концентрацией населения. Так, Гавана насчитывала свыше 200 тыс. жителей, Сантьяго-де-Куба — около 40 тыс. жителей. 15 портовых городов Кубы вели торговлю с другими странами.

В городах интенсивнее, чем в сельской местности, шел процесс социальной и имущественной дифференциации. Большое значение здесь приобрела буржуазная торговая прослойка населения. Значительного развития в городах достигли ремесла, связанные с основными экспортными отраслями производства: инструментальные, скобяные, бочарные, литейные, кузнечные. Некоторые из них использовали паровые машины. Существовала также разветвленная сеть ремесленных по преимуществу предприятий, обеспечивавших потребности внутреннего рынка: кожевенные, дубильные, часовые мастерские, предприятия по изготовлению стульев, экипажей, мебели, обуви и т. д.

В середине XIX в. появились зачатки легкой и пищевой промышленности: сыроваренной и молочной, спиртоводочной, спичечной, бумажной, мыловаренной³².

²⁸ Зорина А. М. Рабочее движение на Кубе, 1850—1925 гг. М., 1975. С. 50.

²⁹ Pezuela J. de la. Necesidades de Cuba. Madrid, 1865. P. 38—39.

³⁰ Sagra R. de la. Op. cit. P. 81, 85.

³¹ Historia de la Nación Cubana. T. 4. P. 217.

³² Noticias estadísticas. . . S. p.

К середине XIX в. относится возникновение капиталистических форм торговли и кредита: страховых и акционерных компаний, торговых фирм, созданных кубинскими собственниками. К 1862 г. на Кубе функционировало 37 подобного рода компаний с капиталом свыше 200 млн песо³³. Однако кризисы 1857 и 1866 гг. вызвали банкротство многих из них.

К 60-м годам XIX в. темпы экономического роста замедлились. Стала сказываться неэффективность процесса первоначального накопления, осуществлявшегося в условиях колониальной зависимости. Гипертрофированный рост производительных сил усилил социальную дифференциацию, ускорил вызревание классовых антагонизмов, обострил социально-экономические противоречия, способствовал подрыву колониальной системы в целом.

К этому периоду значительная часть крупных и средних кубинских землевладельцев оказалась в финансовой кабале у испанского ростовщика. Нуждаясь в значительных ресурсах для перестройки своих предприятий, многие кубинцы прибегали к посредству испанских коммерсантов. Даже при очень высоких ценах на сахар на мировом рынке и обильном урожае редко кому из кубинских землевладельцев удавалось выплатить долг окончательно. Обычно он рос как за счет погашения процентов по старым, так и за счет новых займов. В наиболее тяжелом положении оказались земельные собственники восточных районов острова.

К 60-м годам XIX в. система рабства под воздействием внутренних и внешних факторов вступила в период глубокого затяжного кризиса. Запрещение работорговли и сокращение ввоза рабов вызвало значительное удорожание их труда. При общей стоимости инхенио в 350 тыс. песо одна треть этой суммы расходовалась на приобретение и содержание невольников³⁴.

Среди обуржуазившихся кубинских земельных собственников росло число осознавших историческую неизбежность гибели рабства. Не редкостью стало использование наемного труда. В 60-х годах в сфере промышленной переработки сахарного тростника было занято около 47 тыс. наемных рабочих³⁵.

Свидетельством внутреннего кризиса рабства являлся постоянный рост свободной метисно-мулатской прослойки населения. В 1861 г. она составила 232 тыс. человек, или 16 % общего числа населения³⁶. Эта категория населения проживала в основном в городах или становилась собственником небольших участков земли.

Численность несвободного населения в городах была незначительна — около 76 тыс. человек³⁷. Оно использовалось в основном в качестве домашней прислуги. Широко практиковалась в городах сдача раба в наем и последующее его освобождение за выкуп. Они пополняли полупролетарские слои городского и сельского населения, создавая резервную армию наемного труда.

Живучесть рабовладельческих пережитков способствовала глубокому размежеванию среди класса кубинских плантаторов. Сильны были позиции происпанских группировок среди наиболее зажиточных креольских собственников западных и центральных районов, наживших свои капиталы на контрабандной работорговле и на эксплуатации труда рабов. Испанские власти, в свою очередь, используя всячески культивируемый метрополией страх кубинских рабовладельцев перед угрозой негритянского восстания, стреми-

³³ Pezúela J. de la. Diccionario. . . Т. 3. P. 314.

³⁴ Ibid.

³⁵ Noticias estadísticas. . . S. p.

³⁶ Report on the census of Cuba, 1899. Wash., 1900. P. 711.

³⁷ Noticias estadísticas. . . S. p.

лись тем самым обеспечить свое политическое господство над островом на длительный период.

Если в вопросе о рабстве интересы кубинских крупных собственников смыкались с интересами испанской колониальной администрации, то в политической и экономической сферах все более нарастали неразрешимые противоречия. Представители аграрной и торговой креольской буржуазии, колониальная интеллигенция выражали недовольство системой колониального режима в целом.

Особое возмущение вызывала губительная таможенная политика. С 1795 по 1864 г., т. е. менее чем за 70 лет господства, Испания получила доход от всех видов палогов с Кубы в размере 567 млн песо³⁸. В 1860—1864 гг. лишь треть суммы всех поступлений с Кубы в испанскую казну расходовалась на нужды острова. Выкачивание колоссальных ресурсов препятствовало процессу накопления капитала в руках буржуазно-плантаторских кругов. В наиболее тяжелом положении, как правило, оказывались средние и мелкие землевладельцы, на плечи которых ложился двойной гнет: зависимость от крупного земельного собственника и многочисленные прямые и косвенные налоги (а их было 77), взимаемые испанской казной.

Но наибольший гнев креольского населения вызывала система политического бесправия, царившая вот уже несколько десятилетий. На Кубе по-прежнему оставался в силе режим военного времени, установленный еще в 1825 г., так и не был решен вопрос о тех «специальных законах», которые Испания обещала предоставить жителям колонии. Все важные посты в колониальном аппарате управления находились в руках испанцев. Они господствовали в Гаванском муниципалитете, финансовом и судебном органах, почтовом ведомстве. Испанцы занимали 183 вездущих поста в колониальных органах управления, в то время как кубинцы — 41³⁹.

Изменение международной обстановки, вызванное Гражданской войной 1861—1865 гг. и отменой рабства в США, развитием капитализма в Испании и усилением позиций либеральных испанских деятелей, вынудило метрополию смягчить колониальный режим. При генерал-капитанах Х. Серрано (1858—1862) и Д. Дульсе (1862—1866) были предоставлены свобода печати и собраний, несколько ослаблен режим военного времени. На Кубе вновь возникло движение в пользу реформ колониального управления. Это было уже широкое движение, имевшее сторонников и пропагандистов не только среди креольского населения, но и в самой Испании. На Кубе его возглавили крупные плантаторы западных и центральных районов острова, которые после отмены рабства в США отошли от идеи аннексии острова и стремились добиться от метрополии политических и экономических уступок, что позволило бы им безболезненно для своего класса решить проблему рабства. В 1863 г. начала выходить газета «Эль Сигло», на страницах которой открыто излагались основные требования сторонников реформ.

Движение за реформы колониального управления было поддержано и видными политическими деятелями Испании. В январе 1865 г. бывший генерал-капитан Кубы Х. Серрано выступил в кортесах с речью, в которой настаивал на необходимости осуществления ряда реформ социально-экономического и политического характера⁴⁰.

Речь Серрано была встречена с большим энтузиазмом на Кубе. В мае 1865 г. в Мадрид был направлен манифест, под которым подписалось свыше

³⁸ *Pezuela J. de la. Diccionario...* Т. 3. P. 381.

³⁹ *Infiesta R. Historia constitucional de Cuba. La Habana, 1951. P. 225.*

⁴⁰ *Información sobre reformas en Cuba y Puerto Rico. Nueva York, 1867. P. 42.*

24 тыс. кубинских жителей. В нем излагались основные требования: изменение существующей дискриминационной таможенной и налоговой политики, особенно части, касавшейся отношений с США, запрещение работоторговли, создание автономного правительства и представительство в испанских кортесах⁴¹.

Хотя среди кубинских сторонников реформ широко дискутировался вопрос об отмене рабства, в программе он не был даже затронут.

25 ноября 1865 г. в Испании была сформирована Информационная хунта. Она должна была рассмотреть основы тех «специальных законов», которые Испания, согласно статье 80 конституции, обещала разработать еще в 1837 г.

В работе хунты приняли участие 22 представителя от колоний (16 — от Кубы и 6 — от Пуэрто-Рико) и 22 делегата, назначенных испанским правительством. Заседания Информационной хунты проходили с 30 октября 1866 по апрель 1867 г. Вопреки желанию кубинских делегатов начать с обсуждения политических требований первым рассматривался вопрос о рабстве. Радикальные позиции пуэрто-риканских делегатов, настаивавших на немедленной отмене этого позорного института, вызвали недовольство кубинских делегатов. Несмотря на пламенные речи в защиту аболиционистских идей, на практике они оказались не в состоянии осуществить план отмены рабства.

В конце апреля 1867 г. кубинские реформаторы были все-таки вынуждены представить не отличавшийся радикальностью проект отмены рабства. Он предполагал постепенную его отмену в течение 7 лет с выкупом. Освобождению подлежали рабы, достигшие 60-летнего возраста, и дети рабов в возрасте до 7 лет⁴².

Еще 12 февраля, в разгар работы Информационной хунты, на Кубе был опубликован королевский декрет, вводивший на острове 10 %-й налог на все виды собственности без каких-либо существенных изменений в действовавшей ранее налоговой системе. Ни одно из выдвинутых ими требований так и не было принято к сведению. Воспользовавшись колеблющимися позициями кубинских сторонников реформ в вопросе о рабстве, метрополия превратила работу Информационной хунты в политический фарс.

На Кубе сложилась напряженная политическая обстановка, усугубившаяся последствиями мирового экономического кризиса 1866 г. Резко упали цены на экспортные товары, особенно на сахар и табак, парализовалась торговля. Повышение таможенных тарифов на кубинский табак в США вызвал кризис табачного производства. Поступления в испанскую казну от экспортно-импортных операций в 1866—1867 гг. составили лишь 18,1 млн песо вместо 25 млн песо запланированных. Финансовый кризис вызвал банкротство многих акционерных компаний. Приостановили платежи Промышленный и Торговый банки, резко сократилось денежное обращение, а выпуск бумажных денег вызвал невиданную до тех пор инфляцию.

В тяжелом состоянии находились и финансы самой Испании, которая в 60-х годах активно участвовала в военных авантюрах: в 1861 г. захватила Санто-Доминго, вместе с Англией и Францией предприняла вооруженную интервенцию в Мексику, в 1864—1866 гг. развязала войну против Чили и Перу. Расходы на военные нужды метрополии составили 18 млн песо, значительную часть которых (свыше 12 млн) пришлось оплатить Кубе⁴³.

Введение нового налога, который должен был вступить в силу с июля

⁴¹ Documentos... Т. 1. P. 352.

⁴² Información... P. 287—292.

⁴³ Portell Vilá II. Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España: T. 1—4. La Habana, 1938—1941. Т. 2. P. 193.

1867 г., вызвало недовольство кубинских собственников. Значительная часть креольского населения оказалась не в состоянии уплатить его в связи с экономическим застоем. К тому же сборщики налогов зачастую требовали уплаты налога в золотой монете, а не в серебряной, что значительно повышало их реальный объем. Дело доходило до стычек между представителями испанских властей и кубинскими собственниками.

В такой обстановке летом 1867 г. в восточной части острова развернулась подготовка вооруженного восстания с целью свержения испанского колониального гнета. Центром конспиративной деятельности стал Баямо. Впоследствии революционная деятельность перекинулась в Мансанильо, Ольгин и другие близлежащие города. В сентябре 1868 г. в Испании началась пятая буржуазная революция, в этом же месяце вспыхнуло восстание в Пуэрто-Рико.

**НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОЗДАНИЕ
КУБИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(октябрь 1868—апрель 1869)**

На рассвете 11 октября 1868 г. в инхенио «Ла Дсмахагуа» (недалеко от Мансанильо) раздался колокольный звон, возвестивший о начале освободительной борьбы на Кубе. Возглавил ее земсельный собственник Карлос Мануэль де Сеспедес⁴⁴. В тот же день, собрав своих единомышленников и освобожденных им рабов (около 50), он обратился к ним с манифестом⁴⁵.

Манифест представлял собой важный политический документ. Его по праву можно назвать Кубинской декларацией независимости. Впервые в истории антиколониальной мысли манифест апеллировал не к испанским сводам законов, а к естественноправовой доктрине, согласно которой все люди равны от природы и обладают неотъемлемыми правами. Важное место в документе отводилось изложению обвинений в адрес метрополии и обоснованию причин, побудивших кубинский народ пойти на окончательный разрыв отношений с Испанией. Манифест ставил задачу постепенной отмены рабства с выкупом, установления свободных и равноправных экономических отношений с другими странами, декларировал всеобщее избирательное право как выражение идеи народного суверенитета и соблюдения неотъемлемых прав человека.

Отдавая приоритет задаче вооруженной борьбы за независимость, манифест подчинял ей и решение вопроса о формах политической организации этой борьбы. В нем предусматривалось создание сильной централизованной власти, сосредоточенной в руках главнокомандующего, обладающего функциями законодательной власти, и Правительственной комиссии в составе 5 человек с функциями исполнительной власти, призванной оказывать содействие в решении насущных задач освободительной борьбы.

Манифест предусматривал отмену установленных метрополией налогов и введение единого патриотического 5-процентного налога на все виды собственности, который мог в случае необходимости увеличиваться.

Пламя освободительной борьбы охватило вскоре близлежащие районы восточной части острова. Повстанцами были захвачены населенные пункты Хигуани, Эль-Датиль, Гиза, Санта-Рита и др. 15 октября во главе уже

⁴⁴ К. М. де Сеспедес (1819—1874) — юрист по образованию, с 50-х годов проявил себя как откровенный противник испанского колониального режима.

⁴⁵ Documentos... T. I. P. 358—362.

4-тысячного отряда К. М. де Сеспедес предпринял наступление на Баямо и после 3-дневной осады захватил его. Город был объявлен первой столицей Свободной Кубы. Здесь один из сподвижников К. М. де Сеспедеса, Педро Фигеро, создал гимн независимой Кубы.

К. М. де Сеспедес был провозглашен генерал-капитаном Революционной Кубы и одновременно главнокомандующим Освободительной армии.

27 декабря 1868 г., пытаясь усилить ряды Повстанческой армии за счет освобождаемых рабов, К. М. де Сеспедес издал приказ, согласно которому конфисковывались и получали свободу рабы противников революционной власти, а также беглые рабы, жившие в паленкес. Свободными провозглашались те рабы, хозяева которых передавали их в распоряжение Освободительной армии с правом компенсации после достижения независимости⁴⁶.

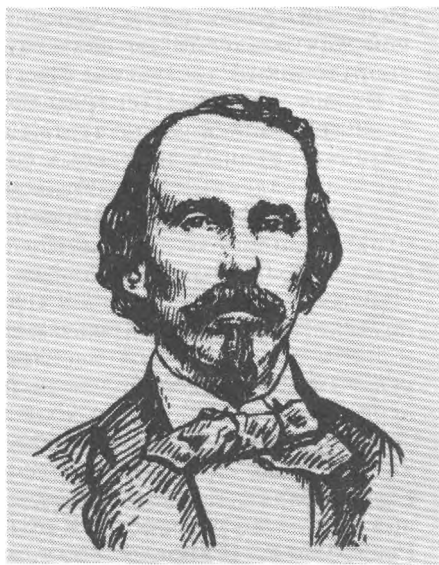
4 ноября 1868 г. началось восстание в провинции Камагуэй, значительная часть которой, за исключением городов, вскоре оказалась в руках повстанцев. Большую помощь в укреплении боевого духа патриотов оказала прибывшая в декабре 1868 г. первая экспедиция с оружием, подготовленная на территории США кубинскими эмигрантами во главе с Мануэлем де Кесадой⁴⁷.

Однако среди восставших не было единства. Руководители освободительной борьбы провинции Камагуэй отказались подчиниться правительству К. М. де Сеспедеса и создали собственные органы власти — сначала Революционный комитет центра, а в феврале 1869 г. — Ассамблею представителей центра. Одним из первых актов революционного правительства Камагуэя стал декрет об отмене рабства с выкупом. Одновременно все освобожденные рабы призывались вступать в ряды Освободительной армии⁴⁸.

Испанское правительство принимало всяческие меры для подавления восстания. Руководство военными операциями было поручено испанскому генералу Бальмаседе, который начал активное наступление на Баямо и 15 января 1869 г. после ожесточенного сопротивления захватил его.

6 февраля 1869 г. началось восстание в провинции Лас-Вильяс. Здесь также было сформировано местное правительство — Революционная хунта. Однако отсутствие оружия и опасность испанского наступления вынудили повстанческие отряды отойти в Камагуэй.

В отличие от восточных и центральных районов острова, где освободительная борьба принимала все более широкие масштабы, западная часть — Гавана, Матансас, Пиар-дель-Рио — продолжала оставаться под властью

К. М. де СЕСПЕДЕС

⁴⁶ *Céspedes C. M. de. Escritos*: T. 1 -2. La Habana, 1974. T. 1. P. 144 -145.

⁴⁷ М. де Кесада (1833—1884) — выходец из богатой креольской семьи провинции Камагуэй, участник аннексионистского движения 50-х годов. По политическим мотивам был вынужден покинуть родину. Сражаясь в Мексике против французских интервентов, получил звание бригадного генерала.

⁴⁸ *Documentos*. . . T. 1. P. 374—375.

Испании. Здесь были сосредоточены крупные силы испанских регулярных войск, что давало им возможность пресекать в зародыше любую попытку вооруженного восстания. Так, неудачей окончились локальные выступления в Вуэльта-Абахо (Пинар-дель-Рио) и в Хагуэй-Гранде (Матансас). Негативно сказались на развертывании здесь массовой освободительной борьбы позиции крупных земельных собственников — бывших сторонников реформ, все еще надеявшихся добиться от Испании либеральных уступок.

Таким образом, вспыхнувшая в октябре 1868 г. освободительная борьба охватила лишь восток и центр острова. Она была возглавлена радикальным крылом кубинских земельных собственников, представителями нарождавшейся кубинской торговой и аграрной буржуазии, революционно настроенной интеллигенцией, молодежью и студенчеством. Движущей силой на начальном этапе стали свободное население городов и крестьянство, однако по мере углубления освободительного процесса все более активную роль начинали играть освобожденные в ходе борьбы рабы.

Насущные задачи войны и все растущая угроза подавления восстания настоятельно требовали сплочения всех патриотических сил и создания единого правительства. После длительных переговоров относительно форм политического устройства Кубы было принято решение о создании Кубинской Республики. В апреле 1869 г. в Гуаймаро (провинция Камагуэй) собрались представители всех трех восставших провинций. Здесь 10 апреля 1869 г. в обстановке массового энтузиазма была принята первая в истории Кубы конституция⁴⁹. Она провозгласила Кубу федеративной республикой. Вся территория острова была разделена на 4 штата: Орьенте, Камагуэй, Лас-Вильяс и Оксиденте. Каждый штат имел равное представительство в законодательном органе власти — палате представителей.

Согласно конституции, исполнительная власть принадлежала президенту. Он назначал главнокомандующего Освободительной армии, имел право относительного вето на законопроекты, издаваемые палатой представителей. Он также утверждал послов революционной Кубы в другие страны, подписывал договоры с одобрения палаты представителей, принимал иностранных представителей.

Высшая законодательная власть принадлежала палате представителей. Ей были предоставлены широкие полномочия. Она назначала президента республики, главу палаты представителей и других членов правительственного кабинета, имела право смещать назначаемых ею представителей революционной власти. В ее ведении находились такие вопросы, как объявление войны и заключение мира, установление контрибуций и налогов, ратификация договоров с другими странами, создание и обеспечение армии, осуществление военных действий, право помилования преступников.

Судебная власть провозглашалась независимой, для ее организации предполагалось разработать специальный законопроект.

Конституция декларировала буржуазные свободы: слова, печати, собраний, вероисповедания, право на образование и другие неотъемлемые права человека. Согласно статье 24 конституции, все жители независимой Кубы объявлялись свободными и равными в правах. Статья 25 обязывала каждого жителя вступать в ряды Освободительной армии.

Президентом республики был избран Карлос Мануэль де Сеспедес, главой законодательной власти — Сальвадор Сиснерос Бетанкур, член Ассамблеи представителей центра (Камагуэй). Главнокомандующим был назначен Мануэль де Кесада.

Конституция Гуаймаро была прогрессивным политическим документом. В разработке ее основных положений приняли участие радикальные круги кубинской буржуазии, интеллигенции, молодежи и студенчества. Их мировоззрение формировалось под воздействием философской и политической мысли Просвещения, идей Французской революции 1789—1793 гг., американской Войны за независимость.

Само принятие конституции свидетельствовало, что война за независимость приобретала все более глубокую социальную направленность, объективно решая задачи не только национального освобождения, но и установления нового общественного порядка.

Однако при всей ее прогрессивности в конституции ни слова не было сказано об отмене рабства. Провозглашая равенство всех граждан, она, по существу, гарантировала это равенство лишь для белого населения острова, а категория свободы сводилась к категории свободы частной собственности и права свободно распоряжаться ею. Об этом свидетельствует изданный в июле 1869 г. «Регламент для либертос». Он предусматривал создание в каждом штате гражданских комиссий, которые должны были вести учет рабов, не состоявших на военной службе. Либертос (освобожденные рабы) обязаны были работать 9 часов в день на своего прежнего или нового хозяина и несколько дней безвозмездно в пользу республики. Им предоставлялся небольшой участок земли, который они должны были обрабатывать для своих нужд⁵⁰.

Регламент отражал интересы тех кругов примкнувших к освободительному движению кубинских плантаторов, которые не были заинтересованы в полной отмене рабства. Формально выступая сторонниками аболиционистских и антирабовладельческих идей, умеренные группировки кубинских собственников, вошедших в состав палаты представителей, стремились решить этот наиболее важный вопрос революции в своих интересах.

29 апреля 1869 г. палата представителей Кубы направила президенту США послание, в котором выразило желание видеть Кубу равноправным членом американской республики. Возникновение аннексионизма в тот период объясняется в первую очередь стремлением части политических деятелей провинции Камагуэй и Лас-Вильяс добиться освобождения от Испании как можно более бескровным, компромиссным путем — присоединив остров к США. Это позволило бы избежать долгой кровопролитной войны и экономической разрухи. Немаловажную роль сыграли присущие молодому поколению кубинских революционеров политическая незрелость и восторженно-наивная идеализация буржуазно-демократических и республиканских институтов США.

После создания республики палата представителей Кубы занялась разработкой гражданских законов, в частности законов о всеобщем избирательном праве, о бесплатном народном образовании, о гражданском браке, о свободе торговли и др.

Важное значение имел закон о создании Освободительной армии⁵¹. Статья I этого закона обязывала граждан в возрасте 18—50 лет вступать в ряды Освободительной армии. Было создано три дивизии, каждая из которых действовала в определенном районе. Дивизию Камагуэя возглавлял один из создателей текста Конституции Гуаймаро, Игнасио Аграмонте-и-Лойнас (1841—1873), Орьенте — американский генерал Томас Джордан, Лас-Вильяс — участник Гражданской войны в США кубинский генерал Ф. Кавада.

⁵⁰ Documentos. . . Т. 1. P. 380—382.

⁵¹ *Ponte Domínguez F. J. Historia de la Guerra de los Diez años. La Habana, 1958. P. 409—417.*

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

(апрель 1869—октябрь 1873)

Образование Кубинской Республики и создание Освободительной армии повысило боевой дух повстанческих сил и позволило на первых порах одержать ряд побед над превосходящими силами противника. Большую помощь оказали прибывшие весной 1869 г. две экспедиции, подготовленные кубинской эмиграцией в США.

Однако политическое и военное положение оставалось все же довольно сложным.

С самого начала кубинским патриотам пришлось столкнуться со многими трудностями, главной из которых являлась постоянная нехватка оружия и боеприпасов. Зачастую эта проблема решалась в бою. Удаленность провинций и отсутствие регулярной связи между отрядами, численное превосходство противника вынуждали повстанцев избегать открытых и крупных сражений и применять единственно действенную в создавшихся условиях тактику партизанских боев. Знание местности, большая маневренность позволяли кубинским мамбисес — так называли кубинских повстанцев испанцы — добиваться преимуществ и наносить неожиданные удары силам противника. В лучшие времена численность повстанческих сил не превышала 10—12 тыс. человек⁵², в то время как метрополия постоянно усиливала военный контингент на острове, а господство на западе страны позволяло ей регулярно отправлять на восток острова значительные резервы для подавления восстания.

К концу 1869 — началу 1870 г. генералу Бальмаседе удалось полностью завладеть положением в провинции Лас-Вильяс. Здесь действовали небольшие отряды кубинских патриотов, постоянно беспокоивших испанские гарнизоны.

В конце 1869 г. испанцы захватили Гуаймаро. С этого момента для кубинского революционного правительства начался период вынужденных маршей и передвижений. Отсутствие постоянного местонахождения осложняло законодательную деятельность правительства и претворение изданных законов в жизнь, а сосредоточение больших прерогатив в руках палаты представителей лишало главнокомандующего армии возможности принимать оперативные решения и выработать единый план военных операций.

Карательные акции испанского правительства, необходимость суровой и беспощадной борьбы с происпанскими элементами и предателями дела независимости, весь логический ход революционной борьбы заставил президента издать ряд декретов, способствовавших ее радикализации. В конце 1869 г. К. М. де Сеспедес издал приказ об уничтожении собственности откровенных сторонников испанского колониального режима. «Чем эффективнее будет осуществляться политика разрушения, тем скорее наша священная борьба приблизится к своему победному концу», — писал он в одном из своих циркуляров⁵³.

Вторым важным актом явилось издание в декабре 1870 г. декрета о полной отмене рабства, который президент охарактеризовал как «самое высочайшее достижение революции»⁵⁴.

Радикализация революционного процесса вызвала отход многих колеблющихся элементов от борьбы. В такой обстановке вновь возникли утихшие

⁵² Notes about Cuba. N. Y., 1872. P. 22—23; Facts about Cuba. N. Y., 1870. P. 10.

⁵³ Archivo Nacional de Cuba: Donativos y Remisiones. Leg. N 547, N 14.

⁵⁴ Céspedes C. M. de. Op. cit. T. 1. P. 223.

после создания кубинского правительства разногласия о формах и методах осуществления руководства освободительной борьбой. Мануэль де Кесада и ряд поддерживавших его военных лидеров считали необходимым расширить полномочия главнокомандующего армией. Его поддерживал президент К. М. де Сеспедес.

В декабре 1869 г. М. де Кесада обратился к палате представителей с просьбой расширить его прерогативы, в частности, в вопросах снабжения и пополнения армии. Палата представителей, обвинив его в диктаторских замашках, отстранила от руководства Освободительной армией. Вместо него был назначен Томас Джордан, однако и он не смог долго удержаться на этом посту. В марте 1870 г. Т. Джордан вынужден был покинуть Кубу. С декабря 1870 г. пост главнокомандующего Освободительной армией оставался вакантным.

В мае 1870 г. И. Аграмонте, выразив свое несогласие с декретом президента о разрушении плантаций и заводов сторонников испанского колониального режима, отстранился от руководства дивизией Камагуэя. Однако вскоре, осознав, что раскол внутри повстанческих сил наносит серьезный ущерб делу независимости, в январе 1871 г. он вновь возглавил освободительную борьбу в этом районе. По его инициативе на территории Камагуэя были созданы мастерские по изготовлению пушек, боеприпасов и одежды. Он установил строгую дисциплину в лагере повстанцев. Не имея специального военного образования, он стал подлинным лидером освободительной борьбы в этом районе.

В Ориенте под руководством выдвинувшихся в ходе войны руководителей — М. Гомеса (1836—1905), Антонио Масео (1845—1896), Каликсто Гарсии (1839—1898) и др. — в июле 1871 г. повстанческими силами удалось провести ряд успешных военных сражений в районе Гуантанамо. К началу 1872 г., разрушая плантации и заводы, кубинские патриоты полностью овладели положением в этом районе.

Тем не менее объективно складывавшаяся обстановка была не в пользу восставших. Испания постоянно усиливала военный контингент. Лишь за три года войны она направила на Кубу более 60 тыс. солдат, а ее военные расходы за этот период составили свыше 70 млн песо⁵⁵.

Негативно сказывалась на ходе освободительной борьбы политика США, от которых кубинцы надеялись получить бескорыстную помощь. Однако их ждало разочарование. В целом американское правительство заняло крайне неблагоприятную для кубинского народа позицию. Оно не сочло целесообразным признать Кубинскую Республику, чинило всяческие препятствия создававшимся на их территории кубинскими эмигрантами военным экспедициям.

В отличие от правительственной оппозиции прогрессивные общественные круги США с симпатией относились к событиям на Кубе. Американский народ рассматривал войну за независимость кубинского народа как справедливую борьбу за свободу и демократию и готов был оказать ему материальную и моральную помощь. Активная агитация в поддержку кубинского народа велась во многих городах США, в том числе в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Многие страны Латинской Америки — Чили, Венесуэла, Перу, Боливия, Бразилия, Мексика, Колумбия, Гондурас, Сальвадор — признали за Кубой право воюющей стороны. В Панаме, Мексике, Гаити, Перу, Венесуэле, Чили, Доминиканской Республике были созданы революционные хунты кубинцев-

⁵⁵ Notes about Cuba. P. 18.

эмигрантов, проводившие кампании по сбору средств для оказания помощи кубинскому народу.

Создание Кубинской Республики и принятие буржуазной по духу конституции произошли в условиях неблагоприятной и сложной политической обстановки. Освободительная борьба в силу объективных и субъективных причин не смогла распространиться на всю территорию острова, что затрудняло и делало практически невозможным претворение в жизнь многих законов и декретов.

За прошедшие годы кубинским повстанцам не удалось удержать ни одного городского центра в восточной и центральной части острова. Они имели преимущество лишь в сельской местности. Правительство Кубы, не имея постоянного местонахождения, вынуждено было следовать за отрядами Освободительной армии, не оказывая им никакой практической помощи. Отсутствию регулярной связи между отрядами провинций, а также вакантно место главнокомандующего мешало принятию единого плана военных действий. В такой обстановке фактическое значение как законодательной, так и исполнительной власти было номинальным, зато возросла роль и инициатива местных военных лидеров, выдвинувшихся в ходе освободительной борьбы.

Серьезным тормозом на пути успешного развития революционной борьбы стали усиливавшиеся разногласия между законодательной и исполнительной властью. Поводом для их возникновения послужило назначение президентом К. М. де Сеспедеса без ведома палаты представителей бывшего главнокомандующего Освободительной армии М. де Кесады полномочным представителем в США. Президент пытался этим слотить ряды кубинской эмиграции, которая переживала серьезные трудности.

На первых порах возглавлявшие эмиграцию члены сформированного в начале 1869 г. Центрального агентства, сумевшие сохранить значительные состояния, оказывали материальную помощь кубинским патриотам. Однако после неудачных попыток добиться от правительства США признания Кубинской Республики они практически отошли от революционной деятельности. Крайне разнородный состав кубинской эмиграции (помимо крупных собственников и аристократии Запада, ее представляли табачники, ремесленники, кубинская интеллигенция), различие политических взглядов и целей вызвало размежевание ее рядов. Назначение М. де Кесады не принесло желаемого результата и лишь еще более накалило обстановку среди как эмиграции, так и повстанческих сил на Кубе. Вскоре разногласия между президентом и палатой представителей, выйдя за рамки чисто парламентских споров, вылились в откровенную борьбу за власть.

Еще в феврале 1870 г. было принято дополнение к конституции об учреждении поста вице-президента. Им был назначен сподвижник К. М. де Сеспедеса Ф. В. Агилера (1821—1877). В июле 1871 г. К. М. де Сеспедес направил Ф. В. Агилеру в США, назначив его представителем кубинского правительства. Это решение вызвало недовольство членов палаты представителей, обвинивших президента в неуважительном отношении к издаваемым палатой представителей законам.

13 апреля 1872 г. палата приняла новое дополнение к конституции, согласно которому в случае отсутствия президента и вице-президента республики временным президентом становится глава палаты представителей. Этот декрет вызвал недовольство К. М. де Сеспедеса и послужил поводом для усиления разногласий. Непосредственная во многих вопросах деятельность самого президента, предпринимаемые им частые перестановки военного командования провинции Орьенте лишили его поддержки ряда видных лидеров вооруженной борьбы этого района. Многие неудачи объектив-

ного характера, отсутствие единства среди эмиграции — все это ставили в вину президенту его политические противники.

В такой обстановке собравшаяся в октябре 1873 г. палата представителей сместила с поста президента К. М. де Сеспедеса⁵⁶, назначив временным президентом Сальвадора Сиснероса Бетанкура.

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1874—1878)

Одной из насущных задач длившейся уже пять лет войны являлась необходимость распространения ее на всю территорию острова. Внутренние ресурсы районов, где сражались повстанческие отряды, были истощены. Постоянно возникали проблемы с питанием, оружием, обмундированием для солдат Освободительной армии. Серьезной оставалась и проблема пополнения рядов повстанческих сил, которую можно было решить, лишь освободив рабов, находящихся на территории западных районов острова. С конца 1873 г. кубинская эмиграция, раздираемая внутренними противоречиями, практически прекратила оказание материальной помощи повстанцам. Расширение масштабов освободительной борьбы стало жизненно важной проблемой.

В конце 1873 г. произошла перестановка военного руководства, назначены новые члены правительства. Вся территория республики была разделена теперь лишь на два военных округа — Восточный и Западный. Командующим повстанческими силами Оксиденте был назначен Максимо Гомес, Орьенте — Каликсто Гарсия. Выдвинувшийся в годы войны генерал Висенте Гарсия был введен в состав правительства в качестве военного министра.

В январе 1874 г. в местечке Сан-Диего-де-Буэнавентура (Камагуэй) состоялось совещание правительства совместно с военным руководством. Было принято решение начать подготовку к вторжению на территорию провинции Лас-Вильяс, против чего выступил генерал Висенте Гарсия.

Вскоре Максимо Гомес начал готовить отряды вторжения. Испанское командование, осведомленное о готовившейся операции, решило парализовать силы патриотов и выдвинуло крупные силы своих войск. В феврале—марте 1874 г. произошли два сражения, в результате которых армия повстанцев нанесла противнику существенные удары, вынудив испанцев отступить. Однако кубинцы тоже понесли значительные потери, в результате чего М. Гомес вынужден был временно прекратить продвижение в западном направлении. В течение лета и осени 1874 г. он предпринял ряд успешных операций в районе Пуэрто-Приंसипе, Нуэвитаса, Каскорро, Сибанику, захватывая в бою боеприпасы, оружие, продовольствие.

В январе 1875 г. Максимо Гомес вновь предпринял наступление на запад, однако успешно начатая кампания вторжения вскоре была приостановлена ввиду возникших серьезных разногласий среди повстанческих сил. Первые признаки их наметились еще в конце 1874 г., когда чать отрядов из Тунаса, руководимая подполковником Х. С. де Леоном, отказалась подчиняться приказам назначенного главнокомандующим армии Орьенте Каликсто Гарсии.

В январе 1875 г. вновь последовали перестановки военного руководства. Висенте Гарсия был назначен командующим армии Центра, куда входил и район его действий Тунас. Однако честолюбивый генерал отказался подчи-

⁵⁶ Дальнейшая судьба первого президента Кубинской Республики была печальна. В феврале 1874 г., ожидая разрешения правительства покинуть Кубу, он был атакован испанским отрядом в местечке Сан-Лоренсо (недалеко от Сантьяго-де-Куба) и в перестрелке убит.

питься приказам верховной власти и в мае 1875 г. организовал заговор в Лагунас-де-Вароне. К нему примкнула часть отрядов, направленных на подкрепление М. Гомесу, а также сторонники первого президента К. М. де Сеспедеса. Заговорщики, потребовав отставки президента С. Сиснерос Бетанкура и создания нового правительства, выразили негативное отношение к плану вторжения в западные районы и нежелание посылать подкрепление из Орьенте⁵⁷.

С. Сиснерос Бетанкур вынужден был уйти с поста президента. Временным главой исполнительной власти был назначен Х. Б. Споторно, а в марте 1876 г. этот пост занял Томас Эстрада Пальма.

Мятеж В. Гарсии, повлекший за собой повывы, более серьезные разногласия, выявил неспособность высшей законодательной власти эффективно решать задачи освободительной борьбы и обеспечить единство всех патриотических сил. Более того, падение авторитета правительства после смерти К. М. де Сеспедеса углубило политические разногласия внутри повстанческих сил, усилило местнические настроения, регионализм, ярким примером чего явилось поведение генерала В. Гарсии.

Испанское командование, воспользовавшись тяжелым положением повстанцев, предприняло в начале 1876 г. наступление и нанесло поражение отрядам М. Гомеса. Военные неудачи вызвали еще более глубокий раскол, привели к возникновению расовых предрассудков. Против А. Масео были выдвинуты обвинения в попытке создать республику «цветных». Отряды провинции Лас-Вильяс отказывались служить под командованием военных руководителей из Орьенте. В результате всех этих негативных факторов Антонио Масео, а впоследствии и сам М. Гомес были вынуждены прекратить борьбу и вернуться в Орьенте. Вместо М. Гомеса командующим был назначен Висенте Гарсия.

Серьезные разногласия в руководстве восстанием, отсутствие единства оказали глубокое деморализующее влияние на солдат Освободительной армии. Многие из них, уставшие после стольких лет непрерывной борьбы, голода и лишений, преданные своими руководителями, прекратили сопротивление и разошлись по домам. Пораженческие настроения превалировали у большинства военных лидеров Камагуэя и Лас-Вильяса.

В течение 1877 г. испанские войска под командованием генерала Мартинеса Кампоса практически подавили очаги восстания в этих районах. В октябре 1877 г. начались переговоры с представителями испанского командования о прекращении вооруженного сопротивления.

10 февраля 1878 г. в местечке Санхон (недалеко от Пуэрто-Принсипе) был подписан компромиссный Санхонский договор⁵⁸. Кубе предоставлялись те же политические права, что и Пуэрто-Рико. Она имела теперь право посылать своих представителей в испанские кортесы. Наиболее важной была статья, согласно которой рабы и лица азиатского происхождения, сражавшиеся в рядах Освободительной армии, получили свободу⁵⁹. Другие статьи договора касались условий капитуляции и процедуры сдачи повстанцами оружия.

Небольшая группа патриотов во главе с А. Масео, не признав Санхонский договор, продолжала оказывать сопротивление испанским войскам. Мартинес Кампос решил лично встретиться с Масео. Встреча состоялась 15 марта 1878 г. в Мангос-де-Барагуа. Однако она не привела к желаемым результа-

⁵⁷ Archivo Nacional de Cuba: Donativos y Remisiones. Leg. N 468, N 19.

⁵⁸ Collazo E. Desde Yara hasta el Zanjón. La Habana, 1967. P. 84—85.

⁵⁹ Ibid. P. 84—85.

там. А. Масео отверг мирный договор, не признававший независимости Кубы, став для кубинского народа «символом непокоренного духа и неистребимой воли к борьбе»⁶⁰.

23 марта были возобновлены военные действия в Орьенте. Однако силы были неравны. Сказывались годы длительной борьбы. После обсуждения создавшегося положения было решено направить А. Масео за границу с целью сбора средств для продолжения борьбы. 10 мая 1878 г. он покинул Кубу. Вскоре прекратила сопротивление оставшаяся в Орьенте группа патриотов.

Таким образом, Десятилетняя война за независимость, положившая начало длительному процессу национально-освободительной борьбы кубинского народа за свою независимость, завершилась подписанием компромиссного Санхонского договора. Он не означал полной победы для Испании. Сам факт того, что испанское правительство было вынуждено пойти на мирные переговоры с повстанческими силами, свидетельствовал о значительных политических уступках кубинцам. Десятилетняя война тяжело отразилась на внутреннем положении самой Испании. За период 1868—1878 гг. метрополия направила на подавление восстания значительные контингенты испанских регулярных сил — около 181 тыс. солдат и офицеров, из которых более половины (96 тыс.) погибли во время сражений, 11 тыс. получили тяжкие увечья, 14 тыс. оказались непригодными к строевой службе в результате перенесенных эпидемических заболеваний. Военные расходы Испании составили огромную по тем временам сумму — 700 млн песо⁶¹.

Одной из причин незавершенности освободительной войны стало то, что она не была поддержана всем крестьянским населением острова, а очаг освободительной борьбы не смог распространиться на всю территорию острова. Западные районы стали опорой испанского колониализма, что давало метрополии возможность посылать оттуда значительные контингенты для подавления восстания на востоке страны.

Нечеткость классовых позиций торговой и аграрной по преимуществу кубинской буржуазии, вызванная двойственным положением самих кубинских собственников, выявила их неспособность радикальным образом решить самый важный вопрос освободительной борьбы — вопрос о рабстве.

Победе национально-освободительной борьбы мешала политическая незрелость ее руководства, отсутствие четкого понимания идеи независимости, стремление связать ее решение с вопросом о присоединении Кубы к США. Ф. Кастро в связи с этим отметил, что в тот период «понятия индипендентизма и сепаратизма не были правильно осознаны всеми кубинцами. Многие из них понимали независимость как логическое и естественное следствие присоединения острова к США. Возвращение к идее аннексии Кубы США ложится черным пятном на деятельность палаты представителей, однако оно объясняется искаженным и неверным пониманием независимости»⁶².

Хотя главная цель Десятилетней войны не была достигнута, ее значение для всего последующего развития Кубы неоспоримо. Одним из главных ее итогов явилась отмена рабства в восточной части острова⁶³. Война сыграла

⁶⁰ I съезд Коммунистической партии Кубы. Гавана, 17—22 декабря 1975 г. М., 1976. С. 15.

⁶¹ Piralá A. Historia contemporánea: Anales de la guerra civil: Vol. 1—6. Madrid, 1893—1895. Vol. 6. P. 117, 932.

⁶² De la Demajagua a la Playa Girón: Un encuentro del pueblo con su propia historia. La Habana, 1978. P. 138.

⁶³ С 1868 по 1878 г. численность несвободного населения на Кубе сократилась с 368 тыс. до 228 тыс., т. е. на 37 %. К 1883 г. на острове насчитывалось всего 99 566 рабов. См.: Knight F. Slave society in Cuba during the nineteenth century. Madison, 1970. P. 176—177.

решающую роль в окончательной ликвидации этого позорного института в 1886 г., самым серьезным образом подорвала устои колониального владычества на Кубе и способствовала углублению кризиса колониального испанского режима.

Велико идеологическое воздействие Десятилетней войны. Ее прогрессивное наследие отразилось на всех последующих этапах национально-освободительной борьбы кубинского народа. Она стала важной школой революционной борьбы для будущих поколений кубинских революционеров. Во время Десятилетней войны были выработаны формы и методы борьбы, присущие лишь кубинскому революционному движению, которые впоследствии не раз были использованы кубинскими борцами за свободу и независимость.

Десятилетняя война за независимость Кубы была направлена на достижение двух взаимосвязанных целей: уничтожение колониального гнета и одновременно преобразование общественного устройства в буржуазном духе. Будучи антиколониальной, антирабовладельческой, национально-освободительной борьбой, она объективно решала и задачи буржуазной революции. Ее главное историческое значение состоит в том, что она расчистила почву для более успешного развития капиталистических отношений, ускорила процесс формирования кубинской нации.

Война за независимость на Кубе явилась логическим продолжением национально-освободительного процесса, начавшегося в странах Латинской Америки в начале XIX в.

ГАИТИ В 1818—1888 ГОДАХ

Глава 14

После кончины Петiona в 1818 г. новым президентом Республики Гаити стал его секретарь и командующий гвардией мулатский генерал Жан-Пьер Буайе. Два года спустя, когда стало известно о смерти Кристофа, Буайе во главе 20-тысячной армии прибыл в Кап и объявил об объединении страны. В 1822 г. он присоединил также восточную часть острова, которая оставалась в составе Гаити до 1844 г. Правление Буайе, продолжавшееся четверть века (1818—1843), было самым длительным в истории страны.

Во время президентства Буайе Франция пыталась восстановить свое господство в Гаити. В 1821 г. Людовик XVIII направил в негритянскую республику своих представителей для переговоров. Они продолжались несколько лет. Франция требовала уплаты возмещения бывшим французским плантаторам за конфискованные земли и имущество и не соглашалась признать полную независимость Гаити. В 1824 г. переговоры были прерваны. Правительство Буайе отвергло притязания Франции. В 1825 г. французская военная эскадра подошла к Порт-о-Пренсу, и гаитянское правительство было вынуждено одобрить королевский эдикт от 17 апреля 1825 г., по которому Франция признавала независимость Республики Гаити при условии выплаты последней грабительской компенсации в размере 150 млн фр. Франция добила также предоставления особых льгот своим коммерсантам: для них в два раза снижались пошлины на экспортируемые и импортируемые товары. Эта уступка наносила значительный ущерб экономике Гаити, поскольку таможенные сборы являлись основным источником государственных доходов.

Казна была пуста, и, чтобы сделать первый взнос, Буайе был вынужден взять у французских банкиров заем в размере 30 млн фр. Погашение займа и уплата компенсации, которая в 1838 г. была снижена до 60 млн фр., непосильным бременем легли на экономику Гаити. В течение длительного времени государственные средства главным образом шли на возмещение этой своеобразной «двойной задолженности»¹. Все это оказало пагубное влияние на последующее экономическое развитие негритянской республики и состояние ее финансов.

К концу правления Буайе в системе землепользования страны произошли значительные перемены. Наряду с латифундиями образовались и получали все большее распространение мелкие крестьянские хозяйства. К 1842 г. их насчитывалось более 46 тыс. Из государственного фонда было распределено около 200 тыс. га земли, в том числе и на севере, что составляло примерно 20—25 % всей обрабатываемой площади бывшей колонии².

Большинство новых владельцев не обладали ни капиталом, ни навыками ведения товарного хозяйства. Для обработки земли использовалась примитивная агротехника, не производились мелиоративные работы. На своих участках крестьяне выращивали главным образом продовольственные культуры для реализации на местном рынке. Производство традиционных экспортных культур, за исключением кофе, не требовавшего большого труда, почти полностью прекратилось. Упадок этих культур наблюдался и в хозяйствах латифундистов, которые не находили рабочих рук. Работа на плантациях, ассоциировавшаяся в сознании бывших рабов с жесточайшей эксплуатацией, вызывала сопротивление крестьян, стремившихся всеми силами приобрести клочок земли и вести собственное, зачастую нерентабельное, хозяйство.

В результате коммерческое производство сахара, какао, хлопка и даже кофе резко сократилось³. В связи с этим уменьшились государственные доходы, полностью зависевшие от продажи экспортных продуктов, в первую очередь кофе.

Между тем правительство остро нуждалось в деньгах, чтобы содержать многочисленную армию, бюрократический аппарат и осуществлять выплату внешней задолженности. Попытки Буайе в 1826 г. законодательным путем возродить крупные плантации и прикрепить работников к земле, а также добиться от мелких собственников увеличения сельскохозяйственного производства окончились неудачей.

Снижение мировых цен на товары, составлявшие основу гаитянского экспорта, и неуклонное сокращение его объема обострили тяжелое экономическое положение страны. Усилились разногласия в правящей верхушке. Открытое недовольство правлением Буайе, при котором мулатская торговло-плантаторская буржуазия монополизировала политическую власть в Гаити, стали выражать представители негритянской земельной олигархии и высшего офицерства. Движение против диктатуры Буайе возникло и среди мулатских правящих кругов, требовавших перемен в стране. В начале 1843 г. группа молодых офицеров-мулатов во главе с генералом Шарлем Эраром подняла восстание на юге Гаити. Оказавшись в изоляции, Буайе подал в отставку и покинул страну.

Главой временного правительства стал Эрар. В декабре 1843 г. Учредительное собрание приняло новую конституцию, считающуюся по форме самой

¹ *Pierre-Charles G.* La economía haitiana y su vía de desarrollo. México, 1965. P. 173.

² *Lepkowski T.* Haiti: T. 1—2. La Habana, 1968—1969. T. 1. P. 121—122.

³ *Moral P.* L'Économie Haïtienne. Port-au-Prince, 1959. P. 88.

демократической конституцией Гаити в XIX в.⁴ Она ограничивала власть президента, в частности отменяла пожизненное президентство, предусматривала создание на местах гражданских выборных органов самоуправления — муниципалитетов, назначение префектов и т. д.

В январе 1844 г. Эрар был избран президентом. Предпринятая им попытка провести в жизнь намеченные конституцией административные реформы встретила сильную оппозицию со стороны негритянских генералов, которые, пользуясь практически неограниченной властью на местах (военные стояли во главе департаментов, округов, коммун), усматривали в учреждении органов местного самоуправления угрозу своим позициям. Тем временем на юге, в горах Ла-Отт, вновь вспыхнули волнения безземельных крестьян, а в конце февраля жители восточной части острова, бывшей испанской колонии Санто-Доминго, подняли восстание. Они объявили об отделении от Гаити и образовании независимого государства, принявшего название Доминиканская Республика. С намерением быстро подавить мятеж Эрар во главе 30-тысячной армии выступил в марте на восток. Спустя два месяца в разгар военной кампании против доминиканцев он узнал, что отстранен от власти.

Падение Эрара было предопределено мощным крестьянским восстанием, охватившим юг страны. Его возглавил бывший военный Жан-Жак Акао. Он обвинял правящие классы в эксплуатации крестьян, выступал за социальную справедливость и равенство, предоставление народным массам права на образование. Восстание переросло в «настоящую жакерию». Крестьяне-батраки требовали отобрать имущество и землю у богатых плантаторов мулатов и негров и распределить между «пролетариями»⁵. В апреле 1844 г. несколько тысяч повстанцев, вооруженных мачете, старинными ружьями и самодельными пиками (откуда их название «пикес»), овладели Ле-Кс, Жереми и другими населенными пунктами. Напуганные этими событиями, представители мулатских правящих кругов — сторонники бывшего президента Буайе решили сместить Эрара и назначить на его место популярного негритянского военного деятеля, который навел бы в стране «порядок» и в то же время представлял бы на посту президента чисто символическую фигуру.

Так в мае 1844 г. новым президентом Гаити стал 87-летний генерал-негр Филипп Герье, участник войны за независимость. Он был совершенно неграмотным, и фактически страной управлял Государственный совет, состоявший из чиновников-мулатов. Через 11 месяцев Герье умер. В последующие два года сменилось еще два президента-негра — Жан-Луи Пьерро и Жан-Батист Рише, такие же неграмотные престарелые генералы, как их предшественник. И все это время страной правила верхушка мулатов, министры и советники — «дублеры», как они себя называли⁶.

При избрании преемника президента Рише, скончавшегося в феврале 1847 г., ни один из двух претендентов, выдвинутых различными группировками сената, не получил требуемого большинства голосов. Тогда верные своей тактике сенаторы-мулаты предложили кандидатуру негритянского генерала Фостена Сулука, командовавшего охраной президентского дворца. Он был известен глубоким невежеством и ограниченностью, отсутствием всякого политического честолюбия. Сенаторы полагали, что Сулук, неспособный

⁴ *Nicholls D. From Dessalines to Duvalier: Race, Colour and National Independence in Haiti.* Cambridge, 1979. P. 78.

⁵ *Barros J. Haiti de 1804 à nos jours.* P., 1984. P. 331; *Moral P. Op. cit.* P. 43; *Bellegarde D. La Nation Haïtienne.* P., 1938. P. 113.

⁶ *Bellegarde D. Op. cit.* P. 114.

даже на то, чтобы собственноручно поставить подпись, будет послушной марионеткой в их руках. В результате достигнутого компромисса 1 марта 1847 г. Сулук был избран президентом страны.

Вскоре, однако, бывший начальник президентской охраны показал своим мулатским «покровителям», что намерен править единолично⁷. Назначив на командные посты в армии и полиции Порт-о-Пренса преданных ему людей, Сулук в начале апреля 1848 г. сместил всех прежних министров-мулатов и сформировал новое правительство из негров. Затем он решил расправиться со своими политическими противниками, большинство которых составляли мулаты⁸.

В апреле в Порт-о-Пренсе начались массовые убийства мулатских политических деятелей, министров, сенаторов, купцов, интеллигенции. Эти репрессии вызвали восстание цветного населения на юге страны. Войска под предводительством самого Сулука учинили расправу над противниками режима в Акене, Жереми, Ле-Ке. Сломив довольно легко сопротивление мулатов, разобщенных из-за непрерывных внутренних раздоров, Сулук установил единоличную власть.

В августе 1849 г. сенат провозгласил Сулука императором под именем Фостена I, и республика вновь была преобразована в империю. Месяц спустя монархический строй был закреплен новой конституцией. Ввиду натянутых отношений Гаити с Ватиканом, коронация состоялась только через три года. Как и Кристоф, Сулук учредил титулованное дворянство. Принцами, герцогами, маркизами, графами и т. д. стали в основном негритяские генералы, крупные землевладельцы, высшие правительственные чиновники.

С приходом к власти Сулука в Гаити восторжествовала реакция, грубая сила, невежество. Жестокое подавление всякой оппозиции, всего нового и прогрессивного привело к тому, что в стране на долгие годы «воцарилась кладбищенская тишина»⁹. Коррупция, казнокрадство, контрабандная торговля приняли при Сулуке невиданный размах. Император и его приближенные беззастенчиво грабили народ, ничего не делая для развития сельского хозяйства, торговли, образования.

Завоевание Доминиканской Республики стало для режима Сулука навязчивой идеей. Первый поход против доминиканцев он осуществил в 1849 г. Несмотря на подавляющее численное превосходство, гаитянская армия была разбита. Новый поход в 1855 г. также завершился сокрушительным поражением императорских войск. Сулук обвинил в военной неудаче своих восначальников, и многие из них были расстреляны. Опасаясь заговоров, гаитянский деспот не доверял никому.

12-летнее правление Сулука привело к полной дезорганизации хозяйственной жизни. Страна была наводнена обесцененными бумажными деньгами. Выплата внешней задолженности не производилась. Жестокость Сулука восстановила против него все слои населения. В конце декабря 1858 г. в Гонаиве офицеры местного гарнизона подняли восстание, которое возглавил пачальник штаба армии генерал-мулат Фабр Жефрар. «Революционный комитет», учрежденный повстанцами, провозгласил отмену империи и объявил Жефрара президентом. Империя распалась. В начале 1859 г. Сулук отрекся от престола и бежал на Ямайку.

18 января 1859 г. Жефрар был избран президентом Гаити. Сенат восстановил республиканскую конституцию 1846 года, а вместе с ней и пожизненное

⁷ Ibid. P. 117.

⁸ Nicholls D. Op. cit. P. 82.

⁹ Гонимонский С. А. Гаитянская трагедия. М., 1974. С. 46.

президентство. Стремясь укрепить военную опору своей власти, дабы предотвратить выступление армии против режима, Жеффар сократил ее численный состав до 15 тыс. и создал новую, обученную французскими военными специалистами, верную ему преторианскую президентскую гвардию — 3-тысячный корпус стрелков.

Правительство провело ряд преобразований, необходимых для развития внешней торговли, активизации сельского хозяйства и увеличения экспорта. В разных частях острова были вновь открыты порты, создан небольшой торговый флот для каботажных перевозок, начато строительство дорог и мелиоративные работы.

Большое внимание Жеффар уделял развитию образования. Были открыты юридический институт, музыкальное, художественное и военно-морское училища и модернизирован медицинский институт. Значительной реорганизации подверглись средние учебные заведения — лицеи. Помимо Порт-о-Пренса и Кап-Аитьена лицеи появились также в ряде других городов. Преподавали в них приглашенные из Франции учителя. Правительство учредило стипендии для выпускников средних школ, которые за государственный счет могли получить высшее образование за границей. Это способствовало появлению местной интеллигенции и становлению национальной культуры. Однако получение среднего, а тем более высшего образования являлось привилегией господствующих классов. Подавляющее большинство населения Гаити продолжало оставаться неграмотным.

После заключения в 1860 г. соглашения с Ватиканом в Гаити прибыл архиепископ-француз с группой священников и монахов. Со временем французские религиозные и миссионерские организации создали под своим началом сеть церковноприходских школ и средних учебных заведений. Католическая церковь стала проводником французского влияния в стране, так как большую часть духовенства и церковных иерархов составляли французы.

В 1858 г. Жеффар нормализовал отношения с Доминиканской Республикой, заключив договор о мире и дружбе. Когда два года спустя Испания восстановила над восточной частью острова свое колониальное господство, гаитянское правительство выступило на стороне патристических сил, борющихся за независимость. В качестве ответной меры мадридский двор направил в Порт-о-Пренс военную эскадру и потребовал от Гаити прекращения помощи доминиканским повстанцам, выплаты Испании компенсации в размере 200 тыс. долл. и оказания почестей испанскому флагу. Хотя компенсацию удалось снизить до 25 тыс., подчинение Жеффара диктату Испании в стране расценили как капитуляцию. Престиж президента был подорван.

В июне 1862 г. Соединенные Штаты признали наконец независимость Гаити, и в сентябре в страну прибыл первый американский дипломатический представитель, правда всего лишь в ранге комиссара и генерального консула. В 1864 г. дипломатические отношения были также установлены между Гаити и Либерией.

Заговоры и мятежи против Жеффара не прекращались в течение всего 8-летнего его пребывания у власти. В мае 1865 г. мулатский майор Сильвен Сальнав поднял восстание на севере. Восставшие закрепились в Капе, блокировав правительственными войсками. Только через полгода, да и то благодаря вмешательству английских военных кораблей, подвергших бомбардировке позиции повстанцев, Жеффару удалось подавить мятеж Сальнава¹⁰. Иностранная интервенция на Гаити, предпринятая при попуститель-

¹⁰ *Heinl R. D., Heinl N. G. Written in Blood: The Story of the Haitian People, 1492 - 1971. Boston, 1978. P. 226-230.*

стве правительства Жеффара, вызвала возмущение в стране и недовольство в армии.

22 февраля 1867 г. личная охрана Жеффара обстреляла президентский дворец. В начале марта восстал гарнизон Сен-Марка. Антиправительственные выступления охватили другие районы страны. Видя, что положение безнадежно, Жеффар сложил полномочия и покинул Гаити. Спустя несколько дней власть в стране захватил сторонник Сальнава генерал Ниссаж-Саже, ставший главой временного правительства. 14 июля 1867 г. Учредительное собрание приняло новую конституцию, отменившую пожизненное президентство. Сальнав был провозглашен президентом.

Гаитянские правители, негры и мулаты, стремившиеся лишь к удержанию власти, не помышляли о проведении глубоких социально-экономических преобразований, прежде всего в сельском хозяйстве. Большинство крестьян страдало от малоземелья и безземелья. Надельные мелкие собственники дробились и мельчали. Большинство крестьян не имели документов на право владения землей и становились жертвой произвола со стороны латифундистов, местных и центральных властей. В сельском хозяйстве сохранялись полуфеодалские отношения. Арендаторы и крестьяне-батраки обрабатывали земли латифундистов за плату натурой.

В руках государства находились значительные площади обрабатываемой земли. Однако начиная со второй половины XIX в. распределение земли между крестьянами, имевшее место во времена президентств Петтиона и Буайе, фактически прекратилось. Сменявшие друг друга у власти гаитянские диктаторы широко практиковали раздачу земельных угодий, иногда под видом распродажи, своим сторонникам и приближенным в качестве «вознаграждения» за лояльность¹¹. Крупные владения получали генералы, правительственные чиновники, члены парламента.

Между тем положение широких слоев народа оставалось тяжелым. Сильное негодование крестьян вызвал закон о принудительной дорожной повинности, известный в Гаити под названием «корве», который обязывал их бесплатно выполнять работы на дорогах. Растущее недовольство народных масс феодальной в сущности эксплуатацией, тиранией военных властей на местах, всевозможными поборами, насильственной вербовкой в армию проявилось с приходом к власти президента Сальнава.

Центром крестьянского движения стал север Гаити. Летом 1867 г. население горных районов (потомки беглых рабов-марронов, называвшие себя «како») подняло восстание. Несмотря на жестокие репрессии правительственных войск, Сальнаву не удалось разгромить повстанцев¹². В это время крестьянские волнения вспыхнули и на юге страны.

Под предлогом обострения внутриполитической обстановки Сальнав в апреле 1868 г. объявил себя пожизненным президентом и сосредоточил всю полноту власти в своих руках — парламент был им разогнан еще раньше. Очевидное стремление Сальнава увековечить свою власть восстановило против него все политические группировки правящей верхушки. Вновь произошел раскол страны. В департаменте Артибонит генерал Ниссаж-Саже провозгласил себя президентом Северной республики, а на юге, в Ле-Ке, генерал Мишель Доменг создал Южное государство Гаити. К востоку от столицы восстание возглавил мулатский генерал Буарон Капаль. С лета 1868 г. Порт-о-Пренс, где находилось правительство Сальнава, оказался в кольце

¹¹ Moral P. Op. cit. P. 50, 58—59.

¹² С этого времени крестьяне-«како» использовались враждующими кликами в борьбе за власть в качестве наемных солдат.

окружения. Кровавопролитная гражданская война, вошедшая в историю Гаити как война «како», окончилась поражением Сальнава. В конце декабря 1869 г. отряды «како» ворвались в столицу и разграбили ее. Президентский дворец был взорван. Сальнав бежал в Домишканскую Республику, но был выдан домишканскими властями гаитянам. За нарушение конституции военный трибунал приговорил его к смертной казни, и 15 января 1870 г. он был расстрелян. Победившие генералы сводили счеты со своими политическими противниками — сотни сторонников Сальнава были уничтожены.

Военная хунта, в которую вошли генералы Ниссаж-Саже, Доменг и Нор-Алексис, провозгласила себя временным правительством. Была восстановлена конституция 1867 года. В марте 1870 г. Ниссаж-Саже стал президентом республики. Главной заботой нового правительства являлась стабилизация политического положения и упорядочение финансов. Казна была пуста, а эмиссия бумажных денег привела к инфляции. Выплата внешней задолженности не производилась. Ниссаж-Саже провел денежную реформу, усилил контроль над расходами, улучшил судопроизводство. Однако никаких изменений в социально-экономической области не произошло. Как и прежде, страной управляла верхушка армии. Попытки мятежей — в Капе в 1872 г. и Гонаиве в 1873 г. — были пресечены местными военными властями. В целом во время правления Ниссажа в стране сохранялось относительное спокойствие.

12 мая 1874 г., за три дня до окончания срока президентских полномочий, Ниссаж-Саже подал в отставку с намерением передать власть своему преемнику негритянскому генералу Доменгу, которого он тогда же назначил главнокомандующим вооруженных сил. Став в июне президентом, Доменг изменил конституцию, установив 8-летний срок президентских полномочий и введя должность вице-президента. В действительности бразды правления находились в руках его племянника Септимуса Рамо, занявшего пост вице-президента. Он объединил вокруг себя преимущественно негритянских политических деятелей, враждебно настроенных по отношению к мулатской элите¹³.

Под предлогом учреждения в Гаити банка и погашения внешней задолженности, составившей к этому времени 13 млн фр., правительство по инициативе Рамо санкционировало новый заем во Франции. В 1875 г. французский банк «Кредит генераль» предоставил Гаити 36 млн фр. Из этой суммы 26 млн заранее шли на уплату процентов, комиссионных и пр. К примеру, только комиссионные составили более 9 млн. Значительные суммы осели в карманах высокопоставленных служащих банка и гаитянских правительственных чиновников. Государство получило всего чуть более 7 млн фр.¹⁴.

Скандалный характер займа и финансовые махинации, в которых оказались замешанными многие члены правительства, в том числе и Рамо, получили широкую огласку и вызвали возмущение общественности. Чтобы предотвратить антиправительственные выступления, Доменг и Рамо распорядились арестовать всех, кто мог бы составить оппозицию правительству. Были убиты и арестованы влиятельные политические и военные деятели, в основном мулаты, и ряд высших чинов армии. Генерал Буарон Каналь чудом избежал гибели и бежал за границу. Однако этими действиями президент Доменг и его всемогущий племянник лишь ускорили свое падение.

Весной 1876 г. в разных районах страны вспыхнули восстания. Правительственные войска переходили на сторону восставших. Обстановка в столице накалилась до предела. Власти распорядились бросить в тюрьму сотни за-

¹³ Nicholls D. Op. cit. P. 109.

446 ¹⁴ Pierre-Charles G. Op. cit. P. 174, 176; Bellegarde D. Op. cit. P. 131—132.

гожников. Намерение Рамо перенести местопребывание правительства в Те-Ке и переправить туда государственную казну вызвало в городе волнения. 5 апреля в Порт-о-Пренсе начались вооруженные столкновения, в ходе которых Рамо был убит. Доменгу посчастливилось найти убежище во французском представительстве. Толпы горожан разграбили президентский дворец, дома министров, а также государственную казну и сам банк¹⁵.

Прямым следствием обострения с конца 60-х годов разногласий внутри мулатско-негритянской элиты было появление в политической жизни страны двух группировок — либеральной и националистической партий. Их оформление завершилось ко времени свержения Доменга. Либералы представляли по преимуществу мулатскую буржуазию, имевшую сильные позиции в столице и прибрежных городах юга и запада, а также крупных и средних землевладельцев-мулатов. Местная торговая буржуазия к моменту провозглашения независимости состояла почти исключительно из бывших свободных мулатов. Однако процесс ее формирования шел крайне медленно. Помимо конкуренции иностранного капитала, буржуазия страдала от узости внутреннего рынка и неустойчивого политического положения в стране. Не имея практически никакой защиты со стороны правительства, она становилась жертвой грабежей и насилия при военных переворотах. Стремление гаитянских торговцев и предпринимателей упрочить свое экономическое положение и обеспечить себе участие в управлении страной с особой силой проявилось в этот период.

Националистическая партия выражала главным образом интересы негритянской земельной олигархии, с которой была тесно связана военная верхушка. Негритянская элита пользовалась влиянием на севере, в том числе в Кап-Аитьене, и в сельских районах.

Выборы в Национальное собрание — парламент Гаити, проводившиеся либералами под лозунгом демократических перемен, строгого соблюдения конституционных принципов и законности, установления политической стабильности в стране принесли им победу. Лидером либеральной партии был видный мулатский общественный деятель и парламентарий Жан-Пьер Буайе-Базеле, являвшийся одним из основных кандидатов на пост президента. Однако 17 июля 1876 г. большинством голосов Национальное собрание избрало президентом страны на 4-летний срок генерала Буарона Каналя, представлявшего умеренное крыло либералов. Новый президент проявлял готовность сотрудничать с депутатами-националистами. Самолюбивый Буайе-Базеле, болезненно воспринявший свое поражение на выборах, отказался войти в правительство.

Острые противоречия между президентом и парламентом, в котором большинство принадлежало сторонникам Буайе-Базеле, вылились в открытый конфликт. Депутаты-либералы, отклоняя многие законопроекты правительства, по существу блокировали его деятельность. Пожалуй, единственным заметным мероприятием правительства Каналя, не вызвавшим противодействия парламента, явился пересмотр условий займа 1875 г. Решение президента прекратить выплату задолженности по займу, пока сумма долга не будет снижена на 15 млн фр., получило одобрение депутатов.

Весной 1878 г. на предложение Каналя о расширении президентских полномочий и увеличении периода пребывания у власти парламент ответил запрещением переизбрания главы государства на следующий срок. Внутренние разногласия либералов вскоре вышли за рамки чисто парламентской борьбы. В июле 1879 г. приверженцы Буайе-Базеле подняли антиправитель-

¹⁵ Heintl R. D., Heintl N. G. Op. cit. P. 262.

ственный мятеж в Порт-о-Пренсе. При его подавлении войска использовали артиллерию. В городе вспыхнули пожары. Мятеж был подавлен, но позиции либералов были ослаблены. Это привело к тому, что повсюду с новой силой развернулась борьба между сторонниками Буайе-Базеле и приверженцами президента Каналья. Воспользовавшись расколом в рядах политических соперников, националисты усилили давление с целью захвата власти. В июле 1879 г., оказавшись от дальнейшей борьбы, Буарон Каналь подал в отставку.

На состоявшихся в сентябре того же года парламентских выборах верх одержала националистическая группировка. Ее признанным вождем стал негритянский генерал Луи-Фелисите Саломон, бывший министр финансов, вернувшийся в Гаити после 20-летнего изгнания. Прекрасное образование и богатый политический опыт сочетались в нем с энергичным и волевым характером. 23 октября 1879 г. Саломон был избран президентом страны. Принятая в декабре того же года новая конституция увеличила срок президентских полномочий до 7 лет.

Правительство Саломона наметило ряд мер по упорядочению финансов, стимулированию сельскохозяйственного производства, улучшению системы образования, модернизации армии. По личной инициативе президента в 1880 г. был создан Национальный банк Гаити, принадлежавший французскому капиталу. Банк был уполномочен выполнять функции государственного казначейства, осуществлять выплату внешней и внутренней задолженности страны¹⁶. В Гаити была учреждена почтовая служба, открыты новые школы, в средние учебные заведения приглашены французские преподаватели, а для реорганизации армии — французские военные специалисты. Однако план преобразований, выдвинутый президентом Саломоном, практически не был реализован из-за развязанной либералами гражданской войны.

В марте 1881 г. в Сен-Марке вспыхнул антиправительственный мятеж. Он был быстро подавлен. Большое число либералов, подозреваемых в мятеже, было арестовано, около 50 человек приговорены военным трибуналом к расстрелу¹⁷. Саломону казалось, что с оппозицией либералов бесповоротно покончено. Но через два года Буайе-Базеле с группой приверженцев прибыл с Ямайки и высадился в портовом городе Мирагоане на южном побережье Гаити, где был поднят флаг восстания против президента Саломона. К лету оно охватило также Жереми и Жакмель. В первые месяцы попытки правительственных войск разгромить мятежников потерпели неудачу.

Между тем 22 сентября 1883 г. в Порт-о-Пренсе группа сторонников Базеле, убив коменданта столичного гарнизона, спровоцировала вооруженные столкновения. Выступления против правительства были жестоко подавлены. Главный удар был направлен по представителям торговой буржуазии, которые, по мнению правительства, оказывали поддержку восставшим либералам. В течение нескольких дней в Порт-о-Пренсе продолжались грабежи и пожары, уничтожившие практически все торговые заведения, магазины и дома местных коммерсантов-мулатов, ряд государственных учреждений, среди них министерство иностранных дел, финансов и торговли¹⁸. Пострадали и торговые заведения иностранных коммерсантов. По ультимативному требованию дипломатических миссий военные действия были прекращены. В декабре 1883 г., после смерти Буайе-Базеле, сопротивление либералов было окончательно сломлено.

¹⁶ Deléage P. Haiti en 1886. P., 1887. Annexe B. P. 317—318.

¹⁷ Bellegarde D. Op. cit. P. 136.

¹⁸ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1883. Wash., 1884. P. 594—595.

Гражданская война, сопровождавшаяся разрушениями многих городов, человеческими жертвами и огромными военными расходами, значительно ухудшила финансовое положение страны. Только иностранным купцам, имуществу которых пострадало во время беспорядков в гаитянской столице, правительство вынуждено было выплатить в виде компенсации более 500 тыс. долл.¹⁹ Позиции гаитянской торговой буржуазии, не получившей от правительства возмещения за понесенные убытки, были подорваны. Это привело к тому, что внешняя и внутренняя торговля Гаити перешла с этого времени почти полностью в руки иностранных предпринимателей, главным образом французов и немцев²⁰.

Поражение либералов и их уход с политической сцены Гаити были использованы Саломоном для укрепления своих позиций. 30 июня 1886 г. послушный парламент под предлогом «упрочения мира и общественной безопасности» в стране переизбрал президента на новый 7-летний срок²¹. Фактическое установление диктатуры Саломона обострило разногласия в правящей верхушке. Некоторые из его сторонников, например министр сельского хозяйства Франсуа Лежитим, вышли в отставку и покинули Гаити. Недовольство правлением Саломона перекинулось и в армию. В начале августа 1888 г. генерал Сеид Телмак поднял восстание на севере страны. 10 августа вспыхнувшее в Порт-о-Пренсе антиправительственное выступление вынудило Саломона бежать из страны. После его падения начался очередной тур борьбы за власть.

¹⁹ *Heintl R. D., Heintl N. G.* Op. cit. P. 288.

²⁰ *Krehm W.* Democracias y tiranías en el Caribe. Buenos Aires, 1959. P. 282.

²¹ *Deléage P.* Op. cit. Annexe A. P. 310—311.

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА Глава 15 В 1844—1865 ГОДАХ

На историю доминиканского народа наложила своеобразный отпечаток неоднократная смена колонизаторов. Победа революции во французской колонии и провозглашение там республики Гаити 1 января 1804 г. напугали креольских плантаторов Санто-Доминго, широко использовавших труд рабов. Боязнь прихода к власти невольников вновь заставила креольскую верхушку искать «спасения» под испанским флагом: в 1808 г. Санто-Доминго перешло к Испании. Франция, готовившаяся к войне с Россией и оккупировавшая в тот период Испанию, была не в состоянии воспрепятствовать потере колонии. Главным аргументом рабовладельцев в пользу подобной замены одной метрополии другой, замены, кажущейся на первый взгляд парадоксальной, явилось соседство Кубы и Пуэрто-Рико, на территории которых были сосредоточены крупные военные силы испанцев; на их помощь в случае восстания рабов и рассчитывала креольская верхушка Санто-Доминго.

Глубокий экономический и политический кризис, потрясший Испанию в 10—20-е годы XIX в., многочисленные поражения испанских войск в годы войны за независимость латиноамериканских народов позволили губернатору Санто-Доминго Хосе Нуньесу де Касеросу провести своего рода бескровный переворот и провозгласить 30 ноября 1821 г. независимость. Над прави-

тельственными зданиями Санто-Доминго были подняты колумбийские флаги, что отнюдь не было результатом каких-либо обязательств и обещаний со стороны правительства Колумбии¹. Х. Нуньес де Касерос надеялся таким образом хотя бы в начальный период существования независимого государства избежать агрессии со стороны его главного противника. Однако в тот период Испания, прилагавшая огромные усилия для сохранения за собой Кубы и Пуэрто-Рико, не могла использовать дислоцированные там контингенты своей армии для подавления антииспанских выступлений в Санто-Доминго.

На острове Гаити образовались два независимых государства, отличавшиеся друг от друга языком и культурными традициями и имевшие существенные различия в социально-экономическом плане: в Гаити было отменено рабство, в экономике Санто-Доминго оно продолжало играть важную роль. Последнее обстоятельство предопределило поддержку невольниками Санто-Доминго гаитянской армии, которая в феврале 1822 г. по приказу президента Гаити Жана-Пьера Буайе оккупировала восточную часть острова.

В истории Санто-Доминго начался сложный, во многом противоречивый период. С одной стороны, Буайе отменил рабство в Санто-Доминго и принял ряд мер, способствовавших экономическому развитию этой части острова. Были отменены все феодальные привилегии. Каждый крестьянин и бывшие рабы получили в свое пользование земельные участки, земли церкви и крупных собственников перешли под патронат государства. С другой стороны, Буайе стремился к созданию единого государства, не считаясь с правами и традициями жителей Санто-Доминго. Там был закрыт университет, а также предпринята попытка упразднить испанский язык². На практике Буайе отрицал провозглашенные им демократические принципы. Гаитяне заняли все ключевые посты в администрации острова; в результате их злоупотреблений властью население Санто-Доминго оказалось наиболее бесправным и эксплуатируемым в масштабе всего государства.

Оккупация Санто-Доминго гаитянами не была признана ни одним государством мира, кроме Франции, которая предприняла этот шаг после того, как правительство Гаити согласилось уплатить ей контрибуцию в размере 150 млн фр. за ущерб, понесенный французскими колонистами в 1791--1803 гг. Выплату значительной части этой огромной суммы правительство Буайе возложило на Санто-Доминго. Кроме того, имелось много других поборов.

Политический и экономический гнет Гаити повлек за собой многочисленные протесты жителей восточной части острова. Особое недовольство он вызывал у богатых креолов Санто-Доминго, которые, согласно ст. 8 гаитянской конституции 1816 года, фактически объявлялись вне закона («Ни один белый не может иметь статус гаитянца и располагать недвижимым имуществом в Гаити») ³ Перешагнуть через этот барьер можно было только посредством тесного сотрудничества с гаитянским режимом, в чем преуспели многие церковники и крупные собственники.

В то же время основная масса креолов искала пути к достижению национальной независимости. В 1838 г. в Санто-Доминго возникла патриотическая организация «Ла Тринитария», поставившая перед собой задачу добиться

¹ Для переговоров о вступлении Санто-Доминго в состав Колумбии туда был послан А. Пинседа. Однако его поездка оказалась безрезультатной, так как Симон Боливар в это время участвовал в боевых действиях. См.: Welles S. Naboth's Vineyard: The Dominican Republic (1844—1924). Savile Books, 1966. Vol. 1. P. 50.

² Marino Hernández F. La Inmigración haitiana. Santo Domingo, 1973. P. 16.

³ Ibid. P. 18.

освобождения и создания суверенного государства. Возглавлял ее Хуан Пабло Дуарте (1813—1876). Его ближайшими соратниками являлись Франсиско дель Росарио Санчес и Роман Мелья, прямым потомком которого был выдающийся кубинский революционер Хулио Антонио Мелья⁴. Дуарте — выходец из богатой и влиятельной креольской семьи — получил хорошее образование в Европе и являлся активным сторонником либеральных преобразований. Под его руководством «Ла Тринитария» стала руководящим центром борьбы против гаитянского режима.

К началу 40-х годов многолетним правлением Буайе были недовольны и некоторые из его ближайших сподвижников, установившие связи с лидерами патриотических сил в Санто-Доминго. В 1843 г. режим Буайе пал, новое правительство возглавил гаитянский генерал Ш. Эрар, но ни в правительстве, ни в созданный Эраром Консультативный совет не вошел ни один доминиканец. Вчерашние союзники стали непримиримыми врагами.

По приказу Эрара наиболее влиятельные доминиканские патриоты были брошены в тюрьмы, некоторым удалось эмигрировать в Венесуэлу и на остров Кюрасао. Среди них оказался и Хуан Пабло Дуарте.

Тем не менее борьба продолжалась. Общая цель — стремление к независимости — способствовала временному объединению усилий доминиканских либералов и консерваторов. 16 января 1844 г. они обратились с манифестом к народу Санто-Доминго. В нем, в частности, говорилось: «Мы твердо решили навсегда отделиться от Республики Гаити и создать свободное и суверенное государство». В манифесте подчеркивалось, что Буайе, «действуя от имени свободы, превратил в рабов» жителей восточной части острова. Документ призывал к единству и выражал уверенность, что каждый доминиканец с энтузиазмом поддержит главный лозунг патриотических сил: «Отделение, Бог, Родина и Свобода!»⁵

Этот призыв, действительно, нашел широкий отклик на всей территории Санто-Доминго. Многолетний стихийный протест доминиканцев начинает обретать формы организованной борьбы, значительную роль в которой играли лидеры либералов Франсиско Санчес и Роман Мелья. 27 февраля 1844 г. под их руководством в столице Санто-Доминго началось вооруженное восстание. Патриоты заняли все ключевые пункты города, гаитянский гарнизон капитулировал. И хотя в дальнейшем в восточной части острова еще больше месяца происходили бои между гаитянами и доминиканцами, именно день 27 февраля стал в Доминиканской Республике национальным праздником — днем провозглашения независимости.

Образовавшееся государство возглавила Центральная правительственная хунта во главе с консерватором известным адвокатом Томасом Бобадильей.

Долгожданная победа была, однако, с недоверием встречена бывшими рабами, назвавшими ее «революцией испанцев». Уже 28 февраля один из негров, некто Сантьяго Басора, объединив значительное число вчерашних невольников, заявил о неприятии новой власти⁶.

Это заставило Хунту в срочном порядке обратиться к вопросу об отмене рабства (хотя оно уже было отменено, но на основании законодательства Гаити). Декрет, принятый 1 марта 1844 г., гласил: «Рабство навсегда исчезло с территории Доминиканской Республики»⁷. Сторонники С. Басоры прекра-

⁴ *Pereira M.* Juan Bosh en el centro del Caribe // *Bohemia*. 1980. N 1. P. 40.

⁵ Archivo General de la Nación: Documentos para la historia de la República Dominicana. Ciudad Trujillo, 1944. T. 1. P. 8—16.

⁶ *Murino Hernández F.* Op. cit. P. 18—19.

⁷ Archivo General de la Nación. P. 18.

тили сопротивление, однако положение в молодом государстве продолжало оставаться напряженным.

14 марта с острова Кюросао в Санто-Доминго прибыл Х. Дуарте. Он был встречен народом как национальный герой, что всерьез встревожило консервативные круги, и прежде всего лидеров консерваторов П. Сантану, Б. Баэса и Т. Бобадилью. Необходимо подчеркнуть, что ущемление интересов крупных землевладельцев в годы правления Буайе превратило их в решительных сторонников независимости, в достижении которой креольская верхушка сыграла существенную роль. Теперь наиболее богатые доминиканцы, и прежде всего крупный скотовладелец генерал Педро Сантана, не скрывали своего стремления овладеть президентским креслом.

Между консерваторами и либералами началась острая борьба. Лагерь консерваторов отражал в основном интересы латифундистов, помещиков-скотоводов, сгруппировавшихся вокруг П. Сантаны многочисленных для столь небольшой страны генералов и высших офицеров, духовенства, торговцев — экспортеров древесины, т. е. тех, кто больше других пострадал во время гаитянской оккупации. Они стремились к восстановлению утраченных привилегий и к дальнейшему обогащению.

Лидеры либералов Х. Дуарте, Ф. Санчес и Р. Мелья вместе с поддерживавшими их средними и мелкими собственниками и торговцами являлись выразителями интересов нарождавшейся буржуазии.

В борьбе этих противоборствующих сил решались вопросы как о власти, так и о дальнейших путях развития страны. Либералы не только отстаивали более передовые социально-экономические тенденции, но и являлись подлинными защитниками национальных интересов. Сантана же и его ближайшее окружение, не веря в духовный потенциал и созидательные силы своего народа, с первых дней существования независимого государства стали изыскивать возможности передачи Доминиканской Республики под эгиду Франции, Англии, Испании или США.

Стремление Дуарте «очистить Центральную правительственную хунту от консервативных элементов» не увенчалось успехом. 9 июня либералы попытались арестовать Бобадилью, Баэса, М. Дельмонте и других, однако верные Сантане войска предотвратили эту попытку⁸.

13 июля 1844 г. Центральная правительственная хунта провозгласила П. Сантану «Верховным руководителем Доминиканской Республики». Присвоенный ему титул предполагал и полномочия военного диктатора, и функции главы государства. На другой день, обращаясь «к народу и армии», Сантана лицемерно заявил: «Моя гражданственность и презрение к личным амбициям вам хорошо известны. Моей единственной целью было и будет сохранение порядка и всеобщее счастье»⁹.

Осуществление этих «идеалов» он тесно связывал с ликвидацией либеральной оппозиции. 22 августа 1844 г. было опубликовано сообщение Центральной правительственной хунты о том, что в этот государственный орган поступило 68 петиций от знатных семей столицы и от 628 генералов и офицеров доминиканской армии, потребовавших «наказать всех организаторов и сообщников бунта во главе с генералом Хуаном Пабло Дуарте»¹⁰. Ставшие к тому времени уже бригадными генералами Дуарте, Мелья и Санчес были смещены со своих постов и вынуждены покинуть страну. В столице начались волнения либерально настроенных доминиканцев, но были быстро подавлены.

⁸ *Jiménez Gnellón J. I. Sociología política dominicana 1844—1966. Santo Domingo, 1974. Vol. 1: 1844—1898. P. 24.*

⁹ *Archivo General de la Nación. P. 33.*

¹⁰ *Ibid. P. 39.*

В ноябре 1844 г. Сантану провозгласили президентом страны и была обнародована конституция Доминиканской Республики. Как отмечает известный доминиканский историк Хуан Хименес Грульон, этот «документ не отличался оригинальностью и базировался на североамериканской конституции и на конституции Кадиса 1812 г.»¹¹ Парадоксальность ситуации (облеченные властью консерваторы приняли либеральную конституцию) объяснялась тем, что ставший главным советником Сантаны Т. Бобадилья хорошо представлял себе веление времени — необходимость капиталистического развития страны. Вместе с тем президент-ретроград, сделав ставку на диктаторские формы правления, практически низводил на нет содержание основного закона страны.

Конституция подтверждала отмену рабства и декларировала равенство всех граждан перед законом, вводила законодательную и исполнительную власть. «Равенство всех», безусловно, было всего-навсего декларацией, так как право голоса определялось высоким имущественным цензом, что лишало абсолютное большинство доминиканцев возможности как-то влиять на внутривластную жизнь страны посредством выборов. «Бог, родина, свобода» — эти три слова, появившиеся на гербе Доминиканской Республики свидетельствовали о том, что католическая религия продолжала играть определяющую роль в жизни молодого государства. Это нашло отражение и в конституции.

Что же представляло собой молодое государство в социально-экономическом отношении? В конце XVIII—начале XIX в. население Санто-Доминго составляло 120 тыс. человек; пятая часть приходилась на рабов — 24 тыс.¹² В дальнейшем, как показывают оценки доминиканских властей 1888—1912 гг., его прирост составлял в среднем около 5 тыс. человек в год, и в 1844 г. в Доминиканской Республике имелось примерно 350—370 тыс. жителей. Правда, в некоторых работах называется цифра 250—280 тыс.

Основными отраслями экономики страны в этот период являлись животноводство, заготовка и экспорт древесины. Главным образом для внутреннего потребления производился сахарный тростник. В 40—50-е годы все крупные землевладельцы сумели восстановить границы своих прежних владений, а во многих случаях и превзойти их. Того же самого добились и наиболее влиятельные церковники. Новое (после Буайе) перераспределение земельных угодий повлекло за собой появление массы безземельных крестьян, вынужденных теперь уже арендовать небольшие участки, попадая тем самым в кабальную, по существу феодальную, зависимость от латифундистов и других собственников.

П. САНТАНА

¹¹ Jiménez Grullón J. I. Op. cit. P. 23.

¹² Cordero Michel E. La revolución haitiana y Santo Domingo. Santo Domingo, 1974. P. 58—59.

Весьма своеобразным было положение ремесленников и работников, занятых по найму на выработке древесины, которые, получая скудную зарплату, которая не позволяла сводить концы с концами, также выискивали любую возможность арендовать клочок земли. Развитие капиталистических отношений в первые десятилетия существования Доминиканской Республики сдерживалось целым рядом факторов: Это и общая отсталость экономики страны, и незначительное производство товаров, пользующихся большим спросом на мировом рынке, а следовательно — трудности с накоплением капитала; это и отсутствие широкого внутреннего рынка, а в итоге — замедление процесса формирования мануфактур.

Не менее важной была и другая причина — вскоре после провозглашения независимости все наиболее существенные национальные богатства, и прежде всего полезные ископаемые, оказались под контролем иностранного капитала.

В 1843 г. генеральный консул Франции в Гаити Л. Левассер сообщил своему правительству, что Англия проявляет большой интерес к медным рудникам Доминиканской Республики¹³. Осенью 1844 г. он же писал в одном из донесений, что английский промышленник Гендрикс за 300 тыс. пиастров получил концессию на эксплуатацию угольной шахты в Сибано¹⁴.

Однако больше всего преуспели в Доминиканской Республике капиталисты США. В 60-е годы XIX в. они сумели получить там много выгодных концессий, в том числе на добычу соли в Нейбе и строительство железной дороги от морского побережья до этого месторождения; на эксплуатацию медных рудников в Кобре и в Монте-Матео; на строительство железной дороги от Сантьяго-де-Лос-Кабальерос до любого пункта полуострова Самана; на открытие паромного сообщения между Нью-Йорком, Новым Орлеаном и портами Доминиканской Республики; на геологическую разведку на всей территории страны¹⁵.

В 1844—1860 гг. президентское кресло поочередно занимали в основном два консерватора — П. Сантана и Б. Баэс. Первый — в 1844—1849, 1853—1856, 1859—1861, второй — в 1849—1853, 1856—1858 гг. Процесс консолидации государства в этот период осложнялся не только экономической отсталостью, но и необходимостью быть в постоянной готовности к отражению гаитянской агрессии. В 1844, 1845, 1849 и 1855 гг. армия Гаити вторглась в страну, и доминиканскому народу стоило больших усилий защитить свой суверенитет¹⁶.

Львиная доля национального бюджета направлялась военно-морскому департаменту республики. Например, в 1845 г. на его расходы был ассигнован 1 млн песо, или 80 %. В то же время на развитие образования выделялось всего 2720 песо, и это в тот период, когда 95 % детей школьного возраста оставались неграмотными¹⁷. Огромные суммы, ассигнуемые военному ведомству, предназначались не только для защиты границ. Эти деньги должны были гарантировать и политическую стабильность режима Сантаны, так как во внутренней политике он опирался главным образом на армию, а также на крупных землевладельцев и скотоводов. Этот блок консервативных сил поддерживала и церковь. Все сказанное о режиме Сантаны применимо и к правлению Баэса.

Как известно, либералы имели поддержку среди мелких, средних и части

¹³ Correspondencia de Levasseur y de otros agentes de Francia relativa a la proclamación de la República Dominicana 1843—1844. Ciudad Trujillo, 1944. P. 53.

¹⁴ Ibid. P. 349.

¹⁵ Franco Francin J. República Dominicana: clases, crisis y comandos. La Habana, 1966. P. 26.

¹⁶ См.: Rodríguez Demorizi E. Guerra Dominico — Haitiana. Ciudad Trujillo, 1957.

¹⁷ Jiménez Grullón J. I. Op. cit. P. 29—30.

крупных землевладельцев, делавших ставку на производство какао, кофе, сахара и особенно табака, т. е. товаров, находивших большой спрос на мировом рынке. В основном эти культуры возделывались на севере страны, который и стал оплотом либералов.

Борьба между либералами и консерваторами достигла апогея в 1857 г. 7 июля началось восстание во втором по величине городе республики, Сантьяго-де-Лос-Кабальерос. Город оказался во власти либералов и их сторонников, обратившихся на следующий день к народу с Манифестом революции 1857 года. В нем критически оценивалась деятельность всех предыдущих правительств и подчеркивалось: «Конституции 1844 и 1854 гг. (только П. Сантана за годы пребывания у власти принял шесть новых конституций. — Авт.) являлись не чем иным, как опорой деспотизма и грабежа. . . Правительство посягало на личные свободы граждан, незаконно арестовывая и заточая их, была аннулирована свобода печати». Авторы манифеста (Х. Валверде, С. Валверде, А. Толентино и др.) заявляли о полном разрыве с правительством Б. Баэса и о создании временного правительства, местопребыванием которого станет Сантьяго¹⁸.

По словам Баэса, силы восставших составляли 500 человек. В обращении к стране 22 августа того же года президент отметил, что этих «коррупцированных людей» не могли остановить «ни священник, идущий по тропе Евангелия, ни власти, подчиняющиеся законам, ни беззащитный иностранец, ни слабый пол»¹⁹. Началась вооруженная борьба, в ходе которой либералы допустили роковую ошибку — они пригласили возглавить их малочисленное войско. . . самого П. Сантану. В этом проявилась противоречивость либерального движения обусловленная наличием в его рядах отдельных крупных землевладельцев, а также слепая вера в военный талант Сантаны. Последний же воспользовался предоставившейся возможностью для сведения личных счетов с Баэсом и для борьбы за власть новыми средствами, т. е. с помощью своих политических противников. В результате выступление либералов вновь закончилось неудачей, а П. Сантана вскоре в очередной раз занял президентское кресло.

В 40—50-е годы Доминиканскую Республику признали и установили с ней дипломатические отношения Англия, США, Франция и Испания (1855 г.). Однако данное обстоятельство не снимало с повестки дня вопроса о посягательстве на суверенитет молодого государства со стороны этих стран, и прежде всего Соединенных Штатов Америки и Испании. Причем последние могли рассчитывать на сотрудничество с ними сменявших друг друга доминиканских правящих группировок: сторонники Баэса стремились восстановить власть бывшей метрополии, а приверженцы Сантаны — сделать Доминиканскую Республику североамериканским штатом. В предательстве национальных интересов больше преуспел Сантана, оказавший своего рода «службой двух господ» — сначала Вашингтона, а затем Мадрида.

В 1854 г. в Санто-Доминго дважды приезжал известный авантюрист американский генерал У. Газно, который вел переговоры с П. Сантаной об аннексии Доминиканской Республики США. В последний свой визит, 17 июня, он привез проект соглашения по этому вопросу, подготовленный госсекретарем США Марси и предусматривавший постепенность его реализации. На первом этапе США стремились «арендовать» полуостров Самана и построить там каменноугольную базу (исключительно для кораблей США). Должен был перейти под полный контроль США и залив Самана. Дальней-

¹⁸ Archivo General de la Nación. P. 366.

¹⁹ Ibid. P. 373, 374.

шая судьба Доминиканской Республики во многом зависела от позиции Англии и Франции, от их отношения к аннексии этого антильского государства Соединенными Штатами²⁰.

Казалось, уже ничто не могло помешать подписанию соглашения, однако в последний момент Сантана, вдруг заколебавшись, попросил Белый дом оповестить об этом проекте правительства Франции, Англии, Испании и Гаити²¹. В создавшейся ситуации Вашингтон, проводивший в то же самое время переговоры с Испанией о покупке Кубы, предпочел сконцентрировать усилия на приобретении «антильской жемчужины», а вопрос об аннексии Доминиканской Республики временно отложить.

В заключительный период правления Сантаны (1859—1861) его отношения с США претерпели значительные изменения. США находились на пороге Гражданской войны, и острота внутренних противоречий не позволяла американскому правительству столь же энергично, как в 40—50-е годы, проводить экспансионистскую политику. К тому же Сантана явно не одобрял намерение Белого дома в случае аннексии Доминиканской Республики переселить туда из США большое количество негров-рабов.

Отсталость, нищету и порожденные ими огромные трудности, по мнению Сантаны, Доминиканская Республика могла бы преодолеть, только став протекторатом или составной частью теперь уже Испании. Эмиссары Санто-Доминго и Мадрида обменялись визитами. Изабелла II и ее министры не без оснований опасались, что возможный переход Доминиканской Республики в руки США создаст реальную угрозу потери последних владений Испании в Карибском регионе — островов Кубы и Пуэрто-Рико. Этот довод оказался решающим, сделка Сантаны и мадридского двора состоялась.

18 марта 1861 г. президент Сантана в последнем обращении к народу заявил, что религия, язык и традиции доминиканцев идут от родины-матери Испании и что «нация, от которой мы столько унаследовали, сегодня открывает нам объятия, подобно тому, как любящая мать находит своего ребенка, потерянного при кораблекрушении». Нарисовав мрачную картину становления независимых латиноамериканских государств, бывших колоний Испании, Сантана продолжал: «Да, доминиканцы! С сегодняшнего дня вы будете избавлены от тягот войны и с неустанным, горячим желанием начнете создавать будущее ваших детей. Испания нас защитит, ее флаг над нами, ее оружие повергнет врагов, она признает наши свободы, которые сообщая мы будем защищать, образуя один народ, одну семью, как это всегда и было»²². Примечательно, что если раньше он заканчивал свои обращения лозунгами: «Да здравствует свобода! Да здравствует религия! Да здравствует доминиканский народ! Да здравствует 27 февраля!», — то теперь на первом месте стояла здравица в честь Изабеллы II и уже не упоминалось «27 февраля», а вместо него стоял лозунг: «Да здравствует испанская нация!»

Восточная часть острова Гаити вновь стала испанской колонией, а II. Сантана был назначен ее генерал-капитаном. Превращение независимого государства в колонию вызвало многочисленные волнения в разных уголках бывшей республики. В тот же день, 18 марта, с заявлением, осуждающим этот акт, выступили либералы П. Бонилья, М. М. Валверде, М. Валверде и др. Их слова: «Мы узнали с неописуемым удивлением об унижении, аннексии и колонизации Доминиканской Республики. . . Мы протестуем и готовы протестуем

²⁰ *Franco Luciano José*. *Revoluciones y conflictos internacionales en el Caribe, 1789—1854*. La Habana, 1965. P. 303—305.

²¹ *Jiménez Grullón J. J.* *Op. cit.* P. 63.

²² *Archivo general de la Nación*. P. 505.

ствовать еще более активно»²³ были созвучны абсолютному большинству доминиканцев. Гневно осудили предательство Сантаны Ф. Санчес и Р. Мелья.

После того как Испания, сама находившаяся в состоянии тяжелого экономического и финансового кризиса, попыталась решить часть своих проблем за счет увеличения налогов в новой колонии, негодование доминиканцев обрело формы вооруженной освободительной борьбы. Она приняла всенародный характер. Даже вчерашние сподвижники Сантаны, экономические и политические интересы которых стали ущемляться испанскими чиновниками, перешли в лагерь оппозиции установленному колониальному режиму.

Аннексия Доминиканской Республики не была осуждена правительствами Англии, Франции и США. Первые два из них в то время были поглощены военной интервенцией в Мексику, тоже стремясь к территориальной экспансии в Латинской Америке, а Соединенные Штаты были заняты решением внутренних проблем, связанных с Гражданской войной. Против аннексии выступили многие латиноамериканские государства, и особенно решительно Гаити, Чили, Перу.

В формировании патриотического движения в защиту общенациональных интересов большую роль сыграли выдвинувшиеся в тот период и ставшие весьма популярными либералы Хосе Мариа Кабрал и особенно Грегорио Луперон²⁴. Они возглавили борьбу доминиканского народа за независимость.

Ключ «Родина или смерть!» объединил десятки тысяч доминиканцев, выступивших с оружием в руках против новоявленных колонизаторов. Особенно широкий размах боевые действия приняли с 1863 г. Испанские войска, не имевшие тыла и испытывавшие огромные трудности в боеприпасах и продовольствии, стали терпеть одно поражение за другим. Потеряв к весне 1865 г. в боях 21 тыс. солдат и офицеров, затратив на эту авантюру 35 млн песо²⁵ и так и не сумев сломить доминиканцев, мадридский двор вынужден был отступить.

3 мая 1865 г. кортесы объявили о выводе испанских войск и о признании независимости Доминиканской Республики. Победа в войне за национальное освобождение пришла прежде всего благодаря массовому участию в ней простого люда — доминиканских крестьян и ремесленников. Об их боевых подвигах писал впоследствии Г. Луперон: «Порой было просто любопытно созерцать колонны патриотов. Одни шли с копьями, другие — со старинными ружьями, третьи — с мушкетами всех эпох или с пистолетами всевозможных марок. В руках патриотов были также мачете, а значительная часть несла дубинки». Несмотря на столь примитивное вооружение и отсутствие военного опыта, борцы, по словам Луперона, «с бесстрашием, которое порождает войны за независимость, бросались в бой, уступая в силе оружия, но демонстрируя неукротимую отвагу и горячее желание отдать жизнь за Родину»²⁶.

Таким образом, борьба за независимость доминиканского народа заняла почти полвека. В отличие от других бывших колоний Испании в Новом Свете, завоевавших суверенитет в результате освободительной войны 1810—1826 гг., доминиканцам удалось добиться этого только с третьей попытки, преодолев аннексионистские устремления правящих кругов Гаити, Испании, США и пре-

²³ Ibid. P. 506, 507.

²⁴ Г. Луперон (1839—1897) — выходец из бедной семьи, обучался грамоте в одной из доминиканских школ, созданных английскими миссионерами. Накануне аннексии Доминиканской Республики Испанией являлся мелким торговцем.

²⁵ Morales Padrón, Manual de historia universal. Historia de América. Madrid, 1962. T. 6. P. 329. Данные, свидетельствующие о потерях испанцев, весьма противоречивы. Во многих работах число убитых колеблется от 10 тыс. до 20 тыс.

²⁶ Casals E. Gregorio Luperón: conciencia y acción antinjerentista // Bohemia. 1982. N 21. P. 78.

дательство национальных интересов со стороны своих собственных правительств.

Образование Доминиканской Республики и решимость народа защитить ее любой ценой — одно из ярких и своеобразных проявлений национально-освободительного процесса, развернувшегося в Латинской Америке в XIX в.

СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ Глава 16 В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАНАМСКОГО КОНГРЕССА

Завоевание народами Латинской Америки государственной самостоятельности в первой четверти XIX в. открыло для них возможность активно участвовать в международной жизни.

С самого начала молодым латиноамериканским государствам пришлось решать во внешнеполитической области большие и сложные задачи. Им было необходимо наладить экономические и политические связи между собой и с внешним миром, добиться признания завоеванной независимости со стороны бывших метрополий, получить дипломатическое признание «великих держав», задававших тон в мировой политике, и отстоять свой суверенитет от их посягательств. Однако тяжелое наследие колониального периода — экономическая отсталость и слабость в военном отношении — существенно ограничивало арсенал средств, которые находились в распоряжении дипломатии латиноамериканских стран. В этих условиях важнейшее значение приобретал вопрос: удастся ли странам региона создать прочный внешнеполитический союз, основанный на идеях латиноамериканской солидарности, родившихся в огне революционных битв за свержение колониального господства Испании и Португалии?

Глашатаями этих идей выступали Франсиско де Miranda и Симон Боливар в Венесуэле, Хуан Энганья и Бернардо О'Хиггинс в Чили, Мариано Морено, Сан-Мартин и Бернардо Монтеагудо в Аргентине, Хосе Сесилио дель Валье в Центральной Америке и другие идеологи и руководители борьбы за независимость. Несмотря на различия во взглядах, эти передовые для своего времени политические деятели выступали защитниками общенациональных интересов. Они стремились к тому, чтобы молодые латиноамериканские государства наладили тесное сотрудничество между собой, заняли достойное место на международной арене и проводили активную внешнюю политику, руководствуясь принципами справедливости и равноправия.

В Венесуэле, которая первой подняла знамя освобождения, патриотическая хунта, образованная 19 апреля 1810 г., обратилась 27 апреля 1810 г. ко всем кабиљдо Испанской Америки с призывом «внести вклад в великое дело создания испаноамериканской конфедерации»¹. В Прокте декларации прав народов Чили, разработанном по просьбе правительственной хунты Хуаном Энганьей в 1810 г., провозглашалось:

«Народы Латинской Америки не могут каждый в одиночку защитить свой суверенитет; им необходимо объединиться для обеспечения внешней безопас-

ности перед лицом проектов Европы и в целях предотвращения войн между собой. . .»²

Следует отметить, что уже на начальном этапе предпринимались попытки заложить первые кирпичи в здание латиноамериканского единства. В мае 1811 г. представители Венесуэлы и Куиндинамарки (провинция Колумбии), провозгласившей независимость, подписали в Боготе договор о дружбе, союзе и федерации. Этот первый в истории независимых латиноамериканских государств международный договор, отмечал мексиканский историк Антонио де ла Пенья, «отразил в торжественной и официальной форме их стремление к американскому союзу»³.

Неустанную борьбу за создание союза латиноамериканских стран на протяжении многих лет вел Симон Боливар. В известном письме с Ямайки он развил ранее высказанные им идеи об объединении народов Испанской Америки и сформулировал предложение о созыве международного конгресса в Панаме⁴. Народы Латинской Америки, по словам Боливара, «только тогда смогут подняться в своем величии и противостоять внешней угрозе, когда солидарность, союз и братство станут их основными принципами»⁵. Выдвинутые Боливаром и другими борцами за независимость идеи латиноамериканской солидарности образовали первую общую внешнеполитическую концепцию стран региона. Эта концепция, хотя и не была официально провозглашена всеми государствами региона, оказывала большое влияние на их внешнеполитическую деятельность на протяжении всего XIX в.

Как только забрезжила заря окончательной победы над Испанией, по указанию Боливара была начата практическая подготовка созыва Панамского конгресса. На этом пути приходилось преодолевать многочисленные препятствия: нарушенные транспортные связи и коммуникации, сложности, связанные с политической неустойчивостью и отсутствием единства среди патриотов в молодых независимых государствах, происки врагов латиноамериканского единства, стремившихся посеять недоверие к Боливару, обвиняя его в гегемонистских стремлениях, и т. д.

Начало объединительному процессу было положено созданием в 1819 г. федеративной республики Великой Колумбии в составе бывших генерал-капитанства Венесуэлы и вице-королевства Новая Гранада, включая Панаму и аудиенцию Кито (современный Эквадор)⁶. «Объединение Новой Гранады и Венесуэлы в рамках великого государства, — подчеркивал Боливар, — явилось результатом единодушного волсизъявления народов и правительств этих республик»⁷.

Когда последние испанские солдаты были изгнаны за пределы Колумбии, Боливар приступил к следующему этапу подготовки Панамского конгресса. Осенью 1821 г. он направил две специальные дипломатические миссии для заключения договоров о дружбе и союзе с соседними странами, сбросившими испанское иго. В октябре 1821 г. Хоакин Москера выехал в Перу, Чили и Буэнос-Айрес, а Мигель Сантамария — в Мексику.

² Полный текст этого документа приводится чилийским дипломатом Алехандро Альваресом в приложении к его кн.: *Alvarez A. La Diplomacia de Chile durante la emancipación y la Sociedad internacional Americana*. Madrid, 1910. P. 257—261

³ *Archivo Histórico Diplomático Mexicano*. N 19: *El Congreso de Panamá y algunos otros proyectos de la Unión Hispano-Americana*. México, 1926. P. VI.

⁴ *Bolívar S. Obras completas*: T. 1—3. La Habana, 1950. Vol. 1. P. 172—173.

⁵ *Pacheco Quintero J. El Congreso Anfictónico de Panamá y la política internacional de los Estados Unidos*. Bogotá, 1971.

⁶ *Альперович М. С., Слэзкин Л. Ю.* Новая история стран Латинской Америки. М., 1970. С. 69—70.

⁷ *Bolívar S. Obras completas*. Vol. 3. P. 696.

Обе миссии увенчались успехом. Договор (основной и дополнительный) о дружбе, союзе, лиге и конфедерации, подписанный представителями Колумбии и Перу 6 июля 1822 г., послужил своего рода моделью для договоров, которые Колумбия заключила с Чили (21 октября 1822 г.), правительством Буэнос-Айреса (8 марта 1823 г.) и Мексикой (3 октября 1823 г.). Позднее, в 1825 г., такой договор был заключен и с Центральной Америкой⁸. Договоры предусматривали взаимопомощь и совместные действия по отражению угрозы их независимости со стороны Испании или любой другой иностранной державы. Все они (за исключением договора с Буэнос-Айресом) включали также идентичные по содержанию статьи, касавшиеся будущего международного конгресса американских государств.

Боливар в декабре 1824 г., находясь в Лиме, направил от имени Перу официальные приглашения принять участие в Панамском конгрессе Колумбии и Мексике, а позднее, в 1825 г., — Чили, Буэнос-Айресу и Центральной Америке. Приглашение Бразилии было направлено Сантандером в начале 1826 г. Решимость Боливара созвать конгресс в Панаме сразу же по окончании военных действий против Испании вполне объяснима: необходимо было добиться реальных результатов раньше, чем наберут силу центробежные тенденции.

Подготовка Панамского конгресса продвигалась вперед не без трудностей. В частности, правительство Буэнос-Айреса уклонилось от обязательств, касавшихся созыва Панамского конгресса, на том основании, что оно представляет только одну провинцию и без согласия других провинций, входивших в состав бывшего вице-королевства Ла-Платы, не сможет стать членом будущей американской конфедерации⁹. Возникали и другие серьезные препятствия. Резко обострилась обстановка в районе Южного конуса после того, как португальская Бразилия в 1816 г. аннексировала Восточный Берег (Уругвай), который входил в состав бывшего вице-королевства Ла-Платы. Затяжной конфликт между Бразилией и Объединенными провинциями Рио-де-Ла-Платы вылился в войну между ними (1825—1828). Скрытое противодействие плану создания внешнеполитического союза латиноамериканских стран оказывали «великие державы», которые не скрывали своих претензий на «испанское и португальское наследство» в Америке. Особенно большую активность проявляли США, где в среде правящих кругов широкое распространение получили идеи национализма и экспансионизма. представления о божественной предначертанности гегемонии США в Западном полушарии и необходимости создания «американской системы». «В наших силах создать систему, центром которой мы станем, — проповедовал в начале XIX в. член конгресса, а затем госсекретарь Г. Клей, — и в которой с нами будет вся Южная Америка»¹⁰.

Патриоты Испанской Америки, особенно в начальный период борьбы, питали известные иллюзии относительно своего северного соседа, надеясь, что США окажут им действенную помощь в деле завоевания независимости.

Нужно сказать, что многие американцы горячо сочувствовали патриотам Испанской Америки и на свой страх и риск пытались организовать для них закупки обмундирования, боеприпасов и оружия, в которых борцы за независимость испытывали острую нужду.

С началом войны за независимость в испанских колониях Вашингтон

⁸ Полные тексты договоров см.: *Villacres Moscoso J. Historia diplomática de la República Ecuador. Guayaquil, 1967. T. I. Documentos anexos. P. 247—358.*

⁹ *Silva Otero A. La diplomacia hispano-americana de la Gran Colombia. Caracas, 1967. P. 46—48.*

¹⁰ *Whitaker A. The United States and the Independence of Latin America. Baltimore, 1941. P. 346.*

занял позицию «строгого нейтралитета», которая, учитывая неравенство сил борющихся сторон, была на пользу Испании. Реальная действительность показала несбыточность надежд патриотов на получение помощи со стороны США.

Прикрываясь нейтралитетом, США стремились извлечь максимальную выгоду для себя из грандиозной битвы, развернувшейся к югу от Миссисипи. В 1809—1811 гг. Вашингтон дважды направлял своих агентов на Кубу, нащупывая пути к аннексии острова. В 1812—1813 гг. вооруженные отряды американских флибустьеров вторгались на территорию Мексики, но, потерпев поражение в сражении при Рио-Медина, были вынуждены отступить¹¹. В 1810—1818 гг. США осуществили захват сначала западной, а затем и восточной Флориды. Вслед за этим настала очередь Техаса, куда устремился поток американских флибустьеров. Горькое прозрение многих руководителей и участников борьбы за независимость Латинской Америки вызвало их резкую критику в адрес северного соседа, осуждение эгоизма и своскорыстия североамериканской буржуазной демократии, осознание растущей угрозы с Севера.

В уже упоминавшемся Письме с Ямайки Боливар публично осудил «невмешательство» США, подчеркнув, что «наши северные братья оставались безучастными зрителями в высшей степени справедливой борьбы». Позднее в письме Патрику Кэмпбеллу от 5 августа 1829 г. С. Боливар писал: «Кажется, само провидение предназначило Соединенные Штаты для того, чтобы от имени свободы покрыть Америку язвами нищеты»¹².

Все это время США, несмотря на обращения к ним просьбы, воздерживались от признания молодых государств, образовавшихся на развалинах испанской и португальской колониальных империй. Только в 1822 г. американский конгресс принял решение об официальном признании Мексики, Великой Колумбии, Чили и Буэнос-Айреса. Вскоре после этих событий США провозгласили доктрину Монро, ставшую краеугольным камнем теории и практики панамериканизма.

2 декабря 1823 г. в ежегодном послании к конгрессу президент США Джеймс Монро сформулировал ряд принципов внешней политики страны, получивших название «доктрины Монро». В этой важной декларации провозглашалось:

«Американский континент не может служить в дальнейшем объектом колонизации европейских держав;

— воздерживаясь от участия в делах Европы, США намерены рассматривать в качестве враждебных акций любые попытки европейских государств осуществить политическое или иное вмешательство в дела стран американского региона»¹³.

Необходимо отметить, что сложность международной обстановки в первой четверти XIX в., наличие в «доктрине Монро» некоторых прогрессивных для того времени моментов (принцип запрещения колонизации, идея «народного суверенитета»), ее демократическая фразеология, а также туманный характер многих формулировок послужили питательной средой для различного рода мифотворчества.

Государственные деятели, дипломаты и ученые США не жалели усилий, чтобы убедить весь мир в том, что провозглашение «доктрины Монро» отвратило угрозу интервенции держав Священного союза, защитило демократи-

¹¹ *Guerra y Sánchez R.* La expansión territorial de los Estados Unidos a expensas de España y de los países hispanoamericanos. La Habana, 1964. P. 115—121.

¹² *Bolívar S.* Obras completas. Vol. 1. P. 162—163; Vol. 3. P. 279.

¹³ *Хайд Ч. Ч.* Международное право: его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. М., 1950. Т. 1. С. 440—442.

ческие принципы государственного устройства на Американском континенте и утвердило «общность интересов» Северной и Южной Америки¹⁴.

Всестороннее изучение системы международных отношений первой четверти XIX в. исследователями различных стран подтвердило, что в действительности все обстояло иначе. Так, советский историк Н. Н. Болховитинов подчеркивал: «Никакой реальной угрозы интервенции Священного союза в Латинскую Америку в 1823 г. не существовало»¹⁵. Реакционные монархи европейских стран, объединившиеся для поддержки принципов легитимизма, хотя и были склонны оказать помощь своему испанскому венценосному собрату по восстановлению его власти в бывших колониях в Америке, однако не смогли это сделать. Острое соперничество Англии и России, Англии и Франции, политика лавирования Пруссии и Австрии в сложной системе европейского «равновесия» исключали возможность достижения необходимой степени согласия между участниками Священного союза¹⁶.

Правительство Англии задолго до выступления Д. Монро решительно отмежевалось от Священного союза, а без поддержки «владычицы морей» все проекты помощи Испании в целях реставрации ее господства в Новом Свете повисали в воздухе. Что же касается России, то царское правительство, являясь защитником принципов легитимизма и желая помочь Фердинанду VII, не могло не учитывать реального соотношения сил и перспектив развития событий в испанских колониях. Оно стремилось к посредничеству держав Священного союза в войне между Испанией и ее колониями и «ни разу не проявляло каких-либо агрессивных намерений в отношении патриотов и не ставило вопросов о вооруженной интервенции европейских держав»¹⁷. Передовая русская общественность в лице декабристов горячо сочувствовала борьбе патриотов в Латинской Америке.

Кроме того, в начале 20-х годов по южной дуге Европейского континента прокатилась волна народных революций. Португалия, Испания, Италия и Греция были охвачены огнем восстаний. Где уж там было всерьез думать о таком грандиозном мероприятии, как заокеанская вооруженная экспедиция против народов целого континента, когда монархи Священного союза едва успевали дома тушить «пожар».

Вашингтон был прекрасно осведомлен об этих обстоятельствах через своих дипломатических представителей и по другим каналам. Что же в таком случае побудило Джеймса Монро выступить со своей доктриной?

Акция президента США была продиктована долгосрочными интересами борьбы за господствующее положение в Западном полушарии. «Соединенные Штаты, — писал мексиканский исследователь и политический деятель Алонсо Агилар, — не стремились упрочить независимость Латинской Америки и тем более не собирались вмешиваться в войну против Испании. Действительная цель политики Монро заключалась в том, чтобы заложить основы для гегемонии США на континенте»¹⁸. Правильность этой и других аналогичных оценок подтверждается всей историей отношений США с их южными соседями.

Фактически Д. Монро объявил все Западное полушарие «зоной жизненных интересов и безопасности США». Поэтому «доктрина Монро» не носила

¹⁴ *Latane J. From Isolation to Leadership. N. Y., 1920. P. 4—5.*

¹⁵ *Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро. М., 1959. С. 185.*

¹⁶ *Kossok M. Historia de la Santa Alianza y la emancipación de América Latina. Buenos Aires, 1968. P. 110.*

¹⁷ *Слэзкин Л. Ю. Россия и война за независимость... в Испанской Америке. М., 1964. С. 35.*

¹⁸ Цит. по: *Aguilar Monteverde A. El panamericanismo: de la doctrina Monroe a la doctrina Johnson. México, 1965. P. 20.*

оборонительного характера, а по существу была направлена против Великобритании и других европейских держав, как конкурентов США в борьбе за сферы влияния в этом районе мира, а также против стран Латинской Америки.

Провозглашение «доктрины Монро» в тот момент, когда уже полным ходом шла практическая подготовка Панамского конгресса, преследовало цель нанести упреждающий удар, направленный против латиноамериканского единства. Декларированные «гарантии» независимости латиноамериканских стран как бы лишали смысла будущий союз государств Латинской Америки. Своим посланием Д. Монро хотел укрепить в Латинской Америке позиции тех деятелей, которые, подобно вице-президенту Колумбии Сантаандеру, предпочитали ориентироваться на США и в силу тех или иных причин относились сдержанно или даже отрицательно к плану Боливара¹⁹. Одновременно с помощью «доктрины Монро» Вашингтон решительно отмежевался от любых совместных выступлений со своими южными соседями на международной арене и резервировал за собой право на вмешательство в их дела.

США решительно отклонили в 1824—1826 гг. предложения ряда латиноамериканских стран, в частности Колумбии, Бразилии, Аргентины, заключить двусторонние договоры о союзе, которые гарантировали бы им поддержку США в случае внешней угрозы. Одновременно Вашингтон оказывал сильное давление на Мексику и Колумбию, чтобы воспрепятствовать их намерению организовать освободительную экспедицию для оказания помощи населению Кубы и Пуэрто-Рико в свержении колониального гнета Испании.

Показательно, что США, хотя и получили приглашение, не приняли участия в Панамском конгрессе, который открылся 22 июня 1826 г. Приветствуя это событие, «Газета экстраординарно дель Истмо» писала: «Этот день можно назвать днем Америки». В его работе участвовали по два делегата от Колумбии, Мексики, Объединенных провинций Центральной Америки и Перу. Присутствовали без права голоса наблюдатели от Великобритании и Нидерландов.

Официальные инструкции, которые правительство каждой страны — участницы Панамского конгресса дали своим делегатам, являются важнейшим документом, позволяющим судить о повестке дня конгресса и позиции каждой делегации, поскольку в ходе заседаний конгресса подробных протоколов не велось, а сведения о том, как проходили заседания, собранные мексиканским историком Антонио де ла Пеньей на основе изучения переписки и мемуаров лиц, причастных к Панамскому конгрессу, весьма неполны²⁰. Анализ инструкций позволяет сделать вывод о том, что между государствами — участниками Панамского конгресса уже в ходе подготовки к нему была достигнута высокая степень согласия по существу главных проблем, включенных в его повестку дня. Конгресс завершился 15 июля 1826 г. подписанием четырех договоров, важнейшим из которых был договор «О постоянном союзе, лиге и конфедерации», открытый для подписания другими латиноамериканскими странами²¹.

Согласно договору, участники (ст. 1) «вступают в союз на время мира

¹⁹ После провозглашения «доктрины Монро» Сантаандер в послании конгрессу Колумбии 6 апреля 1824 г. заявил, что политика президента США «может обеспечить Колумбии могущественного союзника в случае, если ее независимость и свобода окажутся под угрозой» (Alvarez A. The Monroe Doctrine. N. Y., 1924. P. 122—123).

²⁰ Archivo Histórico Diplomático Mexicano. N 19: El Congreso de Panamá y algunos otros proyectos de la Unión Hispano-Americana. México, 1926. P. 42—54.

²¹ Полные тексты четырех договоров приводятся в: Archivo Histórico Diplomático Mexicano. N 19. P. 54—81.

и войны и заключают для этого постоянный пакт о прочной и нерушимой дружбе и тесном союзе всех договаривающихся сторон и объединяются в Конфедерацию».

Главными целями совместных усилий латиноамериканских стран провозглашались (ст. 2), во-первых, «охрана суверенитета и независимости всех и каждой в отдельности объединенных стран Америки против любого иностранного господства» и, во-вторых, «обеспечение гармонии и взаимопонимания как между народами договаривающихся сторон, так и в дружественных отношениях с другими государствами, которые они намерены поддерживать. . .» Для осуществления этих принципов и целей предусматривалась организация совместной обороны, создание общей постоянной армии и флота, состоящих из контингентов, выделяемых каждой страной-участницей, общей численностью в 60 тыс. человек (ст. 3 и 9 соглашения о контингентах), совместная защита территориальной неприкосновенности каждого участника (ст. 2, 3, 21 и 22), примирение возникающих споров на основе обязательной процедуры (ст. 16), введение общеамериканского гражданства (ст. 23 и 24), запрещение работорговли (ст. 27), определенные гарантии демократического строя договаривающихся сторон (ст. 29), кодификация международного права (дополнительная статья).

Однако подписанные в Панаме договоры не были ратифицированы его участниками, за исключением Колумбии. Принятое решение перенести заседание в Такуабю (Мексика) и там продолжить работу конгресса осуществить не удалось. Все это означало, что многолетние усилия Боливара и его сподвижников завершились неудачей. Тем не менее эти документы имеют непреходящее историческое значение, так как наиболее полно отражают цели и направленность движения за латиноамериканское сотрудничество.

При анализе причин неудачи Панамского конгресса необходимо обратиться прежде всего к рассмотрению внутреннего экономического и политического положения государств, сбросивших колониальный гнет. Длительная ожесточенная война против Испании подорвала и без того слабо развитые экономические и торговые связи между различными районами континента. Таким образом, сказывалось отсутствие прочной экономической основы для установления тесного политического сотрудничества в эту эпоху. На это обстоятельство обращал внимание известный чилийский экономист Филипп Эррера: «Наши попытки достичь в свое время политического единства Испанской Америки потерпели неудачу из-за отсутствия динамичных факторов экономического характера, которые бы способствовали объединительным процессам»²².

В то же время деятельность Боливара и многих его сподвижников было присуще стремление добиться латиноамериканского единства «сверху», т. е. используя в первую очередь свой личный авторитет и влияние. Такая политическая линия не способствовала развитию широкого общественного движения всех слоев населения за латиноамериканское единство. Отсутствие активной поддержки со стороны народных масс, вынесших основные тяготы борьбы с Испанией, объяснялось не «политической инертностью» или же «врожденной апатией» цветного населения: индейцев, негров, метисов и мулатов, как это утверждают некоторые консервативные историки²³, а тем, что многие важные социальные задачи, стоявшие на повестке дня антиколониальной войны, решения не получили.

²² *Herrera F. Bases económicas y políticos para un mercado común latinoamericano. Wash., 1976. P. 3.*

464 ²³ См., например: *Lockey J. B. Pan-Americanism: its beginnings. N. Y., 1920. P. 326—327.*

Недостаток поддержки «снизу» делал позицию Боливара и его сторонников весьма уязвимой, особенно когда идея создания конфедерации встретила растущее сопротивление влиятельных прослоек местных господствующих классов. После того как опасность реконкисты со стороны Испании исчезла, могущественные светские и духовные землевладельцы перешли в открытую оппозицию относительно планов создания латиноамериканской конфедерации. Они не без основания рассчитывали, что в условиях раздробленности и разгула стихии сепаратизма им удастся сохранить в неприкосновенности свои огромные богатства и привилегии. На службу своим интересам они поставили военных каудильо из рядов участников антиколониальной войны. Следует добавить, что эти круги отличала чрезмерная подозрительность и боязнь оказаться в сфере влияния Великой Колумбии.

В силу этих, а также других причин (в частности, сказались возникшие территориальные споры) Аргентина, Бразилия, Боливия, Чили и Парагвай, которые в 1826 г. уже оформились как независимые национальные государства, не приняли участия в Панамском конгрессе, хотя в принципе соглашались с идеей его созыва.

Сказались также происки дипломатии Англии и США, действовавших испытанными методами «разделяй и властвуй», поощрявших сепаратистские настроения и центробежные тенденции в регионе и способствовавших распаду такого крупного государственного объединения, как республика Великая Колумбия. Государственные деятели США и руководители Организации американских государств (ОАГ), многие североамериканские историки и некоторые их последователи в Латинской Америке в наши дни пытаются представить Боливара и других деятелей освободительной борьбы, выдвинувших концепцию латиноамериканской солидарности, сторонниками объединения всей Америки в рамках «одной родины всех американцев» и объявить Боливара «отцом панамериканизма»²⁴.

В действительности Симон Боливар принадлежит к той плеяде государственных деятелей эпохи борьбы за независимость, которые прозорливо оценивали серьезность угрозы, исходящей от северного соседа. Они рассматривали союз молодых латиноамериканских государств, объединенных общностью исторических, экономических и внешнеполитических целей, в качестве главного противовеса влиянию США. Выдвинутая ими концепция латиноамериканской солидарности не имела ничего общего с доктриной панамериканской общности под верховенством США. По существу, одна концепция исключала другую.

Алонсо Агилар Монтеверде подчеркивал в этой связи, что палицо «две противостоящие концепции: панамериканизм Джефферсона, Клея и Монро, проложивший дорогу системе подчинения латиноамериканских стран, созданной в конце XIX в., и латиноамериканизм Боливара, Сан-Мартина и Морелоса, отразивший борьбу наших народов за полную независимость»²⁵.

Концепция латиноамериканской солидарности и создания союза молодых государств для отражения внешней угрозы настолько отвечала их жизненным потребностям, что, несмотря на неудачу Панамского конгресса и последовавшую вскоре трагическую кончину Боливара, на протяжении всего XIX в. неоднократно предпринимались шаги для претворения ее в жизнь.

²⁴ Президент США Франклин Рузвельт писал, что идеалы панамериканизма обязаны своим происхождением деятельности Боливара (*Roosevelt F. D. Pan American Day Address. April 15, 1940*). См.: *Gantenbein J. The Evolution of our Latin American Policy: A Documentary Record. N. Y., 1950. P. 203*). Американский историк Самуэль Инман утверждал: «С полным основанием Боливара можно назвать отцом панамериканизма» (*Inman S. Problems in Pan Americanism. N. Y., 1925. P. 99*).

²⁵ *Aguilar Monteverde A. Op. cit. P. 28.*

УГРОЗА СУВЕРЕНИТЕТУ МОЛОДЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ И ИХ БОРЬБА ЗА СОТРУДНИЧЕСТВО

После неудачи Панамского конгресса международное положение латиноамериканских стран стало еще более сложным. Сказывалось то обстоятельство, что плодами завоеванной независимости в силу незавершенности социальных преобразований в первую очередь воспользовались крупные земельные собственники — немногочисленный, но могущественный в экономическом отношении реакционный класс. Народные массы остались бесправными и подвергались жесточайшей эксплуатации. Блок латифундистов, торговой буржуазии, военщины и клерикальной верхушки стал господствующей политической силой во многих молодых латиноамериканских государствах. Прогрессивные деятели эпохи войны за независимость — О'Хиггинс, Артигас, Боливар, Сукре и др. один за другим сходили с политической арены. Им на смену приходили военные и гражданские каудильо, которые проводили реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Силы молодых наций подрывала ожесточенная борьба за власть между различными слоями привилегированных классов, часто принимавшая форму междоусобных вооруженных конфликтов. Неоднократно возникала угроза целостности Аргентины, Бразилии, Колумбии и других стран.

Отрицательные последствия имел также процесс политического дробления на континенте, который начался еще в ходе войны за независимость и привел к образованию на месте нескольких вице-королевств и генерал-капитанств 20 независимых государств. Некоторые из них были настолько небольшими по размерам и численности населения и слабыми в экономическом и военном отношении, что им было очень трудно отстаивать свой суверенитет в эпоху, когда в международных отношениях господствовало «право сильного».

Большие усилия латиноамериканским странам пришлось приложить для того, чтобы нормализовать отношения с Испанией, которая длительное время отказывалась признавать их независимость. Она требовала, чтобы латиноамериканские страны взяли на себя часть огромного испанского государственного долга, и добивалась от них торговых привилегий²⁶. До момента признания Испания продолжала считать страны региона «мятежными колониями» и неоднократно направляла против них «карательные экспедиции»²⁷.

Процесс дсколонизации не получил полного завершения. В начале XX в. в географических границах региона, главным образом в Карибском бассейне, оставалось более 20 колониальных владений общей площадью в 529 тыс. кв. км. Их население, по оценкам специалистов, составляло около 5 млн человек²⁸.

Иностранные державы широко использовали свои колониальные форпосты в Западном полушарии в качестве опорных баз для проведения экспансионистской политики. Захват Англией Мальвинских островов в 1833 г. и превращение района по р. Белиз в Центральной Америке в свою колонию Британский Гондурас (1862 г.), американо-мексиканская война 1846—1848 гг.,

²⁶ Только Мексика (1835), Эквадор (1840), Чили (1844), Венесуэла (1845), Боливия (1847) и Никарагуа (1850) были признаны Испанией до середины XIX в., остальные — на протяжении второй половины столетия. Даже такое крупное государство, как Колумбия, смогло добиться признания Испании только в 1881 г., а маленький Гондурас еще позднее — в 1894 г. См.: *Yepes J. M. Del Congreso de Panamá a la Conferencia de Caracas. 1826—1951. Caracas, 1955. P. 141.*

²⁷ *Van Aken M. Pan-Hispanism: Its Origin and Development to 1866. Berkeley; Los Angeles, 1959. P. 35—36.*

²⁸ Капиталистические страны в 1913, 1920—1936 гг.: Стат. сб. М., 1937. Т. 2. С. 354—355.

карательные экспедиции Испании против Чили и Перу (1864—1866), завоевательная авантюра Наполеона III в Мексике (1862—1867) — вот лишь немногие примеры из длинной летописи вооруженных интервенций европейских держав в Латинской Америке в 30—60-х годах XIX в.

В условиях возраставшей экспансии Англии, Франции, США латиноамериканские страны неоднократно предпринимали попытки объединить силы для отпора иностранным интервентам.

Тот факт, что Мексика первой взяла на себя инициативу созыва нового международного конгресса молодых независимых государств Латинской Америки для заключения, по словам ее министра иностранных дел Л. Аламана, «семейного пакта», не был случайным. Эта латиноамериканская страна больше других страдала от иностранных интервенций. Вопрос о проведении континентального конгресса не сходил с повестки дня дипломатической борьбы в Латинской Америке.

Инициаторами создания в Латинской Америке оборонительного союза государств без участия США выступали различные страны: Мексика, Венесуэла, Перу, Чили, Эквадор, Республики Центральной Америки. Это свидетельствовало о том, что концепция латиноамериканского сотрудничества, разработанная Боливаром, была широко взята на вооружение дипломатией в регионе. Необходимость совместных действий латиноамериканских государств на международной арене осознавалась не только правительствами, но и широкими общественными кругами. Многие выдающиеся общественные и политические деятели континента выступали в то время пламенными проповедниками идей латиноамериканского единства. В их числе были венесуэльский деятель — законодатель и дипломат Андрес Бельо, один из авторов аргентинской конституции 1853 года Хуан Баутиста Альберди, чилийский революционер Франсиско Бильбао, национальный герой Кубы Хосе Марти и многие другие. «То, чего не сделал Боливар, еще предстоит осуществить в Америке», — писал Хосе Марти²⁹.

Несколько раз удавалось добиться созыва международных конгрессов или конференций с участием ряда латиноамериканских стран. Наиболее крупными среди них были первый Лимский конгресс (декабрь 1847 г. — март 1848 г.), Континентальный конгресс в столице Чили Сантьяго в сентябре 1856 г. и второй Лимский конгресс в ноябре 1864 г. — марте 1865 г. На них полномочными представителями были подписаны ряд договоров и соглашений: договор о конфедерации (об оборонительном и наступательном союзе), континентальный пакт о взаимной помощи, договор о совместной обороне и др. Это говорит о серьезности прилагавшихся усилий. Побудительным мотивом в большинстве случаев для заключения этих договоров являлись угроза иностранной агрессии или интервенционистские акции со стороны США, Англии, Франции, Испании. Однако добиться ратификации подписанных документов и развить первый успех обычно не удавалось. Одни правительства были поглощены внутривластной борьбой, другие оставались в стороне ввиду острых территориальных споров с соседями, третьи опасались, что участие в латиноамериканском союзе может вовлечь их в конфликты с иностранными державами. И повсюду сказывались происки североамериканских и европейских дипломатов, следовавших испытанной стратегией «разделяй и властвуй».

Латиноамериканским странам так и не удалось выработать программу совместных выступлений или заложить организационные основы внешнеполитического сотрудничества в силу выявившихся между ними противоречий и

²⁹ *Martí J. Obras completas. La Habana, 1953. T. 2. P. 124.*

противодействия США и Англии, стремившихся увековечить их разобщенность. В конечном счете такой итог определялся сложным комплексом классовых и внешнеполитических факторов, отражавших глубинные экономические процессы.

К. Маркс отмечал, что «вся внутренняя организация народов, все их международные отношения» по сути дела «являются выражением определенного вида разделения труда» и «обусловлены . . . отношением к мировому рынку»³⁰. Вовлечение латиноамериканских стран после завоевания ими независимости в систему народнохозяйственных связей капитализма осуществлялось в условиях экономического подчинения развитым индустриальным державам, стремившимся превратить их в поставщиков дешевого минерального и аграрного сырья, зависимых от иностранных рынков сбыта. США, Англии и Франции удалось в 20—40-х годах XIX в. навязать многим странам региона торговые договоры, открывавшие путь для завоевания внутреннего рынка Латинской Америки³¹. Как отмечал известный венесуэльский социолог Родольфо Кинтеро, «в системе разделения труда, которую индустриальный капитализм навязывает народам, отставшим в своем развитии, нашим странам была отведена функция монокультурных и экспортных экономик»³².

Почти все латиноамериканские государства начинали свою внешнеполитическую деятельность с переговоров о получении займов в Европе с целью подправить разоренную экономику и выплатить долги, навязанные их бывшими метрополиями при признании последними их независимости. Их главным кредитором выступала Англия, ссудившая им в 1818—1825 гг. около 20 млн ф. ст. Примерно четверть этой суммы осела в карманах английских дельцов, столь грабительскими были условия займов. Североамериканские капиталисты прежде всего стремились утвердить свое влияние на Кубе и в Центральной Америке. Финансовые рычаги позволяли английской и североамериканской дипломатии оказывать воздействие на внешнеполитическую деятельность многих стран региона, блокировать их попытки создать союз для защиты своих национальных интересов от посягательств «великих держав».

Неспособность многих латиноамериканских государств в полной мере осуществлять на международной арене свой суверенитет объяснялась также классовыми факторами. Олигархические группы латифундистов и буржуазии, контролировавшие государственную власть в большинстве стран региона, во внешнеполитической области стремились не столько защищать национальные интересы своих стран, сколько обеспечить себе поддержку «сильных мира сего». Называя эти круги «сеньорами власти и политики», мексиканский историк К. Бош Гарсиа писал, что в их лице внешние силы нашли союзников, которые отступили от национальных идеалов, чтобы адаптироваться к мировому капиталистическому рынку. «Иными словами, — подчеркивал ученый, наши сеньоры и политики потеряли свое национальное лицо во имя союза с иностранным капитализмом»³³.

Национализм этих кругов во многих случаях носил реакционный характер. Между двумя крупнейшими государствами Южной Америки, Аргентиной и Бразилией, развернулось соперничество за роль лидирующей державы. Другие страны проявляли повышенную заботу о «балансе сил» в сопредельном с ними районе континента. Нерешенные территориальные проблемы, уходившие корнями в колониальный период, и соперничество США с европей-

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 404; Т. 6. С. 160.

³¹ Marett R. Latin America: British trade and investment. L., 1973. P. 5.

³² Quintero R. Las tres conquistas de América Latina. Montevideo, 1970. P. 4.

³³ Bosh Garcia C. Latinoamericana: una interpretación global de la dispersión en el siglo XIX. México, 1978. P. 198.

скими державами в борьбе за сферы влияния на континенте привели к возникновению в XIX в. серии войн между латиноамериканскими государствами: аргентино-бразильская война 1825—1828 гг., вооруженный конфликт Чили, Перу и Боливии в 1836—1838 гг., аргентино-уругвайский конфликт 1843—1851 гг., война Тройственной коалиции (Аргентина, Бразилия, Уругвай) против Парагвая в 1864—1870 гг. Эти войны серьезно осложнили обстановку в регионе, на многие десятилетия отравили отношения между их участниками, создали очаги постоянно тлеющих конфликтов.

Анализируя положение латиноамериканских стран на мировой арене в 20—70-х годах XIX в., было бы, однако, неправильно видеть только уязвимые места. После завоевания независимости темпы их исторического развития ускорились. Ликвидация рабства и некоторых феодальных пережитков, консолидация национальных государств, либеральные реформы, ограничение прав католической церкви, завоевание народными массами в отдельных странах буржуазных свобод и социальных прав — все это были вехи движения вперед. Каждый из этих рубежей брался «с боем», в ожесточенных классовых сражениях, в упорной борьбе против господства латифундистской реакции, клерикалов и военщины. В целом большинству латиноамериканских стран удалось сделать заметный шаг вперед в своем развитии, добиться международного признания завоеванной ими независимости и отразить покушения иностранных держав на их суверенитет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видим, поступательное развитие народов Латинской Америки шло в соответствии с законами всемирно-исторического процесса. К моменту открытия Америки часть индейских племен находилась на стадии первобытно-общинного строя, часть — на стадии раннеклассовых обществ становления государственности. Самое крупное из государств доколумбовой Америки — государство инков Тауантинсуйу, занимавшее огромную территорию Южной Америки, имело рабовладельческий характер.

За открытием Америки последовала трагическая полоса конкисты. Конкистадоры, освоенные крестом католической церкви, огнем и мечом утверждали власть испанской короны и «веры христовой» на обширных просторах Нового Света. В ходе конкисты были уничтожены миллионы местных жителей — индейцев, погибли древние цивилизации доколумбовой Америки, было прервано самостоятельное развитие ее народов.

На оправдание этого варварства направлена апология конкисты, в основе которой лежат утверждения о неполноценности коренного населения. Ложный тезис об ущербности аборигенов Нового Света долгое время оставался на вооружении колонизаторов, поскольку способствовал оправданию массового уничтожения индейцев, их порабощению и эксплуатации.

В то же время открытие Америки, создание испанской колониальной системы в покоренных землях, так же как и установление португальского господства в Бразилии, означало, хотя и насильственное, трагическое, включение Нового Света в мировой исторический процесс. В колониях стали формироваться новые производительные силы и производственные отношения, многоукладная экономика, синтезировавшая сохранившиеся от доколумбовой эпохи дофеодалные производственные отношения и принесенные европейскими колонизаторами отношения разлагавшегося феодализма. В конечном счете колониальное общество сформировалось как общество антагоническое с привилегированным эксплуататорским меньшинством и бесправным эксплуатируемым большинством, причем господствующее меньшинство было представлено, как правило, чужеземными колонизаторами, а угнетенное большинство — туземным населением.

Вся политика колонизаторов была направлена на превращение колоний в источник богатств для метрополий, в средство обогащения их правящих кругов, католической церкви, колониального аппарата и военщины.

Метрополии — Испания и Португалия — стремились всеми силами направить развитие экономики колоний в русло обслуживания их потребностей; путем жесткой системы регламентаций они препятствовали развитию местного производства. В виде колониальной дани в метрополии вывозились огромные богатства — золото, серебро, драгоценности. Но даже жесткая регламентация и расхищение богатств колоний не могли остановить действие объективных законов экономического развития, медленного, но неуклонного роста производительных сил, возникновения капиталистического уклада.

На этой основе возникли противоречия между главной привилегированной частью колониального населения — креолами, с одной стороны, и колониальным аппаратом — с другой.

Нараставшие противоречия между колониями и метрополией проявились в освободительной борьбе народных масс, перераставшей в восстания, свидетелем бывавшие о наступлении кризиса колониальной системы. Помимо объективных факторов, обусловивших кризис, его обострению способствовало нарастающее влияние субъективного фактора. К этому времени в колониях уже действовали университеты и колледжи, сложилась местная интеллигенция, имелись крупные ученые в области естественных и гуманитарных наук, формировавшие антиколониальное общественное мнение. К тому же усилился приток из Европы контрабандной литературы, литературы века Просвещения. Идеи свободы, равенства и братства овладевали сознанием передовой части колониального населения, крепло чувство любви к своей родине, складывалась общность интересов различных классов и этнических групп. Углублению этого процесса способствовали известия о войне за независимость английских колоний в Северной Америке и образовании нового государства — Соединенных Штатов Америки, но особенно большое влияние на этот процесс оказала Великая французская революция, прямым проявлением которого стала борьба негров Гаити за свободу под руководством одного из самых выдающихся деятелей освободительного движения — Туссен-Лувертюра, завершившаяся провозглашением 1 января 1804 г. независимости Гаити.

Освободительная борьба народов Испанской Америки переросла в войну за независимость 1810—1826 гг. В Бразилии освободительная борьба не вылилась в войну, но война за независимость в Испанской Америке сказалась и там. Бразильская аристократия использовала тяжелое положение метрополии, особенно после революции 1820 г., и заставила принца Педру объявить в 1822 г. независимость Бразилии. Бразилия стала самостоятельной монархией во главе с императором Педру I. Война за независимость испанских колоний закончилась ликвидацией господства Испании и образованием независимых государств; только Куба и Пуэрто-Рико остались в руках Испании.

Война за независимость всюду шла под республиканскими лозунгами, и молодые государства стали республиками; были ликвидированы монополии и регламентации, установленные Испанией, инквизиция, феодальные титулы, в ряде стран ликвидировано рабство.

Решающую роль в войне сыграли народные массы, боровшиеся не только за уничтожение испанского гнета, но и за улучшение своей жизни, за ликвидацию бесправия, эксплуатации. Однако коренной вопрос революции — аграрный — решен не был. Отсутствие национальной буржуазии обусловило гегемонию в войне за независимость креолов, связанных с землевладением. В ходе войны многие ее руководители сами стали крупными землевладельцами, место испанских латифундистов заняли латифундисты-креолы. Церковь сохранила в своих руках не только средства духовного воздействия на массы, но и обширные земельные владения, огромные богатства, накопленные за счет народных масс в колониальный период.

Сохранившиеся рабские и феодальные пережитки стали серьезным тормозом для капиталистического развития молодых государств Латинской Америки. К тому же новые государства были слабы в экономическом отношении. Они образовались в рамках бывших вице-королевств и генерал-капитанств при отсутствии внутреннего рынка, нерешенности территориальных границ, что породило конфликты и даже войны между молодыми государствами.

Становлению латиноамериканских государств препятствовала экономическая экспансия европейских стран и США, их агрессивная политика. В тот период Англия больше всех выиграла от ликвидации испанского господства в Америке, так как слабые в экономическом отношении латиноамериканские республики обратились за финансовой помощью, с просьбами о займах к первой капиталистической стране мира — Англии, что явилось началом их закабаления английским капиталом. Что касается США, то уже в ходе войны за независимость испанских колоний они заняли недружелюбную позицию в отношении борющихся за свободу и независимость народов Испанской Америки. На решающем этапе войны в 1823 г. была провозглашена «доктрина Монро», поставившая слабые государства Латинской Америки один на один с набиравшим силы североамериканским соседом.

Аннексировав Техас и другие мексиканские штаты и лишив Мексику более половины ее территории, США стремились распространить свою власть и на государство Центральной Америки. В середине 50-х годов американские флибустьеры во главе с Уокером пытались овладеть Никарагуа с целью превращения этой страны в рабовладельческое государство.

Для оправдания агрессивной политики США в Латинской Америке идеологи североамериканского экспансионизма выдвинули теорию предопределения судьбы, согласно которой избранной богом «высшей» североамериканской расе предназначено свыше «покровительствовать» низшим латиноамериканским народам.

Угроза независимости молодых латиноамериканских государств со стороны европейских держав и США была очевидна еще руководителям войны за независимость. О'Хиггинс, Сан-Мартин, Боливар неоднократно высказывались за объединение латиноамериканских стран в целях предотвращения опасности реставрации господства Испании и возможной агрессии других европейских держав и США. На исходе войны за независимость Боливар приступил к подготовке конгресса латиноамериканских стран. Он состоялся в Панаме в июне—июле 1826 г. Внутривнутриполитическая борьба, споры и военные столкновения между самими латиноамериканскими странами, сопротивление Англии и США достижению единства государств региона привели к тому, что решения Панамского конгресса не были претворены в жизнь. Но тенденция к единству оставалась.

На латиноамериканском уровне предпринимались попытки координации действий между отдельными странами. На совещании в 1856 г. в столице Перу Лиме обсуждался вопрос об оборонительном союзе.

В 1861 г. латиноамериканские страны заявили протест против вооруженной интервенции Англии, Испании и Франции в Мексику, а в 1864 г. они осудили войну Аргентины, Бразилии и Уругвая против Парагвая, но сложные внутренние процессы, напряженность во взаимоотношениях между самими латиноамериканскими странами, усугублявшиеся подрывной деятельностью европейских держав и США, препятствовали подлинному единству Латинской Америки.

Таким образом, становление и формирование молодых латиноамериканских государств происходило в неблагоприятных условиях отсутствия единства между ними, экономической слабости, политической нестабильности, постоянного вмешательства в их внутренние дела европейских держав и США.

Родившиеся в ходе войны за независимость государства приняли буржуазную форму правления, их конституции носили буржуазный характер, но не было прочной социально-экономической базы, ее предстояло еще создать. Все это определило сложность политических процессов в историческом

развитии Латинской Америки в 30—70-х годах XIX в., проявившуюся в борьбе консерваторов и либералов, федералистов и унитариев, в каудильлизме и милитаризме, в революциях и гражданских войнах.

Всякая попытка прогрессивных сил осуществить реформы буржуазного характера вызывала сопротивлениe реакции земельной аристократии, католической церкви, связанных с ними каудильо.

Социально-экономическое и политическое развитие латиноамериканских стран осложнялось борьбой за власть между отдельными кланами внутри правящих кругов. Часто решение государственных вопросов зависело от личных амбиций отдельных генералов-каудильо; их соперничество решалось путем государственных переворотов, ставших характерным явлением политической жизни Латинской Америки.

Именно нерешенность социально-экономических задач буржуазной революции определяла остроту классовой и политической борьбы 30—70-х годов XIX в. Латифундисты и католическая церковь выступали за сохранение всего отсталого; они были заинтересованы в неограниченной эксплуатации многомиллионного закабаленного крестьянства, сохранении каудильизма, поскольку диктаторы-каудильо во имя осуществления своих персоналистских устремлений послушно выполняли волю асендадос и церкви.

В трудных условиях противоборства сил докапиталистической формации — земельной аристократии и церкви, с одной стороны, и либеральных помещиков и нарождавшейся буржуазии — с другой, шло становление буржуазных государств. Борьба сил реакции и прогресса в середине XIX в. проявилась также в ряде стран региона в революциях и гражданских войнах. Этому способствовало влияние европейских революций 1848—1849 гг.

В острых социальных конфликтах, имевших место в Колумбии, Перу, Мексике и Венесуэле, решались вопросы буржуазных социально-экономических и политических преобразований, осуществлялось наступление буржуазного государства на церковь, сопровождавшееся секуляризацией церковного имущества, отделением церкви от государства. Мероприятия буржуазного характера способствовали ускорению развития капитализма как в городе, так и в деревне. Посредством законодательства и насильственных мер земли крестьянских общин переходили в руки государства или отдельных латифундистов, а крестьяне превращались в безземельных зависимых работников-пеонов, оказавшихся в неоплатном долгу у асендадос. Земля стала предметом купли-продажи, что способствовало расширению товарно-денежных отношений, складыванию внутреннего рынка. Она стала также сферой приложения капиталов, главным образом иностранных, в связи с начавшимся в 50-х годах железнодорожным строительством. Само железнодорожное строительство было важным стимулом развития промышленности и сельского хозяйства. Железные дороги обеспечивали вывоз на мировой рынок сырья, продовольствия, продукции шедшего на подъем горнорудного производства, где первенствовал иностранный, в основном английский, капитал. Местный же капитал шел прежде всего в текстильную промышленность, отрасли местного производства, обеспечивающие внутренние потребности.

К началу 70-х годов XIX в. капитализм стал определяющим фактором в социально-экономическом и политическом развитии латиноамериканских государств, но это развитие осложнялось тем, что его уровень намного отставал от уровня главных европейских стран и США. К тому же значительную роль в развитии капитализма в Латинской Америки сыграл капитал как раз этих стран, что обусловило подчиненное положение латиноамериканской экономики. Ее развитие тормозилось также тем, что превращение земли в средство купли-продажи не привело к свободному развитию капитализма в сельс-

ком хозяйстве. Система латифундий не была ликвидирована после секуляризации церковных владений и расхищения крестьянских земель. Земли перешли в руки крупных земельных собственников при сохранении экстенсивности хозяйства, рутинной техники, педонажа — принудительного труда безземельного сельского населения, сведенного на положение полурабов-полукрепостных.

Таким образом, система латифундий еще более укрепилась, став основой сохранения докапиталистических пережитков. В Бразилии и на Кубе таким пережитком оставалось рабство, и, хотя оно обслуживало потребности мирового капиталистического рынка, его существование тормозило развитие национального капитализма, препятствовало созданию рынка вольнонаемного труда.

И все же развитие капитализма привело к формированию основных классов буржуазного общества — буржуазии и рабочего класса. После войны за независимость, ликвидации ограниченной колониальной периода торговая буржуазия получила большие возможности для предпринимательской деятельности. Особенно этот процесс усилился в середине XIX в. в связи с начавшимся железнодорожным строительством, строительством портов, ростом городов, введением телеграфа, становлением городского хозяйства. По мере роста спроса на мировом и внутреннем рынке росло табачное, сахарное, горнорудное производство, возникали текстильные фабрики с применением машин, ввозившихся из Европы и США. Таким образом, в ряде стран (Аргентина, Бразилия, Куба, Мексика, Чили, Перу) закладывались основы промышленности при сокращении кустарного ремесленного производства. Это сказалось на формировании рабочего класса, которое происходило в условиях расовой и этнической разнородности. На рудниках Боливии, Мексики, Чили, Перу трудились главным образом индейцы. В Бразилии и на Кубе, особенно на плантациях, были заняты в основном негры-рабы. На начальном этапе формирования пролетариата его значительную часть составляли рабочие ремесленного и кустарного типа: портные, сапожники, шляпники, плотники, столяры, кожевники, кузнецы, каменщики. Эти работники, а также безземельные крестьяне, городская и сельская беднота и в ряде стран иностранные рабочие (в Аргентине, Бразилии, Мексике, Уругвае — выходцы из Европы, на Кубе и в Перу — китайские кули) поставляли кадры фабрично-заводского пролетариата. В 50-70-х годах сложились его основные отряды — железнодорожники, горняки, текстильщики, портовики. По мере усиления процесса формирования рабочего класса вставали проблемы условий жизни и труда, поскольку правящие круги не хотели считаться с появлением рабочего вопроса. Стихийные протесты рабочих против нечеловеческих условий существования, забастовки подавлялись войсками и полицией. Пролетариат был слаб идейно и организационно. После европейской революции 1848—1849 гг. последовала революционная эмиграция из Европы в Латинскую Америку, принеся с собой идеи утопического и мелкобуржуазного социализма Фурье, Оуэна, Сен-Симона, Луи Блана. Хотя отдельные работы Маркса и Энгельса были изданы на испанском языке, например в Мексике и Чили в 50-х годах, первые марксистские газеты, кружки появились лишь в середине 60-х годов в связи с созданием I Интернационала. Но вскоре после падения Парижской Коммуны, в начале 70-х годов, началась новая волна эмиграции из Европы, особенно из Франции, Испании, Италии. Наряду с марксистами среди рабочих-иммигрантов было много анархистов и анархосиндикалистов, оказавших в дальнейшем большое влияние на рабочее движение в Латинской Америке, вступавшей в новый этап своего исторического развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К., Энгельс Ф.* Аякучо // Соч. 2-е изд. Т. 14.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Там же. Т. 4.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Нищета философии // Там же.
- Маркс К.* Боливар-и-Понте // Там же. Т. 14.
- Маркс К.* Британское владычество в Индии // Там же. Т. 9.
- Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии // Там же.
- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Там же. Т. 8.
- Маркс К.* Восточный вопрос // Там же. Т. 10.
- Маркс К.* Главные актеры драмы «Трепт» // Там же. Т. 15.
- Маркс К.* Гражданская война в Северной Америке // Там же.
- Маркс К.* Интервенция в Мексике // Там же.
- Маркс К.* К критике политической экономии // Там же. Т. 23.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1—4 // Там же. Т. 25—26.
- Маркс К.* Революционная Испания // Там же. Т. 10.
- Маркс К.* Революционное движение // Там же. Т. 6.
- Маркс К.* Революция в Испании // Там же. Т. 10.
- Маркс К.* Маркс — Павлу Васильевичу Аппенкову, 28 декабря [1846] // Там же. Т. 27.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Там же. Т. 20.
- Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Там же. Т. 21.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же.
- Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Там же. Т. 20.
- Энгельс Ф.* Конраду Шмидту, 8 октября 1888 г. // Там же. Т. 37.
- Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. Т. 16.
- Ленин В. И.* Землеустройство и деревенская беднота // Там же. Т. 24.
- Ленин В. И.* Карл Маркс // Там же. Т. 26.
- Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Там же. Т. 3.
- Ленин В. И.* Социализм и война // Там же. Т. 26.
- Ленин В. И.* Тетради по империализму // Там же. Т. 28.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Архив внешней политики России. Ф. Капеллярня. Д. 6858, 6864, 6875, 7458, 7546, 7549, 7550, 9027, 9115, 12208.
- Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I. СПб., 1878. Т. 4, ч. 2. (Журналы по Департаменту государственной экономии).
- Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВПР): Документы. . . Серия первая / Под ред. А. Нарочницкого и др. М., 1962. Т. 6.
- Документы для истории дипломатических сношений с западными европейскими державами от заключения всеобщего мира в 1814 г. до конгресса в Вероне в 1822 г. СПб., 1825. Т. 1 -2.
- Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе // Сборник русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1911. Т. 112, 119.
- Отношение России к началу войны Латинской Америки за независимость: Публикация документов, осуществленная Н. Болховитиновым // Ист. арх. 1962. № 3.
- Публикация документов из архива внешней политики России, 1810—1826 // Новая и новейшая история. 1966. № 5.
- Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Ф. 560. Оп. 4. Д. 11.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Витвер И.* Южная Америка. М.; Л., 1930.
- Григулевич И. Р.* Церковь и олигархия в Латинской Америке. М., 1981.
- Деберль А.* История Южной Америки от завоевания до нашего времени. СПб., 1899.
- Ионин А. С.* По Южной Америке. СПб., 1892—1902. Т. 1—4.
- Капитализм в Латинской Америке: Очерки генезиса, эволюции и кризиса / Отв. ред. В. В. Вольский. М., 1983.
- Католицизм и свободомыслие в Латинской Америке в XVI—XX вв.: (Документы и материалы) / Отв. ред. И. Р. Григулевич. М., 1980.
- Лаврецкий И. Р.* Тень Ватикана над Латинской Америкой. М., 1961.
- Латинская Америка в прошлом и настоящем: Сб. ст. по экономике, истории и культуре стран Лат. Америки. М., 1960.
- Народы Америки / Под ред. А. В. Ефимова, С. А. Токарева. М., 1959. Т. 1—2.
- Нации Латинской Америки: Формирование. Развитие / Под ред. А. Е. Ефимова. М., 1964.
- Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения / Отв. ред. А. Ф. Шульговский. М., 1976.
- Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки. М., 1967.
- Сей Л.* Философия американской истории: Судьбы Лат. Америки. М., 1984.
- Томас А. Б.* История Латинской Америки. М., 1960.
- Фостер У.* Очерк политической истории Америки. М., 1955.
- Чистозвонов А. Н.* Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985.
- Чистякова Е. В.* Контакты России с народами Латинской Америки (до XIX в.). М., 1987.
- Этнические процессы в странах Южной Америки: Сборник / Отв. ред. И. Ф. Хорошаева, Э. Л. Нитобург. М., 1981.
- Aguilar Paredes H.* Las guerras de conquista en Latinoamérica. Quito, 1980.
- Bailey H., Nasatir A.* Latin America: The development of its civilization. L., 1960.
- Ballesteros y Beretta A.* Historia de América y de los pueblos americanos. Barcelona, 1936—1961. Т. 1—24.
- Bambira V.* El capitalismo dependiente latinoamericano. México, 1975.
- Belmonte I.* Historia contemporánea de Iberoamérica. Madrid, 1971. Т. 1—3.
- Bosh Garcia C.* Latinoamérica: una interpretación global de la dispersión en el siglo XIX. México, 1978.
- Burns B.* The poverty of progress: Latin America in the nineteenth century. Berkeley; Los Angeles, 1980.
- The Cambridge history of Latin America / Ed. L. Bethell. Cambridge, 1984. Т. 1—6.
- Chevalier F.* L'Amérique latine de l'indépendance à nos jours. P., 1977.
- Collier S. D. W.* From Cortes to Castro: an introduction to the history of Latin America, 1492—1973. N. Y., 1974.
- Crow J. A.* The epic of Latin America. 3rd ed. Berkeley, 1981.
- Davis H.* History of Latin America. N. Y., 1968.
- Dějiny Latinské Ameriky / Pod red. J. Polisen-skeho. Pr., 1979.
- Dozer D. M.* Latin America: An interpretive history. N. Y., 1962.
- Dzieje Ameryki Łacinskiej od schyłku epoki kolonialnej do czasów współczesnych / Pod red. T. Łepkowskiego. W-wa, 1977—1983. Т. 1—3.
- Fagg J. E.* Latin America: A general history. N. Y.; L., 1963.
- Furtado C. A.* Economía latinoamericana. São Paulo, 1976.
- Garcia Calderon F.* Las democracias latinas de América: La creación de un continente. Caracas, 1979.
- Glade W.* The Latin American economies: A study of their institutional evolution. N. Y., 1969.
- González Casanova P.* Imperialismo y liberación: Una introducción a la historia contemporánea de América Latina. México, 1979.
- Guerre S. e a.* Crónicas latino-americanas: La región surandina: Chile, Perú, Bolivia. La Habana, 1977.
- Halperin Donghi T.* Historia contemporánea de América Latina. Madrid, 1969.
- Herring H.* A history of Latin America. N. Y., 1972.
- Historia de América Latina: Hechos, documentos, polémica. Madrid, 1978. Т. 1—4.
- La historia económica en América Latina. México, 1972. Vol. 1—2.
- Historia General de la Iglesia en América Latina / Ed. E. D. Dussel. Salamanca etc., 1973. Vol. 1—2.
- Historia y futuro de la economía latinoamericana. México, 1967.
- Historia universal. Vol. 1—36. Vol. 21. América Latina, I. Antiguas culturas precolombinas; Vol. 22. América Latina, II. La época colonial; Vol. 23. América Latina, III. De la independencia a la crisis del presente. Madrid, 1971.
- History of Latin American civilization: Sources and interpretations // Ed. L. Hanke. Boston, 1973. Vol. 1—2.
- Latinamerika zwischen Emanzipation und Imperialismus 1810—1960. B., 1961.
- Latin American civilization: readings and essays / Ed. H. A. Bierck. Boston, 1967.
- Lipschütz A.* La comunidad indígena en América y en Chile: Su pasado histórico y sus perspectivas. Santiago de Chile, 1956.
- Lipschütz A.* Marx y Lenin en la América Latina y los problemas indigenistas. La Habana, 1974.
- MacShane F.* Impressions of Latin America: Five centuries of travel and adventure by English and North American writers. N. Y., 1963.

- Martinière G.* Les Amériques latines, une histoire économique. Grenoble, 1978.
- Pereyra C.* Breve historia de América. Madrid, 1941.
- Platt D. C. M.* Latin America and British trade, 1806—1914. N. Y., 1973.
- Quinto centenario: América: economías, sociedades, mentalidades. Madrid, 1981—1982. Vol. 1—4.
- Randall, Laura Regina Rosenbaum: A comparative economic history of Latin America, 1500—1914. N. Y., 1977. T. 1—4.
- Rippy F.* British investments in Latin America, 1822—1949. Minneapolis, 1959.
- Rippy J. F.* Latin America: A modern history. Michigan, 1968.
- Robertson W.* History of the Latin American nations. 2nd ed. N. Y.; L., 1942.
- Sánchez L.* Historia general de América. Santiago de Chile, 1963. T. 1—2.
- South American dictators: During the first century of independence / Ed. A. C. Wilgus. N. Y., 1963.
- Sunkel O.* El subdesarrollo latinoamericano y la teoría del desarrollo. 4-a ed. México, 1973.
- Torre Villar E. de la.* Desarrollo histórico del constitucionalismo hispanoamericano. México, 1976.
- Véliz C.* The centralist tradition of Latin America. Princeton, 1980.
- Vicens Vives J.* Historia social y económica de España y América. Barcelona, 1971. T. 1—4.
- Wittman T.* Latin America lörténete. Bp., 1978.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

- Альперович М. С.* Советская историография стран Латинской Америки. М., 1968.
- Латиноамериканская Америка в советских исследованиях / Отв. ред. А. И. Сизоненко. М., 1976.
- Советская латиноамериканистика после победы кубинской революции / Отв. ред. В. В. Вольский. М., 1981.
- Советская латиноамериканистика, 1961—1986 / Отв. ред. В. В. Вольский. М., 1986.
- СССР и Латинская Америка, 1917—1967 / Отв. ред. В. В. Вольский. М., 1967.
- Arnoldsson S.* Los momentos históricos de América según la historiografía hispanoamericana del período colonial. Madrid, 1965.
- Barrera I. Y.* Historiografía del Ecuador. México, 1956.
- Borba de Moraes R.* Bibliografía Brasileira do período colonial. São Paulo, 1969.
- Cosío Villegas D.* Nueva historiografía política de México moderno. México, 1966.
- Feliu Cruz G.* Historiografía colonial de Chile, 1796—1886. Santiago de Chile, 1958.
- Guide to the «Hispanic American historical review», 1918—1945 / Ed. R. L. Butler. Durham, 1950.
- Guide to the «Hispanic American historical review», 1946—1955 / Ed. Ch. Gibson. Durham, 1958.
- Honório Rodrigues J.* História da historiografia do Brasil. 2-a ed. São Paulo, 1979.
- Humphreys R. A.* Latin American history: A guide to the literature in English. Londres, 1958.
- Índice histórico español: Bibliografía histórica de España e Hispanoamérica. Barcelona, 1953—1970. Vol. 1—14, N 1—58.
- Latin American scholarship since World War II. Lincoln, 1971.
- Medina Toribio J.* Estudios históricos, biográficos, críticos y bibliográficos sobre la independencia de Chile. Santiago, 1964—1965. T. 1—4.
- Mesa R.* Latin American serial documents. N. Y., 1972.
- Tauro A.* Bibliografía peruana de historia. Lima, 1953.
- Vargas Ugarte R.* Manual de estudios peruanistas. Lima, 1959.
- Wilgus A.* Historics and historians of Hispanic America. N. Y., 1965.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

- Инка Гарсиласо де ла Вега.* История государства инков. Пер. со старонсп. В. А. Кузьмищева. Л., 1974.
- Ланда Д. дель.* Сообщение о делах в Юкатане: Пер. со старонсп., ввод. ст. и примеч. Ю. В. Кнорозова. М.; Л., 1955.
- Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.
- Пополь-Вух: Пер. с яз. киче Р. В. Кинжалова. М.; Л., 1959.
- Códice Chimalpopoca: Apales de Cuauhtlan y leyenda de los soles. México: UNAM, 1975.
- Codice Xolotl / Ed. Ch. E. Diddle. México, 1980. Vol. 1—2.
- Florentine Codex. Santa Fe, 1950—1982. Vol. 1—12.
- Kingsborough E.* Antiquities of Mexico. L., 1831—1848. Vol. 1—9.
- Александренков Э. Г.* Индейцы Антильских островов: До европейского завоевания. М., 1976.
- Башилов В. А.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
- Березкин Ю. Е.* Мочика. М., 1983.
- Вайльн Дж.* История ацтеков. М., 1949.
- Галленкамп Ч.* Майя, загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966.
- Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мesoамерики. М., 1972.
- Гуляев В. И.* Города-государства майя: 477

- (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979.
- Гуляев В. И.* Древние майя: Загадки погибшей цивилизации. М., 1983.
- Гуляев В. И.* Забытые города майя: Пробл. искусства и архитектуры. М., 1984.
- Дукс Гомес Л.* Золото Колумбии. М., 1982.
- Исторические судьбы американских индейцев: Пробл. индеанистики / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 1985.
- Керам К. В.* Первый американец: Загадка индейцев доколумбовой эпохи. М., 1979.
- Кинжалов Р. В.* Искусство Древней Америки. М., 1962.
- Кинжалов Р. В.* Искусство древних майя. Л., 1968.
- Кинжалов Р. В.* Культура древних майя. Л., 1971.
- Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.
- Кузьмищев В. А.* Царство сынов Солнца. М., 1982.
- Культура индейцев: Вклад коренного населения Америки в мировую культуру / Отв. ред. А. Е. Ефимов, И. А. Золотаревская. М., 1963.
- Леон-Портилья М.* Философия Нагуа. М., 1961.
- Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934.
- Морган Л. Г.* Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.
- От Аляски до Огненной Земли: История и этнография стран Америки. М., 1967.
- Самаркина И. К.* Община в Перу: Очерк соц.-экон. развития. М., 1974.
- Созина С. А.* Муиски — еще одна цивилизация древней Америки. М., 1969.
- Стингл М.* Индейцы без томагавков. М., 1984.
- Уокон Р.* Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен. М., 1966.
- Файнберг Л. А.* Индейцы Бразилии: Очерки социальной и этнической истории. М., 1975.
- Alarco F.* El hombre peruano en su historia. Lima, 1971—1983. Vol. 1—6.
- Antiguo Perú: espacio y tiempo. Lima, 1960.
- Ballesteros Gaibrois M.* Cultura y religión de la América prehispánica. Madrid, 1985.
- Baudin L.* A socialist empire: The Incas of Peru. L., 1961.
- Bosch Garcia C.* La esclavitud prehispánica entre los Aztecas. México, 1944.
- Brundage Cartwright.* Lords of Cuzco. A history and description of the Inca people in their final days. Norman, 1967.
- Buse H.* Perú 10 000 años. Lima, 1962.
- Busto Duthurburu J. del.* Peru incáico. Lima, 1983.
- Carrasco D.* Quetzalcoatl and the irony of empire: Myths and prophecies in the Aztec tradition. Chicago, 1982.
- Caso A.* The Aztecs, people of the Sun. Norman, 1958.
- Coe M. D.* San Lorenzo and the Olmec civilization. Wash. (D. C.), 1968.
- Coe M. D.* The Maya scribe and his world. N. Y., 1973.
- Coe M. D.* Classic Maya pottery at Dumbarton Oaks. Wash. (D. C.), 1975.
- Coe M. D.* Lords of the underworld. Princeton, 1978.
- Choy E.* La revolución neolítica y los orígenes de la civilización peruana. Lima, 1960.
- Duque Gómez L.* Orfebrería indígena de Colombia. Bogotá, 1980.
- Engel F.* El precerámico sin algodón en la costa del Perú. México, 1964.
- Falk S. M.* Power and property in Inca Peru. N. Y., 1958.
- Felmann Velarde J.* Los Imperios Andinos. La Paz, 1961.
- Garza M. de la.* La conciencia histórica de los antiguos Mayas. México, 1975.
- Ghisletti L. V.* Los muiskas, una gran civilización precolombina. Bogotá. 1954. T. 1—2.
- Girard R.* Historia de las civilizaciones antiguas de América: Desde sus orígenes. Madrid, 1976. Vol. 1. 3.
- Hagen V. W. von.* The desert kingdoms of Perú. I., 1965.
- Harrington M. R.* Cuba antes de Colón. La Habana, 1935—1936. Vol. 1—2.
- Hartmann R.* Märkte im alten Peru. Bonn, 1968.
- Ibarra Grasso D. F.* Introducción a la Americanística. Cochabamba, 1967.
- Katz F.* The ancient American civilizations. L., 1972.
- Lara J.* La cultura de los Incas: El Tawantinsuyu. La Paz; Cochabamba, 1966. T. 1—2.
- Lehmann H.* Las culturas precolombinas. Buenos Aires, 1984.
- León-Portilla M.* Los antiguos mexicanos a través de sus crónicas y cantares. México, 1961.
- Loredo E. de y Sotelo Iuclan.* Historia de México: Etapas precortesiana y colonial. México, 1954.
- Lumbreras L. G.* Los orígenes de la civilización en el Perú. Lima, 1974.
- Mason J.* The ancient civilizations of Peru. Harmondsworth, 1969.
- Mendieta y Nuñez L. et al.* Los zapotecas: Monografía histórica, etnográfica y económica. México, 1949.
- Morley S. G.* La civilización maya. México; Buenos Aires, 1956.
- Nuñez Anavitarte C.* Teoría del desarrollo incásico interpretación esclavista, patriarcal de su proceso histórico natural. Cuzco, 1955.
- Perez de Barradas J.* Les Indiens del Eldorado. P., 1955.
- Ponce Sanginés C.* Arqueología boliviana. La Paz, 1957.
- Ponce Sanginés C.* La cultura nativa en Bolivia, su entronque y sus rasgos principales. La Paz, 1975.
- Posada F., Rosco J., Sántis S. de.* Ensayos marxistas sobre la sociedad Chibcha. Medelín, 1982.
- Poznansky A.* Tihuanacu: The cradle of American man. Vol. 1—2. N. Y., 1945; Vol. 3—4. La Paz, 1957.

- Preuss K. Th.* Monumentale vorgeschichtliche Kunst. Göttingen, 1929. Bd. 2.
- Reichel-Dolmatoff G.* Colombia. L., 1965.
- Rozo Gault J.* Los Muiscas: cultura material y organización socio-política. La Habana, 1984.
- Salomon F.* Los señores étnicos de Quito en la época de los Incas. Otavalo, 1980.
- Soustelle J.* La vie quotidienne des Azteques á la veille de la conquête espagnole. P., 1955.
- Triana M.* La civilización chibcha. Bogotá, 1970.
- Valcárcel L. E.* Historia del Perú antiguo. Lima, 1964. T. 1—2.
- Valcárcel G.* Perú-mural de un pueblo: Opuntes marxistas sobre el Perú prehispánico. Lima, 1965.
- Weaver M. P.* The Aztecs, Maya and their predecessors. N. Y., 1972.
- Wedin A.* El sistema decimal en el imperio incaico: Estudio sobre estructura política, división territorial y población. Madrid, 1965.
- Глава 2**
- Егорев Л. Н.* Записки солдата Бернала Диаса. Л., 1924—1925. Т. 1—2.
- Кавеса де Ваки Нуньес А.* Кораблекрушения: Пер. с исп. М., 1975.
- Лас Касас Б. де.* К истории завоевания Америки: Сб. ст. / Отв. ред. И. Р. Григулевич. М., 1966.
- Лас Касас Б. де.* История Индий: Пер. с исп. / Изд. подгот. В. Л. Афанасьев, З. И. Плавский, Д. П. Прицкер, Г. В. Степанов. Л., 1968.
- Открытие великой реки Амазонк: Хроника и документы о путешествиях Франсиско де Орельяны / Отв. ред. Я. М. Свет. М., 1963.
- Пицафетта А. Ф.* Путешествие Магеллана. М., 1950.
- Путешествие Христофора Колумба: Дневники, письма, документы / Под ред. И. П. Магидовича. М., 1961.
- Рели У.* Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи с прибавлением рассказа о великом и золотом городе Мапоа. М., 1963.
- Acosta J. de.* Historia natural y moral de las Indias. Buenos Aires, 1962.
- Aguado P.* Historia de Santa-Marta y Nuevo Reino de Granada. Madrid, 1916. Т. 1—2.
- Anghiera Martyr P.* The decades of the New World of West India. Ann Arbor, 1966.
- Benavente (Motolinia) T. de.* Historia de los indios de la Nueva España. México, 1941.
- Castellanos J. de.* Elegias de varones ilustres de Indias. Madrid, 1914.
- Colón C.* Textos y documentos completos: Relaciones de viajes, cartas y memoriales / Ed. C. Varela. Madrid, 1984.
- Cortés H.* Cartas de Relación. México, 1963. Crónicas de la conquista del Perú: Textos originales Francisco de Jerez, Pedro de Cieza de Leon y Agustín de Zárate. México, 198—.
- Descubrimiento y conquista de América: Navegantes, conquistadores, misioneros y poetas: Una antología general / Prol., selección y notas de M. Peña. México, 1982.
- Descubrimiento y conquista de Venezuela: (Textos históricos contemporáneos y documentos fundamentales). Caracas, 1962. Т. 1—2.
- Díaz del Castillo B.* Historia Verdadera de la Conquista de Nueva España. México, 1960. Т. 1—2.
- Documentos relativos a don Pedro de la Gasca y a Gonzalo Pizarro / Ed. J. Pérez de Tudela. Madrid, 1964. Т. 1—2.
- Ercilla y Zúñiga A. de.* La Araucana. Madrid, 1961.
- Fernandes de Navarrete M.* Colección de los viajes y descubrimientos que hicieron por mar los españoles desde fines del Siglo XV, con varios documentos inéditos. Madrid, 1825—1837. Vol. 1—5.
- Fernandez de Piedrahita L.* Noticia historial de las conquistas del Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1973. Vol. 1—2.
- Guzman R.* Argentina: Historia del descubrimiento, conquista y población del Río de la Plata. Escrita... en el año 1612. Buenos Aires, 1882.
- Herrera y Tordesillas A. de.* Historia general y natural de las Indias, islas y Tierra Firme del Mar-Océano. Madrid, 1957.
- Historiadores de Indias: América del sur / Antología, estudio prelim. y bibliogr. sel. A. Masia. Barcelona, 1972.
- Ixtlilxóchitl F. A.* Obras históricas. México, 1891—1892. Vol. 1—2.
- León-Portilla M.* Visión de los vencidos: Relaciones indígenas de la conquista. México, 1959.
- Letters and people of the Spanish Indies: Sixteenth century. Cambridge, 1976.
- López de Gómara F.* Historia general de las Indias. Madrid, 1922. Т. 1—2.
- Lozana P.* Historia de la conquista del Paraguay, Rio de la Plata y Tucuman. Buenos Aires, 1873—1874. Vol. 1—3.
- Martínez Hernández F.* Crónicas Mayas. Mérida, 1926.
- Montesinos F. de.* Memorias antiguas historiales y políticas del Perú. Cuzco, 1967.
- Nueva colección de Documentos para la Historia de México / Ed. J. G. Icazbalceta. México, 1886—1892. Vol. 1—5.
- Oviedo y Baños J. de.* Tesoro de noticias. Caracas, 1971.
- Oviedo y Valdés G. F.* Historia general y natural de las Indias, islas y Tierra Firme del Mar-Océano. Asunción, 1944—1945. Vol. 1—2.
- Porrus Barrenechea R.* Los cronistas del Perú (1528—1650). Lima, 1962.
- Remesal A. de.* Historia general de las Indias occidentales y particular de le gobernación de Chiapa y Guatemala. Madrid, 1964.
- Rodríguez Fresle J.* El Carnero: Conquista y descubrimiento del Nuevo Reino de Granada de las Indias Occidentales del Mar-Océano y fundación de la ciudad de Santa-

- Fe-de-Bogotá, primera de este Reino. Bogotá, 1963.
- Sahagún B.* Historia general de las Cosas de Nueva España. México, 1956. T. 1—2.
- Schmidel U.* Historia y descubrimiento del Río de la Plata y Paraguay. Buenos Aires, 1881.
- Simon P.* Noticias historiales de Venezuela. Caracas, 1963. T. 1—2.
- Simon P.* Noticias historiales de las conquistas de Tierra Firme en las Indias Occidentales. Bogotá, 1981—1982. Vol. 1—6.
- Tezozomóc A.* Crónica Mexicayote. México, 1949.
- Torquemada J. de.* Monarquía indiana. México, 1975—1980. T. 1—7.
- Valdivia P. de.* Cartas de relación de la conquista de Chile. Santiago de Chile, 1970.
- Vivar G. de.* Crónica y relación copiosa y verdadera de los Reinos de Chile (1558). B., 1979.
- Watan Ruma F.* El primer Nueva Crónica y Buen Gobierno. México, 1982. Vol. 1—3.
- Vaz de Caminha P.* Carta a El Rei dom Manuel (Versão mod. de Rubem Broga). Rio de Janeiro, 1981.
- Гуляев В. И.* По следам конкистадоров. М., 1976.
- История литератур Латинской Америки: В 4 т. Т. 1. От древнейших времен до начала войны за независимость / Отв. ред. В. Б. Земсков. М., 1985.
- Кузьмищев В. А.* У истоков общественной мысли Перу. М., 1979.
- Магидович И. И.* История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., 1965.
- Прескотт В.* Завоевание Мексики Эрнандо Кортесом. М., 1886. Т. 1—2.
- Прескотт В.* Завоевание Перу. СПб., 1886.
- Свет Я. М.* Колумб. М., 1973.
- Свет Я. М.* В страну Офир. М., 1967.
- Слезкин Л. Ю.* Земля Святого Креста: Открытие и завоевание Бразилии. М., 1970.
- Созина С. А.* На горизонте — Эльдorado: Из истории открытия и завоевания Колумбии. М., 1972.
- Фиске Д.* Открытие Америки: С крат. очерком древ. Америки и исп. завоевания. М., 1892.
- Хаген В. фон.* Их призвала Южная Америка. М., 1961.
- Albornoz M.* Orellana, el caballero de las Amazonas. México, 1965.
- Antkowiak A.* El Dorado: Die Suche nach dem Goldland. Sechs Kapitel einer abenteuerlichen Chronik. B., 1976.
- Bellestros Gaibrois M.* Descubrimiento y conquista del Perú. Barcelona, 1963.
- Ballestros Gaibrois M.* Diego de Almagro. Madrid, 1977.
- Becker-Panitz H.* Soziale Grundlagen und ökonomische Formen der spanischen Kolonisation Lateinamerikas. Marburg, 1975.
- Benites Vinuesa L.* Los descubridores del Amazonas. Madrid, 1976.
- Blom F.* The Conquest of Yucatan. Boston; N. Y., 1936.
- Busto Duthurburu J. del.* La conquista del Peru. Lima, 1984.
- Castillo Ledon L.* La conquista y colonización española en México. México, 1932.
- Chapman W.* The golden dream: Seekers of Eldorado. Indianapolis, 1967.
- Chaunu P.* Conquête et exploitation des Nouveaux Mondes (XVI siècle). P., 1969.
- Corte Mora H. de la.* Historia y leyenda del descubrimiento de América. Huelva, 1980.
- Cunningham R. G.* The conquest of New Granada, being the life of Gonzalo Jimenez de Quesada. N. Y., 1967.
- Descola J.* Les conquistadors. P., 1961.
- Dias-Alejo R.* La gran aventura del descubrimiento de América: El viaje de las tres carabelas. Madrid, 1963. T. 1—2.
- Espinoza Soriano W.* La destrucción del Imperio de los incas: La rivalidad política y señorial de los curacazgos andinos. Lima, 1981.
- Esteve Barba F.* Descubrimiento y conquista de Chile. Barcelona; Buenos Aires, 1946.
- Friede J.* Vida y viajes de Nicolas Féderman: Conquistador, poblador y cofundador de Bogotá, 1506—1542. Bogotá, 1960.
- Friede J.* Los Welsler en la conquista española. Bogotá, 1962.
- Friede J.* La invasión del país de los chibchas. Bogotá, 1966.
- From reconquest to empire: The Iberian background to Latin American history / Ed. H. B. Johnson. N. Y., 1970.
- García G.* Carácter de la conquista española en América y en México. México, 1901.
- González Suárez F.* Historia general de la república del Ecuador. Quito, 1890. T. 1—4.
- Greve E.* El conquistador Francisco de Aguirre. Santiago de Chile, 1953.
- Groussaq P.* Mendoza y Garay. Buenos Aires, 1949—1950. T. 1—2.
- Guillén Guillén E.* Versión inca de la conquista. Lima, 1974.
- Hemming Y.* Red gold: The Conquest of the Brazilian Indians, 1500—1760. Cambridge, 1978.
- Huber S.* Entdecker und Eroberer: Deutsche Konquistadoren in Südamerika mit zeitgenössischen Erlebnisberichten und Dokumenten. Walter, 1966.
- Humbert Y.* Los orígenes venezolanos: (Ensayo sobre la colonización española en Venezuela). Caracas, 1976.
- Kelly J.* Pedro de Alvarado, conquistador. L., 1971.
- Konetzke R.* Entdecker und Eroberer Amerikas: Von Christoph Kolombus bis Hernan Cortés. Frankfurt a. M., 1963.
- Kosidowski Z.* Królestwo złotych lez. W-wa, 1964.
- Lacalle C.* Noticia sobre Alvar Nuñez Cabeza de Vaca: Hazañas americanas de un caballero andaluz. Madrid, 1961.
- Leon-Portilla M.* El reverso de la conquista: Relaciones aztecas, mayas e incas. México, 1981.

Levillier R. Guerras y conquistas en Tucuman y Cuyo. Buenos Aires, 1945.

López Michelson A. La conquista española y sus frutos. Madrid, 1976.

Marcondes de Souza T. O. Descobrimento do Brasil de acordo com a documentação historico-cartografica e a nautica. São Paulo, 1956.

Martínez Escobar M. Historia de Remedios: (Colonización y desenvolvimiento de Cuba). La Habana, 1944.

Morales Padrón F. Historia del descubrimiento y conquista de América. Madrid, 1973.

Morales Padrón F. Gonzalo Jiménez de Quesada: Capitán de Eldorado. Madrid, 1974.

Morales Padrón F. Teoría y leyes de la conquista. Madrid, 1979.

Morison S. E. The European discovery of America: The southern voyages, 1492—1616. N. Y., 1974.

Porrás Barrenechea R. Pizarro. Lima, 1978.

Prado J. Primeiros povoadores do Brasil (1500—1530). São Paulo, 1935.

Prescott W. H. History of the conquest of Mexico with a preliminary view of the ancient Mexican civilization and the life of the conqueror, Hernando Cortes. L., 1925.

Prescott W. H. The history of the conquest of Peru. N. Y., 1961.

Ramos Pérez D. El mito del Dorado, su génesis y proceso. Caracas, 1973.

Le Riverend J. Historia económica de Cuba. La Habana, 1967.

Robertson W. The history of the discovery and settlement of América. N. Y., 1828.

Rosenblat A. La población de América en 1492. México, 1967.

Saint-Lu A. La Vera Paz, esprit évangélique et colonisation. P., 1968.

Sánchez L. A. Valdivia, el fundador. Santiago de Chile, 1947.

Schmidel U. Historia y descubrimiento del Rio de la Plata y Paraguay. Buenos Aires, 1881.

Solis A. de. Historia de la conquista de México. P., 1858.

Teitelhoim V. El amanecer del capitalismo y la conquista de América. La Habana, 1965.

Torres Ramírez B. Los conquistadores andaluces. Madrid, 1978.

Urbano V. Juan Vázquez de Coronado y su ética en la conquista de Costa Rica. Madrid, 1968.

Vega J. La guerra de los tiracochas. Lima, 1978.

Vernon I. S. W. Pedro de Valdivia, conquistador of Chile, Austin, 1946.

Wright I. A. The early history of Cuba, 1492—1586. N. Y., 1970.

Zavala S. A. Las instituciones jurídicas en la conquista de América. Madrid, 1935.

Zas E. Historia de Cuba: (Descubrimiento-conquista-colonización). La Habana, 1926. T. 1—3.

Глава 3

Гумбольдт А. Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799—1804 гг. М., 1963—1969. Т. 1—3.

Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1959.

Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг. М., 1950. Т. 1—3.

Лакиер А. Путешествие по Североамериканским штатам, Канаде и острову Куба. СПб., 1859. Т. 1—2.

Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947.

Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сеявин», 1826—1829. М., 1948.

Д'Орбиньи Г. А. Живописное путешествие в Южную и Северную Америку: Пер. с фр. СПб., 1839. Ч. 1.

Рабинович В. И. С гипшпанцами в Новый Йорк и Гавану: (Жизнь и путешествия Ф. В. Каржавина). М., 1967.

Рейналь Гийом Тома Ф. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях: Пер. с фр. Г. Городчанникова, В. Г. Анастасевич. СПб., 1805—1811. Т. 1—6.

Реклю Э. Земля и люди: Всеобщая география: Пер. с фр. / Под ред. С. П. Зыкова. Т. 1—19. СПб., 1898—1901. Т. 17—19.

Aclas capitulares del Ayuntamiento de la Habana. La Habana, 1939. Т. 1—2.

Alcedo A. Diccionario geográfico de las Indias Occidentales o América. Madrid, 1967. Vol. 1—4.

Angelis P. de. Colección de obras y documentos relativos a la historia antigua y moderna de las provincias del Rio de la Plata. Buenos Aires, 1969—1972. Т. 1—8.

Arellano Moreno A. Documentos para la historia económica en la época colonial. Caracas, 1970.

Azara Félix de. Viajes por la América del Sur: Desde 1789—hasta 1801. Montevideo, 1982. Biblioteca de autores españoles: Cartas de Indias. Madrid, 1974. Т. 1—4.

Caracas Cabildo: Aclas del Cabildo de Caracas. Caracas, 1943—1969. Т. 1—11.

Caracas Consulado: Documentos del real Consulado de Caracas / Introd. F. Arcila Farías; Sel. I. Leal. Caracas, 1964.

Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las antiguas posesiones españolas en América y Oceanía, sacados de los archivos, del Reino y muy especialmente del de Indias. Madrid, 1864—1884. Т. 1—42.

Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar. 2-a ser. Madrid, 1885—1932. Т. 1—25.

Del Paso y Troncoso F. Epistolario de Nueva España, 1505—1818. México, 1939—1942. Documentos importantes de Nueva Granada,

- Venezuela y Colombia. Bogotá, 1969—1970. T. 1 5.
- Documentos inéditos sobre la toma de la Habana por los ingleses en 1762. La Habana, 1963.
- Documentos jesuíticos relativos a la historia de la Compañía de Jesús en Venezuela / Ed. y estudio prelim. prep. J. del Rey. Caracas, 1966—1974. T. 1—3.
- Documentos para la historia de América: Epoca colonial. Mérida, 1976—1979. Vol. 1—2.
- Documentos para la historia económica en la época colonial: Viajes e informes / Sel. y estudio prelim. A. Arellano Moreno. Caracas, 1970.
- Documentos para la historia de la Iglesia colonial en Venezuela. Caracas, 1965. T. 1 2.
- Documentos para la Historia del Virreinato del Rio de la Plata. Buenos Aires, 1912—1913. T. 1—3.
- Domingo de Neyra Fr.* Ordenanzas, actas primeras de la moderna provincia de San Agustín, de Buenos Aires, Tucuman y Paraguay (1742). Buenos Aires, 1927.
- Friede J.* Fuentes documentales para la historia del nuevo reino de Granada: Desde la instalación de la Real Audiencia en Santafé. Bogotá, 1975—1976. T. 1 8.
- Gobernantes del Perú: cartas e papeles. Madrid, 1921—1926. Vol. 1—14.
- Gómez Canedo L.* La Provincia franciscana de Santa Cruz de Caracas: Cuerpo de documentos para su historia (1513—1837). Caracas, 1974. T. 1—3.
- Historia de la iglesia en la América española desde el descubrimiento hasta comienzos del siglo XIX. Madrid, 1965—1966. Vol. 1—2.
- Jara A. y Pinto S.* Fuentes para la historia del trabajo en el reino de Chile: legislación. 1546—1810. Santiago de Chile, 1982—1983. Vol. 1—2.
- Konetzke R.* Collección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamérica, 1493—1810. Madrid, 1953—1962. Vol. 1 3.
- Limonta J. A. de.* Libro de la razón general de la real hacienda del departamento de Caracas, 1962.
- Memorias de los Virreyes que han gobernado el Perú durante el tiempo del coloniaje español / Ed. M. A. Fuentes. Lima, 1859. T. 1—6.
- El pensamiento constitucional hispanoamericano hasta 1830: Compil. de constituciones sancionadas y proyectos constitucionales. Caracas, 1962. T. 1—4.
- Recopilación de Leyes de los Reynos de Las Indias / Estudio prelim. J. M. Manzano. Madrid, 1973. T. 1—4.
- Relaciones de mando de los virreyes de la Nueva Granada: Memorias económicas / Ed. G. Giraldo Jaramillo. Bogotá, 1954. Virreinato peruano: Colección de cartas de virreyes. Lima, 1954—1955. T. 1—3.
- gobierno de la casa de Austria. Madrid, 1976—1980. Vol. 1—8.
- Zavala S. y Castelo M.* Fuentes para la historia del trabajo en la Nueva España. México, 1935—1945. T. 1—8.
- Григуленіч И. Р.* Крест и меч: Католическая церковь в Испанской Америке. XVI—XVIII вв. М., 1977.
- Савина Н. В.* Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.
- Селиванов В. Н.* Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984.
- Aguirre Beltran G.* La población negra de México, 1519—1810. México, 1946.
- Alcázar Molina C.* Los virreynatos en el siglo XVIII. Barcelona, 1959.
- Alvárez F., Mercedes M.* Comercio y comerciantes y sus proyecciones en la independencia venezolana. Caracas, 1963.
- Amundéguí D.* Las encomiendas de Indígenas en Chile. Santiago de Chile, 1909—1910. T. 1—2.
- Amundéguí S. D.* La sociedad chilena del siglo XVIII: Mayorazgos y títulos de Castilla. Santiago de Chile, 1901—1904. Vol. 1—3.
- Andrews K. R.* The Spanish Caribbean: Trade a plunder, 1530—1630. L., 1978.
- Antecedentes de política económica en el Rio de la Plata. Madrid, 1915. T. 1—2.
- Arcila Fariás E.* Economía colonial de Venezuela. México, 1946.
- Arcila Fariás E.* El siglo ilustrado en América: Reformas económicas del siglo XVIII en Nueva España. México, 1974. T. 1—2.
- Arcila Fariás E.* El régimen de la encomienda en Venezuela. Caracas, 1979.
- Azpurrúa R.* Biografías de hombres notables de Hispano-América. Caracas, 1877. T. 1—4.
- Baralt R. M.* Resumen de la historia de Venezuela: Desde el descubrimiento de su territorio por los castellanos en el siglo XV, hasta el año 1797. P., 1939.
- Baura F.* Historia de la dominación española en el Uruguay. Montevideo, 1965. T. 1—6.
- The black legend: Anti-Spanish attitudes in the old world and the new / Ed. Ch. Gibson. N. Y., 1971.
- Blanco-Fombona R.* La evolución política y social de Hispano-América. Madrid, 1911.
- Bolton H. E.* The wider horizons of American history. Notre Dame, 1967.
- Brown Castillo G.* Cuba colonial: Ensayo histórico social de la integración de la sociedad cubana. La Habana, 1952.
- Bowser F.* The African slave in colonial Peru, 1524—1650. Stanford, 1974.
- Brading D. A.* Miners and merchants in Bourbon Mexico, 1763—1810. Cambridge, 1971.
- Brito Figueroa F.* La estructura económica de Venezuela colonial. Caracas, 1963.
- Buechler R. M.* The mining society of Potosí, 1776—1810. Syracuse, 1981.
- Buenaventura N.* Cuatro ensayos de interpretación de nuestra historia. Cali, 1969.

- The caciques: Oligarchial politics and the system of caciquismo in the Luso-Hispanic world / Ed. R. Kern. Albuquerque, 1973.
- Cardozo E.* El Paraguay colonial: Las raíces de la nacionalidad. Asunción, 1959.
- Campbell L. G.* The military and society in colonial Peru, 1750—1810. Philadelphia, 1978.
- Carrera Damas C.* La crisis de la sociedad colonial. Caracas, 1971.
- Castañeda Delgado P.* Don Vaseo de Quiroga y su «Información de derecho». Madrid, 1974.
- Céspedes del Castillo G.* Lima y Buenos Aires: Repercusiones económicas y políticas de la creación del virreynato de la Plata. Sevilla, 1947.
- Chaunu P.* Séville et l'Atlantique (1504—1650): Partie interpretative. P., 1959—1960. T. 1—4.
- Chaunu P.* L'Amérique et les Amériques de la préhistoire à nos jours. P., 1964.
- La clase obrera en la historia de México. T. 1—17. T. 1. De la colonia al imperio. México, 1980.
- Cole J. A.* The Potosi Mita, 1573—1700. Stanford, 1985.
- Colmenares G.* Historia económica y social De Colombia, 1537—1719. Medellín, 1975.
- Colmenares G.* Historia económica y social de Colombia, 1537—1719. Medellín, 1976.
- Colonial Hispanic America / Ed. A. C. Wilgus. N. Y., 1963.
- Concolorcorvo.* El Lazarrillo de ciegos caminantes desde Buenos Aires hasta Lima. 1773. Madrid, 1959.
- Cook S., Simpson L. B.* The population of Central Mexico in the sixteenth century. Berkeley; Los Angeles, 1948.
- Cordoba-Bello E.* Las reformas del despotismo ilustrado en América: Siglo XVIII. Caracas, 1975.
- Cortés Santos R.* «El régimen de las Gracias al sacar» en Venezuela durante el periodo hispánico. Caracas, 1978. T. 1—2.
- Cushner N. P.* Lords of the land: sugar, wine and Jesuit aetates of Coastal Peru, 1600—1767. Albany, 1980.
- Delgado A.* La colonia: Temas de historia de Colombia. Bogotá, 1974.
- Descola J.* La vie quotidienne au Perou au temps des espagnols, 1710—1820. P., 1962.
- Diaz Rementeria C.* El Cacique en el virreinato del Perú: Estudio histórico jurídico. Sevilla, 1977.
- Diffie B. W.* Latin American civilization: Colonial period. N. Y., 1967.
- Dussel E. D.* Historia de la Iglesia en América Latina: Coloniaje y liberación (1492—1973). Barcelona, 1974.
- The expulsion of jesuits from Latin America / Ed. M. Morner. N. Y., 1965.
- Farriss N. M.* Crown and clergy in colonial Mexico, 1759—1821: The Crisis of ecclesiastical privilege. L., 1968.
- Fisher J. R.* Silver mines and silver miners in colonial Peru, 1776—1824. Liverpool, 1977.
- Fisher J. R.* Government and society in colonial Peru: The intendant system, 1784—1814. L., 1970.
- Fisher L.* Viceregal administration in the Spanish American colonies. N. Y., 1967.
- Florescano F.* Origen y desarrollo de los problemas agrarios de México, 1500—1821. México, 1983.
- Franco J. L.* La Batalla por el dominio del Caribe y el golfo de México. La Habana, 1964—1966. T. 1—3.
- Frankowska M.* Podstawy gospodarki wiejskiej w Peru w ostatnim okresie panowania inków i pierwszym stuleciu po konkwiscie: Wiek XVI i pierwsza polowa XVII w. Poznan, 1967.
- Gandía E. de.* Nueva historia de América. Buenos Aires, 1946.
- García Fuentes L.* El comercio Español con América, 1650—1700. Sevilla, 1980.
- García-Gallo C.* Las notas a la Recopilación de Leyes de Indias. Madrid, 1979.
- Gibson Ch.* The Aztecs under Spanish rule: A history of the Indians of the valley of Mexico, 1519—1810. Stanford, 1964.
- Gibson Ch.* Tlaxcala in the sixteenth century. New Haven, 1952.
- Gibson Ch.* Spain in America. N. Y., 1967.
- Glave L. M., Remy M.* Estructura agraria y vida rural en una región andina: Ollantaytambo entre los siglos XVI—XIX. Cuzco, 1983.
- Góngora M.* Studies in the colonial history of Spanish America. Cambridge, 1975.
- González Rodríguez A. L.* La encomienda en Tucuman. Sevilla, 1984.
- Greñas R.* Costa Rica en la época del gobernador don Juan de Ocón y Trillo. San José, 1985.
- Groot J. N.* Historia eclesiástica y civil de Nueva Granada. Bogotá, 1889—1893. Vol. 1—5.
- Hamnell B. H.* Politics and trade in Southern Mexico, 1750—1821. Cambridge, 1971.
- Hanke L.* The imperial city of Potosi: An unwritten chapter in the history of Spanish America. The Hague, 1956.
- Hanke L.* The Spanish struggle for justice in the conquest of America. Boston, 1965.
- Hanke L.* Aristotel and the American Indians: A study in race prejudice in the modern world. L., 1970.
- Haring C. H.* Comercio y navegación entre España y las Indias, en la época de los Habsburgos. México, 1939.
- Haring C. H.* The Spanish empire in America. N. Y., 1947.
- Hussey R.* La Compañía de Caracas, 1728—1784. Caracas, 1962.
- Indian labor in the Spanish Indies: Was there another solution? / Ed. J. F. Bannon. Boston, 1966.
- Juan-y-Santacilla J., Ulloa-y-de la Torre-Guiral A. de.* Noticias secretas de América. Buenos Aires, 1953. T. 1—2.
- Kapsoli W.* Ensayos de nueva historia. Lima, 1983.
- Keith R. G.* Conquest and agrarian change: 483

- The emergence of the hacienda system on the Peruvian coast. L., 1976.
- Kubler G.* The Indian caste of Peru, 1795—1940: A story based upon tax records and census reports. Wash. (D. C.), 1952.
- Latin America and the enlightenment / Ed. A. P. Whitaker. N. Y., 1961.
- Lavalle B.* Recherches sur l'apparition de la conscience creole dans la vice-royauté du Perou: L'antagonisme hispano-creole dans les ordres religieux (XVIème—XVIIème ss.). Lille, 1982. T. 1—2.
- Levene R.* Las Indias no eran colonias. Buenos Aires; México, 1951.
- Levene R.* Investigaciones acerca de la historia del virreynato de la Plata. Buenos Aires, 1952. T. 1—2.
- Lipschutz A.* El Indoamericanismo y el problema racial en las Américas. Santiago, 1944.
- Llavador Mira J.* La gobernación de Venezuela en el siglo XVII. Caracas, 1969.
- Lobo F.* Proceso administrativo iberoamericano (Aspectos sócio-económicos-periodo colonial). Rio de Janeiro, 1962.
- Lockhart J.* El mundo hispanoperuano, 1532—1560. México, 1982.
- Lockhart J., Schwartz S. B.* Early Latin America: A history of colonial Spanish America and Brazil. Cambridge, 1983.
- Lohmann Villena G.* El correjidor de Indias en el Perú bajo las Austrias. Madrid, 1957.
- Lynch J.* Spanish colonial administration, 1781—1810: The intendant system in the viceroyalty of the Rio de la Plata. L., 1958.
- Madariaga S. de.* El auge y el ocaso del imperio español en América. Madrid, 1979.
- Manzano J. M.* Historia de las recopilaciones de Indias. Madrid, 1950—1956. T. 1—2.
- Markham Cl.* The history of Peru. N. Y., 1968.
- Means Ph. A.* Fall of the Inca empire and the Spanish rule in Peru, 1530—1780. N. Y., 1964.
- Medina J. T.* Historia colonial de Chile. Santiago de Chile, 1878.
- Medina J. T.* Historia del Tribunal del Santo oficio de la inquisición en Chile. Santiago de Chile, 1952.
- Medina J. T.* Historia del tribunal de la inquisición de Lima (1569—1820). Santiago de Chile, 1956. T. 1 2.
- Miranda J.* Las ideas y las instituciones políticas mexicanas. México, 1952. Pt 1: 1521—1820.
- Miranda J.* El Tributo indígena en la Nueva España durante el siglo XVI. México, 1980.
- Moore J. P.* The Cabildo in Peru under the Habsburgs (1530—1700). Durham, 1954.
- Moore J. P.* The Cabildo in Peru under the Bourbons: A study in the decline and resurgence of local government in the audiencia of Lima, 1700—1824. Durham, 1966.
- Morales Padrón F.* Historia de Hispanoamérica. Sevilla, 1972.
- Morazzani de Perez Enciso G.* La intendencia en España y en América. Caracas, 1966.
- Moreno Cebrian A.* El correjidor de indios y la economía peruana del siglo XVIII: (Los repartos forzosos mercantiles). Madrid, 1977.
- Mörner M.* Race mixture in the history of Latin America. Boston, 1967.
- Mörner M.* Actividades políticas y económicas de los jesuitas en el Rio de la Plata: La era de los Habsburgos. Buenos Aires, 1968.
- Mörner M.* La Corona española y los foraneos en los pueblos de Indias de América Estocolmo, 1970.
- Mörner M.* Estado, razas y cambio social en la Hispanoamérica colonial. México, 1974.
- Mörner M.* Estratificación social hispanoamericana durante el periodo colonial. Stockholm, 1981.
- Moses B.* The Spanish dependencies in South America: An introduction to the history of their civilization. N. Y., 1965. Vol. 1—2.
- Moses B.* The establishment of Spanish rule in America. N. Y., 1965.
- Moses B.* South America on the eve of emancipation: The Southern Spanish colonies in the last half-century of their dependence. N. Y., 1965.
- Navarro Garcia L.* Intendencias en Indias. Sevilla, 1959.
- Novoa E.* Las sociedades económicas de «Amigos del país»: Su influencia en la emancipación colonial americana. Madrid, 1955.
- Nuñez Dias M.* El real consulado de Caracas (1783—1810). Caracas, 1971.
- Omiste M.* Crónicas potosinas: Notas históricas, estadísticas, biográficas y políticas. Potosí, 1891—1895. T. 1—4.
- Orozco y Berra M.* Historia de la dominación española en México. México, 1938. T. 1 4.
- Ots Capdequi J. M.* Las instituciones del Nuevo Reino de Granada al tiempo de la independencia. Madrid, 1958.
- Ots Capdequi J. M.* España en América: El régimen de tierras en la época colonial. México, 1959.
- Ots Capdequi J. M.* El estado español en las Indias. La Habana, 1975.
- Parry J. H.* The Spanish seaborne empire. L., 1966.
- Peña J. F. de la.* Oligarquía y propiedad en Nueva España, 1550—1624. México, 1983.
- Pereyra C.* Historia de la América Española. Madrid, 1925. T. 1—8.
- Phelan J. L.* The kingdom of Quito in the 17th century. L., 1967.
- Pivel Devoto J. E.* Raíces coloniales de la revolución oriental de 1811. Montevideo, 1952.
- Prescott W. H.* The portable Prescott: The rise and decline of the Spanish empire. N. Y., 1966.
- Quintero Peña A.* Lecciones de historia de Colombia: La colonia, 1499—1819. Bogotá, 1971.
- René-Moreno G.* Ultimos días coloniales en el Alto-Perú. Santiago de Chile, 1896, 1901. T. 1—2.
- Ramírez Necochea H.* Antecedentes económicos de la independencia de Chile. Santiago de Chile, 1967.

- Ramos D.* Minería y comercio interprovincial en Hispanoamérica (siglos XVI—XVIII). Valladolid, 1970.
- Real Diaz J.* Estudio diplomático del documento indiano. Sevilla, 1970.
- Romero Vargas G.* Les structures sociales du Nicaragua au XVIII-ème siècle. Lille; P., 1977.
- Rosenblat A.* La población indígena y el mestizaje en América. Buenos Aires, 1954. T. 1—2.
- Rout L. B.* The African experience in Spanish America, 1502 to the present day. Cambridge, 1976.
- The royal treasures of the Spanish empire in America / Ed. J. Paske, H. Klein. Durham, 1982. Vol. 1—3.
- Rubio Mañé J. I.* El virreinato. México, 1983. Vol. 1—4.
- Saco J. A.* Historia de la esclavitud de los Indios en el Nuevo Mundo seguida de la historia de los repartimientos y encomiendas. La Habana, 1932. T. 1—2.
- Saco J. A.* Historia de la esclavitud de la raza africana en el nuevo mundo y en especial en los países americano-hispanos. La Habana, 1938. T. 1—4.
- Sánchez-Bella I.* La organización financiera de las Indias (Siglo XVI). Sevilla, 1968.
- Sarabia Viejo J.* Don Luis de Velasco: virrey de Nueva España, 1550—1564. Sevilla, 1978.
- Semo E.* Historia del capitalismo en México: Los orígenes, 1521—1763. México, 1975.
- Schäfer E.* El consejo Real y Supremo de las Indias. Sevilla, 1935—1947. T. 1—2.
- Shafer R. J.* The economic societies in the Spanish world (1763—1821). N. Y., 1958.
- Sherman W.* Forced native labour in sixteenth century Central America. L., 1979.
- Silva Santisteban F.* Los obrajes en el virreinato del Perú. Lima, 1964.
- Silvestre F.* Descripción del Reino de Santa Fé de Bogotá, escrita en 1789. Bogotá, 1968.
- Simpson L. B.* The Encomienda in New Spain. Berkeley, 1982.
- Slavery and race relations in Latin America / Ed. R. B. Toplin. L., 1974.
- Socolow S. M.* The merchants of Buenos Aires, 1778—1810. Cambridge, 1981.
- Solórzano y Pereira J. de.* Política Indiana. Madrid; Buenos Aires, 1930. T. 1—2.
- Spalding K.* De indio a campesino: Cambios en la estructura social del Perú colonial. Lima, 1974.
- Spores R.* The Mixtec kings and their people. Norman, 1967.
- Stanislawski D.* The transformation of Nicaragua, 1519—1548. Berkeley, 1983.
- Studies in Spanish American population history. Syracuse, 1981.
- Suárez Santiago G.* El ordenamiento militar de Indias. Caracas, 1971.
- Tapia F.* El cabildo abierto colonial. Madrid, 1966.
- Tasa de la visita general de Francisco de Toledo (los estudios de A. Málaga Medina, Th. Bouysse Cassagne). Lima, 1975.
- Tord J., Lazo C.* Hacienda, comercio, fiscalidad y luchas sociales: (Perú colonial). Lima, 1981.
- Vargas Ugarte R.* Historia del Perú: Virreinato. Lima, 1956.
- Valega J. M.* El Virreinato del Perú: Historia crítica de la época colonial en todos sus aspectos. Lima, 1939.
- Vargas P. F. de.* Pensamientos políticos y memoria sobre la población del nuevo reino de Granada. Bogotá, 1944.
- Villalobos S.* El comercio y la crisis colonial. Santiago, 1968.
- Villuran M. V.* Apuntes sobre la realidad social de los indígenas del Perú ante las Leyes de Indias. Lima, 1964.
- Vitoria F. de.* Reflexiones sobre los indios y de derecho de guerra. Buenos Aires, 1946.
- White J. M.* Cortes and the downfall of the Aztec empire: A study in a conflict of cultures. L., 1971.
- Whitecotton J. W.* The Zapotecs: princes, priests and peasants. Norman, 1977.
- Willman T.* Estudios económicos de Hispanoamérica colonial. Budapest, 1979.
- Wolff I.* Regierung und Verwaltung der kolonialspanischen Städte in Hochperu, 1538—1650. Köln; Wien, 1970.
- Zavala S. A.* La encomienda indiana. Madrid, 1935.
- Zavala S. A.* El mundo americano en la época colonial. México, 1967. T. 1—2.
- Zavala S. A.* El servicio personal de los indios en el Perú (extractos del siglo XVIII). México, 1980.
- Zimmerman A.* Francisco de Toledo: Fifth Viceroy of Peru, 1569—1581. N. Y., 1968.

Глава 4

The captivity of Hans State of Hesse in A. D. 1547—1555 among the wild tribes of Eastern Brasil / Transl. A. Taotal and annot. R. Burton. L., 1874.

Fontes para a historia do antigo Ultramar português. Lisboa, 1978. Vol. 1—2.

Leitão R. Andresen. A importância do fundo do real erário para a história do Brasil. Lisboa, 1972.

Léry J. de. Indiens de la Renaissance: Histoire d'un voyage fait en la terre du Brésil 1557. P., 1972.

Magalhães de Gandavo P. de. Tratado da provincia do Brasil. Rio de Janeiro, 1965.

Maximiliano, prince de Wied Neuwied: Viagem ao Brasil nos anos de 1815 a 1817. São Paulo, 1940.

Tollenare L. F. Notas Dominicais tomadas durante uma viagem em Portugal e no Brasil em 1816, 1817 e 1818. Bahia, 1956.

Очерки истории Бразилии / Отв. ред. В. И. Ермолаев. М., 1962.

Abreu J. Capistrano de. Capítulos de historia colonial (1500—1800): Os caminhos antigos e o povoamento do Brasil. Brasilia, 1963.

- Alden D.* Royal government in colonial Brasil. Berkeley; Los Angeles, 1968.
- Bandeira M.* O expansionismo brasileiro: O papel do Brasil na Bacia do Prata: do colonização ao império. Rio de Janeiro, 1985.
- The Bandeirantes: The historical role of the Brazilian pathfinders / Ed. R. M. Morse.* N. Y., 1965.
- Boxer Ch. R.* The Dutch in Brasil (1624—1654). Oxford, 1957.
- Boxer Ch. R.* The golden age of Brasil, 1695—1750: Growing pains of a colonial society. Berkeley; Los Angeles, 1962.
- Carneiro E.* O Quilombo dos Palmares (1630—1693). São Paulo, 1947.
- Carreira A.* As Companhias Pombalinas de Grão-Pará e Maranhão e Pernambuco e Pará. Lisboa, 1983.
- Coleção de Angelis.* Biblioteca nacional. Rio de Janeiro, 1951—1969. Vol. 1—7.
- Corrêa V.* Terra de Santa Cruz: Contos e crônicas da história Brasileira. Rio de Janeiro, 1956.
- Diffie B. W., Winius G. D.* Foundations of the Portuguese empire, 1415—1580. Minneapolis, 1977.
- Domingues M.* A colônia do Sacramento e o sul do Brasil. Porto Alegre, 1973.
- Ennes E.* As guerras nos palmares. São Paulo; Rio de Janeiro, 1938.
- Essays concerning the socioeconomic history of Brazil and Portuguese India / Ed. A. Dauril, D. Warren.* Geinesville, 1977.
- Guimarães A.* Quatro seculos de latifundio. Rio de Janeiro, 1968.
- Holanda S. Buarque de.* Visão do paraíso: Os motivos edênicos no descobrimento e colonização do Brasil. São Paulo, 1977.
- Jobson A., Arruda J.* O Brasil no comércio colonial. São Paulo, 1980.
- Kula M.* Początki czarnego niewolnictwa w Brazili: Okres gospodarski cukrowej XVI—XVII w. Wrocław, 1970.
- Lang J.* Portuguese Brasil: The king's plantation. N. Y., 1979.
- Lapa J. do Amaral.* A Bahia e a carreira da Índia. São Paulo, 1968.
- Leite A. Teixeira.* Gênese sócio-econômica do Brasil. Porto Alegre, 1963.
- Leite S.* História da companhia de Jesus no Brasil. Lisboa; Rio de Janeiro, 1938—1950. Vol. 1—10.
- Leite S.* Novas páginas de história do Brasil. Lisboa, 1962.
- Lima H. Ferreira.* Formação industrial do Brasil: Período colonial. Rio de Janeiro, 1961.
- Magalhães B.* O açúcar nos primórdios do Brasil colonial. Rio de Janeiro, 1953.
- Marchant A.* From barter to slavery: The economic relations of Portuguese and Indians in the settlement of Brasil, 1500—1580. Gloucester (Mass.), 1966.
- Palmatary H.* The river of the Amazons: Its discovery and early exploration, 1500—1743. N. Y., 1965.
- Ribeiro B. Gleizer.* O índio na história do Brasil. São Paulo, 1983.
- Schulten C.* Netherlandse expansie in Latijns Amerika: Brazilië, 1624—1654. Bussum, 1968.
- Schwartz S.* Sovereignty and society in colonial Brazil: The high court of Bahia and its judges, 1609—1751. Berkeley, 1973.
- Taunay A.* História geral das bandeiras paulistas. São Paulo, 1924—1950. Vol. 1—11.
- Varnhagen F. A. de.* História geral do Brasil: Antes da sua separação e independência de Portugal. São Paulo, 1978. Vol. 1—3, t. 1—5.
- Velho D.* La «Troia negra», 1687—1709. São Paulo, 1938.
- Vianna H.* Capítulos de história luso-brasileira. Lisboa, 1968.
- Watjen H.* O domínio colonial Holandes no Brasil: Um capítulo da história colonial do século XVII. São Paulo, 1938.

Глава 5

- Cardenas Acosta P. E.* El movimiento comunal de 1781 en el Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1960. T. 1—2.
- Documentos relativos a la insurrección de J. F. de León.* Caracas, 1949.
- Documentos relativos a la Revolución de Gual y España.* Caracas, 1949.
- Friede J.* Rebelión comunera de 1781: Documentos. Bogotá, 1981. T. 1.
- Зубрицкий Ю. А.* Инки-кечуа: Основные этапы истории народа. М., 1975.
- Мирошевский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810). М.; Л., 1946.
- Созина С. А.* Тупак Амару — великий индейский повстанец, 1738—1781. М., 1979.
- Alegria F.* Lautaro; joven libertador de Arauco. Santiago, 1950.
- Arciniegas G.* 20 000 comuneros hacia Santa Fe. Bogotá, 1981.
- Battlori S. I. M.* El abate Viscardo: Historia y mito de la intervención de los jesuitas en la independencia de Hispanoamérica. Caracas, 1953.
- Brito Figueroa F.* Las insurrecciones de los esclavos negros en la sociedad colonial venezolana. Caracas, 1961.
- Busto Dutchurburu J. A. del.* José Gabriel Túpac Amaru antes de su rebelión. Lima, 1981.
- Capdevielle E. G. de.* Rebeliones indígenas en el Norte del Reino de la Nueva España (XVI y XVII). México, 1967.
- Casarrubias V.* Rebeliones indígenas en la Nueva España. México, 1945.
- Castellanos J.* Crónica de la rebeldía de los indios cubanos (1520—1550). La Habana, 1959.
- Castro Arenas M.* La rebelión de Juan Santos. Lima, 1973.

- Chaves J. C.* Túpac Amaru. Buenos Aires, 1973.
- Cornejo Bouroncle J.* Túpac Amaru: La revolución precursora de la emancipación continental. Cuzco, 1963.
- Costa de la Torre A.* Episodios históricos de la rebelión indígena de 1781. La Paz, 1973.
- Eyzaguirre J.* Ideario y ruta de la emancipación chilena. Santiago, 1957.
- Durand Flores L.* Independencia e integración en el plan político de Túpac Amaru. Lima, 1974.
- Esclavos prófugos y cimarrones: Puerto Rico, 1770—1870. Río Piedras, 1984.
- Fermin de Vargas P.* Pensamientos políticos y Memorias sobre la población del Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1953.
- Fisher L.* The last Inca revolt, 1780—1783. Norman, 1966.
- Friede J.* El indio en lucha por la tierra. Bogotá, 1976.
- Golte J.* Repartos y rebeliones: Túpac Amaru y las contradicciones de la economía colonial. Lima, 1980.
- Gómez Hoyos R.* La revolución granadina de 1810. Ideario de una generación y de una época, 1781—1821. Bogotá, 1962. Vol. 1—2.
- Grases P.* La conspiración de Gual y España y el ideario de la independencia. Caracas, 1960.
- Gómez Latorre A.* Enfoque social de la revolución comunera. Bogotá, 1973.
- González Obregon L.* Rebeliones indígenas y precursores de la independencia mexicana en los siglos XVI, XVII y XVIII. México, 1952.
- Los Grandes movimientos políticos cubanos en la colonia. La Habana, 1943. T. 1.
- Guillén Guillén E.* Visión peruana de la conquista: La resistencia incaica a la invasión española. Lima, 1979.
- Guzman A.* Tupaj Kalari. México, 1944.
- Hamnett R.* Revolución y contrarrevolución en México y el Perú: Liberalismo, realeza y separatismo (1800—1824). México, 1978.
- Huerta Preciado M. T.* Rebeliones indígenas en el Noreste de México en la época colonial. México, 1966.
- Hünefeldt Ch.* Lucha por la tierra y protesta indígena. Bonn, 1982.
- Kapsoli W.* Sublevaciones de Esclavos en el Perú: Siglo XVII. Lima, 1975.
- Kapsoli W.* Ayllus del sol: Anarquismo y utopía andina. Lima, 1984.
- Kauter K.* Flicg, Kondor Tupac Amaru. B., 1982.
- Lewin B.* La rebelión de Túpac Amaru y los orígenes de la emancipación americana. La Habana, 1972. T. 1—2.
- Lewin B.* Túpac Amaru en la independencia de América. Buenos Aires, 1979.
- Lewin B.* Rousseau y la independencia argentina y americana. Buenos Aires, 1967.
- Lievano Aguirre I.* España y las luchas sociales del Nuevo Mundo. Madrid, 1972.
- Lopez A.* The revolt of the comuneros, 1721—1735: A study in the colonial history of Paraguay. Cambridge, 1976.
- López Sarrelangue D. E.* La nobleza indígena de Patzcuaro en la época virreinal. México, 1965.
- Maroon societies: Rebel slave communities in the Americas / Ed. R. Price. N. Y., 1973.
- Méndes Plancarte G.* Humanistas del siglo XVIII. Mexico, 1941.
- Mörner M.* Perfil de la sociedad rural del Cuzco a fines de la colonia. Lima, 1978.
- Pérez-Marchand M. L.* Dos etapas ideológicas del siglo XVIII en México. México, 1945.
- Phelan L. J.* The people and the king: The comunero revolution in Columbia, 1781. L., 1978.
- Porras Barrenechea R.* Ideologos de la emancipación. Lima, 1974.
- Ramos Pedrueza R.* La lucha de clases a través de la historia de México. México, 1941.
- Randolf J.* Las guerras del Arayco. Santiago, 1948.
- Stoetzer O. C.* El pensamiento político en la América española durante el periodo de la emancipación (1789—1825). Madrid, 1966. Vol. 1—2.
- Stoetzer O. C.* The scholastic roots of the Spanish American revolution. N. Y., 1979.
- Szemiński J.* Los objetivos de los tupamaristas: Las concepciones de los revolucionarios peruanos de los años 1780—1783. Wroclaw, 1982.
- Tisnes R. M.* Movimientos pre-independientes grancolombianos. Bogotá, 1962.
- Túpac Amaru J.* Memorias del hermano de Túpac Amaru: Escritas en Buenos Aires. Buenos Aires, 1976.
- Tupac Amaru II. 1780: Antología / Ed. A. Flores Galindo. Lima, 1976.
- Vega J.* Manco Inca, el gran rebelde. Lima, 196.
- Valcárcel D.* Rebeliones indígenas. Lima, 1946.
- Valcárcel D.* La Rebelión de Túpac Amaru. Lima, 1979.
- Villoro L.* El proceso ideológico de la revolución de independencia. México, 1967.

Глава 6

- Correspondance de Napoléon Ier. P., 1858 1870. T. 1 32
- Haiti: Constitution. Las constituciones de Haití. Recopilación y estudio preliminar de Marinas Otero. Madrid, 1968.
- Henri I, the Rey of Haiti and Clarkson Thomas: A correspondence / Ed. E. Leslie Griggs, C. H. Prator. N. Y., 1968.
- Кулакова Н. Н.* Гаитийский этнос: условия и предпосылки формирования (колониальная эпоха). Дис. . . канд. ист. наук. М., 1989.
- Aimé C.* Toussaint Louverture: La révolution française et le problème colonial. P., 1961.
- Ardouin B.* Etudes sur l'histoire d'Haiti. P., 1853—1860. T. 1 10.
- Beard Relly J.* The life of Toussaint L'Ouverture, the Negro patriot of Hayti: Comprising an account of the struggle for liberty in the island and a sketch of its

- history to the present period. Westport, 1970.
- Cordero M.* La revolución haitiana y Santo Domingo. Santo Domingo, 1968.
- Dorsinville R.* Toussaint Louverture ou La vocation de la liberté. P., 1965.
- Fouchard J.* Les marrons de la liberté. P., 1972.
- Franco J.* Historia de la revolución de Haití. La Habana, 1966.
- Girod F.* Une fortune coloniale sous l'ancien régime: La famille Heccquel à Saint Domingue, 1724—1796. P., 1970.
- Heinl R. D., Heinl N. G.* Written in blood: The story of the Haitian people, 1492—1971. Boston, 1978.
- James Cyril L.* The black jacobins: Toussaint L'Ouverture and the San Domingo revolution. N. Y., 1963.
- Lepkowski T.* Haiti. La Habana, 1968—1969. T. 1—2.
- Mouvements nationaux d'indépendance et classes populaires aux XIXe et XXe siècles en Occident et en Orient. P., 1971.
- Nicholls D.* From Dessalines to Duvalier: Race, colour and national independence in Haiti. Cambridge, 1979.
- Ott Th.* The Haitian revolution, 1789—1804. Knoxville, 1973.
- Parkinson W.* This gilded african Toussaint L'Ouverture. L., 1978.
- Pluchon P.* Toussaint Louverture de l'esclavage au pouvoir. P., 1979.
- Price-Mars J.* De la prehistoire d'Afrique à l'histoire d'Haiti. Port-au-Prince, 1962.
- Bolívar S.* Cartas del Libertador: Corregidas conforme a los originales. Caracas, 1929—1930. T. 1—10.
- Bolívar y su época: Cartas y testimonios de extranjeros notables. Caracas, 1953. T. 1—2.
- Britain and the independence of Latin America, 1812—1830: Selected documents of the Foreign Office archives / Ed. C. K. Webster. L., 1938. Vol. 1—2.
- Burke W.* South American independence. L., 1807.
- Bustamante C. M.* Morelos. México, 1955.
- La campaña de Junín y Ayacucho. Lima, 1974.
- Caracas: Cabildo. Actas del Cabildo de Caracas. Caracas, 1971—1972. Vol. 1—2.
- Cartas y mensajes del general Francisco de Paula Santander / Comp. R. Artazar. Bogotá, 1953—1956. Vol. 1—10.
- Causas y caracteres de la independencia hispanoamericana. Madrid, 1953.
- Colección de documentos para la historia de Colombia / Comp. por F. Ortiz. Ser. 1—3. [Bogotá]. 1964—1966.
- Colección de documentos relativos a la vida del libertador de Colombia y del Perú, Simón Bolívar, para servir a la historia de la independencia de Sud-América. Caracas, 1826—1833. T. 1—22.
- Colección Documental de la Independencia del Perú. Lima, 1971—1974. T. 1—30.
- Colección de historiadores y de documentos relativos a la independencia de Chile / Ed. E. Matla Vial, G. Felgué Cruz. Santiago, 1900—1954. Vol. 1—37.
- Díaz Díaz O.* La reconquista española. Bogotá, 1964—1967. T. 1—2.
- Diplomatic correspondence of the United States concerning the independence of the Latin American nations / Ed. W. R. Manning. N. Y., 1925. Vol. 1—3.
- Documentos para la historia de la vida pública del Libertador de Colombia, Perú y Bolivia. Caracas, 1875—1877. T. 1—14.
- Documentos relativos a la Junta Montevideana de Gobierno de 1808. Santiago, 1958—1960. T. 1—3.
- Enciso Recio L. M.* Prensa económica del XVIII: el «Correo mercantil de España y sus Indias». Valladolid, 1958.
- Un esfuerzo de México por la independencia de Cuba. México, 1930.
- Friede J.* La Batalla de Ayacucho, 9 de diciembre de 1824: Recop documental. Bogotá, 1974.
- Frossard A. F.* Précis historique sur la révolution des Provinces Unies de l'Amérique du Sud. P., 1819.
- Fuentes documentales para la historia de la independencia de América. Caracas, 1974. Vol. 1—3.
- Lander T.* La doctrina liberal. Caracas, 1961.
- Lastarria J. V.* Bosquejo histórico de la constitución del Gobierno de Chile durante el primer período de la Revolución, 1810—1814. Santiago de Chile, 1847.
- O'Leary D. F.* Memórias. Caracas, 1981. Vol. 1—34.

Глава 7

- Бolíвар С.* Избранные произведения: Речь, статьи, письма, воззвания, 1812—1830. М., 1983.
- Русские дипломаты о войне за независимость в Латинской Америке: Публикация документов из Архива внешней политики России 1810—1826 гг. // Новая и новейшая история. 1966. № 1, 5.
- Actas del Congreso nacional de historia del libertador general San Martín. Mendoza, 1953—1955. T. 1—4.
- Las actas de independencia de América. Wash. (D. C.), 1955.
- La anexión de Centroamérica a México. México, 1924—1946. T. 1—5.
- Antlepara J. M.* South American emancipation: Documents, historical and explanatory, showing the designs which have been in progress, and the exertions made by general Miranda, for South American emancipation during the last 25 years. L., 1810.
- Archivo del general Miranda. Caracas, 1929—1931. T. 1—12.
- Artigas J.* Documentos. La Habana, 1971.
- Biblioteca de Mayo: Colección de obras y documentos para la historia argentina. Buenos Aires, 1960. T. 1—25.
- Bolívar S.* Decretos del Libertador. Caracas, 1961. T. 1—3.

- El Libertador: Documentos selectos de D. Agustín de Iturbide. México, 1947.
- El libro de oro de Santander. Bogotá, 1983.
- Lombardo Toledano V.* Actualidad viva de los ideales del cura Hidalgo. México, 1943.
- Martínez M.* Memoria histórica sobre la revolución de Chile desde el cautiverio de Fernando VII hasta 1814. Valparaíso, 1848.
- México en las Cortes de Cádiz. México, 1949.
- De Mier J.* La Gran Colombia. Bogotá, 1983. Vol. 1 - 7.
- Monteagudo B.* Mártir o libre y otras páginas políticas. Buenos Aires, 1965.
- El Movimiento emancipador de Hispanoamérica: Actas y ponencias. Caracas, 1961. T. 1—5.
- The navy and South America, 1807—1823: Correspondence of the commanders-in-chief on the South American station / Ed. G. S. Graham, R. A. Humpreys. L., 1962.
- Páez J. A.* Autobiografía del general José Antonio Páez. Caracas, 1946. T. 1—2.
- Pazos Kanki V.* Memorias histórico-políticas. La Paz, 1978.
- Restrepo Canal: Nariño periodista. Bogotá, 1960.
- Restrepo J. M.* Historia de la revolución de la República de Colombia en la América Meridional. Bogotá, 1942. T. 1—6.
- La revolución granadina de 1810: Ideario de una generación y de una época, 1781—1821. Bogotá, 1962. T. 1—2.
- Rodney C. A., Graham J.* The reports on the present state of the United Provinces of South America. L., 1819.
- Santos Vargas J.* Diario de un comandante de la independencia americana, 1814 - 1825. México, 1982.
- Sucre A. J. de.* Cartas y otros escritos. Caracas, 1980.
- Sucre A. J. de.* De mi propia mano. Caracas, 1981.
- Textos oficiales de la primera República de Venezuela. Caracas, 1959. T. 1—2.
- Альперович М. С.* Война за независимость Мексики (1810—1824 гг.). М., 1964.
- Альперович М. С.* Освободительное движение конца XVIII—начала XIX в. в Латинской Америке. М., 1966.
- Альперович М. С.* Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971.
- Альперович М. С.* Франсиско де Миранда в России. М., 1986.
- Альперович М. С., Слезкин Л. Ю.* Образование независимых государств в Латинской Америке (1804—1903 гг.). М., 1966.
- Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826) / Отв. ред. Н. М. Лавров. М., 1964.
- Григулевич И. Р.* Боливар, 1783—1830. М., 1981.
- Григулевич И. Р.* Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки. М., 1976.
- Ильина Н. Г.* Колумбия: от колонии к независимости, 1781—1819 гг. М., 1976.
- Комаров К. В.* Аграрный вопрос и война за независимость Аргентины. М., 1988.
- Линч Дж.* Революции в Испанской Америке, 1808—1826. М., 1979.
- Лавров Н. М., Солин Н. И.* Национально-освободительное движение народов Америки в конце XVIII—начале XIX в. М., 1957.
- Пиктос Ф. Р.* Хосе Артигас. М., 1964.
- Надра Ф.* Сан-Мартин, Варела А. Альфредо Гуэмес. М., 1981.
- Подвиг Симона Боливара / Отв. ред. Ю. А. Зубрицкий. М., 1986.
- Симон Боливар: История и современность / Отв. ред. А. Ф. Шульговский. М., 1986.
- Суворова В.* Южноамериканский Вашингтон. СПб., 1903.
- Франко I.* Симон Боливар, для руських селян оповів Іван Франко. Львів, 1904.
- Хесуальдо.* Артигас. М., 1968.
- Штрахов А. И.* Война за независимость Аргентины. М., 1976.
- Acevedo E.* José Artigas, su obra cívica: Alegato histórico. Montevideo, 1950. Vol. 1—3.
- Aguirre Arze D. R.* Participación popular en la independencia de Bolivia. La Paz, 1979.
- Amunátegui M. L.* Los precursores de la independencia de Chile. Barcelona, 1910. Vol. 1—2.
- Amunátegui M. L.* Crónica de 1810. Santiago de Chile, 1911. Vol. 1—3.
- Amunátegui M. L.* La Reconquista Española, 1814—1817. Santiago de Chile, 1850.
- Andrade Reimers J.* Sucre en el Ecuador. Quito, 1982.
- Arciniegas G.* Bolívar y la revolución. Bogotá, 1984.
- Arnade Ch. W.* The emergence of the Republic of Bolivia. N. Y., 1970.
- Beals C.* Eagles of the Andes: South American struggles for independence. N. Y., 1963.
- Belaunde V.* Bolívar y el pensamiento político de la revolución hispanoamericana. Lima, 1977.
- Billingsley Baxter E.* In defence of neutral rights: The United States navy and the wars of independence in Chile and Peru. Chapel Hill, 1967.
- Blanco Acevedo P.* El federalismo de Artigas y la independencia nacional. Montevideo, 1939.
- Blossom Th.* Nariño. Heroe of Colombian independence. Tucson, 1967.
- Bonilla H., Halperin T. et al.* La independencia en el Perú. Lima, 1981.
- Buisson I., Schottelius H.* Die Unabhängigkeitsbewegungen in Lateinamerika, 1788—1826. Stuttgart, 1980.
- Carrera Damas G.* Bovcs, aspectos socio-económicos de su acción histórica. Caracas, 1968.
- Búlnes G.* Historia de la Expedición libertadora del Perú (1817—1822). Santiago de Chile, 1887—1888. T. 1—2.

- Castillo Ledon L.* Hidalgo: La vida del héroe. México, 1948—1949. Vol. 1—2.
- Chaves Y. C.* San Martín y Bolívar en Guayaquil. Buenos Aires, 1950.
- Clissold S.* Bernardo O'Higgins and the independence of Chile. L., 1968.
- Collier S.* Ideas and politics of Chilean independence, 1808—1833. Cambridge, 1967.
- Delaunays Ph.* Les libérations de l'Amérique Latine. Lausanne, 1969.
- Domínguez Jorge I.* Insurrection of loyalty: The breakdown of the Spanish American Empire. Cambridge; L., 1980.
- Egea López A.* El pensamiento filosófico y político de Francisco de Miranda. Caracas, 1983.
- Enciso Recio I.* La opinión pública española y la independencia hispanoamericana, 1819—1820. Valladolid, 1967.
- Eyzaguirre J.* O'Higgins. Santiago de Chile, 1965.
- Fisher L. E.* The background of the revolution for Mexican independence. Boston, 1934.
- Florit E.* San Martín y la causa de América. Buenos Aires, 1967.
- Franco J.* El gobierno colonial de Cuba y la independencia de Venezuela. La Habana, 1970.
- Friede J.* La otra verdad: La Independencia americana vista por los españoles. Bogotá, 1972.
- Galán J. M.* Guerras de Independencia en Hispanoamérica, 1810—1825. La Habana, 1971.
- García I.* Francisco de Miranda y el antiguo régimen español. Caracas, 1961.
- García del Real E.* José de San-Martín. Madrid, 1976.
- García Ruiz A.* Ideario de Hidalgo. México, 1955.
- Gómes Picón A.* Bolívar y Santander: Historia de una amistad. Bogotá, 1971.
- Guemes L.* Guemes documentado. Buenos Aires, 1979. T. 1—2.
- Guzmán M. L.* Javier. Mina, héroe de España y México. México, 1955.
- Hasbrouck A.* Foreign legionaries in the liberation of Spanish South America. N. Y., 1928.
- Irisarri A. de.* Historia crítica del asesinato del gran mariscal de Ayacucho. La Habana, 1964.
- Kaufmann W. W.* British policy and the independence of Latin America, 1804—1828. New Haven, 1951.
- Kinsbruner J.* Bernardo O'Higgins. N. Y., 1968.
- Kinsbruner J.* The Spanish-American independence movement. Hinsdal, 1973.
- Klima J.* Simón Bolívar. Pr., 1983.
- Kossok M.* Simon Bolivar und das historische Schicksal Spanish-Amerikas. B., 1983.
- Leguía y Martínez G.* Historia de la Emancipación del Perú: el Protectorado. Lima, 1972. T. 1—7.
- Lievano Aguirre I.* Bolívar, 1783—1983. Bogotá, 1983.
- Lemoine Villicana E.* Morelos: Su vida revolucionaria a través de sus escritos y de otros testimonios de la época. México, 1965.
- Madrano S.* El libertador José de San Martín. Madrid, 1967.
- Mancosidor J.* Hidalgo, Morelos, Guerrero. México, 1956.
- Masur G.* Simón Bolívar. Albuquerque, 1969.
- Mendoza C.* Prólogos a los escritos del Libertador. Caracas, 1977.
- Molano Daza L.* Proceso y sinopsis de la Independencia de Colombia (1810—1930). Cali, 1960.
- Lecuna V.* La entrevista de Guayaquil: Restablecimiento de la verdad histórica. Caracas, 1948.
- Lepkowski T.* Dwie biografie amerykańskie: Bolívar i Juárez. W-wa, 1970.
- Mitre B.* Historia de Belgrano y la independencia argentina. Buenos Aires, 1950.
- Mitre B.* Historia de San Martín y de la emancipación Sud-Americana. Buenos Aires, 1950. T. 1—2.
- Obregón Loria R.* De nuestra historia patria: Los primeros días de independencia. San José, 1971.
- Ocampo López J.* El proceso ideológico de la emancipación: Las ideas de génesis de independencia, futuro e integración en los orígenes de Colombia. Bogotá, 1980.
- The origins of the Latin American revolutions, 1808—1826 / Ed. with an introd. R. A. Humphreys, J. Lynch. N. Y., 1965.
- Otero J.* Historia del libertador Don J. de San Martín. Buenos Aires, 1949. T. 1—4.
- Parra-Pérez C.* Historia de la primera república de Venezuela. Caracas, 1959. T. 1—2.
- Paz Soldan M. F.* Historia del Perú independiente: 1-er y 2-o periodo, 1819—1827, Lima, 1868—1870.
- Pensamiento político de la emancipación (1790—1825) / Sel., notas y cronología G. L. Romero, L. A. Romero. Caracas, 1977. Vol. 1—2.
- Perez Amuchastegui A. Y.* Ideología y acción de San Martín. Buenos Aires, 1966.
- Perez J.* San Martín y José Miguel Carrera. Buenos Aires, 1954.
- Prago A.* The revolutions in Spanish America. The independence movements of 1808—1825. N. Y., 1970.
- El proceso independentista en América Latina y en Estados Unidos. La Habana, 1979.
- Puente Candamo J. de la.* Notas sobre la causa de la independencia del Perú. Lima, 1964.
- Ramirez C.* Artigas. Montevideo, 1985.
- Rato de Sambucetti S.* La Revolución de Mayo: Interpretaciones conflictivas. Buenos Aires, 1983.
- Read J.* The new conquistadors. L., 1980.
- Reyno Gutiérrez M.* Carrera: Su vida, sus vicisitudes, su época. Santiago de Chile, 1973.
- Robertson W.* Rise of the Spanish-American Republics: As told in the lives of their liberators. N. Y., 1961.
- Robertson W.* Spence: The life of Miranda. N. Y., 1969. Vol. 1—2.

- Rodó J. E.* Bolívar y Artigas. México, 1982.
- Rodríguez de Alonso J.* Le siècle des lumières conté par Francisco de Miranda. P., 1974.
- Rodríguez Plata H.* La antigua provincia del Socorro y la independencia. Bogotá, 1963.
- Rodríguez S., Luis A.* Ayacucho: La batalla de la libertad americana, 1824—1974. Quito, 1975.
- Rojas Mery E.* El general Carrera en Chile. Santiago de Chile, 1951.
- Rojas R.* El Santo de la espada: Vida de San Martín. Buenos Aires, 1974.
- Rosas Marciano J.* La independencia de Venezuela y los periódicos de París. Caracas, 1964.
- Santos Molano E.* Antonia Nariño. Bogotá, 1972. T. 1—2.
- Salcedo-Bastardo J.* Visión y revisión de Bolívar. Caracas, 1981.
- Salcedo-Bastardo J.* Un hombre diáfono: Vida de Simón Bolívar para los nuevos americanos. Caracas, 1982.
- Sârbu V.* Revoluția hispano-americană. Buc., 1970.
- Street Y.* Artigas and the emancipation of Uruguay. L.; N. Y., 1959.
- Teja Zabre A.* Vida de Morelos. México, 1959.
- Toro A.* Compendio de historia de México: La revolución de independencia y México independiente. México, 1953.
- Valencia Vega A.* El índio en la independencia. La Paz, 1962.
- Vargas F. A.* La guardia de honor del Libertador presidente. Caracas, 1975. T. 1—2.
- Vargas Martínez G.* Bolívar y Marx: otro debate, sobre la ideología del Libertador. México, 1983.
- Vejarano J.* Nariño. Bogotá, 1978.
- Vergara Arias G.* Monloneras y Guerrilleros en la Etapa de la Emancipación del Perú (1820—1825). Lima, 1974.
- Vicuña Mackenna B.* El Washington del Sur: Cuadros de la vida del mariscal Antonio José de Sucre. Madrid, 1918.
- Vicuña Mackenna B.* La independencia en el Perú. Buenos Aires; Santiago de Chile, 1971.
- Villalobos S.* Tradición y reforma en 1810. Santiago de Chile, 1961.
- Zapata Olivella J.* Piar, Petión y Padilla: Tres mulatos de la revolución. Barranquilla, 1986.
- Zorrilla de San Martín Y.* La Epopeya de Artigas. Montevideo, 1930. T. 1—5.
- Saint Hilaire A. de.* Voyage dans le district des diamants et sur le littoral du Brésil et d'un précis de l'Histoire des revolutions de l'empire Brésilien depuis le commencement du règne de Jean VI jusqu'à l'abdication de D. Pedro. P., 1833. T. 1—2.
- Secretoria do interior e justiça: Documentos do Arquivo (1820—1821). Recife, 1950. Vol. 1—3.
- Роша Помбу Ж. Ф. де.* История Бразилии. М., 1962.
- Almeida Prado J. de.* História da formação da Sociedade brasileira D. João VI e o início da classe dirigente do Brasil, 1815—1889. São Paulo, 1968.
- Armitage J.* História do Brasil: Desde a chegada da Real Família de Bragança em 1808 até a abdicação do Imperador D. Pedro em 1831. São Paulo, 1977.
- Barreto V.* A ideologia liberal no processo da independência do Brasil (1789—1824). Brasília, 1973.
- Bras do A.* A Conjuração Republicana de 1798. Rio de Janeiro, 1926.
- Calmon P.* A vida de Castro Alves. Rio de Janeiro, 1956.
- Cartas baianos (1821—1824): Subsídios para o estudo dos problemas da opção na independência brasileira. Lisboa, 1984.
- From colony to nation: Essays on the independence of Brasil / Ed. A. J. R. Russell-Wood. L., 1975.
- Maxwell K. R.* Conflicts and conspiracies: Brasil and Portugal, 1750—1808. Cambridge, 1973.
- Norberto J.* História da conjuração Mineira. Rio de Janeiro, 1938.
- Oliveira Lima M.* O movimento da independência, 1821—1822. São Paulo, 1922.
- Perrin D.* Inconfidência mineira: Causas e conseqüências. Rio de Janeiro, 1969.
- Reis P. Pereira Dos.* O colonialismo português e a conjuração mineira: Esboço de uma perspectiva histórica dos fatores econômicos que determinaram a conjuração mineira. São Paulo, 1964.
- Rui A.* A primeira revolução social brasileira (1798). São Paulo, 1942.
- Santos L. G.* A Inconfidência mineira. São Paulo, 1927.
- Santos Lima N. dos.* La imagen del Brasil en las cartas de Bolívar. Caracas, 1978.
- Sodré Nelson W.* Az razões da independencia. Rio de Janeiro, 1978.
- Sousa J. de.* José Bonifácio emancipador del Brasil. México, 1945.
- Tavares L. H. Diaz.* A Independencia do Brasil na Bahia. Rio de Janeiro, 1977.
- Varnhagen F.* História da independencia do Brasil. São Paulo, 1957.

Глава 8

Глава 9

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. М., 1966.

- Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения, 1815—1832 гг. М., 1975.
- Российско-кубинские и советско-кубинские связи XVIII—XX вв. М., 1975.
- Слэзкин Л. Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.
- Bartley Russell H.* Imperial Russia and the struggle for Latin American independence, 1808—1828. Austin, 1978.
- García A., Mironchuk P.* Esbozo histórico de las relaciones entre Cuba—Rusia y Cuba—URSS. La Habana, 1974.
- Völkl E.* Russland und Lateinamerika, 1741—1841. Wiesbaden, 1968.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

- Apuntes para historia de la guerra entre México y Estados Unidos. México, 1848.
- Bazaine A. J.* La intervención francesa en México. P., 1910.
- Blasio J. L.* Maximilian, emperor of México: Memoirs of his private secretary. New Haven, 1934.
- Vosanegra J. M.* Memorias para la historia de México independiente, 1822—1846. México, 1892.
- Las constituciones de México. México, 1957.
- Correspondencia de la Legación Mexicana en Washington durante la intervención extranjera, 1860—1868. México, 1869—1892. T. 1—10.
- Correspondencia que ha mediada entre la legación extraordinaria de México y el departamento de Estado de los Estados Unidos. Philadelphia, 1836.
- Delgado J.* España y México en el siglo XIX Madrid, 1950—1953. T. 1—3.
- Documentos inéditos o muy raros para la historia de México / Publ. por G. García. Mexico, 1972—1974. T. 1—6.
- Domenech E.* Histoire du Mexique: Juarez et Maximilien: Correspondances inédites. P., 1868. Vol. 1—3.
- Epistolario de Benito Juárez. México; Buenos Aires, 1957.
- Lefèvre E.* Documents officiels recueillis dans la secretairerie privée de Maximilien. Bruxelles; Londres, 1869. Vol. 1—2.
- Legislación petrolera: Leyes, decretos y disposiciones administrativas referentes a la industria petrolera (1783—1921). México, 1922.
- Lerdo de Tejada M.* Comercio exterior de México. México, 1853.
- Leyes fundamentales de México, 1800—1976. México, 1976.
- Leyes de Reforma: Gobiernos de Ignacio Comonfort y Benito Juárez (1856—1863). México, 1947.
- Mansfield E. D.* The Mexican war. N. Y., 1848.
- Orozco Farias R.* Fuentes históricas, México, 1821—1867. México, 1965.
- Papeles inéditos y obras selectas del Doctor Mora. México, 1906.
- Roa Barcena J. M.* Recuerdos de la invasión norteamericana (1846—1848). México, 1882.
- Santa Anna A. L.* Mi historia militar y política (1816—1874). México, 1905.
- Ward H.* México en 1827. México. 1981.
- Беленький А. Б.* Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861—1867). М., 1959.
- Вольский А.* История мексиканских революций. М.; Л., 1928.
- Лаврецкий И.* Хуарес. М., 1969.
- Очерки новой и новейшей истории Мексики (1810—1945) / Под ред. М. С. Альперовича, Н. М. Лаврова. М., 1960.
- Паркс Г.* История Мексики. М., 1949.
- Потокова Н. В.* Агрессия США против Мексики, 1846—1848. М., 1962.
- Потокова Н. В.* Аннексия Техаса США, 1821—1845. Ростов н/Д, 1986.
- Шерр И.* Трагедия в Мексике. СПб., 1874.
- Alaman L.* Historia de México. México, 1942. T. 1—5.
- Alessio Robles V.* Coahuila y Texas desde la consumación de la independencia hasta el tratado de paz de Guadalupe Hidalgo. México, 1945—1946. T. 1—2.
- Arrangoiz F. de.* México desde 1808 hasta 1867. México, 1968.
- Bancroft H. H.* History of Mexico: The works. San Francisco, 1883—1888. Vol. 1—14.
- Bazant J.* Los bienes de la Iglesia en México (1856—1875): Aspectos económicos y sociales de la Revolución liberal. México, 1971.
- Bravo Ugarte J.* Historia de México. México, 1960—1965. Vol. 1—3.
- Bulnes F.* Juarez y las revoluciones de Ayutla y de Reforma. México, 1967.
- Bustamante C. M. de.* Cuadro histórico de la revolución mexicana: Comenzada en 15 de sept. de 1810 por Miguel Hidalgo y Castilla, cura del pueblo de los Dolores en el Obispado de Michoacan. México, 1926. T. 1—5.
- Bustamante C. M. de.* Continuación del cuadro histórico de la revolución mexicana. México, 1953—1954, 1963. T. 1—4.
- Callcott W. H.* Liberalism in Mexico, 1857—1928. Hamden, 1965.
- Callcott W. H.* Santa Anna: The story of an enigma who once was Mexico. Hamden, 1964.
- Chávez Orozco L.* Historia de México (1808—1836). México, 1947.
- La clase obrera en la historia de México: T. 1—17. México, 1980. T. 1: De la colonia al imperio.
- Cue Canovas A.* Historia social y económica de México: La revolución de independencia y México independiente hasta 1854. México, 1947.
- Fuentes Diaz V.* La intervención norteamericana en México (1847). México, 1947.

- Fuentes Mares J.* Juárez: el império y la república. México, 1983.
- García Cantú G.* El socialismo en México: Siglo XIX. México, 1974.
- González Navarro M.* Anatomía del poder en México, 1848—1853. México, 1983.
- Hale Ch.* Mexican liberalism in the age of Mora, 1821—1853. New Haven; L., 1968.
- Historia de México. México, 1974. Vol. 1—9.
- Historia general de México / Coord. C. Villegas. México, 1977.
- Loza Macías M.* El pensamiento económico y la constitución de 1857. México, 1959.
- Mendieta y Nuñez L.* El problema agrario de México desde su origen hasta la época actual. México, 1923.
- Molina Enriquez A.* Los grandes problemas nacionales. México, 1964.
- Mora Luis J.* México, y sus revoluciones. México, 1965. T. 1—3.
- Muñoz R.* Santa Anna: El dictador resplandeciente. México, 1983.
- Palavicini F.* México: Historia de su evolución constructiva. México, 1945. Vol. 1—4.
- Pletcher D. M.* The diplomacy of annexation. Columbia, 1973.
- Reyes Heróles J.* El liberalismo mexicano: T. 1—3. México, T. 1—2. 1957—1958; T. 3. 1982.
- Reina L., Camarena C., Morales T., Abramo M.* Las luchas populares en México en el siglo XIX. México, 1983.
- Roeder R.* Juárez and his Mexico: A biographical history. N. Y., 1968. Vol. 1—2.
- Romero Flores J.* Comentarios a la historia de México (1821—1861). México, 1958.
- Valades J.* Historia del pueblo de México: Desde sus orígenes hasta nuestros días. México, 1967. T. 1—3.
- Yoakum H. K.* History of Texas. Austin, 1935. Vol. 1—2.
- Zarco F.* Historia del Congreso Extraordinario Constituyente (1856—1857). México, 1956.
- Кариваев А. П.* Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее. М., 1987.
- Коваль Б. И.* История бразильского пролетариата, 1857—1967. М., 1968.
- Россия, СССР—Бразилия: 150 лет / Отв. ред. А. И. Сизоненко. М., 1980.
- Прадо Жуниор К.* Экономическая история Бразилии. М., 1949.
- Содрэ Вернек Н.* Бразилия: анализ «модели развития». М., 1976.
- Amado J.* Conflito social no Brasil: A revolta dos «muckers»; Rio Grande de Sul, 1868—1898. São Paulo, 1978.
- Basbaum L.* Historia sincera da República das origenes ate 1889. Rio de Janeiro, 1957.
- Beiguelman P.* Formação política do Brasil. São Paulo, 1976.
- Bethell L.* The abolition of the Brazilian slave trade: Britain, Brazil and the slave trade question, 1807—1869. Cambridge, 1970.
- Brasil: 150 anos de independência / Org. A. Bandeira de Mello. Rio de Janeiro, 1974.
- Burns Bradford E.* A history of Brasil. N. Y., 1980.
- Calmon P.* História do Brasil. São Paulo, 1956. T. 1—5.
- Cardoso de Mello Z.* Metamorfoses da riqueza: São Paulo, 1845—1895: Contribuição ao estudo da passagem da economia mercantil-escravista à economia exportadora capitalista. São Paulo, 1985.
- Carneiro P.* A ideia republicana no Brasil, através dos documentos. São Paulo, 1973.
- Collor L.* Garibaldi e a Guerra dos Farrapos. Rio de Janeiro, 1938.
- Conrad R.* The destruction of Brazilian slavery, 1850—1888. Berkeley, 1972.
- Costa Pinto L. A. da.* O Negro no Rio de Janeiro: Relações de Raça numa Sociedade em Mudança. São Paulo, 1953.
- Cunha Rui Vieira da.* Figuras e fatos da nobreza brasileira. Rio de Janeiro, 1975.
- Degler C. Nuemann.* Neither black nor white: Slavery and race relations in Brasil and the United States. N. Y., 1971.
- Fonseca L. A.* Escravidão, o clero e o abolicionismo no Brasil. Bahia, 1887.
- Furtado C.* Formação econômica do Brasil. São Paulo, 1969.
- Guimarães A.* Quatro séculos de latifúndio. Rio de Janeiro, 1968.
- Gunder Frank A.* Capitalism and underdevelopment in Latin America: Historical studies of Chile and Brasil. N. Y.; L., 1967.
- Herstal S.* Dom Pedro: estudo iconográfico. São Paulo; Lisboa, 1972. Vol. 1—3.
- L'Histoire quantitative du Bresil de 1800 à 1930. P., 1973.
- História geral da civilização brasileira / Sob a dir. de S. Buarque de Holanda. São Paulo, 1960—1964. T. 1—4.
- História da Igreja no Brasil. Petrópolis, 1977—1980. Vol. 1—2.
- Kallenbenz H., Schneider J.* A imagem do Brasil na Alemanha do século XIX: impressões e estereótipos da independência ao fim da

Глава 2

- Комиссаров Б. Н.* Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX в. Л., 1977.
- Манузер Г. Г.* Экспедиция академика Г. И. Лаугсдорфа в Бразилию (1821—1828 гг.). М., 1948.
- Biblioteca pedagógica brasileira: Cartas de Imperador D. Pedro II ao Barão de Cotegipe. São Paulo, 1933.
- Caneca J.* Obras políticas e literarias. Recife, 1875—1876. Vol. 1—2.
- Correspondência política de Maua no Rio da Prata (1850—1885). São Paulo etc., 1943.
- Mauá Visconde de.* Autobiografia. Rio de Janeiro, 1942.
- Organizações e programas ministeriais. Regime parlamentar no imperio. Rio de Janeiro, 1962.
- Актонов Ю. А.* Бразилия: армия и политика. М., 1973.

- monarquia. Estudos Latioamericanos. Pt 2. Wroclaw; Warszawa, 1980.
- Luz Vilela N.* A luta pela industrialização do Brasil (1808 a 1930). São Paulo, 1961.
- Malheiro Perdigão A.* A Escravidão no Brasil. São Paulo, 1944; Rio de Janeiro, 1942. T. 1—2.
- Maul C.* História da independência do Brasil. Rio de Janeiro, 1922.
- Moura C.* Brasil raízes do protesto negro. São Paulo, 1983.
- Nabuco J.* Abolitionism: The Brazilian anti-slavery struggle. Univ. Ill. press, 1977.
- Oliveira Lima.* Formação histórica da nacionalidade brasileira. Madrid, 1918.
- Pereira da Silva J. M.* História da fundação do Imperio do Brasil. Rio de Janeiro, 1877. Vol. 1—6.
- Prado Caio.* Evolução política do Brasil e outros estudos. São Paulo, 1961.
- Prado J.* História econômica do Brasil. São Paulo, 1949.
- Prantner J.* Kaiserin Leopoldine von Brasilien: Der Beitrag des Hauses Hamburg — Lothringen und osterieichischen Geistesgutes zur Entncklung Brasiliens während der Monarchie im 19. Jahrhundert. Wien; München, 1974.
- Quintas A.* O sentido social da Revolução praieira: Ensaio de interpretação. Recife, 1946.
- A Revolução liberal de 1842 / Ed. A. Almeida. Rio de Janeiro, 1944.
- Ribeiro J.* História do Brasil. Rio de Janeiro, 1957.
- Rodrigues N.* Os africanos no Brasil. São Paulo, 1977.
- Sodré Werneck N.* História da burguesia brasileira. Rio de Janeiro, 1964.
- Sodré Werneck N.* Formação histórica do Brasil. São Paulo, 1982.
- Spalding W.* A Revolução Farropilha (1835—1845). São Paulo, 1939.
- Stein Vassouras J.* A Brazilian coffee country (1850—1900). Cambridge (Mass.), 1957.
- Tarquinio de Sousa O.* História de dois golpes de Estado. Rio de Janeiro, 1939.
- Tavares de Lyra A.* Instituições políticas do império. Brasília, 1978.
- Tavares M.* História da Revolução de Pernambuco. Recife, 1840.
- Vianna Filho L.* A sabinada: (A República bahiana de 1837). Rio de Janeiro, 1938.
- Vianna Helio.* História do Brasil. São Paulo, 1961. T. 1—2.
- Viotti da Costa E.* Da senzala à colônia. São Paulo, 1966.
- Viotti da Costa E.* Da monarquia à república: momentos decisivos. São Paulo, 1977.
- Bagú S.* El plan económico del grupo rivadaviano, 1811—1827. Rosario, 1966.
- Documentos para la História Argentina. Buenos Aires, 1913—1936. T. 1—22.
- Documentos relativos a la organización constitucional de la República Argentina. Buenos Aires, 1911—1914. T. 1—3.
- Las constituciones de la Argentina (1810/1972). Buenos Aires, 1975.
- Mensajes de los gobernadores de la Provincia de Buenos Aires, 1822—1849. Buenos Aires, 1976. Vol. 1—2.
- Registro oficial de la República Argentina que comprende los documentos desde 1810 hasta 1873. Buenos Aires, 1879—1882. T. 1—3.
- Альберди Х. Б.* Преступление войны. М., 1960.
- Очерки истории Аргентины / Под ред. В. И. Ермолаева. М., 1961.
- Пасо Л.* Исторические корни аргентинской зависимости. М., 1981.
- Шейнбаум Л. С.* Формирование аргентинского этноса. М., 1980.
- Alberdi J. B.* Bases. Santa Fe, 1957.
- Alberdi J. B.* Sistema económico y rentístico de la Confederación Argentina según su Constitución de 1853. Buenos Aires, 1921.
- Alvárez J.* Las guerras civiles argentinas. Buenos Aires, 1984.
- Aramburu J.* Historia Argentina. Buenos Aires, 1949. T. 1—2.
- Avellaneda N.* Estudios sobre leyes de tierras públicas. Buenos Aires, 1865.
- Brown J. C.* A socioeconomic history of Argentina, 1776—1860. Cambridge, 1979.
- Burgin M.* The economic aspects of Argentine federalism, 1820—1852. Cambridge, 1946.
- Cárcano M. A.* Evolución histórica del régimen de la tierra pública, 1810—1916. Buenos Aires, 1917.
- Compendio de historia argentina: Desde la colonia hasta 1943 / Dir. y red. gen. L. Paso etc. Buenos Aires, 1982.
- Echeverria E.* Obras completas. Buenos Aires, 1972.
- Ferns H. S.* Britain and Argentina in the nineteenth century. Oxford, 1960.
- Ferrer A.* La economía argentina. México; Buenos Aires, 1965.
- Gibertti Horacio C. E.* Historia económica de la ganadería argentina. Buenos Aires, 1961.
- Gondra Luis R.* Historia económica de la República Argentina. Buenos Aires, 1943.
- Gonzales Calderon J. A.* El general Urquiza y la organización nacional. Buenos Aires, 1940.
- Historia integral Argentina. Buenos Aires, 1971. T. 1—4.
- Historia de la nación argentina: Desde los orígenes hasta la organización definitiva en 1862 / Dir. gen. R. Levene. Buenos Aires, 1946—1957.
- Ibarguren C.* Juan Manuel de Rosas: Su vida, su drama, su tiempo. Buenos Aires, 1955.

Глава 3

Чихачев П. А. Поездка через Буэнос-Айресские пампы. СПб., 1844.

Argentina: Congreso nacional. Cámara de senadores. Diario de sesiones. Año 1862—1868. Buenos Aires, 1889—1929.

- Ingenieros G.* La evolución de las ideas argentinas. Buenos Aires, 1946. Lib. 1—2, t. 1—4.
- Irazusta J.* Vida política de Juan Manuel de Rosas: A través de su correspondencia. Buenos Aires, 1943—1961. T. 1—5.
- Lamas A.* Rivadavia: Su obra política y cultural. Buenos Aires, 1941.
- Levene R.* Lecciones de historia Argentina. Buenos Aires, 1958. T. 1—2.
- Lombardi Carlos M.* Las ideas sociales en la Argentina. Buenos Aires, 1965.
- López Fidel V.* Historia de la República Argentina: Su origen, su revolución y su desarrollo político hasta 1852. Buenos Aires, 1957. T. 1—8.
- Lynch J.* The Argentine dictator Juan Manuel de Rosas. Oxford, 1981.
- Mitre B., Gomez J. C.* Cartas polémicas sobre la guerra al Paraguay. Asunción; Buenos Aires, 1940.
- Montoya A. J.* Historia de los saladeros argentinos. Buenos Aires, 1956.
- Oddone J.* La burguesía terrateniente argentina. Buenos Aires, 1967.
- Pelliza Mariano A.* La dictadura de Rosas. Buenos Aires, 1917.
- Piccirilli R.* Rivadavia y su tiempo. Buenos Aires, 1960. T. 1—3.
- Quesada E.* La época de Rosas. Buenos Aires, 1923.
- Ramos Mejía H. G.* Historia de la nación Argentina. Buenos Aires, 1945. T. 1—2.
- Razignani E.* Historia constitucional de la República Argentina. Buenos Aires, 1926—1927. T. 1—3.
- Rosa J. M.* Historia argentina. Buenos Aires, 1965. T. 1—5.
- Saldías A.* Historia de la confederación argentina. Buenos Aires, 1978. T. 1—3.
- San Esteban R.* El agro argentino. Buenos Aires, 1975.
- Sarmiento D. F.* Obras completas. Paris; Buenos Aires, 1895—1902. T. 1—52.
- Scobie J. R.* Argentina: A city and a nation. N. Y., 1964.
- Trifilo S. S.* La Argentina vista par viajeros ingleses: 1810—1860. Buenos Aires, 1959.
- Глава 4**
- Cartas y Decretos del Dictador Francia. Asunción, 1989. T. 1.
- Las constituciones paraguayas y los proyectos de constitución de los partidos políticos. Asunción, 1967.
- Альперович М. С.* Революция и диктатура в Парагвае (1810—1840 гг.). М., 1975.
- Andrada e Selva R. de.* Ensaio sobre a Ditadura da Paraguai, 1814—1840. São Paulo 1978.
- Azara F.* Descripción e historia del Paraguay y del Río de la Plata. Madrid, 1847. Vol. 1—2.
- Benítez J. P.* La vida solitaria del Dr. José Gaspar de Francia, Dictador del Paraguay. Buenos Aires, 1937.
- Bermejo I.* Repúblicas americanas: Episódios en la vida privada, política y social en la República de Paraguay. Madrid, 1873.
- Box Polhan H.* The origins of the Paraguayan war. N. Y., 1967.
- Cardozo E.* Paraguay independiente. Barcelona, 1949.
- Cardozo E.* Vísperas de la guerra del Paraguay. Buenos Aires, 1964.
- Cardozo E.* Hace cien años: Crónicas de la guerra de 1864—1870, publicadas en «La Tribuna» de Asunción en el centenario de la epopeya nacional. Asunción, 1967. T. 1.
- Chaves César J.* Historia general del Paraguay. Asunción, 1968. Vol. 1—7.
- Chaves J. C.* El Supremo dictador. Buenos Aires, 1958.
- Demersay L.* Histoire physique, economique et politique du Paraguay et des établissements des Jésuites. P., 1864. T. 1—2.
- Garay B.* Compendio elemental de historia de Paraguay. Asunción, 1929.
- García Mellid A.* Proceso a los falsificadores de la historia del Paraguay. Buenos Aires, 1963—1964. T. 1—2.
- Guevara J.* Historia de la conquista del Paraguay, Río de la Plata y Tucuman. Madrid, 1882.
- Kahle G.* Grundlagen und Anfänge des paraguayischen Nationalbewusstseins. Köln, 1962.
- Nogues A.* La iglesia en la época del Dr. Francia. Asunción, 1960.
- Phelps G.* Traquedy of Paraguay. L.; Tongbridge, 1975.
- Pla J.* Hermano negro: La esclavitud en el Paraguay. Madrid, 1972.
- Proceso a la guerra de Paraguay: Prólogo de León Palmer. Buenos Aires, 1968.
- Rengger et Langshamph J. R.* Essai historique sur la révolution du Paraguay et le gouvernement dictatorial du docteur Francia. P., 1827.
- Rosa J.* La guerra del Paraguay y las monteras argentinas. Buenos Aires, 1964.
- Saunders H. G.* Diplomacy under difficulties: US relations with Paraguay during the war of the triple alliance. Athens, 1966.
- Vasquez J. A.* El doctor Francia, vislo y oído por sus contemporaneos. Asunción, 1961.
- Warren H. G.* Paraguay and the triple alliance: The postwar decade, 1869—1878. Austin, 1978.
- Washburn Ch.* The history of Paraguay with notes of personal observations and reminiscences of diplomacy under difficulties. Boston; N. Y., 1871. Vol. 1—2.
- White R. A.* Paraguay's autonomous revolution, 1810—1840. Albuquerque, 1978.
- Williams J. H.* The rise and fall of Paraguayan Republic, 1800—1870. Austin, 1979.
- Wisner F.* El Dictador del Paraguay José Gaspar de Francia. Buenos Aires, 1957.

Глава 5

- Archivo general de la nación. Montevideo. Inventario de los fondos documentales del Archivo general de la nación. Montevideo, 1965—1966.
- Bauzá F. Crónicas del Montevideo antiguo. Montevideo, 1966.
- Libro del Centenario del Uruguay. Montevideo, 1930.
- Villa O. J., Mendive G. La prensa y los constituyentes en el Uruguay de 1830: Fundamentos técnicos económicos y sociales. Montevideo, 1980.
- Acevedo E. Manual de Historia Uruguaya. Montevideo, 1936.
- Ares Pons R. Uruguay en el siglo XIX: Acceso a la modernidad. Montevideo, 1964.
- Asiain Márquez C. Luis de Herrera: Una época oriental (1825—1865). Montevideo, 1961.
- Barran J. Apogeo y crisis del Uruguay pastoril y Caudillesco, 1838—1875. Montevideo, 1974.
- Barran J. El nacimiento del batllismo. Montevideo, 1982.
- Canessa de Sanguinetti M. Rivera «un oriental liso y llano». Montevideo, 1976.
- Castellanos A. La cisplatina: La independencia y la República Caudillesca, 1820—1838. Montevideo, 1974.
- Castellanos A. Historia del desarrollo edilicio y urbanístico de Montevideo (1829—1914). Montevideo, 1971.
- Dumas A. Montevideo o la nueva Troya. Montevideo, 1968.
- Fabregat Rodríguez E. Battle y Ordoñez — el reformador. Buenos Aires, 1942.
- Gros Espiell H. Las constituciones del Uruguay. Madrid, 1978.
- Machado C. Historia de los orientales. Montevideo, 1984—1985. T. 1—3.
- Muñiz Zavala J. Battle héroe civil. México, 1945.
- Nahum B. La estancia alambrada. Montevideo, 1968.
- Odone J. La formación del Uruguay moderno. Montevideo, 1966.
- Pintos F. De la Dominación Española a la Guerra Grande. Montevideo, 1947.
- Pintos F. Historia del movimiento obrero del Uruguay. Montevideo, 1960.
- Rodríguez J. Las Mantonerías y sus caudillos. Montevideo, 1968.
- Rodríguez J. Los grandes negocios. Montevideo, 1969.
- Salgado J. El federalismo de Artigas: Genesis de la orientalidad. Montevideo, 1945.
- Sota J. de la. Historia del territorio oriental del Uruguay. Montevideo, 1965. T. 1—.
- Torre N. de la, Rodríguez J. C., Sala de Touron L. Artigas: tierra y revolución. Montevideo, 1967.
- Torre N. de la, Rodríguez J. C., Sala de Touron L. La revolución agraria artiguista (1815—1816). Montevideo, 1969.
- Torre N. de la, Sala de Touron L., Rodríguez J. C. Después de Artigas (1820— 1836). Montevideo, 1972.
- Traversoni A. Historia del Uruguay y de América. Montevideo, 1965. T. 1—2.
- Zum Felde A. Proceso histórico del Uruguay y esquema de su sociología. Montevideo, 1963.

Глава 6

- Anales de la República. Textos constitucionales de Chile y registro de los ciudadanos que han integrado los poderes ejecutivo y legislativo desde 1810: Compilación de Luis Valencia Avaria. Santiago de Chile, 1951. T. 1—2.
- Barros L. Ensayo sobre la condición de las clases rurales en Chile. Santiago, 1875.
- Colección de historiadores de Chile y documentos relativos a la historia nacional. Santiago, 1861.
- Cruz E. de. Epistolario de Don Diego Portales. Santiago, 1937. Vol. 1—3.
- Feliu Cruz G. El Censor de la Revolución: Colección de noticias — la Miscelánea chilena — el Independiente — el Mercurio de Chile, 1820—1823. Santiago, 1960.
- Henríquez C. Escritos políticos. Santiago de Chile, 1960.
- Palma M. El cristianismo político o reflexiones sobre el hombre y las sociedades. Santiago, 1858.
- Perez Rosales V. Recuerdos del pasado (1814—1860). Santiago, 1958.
- Tounes O. A. de. Orllie-Antoine 1-er, roi d'Araucanie et de Palagenie son avènement au trone, et sa captivité au Chile: Relation écrite par lui-même. P., 1863.
- Valdes Sotomayor R. Historia de Chile durante 40 años transcurridos desde 1831 a 1871. Santiago, 1875. T. 1—2.
- Vallejo J. J. Colección de los artículos de Jotabeche. Santiago, 1847.
- Zapiola J. Recuerdos de treinta años, 1810—1840. Santiago, 1902.
- Очерки истории Чили / Отв. ред. Н. М. Лавров. М., 1967.
- Barros Arana D. Historia general de Chile. Santiago, 1884—1902. T. 1—12.
- Bauer A. J. Chilean rural society from the Spanish conquest to 1930. Cambridge, 1975.
- Bermúdez Miral O. Historia del salitre desde sus orígenes hasta la guerra del Pacífico. Santiago de Chile, 1963.
- Carriola Sutter C., Sunkel O. La historia económica de Chile, 1830 y 1930: dos ensayos y una bibliografía. Madrid, 1982.
- Chile: Tenencia de la tierra y desarrollo socio-económico del sector agrícola. Santiago de Chile, 1966.
- Conferencia económico-social agrícola / Acad. cienc. econ. Santiago de Chile, 1930.
- Domeyko I. Listy do Władysława Laskowicza: Opraci i wstepem poprzedyzila Elzbieta Helena Nicciowa. W-wa, 1976.

- Donoso A.* El pensamiento vivo de Francisco Bilbao. Santiago de Chile, 1940.
- Donoso R.* Las ideas políticas en Chile. México, 1946.
- Edwards Vives A.* Bosquejo histórico de los partidos políticos chilenos (1822-1891). Santiago de Chile, 1903.
- Edwards Vives A.* La fronda aristocrática: Historia política de Chile. Santiago, 1966.
- Encina F. A.* Historia de Chile desde la prehistoria hasta 1891. Santiago de Chile, 1950—1952. T. 1-20.
- Feliú Cruz G.* Andres Bello y la redacción de los documentos oficiales administrativos, internacionales y legislativos de Chile. Caracas, 1957.
- Frias Valenzuela F.* Historia de Chile. Santiago de Chile, 1947—1949. T. 1—4.
- Galdames L.* Historia de Chile. Santiago, 1952.
- Garces J. E.* Desarrollo político y desarrollo económico: Los casos de Chile y Colombia. Madrid, 1972.
- Gay Cl.* Historia física y política de Chile. Paris; Santiago, 1854—1871. T. 1—8.
- Hartwig V.* Die Indianer-Agrarfrage in Chile bis 1970. B., 1976.
- Izquierdo F. G.* Un estudio de las ideologías chilenas: La sociedad de agricultura en el siglo XIX. Santiago de Chile, 1968.
- Johet J. C.* Ensayo crítico del desarrollo económico-social en Chile. Santiago de Chile, 1955.
- Joxe A.* Las fuerzas armadas en el sistema político Chileno (1830—1969). Santiago, 1970.
- Kaempffer Villagran G.* Así sucedió, 1850—1952: Sangrientos episodios de la lucha obrera en Chile. Santiago de Chile, 1962.
- Lipschutz A.* La comunidad indígena en América y en Chile. Santiago, 1956.
- Loveman Br.* Chile: The legacy of Hispanic capitalism. N. Y., 1979.
- Martner D.* Estudio de política comercial chilena e historia económica nacional. Santiago de Chile, 1923. T. 1—2.
- Millas O.* El antiimperialista Diego Portales. Santiago de Chile, 1973.
- Nunn F. M.* The military in Chilean history: Essays on civil-military relations, 1810—1973. Albuquerque, 1976.
- Pena L.* Histoire de Chile. P., 1927.
- Riquelme D.* La Revolución del 20 de Abril de 1851. Santiago, 1966.
- Romero L. A.* La sociedad de la igualdad: Los artesanos de Santiago de Chile y sus primeras experiencias políticas, 1820—1851. Buenos Aires, 1978.
- Segall M.* Desarrollo del capitalismo en Chile. Santiago de Chile, 1953.
- Urzua Valenzuela G.* Los partidos políticos chilenos. Santiago de Chile, 1968.
- Valdes Sotomayor R.* Historia de Chile bajo el gobierno del general D. Goáquin Prieto. Santiago de Chile, 1900—1903. T. 1—4.
- Vicuña Mackenna B.* Colección: En Biblioteca Francisco de Aguirre, 26. Santiago de Chile, 1970—1971. T. 1—8.
- Vitale L.* Interpretación marxista de la historia de Chile. Santiago, 1971—1972. T. 1—3.
- Walker Martinez C.* Portales. P., 1879.
- Zamorano Baier A.* Dos generaciones 1810 y 1842. Padre las Casas, 1942.
- Zeitlin M.* The civil wars in Chile (or the bourgeois revolutions that never were). Princeton, 1984.

Глава 7

- Acosta C.* Selección. Caracas, 1961.
- Alvarado L.* Antología. Caracas, 1959.
- Conservadores y liberales: Los grandes temas políticos / Coll. prep. por P. Grases, M. Pérez-Villa. Caracas, 1961.
- La constitución federal de Venezuela de 1811. Caracas, 1959.
- Documentos para el estudio de los esclavos negros en Venezuela: Selección y estudio preliminar de Ermila Troconis de Veracocchea. Caracas, 1969.
- Documentos para la historia económica de Venezuela / Recopilación y prólogo de A. Arellano Horeno. Caracas, 1961.
- Ezequiel Zamora y su tiempo. Caracas, 1975. T. 1—4.
- Gonzalez Vicente J.* La doctrina conservadora. Caracas, 1961. T. 1—2.
- Materiales para el estudio de la cuestión agraria en Venezuela (1810—1865). Caracas, 1979. Vol. 1.
- Pensamiento conservador, 1815—1898 / Prólogo J. L. Roero. Caracas, 1978.
- Rojas J. de.* Recuerdos de la patria. Caracas, 1963.
- Toro F.* Reflexiones sobre la Ley de 10 de abril de 1834. Caracas, 1941.
- Venezuela: Presidencia. Mensajes presidenciales / Recopilación, notas y estud. prelim. prep. por A. Arellano Moreno. Caracas, 1970. T. 1—4.
- Венесуэла: Экономика, политика, культура / Отв. ред. С. А. Гонимский. М., 1967.
- Acosta Saignes M.* Vida de los esclavos negros en Venezuela. Caracas, 1967.
- Baralt R. M.* Obras completas. Maracaibo, 1964—1965. Vol. 1—5.
- Blanco Fombona R.* Ensayos históricos. Caracas, 1981.
- Brewer-Carias A.* Cambio político y reforma del estado en Venezuela: Contribución al estudio del estado democrático y social de derecho. Madrid, 1975.
- Brito Figueroa F.* Ensayos de la historia social venezolana. Caracas, 1960.
- Brito Figueroa F.* Historia económica y social de Venezuela. Caracas, 1966. T. 1—2.
- Brito Figueroa F.* Tiempo de Ezequiel Zamora. Caracas, 1975.
- Carrera Damas G.* Tres temas de historia. Caracas, 1961.
1. Proceso a la formación de la burguesía venezolana.
  2. Algunos problemas relativos a la forma-

- ción del estado en la segunda República venezolana.
3. Notas sobre la enseñanza de la historia en Venezuela.
- Carrera Damas G.* El culto a Bolívar: Esbozo para un estudio de la historia de las ideas en Venezuela. Caracas, 1969.
- Escovar Salom R.* Evolución política de Venezuela. Caracas, 1972.
- Fuentes-Figueroa Rodríguez J.* Historia general de Venezuela: Documentos, narración, crítica. Caracas, 1983. T. 1—6.
- Formación histórico-social de Venezuela. Caracas, 1981.
- Gil Fortoul J.* Historia constitucional de Venezuela. Caracas, 1942. T. 1—5.
- Gilmore R. L.* Caudillism and militarism in Venezuela, 1810—1910. Athens, 1964.
- Graham Cunningham R.* José Antonio Páez. N. Y., 1970.
- Guinan González F.* Historia contemporánea de Venezuela. Caracas, 1954. Vol. 1—15.
- Irazábal C.* Venezuela esclava y feudal. Caracas, 1980.
- Landaeta Rosales M.* Biografía del valiente ciudadano general Ezequiel Zamora. Caracas, 1961.
- Lombardi J.* The decline and abolition of Negro slavery in Venezuela, 1820—1854. Greenwood, 1971.
- Matthews R. P.* Violencia rural en Venezuela, 1840—1858: antecedentes socioeconómicos de la guerra federal. Caracas, 1977.
- Millares C.* Rafael María Baralt (1810—1860): Estudio biográfico, crítico y bibliográfico. Caracas, 1969.
- Orrego Vicuña E.* Don Andrés Bello. Santiago de Chile, 1953.
- Picon Salas M.* Comprensión de Venezuela. Caracas, 1976.
- Ramos Perez D.* Estudios de historia venezolana. Caracas, 1976.
- Rangel D.* Historia económica de Venezuela. Caracas, 1962.
- Rodríguez J. S.* Contribución al estudio de la guerra federal en Venezuela. Caracas, 1960. T. 1—2.
- Ruggeri Parra P.* Historia política y constitucional en Venezuela. Caracas, 1949. T. 1—2.
- Salcedo-Bastardo J.* Historia fundamental de Venezuela. Caracas, 1977.
- Siso Martínez J.* Historia de Venezuela. México, 1962.
- Troconis Guerrero L.* La cuestión agraria en la historia nacional. San Cristobal, 1962.
- Vallenilla Lanh L.* Cesarismo democrático. Caracas, 1952.
- Vicente González J.* Oligarcas y liberales: Artículos del «Diario de la tarde», 1846. Caracas, 1962.
- Villanueva L.* Ezequiel Zamora. Caracas, 1955.
- Castrillon Arboleda D.* Manuel José Castrillon: (Biografía y memorias). Bogotá, 1971. T. 1—.
- Cordovez Moure J.* Reminiscencias de Santafé y Bogotá. Bogotá, 1978.
- González F.* Escritos políticos, jurídicos y económicos. Bogotá, 1981.
- Marroquin J.* Escritos históricos. Bogotá, 1982.
- Pombo M. A., Guerra J. J.* Constituciones de Colombia. Bogotá, 1951. T. 1—5.
- Samper M.* La miseria de Bogotá. Bogotá, 1969.
- Santander F., Azuero Plata V.* Antología política. Bogotá, 1981.
- Гонионский С. А.* Колумбия. М., 1973.
- Bushnell D.* The Santander regime in Gran Colombia. Westport, 1970.
- Buy F.* Histoire de la Colombia. P., 1976. T. 1.
- Caballero E.* Historia económica de Colombia. Bogotá, 1971.
- Castillo Mathieu N. del.* Nuñez: Su trayectoria ideológica. Bogotá, 1952.
- Colmenares G.* Partidos políticos y clases sociales. Bogotá, 1984.
- Complemento a la historia extensa de Colombia. Bogotá, 1982. Vol. 1—5.
- Cruz Santos A.* Economía y hacienda pública. Bogotá, 1965.
- García Ortiz L.* Estudios históricos. Bogotá, 1980.
- Historia extensa de Colombia. Bogotá, 1965. Vol. 1—22 (1—19).
- Lievano Aguirre I.* Rafael Nuñez. Bogotá, 1946.
- Madieto M.* et al. Orígenes de los partidos políticos en Colombia. Bogotá, 1978.
- McGreevey W. P.* An economic history of Colombia, 1845—1930. Cambridge, 1971.
- Molano Daza L.* Apuntes históricos. Cali, 1974.
- Moore J. B.* A digest of international law. Wash. (D. C.), 1906. Vol. 1—8.
- Mora B., Peña C.* Historia de Colombia. Bogotá, 1983.
- Nieto Arteta E.* Economía y cultura en la historia de Colombia. Bogotá, 1962.
- Nieto Caballero L.* Escritos escogidos. Bogotá, 1984. T. 1—5 (1—3).
- La Nueva historia de Colombia / Comp. e introd. D. Jaramillo Agudelo. Bogotá, 1976.
- Ospina Vásquez L.* Industria y protección en Colombia, 1810—1930. Medellín, 1955.
- Pardo Pardo A.* Geografía económica y humana de Colombia. Bogotá, 1977.
- Pérez Aguirre A.* 25 años de historia colombiana, 1853 a 1878. Bogotá, 1959.
- Puentes M.* Bolívar, padre de las izquierdas liberales. Bogotá, 1961.
- Restrepo J. M.* Historia de la Nueva Granada. Bogotá, 1952. T. 1—2.
- Schott J.* Rails across Panama: The story of the building of the Panama railroad, 1849—1855. Indianapolis, 1967.
- Sepulveda Pino H.* Ensayos marxistas sobre la sociedad colombiana. Bogotá, 1980. T. 1—3.
- El siglo XIX en Colombia visto por historiadores norteamericanos. Bogotá, 1977.
- Tirado A.* Introducción a la historia económica de Colombia. Medellín, 1975.

Глава 8

Camacho Roldán S. Escritos sobre economía y política. Bogotá, 1976.

Tirado A. Aspectos sociales de las guerras civiles en Colombia. Bogotá, 1976.
Torres Almeida J. C. Manuel Murillo Toro, caudillo radical y reformador social. Bogotá, 1984.
Urrutia M. The development of the Colombian labour movement. New Haven; L., 1969.

Глава 9

Archivo histórico del Guayas Guayaquil: Colección monográfica. Publicación. Guayaquil, 1975.

Quito. Archivo municipal. Publicaciones del Archivo municipal de Quito. Quito, 1972.

Эквадор: Историко-этнографические очерки / Под ред. А. В. Ефимова и др. М., 1963.

Andrade R. Historia del Ecuador. Quito, 1982—1983. Vol. 1—7.

Carbo L. A. Historia monetaria y cambiaria del Ecuador. Quito, 1953.

Cevallos García G. Historia del Ecuador. Cuenca; Don Boseso, 1973. Pt 1—2.

Chiriboga M. Jornaleros y Gran Proprietarios en 135 años de Exportación Cacaotera (1780—1925). Quito, 1980.

Cueva A. El proceso de dominación política en Ecuador. México, 1974.

Espinosa Tamayo A. Psicología y sociología del pueblo ecuatoriano. Guayaquil, 1918.

Pareja Diezcanseco A. Ecuador: La república de 1830 a nuestros días. Quito, 1979.

Reyes O. E. Breve Historia general del Ecuador. Quito, 1960. T. 1—3.

Vera A. Anhelos y pasión de la democracia ecuatoriana. Guayaquil, 1948.

Villamil H. Resumen de historia patria. Quito, 1964.

Глава 10

Antología de la independencia del Perú / Ed. F. Denegri Luna. Lima, 1972.

Archivo Castilla. Lima, 1963. T. 1—4.

Colección de libros y documentos referentes a la historia del Perú. Lima, 1916—1919. T. 1—12.

Copello J., Petroni L. Estudios sobre la independencia económica del Perú. Lima, 1876.

Documentos históricos del Perú en las épocas del coloniaje después de la conquista y de la independencia hasta la presente / Ed. M. de Odriozola. Lima, 1863. T. 1—10.

Echenique J. R. Memorias para la historia del Perú (1808—1878). Lima, 1952. T. 1—2.

Gran Bretaña y el Perú: Informes de los consulados británicos / Compilador H. Bonilla. Lima, 1975—1977. Vol. 1—5.

Hutchinson Th. J. Two years in Peru. L., 1873. Vol. 1—2.

Luna Pizarro F. X. de. Escritos políticos. Lima, 1959.

Perú. Congreso. Cámara de senadores. Diario de los debates. Lima, 1860—1863; 1872—1874.

Raimondi A. El Perú. Lima, 1874. T. 1.

Varela H. F. Revolución de Lima. P., 1872.

Маруагеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.

Перу: 150 лет независимости / Отв. ред. А. Ф. Шульговский. М., 1971.

Arona J. de. La inmigración en el Perú. Lima, 1971.

Basadre J. Historia de la República del Perú, 1822—1933. Lima, 1983. Vol. 1—10.

Basadre J. Introducción a las bases documentales para la historia de la República de Perú con algunas reflexiones. Lima, 1971. T. 1—2.

Bonilla H. Guano y burguesía en el Perú. Lima, 1978.

Castro Pozo H. Del ayllu al cooperativismo socialista. Lima, 1973.

Dancuwr E. Crónica parlamentaria del Perú: Historia de los congresos, que han funcionado en la República desde 1822. Lima, 1910. T. 1—4.

Davalos y Lissón P. La primera centuria. Lima, 1919—1922. Vol. 1—14.

Gálvez J. Nuestra pequeña historia. Lima, 1966.

Giesecke M. Masas urbanas y rebelión en la historia. Golpe de estado: Lima, 1872. Lima, 1978.

González Diffoni E. Textos internacionales del Perú. Lima, 1962.

Guardia Mayorga C. La reforma agraria en el Perú. Lima, 1962.

Herrera Alarcón D. Rebeliones que intentaron desembrar el sur del Perú. Lima, 1961.

Historia del Perú / Dir. y coord. de la ed. F. Silva Santisteban. Lima, 1965. T. 1—12. La independencia en el Perú. Lima, 1981.

Lumbreras Guillermo L. Los orígenes de la civilización en el Perú. Lima, 1974.

Macera P. Trabajos de historia. Lima, 1977. T. 1—4.

MacLean Estenos R. Sociología del Perú. México, 1959.

Mujica Gallo M. El soldado de ley. Lima, 1959.

Nueva historia general del Perú: Un compendio. Lima, 1980.

Piel J. Capitalismo agraire au Pérou. P., 1975.

Pike B. F. The modern history of Peru. N. Y.; Wash. (D. C.), 1967.

Pons Muzzo G. Historia del conflicto entre el Perú y España, 1864—1866. Lima, 1966.

Romero E. Historia económica del Perú. Lima, 1967. T. 1—2.

Stewart W. Henry Meiggs. Durham, 1946.

Stewart W. Chinese bondage in Peru. Durham, 1951.

Tavar S. Historia de los partidos. Lima, 1951.

Ugarte C. Biosquejo de la historia económica del Perú. Lima, 1977.

Ugarte del Pino J. V. Historia de las constituciones del Perú. Lima, 1978.

Vasquez F. La rebelión de Juan Bustamante. Lima, 1976.

Vega J. J. La emancipación frente al indio peruano: La legislación indiana del Perú en

- la iniciación de la República, 1821—1830. Lima, 1958.
Villanueva V. Ejército peruano: Del caudillaje anárquico al militarismo reformista. Lima, 1973.
Yepes del Castillo F. Perú, 1820—1920: Un siglo de desarrollo capitalista. Lima, 1972.

Глава 11

- Bonifaz M.* Legislación agrario-indigenal. Cochabamba, 1953.
 Código civil de Bolivia: Estudio preliminar del dr. C. Terrazas Tórrez. Madrid, 1959.
Cortés J. D. Bolivia: Apuntes geográficos y estadísticos, de costumbres descriptivos e históricos. P., 1875.
Dalence J. M. Bosquejo estadístico de Bolivia. La Paz, 1975.
Lecuna V. Documentos referentes a la creación de Bolivia con un Resumen de las Guerras de Bolívar. Caracas, 1924. T. 1—2.
 La Misión Alvaréz en Bolivia (1829—1830). Lima, 1957.
Sánchez de Velazco M. Memórias para la historia de Bolivia del 1808. La Paz, 1938.
Santa Cruz A. de. La vida y obra del mariscal Andrés Santa Cruz. La Paz, 1976. T. 1—3.
Santa Cruz O. El general Andrés de Santa Cruz: Gran mariscal de Zepita y el Gran Perú: Documentos históricos recopilados por O. de Santa Cruz. La Paz, 1924.
Villarroel Triveño A. La fundación de Bolivia: Documentos para su historia. Cochabamba, 1981.
- Abecia Baldivieso V.* Las relaciones internacionales en la historia de Bolivia. La Paz, 1979. T. 1—2.
Alvarado Daza R. Apuntes para una visión dialéctica de Bolivia. La Paz, 1979.
Arguedas A. Historia general de Bolivia (1809—1921). La Paz, 1980.
Arze J. A. Bosquejo sociodialéctico de la historia de Bolivia. La Paz, 1978.
Barton R. A short history of the Republic of Bolivia. La Paz, 1968.
Basadre y Chocano M. Diez años de la historia política del Perú, 1834—1844. Lima, 1953.
 Bolivia en el primer centenario de su independencia, 1825—1925. N. Y., 1925.
Crespo A. Santa Cruz: El Cóndor Indio. México, 1944.
La Cueva J. M. de. Bolivia: imperialismo y oligarquía. La Paz, 1983.
Fellman Velarde T. Historia de Bolivia. La Paz, 1970. T. 1—2.
Fifer J. V. Bolivia: land, location and politics since 1825. Cambridge, 1972.
Finot E. Nueva historia de Bolivia: Ensayo de interpretación sociológica. La Paz, 1964.
Frontaura Argandoña M. El dictador Linares. La Paz, 1970.
Gühman A. Breve historia de Bolivia. La Paz; Cochabamba, 1969.
Ilurricha A. Historia de Bolivia bajo la admini-

- stración del Mariscal Andrés de Santa Cruz. Sucre, 1967.
Klein H. S. Parties and political change in Bolivia, 1880—1952. Cambridge, 1969.
Klein H. S. Bolivia: the evolution of a multi-ethnic society. N. Y., 1982.
Lofstrom W. L. The promise and problem of reform: Attempted social and economic change in the first years of Bolivian independence. Ithaca, 1972.
Lora G. Historia del movimiento obrero boliviano, 1848—1900. La Paz, 1967.
Lora G. A history of the Bolivian labour movement, 1848—1971. Cambridge, 1977.
O'Connor d'Arlach T. El general Melgarejo: Hechos y dichos de este hombre celebre. La Paz, 1985.
Osborne H. Bolivia: A land divided. L., 1964.
Peñaloza Cordero L. Nueva historia económica de Bolivia. La Paz, 1981. T. 1—6.
Reinaga F. Belzú: Precursor de la revolución nacional. La Paz, 1953.
René-Moreno G. Bolivia y Perú: Notas históricas y bibliográficas. Santiago de Chile, 1905.
René-Moreno G. Bolivia y Perú: Más notas históricas y bibliográficas. Santiago de Chile, 1905.
René-Moreno G. Matanzas de Yañez. Potosí, 1954.
Riveros Tejada G. La influencia histórica de Bolivia en América. La Paz, 1964.
Romero Loza J. Bolivia: Nación en desarrollo. La Paz; Cochabamba, 1974.
Santivañez J. M. Vida del general José Ballivián. Nueva York, 1891.
Subieta Sagárnaga L. Bolívar y Bolivia. Potosí, 1975.
Urquidí A. El feudalismo en América y la reforma agraria boliviana. Cochabamba, 1966.
Urquidí A. Las comunidades indígenas en Bolivia. Cochabamba, 1970.
Valencia Vega A. Geopolítica en Bolivia. La Paz, 1965.
Villarroel Claure R. La fundación de la república: Ensayo de interpretación. Cochabamba, 1959.

Глава 12

- Carrera R.* Memorias, 1837—1840. Guatemala City, 1979.
 Colección de tratados de Guatemala. Guatemala, 1892.
Dunn H. Guatemala or the Republic of Central America in 1827—1828: Being sketches and memorandums made during a twelvemonths residence. Detroit (Mich.), 1981.
Filisola V. La cooperación de México en la independencia de Centro América: (Documentos inéditos o muy raros). México, 1911. T. 1—2.
Gallardo R. Las Constituciones de la República Federal de Centro América. Madrid, 1958. T. 1—2.
Roberts O. Narrative of voyages and excursions

- on the east coast and in the interior of Central America: A facsimile of the 1827 by E. Irving. Gainesville, 1965.
- Squier E. L.* Nicaragua, its people, scenery, monuments and the proposed interoceanic canal. N. Y., 1852. Vol. 1-2.
- Squier E. L.* Notes on Central America; Particularly the states of Honduras and San Salvador. N. Y., 1855.
- Squier E. L.* Travels in Central America. N. Y., 1853. Vol. 1-2.
- Thompson G. A.* Narrative of an official visit to Guatemala. L., 1829.
- Alemán G.* Centenario de la guerra Nacional de Nicaragua contra Walker. Guatemala, 1956.
- Angel Gallardo M.* Papeles históricos. Santa Tecla, 1954.
- Barrahuma S. R.* Breve historia de Honduras. Tegucigalpa, 1950.
- Bartlett Ch.* A new balance of power: The 19th century. Barbados, 1970.
- Chester Lloyd G.* Guatemala: Past and present. N. Y., 1966.
- Coronel Urtecho J.* Reflexiones sobre la historia de Nicaragua: (De Gainza Somoza). S. L., 1962. Vol. 1-2.
- Dolores Gamez J.* Gerardo Barrios ante la posteridad. San Salvador, 1965.
- Durón R.* Don Joaquín Rivera y su tiempo. Tegucigalpa, 1965. T. 1-2.
- Fijałkowski W.* Awantury karaibskie. W-wa, 1965.
- Griffith W.* Empires in the wilderness: Foreign colonization and development in Guatemala, 1834-1844. Chapel Hill, 1965.
- Huete Zuniga A.* Morazan-un representante de la democracia americana. México, 1947.
- Karnes L. T.* The failure of union: Central America, 1824-1960. Chapel Hill, 1961.
- Larde y Larin J.* El grito de la Merced: (5 de noviembre de 1811). San Salvador, 1960.
- Láscaris C.* Historia de las ideas en Centroamérica. San José, 1982.
- Lopez Vallecillos C.* Gerardo Barrios y su tiempo. San Salvador, 1962. T. 1-2.
- Mariñas Otero L.* Hondúras. Madrid, 1963.
- Martínez López E.* Biografía del general Francisco Morazán. San Pedro Sula, 1966.
- Marure A.* Bosquejo histórico de las revoluciones de Centroamérica desde 1811 hasta 1834. Guatemala, 1960.
- May R. E.* The southern dream of a Caribbe Empire, 1854-1861. Buton Rouge, 1973.
- Meléndez C.* Historia de Costa Rica. San José, 1983.
- Montes A. H.* Morazán y la Federación centroamericana. México, 1958.
- Nonualco J.* La invasión filibustera de Nicaragua y la guerra nacional. San José, 1958.
- Reyes A.* Así es Costa Rica. San José, 1945.
- Rodríguez M.* A Palmerstonian diplomat in Central America, Frederick Chatfield. Tucson, 1964.
- Salazar R.* Manuel José Arce. Guatemala, 1952.
- Sanders W. T.* Mesoamérica: The evolution of a civilization. N. Y., 1968.
- Solera Rodríguez R.* Los grandes constructores de América. San José, 1962.
- Villacorta A. G.* Historia de la República de Guatemala. Guatemala, 1960.
- Walker W.* La guerra de Nicaragua. San José, 1924.
- Woodward Lee R.* Central America: A nation divided. N. Y., 1976.
- Wortman Miles L.* Government and society in Central America, 1680-1840. N. Y., 1982.

Глава 13

- Archivo Nacional de Cuba. Donativos y remisiones. Legajo N 182, 223.
- Castro F.* Discurso pronunciado en el resumen de la velada conmemorativa de los cien años de lucha. La Habana, 1969.
- Céspedes C. M.* Escritos. La Habana, 1982. T. 1-3.
- Collazo E.* Desde Yara hasta el Zanjón: (Apuntaciones históricas). La Habana, 1967.
- Constituciones de la República de Cuba. La Habana, 1952.
- Correspondencia reservada del capitán general don Miguel Tacón, 1834-1836. La Habana, 1963.
- Documentos para la historia de Cuba: Epoca colonial. La Habana, 1970. T. 1.
- Douglass F.* The life and writings of Frederick Douglass / Ed. Ph. Foner. N. Y., 1950-1975. Vol. 1-5.
- Figueredo Socarras F.* La Revolución de Yara, 1868-1878: Conferencias. La Habana, 1968.
- Gallenga A. C.* The pearl of the Antilles. L. 1873.
- Gómez M.* Diario de la campaña. La Habana, 1969.
- Gutiérrez de la Concha J.* Memorias sobre el estado político, gobierno y administración de la isla de Cuba. Madrid, 1855.
- Gutiérrez de la Concha J.* Memorias sobre la guerra de la isla de Cuba y sobre su estado político y económico desde abril de 1874 hasta el marzo de 1875. Madrid, 1875.
- Humboldt A.* Ensayo político sobre la isla de Cuba. La Habana, 1960.
- Información sobre reformas en Cuba y Puerto Rico. Nueva York, 1867.
- Maceo A.* Documentos para su vida: Publicaciones del Archivo Nacional de Cuba. La Habana, 1945.
- Martí J.* La revolución de 1868. La Habana, 1968.
- Del Monte D.* Escritos. La Habana, 1929. T. 1-2.
- Noticias estadísticas de la isla de Cuba en 1862. La Habana, 1864.
- Pasarón y Lastra B.* La isla de Cuba considerada económicamente. Madrid, 1858.
- Pezuela J. de la.* Necesidades de Cuba. Madrid, 1865.
- Pezuela J. de la.* Diccionario geográfico, esta-

- distico, histórico de la isla de Cuba. Madrid, 1863—1866. Vol. 1—4.
- Saco J. A.* Papeles sobre Cuba. La Habana, 1963. T. 1—3.
- Sagra R. de la.* Cuba, 1860. La Habana, 1963.
- Zambrana A.* La República de Cuba. La Habana, 1969.
- Zaragoza P. J.* Las insurrecciones en Cuba: Apuntes para la historia política de ésta en el presente siglo. Madrid, 1872—1873. T. 1—2.
- Ермолаев В. И.* Героическая эпопея народа: К столетней годовщине первой войны за независимость Кубы (1868—1878). М., 1968.
- Зорина А. М.* Из героического прошлого кубинского народа. М., 1961.
- Зорина А. М.* Рабочее движение на Кубе, 1850—1925: От первых выступлений пролетариата до образования Коммунистической партии. М., 1975.
- Куба: Историко-этнографические очерки / Под ред. А. В. Ефимова, И. Р. Григулевича. М., 1961.
- Ларин Е. А.* Куба конца XVIII—первой трети XIX в. М., 1989.
- Очерки истории Кубы / Отв. ред. Н. М. Лавров. М., 1978.
- Риверенд Х. ле.* Экономическая история Кубы. М., 1967.
- Российско-кубинские и советско-кубинские связи XVIII—XX вв. / Отв. ред. А. Д. Бекаревич. М., 1975.
- Фонер Ф. С.* История Кубы и ее отношений с США, 1492—1895. М., 1963—1964. Т. 1—2.
- Aguirre S.* Eco de caminos. La Habana, 1974.
- Arredondo A.* El negro en Cuba. La Habana, 1939.
- Cepero Bomilla R.* Obras históricas. La Habana, 1963.
- Curso de introducción a la historia de Cuba. La Habana, 1938.
- Franco J. L.* Antonio Maceo: Apuntes para una historia de su vida. La Habana, 1975. T. 1—3.
- Friedlaender H. E.* Historia económica de Cuba. La Habana, 1978. T. 1—2.
- Goizueta Mimó F.* Azúcar amargo cubano monocultivo y dependencia económica. Philadelphia, 1978.
- Guerra y Sánchez R.* Historia de la guerra de los Diez años. La Habana, 1972. T. 1—2.
- Guiteras P. J.* Historia de la isla de Cuba. La Habana, 1927. T. 1—3.
- Historia de Cuba. La Habana, 1968.
- Historia de la nación cubana. La Habana, 1950—1952. T. 1—10.
- Johnson W. F.* The history of Cuba. N. Y., 1920. Vol. 1—5.
- Kiple K. F.* Blacks in colonial Cuba, 1774—1894. Gainesville, 1976.
- Knight F.* Slave society during the nineteenth century. Madison, 1970.
- Marquez Sterling M.* La diplomacia en nuestra historia. La Habana, 1967.
- Morales y Morales V.* Iniciadores y primeros mártires de la Revolución cubana. La Habana, 1963. T. 1—3.
- Moreno Fraguinals M.* El Ingenio: Complejo económico-social cubano del azúcar. La Habana, 1978. T. 1—3.
- Múniz J. R.* Tabaco: Su historia en Cuba. La Habana, 1965. T. 1—2.
- Murray D.* Odiuous commerce Britain, Spain and the abolition of the cuban slave trade. Cambridge, 1980.
- Ortiz F.* Contrapunteo cubano del tabaco y azúcar. La Habana, 1963.
- Ortiz F.* Los negros esclavos. La Habana, 1975.
- Pérez de la Riva F.* El café: Historia de su cultivo y explotación en Cuba. La Habana, 1944.
- Pérez de la Riva F.* Origen y régimen de la propiedad territorial en Cuba. La Habana, 1946.
- Pezueta J. de la.* Historia de la isla de Cuba. Madrid, 1868—1878. T. 1—4.
- Pino Santos O.* Historia de Cuba: Aspectos fundamentales. La Habana, 1964.
- Pirala A.* Historia contemporanea: Anales de la guerra civil. Madrid, 1893—1895. T. 1—6.
- Ponte Domínguez F. L.* Historia de la Guerra de los diez años. La Habana, 1958.
- Portell Vilá H.* Historia de Cuba en sus relaciones con los Estados Unidos y España. La Habana, 1938—1941. T. 1—4.
- Roig de Leuchsenring E.* La guerra libertadora cubana de los treinta años, 1868—1898: Razón de su victoria. La Habana, 1958.
- Saco J. A.* Historia de la esclavitud de la raza africana en el Nuevo Mundo y en especial en los países américo-hispanos. La Habana, 1938. T. 1—4.
- Scott R. J.* Slave emansipation in Cuba: The transition to free labor, 1860—1899. Princeton, 1985.

Глава 14

- Deléage P.* Haiti en 1886. P., 1887.
- Franklin J.* The present state of Hayti (Saint Domingo), with remarks on its agriculture, commerce, laws, religion, finances and population etc. . . . Reprint from 1828. Westport, 1970.
- Haytian papers: A collection of the very interesting proclamations and other official documents, together with some account of the rise, progress and present state of the Kingdom of Hayti. With a pref. by Prince Sanders. Reprint from 1816. Westport, 1969.
- Гонионский С. А.* Гаитянская трагедия. М., 1974.
- Barros J.* Haiti de 1804 à nos jours. P., 1984.
- Bellegarde D.* La Nation Haïtienne. P., 1938.
- Bellepurde-Smith P.* Race, class and ideology: Haitian ideologies for underdevelopment, 1806—1934. N. Y., 1982.
- Cole II. C.* King of Haiti: A biography. N. Y., 1967.

- Krehm W.* Democracias y tiranías en el Caribe. Buenos Aires, 1959.
- Leger J.* Haiti: Her history and her detractors. Westport, 1970. Repr. from 1907.
- Leyburn Graham J.* The Haitian people. New Haven; L., 1966.
- Logan Whittingham R.* Haiti and the Dominican Republic. L., 1968.
- Nicholls D.* Haiti in Caribbean context: Ethnicity, economy, a revolt. N. Y., 1985.
- Pierre-Charles G.* La economía haitiana y su vía de desarrollo. México, 1965.
- Rotberg R.* Clague Ch. Haiti: The politics of squalor. Boston, 1971.
- Saint-Victor J.-B.* Le fondateur devant l'histoire. Port-au-Prince, 1954.
- Archivo General de la Nación. Documentos para la historia de la República Dominicana / Ed. E. Rodríguez Demorizi. Ciudad Trujillo, 1959. T. 1—3.
- Глава 15**
- Correspondencia de Levasseur y de otros agentes de Francia relativa a la proclamación de la República Dominicana, 1843—1844. Ciudad Trujillo, 1944.
- Deive C.* Le esclavitud del negro en Santo Domingo (1492—1844). Santo Domingo, 1980. T. 1—2.
- Franco J. L.* Revoluciones y conflictos internacionales en el Caribe, 1789—1854. La Habana, 1965.
- Hall Midlo G.* Social control in slave plantation societies: A comparison of St. Domingue and Cuba. Baltimore; L., 1971.
- Jimenes Grullón J.* La República Dominicana: una ficción: Analisis de la evolución histórica y de la presencia actual del coloniaje y el colonialismo en Santo Domingo. Merida, 1965.
- Jiménez Grullón J.* Sociología política dominicana, 1844—1966. Santo Domingo, 1974. Vol. 1—2.
- Marino Hernández F.* La inmigración haitiana. Santo Domingo, 1973.
- Métral A.* Histoire de l'expédition des Français à Saint Domingue sous le consulat de Napoléon Bonaparte (1802—1803) suivie des Mémoires et notes d'Isaac Louverture. P., 1985.
- Monclus M.* El caudillismo en la República Dominicana. Santo Domingo, 1962.
- Rodman S.* Quisqueya: A history of the Dominican Republic. Seattle, 1964.
- Rodríguez Demorizi F.* Guerra Dominico-Haitiana. Ciudad Trujillo, 1957.
- Welles S.* Naboth's vineyard: The Dominican Republic (1844—1924). N. Y., 1966. Vol. 1—2.
- acciones. N. 19. Ser. 2. N 1—13. El Congreso de Panamá y algunos otros proyectos de la Unión Hispano-Americano. México, 1926.
- Brasil. Ministério de Relações Exteriores. Relações diplomáticas, 1808—1919. Rio de Janeiro, 1913.
- Colección completa de los tratados, convenciones, capitulaciones, armisticios y otros actos diplomáticos de todos los Estados de la América Latina / Ed. C. Calvo. P., 1862—1866. T. 1—10.
- Diplomatic correspondence of the United States: Inter-American affairs, 1831—1860. Wash. (D. C.), 1935—1939. Vol. 1—12.
- Diplomatic correspondence of the United States concerning the independence of the Latin-American nations / Ed. W. R. Manning. N. Y., 1925. Vol. 1—3.
- Diplomatic correspondence of the United States: Inter-American affairs, 1831—1860 / Ed. W. R. Manning. Wash. (D. C.), 1932—1939. Vol. 1—12.
- Documentos de cancellerías europeas sobre la independencia venezolana: Estudio preliminar por Caracciolo. Caracas, 1962. T. 1—2.
- La Intervención francesa en México según el archivo del Mariscal Bazaine, México, 1973.
- Palleja L. de.* Diario de la campaña de las fuerzas aliadas contra el Paraguay. Montevideo, 1960. T. 1—2.
- Un siglo de relaciones internacionales de México. México, 1935.
- Антясов Н. В.* Панамериканизм: Идеология и политика. М., 1981.
- Болховитинов Н. Н.* Доктрина Монро. М., 1959.
- Гвоздарев Б. И.* Эволюция и кризис межамериканской системы. М., 1966.
- Комиссаров Б. Н.* Петербург — Рио-де-Жанейро: Становление отношений, 1808—1828 гг. Л., 1987.
- Медина Кастро М.* Соединенные Штаты и Латинская Америка, XIX в. М., 1974.
- Хиль М.* Наши добрые соседи / Пер. с исп. М. Н. Деева, Г. К. Сергеева. М., 1959.
- Чистякова Е. В.* Контакты России с народами Латинской Америки до XIX в. М., 1980.
- Aguilar Monteverde A.* El panamericanismo: De la doctrina Monroe a la doctrina Johnson. México, 1965.
- Alberdi Bautista J.* Historia de la guerra del Paraguay. Buenos Aires, 1962.
- Alvarez A.* La Diplomacia de Chile durante la emancipación y la Sociedad internacional Americana. Madrid, 1910.
- Alvarez A.* The Monroe doctrine. N. Y., 1924.
- Area L., Nieschutz de Stockhausen E.* El golfo de Venezuela: Documentación y cronología. Caracas, 1984.
- Arona J. de.* Paginas diplomaticas del Perú. Lima, 1969.
- Barros M.* Historia diplomática de Chile (1541—1938). Barcelona, 1970.
- Bemis S.* The Latin American policy of the

- United States: An historical interpretation. N. Y., 1943.
- Bosch García C.* Historia de las relaciones entre México y los Estados Unidos, 1819—1848. México, 1961.
- Burr R.* By reason or force: Chile and the balancing of power in South America, 1830—1905. Berkeley; Los Angeles, 1965.
- Cardoso E.* El imperio del Brasil y el Rio de la Plata: Antecedentes y estallido de la guerra del Paraguay. Buenos Aires, 1961.
- Carreño A.* La diplomacia extraordinaria entre México y Estados Unidos, 1789—1947. México, 1961. Vol. 1—2.
- Castillo A del.* Antecedentes del panamericanismo. Bogotá, 1956.
- Dane H.* Die wirtschaftlichen Beziehungen: Deutschlands zu Mexiko und Mittelamerik im 19. Köln; Wien, 1971.
- Escobari Cusicanqui J.* Historia diplomática de Bolivia: (Política internacional). Lima, 1982. T. 1—2.
- Fernández J.* La República de Chile y el Imperio del Brasil: Historia de sus relaciones diplomáticas. Santiago de Chile, 1959.
- Gallardo C.* Ríos. Chile y Bolivia definen sus fronteras, 1842—1904. Santiago, 1963.
- Giménez Silva F.* La independencia de Venezuela ante las cancillerías europeas. Caracas, 1961.
- Gómez Ciriza R.* México ante la diplomacia vaticana: El periodo triangular, 1821—1836. México, 1977.
- Graham R.* Britain and the onset of modernization in Brazil, 1850—1914. Cambridge, 1968.
- Guerra S., Prieto A.* Estados Unidos contra América Latina: dos siglos de agresiones. La Habana, 1978.
- Guido A.* América Latina y la no intervención. Barranquilla, 1982.
- Herrera F.* Bases económicas y políticas para un mercado común latinoamericano. Wash. (D. C.), 1976.
- La independencia de la América Española y la diplomacia alemana. Buenos Aires, 1968.
- Inman S.* Problems in Pan Americanism. N. Y., 1925.
- Kossok M.* Historia de la Santa Alianza y la emancipación de América Latina. México, 1983.
- Latane J.* From isolation to leadership. N. Y., 1920.
- Lockey J. B.* Pan-Americanism: its beginnings. N. Y., 1920.
- Logan Whittingham R.* The diplomatic relations of the United States with Haiti, 1776—1891. N. Y., 1969.
- Manchester A.* British pre-eminence in Brazil: Its rise and decline: A study in European expansion. N. Y., 1964.
- Marett R.* Latin America: British trade and investment. L., 1973.
- Mendoza C.* Las primeras misiones diplomáticas de Venezuela. Caracas, 1962. T. 1—2.
- Merk F.* La doctrina Monroe y el expansionismo norteamericano, 1843—1849. Buenos Aires, 1968.
- Montague Lee L.* Haiti and the United States, 1714—1938. N. Y., 1966.
- Nerval G.* Autopsy of the Monroe doctrine: The strange story of inter-American relations. N. Y., 1934.
- Ortega Díaz P.* El Congreso de Panamá y la Unidad latinoamericana. Caracas, 1976.
- Pacheco Quintero J.* El Congreso Anfictiónico de Panamá y la política internacional de los Estados Unidos. Bogotá, 1971.
- Penot G.* Les relations entre la France et le Mexique de 1808. à 1840. Lille, 1976. T. 1—2.
- Platt St. Martin D.* Latin America and British trade, 1806—1914. L., 1972.
- Pomer L. J.* La guerra del Paraguay: Gran Negocio! Buenos Aires, 1968.
- Quesada E.* Historia diplomática nacional: Política argentina-paraguaya. Buenos Aires, 1902.
- Rippy J. F.* The United States and Mexico. N. Y., 1926.
- Robertson W. S.* Hispanic-American relations with the United States. N. Y., 1969.
- Roig de Leuchsenring E.* Bolívar, el Congreso interamericano de Panamá y la independencia de Cuba y Puerto Rico. La Habana, 1956.
- Roig de Leuchsenring E.* Cuba y los Estados Unidos, 1805—1898. La Habana, 1949.
- Salmeron C.* Las grandes traiciones de Juárez: A través de sus tratados con Inglaterra, Francia, España y Estados Unidos. México, 1966.
- Schmitt P.* Paraguay und Europa: Die diplomatischen Beziehungen unter Carlos Antonio López und Francisco Solano López, 1841—1870. B., 1963.
- Schneider J.* Handel und Unternehmer infranzösischen Brasiliengeschäft, 1815—1848. Köln; Wein, 1975.
- Selser G.* Diplomática garrote y dolares en América Latina. Buenos Aires, 1962.
- Sherman W. R.* The diplomatic and commercial relations of the United States and Chile, 1820—1914. Boston, 1926.
- Sherman W. R.* The diplomatic and commercial relations of the United States and Chile, 1820—1914. N. Y., 1973.
- Silva Otero A.* La diplomacia hispano-americana de la Gran Colombia. Caracas, 1967.
- Smith J.* Illusions of conflict: Anglo-American diplomacy toward Latin America, 1865—1896. Pittsburgh, 1979.
- Squella C. M.* Relaciones diplomáticas entre Chile y los Estados Unidos de América, 1829—1841. Santiago, 1965.
- Uribe Vargas D.* Colombia y la diplomacia secreta. Bogotá, 1973.
- Van Aken M.* Pan-Hispanism: Its origin and development to 1866. Berkeley; Los Angeles, 1959.

- Vázquez Carrizosa A.* Las relaciones de Colombia y Venezuela: La historia atormentada de dos naciones. Bogotá, 1983.
- Villacres Moscoso J.* Historia diplomática de la República del Ecuador. Guayaquil, 1972. T. 1—3.
- Villanueva C.* Historia diplomática de la primera República de Venezuela. Caracas, 1967.
- Wagner de Reyna A.* Las relaciones diplomáticas entre el Perú y Chile durante el conflicto con España (1864—1867). Lima, 1963.
- Whitaker A. P.* Estados Unidos y la independencia de América Latina. Eudeba; Buenos Aires, 1964.
- Williams M. W.* Anglo-American isthmian diplomacy, 1815—1915. Gloucester, 1965.
- Yepes J. M.* Del Congreso de Panamá a la Conferencia de Caracas, 1826—1954. Caracas, 1955.
- Zorrilla L.* Historia de las relaciones entre México y los Estados Unidos de América, 1800—1958. México, 1977. T. 1—2.
- Zumeta C.* Las potencias y la intervención en Hispanoamérica. Caracas, 1963.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаскаль Ф. 170
 Авила П. де 64
 Авла Х. 62
 Агилар Монтеверде 462, 465
 Агилсра Ф. В. 436
 Агиляр М. 139, 392
 Агирре Лопе де 73
 Аграмонте-и-Лойнас Г. И. 433
 Агустин I см. Итурбиде А. де
 Адамс С. 188
 Адрисола Росас А. 118
 Айсинена М. 395, 397
 Акао Ж.Ж. 442
 Акино А. 400
 Аламан Л. 150, 184, 218, 220, 467
 Алварис Д. 106
 Алвис К. 246
 Александр I 189, 201, 207, 208—210
 Александр VI 70
 Алемпарте Х. 305
 Альберди Х. Б. 260, 262, 467
 Альварардо А. 62
 Альварес Х. 62, 228, 234
 Альвеар Х. М. 284
 Альдама 423
 Альмагро 64—66, 113, 117
 Альмонте Х. Непомусено 231
 Альперович М. С. 83, 87, 93, 95, 122, 247, 269, 459
 Альсате Х. А. 139
 Альфонсо Л. 423
 Альфингер А. 67
 Андагойя П. де 64
 Андрада А. де 198, 199, 241
 Андрада-и-Силва Ж. Б. де 198, 199
 Анри I Кристоф 154
 Ансурес П. 68
 Антекера Х. де 122
 Антонов Ю. А. 241
 Апаса Х. 131
 Арамайо Ф. 388
 Араос Б. 249
 Арбеласе В. 340
 Арбина Х. М. 350
 Ардила Р. 338
 Арече 131
 Арисменди Р. 292, 293
 Аркос С. 304
 Апарисио Т. 294
 Арсе М. Х. 394—396, 399
 Аргигас А. 284
 Аргигас Х. Х. 164, 165, 167, 177, 181, 191, 281—
 284, 286, 287, 290, 466
 Атауальпа 64, 65, 117
 Атауэй Г. 114
 Аффонсу М. 106
 Ачу Х. М. 387
- Баклс** 258
 Балта Х. 365—367
 Бальбоа В. Н. де 64
 Бальвивьян А. 390
 Бальвивьян Х. де 378, 380
 Бальмаседа Х. М. 431
 Баранов А. А. 203, 205
 Барбасена де 195
 Барриос Х. 409—411, 417
- Барро 341
 Баррозу 247
 Баррос Л. 300
 Баррундия Х. 397, 407
 Бартель В. 360
 Бартолаче Х. И. 139
 Басора С. 451
 Батлье Л. 294
 Бачуз 53
 Башилов В. А. 16, 19, 22
 Баэс Б. 452, 454, 455.
 Беклен П. 24
 Белалькасар С. де 67
 Бельграно М. 137, 139, 162—163, 178
 Бельо А. 139
 Бельсу М. И. 384—387
 Беншет У. К. 21
 Бербео Х. Ф. 133—134
 Берд Д. 16
 Березкин Ю. Е. 21
 Беринья Р. 338
 Берне А. 139
 Берро Б. 293—294
 Бестужев А. А. 210
 Биассу Ж. 143, 144, 146, 147
 Бидлок Б. 343
 Бильбао Ф. 304, 385
 Блап Луи 474
 Бланшланд 143
 Бобадилья Т. 451—453
 Бове Л.-Ж. 143
 Бовсс 161
 Богданович П. И. 203
 Бода К. Ф. 24
 Боливар С. 9, 12, 137, 139, 157—160, 162,
 175—177, 182, 183, 186—188, 191, 213, 270,
 309—312, 315, 326—328, 331, 333, 338, 357,
 371, 373—374, 376, 379, 398, 458—462, 464—
 467, 472
 Болховитинов Н. И. 189, 190, 201, 213, 462
 Бонапарт Жозеф 140, 155, 241
 Бонилья П. 456
 Боркес Скеуч А. 118
 Борланд С. 412
 Бочика 53
 Бош Г. К. 468
 Браво Н. 184
 Брито Ф. Ф. 310—314, 316, 317, 319—322, 327
 Буайе 150
 Буайе-Базеле Ж. П. 440, 441, 445, 447, 448, 450,
 451
 Букман А. 143
 Бульнес 304
 Вустаманте А. 220
 Вустаманте Х. 365
 Бустос Х. Б. 250, 252
- Вайсенхофер Г. 67
 Вака Кабеса А. де 68
 Вальверде С. 455, 456
 Вальдес А. де 82
 Вальдивия П. де 67, 113, 118
 Валье Х. С. 131, 358
 Валькарсель Г. 38, 41
 Валькарсель Д. 132, 134
 Валькарсель Л. Э. 21, 22

- Вандербильт К. 411, 412, 416
 Варас А. 305
 Варгас Ж. 11, 12
 Варгас Ф. П. де 139
 Васконселлусо Кортинья С. Ж. 196
 Вайян Дж. 45, 48, 49, 62
 Вега Х. М. 338
 Вела Нуньес де 87
 Веласкес Д. 59, 114
 Веласко Л. 78
 Веласко Х. 379
 Веллингтон А. У. 212
 Веселаго Ф. 230, 301
 Вернек Содре Н. 246
 Веспуччи А. 59, 71
 Виванко М. 359, 364
 Вивес Х. Ј. 82
 Видаурре Л. Х. 296
 Вийера С. 243
 Викториа Гуаделупе 184, 220
 Викунья Маккенна Б. 304, 305
 Вильяррозль Г. де 68
 Вильяррозль П. 124
 Вискардо-и-Гусман 136
 Витвер И. 359
 Виторно Ф. де 882
 Вишневский Ф. 213
 Вольтер (Ф. М. Аруэ) 138

 Гадсден Дж. 228
 Газно У. 455
 Гаи К. 298, 299
 Гайнса Г. 185, 392, 393
 Галан Х. 133—135
 Галсана Э. 172
 Галленкамп Ч. 28
 Гальбо 145, 146
 Гальвес П. 362—363
 Гама Васко де 71
 Гамарра А. 296, 356—359, 377, 379, 380
 Гарибальди Дж. 242, 243, 289
 Гарсия Висенте 437, 438
 Гарсия Каликсто 435, 437
 Гарсия Мануэль Х. 283, 361
 Гарсия Хоакин 146
 Гедувиль 148
 Георг III 154
 Герреро В. 9, 172, 184, 220
 Герреро Х. 139
 Герцен А. И. 204
 Герье Ф. 442
 Гойенече Х. 140
 Гоменсоро Г. 294
 Гомес М. 435, 437, 438
 Гомес Фарнас В. 220, 221
 Гомес Х. К. 293
 Гонзага Т. А. 196
 Гоннионский С. А. 326, 330, 338, 344, 443
 Гонсалвис Бенту 242, 243, 288
 Гонсалес Ф. 331, 337
 Гонсалес Х. 121, 318, 320
 Грамюсс А. 139
 Григулевич И. Р. 60, 171
 Грихальва Х. де 61
 Гуама 114
 Гуаль Х. 139
 Гуардиол Сантос 410
 Гулиев В. И. 24, 29, 34
 Гумбольдт А. 92, 95
 Гурьев Л. А. 202
 Гусман А. ди 111, 316—320
 Гутьерес Г. 367

 Далеисс Х. М. 382
 Даса И. 390

 Дашков А. Я. 202
 Дегольядо С. 229
 Декарт Р. 138
 Дельгадо М. 185, 391, 393
 Дельмонте М. 452
 Теодору-де-Фонсека 247
 Дессалин Ж. 147, 151—163
 Джефферс У. 403
 Джефферсон Т. 196, 465
 Джиллис М. 300
 Джордан Т. 433, 435
 Диас П. 234
 Диас С. 289, 293
 Диас Э. 110
 Диаш Б. 70
 Доменг М. 445—447
 Доррего М. 270
 Дрейк Ф. 73
 Дрейфус 366, 367
 Дуарте Х. П. 191, 451, 452
 Дульсе Д. 428
 Дэвис Ч. 417

 Жан-Франсуа 143, 146, 147
 Жефрар Фабр 443—445
 Жоан IV 197, 198, 238
 Жоао 165
 Жозе I 162
 Жоржи Д. 109

 Завадский С. 332
 Завалишин Д. 293
 Зорина А. М. 295, 297, 426
 Зурицкий Ю. А. 38, 118, 128
 Зумби (Зомби) 109

 Ибарра Ф. 250
 Иванов Г. И. 87, 88
 Иву П. 244
 Иглесиас Ф. М. 410
 Идальго Мигель 171, 184—185, 191
 Изабелла Кастильская 56, 60
 Ильина Н. Г. 134, 159
 Инка Атаульпа 124
 Инка Виракоча 40
 Инка Гарсиласо де ла Вега 54, 65
 Инка Манко 117
 Инка Пачакутк 39—41
 Инка Уркон 41
 Ионни А. С. 255, 265, 300, 355, 365
 Ирала Л. М. 68
 Итурбиде А. де 173, 184, 186, 393
 Итурригарай 156
 Иукоатль 48

 Йегрос Ф. 164, 166, 266

 Кабальеро-и-Горгона 134
 Кабелли 73
 Кабот С. 68
 Кабрал П. А. 71
 Кабрал Х. М. 457
 Кавада Ф. 433
 Кальдас Ф. Х. де 139
 Кальционцин 115
 Камаара Коррео де 270—271
 Кампос Мартинес 438
 Каналь Буарон 446—448
 Каннинг Дж. 190, 213
 Каподистрия И. 205
 Карл III 102, 129, 140, 155
 Карл IV 391
 Карл V 68, 77, 82, 118
 Карл X 197
 Карлотта 197

- Каррера Р. 401—409, 411
 Каррера Х. М. 169, 170, 304
 Картье Ж. 73
 Каса Леон де 315
 Касауе-и-Торрес Р. 397, 406
 Кастельи Х. Х. 137, 162
 Кастельон Ф. 413
 Кастильо Л. 115
 Кастилья Р. 359—364, 380
 Кастро Ф. 12
 Кастро Х. 321
 КаSTRU Каэтану ди Меллу 109
 Кауполикан 67
 Кашилас 247
 Ксада Г. Х. де 66, 67
 Ксада М. де 432, 435, 436
 Кестльри (Каслри) Р. Р. 208, 209
 Ксцалькоатль 50
 Килауэке 302
 Кинней У. 413
 Кинтеро Р. 468
 Кинжалов Р. В. 45
 Кироба Ф. 252
 Клей Г. 469, 465
 Кнорозов Ю. В. 24, 25, 28
 Коэ М. Д. 24
 Коваль Б. И. 247
 Қозлов Н. А. 202
 Колясос 338
 Колумб Д. 59
 Колумб Х. 15, 57—60, 70, 71, 84, 114, 116
 Комиссаров Б. Н. 101
 Комоцфорт И. 228, 229, 234
 Кондорканки Х. Г. см. Тупак Амару
 Констан Б. 248
 Копельо Х. 338
 Кордова В. де 124
 Кордова Ф. 61
 Кордова Х. 386
 Корнехо Х. М. 399
 Корона Р. 234
 Корраль П. 414
 Кортес Э. 61—63, 66, 113, 115
 Коссок М. 192
 Коста К. М. 196
 Коуль Байрон 413
 Коутиныо Азереду 198
 Коцебу О. Е. 205
 Кристоф А. 151, 164
 Крузенштерн И. Ф. 205
 Крус И. де 304
 Крылов И. А. 204
 Куаутемок 62
 Кукулькан 32
 Куньи Антониу Алварис да 112
 Куси Юпанка см. Инка Пачакутек
 Кусков И. А. 205
 Куэрво Р. 330
 Кэмпбэлл П. 461
 Кюхельбекер В. К. 210, 213

 Лавалье 288
 Лавальеха Х. А. 284, 286, 287, 290, 291
 Лаврецкий И. Р. 157, 214, 229
 Лавров П. М. 295
 Лаво Э. 146—148
 Лазарев М. 205
 Ла Мар 182, 356, 357
 Лангсдорф Г. И. 199, 238
 Ланда Д. де 28, 44, 123
 Ландер Г. 316, 317
 Ланкастер Дж. 110
 Лауса Х. М. 370
 Лас-Вильяс 433, 434
 Ла-Серна 181, 187

 Лас Касас Б. де 60, 61, 82
 Ластра де 170
 Ларасабаль Ф. 316
 Лафарг П. 81
 Ла Фуэнте Г. де 357
 Леао Карнейру 198
 Левассер Л. 454
 Левенс Г. 254, 255, 258
 Левин Б. 130, 131
 Лежитиль Ф. 443
 Лейбниц Г. В. 138
 Леклерк 150, 161
 Ле Мойн 341
 Ленин В. И. 133, 135, 137, 282, 309
 Леон М. 338
 Леон-Портилья М. 30, 49
 Леон Х. С. де 437
 Леон Х. Ф. де 122
 Лердо де Техада М. 228, 229, 234
 Лери Ж. де 107
 Ливен Х. А. 208
 Ливингстон Э. 399
 Линарес Х. М. 384, 386
 Линкольн А. 227, 235
 Линч Дж. 104, 176, 249, 256, 299
 Лишь С. де 156, 164
 Листов В. В. 308
 Лисянский Ю. Ф. 204, 205
 Лопес К. А. 275, 277, 278, 281
 Лопес П. 423, 424
 Лопес С. 246
 Лопес Х. 330, 333—338
 Лопес Ф. С. 276—281
 Лопес Э. 249, 250
 Лоренсо М. 421
 Лойаса Г. де 77
 Луи Филипп 407
 Лукин Б. 214
 Лунерон Г. 457
 Лус-и-Кабальеро Х. де 420
 Лутковский Ф. 213
 Луна Писарро Ф. Х. де 354, 356—358
 Людовик XVIII 440

 Магеллан Ф. 68
 Магидович И. П. 58, 64
 Магомед 386
 Мадан К. 423
 Майя Ж. Ж. 196
 Махайо 146
 Макандаль 142
 Макау 288
 Максимилиан I Габсбург 231—236
 Мальярино М. М. 339, 344
 Мама Оклюю 35
 Манко Капак 35, 39
 Мантилья Х. М. 338
 Мариатеги Х. К. 38, 73—74, 84, 88, 91, 114, 124, 139, 354, 359, 360, 363, 369
 Мария I Безумная 113
 Мария Кристина 420
 Маркграф Г. 110
 Маркес Х. И. де 328, 330
 Маркс К. 16, 39, 55, 56, 59, 60, 69, 74, 76, 83, 85, 132, 155, 160, 187, 223, 230, 381, 413, 468, 474
 Марти Х. 467
 Мартинес Х. А. 408
 Масео А. 435, 438, 439
 Матаморос М. 172
 Матта П. Л. 305
 Мауа 245, 292
 Мейггс Г. 366, 369
 Мелвилл Г. 227
 Мело Х. М. 333, 336, 338, 385

- Мельгарехо М. 384, 387—389
 Мелья Р. 451, 452, 457
 Меньдоса П. 68
 Меркадо Р. 338
 Миллер И. 213
 Милльяс О. 295
 Мина Ф. X. 184
 Минута И. 213
 Мирандон М. 230
 Миранда Фр. де 136, 137, 139, 157—159, 170, 196, 458
 Мирошевский В. М. 125, 201
 Мирбек Ф. 144, 145
 Митре Б. 247, 263—265, 279
 Мойзу 148
 Молина И. 133
 Молина П. 185, 407
 Момпо Ф. де 122
 Монагаса Г. 320
 Монагас Х. Т. 312, 318, 320, 321
 Монбарно Р. М. де 73
 Монкайо П. 350
 Монро Дж. 189, 213, 461—463
 Монт М. 304—305
 Монтеагудо Б. 458
 Монтеверде 158, 159
 Монте-и-Апонте Д. 420, 422—423
 Монтескье Ш.-Л. 138
 Монтесума 48
 Монтехо Ф. 62
 Монтойя Ф. 334
 Мора Х. М. Л. 221, 317
 Мора Х. Р. 415, 416
 Моралес А. 389
 Морасан Фр. 396, 405, 409
 Морено Г. Г. 350—354
 Морено М. 9, 139, 162, 163, 458
 Морильо П. 162, 176
 Морелос Х. М. 172—174, 184, 185, 191, 465
 Морли С. Г. 25
 Москера Х. 459
 Москера-и-Арболеде Т. С. де 331, 332, 338—340, 342
 Москосо 132
 Муњос П. 305
 Мурильо П. Д. 140
- Надра Ф.** 253
 Наполеон I Бонапарт 140, 150—152, 184, 197, 202, 206, 284
 Наполеон III 231, 232, 236, 252, 467
 Нариньо А. 139, 160
 Пассау М. 110
 Немские 53
 Несуалькойотл 50
 Нессельроде К. В. 202
 Нету А. 242
 Нечкина М. В. 201
 Николай I 213
 Ниньо 58
 Ниссаж-Саже 445, 446
 Новиков Н. И. 203
 Нор-Алексис 446
 Нуаѳе 110
 Нуньес де Касерос Х. де 449, 450
 Нушьес Р. 340
 Нуфио Х. Д. 408
 Нъаймлап (Такайнамо) 42
 Ньютон И. 138
- Обандо Х. М.** 328, 336, 337
 Овальс Х. Т. 295
 О'Доннель Л. 422
 Оже В. 143
 Ожрон Б. де 141
- Окаμπο М. 229
 Олавегоя Д. 368
 Олашьета П. 187, 370
 Олид К. де 62
 Ольмедо Х. 350, 351
 Онис 188
 Оспина М. 330, 337
 Орбегосо Л. Х. 358, 374
 Орельяна Ф. 68
 Орибе М. 288, 289, 291, 293
 Ордас Д. де 73
 Остин С. 222
 Оторгес 284
 Оуэн Р. 474
 Охеда А. де 59, 71, 73
 О'Хиггинс Б. де 170, 178, 191, 295, 378, 458, 466, 472
- Павел V** 118
 Паласиос А. 261
 Паласио В. Р. 234
 Пален Ф. А. 201
 Пальма Эстрада Т. 438
 Пальмерстон Г. Дж. Тэмпл 231, 341
 Панес 267
 Пардо-и-Лавалье М. 363, 366—367, 369, 390
 Паредес-и-Аррильяга 224
 Пас С. 288, 366
 Пасо Л. 251, 257
 Патиньо П. 269
 Паэс Х. А. 175, 176, 309, 310, 312—315, 317, 318, 320
 Педру I 198, 199, 238, 240, 270, 271, 284, 471
 Педру II 241, 248
 Пенья А. де ла 459, 463
 Пеньялос 264
 Пеппиг Э. Х. 298, 300, 301
 Перейра Г. 268
 Перон Х. Д. 11
 Песета Х. А. 366
 Петтион А. С. 149, 150, 154, 155, 175, 440, 445
 Петриони Л. 368
 Петропавловский Р. В. 74
 Пинилья Р. 11
 Пинсон В. 59, 71, 73
 Пинтос Ф. 289, 292
 Пишьерос Х. Г. де 333
 Пирс 415
 Писарро Г. 87, 113
 Писарро Л. 354, 356—358
 Писарро Ф. 64, 67, 113, 117
 Писко А. 133, 134
 Познанский А. С. 21
 Польверель 145, 146
 Помбал С. 112, 113, 193
 Понсе А. 332
 Понсе де Лсон 59
 Порталес Д. 9, 295, 297, 379
 Портилья П. де ла 139
 Посада Х. П. 333, 338
 Поццо ди Борго К. О. 208
 Прадо М. И. 365, 399
 Прието Г. 229
 Пугачев Е. 133
 Пумакауа М. Г. 168
 Пуњбол 410
 Пуэйредон 178, 283, 284
 Пьеро Л. 146
 Пьерола М. 369
 Пьерро Ж.-Л. 442
 Пэрриш У. 259
- Раевский В. Ф.** 210
 Раймонди А. 365
 Рамалью Ж. 106

- Рамирес Искоча 295, 303
 Рамирес Ф. 181, 249, 250, 284
 Рамо Ф. Х. 446, 447
 Ранхель Ф. Х. 317, 319, 320
 Рассел 341
 Рауль М. 395, 399
 Раха В. 122
 Рейнель П. Г. 92
 Рендон Э. 316
 Рестрепо Х. М. 328, 332, 335
 Рибейру 242
 Ривадавия Б. 19, 190, 250, 254, 256
 Риварола С. А. 280
 Ривас П. 414, 416
 Рива-Агуэро 183
 Ривера Ф. 284, 287, 288—291
 Риго А. 143, 147, 149
 Риго Р. 212
 Риккетс 360
 Рише Ж.-Б. 442
 Роблес Ф. 350, 351
 Родригес К. 338
 Родригес М. 250, 339
 Родригес С. 139, 157, 373
 Родригес Т. М. 160
 Родригес Х. 287, 325, 326
 Рокафурте В. 350
 Рокс Алонсо М. 275
 Роль-Скибицкий М. 213
 Ромеро М. 234
 Романов В. 213
 Рондо Х. 286, 290
 Росас Х. М. де 168—170, 243, 246, 252—264, 276, 288, 289, 291, 358, 379
 Рохас А. 139
 Рохас П. Х. 318
 Роша Ж. Ж. де 198
 Рошамбо 151, 152
 Роша-Помбу Ж. Ф. де 106, 110, 195, 196, 241
 Рум Ф. 144, 148, 149
 Румянцев Н. П. 202
 Руссо Ж.-Ж. 138, 274, 316
 Рэли У. 73

 Сааведра 162, 163, 301
 Сако-и-Лопес Х. А. 420, 421, 423
 Салаверри Ф. С. 358, 377
 Саломан Л. Ф. 448, 449
 Сальнав С. 444—446
 Самора Э. 319, 320
 Сампер М. 331, 332
 Сандоваль Г. 62
 Сан-Мартин Х. де 12, 137, 166, 178, 179, 181, 182, 191, 261, 354, 370, 458, 465, 472
 Сан-Мартин Х. 400
 Санта-Анна А. Л. 220—222, 225, 225, 228
 Санта-Крус-и-Эспехо А. де 296, 358, 374—379, 383, 386
 Сантамария М. 459
 Сантана П. 452—457
 Сантаидер 9, 175, 177, 327—329, 341, 463
 Сантаонакс Л.-Ф. 145, 146, 148
 Сантос Осса Х. 388
 Сантос Хуан см. Инка Атаульня
 Санхилес П. 22
 Санчес Фр. 451, 452, 457
 Самаркина И. К. 83, 86
 Сапа Инка (Уаскар) 64
 Сарда Х. 328
 Сармьенто Д. Ф. 257, 260
 Севилья Х. 362
 Селиванов В. Н. 81
 Сен-Леже Э. 144, 145
 Сеп-Симон А. 332
 Семо Э. 101
 Серрано Х. 428

 Сеспедес К. М. де 430, 431, 434—438
 Силва Шавьер Ж. Ж. де см. Тирадентис
 Сиснерос Бетанкур Г. 423, 437, 438
 Скотт Дж. 225, 226
 Слайделл Дж. 223, 224
 Слэскин Л. Ю. 72, 147, 201, 209, 212, 213, 459, 462
 Созина С. А. 52, 53, 67
 Солис Х. Д. 59
 Соуза Маркондес де 71
 Спартак 148
 Сперанский М. М. 202
 Споторио Х. Б. 438
 Стрелко А. 213
 Строганов А. И. 105
 Суарес 289
 Субиата Х. 364
 Сублетте К. 317, 319, 320
 Сукре А. Х. 169, 177, 183, 187, 188, 357, 370, 371, 373, 374, 383, 386, 466
 Сулук Ф. 442, 443

 Тавара С. 356, 358
 Такон М. 421
 Татипев Д. П. 205, 206, 208
 Тейлор Э. 223—225
 Телсмак Сеид 449
 Теран М. де 315
 Тескатиноки 50
 Тирадентис 195, 196, 199
 Товар 315, 317
 Толедо Ф. де 78
 Толентино А. 455
 Томас А. Б. 5, 329
 Топильцин (Кещалькоатль) 30
 Торо М. де 315, 337
 Торо Г. Л. 227
 Торо Саморано 169
 Торре Тагле де 189
 Торрес Камилло 160
 Тоурон Лусна Сала де 283, 289
 Тринидад Кабаньяс 409
 Тупак Амару 117, 127—129, 131—133, 135, 136
 Тупак Юпанки 41
 Тургенев Н. И. 206, 210
 Туссен-Лувертюр Ф. 143, 144, 146—152, 471

 Уайт Дж. 411
 Убальде 139
 Уилер Дж. 414, 415
 Унковский С. Л. 205
 Уокер У. 413—418
 Уоллс Ф. 321
 Урста М. Т. 363
 Уркиса Х. Х. 261—263, 289, 293
 Урриола 304
 Уртадо де Мендоса Г. 78

 Фако Р. 246, 248
 Фалькон Х. К. 322
 Федерман Н. 67
 Фейжо Д. 240, 241
 Фельде А. П. 286
 Фео Муудо 361
 Фердинанд Арагонский 56, 60
 Фердинанд VII 140, 155—158, 162, 167, 170, 174, 176, 189, 197, 205, 208—210, 212, 391, 420
 Фернандес де Энсисо М. 81
 Ферис Г. 257
 Ферре 249
 Феррер Ф. 11
 Фигередо П. 431
 Фигероа А. 129
 Филипп II 88, 89, 92
 Филипп III 119, 176

- Филосола В. 393
 Флеминг Э. К. 310
 Флорес В. 293, 294
 Флорес Х. Х. 349, 350
 Фостен I см. Сулук Ф.
 Фостер У. З. 14, 137
 Франсиа Х. Г. де 163, 164, 166, 191, 266—281
 Фрейре Р. 358
 Фрейре С. 296
 Фриас Т. 390
 Фуггер А. 67
 Фуллер М. 227
 Фурье Ш. 332, 474
- Хайд Ч. Ч. 461
 Хасинто 123
 Хатчинсон 284
 Херес М. 410
 Хименес П. 11
 Хименес де Сепульведа Х. 81
 Хименес Грульон Х. И. 453, 454, 463
 Хиро Х. Ф. 293
 Хоэрмут Г. 67
 Хуарес Б. 228—232, 234—236
- Чавес Х. М. 234
 Чатфилд Ф. 403
 Чибчакум 53
 Чистозвонов А. Н. 55, 76, 98
 Чирило Х. 121
- Шаванн Ж. Б.** 143
 Шавлохова Т. Н. 324
 Шаревская Б. И. 38
 Шну Тутуль 63
 Штрахов А. И. 119, 249
 Шульговский А. Ф. 331—333, 337, 385
- Элберс 342
 Элиас Д. 362, 363
 Элио 164, 165
 Эло 145
 Эль-Кано 68
 Эмерсон Р. У. 227
 Энганья Х. 458
 Энгельс Ф. 15, 16, 39, 55, 56, 74, 76, 59, 60, 69,
 74, 76, 83, 85, 133, 381, 413, 468, 474
 Энрикильо 114
 Эрар Ш. 441, 442, 451
 Эрран Льянтре 329, 330, 342
 Эррасурис И. 305
 Эррасурис Саньярту Ф. 297, 306
 Эррера А. де 73
 Эррера Б. 364
 Эррера Д. 396
 Эррера Т. 336, 337
 Эррера Ф. 464
 Эрреро 223, 224
 Эскивель Х. де 59
 Экобар Л. 361
 Эскобедо М. 234
 Эспанья Х. М. 139
 Эспарбес де 145
 Эспиноса Т. А. 346
 Эстрада Х. М. 414
 Эу Г. 247
 Эчеверрия Э. 260
 Эчсника Х. 362
- Abad de Santilla D. 263, 264
 Abecia Baldiviezco V. 377, 378
 Acevedo E. 283, 289, 291, 292
 Alcssio Robles V. 221
 Almeida Wright A. F. P. de 200
 Alvarado I. 320
 Angles Vargas V. 35
- Arango Cano J. 53
 Ardouin B. 142, 145
 Arredondo A. 422
 Arze Cuadros E. 380
- Báez S. 266
 Barreto V. A. 198, 238
 Barros J. 422
 Baudez C. F. 24
 Bellegarde D. 142, 154
 Bequelin P. 24
 Benítez J. P. 272
 Best F. 261
 Blanco Acevedo P. 165
 Bonifaz M. 374
 Brown J. C. 257, 259
 Bruschera O. 283
 Buse H. 17
 Bushel G. 21
- Calimberti Miranda C. A. 18
 Carbo L. A. 348
 Cardozo E. 277
 Casals E. 457
 Castelo M. 88, 91
 Castillo Ledón L. 171
 Castro Arenas 124
 Castro Rebeldo E. de 245
 Cay 298, 299
 Césaire A. 148
 Clissold S. 170
 Collazo E. 438
 Collier S. 170
 Colombres N. F. 260
 Crespo A. 376
- Chavez Orozco L. 218
 Chaves J. C. 267, 269, 270
 Chapman W. 65
 Chectham N. A. 32
- Dalence J. M. 380, 382, 383
 Del Monte D. 420—422
 Dias de Castillo B. 62
 Diffie B. W. 70, 71
 Dolores Gamez J. 410, 417
- Ennes F. 109
 Eyzaguirre J. 170
- Fellmann Velarde J. 22, 36
 Ferns H. S. 251, 257
 Ferrer A. 264
 Fifer J. V. 391
 Florescano F. 86
 Franco Francin J. 454
 Fray Juan de Torquemada 74
 Friede J. 55, 67
 Furlado C. 240, 245
- Galdames L. 295
 Galvez I. 360
 Garcés J. E. 299
 García Payón Y. 32
 Garran J. Ph. 116
 Gibson Ch. 91
 Gomez D. 51
 Gongora M. 57, 95
 Gonzalez Rodriguez A. I. 86
 Gonzalez Viguez C. 404
 Graty A. de 258
 Gros Espiell H. 190
 Groussak P. 68
 Guillen G. E. 117
- Hagen V. M. 22
 Hamilton E. J. 99

- Hanke L. 82, 99, 106
Harrison J. P. 328, 338
Harrison Ph. D. 166
Hashbrouck A. 175
Heinl N. C. 145, 153
Ilcinl R. D. 146, 153, 444, 447
Hemming J. 71
Herring H. 99, 100
Hrdlicka A. 15
Huerta Preciado M. T. 117
Izquierdo F. G. 298, 300, 308
Jerez Fr. de 66
Jiménez R. 376
Jobet J. C. 303
Kapsoli W. 121
Karnes L. T. 393, 399, 401
Kellenbenz H. 239
King J. 93
Kirchoff 15
Kirkpatrick F. A. 84
Klein H. S. 90, 387, 388
Knowlton R. L. 340
Konetzke K. 78, 79, 81, 89
Lahmeyer L. E. 108, 111
Landaeta M. K. 321, 324
Latane J. 462
Lecuna V. 176, 182, 370
Lefevre E. 232, 235
Leff. N. H. 245
Lepkowski T. 141, 150, 153, 441
Le Riverend J. de 59, 86
Leru L. de 106
Leviller R. 78
Leyburn J. G. 153
Lievano Aguirre I. 331, 334, 335
Lockey J. B. 465
Lohmann Villena G. 84
Loza Macias M. 219
Lumbreras L. G. 16, 17, 104
Mac-Lean Esténos R. 364
Magner J. A. 236
Manning W. R. 403
Mansfield E. D. 221
Marett R. 468
Marino Hernandez F. 450, 451
Mariñas O. 149, 152
Mauro F. 239
Mayer B. 217
Me Bride G. 217
Mello Moraes 196
Mendieta y Nuñez L. 34
Merk F. 423
Miranda Basurdo 48
Montes A. M. 397, 400
Moral P. 154, 444, 445
Morales Padron F. 64
Morrison S. E. 58
Mörner M. 93
Nicholls D. 422, 423, 443, 446
Nogués A. 269
Nonualco J. 414—416
Normano J. F. 238
Ols Capdequi J. M. 79, 80, 87, 90
Pacheco Quintero J. 459
Palavachini F. 218
Pannetieri J. 259
Parish W. 259
Parra-Pérez C. 158
Phelps G. 279
Pla J. 278
Paredes Ferrer A. 310, 329
Pereira M. 451
Perez Aguirre A. 336, 339, 344
Perez Armendaris V. 35
Perkins B. 188
Pezucla J. de 424—428
Piel J. 357, 361
Pierre D. 106
Pierre-Charles G. 446
Pizarro P. 66
Pletcher D. M. 223
Pons Muzzo G. 365
Ponce Sangines C. 21, 22
Ponte Dominguez F. J. 451
Portell Vilá H. 429
Portilla M. L. 64
Portugal Orliz M. 21
Prescott W. H. 64
Price-Mars J. 141
Saint-Victor J.-B. 153
Sagra R. de 424, 425
Salazar R. 395
Sallinas Garsia T. 18
San Cristobal E. 362
Sánchez-Albornoz N. 94
Sánchez-Bella I. 77, 78, 81, 93, 99
Sans L. E. 92, 98
Santivanez J. M. 380, 384
Saravia Viejo 78
Schäfer E. 77, 78, 81, 84, 100
Schmittl P. A. 279
Schneider J. 239
Semo E. 102
Silva Otero A. 460
Silva Santisteban F. 98
Simon P. 52
Simpson L. B. 87
Siso Martínez J. M. 318
Stewart W. 366, 369
Street J. 164
Tello J. C. 17
Temperley H. 190
Traversoni A. 286
Triana M. 54
Urzua Valenzuela G. 295
Van Aken M. 466
Vázquez I. A. 272
Vera A. 351
Vianna Filho L. 243
Vidales C. 135
Vigil J. M. 50
Villacorta A. G. 407
Villamil H. 345, 346, 348
Villaran M. 88
Volkl E. 189, 209
Ward H. G. 217
Wassen S. H. 53
Williams J. H. 265, 278
Whitaker A. P. 253
White R. A. 268—272, 278
Wilgus A. C. 92
Winius G. D. 70
Wisner F. 270, 271
Yeper J. M. 466
Yoakum H. K. 221
Zavala S. 88, 91
Zavaleta Mercado R. 389
Zorrilla L. G. 227
Zum Felde A. 287
Zuniga Huerte A. 398, 399

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Калмыков Н. П.</i>	

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА	Часть первая
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН	
ДО СОЗДАНИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ	

Глава 1	
ДРЕВНЯЯ АМЕРИКА	15
<i>Зубрицкий Ю. А.</i>	
Древнейшие цивилизации Центральных Анд	16
Древнейшие государства Месоамерики	24
Древние государства на Американском континенте	35
Новые районы формирования государственности	50

Глава 2	
ЗАВОЕВАНИЕ АМЕРИКИ И ОБРАЗОВАНИЕ ИСПАНСКОЙ И ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ	55
<i>Созина С. А.</i>	
Колониальные захваты Испании	55
Колониальные завоевания Португалии и других европейских держав в Южной Америке в XVI веке	70
Завоевание Америки и становление колониальных империй	73

Глава 3	
ИСПАНСКАЯ АМЕРИКА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (XVI—XVIII века)	76
<i>Созина С. А.</i>	
Управление колониями	76
Формы колониальной эксплуатации	82
Этнические процессы в Испанской Америке	93
Экономическое развитие колоний	96
Реформы Карла III и закрепление колониального статуса Испанской Америки	102

Глава 4	
КОЛОНИАЛЬНАЯ БРАЗИЛИЯ	106
<i>Калмыков Н. П.</i>	

Глава 5	
НАРОДНЫЕ АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ (XVI—XVIII ВЕКА)	113
<i>Созина С. А.</i>	
Освободительная борьба индейских народов против колонизаторов в XVI—XVII веках	113
Обострение социальных противоречий и народные движения XVIII века	120
Антиколониальные движения в канун войны за независимость	125

Глава 6		
ГАИТИ: ОТ КОЛОНИИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА (1789—1818)		141
	<i>Луцков Н. Д.</i>	
Глава 7		
ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСПАНСКИХ КОЛОНИЙ		155
	<i>Альперович М. С.</i>	
Революционное движение 1808—1810 годов и начало вооруженной борьбы		155
Первый этап освободительной войны		157
Освобождение Испанской Америки		174
Итоги и значение войны		188
Глава 8		
БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ БРАЗИЛЬСКОГО НАРОДА (1789—1822)		193
	<i>Калмыков Н. П.</i>	
Глава 9		
РОССИЯ И ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В ИСПАНСКОЙ АМЕРИКЕ		201
	<i>Слэзкин Л. Ю.</i>	

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
(20—70-е ГОДЫ XIX ВЕКА)**

Часть вторая

Глава 1		
МЕКСИКА ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА		217
	<i>Альперович М. С.</i>	
Экономическое положение. Политическая обстановка в конце 20-х—начале 30-х годов		217
Аннексия Техаса и война с США		221
Буржуазная революция и гражданская война (1854—1860)		227
Борьба против иностранной интервенции (1861—1867)		230
Глава 2		
БРАЗИЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ (1822—1889)		237
	<i>Калмыков Н. П.</i>	
Глава 3		
АРГЕНТИНА В 20—60-х ГОДАХ XIX ВЕКА		248
	<i>Селиванов В. Н.</i>	
Политическая борьба в 20-х годах		248
Диктатура Росаса (1835—1852)		252
Начало консолидации аргентинского государства		261
Глава 4		
ПАРАГВАЙ В ПЕРИОД ДИКТАТУРЫ ФРАНСИИ И ЛОПЕСОВ (1814—1870)		265
	<i>Альперович М. С.</i>	
Установление диктатуры. Политика правительства Франции		265
Социально-экономическое развитие в 20—30-х годах		271
Правление Лопесов (40—60-е годы) и Парагвайская война		275
Глава 5		
УРУГВАЙ (1815—1874)		281
	<i>Тихменев В. Е.</i>	
Аграрная реформа Артигаса и борьба за независимость (1815—1828)		281
Восточная республика Уругвай (1828—1874)		285

Глава 6	
ЧИЛИ В 30—70-е ГОДЫ XIX ВЕКА .	295
<i>Комаров К. В.</i>	
Глава 7	
ВЕНЕСУЭЛА В 30—60-х ГОДАХ XIX ВЕКА	309
<i>Ильина Н. Г.</i>	
Итоги войны за независимость. Экономическое и политическое развитие страны в 30-е годы	309
Обострение внутривполитической борьбы в стране в 40—50-е годы	316
Федеральная война 1859—1863 годов и ее итоги	321
Глава 8	
КОЛУМБИЯ В 30—60-е ГОДЫ XIX ВЕКА .	326
<i>Ильина Н. Г.</i>	
Становление независимого колумбийского государства. Обострение обстановки в 40-е годы	326
Революция «сверху» и «республика ремесленников»	333
Внешняя политика в 30—60-е годы XIX века	341
Глава 9	
ЭКВАДОР (30—70-е ГОДЫ XIX ВЕКА)	344
<i>Гончаров В. М.</i>	
Особенности экономического развития страны	344
Политическая борьба. Консерваторы у власти	349
Глава 10	
ПЕРУ В 1826—1879 ГОДАХ .	354
<i>Янчук И. И.</i>	
Становление государства	354
Революция 1854—1855 годов	359
Крах мнимого «процветания»	365
Глава 11	
РЕСПУБЛИКА БОЛИВИЯ (1825—1879)	370
<i>Созина С. А.</i>	
Реформы Боливара и Сукре (1825—1828)	370
Санта-Крус и создание Перуано-Боливийской конфедерации (1829—1839)	374
Положение Боливии в середине XIX века	380
Обострение политического кризиса. Каудильо у власти (1847—1879)	384
Глава 12	
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА (1821—1860)	391
<i>Леонов Н. С.</i>	
Провозглашение независимости (1821—1826)	391
Борьба за единство под руководством Франсиско Морасана (1827—1842)	396
Диктатура Рафаэля Карреры - «мрачное тридцатилетие»	405
Борьба против интервенции США в 1855—1860 годах	412
Глава 13	
КУБА В 30—70-е ГОДЫ XIX ВЕКА	418
<i>Ивкина Л. А.</i>	
Социально-экономическое и политическое развитие в 30- 50-е годы	418
Предпосылки Десятилетней войны за независимость (1868—1878)	424
Начальный этап Десятилетней войны за независимость и создание Кубинской Республики (октябрь 1868—апрель 1869)	430

Освободительная борьба (апрель 1869—октябрь 1873)	434
Завершающий этап войны за независимость (1874—1878)	437
Глава 14	
ГАИТИ В 1818—1888 ГОДАХ	440
<i>Луцков Н. Д.</i>	
Глава 15	
ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 1844—1865 ГОДАХ	449
<i>Ларин Е. А.</i>	
Глава 16	
СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	458
<i>Глинкин А. Н.</i>	
Историческое значение Панамского конгресса	458
Угроза суверенитету молодых независимых государств и их борьба за сотрудничество	466
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	470
<i>Лавров Н. М.</i>	
БИБЛИОГРАФИЯ	475
<i>Лагоцка О. Н.</i>	
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	506

SUMARIO

INTRODUCCIÓN	5
<i>Kalmikov N. P.</i>	

AMÉRICA LATINA DESDE LOS TIEMPOS ANTIGUOS HASTA LA FORMACIÓN DE LOS ESTADOS INDEPENDIENTES	Primera parte
--	----------------------

Capítulo 1	
AMÉRICA ANTIGUA	15
<i>Zubritskiy Yu. A.</i>	
Las civilizaciones antiguas de los Andes centrales	16
Los estados antiguos de Mesoamérica	24
Nuevas zonas de formación de estados	50
Capítulo 2	
LA CONQUISTA DE AMÉRICA Y LA FORMACIÓN DE LOS IMPERIOS COLONIALES ESPAÑOL Y PORTUGUES	55
<i>Sosina S. A.</i>	
Conquistas coloniales de España	55
Conquistas coloniales de Portugal y otras potencias europeas en América del Sur en el siglo XVI	70
La conquista de América y la consolidación de los imperios coloniales	73
Capítulo 3	
HISPANOAMÉRICA EN EL PERÍODO COLONIAL (SIGLOS XVI—XVIII)	76
<i>Sosina S. A.</i>	

Gobernación de las colonias	76
Formas de la explotación colonial	82
Los procesos étnicos en Hispanoamérica	93
El desarrollo económico de las colonias	96
Reformas de Carlos III y fortalecimiento del status colonial de Hispanoamérica	102

Capítulo 4

EL BRASIL COLONIAL	106
<i>Kalmikov N. P.</i>	

Capítulo 5

LOS MOVIMIENTOS ANTICOLONIALES POPULARES EN HISPANOAMÉRICA (LOS SIGLOS XVI—XVIII)	113
--	-----

Sosina S. A.

La lucha de liberación de los pueblos indígenas contra los colonizadores en los siglos XVI—XVII	113
--	-----

La agudización de las contradicciones sociales y los movimientos populares en el siglo XVIII	120
--	-----

Los movimientos anticoloniales en vísperas de la Guerra de Independencia	125
--	-----

Capítulo 6

HAITI: DE COLONIA HASTA LA FORMACIÓN DEL ESTADO INDEPENDIENTE (1780—1818)	141
--	-----

Luzkov N. D.

Capítulo 7

LA GUERRA DE INDEPENDENCIA DE LAS COLONIAS ESPAÑOLAS	155
--	-----

Alperovich M. S.

El movimiento revolucionario de 1808—1810 y el inicio de la lucha armada	155
--	-----

La primera etapa de la guerra de liberación	157
---	-----

La liberación de Hispanoamérica	174
---	-----

El balance y la significación de la guerra	188
--	-----

Capítulo 8

LA LUCHA POR LA INDEPENDENCIA DEL PUEBLO BRASILEÑO (1789—1822)	193
--	-----

Kalmikov N. P.

Capítulo 9

RUSIA Y LA GUERRA DE INDEPENDENCIA EN HISPANOAMÉRICA	201
--	-----

Stezkin L. Yu.

CONSOLIDACIÓN Y DESARROLLO
DE LOS ESTADOS DE AMÉRICA LATINA
(AÑOS 20—70 DEL SIGLO XIX)

Segunda parte

Capítulo 1

MÉXICO EN EL SEGUNDO TERCIO DEL SIGLO XIX	217
---	-----

Alperovich M. A.

La situación económica. El estado político a finales de los años 20 — a principios de años 30	217
---	-----

Anexión del Texas y la guerra con EE.UU	221
---	-----

La revolución burguesa y la guerra civil (1854—1860)	227
--	-----

La lucha contra la intervención extranjera (1861—1867)	230
--	-----

Capítulo 2

EL IMPERIO DEL BRAZIL (1822—1889)	237
---	-----

Kalmikov N. P.

Capítulo 3	
ARGENTINA EN LOS AÑOS 20 -60 DEL SIGLO XIX	248
<i>Selivanov V. N.</i>	
La dictadura de Rosas (1835—1852)	252
El inicio de consolidación de la Nación Argentina	261
Capítulo 4	
EL PARAGUAY DURANTE LA DICTADURA DE FRANCIA Y DE LOS LOPES (1814—1870)	265
<i>Alperovich M. S.</i>	
Establecimiento de la dictadura. Política del gobierno de Francia	265
El desarrollo socio-económico en los años 20—30	271
El gobierno de los Lopes (1840—1860) y la Guerra del Paraguay	275
Capítulo 5	
URUGUAY (1815—1874)	281
<i>Tijmenev V. E.</i>	
La reforma agraria de Artigas y la lucha por la Independencia (1815—1828)	281
República Oriental del Uruguay (1828—1874)	285
Capítulo 6	
CHILE EN LOS AÑOS 30—70 DEL SIGLO XIX .	295
<i>Komarov K. V.</i>	
Capítulo 7	
VENEZUELA EN LOS AÑOS 30—60 DEL SIGLO XIX .	309
<i>Ilijna N. G.</i>	
Los resultados de la guerra de independencia. El desarrollo económico y político del país en los años 30	309
Agudización de la lucha política en los años 40—50	316
La Guerra Federal de 1859—1863 y su balance	321
Capítulo 8	
COLOMBIA EN LOS AÑOS 30—60 DEL SIGLO XIX	326
<i>Ilijna N. G.</i>	
Formación del estado colombiano independiente. Agudización de la situación en los años 40	326
La revolución desde «arriba» y «la república de los artesanos»	333
La política exterior en los años 30—60 del siglo XIX	341
Capítulo 9	
ECUADOR (1830—1870)	344
<i>Goncharov V. M.</i>	
Las peculiaridades del desarrollo económico del país	344
La lucha política. Los conservadores en el poder	349
Capítulo 10	
EL PERÚ EN 1826—1879	354
<i>Yanchuk I. I.</i>	
La formación del Estado	354
La revolución de 1854—1855	359
El fracaso del «florescimiento» ilusorio	365
Capítulo 11	
LA REPÚBLICA DE BOLIVIA (1825—1879) .	370
<i>Sosina S. A.</i>	

Las reformas de Bolívar y Sucre (1825—1828)	370
Santa-Cruz y la formación de la Confederación peruano-boliviana (1829—1839)	374
La situación en Bolivia en la mitad del siglo XIX	380
Agudización de la crisis política. Los caudillos en el poder (1847—1879)	384
Capítulo 12	
AMÉRICA CENTRAL (1821—1860)	391
<i>Leonov N. S.</i>	
Proclamación de la Independencia (1821—1826)	391
La lucha por la unificación encabezada por Francisco Morazán (1827—1842)	396
La dictadura de Rafael Carrera — «30 años funestos»	405
La lucha contra la intervención de los E.F.U.U. (1855—1860)	412
Capítulo 13	
CUBA EN LOS AÑOS 30—70 DEL SIGLO XIX	418
<i>Ivkina L. A.</i>	
El desarrollo socio-económico y político en los años 30—50	418
Las premisas de la Guerra de diez años por la Independencia (1868—1878)	424
El inicio de la Guerra de diez años por la Independencia y la formación de la República de Cuba (octubre de 1868—abril de 1869)	430
La lucha libertadora (abril de 1869—octubre de 1873)	434
La etapa final de la Guerra por la Independencia (1874—1878)	435
Capítulo 14	
HAITI EN 1818—1888	440
<i>Lutskov N. D.</i>	
Capítulo 15	
LA REPUBLICA DOMINICANA (1844—1865)	449
<i>Larin E. A.</i>	
Capítulo 16	
LOS PAISES LATINOAMERICANOS EN LAS RELACIONES INTERNACIONALES	458
<i>Glinkin A. N.</i>	
La importancia histórica del Congreso del Panamá	458
La amenaza a la soberanía de los jóvenes Estados independientes y la lucha por la colaboración	466
CONCLUSIÓN	470
<i>Lavrov N. M.</i>	
BIBLIOGRAFÍA	475
<i>Lagotzka O. A.</i>	
INDICE DE NOMBRES	506

Научное издание

ИСТОРИЯ
ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКИ

Доколумбова эпоха —
70-е годы XIX века

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства
Н. Ф. Лейн
Художник
Е. А. Михельсон

Художественный редактор
Н. Н. Михайлова

Технические редакторы
Л. Н. Золотухина, Н. Н. Кокина

Корректор
Л. А. Иванова

ИБ № 37957

Сдано в набор 11.03.90
Подписано к печати 21.08.90
Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1
Гарнитура литературная
Печать офсетная
Усл. печ. л. 41,92. Усл. кр. отт. 41,92.
Уч.-над. л. 49,7
Тираж 3450 экз. Тип. зак. 197
Цена 7 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12